

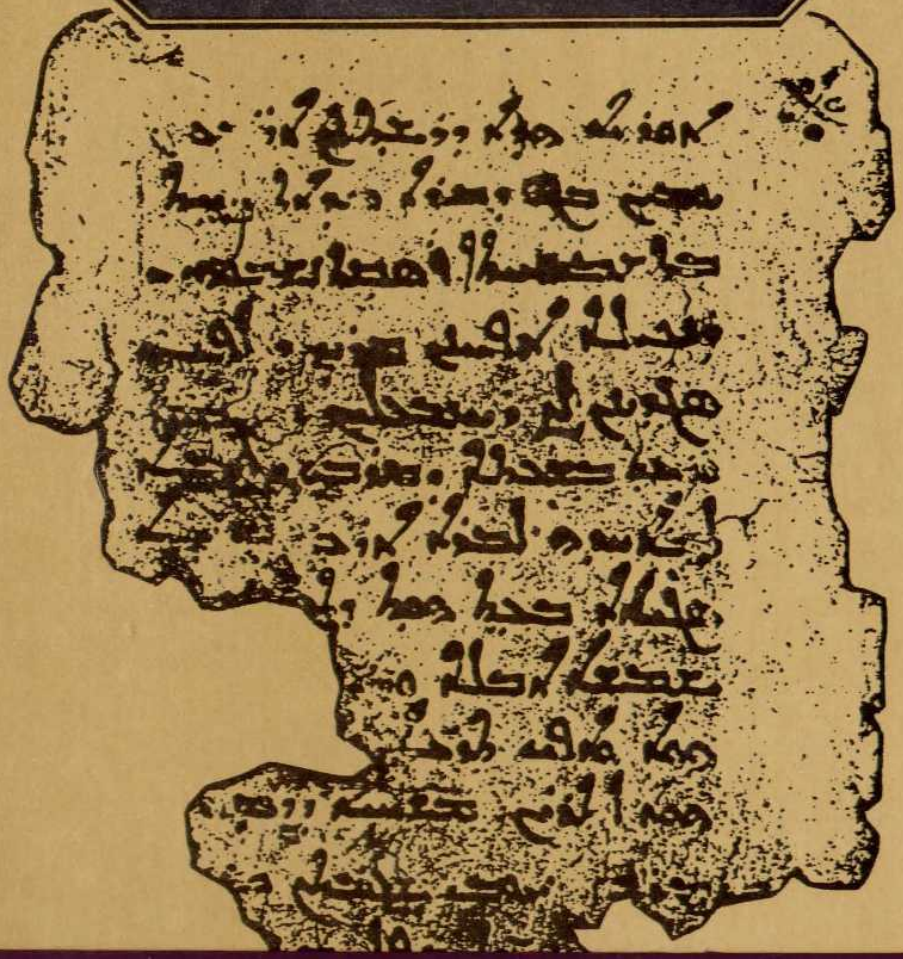
СИРИЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. В. Пигулевская

Н. В. Пигулевская

СИРИЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

СИРИЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Исследования и переводы

С.-ПЕТЕРБУРГ
2000

Книга содержит исследования и переводы памятников сирийской средневековой историографии, выполненные известным отечественным ученым чл.-корр. АН СССР, профессором Н. В. Пигулевской (1894—1970). Автор нескольких монографий по истории Византии и Ближнего Востока, Н. В. Пигулевская известна прежде всего как уникальный специалист, внимание которого было сосредоточено на изучении сирийской культуры. Придавая важное значение сирийской исторической литературе, она предполагала посвятить ей специальное исследование, но не успела его подготовить. В книгу включены работы Н. В. Пигулевской, опубликованные ранее небольшими тиражами и в изданиях малодоступных. Объединенные в одном томе, они дадут новым поколениям ученых представление о сирийской исторической традиции, роль которой в историографии средневековья еще не оценена по достоинству.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 99-01-16183д

ISBN 5-86007-218-X

© Н. В. Пигулевская, 2000
© «Дмитрий Буланин», 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сирийская историография является частью большой литературы, которая написана на сирийском литературном языке, сложившемся на основе центрального арамейского наречия семитской языковой группы. Она создавалась сирийцами-христианами, очагом культуры которых стало государство Осроэна со столицей в Эдессе (Урхе), возникшее в эпоху эллинизма в северо-западной Месопотамии. Исторические и географические условия способствовали распространению этой культуры не только по всей Месопотамии и приморской Сирии, но и далеко за пределами Осроэны — в Иран, Среднюю Азию, Китай и Индию.

Сирийская историческая литература представляет собой сложное неоднородное явление и включает сочинения различных жанров, охватывая период со II по XIV в.

К ней можно отнести как собственно исторические сочинения — хроники, описания истории отдельных регионов или тех или иных событий, так и другие памятники словесности, которые хотя своей первоначальной целью и не ставили «писание истории», однако вполне могут быть причислены к разряду исторических источников: это жития святых и патерики, исторические романы и описания путешествий, послания, гомилии и гимны на исторические темы и др.

Сирийская историческая традиция уходит своими корнями в первые века нашей эры. Известно, что Бар Дайсан, писатель и философ, живший в Эдессе на рубеже II—III вв. нашей эры, создал два исторических сочинения: «Hypomnemata Indica» и «Историю Армении». В XIII в. сирийская литература пережила свое последнее озарение в творчестве писателя-энциклопедиста Бар Эбрея, прославившегося фундаментальной «Всеобщей историей» в трех томах. В этих пределах — от Бар Дайсана до Бар Эбрея, включающих собственно всю историю сирийской классической литературы, известен длинный ряд писателей-авторов исторических сочинений, а также несколько анонимных хроник.

Своеобразное явление сирийской историографии — городские хроники, такие как истории городов Эдесса, Арбела или

Карха-де-бет Селох, где отразились местные традиции и потому содержатся сведения об основании городов, их планировке, строительстве и событиях социально-политической жизни. Важно подчеркнуть в связи с этим, что городские хроники принято считать явлением, присущим позднему средневековью. В сирийской историографии они известны с VI в.

Как уже было замечено, к историческим источникам могут быть отнесены и сочинения иных, «внеисторических» жанров. С этой точки зрения многими учеными были использованы и высоко оценены сирийские памятники агиографии — жития, мученичества и патерики. Так, на основании мучеництв сиро-персидского цикла, включенных в сборник житий Маруты Майферкатского (V в.), немецкий ученый Г. Виснер, например, реконструировал во всех деталях ход судебного процесса над христианами. Н. В. Пигулевская в своей книге «Город Ирана в раннем средневековье» в качестве источника для исследования экономической жизни, в частности организации ремесленного производства и податной системы в городах средневекового Ирана, использовала эти же тексты. На основании патериков, представляющих сборники назидательных повествований о жизни христианского монашества, таких как «Книга начальников» Фомы Маргского (IX в.) и другие, Н. В. Пигулевская в труде «Культура сирийцев в средние века» смогла дать полную характеристику системы образования у этого народа.

Исторический роман в сирийской литературе представлен несколькими образцами. Наиболее значительным и интересным может быть признан так называемый «Роман об Юлиане Отступнике», написанный в Эдессе в VI в. неким монахом. Первая часть этого сочинения, от которой почти ничего не сохранилось, повествовала об императоре Константине и его сыновьях, вторая — рассказывает о Римском епископе Евсевии и его страданиях от руки Юлиана Отступника, третья — содержит историю Иовиана, ставшего после гибели нечестивого Юлиана императором Византийской империи.

Художественный вымысел в повествовании явно торжествует над исторической достоверностью. Однако этот и другие романы, как и агиографические тексты, могут дать хорошее представление об образе жизни, мышлении и чертах быта современников автора.

Гораздо более историчны сочинения типа «хождений». К таковым в сирийской литературе относится «История мар Ябалахи III и раббан Саумы», рассказывающая о путешествии двух монахов-несториан из Пекина в Багдад. Паломники, мечтающие дойти до Иерусалима, пересекли весь азиатский материк, а один из них побывал даже в Риме, Париже, Бордо и других европейских городах. «История» содержит богатый фактический материал о событиях на Ближнем Востоке в конце XIII—начале XIV в., о быте и верованиях различных народов, встреченных монахами на их долгом пути.

Исторические сведения могут быть извлечены из, казалось бы, сугубо литературных форм: стихотворных гомилий, гимнов, поэм. Первым в ряду таких поэтических произведений следует назвать «Низибийские песнопения» — цикл стихотворений, посвященных сирийскому городу Низибии и соседним с ней Эдессе, Харрану и др. Они принадлежат перу сирийского поэта Ефрема Сирина (IV в.), значение творчества которого вышло далеко за рамки его родной сирийской словесности и его времени.

Начало изучению сирийской историографии было положено в середине XVIII в., когда один из сирийцев-маронитов Иосиф Симон Ассемани опубликовал наряду с другими сочинениями сирийских авторов в своей знаменитой Bibliotheca Orientalis «Эдесскую хронику», проанализировал текст, известный теперь под заглавием «Хроника» псевдо-Дионисия Телльмахрского, а также изложил содержание нескольких летописей XII—XIV вв., связанных с историей несторианства.

В конце XVIII в., благодаря изданию П. Брунса и Г. Кирша, ученый мир смог впервые познакомиться с «Сирийской хроникой» Бар Эбрея. Однако интенсивная работа по изданию сирийских исторических сочинений началась по существу лишь в конце XIX—начале XX в. За первую половину нашего столетия большая серия их была опубликована французским ученым Ж. Шабо в Corpus scriptorum christianorum orientalium. Он был причастен к изданию и исследованию хроник псевдо-Дионисия Телльмахрского, Илии Низибийского, Михаила Сирийца, анонимной хроники XIII в. Тогда же вышло несколько работ, посвященных отдельным историческим памятникам: «Эдесской хронике» (VI в.), «Хронике» псевдо-Иешу Стилита (VI в.), «Хронике» псевдо-Дионисия Телльмахрского (VIII в.) и др. В основном они имели источниковедческий характер, стремясь определить тот круг источников, который влился в текст изучаемых авторов.

В России впервые сочинения историков-сирийцев трудами профессоров Санкт-Петербургской Духовной академии В. В. Болотова и А. П. Дьяконова были высоко оценены с точки зрения своей содержательной стороны. Опубликованные посмертно «Лекции по истории древней церкви» В. В. Болотова вклю-

чают раздел «Церковная история в Сирии», в котором собраны воедино краткие сведения о таких сирийских историографах, как Марута Майферкатский, Иоанн Эфесский, псевдо-Дионисий Тельмахрский. Фундаментальное исследование А. П. Дьяконова «Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды» было посвящено анализу жизни и творчества этого сирийского писателя и общественного деятеля VI в. Базируясь на сочинениях Иоанна Эфесского, А. П. Дьяконов развернул яркую картину монофизитского движения VI в. и показал значительную роль сирийского летописца в политических и церковных событиях того времени.

Однако русских ученых начала нашего века сирийская историческая литература привлекала прежде всего как ценный кладезь сведений для разысканий в области истории христианства, христианской церкви и догматики. Только в работах Н. В. Пигулевской (1894—1970), появившихся к концу 30-х годов XX в., сирийская историография заняла подобающее место в изучении как отдельных регионов и государств — Византии, Ирана, Южной Аравии, Закавказья, Средней Азии, Индии, Китая, так и в «решении общеисторических проблем социальной истории и истории культуры».

Н. В. Пигулевской переведены полностью и включены в исследовательский оборот «Эдесская хроника», «Хроника» псевдо-Иешу Стилита, части «Церковной истории» Иоанна Эфесского, Хроники 1234 г., локальной «Хроники Кархи де бет Селох». Ряд монографий Н. В. Пигулевской, вышедших в 40—60-е годы и посвященных различным проблемам византийской и ближневосточной истории, — «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.», «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков», «Византия на путях в Индию», «Города Ирана в раннем средневековье», «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.» — написан с привлечением богатого материала сирийских исторических сочинений.

Н. В. Пигулевская отметила две главные черты, присущие сирийской историографии, которые и делают ее своеобразным и незаменимым источником, — уникальность многих сообщений, неизвестных по текстам на других языках, с сохранением живых подробностей происшедшего, и отсутствие официозности по сравнению с параллельными греко-византийскими и арабскими авторами.

Круг введенных Н. В. Пигулевской в науку источников, написанных по-сирийски, до сих пор продолжает использоваться в исторических штудиях византинистов и ближневосточников, специалистов по истории Закавказья. Книги и статьи ее учеников: А. Г. Лундина, А. В. Пайковой, И. Н. Лебедевой, Г. Л. Курбатова, Г. Г. Мелконяна, Р. А. Гусейнова, А. И. Колесникова, М. Б. Пиотровского, Л. А. Тер-Петросяна — многочисленны и известны не только профессионалам. Вместе с тем благодаря ее работам определились перспективы дальнейших изысканий по сирийской историографии, позволяющие выделить ряд задач, которые стоят перед исследователями в этой области знания.

Прежде всего предстоит продолжить работу по изданию сирийских памятников, еще до сих пор не опубликованных или опубликованных частично, и переводу их на доступные большему числу специалистов языки. До недавнего времени существовала практика, по которой имеющиеся в рукописи сочинения печатались не полностью, а лишь разделами, представляющими, по мнению издателя, интерес, более выгодными с точки зрения содержащейся в них информации. В таком виде, например, была опубликована «Всемирная история» автора VII в. Иоханнана бар Пенкайэ, являющаяся одним из ранних образцов сирийской всемирной хроники и уже поэтому представляющая интерес именно в полном объеме. Подобные фрагментарные публикации не могут создать целостного впечатления о памятнике и его авторе, методе его работы с источниками, не способствуют комплексному изучению текста.

Трудности, сопровождающие издание сирийских исторических сочинений, характерны для любой средневековой литературы и связаны с плохой сохранностью рукописей, отсутствием преемственной рукописной традиции. До нас дошло лишь незначительное количество произведений большой плеяды сирийских летописцев, о существовании некоторых из них, таких как Иоханнан бар Самуил, Даниил бар Моисей из Тур-Абдина, мы знаем только по упоминаниям их имен. Многие из памятников сирийской исторической словесности знакомы нам лишь по нескольким сохранившимся отрывкам. Однако сирийская историография обладает особенностью, характерной для большинства исторических сочинений эпохи средневековья, которая дает нам возможность судить о произведениях сирийских летописцев, не дошедших до нас. Она заключается в том, что историографы-сирийцы, составляя свой труд, инкорпорировали в него без изменений или, наоборот, с изменениями — сокращениями, дополнениями и другого рода обработками — наиболее значительные и интересные, с их точки зрения, сочинения авторов, своих предшественников.

Так, например, псевдо-Дионисий Тельмахрский при написании своей книги использовал: «Церковную историю» Евсе-

вия Кесарийского, «Хронографию» Юлия Африкана, «Эдесскую хронику» и сочинения псевдо-Иешу Стилита и Иоанна Эфесского, «Церковную историю» Сократа и «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, сирийскую «Александрию» и «Пещеру сокровищ», «Легенду о семи спящих отроках эфесских», «Послание» Симеона Бетаршамского и целый ряд других подлинных документов. Летопись псевдо-Дионисия Телльмахрского, в свою очередь, сохранилась в составе «Хроники» Михаила Сирийца, у него же обнаруживаются отрывки из «Хроники» Иакова Эдесского и других писателей.

Данное обстоятельство усложняет подготовку изданий сирийских исторических памятников, поскольку в этой работе должна приниматься во внимание не только прямая рукописная традиция конкретного памятника, но и ее косвенное отражение в рукописях последующих по времени сочинений.

С проблемой такого критического издания произведений сирийских историков тесно связан вопрос источниковедческого анализа и установление того круга текстов, которые вошли в сочинение того или иного автора. Исследование сирийской историографии с этой точки зрения осложняется следующим: сирийцы всегда были многоязычны. Помимо сирийского в доисламский период вторыми языками для них являлись греческий, латинский, среднеперсидский, армянский, после VII в. к ним добавился и арабский. С греко-византийской историографией сирийцы были знакомы как по переводам на сирийский, известны, например, переводы «Церковных историй» Евсевия Кесарийского и Захарии Ритора, так и в оригиналах. Установлено уже, что сирийцы, писавшие экклезиастики, использовали соответствующие греческие тексты Евсевия Кесарийского, Сократа, Феодорита Кирского. Следы греко-византийской историографической традиции можно обнаружить и в «Эдесской хронике», и в «Хронике» псевдо-Иешу Стилита, и в «Хронике» псевдо-Дионисия Телльмахрского. Н. В. Пигулевская во многих статьях отмечала насущную необходимость последовательной работы над сирийскими и греческими историческими сочинениями, их сравнительный анализ, необходимый для того, чтобы выявить не дошедшие до нас источники.

Важно подчеркнуть, что связь греко-византийской и сирийской историографических литератур не являлась односторонней. Сирийцы внесли существенный вклад в формирование византийской историографической традиции, многие выдающиеся представители которой (Иоанн Малала, Евагрий) были по происхождению сирийцами. Есть предположения, что отдельные византийские историки, например Феофан (VIII—

IX вв.), использовали сирийские источники в греческой редакции. Взаимодействие сирийской и греческой историографических традиций наблюдается при сопоставлении сочинений псевдо-Иешу Стилита и Прокопия Кесарийского.

Начиная с VIII—IX вв. с переходом сирийцев к арабскому языку намечается процесс взаимодействия сирийской и арабской письменных культур. Так, сирийский историк рубежа XI в. Илия бар Шинайя написал свой труд по-сирийски и по-арабски, расположив текст в двух параллельных колонках. «Хроника» Михаила Сирийца была переведена на арабский язык. «Сирийская хроника» Бар Эбрея была переработана автором для читателей-мусульман и им самим же переложена на арабский. Сирийцы Мари ибн Сулейман и Амр ибн Матта (XII в.) написали свои труды по истории несторианства по-арабски. В переводе на арабский язык известны и сирийские исторические сочинения более раннего времени, в частности исторический роман об императоре Константине и его трех сыновьях (VI в.), который излагают ат-Табари и Ибн-ал-Асир. Сирийцы способствовали развитию арабской историографии не только своими сочинениями, но оказались посредниками в передаче арабам общих принципов античной и греко-византийской историографии.

Вообще, изучение сирийского влияния в процессе возникновения и развития исторической традиции у соседей сирийцев — армян, арабов или других народов, включившихся в орбиту их культурного влияния, может стать темой не одного специального исследования.

Если со стороны содержания сирийские исторические источники уже по достоинству оценены и постоянно используются в научных разысканиях, то многочисленные вопросы, связанные с выяснением их отличительных особенностей, методов написания, формы, не только не разрешены, но даже еще и не поставлены. А именно такие проблемы в последнее время все больше привлекают внимание специалистов по средневековым историографиям, интерпретирующих с этих точек зрения византийский и западноевропейский материал.

В сирийской литературе не известны какие-либо произведения, излагающие теорию сирийской историографии. Тем не менее по высказываниям сирийских историков, разбросанным по страницам их трудов, можно уяснить отдельные принципы, которым они следовали или стремились следовать. Так, псевдо-Дионисий Телльмахрский критикует тех своих предшественников, которые, по его мнению, «писали свои истории кратко и

отрывочно, не соблюдая точности времени или последовательности событий».

Иоанн Эфесский, епископ-монофизит, извиняясь перед читателями за нестройный и беспорядочный вид своей «Истории», писал: «Большая часть этих повествований была написана именно в то время, когда гонение продолжалось, и среди затруднений, причинявшихся гнетом последнего, оказалась даже необходимость, чтобы друзья убирали листы, на которых были написаны эти главы, и все другие части сочинения и скрывали их в различных местах, где они иногда оставались по два или три года. Поэтому, когда встречались события, которые автор желал упомянуть, могло случиться, что он о них отчасти говорил прежде, но у него не было под руками бумаг или заметок, по которым можно было прочитать и узнать, были ли они описаны или нет. Если, следовательно, он не помнил, что внес их в свою книгу, то возможно, что как-нибудь позднее он снова приступал к подробному их изложению, и поэтому случается, что об одном и том же рассказывается не в одной главе, а в нескольких, даже и после он не находил времени для того, чтобы гладко и ясно изложить их в стройном рассказе».

Автор «Хроники» псевдо-Дионисия так сообщает о методе своей работы: «Мы объездили многие места, но мы не нашли ничего, написанного тщательно, но только кое-что. Также мы выслушали еще от древних старцев то, что они видели, мы пожелали собрать и расположить события одно за другим в таком порядке».

Его дополняет псевдо-Иешу Стилит: «Но то, что я сообщаю в этой книге, таково, что все люди, которые находятся в нашей области, засвидетельствуют, что это правда».

Из подобных высказываний можно видеть, что историки-сирийцы отстаивают фактографичность и правдивость описания, его связность. Следует отметить также, что при обильном использовании сирийскими летописцами столь разнообразных письменных источников, при изображении событий текущих или недавних они широко и охотно вставляли в свои труды свидетельства очевидцев, живые рассказы непосредственных участников событий, а зачастую — собственные наблюдения и впечатления. Поэтому их повествования несут на себе отпечаток авторской индивидуальности, содержат автобиографические черты и отличаются яркой эмоциональной окраской.

О каждом из сирийских хронистов можно сказать, что он вращался в гуще событий, писал о злободневных проблемах современного ему общества, часто расходясь в трактовке событий с официальной точкой зрения. Сирийцы солидарны с

византийскими историографами, проводящими в своих сочинениях «закон автопсии», по которому наивысшую ценность и смысл исторического повествования надо видеть в сообщениях свидетелей событий. Сирийские авторы выполняют требование и теоретиков античной историографии — Полибия, Дионисия Галикарнасского, Лукиана — писать на основании личных наблюдений и рассказов очевидцев, ничего не придумывая от себя, изложение вести последовательно.

От теоретиков античной историографии сирийцы в качестве основного принципа унаследовали и то, что всякое историческое сочинение должно преследовать прежде всего дидактические, назидательные цели. Так, уже цитированный выше автор «Хроники» псевдо-Дионисия пишет: «Но не огорчит избранных и богобоязненных, в один ли год или годом и двумя позднее (произошли события), но достаточно для богобоязненных, чтобы они видели наказания предшествующих битв, чтобы они отвратились от злодейства, дабы и их не постигли такие же наказания».

Интересно проследить, как формировались и последовательно развивались в сирийской историографии перечисленные принципы, установить, прямой или опосредованной через греко-византийскую была роль в этом процессе античных теоретиков историописания. В связи с этим можно заметить, что о знании сирийцами античной исторической литературы свидетельствуют сохранившиеся в переводе на сирийский фрагменты Плутарха и Лукиана.

Особую тему в изучении сирийской историографии может составить разрешение вопроса об отношении сирийцев к хронологии и вообще ко времени в исторической литературе. Здесь они диаметрально расходятся с византийскими авторами, у которых современные исследователи обнаруживают отсутствие интереса к хронологии, пренебрежение ею, что принято объяснять тенденцией к обобщению и дидактике, когда уроки истории должны носить надвременной характер. Сирийские летописцы, напротив, сохранили идущее, вероятно, от архивных документов стремление к точной датировке событий. Эта черта вообще стала приметной особенностью сирийской письменной культуры: сирийские рукописи, как правило, датированы, иногда даже сразу по нескольким хронологическим системам, часто с точностью до дня недели, в который завершена переписка. Дату имеют не только излагаемые события, в рукописях, содержащих сирийские исторические сочинения, есть схолии, на основании которых можно установить не только их временные рамки, но и хронологию тех источников, которые в них входят,

причем выраженную не только цифрами, но и подтвержденную рядом синхронистических событий. Об исключительном внимании сирийцев к вопросам хронологии свидетельствует сохранившееся введение к «Хронике» Иакова Эдесского, в котором он детально обсуждает вопрос о хронологии канонов Евсевия Кесарийского и об ошибке в три года в его счислении. Сирийцы, видимо, одни из первых стали составлять хронологические таблицы, пример такой работы — «Хроника» Илии бар Шинайи. Автор XII в. Симеон Шанклава по просьбе своего ученика составил пособие, объясняющее в вопросах и ответах различные эры.

Расходятся сирийские историографы с византийскими и в отношении к пространству. У византийских историков, строго подчиненных принципу автопсии, пространство ограничено, как правило, кругозором автора, горизонтом столицы, византийского императорского двора. Лишь писатели, участники военных походов, такие как Прокопий Кесарийский, имели возможность расширить географические рамки повествования. Сирийцы же, в силу многих обстоятельств, были мобильны, добровольно по торговым и миссионерским делам, а иногда и вынужденно в результате политических и церковных гонений, они отправлялись в различные концы тогдашней ойкумены, описывая все, с чем они знакомились. Почти о каждом сирийском летописце, начиная с Бар Дайсана, прибывшего, по преданию, в Армению и написавшего там историю этой страны, и кончая Ябалахой и раббан Саумой, прошедшими длинной дорогой от Пекина до Багдада, можно рассказывать как о путешественниках.

Некоторые сирийские историки сами сообщают о себе, что они вынуждены были вести бродячий образ жизни. Так, псевдо-Дионисий Телльмахрский пишет: «И мира или покоя я не имею на одном месте, но перехожу из селения в селение, передвигаюсь из области в область, длинными и тяжелыми переходами с остановками и поклонами у ворот правителей, с презрением и бесчестием, связанными с этим».

Топография сирийской исторической литературы разнообразна и точна, что значительно повышает ее информативную ценность. В книге Н. В. Пигулевской «Культура сирийцев в средние века» есть составленный ею на основании «Книги целомудрия» Ишоденаха (XI в.) список из 39 наименований, содержащий перечень городов, селений и монастырей, в которых, по свидетельству этого автора, находились школы.

Важная проблема сирийской историографии, требующая своего разрешения, связана с вопросом о мировоззрении сирийских историков и о философии сирийской истории, определяемыми христианской догматикой. Интересно отметить, что принцип восточного православия, сформулированный в обобщенном виде Иоанном Дамаскином и трактующий соотношение свободы воли отдельного человека в исторических событиях и детерминизм этих событий, обусловленный догматом о всемогуществе Бога, о божественном провидении, занимал сирийцев уже во II в. Свидетельство тому «Книга законов стран», вышедшая из философской школы Бар Дайсана, и приписываемый ему диалог «О душе». Сложность изучения мировоззрения сирийских историков усугубляется их догматическими разногласиями, проявившимися в результате «христологических» споров, когда сирийцы разделились на несториан, монофизитов и мелькитов. Известны высказывания сирийских летописцев, в которых те охаивают исторические сочинения своих предшественников, антагонистов по вере. Важно и интересно выяснить суть таких обвинений, определить, в чем и почему расходятся, например, несториане и монофизиты в трактовке одних и тех же событий.

Отдельную, специальную проблему при исследовании сирийской исторической литературы составляет вопрос об особенностях повествовательной манеры, стиля и композиции сочинений, которые наряду с познавательными и дидактическими ставили и чисто художественные, занимательные цели.

В этой связи следует подчеркнуть, что все упомянутые нами сочинения могут быть разделены на две большие группы: собственно исторические (хроники, летописи и истории) и те, которые, хотя и с оговоркой, все же принято считать в современном понимании скорее беллетристикой: жития, патерики, исторические романы, а также разнообразные поэтические формы. Когда ученые-филологи анализируют средневековые сочинения второй группы, пытаясь проследить процесс становления литературных жанров повести и романа, они не должны игнорировать при этом и чисто исторические тексты, ибо истоки беллетристики, отдельные ее элементы могут быть обнаружены и в кратких хроникальных записях, и на страницах исторических повествований. Свидетельством тому могут служить и яркое сильное описание наводнения в Эдессе, предшествующее погодным записям в «Эдесской хронике», и вставные, порой драматические, а порой и смешные эпизоды в «Хронике» псевдо-Иешу Стилита. О бесцеремонности готов, которые расположились на постой в эдесских домах, хронист не просто сообщает, а повествует с многочисленными и волнующими подробностями. Это уже не простая хроникальная

запись, а живой художественный рассказ, яркий и запоминающийся особенно потому, что автор сам был очевидцем событий. И не случайно, как показала в своем исследовании А. В. Пайкова, один из наиболее беллетризованных сирийских житийных текстов — «Повесть об Евфимии и готе» — столь тесно связан с «Хроникой» псвдо-Иешу Стилита, составляя как бы ее непосредственное продолжение.

Что касается второй группы памятников сирийской историографии (житий, исторических романов), то применительно к ним задача исследователя состоит в том, чтобы полнее использовать их в своих научных разысканиях. Если применение подобных текстов в качестве источников по социально-экономической истории все более широко, вслед за Н. В. Пигулевской, включается в научный оборот, то их использование для изучения культуры, быта, этнографии и т. п. еще не получило своего полного признания. Таким образом, историки, для которых свойственно в их работе обращать внимание на первую группу текстов, и филологи-литературоведы, имеющие дело, в основном, со второй группой памятников, должны объединить свои усилия при изучении сирийской историографии.

Н. В. Пигулевская неоднократно отмечала, что «сирийцы как историки сыграли большую роль, которая до настоящего времени еще не оценена во всей ее значимости». Придавая столь важное значение сирийской историографии, она предполагала посвятить ей специальный труд. Перед современной наукой со всей остротой стоит задача создания такого исследования, в котором было бы всесторонне освещено культурно-историческое значение сирийской исторической литературы. В ожидании подобного труда и в уверенности в том, что он непременно появится, мы предлагаем вниманию читателей книгу, в которой собраны работы Н. В. Пигулевской, касающиеся сирийской исторической традиции. Многие из них были опубликованы малыми тиражами и в изданиях труднодоступных в настоящее время. Объединенные в одном томе они не только дадут новым поколениям исследователей представление о Н. В. Пигулевской как об одном из виднейших отечественных историков нашего века, но и станут толчком к дальнейшим научным разысканиям.

Е. Н. Мещерская

ИССЛЕДОВАНИЯ

О СИРИЙСКОЙ РУКОПИСИ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Древний сирийский перевод «Церковной истории» Евсевия имеет исключительную ценность, по интересу самого документа и по древности рукописи, его представляющих.

Этот перевод имеется в двух основных рукописях: рукописи Российской Публичной библиотеки (сирийская новая серия, № 1) и рукописи Британского музея. Add. 14, 639. Проредактированный по обеим рукописям текст был издан в 1897 г. П. Беджаном,[1] а в следующем 1898 г. В. Райтом и Н. Мак-Лином.[2]

Старшая и более полная рукопись Публичной библиотеки так связана с историей и изданием сирийского перевода Евсевия, что ее история будет в то же время историей всего перевода.

Наша рукопись представляет собою крупную кварту на пергаменте, размером 31 × 23.5 см. 123 листа ее написаны в два столбца, содержащих от 29 до 34 строк, с широкими полями.

Прекрасная, четкая эстрангела читается легко. Главы и их заголовки написаны красными чернилами: конец абзаца или главы отмечается кружками и точками красного и черного цвета. Поверху некоторые листы имеют надпись красным цветом — 'klsystyk'.

Первый лист пергамента является отрывком, не относящимся ко всей рукописи, — это лист, исписанный в три столбца поперек частью теперь сцарапанного текста, писанного эстрангелой VIII в. В. Райт узнал в ней часть сирийской хроники, известной ему в манускрипте Британского музея. Add. 17, 216, fol. 2—14, содержащей известия времен Птолемея Лага и Птолемея Филадельфа.

---

[1] *Eusèbe de Cesarée.* Histoire ecclésiastique / Éditée (en syriac) pour la première fois par P. Bedjan. Leipzig, 1897.

[2] The Ecclesiastical History of Eusebius in Syriac / Edited from the Manuscripts by W. Wright and N. McLean with a collation of the ancient Armenian version by A. Merx. Cambridge. 1898.

Второе фолио (счет ведется в порядке семитического написания справа налево) украшено большим четырехконечным крестом (22 × 13 см) с узорными концами, в виде двух закруглений и шпиля с дополнительным малым крестом, раскрашенным золотистым, теперь уже полинявшим цветом. Под левым поперечником креста находится грубое изображение не то лошади, не то мула малого размера (5 см).

Рукопись имеет большие лакуны, книги 5-я и 7-я имеют много утерянных листов, а книга 6-я отсутствует. Некоторые прорванные листы и середина рукописи имеют бумажные подклейки из сирийской рукописи, с грубым почерком, относимым В. Райтом к XII в. 121 лист подклеен пергаментным листком малого формата (14 см), написанным на армянском языке. В этом наискось срезанном листке 17 строк, написанных золотистыми чернилами, а первая строка красного цвета. С. А. Быховская прочла эту строку, как «Евангелие от Матфея». По палеографическим данным этот листок относится к IX в. (В. Райт).

Характер эстрангелы, которой написана наша рукопись, заставляет думать, что задолго до V в. должен был выписаться такой почерк. Точками отмечены в рукописи буквы; грамматически множественное число отмечается двумя точками поверх слова; одной точкой наверху отмечается сильная огласовка местоимений «он» и «она». Из знаков препинания переписчик употребляет только одну точку.

Последнее фолио 123[b] заканчивает одним столбцом историю Евсевия, а в следующем дает указания на то, при каких обстоятельствах эта рукопись была написана. Труд переписки взял на себя «грешный Исхак», для какого-то именитого и благородного мужа, имя которого в рукописи выцарапано. Окончил он эту переписку в месяце нисане 773 г. селевкидской эры, т. е. в апреле 462 г. н. э. Далее шла пометка города: о слове «город» можно догадываться, но название города, как и имя владельца, уничтожено (fol. 123).

Другая пометка на рукописи ведет нас к другому ее обладателю. Второй лист, собственно первый лист самой рукописи, на котором находится изображение креста, содержит надпись, сделанную более поздней рукой: «Во славу Святой Троицы подарил эту книгу святому сирийскому монастырю Скиты Сахлун, меньший из пресвитеров города Харрана» (fol. 2[a]).

На основании палеографических данных нам представляется возможным отнести эту пометку к X—XI вв.

Итак, первая справка точно датирует наш манускрипт и указывает на то, что он был написан в каком-то городе. Ученые колеблются между Эдессой и Низибией. В. Райт прямо стоит за Эдессу, но доказательств тому не приводит никаких. То, что Сахлун, даритель этой рукописи, был из г. Харрана, географически очень близкого Эдессе, является, по нашему мнению, подтверждением этого взгляда. Что касается сирийского монастыря в Скитской пустыне в Египте, то это конечно монастырь Пресвятой Богородицы, известный своей прекрасной библиотекой.[3]

Дар Сахлуна не является единичным случаем, для X в. известен ряд пожертвований книгами тому же монастырю, как об этом свидетельствуют сохранившиеся на них записи (семьи Абдаллаха из Тагрита, Авраама Александрийского и др.). Это явление связано с общим тяготением сирийцев к культурному центру, расцветшему в эту эпоху в Скитской пустыне.

Из этого монастыря рукопись попала в сокровищницу Публичной библиотеки. В 1853 г. Б. Дорн написал «Über vier von der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek zu St. Pétersbourg im J. 1852 erworbene syrische Handschriften».[4]

В числе четырех рукописей, купленных Публичной библиотекой за 2500 р., был и этот драгоценный манускрипт. Б. Дорн называет и лицо, их продавшее, — Pacho, которому обязан своими сирийскими рукописями и Британский музей. В. Райт говорит о «злоупотреблениях», благодаря которым рукописи не были доставлены в Лондон, а были перепроданы в Петербург.

В 1866 г. над нашей рукописью работал В. Райт. Он сообщает об этом в предисловии к изданию апокрифических деяний апостолов.[5] Он дал описание рукописи и переписал ее, работа, которую он закончил к 1867 г. по указанию Н. Мак-Лина, но издавать ее медлил.

В книге записей Российской Публичной библиотеки отмечено, что 6 сентября 1896 г. сирийская рукопись Евсевия Кесарийского была отправлена в Люттихский университет для работы над ней П. Беджана. Подтверждает это и П. Беджан в предисловии к своему изданию, только начало работы датирует январем 1897 г.

В том же 1897 г. П. Беджан опубликовал свой труд. Он напечатал его несторианским шрифтом и вокализовал, что, по

---

[3] *Райт В.* Краткий очерк истории сирийской литературы / Под ред. акад. П. К. Коковцова. СПб., 1902. С. 220.

[4] *Dorn B.* Über vier von der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek zu St. Pétersbourg im J. 1852 erworbene syrische Handschriften // Mélanges asiatiques. SPb., 1854. T. 2. P. 195.

[5] *Wright W.* Apocryphal Acts of the Apostles. London, 1871. Vol. 1. P. VIII—IX.

его заявлению, представилось нелегкой задачей. Между тем в 1895 г. список и описание нашей рукописи В. Райта были переданы Н. Мак-Лину, который закончил тщательную подготовку материала к печатанию в 1898 г. Кроме рукописи Российской Публичной библиотеки Н. Мак-Лин привлек материалы Британского музея. Прежде всего манускрипт Add. 14, 634, описанный В. Райтом.[6] Это пергаментный список в 130 листов, писанный в два столбца по 26—36 строк четкой эстрангелой VI в. Он содержит первых пять книг «Церковной истории» Евсевия и почти не имеет лакун. Сохранилось только имя переписчика Илии, дата и место переписки выцарапаны, на их месте находится пометка 932 г. знаменитого игумена Моисея Низибийского, собирателя и хранителя библиотеки сирийского монастыря Скитской пустыни. Этой рукописью, переписанной для него каким-то анонимным лицом, пользовался и П. Беджан. Н. Мак-Лин положил ее в основу своего издания для первых пяти книг. Кроме того, он использовал ряд мелких отрывков, хранящихся в Британском музее. Add. 12, 154, 7157, 14, 650 и т. д. (McLean. Preface, p. VII).

Существенной добавкой к сирийскому тексту были подстрочные замечания, данные по древнему армянскому переводу профессором Адальбертом Мерксом. Две рукописи, представляющие этот перевод, относятся к XVII в., третья, тоже поздняя, без даты. Еще до издания сирийского перевода на 4-м Конгрессе ориенталистов во Флоренции в 1878 г. А. Меркс доказал, что армянский перевод Евсевия, изданный с вышеупомянутых рукописей Giari (две из них хранятся в Венеции, одна в Вене), сделан с сирийского, а не с греческого языка.[7]

Ряд интересных соображений относительно времени этого перевода он высказал и в предисловии к изданию Н. Мак-Лина. По свидетельству Моисея Хоренского (или псевдо-Моисея), в первой половине V в. в Эдессу были посланы Исаак и Месроп, которые работали над переводами отцов церкви (Моисей Хоренский. III. 60). Он же сообщает о том, что в эдесской библиотеке хранились различные архивы (Ibid. II. 10), о чем он знает от хронографа Юлия Африкана. Об этих же архивах в связи с «Учением апостола Аддая» упоминает и Евсевий Кесарийский (Euseb. I. 13. 5). В Эдессе была, вероятно, написана рукопись Публичной библиотеки. Возможно, что в плане об-

[6] *Wright W.* Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum. London, 1872. T. 3. P. 1039.

[7] *Merx E.* De Eusebiane Historiae Ecclesiasticae versionibus. Syriaca et Armeniaca // Atti de IV Congresso Internazionale degli Orientalisti. Firenze, 1880. Vol. 1. P. 199—214.

щих работ по переводу отцов церкви был сделан с сирийского и перевод Евсевия, стиль которого чрезвычайно близок к стилю армянского перевода этого времени Афраата. Так, как разработан вопрос о деятельности армянских переводчиков V в. Е. Тер-Минасьянцем, он совершенно подтверждает в своих общих выводах точку зрения А. Меркса.[8]

В истоках своих армянское христианство было весьма близко сирийскому, и тут сирийцам пришлось играть роль учителей и переводчиков, то, чем они были и для арабов. Вещественным доказательством этой близости является та подклейка из армянской рукописи в нашем манускрипте, о которой речь была уже выше.

Наша сирийская рукопись относится к 462 г., перевод был сделан еще раньше. Ряд ученых считал возможным предположение, что он был сделан еще при жизни Евсевия. Интересно, что Ефрем Сирин, не знавший греческого языка, дает сведения из Евсевия, следовательно, должен был располагать каким-то его переводом. Даже строгий Эдуард Шварц согласен датировать сирийского Евсевия ± 400 г.[9]

Насколько ценным представился этот материал, видно из того, что редакторами серии Texte und Untersuchungen было предложено сириологу Э. Нестле дать его немецкий перевод. Задача эта была выполнена Э. Нестле, причем он дал и введение к этому переводу,[10] в котором отмечает, что тексты рукописей Публичной библиотеки и Британского музея не представляются просто копиями относительно друг друга, но младшая рукопись (Британского музея) претерпела известные изменения.

Древность рукописей сирийского перевода превосходит на много столетий греческие, из которых только одна может быть датирована X—XI вв., другие еще более поздние. Увеличивает ценность и ранний перевод, сделанный с греческого в области, территориально близкой автору истории. Это заставляет особенно внимательно отнестись к тем разночтениям, которые дает сирийский текст по сравнению с греческим.[11]

[8] *Ter-Minassiants E.* Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zu den syrischen Kirchen. Leipzig, 1904. S. 21—25. (TU. Bd 26).

[9] Eusebius Kirchengeschichte. Dritter Teil. Leipzig, 1909. Einleitung. P. XLI.

[10] TU. 1901. Bd 21.

[11] Анализ, которому мы подвергли фрагменты Паппия Иерапольского, заставил нас отдать преимущество сирийскому тексту. Так, он опускает наименование Аристона и Иоанна μαθηται τοῦ κυριου, а просто говорит «Аристон и Иоанн пресвитер» (в армянском тексте «пресвитеры»); известно, сколько трудностей представляла эта вставка для исследователей (Eusebius. Hist. eccl. III. 39).

Красота и древность нашей рукописи (она занимает второе место среди датированных сирийских рукописей, старше нее только рукопись 411 г. Add. 13, 150) заслуживают пожелания видеть ее в фототипическом издании.

Январь 1925 г.

ЭДЕССКАЯ ХРОНИКА

Эдесса — Урха (Урук) принадлежала крупнейшим центрам северной Месопотамии в древности и раннем средневековье. В первых веках нашей эры в качестве столицы государства Осроэны, где царствовала династия царей Ману и Абгаров, она была в значительной степени эллинизована. Но древнейшими письменными памятниками Эдессы являются клинописные трактаты, относящиеся ко времени до греко-македонских завоеваний и сохранившие данные о жизни этого древнего города. Распространение сирийской письменности засвидетельствовано надписями царей, среди которых имеются и датированные.

Традиции погодных записей, фиксировавших наиболее важные и замечательные события в жизни города, сохранялись от «языческих времен», как об этом сообщают источники. Такой широко известный памятник, как «Учение апостола Аддая», указывает на существование архива эдесских царей и царских писцов, которые вели переписку и записывали наиболее важные события своего времени. Несомненно, древним записям обязана хроника псевдо-Дионисия Телльмахрского списком «царей Эдессы». По образцу последнего, как и в соответствии с обычаем, принятым в других больших городах, в Эдессе со времени ее христианизации велся список епископов, следовавших «один за другим».

Нельзя отказать столице Осроэны и в традиции летописания. Достаточно вспомнить лучший источник для истории Ближнего Востока на рубеже V и VI вв. — Хронику Иешу Стилита,[1] составленную около 518 г.

Эдесская хроника, русский перевод которой дан ниже (см. с. 468—476), имеет сложный состав, в нее включены части нескольких источников, в том числе материалы архива эдесских царей. Больше всего места в ней занимают списки епископов Эдессы, сведения о церковных делах, преимущественно локаль-

[1] The chronicle of Joshua, the Stylite, composed in syriac AD. 507 / With a translation into english and notes by W. Wright. Cambridge, 1882; *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.; Л., 1940.

рактера. Но наряду с этим в хронике сохранились и данные исторические, относящиеся к той же Эдессе. Значение этого памятника в том, что он сохранил достоверную хронологию, данные уже утерянных источников и является одним из старейших в сирийской литературе. Самое его заглавие, которое может быть передано как «Летописец вкратце», указывает на то, что эта хроника является извлечением, сокращением каких-то более пространных источников.

Эдесская хроника сохранилась в одной и единственной рукописи VII в., принадлежащей библиотеке Ватикана, и состоит из 6 пергаментных листов, исписанных превосходной эстрангелой. Первое издание этого кодекса (Codex Vaticanus Syriacus, CLXIII) было осуществлено И. Ассемани с латинским переводом.[2] После этого хроника нашла своего издателя в лице Л. Халиера, который дал ее немецкий перевод и снабдил комментарием. Особенно ценно то, что Л. Халиер собрал много параллельных мест из различных источников, что облегчает возможность ее сравнительного изучения.[3]

Обширное введение Л. Халиера включает 3 главы: источники Эдесской хроники, время ее составления, догматические взгляды ее автора.

Касаясь источников Эдесской хроники, Л. Халиер пришел к выводу, что она была источником так называемой Хроники Дионисия Телльмахрского и Хроники Абульфараджа Бар Эбрея. Последний, как это стало известно после напечатания полного сирийского текста Михаила Сирийца, зависел от Михаила Сирийца, чего Л. Халиер не мог предвидеть. Зависимость Абульфараджа от Эдесской хроники лишь опосредованная.

Л. Халиер приходит к совершенно справедливому выводу, что Эдесская хроника зависит от Хроники Иешу Стилита,[4] причем автор выбирал лишь отдельные события, которые он сокращенно заносил в свой «Летописец вкратце», в соответствии с задачей, которую он ставил перед собой. Однако и этот материал позволил сделать вывод, что Хроника Иешу Стилита в том виде, как она дошла до нас, недостаточно хорошо сохранилась: в ее тексте есть неточности, как это видно из соответствующих мест Эдесской хроники.

Выводы, к которым пришел Л. Халиер, в настоящее время являются уже устаревшими, так как появились издания сирийских исторических памятников, известные в его время лишь во фрагментах. Но им было высказано интересное предположение, что как Эдесская хроника, так и Хроника Дионисия Телльмахрского использовали Иешу Стилита через посредство какого-то другого источника.

[2] *Assemanus J. S.* Bibliotheca orientalis Clementino-Vaticana. Romae, 1719. T. I. P. 387—417.

[3] *Hallier L.* Untersuhungen über die Edessenische Chronik // TU. Leipzig, 1892. Bd 9. Hf. 1. S. 1—170.

[4] Ibid. S. 28—32.

В Эдесской хронике большую роль играет хронология, которая ведется по эре Селевкидов; последняя начиналась 1 октября 312 г. до н. э. Наряду с этим хроника дает определение времени по годам царствования византийских царей. Ее связь с греческими источниками обнаруживается также в счислении по индиктионам. Эти дополнительные хронологические данные ведут не к уточнению, а к нарушению правильности дат. Л. Халиер указал на то, что необходимо делать поправки, которые связаны, например, с тем, что годы императоров хроника считает лишь с начала года, высчитываемого по индиктиону, т. е. с 1 сентября, хотя бы данный император и начал царствовать в предшествующем году.

В тексте хроники имеется даже сирийская транскрипция самих слов «второй индиктион» (XCVI). Это далеко не единственный случай транскрипции греческих слов в ее тексте. Дату воцарения Юстиниана хроника (CI) дает правильно — это 836 г. Селевкидов, соответствующий 527 г. В другом случае сопоставлены три хронологических указания — 850 г. Селевкидов, 13-й год царствования Юстиниана и второй год индиктиона (XCVI). При правильном исчислении 13-му году Юстиниана должен соответствовать 851 г. Селевкидов.

В числе источников Эдесской хроники Л. Халиер указал Хронику Иешу Стилита и, как он говорит, специально антиохийский источник, так как в нашей хронике имеются очень краткие сведения о событиях в Антиохии. Ближе всего эти сведения по содержанию к греческой хронографии Иоанна Малалы, о чем речь будет ниже.

К записям из царского архива Эдессы следует отнести большой рассказ в начале хроники о наводнении, переселении царя Абгара и об отмене подати до 517 г. Селевкидов (206 г. н. э.), а также сообщения о других четырех наводнениях в Эдессе. Возможно, что эти записи архива царей сохранялись в архиве епископов Эдессы.

Время создания епископального архива, по всей вероятности, падает на первую четверть IV в. Наиболее ранние сирийские литературные и исторические памятники, как «Учение апостола Аддая», мученичество Шарбиля, Барсамьи, вышли из Эдессы, где вслед за проникновением христианства была организована школа. Урха рано стала центром образованности.

Анализируя список епископов, данный в хронике, Л. Халиер обратил внимание на то, что текст дает различные формулы упоминания о смерти. Одна дается в форме «покинул мир», другая в форме «упокоился». Первая формула дана с § XXII (смерть епископа Авраама) и до § LIX (смерть епископа Раввулы Эдесского). Второй, более легкий оборот «упокоился» дается в § LXVIII—XCIV.[5] Отсюда следует сделать вывод, что формулировки принадлежат разным авторам. По нашему мнению, было вернее сказать, что записи в архиве производились по двум различным образцам. Что касается формулировки § LIX, она состоит из двух частей, позаимствованных из двух различных формул.

В этой связи было высказано предположение, что архив был приведен в порядок двумя составителями. Один из них записал имена епископов до смерти Раввулы. Второй, который работал тщательнее своего предшественника, довел список до времени, когда епископом Эдессы был Аддай (533—543 гг.). Наконец, третий писец вставил дополнения в историю епископства Ивы и последующие параграфы. В Эдесской хронике использовали архив, из которого сделаны выписки единообразного характера, и очень сильно сокращен материал.[6] Дополнительно в хронику вносились добавления рукой православного хрониста, сторонника ортодоксального христианства.[7]

Последние данные хроники относятся к 539 г. Ее составление обычно относили к середине столетия, т. е. к 539 г. На основании того, что Иоанн назван в хронике Златоустом, а это прозвище появилось позднее начала VI в., составление хроники стали относить на более поздние годы.[8] Кроме того, было обращено внимание на указания хроники относительно церкви в Эдессе, называемой большой, древней и т. д. Доводы эти, как показали последующие исследователи, нельзя, однако, считать убедительными.

К числу существенных замечаний следует отнести то, что составитель хроники, с одной стороны, обнаруживает признание императора Юстиниана и воздает ему хвалы, с другой стороны, проявляет симпатию к несторианам, к «антиохийскому» клерикальному направлению. Это — известное противоречие, которое, возможно, говорит об интерполяциях в хронике. С полной убежденностью можно указать на то, что хроника настроена против монофизитства, она и не упоминает ни одного

[5] Ibid. S. 54.
[6] Ibid. S. 56—57.
[7] Ibid. S. 58.
[8] Ibid. S. 74, 76—77.

из его представителей.[9] Возможно, что составитель Эдесской хроники, придерживаясь несторианского толка, восхвалял императора Юстиниана как противника монофизитства, преследовавшего его адептов.[10]

В своем обширном и основательном исследовании, посвященном трудам Иоанна Эфесского, профессор С.-Петербургской духовной академии А. П. Дьяконов отвел известное место и Эдесской хронике как одному из источников церковной истории Иоанна. Анализируя так называемую хронику Дионисия Тельмахрского, использовавшую части «Истории» Иоанна Эфесского, А. П. Дьяконов отметил, что во второй части Хроники Дионисия Тельмахрского имеются материалы, почерпнутые из какого-то летописного источника, в настоящее время утраченного.[11]

Сложный состав этого не дошедшего до нас летописного источника несомненен. В числе использованной им литературы в первую очередь следует назвать Эдесскую хронику. Из этого утраченного летописного источника в Хронике Дионисия Тельмахрского имеется 14 параллельных фрагментов или, как называет их А. П. Дьяконов, лемм, которые восходят к Эдесской хронике. Кроме того, продолжает он, так как Эдесская хроника дошла до нас в сокращенном виде, то «в основе псевдо-Дионисия лежит редакция более полная, чем известная нам; это видно из сравнения некоторых лемм, где, при несомненной зависимости Эдесской хроники, псевдо-Дионисий представляет, однако, подробности, не сохранившиеся в подлиннике». И дальше: «Отсюда можно предположить, что и количество лемм в первоначальном тексте было больше, чем теперь».[12] Два других летописных источника, предположительно использованные псевдо-Дионисием, имеют другую, отличную систему датирования и не входили в состав Эдесской хроники, «какою бы мы ее ни предполагали в первоначальной редакции».[13]

Однако А. П. Дьяконов исходил из ложного предположения, что Эдесская хроника написана лишь около 570 г., как это считал Л. Халиер. Но позднейшие исследования, о чем будет сказано ниже, показали, что это предположение недостаточно основательно и по ряду данных составление Эдесской хроники можно будет отнести лет на 30 ранее. В таком случае она впол-

[9] Ibid.
[10] Ibid. S. 83.
[11] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908. С. 216.
[12] Там же. С. 217.
[13] Там же. С. 218.

не могла быть и была использована Иоанном Эфесским, который писал вторую часть своей «Истории» в 570—571 гг. То, что Эдесская хроника была источником Хроники псевдо-Дионисия Телльмахрского, переписавшего вторую часть «Истории» Иоанна Эфесского, можно считать доказанным.[14]

Выше было отмечено, что близость известий, содержащихся в Эдесской хронике и в Хронике Иешу Стилита, такова, что нельзя сомневаться в том, что последняя была источником первой. А. П. Дьяконов сделал интересное наблюдение, а именно, что Эдесская хроника в ряде случаев давала «другую», вполне «самостоятельную редакцию» Иешу Стилита, которая была использована в Хронике псевдо-Дионисия. Наряду с этим в ту же Хронику псевдо-Дионисия Телльмахрского вошли сведения из Хроники Иешу Стилита в виде тех сокращений, в которых их дал Иоанн Эфесский.[15]

Следующим этапом изучения Эдесской хроники был труд Ф. Хаазе, посвященный вопросу о времени ее возникновения.[16] Касаясь дат, предложенных предшествующими исследователями: И. Ассемани — 530 г., А. Гутшмидом — 539 г., В. Райтом — 540 г., Л. Халиером — 570 г., он отрицает датировку Л. Халиера. Ф. Хаазе оспаривает приведенный последним довод о существовании около 569 г. в Эдессе якобы одной только церкви, о которой говорил Иоанн Эфесский. Он подробно рассматривает вопрос о названиях церквей («большая», «древняя», «новая») и указывает, что к 569 г. в Эдессе было много церквей. В этом случае очень ценные материалы были собраны А. Баумштарком, подсчитавшим, что до 505 г. количество церквей в Эдессе, включая и монастырские, доходило до 25.[17] Другой довод Л. Халиера, что прозвание Златоустом Иоанна, епископа Константинопольского, относится к позднему времени и потому употребление этого прозвания в Эдесской хронике (§ XLV) свидетельствует о ее происхождении не ранее 570 г., также нельзя принять. Ф. Хаазе приводит ряд примеров тому, что это прозвание было в ходу в начале VI в.[18]

Последние события, о которых сообщает Эдесская хроника, относятся к 851 г., когда был нарушен мир «между персами и ромеями» вторжением войск Хосрова. Дата эта соответствует

[14] Там же. С. 220, 226.
[15] Там же. С. 234.
[16] *Haase F.* Die Abfassungszeit der Edessenischen Chronik // OCh. Neue (2-te) Serie. Leipzig, 1918. Bd 15/6. S. 88—96.
[17] *Baumstark A.* Vorjustinianische kirchliche Bauten in Edessa // OCh. 1904. Bd 4. S. 164—183.
[18] *Haase F.* Die Abfassungszeit... S. 91.

540 г. н. э. Этот год и следует считать годом составления Эдесской хроники. В противном случае необъяснимо, почему в течение свыше 30 лет, до 570 г., не записывали никаких событий, в частности год смерти епископа Эдессы Аддая. Хроника отмечает его вступление на епископский престол 28 августа 533 г. Аддай умер в 541 или 543 г., но в хронике год его смерти не указан. И это несомненно указывает на то, что хроника была составлена около 540 г., не позднее.

Предположение, высказанное Л. Халиером, что Эдесская хроника является выдержкой из более обширной Антиохийской хроники, автор которой был сторонником православия и клерикальной политики императора Юстиниана, не может быть подтверждено. Такой автор неизвестен. Помимо того, Антиохия этого периода была связана с монофизитским движением.[19] Тот же Ф. Хаазе относится отрицательно к возможности сделать выводы из двух различных способов сообщать о смерти — «покинул мир» и «упокоился» — и приводит ряд исключений для обеих схем.

Епископальный архив в Эдессе возник во времена Куна (Конона), который был епископом между 313 и 324 гг., о чем известно и Евсевию Кесарийскому. Количество сведений из года в год возрастало, и записи увеличивались, они велись по определенной схеме, которая могла длительно сохраняться. Возникала и другая схема, по которой стали вести записи, отсюда и различия в указанных выше формулировках. Можно думать, что эти соображения правильны, но различия в способах выражения все же указывают на то, что в какое-то время традицию изменили.

Непосредственный составитель Эдесской хроники не дал точных сведений об Антиохии. Возможно, что они стали ему известны из устной традиции, чем легко объясняется неточность их хронологии.

Перепутанность событий и их датировок можно отметить в параграфах о «страшном землетрясении», которое случилось 29-го числа месяца ияра 837 г., т. е. 29 мая 525 г., и о «великом пожарище», которое нанесло огромный ущерб Антиохии. Пожар хроника относит к 15-му числу тешри второго 839 г., т. е. к 15 ноября 527 г. На самом деле землетрясение произошло 29 ноября 528 г., и при этом никакого пожара не было. Пожар же в Антиохии имел место осенью 525 г. Но именно эти известия можно предположительно отнести за счет устной традиции и на этот раз неточную датировку объяснить тем, что в Эдессу

[19] Ibid. S. 93.

дошел лишь слух о бедствиях в Антиохии, составитель же не смог верно установить их хронологию.

Таковы предположения Ф. Хаазе. Однако известно, что состояние хроники Иоанна Малалы, на которой он основывает свои предположения, совсем не таково, чтобы ей можно было безоговорочно доверять, и вопрос о датах требует более тщательного рассмотрения.

Общий вывод, к которому пришел Ф. Хаазе, примерно следующий: Эдесская хроника написана в 540 г., ее источниками являются список епископов Эдессы, Хроника Иешу Стилита, мартирологий, История персидской войны и устная традиция.[20]

С датировкой хроники 540 г. согласился и А. Баумштарк, который в самых кратких словах указал на то, что в хронике были использованы светские и церковные записи Эдессы, письменный (Хроника Иешу Стилита) и устные источники.[21] Большое значение имеют точные хронологические указания, которые дает этот памятник.[22]

Таковы основные этапы в изучении Эдесской хроники и важнейшие выводы, к которым пришли предшествующие исследователи.

Нам представляется возможным дать более конкретный анализ состава Эдесской хроники. Технически это облегчается нумерацией ее фрагментов, которая была дана предшествующими исследователями. Сохраняем эту нумерацию, принятую и в издании Корпуса сирийских авторов.

Прежде всего, попытаемся выделить материал, принадлежащий архиву эдесских царей, на который имеются две совершенно отчетливо данные ссылки в тексте Эдесской хроники, а именно, в первом (I) и последнем (CVI) ее параграфах. В первом параграфе говорится о том, что записи о наводнении были положены в архив, что они были произведены «писцами Урхи», названными по именам, и, наконец, что это было сделано по приказу царя Абгара. В последнем параграфе составитель хроники говорит: «Как мы узнали из древних историй, со времени Вознесения Христа к своему славному Отцу четыре раза разрушала вода стены благословенного города». Связь между обоими сообщениями по своему содержанию очевидна: они касаются наводнений в Эдессе, принадлежат к группе светских записей и имеют выраженный локальный характер. Заключительный параграф (CVI) перечисляет наводнения, и в тексте

[20] Ibid. S. 96.
[21] *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 99—100.
[22] Ibid. S. 100.

под соответствующими годами они указаны повторно. Оба названных параграфа являются как бы отдельными документами, которые хранились в царском архиве.

Самые записи царского архива начинались 180 г., когда «начали ставить царей в Урхе» (II), и хронологически эта запись должна была бы предшествовать записи 513 г. о наводнении при Абгаре (I). Далее к записям царского архива относятся светские записи локального и общеимперского характера, как воцарение Августа (III), победы Луция (VII), Абгаров (V, IX), разрушение стен Урхи (XI). В эти записи составитель хроники вставил записи церковные, например, год рождения Иисуса Христа, сведения о Маркионе, Бардесане, Мани (IV, VI, VIII, X). После ряда сведений чисто церковного характера следует материал светский (XIX, XX, XXV—XXVII). Из царских записей происходят сведения о Феодосии Великом (XXXIVa, XXXV, XXXIX, XL), о наводнении в Эдессе (LII), «о пыли» (LVII), о построении Каллиникуса (LXX), о наводнении в Эдессе в четвертый раз (XC).

Таким образом, за счет архива эдесских царей, хронологические даты которого давались по селевкидскому летосчислению, возможно отнести следующие параграфы хроники: I—III, V, VII, IX, XI, XIX, XX, XXV, XXVII, XXXIVa, XXXV, XXXIX, XL, LII, LVII, LXX, XC, CVI.

Сохранившаяся Хроника Иешу Стилита, написанная около 518 г., была источником Эдесской хроники, в которой содержатся краткие выписки из Иешу Стилита. Таковы сведения о восстании против Зенона (LXXII), отмене хрисаргира (LXXIV), землетрясении в Никополисе (LXXVI), появлении саранчи (LXXVI, LXXVIII), походе Кавада на Амид и Урху (LXXX, LXXXI).

Заимствованные из Иешу Стилита известия составляют, следовательно, параграфы LXXII, LXXIV, LXXVI, LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXI.

Эдесская хроника использовала также некий летописный источник, не дошедший до нас, который содержал сведения по церковной истории. Для этого источника характерно в ряде случаев исчисление по годам царствования императоров (LXXXIII, LXXXV, LXXXVII, XCVI). В последнем параграфе летосчисление по годам царствования сопоставляется с селевкидским летосчислением и годом индиктиона (XCVI). Симпатии этого источника были на стороне православия. Эта его ориентация, при том, что в нем были известия, связывавшие его с Антиохией, явилась для Ф. Хаазе поводом считать, что такой письменный источник неизвестен и при монофизитском

направлении, господствовавшем в Антиохии, его и не могло быть. Поэтому Ф. Хаазе предположил, что эти сведения восходят к устной традиции и данные записи принадлежат составителю Эдесской хроники.[23] По нашему мнению, такая точка зрения неприемлема. В выделенных нами параграфах имеются точные даты мелких событий, которые, очевидно, фиксировались в письменном виде. Кроме того, названный источник связывает отдельными фактами происходившее в Эдессе с тем, что имело место в Антиохии. Если принять во внимание эту ее особенность, то станет совершенно понятным, почему именно этот источник был использован в Эдесской хронике. В первую очередь по признаку локальных интересов, с которыми оказался связанным этот летописный источник. Наконец, обращают на себя внимание греческие слова, транскрибированные сирийскими буквами как — «второй год индиктиона», причем греческое δεύτερα дано в сирийской транскрипции и греческое слово ἀνατολή — «восток» сохранено без перевода (XCIX), как и число «двенадцать» (CIII). В этом же источнике латинское слово libellus — «послание» в сирийском тексте также сохранено в транскрипции (XCII). Все эти данные говорят о том, что у составителя Эдесской хроники был письменный источник, в котором указанные греческие и давно освоенное в греческом латинское слово находились в сирийской транскрипции. В других параграфах этой хроники транскрипции греческих слов не встречается, за исключением слова «кладбище», которое вошло в обиход сирийского языка. Слово «хрисаргир» внесено в Эдесскую хронику из Хроники Иешу Стилита.

Что касается высказываний о невозможности, чтобы связанный с Антиохией источник придерживался православного направления, то это соображение совершенно отпадает. В Антиохии были и сторонники ортодоксальной, юстиниановской политики, каким в Эдессе оказался хронист Иешу Стилит, которого справедливо характеризуют как криптомонофизита.

Все основания предполагать, что недошедшая хроника использована составителем Эдесской хроники фрагментарно, так как и вообще эта последняя является «летописцем вкратце».

Предположительно из этой хроники составителем Эдесской хроники позаимствованы следующие параграфы: LXXXIII—LXXXIX, XCV—XCVII, XCIX, CI, CII, CIIIaЬ, CIV, CV.

Остальные параграфы Эдесской хроники имеют специфически клерикальный характер и при этом с явно выраженными локальными интересами. Эти материалы, сокращенные составителем хроники, были записями, которые велись при епископах Эдессы. Их хронологические данные надежны, они даны по системе селевкидского летосчисления. Последний параграф (C) этого «епископского списка» относится к 844 г. Селевкидов, который сообщает даты епископов Андрея и Аддая. Этот параграф вставлен между известиями летописного источника 839 и 838 гг. и нарушает хронологическую последовательность параграфов. Два специально антиохийских известия 837 и 839 гг. поставлены рядом, а воцарение Юстиниана в 838 г. отнесено далее, хотя оно несомненно принадлежит к материалам той же хроники.

Приведем список параграфов, которые следует отнести за счет сведений архива епископов Эдессы: IV,VI, X, XII—XVIII, XXI—XXIV, XXVIII—XXXIII, XXXIVв, XXXVI—XXXVIII, XLI—LI, LIII— LVI, LVIII—LXIX, LXXI, LXXIII, LXXV, LXXVII, LXXXII, XC—XCIV, C, CIIIc.

Таким образом, Эдесская хроника была составлена на основании нескольких письменных источников: материалов архива эдесских царей, материалов архива эдесских епископов, Хроники Иешу Стилита и не дошедшей до нас хроники. Кроме того, составитель Эдесской хроники располагал сведениями устной традиции своего времени. Хроника была составлена в 540 г. Этот год является последней упоминаемой в хронике датой (851 г. селевкидской эры; CIV). Эдесская хроника была использована последующими сирийскими авторами, в том числе Иоанном Эфесским около 570—571 гг.[24] Сложная по своему составу, Эдесская хроника сохранила важные для истории Ближнего Востока сведения, использовав не дошедшие до нашего времени источники. Точные даты, которые даются хроникой, являются существенно важными. Краткость и хронологическая последовательность хроники отвечают подобным образцам греческой и латинской хронографии.

[23] *Haase F.* Die Abfassungszeit... S. 93.

[24] Вопреки мнению А. П. Дьяконова (см.: *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 220—221), приведенному нами выше.

МЕСОПОТАМИЯ НА РУБЕЖЕ V—VI вв. н. э.

СИРИЙСКАЯ ХРОНИКА ИЕШУ СТИЛИТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Исследование Н. В. Пигулевской о сирийской хронике Иешу Стилита представляет исключительный интерес для советской исторической науки. Изучаемый источник отражает сложное явление разложения рабовладельческого общества и развития феодальных отношений в Междуречье. Автор отдает себе отчет в том, насколько сложен комплекс отношений, слагавшихся в области, тесно примыкавшей к границе между Ираном и Византией. Этническая пестрота, широкие торговые связи, угроза войны, становившаяся реальностью, создавали ряд дополнительных, сложных явлений. Верный методологический подход помог правильной оценке фактов, и в результате исследования получились выводы шире тех локальных и хронологических рамок, в которых они даны. Из своего задания автор сумел сделать работу, трактующую актуальные проблемы общеисторического характера и поставить ее на уровень требований методологического порядка, предъявляемых современной науке. В господствовавших общественно-экономических отношениях, в невыносимо тяжком положении эксплуатируемого населения автор справедливо вскрывает причину быстрого и легкого завоевания арабами Ближнего Востока.

В издании исследований и переводов под общим названием «Сирийские источники об Иране и Византии» хронике Иешу Стилита принадлежит по праву одно из первых мест. Русский перевод, сделанный впервые, дает возможность использовать редкий сирийский источник, представляющий интерес как для круга специалистов, так и для историков-педагогов.

Академик В. В. Струве

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ

Сирийские источники до настоящего времени не получили должного признания ни у историков, ни у археологов. В значительной степени это связано с недоступностью памятников в подлиннике и отсутствием переводов. Однако до расцвета арабской литературы сирийские исторические сочинения имеют первостепенное значение.

Для VI и первой половины VII в. сирийские хроники содержат исключительный по своей значимости материал, который дает возможность вскрыть социально-экономические отношения в азиатских провинциях Византии и Ирана. В сасанидскую эпоху взаимоотношения обоих государств складывались через посредство сирийцев, язык которых был дипломатическим языком Ближнего Востока. Сосредоточенные преимущественно на внешнеполитических событиях, эти источники тем не менее дают ряд данных, имеющих значение для определения внутренних социально-экономических отношений, сложившихся в эту эпоху.

В ряду исторических памятников, которые являются предметом данного исследования, хронике Иешу Стилита принадлежит одно из первых мест. Она представляет собою превосходный источник для истории сношений Ирана времен Переза и Кавада с Византией; ее локальный характер дает материал о жизни восточных провинций, находившихся под властью Византии, которые были искусственно отсечены от единоплеменных областей, оставшихся под властью Сасанидов. Особенности социальных отношений, правовых и государственных норм, которыми жили византийские провинции, были той почвой, на которую веком позже начали отслаиваться отношения образовавшегося халифата. Анализ сирийской социальной терминологии до настоящего исследования никем не производился. Между тем оказалось возможным сопоставить ее с рядом греческих эквивалентов и указать на сходную терминологию, употреблявшуюся в Иране. Социальные и экономические явления, о которых сообщает хроника, сопоставлены с историческими данными, известными по другим источникам. Безотрадная картина угнетения и эксплуатации масс, вскрытая хроникой, подтверждает замечательные слова Ф. Энгельса в его блестящей характеристике, данной позднеримской и ранневизантийской империи: «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасыва-

ния соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат...».[1]

Характеристика в точности соответствует тому, что сообщает сирийская хроника, давшая такую яркую картину этих вымогательств, грабежей, нищеты и голода. Официальные историки едва касаются этих сторон жизни. У целой плеяды греческих летописцев жизнь Константинополя поглотила все их повествовательные способности. От красочной столицы рябило в глазах, за мишурой придворных одежд, шумом кровавых и крикливых интриг забывалось все остальное. Облитые желчью страницы «Тайной истории» принадлежат к числу редких документов. Ею вскрыты такие язвы, что вся видимая мощь пышного царствования Юстиниана блекнет, обращается в ничто перед обнищанием и опустошениями, о которых она сообщает. Провинциальные хроники и летописи дают в этом отношении еще более богатый материал. Их интересы носят местный характер, они сообщают хозяйственные и бытовые детали, которые позволяют нащупать новые звенья в развитии форм экономической жизни. Сирийские памятники дают такого рода материал; они показывают жизнь земледельцев, которые в положении рабов, колонов, разного рода зависимых крестьян несут на себе всю тяжесть обработки и орошения полей, садов и виноградников, стонут от тяжести податей, от разбоя солдат и грабежа чиновников. Эксплуатация провинций, на которую указывает Ф. Энгельс, подтверждается этими источниками особенно ярко.

«Порядок (Римско-византийского государства. — *Н. П.*) был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей».[2] Это положение подтверждается бедственными рассказами сирийских хроник и тонкой сатирой ряда строк «Персидской войны» Прокопия.

Хроника Иешу Стилита относится к тому периоду, когда раннее феодальное общество только складывалось и не успело изжить всего наследия рабовладельческих отношений. Оценка, данная Энгельсом растлевающему влиянию рабства в пору его сосуществования колонату, относится к этому переходному периоду. Для азиатских провинций Византии, для Ирана в полной мере справедливо замечание, что «умирающее рабство оставило свое ядовитое жало»;[3] его отрава экономически и юридически поставила производительный труд свободных в положение близкое, мало чем отличное от положения рабов. Важнейшие, актуальнейшие вопросы современной исторической науки исследуются здесь на конкретном новом историческом материале. Хроника Иешу Стилита, Сирийский Законник и другие источники дали материал для изучения классового расслоения, эксплуатации деревенского и городского населения, торговли. Эти очерки дают необходимое объяснение тем социально-экономическим явлениям, о которых сообщает хроника и которые до настоящего исследования не были изучены на сирийских источниках.

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1937. Т. 16, ч. 1. С. 125.

[2] Там же.

Длительный процесс разложения рабовладельческого общества и развития феодальных отношений протекает в Междуречье как явление сложное. Если основной массой непосредственных производителей на земле следует считать в конце V и в VI вв. колонов, разного рода зависимых крестьян, париков, то одновременное существование и рабовладельческого уклада в эту эпоху не оставляет никакого сомнения. Ряд данных подтверждает и наличие деревень, населенных «свободными» крестьянами. Сложности, длительности процесса перехода от одной формы общественно-экономических отношений к другим способствовало особое положение провинций, расположенных на караванных путях, по которым в течение тысячелетий шел обмен между Востоком и Западом. Богатые города были торговыми и производственными центрами с развитой ремесленной промышленностью. Пограничные области, какими были Осроэна, Месопотамия, Софанена, Армения, находились в непосредственной близости к Ирану, жили под постоянной угрозой военных нападений, обострявших формы зависимости, экономические контрасты и классовую борьбу.

Борьба Ирана с Византией на рубеже двух столетий, о которой сообщает хроника, является темой главы, посвященной политической истории Месопотамии. Наступление Ирана при Каваде было вызвано глубокими внутренними причинами, а задачей были грабеж и собственное обогащение за счет опустошения и разорения покоряемых провинций.

Исследование «повести временных лет», составленной Иешу Стилитом, проведено по ее двум основным темам — истории похода «тирана людского» персидского царя Кавада и рассказам об испытаниях, постигших Месопотамию.

[3] Там же. С. 127.

Одна тема дает материал для политической истории Междуречья, вторая — для характеристики его общественно-экономического строя.

ХРОНИКА ИЕШУ СТИЛИТА И ЕЕ АВТОР

Хроника Иешу Стилита, написанная на сирийском языке, является одним из тех памятников, которые приходится особенно ценить историку, так как автор сообщает о событиях, к которым он сам был причастен, пережил их и, во всяком случае, был их современником.

До нашего времени хроника дошла в единственном списке как составная часть так называемой хроники Дионисия Телльмахрского, относимой к IX в. Она вкраплена в последнюю целиком со вступлением и заключением, как единое целое.[4]

Рукопись Дионисия Телльмахрского, в состав которой входит хроника Иешу Стилита, принадлежит к числу находящихся в библиотеке сирийского монастыря в Нитрийской пустыне. Сведения об этой рукописи двоякие. В каталоге восточных рукописей Ватикана И. Ассемани утверждает, что она принадлежит к числу привезенных из Тагрита в 932 г. игуменом монастыря Моисеем Низибийским, собиравшим эту библиотеку.[5] По другим данным того же И. Ассемани этот экземпляр переписан в самой Скитской пустыне в IX или X в.,[6] что наиболее вероятно. Для средневековых писателей-сирийцев хроника эта уже была потеряна: ни Михаил Сириец (ум. в 1199 г.), ни Бар Эбрей (ум. в 1286 г.) ее не знают и используют только псевдо-Захарию Митиленского. Историк Агапий, писавший на арабском языке, также черпает сведения об этом периоде у Захарии.[7]

Впервые к летописи Иешу Стилита вернулся, как и вообще ко многим сокровищам сирийской литературы, И. Ассемани, ученый маронит, составивший в начале XVIII в. богатейшую Bibliotheca orientalis. Двадцать шестая глава первого тома содержит выдержки из хроники Иешу Стилита на латинском языке.[8]

[4] *Nau F.* Étude sur les parties inédites de la chronique ecclésiastique attribuée a Denys de Tellmahré // ROCh. 1897. T. 2. P. 41.

[5] *Assemanus S. E.* Bibliothecae apostolicae Vaticanae codicum manuscriptorum catalogus. Romae, 1759. T. 3, N CLXII. P. 329.

[6] *Assemanus J. S.* Bibliotheca orientalis Clementino-Vaticana. Romae, 1721. T. 2. P. 97, 98.

[7] *Agapius de Membidg.* Texte arabe et traduction française de A. A. Vasiliev. Paris, 1912. P. 424.

[8] *Assemanus J. S.* Bibliotheca orientalis. Clementino-Vaticana. Romae, 1719. T. 1. P. 260—283.

Это первое упоминание, перевод отрывков и комментарий послужили данными для использования Стилита как источника первостепенной важности для истории войн Ирана с Византией в конце V и начале VI в. Неполнота данных И. Ассемани, отсутствие сирийского текста и значительное количество лакун побудили Павлива Мартэна[9] издать полностью сирийский подлинник и французский перевод, снабдив его немногочисленными справками. Текст был издан недостаточно тщательно, и знаток сирийской литературы и палеографии В. Райт[10] взялся за издание вторично. Он исправил ряд ошибок и недостатков своего предшественника в издании текста и приложил английский перевод. О своем несколько тяжелом переводе В. Райт сам говорит,[11] что он, стремясь передать манеру подлинника, переводил библейским стилем, который лучше всего подходит для такого памятника. Немногочисленные подстрочные примечания, объясняющие географические названия, ценны. Но и в этом издании хроника в целом осталась неистолкованной. Русский перевод с сирийского сделан мной (см. с. 571—619).

Хроника имеет две основные темы, которые в понимании автора слились в одну, — «бедствия», постигшие Месопотамию — Эдессу и Амид. Первая основная тема — о персидской войне, с историческим экскурсом относительно происхождения ее и истории персидско-византийских взаимоотношений в предшествующий период. Не менее существенна вторая тема хроники — «несчастия», обрушившиеся на византийскую Месопотамию, рассказ о которых знакомит с жизнью провинции Осроэны и города Эдессы. Но вторая тема более затруднительна для анализа, так как она вплетена в тему о войне и временами становится основной, подавляя первую.

Для сведений относительно византийско-персидских отношений в предшествующий период автор мог использовать «старые книги», о которых он говорит как об одном из своих ис-

[9] Chronique de Joshué le Stylite écrite vers l'an 515 / Texte et traduction par l'abbé P. Martin / AbhKM. Leipzig. 1876. Bd 6, N 1 (далее: Chronique de Joshué le Stylite).

[10] The chronicle of Joshua the Stylite, composed in syriac A. D. 507 / With a translation into english and notes W. Wright. Cambridge, 1882. В русском переводе хроники Иешу Стилита сохранено разделение на параграфы, данное издателем сирийского текста В. Райтом. Номера параграфов в подстрочных примечаниях соответствуют и сирийскому, и русскому тексту. При ссылках на текст Иешу Стилита соблюдаются следующие сокращенные обозначения: 1) *Иешу Стилит.* § ... (ссылка относится и к сирийскому тексту, и к русскому переводу); 2) *Иешу Стилит = Wright,* transl. P. ... (ссылка относится к английскому переводу и примечаниям В. Райта).

[11] *Иешу Стилит.* P. VI.

точников. Для иных сведений он указал устные сообщения. Он узнал многое от тех, которые были членами посольства при обоих дворах, скорее всего в роли толмачей, которую сирийцы обычно выполняли как при «ромеях», так и при сасанидских владыках. Эти сведения интересны и вскрывают истинное положение вещей, уже стершееся в византийских источниках. В вопросах внутренней жизни Месопотамии автор более всего сообщает о том, чему он сам был свидетелем, и в иных случаях он ссылается на общественное мнение, на то, что данные факты известны всем, прибегает и к авторитету лица, к которому обращена его хроника. Рассказав особенно тягостные и удручающие факты, летописец подтверждает их истинность тем, что они могут быть засвидетельствованы всем населением Эдессы.

Хроника написана в эпистолярной форме. Это послание — ответ на предложение одного лица, которого автор называет «священником и архимандритом Саргисом», обратившегося к нему с просьбой описать события, происшедшие в течение последних лет. Автор говорит, что неохотно берется за перо, так как не обладает дарованием для того, чтобы разрешить задачу, с которой не справились и те, кто «больше него».

На кого направлен этот намек? Не на двух ли его современников, стяжавших славу своими литературными произведениями, — Иакова Серугского и Ксенайю Маббогского, о которых он упоминает в своей хронике? Увещательные послания первого, во время голода и чумы, обращенные к населению Серугской области, периодевтом[12] которой он был, упоминаются и сирийским Захарией Митиленским.

Кроме мотивов личного смирения летописец указывает на неумение «смешать» поучение с печальными историями, о которых он сообщает. Эта последняя его черта вызывает большую благодарность со стороны историка, так как избавляет от необходимости вылущивать драгоценные сведения из массы благочестивых наставлений, сопоставлений и поучений. Несмотря на все предупреждения, автор неплохо справился со своей задачей. Он последовал примеру византийской хронографии и расставил годы и отдельные даты, «чтобы не путать повествования». Ему показалось несущественным писать о ценах, о дороговизне во время голода, но специальная просьба его корреспондента Саргиса побудила его уступить и сообщить об этом не принятом для «высокой» литературы предмете.

[12] Периодевт — один из старших клириков области, непосредственно подчиненный епископу.

Сообщая о византийских и персидских делах, он употребляет слова того и другого языка. Многое говорит за то, что он знал греческий язык. Персидского языка он если и не знал, то, во всяком случае, был знаком с его терминологией, а также с обычаями, взглядами и современными социальными течениями в Иране, например с движением маздакитов. Только Иешу Стилит сохранил название «ереси», проповеданной Маздаком, — zaraduštakan.

Кто он сам, этот автор, набросавший сильную и яркую картину современной ему жизни? Никто из современников о нем ничего не сообщил. Хроника называется по имени Иешу (Išo, Iešu, Iošua, Josué) Стилита по заметке, находящейся посредине текста, сделанной переписчиком. Елисей, монах монастыря Зукнин, переписавший «эту книгу», упоминает священника того же монастыря Иешу Стилита, написавшего «повести временных лет» о бедствиях, бывших в Месопотамии, и «вреде, нанесенном тираном людским» — царем персидским.[13] Критика мало выиграет, если вместе с Ф. Но[14] эти строки посчитает за приписку ко всей истории псевдо-Дионисия Телльмахрского, сделав ее автором Иешу Стилита, а последние строки о месопотамских бедствиях припишет неизвестному лицу. Пусть автором будет не Иешу Стилит, а псевдо-Иешу Стилит,[15] тем не менее черты, которыми он может быть охарактеризован из самого произведения, указывают на то, что он был клирик, монах. Самое обращение к нему архимандрита Саргиса, его почтительность и послушание в ответах, отчетливо выраженная клерикальная тенденция говорят об этом. Он всегда подчеркивает всякие начинания церковного порядка, будь то усиленные моления, новый евхаристический сосуд или учрежденный праздник. По взглядам он монофизит, хотя нигде не упомянул о своем символе веры, но в хронике он упоминает только монофизитов. Г. Гельцер назвал Иешу криптомонофизитом. Хотя он не скрывает своих симпатий к последним, но принадлежит к группе умеренных монофизитов, занимает в этой группировке миролюбивую позицию. Он действительно с исключительной теплотой, в похвальных выражениях упоминает о патриархе Антиохийском Флавиане, который был умеренным монофизитом и был снят в 512 г. Анастасием, заменившим его

[13] *Иешу Стилит.* P. IX; Chronique de Joshué le Stylite. P. 18.

[14] *Nau F.* Étude sur les parties... P. 41.

[15] По мнению Ж. Шабо и А. Баумштарка, неизвестным клириком около 508 г. была написана хроника, которая ошибочно носит имя Иешу Стилита: *Chabot J.* La littérature syriaque. Paris, 1935. P. 67—68; *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 146.

«неистовым» Севером. Этим обстоятельством можно правильно объяснять неудовольствие Анастасием, которое высказал автор в конце хроники.[16] Более или менее благожелательное отношение к нему на протяжении всей книги в заключительных строках изменено словами, что читателю не следует «смущаться похвалами», которые щедро рассыпаны в книге, так как только в конце царствования Анастасий показал себя в истинном свете.

Сведений об образовании автора нет, но его словарь и стиль говорят о том, что он имел школьное образование. В 489 г. была закрыта Зеноном знаменитая «школа персов» в Эдессе, вследствие господствовавшего в ней несторианства. Возглавлявшие ее несториане переправились в «персидскую землю» и продолжили свою деятельность в Низибии, где школа процветала в течение нескольких веков.[17]

Монофизиты и немногочисленные мелкиты, оставшиеся в Эдессе после разгрома «школы персов», должны были продолжить традиции этого центра образования. Об этом говорит то, что Эдесса являлась в течение веков городом, из которого выходили образованные сирийские люди разных направлений.

Известное количество рукописей было переписано в Эдессе, что также подтверждает существование в ней школ, подготовлявших кадры переписчиков. Возможно, что Иешу Стилит принадлежал к числу учителей школы — обстоятельство, которое сделало бы понятным обращение его корреспондента Саргиса к нему с просьбой описать пережитое. Он упоминает также о «братьях нашей школы».[18]

Несмотря на целый ряд несуразных клерикальных рассуждений и замечаний, благодаря безусловной и прекрасной осведомленности автора, в хронике разбросано множество ценнейших сведений для исторической географии, топографии, археологии, искусства.

Для времени составления хроники могут быть выдвинуты две даты: 507 и 518 гг. Основания для этого следующие. Хроника написана под непосредственным впечатлением только что ушедших «бедствий», последняя ее дата 28 ноября 506 г. В тексте упомянут Юстин, сменивший на престоле Анастасия, ему прилагается только звание дукса, без всяких указаний на будущее его положение, что было бы вполне естественным. Однако

[16] *Gelzer H.* Josua Stylites und die damaligen kirchlichen Parteien des Ostens // BZ. 1892. Bd 1. S. 47.

[17] *Barhadbešabba Arbaya.* Cause de la fondation des écoles // PO. 1908. T. 4. P. 319.

[18] *Иешу Стилит.* § 34.

слова о нежелательной политике Анастасия в конце царствования (о чем речь была выше) ведут к 518 г. — году его смерти. Эту часть последнего параграфа хроники В. Райт находит позднейшей глоссой и хронику относит к 507 г. Г. Гельцер также считает хронику написанной в 507 г., но приписку признает сделанной самим автором после смерти Анастасия, когда он только и решился опубликовать свой труд.

На этой точке зрения стоял и Т. Нельдеке,[19] но впоследствии изменил ее, считая, что хроника была составлена несколько позднее.[20] Поскольку автор говорит о благосостоянии эдесской области, о спокойствии и благополучии, в котором она находится после пережитых бедствий, необходимо предположить, что прошло известное количество времени, за которое город и область могли оправиться.

Во всяком случае, относить написание и опубликование хроники ко времени позднее 518 г. нет никаких оснований.

Пожалеть можно только об одном, что автор хроники не осуществил свое горячее желание написать о «временах благоденствия» Месопотамии, как он это обещал своему корреспонденту. Или, быть может, это писание потеряно для нас, как многое из сокровищ сирийской литературы.

Клирик и, вероятно, учитель школы Иешу Стилит не является, однако, представителем высшего слоя духовенства. Епископы, периодевты, настоятели монастырей принадлежали к высшим чинам клира, были крупными землевладельцами и бесконтрольно распоряжались церковной или монастырской казной, поэтому и интересы этой верхушки были те же, что и «богатых», и «знатных». В хронике ничто не говорит о том, что автор ее разделяет эти интересы, наоборот, на протяжении всей книги он уделяет внимание «бедным», «простым», «несчастным». Высокие цены на продукты питания затронули и его, он говорит, что от дороговизны страдали «мы». Взяточничеством и несправедливым распределением постоя солдат он возмущается, как пострадавший. Сообщая о тяжбах, притеснениях, он становится на сторону обиженных, «малых» людей.

Иешу Стилит принадлежит к рядовым клирикам. Жизнь ремесленников и крестьян ему ближе, чем жизнь знати. Поэтому для него было возможно понимать интересы этих слоев населения. Но протест, возмущение, гнев пугают его. Он бранит «смельчаками», «дерзкими», делающими то, что «не подобает»,

[19] *Nöldeke T.* [Рец. на:] Chronique de Josué le Stylite écrite vers l'an 515 / Ed. P. Martin. Leipzig, 1876 // ZDMG. 1876. Bd 30. S. 352.

[20] *Nöldeke T.* [Рец. на:] The chronicle of Joshua the Stylite by W. Wright // ZDMG. 1882. Bd 36. S. 689.

тех представителей «простого народа», которые решились свой протест написать на «хартиях» и вывесить их в публичных местах города. Выступление против «власть имущих» кажется ему немыслимым. В своих словах он старается сгладить конфликт между магистром Келером и эдесситами, но делает это неумело, неуверенно. Он не решается высказываться, боясь, чтобы те, которые «любят упрекать», не стали распространять слухов, будто он говорит «против начальствующих». Он не лишен общечеловеческой, гуманной точки зрения на события. Хотя он и сторонник Византии, но действия ромейских войск в Иране вызывают его осуждение. Избиение всего мужского населения, поджог деревень, уничтожение виноградников кажутся ему безобразными. О фактах людоедства он говорит с нескрываемым ужасом.

Сам автор считает свои сообщения достоверными. Опасаясь, чтобы некоторые из фактов, сообщаемых им, как ужасающий голод после налета саранчи, жестокая чума, не вызвали сомнений у тех, которые будут жить «после нас», он подчеркивает истинность своих слов. «То, что я сообщаю в этой книге, таково, что все люди, которые находятся в нашей области, засвидетельствуют, что это правда». В исторической достоверности материала хроники сомнений не возникает и после самого тщательного анализа.

Бесспорно Иешу Стилит — лучший источник для истории войны при Анастасии, сохранивший живую свежесть отдельных эпизодов, не утерявших при этом общей связи и последовательности событий. Как таковой он и был привлечен некоторыми исследователями,[21] но многое требует и в этих данных дополнительной работы.

В части, касающейся внутренних событий в Месопотамии, это источник, ценность и значимость которого очевидна из последующих глав исследования.

Следует отметить специальный интерес, который имеют отдельные сирийские источники для изучения прошлого народов Советского Союза и тех народов, которые когда-то населяли его территорию и оставили след в памятниках материальной культуры, языке, письменности.

Хроника Иешу Стилита захватила целый комплекс событий, историческое развитие которых касалось народов, населявших Закавказье и живших между Каспийским и Аральским морями. Поэтому сирийская историография должна войти в

[21] *Merten E.* De bello persico ab Anastasio gesto. Dissertatio historica. Jena, 1905; *Rose A.* Anastasius I. Halle, 1882.

круг источников советского историка. Она содержит много данных о социальных и экономических отношениях народов Ближнего Востока, влиявших в качестве ближайших соседей на народы, занимавшие территорию СССР. Сирийцы сохранили ценные исторические сообщения о народах Советского Союза, о древних славянах, о тюркских племенах, о политической истории Закавказья. Материал этот имеет первостепенное значение и является новым, неисследованным и актуальным.

ИСТОЧНИКИ ХРОНИКИ

Как уже было отмечено, часть своих данных автор хроники относит за счет использованных им устных и письменных источников. Вопрос о них касается проблемы более общего характера — связи сирийской исторической литературы с византийской и пехлевийской. Ввиду этого и представляется существенным выяснить, какие именно источники могли быть использованы автором хроники.

В результате детального исследования оказалось возможным установить зависимость хроники в части известий, относящихся ко времени императора Зенона, от утерянного в настоящее время греческого источника. Известия, относящиеся к истории персов, армян и гефталитов, в основном почерпнуты автором из другого, неизвестного источника, наиболее вероятно, что из устной традиции. Об использовании им рассказов современников и устного предания, как и о том, что часть сведений почерпнута им из письменного источника, он сообщает сам. Первая часть хроники Иешу Стилита не имеет хронологических разделов. Они даются только с § 25, с 806 г. селевкидской эры (=494/95 г. н. э.). До этого года последовательное повествование имеет только даты отдельных событий.

Из приводимого ниже анализа § 25 очевидно, что письменные источники были использованы автором для предшествующей части хроники.

«Год 806 Александра. Относительно войны и как она возгорелась, я достаточно сообщил, как ты того желал, о отец наш, хотя я вкратце написал эти истории, избегая многословия. Часть из них я нашел в старых книгах, часть узнал из общения с людьми, которые были отправлены послами к обоим царям, прочее — от тех, которым случилось самим быть среди этих событий. Теперь же о том, что случилось у нас, я хочу сооб-

щить тебе, так как с этого года начались ужасные наказания и знамения, которые были в наши дни».[22]

Из сказанного автором очевидно, что предшествующую 806 (=494/95) г. часть своего труда он изложил с помощью письменных источников, которые он называет «древние писания» или «старые книги». Другим видом источников, использованных им, была устная традиция, при этом специально исходившая от лиц, служивших в посольстве. Ценной эту традицию делает то, что лица, с которыми он общался, участвовали в посольствах и в Иран, и в Византию. Помимо того, он имел материал и от лиц, случайно бывших свидетелями событий.

Относительно всего своего сообщения автор говорит, что он «вкратце» изложил «эти истории», что он «избегал многословия», следовательно, он располагал более обширным материалом, чем сообщенный им. «Вкратце» он мог, конечно, излагать и устные рассказы, но в равной мере это может касаться и сокращения письменных источников.

Первые 24 параграфа хроники заняты двумя темами — политической историей Ирана при Перозе и политической историей Византии при Зеноне. Положение в обеих державах обусловливало для хрониста события, развернувшиеся далее и служившие, по его мнению, причиной войны.

Откуда в сирийской хронике сведения о времени Зенона, в частности о мятеже Иллуса и Леонтия, свидетелем и современником которого автор не был? Других сирийских материалов, предшествующих этой хронике, об этом событии не имеется. Много оснований предполагать, что Иешу Стилит знал греческий язык. Прежде всего, велико количество греческих слов, которые встречаются в тексте хроники, как на это указывает составленный мною «Указатель греческих слов». Возможно сделать два предположения: или что Иешу Стилит сам использовал какой-то греческий источник, или что он располагал сирийским источником, тесно связанным с греческой традицией. Такой сирийский источник до настоящего времени неизвестен. Но тщательный анализ дает возможность указать на некоторые связи, на общие черты, на нити, которые сплетают сирийскую историографию с греческой.

Состояние византийских источников о мятеже исаврийцев при Зеноне таково, что возможно установить зависимость источников друг от друга.

Среди фрагментов Иоанна Антиохийского и в хронике Иоанна Малалы сохранились сообщения о мятеже Иллуса и Леонтия с большим количеством подробностей. Критики считают, что рассказ Иоанна Антиохийского, повторенный в сокращенном виде Малалой и позаимствованный летописцем Феофаном у того же Иоанна Антиохийского, непосредственно или опосредствованно восходит к историку Кандиду.[23]

[22] *Иешу Стилит.* § 25.

В Библиотеке Фотия о Кандиде говорится: «Известны три книги историка Кандида. Начинается она с воцарения Льва...», «Вторая книга сообщает о том, как магистр Патрикий, будучи в связи с Вериной, погиб, разгневав Василиска...», «Третья книга сообщает о том, что, восстав против Зенона, Иллус поставил царем Леонтия с Вериной...». Кончилась эта третья книга временем смерти Зенона.[24] Проф. С. П. Шестаков в упомянутой статье высказал предположение, что фрагменты Иоанна Антиохийского опираются на данные Кандида и что в его изложении проскальзывают черты симпатии к исаврийцам, что смерть Иллуса и его сторонников описана трагически, а эти данные перешли к нему от Кандида. История Кандида в трех частях не сохранилась именно благодаря его исаврийским тенденциям, которые шли вразрез с господствующими взглядами и тенденциями византийской историографии. Краткое изложение событий, связанных с мятежом Иллуса, данное Фотием по истории Кандида, совпадает с пространным рассказом Иоанна Антиохийского, так что нет оснований сомневаться, что Иоанн позаимствовал свои сведения у Кандида.[25] Последний был секретарем (ὑπογραφεῦς) лиц, принадлежавших к исаврийской верхушке, так, он перечисляет по именам лица господствующего слоя общества, которые были причастны к исаврийскому мятежу при Анастасии.[26] Ему были хорошо известны события, разыгравшиеся в крепости Херрис или Папириевой (по имени атамана разбойников Папирия), куда спаслись Иллус и Леонтий. Кандид благодаря своим связям был в курсе скандальной хроники двора. Он сообщает о связях Верины, матери Ариадны, бывшей сначала женой Зенона, а затем Анастасия. Верина была близка с магистром Патрикием, участвовала в заговоре против Зенона, а после его восстановления была заключена в крепость. Иллус, чтобы укрепить свое положение, поставил царем Леонтия и имел поддержку Верины.[27] Тот же Кандид мог

[23] *Шестаков С. П.* Кандид Исаврийский // Летопись ист.-филол. об-ва Новороссийск. ун-та. Одесса, 1894. Т. 4. С. 124.

[24] Candidi fragmenta // FHG. 1851. T. 4. P. 135.

[25] Ibid. P. 135—137. Ср.: Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno / Ed. C. de Boor. Berolini, 1905. P. 132—140.

[26] *Шестаков С. П.* Кандид Исаврийский. С. 126; Hermes. 1871. T. 6. P. 339.

[27] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 137. Candidi fragmenta. P. 137.

сохранить и живой рассказ об Ариадне, просившей Зенона вернуть ее мать. Зенон отослал ее к патрикию Иллусу, который был тогда всесильным. На грубый ответ Иллуса, чтобы она обратилась к своему мужу, Ариадна заявляет Зенону, что или она останется во дворце, или Иллус. Зенон отвечает ей: «Если ты можешь что-нибудь сделать, делай, я желаю тебя» (подразумевается оставить во дворце).[28] После этого покушение на Иллуса организует Ариадна, при посредстве кубикулярия, евнуха Урбика.

Упомянутые подробности носят интимный характер, и они могли быть сообщены лишь лицом, близким ко двору и искушенным в его сплетнях. Опуская часть подробностей, повторяет этот рассказ и Иоанн Антиохийский.[29] В первоначальном виде его текст, более чем вероятно, имел иной состав, в этом можно убедиться при сравнении его с Иоанном Малалой. Текст Иоанна Антиохийского, приведенный во фрагментах Константина Порфирогенита, едва ли отвечает тексту, по которому Иоанн Малала делал свои сокращенные записи. Живая речь Ариадны и Зенона могла уже выпасть из текста Иоанна Антиохийского, но все основания полагать, что она была почерпнута у Кандида. Так как Кандид был известен еще Фотию, то возможно, что непосредственно он был использован и Иоанном Антиохийским. Не исключена, однако, и другая возможность, что Кандид был использован ими уже опосредствованно, например, через Евстафия.

Евагрий в своих сообщениях о времени Зенона и Анастасия ссылается на авторитет некоего Евстафия, написавшего историю этого времени.

Впервые он упоминает его, перечисляя свои источники, и называет его «Евстафий из Епифании сирийской».[30] Иерокл, писавший до 535 г. (до консульства Велизария), включает Епифанию в число городов византийской провинции Сирии второй.[31] Евстафий написал историю, состоявшую из двух частей, из которых первая заканчивалась разрушением Трои, вторая доходила до 12-го года императора Анастасия.[32] В другом месте Евагрий говорит об этом с большими подробностями и дает

[28] *Ioannes Malalas*. Chronographia ex recensione L. Dindorfii. Bonnae, 1831. P. 387 (далее: *Ioannes Malalas*); *Theophanus*. Chronographia recensuit C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. P. 127 (далее: *Theophanus*).

[29] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 132—133.

[30] *Evagrius Scholasticus*. The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898 (далее: *Evagrius*).

[31] Hieroclis synecdemus et notitia graecae episcopatuum / Ed. G. Parthey. Berolini, 1866. P. 41, N 712.

[32] *Evagrius*, V, 24; I, 19.

хронологическую сводку, которой пользовался Евстафий. Евстафий пишет, что от начала царствования императора Диоклетиана до смерти Зенона и объявления (царем) Анастасия прошло 207 лет, от принципата Августа 532 года и 7 месяцев, от царствования Александра Македонского 832 года и 7 месяцев, от царствования Ромула и Рема 1052 года и 7 месяцев, от падения Трои 1686 лет и 7 месяцев.[33] Начало царствования Анастасия — 491 г., дата, которую поддерживает в хронологической таблице Евстафия дата воцарения Диоклетиана, эра которого считается с 29 августа 284 г. (284 + 207 = 491 г.). Счисление по эре Александра Македонского дает совсем другой год (832—311 = 521 г.) Здесь можно, однако, предположить ошибку, которая, возможно, возникла из-за невнимательности переписчика. Ошибка здесь составляет ровно 30 лет, которые, как отдельное число, вошли в текст; если пропустить число καί τριάκοντα в тексте ἔτη δύο καί τριάκοντα καί ὁκτακόσια, получается год 802, и по эре Александра он соответствует 491 г. н. э. Рукописями с таким пропуском мы не располагаем, но в некоторых из них имеется вставка дополнительных 20 лет в эре от Ромула и Рема. Это указывает лишь на то, что текст приведенного Евагрием счисления Евстафия не безукоризнен. Не настаивая на высказанном предположении, считаю его, однако, весьма вероятным и в таком виде правильным, так как год 832 по македонской эре никак не соответствует году воцарения Анастасия. О Евстафии Евагрий повторно выражается с похвалой, он говорит, что тот писал изящно, усердно, точно.[34] Иоанн Малала называет его мудрым историком и говорит, что Евстафий не закончил истории персо-византийской войны времени Анастасия, так как он сам умер.[35]

Таким образом, Евстафий из Епифании сирийской остановился на 12-м году царствования Анастасия. Малала считает, что смерть помешала ему продолжить его работу.

Евстафий известен как автор истории первых 12 лет царствования Анастасия, но Евагрий ссылается на него и в сообщениях о времени Зенона, начиная с момента, когда тот достиг милости у императора Льва, давшего ему в жены свою дочь Ариадну.[36] О восстании Теодориха, «скифа родом», и восстании Маркиана, сына Анфимия, царствовавшего в Риме, также сообщается Евагрием на основании истории Евстафия. Из нее

[33] *Evagrius*, III, 29 = FHG. T. 4. P. 141.

[34] *Evagrius*, III, 37; I, 19.

[35] *Ioannes Malalas*. P. 399.

[36] *Evagrius*, II, 15.

же почерпнуто краткое сообщение об Иллусе и Верине.[37] Дальнейшие главы о Верине, об Иллусе в книге Евагрия следует отнести за счет того же Евстафия, за исключением 28-й главы той же III книги, которую Евагрий относит за счет Иоанна Ритора (Иоанн Антиохийский или Иоанн Малала). К Евстафию с полной уверенностью, так как он упоминается всякий раз в тексте, можно, следовательно, возвести следующие главы III книги Евагрия: 24, 25, 26, 27, 29.

О походе Кавада на Армению, Феодосиополь, а затем Амид Евагрий также упоминает, ссылаясь на Евстафия.[38]

Таким образом, Евстафий описал войну и поход Кавада в период до 12-го года царствования Анастасия, т. е. до 503 г. н. э. (491 + 12 = 503 г.). Следовательно, и о предварительном и окончательном заключении мира между Византией и Ираном и тем более об основании Дары не могло быть сообщено Евстафием, как ошибочно думают некоторые исследователи, так как это идет вразрез с точным и ясным указанием Евагрия. О Даре есть сведения у Феофана, Малалы, Евагрия, общим их источником следует, однако, считать не Евстафия, а Прокопия, писавшего об этом в «Постройках».

Евстафий описал осаду Амида и взятие ее Кавадом в начале 503 г. (8 января), — эти сведения заимствованы у него Евагрием.[39] Для подтверждения этого взгляда можно сослаться на указание Евагрия, уже приведенное выше, и сообщение Малалы о смерти Евстафия, также уже упоминавшееся. Таким образом, намечаются рамки исторического труда Евстафия и очевидно, что в его состав входили и сообщения о царствовании Зенона и о персо-византийской войне при Анастасии до 503 г. н. э. Труд Евстафия составлялся им на греческом языке, так как его цитируют греческие историографы, нигде не указывая, что он пишет на каком-либо другом языке. Он жил или происходил — скорее жил — в Епифании в провинции Сирии второй. Следовательно, он — автор, живущий на Востоке, связанный с его традициями и потому сообщающий существенные данные. Евстафий для указанного периода времени был источником Евагрия. Сведения, содержащиеся у Иоанна Антиохийского, восходят к тому же Евстафию, так как и тесно связанный с первым Иоанн Малала ссылается на авторитет Евстафия.

[37] *Evagrius*, III, 24, 25, 26.

[38] *Evagrius*, III, 37.

[39] *Ensslin W.* Zur Gründungsgeschichte von Dara-Anastasiopolis // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. Athen, 1926. Bd 5. P. 345; *Benjamin.* Eustathios von Epiphaneia in Syrien // PE. 1909. Bd 6. Col. 1450—1451.

История Евстафия не сохранилась, но не из нее ли почерпнула свои сведения о времени Зенона и сирийская хроника начала VI в.?

Можно указать на два греческих источника, которые по времени предшествовали составлению хроники Иешу Стилита. Если считать, что хроника составлялась между 507—518 гг. или принять за дату составления даже 507 г., то написанная Кандидом история предшествовала ей по времени. Его сочинение в трех частях заканчивалось смертью Зенона, и есть все основания думать, что писал историю Кандид при жизни Анастасия. История Евстафия обрывалась на 12-м году царствования Анастасия, т. е. на 503 г. Возможно, что он знал и пережил взятие Амида, а затем умер. Таким образом, Иешу Стилит, несомненно, писал уже после Евстафия и мог быть знаком с его трудом. О первых главах своего труда Иешу Стилит говорит как об изложении, сделанном им в сокращенном виде; он, очевидно, располагал более обширным материалом, чем сообщенный им.

Все лица, упоминаемые хроникой Иешу Стилита, как Иллус, Леонтий, Матрониан, Пампрепий, Иоанн, известны и по греческим источникам, и в основном его изложение близко тому, что сообщается ими.

Тем не менее в сирийском имеются особенности, которые нельзя отнести только за счет сокращений, так как многое представляет различие и по существу. Сравнивая греческие источники с сирийской хроникой, следует отметить, что в общих чертах она наиболее близка материалам хронографа Феофана Иоанна Малалы, быть может, именно благодаря их краткости.

Попытка вписать рядом с сирийским текстом греческий — для параллели — не дала той наглядности, которая была бы желательна, так как текстуального совпадения между ними нет и поэтому пришлось прибегнуть к сравнительному изложению.

Иешу Стилит (§ 12) начинает с того, что «дворцовые люди» питали ненависть к Зенону как к исаврийцу. В греческих источниках об этом прямо не говорится. Фраза о Василиске, его «воцарении» и усилении затем Зенона (§ 12) представляет краткую формулировку Иешу Стилита о факте, известном по греческим источникам Малале и Феофану с большими подробностями.[40] Зенона боялся ненависти окружающих, и это заставило его построить крепость и укрепить ее. Помогал ему в этом «стратилат Антиохии по имени Иллус, который был также исавром» (§ 12). Тут же в крепости было собрано огромное ко-

[40] *Ioannes Malalas.* P. 379—382; *Theophanus.* P. 120—122.

личество золота — поручение, выполненное тем же Иллусом (§ 13). В греческих источниках можно указать на косвенное свидетельство Феофана под 5985 г. Мятеж, поднятый в Исаврии Лонгином, велся им с расчетом на оружие и на деньги, оставленные и заготовленные там еще при Зеноне.[41] Другое свидетельство о деньгах или о золоте в связи с крепостью находится у того же Феофана. При восстании Василиска Зенон с Ариадной бегут, забрав достаточное количество денег «в Исаврию, в крепость суровую, называемую Урба».[42]

После того как Иллус приготовил крепость как должно, он отправляется в Константинополь, чтобы сообщить об этом Зенону. Последний задумывает его убить, «зная, что он фальшив и жаждет власти» (§ 13). В этом пункте Иешу Стилит резко расходится с греческой традицией, которая видит в Иллусе всесильного временщика, человека, оказавшего помощь в восстановлении Зенона на престоле, распоряжавшегося во дворце помимо императора. Особенно ярко это рисуют просьбы Ариадны о возвращении ее матери Верины, с которыми она по указанию Зенона обращается к «патрикию Иллусу».[43]

У Иешу Стилита отсутствует и вся скандальная дворцовая хроника, которая была хорошо известна Кандиду и сохранилась как у Евстафия Епифанийского,[44] так и у Иоанна Антиохийского.[45] На то, что неудовольствие Зенона Иллусом было вызвано не только сложной дворцовой интригой, но и материальными делами, в связи с императорской казной, указывает сообщение того же Иоанна Антиохийского.[46]

По сирийской традиции приказ убить Иллуса исходит от Зенона. Воин, которому это поручено, тщетно искал случая сделать это тайно, наконец он делает попытку убить его во дворце. Однако следовавший за Иллусом воин ударяет его ножом в руку, меч падает и при падении поражает ухо Иллуса (§ 13). Греческая традиция считает причастной к этому покушению на Иллуса Ариадну, поручившую это дело Урбику, евнуху. Она сделала это после того, как Иллус на ее просьбы вернуть ее мать Верину высокомерно ответил, чтобы она обратилась к собственному мужу — императору. Ариадна с гневом предлагает Зенону выбирать между ее пребыванием во дворце и Иллусом. Зенон отвечает ей: «Я тебя желаю, если ты

[41] *Theophanus*. P. 137.
[42] *Theophanus*. P. 127.
[43] *Ioannes Malalas*. P. 387.
[44] *Evagrius*, III, 24, 27.
[45] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 132.
[46] Ibid. P. 133.

что можешь против него, делай».[47] Имя схолария, которому Урбик поручает убийство Иллуса, у Феофана — Спаникий, у Малалы он назван Споракием. Что касается Иоанна Антиохийского, то его данные не содержат указания на непосредственное распоряжение Ариадны, а связываются с самим Зеноном, причем покушений отмечается несколько.[48] Оружие, которым намеревались убить Иллуса, — меч, как в сирийском (§ 14), так и в греческом текстах.[49] Не удалось поразить Иллуса благодаря вмешательству одного из лиц его свиты. В сирийской хронике это воин, который ударяет ножом в руку убийцы, у Феофана спафарий Иллуса принимает удар на свое плечо, но меч поражает ухо Иллуса.[50]

Иешу Стилит сообщает, что Зенон спешно велит казнить покушавшегося (§ 13), об этом же есть и у Феофана.[51] Но и в дальнейшем Иешу Стилит (§ 13) говорит, что Иллус самовольно покидает Константинополь и, несмотря на неоднократные приглашения Зенона, посланные ему в Антиохию, не возвращался (§ 13, 14). Это в корне расходится с утверждением греческих историков, которые, как, например, Феофан, утверждают, что Иллус был назначен Зеноном стратегом всего Востока, причем он тут же берет с собою и патрикия Леонтия.[52] По Иешу Стилиту, Леонтий послан с войском Зеноном, чтобы привести Иллуса, но, подкупленный последним, остается с ним (§ 14). Леонтия делает царем сам Иллус, причем мотивировка Иешу Стилита настойчиво антиисаврийская, он утверждает, что «ромеи» ненавидели Иллуса. При этом он видит в Леонтии как бы подставное лицо, так как управляет всеми делами Иллус (§ 15). Между тем в греческой историографии дело обстоит гораздо сложнее, вопрос о престоле решается Вериной, которая утверждает Леонтия.[53] Стремление Иешу Стилита до известной степени выгородить Леонтия может быть объяснено тем, что

[47] *Theophanus*. P. 127; *Ioannes Malalas*. P. 387.
[48] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 132—133.
[49] Ibid. P. 133; *Ioannes Malalas*. P. 387; *Theophanus*. P. 127.
[50] *Иешу Стилит*. § 13; *Theophanus*. P. 327; *Ioannes Malalas*. P. 387; *Jean évèque de Nikiou*. Chronique / Pub. et trad. par H. Zotenberg // Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque Nationale. Paris, 1883. T. 24. P. 484—485. В дальнейшем Иоанн Никиусский продолжает переписывать Малалу, в сравнительно близкой к греческому тексту редакции. Он делает только несколько ошибок в именах, но по смыслу повторяет все сказанное у Малалы (*Jean évèque de Nikiou*. Chronique. P. 483—487).
[51] *Theophanus*. P. 128; *Ioannes Malalas*. P. 388.
[52] *Theophanus*. P. 128—129; *Ioannes Malalas*. P. 388; Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 136; *Evagrius*, III, 27.
[53] *Theophanus*. P. 128.

патрикий Леонтий был сирийцем. Однако возможно, что этот взгляд был уже в его источнике, на что указывает Иоанн Никиусский.

Местом пребывания заговорщиков и Иешу Стилит, и Феофан считают Антиохию.

Новое известие Иешу Стилита, будто «поговаривали», что Иллус полагал впоследствии убить Леонтия, несомненно, представляет собою тоже (§ 15) попытку защитить последнего, возможно, как своего единоплеменника, и всю ответственность не только возложить на исавра Иллуса, но и сделать из Леонтия его жертву.[54] Весь свой гнев Иешу направляет на Пампрепия, которого он называет «лживым магом». О том, что Пампрепий считался чародеем и был подозреваем в склонности к волшебству, имеются сведения и в греческих источниках. Феофан считает его сенатором и магистром,[55] но Иоанн Антиохийский говорит, что Пампрепий происходил из города Паноса в Египте и был грамматиком, осведомленным в греческих науках.[56] Считая, что Пампрепий сыграл отрицательную роль по отношению к Иллусу и Леонтию, Иешу Стилит говорит, что он «все их дела повернул и планы нарушил своей ложью» (§ 15). Ему, несомненно, известно, что заговорщики считали Пампрепия ответственным за неудачу обращения брата Иллуса, Трокунда, к «варварам».[57]

В своем сообщении Иешу сразу же говорит, что послы были отправлены в Иран «с многим золотом, имея в виду заключить дружеский договор или, если они попросят, послать им в помощь войско» (§ 15). Речь, очевидно, идет об одном и том же факте. Трокунд же попался Иоанну Скифу, который отрубил ему голову.[58]

Иешу Стилит считает, что полководец Иоанн Скиф был послан под Антиохию с большим войском (§ 15). Антиохийцы, боясь осады, заставили сторонников заговорщиков выйти из города. Попытка уйти за Евфрат им не удается. Тем более что Эдесса посланного ими Матрониана «с пятью стами всадников» не приняла (§ 16). Матрониан упоминается в другой связи Иоанном Антиохийским.[59] Он же сообщает, что Иллус «пере-

[54] У Иоанна Никиусского можно отметить также стремление смягчить положение Леонтия, который «сам себя погубил», и переложить всю вину на Иллуса. *Jean évêque de Nikiou.* Chronique. P. 487.
[55] *Theophanus.* P. 128, 130; *Ioannes Malalas.* P. 389.
[56] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 133.
[57] *Theophanus.* P. 130.
[58] Ibid.
[59] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 134.

поясал», т. е. облачил властью, Маркиана (имя, следовательно, переиначено) и послал его к Одоакру, к персидским и армянским архонтам.[60] Заговорщики вынуждены были вступить в бой с Иоанном и были разбиты. Иоанн преследовал их, но они спаслись в неприступную крепость, названия которой Иешу Стилит не приводит (§ 17).

Об этом бегстве в крепость Папирий говорит и Феофан.[61] У Иоанна Антиохийского крепость носит название Херрис.[62] Иллус отпустил часть войска, а Иоанн Скиф с ним жестоко разделался, говорит Иешу Стилит (§ 17). Осада крепости длилась долго. Из-за предательства Иллус и Леонтий были захвачены спящими (§ 17). Феофан говорит, что их предала жена Трокунда, мстя за его смерть.[63] Ночное предательство подтверждает и Иоанн Антиохийский.[64] По приказу Зенона оба были убиты, а у их сообщников были отрезаны руки (§ 17).

Уже выше было отмечено, что Иоанн Антиохийский через Кандида располагает большим количеством подробностей относительно казни заговорщиков и, как справедливо заметил проф. С. П. Шестаков, описывает ее с сочувствием к исаврийцам.[65]

Все вышеуказанное дает возможность сделать сопоставления и прийти к следующим выводам. В основном все факты, сообщаемые Иешу Стилитом, за исключением некоторых подробностей (например, отсечения рук у бывших с Иллусом), подтверждаются греческими источниками. Но у Иешу Стилита материал сокращен и поэтому ближе подходит к материалу Феофана и Малалы, хотя текстуально ни с тем, ни с другим не сходится. Если рассматривать сообщение об исаврийском мятеже в целом, то следует признать в сирийской хронике резкую антиисаврийскую тенденцию. Она сказывается в многократном подчеркивании ненависти ромеев к исаврийцам, в характеристике отношения и к Зенону, и к Иллусу. Хроника отмечает стремление Зенона давать высокие назначения исаврийцам. Также выдвижение его единомышленников раздражало ромеев. Иллуса тоже ненавидели, он не смел себя провозгласить царем именно из-за этого и мог править только за спиной Леонтия. С другой стороны, есть стремление оттенить невинность Леон-

[60] Ibid. P. 136.
[61] *Theophanus.* P. 130.
[62] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 137.
[63] *Theophanus.* P. 132.
[64] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 139.
[65] *Шестаков С. П.* Кандид Исаврийский. С. 124; *Ioannes Malalas.* P. 389; *Theophanus.* P. 132; Candidi fragmenta. P. 137.

тия, который был по национальности сирийцем. Возможно, что последняя тенденция связана непосредственно с нашим автором — сирийцем и не была в наличии в использованном им источнике, хотя она намечается и у Иоанна Никиусского, переписавшего Малалу. Что касается антиисаврийской тенденции, то несомненна ее связь с источником, который уже переработал материал Кандида и излагал под влиянием других источников, настроенных к исаврийцам враждебно.

Другой отличительной чертой сирийского рассказа является отсутствие романтической подкладки, данных скандальной хроники, от которой не устранились ни Иоанн Антиохийский, ни Малала и Феофан, частью совпадающие дословно, ни Евстафий Епифанийский, судя по мелким выдержкам у Евагрия. Возможно, что Иешу Стилит выпустил эти подробности сознательно, как клирик строгих правил, писавший к архимандриту и считавший эти подробности неприемлемыми для своего рассказа. Он ставит ударение на причинах другого порядка, говорит про «золото», о котором было известно Иллусу, про его «жажду власти», чтобы указать причину покушения на него, по приказу Зенона (не Ариадны, как у греков). Отличают сирийца и подробности относительно попытки пробраться в Эдессу, за Евфрат, что было для заговорщиков естественным выходом, подробных сведений об этом у других историков нет. Необходимо, однако, иметь в виду совпадение в сообщении о попытках завязать связи с Ираном «варварами». К этому Иоанн Антиохийский добавляет Армению и «тиранна Рима» Одоакра, к которым направляется тот же Маркиан (не Матрониан, как у сирийца).[66] Подробности об Эдессе можно отнести за счет местных сведений сирийца, которые он получил из устных источников, из локальной традиции.

Произведенный выше анализ приводит к выводу, что непосредственным источником Иешу Стилита для истории восстания Иллуса был не Кандид Исаврийский, так как у сирийца — ярко выраженная антиисаврийская тенденция. Приведенные выше данные дают основания предполагать, что Евстафий Епифанийский, писавший до 12-го года царствования императора Анастасия, использовал сообщения Кандида; вероятно, он подверг их обработке в духе современного ему византийского настроения, враждебного исаврийцам. Сирийцу — автору хроники — едва ли эта тенденция была особенно свойственна, тем более что на протяжении всей хроники у него встречаются враждебные ноты в отношении «ромеев». Но, излагая греческий

[66] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 136.

источник (Евстафия), автор сирийской хроники усвоил и антиисаврийскую тенденцию. Необходимо отметить, что прагматический характер сирийской хроники Иешу Стилита был влиянием того же греческого источника. Похвала, с которой Евагрий отзывается о труде Евстафия, была наградой за прагматическое изложение событий, усвоенное и Иешу Стилитом. Это направление греческой историографии сменилось другим, когда от историка стали требовать только последовательного изложения событий, без стремления указывать на причинную зависимость между ними. Следующий по времени сирийский историк, составитель хроники, известной под именем Захарии Митиленского, писавший в 60-х годах VI в., уже следует этой новой манере изложения согласно с изменившимся характером греческого летописания.

Если Евстафий Епифанийский действительно был источником Прокопия Кесарийского и сирийской хроники Иешу Стилита, то совершенно понятно, что общее между ними восходит к этому источнику. Близость хронографа Феофана к хронике Иешу Стилита объясняется тем, что Феофан сокращал Прокопия.

Теперь представляется необходимым выяснить, откуда позаимствовал Иешу Стилит сведения о политической истории Ирана при Перозе и его войнах с гефталитами. Кроме Иешу Стилита события времени Пероза и его походы известны по сирийской хронике Захарии Митиленского и по Табари, использовавшем иранские источники.[67] В общих чертах сообщения этих трех восточных источников сходны. Хроника Захарии Митиленского была составлена после Иешу Стилита. Факты, сообщаемые о времени Пероза Прокопием Кесарийским, имеют много общего с тем, что сообщают сирийские хроники.[68] Можно указать и пути, по которым могли проникать сведения из-за персидской границы в византийские пределы. В хронике Захарии Митиленского помянуты двое византийских подданных, из которых один, по имени Евсевий, играл роль военного атташе при Перозе, второй Евстафий, «лукавый, апамейский купец», был главным советником у гефталитов. Подробный рассказ о войне Пероза с гуннами Прокопия Кесарийского вкратце имеется у Иоанна Антиохийского. Последний сообщает, что Пероз погиб в войне с гуннами, что его сын и наследник

[67] Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden / Übers. v. T. Nöldeke. Leiden, 1879. S. 117—132 (далее: *Nöldeke*. Geschichte).

[68] Procopii Caesariensis opera omnia / Recog. I. Haury. Lipsiae, 1905—1908. Vol. 1—3 (далее: *Procopius*. De bello persico; *Procopius*. De aedificiis). De bello persico. I, 1, 3, 4.

Кавад был заключен в темницу по проискам неких людей из власть имущих и бежал к «кадисенам, называемым гуннами».[69] Кадисены — очевидно, гунны-гефталиты, о которых сообщает Иешу Стилит различные подробности (§ 9). Имя Пероза повторяет и Иоанн Малала, но не сообщает ничего более.[70] Подробный рассказ о Перозе у Феофана под 5968 г. следует отнести за счет сокращенного изложения Прокопия Кесарийского, которого он, без всякого сомнения, использовал.[71] Евагрию книги Прокопия, впрочем, также были известны.[72] Прокопий о своих источниках не сообщает, но очень вероятно, что сообщения о Перозе содержались в истории того же Евстафия. Сведения эти последний нашел у Приска Панийского, как справедливо на это было указано еще проф. С. П. Шестаковым.[73] В таком случае у него почерпнул свои данные Прокопий, а у Прокопия Феофан. Краткие заметки о Перозе у Иоанна Антиохийского — Иоанна Малалы могут восходить к тому же Евстафию.

На основании сведений у Прокопия — Феофана, с одной стороны, и Иоанна Антиохийского — Иоанна Малалы, с другой стороны, можно предполагать, что в истории Евстафия содержался материал о персо-гефталитских войнах Пероза.

Для истории персо-византийской войны при Анастасии и Каваде Прокопий Кесарийский использовал того же Евстафия. После 503 г., на котором история Евстафия обрывалась, его изложение становится суммарным, кратким, так как подробным источником он больше не располагал. Автор сирийской хроники пользовался историей Евстафия, где он нашел не только сообщение об исаврийском мятеже, но и имя Пероза и те сообщения о нем, которые роднят его собственное изложение, почерпнутое у Евстафия, с сообщениями Прокопия Кесарийского. Но если Иешу Стилит и использовал Евстафия, то в ряде случаев он дополнял и изменял его историю, так как он располагал дополнительными сведениями, большей частью устной локальной традицией. Таковы, например, его сведения о попытках исаврийских мятежников связаться с Эдессой и с персами. Сам житель Эдессы, он мог знать это из рассказов своих земляков. Точно так же он поступил и с сообщениями Евстафия о персах; он их дополнил и изменил, по сравнению с тем, что сохранилось у Прокопия, и сообщил новые данные, извест-

[69] Excerpta de insidiis. Ex Ioanne Antiocheno. P. 139.
[70] *Ioannes Malalas*. P. 389.
[71] *Theophanus*. P. 122—124.
[72] *Evagrius*, IV, 12.
[73] *Priscus Panites*. Fragmenta / Excerpta de legationibus ed. C. de Boor. Berolini, 1903. T. I. P. 153—154.

ные ему от послов, бывших в Иране, или иным путем, о походах и гибели Пероза, о маздакитах, о бегстве Кавада.

Иешу Стилит взял, следовательно, у Евстафия основную нить изложения, позаимствовал последовательность и тип прагматической историографии, но он не слепо переписывал свой источник. Так, его взгляды на жизнь, на историю заставили его обойти молчанием романтическую подкладку в восстании исаврийцев. Он считал возможным изменять и дополнять свой источник фактами, которые полагал достоверными и которые стали ему известны другим путем. Если Прокопий почерпнул у Евстафия легенду о жемчужине Пероза, то Иешу Стилит этой сказкой пренебрег. Как и в других деталях, преимущества на стороне сирийской хроники, автор которой ставил своей задачей использовать, продолжить и завершить труд Евстафия в той части, которая касалась его родины в узком смысле слова — византийских областей, где население говорило на сирийском языке. Он это и сделал и имел намерение продолжить свой труд, чтобы сообщить о «времени благоденствия», наступившем для Месопотамии после окончания войны.

Устные источники, рассказы современников, сообщения послов и толмачей, неписаная традиция о прошлом были тем материалом, которым широко пользовался автор хроники. Выше было отмечено, что сирийская хроника Захарии Митиленского называет по именам лиц, находившихся в тесных сношениях с персами и с гефталитами. Сведения, исходившие от лиц, служивших при посольствах, были достоверны. Пероз, по сообщению Иешу Стилита, дал обещание гефталитам больше не воевать.[74] Это подтверждает и Табари, говоря, что Перозом было дано письменное обязательство, к которому он приложил свою печать.[75] В таком случае тем более вероятно, что это событие имело свидетелей и было предметом обсуждения при персидском дворе. Если и существовала письменная традиция в Иране времени Сасанидов, использованная Табари, то утверждать, что она была известна автору сирийской хроники, нет оснований.

Если принять во внимание хронологию хроники Иешу Стилита и учесть сообщения Евагрия о хронологических расчетах Евстафия, то есть основания предполагать, что основой для сирийца послужили данные того же источника. Судя по данным Евагрия, последнюю синхронистическую таблицу Евстафий дал для года смерти Зенона и воцарения Анастасия. Таблица составлена с учетом и македоно-сирийского счисления, приня-

[74] *Иешу Стилит*. § 10.
[75] *Nöldeke*. Geschichte. S. 125.

того и распространенного у сирийцев до XX в. Счет от «Александра Македонского», селевкидская эра принята и в хронике Иешу Стилита. У Евагрия имеется ошибка в селевкидской дате смерти Зенона, но, как я указала выше, это является случайной ошибкой переписчика. После таблицы, отмечающей воцарение Анастасия, Евстафий ставил последующие годы лишь как годы его царствования. Он датировал события годами Анастасия, считая за 1-й год время от декабря 491 г. по 1 октября 492 г., как это обычно было принято в Византии. Таким образом, он довел свое повествование до 12-го года царствования Анастасия. Иешу Стилит остался верен сирийской традиции — вести счет по селевкидской эре, а исходной точкой для него послужила дата воцарения Анастасия, данная Евстафием в числе прочих счислений и по эре Александра. Факт использования им сводного исторического труда, каковой была история Евстафия, подтверждается еще тем, что сирийская хроника приводит даты для событий еще IV в. по селевкидской эре, как смерть Юлиана Отступника в 674 г. (=363 г. н. э.) (§ 7), опустошение азиатских провинций при Аркадии и Гонории в 707 г. (=396 г. н. э.) (§ 9). В 496 г. н. э. (=807 г. по селевкидской эре) хроника называет 17 мая пятницей, что соответствует действительности. В ее первом издании П. Мартэн неверно прочел название месяца ʿdr вместо ʿyr, как это исправлено в издании В. Райта.[76]

Даты хроники, поскольку они могут быть проверены по другим, главным образом греческим, источникам, достоверны. Это заставляет относиться с должным вниманием к датировке хроникой тех или иных событий.

С 806 г. селевкидской эры (=494 г. н. э.) (§ 25) Иешу Стилит начинает погодные записи, он сообщает свои собственные наблюдения, рассказы современников, отмечает события, свидетелем которых был сам. Это придает его изложению характер живости, подлинности, простоты. Конечно, все, что он рассказывает о жизни Эдессы и событиях, происходивших в областях, населенных сирийцами, никогда не было содержанием истории Евстафия. О налете саранчи, чуме и голоде, от которых вымирали во «всей Месопотамии», не было письменных записей до автора хроники. Но он, без сомнения, читал увещательное послание Иакова Серугского, обращенное ко всему населению восточных провинций. Иаков Серугский — плодовитый сирийский писатель, современник Иешу Стилита, о письме которого

[76] *Иешу Стилит.* § 27; *Nöldeke T.* [Рец. на:] The chronicle of Joshua the Stylite by W. Wright. S. 687.

по поводу чумы последний упоминает, но самое письмо среди многочисленных сочинений Иакова, к сожалению, не сохранилось. Во всяком случае, это один из письменных сирийских источников автора. Он знал и второго сирийца с большой литературной известностью — Ксенайю Маббогского, оставившего замечательные переводы с греческого на сирийский. Автор хроники сообщает о его пребывании в Эдессе в 497/98 г. н. э., но о сочинениях его не упоминает.

Греческая историография навеяла сирийцу сообщения об устрашающих знамениях, но эти страшные предзнаменования войны были им собраны и описаны по собственному усмотрению. До 503 г. описание военных действий Кавада могло им составляться под влиянием Евстафия, но, как мне удалось доказать на основании сопоставления данных Прокопия и сирийской хроники, последняя и в этой части имеет самостоятельный план и отличается от того, что рассказал Прокопий, использовавший Евстафия. В особенности существенны подробности относительно попыток захватить Эдессу, Харран, Серуг, сведения о составе персидского войска, об участии коалиционных войск в войне, об отношении населения к византийским и персидским войскам и т. д., которые сирийский автор сообщает как современник и свидетель событий. После взятия Амида в январе 503 г. н. э., когда изложение Прокопия начинает страдать явной недостаточностью, что является следствием того, что современный для войны источник — Евстафий — кончается, хроника Иешу Стилита и в последующих сообщениях дает подробные сведения о ходе войны и о заключении мира.

Что с 494/95 г. н. э. автор сирийской хроники вводит в повествование свои собственные наблюдения, очевидно из целого ряда подробностей. В качестве предзнаменования войны он сообщает о нарывах и чирьях, которыми стало болеть население (§ 26), и под тем же годом сообщает нормальные цены на пшеницу и ячмень в Эдессе (§ 26).

Следующий 497/98 г. н. э. (по селевкидской эре 809 г.) отмечен падением строящейся летней бани в Эдессе — событие, запомнившееся современникам. В этом же году Эдессу посетил блестящий сирийский писатель Ксенайа Маббогский, известный своими переводами с греческого языка на сирийский. И наконец, под тем же годом сообщается об отмене хрисаргира. Дата этого события имеется и в Эдесской хронике, причем там указан и месяц ияр — май 498 г.[77] Иешу Стилит был источни-

[77] *Hallier L.* Untersuchungen über die Edessenische Chronik // TU. Leipzig, 1892. Bd 9. Hf. 1. S. 33.

ком Эдесской хроники; поэтому не лишено оснований предположение, что точная дата находилась уже в хронике Иешу Стилита, которая дошла до нас лишь в одном списке. Следовательно, возможно, что составитель Эдесской хроники пользовался ею в несколько ином, более исправном виде. Подтверждение даты Иешу Стилита вторым сирийским источником, особенно таким источником, как Эдесская хроника, сведения которой кратки и интересы сосредоточены на клерикальных вопросах, — имеет существенное значение. Отмена хрисаргира была событием, поэтому дата сохранилась и в Эдесской хронике.

Под 498/99 г. н. э. в хронике Иешу Стилита находится сообщение о прилете саранчи. В сентябре (илул) 499 г. произошло сильное землетрясение, которое остановило на день течение источников Абарны, оно разрушило город Никополис и храм вблизи Аршемшата. О землетрясении сообщает и Феофан под 5995 г. Его хронологическая ошибка, как известно, составляет около 8 лет, иногда он имеет еще и дополнительные ошибки, ведь и воцарение Анастасия Феофан относит к 5984 г.[78] Землетрясение у Феофана помещено под годом, предшествующим походу Кавада, и приурочивается к Неокесарии.[79] Вероятно, речь идет о том же самом землетрясении, что и у Иешу Стилита. Никополис, о котором он говорит, В. Райт предполагал отнести к Эммаусу, городу Палестины, получившему это второе название.[80] Представляется более правильным отнести сообщение хроники к городу Никополису, находящемуся в несравненно более близком соседстве к Эдессе. В Евфратезии город Никополис называет Иерокл, и в настоящее время его географическое положение установлено,[81] как и положение Аршемшата и горячих источников Абарны.[82]

Самый факт землетрясения, как справедливо указал еще А. Гутшмид, относится к пятнице 22 августа 502 г. н. э., как его и помещает сам автор хроники. 813 г. селевкидской эры соответствует X—XII месяцам 501 г. н. э. и I—IX месяцам 502 г. н. э.; 22 августа 813 г., следовательно, составляет 502, а не 503, как ошибочно считали П. Мартэн[83] и А. Гутшмид.[84] Эта дата не вызывает сомнения и у В. Райта.[85] Под следующим

[78] *Theophanus.* P. 136—137.
[79] Ibid. P. 144.
[80] *Иешу Стилит.* P. 24.
[81] *Honigmann E.* Nicopolis // PE. 1936. Bd 17. Col. 535—536.
[82] *Honigmann E.* Die Ostgrenze des Bysantinischen Reiches. Bruxelles, 1935. S. 1.
[83] Chronique de Josué le Stylite. § 48.
[84] *Gutschmid A.* Kleine Schriften. Leipzig, 1890. Bd 2. S. 560.
[85] *Иешу Стилит.* § 45—47.

811 г. Селевкидов Иешу Стилит сообщает о затмении солнца, относя его на субботу, 23 октября 499 г. н. э.

Началось затмение утром, с восхода солнца, и длилось до 8-го часа. Судя по выражению, что земля была в сумерках, следует предположить, что затмение было полное. Между тем это указание не сходится с канонами солнечных затмений. В латинской хронике комита Марцеллина под 5-м годом царствования Анастасия отмечено солнечное затмение: «V Anastasii Aug. II soluis (=497 a Chr.). Solis defectus apparuit».[86]

Затмение ошибочно относят к 497 г. н. э. Между тем это неправильно, так как начало царствования Анастасия падает на декабрь 491 г.,[87] следовательно, 5-й год будет год 496, и затмение, о котором сообщает Марцеллин, есть полное затмение 22 октября 496 г. н. э., отмеченное в каноне.[88] Это тем более вероятно, что на 18 апреля 497 г. падает кольцеобразное затмение,[89] а не полное. В Вавилоне оно вовсе не было видимо, так как в каноне солнечных затмений Вавилон заключен в скобки.[90] Но возможно, что оно было видимо в Константинополе, так как оно наблюдалось в Афинах.

Так как комит Марцеллин дает сам только дату 5-го года царствования Анастасия, то тем более следует считать его сведения относящимися к полному затмению 496 г. Что касается Иешу Стилита, то дата затмения 499 г. не совпадает с каноном. Солнечное затмение под 499 г. хоть и известно, но падает на 22 августа и в Афинах имело место ко времени захода солнца. Для Вавилона сведений относительно затмения этого года не приведено и самое затмение считается частичным и отнесено лишь в подстрочное примечание.[91] В таком случае можно высказать лишь два предположения, что частичное солнечное затмение было записано Иешу Стилитом под 499 г. н. э., но ошибочно под 23 октября вместо 22 августа. Он мог сделать и другую ошибку: полное затмение 22 октября 496 г. отнести к 499 г. по памяти. Несомненно, он был свидетелем затмения,

[86] *Marcellini comitis.* Chronicon / Chronica minora ed. Th. Mommsen. Berlin. Bd 2. S. 94 (Monumenta Germaniae Historica. Bd 11).
[87] *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. London, 1923. T. 1. P. 429.
[88] *Ginzel F. K.* Spezieller Kanon der Sonne- und Mondfinsternisse für das Ländergebiet der klassischen Altertumswissenschaft und den Zeitraum von 900, v. Chr. bis 600 n. Chr. Berlin, 1899. S. 94. N 452.
[89] Ibid. S. 94, N 453.
[90] Указание на условное значение скобок см.: *Ginzel F. K.* Spezieller Kanon... S. 7.
[91] Ibid. S. 94. Anm. 2. Указание на условное отнесение некоторых малых затмений в примечания см. на с. 10.

так как описал его чрезвычайно точно, правдиво и при этом сообщил о нем в первом лице.

Что касается вообще дат хроники, то проверка тех из них, для которых приведены и дни недели, дает положительные результаты, так как по сравнительным таблицам Р. Шрамма,[92] они действительно падают на указанные дни:

§36.[93]	811 г.	23 тешри I,	суббота	(=X 499 г. н. э.)
§47.	813 г.	22 аба,	четверг	(=VIII 502 г. н. э.)
§50.	814 г.	5 тешри I,	суббота	(=X 502 г. н. э.)
§60.	814 г.	17 илула,	среда	(=IX 503 г. н. э.)
§61.	814 г.	24 илула,	среда	(=IX 503 г. н. э.)
§68.	815 г.	19 адара,	пятница	(=III 504 г. н. э.)[94]

В результате сравнительного анализа хроники Иешу Стилита и других исторических источников следует признать достоверными сообщаемые им сведения. Внесенные дополнения и история области Месопотамии до 507 г. н. э. рассказаны им на основании устной традиции или того, чему он был сам свидетелем. Исследование привело к выводу, что Иешу Стилитом был использован письменный греческий источник — «История», составленная в 2 частях Евстафием Епифанийским. Это один из тех истоков, в которых греческая и сирийская историография тесно сплетены. Имеются все основания для историка продолжать сравнительные разыскания в этом направлении и дальше.

Но проделанный выше анализ с новой силой подкрепил и другое положение — значение и достоверность оригинального материала в сирийских исторических памятниках, которые представляют поэтому исключительную ценность.

[92] *Schramm R.* Vergleichnistabellen für allgemeine Chronologie. Berlin, 1889.
[93] Номера параграфов хроники Иешу Стилита.
[94] Настоящая таблица была составлена по указанию акад. П. К. Коковцова, которому автор глубоко благодарен за оказанное содействие.

ЧАСТЬ II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК МЕСОПОТАМИИ V—VI вв. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Город Эдесса и провинция Осроэна

Несмотря на то что Иешу Стилит отнес свою хронику ко всей Месопотамии, фактически больше всего он сообщает об Эдессе, которая стоит в центре его интересов. В эпоху римского завоевания области за Евфратом были поделены на северную — Месопотамию, с центром Амидом, и южную — Осроэну, тяготевшую к Эдессе. В IV в. они так и упоминаются — «Mesopotamia et Osroëna provinciae»,[95] так называет их и Прокопий в VI в.[96] Осроэной именовалось еще и эллинистическое княжество, управлявшееся династией Ману. В римско-византийский период г. Эдесса сохранял свое сирийское название Урха, происхождение которого древнее и связано с арабами. В эпоху халифата за Эдессой утвердилось название Орфа. Плиний Старший указывал, что Тигр образует восточную границу арабских племен, которые он называл Arabes Oraei.[97] Эдесса была узлом, в котором скрещивался целый ряд дорог, из них одни, пересекая в разных пунктах Евфрат, шли с запада на восток, другие связывали северные и южные части Месопотамии. Как в Византии, так и в Иране Урху рассматривали как ключ к ряду областей Междуречья. На запад от Эдессы находится Бережик (Апамея), а против него, на правом берегу Евфрата, стоит Зейгма; здесь проходила одна из дорог из Сирии в Месопотамию. Южнее на Евфрате находится селение, известное в римский период и позднее как крепость Еуропос или Дура, о ней упоминает и Иешу Стилит. Теперь она получила известность как место исключительно ценных, хорошо сохранившихся памятников II и III вв. н. э.[98] Севернее Эдессы, также на Евфрате, стоит Самосата. При впадении Дайсана (Кара-Кайюм), на котором стоит Эдесса, в р. Гуллаб находится г. Харран, о котором Иешу Стилит сообщает, что во время персидской войны он подвергался нападению арабов. На юг от Харрана, близ Евфрата, стоит Каллиникус — Ракка, которая была построена, вернее обнесена стенами, в 449 г. и получила тогда еще одно название Леонтополиса. На восток от Эдессы нахо-

[95] Codex Justinianus, XI, 62, 8.
[96] *Procopius.* De aedificiis, II, 7.
[97] *Plinius.* Historia naturalis, VI, 9, § 1.
[98] Excavations at Dura-Europus. New Haven, 1929, 1931, 1932, 1933, 1934, 1936.

дится Низибия, которая, недолго оставаясь под римским владычеством, перешла опять в руки персов, а затем оставалась яблоком раздора между Ираном и Византией. На северо-восток от Низибии, на самой персидской границе, небольшое селение Дара было укреплено Анастасием. Новый стратегический пункт был необходим, и стены Дары возводились ускоренным темпом. Почти на середине пути между Дарой и Эдессой находилась Телла, обнесенная стенами и представлявшая важную опору для Византии.[99] Амид, на север от Теллы, стоит на Тигре (Деклат), стены его считались неприступными, а торговое значение было очень велико.[100]

В начале VI в. Эдесса была крупным, с многочисленным населением, хорошо укрепленным городом римско-византийского типа с театром, цирком, банями, водопроводом. Здесь же находились крупные правительственные оружейные мастерские.

Среди Эдессы протекала р. Дайсан. В городе на реке были шлюзы. После нападения Наамана, царька арабов Хиры, в ноябре 502/3 г. на них были сделаны запоры. Вернее, эти шлюзы обшили железом, чтобы сделать невозможным доступ в город по реке. Для этого дела не нашлось достаточного количества железа, и в обязательном порядке каждый двор в Эдессе должен был поставить 10 литр железа.[101]

Осенью и весной река превращалась в мутный бурный поток, который выходил из берегов, затопляя низменную часть города. Неоднократные наводнения сопровождались человеческими жертвами. При Юстиниане воды «скакуна», как называли греки Дайсан, были отведены на север за городскую стену в специально пробитое в скалах ложе.[102] Иешу Стилит сообщает о двух водопроводах, которые были проведены из деревень Телль-Зема и Модад, расположенных на север от Эдессы. Эти акведуки были обновлены эгемоном Евлогием в 505 г.[103]

За пределами города вода разливалась по оросительным каналам, которые питали сады и виноградники.

[99] *Dussaud R.* Topographie historique de Syrie antique et medievale. Paris, 1927. Pl. XIV; *Poidebard A.* La trace de Rome dans le désert de Syrie. Atlas. Le limes romain. Paris, 1934. Pl. CXL.

[100] *Berchem-Strzygowsky M.* Amida. Heidelberg, 1910; *Sachau E.* Reise nach Syrien und Mesopotamien. Leipzig, 1883. S. 189; *Honigmann E.* Die Ostgrenze... S. 3—18.

[101] *Иешу Стилит.* § 52.

[102] *Procopius.* De aedificiis, II, 7.

[103] *Иешу Стилит.* § 85.

По описанию Прокопия, городские стены, окружавшие Эдессу, состояли из двух рядов. Один представлял собою высокую стену, на которой возвышались башни. Перед стеной с башнями тянулся парапет; между ним и стеной находилось пространство, занятое ходом.[104] Возможно, что это сооружение городской стены имеет в виду и хроника, сообщая, что в 496/97 г. эгемон Александр построил крытый ход около «ворот гротов».[105]

Одно из наиболее замечательных зданий Эдессы — ее крепость, или цитадель. Она стоит на горной площадке, метров на 100 возвышаясь над городом. Внутри крепости сохранились помещения для войск и арсеналы для оружия. Крепость окружена глубокими рвами, защищена башнями с зубцами и бойницами.[106]

Главная улица города тянулась от ворот театра до ворот гротов, вдоль набережной Дайсана. На ней находились портики, вокруг которых охотно располагались ремесленники. Здесь они ставили и свои лавочки-мастерские, которыми была застроена вся набережная. Здание, называемое антифором, следует предполагать находящимся против форума. О нем упоминает Иешу Стилит.[107] Прокопий сообщает, что, разрушенное наводнением, оно было реставрировано Юстинианом.[108] В городе имелись летние и зимние бани.[109] Новые общественные бани начали строить в 497 г., при эгемоне Александре, на месте, где их было предположено устроить задолго до этого времени, около государственного зернохранилища.[110] О том, что эти бани строились по античному образцу, говорит то обстоятельство, что Иешу Стилит, сообщая о падении новой постройки, называет части здания (например, тепидерий), которые соответствуют отделениям римских терм.[111] Государственные амбары, или кладовые, около которых строились бани, упоминаются неоднократно. В них хранилось зерно и другие продукты, поступавшие в качестве подати натурой.[112]

[104] *Procopius.* De aedificiis, II, 7. О стенах и крепостных постройках Месопотамии: *Sauvaget J.* La citadelle de Damas // Syria, 1930. T. 9. P. 65; *Cumont Fr.* Les fortifications de Dura Europos. Syria, 1924. T. 11. P. 35.

[105] *Иешу Стилит.* § 27.

[106] *Texier Oh.* L'architecture byzantine. London, 1864. P. 199—209.

[107] *Иешу Стилит.* § 27.

[108] *Procopius.* De aedificiis, II, 7.

[109] *Иешу Стилит.* § 43.

[110] *Иешу Стилит.* § 29.

[111] *Иешу Стилит.* § 30.

[112] *Иешу Стилит.* § 40, 66, 81.

Местом пребывания эгемона, как в римскую эпоху, был преторий. За городской стеной у ворот Бет-Шемеш находился ксенодохейон (hospicium), который представлял собою больницу и странноприимный дом.[113]

К числу общественных зданий принадлежал и ипподром, который находился в северной части города, построенный еще в эпоху независимости Эдессы.[114] В нем происходили ристалища и бои диких зверей, запрещенные только при Анастасии.

Театр находился в восточной части города и был местом веселых зрелищ, с которыми христианская церковь вела жестокую борьбу, но не могла еще их ликвидировать. Особенно блестящими были представления, связанные с «языческим» празднованием в начале мая, удержавшимся в Восточной империи до VI в. Автор хроники говорит о нем с отвращением и возмущением, но дает ему живое описание. В. Райт и П. Мартэн без достаточных оснований присвоили празднику название сатурналий, которые падали на конец декабря и начало января. Этот же «языческий» праздник праздновался в мае. Он был любим предками — «отцами», которых летописец презрительно называет невеждами. Посягать на него население не давало. Даже известный красноречием Ксенайа Маббогский, будучи в Эдессе, «только однажды вел с ними об этом беседу».

В 497/8 г. празднование происходило так: «Приблизилось опять время праздника, в который распевались языческие сказания, и горожане приложили больше старания, чем прежде. Еще за семь дней они стекались толпой к театру в вечернее время, одетые в льняные одежды, покрытые тюрбанами, с распоясанными бедрами. Перед ними горели светильники, курился фимиам, и они бодрствовали всю ночь, кружась по городу и прославляя плясуна до утра в песнях, кликах и высокомерии».[115] Плясун, о котором идет речь, очевидно тот Тримериус, про которого летописец рассказывает под 495/6 г., когда в честь праздника устраивалась иллюминация города. «Зажигалось бесчисленное множество светильников в честь этого праздника — обычай, которого до того не было в городе. И от ворот театра до ворот гротов они расположили их по земле со стороны реки, поставив по ее берегу горящие светильники, повесили их в портиках, антифоре, в верхних улицах и во многих местах».[116]

[113] *Иешу Стилит.* § 42, 43.
[114] *Procopius.* De bello persico, II, 12; *Gutschmid A.* Untersuchungen über die Geschichte des Königsreichs Osroene. SPb., 1887. S. 14.
[115] *Иешу Стилит.* § 30.
[116] *Иешу Стилит.* § 27.

В нагорной части города стояли «дома богачей», целые дворцы, в которых было множество дорогой утвари, посуды, ковров, одежды. О богатстве эксплуататорской верхушки городов Месопотамии, лежавших на караванных торговых путях, можно судить по тому, что рассказывает хроника псевдо-Захарии Митиленского о сокровищах, вывезенных из города Амида Кавадом персидским. Здесь перечислены: статуи, солнечные часы («дома часов» в буквальном переводе), мрамор, бронза, «золото и серебро из домов богачей», «прекрасные одежды».[117] Чем больше было роскоши и богатства в домах городской верхушки, тем резче был контраст с нищенскими условиями жизни народных низов, которые ютились в жалких хибарках и шатрах.

Рядом с изысканной роскошью существовала ужасающая бедность. Дорогие, роскошные одежды верхов общества выделялись на фоне лохмотьев, под которыми скрывала свою наготу нищета. Контрасты экономического характера были кричащими. Они бросались в глаза.

Население Орхай составляли различные народы, представители разных этнических групп. Основным населением города и области были сирийцы, за языком которых сохранилось господствующее положение, так как на нем разговаривали между собою народы всех больших центров Ближнего Востока. В своих руках до середины VII в. сирийцы держали нити торговых связей на Востоке и на Западе, а в ряде промышленных отраслей они не знали соперников. Если греки, римляне, персы, арабы составляли численно относительно большие группы в Осроэне и в Орхай, то с торговыми караванами по тысячелетним путям, скрещивающимся в Эдессе, приходили и уходили грузины, лазы, кудишиты, тимуриты, копты, эфиопы, индусы. Соответственно разнообразны были одежда, обычаи, нравы, пестры были языки и наречия, на которых говорила эта масса. Различны были и религиозные верования: язычество всех видов и форм, зороастризм, иудейство, христианство всяких направлений и толков существовали в непосредственной близости. Эдесса V—VI вв. — типичный город Ближнего Востока, шумный, пестрый, разноязычный. Внешность города с его крепостными постройками, городскими стенами, общественными зданиями, водопроводом была римско-византийской. Но жизнь, бившая ключом, была подобна жизни всех восточных городов с их базарами, лавками, театральными представлениями, длин-

[117] Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo abscripta / Ed. E. W. Brooks. Parisiis, 1919—1924. T. 1—2 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 5—6) (далее: *Zacharias Mytilenensis*).

ными процессиями, торжественными праздниками, волновавшими, как морской прибой, улицы и площади. Промышленность и торговля, роскошь, богатство, золото, драгоценности — все привлекало к Эдессе и было предметом вожделения ее воинственных соседей, персов. Но не им было суждено захватить жемчужину Междуречья. Больше столетия простояла она с тем, чтобы склониться под мощным натиском арабов.

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ ДЕРЕВНИ И ГОРОДА

Анализ социальной терминологии хроники Иешу Стилита и тех сведений, которые она сообщает о классах и их взаимоотношениях, вскрывает основу экономических и аграрных отношений того времени.

Найти соответствующее толкование сирийским терминам, дать их греческие эквиваленты, вскрыть сущность тех отношений, о которых сообщает хроника, значит поставить ее данные в связь со всем историческим процессом этого периода.

Среди непосредственных производителей на земле наибольшее количество составляли колоны. В то же время существовало и рабство, как существовали и группы «свободных» производителей, объединенные в общины.

Иешу Стилит, противопоставляя сельское население вообще городскому, называет его обычно «деревенскими».

Более крупные селения носят название kryt'. В обиход сирийского литературного языка вошло и греческое слово χώρα, употребляемое в смысле области, провинции. Говоря о производителях в деревне, хроника называет их — akare (ἀγρίκολαι) и palahe (γεωργοί).[118]

Упоминая их одновременно, автор, очевидно, имел в виду какое-то различие между «земледельцами и крестьянами». Термин palaha, в позднейшем арабском произношении «феллах», происходит от общесемитического корня — plh. Глагол имеет общий смысл работать вообще, но в частности определяет выполнение земледельческой работы.[119] Глагол — akr имеет более узкий смысл, применяется только к работе, производимой на земле, иногда обозначает «пахать», имея общий корень с халдейским ikkaru. Существительное akara — это arator, agricola.[120]

Анализируя способ выражения других сирийских источников, можно выяснить более точно смысл этих двух как бы равнозначащих терминов. Хотя в этом случае нет законченного, установившегося и точно соответствующего греческому и латинскому словоупотреблениям.

[118] *Иешу Стилит.* § 45.
[119] *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. Oxonii, 1901. T. 2. Col. 3147, 3151.
[120] Ibid. Oxonii, 1879. T. 1. Col. 190.

Хроника Захарии Митиленского сообщает, что на базар под стенами Амида собирались «крестьяне из деревень» — palahe men kuris. Здесь в числе крестьян могли быть и колоны, и свободные земледельцы.

Сирийский законник, представляющий собой сборник доюстиниановского права, был переведен с греческого на сирийский в последней четверти V в. Подлинник до настоящего времени не найден, но послесловие в сирийских рукописях сообщает, что перевод сделан с «ромейского», т. е. с греческого, языка и содержит «законы и приказы гражданские», установленные византийскими императорами Константином, Феодосием и Львом.[121]

Законник, говоря о земледельческом населении, также делает различие в терминах. Свободный называется просто «муж» (gabra), тогда как приписной крестьянин назван — palaha в статье, которая запрещает принимать беглых приписных. Термин ἐναπόγραφος транскрибирован в старейшем Лондонском списке сирийскими буквами и оставлен без перевода.[122] Парижская рукопись снимает всякое подозрение в том, что смысл этого слова был непонятен сирийцу, так как она толкует его вполне правильно: «Если же кто примет мужа крестьянина (gabra palaha), который ему не принадлежит, который записан за другим, и, если он примет его, зная, что он крестьянин другого, то...».[123]

Термин ἐναπόγραφος — adscriptitius разъяснен здесь как приписанный, или записанный, за владельцем крестьянин; сохранено рядом и греческое слово, которое, однако, успело утерять свою правильную транскрипцию более древнего Лондонского списка.

Законник, следовательно, знает «palaha ἐναπόγραφος» — приписного крестьянина, записанного за владельцем, на земле которого он сидит. Это крепостной, не имеющий права покинуть свой участок.[124] В таком положении, для целей фиска, ко-

[121] Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert / Ed. K. Bruns und E. Sachau. Leipzig, 1880. Cod. L. S. 36 (далее: Syrisches Rechtsbuch).
[122] Ibid. Cod. L, § 50. S. 15. Следует отметить, что сирийский текст, транскрибируя греческое ἐναπόγραφος, произвольно меняет мужской род и ставит окончание среднего рода ἐναπόγραφον. Такого рода вольности для сирийских текстов обычны; см.: *Rissel V.* Über den textkritischen Werth der syrischen Übersetzungen griechischer Klassiker. Leipzig, 1880.
[123] Syrisches Rechtsbuch. Cod. P, § 28. S. 48.
[124] В одном случае в законнике упоминается palaha в таком смысле, который может ввести в заблуждение. Именно в § 94 Лондонского списка имеется пере-

лон вместе с землей, которую он обрабатывал, учитывался государством и попадал в податной цензовый список, составлявшийся на землевладельца. Участок приписного колона числился, следовательно, за собственником, а сам он становился в положение, близкое рабу, занятому земледельческой работой. Приписной, оставивший своего владельца, считался беглым, и принимать его было запрещено законом так же, как беглого раба.[125]

Юридические памятники делают различие между колонами свободными и приписными.

Для свободных арендаторов (coloni liberi) не существовало обязательства оставаться на арендуемом участке у землевладельца. Он обрабатывал его на определенных условиях и волен был его покинуть по своему желанию. Имущественное положение могло быть различным и влияло на степень зависимости от землевладельца. Зажиточный колон мог иметь не только свое имущество, двор, дом, инвентарь, скот, и даже одновременно с арендованной землей мог иметь собственный участок земли. У государства, однако, была тенденция привязывать земледельца к его участку: длительная аренда вела к закрепощению колона. По закону, изданному при Анастасии, длящаяся свыше 30 лет аренда становилась обязательной для обеих сторон. Колон не мог оставить своего участка земли, как и землевладелец не мог лишить его аренды.[126] Так, независимый человек прикреплялся к тяглу, терял свободу передвижения, а с этим в корне менялось его юридическое положение. Этот закон прикрепил и свободных арендаторов и μισθωτοί[127] с тем отличием, что свободные колоны (coloni liberi) сохраняли за собой лишь свое личное имущество, которым они обладали до прикрепления.[128]

числение лиц, которые составляют завещание на чужбине, среди них упомнаются купец и воин, а предшествует им крестьянин. Это одно уже кажется сомнительным, так как такого рода перечисления обычно составлялись в иерархическом порядке. Из подстрочного примечания явствует, что слово изменено издателем, так как первая буква в слове palaha — m, а не p; это место, следовательно, испорчено и не может приниматься в расчет.

[125] Syrisches Rechtsbuch. Cod. L, § 49, 50. S. 15; Cod. P, § 28-ab. S. 48; соответствуют Codex Theodosianus, V, 9, 1, 2 и Codex Justinianus, XI, 48, 12. В сирийском имеется ошибка: в наказание за прием беглого раба или приписного закон предлагает укрывателю самому сделаться приписным у владельца беглого. Codex Justinianus и Codex Theodosianus предлагают взамен отдать другого приписного.

[126] Codex Justinianus, XI, 62, 14.

[127] Codex Justinianus, XI, 48, 19; XI, 48, 23.

[128] *Constantinescu M.* Réforme sociale ou réforme fiscale // Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine. Bucarest, 1924. P. 94.

В сирийских источниках нет специальной терминологии, которая соответствовала бы этой категории производителей в деревне, как нет отражения или следов этого закона Анастасия, что, впрочем, совершенно не означает, что он не применялся в пределах Сирии и Месопотамии. Среди колонов, с одной стороны, отслаивались экономически более крепкие, которые могли вести хозяйство самостоятельно своим инвентарем. С другой стороны, в положение колонов-арендаторов становилась не имевшая ничего беднота.

Из приписных обычно самые неимущие обрабатывали землю орудием и скотом владельца; не имея ни двора, ни дома, они ютились в помещении, предоставленном собственником. Рента выплачивалась ими натурой, а того, что оставалось, не хватало на пропитание. Создавалась полная зависимость колона от владельца, который проявлял по отношению к нему свое domini potestatem. Приниженное положение приписного, совпадавшее с положением раба, в полной мере сказывалось в законах о беглых. Колон, как раб, вынужден был бежать от тяжких условий жизни, от непосильного бремени налогов и изнурительной работы. Прикрепленный к земле крестьянин не имел прав оставлять своей аренды, а принимать беглых запрещалось законом. Хотя закон Анастасия делает различие между положением рабов и приписных (serviles vel adscriptitio conditio), но фактически эти границы стирались. В 530 г. разницы между рабами и приписными Юстиниан не видит. «Как же понимать разницу между рабами и приписными, когда и те, и другие находятся во власти своего господина, который может раба выгнать со своим скарбом, а приписного прогнать со своей господской земли».[129]

Хроника псевдо-Захарии Митиленского знает на епископской земле париков в крепостном состоянии. Она называет их tautebe (присельники, или насельники, соответствующее греческому πάροικοι). В агиологической литературе и монастырских актах они являются как бы крепостными монастырей. Здесь в начале VI в. за Евфратом они сидят на епископской земле.[130] После войны с Кавадом, желая обратить в крепость небольшой городок Дару, расположенный на границе с Ираном, Анаста-

---

[129] Codex Justinianus, XI, 48, 21.

[130] Юстиниан в новелле, регламентирующей эмфитевзис и трактующей о церковной собственности, упоминает παροικικόν δίκαιον — ius colonarium, см.: Novellae 120, cap. I: ἀλλ' οὐδὲ παροικικῷ δίκαίῳ διδοσθαι τι συγχωροῦμεν. В законодательных памятниках более позднего времени парики упоминаются постоянно как πάροικοι, δουλοπάροικοι, κληρικοπάροικοι. *Du Cange D., Du Fresne C.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688. T. 1. Col. 22.

сий выкупил у Фомы — епископа Амидского селение. Всех насельников церковной земли «он освободил и утвердил за каждым его землю и двор».[131] Парики перестали быть зависимыми от епископа, которому принадлежала земля, но они остались сидеть в качестве крестьян государственного домена на предоставленных им участках.

Существование деревень, объединявших «свободных» крестьян, не связанных с каким-либо собственником, удостоверяется тем же Сирийским законником. Вскрытие завещания в селении (krita), ввиду того что вещи, подлежащие наследованию, «малые и бедные», происходило в присутствии местных клириков (kašiše ve mešamšane) и «старцев, которые управляют селением».[132] Saba обозначает старого человека, старца, и претерпевает те же изменения, как и греческое πρεσβῦς. Деревенские старосты известны по греческой агиологической литературе и носят названия πρεσβύτεροι, πρῶτοι τῆς κώμης, προτοκομήται.[133] Выражение «управляющие» от корня prnš имеет смысл управления вообще и специального выполнения функций хозяйственного порядка, соответствующий греческому οἰκονομεῖν.[134] Управление селений старостами было связано с собиранием податей, учетом и распределением повинностей.[135] Селение представляло собою центр свободных крестьян, в законе соответственно завещатель назван не palaha, а просто «муж» (gabra). Если архива в этой деревне не было, завещание предлагалось хранить у эконома местной церкви и то, если там был обычай сберегать δικαιώματα.

Ни хроника Иешу Стилита, ни псевдо-Захарии Митиленского не упоминают о рабах, посаженных на землю. В законнике большое количество статей трактует о рабстве, но они не содержат прямого указания на то, касается ли вопрос домашнего рабства, длительно распространенного на Востоке, или рабов земледельцев (servi rustici). Нет сомнения, однако, что и в Месопотамии рабы были причастны к земледельческому труду и сидели на земле господина. Пополнение численного состава рабов шло различными путями: дети рабов и рабынь де-

[131] *Zacharias Mytilenensis*. VII, 6.

[132] Syrisches Rechtstbuch. Cod. L, § 95. S. 24.

[133] *Рудаков А.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 178; *Lingental K. E. Zachariä v.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 3-te Aufl. Berlin, 1892. S. 218.

[134] *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. T. 2. Col. 3269.

[135] К вопросу о крестьянских общинах вообще и свободных крестьянах преимущественно в VIII и IX вв. см.: *Constantinescu M.* 1) Réforme sociale ou réforme fiscale; 2) La communauté du village Byzantin; *Васильевский В. Г.* Материалы для истории Византийского государства // ЖМНП. 1879, апрель. Ч. 202.

лались рабами так же, как и свободные женщины, делаясь женами рабов, попадали в рабское положение. Во время войн военнопленных массами обращали в рабство.[136] Немалую роль играли продажа в рабство за долги, самопродажа, рабство вследствие невозможности выплатить заимодавцу долг и т. п. Сирийский законник знает этого рода экономические факторы, приводившие к рабству, он предусматривает положение, когда продающий себя просто проедает ту цену, за которую он себя продает, или часть цены, которая ему выделяется посредником при продаже. Таким образом, рабство бывало следствием экономически безвыходного положения, человек вовлекался в него, гонимый голодом, нуждой, а «проевший» себя свободный делался рабом.[137]

Раб, понятно, был совершенно бесправным. В качестве рабов земледельцев, посаженных на землю, эти servi rustici вносятся в цензовые списки, поэтому они и носят название censiti или censibus adscripti; этим окольным путем они попадали на учет государству. Но приписанные таким путем рабы учитывались лишь как живой инвентарь, по количеству рабов можно было судить о доходности земли, за счет которой делалась надбавка подати, уплачиваемой землевладельцем за землю. Каков был удельный вес этих земледельческих рабов в V в. в азиатских провинциях Византии, сказать трудно.

Основной массой городского населения являлись организованные в корпорации ремесленники, поставленные под строгий контроль правительства, и многочисленная армия чернорабочих, поденщиков, рабов, вольноотпущенников.

Городских ремесленников сирийская хроника называет umane. Это сирийское umana соответствует греческому τεχνίτης, латинскому opifex, artifex, fabricator.[138] Так могут быть названы искусные, испытанные в каком-либо производстве мастера или ремесленники. Но этим содержание термина umana не исчерпывается, так как ремесленниками сириец называет также работников, не имеющих особой квалификации или выучки. Источники различия в терминологии не делают. Про строившиеся бани хроника говорит, что там работало «много людей».[139] Законник каменщиков, перестраивающих стену каменного дома, называет umane (ремесленниками).[140]

[136] При взятии Амида и других городов и селений Кавадом персы массами уводили население в плен, обращая его в рабство.

[137] Syrisches Rechtsbuch. Cod. L, § 73. S. 19.

[138] *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. T. 1. Col. 237.

[139] *Иешу Стилит.* § 30.

[140] Syrisches Rechtsbuch. Cod. L, § 98. S. 25.

Когда около г. Амида понадобилось сделать подкоп, то на эту работу вызвали ремесленников из других городов, которые помогали подкапывать стену «деревенским», также привлеченным к этой работе.[141] Umane в V в. не представляли собой единого сословия ремесленников, наоборот, все говорит за необходимость видеть в них неоднородную группу населения, занимавшуюся неземледельческим трудом, с резкими имущественными отличиями. Ремесленником назывался как неквалифицированный, несущий наиболее тяжелый, полурабский труд поденщик, так и мастер, имеющий свою мастерскую и лавку, в которой он сбывал свой продукт. О поденщиках мы узнаем, что они «стоят на торжище», ожидая, что их позовут на работу. Условия труда были полурабскими, заработок задерживался, не выдавался, их обсчитывали.[142] Работодатели всячески злоупотребляли преимуществами своего экономического и привилегиями правового положения. Оплата труда была низкой, а условия жизни поденщиков были невыносимо тяжкими. Хроника дает сведения об оплате труда. Постоянная конкуренция с трудом рабов, жалкие жизненные условия, обман при расчетах характеризуют их существование. Можно указать на данные о заработной плате, относящиеся к VI и VII вв. Один кератион в день зарабатывал каменщик в Египте, поденщик в Александрии.[143] Сирийская хроника Захарии Митиленского сообщает данные для V в. о заработке на строительных работах; эти данные требуют анализа.

Небольшой пограничный городок Дара был избран Анастасием как новый стратегический пункт на границе с Ираном. Его стали спешно обносить стенами, сооружался водопровод для проведения воды с гор в специально устроенную цистерну, где она должна была сохраняться. Были построены зернохранилище, бани и другие общественные здания. Целью было обеспечить город на случай осады. С постройкой Анастасий торопился, и наблюдение над ней было поручено епископу Фоме Амидскому, который часто посещал строительство и посылал своих агентов. Прокопий таких подробностей, которые сообщает Захария, не знал, его «De aedificiis» содержат лишь краткие заметки о Даре, как и хронограф Феофана.[144] Сирийский источник упоминает о специальном эдикте Анастасия и

[141] *Иешу Стилит*. § 46.
[142] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 6.
[143] *Рудаков А.* Очерки византийской культуры... С. 172, 173; *Ostrogorsky G.* Löhne und Preise // BZ. 1932. Bd 32. Hf. 2. S. 300, 297. Кератион — мелкая серебряная монета, подробности см. ниже.
[144] *Theophanus*. P. 150.

сообщает, что деньги отпускались в достаточном количестве, и Фоме было обещано покрыть все расходы, связанные с постройкой.

Для сбора материала, заготовки и подвоза камня требовались рабочие руки. В Дару были собраны ремесленники (umane), рабы (abde), крестьяне (palahe). Были также присланы многие каменщики и каменотесы, приказано было, чтобы никто не был «обижен в заработке», который он вырабатывал.[145]

Только благодаря щедрости в деньгах крепость была закончена в сравнительно короткое время. Необходимо отметить, что на постройку свободные рабочие пошли работать только после того, как «стало известно от Востока до моря (Средиземного), что это дело прямое и что выдается заработок, и собрались рабочие и ремесленники. Надсмотрщики над работой получали очень хорошо, и наполнялись их карманы».[146] Привлекало на строительство крепости то обстоятельство, что плата выдавалась без задержки, от которой работающим, очевидно, приходилось постоянно и жестоко страдать. Каменотесы, каменщики были специально присланы из больших городов, остальные были поденщики, среди которых были городские ремесленники, крестьяне и также рабы, посланные владельцами на заработки. «Карманы наполнялись», «разбогатели многие», говорит летописец, и это было справедливо для несших полицейскую службу надсмотрщиков. Данные об оплате поденной работы надо понимать с известной осторожностью. «И получал за день рабочий (peala) четыре кератиона, а если с ним был осел — восемь».[147] Один рабочий получал в день 4 кератиона; с вьючным ослом, на котором производилась перевозка материала, камня, песка и проч., заработок рабочего был двойным, он получал 8 кератионов.

Эта заработная плата вызывает некоторые сомнения, так как обычно дневной заработок рабочего не превышал 1 кератиона. Она объясняется, прежде всего, спешностью строительства, необходимостью привлечь рабочих для этой работы, имевшей стратегическое значение. Но, кроме того, следует принять во внимание, что последняя цена на пшеницу, которую дал Иешу Стилит под 504/5 г., составляет 4 кератиона за модий.[148] Постройка Дары началась после заключения мира в 506 г. Хлеб в Амид, ближайший к Даре город, возили из Эдес-

[145] *Zacharias Mytilenensis*, VII.
[146] Ibid.
[147] *Zacharias Mitylenensis*, VII, 6.
[148] Шесть модиев на динарий, т. е. 24 кератиона: 6 = 4 кират. Модий, кератион, см. ниже с. 115—116.

сы, так что цены могли там быть только эдесские или даже несколько более высокие. Возможно, что цены на хлеб упали после 505 г., но думается, что заработная плата, о которой сообщил Захария Митиленский, находится в связи с повышенной ценой на зерно после голода.

Надсмотрщики на постройке, «карманы которых наполнялись», применяли все те способы понуждения и контроля, которые существовали в обращении с рабами. Это лишнее указание на то, в какой тесной связи с рабовладельческими навыками зарождались элементы феодализма на азиатском Востоке. Неимущие составляли тот живой, легко воспламенявшийся городской слой, который в наибольшей степени испытывал экономический гнет.

На улицах Эдессы и площадях было построено ремесленниками множество лавок и будок.[149] Обычно в них не жили, а приходили на дневную работу мастера с подмастерьями и учениками. В ноябре 513 г. греческого счисления (201 г. н. э.) в Эдессе произошло сильнейшее наводнение, затопившее часть города.[150] Дайсану вообще в зимние месяцы случалось выходить из берегов, но в этот год бедствие было необычайным. Авгар VIII, эдесский царь, типа мелких эллинистических государей, характерных для Ближнего Востока этой эпохи, приказал, «чтобы все ремесленники города удалили свои лавки от реки и чтобы никто не строил себе лавок около реки. По совету землемеров и знающих установили лавки до предела разлива реки».[151] Лавка (hanuta, множ. hanvata, соответствует греческому ἐργαστέρια, ταβέρνα) служила как местом, где производилась продажа, так и мастерской, в которой происходило самое изготовление продукта. Излюбленной главной улицей Эдессы была набережная Дайсана; в III в. она была бойкой, такой она осталась и в V в., на ней толпился народ в праздничные дни, освещали ее особенно ярко.[152] Во избежание человеческих жертв во время повторных наводнений Авгар приказал также, чтобы «все, кто сидят в портиках и работают около реки, от тешри первого [октябрь] до нисан [апрель] не ночевали в своих лавках».[153] Это распоряжение имело в виду тех ремесленников, которые вели свою работу и торговлю в этих мастерских, а порой здесь же и ночевали. Дом, постоянное жилище, у них

[149] *Иешу Стилит.* § 29.
[150] Chronicon Edessenum. Paris, 1903. Text. P. 2, vers., 1 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 4).
[151] Ibid.
[152] *Иешу Стилит.* § 27.
[153] Chronicon Edessenum. Text. P. 2, vers. P. 1.

был в другом месте, возможно, что где-нибудь в предместье, во всяком случае не в центре, на главной улице. Портики использовались как крытое место, где можно было развернуть свое поделье и продавать, или быстро выполнять заказ, тут же полученный. Эти легкие постройки, будки, шалашики, строившиеся для защиты от палящих лучей солнца, так загромоздили улицы, что эгемон Александр в 496/7 г. н. э. был вынужден снять их, чтобы привести город в порядок.[154] Вся грязь, отбросы производства выбрасывались прямо на улицу, так что тот же эгемон нашел необходимым вычистить город, тем более что чума и другие массовые инфекционные заболевания не переставали угрожать городу.[155]

Подобно булочникам, о которых имеются подробные сведения, и другие ремесленники составляли организованные группы. Корпорации работали с ведома и с разрешения эгемона города, контролю которого они подчинялись.[156] Денежные обороты производства учитывались, и у представителей правительства имелись списки ремесленников для нужд фиска.

Хроника Иешу Стилита дает возможность вскрыть социальную структуру византийских провинций Месопотамии и Осроэны в конце V и начале VI в.

Какова была социальная структура Осроэны в эпоху ее независимости, сказать трудно, так как какого бы то ни было исследования данного вопроса не существует. А. Гутшмидт остановился только на хронологии Осроэны.[157] Это небольшое эллинистического типа государство управлялось династией Авгаров и Ману. Эдесская хроника сообщает о знати и дворцовых людях, окружавших Авгара VIII (начало III в.).[158] В 216 г. Каракалла взял Эдессу, центр Осроэны, превратив ее в римскую провинцию.

Римские и византийские императоры имели в азиатских провинциях собственные земли, законом 386 г. отмечены «fundi patrimoniales per Mesopotamiam et Osroenam provinciam».[159] Fundi patrimoniales — обычное название императорских земель, здесь они указаны за Евфратом. Возможно, что собствен-

[154] *Иешу Стилит.* § 29.
[155] Ibid.
[156] *Иешу Стилит.* § 40.
[157] *Gutschmid A.* Untersuchungen über die Geschichte des Königsreichs Osroene.
[158] Нахарарский строй соседней с Осроэной Армении в эпоху Аршакидов, по мнению проф. Я. А. Манандяна, носил феодальные черты. *Манандян Я. А.* Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении. Тифлис, 1923.
[159] Codex Justinianus, XI, 62, 8. О термине Fundi patrimoniales см.: *Удальцов А. Д.* Социальная история средневековья. М., 1927. Т. 1. С. 19.

ные имения эдесских царей после завоевания перешли к римским владыкам. В начале VI в. Анастасий приобретает земли под крепостью Дарой и делает их государственными.

Кроме государственных и императорских поместий большие имения были сосредоточены в руках «именитых» и «богатых» людей.

В сирийских источниках местная знать чаще всего носит название raurabane, от общесемитического корня rab (большой). Значение этого слова — «богатые», знатные, это верхи города, к которым принадлежат высшие представители администрации, высшее духовенство, крупные землевладельцы и богачи. Те владельцы больших имений, которые составляют эксплуатирующий элемент в деревне, являются господствующим классом и в городе и привлекаются там к ряду функций по управлению. Составляя городскую курию, они были ответственны перед государством за подать с области, тяготевшей к городу.

Когда Кавад и его войско утомились осадой Амида, они предложили городу откупиться известным количеством серебра. Но Леонтий бар Паппий — член совета, эгемон Кир и Павел бар Зайнаб управляющий, казначей (rab baita, major domo), через тех, которых послали к Каваду, спросили с него плату «за овощи садов, которые съело его войско, и за прочее вино и зерно, которое собирали и уносили из деревень».[160] Именитые люди, «первенствующие», просили возмещения за расхищенные продукты и потраву, конечно защищая не интересы других, а свои собственные. В голодные годы они увозили хлеб и спекулировали им, не беспокоясь о прочем населении. В данном случае были затронуты их интересы как крупных землевладельцев и членов городского совета. Когда тот же Кавад потребовал выкупа у Эдессы, стратилат Ареобинд запросил об оплате знатных города, которые ему в такой большой сумме отказали.[161] Жили «знатные» (nobiles) обычно в городах, где у них были построены роскошные дома, известные по археологическим материалам. Кавад после взятия Амида поселился во дворце богача Павла бар Зайнаба, у которого он нашел и отобрал множество золота.

Летописец ту часть городской знати, которая несла административные функции, называет rišane («главы, старшины» в точном переводе). Это слово могло бы заменять в сирийском и термин «куриал». Один из представителей знати в Амиде, причастный административным обязанностям, носит звание

[160] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4.
[161] *Иешу Стилит.* § 61.

βουλευτής, транскрибированное по-сирийски. Нет необходимости считать его за столичного сенатора, это был крупный местный орхонт,[162] «первенствующий», занимавший одно из первых мест в списке членов городского совета.

Во время войны Ирана с Византией Эдессу наводнило большое войско, посланное в Месопотамию на границу. Расквартирование войск находилось в руках местных старшин (rišane bnai atra). Летописец словом rišane мог обозначить начальствующих, старшин вообще; добавив bnai atra, он определил их как местных людей, желая избежать неправильного представления о них как о пришлых с войском или посланных из центра людях.[163] Они стояли во главе городского самоуправления, поскольку оно сохранялось в конце V в.

Вполне понятно, что им удалось неприятную повинность постоя переложить на городских ремесленников и крестьян ближайших к городу деревень, избавив от них землевладельцев. Летописец жалуется и на их безудержное взяточничество, которым они разоряли всех. Обещая избавить от постоя, они вымогали взятки, а так как их давали все, то они ставили на постой солдат, несмотря на полученную мзду.

В законе Анастасия о хлебных поставщиках «первенствующие из собственников» участвовали и в избрании и утверждении городского поставщика хлеба.[164] Они играли решающую роль в переговорах с центральной властью, с подступавшим врагом. Это крупные собственники, интересы которых были сосредоточены вокруг земли, но жизнь и деятельность которых протекала преимущественно в городе.

Когда в 500 г. были устроены процессии для погребения умерших от чумы, «именитые» следовали непосредственно за эгемоном и епископом мар Петром.[165] Здесь соблюдались то же местничество, та же иерархия чинов, которые засвидетельствованы многими византийскими памятниками.

В азиатских провинциях Византии — Сирии, Месопотамии — следует отметить значительное развитие торговли. На сирийцев в течение многих веков падает большой процент торговцев, сносившихся с европейскими государствами — Римом, Византией, и с Египтом. Они перевозили ткани, шелк, туники,

[162] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4; The syriae chronicle of Zacharia of Mitylene / Transl. by F. J. Hamilton and E. W. Brooks. London, 1899: chief councillor; *Du Cange D., Du Fresne C.* Glossarium... T. 2. Col. 670: βουλευτής, decurio, curialis.
[163] *Иешу Стилит.* § 86.
[164] Codex Justinianus, X, 27, 3.
[165] *Иешу Стилит.* § 43.

шали, драгоценные камни, золотые изделия, пряности, ароматы, лекарства.

Часть этих товаров перерабатывалась и изготовлялась самими сирийцами. Детальное рассмотрение торговли и ремесла за Евфратом лежит вне рамок настоящей части исследования, но значения их нельзя не отметить. В статутах Низибийской академии, подготовленных в бытность высшей сирийской школы еще в Эдессе и окончательно оформленных в VI в. в Низибии, есть параграфы, регламентирующие самым тщательным образом поездки, предпринимаемые с торговыми целями в «ромейские земли» членами коллегии академии.[166] Сирийцы, жившие в Низибии, на персидской территории, были частыми гостями-купцами, возившими товары в пределы Византии. Среди них были учителя и ученики школы.

Зависимость города от приезжих, выгоды и прибыли, которые приносила внешняя (в отношении города) торговля, сказались в сообщениях хроники. Когда в Эдессе началась чума, охватившая области от Низибии до Антиохии, то в адар (март) 501 г. горожанами были устроены особые моления из-за чумы, чтобы она не коснулась «приезжих» (в сирийском транскрипция греческого ξένιοι).[167] Такая забота о «чужих» говорит о большом экономическом их значении для города. Если гости-купцы будут болеть чумой, пострадает текущая торговля, торговля последующих лет, и урон для города будет очень велик.

Крупные землевладельцы, представители местной администрации, составляли тот высший городской слой, на который опиралась центральная власть. В среде эксплуатирующего класса большим влиянием пользовалось и высшее духовенство, имевшее крупную земельную собственность.

Так, хроника Захарии Митиленского[168] сообщает о селении, принадлежавшем епископу. Уцелевшие развалины говорят о целых крепостях-монастырях, окруженных садами, плодовыми деревьями, оливковыми рощами. Хроника Иешу Стилита называет ряд церквей и монастырей под самой Эдессой, среди виноградников и плодовых насаждений.

С IV в. отказы по завещанию в пользу церквей и монастырей и предприимчивость высшего духовенства в увеличении своих богатств и недвижимой собственности приняли широкие размеры. Этому способствовало и бедственное положение крестьянства, искавшего патрона для защиты от тягостных требований фиска и находившего его в лице монастыря или епископа.

[166] Gli statuti della scuola di Nisibi / Ed. I. Guidi // GSAI. Roma, 1890. T. 4. P. 183.
[167] *Иешу Стилит.* § 44.
[168] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 6, p. 36.

Епископ города в ряде случаев представлял класс землевладельцев, к которому сам принадлежал, и вопросы городского управления решались при его активном участии. Ходатайство об облегчении подати землевладельцам, выборы поставщика хлеба связывались с ним.[169] Амидский епископ Фома по особенному соглашению с императором заведовал со своим клиром mešamšana (дьяконы) всеми постройками соседней крепости Дары.[170] Ему принадлежали целые селения с крепостным населением (tautebe).

В городе епископ играл роль «защитника» (defensor civitatis), он должен был бы защищать интересы неимущих «бедных».[171] Под 504/5 г. Иешу Стилит сообщает: «В этом году вновь отправился епископ мар Петр к императору просить его снять подать. Император ответил резко и упрекал его за то, что он оставил заботу о бедных (meskine) в такое, как это, время, и отправился к нему».[172]

Отмену подати Месопотамии недовольный Анастасий послал через другое лицо, минуя епископа. Вмешательства дефензоров в финансовые дела не были желательны для центральной власти, тем более что епископы в роли просителей известны не по одной хронике Иешу Стилита. Савва Иерусалимский[173] ездил в Константинополь с аналогичными просьбами, что и Петр Эдесский. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что официально епископ как будто должен был оказывать «помощь бедным», но фактически его роль сводилась к защите интересов класса владельцев, интересы которого были его собственными интересами.

Для землевладельцев среднего достатка хроника Иешу Стилита сохранила специальный термин «деревенские господа».[174] Этот социальный слой противопоставляется «простым из народа». «Деревенские господа», владея землей, должны были обеспечить государству поступление податей и были тем насосом, которым непосредственно выкачивали ренту из произво-

[169] Codex Justinianus, X, 27, 3.
[170] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 6.
[171] *Рудаков А.* Очерки византийской культуры... С. 80 и след; Cambridge Medieval History. 1911. T. 1. P. 565.
[172] *Иешу Стилит.* § 78.
[173] *Помяловский И. В.* Житие Саввы Освященного. Изд. Об-ва любителей древней письменности. СПб., 1890. С. 416. Епископ — defensor plebis. *Seeck O.* Geschichte des Untergangs der alten Welt. Bd 2. S. 175.
[174] *Иешу Стилит.* § 39.

дителя. Как класс средних земельных собственников они имели свою долю участия в городской жизни. Они жили в Эдессе, где у них была собственность. В городе находились хозяйственные постройки, кладовые, амбары землевладельцев, как это предусматривал и закон Анастасия о продаже хлеба. При расквартировании войск им было оказано преимущество, вызвавшее ропот и протест «простых из народа», на которых эта повинность обрушилась всей тяжестью. В отдельных случаях государство делало уступки «деревенским господам», отменяя, например, временно выплату податей. Эти льготы, однако, никак не отражались на «простых людях», потому что прибавочный продукт, который землевладельцы выжимали из непосредственного производителя, они получали независимо от того, выплачивалась или не выплачивалась ими подать государству. Но положение средних собственников не следует представлять как благополучное. Когда представителю центральной власти требовалось собрать подать, он прибегал к суровым мерам и буквально «вымучивал» ее. Все это роднит средних землевладельцев с декурионами, выполнявшими подобные функции в IV в. «Деревенских господ» византийское законодательство знает под именем δεσπόται τῶν γεωργῶν,[175] упоминаемых при Юстиниане и в последующее время. В. Райт в кратком подстрочном примечании сопоставляет mari kurie с дехканами Ирана Сасанидов.[176] Дехкане, как тогда назывался средний землевладельческий слой, имели большое значение в экономической жизни персидского государства, так как, имея земельную собственность, они являлись опорой власти на местах, в частности обеспечивали поступление податей.[177] Хормизд,[178] сын Хозроя Анушервана, в своем распоряжении, запрещающем войскам обижать мирное население, упоминает именно дехкан.[179] Это сопоставление может быть дополнено ценным указанием академика И. Ю. Крачковского на последующее арабское употребление термина «деревенские господа» — ruassa risana в том же значении в эпоху халифата.

[175] Novellae, 80, cap. 2: εἰ δέ τινες εἶεν γεωργοὶ τελοῦντες ὑπὸ δεσποτείας; в новелле 123, cap. 17, упоминаются δεσπόται в сочетании с ἐναπόγραφοι; более точно выражало бы сирийский термин греческое δεσπόται τῶν κωμῶν. *Procopius.* Anecdota, 23, 5.

[176] *Иешу Стилит.* P. 29.

[177] *Nöldeke.* Geschichte. S. 351, 440; *Christensen A.* L'empire des Sassanides, le peuple, l'état, la cour. Copenhague, 1907. P. 44—45.

[178] С февраля 579 г. н. э. по лето 590 г.

[179] *Nöldeke.* Geschichte. S. 265.

ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ

Подати и повинности деревенского населения

Финансовое ведомство, или, по выражению Маркса, «ведомство по ограблению своего собственного народа»,[180] занимало центральное место в системе управления Восточно-Римской империи. Хроника Иешу Стилита содержит богатый и красочный материал о том сложном и тяжком грузе податей и повинностей, который возлагало правительство восточной империи на рубеже V и VI вв. на своих подданных. Сама по себе сложная податная система империи усложнялась еще более тем, что в отдельных провинциях она имела свои особенности.[181]

Хроника неоднократно возвращается к государственным податям, которые обременяли как сельское, так и городское население. Она называет их греческим словом συντέλεια, которое транскрибировано в сирийском тексте. Относительно системы обложения в восточно-азиатских провинциях Византии важные сведения дает Сирийский законник (переведен с греческого в последней четверти V в.). Одна из статей этого законника сообщает об обложении земельной собственности, которое устанавливалось в зависимости от качества насаждений и плодородности земли, для оценки отчислений с нее в фиск. Статья законника сохранилась почти дословно, совпадая в двух списках: Лондонском (L_I, § 121) и Римском (R_{II}, 151), изданном и сохранившемся несколько лучше.[182] Отсутствие русского перевода с сирийского этого важного текста побудило дать таковой ниже, следуя списку R_{II} с необходимыми дополнениями из текста L_I.

[180] *Маркс К.* Британское владычество в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1932. Т. 9. С. 347.

[181] *Zachariä.* Zur Kenntnis des römischen Steuerwesens. P. 12; Mémoires de l'Académie des Sciences. VII. Ser. Pétersbourg, 1863. T. 6, N 9; *Seeck O.* Schatzordnung Diocletians // Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1896. Bd 4. S. 294, 300; *Piganiol A.* L'impot de capitation sous les Bas-Emperes romains. Chmbéry, 1916; *Bury B.* History of the later Roman Empire. T. 1. P. 46—47; *Stein E.* Vom römischen zum byzantinischen Staate. Wien, 1928. Bd 1. S. 110; *Lot F.* L'impot foncier et la capitation personelle sous les Bas-Empire et à l'époque franque // Bibliothèque de l'école des hautes études. Sect. historique. Paris, 1928. P. 253; *Ostrogorsky G.* Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter // Byzantion. 1931. T. 1. P. 231; *Lotz W.* Studien über Steuerverpachtung // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie. 1935; Hf. 4.

[182] Syrisches Rechtsbuch. L_I, 121. S. 333—334; Syrische Rechtsbücher / Hrsg. E. Sachau. Berlin, 1907—1914. Bd 1—3. R_I, 151. S. 132—137.

«Земли измерили римские императоры по своим законам мерой трости. 100 тростей составляют πλέρον. Ἰοῦγον переводится тягло (иго, pediona).

Земли были измерены в дни императора Диоклетиана. Постановлено, что 5 югеров виноградника, которые составляют 10 плетров, соответствуют одному тяглу. 20 югеров посевной земли, которые составляют 40 плетров, дают анноны одного тягла. 225 оливковых деревьев 1-го сорта[183] дают анноны одного тягла, 450 оливковых деревьев 2-го сорта дают анноны одного тягла. Также и земля, если она плоха и относится ко 2-му сорту, то 40 югеров, которые составляют 80 плетров, дают анноны одного тягла. Если земля отнесена или записана как 3-й сорт, то 60 югеров, которые составляют 120 плетров, дают анноны одного тягла. Нагорные земли записывают так. Во время записи (кадастра) люди, которым была дана власть от государства, призывали горных жителей, крестьян другой области, и по их соображениям записали, сколько модиев пшеницы или ячменя дает земля в горах. Также они записали земли, которые не засевают, пастбища для овец, с которых дают подать для казнохранилища. Есть селения, которые дают за пастбища казнохранилища один динарий за весь год, другие два динария, иные три динария, иные больше. Эту подать за пастбища берут ромеи в месяце нисан [апрель] для прокорма своих лошадей и покупают пищу своему скоту».

Эта статья законника, впервые опубликованного в 1862 г. Ж. Ландом, обратила на себя тотчас внимание Т. Моммзена.[184] Он отметил меры пространства этой статьи как специфически восточные, эллинистические меры. Привить Востоку свою систему мер для Рима оказалось невозможным: там установилась средняя мера, несколько удлиненная птолемеевская «нога» в 355.2 мм.

В основу измерения пространства здесь положена филетеровская система, по которой миля = 1000 шагам, составляющим 500 тростей (тростников, сирийское kanja, немецкое Rohr); одна трость = 8 локтям; 100 кв. тростей = 1 плетру; плетр = 1260 кв. м.[185] Возможность перевести меры и сопоставить их с современными имеет большое значение.

[183] В тексте R_{II}, Syrische Rechtsbücher. S. 136, с которого сделан перевод, это место испорчено; восстанавливаем по Лондонскому списку Syrisches Rechtsbuch. S. 33.

[184] *Mommsen T.* Syrisches Provincialmass und römischer Reichs Kataster // Hermes. Bd 3. S. 429—438. О мерах длины см. также: *Успенский Ф.* Византийские землемеры // Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884. Одесса, 1888. С. 296.

[185] *Viedebantt.* Ugerum // PE. Bd 9, 2. Col. 2507—2508.

Законник говорит, что «земли были измерены в дни императора Диоклетиана» и, следовательно, был утвержден кадастр. Составленный путем записи кадастр действовал в течение 15 лет, что послужило к счету времени индиктионами.[186] Латинский термин jugum, имеющий смысл податной единицы, транскрибирован в сирийском с греческого ἰοῦγον, ζυγόν и объяснен как иго или тягло (pediona). Смысл постановления заключается в том, что по своим качествам земля разделяется на 1-й, 2-й и 3-й сорта, или разряды, соответственно чему определяется количество земли, отвечающей одному податному тяглу, с которого должны поступать анноны. Jugum есть тягло, с которого подать составляет определенную сумму (в деньгах или в продукции, или в том и другом вместе), но тягло само по себе может охватывать большее или меньшее количество земли, в зависимости от ее качества.

Меры, приведенные в Сирийском законнике, могут быть сопоставлены с современными:

Посевная земля 1-го сорта в 20 югеров = 40 плетрам = 50 400 кв. м
Посевная земля 2-го сорта в 40 югеров = 80 плетрам = 100 800 кв. м
Посевная земля 3-го сорта в 60 югеров = 120 плетрам = 151 200 кв. м[187]

С указанного количества земли каждого сорта взимались анноны одного тягла. Самая подать с тягла, включавшая денежные и натуральные отчисления, была постоянной величиной, но она взималась в этом размере с большего или меньшего количества земли, в зависимости от ее плодородности. Такие же подразделения существовали и для оливковых деревьев. 225 деревьев 1-го сорта давали анноны одного тягла. Оливы 2-го сорта составляли одну податную единицу в количестве 450 деревьев. Занятая под виноградником земля в размере 12 600 кв. м = 10 плетрам давала анноны одного тягла.

Горные земли по своеобразию условий требовали особого учета. Государственные чиновники, занимавшиеся установлением кадастра, чтобы не было пристрастия, вызывали крестьян из других нагорных областей (palahe turaie), которые по своим соображениям устанавливали, с какого пространства земли на горе мог быть собран модий пшеницы или ячменя. Расчет не мог быть сделан людьми, незнакомыми с местными условиями. Общему учету подлежали также земли незасеянные, служившие пастбищем скоту. Они облагались определенной денежной суммой, которая вносилась в казну раз в год. Это был общий вы-

[186] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. СПб., 1913. Т. 1. С. 591.

[187] *Viedebantf.* Ugerum. Col. 2507—2508.

гон, с которого деревня платила в год 1 динарий, 2, 3 и более. Подать, оплачивающая пастбища, названа συντέγεια (в точном переводе — общая повинность или общая подать, обозначавшая в V, VI вв. денежные взносы). Кадастр, составленный путем такой записи, действовал в течение 15 лет, что послужило к счету индиктионами.[188]

Система податного обложения в том виде, как она дана в законнике, или в несколько измененном, сохранилась и была действенной в азиатских провинциях в V и VI вв. Об этом свидетельствует не только то, что статья о подати сохранилась в памятнике, который относится к последней четверти V в., но и другие данные. В более поздних списках законника (после VII в.) параграф о взимании подати или вовсе пропущен, или сохранился в виде краткого указания; очевидно, он терял свое значение в связи с переходом провинций, говоривших на сирийском языке, под арабское владычество. Денежную подать, вносимую в казнохранилище фиска, законник называет словом συντέλεια. В таком смысле оно неоднократно упоминается и в хронике Иешу Стилита.

Для определения подати, взимавшейся с податного тягла, законник транскрибирует латинское слово «анноны», которое имеет значение натуральной повинности или натуральной выдачи армии,[189] отчислений продукции в натуре. Хроника прямо об аннонах не упоминает, но ряд деталей, сообщаемых ею, не оставляет сомнения в том, что часть податных взносов продолжала поступать натурой. Наиболее вероятно, что отчисления делались в смешанном виде, и деньгами, и продуктами, как на это указывает текст одной из новелл Юстиниана,[190] где денежные и натуральные взносы упоминаются рядом.

В городах имелись специальные государственные амбары, в которых хранилось зерно. Хроники Иешу Стилита и Захарии Митиленского сообщают о них в Эдессе, Амиде; во вновь отстроенной крепости Даре в числе зданий и сооружений имелось зернохранилище.[191]

Во время войны из амбаров выдавалось зерно для выпечки хлеба солдатам, из них же была взята пшеница для дополнительного изготовления хлеба во время голода. Зерновые культуры, вино, мясо отчислялись в натуральном виде как продукты, постоянно требовавшиеся для нужд армии. В пограничных городах войска были сосредоточены и в мирное время, так как

[188] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 1. С. 591.
[189] *Hirschfeld O.* Annonae // Philologus. Berlin, 1870. Bd 29. Hf. 1.
[190] Novellae, 128, cap. 3, p. 637.
[191] *Иешу Стилит.* § 40, 81.

Иран всегда держал Византию в состоянии напряжения, тем более во время войны, а содержание армии требовало продуктов.

Еще к концу IV в. относится повторное распоряжение о взимании натуральной повинности, причем запрещается заменять ее деньгами.[192]

К тому же времени относится предписание проконсулу Азии вести тщательную запись поступлений в натуре, указывая их наименования и с чьей записью они поступают (in qua specie et ex quibus titulis). Ко второй половине IV в. относится закон, предписывающий владельцам отчислять натуральную повинность трижды в год (a posseboribus per tres vices petatur annonae). Перечислены там плоды, свиной жир, вино.[193] Таким образом, подать не только в африканских, но и в азиатских провинциях Византии как в IV, так и в V, VI вв. в основном представляет собою отчисления натурой — анноны. Для денежных взносов как в хронике, так и в законнике обиходным является термин συντέλεια.

В римскую эпоху поземельные подати выплачивались трижды в год: 1 сентября, 1 января и 1 мая. Таким образом они выплачивались и в V в., на что указывает закон Анастасия от 496 г. «Трижды вносятся все поступления фиска... в календы января, календы мая и в конце года».[194] Сирийский законник должен был иметь в виду это общее положение, когда, говоря о взимаемой с пастбищ денежной подати, сообщает: «А ее ромеи берут в месяце нисан» — апреле.

Колоны приписные выплачивали за пользование землей ренту землевладельцу — частному лицу, монастырю или церкви. Имеются все основания полагать, что рента вносилась натурой, что земля обрабатывалась в порядке испольщины, особенно в условиях искусственного орошения, которое необходимо в Месопотамии. Что такова была принятая форма ренты в IV в., видно из законодательных актов этого времени.[195] Для IV в. закон Юстиниана указывает на колонов, вносящих владельцам ренту натуральной продукцией (in speciebus).[196] Это подтверждается и тем, что в руках землевладельцев скоплялись большие количества хлеба, которыми они вели торговлю. Спекуляция зерном, сосредоточенным у богатых, приняла небыва-

[192] Codex Theodosianus, XI, 2, 4, 5.
[193] Ibid. XII, 6, 15, 18.
[194] Codex Justinianus, X, 16, 13.
[195] Ibid. XI, 48, 4, закон 336 г.
[196] Sin autem reditus non in auro, sed in speciebus inferentur vel in totum, vel ex parte: Codex Justinianus, XI, 48, 20, 2.

лые размеры во время голода, охватившего в конце V в. всю Месопотамию.

Необходимо, однако, иметь в виду, что тот же Сирийский законник упоминает о подушной подати. Византийское законодательство освобождало от податей врачей и учителей. Это изъятие повторено законником в нескольких списках: «Врачи и всяких наук учителя, находящиеся в городах и в области, освобождены от всякой подати: именно они не платят ни подушную подать (kesef riša), ни хрисаргир и не могут быть принуждаемы становиться опекунами сирот и попечителями, так как врачи врачуют тела, а ученые — души».[197] Kesef riša может означать только capitatio — подушную подать и упоминается рядом с хрисаргиром — податью, установленной Константином и отмененной Анастасием в 498 г. Указывая на то, что изъятие касается и тех врачей и учителей, которые жили в деревне, законник имеет в виду то обстоятельство, что подушная подать касалась главным образом внегородского населения. Возможно, что законник сохранил этот термин византийского законодательства, хотя он не имел уже актуального значения в азиатских провинциях.

Хроника Иешу Стилита отмечает ответственность землевладельца за уплату податей. В 499/500 г., стремясь выжать подать из разоренной недородом и саранчой области, эгемон действовал через «деревенских господ», которых он забрал и «мучил их большими мучениями и вымогал у них».[198] Он поступал так сурово и жестоко, что смог послать «золото» в столицу прежде, чем там успели выпросить уступку в подати. Скупой Анастасий поспешил оставить деньги у себя.

Так, отмена подати императором, которой «радовались деревенские господа», не меняла положения непосредственных производителей. Имея возможность не выплачивать подать полностью, сами они ничего не спускали тем, с кого они ее собирали. Это следует из сообщений Иешу Стилита под 505/6 г., когда «простые из народа», тяготясь постоем византийского войска, преимущественно состоявшего из готов, роптали, кричали и говорили: «Несправедливо, что у нас расположились готы, а не у деревенских господ, потому что им помогли этой отменой [подати]».[199] Такие заявления «простого народа» указывают на то, что облегчения подати касались владельцев и не отражались на тех, которые возделывали землю.

[197] Syrisches Rechtsbuch, L, 116. S. 32; Syrische Rechtsbücher. Bd I. R_1, 67. S. 36.
[198] *Иешу Стилит.* § 39.
[199] *Иешу Стилит.* § 93.

Ответственность за внесение податей крестьянскими общинами, селениями, не принадлежавшими какому-либо владельцу, лежала на них самих. Сдача продукта и выплата денег обычно производилась через старост — «старцев», которые управляли деревней. Выплата государственных податей за колонов в разные периоды производилась различно. При Юстиниане делались попытки установить непосредственные отношения колона с государством, по которым обязательства податного характера регулировали чиновники фиска с самими крестьянами, минуя землевладельца.[200] Но предусмотрены были и другие отношения, при которых та земля, которая была в пользовании у крестьянина, подлежала контролю землевладельца и по взиманию подати.

Характеристика реформы Анастасия, касавшейся фиска, не входит в задачи настоящего исследования, но следует указать, что она имела целью парализовать вмешательство дефензоров. Городские области и куриалы были в некоторой степени отстранены от этого дела, и сбор государственных податей поручили специально поставленным чиновникам (vindices), которые непосредственно подчинялись префекту претория. Главным источником для истории реформы является книга Иоанна Лидийца «De magistratibus».[201] Автор реформы Марин, сириец родом, начал свою карьеру скромным чиновником фиска и кончил тем, что держал в руках финансы всего государства. Его вспоминает Захария Митиленский как своего соплеменника.[202] Имея целью централизовать деятельность финансовых органов, которые таким путем непосредственно подчинялись префекту, реформа не послужила к облегчению податного населения. Иоанн Лидиец считает ее вредной для сельского населения и прямо говорит: «Я обращаю свои слова против Марина». Он находит, что она обогатила только Анастасия, так как этот император был, по его мнению, «богаче всех прочих, а с ним Марин и его присные».[203]

Отрицательное мнение о реформе высказывает и Евагрий,[204] он считает ее вредной. Вследствие того что vindices добивались должности по принципу «кто больше», т. е. покупали себе место, они особенно усиленно выжимали подати из населения.

[200] Codex Justinianus, XI, 48, 20, 3.
[201] *Ioannes Lydus.* De magistratibus / Ed. R. Wünsch. Leipzig, 1903. S. 138; *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 1. P. 442.
[202] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 9.
[203] *Ioannes Lydus.* De magistratibus, III, 49.
[204] *Evagrius*, III, 42.

Евагрий в этом случае, как и в характеристике хрисаргира, считался с интересами податных классов.

Панегирик Анастасию говорит о его заботах о крестьянах и законах для облегчения их положения. Эта официальная похвала ни в какой мере не соответствовала действительному положению вещей.[205]

Хроника Иешу Стилита, упоминая о податях, оставила свидетельство о надбавке, придаче ἐπιβολή, одном из способов самого жестокого налогового гнета, имевшего широкое распространение в византийскую эпоху. Сущность этой меры заключалась в том, что землевладелец, неся ответственность за налоги и государственные повинности, лежавшие на земле, получал в порядке принуждения отрезки государственной или выморочной земли, за которую он обязывался вносить подать. Подчас это были земли, на которых еще оставались крестьяне, приписные колоны; в таком случае и они с землей переходили к соседнему имущественно более крупному владельцу, который обеспечивал государству поступление податей. Таков общий смысл ἐπιβολή.[206] Документ II в., написанный на папирусе в Египте, содержит жалобу на применение такого рода добавки.[207] В дальнейшем проведение «надбавки» перешло в римскую, а затем в византийскую эпоху. В VI в. для времени Юстиниана автор «Тайной истории» характеризовал эту принудительную меру как тяжелую для землевладельца. По его словам, Юстиниан не постеснялся к землям, не совершенно опустошенным, присоединить земли, которые были покинуты и помещиками, и крестьянами, бежавшими от тягостей.

Такие оставленные земли искусственно накидывались по принципу соседства другому владельцу. Ему давалось право на владение этой землей, а поэтому он был вынужден отвечать за подати, лежащие на ней.[208] Эдикт префекта претория Зотика, относящийся к 511—512 гг., т. е. ко времени Анастасия, считается первым четким упоминанием о надбавке на византийской почве.[209] Это не введение нового закона, а некоторые изъятия, сделанные из уже действующего законодательства. Надбавка

[205] Prisciani. De laudo Anastasii imperat // Poetae Latinae minores / Ed. A. Bachrens. Lipsiae, 1883. T. 5. P. 271.

[206] *Monnier H.* Étude du droit Byzantin. L'épibole // Revue historique. 1892; *Ostrogorsky G.* Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter; *Rouillard G.* L'épibole au temps d'Alexis I Comnène // Byzantion. 1935. T. 10.

[207] *Rostowzeff M.* Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Jena, 1910. S. 196.

[208] *Панченко Б.* О тайной истории Прокопия. СПб., 1898. С. 142 и след. Новелла 521—523 гг. при Демосфене епархе: Novellae, 166, p. 753.

[209] Novellae, 168, p. 755.

была распространена не только в Египте — хроника Иешу Стилита свидетельствует об этом. Под 811 г. селевкидской эры, соответствующим 499/500 г. н. э., хроника сообщает, что епископ Эдесский Петр отправился в Константинополь просить о том, чтобы подать Эдессе была облегчена. Тем временем эгемон принял суровые меры, о которых мы сообщали выше, и принудил «деревенских господ» выплатить подать, а деньги послал в столицу. «Когда увидел император, что пришло ему золото, он не пожелал его отдать, но, чтобы не отсылать отца нашего (т. е. епископа-ходатая. — *Н. П.*) ни с чем, он снял надбавки с деревенских и их стоимость, которую они платили, а городских освободил от заготовки воды ромеям (разумеются византийские войска. — *Н. П.*)».[210]

Из этого текста следует, что отмена надбавки была значительным облегчением для землевладельцев, так как они получали возможность не выплачивать стоимости податей с этих добавочно накинутых им земель. Такое указание хроники не оставляет сомнения в том, что принудительная накидка пустующей земли распространялась на азиатские провинции так же, как это было давно известно для африканских. Касалась надбавка землевладельцев и свободных крестьянских общин, но не колонов, прикрепленных к земле.[211] Отмена взносов по надбавке облегчала, однако, положение «деревенских господ», землевладельцев, но не производителей в деревне.

Такое летописное свидетельство для провинций за Евфратом имеет ценность и дает возможность судить об известном единообразии в системе управления византийского государства.[212]

Подати и повинности городского населения

На городское население государство налагало ряд обязанностей. Одни из них носили характер повинности, как, например, поставка воды городскому гарнизону, выпечка хлеба для армии, перевозка зерна и других грузов. Особенно тяжелой была денежная подать, так называемый хрисаргир, выплачивае-

[210] *Иешу Стилит.* § 39.

[211] *Monnier H.* Étude du droit Byzantin.

[212] *Lingental K. E. Zachariä v.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. S. 228, Anm. 740. Необходимо отметить, что оба издателя текста хроники Иешу Стилита — П. Мартэн и В. Райт — дали неверный перевод этого слова, приняв сирийскую транскрипцию греческого слова ἐπιβολή за цифру 2 (bet) и транскрипцию слова φόλλις, вследствие чего перевод этого места был неправильным. Впервые обратил на это внимание и исправил ошибку Захау в письме к Цахариэ, на которое этот последний ссылается.

мый серебром и золотом, откуда ему и было присвоено самое название. Впервые этой податью обложил городское население Константин в 314 г. с тем, чтобы она выплачивалась каждый пятый — юбилейный год. Она поступала для удовлетворения денежных нужд государства, из которых первой была оплата войска. Хрисаргир фактически взимался при вступлении каждого нового императора, а затем его повторяли, не ожидая ни пятого, ни даже четвертого года. Такие неожиданные и неравномерные требования особенно тяжело ложились на плательщиков. Обложено этой податью было городское население, причем крупные владельцы к ней не привлекались, так как они платили взносы с земли. Но с тем большей жестокостью взимался хрисаргир со всех остальных особенно беднейших классов.[213] Им облагалось буквально всякое ремесло, всякое поделье. Облагались собственно торговый капитал, мастерские, лавки. Но с этой точки зрения облагались и вьючные животные, лошади, мулы, так как они могли быть использованы для работы по перевозкам. Даже с осла и с собаки надо было выплачивать полкератиона (demisiliqua).[214] Дело доходило до того, что его вносили блудницы, предметом продажи которых было их собственное тело, и нищие. Зосима подробно рассказывает о том, чем был хрисаргир для городского населения, тем более что взыскивался он с большой жестокостью, так что родителям приходилось продавать детей, делать дочерей проститутками, лишь бы выплатить деньги.[215] Для учета составлялись специальные списки (negotiatorum matricula), в которые вносились все выплачивающие этот налог. В кодексе Феодосия[216] хрисаргир упоминается неоднократно, но изъятий из него делается очень мало; во всяком случае, с конца IV в. (Валентиниан) те крестьяне и колоны, которые торговали в городе своими собственными продуктами, были от него избавлены. Не платили его врачи и учителя. Сирийскому законнику известна и эта подать. Закон с незначительными вариантами повторяется во многих списках законника; в более поздних из них переписчиками опущен термин «хрисаргир», потому что с его отменой смысл слова был утерян.

Ненавистный хрисаргир был уничтожен Анастасием. Из византийских летописцев об этом кратко упоминает Иоанн Малала, а Евагрий, уделивший этому сообщению много места, сообщает, что при этом были сожжены списки, которые имелись у чиновников фиска для взимания налога.[217]

[213] *Seeck O.* 1) Geschichte des Untergangs. Bd 2. S. 281; 2) Collatio lustralis // PE. Bd 4, 7. Col. 370—376.
[214] *Ioannes Malalas.* P. 394.
[215] Zosimi Historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887. P. 96.
[216] Codex Theodosianus, XIII, I, 6, 8, 12, 13.

Только с помощью сирийских источников может быть установлена точная дата указа. Эдесская хроника говорит: «В год 809 (498) в месяце ияр [май] отменен был хрисаргир по всей земле».[218] Л. Халиер полагает, что источником Эдесской хроники был Иешу Стилит.[219]

О том, насколько обременительна была подать, лучше всего говорит сообщение этой хроники: «В тот же год (809—497/8 г. н. э. — *Н. П.*) вышло повеление Анастасия отменить [подать] золотом, которую давали ремесленники раз в четыре года, и они были освобождены от подати. И не только в Эдессу пришел этот приказ, но и во все города, подвластные ромеям. Давали же эдесситы раз в четыре года 140 литр золота».[220]

Если считать литру равной 273 г, то выплачиваемые Эдессой раз в четыре год 140 литр, которые составляют 38.3 кг золота, — сумма, конечно, немалая.

Иешу Стилит сообщает о том, как приветствовали ремесленники уничтожение налога и как торжественно его отпраздновали: «И радовался весь город. В белое оделись все от мала до велика. Неся горящие восковые свечи, дымящиеся курительницы, они вышли с псалмами и песнопениями»; побыв у храма мар Саргиса и мар Шемона за городом, они «вернулись в город и на всю неделю устроили праздник радости и веселья и постановили, что будут праздновать этот праздник из года в год. Возлежали и веселились все ремесленники (umane), омывались и пировали во дворе храма и во всех портиках города».[221]

Повествование хроники переливается красками живой действительности, хотя это не язык Фукидида, которым Евагрий желал, чтобы было описано все касающееся хрисаргира и его уничтожения.

Помимо выплаты податей и налогов на городском и сельском населении лежал ряд повинностей, требовавших непосредственного применения труда. К числу таких относились, например, обязанности по обслуживанию городского гарнизона. Так, население Эдессы было обязано подвозить воду «ромеям». Обычно под ромеями следует понимать византийцев вообще, часто это наименование дается войску, солдатам. В

[217] *Ioannes Malalas.* P. 398; *Evagrius.* III, 39.
[218] Chronicon Edessenum. P. 8.
[219] *Hallier L.* Untersuchungen über die Edessenischen Chronik. S. 28, 33.
[220] *Иешу Стилит.* § 31; *Stein E.* Die Aufhebung der aurilustralis collatio und das ἀερικόν // Hermes. 1917. Bd 52. S. 578—583.
[221] *Иешу Стилит.* § 31.

499/500 г. Петр Эдесский просил Анастасия снять подать с области, но так как деньги были тем временем уже получены в столице, то Анастасий ограничился тем, что с деревенских снял надбавку, о чем речь была выше, и «освободил городских от заготовки воды ромеям».[222]

Дело идет об обременительной доставке воды для войска, которая требовала как рабочих рук, так и применения вьючных животных.

Во время персидского похода изготовление хлеба в Эдессе стало повинностью всего населения. Для войны с Ираном Византия выставила на своей восточной границе большие войска. Дисциплина в этом преимущественно состоявшем из варваров войске отсутствовала, они грабили и обирали мирное население. «Готы», как называют сирийцы эти полки, были грозой в городе и деревне. Прокопий повторяет мнение населения о византийских солдатах, говоря: «Издавна у них закон — бояться персов и грабить крестьян».[223] Армию надо было кормить, и выпечку хлеба пришлось сделать повинностью. Население выпекало солдатский хлеб из выдаваемой им государством пшеницы за свой счет.

В мае 503 г. Аппион епарх прибыл в Эдессу, чтобы заботиться о пропитании войска, которое было с ним. Так как не было достаточно хлеба, выпекаемого хлебопеками, он приказал выдать пшеницу на каждый двор, находящийся в Эдессе, и жители выпекали солдатский хлеб за свой счет.[224] В первый раз жители Эдессы выпекли хлеб из 630 000 модиев пшеницы. В месяце ияр (май) 504 г. Каллиопа Алеппский стал епархом, он «поселился в Эдессе» и дал пшеницу горожанам, чтобы они выпекали солдатский хлеб. В этот раз они выпекли из 850 000 модиев пшеницы. Аппион же был отправлен в Александрию, где он изготовлял солдатский хлеб и посылал его.[225] В другом месте Иешу Стилит говорит, что по приказу Каллиопы было изготовлено хлеба в Эдессе из 630 000 модиев, «кроме того, что выпекали деревенские по всей области и булочники пришлые (aksenaie) и местные».[226]

Выпечка солдатского хлеба явилась, таким образом, своеобразной подворной повинностью как для городского, так и сельского населения. Это было принудительной обязанностью, связанной с затратой времени и тяжелым трудом, так как зерно

[222] *Иешу Стилит.* § 39.
[223] *Procopius.* De bello persico, I, 9.
[224] *Иешу Стилит.* § 54.
[225] *Иешу Стилит.* § 70.
[226] *Иешу Стилит.* § 77.

перемалывалось тут же на ручных мельницах, а печение требовало больших забот; в таких огромных количествах оно, конечно, было чрезвычайно обременительным. Использование труда населения было вызвано отсутствием соответствующего государственного аппарата при армии.

Но наиболее тягостной из всякого рода повинностей был постой солдат. Когда в октябре 502 г. Кавад персидский осадил со своим войском г. Амид и этим возобновил войну с Византией, Анастасий выслал для охраны персидской границы в Месопотамию войска. Постой солдат всей тяжестью лег на городское ремесленное население, а в деревнях — на крестьян и колонов. Городская верхушка, распоряжавшаяся расквартированием, сняла с себя эту тяготу, переложив ее полностью на народные низы.

Византийское войско представляло собою деклассированную группу наемников. К тому, что сообщает сирийская хроника, в полной мере относится характеристика, данная Ф. Энгельсом: «*Материальной* опорой правительства было войско, гораздо более похожее уже на армию ландскнехтов, чем старо-римское крестьянское войско».[227] Такой армией ландскнехтов были и византийские войска, посланные в Месопотамию для войны с персами. Они состояли в подавляющем количестве из варваров.[228] Они были недисциплинированны, грубы и с помощью оружия добивались всего, чего хотели. Прокопий Кесарийский в уста «одного из деревенских», который приносил в Амид на продажу дичь, хлеб, плоды, вкладывает следующие слова: «Я нес тебе, господин, всякое добро из деревни, повстречались мне ромейские солдаты, которые, бродя по этим селениям небольшими шайками, грабят несчастных крестьян. Избили меня разбойники без сожаления и все отняли, что у меня было».[229]

Так сообщает о поведении византийских солдат в Месопотамии грек Прокопий. Сириец говорит не только о случайном мародерстве, грабежах, но и о длительном постое солдат. Ответственную за расквартирование войск местную знать хроника называет rišana, ἄρχων, praefectus, princeps. Это верхушка, которую составляли крупные землевладельцы и торговцы. Когда дело дошло до апелляции по вопросу о постое, то с ней обратились к префекту. Распределявшие солдат, «которые были поставлены упорядочить и распределить их, тянули руки к

[227] *Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и раннее христианство // *Маркс К., Энгельс Ф.*, Соч. М., 1935. Т. 15. С. 606.
[228] *Иешу Стилит.* § 93.
[229] *Procopius.* De bello persico, I, 9.

взяткам, и так как они получали их от всех, то никто не был от них избавлен, но даже к тем, к которым направляли [солдат] сначала, они через несколько дней посылали еще других».[230] У клириков, которые были освобождены особой государственной грамотой от несения постоя, также были расквартированы солдаты. Так как этим делом ведала верхушка, то она, конечно, нашла возможным пощадить свои собственные дома, дома «знатных и богатых». По словам летописца, «те, что пришли под именем спасителей (т. е. византийцы. — *Н. П.*), чтобы помочь нам, когда приходили и уходили, грабили нас почти так же, как враги».[231] Этот горький упрек по адресу Византии вполне оправдывается последующим описанием поведения «готов». «Многих бедных они сгоняли с кроватей и сами спали на них, а хозяева ложились на земле даже в холодные дни. Одних они прогоняли и заставляли уйти из своих домов, входили и располагались в них сами. Скотину других они насильно уводили как добычу. Они с тела снимали у них одежду и уносили ее. Иных они жестоко били из-за любого дела, с другими они ссорились на улицах и ругались по мелким причинам. Немногое съедобное у всякого и запасы, которые имелись у некоторых в деревнях и городах, они открыто грабили. На многих они нападали на распутье. Они селились с ремесленниками в их лавках, потому что им не было достаточно домов и гостиниц города. На глазах у всех на улицах и в домах они насиловали женщин. От старых женщин, вдов, бедных отбирали масло, дрова, соль и другие предметы для своего употребления и отрывали их от своего дела для того, чтобы прислуживать им. И вообще всех они притесняли, больших и малых (подразумевается имущественное различие богатых и бедных. — *Н. П.*), и не оставалось никого, кого бы не коснулась их злоба... Но что я буду об этом много повествовать, когда даже и тем, кто больше меня, это не оказалось возможным».[232]

Текст не требует особого комментария, вполне понятно, с каким ожесточением должно было население относиться к войску. В свете сообщений сирийской хроники можно по-новому оценить текст Малалы относительно увеличения денежных поступлений с податной земельной единицы. Малала мотивирует это тем, что Анастасий не желал, чтобы продукты хватались и съедались войском.[233] Увеличение денежных поступлений устраивало казну, а кормиться войску предоставляли совер-

[230] *Иешу Стилит.* § 86.
[231] Ibid.
[232] Ibid.
[233] *Ioannes Malalas.* P. 394.

шенно цинично за счет населения, которое оно обирало. Этим путем государство оберегало свои фискальные интересы, а войско получало продукты питания насильственным путем.[234] В особенно напряженные моменты правительство стремилось вознаградить население за потери. В 502/3 г. стратилат Ареобинд, в то время как Кавад угрожал Эдессе, деревенским, которые были в городе, сделал подарок в 300 динариев.[235] Но такие подарки не могли даже временно успокоить население, неудовольствия которого власть начинала опасаться. В 505/6 г. массы были доведены до отчаяния. В этом году полководец Роман, носивший звание дукса (dux), расположился со своими войсками в Эдессе и, желая задобрить население, роздал «милостыню бедным». Анастасий, принимая во внимание катастрофическое положение области, освободил от уплаты денежной подати всю Месопотамию, и «радовались все деревенские господа и прославляли императора».[236] Эта мера касалась одного только класса землевладельцев, которым она принесла облегчение, и радовались ей только «деревенские господа». Следствием этого было бурное негодование «простых из народа». Возмущение масс было настолько сильно, что епарх приказал выполнить их требование. Когда начали это приводить в исполнение, собрались все богатые (знатные), «первенствующие» города к Роману дуксу и стали просить его: «Пусть прикажет твоя высота, что должен получать каждый из готов в месяц, чтобы они, войдя в дома богатых людей, не ограбили их так, как они ограбили простых». Он исполнил их просьбу и «приказал им [воинам], чтобы они получали эсподу масла в месяц, 200 литр дров, кровать и матрац на двоих».[237]

Возмущение было поднято «простыми из народа», говорит летопись, но никак не дифференцирует этого указания. Судя по тому, что подать была снята с «деревенских господ», следует предположить, что это был протест сельского населения, на котором остались тяжесть натуральной повинности, постой солдат и их грабежи.[238] Участниками этого протеста были и ремесленники, городские «бедные», «малые», у которых воины располагались прямо в мастерских. Положение было настолько угрожающим, что правительство капитулировало — войско стали переводить на постой к «богатым».

[234] Стремление регулировать снабжение войск сказалось в законодательстве Анастасия: Codex Justinianus, XII, 37, 19, 1.
[235] *Иешу Стилит.* § 63.
[236] *Иешу Стилит.* § 92.
[237] *Иешу Стилит.* § 93.
[238] *Иешу Стилит.* § 95.

Оставаться в этом положении владельцы не захотели. Не имея возможности добиться изменения приказа епарха Каллиопы,[239] они обратились к Роману с тем, чтобы он ограничил претензии своих солдат, на что дукс согласился. Для классового характера государства типично, что, когда дело коснулось владельцев, «богатых», сократить аппетиты войска нашли возможным; в домах «бедных» им предоставляли бесчинствовать. Но интересно, что в этой попытке правительство проявило жалкое бессилие. Привыкшие к грабежам готы не спустили своему полководцу распоряжения, ограничивавшего их претензии: они ворвались в дом, где он жил, намереваясь его убить. Роман спасся, убежав по крышам в другой дом. С тех пор никто не смел им ничего сказать, они жили, где и как хотели.[240] Положение коренного населения стало еще более тяжелым, так как в апреле (нисан) 506 г. высший византийский военачальник magister militum собрал в Эдессе все войска, подготовляя наступление на Иран. Солдаты квартировали не только в городе, но во всех окрестных селениях и монастырях. В городе они бесчинствовали, пьянствовали, дрались, убивали друг друга, продолжали мучить, оскорблять, издеваться и увечить население.[241] Но терпение истощилось, и благонамеренный летописец с большим смущением сообщает о том, что горожане сделали нечто «недолжное». Зло было так велико, положение до того тягостно, что те «дерзкие», которые были среди эдесситов, осмелились на нечто неподобающее, так как «ропот против магистра они записали в хартиях» и тайком вывесили в общественных местах города.[242]

В городе, следовательно, существовала целая группа лиц, которых летописец бранит дерзкими смельчаками, так как они решились все неудовольствия против военачальника высказать в письменном виде. Они вывесили затем эти хартии, пергаментные свитки, на «известных» местах, т. е. на самых бойких, публичных, на которых обычно толпился народ. Это были своего рода прокламации.

Содержание хартий неизвестно, но много данных за то, что они выражали явное неудовольствие и озлобление населения, так как магистр Келер не только «не рассердился и, хотя и мог, не разыскивал того, кто это сделал, и городу не подумал сделать ничего злого», но, более того, «приложил большое старание, чтобы скорее и короче покинуть Эдессу».[243]

[239] *Иешу Стилит.* § 77.
[240] *Иешу Стилит.* § 94.
[241] *Иешу Стилит.* § 96.
[242] Ibid.

Иешу Стилит уверяет, что Келер не сделал ничего по своей «мягкости», но нет сомнения, что он был напуган напряженным, готовым к восстанию настроением города.

Писание и вывешивание грамот можно рассматривать как действия тех же «простых из народа», под давлением которых епарх стал расквартировывать войска и у «богатых». Протест мог исходить от ремесленников, которых поддерживало сельское население, также затронутое постоем. Во всяком случае, следствием всего этого был увод Келером войск из Эдессы. Насколько хорошо он запомнил данный ему урок и как опасался возмущения, говорит то, что, проходя с армией в конце 506 г. (ноябрь или декабрь) мимо Эдессы, он не решился войти в нее, боясь «ропота». Уговоры епископа убедили его смягчить свое настроение. Неудовольствие Келера, его обида, очевидно, требовали переговоров, которые и повел епископ, так как можно было опасаться последствий гнева занимавшего такой большой пост военачальника. Тем не менее в Эдессе он остался только три дня, а войско его прошло дальше, вовсе не заходя в город.

Очевидно, магистром Келером и епархом Каллиопой было сделано соответствующее донесение в Константинополь, так как Анастасий прислал им письмо, которое было «полно заботы и милости ко всей земле Месопотамской». Оно разрешало им снять подать с Месопотамии по своему усмотрению. Магистр и епарх решили снять с амидян всю подать, а с эдесситов половину, о чем сообщили им письменно. Это было тоже попыткой несколько успокоить возбужденный город и прилегавшую область.

«Забота и милость» Анастасия в отношении Месопотамии были в первую очередь вызваны стремлением восстановить платежеспособность области, разоренной войной, недородом и болезнями.

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДА И ОБЛАСТИ

Управление города и области было в руках эгемона (греческий термин так и помещен в сирийской транскрипции в тексте хроники). Иногда его заменяет термин daiana (judex, судья) как его сирийский эквивалент. В руках эгемона были сосредоточе-

[243] Ibid.

ны самые разнообразные функции: фискальные — собирание податей, посылка их в столицу; административные — непосредственное управление областью и городом; полицейские, судебные, надзор за городским благоустройством. Сбор подати происходил с пристрастием, эгемон собирал ее не непосредственно с земледельческого населения области — приписных, колонов, арендаторов, а через «деревенских господ», о которых речь уже была. Средние и мелкие собственники, старосты крестьянских общин, отвечавшие за подать, привлекались им к ответственности за недодачу денежных поступлений. Сирийская хроника входит в подробности того, как эгемон или его заместитель проводили эти сборы податей. Под 499/500 г. Иешу Стилит сообщает, что судья — эгемон в буквальном смысле слова вымучил у «деревенских господ» подать, так как он их «мучил большими мучениями и вымогал у них».[244] В этом случае речь идет о денежных поступлениях земельной подати, которая называлась συντέλεια, так как вслед за тем эгемон отправил в столицу деньги — «золото». Точно так же все налоги городские распределялись и собирались через аппарат чиновников, находившихся в непосредственном ведении эгемона.

Он отвечал за своевременное внесение известной суммы, которая должна была быть представлена с подведомственной ему области. Уменьшить эту сумму или снять подать совершенно могла только центральная власть. Поэтому всякий раз, когда местные условия не позволяли или затрудняли внесение подати в полном размере, в Константинополь направлялось соответствующее ходатайство от собственников, землевладельцев. Обычно с ним ехал «заступник города» — епископ.[245] Подобное вмешательство клира в дела фиска не могло быть приятно правительству и подчас принималось враждебно. Смягчить повинности государство соглашалось лишь в исключительных случаях. Жестокий голод в Месопотамии не показался достаточным основанием для Анастасия, чтобы вернуть вымиравшей области деньги, которые вымучил судья. Такими приемами Анастасий сумел скопить большие денежные суммы (около 320 кентенариев) и, по свидетельству современников, был «богаче всех прочих императоров».

Судебные функции принадлежали эгемону во всей полноте. Что эта деятельность часто оставалась в пренебрежении, говорит то подчеркнутое удивление, с которым сообщается о деятельности эгемона Александра (495—487 гг.), представляющего

[244] *Иешу Стилит.* § 39.
[245] Ibid.

редкое исключение среди византийской администрации. Еженедельно каждую пятницу он сидел в большом храме и «творил суд безвозмездно».[246] Он отказался от обычно присущего византийским чиновникам лицемерия и не отдавал предпочтения богатым и знатным. Потому, говорит летописец, «приободрялись» притесненные, они «усилились» и могли противопоставить себя с его помощью притеснителям, а «ограбленные» — грабителям.[247]

Другой хронист сообщает об управителе Амида после того, как он был возвращен персами Византии: «В это время Филициссимус был дуксом; муж могучий и мудрый, он не имел жадности и любви к деньгам, но был прямой друг крестьян и бедных».[248] Такие исключения только подчеркивают характер суда и управления, при которых правда всегда была на стороне богатого и сильного. «Друг крестьян и бедных», очевидно, отказывался от взяток, которыми пользовались все судьи. Эгемон Александр также творит суд «безвозмездно», что делает его решения «справедливыми», так как они принимаются им «невзирая на лица». Волокита в делах была не меньшим злом, чем взяточничество, а Александр решал дела с давностью в 50 лет, на окончание которых истцы давно потеряли надежду. В Эдессе местом суда был один из больших храмов, который мог вместить большое количество народа и был удобен для такого общественного дела. Судил не один эгемон. У него должны были быть помощники, сотрудники из состава его officium'a. В сирийском тексте так и говорится, что представлялись жалобы и «они судили их». Напрасно В. Райт исправляет текст на единственное число; в живой речи автора переход от единственного числа к множественному происходит легко, и множественное подразумевает помощников, в сотрудничестве с которыми производил разбор дел эгемон. Какое большое значение имела эта сторона деятельности, сказалось в том, что сирийский эквивалент термина «эгемон» — судья.

Сгущенную атмосферу классовой борьбы, недоверия и страха предполагает другое мероприятие того же Александра в 496/7 г. Перед своим преторием он поместил ящик с дыркой и сделал сверху надпись, в которой предлагал всякому, кто желает что-нибудь ему сообщить и боится сделать это открыто, написать и бросить в ящик «без страха».[249]

[246] *Иешу Стилит.* § 29.
[247] Ibid.
[248] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 6.
[249] *Иешу Стилит.* § 29.

Византийский чиновник пытался путем этих тайных сообщений и нелицеприятным ведением судебных процессов несколько ослабить неудовольствие народных низов. Введенная им мера принесла желательные результаты, он узнал «о многих делах», так как многие писали и бросали в его ящик различные жалобы и сообщения. Но даже эти слабые попытки правителя установить хотя бы видимость беспристрастия в государственных делах быстро увяли, так как уже в следующем 497/8 г. Александр был смещен.[250] Полицейское управление городом также находилось в ведении эгемона. Внешне эта связь выражалась в том, что он носил оружие. «Судья» отправлялся в Константинополь «при своем мече», который он носил на поясе.[251]

Все работы ремесленников, участие в цехах контролировались эгемоном. Им устанавливалось право продажи хлеба на рынке, подобное же разрешение требовалось и для всех других видов торговли. Ему принадлежала и чисто внешняя регламентация жизни ремесленников. Он приказал убрать шалаши и будки, которые они настроили в неподходящих местах. Он требовал, чтобы с рассвета в воскресенье ремесленники вешали на своих мастерских и лавках крест, освещенный пятью лампадами или фонарями. Невольно напрашивается аналогия с еврейским обычаем зажигать пять свечей в ночь с пятницы на субботу. В Амиде, Эдессе, Телле и других городах Месопотамии были большие еврейские кварталы с синагогами, и значение еврейского населения было очень велико.

Контроль над производством и над торговлей был необходим, так как соответственно взимался налог и учитывалась платежеспособность ремесленника. Фискальные обязанности чиновников эгемона давали особенно много поводов к злоупотреблениям, так как подати с особой жестокостью взимались с тех, кого эти чиновники не боялись.

Забота о благоустройстве города лежала на «судье», она ограничивалась только внешней заботой о чистоте города, но и последняя слабо поддерживалась, о чем свидетельствуют частые эпидемии. Эгемон заботился также о снабжении города, в частности печеным хлебом. Но с этой задачей администрация Византии справлялась плохо как в столице,[252] так и в провинции. Ограбляемое правительством и крупными земельными

[250] *Иешу Стилит*. § 32.
[251] *Stöckle*. Spätrömische und byzantinische Zünfte // Klio. 1911. Beiheft N 9. S. 77.
[252] *Theophanus*. P. 230, 20; Chronicon paschale / Rec. L. Dindorfius. Bonnae, 1832. P. 608, 3.

собственниками население периодически подвергалось страшным голодовкам, как это подтверждается и повествованием сирийской хроники. В борьбе с этими голодовками правительство проявляло полную беспомощность.

МЕСТНАЯ ТОРГОВЛЯ ХЛЕБОМ И ЦЕНЫ

В столице за бесперебойное и доброкачественное снабжение ее продуктами и хлебом был ответствен епарх. Об этом говорят хронографы VI в., а для X в. это засвидетельствовано данными из ἐπαρχικόν βιβλίον.[253]

Данные, извлеченные из сирийской хроники, дают представление о том, как протекала торговля хлебом, государственное его хранение, выпечка для населения и армии.

Анноны, государственная подать, отчислявшаяся в форме натуральной продукции, подвозилась в ближайший город, к которому тяготела данная деревня. Здесь производился учет продукта и выдавалась квитанция об уплате подати. Для хранения государственной казны концентрировался весь учет податей, вносимых деньгами, так в складах продуктов были сосредоточены поступления натуральной подати и ее выдачи для государственных нужд. Судя по данным, относящимся к Эдессе, зернохранилище было в ведении эгемона города. Ответственность эгемона в вопросах снабжения города печеным хлебом засвидетельствована сирийской летописью. В его ведении находилась как корпорация булочников, так и городские амбары. Сириец дает греческое слово apotheton в транскрипции — это кладовые, склады различных товаров, но преимущественно зерна.[254] Летописец употребляет его, сообщая о распоряжении Анастасия во всех городах устроить государственные склады и амбары. Захария Митиленский, сообщая о постройке такого склада на основании этого распоряжения, называет его horrea spectabilia, ampla — «видная прекрасная житница».[255] Наша хроника знает еще один термин, комбинирующий греческое слово с сирийским, обозначающее зернохранилище (sitika de abura) от греческого σιτικός — «хлебный», или, как предполагает В. Райт, σιτών, σιτώιον — «хлебный амбар».[256] Название зерна обычно abura, так что нет сомнения,

[253] *Stöckle*. Spätrömische und byzantinische Zünfte. S. 15.
[254] См. Закон 392 г. Аркадия и Гонория: Codex Justinianus, XI, 25, 2.
[255] *Zacharias Mytilenensis*. VII, 6; *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. T. 1. Col. 1236.
[256] *Иешу Стилит*. P. 20.

что имелось в виду зернохранилище, где специально собиралось зерно. Распоряжение Анастасия устроить зернохранилища в городах Месопотамии имело целью увеличить обороноспособность пограничных крепостей. Осада Амида, во время которой жителям пришлось перенести много мучений от голода, была еще свежа в памяти.

Насколько большое значение имело наличие государственных запасов на местах в другом отношении, подтверждает та же хроника, сообщая, что устройство зернохранилищ должно было «уничтожить вражду и утвердить мир».[257] Если государство имело запасы зерна, то большое количество хлеба оставалось и в руках частных владельцев.

Земля давалась ими в аренду крестьянам на условиях натуральных отчислений, подчас настолько суровых, что колон отдавал по принуждению не только излишний, но и часть необходимого для собственного пропитания продукта. Благодаря тому, что рента выплачивалась натурой, в руках землевладельца скоплялся хлеб, который он вывозил для продажи на рынок, часто за пределы своей области, и делал его предметом выгодной для себя сделки.

Законодательство стремилось регулировать цены на хлеб, держать их на определенном уровне, но повторение этих законов говорит о том, как мало влияния они имели. Не потому ли устройство зернохранилищ должно было уничтожить вражду, что ремесленники и недостаточные крестьяне вели борьбу с богачами, торговавшими хлебом. «Простые из народа» были тем слоем населения, который враждовал с владельцами. Летописи не дифференцируют этого слоя «слабых», «бедных», «простых», среди которых есть работающие как в городе, так и в деревне, в условиях полурабского труда. В борьбе за существование, в экономическом гнете цена на хлеб играла не последнюю роль. Спекуляция хлебом, вздувание цен засвидетельствованы как летописным, так и законодательным материалом. Захария Митиленский рассказывает, что епископ г. Амида «предупреждал богатых города, говоря, что в дни голода, набегов арабов и чумы они не должны увозить зерно, так как есть нужда, но они должны продавать и отдавать нуждающимся, увозя же его, они делают запасы для врага (дьявола) по слову писания».[258] Иешу Стилит сообщает, что во время голода были имущие люди, которые ни в чем не нуждались.[259] В Иране

[257] *Иешу Стилит.* § 81.
[258] *Zacharias Mytilenensis.* VII, 3.
[259] *Иешу Стилит.* § 44.

положение аналогичное: хлеб был сосредоточен в руках богачей, которые жадно и ревниво охраняли свое материальное благосостояние.[260]

Во времена Диоклетиана на собственниках кроме основной государственной подати с земли лежала добавочная повинность по доставке и продаже хлеба по установленной цене (indictio), как это было доказано еще О. Зееком.[261] Термин συνωνή, соответствующий в греческом латинскому indictio, сохранился до XI в. Он упоминается в сборнике πεῖρα XVIII, § 2; В. Г. Васильевский перевел его как «взыскания, называемые хлебною продажею».[262] Для тех же веков на эту обязательную продажу указал Ф. Дельгер.[263] Сообщая об отрицательной характеристике συνωνή, данной автором «Тайной истории», Б. Панченко попутно коснулся и законодательства о ней Анастасия.[264]

Анноны, поступавшие натурой, прежде всего обслуживали войско и распределялись в столице — этого хлеба едва хватало на самые неотложные нужды.

В пограничных областях для армии хлеба не хватало, особенно в моменты войны, и государство было вынуждено прибегать к дополнительной повинности по продаже хлеба. Необходимость дать на рынок известное количество дешевого хлеба вызывалась также тем, что его вздорожание ставило государство перед угрозой голодных восстаний. Это справедливо не только для столицы, но и для провинций.[265]

Законодательство Анастасия должно быть рассмотрено в порядке подтверждения уже существовавшей обязательной продажи хлеба по государственной цене. Из трех законов, касающихся этого вопроса, два изданы на греческом языке,[266] что указывает на то, что они предназначались для южных и восточных провинций, где он был официальным языком.

В законе проводится различие между торговлей по собственному почину и торговлей по императорскому приказу.

На то, что этот последний вид торговли связывался с выплатой государственной подати и представлял собой обяза-

[260] *Spiegel F.* Eranische Altertumskunde. Leipzig, 1878. Bd 3. S. 390; *Nöldeke.* Geschichte. S. 141, 455—467; *Christensen A.* Le régne du roi Kawadh I et le communisme Masdakite. Kobenhavn, 1925.
[261] *Seeck O.* Schatzordnung Diokletians. S. 329—334.
[262] *Васильевский В. Г.* Материалы для истории Византийского государства.
[263] *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der Byzantinischen Finanzverwaltung. Berlin, 1927. S. 58.
[264] *Панченко Б.* О тайной истории Прокопия. С. 128, 129.
[265] *Рудаков А.* Очерки византийской культуры... С. 117.
[266] Codex Justinianus, X, 27, 2, 3.

тельство в порядке дополнительного налога, указывает та прямая связь, в которую ставил законодатель этот вид торговли с количеством тягл, за которые отвечал владелец. Торговля хлебом должна была им производиться в количествах, соответствующих, пропорциональных тому количеству тягловых единиц или тягл с учетом рабочей силы, которые входили в состав поместья данного владельца.[267]

Таким путем владелец поставлял на продажу определенное количество зерна по сходным, господствующим в данном городе ценам. Продажа преследовала двойную цель: дать дешевый хлеб городу и обеспечить выплату той части подати, которая вносилась в деньгах. Соблюдая интересы фиска, закон указывал, что деньги, вырученные владельцем за хлеб, в первую очередь должны покрыть его долг в казну.

Государственная подать, выплачиваемая деньгами, должна быть внесена продающим хлеб за себя и за «своих домашних». Под домашними законодатель разумеет всех живущих «под рукой» данного землевладельца, тех, за подать которых он отвечал перед центральной властью. При продаже хлеба должна быть удержана сумма, которая покрыла бы обязательства казне по внесению денежной подати или, как говорит закон, подати «золотом». Это требование касалось тех, которые вели торговлю в обязательном порядке по государственному распоряжению. Очевидно, что συνωνή ни в какой мере не могла покрыть аннон, натуральной подати, но вырученные деньги должны были покрыть долг казне в золоте. Впрочем, если торгующий ничего не должен казне или должен только часть, то никто не смеет брать у него деньги или схватывать и отбирать его товар. Этот последний пункт лишний раз указывает на способы, к которым прибегали для того, чтобы выжать подать.

Требование уплаты подати из денег, вырученных за продажу, закон мотивирует тем, что несправедливо требовать сначала продукты, а потом еще и деньги. Вопрос заключался в том, чтобы упрочить поступление подати, собрать ее с плательщика, поэтому необходимо было использовать момент, когда он выручает деньги за продажу, и тотчас требовать их с него. Только после того, как государственные долги продающего хлеб были ликвидированы и фиск не имел к нему претензий, он получал возможность продавать хлеб в свою пользу. Принуждать к продаже продуктов в таком количестве, чтобы это было в ущерб «домашним», зависящим от владельца людям, закон запрещал; торговать следовало только излишним продуктом.[268] Обязывая владельца торговать, закон предписывал производить эту продажу по твердой цене, которая господствовала в данном городе.[269]

[267] Codex Justinianus, X, 27, 2.

Торговля производилась в пределах города, которому потребен был хлеб, под непосредственным наблюдением правителей города и по ценам, господствовавшим, общепринятым в данное время, в данном месте. Преследуя в первую очередь интересы фискальные, закон стремился удержать цены на среднем уровне, который бы соответствовал принятой в данной области или городе цене, он называет ее «справедливой ценой».[270] Συνωνή заключала в себе это требование торговать по установленным государственным ценам, но была тенденция и торговлю по своему почину и инициативе держать в рамках. Рыночная цена, по которой шла торговля на площадях, базарах, могла быть предписана тарифом, который тут же вывешивался. Она не была постоянной, менялась от времени года и ряда других условий. В основном цены зависели от владельцев, торговавших хлебом, среди которых были крупные держатели зерна и продуктов. Они диктовали цены и подчиняли своим требованиям рынок. Особенно вздувались цены в острые моменты недорода и голода. Об этом с цифрами в руках сообщает Иешу Стилит. Агиологический памятник IV в. сохранил свидетельство о том, как трудно было доставать «государственный» более дешевый хлеб. Используя бывший в это время голод в Египте, купцы продавали свой хлеб по непомерной цене.[271]

Таким образом, законодательство Анастасия продолжает принудительную повинность, которая была известна во времена Диоклетиана. Есть основания считать, что συνωνή не была постоянным взысканием, а предписывалась, смотря по надобности, особым императорским распоряжением, и в этом случае от нее никто уже не мог уклоняться. Закон возлагает ее на собственников, на землевладельцев, среди которых были крупные и средние держатели зерна, в размере количества тягл, входивших в состав их имений. Фактически συνωνή должна была перекладываться на производителей в форме добавочных взносов,[272] а для IX в. известно, что к ней имели прямое отношение парики (присельники) монастырских и епископских имений.

Вследствие недостаточности такой торговли и недостатка хлеба у государства для удовлетворения потребности городов

[268] Codex Justinianus, X, 27.
[269] Ibid.
[270] Ibid, X, 27, 2.
[271] *Рудаков А.* Очерки византийской культуры... С. 173.
[272] *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte... S. 58.

владельцы и скупщики имели возможность широко вести торговлю по собственному почину по высоким ценам, недоступным для малоимущего городского населения. Источники постоянно сообщают о спекуляции, о вздувании цен торговцами, которые держали рынок в своих руках.

Один из пунктов того же закона Анастасия, относящийся ко времени между 491—505 гг., запрещает без специального императорского указа вынуждать живущих в городе и имеющих в нем собственность перевозить продукты (εἴδη) в другой город или область.[273] Закон имеет в виду землевладельцев, так как только они и торговцы имели в городе собственность, т. е. амбары или кладовые, и сами проживали в городах.

Такая доставка продуктов была очень тяжелой повинностью, судя по тому, как рассказывает Иешу Стилит. Под 504/5 г. он сообщает: «Как мучились эдесситы, когда возили зерно в Амид, никто не знает, кроме тех, кто были поставлены на это дело, так как многие сами умерли в дороге и их скот».[274]

В данном случае принудительная доставка зерна вызывалась тем, что опустошенный персами Амид был возвращен Византии и было необходимо снабдить его продуктами. Эту обязанность возложили на жителей Эдессы, и выполнять ее было очень тяжело.

Наряду с обязательной торговлей, организованной властями, необходимо отметить то значительное место, которое занимали в азиатских городах и, конечно, во всей Византии крестьянский базар и мелкая торговля на рынках и площадях. Крестьяне привозили в город и его предместья пшеницу, ячмень, горох, чечевицу, овощи, плоды, вино, масло, яйца, деревенские охотники поставляли дичь и битую птицу. Этот вид мелкой, штучной торговли имел немалое значение в обмене товара между городом и деревней. Во время осады Амида эта торговля поддерживала жизнь осажденных. Персы, в руках которых находился город, давали жителям возможность выходить под конвоем на базар, собиравшийся по ту сторону стены, куда сходились крестьяне из деревень. «Они привозили вино, пшеницу и прочие продукты и продавали их персам и горожанам, сопровождаемым конными, которые в некотором числе принимали и вводили их. И никто по прекрасному обычаю персов не смел взять чего-нибудь от деревенских, которые продавали, как хотели, и принимали деньги и вещи из города, и на базар собирались они охотно».[275]

Торговлю вели в IV в. и позднее не только свободные крестьяне, но и колоны, так как законы нашли возможным освободить их от уплаты хрисаргира с этой продажи.[276]

Самая продажа велась малыми мерами, штучно, на мелкую разменную монету, при Анастасии главным образом — бронзовую. Она служила при покупке продуктов для несостоятельного населения города — ремесленников, рабочих, которые только и могли приобретать в малых количествах.

Законодательство Анастасия указывает на людей, которым было вменено в обязанность закупать и привозить хлеб с тем, чтобы продавать его в городе и области. «Если в каком-нибудь городе, — гласит закон, — имеется нужда в поставщике хлеба,[277] то по соображению и рассуждению епископа в том городе и первенствующих из собственников должно быть его избрание».[278] Требовался человек, в течение многих лет занимавшийся этим делом и имевший в нем опыт. Роль поставщика немалая, так как его избрание происходило при участии собственников, которых скупка и торговля хлебом касалась непосредственно. Дело имело характер обязательства, на него надо было получить разрешение, быть в нем утвержденным местным епископом и первенствующими из собственников, причастных к управлению курией. Роль клира, в частности епископа, в местном управлении отмечалась уже выше.

Закон подчеркивал, что поставщики не должны нести ущерба в своей продаже, так как их труд и без того тяжел. Урон при хлопотах и затруднениях, связанных с этим делом, был бы «несправедливостью». Тенденция власти защитить интересы торговых людей и владельцев сказалась и здесь в заботе о том, чтобы они не терпели урона в заготовках и не торговали в убыток, так как «доставлять они должны по цене, что на площади, а не по какой-нибудь большей».[279] Необходимо было сохранить средний уровень цен на продукты, не дать поставщику повышать стоимость хлеба против той, которая была обычна. Законы Анастасия неоднократно возвращаются к этому вопросу, что говорит о том, как часто нарушалось это предписание, как

[273] Codex Justinianus, X, 27, 1.
[274] *Иешу Стилит.* § 82.

[275] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 5.
[276] Codex Theodosianus, XIII, 1, 68, 12, 13; Codex Justinianus, XI, 48, 1.
[277] Σιτῶνης. *Sophocles E. A.* Greek lexicon of the Roman and Byzantine Periods. New York; Leipzig, 1890. P. 991. Σιτονία — заготовление общественного хлеба: Thesaurus graecae linguae. Stephani. T. 7. Col. 301.
[278] Codex Justinianus, X, 27, 3.
[279] Ibid.

трудно было его проводить. Причина понятна, так как рынок был в руках владельцев и цены диктовались ими.

Таким образом, торговля хлебом и продуктами в конце V и начале VI в. велась, с одной стороны, в порядке обязательном, по государственным ценам, как дополнительная повинность (συνωνή), которая возлагалась в связи с поземельной податью и соответственно ей; с другой стороны, землевладельцы и скупщики зерна торговали хлебом по собственной инициативе. Мелкую торговлю поддерживали крестьяне и колоны на городских базарах и площадях. Из среды крупных землевладельцев в согласии с епископами выдвигались поставщики хлеба для снабжения города.

В тесной связи с торговлей находится вопрос о ценах. Хроника Иешу Стилита дает ряд данных, анализ которых не лишен интереса.

Полное игнорирование интересов эксплуатируемых классов правительством выступает особенно ярко в бедственные годы голода и чумы в Месопотамии. Голод, вызванный правительственными поборами, налетом саранчи, повторными засухами и неурожаями, охватил в 500—502 гг. все области Передней Азии. Крестьяне бросали населенные места, сбывали скарб и скот за полцены и уходили в другие области на север и на запад. В деревнях остались женщины, дети, старики и больные, их гнал голод из деревень, в которых они могли есть только горькие травы. Жители деревень потянулись в города. Но и здесь люди нищенствовали, болели, голодали и умирали. В Эдессе они бродили по улицам, площадям и рынкам, прося хлеба, но хлеба не подавали.

С течением времени, говорит летописец, цены возрастали и муки голода все сильнее охватывали людей. «Все, что не было съедобным, было дешево: одежда, утварь, домашние вещи продавались за пол- или за одну треть цены, но и этого не было достаточно, чтобы пропитать их хозяев, ввиду высокой цены на хлеб».[280]

Первое, что сообщает летописец, кроме резкого подъема цен, это то, что перестало хватать хлеба, выпекаемого булочниками для рынка. В 499/500 г. некий Евсевий был оставлен эгемоном, уезжавшим в Константинополь, «оберегать свое место и управлять городом». Когда он увидал, «что не в состоянии хлебопеки делать достаточно хлеба для базара из-за множества деревенских людей, которые наполняли город, и потому, что у бедных не было в домах хлеба, он приказал, что-

[280] *Иешу Стилит.* § 39.

бы всякий, кто попросит, изготовлял бы хлеб и продавал на базаре. Пришли женщины еврейки, и он дал им пшеницы из зернохранилища, и они делали хлеб для базара».[281] Из текста ясно, что продажей печеного хлеба на базаре мог заниматься не всякий, этот труд несли на себе хлебопеки, которые по аналогии с предшествующими и последующими веками несомненно были объединены в корпорации.

Чтобы получить право продажи, о нем надо было попросить, и только когда разрешение было дано, можно было приступить к работе. Корпорация булочников была недостаточна, чтобы обслужить наводненный деревенскими людьми город. Помимо этого «у бедных не было в домах хлеба», т. е. обычно «бедные» — малоимущие могли запасать зерно и печь хлеб дома, в голодное же время они хлеба дома не имели и были вынуждены покупать его на рынке.

Многочисленные законы византийского государства говорят об общепринятых, обыкновенных ценах на зерно в городе, они заинтересованы в том, чтобы цены не были высоки. В обычное время хлебопеки закупали зерно, перемалывали его и пекли хлеб. В зависимости от цены на зерно изменялась цена выпеченного хлеба с тем, чтобы хлебопеку оставалась одинаковая прибыль.[282] В тяжелое время голода государство пошло на другую меру: женщинам, которые должны были печь хлеб, была выдана пшеница из государственного зернохранилища. Надо думать, что и цех булочников выпекал в этот острый период хлеб из государственных запасов, которые, вероятно, были все же дешевле зерна, продававшегося торговцами. Но его не хватало, к тому же он был очень дорог. Летопись считает дороговизну таким же тяжким злом, как и чуму. Она сообщает: «...бедные нуждались, потому что не было у них денег, чтобы купить на них хлеба». Они бродили по городу, по площадям, портикам, дворам, чтобы выпросить себе кусок хлеба, и не было человека, у кого бы в доме был «лишний кусок хлеба».[283] Грошей, которые выпрашивали себе голодные, хватало только на покупку каких-нибудь овощей, которые тут же съедались сырыми. Одновременно с голодом в городе стала свирепствовать чума, и население начало вымирать.

В 500/501 г. эгемон Демосфен, отправившись к императору, сообщил ему об этом несчастии, «и дал ему император немало золота, чтобы раздать бедным».[284] Способ раздачи денег наро-

[281] *Иешу Стилит.* § 40.
[282] *Stökle.* Spätrömische und bysantinische Zünfte. S. 101.
[283] *Иешу Стилит.* § 40.
[284] *Иешу Стилит.* § 42.

ду был знаком еще древнему Риму, обычай перешел и в Константинополь. В данном случае он имеет другой характер, чем обычные раздачи в столице в связи с праздниками, с началом нового царствования и прочими событиями; здесь деньги должны были быть розданы для поддержки голодающих. Эгемон роздал, однако, не деньги, а стал выдавать за счет этих денег хлеб. Когда вернулся эгемон от Анастасия в Эдессу, то многим из бедных он повесил «на шеи свинцовые печати и давал каждому из них по литре хлеба в день».[285] Отметка людей печатями, которые вешались на шею, была обычным явлением, оно часто встречается в последующих VI и VII вв. Так отмечают владельцы своих рабов. Тут эгемон отметил сигиллами тех из «бедных», которым он стал ежедневно выдавать хлеб. Такие сигиллы с текстом и знаками хранятся в различных музеях, имеются они и в Эрмитаже.[286] Вес литры составляет около 300 г и представляет собой голодный паек, но и этот паек отпускался только немногим. Хлеб этот выдавался даром и выпекался за счет денег, которые были отпущены эгемону Эдессы Анастасием.

Пришлые из деревень, бездомные и голодные спали прямо в портиках, на площадях и улицах. Многие умирали от голода. На каждом углу плакали и кричали дети, брошенные своими матерями.[287] За голодом по пятам кралась страшная «смертница» — чума. Так как больных было некуда класть, то была устроена больница в прилегавших к большому эдесскому храму зданиях. В базилке у зимних бань были постлана солома и циновки по распоряжению эгемона, и туда приходили многие и ложились для того, чтобы не встать. Пристанища, годные для ночлега, были устроены городской знатью и византийским войском. Всего этого, конечно, было мало. Но и это немногое заставило туда стекаться множество беспомощных из деревень, так как до них доходил слух, что в городах приходят на помощь голодным и больным. Занята была даже баня около храма апостолов, там тоже лежали больные. Множество народа умирало, чума свирепствовала. Обязанность хоронить бедных в X в. лежала на ремесленниках и податном населении города.[288] Это имело место и в V в. в провинциальных городах. Хроника говорит, что во время эпидемии горожане не успевали сами уносить и хоронить мертвых, и поэтому, по инициативе

[285] Ibid.
[286] Общее о печатях: *Schlumberger G.* Sygilligraphie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884; печати позднего времени из Эдессы на с. 315—316.
[287] *Иешу Стилит.* § 42.
[288] *Stöckle.* Spätrömische und bysantinische Zünfte. S. 12.

монастырского гостинника Нонна, в этом им помогала монастырская братия. В больницу (hospitium), вернее к ней, сносили мертвых, а отсюда уносили их хоронить.[289] Сначала заполняли гробницы храмов и ксенодохия, потом открыли старые каменные гробницы около храма мар Конона и хоронили в них.[290] С начала ноября до марта 501 г. смертность была особенно велика.

Среди горожан чума распространилась в апреле месяце, и из Эдессы выносили такое количество трупов, что числа их уже никто не мог сказать.[291] «Смертница» охватила все пространство от Низибии до Антиохии, т. е. от Тигра до Средиземного моря. Перед этой эпидемией государство оказалось совершенно беспомощным, как и во время голода, была оказана лишь минимальная помощь, не давшая действительного облегчения. Меры сводились к предоставлению ночлега и похоронам. «Богатые» обычно бежали от чумы, прятались в своих имениях, загородных домах, чтобы избежать опасности, как это рассказывается, например, о богатом мар Гиваргисе.[292] В Эдессе умирали на улицах, площадях, на дорогах — город был буквально во власти эпидемии. Чума возобновлялась неоднократно, она возвращалась несколько раз в VI и VII вв. Сирия и Месопотамия жили под ее постоянной угрозой.

Во время голода (500—502 гг.), как и во время чумы, помощь населению была минимальная. Насколько она оказывалась вообще без всякого разбора и, следовательно, не имела в виду действительно нуждающихся и «бедных», указывает та же хроника. Урбик — евнух, уполномоченный Анастасием оказать помощь в азиатских провинциях, роздал «динарий за динарием» в Амиде. Оттуда он отправился в Эдессу и здесь «дал каждой женщине, которая желала принять, тримисион,[293] а каждому ребенку одно зузе.[294] Получили деньги почти все женщины, которые нуждались и которые не нуждались».[295]

Хроника Иешу Стилита под рядом годов сообщает цены на продукты питания, причем систематически повторяет их для пшеницы и ячменя. Большинство цен, приводимых в хронике, относится ко времени голода в Месопотамии и, по свидетель-

[289] *Иешу Стилит.* § 42.
[290] *Иешу Стилит.* § 43.
[291] *Иешу Стилит.* § 44.
[292] *Hoffmann G.* Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer // AbhKM. Leipzig, 1880. Bd 7. Hf. 3. S. 95.
[293] Тримисион — третья часть золотого.
[294] Зузе — мелкая монета.
[295] *Иешу Стилит.* § 84.

ству самого автора, характеризует дороговизну. Часть данных относится, однако, ко времени, когда в области не было особых условий, вызывавших подъем цен, и в этих случаях они дают представление о нормальных ценах.

Приведенные выше законы Анастасия настойчиво проводили требование, чтобы торговля происходила по установленной цене, господствующей в данное время в области. Постоянных цен не было, да и не могло быть, они менялись в зависимости от времени года, местных условий, случайно благоприятных и неблагоприятных.

В настоящее время вопрос о колебании цен в восточной империи VI в. в соотношении золота и хлеба не только поставлен, но отчасти разрешен. Главным источником послужили папирусы позднеримского и византийского периодов, использованные Г. Миквицем[296] для того, чтобы по векам разработать индекс цен для Египта. Общие выводы исследования сводятся к падению цен в V, VI и VII вв. по сравнению со II и особенно IV в. В основе этого падения лежит вздорожание золота. С IV в. торговля в Египте перешла на золотую монету, серебро стало редким, и надо полагать, что это явление было общим для всей Византии, в том числе и для ее азиатских провинций. В V в., как уже было отмечено, сириец словом «золото» заменяет слово «деньги». Для чеканки монет потребность в этом металле возросла, между тем систематическая его добыча пала.[297] В золоте происходила оплата наемников из варварских племен; так оплачивала Византия и персов за охрану Каспийских ворот.[298] Некоторую роль играл экспорт золота на Восток в обмен на предметы роскоши. Для хозяйственной жизни, по мнению Г. Миквица, вздорожание золота не имело, однако, того значения, которое оно имеет в современной жизни, так как кредитом пользовались в меньшей степени и особенно отсутствовали долгосрочные кредиты. Если крестьянин получал за зерно меньше золота, он мог больше на него купить.[299]

Монетная система времен Анастасия и реформа, которую он ввел, отражают именно такое положение. Его предшественники чеканили множество разноценной монеты, которая являлась предметом рыночной спекуляции. Реформа 497 г. сохранила ценность золотого (solidus), равную 1/72 фунта золота, и установила для мелких расчетов бронзовую (медную) монету.

[296] *Mickwitz G.* Goldwertindex der römisch-byzantinischen Zeit // Aegyptus. 1933. T. 13. P. 95 u. flg.
[297] Ibid. P. 103.
[298] *Güterbock K.* Persien und Byzanz. Berlin, 1906. S. 13.
[299] *Mickwitz G.* Goldwertindex... P. 104.

В качестве разменной монеты она получила широкое обращение на рынке. Государственная подать выплачивалась только в ценном металле — золоте и серебре. Серебряная монета в V в. сравнительно редка,[300] подать переходит почти исключительно на золотую. В сущности каждый металл представлял собой свою особую самостоятельную систему, при которой серебро не покрывает в целом золота, а медь серебра.[301] Для VI в. с относительной верностью можно считать 6000 бронзовых номиев[302] или бронзовых динариев,[303] равных золотому. Чтобы точно установить ценность монет, на них были сделаны соответствующие пометки. Самая крупная бронзовая монета Анастасия весом от 10 до 16 г получила обозначение своей стоимости, равной 40 номиям, в виде цифры 40. Такие же монеты меньшего веса получили знаки 20, 10 и 5 номиев. Название nummium, nummus сокращено на монетах в виде букв n. m.[304] Самая мелкая монета достоинством в 1 номий весит меньше грамма. Золотые и серебряные монеты выбивались в Константинополе и Равенне. После реформ Анастасия бронзовые монеты выбивались во многих городах. Ближайшие к Месопотамии монетные дворы были в Эфесе, Исаврии, Никомедии, Антиохии.[305] Кроме золотого солида (номисмы) и бронзовых денег встречалась и серебряная монета, называемая кератион, соответствующая 1/24 части золотого солида. Она составляет половину милиарисия, равного 1/12 солида. При Зеноне, предшественнике Анастасия, милиарисий весил 4.05 г.[306] Кератион обычно весит около 2.6 г и меньше. Такие серебряные монеты редки, чаще попадаются монетки ценностью в полкератиона (demisilliqua), весом от 1.42 г до 1.28 г.

Хроника Иешу Стилита стоимость зерна рассчитывает на монету, которую она называет динарием. Названия монет, хотя бы и изменялась их стоимость и чеканка, долго и консервативно сохранялись.[307] Так и сирийцы сохранили старое наимено-

[300] *Soutzo M. C.* Les origienes du sisterce et du miliarense et leur continuité jusqu'aux temps byzantins. Le système monétaire d'Anastase // Bulletin historique de l'Académie roumaine. 1927. T. 13. P. 54.
[301] *Seeck O.* Münzenpolitik Diokletians // Zeitschrift für Numismatik. 1890. Bd 16. S. 166.
[302] *Babelon E.* Traité des monnaies grecques et romaines. Paris, 1901. T. 1. P. 618.
[303] *Soutzo M. C.* Les origines du sisterce... P. 58.
[304] *Babelon E.* Traité des monnaies grecques... P. 616—617. Отпечатки монет у: *Sabathier Y.* Description générale des monnaies byzantines. Paris, 1862. T. 1, pl. VIII, IX; *Seeck O.* Münzenpolitik Diokletians. S. 135, 164.
[305] *Babelon E.* Traité des monnaies grecques... P. 1042.
[306] Ibid. P. 574—580, c. 54.
[307] *Soutzo M. C.* Les origines du sisterce... P. 54, 55.

вание динария для византийского золотого солида: оно встречается в хронике, как и во многих других памятниках.[308—309] Называя золотую номисму динарием, хроника для разменной бронзовой монеты, о которой была речь выше, сохранила транскрипцию греческого названия номия. Сирийская летопись Захарии Митиленского знает кератионы. В сирийском переводе Галена, сделанном Сергием Решайнским, ученым врачом VI в., упоминается кератион, весом равный 1/3 обола. Бар Бахлул также считает обол по весу равным 3 кератионам. В одном агиологическом памятнике упоминается «один кератион золота», т. е. латинская силиква — 1/24 золотого солида.[310]

Как и следовало ожидать, сирийцы освоили и пользовались монетной системой Византии, употребляя или их греческие названия (keration, nummion), или сохраняя старые, привычные названия, например динарий, и для византийских монет.

Сообщая о стоимости зерна, хроника оценивает не то или иное количество товара, а, исходя из монеты определенной стоимости, указывает, сколько на нее отпускалось продукта в данное время. Это общий способ расчетов по всей Византии и в течение многих веков. Зерно в Египте измеряют артабами, в азиатских провинциях — модиями. В Эдессе модиями измеряют пшеницу и ячмень.

Множество прилагательных, с которыми упоминается модий (большой, малый, морской, царский и проч.), указывает на отсутствие единообразия в размерах и количествах, которые он определял в разное время или одновременно в разных провинциях и областях.[311] Точного определения размера модия до настоящего времени не имеется. Это послужило причиной тому, что при составлении индекса все цены в применении к модиям не были приняты Г. Миквицем в расчет.[312] Точно установить соотношение модия и артабы затруднительно, приблизительно 3, 3.5 модия составляют артабу.[313] Modius kastrensis — мера, равная количеству зерна, необходимого для осеменения третьей части югера. По расчетам Ф. И. Успенского, сделанным по материалам IX, X вв., модий осеменяет

308—309 *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. T. 2. Col. 3741: nummus Romanus, aureus siliqua.

310 Ibid. Если кератион составляет 1/24 солида, то он соответствует около 0.53 золотой марки. В английской монетной системе кератион может быть грубо сопоставлен с шестипенсовиком, sixpence (около 23 коп.). *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 1. P. 447.

311 *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte... S. 123.

312 *Mikwitz G.* Goldwertindex... P. 99.

313 *Ostrogorsky G.* Löhne und Preise... S. 319, 320.

200 кв. саж. земли, он равен 40 литрам и 345 800 ситококкам жита.[314] Герон Александрийский, писатель II в. н. э., о двойном модии говорит, что он содержит 40 литр.[315] Плиний Старший обыкновенный римский модий александрийского зерна считает весом, равным 205—206 римским литрам, что составляет для двойного модия также около 40 литр.[316] Такой модий равен приблизительно 8 финикийским «каба» — мере, удержавшейся в Месопотамии до V в.; она встречается у того же Иешу Стилита.

Относительное сопоставление данных хроники о ценах на хлеб со сведениями других источников весьма существенно, так как хроника дает их не только для исключительных условий голодных лет, но и для обычного времени.

Для IV в. нормальная цена пшеницы составляла 12 модиев на 1 номисму.[317] В VII и VIII вв. нормальная цена — 12, 13 артаб за одну номисму, что составляло бы около 36 или 39 модиев, если считать в артабе около 3 или 3.5 модиев (см. выше). Для V в. и в Египте свидетельства о ценах очень скупы. При составлении индекса Г. Миквиц смог привлечь только данные о цене артабы пшеницы, которая стоила 2.4 кератиона.[318] Сведения о ценах на другие продукты отсутствуют. Для VI в. оказалось возможным использовать цены на различные продукты, причем артаба пшеницы в среднем стоила 2.3 кератиона. Исходя из этих данных, модий пшеницы в Египте в V в. должен был стоить около 0.8 кератиона.[319]

Под 494/5 г. н. э. Иешу Стилит, говоря об относительном благополучии жителей Эдессы в этом году, сообщает следующие цены на зерно. «В это время, — говорит он, — в Эдессе продавались 30 модиев пшеницы за динарий и 50 модиев ячменя за динарий».[320] Динарий, иначе говоря, золото, номисма состоит из 24 кератионов, следовательно, стоимость одного модия составляет 0.8 кератиона, как и в Египте.[321] Это совершенно нормальная для V в. цена, которая позволяет повторить тот же расчет для ячменя, модий которого стоил, по данным си-

314 *Успенский Ф. И.* Византийские землемеры. С. 288—293.

315 *Hultsch F.* Metrologie. 2-te Aufl. Lipsiae, 1882. S. 616, 156—161.

316 *Plinius.* Historia naturalis, 18, 12, § 66.

317 *Ostrogorsky G.* Löhne und Preise... S. 320.

318 *Mickwitz G.* Goldwertindex...

319 Если считать артабу равной 3 модиям, то 2.4 кератиона : 3 = 0.8 кератиона, т. е. цене одного модия.

320 *Иешу Стилит.* § 26.

321 24 кератиона : 30 = 0.8 кератиона.

рийской хроники, 0.48 кератиона.[322] Для Египта цены на ячмень в V в. не имеется, как было отмечено выше.

В дальнейшем летописец сообщает о дороговизне. По просьбе своего корреспондента, он описывает голод и рост цен. Под 494/5 г. им даны нормальные цены, в 499/500 г. наступили «бедствия», следствием которых был голод.[323] Прежде всего, появилось множество саранчи, которая еще в стадии бескрылой погубила растительность нескольких областей Месопотамии: Ароба, Теллы, Решайны и Эдессы. Следствия этого сказались немедленно: тотчас в месяце нисан (апрель 500 г.) «стала возрастать цена на зерно и на все. 4 модия пшеницы продавались за динарий». Тогда как в нормальное время продавалось 30 модиев за золотой. В месяцах хазиран и таммуц (июнь и июль того же 500 г.) жители этих областей были лишены «всего необходимого для жизни» и были вынуждены нищенствовать.[324] Повторный посев, возможный в условиях южного климата, урожая не дал, просо не уродилось, и начался голод.

Летописец сообщает повышенные цены на ряд продуктов питания. Плоды бобовых растений — горох, чечевицу продавали «кабой» — мерой, известной в ассиро-вавилонский и финикийский период. Каба — мера, усвоенная евреями, о ней упоминает Филон Александрийский, Епифаний Кипрский считает ее четвертой частью, а иногда пятой частью модия.[325] Двойной модий содержит 8 таких мер. Мера (kaba) гороха продавалась за 500 номиев, мера бобов за 400 номиев. Насколько повышены эти цены, можно судить по тому, что артаба чечевицы стоила в нормальное время 3 кератиона.[326] Дешевле всего было на базаре мясо. Для скота не было травы, она была съедена саранчой, следовательно, шел убой скота, мяса было много и оно было дешево.

Следующий 500/501 г. не только не принес облегчения, но голод в деревнях и городах даже усилился. Те, кто остались в деревнях, ели горькие травы, другие варили опавший незрелый виноград и ели его. «В месяце шаббат [февраль 501 г.] еще возросла дороговизна и усилилась чума. Пшеница продавалась

[322] 24 кератиона : 50 = 0.48 кератиона.
[323] *Иешу Стилит.* § 36.
[324] *Иешу Стилит.* § 38.
[325] *Hultsch F.* Metrologie. S. 451.
[326] Грубый подсчет дает следующее: 1 артаба = 3 модиям = 24 каба. Цена артабы чечевицы = 3 кератионам, следовательно, 1 каба стоит 1/182 солида, так как кератион = 1/24 солида. 360 номиев, исходя из того, что 6000 составляют солид, соответствуют 1/17 солида. Соотношение нормальной цены к цене голодного времени будет 1/192 к 1/17 солида.

13 каба за динарий, а ячмень 18 каба за динарий; литра мяса за 100 номиев, литра курятины за 300 номиев, яйцо за 40 номиев. Вообще все съедобное было дорого».[327] Урожай этого года лишь незначительно ослабил дороговизну, так как в месяцах хазиран и таммуз (июнь и июль 501 г.) после жатвы новая пшеница продавалась 5 модиев на динарий. «Надежды наши не оправдались», — пишет летописец, так как от дороговизны избавиться не удалось. В феврале этого года пшеницу продавали мелкой мерой (kaba). После сбора урожая удалось вернуться к модиям, но цена, конечно по сравнению с нормальной, была очень высока. 5 модиев составляют 1/6 того, что продавалось в нормальное время на золотой.

В следующем 501/2 г. был богатый урожай винограда. Значение вина на Востоке общеизвестно, оно являлось необходимым элементом питания и употреблялось всеми слоями населения. В сельскохозяйственной продукции виноград и вино имеют большой удельный вес. В этот год урожая винограда вино продавалось непосредственно от давильного пресса «двадцать пять мер за динарий». «Бедных» поддерживали виноградники, благодаря изобилию сухого винограда. Его было больше, чем свежего, годного для пресса, потому что в момент созревания дул сухой ветер, который иссушил очень большое количество гроздей.[328] 25 мер на динарий — цена несравненно более дешевая, чем в предшествующем году, когда на динарий можно было купить только 6 мер. Цены на хлеб этого года продолжают быть высокими: 4 модия пшеницы и 6 модиев ячменя на динарий. Летописец говорит, что только сухой виноград поддерживал «бедных» и не дал им умереть от голода. Надежды на урожай этого года не оправдались, так как в месяце ияр (май 502 г.) три дня дул сухой ветер, от которого погибло много хлеба. Интересна одна подробность, которую сообщает Стилит, не отдавая себе отчета в действительном значении этого факта. В 501/2 г. Анастасием были отменены майские праздники, которые чрезвычайно пышно справлялись в Эдессе.[329] Языческий праздник вызывает великое негодование Иешу, хотя он и сумел дать его яркое описание. Он считает, что «благочестивые» мотивы, побудившие отменить праздник и пляски, были вознаграждены падением цен, которые через 30 дней упали до 12 модиев пшеницы за динарий и до 22 модиев ячменя за динарий. На этом цены, конечно, не остановились,

[327] *Иешу Стилит.* § 43.
[328] *Иешу Стилит.* § 45.
[329] *Иешу Стилит.* § 46.

летописец сообщает о новом подъеме цен. Временное снижение может быть поставлено в связь с причинами, указанными самим же летописцем. Отчасти это может быть влияние низких цен на хорошо уродившийся виноград и вино. В большей степени оно может быть связано с той же отменой праздника, во время которого в город стекалось множество народа, торговля оживлялась, притекали деньги. Так как надежды на праздничную продажу упали, естественно, торговцы хлеба и землевладельцы вынуждены были снизить цены, тем более что продукт мог быть заранее подвезен и заготовлен в городе и затраты требовали покрытия.

Под 504/5 г. Иешу Стилит сообщает в последний раз о ценах на хлеб. «До этого года, — пишет он, — 4 модия пшеницы продавались за динарий, 6 модиев ячменя за динарий, 2 меры вина за динарий. После новой жатвы продавались 6 модиев пшеницы за динарий и 10 модиев ячменя». На динарий, следовательно, стали давать 1/6 часть того количества пшеницы, которое давали в 494/5 г., когда цены были нормальными.

Такая непомерная и при этом длительная дороговизна, которая продолжалась в 500, 501 и 502 гг., объясняется повторными недородами. Усугублялся неурожай тем, что в условиях Месопотамии необходимо искусственное орошение. Нарушенная система каналов, в связи с запустением ряда деревень, нарушала орошение соседних селений. Нельзя отрицать ряда стихийных бедствий, постигших Месопотамию, — множество саранчи, знойный ветер пустыни, иссушающий созревающие плоды и зерна, способствовали недороду и росту цен. Но степень, до которой поднялись цены, и длительное количество времени, в течение которого они держались, связаны с тем, что главные обладатели зерна — землевладельцы распоряжались рынком и ценами. Агиологический памятник IV в. сообщает, что во время голода в Египте «государственный» хлеб продавался 13 артаб за номисму, но его было очень трудно доставать, а торговцы продавали на номисму 5 артаб. О таких двойственных ценах хроника не сообщает, во всяком случае, цены, которые дает Иешу Стилит, настолько высоки, что должны относиться к продаже зерна торговцами. Возможно, что готовый хлеб выпекали городские булочники, находившиеся под контролем эгемона, продавали его по более сходной цене, но, по словам летописца, и она была недоступна для «бедных». О государственных ценах на зерно и печеный хлеб летописец особо не сообщил.

Анализ хроники Иешу Стилита дает ряд фактов, которые вскрывают систему управления азиатских провинций Византии, сложность аграрных отношений, деятельность ремесленных корпораций в городах, широкие торговые связи и, наконец, в условиях голода, войны и неослабного фискального режима обострение классовой борьбы.

Весь этот живой, яркий материал свидетельствует о работе тех трех отраслей управления, которые только и существовали в Византии. По меткому слову К. Маркса: «В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов, и, наконец, ведомство публичных работ».[330]

Касается ли вопрос принудительной надбавки, хрисаргира, выпечки хлеба для армии, военных походов — всякий раз это «работа» одного из трех ведомств. Наиболее деятельным было финансовое ведомство, благодаря которому государство «превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных».[331] А результатом были гнет, нищета, голод, вымирание и обострение классовой борьбы, о которых так просто и ярко рассказала сирийская хроника.

ЧАСТЬ III

БОРЬБА МЕЖДУ ИРАНОМ И ВИЗАНТИЕЙ НА РУБЕЖЕ V И VI вв.

Основной темой хроники Иешу Стилита, как уже было указано выше, является война между Ираном и Византией в начале VI в. Все сведения автора, современника этих событий, получены им из первых рук, а во время осады Кавадом Эдессы он, по-видимому, сам находился в городе. Написать историю войны 502—503 гг. без хроники Иешу Стилита нельзя. Но восстановить историческую действительность, дать в последовательном порядке основные моменты этой войны возможно только при сопоставлении его данных с другими сирийскими и греческими источниками. Сравнительное изучение похода Кавада дает возможность оценить и проверить осведомленность автора хроники и точность сообщаемых им сведений. Из дальнейшего видно, что сообщениям Иешу Стилиту приходится отдавать предпочтение в целом ряде случаев, что его мате-

[330] *Маркс К.* Британское владычество в Индии. С. 347.
[331] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 125.

риал по своей непосредственности, простоте превосходит все греческие источники. Нельзя сомневаться в том, что это действительно современная событиям запись, соперничать с подлинностью которой может только сирийский Захария Митиленский, и то в ограниченном числе случаев. Конечно, это не исключает в материале хроники отдельных неточностей, неправильностей в подробностях или деталях, но это мелочи и притом малочисленные. Наличие ряда независимых от хроники источников о войне Ирана с Византией дает возможность проконтролировать ее сведения. Сопоставление дает положительные результаты, и Иешу Стилита следует рассматривать как источник достоверный, правдивый. Этот вывод имеет для историка большое значение, так как в части, касающейся «несчастий и ужасов», выпавших на долю Месопотамии, у хроники параллели нет, если не считать отдельных кратких указаний на голод и чумную эпидемию.

В исторической правдивости сообщений хроники в части, трактующей о внутреннем положении города и области, нет основания сомневаться. Ценность и значимость ее сведений о войне являются косвенным подтверждением доброкачественности, подлинности хроники в целом.

Западная граница Ирана была предметом постоянных забот государства Сасанидов. Византия не столько грозила внезапными нападениями, которыми обычно воздействовал сам Иран, сколько требовала внимания, настороженности, обмена дипломатическими нотами и посольствами. Для персидской державы Константинополь был источником прямых доходов, так как под предлогом того, что персы несут защиту общей для обоих государств северной границы по Кавказскому хребту, они требовали денежного вознаграждения — «золота».

Кочевые народы постоянно стучались в «железные ворота» Дарьяльского ущелья, пытаясь проникнуть за цепь гор, отделявших их от плодородных областей и богатых городов. То союзниками, то противниками в этой борьбе персов оказывались гунны, так называемые гефталиты, кидариты или кионитаы. Их помощь или укрощение в свою очередь требовали средств, которые Иран стремился получить у Византии. Приск Панийский говорит, что персы получали деньги за охрану крепости Юроейпаах, находившейся у Каспийских ворот.[332] Если бы они перестали оберегать ворота, от этого пострадали не только персы, но и ромеи, так как они были бы разграблены теми народами, которые стремились прорваться на юг. Греческие хронографы и сирийские источники византийской ориентации стремились представить дело так, будто Византия не нуждалась в помощи персов, а они по необходимости обращались к ней за «золотом». На деле ромейское государство откупалось от своей грозной соседки, не будучи в силах ни держать на азиатской границе армию соответствующей численности, ни тем более оградить себя от кочевников, полчища которых не переставали тревожить ее границы.

[332] *Priscus Panites.* Fragmenta 31. 37. P. 105. 107.

Положение пограничных провинций с той и с другой стороны и в мирное время было затруднительным, благодаря трениям между обоими государствами; в периоды войны оно становилось невыносимым. Территории, на которых происходили военные действия в V и VI вв., имели пестрый этнический состав. По обе стороны границы в этих областях большой процент населения составляли сирийцы со своим арамейским наречием. Сирийцы были кровно заинтересованы в вопросах войны и мира в Междуречье, так как всякое нарушение границ отражалось на них непосредственно. Городскому и сельскому населению война приносила целый ряд тяжелых и обременительных обязательств, составлявших дополнительное уже совершенно непосильное бремя ко всем податям, налогам и повинностям, лежавшим на нем.

Для политической истории Ирана и Византии в конце V, начале VI в. сирийские источники играют выдающуюся роль, их приоритет в целом ряде случаев несомненен. Для объяснения причины войны 502 г. сирийская хроника Иешу Стилита останавливается на событиях, подготовивших ее. Исаврийский мятеж, волнения в столице осложнили положение Византии, а война на севере Африки еще более ослабила внимание к персидской границе. О Сасанидском государстве сирийская хроника имеет сведения из первых рук. История Пероза и Кавада изложена своеобразно и указывает на глубокое знакомство с обстоятельствами. Тем более наивно звучат домыслы летописца, которыми он стремится объяснить разрыв мирных отношений. Не в личном неудовольствии, гневе, обидах царей лежит ключ к разгоревшейся войне, а в причинах социально-экономических. Социальное движение в Иране в предшествующий походам Кавада на Византию период поставило во всей остроте ряд экономических вопросов, настойчиво требовавших разрешения. Изыскать средства для их удовлетворения внутри государства не представлялось возможным; правящие круги, знать и царь пытались найти выход в войне. Хватаясь за оружие, высшие классы стремились к обогащению, осуществлявшемуся в войне путем ограбления, порабощения, захвата до-

бычи в селениях и городах. В действие приводилось ведомство по ограблению соседних народов, по определению К. Маркса.[333] Жречество и знать, ослабленные маздакитским движением, искали возможности оправиться; в их ряды выдвинулись еще группы среднего землевладельческого слоя. Завоевательная политика этих верхов иранского общества объясняется стремлением возместить материальный урон, понесенный ими в социальной борьбе.

В поступательном движении римско-византийской империи на азиатском Востоке конец III в. является кульминационным пунктом. В 609 г. эры Селевкидов,[334] соответствующем 297/8 г. н. э., «ромеи взяли город Низибию».[335] В течение 65 лет она оставалась под их властью. С гибелью Юлиана в 674 г. Селевкидов (июнь 363 г. н. э.) наступает ослабление активной политики Византии, и Иовиниан (сирийская форма имени Иовиана, умершего в феврале 364 г. н. э.) поторопился войти в соглашение с персами и уступил им Низибию. Сирийская хроника утверждает, что это было лишь временным соглашением, что она была отдана условно на 120 лет. Срок условия якобы заканчивался при императоре Зеноне,[336] но персы Низибии не возвратили, и по этому поводу начался спор. Если в действительности такого условия заключено не было, то во всяком случае справедливо, что Низибия оставалась центром, который ромеи стремились вновь захватить. В переговорах между Балашем[337] и Зеноном последнему летописец влагает в уста слова: «Достаточно тебе податей, которые ты взимаешь с Низибии, и они уже много лет принадлежат ромеям».[338] Зависимость Низибии от персов считается, следовательно, случайной, временной, и подати с нее должна была бы получать Византия. Ответ Зенона был вызван требованием денег со стороны Балаша.

Сирийские историки становятся на защиту ромейского великодержавия и стремятся реабилитировать Византию, униженную «податью», выплачиваемой персам. Следствием этой тенденции является сообщение о якобы существовавшем между обоими государствами договоре, обязывавшем их к взаимной помощи. Время заключения пакта не указано, да и самые условия так мало отвечают исторической действительности, что

[333] *Маркс К.* Британское владычество в Индии. С. 347.
[334] Сирийцы до начала XX в. вели летосчисление от «Александра Македонского».
[335] *Иешу Стилит.* § 7.
[336] *Иешу Стилит.* § 8, 364 г. н. э + 120 = 484 г.
[337] Шаханшах до 484 г. н. э.
[338] *Иешу Стилит.* § 18.

едва ли можно их считать фактом. Каждая из сторон обязывалась якобы предоставить другой 300 воинов с оружием и конями или 300 «статиров».[339] В этом сопоставлении интересна примерная оценка вооруженного воина с конем в один статир. Предоставление отряда в 300 конных могло иметь лишь минимальное значение для войн, в которых войска насчитывались тысячами, и по этому одному уже не представляется вероятным заключение такого условия.

Византия не нуждалась в помощи персов, утверждает дальше Иешу Стилит, исходя из своего тенденциозного желания не делать из византийских взносов «подати». «Цари же персидские, посылая послов, просили золота, нуждаясь в нем, но они получали его не в виде подати, как полагали многие».[340] Представление о необходимости для Византии оплачивать своих соседей можно найти и у другого сирийского писателя конца VI в. Тюркский царь спрашивает византийских послов: «Правда ли, что сказали мне персы, что царь ромейский наш раб и как раб платит нам дань?». В представлении тюркского царя Византия была данницей Ирана и выплачивала ему обязательные денежные взносы. Чтобы реабилитировать Константинополь, Иоанн Эфесский прибегает к легендарному рассказу о статуе императора Трояна «в персидской земле», мимо которой персы не смели проезжать на коне.[341] Доводы эти, конечно, были малоубедительны, тем более что Византия не только оплачивала сторожевую службу персов на кавказской границе, но покупала мирные отношения с Ираном.

При Перозе[342] персы вели борьбу с племенем кидаритов, которых византийские историки считали народом гуннского происхождения. Приск Панийский говорит, что Пероз требовал денег у Византии и для того, чтобы вести войну с гуннами, «называемыми кидаритами».[343] Перозу удалось их отогнать, и они обосновались в Гандаре, образовав государство в Пурушануре (Пешавар).[344] Кидаритами это племя называлось по имени

[339] *Иешу Стилит.* § 8.
[340] Ibid.
[341] The third part of the ecclesiastical history of John bishop of Ephesus / Ed. W. Cureton. Oxford, 1856. P. 397 (далее: *Ioannes Ephesius.* Historia).
[342] 459—484 гг. н. э.
[343] *Priscus Panites.* Fragmenta. 31. P. 105.
[344] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. Copenhague, 1936. P. 287—288; *Marquart J.* Eranšahr. Berlin, 1901. S. 58; *Bailey H. H.* Iranian Studies // BSOAS. 1932. T. 6, f. 4. P. 945; *Wesendonk O. G.* Kušan. Chioniten und Hephtaliten // Klio. 1933. Bd 26. S. 341—346.

царя Кидара, оно было также известно под именем кионитов,[345] у сирийцев — как кионайе.

«В наши дни Пероз, царь персидский, из-за войны с кионайе, т. е. с гуннами, неоднократно получал золото от ромеев, не требуя его как подати, но вызывая их усердие, будто бы ради них он вел борьбу с ними (с кионитами. — *Н. П.*), чтобы они не перешли на вашу землю».[346] Золото давалось ромеями Ирану за то, что он принимал на себя удар, который без соответствующего отпора неизбежно затронул бы Византию. В исторических примерах недостатка не было. В 707 г. Селевкидов, в 395/6 г. н. э., «в дни Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия Великого», гунны разграбили всю Сирию и множество народа увели в плен, благодаря «предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая».[347] Подобные обстоятельства вынуждали Константинополь поддерживать и оплачивать персов. Насколько существенна была эта борьба Ирана с гуннами для Византии, свидетельствует и сообщение, что Пероз, попавший в плен к врагам, был будто бы выкуплен Зеноном.[348] Победоносной считает войну с кионитами и сирийский летописец, говоря, что «с помощью золота, полученного от ромеев, Пероз подчинил гуннов, захватил большие пространства их земли и присоединил их к своему государству». Хотя Приск Панийский и утверждает, что ромеи отказали персам в субсидии, но на основании сирийских источников не приходится считать это утверждение правильным.

На смену кионитам появился другой народ, гефталиты, выходцы из китайской провинции Ган-су; они наводнили области Тохаристана, покинутые кидаритами. Гефталитов называли также «белыми гуннами» — наименование, которое перешло к ним от кионитов.[349] Прокопий Кесарийский говорит, что они не были номадами, как другие гунны, цвет их тела белый, они не безобразны и живут «не по-скотски», а образуют государство, управляемое одним царем.[350] Местом их поселения он называет Гурган на юго-востоке от Каспийского моря. Борьба с гефталитами Пероза закончилась так, что он был взят в плен и был вынужден уступить им пограничный город Талакан в Бактриане. Себя он выкупил

[345] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 282; *Marquart J.* Eranšahr. S. 58.
[346] *Иешу Стилит.* § 9; *Junker H.* Die hephtalitischen Münzenschriften // SbPAW. 1930. Bd 27. S. 641—662.
[347] *Иешу Стилит.* § 9.
[348] *Иешу Стилит.* § 10.
[349] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 288; *Marquart J.* Eranšahr. S. 58.
[350] *Procopius.* De bello persico, I, 3. Иешу Стилит различия между кионитами и гефталитами не делает.

«за 30 мулов, нагруженных зузе». 20 мешков были присланы из Ирана, а за 10 недосланных мешков он оставил заложником своего сына Кавада.[351] Прокопий Кесарийский утверждает, что в этом первом походе против гефталитов при Перозе находился посол императора Зенона по имени Евсевий. Выражаясь современным языком, это был военный атташе Византии и советник, к посредству которого персидские военачальники прибегли, чтобы предупредить Пероза о грозившей ему от гефталитов опасности.[352] Сирийская традиция, закрепленная Захарией Митиленским, считает, что гунны поднялись против персов, подстрекаемые ромеями. Гунны прошли через «ворота», охраняемые персами, и прошли по горным местам к их областям. Пероз собрал войска, вышел им навстречу и осведомился о причине их вторжения. Они ответили ему: «Нам недостаточно того, что дает персидское государство в качестве подати нам, людям — варварам, которые подобно злосчастным зверям изгнаны богом в северо-западную сторону. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей. Император ромейский через послов, которых он прислал, обещал нам умножить подать, если мы разорвем дружбу с вами, персами. Поэтому мы запаслись и приготовились в путь. Дайте нам столько [сколько дают] ромеи, и мы заключим с вами союз, или, если вы нам не дадите, принимайте войну». Хотя войско Пероза было многочисленно, он решил пойти на хитрость, обмануть гуннов. Он дал им обещание заключить договор и выдать подать. «Собралось 400 мужей из гуннских начальников, а с ними был Евстафий, купец апамейский, муж лукавый, с которым они советовались. Собрался также Пероз и с ним 400 мужей, они все поднялись на гору, заключили договор, ели друг с другом и поклялись, простирая свои руки к небу».[353] Согласно этой версии, Пероз нарушил договор через 10 дней и был уничтожен со своим войском гуннами.

Сирийский Захария сообщает подробности, которые отсутствуют в других источниках, но в последующем изложении преимущество на стороне данных Иешу Стилита. Вырвавшись из плена, Пероз возвращается в свою землю. Так как «вся казна предшествовавших ему царей была истощена прежними войнами», чтобы выкупить Кавада, он обложил подушной податью всю свою землю.[354] Такое внезапное обложение было чрезвычайно тягостным для населения. Вводя податную реформу, Хосров, между прочим, ссылался на затруднительность таких

[351] *Иешу Стилит.* § 10.
[352] *Procopius.* De bello persico, I, 3.
[353] *Zacharias Mytilenensis,* VII, 3.
[354] *Иешу Стилит.* § 10.

неожиданных поборов.[355] Пероз собрал деньги и выплатил гуннам остальные десять мешков зузе, освободил своего сына и вновь начал войну с гефталитами. Он погиб в ней в 484 г., и даже труп его не был найден. Этот второй поход Пероза встретил возражения со стороны части персидской знати, в том числе спахбеда Вахрама. Гефталиты проникли в Иран и заняли несколько городов Мерв-руда и Герата (запад и юго-запад Бактрианы).[356] Дань выплачивалась им персами до того времени, когда Кавад отказался ее давать.[357]

Попутно следует указать на двойственную политику Византии, которая, с одной стороны, была рада ослабить государство Сасанидов, навязав ему борьбу с гефталитами. С другой стороны, Пероза сопровождает константинопольский посол Евсевий. Он предостерегает персидского царя от грозящей гибели, так как уничтожение всего иранского войска не отвечало интересам Византии. Исторической действительности вполне отвечает сообщение сирийского Захарии о купце Евстафии, сопровождавшем гуннов. Апамейский торговец имел, конечно, коммерческие связи и вел с гуннами торговлю; в качестве военного советника он выступил, когда это оказалось необходимым, желая сохранить им преимущество перед персами. Сообщение о Евстафии говорит о том, какими детальными сведениями для историографии могли располагать греки и сирийцы через лиц, непосредственно связанных с соседними народами.

Воцарившийся после брата Балаш «не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю нашел опустошенной из-за нападений гуннов». Он характеризуется как «муж смиренный и миролюбивый»,[358] что находится в полном соответствии с сообщениями источников Табари. Последние приписывают Балашу мероприятия в пользу сельского населения, направленные против «деревенских господ»: он привлекал к ответственности тех средних землевладельцев, на землях которых непосредственные производители были доведены до разорения и покидали свои участки и дома.[359] В какой мере на деле проводилась эта политика, сказать трудно, во всяком случае она вызвала неудовольствие в высших слоях иранского общества. Балаш

[355] *Nöldeke*. Geschichte. S. 42; *Пигулевская Н. В.* К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана // ВДИ. М., 1937. Кн. 1.
[356] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 289; *Marquart J.* Eranšahr. S. 60—63.
[357] *Procopius.* De bello persico. I.
[358] *Иешу Стилит.* § 18.
[359] *Nöldeke*. Geschichte. S. 134; *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 291.

стремился поддержать мирные отношения с Константинополем, куда было отправлено посольство. Одним из членов его был сириец Барсаума, выдающийся по уму и по образованию человек. Несторианский епископ, он, однако, был женат, «как все персы», и был, несомненно, в какой-то степени причастен маздакитскому движению в сирийской среде. В Низибии, после его возвращения, шах предложил ему следить за разграничением Ирана и Византии.[360] Он сыграл выдающуюся роль в движении представителей несторианства, когда сиро-персидские епископы, с одной стороны, отмежевались от византийских претензий, стремясь к независимости, и утвердили свои интересы в качестве крупных землевладельцев Ирана — с другой стороны. Балаш искал опоры в несторианском населении своего государства ввиду того, что положение его было шатким. Он не имел поддержки в войске, так как у него «не было золота, чтобы содержать свои войска, был ничтожен в их глазах».[361] Знать предъявляла свои требования и пыталась оказывать на него давление.[362] Против него была и мощная сила в государстве — жречество. «Маги также его ненавидели за то, что он пренебрегал их законами и желал построить бани в городах для омовений». Когда стало очевидным, что армия поддерживать шаханшаха не будет, «они схватили его, выкололи ему глаза и вместо него поставили Кавада, сына Пероза, его брата, имя которого мы упоминали выше, бывшего заложником у гуннов».[363] Не имея поддержки со стороны знати и жречества, Балаш мог бы иметь опору в своем войске, но опустошенная казна лишала его возможности содержать войско, как оно того требовало. «От ромеев и ему не было никакой помощи, как и его брату», — говорит летописец, противореча своему утверждению, что на деньги ромеев Перозу удалось отогнать кионитов (гунны — кидариты). Обращение Балаша к Зенону осталось безрезультатным, и последний даже напомнил ему о податях, собираемых с Низибии, с потерей которой Византия все еще не хотела примириться. В 499 г. н. э. ослепленный Балаш был смещен, а на его место поставили Кавада.

[360] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 292, 286—287; *Labourt I.* Le christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie Sassanide. Paris, 1904. P. 143—152.
[361] *Иешу Стилит.* § 18, 19.
[362] *Nöldeke*. Geschichte. S. 133; *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 291.
[363] Обращает на себя внимание ошибка у Табари, который считает Балаша сыном Пероза (*Nöldeke*. Geschichte. S. 133). Иешу Стилит называет Балаша братом Пероза, но здесь, вторично указав на родство его с Кавадом, сыном Пероза, прибавляет «его брата». По-видимому, и в сирийской, и в ирано-арабской традиции степень родства между Перозом и Балашем не была точно установлена, что может объясняться обычаем царей жениться на своих сестрах и дочерях.

Хронология царствования Кавада все еще не может считаться точно установленной. Маздакитское движение, как явление сложное, преломилось в сознаниях современников различно, в результате чего имеется несколько версий относительно взаимоотношений Кавада и знати, о связях его с маздакитским движением, о его заточении. Следует указать и на следы сообщений о нем, сохранившиеся в иудейской литература Междуречья эпохи Сасанидов в локальных сирийских хрониках, как, например, в хронике Карка де бет Селох. Мне уже приходилось упоминать об особенностях сирийской традиции — бегстве Кавада к гефталитам. Иешу Стилит сообщает, что еще до своего смещения Кавад требовал от ромеев золото. Деньги были ему необходимы в первые же годы по вступлении его на престол. Дата его посольства в Византию в тексте не дана, но она восстанавливается безошибочно. Кавад отправил послов и с ними одного большого слона в дар ромейскому императору с тем, чтобы получить у него денежную дотацию. В то время как послы достигли Антиохии, Зенон умер. Вечером на следующий день, 10 декабря 491 г., на ипподроме в Константинополе его вдова Ариадна объявила о своем браке с силенциарием Анастасием и его воцарении в качестве ее мужа.[364] Таким образом уже в 491 г. посольство Кавада находилось в пути: «Когда персидский посол оповестил Кавада, своего господина, относительно перемен в ромейском государстве, он послал ему сказать, чтобы тот поспешил отправиться и потребовал обычное золото или сказал царю: „Принимай войну“».[365] Анастасий ответил отказом в дотации, причем персам вновь напомнили о Низибии и необходимости вернуть ее ромеям. Другим доводом отказа было указание на то, что Византия и сама ведет непрерывные войны с варварскими народами. Отсюда можно заключить, что и в этот раз персы запрашивали «золото», ссылаясь на защиту общих с империей границ. Отрицательный ответ Византии был, несомненно, в зависимости и от общего ослабления Ирана, силу и мощь которого расшатывали обостренная социальная борьба, стремление к обособлению Перс-Армении, нападения кочевых народов. Ответ Анастасия гласил: «Как Зенон, царствовавший до меня, не посылал, так и я не пошлю тебе [золота], пока не вернешь мне Низибию. Немалые войны и у меня с варварами, называемыми гепидами, и с теми, которые называются блеммиями, и со многими другими.

[364] *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 1. P. 429—430.
[365] *Иешу Стилит.* § 19.

И я не оставлю ромейские войска, чтобы кормить твои».[366] Варварские народы, упоминаемые хроникой, гепиды в Европе и блеммии в Северной Африке требовали от Константинополя напряжения всех сил. Вследствие того, что Иран находился в состоянии брожения, он не представлял реальной опасности, а мятеж исаврийцев, взрывы недовольства в столице, войны с варварами требовали средств, которыми в достаточной мере казна не располагала.

Если посольство Кавада было отправлено в 491 г. н. э., то ответ Анастасия относится не ранее чем к 492 г., и в соответствии с сирийской традицией эти факты предшествовали бегству Кавада и смещению его с престола. Ненависть к Каваду жречества и части знати засвидетельствована источниками. На его положение влияли и неблагоприятно сложившиеся отношения с входившими в состав Ирана национальными и племенными единицами. Восстали армяне, «которые были под властью Кавада», они разбили войско с возглавлявшим его марзбаном и изъявили намерение стать под протекторат Византии. Вслед за этим восстало племя «кудишайе», занимавшее области близ Синджара и Дары.[367] Они пытались захватить Низибию и «немалое время нападали на нее», имея намерение захватить ее и поставить в ней «царя из своих».[368] В этом следует видеть попытку укрепить свое положение, так как, захватив такой большой город, как Низибия, и посадив своего царька, кудишиты могли занять относительно самостоятельное положение.[369] «Тимурайе» не стремились ни к каким государственным формам существования. Они просто увидели, что ничего не получают от Кавада, и восстали. На самой территории Ирана существовали, следовательно, племена, настолько самостоятельные и беспокойные, что от их разбоя приходилось откупаться. Их непослушание или восстание выразилось в том, что они, спускаясь с гор, грабили и обирали окружающих, проезжих и местных купцов, а затем вновь прятались в горах. Проделывали они это с относительной безопасностью, надеясь на высоту гор, в которых они жили.[370] Еще более свободно почувствовали себя полукочевые арабские племена, сосредоточенные вокруг аль-Хиры лахмидов. «Арабы, которые находились под

[366] *Иешу Стилит.* § 20.
[367] *Nöldeke T.* [Рец. на:] The chronicle of Joshua the Stylite... S. 157.
[368] *Иешу Стилит.* § 22.
[369] *Honigmann E.* Die Ostgrenze... На карте Mesopotamia et Armenia quarta кудишиты занимают западный склон плоскогорья Синджар в Бет-Арабайе.
[370] *Иешу Стилит.* § 22.

его [Кавада] властью, когда увидали беспорядок в его государстве, стали разбойничать, насколько хватало сил, по всей персидской земле».[371] Все это было возможно только при явном ослаблении государства Сасанидов, внутри которого шла открытая социальная борьба. Временно победило прогрессивное движение маздакитов, но затем они были подавлены реакцией, возглавляемой жречеством и знатью. Восстания и мятежи отдельных народов и племен еще усугубляли общее тяжелое положение. Попытки Ирана получить в Византии деньги на содержание войск тоже не удались, а между тем враждебные маздакизму силы начинали действовать все активнее. Кавад, сочувствовавший в этот период движению, все еще не хотел сдаваться. В Иране узнали об исаврийском мятеже и, считая, что Анастасий попал в достаточно трудное положение, вновь запросили «золото». Но «испугать» Византию и на этот раз не удалось, слишком мало было сил у персов для нападений, и ответ гласил: «Если ты просишь взаймы, я тебе пошлю, если же по обычаю, то я не пренебрегу ромейскими войсками, занятыми войной с исаврами, для того чтобы стать помощью персам».[372]

Вторая попытка Кавада получить деньги относится ко времени войны с исаврийцами, длившейся с 493 по 498 г., по другим источникам даже до 499 г. н. э. Особенно напряженной она была между 494 и 497 гг.[373] Смещение Кавада или его бегство произошло до июля 496 г., когда на престоле был уже его брат Замашп — креатура знати и жречества.[374] К концу 495 или к началу 496 г. и следует отнести второе посольство Кавада к ромеям. Греческие источники — Феофан и Прокопий — относят эту просьбу к более позднему времени, когда Кавад вернулся после изгнания. Отказ Анастасия дать деньги оба источника считают единственным и недостаточным поводом для войны, начатой затем Кавадом. Феофан при этом сообщает, что император соглашался дать деньги, но только взаймы, под расписку.[375] Сирийские источники после возвращения Кавада ни о какой просьбе о деньгах не говорят; она была его последней ставкой до смещения. Отрицательным ответом Константинополя он был «унижен потому, что замысел его не удался», и

[371] Ibid.
[372] *Иешу Стилит.* § 23.
[373] *Brooks E. W.* Emperor Zenon and the Isaurians // The English Historical Review. 1893. April. T. 8, N 30. P. 209—238; *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 1. P. 433.
[374] *Nöldeke.* Geschichte. S. 435.
[375] *Theophanus.* P. 144; *Procopius.* De bello persico, I, 7.

теперь реакционные силы государства еще смелее подняли голову. «Знатные персидские [люди] думали тайно убить Кавада за нечистые обычаи и извращенные законы. Когда он это узнал, то оставил свое государство и бежал к гуннам, к царю, у которого он рос, когда был заложником».[376] Мною уже указывалось, что часть землевладельческого класса и сам Кавад были склонны поддерживать движение маздакитов, в резкой вражде с которыми находились знать и жречество. Когда последние стали брать верх, они немедленно решили избавиться от нежеланного царя. Ирано-арабская версия говорит о его заточении и затем чудесном избавлении из тюрьмы. Рассказ этот представляет собою часть «романа о Каваде» и не отвечает исторической действительности. Едва ли можно предположить, чтобы ненавидевшая Кавада знать, схватив его, не изувечила и не умертвила его. Наиболее вероятно, что в соответствии с сирийской традицией Кавад бежал и что только бегство и сохранило ему жизнь. Покидая престол, в конечном счете он не оставлял надежды вернуться. В государстве силами, на которые он мог опереться, были средние землевладельцы и часть знати. Иранские источники связывают с его освобождением из тюрьмы имя Сиявуша.[377] У гуннского царя, к которому устремился Кавад, он искал военной помощи и нашел ее. Он породнился с гефталитами, женившись на царской дочери. Последняя происходила от брака гефталитского царя с сестрой Кавада, захваченной в плен во время войны ее отца Пероза с гуннами. Сестра Кавада и устроила его брак со своей дочерью. «Он приободрился, породнившись с царем, и, плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истребить знать и утвердиться в своем государстве».[378]

В источниках Табари сохранились следы исторической действительности, отраженной в сирийской традиции. Сообщая о вражде и борьбе Балаша (ошибочно, вместо Замашпа) с Кавадом, Табари говорит, что он были вынужден бежать «к хагану, тюркскому царю», чтобы просить у него помощи и вспомогательных войск. К этому факту Табари возвращается вторично, вновь говоря о бегстве.[379] Гефталиты и в других источниках называются иногда гуннами, иногда тюрками и абделами.[380] Нет сомнения, что речь идет о бегстве к гефталитскому двору, с которым Кавад

[376] *Иешу Стилит.* § 23.
[377] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 344.
[378] *Иешу Стилит.* § 24.
[379] *Nöldeke.* Geschichte. S. 133—135.
[380] Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887. P. 161, 257.

был связан с того времени, когда «рос там», оставаясь в качестве заложника. Настоятельные просьбы Кавада, а в большей степени заинтересованность гуннов в сохранении благоприятных отношений с персами, склонила их к тому, чтобы поддержать и восстановить Кавада на престоле. «И дал ему его тесть немалое войско по его просьбе. Когда он достиг персидской земли, услыхал об этом его брат и бежал от него, а Кавад исполнил свое желание и казнил знатных».[381] Возвращение Кавада следует отнести к 498/9 г. н. э. Сирийские источники утверждают, что по своем восстановлении Кавад расправился со знатью. Приведенное сообщение требует поправки: Кавад казнил ту часть знати, которая была ему враждебна и оказала сопротивление. Также несомненно, что другая часть оказывала ему поддержку и он опирался на нее в момент своего возвращения. Иранские источники упоминают Зармира, сына Сокры, помогавшего Каваду восстановить свои права.[382] Часть высших слоев иранского общества — знати и жречества — была смята маздакитским движением, другие поплатились, когда возвратившийся Кавад рассчитался с врагами. Известно, что еще Хосров Анушерван, в своей реакционной политике, искусственно насаждал и пополнял поредевшие ряды знатных.[383] Опираясь на военную силу в лице гуннских войск, Кавад провел ряд мер, направленных на восстановление некоторого равновесия в государстве. Прежде всего было необходимо заставить подчиниться те племена и народности, которые вышли из повиновения. Царская казна была пустой еще до бегства Кавада, за время царствования Замашпа она не пополнилась. Подкупать и платить было нечем, но нашлись дипломатические убедительные слова: Кавад «послал к тимурайе, угрожая им, если они не подчинятся ему по своей воле, то они дождутся, что он их победит в войне». При условии, что они примкнут к его войску и отправятся с ним в ромейскую землю, он обещал уделить им часть добычи, чтобы возместить то, «что у них было отнято». Те испугались гуннских войск и подчинились ему.[384] Тимуриты были вынуждены послушаться, так как они опасались военных действий со стороны Кавада, угрозы которого, при наличии военной опоры гефталитов, были вполне реальными.

Кудишиты (кудишайе), жившие около Низибии и желавшие сделать ее своим племенным центром (захватив Низибию, «поставить царька из своих»), сами поторопились подчиниться.

[381] *Иешу Стилит.* § 24.
[382] *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 2. P. 9; *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 345.
[383] *Nöldeke.* Geschichte. S. 142.
[384] *Иешу Стилит.* § 24.

Наиболее сложно обстояло дело с Арменией. Правящие круги последней сопротивлялись, опасаясь жестокой расплаты за свои действия. Их попытка стать под протекторат Византии была сама по себе изменой Ирану. Кавад взялся за оружие, «собрал войска и воевал с ними». Но взяв «верх», вопреки обыкновению, не разграбил их, а обещал им покой, если «они станут ему помощниками в войне с ромеями». Армяне примкнули к нему, хотя хронист уверяет, что они это сделали «по боязни, против воли».[385] Зато арабов не надо было склонять к участию в войне. Узнав о походе, они сами слетелись к шаханшаху.

Войско гефталитов, данное Каваду его тестем, находилось еще при нем. Поддержка, оказанная ему, требовала вознаграждения не только царя гуннов, но и его войска. Их недостаточно было кормить и содержать, им надо было дать возможность обогатиться. Во всех переговорах Кавада, когда он составлял коалицию против Византии, он указывал на тот источник, из которого он будет черпать средства, чтобы вознаградить союзников за участие в войне. Добыча, которая будет захвачена в ромейской земле, — вот казна, которой он сможет распоряжаться. Из добычи будет уделено воинственным тимурайе, за ее счет обогатятся армянские и иранские войска, она даст возможность расплатиться с гефталитами. Эта военная добыча — совершенно реальное богатство, приносимое войной высшим слоям общества. В меньшей степени добыча доставалась рядовому воину, но все же в какой-то степени доставалась и ему. Возможность напасть, захватить, ограбить, взять в плен была общим интересом и стимулом, объединившим племена и народы державы Сасанидов. Походом на ромеев разрешалось несколько задач. Он объединял распадавшиеся национальные группы государства, создавал возможность обогатить казну, срочно требовавшую пополнения, наконец, жестоко подавленное маздакитское движение оставило глубокий след, и от последствий не улегшейся социальной бури следовало искать отвлечения во внешнеполитических действиях.

Историографы Византии — Прокопий и Феофан — считают, что в период между возвращением Кавада и его походом он вновь обращался в Константинополь за «золотом», в котором он нуждался, чтобы уплатить гуннскому царю. Анастасий ответил отказом, считая, что на эти деньги персы будут укреплять свою дружбу с гефталитами, тогда как в интересах Византии было поселить между ними вражду.

[385] Ibid.

Как уже было отмечено, византийская традиция единственным поводом к войне Кавада считает отказ Константинополя от дотации. В действительности поводов для войны с Византией искать было не нужно, их было достаточно. Поддержку, оказанную восстанию в Перс-Армении, Иран мог расценить лишь как враждебный для себя акт. Как таковой расценивались и интриги Константинополя у гефталитов. Но главными побудительными мотивами было стремление обогатить персидскую казну, правящий класс и войско за счет Византии и возможность сплотить племенные единицы, входившие в состав Ирана, в общих военных действиях.

ПОХОД КАВАДА

«В двадцать второй день месяца аб этого года [август 502 г. н. э.], в ночь на пятницу, большой огонь был видим нам горящим в северном краю [неба]... В тот же день, когда был виден этот огонь, Кавад, сын Пероза, персидский царь, собрал все персидское войско, отправился и пошел на север».[386] Так начинает повествование о походе Кавада Иешу Стилит. Первый удар персидского войска был направлен на Феодосиополь — Эрзерум в византийской Армении. В области создались благоприятные условия, давшие возможность овладеть через несколько дней городом. Правителем его[387] был Константин. Враждебно настроенный в отношении Анастасия, он «восстал» против ромеев и предал город Каваду. Последний сделал его полководцем, т. е. сохранил ему высокое звание, рассчитывая использовать его в будущем. О предательстве Константина знает и Феофан, называющий его сенатором и начальником Иллирийского отряда.[388] Феодосиополь был разгромлен, опустошен и сожжен. Подобная же участь постигла и все «селения северной стороны», а не успевшее бежать население было захвачено в плен, что было равносильно обращению его в рабство.

Конец августа и сентябрь 502 г. были заняты операциями в Армении. Отсутствие организованного сопротивления персидским и гуннским войскам облегчило им ограбление и пленение не только области, тяготевшей к Феодосиополю, но и ряда византийских провинций, лежавших на пути к Амиду и Эдессе. Сирийская хроника называет Агел, Суф, Армению и

[386] *Иешу Стилит.* § 47, 48.
[387] Сирийский термин более всего отвечает званию комита: *Адонц Н. Г.* Армения в век Юстиниана. СПб., 1908. С. 134—135.
[388] *Theophanus.* P. 144.

Ароб (или Араб).[389] Агел — старинное название области, тяготевшей к Амиду и расположенной от него на север. Официальным названием византийской провинции, центром которой был Амид, было Mesopotamia, но в сирийских источниках эта область сохранила наименование Агел. Суф — Софена, или Софанена, с центром Мартирополем была заселена смешанным — армянским и сирийским — населением и состояла под протекторатом Византии. Вся она была разграблена Кавадом, а Майферкат (Мартирополь) был ему сдан правителем Федором. Персидский царь не только имел возможность ограбить город, но и получить большую сумму, составлявшую собранные, но не отосланные в Константинополь налоги за два года.[390] Под Арменией разумелась византийская Армения, по которой Кавад продвигался на юг от Феодосиополя (Эрзерума) до Софанены.

Араб, или Ароб, постоянно встречается в сирийских источниках как название части северной Месопотамии. У этого наименования имеется свой история, иногда легендарная, но дающая возможность точно указать, к какой именно части Междуречья оно приурочивалось. Бет-Арабайе или в пехлевийском — Арвастан представляет собою область с главным городом Низибией. Так она называется и Фаустом Византийским. Один сирийский писатель говорит: «Провинция Бет-Арабайе тянется от Низибии до Тигра, область, которая бывает подчинена то ромеям, то персам...». Эта часть Месопотамии была населена арабами Иовинианом, по распоряжению императора Юлиана. «Провинция была названа Араб, а границей между обеими областями — персидской и ромейской — был город Низибия...».[391] Впоследствии, когда Низибия и часть этого пространства отошли к Ирану, за областью под властью персов утвердилось наименование Бет-Арабайе — Арвастан, а часть, отошедшая к ромеям, называлась Араб. Поэтому в пехлевийской литературе вполне понятно выражение «ромейский Арвастан», так как оно отражало тот исторический момент, когда в 591 г. Хосров II вынужден был отдать Бет-Арабайе Византии.[392] Еще во время Трояна (114 г. н. э.) эта область называлась Арабией, она сохранила это имя и у Феофилакта Симокатты. Есть указания, будто бы еще Тигран Великий переселил сюда бедуинов, арабов-скинитов, желая сохранить торговый

[389] *Иешу Стилит.* § 50.
[390] *Procopius.* De aedificiis, I, 3, 2.
[391] *Hoffmann G.* Auszüge... S. 22—23.
[392] *Marquart J.* Eranšahr. S. 163.

караванный путь в своих руках. Араб, следовательно, область верхней Месопотамии, заселенная преимущественно арабами, которая тянется на запад от Низибии и персидской провинции Бет-Арабайе (южнее Бет-Софанайе).

Опустошение и разорение византийских областей, богатых торговых и ремесленных центров, вынудили Константинополь срочно принять меры. Была сделана попытка остановить военное наступление персов. Анастасий, опасаясь войны, которой он, очевидно, не ожидал, поторопился послать «золото» с Руфином Каваду, чтобы прекратить наступательные действия его войск. В Кесарии Каппадокийской византийский посол узнал, что персы опустошили ряд областей. Предусмотрительно оставив золото в Кесарии, Руфин отправился к персидскому царю с предложением взять «золото» и уйти из ромейских пределов. Кавад не только не согласился, но схватил самого Руфина и «приказал его стеречь». На опасения вести войну, невозможность сопротивляться указывает эта попытка Византии откупиться от персов даже тогда, когда границы были попраны, а города и селения разграблены. Но господствующие слои персидского общества уже вошли во вкус примитивного грабежа, страсти разгорелись, было решено продолжать войну, так как захватнические стремления не были еще удовлетворены в полной мере.

«В пятый день месяца тешри первого, в субботу» (5 октября 502 г.) Кавад и все его войско осадили «город Амид, который находится около нас в Месопотамии». Для автора хроники, Иешу Стилита, это определение понятно, так как сам он находился в Эдессе и отсюда, как из центра, ориентировался на все окружающие города.

Персидское войско повело осаду Амида, применяя ряд сложных приемов по всем правилам современного ему военного искусства. Когда ряд попыток взять город не увенчался успехами и стало ясно, что войти в него в ближайшее время нет надежды, Кавад, не снимая осады, поручил части своего войска другие операции. Один удар был направлен на Теллу, в южном направлении от Амида, другой — на Харран, стоявший на притоке Евфрата Галлабе (Балихе). Нападение на Харран было специально поручено арабской коннице, входившей в состав персидской армии. Воевали арабы под непосредственным началом своего царя лахмида Наамана, но общее руководство осуществлялось персами. Возложенную на них задачу арабы начали немедленно выполнять. Часть же персидского войска была послана на Теллу (Константину); она двинулась, грабя и опустошая на своем пути все, что находила.

Военное управление области или города в Византии возлагалось на полководца, имевшего звание дукса. 2 ноября 502 г. Олимпий — дукс Теллы и Евгений — дукс Мелитены выступили со своими войсками против персов. Евгений прибыл из Каппадокийской области, центром которой была Мелитена. Она прилегает к западной границе провинции Месопотамии, на север от Самосаты. Посланные в качестве подкрепления войска дуксов перебили персидские отряды, расположившиеся в деревнях под Теллой. При возвращении в город из окрестностей ромейским военачальникам было донесено одним из лазутчиков, в которых не было недостатка с обеих сторон, что недалеко в долине находится отряд человек в 500 персов. Византийское командование решило произвести на них внезапное нападение, но «ромейское войско, бывшее с ними, разбрелось обирать убитых».[393] Такая форма обогащения путем грабежа, которым пользовались рядовые воины, была типичным явлением для военного времени. В примитивном полувоенном обществе арабов они собирали добычу и затем распределяли ее. Так происходили дележи у персов, причем львиная доля награбленного доставалась царю. Византийские войска, нападая на селения, забирали добычу, захватывали обозы, грабили города, как это делали и персы с арабами. Трофеи и наиболее ценная часть добычи отсылались в столицу, остальное оставалось в собственность полководцев и войск. Последние в части своей состояли из варварских дружин германских, а в эту войну — особенно многочисленных готских. Сирийские летописцы обычно называют византийские войска «ромеями», в этом случае они упорно говорят о «готах». Готы стремились захватить возможно больше, так как часть добычи составляла их личное обогащение. Одной из форм этого обогащения было обирание убитых. Выше уже приходилось указывать на то, что взаимоотношения армии с местным населением носили враждебный характер. С этим тесно связан вопрос об этническом составе самой армии, о том, из кого она вербовалась. Сирийцы жаловались на отдельные шайки солдат, которые ходили грабить население, это подтверждает и Прокопий Кесарийский. Обирали убитых ночью, поэтому Олимпий, дукс Теллы, решил созвать войска трубными звуками, которые подавали из рогов и рожков (трубить в рога). Кроме того, разожгли костер на вершине холма, чтобы собрать тех, что разбрелись.[394] Шум и свет обратили на себя внимание персидских марзбанов, находившихся в селении

[393] *Иешу Стилит.* § 51.
[394] Ibid.

Тельбешмай. Они собрали свое войско и двинулись на ромеев. Конные византийские воины, увидав, что персов больше, повернули, пешие же были «вынуждены драться».

Подробности боевых приемов и способа защиты не лишены интереса. Византийская пехота построилась в боевой порядок, называвшийся χελώνη — черепаха.[395] Основным в этом приеме было особое расположение щитов, они составляли как бы покров черепахи и защищали воинов. Преимущество персидского войска заключалось в том, что оно состояло из кавалерии и пехоты. Арабские и гуннские отряды, входившие в состав персидского войска, были только конными. Преобладание конницы решило дело в пользу персов. В византийских рядах активно сопротивлялась только пехота. Конница арабов принудила ее «нарушить ряды», и они спутали свое расположение. Восстановить стройный боевой порядок не оказалось возможным, пехота «смешалась с всадниками» и в результате была «потоптана и уничтожена под копытами арабских лошадей». Те, что не погибли, были взяты в плен. Описанный бой представляет собою характерное явление, заставившее Византию с большой настойчивостью переходить на конные войска. Инфантерия в столкновениях с кавалерией, как правило, была обречена на гибель. В столкновениях с кочевыми народами, «варварами» — гуннами, арабами оказывалось необходимым располагать конным войском, что и было учтено военным ведомством империи, и для V, VI вв. характерно увеличение этих частей в составе войск.[396]

Как известно, арабы были не способны к осаде городов; умение брать высокие стены, требовавшие применения особых машин — таранов, было искусством, которое им было незнакомо. Но если арабы и не умели брать стен, они были грозой для войск и населения вне города.

26 ноября (месяц тешри второй) 502 г. Нааман, посланный Кавадом, вошел со своим войском в область Харрана. Ему досталась огромная добыча и большое количество пленных благодаря тому, что «было время сбора винограда, так что не только деревенские вышли на сбор его», но вышли и многие жители Харрана и Эдессы, и были взяты в плен. Сбор винограда требовал рабочих рук, и городское население массами выходило на работу, оставаясь ночевать на это время в селениях и деревнях. В плен было захвачено 18 500 человек, по сообщению Иешу Стилита. В это число входили также женщины

[395] Ibid.

[396] *Oman Ch.* A history of the art of war in the middles ages. 2 ed. London, 1924. T. 1. P. 21.

и дети, так как арабы забирали в плен «целые деревни». Вся область Харрана, до самой Эдессы, была ограблена. Арабы совершенно опустошили ее, забрав огромные количества добычи, весь скот, всякое имущество и вообще все, что было возможно. Действительного сопротивления в области не было оказано, только Эдесса приняла меры, чтобы усилить защиту города.[397]

Дукс Мелитены Евгений, специально посланный с войском к Телле, после поражения Олимпия, не считая возможным сопротивляться всему персидскому войску, направился к Феодосиополю, уничтожил в нем отряд персов и вновь овладел городом.

Тактика персидского войска в этом походе Кавада, так же как и через несколько десятков лет тактика Хосрова, — одна и та же. Внимание было сосредоточено не на захвате и закреплении за собой территории, а на ограблении областей и осаде городов с целью получить выкуп или, захватив город, разграбить его. Опустошив и забрав из пограничных областей все, что было возможно, персы сосредоточили свои силы вокруг Амида, считая, что здесь будет наиболее богатая добыча. Подобная тактика диктовалась интересами немедленного обогащения награбленным имуществом, военнопленными, скотом и т. д. Так как основной силой в войне того времени было войско, а истребление его было равносильно победе, то, имея многочисленную и сильную армию, и Кавад, и Хосров без опасений заходили глубоко в тыл в византийские пределы, считая боеспособность ромейских войск несравненно ниже своей. Разбить персов, уничтожить их войска в 502 г. у ромеев не было сил, поэтому и Евгений предпочел уйти, лишь бы сохранить свои войска.

В отдельных случаях имели место захват территории и стремление сохранить ее за собой. Персы захватили Низибию, стремились захватить Амид, но неоднократно случалось, что, захватив и разграбив город, они оставляли его и уходили, не дорожа присоединением его к государству или не имея сил его сохранить. В походе Кавада 502 г. отчетливо выявлялась цель — удовлетворить стремление к немедленному обогащению, которое было им обещано его коалиционным войскам.

[397] *Иешу Стилит.* § 52.

ВЗЯТИЕ АМИДА ПЕРСАМИ

Осада персами одного из самых крупных и богатых центров Месопотамии — Амида в 502 и 503 гг. н. э. оставила глубокий след в современной событиям литературе. Прокопий Кесарийский сообщает о ней подробно, имеются известия у Феофана, у Малалы, но с наибольшими подробностями об этом сообщают сирийские историографы. В основе сообщений Малалы лежит повествование Евстафия Епифанийского, сирийца, на которого неоднократно ссылается и Евагрий. Не входя здесь в подробную критику источников, следует, однако, указать на то, что вопрос о связи сирийских источников между собою и заимствованиях в сирийских источниках из греческих, а в греческих — из сирийских требует соответствующего анализа. Сирийцы, в первую очередь сирийский Захария Митиленский, располагали материалом из городского архива Амида. Иоанн Эфесский вспоминает об осаде Амида как о событии, происходившем, когда он был юношей. Во время осады Кавада, говорит он, «все мы жили в школе, называемой Ортайской, в стенах [города], всех нас было около 300 мужей».[398] Свою версию истории Амида Иешу Стилит получил из первых рук, но в ней есть тенденциозное умолчание о предательской роли монахов Картаминского монастыря, к объяснению этого придется еще вернуться в дальнейшем.

Сопоставляя известные источники, историю осады Амида можно представить подробно.

Кавад начал осаду 5 октября 502 г., применяя ряд сложных для того времени технических способов, чтобы взять город. Амид, получивший впоследствии название Диарбекира, с древнего времени был обнесен высокими и крепкими стенами из черного базальта, слывшими неприступными. Обложив город, Кавад прервал всякие его сношения с областью и повел осаду систематически. Персы метали стрелы из больших луков — под ними могут подразумеваться своего рода катапульты — и били стену таранами.[399] Представление о военной технике у персов дают не только эти виды оружия, но и применявшиеся ими приемы осады. Против городской стены персами была возведена насыпь, или искусственная гора. Греческие источники сохранили для нее название λόφος.[400] Когда высота насыпи почти достигла высоты городской стены, на ней расположили таран

[398] *Ioannes Ephesius.* De beatis orientalibus // *Land J. P.* Anecdota syriaca. Lugduni Batavorum. 1862. T. 2. P. 282.
[399] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 3.
[400] *Procopius.* De bello persico, I, 7.

и стали усиленно бить стену. Удары были направлены на ее верхнюю часть, недавно надстроенную. Новая надстройка не успела «устояться» и высохнуть, она поддалась, но основная часть стены осталась в полной неприкосновенности.[401] Однако осажденные прокопали из города подземный ход под насыпь и выносили из-под нее землю в город, так что, оставаясь снаружи в том же виде, укрепленная только подпорками, она стала полой внутри. Под тяжестью персидских воинов, взбиравшихся на насыпь, она рухнула.[402] Урон, который потерпели персы, был настолько велик, что Кавад поколебался в своем решении продолжать осаду; к тому же наступала зима и народ, бывший с ним, «очень мучился». Персы, одетые в «шарбала» — широкие одежды, зябли и тяжело переносили физический труд, связанный с осадой, и самые военные действия. С городской стены люди, не принадлежавшие к регулярному войску, осыпали персов ругательствами.[403] Кавад с гневом «слышал собственными ушами» эти насмешки. Увидев, что персы после падения насыпи собираются снять осаду, амидяне взошли на стены и стали «издеваться над варварами», а блудницы, задирая платье, делали всякие непристойности. Это послужило предлогом для «магов» уверить Кавада, что город будет им скоро взят.[404] Жречество, представлявшее общие со знатью интересы, настаивало на продлении осады; эти слои персидского общества больше всего получали от грабежа на войне и менее всего рисковали жизнью. Намереваясь прекратить осаду, Кавад предложил городу дать ему выкуп. «Он просил, чтобы ему было дано небольшое количество серебра, и тогда он уйдет от города. Но Леонтий бар Паппий, глава совета, эгемон Кир и Павел бар Зайнаб, казначей, через тех, что посылали к Каваду, спросили с него стоимость травы из садов, которую уничтожили его войска, и за прочее зерно и вино, которое они собрали и увезли из деревень.[405] Кавад разгневался на это заявление, недовольна была и знать. Сумма серебром, затребованная Кавадом как выкуп, была небольшой, по словам летописца, а претензия, предъявленная городом на оплату корма, уничтоженного вьючным скотом и лошадьми, на зерно и вино, захваченные воинами, делала ее совершенно ничтожной. Разрушенная насыпь и трудность восстановления ее в зимнее время также побуждали персов думать о возвращении, но едва ли заслуживает доверия со-

[401] *Иешу Стилит.* § 50.
[402] Ibid.; *Procopius.* De bello persico, I, 7.
[403] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 3.
[404] *Procopius.* De bello persico, I, 7.
[405] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4.

общение Иешу Стилита, будто за три месяца, в течение которых персы «сидели» у города, у них погибло 50 000 в сражениях, «которые они вели ежедневно, и ночью, и днем».[406] Сомнение в этой цифре справедливо высказал еще Е. Мертен.[407] Снять осаду побуждало Кавада и то, что «народ» — рядовые войска страдали от холода и были утомлены окопными работами.[408] Знать, желавшая обогатиться, никак не могла согласиться прекратить осаду. Таково было и требование «магов» — жречества. Каваду пришлось подчиниться.

Под давлением высших слоев осаду продолжали. Желая исправить провалившуюся насыпь, персы подпирали ее стволами деревьев и камнями снизу. Сверху они накладывали сшитые из волоса, шерсти или полотна мешки, тюки, наполненные землей и песком.[409] Строить насыпь вновь персам приходилось под прикрытием большого полотняного навеса, натянутого над площадкой. Навес предохранял их от стрел, а чтобы сохранить его от огня, они поливали его водой. Но амидяне нашли возможность все же нанести персам тяжелый урон. Византийские мастера сконструировали большую камнеметательную машину, прозванную персами «уничтожителем». Эта машина метала камни огромной величины, свыше 300 литр весом. Таким путем был разорван навес, и работавшие под ним персы были уничтожены, а насыпь не могла быть достроена. Помимо того, осажденные прибегали к различным мерам, чтобы ослабить действия персидских стенобитных машин. К зубцам крепостной стены они прикрепили цепями тюфяки, маты, мешки, которые должны были приглушать и смягчать удары камней баллист. Такой способ защиты стен был известен в византийской военной технике, о нем упоминает греческий анонимный трактат VI в. по военной технике как о способе новом и ценном.

Феофан считает византийский гарнизон Амида немногочисленным. Поддержку оказывал им только Олимпий, занимавшийся охраной городов и заготовлением пищевых продуктов.[410]

Персы попытались взять Амид штурмом. В городской стене был сделан пролом, через него устремились воины. Они перебросили также на стены стволы деревьев, чтобы взобраться по ним и войти в город. Осажденные отбили атаку, умело действуя огнем. Они подожгли деревья при помощи нефти, приме-

[406] *Иешу Стилит.* § 53.
[407] *Merten E.* De bello persico ab Anastasio gesto. P. 166.
[408] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 3.
[409] *Иешу Стилит.* § 53.
[410] *Theophanus.* P. 144.

нение которой в военной технике было широко известно. Штурмом взять город не удалось, зато помогли хитрость и предательство.

Сообщение об этом у различных писателей несколько варьирует. Несомненны, однако, два факта, что персы воспользовались каким-то подземным ходом или акведуком, с одной стороны, и что предательство монахов, с другой стороны, облегчило им захват города.

По словам Прокопия, один из персидских воинов заметил около башни городской стены плохо заделанный старый подкоп. Он воспользовался им и попал внутрь города, а затем поутру сообщил о своем открытии Каваду.[411] В последующем изложении событий Прокопий сходится в основном с другими источниками. Сирийский Захария дает другую версию, которая имеет несравнимо больше живых подробностей и подтверждается сообщениями Прокопия.

С западной стороны города, около Трипиргия (греческое: три башни) стену охраняли монахи из монастыря Иоанна Ортайского, настоятелем которого был перс. Речь идет о монастыре, упоминаемом Иоанном Эфесским, который жил в то время в Ортайской школе при монастыре, находившемся в стенах города.[412] Против Трипиргия расположились войска одного из марзбанов — Канарака[413] Хромого. Изо дня в день наблюдая за осажденными, марзбан обратил внимание на некоего человека из городских, по имени Кутрига.

Это был храбрый и лукавый муж, который ловко нападал на персов, угонял у них скот и забирал имущество. Амидяне со стены неоднократно кричали ему, называя его по имени Кутрига (Котрига). Обратив на него внимание, Канарак обнаружил, что он входит и выходит в отверстие акведука или канала сточной воды у башни Трипиргия. Однажды персы проследили за ним и точно узнали это место. Ночью Канарак с небольшим отрядом воинов, вслед за Кутригой, пробрался к стене. Предательство подготовило для них почву — в этом сходятся все источники, из которых наибольшее число подробностей имеется у Прокопия и Захарии Митиленского. Монахов, которые стерегли с этой стороны стену, кто-то на ночь угостил вином, к тому же была дурная погода, они стремились укрыться от дождя. Крепко заснув, монахи «не подняли тревоги», «не стали бросать камней». Поняв, что они спят, перс послал за

[411] *Procopius.* De bello persico, I, 7.
[412] *Ioannes Ephesius.* De beatis orientalibus. P. 283.
[413] Имя передается не вполне точно, в некоторых списках он Каранах.

войском и за лестницами. Версию о предательстве Прокопий несколько смягчает тем, что сообщает, будто монахи справляли годовой праздник и поэтому поели и выпили больше обыкновенного.[414] Сирийская традиция, однако, считает сдачу города предательской и указывает, что настоятель монастыря по национальности был персом. Об этом говорят Захария Митиленский, Иоанн Эфесский, Иешу Стилит. Последний сообщает следующее: «В десятый день месяца канун второго (10 января 503 г. — *Н. П.*) стерегшие стену выпили из-за холода много вина, а когда наступила ночь, они заснули и впали в глубокий сон». Другие предпочли оставить свои места, потому что пошел дождь, и они отправились домой, «чтобы укрыться от непогоды. По причине ли этой небрежности, как мы полагаем, или по предательскому сообщению, как говорят люди, или по наказанию Божию, но персы овладели стеной с помощью лестницы, не открыв ворот и не пробив стены».[415] Из соседних башен пытались прийти на помощь, но их нападение было отбито персами. Наутро бой продолжался. Иранские войска брали башню за башней, пока вся стена не оказалась в их руках. Кавад сам наблюдал за битвой и отдал распоряжение убивать как беглецов тех, которые попытаются вернуться или повернуть обратно.[416] Другой рассказ говорит, что он угрожал воинам собственным оружием, когда они дрогнули и хотели отступить от башни.[417] С подробным рассказом сирийских хроник и Прокопия совпадает и сообщение Феофана, что после трехмесячной осады на стены Амида персы забрались по лестницам около башни, которую стерегли монахи.[418]

Город оказался во власти персов. В течение нескольких дней происходило избиение его жителей, так что образовались целые горы трупов. Ужаснейший смрад вынудил вывезти трупы за северные ворота, в южные — должен был въехать сам Кавад. Когда возили трупы, их подсчитывали, и оказалось, что общее число достигает 80 000. Фигурирует это число в двух сирийских хрониках у Иешу Стилита и Захарии Митиленского. «Оставшиеся персы, чтобы не досаждал им смрад трупов амидян, вынесли их и сложили в две груды за северными воротами. Число тех, что вынесли в северные ворота, было больше 80 000». Помимо того других вывели живыми, побили и сбросили в Тигр. Много было «умерших при различных обстоятельствах, так что мы не в состоянии рассказать об их смертях».[419]

«Через три дня и три ночи убиение прекратили по приказу царя, и вошли мужи, которые должны были оберегать сокровищницы церковные и [принадлежавшие] богачам города, чтобы найденное в них принадлежало царю. Было также приказано, чтобы трупы убитых на улицах[420] и распятых были снесены в северную часть города, чтобы царь мог въехать, так как он был в южной стороне. [Трупы] собрали и, когда их выносили, — пересчитали, было их 80 000, не считая тех, что были положены в лавках, брошены в каналы и оставлены во дворах».[421] Как видно из приведенных переводов, дословно тексты не совпадают, каждый автор по-своему передает известные ему подробности. В деталях прямой зависимости авторов друг от друга или от третьего источника предполагать нельзя. Что касается самого числа трупов — 80 000, то едва ли оно было заимствовано сирийским Захарией у Иешу.[422] В части рассказа об осаде Амида они расходятся во многих подробностях. Иешу мог располагать еще устными рассказами современников, которые он называет одним из своих источников. Рассказ Захарии, вероятно, связан с другой традицией, например, с местной хроникой Амида или с материалами из его городского архива. Число убитых, конечно, было чрезвычайно велико, но точность сообщаемой сирийскими писателями цифры все же может вызывать сомнения. Через три дня после взятия города в южные ворота на слоне въехал Кавад.[423] Он поселился в роскошном доме богача Павла бар Зайнаба и мылся в его бане.[424] Впоследствии он желал построить общественные бани и в своем государстве, чем вызвал неудовольствие жречества.[425] По тому, что происходило в Амиде, можно составить представление, как вообще производилось распределение добычи и пленных в эпоху Сасанидов. В течение первых трех дней после захвата Амида вошедшее войско, по распоряжению Кавада, вырезало население всякого возраста и положения.[426]

[414] *Procopius.* De bello persico, I, 7.
[415] *Иешу Стилит.* § 53.
[416] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4.
[417] *Procopius.* De bello persico, I, 7.
[418] *Theophanus.* P. 144—145.

[419] *Иешу Стилит.* § 53.
[420] Platea, male palatia. Via lata — πλατεῖα: *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. T. 2. Col. 3155.
[421] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4.
[422] Ошибочное мнение, которое повторяет и Ю. А. Кулаковский: *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Киев, 1910. Т. 1. С. 452.
[423] *Theophanus.* P. 145.
[424] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4.
[425] Ibid.
[426] Ibid.

После трех дней, по приказу царя, избиение было прекращено, тогда в городе воцарились «мужи», которые должны были сторожить и оберегать сокровищницы церковные и частные, как это сказано в приведенном выше тексте сирийского Захарии. Этой мерой Кавад имел в виду предотвратить возможность разграбления ценностей рядовым войском; все это должно было достаться ему, поступить в его собственную казну. В те три дня, когда происходило избиение населения, официального разрешения на грабеж, очевидно, не было дано. Захват добычи носил случайный характер, так как своей львиной доли Кавад, конечно, никому не собирался уступить.

Царю досталось содержание церковной казны, обогатившейся за несколько лет до этого имуществом некоего Ипата — консула Исхака бар Бареай. Этот «богатый муж» в порядке наследования передал свое имущество церкви.[427]

Подобный факт следует отметить как одно из звеньев в истории роста владений, движимого и недвижимого имущества монастырей и церквей. Частичную секуляризацию и борьбу с этим угрожающим для государства явлением провели только императоры-иконоборцы двумя веками позже.

Из церковной сокровищницы Каваду досталось много серебра, священных сосудов, золота и дорогих одежд. Кроме того, «из домов богачей было собрано золото, серебро, драгоценные одежды и были отданы царским казначеям (thesaurarii)».[428]

По материалам, относящимся к более позднему периоду, драгоценные металлы — золото, серебро, как правило, по статье закона из военной добычи отчислялись царю.[429]

Сведения в законнике Мхитара Гоша XII в. относятся уже к позднейшему феодальному периоду, но они закрепляют традицию, сложившуюся на много веков ранее.

Дополнительно перечислены в хронике предметы роскоши и произведения искусства, которые были захвачены Кавадом. Были сняты все городские статуи, украшавшие город, и часы, собственно «дома часов», собирали мрамор, медь и вообще «все, что желали». Добыча, доставшаяся царю, была отправлена из Амида в Иран на лодках, построенных из дерева тут же, на Тигре, «протекающем на востоке города и текущем в их землю».[430] Внимание к предметам роскоши, к искусству следует отметить как известную индивидуальную черту Кавада. Он имел склонность к строительству, стремился возводить общественные постройки и здания. Статуи, произведения римского и византийского периода известны в Иране в эпоху Сасанидов и по другим источникам: например, о конной статуе императора Трояна упоминает Иоанн Эфесский.[431]

[427] Ibid.
[428] Ibid.
[429] Сборник Фердовси. Л., 1934. С. 85—86.
[430] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4.

Ценной частью добычи был живой товар — военнопленные. Царь приказал разыскать «старейшин города и правителей». Перед ним предстали уже упомянутые Леонтий, эгемон Кир и «прочие знатные». Что касается Павла бар Зайнаба — эконома, то он был убит персами по специальным соображениям. У Павла было найдено множество золота. На основании уже приведенных выше фактов следует считать, что оно должно было стать собственностью царя. Павла персы убили, опасаясь, что он «откроет ему» относительно того золота, что было у него найдено. «Персы», вероятно, принадлежавшие к высшему классу, могли поделить его богатство между собою. Анализ текста несомненно подтверждает, что золото, как правило, было царской добычей в Иране в эпоху Сасанидов. Не передать найденного золота, очевидно, было нельзя, но тем сильнее было желание захватить золото, о котором царю и его казначеям не было известно.

Леонтий и Кир были наказаны шаханшахом как плохо управлявшие городом и не умевшие сдерживать народ. Кавад делал их ответственными за все оскорбления, которые ему пришлось выслушать от амидян, поносивших его с городских стен. Обоих правителей подвергли позорному наказанию, а затем связали как пленных. «Собрав знатных и всех высших ремесленников, их отделили, как пленных царя». Таким образом, как специально царских военнопленных отделили высших должностных лиц города, знатных или богачей и, наконец, высший слой ремесленников — это крупные мастера или ремесленники наиболее опытные, известные. Их считали царской добычей, они были нужны Каваду как способные наладить свое производство в Иране, как люди, труд которых мог быть использован. Византийская техника, приемы западного искусства и производства не могли не привлекать его внимания и желания насадить их у себя. Всех этих людей под охраной войска отправили в персидское государство. Знатные женщины попадали в гарем царя, как дочь Пероза, попав в плен, стала женой царя гефталитов.

Таким образом и при разделе военнопленных царь получал наиболее ценную их часть как лиц, принадлежавших к высшим слоям общества, которые могли быть выкуплены родственни-

[431] *Ioannes Ephesius*. Historia, 6, 23.

ками, или особо квалифицированных ремесленников, труд которых представлял особую ценность.

Нельзя не отметить еще одного факта. После того как пленные царя были отправлены в Иран, «приблизились известные люди из царского войска к царю и сказали ему: „Наши близкие и братья были убиты в боях жителями города", и они просили у него, чтобы он выдал им одного из десяти мужей для мщения. Собрали, сосчитали и дали им из простых людей, и они умертвили их, убивая их всякими способами».[432]

Мучения, которым были подвергнуты эти «простые люди» из числа жителей города, можно себе представить хотя бы по перечню девяти смертей, известных в Иране.[433] Не случайно, конечно, что участь эта постигла «простонародье», людей, принадлежавших к эксплуатируемому городскому слою населения.

Зимовал Кавад в Амиде, где он, следовательно, провел первые месяцы 503 г. Он покинул город по прошествии зимы, оставив в нем «Эглона — полководца правителем, двух марзбанов и около 3000 войска оберегать город».[434] 3000 войска фигурируют дважды у Захарии. Иешу Стилит говорит также об отряде в 3000 человек.[435] Греческая традиция считает, что войска было оставлено только 1000 человек и несколько «несчастных амидийцев» в качестве обслуживающего персонала.[436] Для выполнения функций административного характера, чтобы управлять народом, персы оставили двух или трех лиц из богатых, очевидно, местных людей. Два имени сохранились, это арамейские имена, т. е. имена сирийцев, — Иоханан бар Хеблаха и Саргис бар Забдони.[437] Нет ничего неожиданного в том, что Иран опирался в управлении завоеванными городами и провинциями на те же слои, на которые опиралась и Византия. Представители высших классов после поражения и расправы с ними сами шли на соглашения с персами, желая сохранить в своих руках власть, экономическую базу, правовые привилегии. Только для эксплуатируемых классов изменение подданства ни в какой мере не меняло положения.

Одновременно с Кавадом основная масса персидского войска отступила к горе Шигар, по-арабски — Синджар, за Кабур, на восток. Под этим названием подразумевается плоскогорье, расположенное в восточном направлении от среднего течения

[432] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4.
[433] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 305.
[434] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4; VII, 5.
[435] *Иешу Стилит.* § 53.
[436] *Procopius.* De bello persico, I, 7; *Theophanus.* P. 145.
[437] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 4.

Кабура, где река образует колено. Южнее высот Синджара расположен одноименный укрепленный город. От Кабура на главную магистраль, ведущую к Синджару, тянулись несколько дорог: 1) Хезеке—Хатуние; 2) Таннурис—Баттис—Ум-ад-Диббан; 3) Амосте—Альхан—Ум-ад-Диббан.[438] Ближайшей для армий Кавада была наиболее северная из дорог. Между тем Константинополю необходимо было принимать срочные меры, чтобы выйти из положения. Амид был богатым городом, потеря которого ощущалась болезненно. Он играл большую роль и как один из наиболее хорошо укрепленных пунктов в пограничной с Ираном полосе. Несомненно, оказывало влияние и другое обстоятельство. Ближайшие к зоне военных действий области Византии были охвачены волнением, страхом, ужасом. Не чувствуя себя защищенным перед грозящей опасностью, сельское население этих провинций, не уведенное в плен, частью бежало, частью готовилось покинуть насиженные места. Создавалось положение, угрожающее для Месопотамии и Осроэны. Сирийский летописец ответственность за вести, пугавшие область, возлагает на Руфина, отпущенного Кавадом с тем, чтобы он сообщил о захвате Амида Анастасию. Руфин «повсюду рассказывал об этих ужасах». Вести просачивались, конечно, и помимо этого, так что «слухами так были испуганы города на восток от Евфрата, что приготовились к бегству на запад». Иаков Серугский или Батнский, периодевт, писал по этому поводу специальные увещевательные письма и обращения, уговаривая население оставаться на местах. К сожалению, в богатом литературном наследии этого сирийского писателя упомянутые послания не сохранились.[439] Действенными были, конечно, не послания, а военная сила, двинутая на восток, так как, услыхав об этих страхах, император Анастасий «послал большое ромейское войско зимовать в этих городах и оберегать их».[440] В том, что области, имевшие выдающееся торговое и промышленное значение, обезлюдели, была опасность государственному порядку, поэтому и были приняты меры, которые должны были внести некоторое успокоение.

Иран считал, что Византия ослабела и устрашена в такой мере, что с нее можно получить и больше того, что было им получено. «Кавад же не удовлетворился всей добычей, которую он награбил, пленными, которых он полонил, и не упился множеством крови, которую он пролил, но отправил к императору

[438] *Poidebard A.* La trace de Rome... Atlas, pl. CXL.
[439] *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. S. 148—158.
[440] *Иешу Стилит.* § 54.

послов, говоря: „Пришли мне золота или принимай войну". Это было в месяце нисан (апрель 503 г. — *Н. П.*)».[441] Из приведенного сообщения ясно, что Анастасий отнюдь не «поспешил» послать достаточное количество войск, узнав об осаде Амида.[442] Войска были посланы гораздо позднее, в месяце ияр (май). Возглавляли их три полководца — Ареобинд, Патрикий и Ипатий. Вопреки свидетельству Прокопия относительно магистра Келера, родом иллирийца, следует принять во внимание более точные указания сирийской традиции, относящей назначение Келера в качестве magister militum in presenti к последней четверти 503 г.[443] В хронике комита Марцеллина за Келером сохраняется звание magister officiorum.[444]

Принимавшие участие в этой войне со стороны Византии полководцы известны по именам: 1) Ареобинд, сын Далаифа, бывшего ипатом и зятем западноримского кесаря Олибрия;[445] 2) Ипатий, племянник императора Анастасия, сын его сестры и Секунда; 3) Патрикий, по происхождению фригиец, которого сирийский Захария называет великим стратегом; 4) наиболее талантливым полководцем и прекрасным организатором был Фарзман, родом колх: Феофан называет его отцом Зуна, лазом; 5) Юстин имеет звание комита, в хронике Иешу Стилита он только так и известен; сирийский Захария, писавший позднее, указывает на него как на «воцарившегося после Анастасия»; будущим императором называют его и византийские историографы; 6) Патрикиол и 7) его сын Виталиан, возглавивший впоследствии военный мятеж; 8) Роман, мужественный и осторожный полководец; 9) Зимарх; два гота, которые не последовали за Теодорихом, были также опытными воинами; 10) Годискол и 11) Свес. Все эти полководцы руководили отдельными частями многочисленного войска, посланного на восточную границу.[446] Большое значение имела организация снабжения армии. Во главе снабжения был поставлен епарх Аппион, египтянин.[447]

[441] Ibid.
[442] *Procopius.* De bello persico, I, 8.
[443] *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 1. P. 439; T. 2. P. 13; *Hoepffner A.* Les magistri militum praesentales // Byzantion. 1936. T. 11, f. 2. P. 483—498.
[444] *Marcellini comitis.* Chronicon. P. 96.
[445] Диптих из слоновой кости, изображающий консула Ареобинда, имеется в Государственном Эрмитаже в Ленинграде, см.: Выставка портрета. Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1937. Вып. 1. С. 41.
[446] *Procopius.* De bello persico, I, 8; *Theophanus.* P. 145; *Zacharias Mytilenensis,* VII, 4.
[447] *Иешу Стилит.* § 54.

Ареобинд с войском в 15 000 человек расположился на границе, близ Дары и Амида. Дара была в то время еще небольшим селением, не обнесенным стенами, и не могла представлять особенно надежной опоры для войск. Сорокатысячная армия с Патрикием и Ипатием расположилась вокруг Амида, чтобы выгнать из него персидский отряд и захватить город обратно. Но «эти ромейские военачальники не могли одолеть, взять и захватить город». Зная, что в нем много продовольствия, они не рассчитывали быстро закончить осаду и поэтому не хотели его осаждать, но поспешили перейти персидскую границу, продвигаясь каждый по отдельности, независимо друг от друга.

Некоторые попытки взять Амид были ими во всяком случае сделаны. Войска Патрикия и Ипатия построили три высокие деревянные башни, опоясанные железом, что придавало им особую крепость. Построить их удалось лишь с «большими расходами». С этих башен ромейские войска имели намерение пробраться на стены Амида и захватить таким путем город. Но неудача Ареобинда на персидской границе побудила их оставить осаду, самим сжечь эти башни и броситься за персами, нагнать которых им, однако, не удалось.[448]

Если войска Ареобинда в конечном счете имели целью нападение на Низибию, то их расположение у Дары и Амида естественно. Оба пункта были ближайшими к границе. Амид представлял собою почтовый пост римско-византийского периода и находился на пути из Эдессы через Константину на Низибию.[449]

Войска Кавада, посланные им с Шигара (Синджар) против Ареобинда, были разбиты Ареобиндом дважды. Несмотря на то что численность их превосходила его войска и достигала 20 000, он прогнал их к самой Низибии. Персы так спешили скрыться за стенами города, что передавили и передушили друг друга в его воротах.[450] Но взять Низибию ромеям не удалось, несмотря на то что жители были склонны принять их.[451] В месяце таммуц (июль) к персам присоединились гунны и арабы. Ареобинд стал призывать на помощь Каллиопу Алеппского, Патрикия и Ипатия с их войсками, но, так как они не были у него в подчинении, они не послушались его, продолжая оставаться под Амидом. От персов, получивших подкрепление,

[448] *Иешу Стилит.* § 56.
[449] *Poidebard A.* La trace de Rome. Atlas, pl. CXL.
[450] *Иешу Стилит.* § 55.
[451] *Zacharias Mytilenensis,* VII, 5; *Theophanus.* P. 146, 147; *Иешу Стилит.* § 55.

войска Ареобинда вынуждены были бежать и скрыться в Телле (Константине) и в Эдессе.[452]

Сирийский Захария в основном опирается на те же факты. Попытки взять Низибию оказались неудачными, и в ответ на них последовал натиск персидской армии, вынудивший бежать византийские войска. Если нельзя считать правильным его утверждение, что осаду Низибии вели Ареобинд с Ипатием вместе, то заслуживает внимания указание на то, что в самой Низибии были налицо симпатии к ромеям и что жители ее проявляли усталость от войны. Несмотря на это обстоятельство, взять город не удалось. Под натиском войск Кавада в беспорядочном бегстве византийские войска бросают свои палатки, ценное имущество, бывшее с ними, и теряют много всадников с лошадьми, которые падали и разбивались об утесы.[453] Все это полностью отвечает и картине, набросанной Прокопием.

После поражения Ареобинда Патрикий и Ипатий наконец стали пытаться настичь персов, но безуспешно. Им удалось только уничтожить отряд гефталитов около 800 человек, но затем они потерпели жестокое поражение и едва спаслись.[454] Приведенное сообщение Прокопия несомненно относится к этому времени, тем более что он сам себе противоречит. Сначала сообщив, что ромейские полководцы не застали персидской армии на византийской территории, он затем говорит о нападении армии Кавада.[455] Если между этими двумя сообщениями поместить данные сирийской хроники о пребывании Ареобинда под Низибией, а затем его бегстве от усилившейся армии Кавада, то становится явным и совпадение в дальнейшем обеих традиций. Ареобинд думал закрепиться у Арзамона на пути к Константине (Телле). Что войска Патрикия и Ипатия двигались от Амида, как это видно из изложения Иешу Стилита, совершенно очевидно и у Прокопия. Патрикий и Ипатий расположились в Сифрисах, по его словам, отстоящих от Амида «не менее чем в трехстах пятидесяти стадиях». Для определения местонахождения Сифрис можно было найти гораздо ближе расположенные пункты, ту же Константину, Мардин.[456] Указание на Амид говорит о том, что войска этих полководцев двигались именно от этого города.

[452] *Procopius.* De bello persico, I, 8.
[453] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 5.
[454] *Procopius.* De bello persico, I, 8.
[455] Ibid.
[456] *Honigmann E.* Die Ostgrenze...

Ареобинд бежал к Телле, оставив стан у Арзамона. Лагерь его был разграблен персами, которые преследовали войска Патрикия и Ипатия. Последние, уничтожив отряд гефталитов, расположились на отдых, так как был обеденный час. Неожиданный удар Кавада застал их врасплох, и значительная часть их войска была уничтожена. Уцелевшие части (Прокопий утверждает, что были уничтожены все без исключения) с Патрикием и Ипатием возвратились к Амиду. Побудило их к этому следующее. Военачальники Фарзман «колх» и Федор выманили из Амида 400 персов, подослав к ним стадо овец, а сами сели в засаду и затем перебили их. Они захватили марзбана, пообещавшего сдать им город, из-за чего Ипатий и Патрикий и вернулись обратно. Но марзбан не смог уговорить бывших в городе персов сдать его, и по распоряжению стратилата его распяли.[457]

Дополнительно война осложнялась враждебными действиями между арабскими племенами, стремившимися захватить особенно много добычи. Выше уже была речь о нападении персидских арабов под началом Наамана на область реки Хабора, куда они были посланы Кавадом в ноябре 502 г. На Хаборе находился и город Таллаба (Thallaba),[458] принадлежавший к числу арабских городов. Неудивительно поэтому, что мстить за произведенное нападение взялись «ромейские арабы, называемые таллабитами». О нападении Наамана на Хабору Иешу Стилит говорит дважды:[459] в одном случае он не упоминает о каком-либо сопротивлении, во втором говорит, что арабы были разбиты дуксом Каллиникуса (Ракки) Тимостратом. Во всяком случае не подлежит сомнению, что персидские арабы захватили огромную добычу и ушли без особых потерь. Таллабиты направили свой удар на лагерь Наамана — Хирту. Они нашли здесь караван, состоявший из нагруженных верблюдов, который направлялся к войску персидских арабов. Напав, они перерезали сопровождавших караван, захватили верблюдов и все имущество. В самой Хирте они не остались, так как полукочевой характер этого лагеря дал ему возможность удалиться «в глубь пустыни».[460]

[457] *Иешу Стилит.* § 56.
[458] *Poidebard A.* La trace de Rome. Atlas, pl. CXL, Rh.; *Honigmann E.* Die Ostgrenze...
[459] *Иешу Стилит.* § 52, 57.
[460] *Иешу Стилит.* § 57; *Пигулевская Н. В.* Арабы VI в. по сирийским источникам // Труды второй сессии Ассоциации арабистов. М.; Л., 1941. С. 49—70 (ТИВАН СССР. Т. 36).

В месяце аб (август) 503 г. вновь были собраны вместе все персидские войска, гунны, кудишайе, армяне и дошли до места, называемого Ападной. Это одна из царских фрурий, находившихся в окрестностях Амида. Одноименная крепость имелась еще в Осроэне, об обеих упоминает Notitia dignitatum.[461] На войска, группировавшиеся у Амида, и был направлен удар персидских войск. Патрикий попытался перейти в наступление, но неудачно. Персы опередили его, пока ромеи еще не привели свои силы в боевой порядок, они ударили на них. Передовые были побиты, остальные бежали, не ожидая боя, и прежде всех сам Патрикий. Византийские войска в своем бегстве переправились через Евфрат и спаслись в городе Шамишат (Самосата), на северо-запад от Эдессы. Другая часть с одним из военачальников, комитом Петром, бежала к крепости Ашпарин, т. е. в Сифрисы, о которых выше уже было упомянуто.[462] Персы приступили к крепости, требуя выдачи Петра, перебили воинов, бывших с ним, но жителям Сифрис вреда не причинили.

Сирийский Захария в этой части сообщений о войне сохранил мало подробностей. Он знает о попытках взять Низибию соединенными усилиями Ареобинда и Ипатия и о вторжении в персидские земли Патрикия.[463] По его сведениям, под натиском персов из Ападны, где он скрывался, бежит Ареобинд. Другие источники представляют дело иначе. Как это было указано выше, здесь действовал Патрикий, который вынужден был отвести свои силы за Евфрат. Захария помещает в Теллу или Константину силы двух других полководцев Ипатия и Патрикия, бежавших оттуда. По другим источникам, персы обложили Теллу и повели длительную осаду. Текст Захарии, очень сокращенный в этой части, не сообщает никаких подробностей.[464] Несомненно, что операции на персидской территории закончились для византийских войск неудачами, решительное наступление армий Кавада заставило их бежать. Попытки укрепиться и спрятаться в небольших крепостях, фруриях, находившихся на византийской земле, также не удались. Из Ападны, близ Амида, войска двинулись за Евфрат к Самосате, а из Арзамона к Телле. Сифрисам (Ашпарин) под угрозами персов пришлось выдать комита Петра. Таким образом наиболее близкие к границе крепости были покинуты войсками.

[461] Notitia dignitatum, 36, 8, 23; 35, 13, 25; *Procopius*. De aedificiis, I. 5, 9; *Honigmann E.* Die Ostgrenze... P. 14.
[462] *Иешу Стилит.* § 57.
[463] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 5.
[464] Ibid.

Основную часть своих сил после поражения Ареобинд отвел в превосходно укрепленную Эдессу. Сюда и направил свой удар Кавад. На него оказывал давление и побуждал его к этому и арабский царь Нааман, из дома лахмидов, который желал вознаградить себя добычей за потерю каравана и ограбление Хирты таллабитами. В битве с Патрикием Нааман был ранен, он гневался и жестоко грозил причинить Эдессе худшее, чем то, что он причинил Амиду. Между тем рана на его голове распухла, весь череп его воспалился. «Он встал и пошел в свою палатку», проболел два дня и умер. Но дело было не в одном Наамане, вся верхушка арабского войска стремилась обогатиться за счет нового грабежа. После смерти Наамана Кавад, которому персидские арабы подчинялись, «поставил царя вместо Наамана, поднялся и отправился на войну».[465] К Эдессе он пошел не сразу, а сначала соединенными силами своих разноплеменных войск обложил Теллу, но взять город не удавалось.

При первой угрозе городу богатые обычно стремились его покинуть, забрав с собой все свое движимое имущество. Та часть верхушки знатных и богачей, которая оставалась в городе, всячески настаивала на сопротивлении «врагу». Они боялись быть разоренными, потерять свои богатства, подвергнуться разграблению и были обеспечены продуктами и водой. Сельское население, загонявшее свои стада, увозившее свое имущество и хлебные запасы на вьючных животных, пряталось за городской стеной. О сопротивлении, которое оказывали «деревенские» и «пастухи», придется еще говорить ниже. Беднейшее городское население, ремесленники были в ином положении, им нечего было защищать, нечего было терять, и они были готовы встречать «варваров» «как спасителей».[466] Известны случаи, когда народная масса в осажденном городе бросалась отомкнуть персам ворота, но это оказывалось невозможным, так как ключи были запрятаны богачами, боявшимися сдачи города. По-видимому, такого рода явление имело место и в Телле. Ремесленники иудейского квартала предпочитали видеть город во власти персов, чем переносить жестокие лишения, связанные с осадой города. Византийские войска — «ромеи», «готы», грабившие мирное население, мучившие «всех» от мала до велика, учинили и здесь жестокую расправу при явном попустительстве комита Леонтия. Напряженные, враждебные отношения между войском и беднейшей городской мас-

[465] *Иешу Стилит.* § 58.
[466] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 125.

сой испугали правителей города и побудили принять меры для соглашения с персами.

Епископ Теллы, сириец Бархедад, начал переговоры с Кавадом, пытаясь уговорить его оставить осаду и уйти от города. Персы заметили повышенную бдительность в охране города и решили снять бесполезную осаду. Впрочем, основной причиной, побудившей Кавада оставить крепость, было то, что «не было пищи в опустошенной области» и потому что «он боялся, чтобы не собрались друг к другу ромейские военачальники и не пошли на него все вместе».[467] Чтобы дать войску оправиться, Кавад остановился на реке Галлаб, «называемой рекой Мидян», притоке Балиха (Baligha), впадающего в Евфрат. Галлаб представляет собою одно из естественных ограждений Эдессы и находится на подступах к ней. Наиболее предприимчивая часть персидского войска делала набеги на области Осрозны, грабила и опустошала ее. Вне стен города византийское войско не решалось оказывать сопротивления, поэтому область была предоставлена сама себе, и фактически никакой защиты ее организовано не было. Защищать стремились только города, в данном случае центр Осроэны — Урху (Эдессу). Несомненно, отсутствие обороны сельской местности и небольших селений объясняется недостаточным количеством войска. Византия из века в век стремилась укрепить границу с Ираном целой цепью крепостей в непосредственной к ней близости, несколько отступив, и имела, наконец, ряд фрурий на внутренней границе за Евфратом. Тем не менее в этой войне большие пространства обработанной культивированной земли, составлявшей, следовательно, большую ценность, оставались фактически без всякой защиты.

Август (месяц аб) прошел у Кавада в сборах войска, походе на Теллу, и наконец, около 20 дней его полки отдыхали на р. Галлаб. В сентябре (месяц илул) 503 г. персы уже грозили Эдессе. С шестого числа этого месяца для защиты города был принят ряд мер. Все, что могло быть использовано неприятелем при наступлении на город, было жителями уничтожено. Спилили высокие деревья, срезали ограду у садов, разрушили ближайшие к городским стенам монастыри и постоялые дворы. Не пожалели сжечь целое селение Кефар-Селем, или Негбат.[468]

В дальнейшем сирийский летописец дает подневные записи, из которых можно с большой точностью восстановить события. Имеются все основания полагать, что сам автор находился

[467] *Иешу Стилит.* § 58.
[468] *Иешу Стилит.* § 59.

в то время в Эдессе. Шамишат (Самосата) находится для него «за рекой», по ту сторону Евфрата.

Кавад желал захватить Эдессу; ее богатства представлялись ему и его войску исключительно вожделенными; он стал пытаться хитростью захватить ворота города или взять в плен самого Ареобинда. Для этой цели персидский царь затеял переговоры о мире, предлагая или принять в город марзбана, или Ареобинду выйти к ним. Ареобинд предпочел последнее, «боясь допустить их войти в город, он вышел к ним до монастыря мар Саргиса, не удаляясь особенно от города». В переговорах с ним принял участие персидский военачальник Бави, имевший звание «аштабида», что переводится «магистр персов». Аштабид приравнивается, следовательно, к положению, занимаемому византийским magister militum; звание его может быть отнесено и к должности magister officiorum. Данные сирийской летописи представляют большую ценность для иранистов, потому что их сообщает современник.[469] Бави потребовал в виде выкупа за Эдессу 10 000 литр золота и обязательство ежегодно выплачивать «обычное» количество золота. Споры продолжались с утра до девяти часов, так как Ареобинд обещал дать только до 7000 литр. Случая обмануть Ареобинда персам не представилось, «ромеи оберегали его». Тогда часть персидских войск двинулась в юго-восточном направлении на Харран, соединенный с Эдессой дорогой.[470] Военачальник Рифит выступил тайно из города, напал на персов, 70 человек он перебил и захватил в плен живым гуннского предводителя. «Так как это был известный муж и был весьма уважаем персидским царем, то он обещал харранитам, что, если они отдадут его живым, он не будет с ними воевать». Обещание не трогать город было существенным, гунн был выдан персидскому царю. Помимо того, так как армия нуждалась в пропитании, то жители Харрана послали еще в подарок Каваду стадо баранов в 150 голов и «другие вещи». Так они откупились от осады города.[471] Арабские войска, входившие в состав персидских, были посланы Кавадом из-под Эдессы в Серугскую область, расположенную на запад от Харрана и Эдессы. Батиан — ее главный город лежит на пути, пролегавшем из Харрана на Апамею — Зейгму. Серуг занимает положение более северное между этим путем и другой дорогой из Эдессы на ту же Апамею и Зейгму.[472] Возможно, однако, что летописец подразумевает под Серугом не

[469] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 131, 347, 516.
[470] *Poidebard A.* Le trace de Rome. Atlas, pl. CXL.
[471] *Иешу Стилит.* § 59.
[472] *Poidebard A.* Le trace de Rome. Atlas, pl. CXL, Aef.

город, а Серугскую область в целом. Арабы прошли ее до самого Евфрата, «опустошая, забирая в плен и грабя все, что возможно».

Сопротивление наступлению персов оказали «Патрикиол, один из военачальников ромейских, и его сын Виталиан, которые в это время пришли с запада, чтобы участвовать в войне». Отвагу и храбрость Патрикиола хроника приписывает тому, что ему не пришлось принять участия в предшествовавших стычках с персами и он их не боялся. Когда его войско перешло Евфрат, они встретили отряд одного персидского военачальника, сразились с ним и уничтожили «всех персов, которые были с ним». После этого Патрикиол взял направление на Эдессу, но от беглецов он узнал, что ее обложил Кавад. Опасаясь многочисленного персидского войска, он повернул обратно «за реку», т. е. перешел на западный ее берег, и остался в Самосате. Если ближайшим укрепленным пунктом для войск Патрикиола и Виталиана была Самосата, расположенная на север от Эдессы, то он, очевидно, сражался с частями персидской армии, отделившимися от основной массы, стоявшей под Эдессой.

В сущности осада с нее снята не была. В Серуг и под Харран была направлена только часть персидских сил. В среду, 17 сентября, Кавад вновь собрал все свои войска. Их арабская часть разбойничала за Эдессой и пришла, по словам хроники, с «р. Евфрата».[473] В северном, восточном и южном направлениях от города пространство, представляющее собою долину, в которой расположена Эдесса, было все заполнено персидской армией. На горах и возвышенностях, которые тянутся на запад, были выставлены сторожевые посты. Размеры лагеря были угрожающими по величине; заполняя сады, селения, окрестные монастыри, он растянулся до крутизны Серрин.

Ромейские войска готовились к вылазке, поэтому городские ворота были открыты, но персы произвести нападения не решились. В наступление перешли византийские войска, они вышли из-за городских укреплений и «прогнали персов от стены», от которой они были на расстоянии «полета стрелы», и те были вынуждены отступить к селению Куббе. Все же не особенно рассчитывая на превосходство своих сил, византийское командование решилось начать переговоры. «На следующий день (18 сентября 503 г. — *Н. П.*) вышел опять Ареобинд за большие ворота и, стоя против персидского войска, послал сказать Каваду», что совершенно очевидно, что он не может взять города, и сослался на известную, полную чудес легенду о царе

[473] *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. T. 2. Col. 3312.

Абгаре. В ответ Кавад послал ему сказать: «Дай мне заложников, чтобы вы не вышли за мной, когда я соберусь уходить; пошли мне также людей, которых вы захватили вчера, и золото, которое ты мне обещал, и я удалюсь от города». Ареобинд послал ему комита Василия и 14 персов, которые были захвачены в плен. По договору он обязался дать ему 2000 литр золота через 12 дней. «Снялся Кавад, отправился и расположился в Дахбане»,[474] недалеко от Эдессы. Однако, не дожидаясь условленного срока, Кавад уже на следующий день потребовал 300 литр золота, «послав одного из своих людей, по имени Хармизда». Для того чтобы удовлетворить это требование и получить деньги, Ареобинду пришлось обратиться к «богатым города», которых он созвал к себе, чтобы обсудить, как собрать это золото. Однако богатые и знатные отказались дать это золото, ссылаясь на лживость Кавада, не согласившегося дождаться назначенного времени. Известны и другие случаи, когда верхушка города, вершившая все дела, отказывалась от выкупа, подвергая тяжелым испытаниям весь город. Ареобинд оказался в полной зависимости от знати. Поскольку ему было отказано в золоте, он послал сказать Каваду: «Теперь мы знаем, что ты не царь, потому что тот не царь, который сказал слово, отвратился от него и солгал. Если ты лжешь, то ты не царь. Так как ты совершил обман, пришли мне комита Василия и все, что можешь делать, — делай».[475] В ответ на это разгневанный Кавад вооружил слонов, снялся со всем лагерем и в среду 24 сентября вновь обложил Эдессу. Ареобинд предложил регулярному войску не вступать в бой, боясь лукавой стратегии Кавада. Но дело было решено в пользу ромеев партизанским наступлением. Уже в предшествующем случае 17 сентября от городской стены отогнали персов, «некоторые из города» и многих убили. Поить их водой выходили за ворота женщины, и даже «малые мальчики» метали пращой камни.[476] Все эти подробности говорят о действиях отнюдь не регулярного войска, а самого населения. 24 сентября успех дня принадлежал исключительно населению: «...Немногие деревенские, которые были в городе, вышли на [войско] с пращами и сразили многих одетых [в доспехи]», бывших с ним, а из них самих ни один не пал.[477] Сельское население, при наступлении городского войска, спешило найти защиту за городскими стенами. Вооруженные примитивнейшим, первобытным оружием, пращами, они

[474] *Иешу Стилит.* § 61.
[475] Ibid.
[476] *Иешу Стилит.* § 60.
[477] *Иешу Стилит.* § 62.

смело выступили и побили врага. Количественно войска Кавада были настолько многочисленны, что они могли захватить городские ворота и проникнуть в Эдессу. Но среди преимущественно кавалерийского войска персов «замешались пращники», «простонародье», «деревенские», которые камнями поражали всадников и лошадей. Хроника дает возможность судить, каким разнообразным оружием владели отдельные части сборного войска Кавада. О персах говорится, что они «метали стрелы», гунны бились «палицами», и наконец, оружием арабов были «копья». Несмотря на все их попытки, они не могли «поразить безоружных людей, смешавшихся с ними», не смогли они войти и в город. После этого персы сожгли все монастыри и ряд храмов, которые еще оставались в окрестностях Эдессы, опасаясь, чтобы они не стали опорными пунктами для византийских войск. Вопрос относительно участия в войне населения, «деревенских», имеет выдающийся интерес с точки зрения социального анализа этого явления. Военные действия на границе, вторжение врага на территорию, обратное наступательное движение «ромеев» в области Ирана — все это в первую очередь было угрозой сельскому населению. Войскам прежде всего надо было кормиться. Они беззастенчиво обирали и своих, а попадая на вражескую землю, грабили, жгли и уничтожали все, что могли. У сельских жителей, по существу беззащитных, была только одна возможность: забирая скарб, зерно, скот, они устремлялись за городскую стену. Ряд укрепленных городов Месопотамии имел две стены. Одна, внутренняя, собственно городская стена строилась с башнями, бойницами и т. п., вторая, внешняя, опоясывала город на значительном расстоянии от первой. Между обеими стенами оставалось пустое, незастроенное пространство, сюда-то и загоняли «деревенские» свой скот и ютились сами в случаях военной опасности. Военачальники стремились использовать силы «простонародья», «пастухов», «деревенских», заставить их участвовать в наступлении и принять на себя первый удар в обороне. В период походов Хосрова «деревенские» сражаются под Эдессой, отбиваются на подступах к Ракке (Каллиникус), делают чудеса храбрости в Антиохии. В данном случае, при осаде Эдессы Кавадом, Ареобинд выполнил обычное задание византийского командования, сберег регулярное войско за счет «пастухов». Когда они успешно отбились, он решил вознаградить их за «усердие» и дал им 300 динариев. Стратилат Ареобинд «увидел усердие деревенских» и оценил помощь, которую они оказали. Поэтому на следующий день он собрал всех «деревенских», которые были в Эдессе, в церковь и дал им в подарок 300 динариев.[478]

После неудачи у Эдессы войска Кавада расположились на Евфрате. Хотя точно местопребывание Кавада не указано, но прямой путь от Эдессы к Евфрату лежит на Апамею. Возможно, что часть армии продвинулась на Харран, оттуда к Батнану — главному городу Серугской области и затем к той же Апамее. Против последней на западном берегу находилась Зейгма, между обоими селениями был пункт перевоза через Евфрат. Персам удалось захватить по дороге Батнан, стена которого была разрушена. «Несколько персидских всадников» взяли его без боя. Персидские арабы использовали положение, они перешли за Евфрат, вероятнее всего, у Апамеи и стали грабить все эти западные области.[479] С берегов Евфрата Кавад «отправил послов к императору, чтобы известить его о своем приходе».[480]

ПРОДВИЖЕНИЕ И ПОХОДЫ КЕЛЕРА

Келер — Celerius — со званием магистра (magister militum) был послан во главе большого войска на восток. Ближайших к Евфрату областей он достиг к октябрю 503 г. Кавад же со своей армией стал продвигаться по течению, чтобы «достигнуть и осесть в своей земле, называемой Бет-Арамайе», — в северной Вавилонии, с центром Махозе — городом, слившимся в одно из городов Селевкии и Ктесифона. От Зейгмы до Барбалиссоса (Маскепе), по правому берегу реки, идут две дороги, из которых одна повторяет все извилины Евфрата, другая срезает их. От Барбалиссоса до Суры тянется только одна дорога, как и далее, и несколько не доходит до того места реки, где на левом берегу расположен Ницефориум — Каллиникус — Ракка.[481] Не доходя до этой крепости, Кавад послал вперед марзбана с отрядом. Однако воинственный дукс Тимострат выступил, разбил и уничтожил войско и взял в плен марзбана. Тогда Кавад обложил город и потребовал выдачи своего полководца. В страхе жители выполнили его требование.[482]

[478] *Иешу Стилит.* § 63; *Poidebard A.* Le trace de Rome. Atlas, pl. CXL, Ae, Af.
[479] *Иешу Стилит.* § 63.
[480] Ibid.
[481] *Poidebard A.* Le trace de Rome. Atlas, pl. CXL, Be, Ce, Cf.
[482] *Иешу Стилит.* § 64.

Отсутствие согласованности между действиями отдельных византийских военачальников, отсутствие подчинения, движение каждого по своему усмотрению — все разбивало и ослабляло их силы. Назначение магистра должно было создать и привести к координации отдельные части армии. Приближение больших византийских сил заставило Кавада начать отступление по Евфрату. Когда войска Келера достигли Маббога (Hierapolis — Membidg), то они не застали уже Кавада, «который ушел ранее» их. Наступало зимнее время (последняя четверть 503 г. н. э.), и магистр отказался от мысли преследовать персов. «Он призвал ромейских военачальников, упрекал их за то, что они не слушались друг друга, и распределил им города, чтобы зимовать в них до того, как настанет время воевать».[483] На зимнее время предполагался некоторый перерыв в военных действиях. Впрочем, он прошел не без отдельных вспышек. Ромеям стало известно, что «персы, бывшие в Амиде, когда увидали, что отошли от них ромейские войска, открыли ворота г. Амида, выходили и входили, как хотели».[484] Персидское войско, оставленное в Амиде, обнаружив отход ромейских частей, перестало опасаться. Они не боялись выпускать жителей из города и пропускать их затем обратно. Под самым городом, за стенами Амида, было место, где крестьяне окрестных селений и деревень устраивали рынок. Здесь амидяне имели возможность обменивать и покупать съестные продукты, причем, «по прекрасному обычаю персов», собиравшихся на этот базар из деревень никто не смел грабить. Они свободно собирались, «продавали, как хотели», назначали плату за свои продукты — зерно, вино — по собственному усмотрению.[485] Это обстоятельство в значительной степени облегчало положение городского населения, оставшегося в Амиде, и самого персидского гарнизона.

У византийских полководцев вызвали тревогу торговля и обмен с проезжими купцами, которым амидяне сбывали «медь, олово, железо, старую утварь», получая взамен хлеб и масло. Более того, в городе устроили хранилище, или кладовую (ἀπόθετον).[486] Собственно ἀπόθετον означает государственное хранилище продуктов, кладовую, куда в римско-византийском государстве свозили анноны, натуральную подать, поступавшую в виде зерна, мяса, масла, вина и т. п. Наличие хранилища следует считать указанием на то, что персы начали концентрировать в городе запасы продуктов и, как видно из дальнейшего, оружия. Таким путем их положение упрочивалось и обеспечивало им более длительное сопротивление в захваченной ими крепости, расположенной на вражеской территории. Византийское командование не могло не быть этим обеспокоенным.

[483] *Иешу Стилит.* § 65.
[484] *Иешу Стилит.* § 66.
[485] *Zacharias Mytilenensis,* VII, 5.
[486] *Иешу Стилит.* § 66.

Патрикий, имевший звание «великого стратилата»,[487] узнав обо всем этом, покинул свою зимнюю квартиру в Митилене и расположился под Амидом. Здесь он убивал всех купцов, подвозивших «зерно и масло» в город и скупавших там разные вещи. Кроме того, он уничтожил персов, посланных Кавадом, чтобы доставить оружие, зерно и скот, и забрал все, что они везли себе. Тогда был прислан отряд с марзбаном, «чтобы отомстить». Ромеи в смятении начали отступление не в том направлении и оказались у р. Нимфия (Калат). Благодаря зимнему времени, река была исключительно полноводной, и переправиться на лошадях едва ли было возможно. Побуждаемые Патрикием, ромеи решили принять бой, из которого они вышли победителями. Отряд был уничтожен, а персидские военачальники захвачены в плен. Возвратившись под стены Амида, великий стратилат стал делать новые попытки, чтобы взять город.[488] Таков зимний эпизод 503/4 г., сохраненный сирийским историографом.

В месяце адар (март 504 г.) ромейские войска собрались у Решайна, чтобы отправиться под общим началом Келера в поход.[489] Кавад же послал войско в 10 000 человек, чтобы они выступили против Патрикия. Они расположились в Низибии и «отдыхали там, а свой скот послали на гору Шигар (Синджар)». Магистр учел положение и послал туда воинственного Тимострата, дукса города Ракки (Каллиникуса), с 6000 всадников. «Они отправились, напали на тех, которые пасли лошадей, уничтожили их и захватили оттуда коней, овец и много добычи».[490] Вероятнее всего, что именно этот эпизод имеет в виду комит Марцеллин, когда он говорит, что magister officiorum Келер вышел из Каллиникуса в Месопотамии, стал разорять персидские области и дошел «до Железного моста» (usque ad pontem Ferreum).[491] О последнем упоминает и Иоанн Эфесский как о «большом мосте в Бет-Арамайе»,[492] построенном через

[487] *Ioannes Malalas.* P. 398.
[488] *Иешу Стилит.* § 66.
[489] *Иешу Стилит.* § 69.
[490] Ibid.
[491] *Marcellini comitis.* Chronicon. P. 96.
[492] *Ioannes Ephesius.* Historia, 3, 40; I, 6, 16.

Евфрат, выше Ктезифона.[493] Латинский автор, вероятно, сокращал свой источник не вполне правильно, следствием чего оказалось, что Келер сам вышел из Каллиникуса. Нет сомнения, что вернее сирийская версия, что он послал дукса в эту экспедицию. Отряд Тимострата вернулся затем к ромейскому войску, расположенному в Решайне, пригнав с собой табуны лошадей и стада овец. «Они снялись все вместе, отправились и расположились у города Амида около Патрикия».[494]

Под центром византийской провинции Месопотамии шла позиционная война. Патрикий приказал собрать мастеров и ремесленников из других городов, набрал большое количество деревенского населения и приказал вести подкоп под стену Амида.[495] Когда яма достигла необходимой глубины, ее набили деревом и подожгли его. Внешняя часть стены ослабела и рухнула, а внутренняя осталась. Удалось прокопать отверстие и под этой частью, так что воины стали подниматься через него. Затруднение было в том, что больше одного человека сразу пройти в это углубление не могло. Поэтому первый, который поднимался, был убит персами, вторым шел гот Альд, бывший трибуном в Харране. Он поразил троих персов, но так как остальные, боясь персов, не последовали за ним и не поддержали его, он и сам испугался и стал возвращаться обратно, захватив труп византийского солдата, который поднимался первым. Когда он спускался в «пасть ямы», его убили. В то же время воды большого источника, находившегося недалеко от этого места, были направлены персами в подкоп, где погибли еще 4 византийских воина, остальные успели выбежать оттуда. Со стороны города персы завалили подкоп большими камнями и засыпали его сверху землей. Интересна с точки зрения военной техники того времени следующая подробность. Вдоль всей стены персы выкопали канавы или рвы, которые они наполнили водой, чтобы новый подкоп мог быть обнаружен при утечке воды. Узнав об этой мере, Патрикий отказался от мысли делать новые подкопы.[496]

Произошло еще несколько мелких стычек, в которых преимущество было за персами. Одну из схваток следует отнести к маю или июню,[497] в которой погиб дукс Арабайи — Гайнас, к месяцу таммуц (июль).[498]

493 *Honigmann E.* Die Ostgrenze... S. 10.
494 *Иешу Стилит.* § 69.
495 *Иешу Стилит.* § 66.
496 *Иешу Стилит.* § 71.
497 *Иешу Стилит.* § 72.
498 *Иешу Стилит.* § 73.

Положение персов на стене имело преимущества по сравнению с византийскими войсками. Они были лучше защищены, тем более что они построили еще будки вдоль стены, давшие им возможность прятаться.[499]

Первая стычка произошла по пустяковому поводу, но весь ромейский стан пришел в движение. В результате погибло 40 воинов, ранено было 150, тогда как потери персов были незначительны. Магистр отдал приказ, чтобы ни один из византийских воинов не вступал в бой, чтобы с их стороны не было ни убитых, ни раненых. Он, следовательно, желал избежать новых поводов для нападения.[500]

Хотя источник об этом прямо не говорит, но, по-видимому, магистр и военачальник собрались на совет, в результате которого они и вынесли это решение. Об этом говорится, что «они полагали, что им не следует с ними (персами в Амиде. — *Н. П.*) воевать, потому что тем, что они будут убиты, не будет достигнута победа ромеев». Из дальнейшего же очевидно, что они ждали нападения войск Кавада, вероятно, тех 10 000, которые отдыхали в Низибии, так как говорится, что они опасались противостоять «всем персам» и что, «если победит Кавад, они сами умрут или погибнут в его темнице».[501]

После сообщения о гибели Гайнаса хроника (§ 75) вторично возвращается к соображениям магистра о том, что пребывание войск под Амидом «приносит вред». Кроме ожидания нападения вред этот выражался в том, что в позиционной войне ромейские войска несли потери. Поэтому магистр решил уменьшить то большое количество войск, которое находилось под Амидом, и сам перешел в наступление. Строго говоря, это было не наступление, а набег, ничем не отличавшийся от набегов, производившихся арабами или персами.

Ромейские полководцы, которые расположились около Амида, сделали набег на персидскую землю. Они грабили, брали в плен, уничтожали, и персы бежали от них.[502] Та же хроника на предыдущих страницах отмечает, что магистр «взял свое войско и отправился в область персов, оставив Патрикия у Амида».[503] Несомненно речь идет о том набеге на Арзанену, о котором знает и Прокопий Кесарийский.[504] Наименование Арзанены носила персидская область, западная и южная гра-

499 *Иешу Стилит.* § 72.
500 *Иешу Стилит.* § 73.
501 Ibid.
502 *Иешу Стилит.* § 79.
503 *Иешу Стилит.* § 75.
504 *Procopius.* De bello persico, I, 9.

ницы которой представляли нижнее течение р. Нимфия — Калата, до впадения ее в Тигр, и Тигр, от места впадения Калата до колена, которое он образует после впадения р. Зирма.[505] «Келер со своими отрядами перешел р. Нимфий и сделал некий набег на Арзанену. Река эта (Нимфий. — *Н. П.*) находится вблизи Мартирополя и от Амида в стадиях около трехсот. Ограбив эту область, они возвратились в непродолжительном времени, так как их набег был незначительным».[506] В сообщении Прокопия можно найти косвенное указание на то, что Келер двигался от Амида и расстояние вычислено от него, тогда как самый Нимфий определяется как река, которая находится недалеко от Мартирополя (Майферката). Войска Ареобинда направились в персидскую Армению. 10 000 мужей армян и персов были ими уничтожены. Число взятых в плен женщин и детей составляло около 30 000; кроме того, они ограбили и сожгли много деревень. При возвращении к Амиду войскам Ареобинда удалось захватить 12 000 голов овец, быков и всякого другого скота.[507] Тот же Ареобинд совершил удачное нападение на персидскую армию, находившуюся у Низибии. Его отряды, возвращаясь, проходили около Низибии. Везти добычу было поручено «немногим», которые сопровождали «захваченное», очевидно, пленных и скот, основная же часть ромеев спряталась в засаду. Один из марзбанов, заметив, что охрана находится в небольшом числе, вооружил свое войско и двинулся, чтобы отнять награбленное. Византийская стража симулировала бегство, а персы осмелели и стали их преследовать. Когда они удалились на достаточное расстояние, остальная часть ромейского войска вышла из засады. Все персы были уничтожены, а было их около 7000.

В связь с действиями византийских войск в армянских областях Ирана следует поставить факт перехода «армянина Мушлека (Мушега), который был под властью персов», со всем его войском на сторону «ромеев».[508] Временем указанных походов следует считать лето 504 г., так как инцидент с дуксом Арабайи Гайнасом относится к жаркому времени года, а поход в иранские области следует в сирийской хронике за описанием его смерти.

Под 816 г. Селевкидов, следовательно, между сентябрем 504 г.—августом 505 г. Иешу Стилит сообщает о походе ромейских полководцев, которые расположились около Амида.[509]

[505] *Honigmann E.* Die Ostgrenze...
[506] *Procopius.* De bello persico, I, 9.
[507] *Иешу Стилит.* § 75.
[508] Ibid.
[509] *Иешу Стилит.* § 79.

Он или имеет в виду тот же поход, о котором он сообщал выше, и ошибочно переносит его в следующий год, или сообщает о нем подробности, дошедшие до него иначе, взятые из другого источника. В пользу последнего соображения могут быть указаны следующие доводы. Следствием разорений в персидской земле были попытки Кавада начать переговоры о мире. Начались они глубокой осенью и были прерваны с наступлением зимних холодов.[510] Велись они, следовательно, в зимние месяцы еще 504 г. н. э. Византийская армия под Амидом произвела ряд набегов на персидские области, она нападала на Арзанену, на более северные части Перс-Армении, а часть отрядов перешла Тигр (Деклат). Персы бежали от наступления ромейских войск, которые разоряли их территорию, грабили, брали в плен и уничтожали. Перейдя Тигр, персы нашли отряд своих всадников количеством около 10 000 человек, собравшихся, чтобы «идти на ромеев». Найдя такое подкрепление, беглецы, очевидно мирное население, остановились и «остались на берегу Деклата».[511] Вслед за ними на другой берег переправились и византийские войска. Они уничтожили персидскую кавалерию и захватили в качестве добычи все имущество персидских беглецов. Получив таким путем возможность действовать на вражеской земле без особых опасений, они убивали всех мужчин в возрасте старше 12 лет — таков был приказ самого магистра полководцам; причем, если будет найден кто-нибудь из ромеев, спасший мужчину 12 лет и старше, то «он будет убит вместо него».[512] Только женщин и детей было приказано брать в плен. Так вырезывали мужское население, а деревни сжигали. По специальному приказу магистра в каждом из селений, в которое они входили, не разрешалось оставлять «ни одного дома стоящим». Из ромейского войека были выделены наиболее сильные люди, к которым присоединились многие деревенские. Когда крыши сгорали и угасал огонь, то опрокидывали стены домов. «Они резали и портили даже виноградные лозы, оливковые и все другие деревья».[513] Подробности, сообщаемые летописцем, указывают на то, что подобные приемы — полное истребление мужского населения, уничтожение культурных насаждений и разорение селений — и для того времени считались особенно жестокими. Картину разрушения хроника дополняет несколькими словами об арабах. «Ромейские арабы также перешли Деклат», ворвались, следовательно, в персидские преде-

[510] *Иешу Стилит.* § 81.
[511] *Иешу Стилит.* § 79.
[512] Ibid.
[513] Ibid.

лы и «грабили, брали в плен и уничтожали у персов все, что они могли».[514] Как уже было указано, для арабов — безразлично, принадлежали ли они к византийской или к персидской стороне — война была источником обогащения.[515]

АМИД

Разорение персидских областей было поводом для стремления заключить мир. Соответственно вызывало беспокойство и положение Амида. Попытки взять Амид через подкоп не удались. Беспрерывные стычки не давали решительного исхода ни для одной из сторон, но истощали силы византийского войска.[516] Во главе персидского гарнизона в Амиде был оставлен военачальник Глон, или Эглон. Ромеи убили его с отрядом персидских всадников, число которых в источниках расходится. Удалось это благодаря предательству, в подробностях известному Прокопию Кесарийскому и сирийскому Захарии. Последний знает имя предателя — Гадона из селения Акара; о нем сирийский автор или его источник говорит: «Я его знал сам».[517] Гадона был охотником, он поставлял всякую дичину, рыбу, плоды и поэтому имел свободный доступ даже к самому Глону.[518] Согласно одной версии, крестьянин вызвал из города Глона с 200 всадников, сообщив ему о грабежах, которые производят византийские воины, бродя шайками по 4—5 человек. Предварительно он сговорился с Патрикием, обещавшим ему за предательство Глона все, что он пожелает.[519] По другой версии, предательство Гадоны осуществилось, когда под стенами Амида находились отряды Фарзмана. Глона с отрядом кавалерии в 400 человек Гадона привел прямо в лагерь ромеев. Византийский отряд с табунами лошадей расположился у места, называемого в сирийском тексте 'pt', находящегося на расстоянии 7 миль от Амида.[520] Греческий источник называет деревню Филасамон в расстоянии 40 стадий.[521] Э. Хонигман объединил оба названия, считая, что они относятся к одному и тому же

[514] Ibid.
[515] *Пигулевская Н. В.* Арабы VI в. по сирийским источникам // Вторая сессия Ассоциации арабистов: Тезисы. Л., 1937. С. 21—22.
[516] *Иешу Стилит.* § 71, 72.
[517] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 5.
[518] *Procopius.* De bello persico, I, 9.
[519] Ibid.
[520] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 5.
[521] *Procopius.* De bello persico, I, 9.

селению, которое он нанес на карте в юго-западном направлении от Амида.[522] Персидский отряд был уничтожен ромеями, а голова, снятая с плеч Глона, была отправлена в Теллу (Константина).[523] Сын Глона, имя которого осталось неизвестным, и марзбаны пришли в страшный гнев. Они запретили амидянам выходить из города на базар, прекратив таким образом всякий приток пищевых продуктов. Кроме того, сын Глона, взявший управление городом в свои руки, заключил знатных и богатых людей вместе с другими мужчинами в количестве около 10 000 человек в стадионе.[524] Если число и может быть взято под сомнение, то факт сам по себе подтверждается и другими источниками. Иешу Стилит не сообщает ничего о Глоне, но говорит, что оставленные в Амиде жители испытывали большие мучения из-за голода, так что персы стали бояться, чтобы они не предали города ромеям. «Они связали всех мужчин, которые были там, и бросили их в амфитеатр, и там они погибали от голода и от вечных (не снимавшихся. — *Н. П.*) цепей».[525] В осажденном городе начался жестокий голод и эпидемия.[526] Персидский гарнизон сохранил женщин для того, чтобы они перемалывали зерно и выпекали им хлеб. Они также сожительствовали с ними, и за это воины уделяли им часть своей пищи. Но сами персы не имели достаточного количества продуктов: «Мяса, вина или чего-нибудь другого из еды у них не было». Каждый воин получал лишь пригоршню ячменя в день. Голод возрастал день ото дня. Подробности, сообщаемые сирийскими летописцами, ужасающи. Заключенные в стадионе мужчины ели экскременты и пили мочу и, наконец, стали бросаться друг на друга. Многие из них умерли, а когда оставшихся отпустили, они были похожи на «мертвых из гробов».[527] Не остается сомнения, что в городе практиковалось людоедство. Женщины выходили небольшими группами, заманивали или хватали одиноких мужчин, женщин, детей или стариков, убивали их и потом жарили и варили. Вскрылось дело благодаря «запаху жареного». Марзбан учинил розыск, многих женщин замучил, казнил, «а тем, что остались, с гневом запретил делать это еще и убивать кого-либо». Разрешено было, однако, совершенно «открыто» употреблять в пищу тела мертвых.[528] В ис-

[522] *Honigmann E.* Die Ostgrenze..., см. карту 600 г. н. э.
[523] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 5.
[524] Ibid.
[525] *Иешу Стилит.* § 76.
[526] *Theophanus.* P. 146; *Procopius.* De bello persico, I, 9.
[527] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 5.
[528] Ibid.

тинности этих известий, к сожалению, не может быть сомнения, обе хроники дают свои сведения в различных словах, но говорят о тех же фактах. Иешу Стилит угадал, что в правдивости его слов, может быть, и будут сомневаться, поэтому он пишет: «...хотя этому не поверят те, что будут после нас. Теперь же нет человека, который попытался бы узнать об этих событиях и не слыхал обо всем том, что случилось, хотя бы он и жил на далеком расстоянии от нас».[529]

Разорение ряда пограничных областей при полной инертности населения, которое обращалось в бегство, не оказывая сопротивления, вынудило Иран к попыткам заключить мир. «Кавад увидал, что ромеи наносят вред его земле». Успехи византийского оружия, кроме того, вызывали колебания в отдельных городах и национальных группах, подчиненных Ирану. Выше уже было отмечено, что в Низибии были группы населения, склонные к соединению с Византией. У Низибии — крупного торгово-промышленного центра того времени — были торговые связи с ромейскими городами, в поддерживании которых она была заинтересована. Возможно, что таковы были стремления части верхушки, для которой это имело особенно большое значение. Было уже упомянуто, что Мушлег, армянин, со своим войском подчинился ромеям. Точно так же поступил и Адид, араб, который был «под рукой», иначе говоря, под владычеством персов: он со всем своим войском подчинился ромеям.[530] В Иране, следовательно, можно отметить неустойчивое состояние, которое корнями уходило в неразрешенные противоречия, вскрытые маздакитским движением. Ко всему этому Каваду приходилось обороняться на северной окраине государства, где борьба с гефталитами поглощала много сил и внимания. Отчаянное положение персидского гарнизона в Амиде, в буквальном смысле слова вымиравшего от голода, также было поводом для беспокойства. Все указанные выше причины вызывали по необходимости и у Ирана стремление прийти к соглашению с Византией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА

В зимние месяцы 504 г. (октябрь, ноябрь, декабрь) Кавад начал переговоры о мире. Для этого на границу было послано войско в 20 000 человек, во главе которого был поставлен аштабид.[531] Греческий хронограф посчитал чин персидского военачальника за имя собственное. Для переговоров о мире с ромеями, сообщает Феофан, Кавад посылает стратега Аспетия:[532] Ἀσπέτιος — испорченная передача иранского титула «аштабид». Войско, посланное с ним, было необходимым противовесом византийским войскам и должно было способствовать большей уверенности персидской стороны, создать ей возможность диктовать свои условия в мирных переговорах. Особенное беспокойство вызывало положение персидского гарнизона в Амиде, где голод принял ужасающие формы. Характерны переговоры, которые велись по этому поводу между державами. Аштабид настойчиво уговаривал магистра Келера обменяться пленными, чтобы ему были выданы персы, запертые византийскими войсками в Амиде. Магистр ответил ему: «Об этих пленных ты мне не напоминай, потому что они находятся в плену в нашем городе и они [наши] рабы».[533] Положение этого гарнизона приравнивалось к положению военнопленных, считавшихся рабами. Попытки освободить их были оставлены без последствий. Персы стали пытаться убедить византийское командование в необходимости допустить в Амид доставку продуктов. «Не подобает тебе, чтобы гибли твои рабы от голода», — оправдывали они свои требования. Даже посланный персами караван верблюдов с мешками, наполненными хлебом, не был пропущен в Амид. Клятва, данная магистром и его военачальниками не трогать обоза, не была обязательна для отсутствовавшего на этом совете дукса Нонниса (Нонна).[534] Последний напал на караван, состоявший из 300 верблюдов, уничтожил людей, забрал животных и поклажу. Кроме съестных продуктов и зерна в мешках ромеи обнаружили еще стрелы, которыми персы хотели снабдить свой отряд в Амиде. Аштабид в досаде на потерю обоза, на то, что гарнизон остался без поддержки, потребовал наказания виновного. Но Келер ответил дипломатически: «Я не могу узнать, кто это сделал, потому что у меня много войска, если же ты знаешь, кто это, то у тебя есть сила отомстить, и я не буду тебе в этом препятствовать».[535] Ответ был равносилен отказу, и аштабид стал настаивать на мирных переговорах.

Между тем наступило холодное время года, «настали сильные холода со снегом и большими морозами». Для византийских войск условия оказались тяжелыми. Разложение армии лишило командование главного — вооруженной силы, следст-

[529] *Иешу Стилит.* § 77.
[530] *Иешу Стилит.* § 75.
[531] *Иешу Стилит.* § 80; *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 131, 347, 516.
[532] *Theophanis.* P. 148.
[533] *Иешу Стилит.* § 80; *Иешу Стилит.* P. 75—76.
[534] *Иешу Стилит.* § 80.
[535] Ibid.

вием чего были невыгодные условия мира, заключенного с персами.

Трудности холодного зимнего времени года, отсутствие дисциплины, наличие отдельных, полусамостоятельных варварских дружин (готы) и отрядов арабов, слабо связанных с центральным командованием, привели к тому, что византийская армия стала расползаться. Уже приведенные выше факты указывают на то, что и византийские войска жили грабежом: хватали, делили и присваивали себе добычу, не отличаясь в этом отношении от «варваров», которыми они считали гуннов, персов, арабов. Источники сообщают, как ромеи разбрелись грабить убитых на поле брани и дуксу едва удалось их собрать, чтобы повести в новое нападение.

Теперь, зимой, отряды оставляли одну стоянку за другой, обнажая limes, уходили в глубь византийских провинций. Часть войск с границы прямо потянулась домой. «Каждый уносил то, что ему пришлось из добычи, и отправлялся, чтобы идти в свою землю».[536] Захватив награбленное во время военных действий, воины расходились, растекались, уходили домой. Часть добычи была отобрана не на вражеской территории, а у мирного населения пограничной полосы.

«Те, что остались и не ушли в свои земли, вышли в Теллу, Решайну и Эдессу, чтобы защититься от холода». Ослабление византийских войск было учтено персами. Аштабид стал настаивать на заключении мира, грозя в противном случае возобновить военные действия. Келер дал приказ комиту Юстину собрать войска. Но будущему преемнику Анастасия это не удалось, так как большая часть ромеев «разошлась». Тогда было решено заключить мир.

Большинство источников говорит об этом кратко. Феофан считает 15-й год Анастасия годом конца войны. Если считать 491 г. н. э. началом царствования Анастасия, то 15-й год падает на 505 н. э. Известно, что Феофан делает постоянную ошибку в 8 лет в своем летосчислении,[537] поэтому он и относит сообщение о мире под 5998 г. — 498 г. н. э.[538] Длительность войны Феофан определяет в 3 года. Прокопий полагает, что Амид был возвращен Византии через 2 года, после того как он был взят персами. Кавад выехал в Амид в январе 503 г., следовательно, в 505 г. состоялся обратный выкуп Амида. По его мнению, между обоими государствами было заключено лишь перемирие сроком на 7 лет.[539]

[536] *Иешу Стилит.* § 81.
[537] *Grumigel V.* L'année du monde dans la Chronographie de Théophane // Actes du IV Congrès des études byzantines. Sophia, 1935. P. 406.
[538] *Theophanus.* P. 147.

Захария Митиленский не дает хронологических указаний, но он знает подробности относительно эвакуации персов и восстановления нормальной жизни в г. Амиде. У него имеется также рассказ о том, что Кавад будто бы не подписал мирного договора, а, забрав свое золото, уехал «в свою землю».[540] В той форме, в какой этот рассказ им сообщен, он едва ли заслуживает особого доверия, но в его основе лежит традиция, в правильности которой после подробностей, имеющихся у Иешу Стилита, не приходится сомневаться.

Сопоставляя данные различных источников, можно установить тот факт, что мирные переговоры велись длительно. К 505 г. относится предварительное соглашение относительно мира, обратная сдача Амида и выплата выкупа за него. Окончательное заключение мира следует отнести к октябрю—ноябрю 506 г.

Магистр Келер был вынужден согласиться заключить мир, так как византийская армия не могла служить ему опорой. «Когда он увидал, что большая часть ромеев разошлась у него, он заключил мир и предоставил персам выйти из Амида», но при одном условии, если на это согласятся оба царя (византийский и персидский) и подтвердят то, что он сделал. «Если нет», т. е. если этого согласия царей не будет, «то будет вновь между ними война».[541] Таким образом персов выпустили из Амида по предварительному соглашению; непосредственно принимал в эвакуации участие Фарзман. Он заключил специальное соглашение с персами об эвакуации Амида, у ворот которого «сели ромейские и персидские главы».[542] Персы выходили из города, неся на себе все, что они могли снести, и их не обыскивали, не осматривали. Горожан, которые присоединялись к персам, опрашивали, и если они выражали желание покинуть город и уйти, то им в этом не препятствовали.[543] За Амид персам был выплачен выкуп в 1000 литр золота, по данным Прокопия.[544]

По расчетам сирийского Захарии, 11 кентенариев золота было послано Каваду магистром Келером «за освобождение города и за мир».[545]

[539] *Procopius.* De bello persico, I, 9.
[540] *Zacharias Mytilenensis,* VII, 5.
[541] *Иешу Стилит.* § 81.
[542] *Zacharias Mytilenensis,* VII, 5.
[543] Ibid.
[544] *Procopius.* De bello persico, I, 9.
[545] *Zacharias Mytilenensis,* VII, 5.

Феофан считает, что было дано 3 таланта золота в качестве выкупа, чтобы избавиться от необходимости проводить с войском суровое время года в походах. Взамен был получен Амид и заложники, взятые персами, в том числе Василий эдессит; Алипий же умер в плену.[546] Из текста Феофана очевидно, что подписание договора состоялось позднее, причем ромеи расположились на это время в пограничных пунктах — Амудине и Мардине.

Иешу Стилит к началу мирных переговоров относит поднесение подарков Каваду от имени Анастасия. Ему были посланы «дары и подарки через человека, по имени Леон» и столовый сервиз, весь из золота.[547] Начаты были переговоры о мире в зимние месяцы, в холодное время года, следовательно, в последние месяцы 504 или в начале 505 г. После этого военные действия затихают. Сообщив о внутреннем положении византийских провинций, сирийская хроника рассказывает о том, что византийские войска перешли Евфрат и отправились на запад — Ареобинд в Антиохию, Патрикий в Мелитену, Фарзман в Апомею, Федор в Дамаск, Каллиопа в Маббог. Относительно магистра Келера говорится, что он направился к императору,[548] а затем сообщается, что «в конце этого года» (июль, август 505 г.) он отправился в Апамею, а Фарзман покинул ее тогда и расположился около Эдессы.[549] Возможно, что перед тем как ратифицировать мир, Келер побывал для переговоров в Константинополе, так как соглашение с персами носило сугубо предварительный характер. Несомненно, однако, что обе стороны настоятельно желали мира; это очевидно из тех мер, которые принимались государствами для предотвращения новых конфликтов. Когда персидские арабы, которые никогда «не знают мира и покоя», вторглись в византийские пределы и захватили две деревни, то шейхи их были взяты и казнены персидским марзбаном, находившимся в Низибии. Нападение арабы произвели независимо от персов, без них и понесли за это наказание. Соответственным образом поступили и в Византии. «Ромейские арабы перешли без приказания в персидскую область и взяли в плен одну деревушку». По распоряжению магистра, бывшего в это время уже в Апамее, Тимострат, дукс Каллиникуса, схватил пятерых шейхов, двоих казнил мечом, а «троих пропял на дереве». К этому времени Тимострат получил звание главнокомандующего, великого стратега, вместо Ипатия.[550] Под теми же годами хроника сообщает о ряде мероприятий: исправлении стен, их укреплении, постройке крепости Дары, которые, следовательно, производились византийским государством в период до окончательного заключения мира, о чем подробнее речь будет ниже. В апреле 506 г. магистр Келер был уже в Эдессе, когда он собрал все свои войска, чтобы затем «подняться» и направиться к самой границе, для окончательного установления мирного договора. В Эдессе, однако, он задержался гораздо дольше, чем предполагал, так как сюда к нему явились персидские послы и сообщили, что аштабид, уполномоченный для переговоров с ним, умер в дороге. Если он действительно собрал войска с мирными намерениями, то, просили его послы, «чтобы он не выходил из Эдессы, пока другой аштабид не будет прислан от персидского царя». Келер пробыл в главном городе Осроэны около пяти месяцев, а постой его армии был невыносимым гнетом для населения и вызвал волнения. Возмущение эдесситов, отдельные их выступления принудили магистра вывести войска, с которыми он отправился на границу. Этот факт относится к сентябрю или октябрю 506 г.[551] и свидетельствует о том, что чрезмерно натягивать отношения с населением пограничных областей византийское командование не решалось.

Переговоры с персами Келер повел в Даре. Сюда к нему был прислан посол и заложники от аштабида с тем, чтобы им были посланы в обмен взятые в плен персы. Совет, на котором предполагалось решить в подробностях вопросы мира, должен был состояться при участии магистра и аштабида. Им нужно было встретиться «дружественно», явиться невооруженными, также без оружия следовало явиться и тем 500 всадникам, которые будут сопровождать представителей каждой из держав. Магистр, однако, мало доверял обещаниям персов, тайно вооружил все войска и построил их перед собой. Когда все «сели» на совете, один из византийских воинов обратил внимание на то, что на пришедших с аштабидом под платьем было надето оружие. Сообщил он о своем наблюдении самым талантливым и воинственным ромейским полководцам Фарзману и Тимострату, которые тотчас подали знак войскам. «Испустив клич», ромеи бросились на персов и захватили в плен аштабида и его свиту. Остальное персидское войско поторопилось уйти и скрыться за стенами Низибии. Магистр настоял на том, чтобы схваченных персов отпустили, так как он боялся «помехи» для

[546] *Theophanus*. P. 148—149.
[547] *Иешу Стилит*. § 81.
[548] *Иешу Стилит*. § 87.
[549] *Иешу Стилит*. § 88.
[550] Ibid.
[551] *Иешу Стилит*. § 97.

заключения мира. Аштабид сам тотчас двинулся в Низибию, откуда только несколько времени спустя вышел, чтобы подписать мирный договор, причем ряд условий, которые ставили персы, был опущен. Срок мира сирийский источник не указал, но считает его заключенным лишь на определенный отрезок времени. Прокопий Кесарийский считает, что мир был заключен на 7 лет и, следовательно, носил характер перемирия. Византию представлял Келер, а Иран — Ἀσπεβέδος — испорченная передача титула «аштабид», ставшего именем собственным.[552] У Феофана он стал уже стратегом Аспетием.[553]

После того персидское войско и византийское войско возвратились «обратно», каждое в свою землю.[554] Иешу Стилит датой ухода Келера и его войск с иранской границы считает 28-е число месяца тешри второго, т. е. ноябрь 506 г.[555] Сирийский Захария Митиленский и все греческие историки заканчивают историю войны Кавада сообщением об укреплении пограничного городка Дары.[556] В предшествующих разделах уже было сообщено, по каким мотивам он был построен, кем и как производились самые работы. Иешу Стилит говорит о построении Дары под 505/6 г.[557] Возможно, что тогда были начаты подготовительные сборы материала, разработка проекта, так как вся постройка города была закончена «в два, три года»,[558] следовательно, уже после подписания мирного договора. Кавад не мог помешать появлению новой крепости на границе, хотя это и шло вразрез с условиями мирного договора. Персидский гарнизон Низибии пытался разогнать строящих, но Фарзман со своим отрядом специально поселился в Амиде, чтобы оберегать строительство.[559] Тот же Иешу Стилит сообщает об обновлении или исправлении крепостных стен у ряда месопотамских городов. Главный город Серугской области — Батнан был обнесен стеной по распоряжению и «усердию» эгемона Эдессы Евлогия.[560] Местных жителей заставили отстроить стену крепости Еуропос, а епископ Саргис стоял во главе работ

[552] *Procopius*. De bello persico, I, 9.
[553] *Theophanus*. P. 148.
[554] *Ioannes Malalas*. P. 399.
[555] *Иешу Стилит*. § 100.
[556] *Collinet P.* Une ville neuve byzantine. La fondation de Dara (Anastasiopolis) / Mélanges G. Schlumberger. Paris, 1924. P. 55—60; *Birk E.* Dara-Anastasiopolis // PE. Bd 3, 5. Col. 201—205; *Ensslin W.* Zur Gründungsgeschichte von Dara-Anastasiopolis. P. 342—347; *Honigmann E.* Die Ostgrenze... S. 10.
[557] *Иешу Стилит*. § 90.
[558] *Zacharias Mytilenensis*, VII, 6.
[559] *Иешу Стилит*. § 90.
[560] *Иешу Стилит*. § 89.

по укреплению крепости Бирты (Birejik), «которая расположена на берегу Евфрата».[561] Таким образом Дара была только одним из городов, которые отстраивались и укреплялись на внешней и внутренней границе Византии в эпоху Анастасия. Последний, то угрожая, то уверяя в своем дружественном расположении, усыплял бдительность Кавада или, посылая «немалое количество денег», заставлял смолкать его жалобы».[562]

Заключение мира, по словам летописца, было встречено радостью со стороны войск. Армии обоих государств устали от войны и «торжествовали» по поводу ее окончания. Насколько невыносимо тяжким бедствием для мирного населения городов и деревень были война и разорение, вызванное постоем армии, можно судить по исключительным выражениям, в которых летописец описывает удовлетворение в связи с окончанием военных действий. «Жители города радовались миру, который настал, и восторгались освобождением от бедствий, тяготевших над ними до этого времени». Они надеялись на то, что в будущем им будет легче, и «плясали» от радости, что наконец-то наступил «мир между обоими государствами».[563] Иешу Стилит утверждает, что изобильный урожай, мир и тишина окончательно успокоили его родной город и область.

Успокоение было чисто внешним; по существу ни мир, ни урожай не снимали и не могли снять ни остроты классовой борьбы, ни непомерной эксплуатации городского и сельского населения. Впрочем, автор хроники до известной степени понимает это сам, так как, о чем бы он ни говорил, тяжелое положение отмечается им постоянно. В характеристике военных действий Иешу Стилит стоит на точке зрения гражданина Византии, но ему нельзя отказать в объективности изложения. И о Византии, и об Иране он повествует, не оставляя своего спокойного, эпического тона, благодаря чему его материал приобретает еще большую ценность.

[561] *Иешу Стилит*. § 91.
[562] *Procopius*. De bello persico, I. 10.
[563] *Иешу Стилит*. § 100.

СИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

Академику
Павлу Константиновичу
Коковцову,
учителю и другу
посвящаю свой труд

ВВЕДЕНИЕ

V и VI века для истории народов СССР являются одним из наименее разработанных периодов. Тем более значительный интерес представляют новые источники, которые помогут осветить страницы истории этого действительно малоизвестного времени.

За исключением Кавказа и Закавказья, для V и VI вв. письменных источников от народов, населявших территории СССР, не сохранилось. Об этих народах можно узнать только по известиям их соседей, населявших древние культурные государства — Китай, Иран, Византию.

Изучение сирийских источников позволило дать новый материал для истории среднеазиатских и прикаспийских областей, находившихся в соприкосновении с Ираном, часть населения которого составляли сирийцы. Они получали сведения из первых рук, на месте. Другая группа сведений связана с Кавказом, с которым у них были старые и прочные торговые и культурные связи. Наконец, ряд нитей связывает сирийцев с Византией, где они часто занимали выдающееся положение и при дворе, как, например, в период торжества монофизитства, связанного с необходимостью для центрального правительства иметь поддержку в восточных провинциях. Отсюда в сирийских источниках ценные сведения о страшных врагах империи — аварах и славянах. Таким образом, перед исследователем сирийских источников проходят народы, населявшие территории СССР от берегов Амударьи до Балканского полуострова. То, о чем впоследствии могли рассказывать арабы, до VIII в. следует искать частично у сирийцев с той разницей, что

Кавказ и побережье Черного моря в меньшей степени находились в поле зрения первых.

Сирийские источники для древнего малоисследованного периода в истории народов нашей родины привлечены нами не случайно. Сирийцы, утерявшие еще в III в. свою государственную самостоятельность, как народность оказались разорванными между двумя государствами: Восточно-Римской империей и Ираном. В этом положении они просуществовали до арабского завоевания, захватившего области Азии с коренным сирийским населением, находившимся под властью обеих могучих держав. Сирийцы в течение первых семи столетий новой эры и ранее были главным торговым народом Ближнего Востока и Средиземного моря. Широкие торговые связи уводили их далеко от родной страны: они бывали в Италии и в Галлии, в Египте, в Иране, у берегов Инда и при дворе эфиопских царей. У них были более широкие представления о мире, чем у тех из их современников, которым не приходилось передвигаться за пределы своего государства. Связь сирийцев с Арменией уходит своими корнями в глубокую древность. Арзанена, или Арзан, была областью со смешанным армянским и сирийским населением. Торговые сношения создали благоприятную сферу для сирийского влияния в Закавказье. В качестве торгового, дипломатического и культурного языка Передней Азии выступал сирийский. На этом же языке в Армению пришли книги, составлявшие канон образованности первых веков новой эры. Влияние сирийского языка было вытеснено только мощным воздействием греческого языка Византийской империи, а затем и самостоятельным развитием армянского.

Нельзя не отметить и другого факта, что арамейская письменность, алфавит, расположение строк, направление письма оказали глубокое влияние на письменность народов, населявших области Средней Азии. Это справедливо как для времени, предшествовавшего образованию халифата, так и несколько позже. Ряд иранских народов (согды, в частности) усвоил не только арамейский алфавит, которым вообще пользовались иранцы Сасанидского государства, но их письмо имеет исключительное сходство с древним письмом сирийцев эстрангело. В XII, XIII вв. некоторые тюркские народности Средней Азии пользовались сиро-несторианским письмом.

За этими фактами следует видеть явление действенного, живого общения между среднеазиатским миром и арамейскими народностями, в частности сирийцами, вопрос о которых не только не разрешен, но и не поставлен во всем своем значении.

Культурное развитие сирийцев, говоривших на одном из арамейских диалектов, к IV в. сделало из их языка гибкий, литературно-развитый язык, передававший все оттенки мысли. Синтаксис их языка в значительной степени отошел от чисто семитической традиции, приобрел черты, отличающие синтаксическое строение индоевропейских языков, греческого — главным образом. В сохранившейся сирийской литературе немалый удельный вес занимают труды исторического характера, имеющие исключительное значение для истории Ближнего Востока в V, VI, VII вв. н. э.

Не только Иран и Византия оказались в поле зрения сирийских историков, живших на территории этих государств, но и Закавказье, Средняя Азия, с которыми сирийцы имели близкие сношения в течение ряда веков. Для них оказались доступными сведения и об отдаленных народах и государствах, с севера и востока граничивших с Ираном в Средней Азии, по берегам Аральского и Каспийского морей. Неудивительно поэтому, что у сирийских писателей имеются сведения о прошлом народов СССР. Области Азии были известны сирийцам лучше, чем, например, греческим писателям, что вполне понятно.

Если принять во внимание крайне ограниченное число исторических памятников на среднеперсидском языке империи Сасанидов и тот факт, что армянские источники подверглись многократным переработкам и были интерполированы, то сирийские источники приобретают особенно важное значение. Они наряду с данными политической истории дают также историку некоторый материал для характеристики общественных отношений.

История Средней Азии и прикаспийских областей до арабского завоевания слабо разработана. До настоящего времени исследователи не располагают исчерпывающими археологическими данными, которые могут иметь большое значение для истории этих областей. Необходимо указать на заслуги профессора А. Ю. Якубовского и А. Н. Бернштама, неутомимые и последовательные раскопки которых дают столь существенные результаты. Оба названных исследователя, а также В. В. Григорьев и С. П. Толстов, имеют большие заслуги перед наукой в вопросах изучения истории Средней Азии. Ни один из них не останавливался, однако, на изучении кушано-эфталитских государственных объединений. Покойный академик В. В. Бартольд касался этого периода лишь бегло, в общих чертах. Больше всего этим занимался Иосиф Маркварт, ученый с изумительной эрудицией и отсутствием какой бы то ни было системы и последовательности в изложении. Даже если собрать

высказанные им отрывочные замечания, зачастую им же самим опровергнутые в последующих работах, то они не создают какой-нибудь полной картины, последовательно развитой истории. К тому же из множества приводимых им источников ни один не подвергнут основательной критике или исчерпывающему анализу, а почерпнутые из них сведения не сведены к чему-нибудь единому.

Выводы, к которым пришли исследователи XIX столетия — Э. Друен и А. Куннингам, не могут в настоящее время считаться окончательными. Быть может, самыми замечательными из всех являются страницы, посвященные этому вопросу, у Эдуарда Шаванна.[1] По самому замыслу его изложение не претендовало на полноту. Но к его труду приходится постоянно прибегать, потому что это действительно превосходно выполненная книга. Вопроса о кушанах и эфталитах касается В. Мак-Говерн в своей сводной книге.[2] Автор действительных выводов или окончательного представления об истории этих народов и государств дать не смог. Наконец, нельзя не указать на статью О. Везендонка,[3] в которой он делает попытку резюмировать известные ему данные. Тем не менее и ему пришлось дать уклончивый ответ на вопрос о времени и смене кидаритов-хионитов эфталитами.

В связи с тем, что источники по этим вопросам не сведены и не имеют исчерпывающей критики, их было необходимо пересмотреть вновь. Многие из этих источников упоминаются предшествующими исследователями, но именно только упоминаются, глубокого анализа их критики нет. К тому же ряд греческих и сирийских источников, как хроника Иешу Стилита, части хроники Захарии Ритора, некоторые греческие фрагменты, и вовсе не был принят во внимание. Иные китайские источники могли быть привлечены в большей степени, так как их переводы к настоящему времени уточнены.

Издание новых документов, исторические сочинения, которые не могли быть привлечены этими исследователями, в том числе сирийские источники, потребовали пересмотра этих вопросов. Поэтому разделы настоящего исследования сосредоточены на кушано-эфталитских государствах и их взаимоотношениях с Ираном и Византией, наиболее мощными державами Передней Азии. Кушаны, белые гунны — эфталиты и кидариты — появляются и в областях Закавказья. К греко-латинским

[1] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue occidentaux. Paris, 1903.
[2] *Mc Govern W.* The early Empires of Central Asia. Hill, 1939.
[3] *Wesendonk O. G.* Kušan. Chioniten und Hepthaliten // Klio. 1933. Bd 26. S. 336—346.

и сирийским источникам можно присоединить армянские, сравнительно хорошо известные тому же И. Маркварту.

Вторая часть настоящей работы связана с историей Закавказья, так как без некоторых глав истории Иоанна Эфесского не может быть разрешен вопрос о сложных взаимоотношениях между группой армянской феодальной знати и Ираном, с одной стороны, и Византией — с другой. Иоанн Эфесский в качестве одного из виднейших представителей монофизитской партии сам встречался в Константинополе с армянскими нахарарами и епископами и был в курсе их политики. Сообщаемые им сведения имеют исключительное значение благодаря тому, что они исходят от современника и даже участника этих событий.

Третья часть исследования ставит перед собой вопрос об аварах и славянах. Отдавая себе полный отчет и в его важности, и в том, что он неоднократно трактовался и оброс сложной и многочисленной литературой, раздел, посвященный этому вопросу, сосредоточен главным образом на анализе сирийских источников, чтобы славяноведы могли располагать соответственным образом этим необходимым и новым материалом.

Таким образом, настоящее исследование объединено под общим названием «Сирийские источники», но материал его расположен по историческим проблемам, образуя три главных раздела исследования:

Среднеазиатские и прикаспийские области в V—VI вв.

Кавказ между Ираном и Византией.

Авары и склавены.

Основной задачей всех этих трех частей является выявление данных сирийских источников в их связи со сведениями других исторических памятников, чтобы они дополнили и дали действительно новое для разрешения поставленных проблем.

Некоторые специальные разделы посвящены характеристике основных сирийских источников, используемых в данном исследовании. Источниковедческий раздел является насущно необходимым, так как без него представление об изучаемых сочинениях не будет достаточным. Мы даем и русские переводы сирийских источников, сделанные впервые. Они позволяют возможность ознакомиться с ними широкому кругу историков, студенчества, педагогам средней школы. Возможно, что в таком виде будет интересно ввести их в круг источников, изучаемых на исторических факультетах университетов.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИРИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Сирийские источники V, VI и VII вв. представляют выдающийся интерес для затронутых выше вопросов. Среди исторических сочинений должно быть отведено место и агиографическим памятникам, которые в свое время удовлетворяли потребности в легком чтении, являясь своего рода биографической и беллетристической литературой. Таково, например, житие Петра Ивера, мученичество христиан из города Каркаде-бет-Селох, житие Мар Гиваргиса.

Из исторических сочинений наиболее выдающимися являются хроника, известная под именем Иешу Стилита, обширная история Иоанна Эфесского и хроника, условно носящая имя Захарии Ритора, или Митиленского. Хроника Иешу Стилита, законченная в первом десятилетии VI в., была предметом моего специального исследования.[4]

Иоанн Эфесский является колоритной фигурой своего времени. Он играл немалую роль в истории монофизитства, и самые особенности его биографии дают необходимые для изучения его трудов данные. Только имея ясное представление о нем самом, можно внести необходимые коррективы в выражаемые им симпатии. Без соответствующей характеристики хроника Захарии Ритора не может быть использована. Ввиду этого первые разделы исследования посвящены характеристике этих двух главных для данного периода сирийских источников.

Захария Ритор

К историческим источникам VI в., сохранившимся на сирийском языке, принадлежит хроника, известная под именем Захарии Митиленского. По замыслу сирийский компилятор предполагал написать всемирную хронику, для которой он использовал ряд источников. Преимущественно это греческие книги, переведенные или сокращенно изложенные на сирийском языке. Его достоинство заключается в том, что он не стал повторять ни библейских рассказов, ни тех, кого считает своими предшественниками — Евсевия Кесарийского, Сократа и Феодорита Кирского.

В первой книге он дал поэтому лишь краткий анализ хронологии книги Бытия (гл. 2), историю Иосифа и Асиат (Азенет, гл. 4—6), легенду о Сильвестре (гл. 7); последние два повест-

[4] *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V и VI вв. (Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник). Л., 1940 (ТИВАН СССР. Т. 31).

вования он справедливо считал малоизвестными и поэтому сообщил их. Лишь кратко упоминая о том, о чем писали другие, он сам говорит:

«После экклезиастики Евсевия Кесарийского также Сократ и Феодосий составили писания до 32-го года царствования Феодосия Младшего относительно дел и событий, которые произошли повсеместно. Они потщились собрать (сведения) из книг, писем, памяток и живого слова, исследовать и записать их как возможно для памяти и пользы лучших (людей)».[5] Заканчивая перечисление глав первой книги, компилятор дает точные хронологические рамки своему труду: «Здесь закончим первую часть повествования, а затем перейдем к остальному из того, что мы нашли написанным в сочинениях и в отдельных главах, как уже написано выше от тридцать второго года Феодосия сына Аркадия до года 880 греков».[6] Последний год отвечает 569 г. н. э., которым и заканчивается составленная им история.

Вторая книга в основном заполнена легендой о семи спящих отроках в Эфесе (гл. 1), сообщениями о ереси Евтихия (гл. 2) и письмом Прокла к армянам (гл. 5); остальное составляют небольшие заметки и сообщения исторического характера (гл. 3, 4 и конец гл. 5).

С третьей книги сирийский автор переходит к своему основному источнику — хронике византийского писателя первой половины VI в. Захарии Митиленского. По имени последнего стала называться и сирийская компиляция, в состав которой был включен его труд.

Захария Ритор, или Схоластик, ставший впоследствии епископом города Митилены, известен как автор ряда сочинений. Он родился в Майюме, гавани города Газы. Учился он в Александрии, в то время когда там находился Петр Монг, т. е. между 482 и 489 гг. Он был еще там в период, когда происходило восстание Иллуса, Леонтия и мага Пампрепиуса против Зенона (488—489 гг.), но в следующем году переправился на Азиатский материк и стал изучать в знаменитой Бейрутской школе юриспруденцию. Отсюда его прозвание — Ритор, Схоластик. Он был близким человеком талантливого и страстного Севера, яростного сторонника клерикальной монофизитской партии.

[5] Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta / Ed. E. W. Brooks. Parisiis, 1919—1924. (CSCO. SS. Ser. 3. T. 5—6). T. 1. P. 103—108 (далее: *Zacharias Rhetor*): Die sogenannte Kirchergeschichte des Zacharias Rhetor / In deutscher Übersetzung von K. Ahrens und G. Krüger. Leipzig, 1899. S. 20, 21 (далее: *Ahrens—Krüger*).

[6] *Zacharias Rhetor*, I, 1. P. 6; *Ahrens—Krüger*. S. 5.

Еще при жизни Зенона Захария в качестве юриста переехал в столицу. В 536 г. под актами Константинопольского собора имеется его подпись как епископа Митиленского, на чин которого он сменил свою свободную профессию. Дата смерти его неизвестна, но в 553 г. Митилена была уже представлена Палладием, следовательно, Захарии уже не было в живых. Биографические сведения о нем извлечены из его собственных сочинений, часть которых сохранилась и на греческом языке. Διάλεξις представляет собою диалог, в котором принимает участие Аммоний. Захария сам слушал его в Александрии, как он об этом сообщает в жизнеописании Севера.[7]

Αντίρρησις Захарии направлен против манихеев. Как полемическое сочинение этот трактат был вызван к жизни специальным эдиктом Юстиниана 527 г., изданным против сторонников Мани.[8] Греческие подлинники, написанные Захарией Схоластиком, — «Жизнь Исаии Аскета» и «Жизнь Севера Антиохийского» не сохранились, но зато мы располагаем их сирийскими переводами.[9] Жизнеописание Петра Ивера Майюмского или Газского, которое ему ошибочно приписывали, написано другим лицом.[10] Захарией была также написана «История» или «Хроника». На греческом языке она до нас не дошла, но Евагрий, который писал после 593 г., цитирует это сочинение, приводит из него несколько выдержек, а автора называет Ζαχαρίας ὁ Ῥήτωρ.[11] «История» Захарии только раз названа — экклезиастика; вероятно, она носила скромное название σύγγραμμα — писание и под этим названием и была известна. Анонимный сирийский компилятор использовал этот труд. Он перевел его с греческого и использовал в своей хронике. Книга Захарии охватывала период от Халкидонского собора до смерти императора Зенона. В 490/1 г. сам Захария был в Константинополе и свой труд обращает к некоему Евпраксию, известному и по житию Севера. Евпраксий был евнухом, служившим в дворцовых палатах. В одном из писем Севера, обращенных к нему, его величают кубикулярием. В сирийском тексте Захарии он назван работающим на царской службе.[12] Писал Захария Ритор свою «Историю» в тот период,

[7] Vita Severi, 3, 26 // Vie de Sévère par Zacharie le Scholastique / Texte syriaque, publ., trad. et annoté par M. A. Kugener. Paris, 1901 (PO. T. 2, fs. 1).

[8] *Ahrens—Krüger*. S. XXVII.

[9] *Chabot J. B.* La littérature syriaque. Paris. 1935. P. 152.

[10] Ibid.

[11] *Ahrens—Krüger*. S. XXVII—XXVIII.

[12] К. Аренс неверно перевел слово как «солдат», оно означает работника или в данном случае чиновника (Ibid. 15).

когда политика Анастасия не приняла еще нового направления. Сам он принадлежал к монофизитской клерикальной партии, но крайних точек зрения некоторых группировок отнюдь не разделял. Автор не стремился быть историком, он только рассказал по ряду вопросов то, что сам пережил и чему был свидетелем. Личный горизонт его ограничен Палестиной, Александрией, отчасти Константинополем, но ряд материалов он почерпнул из писем и устных рассказов. Его «писание» охватывает события от 436 до 491 г. н. э.

Сирийский компилятор дал перевод греческого текста Захарии Ритора в III—IV книгах своего сочинения. Относительно V и VI книг он сам указывает, что он в них использовал Захарию, сокращая его, делая эксцерпты, так как он нашел свой источник в излишней степени «многоречивым».[13] Возможно, что он поступил так и в изложении предшествующих частей. Следует отметить добросовестное упоминание им своих источников; так, с момента, когда он начинает пользоваться Захарией, он пишет: «Начало третьей книги согласно писанию Захарии — верующего мужа, который писал по-гречески к некоему Евпраксию по имени, чиновнику, занятому царской службой».[14] В конце VI книги он указывает на то, что источник его кончился.[15]

Помимо Захарии, который по удельному весу занимает самое большое место в компиляции, сирийский автор использовал ряд других источников; среди них имеются агиологические памятники, легенды, послания, устные сообщения.

Так, легенда об Асиат, или Азенет, была им списана с версии Моисея Аггельского. Последнему принадлежат также переводы на сирийский язык сочинений Кирилла Александрийского.[16] Писал он после смерти Филоксена Маббогского, умершего около 523 г. (522 г. — последний год, к которому относятся сведения о его жизни).

В хронике приводится не только текст, но и переписка между Моисеем и неизвестным корреспондентом, обратившимся к нему с просьбой перевести этот текст. Ни в письме к Моисею, ни в заголовке, перечисляющем главы, нет указания на то, кто именно обратился к нему. Некоторые исследователи считают возможным относить обращение к Моисею за счет самого компилятора, что не представляется верным. При перечислении

[13] *Zacharias Rhetor*, VI, 7; *Ahrens—Krüger*. S. 99; Brooks, Engl. P. 146.
[14] *Zacharias Rhetor*, III, 1; III, 5; *Ahrens—Krüger*. S. 1.
[15] *Zacharias Rhetor*, III, 1; *Ahrens—Krüger*. S. 99.
[16] *Райт В.* Краткий очерк сирийской литературы / Под ред. акад. П. К. Коковцова. СПб., 1902. С. 78.

глав он пишет: «Четвертая глава, письмо с просьбой о переводе греческой книги Асиат, найденной в библиотеке дома Бероа, епископов из города Решайна».[17] И дальше: «Глава четвертая. Просьба относительно рассказа об Асиат и Иосифе, письмо об этом к Моисею Аггельскому».[18] Поскольку автор письма не указан, нет основания считать, что оно исходит от составителя всей компиляции. Первый стремился проникать в разные библиотеки и книгохранилища, чтобы доставать книги.

«В библиотеке достопамятных епископов, нарекаемых из рода Бет-Бероа из города Решайна, вместе с одним юношей, близким их роду, по имени Марабда, который был мне люб в Господе и благодаря общению с детства был мне близок, я нашел одну маленькую книжку, очень древнюю, называемую „Асиат", написанную по-гречески. Я прочел только ее историю, а теорию я не понял, и потому, что этот язык мне труден и чужд, я послал ее тебе, чтобы ты перевел мне ее на сирийский». Едва ли автор перевода Захарии Митиленского мог жаловаться на то, что греческий язык ему «чужд» и «труден», так как он прекрасно разобрался в греческом тексте в ряде сложных случаев. Вероятно, автор послания был ему неизвестен и он не смог его назвать.

Возможно, что компилятор был знаком с библиотекой, о которой он упоминает, и что он сам нашел в ней и использовал и другие материалы.

Сирийский псевдо-Захария располагает точными сведениями и о другой библиотеке известного Мары Амидского. Мара занимал одновременно положение эгемона и управляющего церковными имуществами. Он владел греческим языком и получил систематическое образование в одной из лучших сирийских школ (при монастыре апостола Фомы). Поставленный епископом, он удержался недолго, был изгнан в Петру, а из Петры в Александрию. В этом центре образованности, куда сирийцы приезжали учиться греческой философии и медицине, он оставался в течение некоторого времени. Там он «оставил библиотеку» из многих «удивительных» книг. Они были перевезены в сокровищницу амидской церкви «после смерти этого мужа».[19] Дата смерти Мары 527 г. н. э.

Амидской библиотекой и архивом города автор хроники пользовался, об этом еще будет речь ниже. Что касается пролога Мары, который он приводит по-сирийски,[20] то А. Баумштарк высказал соображение, что древний пролог на грече-

[17] *Zacharias Rhetor*, I, 1.
[18] *Zacharias Rhetor*, I, 3.
[19] *Zacharias Rhetor*, VIII, 5; *Ahrens—Krüger*. S. 155.
[20] *Zacharias Rhetor*, VIII, 7.

ском языке только находился в библиотеке Мары и был переведен автором хроники на сирийский.[21] В заслугу автору следует поставить то, что он сохранил письмо Симеона Бетаршамского о химьяритах. Оно представляет выдающийся интерес с точки зрения сведений о небольших арабских государственных единицах до образования халифата.[22] Свежий и живой локальный материал автор позаимствовал из Амидского архива. Он был, по-видимому, уроженцем этого города и иные сведения собрал из устного предания. Списки епископов, помещенные им в различных местах,[23] не связаны с греческой историей Захарии Митиленского. Они представляют собою вставки самого сирийского компилятора, внесшего их из другого источника. Последний список упоминает Епифания Константинопольского, «который оканчивает в настоящее время девятый год».[24]

Это указание относится к 529 г. н. э. и встречается в последнем из числа списков. Очевидно, источник заканчивался на этой дате. Предположение, что он представляет собою часть Амидского архива, можно подтвердить тем, что последний, видимо, был использован современником сирийского псевдо-Захарии — Иоанном Эфесским.[25] Помимо этих сведений из специального амидского источника почерпнут живой рассказ об осаде города при Каваде I (кн. 7, гл. 4, 5) и о постройке крепости Дары при Анастасии (кн. 7, гл. 6); всего вероятнее, что это все тот же архив города, в котором такого рода материалы могли сохраняться. Автор, писавший в 50-х и 60-х годах VI в., конечно, знал людей, которые были очевидцами голода и войн начала столетия, и многое почерпнул из устных рассказов.

Специальный летописный источник использован им для некоторых хронологических исчислений, например длительности царствования Феодосия. Он и ссылается на него, говоря: «Как сообщает хроника».[26] Возможно предположение, что и эта хроника связана с тем же Амидским архивом.

Важно выяснить вопрос о зависимости, существующей между псевдо-Захарией и Иоанном Эфесским. Первый закончил свое сочинение в 569 г., так как последний упоминаемый им год 880 селевкидской эры.[27] Второй возвращался по нескольку раз к различным частям своей истории и, несомненно, мог использовать псевдо-Захарию. Обратная зависимость псевдо-Захарии от Иоанна Эфесского невозможна.[28] Можно указать на такой пример: помещая письмо Симеона Бетаршамского о химьяритах, Иоанн Эфесский присоединил к нему ряд дополнительных сведений, которые он почерпнул у Малалы (т. е. Иоанна Антиохийского). Если бы Захария заимствовал свой материал у Иоанна Эфесского, он, несомненно, воспользовался бы этим материалом. Между тем он этого не сделал, и, следовательно, справедливо лишь обратное положение, что Иоанн использовал труд псевдо-Захарии. К тем же выводам приводит сравнение епископских списков, о которых речь уже была выше. Текст этих списков, сохранившихся у Дионисия Телльмахрского, переписавшего Иоанна Эфесского, носит вторичный характер, так как в правописании имен преимущество всякий раз находится на стороне псевдо-Захарии.[29] Расхождение, имеющееся в сведениях Иоанна Эфесского и псевдо-Захарии относительно событий 20-х годов VI в., объясняется тем, что они были в своей юности современниками этих событий, с одной стороны; с другой стороны, каждый из них мог располагать устным преданием. Рассказы носили черты своеобразия, которое сохранилось в изложении историков.

В отношении Иешу Стилита следует указать, что некоторые сведения Захарии могли быть почерпнуты из его хроники. Таково сообщение о землетрясении и голоде во времена Анастасия (кн. 7, гл. 2), о войнах Пероза (кн. 7, гл. 3); отдельные эпизоды из похода Кавада на византийские провинции. В основном для последних событий он, однако, использовал архив города Амида (кн. 7, гл. 4—5). Псевдо-Захария сирийский, после греческого Захарии, не имел какого-либо единого источника, которому бы он мог следовать или последовательно его излагать. С книги VII сирийская хроника носит черты своеобразного построения и привлечения автором различных источников. Для настоящего исследования существенно то, что он уделил место событиям исторического характера и собрал свежий локальный материал. Его сведения дают возможность путем детального анализа выяснить вопросы социального порядка; такова классовая терминология, которой он располагает. К числу достоинств автора следует отнести его стремление к краткости, которое у писателя-сирийца представляет редкое достоинство. Его чутье в выборе и сообщении материалов и

[21] *Baumstark A.* Geschichte der syrichen Literatur. Bonn, 1922. S. 188.
[22] *Zacharias Rhetor*, VIII, 3.
[23] *Ahrens—Krüger*. S. XXXII; *Zacharias Rhetor*, III, 12.
[24] *Zacharias Rhetor*, VIII, 6.
[25] *Ahrens—Krüger*. S. XL, XXXIV.
[26] *Zacharias Rhetor*, II, 5.
[27] *Zacharias Rhetor*, I, 1.

[28] *Ahrens—Krüger*. S. XLI—XLIV; *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908. С. 244—246.
[29] *Дьяконов А. П.* Иоанн Эфесский...; *Ahrens—Krüger*. S. XXXVII—XXXIX, XLI—XLIV.

документов также следует отметить как положительную черту. Он владеет литературным сирийским языком, который выгодно отличается от тяжелого, вычурного, эллинизированного языка Иоанна Эфесского. Конечно, и у псевдо-Захарии встречается много греческих слов в сирийской транскрипции, особенно в тех частях, где он переводил византийские источники, но он этим не злоупотребляет и не доставляет затруднений читателю.

Для его характеристики как писателя лучше всего привести его собственные слова: «Мы уверены, что читатели или слушатели не будут гневаться на то, что мы не называем царей славными и мужественными, военачальников (стратегов) сильными и потрясающими, епископов святыми и блаженными, монахов целомудренными и достопочтенными, потому что мы озабочены тем, чтобы писать о событиях...».[30] Излагая события, он следует авторитетным для него в этом отношении книгам. У него прежде всего нет желания быть льстивым, он стремится к независимости и свободе мнения и действительно сохраняет их. В его задачу отнюдь не входит «прославлять и возвеличивать начальствующих лестью». Более того, он не желает «поносить или унижать осуждением инаковерующих, как мы это положили себе, если только в книгах и в письмах, которые мы намереваемся переводить, мы не встретим чего-либо подобного».[31] Этому обещанию он остается верен, например, в положительной характеристике Асклепия, епископа Эдессы, хотя и принадлежавшего к несторианской, враждебной ему группировке. Он говорит о нем, что он «любил крестьян и был с ними смиренен».[32]

Спокойный эпический тон, стремление к объективности делают его труд ценным для историка. Содержательность, большое количество документов, сохраненных им, живые и правдивые рассказы делают эту сирийскую хронику выдающимся источником для ряда исторических моментов на Ближнем Востоке.

Иоанн Эфесский

Среди сирийских источников VI в. исторические сочинения Иоанна Эфесского занимают видное положение. Большое значение имеет то обстоятельство, что биография и личные взгляды автора хорошо известны, и для историка вносить необходимый корректив в его сообщения не представляет особых затруднений. На русском языке превосходную монографию Иоанну Эфесскому посвятил проф. А. П. Дьяконов.[33]

[30] *Zacharias Rhetor*, I, 1; *Ahrens—Krüger*. S. 5.
[31] *Zacharias Rhetor*, I, 1.
[32] *Zacharias Rhetor*, VIII, 4; *Ahrens—Krüger*. S. 153.

Иоанн родился около 507 г. в области, тяготевшей к городу Амиду. В древности Амидская область носила название Бет-Аггелайе, по старинной крепости Аггел, расположенной на север от Амида. В административном делении Византии провинция Месопотамия с центром Амидом входила в состав префектуры Востока.[34] Через область пролегал ряд дорог, которые скрещивались в областном центре; они соединяли Иран с Византией и Арменией. Сказочные богатства, сосредоточенные в Амиде, делали его предметом завоевательных планов Сасанидов, но неприступные стены из черного базальта, утвердившие за городом впоследствии название Диарбекира, оберегали его с успехом. Впрочем, в 503 г. Кавад сумел овладеть им и вывезти из него огромное количество золота, серебра, драгоценностей, дорогих одежд и всякой добычи.

Детские годы Иоанна с четырехлетнего возраста прошли в монастыре, куда он был отдан родителями. Здесь он обучился грамоте и прошел несложный курс trivium'a сирийской школы. В 529 г. в монастыре Иоанна Ортайского он получил звание младшего клирика. К тому времени он был хорошо грамотным, как он сообщает о себе и других 70 кандидатах, посланных к Иоанну Телльскому: «Мы правильно писали и читали».[35] Вскоре после этого Иоанн начал путешествовать, переходить с места на место. Он побывал в Сирии, в Египте, в Александрии, пробыл некоторое время в Константинополе, где нашел возможность познакомиться с Юстинианом. Принадлежность Иоанна к монофизитской клерикальной партии определила всю его жизнь и деятельность; он разделил ее успехи и неудачи. Когда другая клерикальная партия сумела установить свое влияние при дворе и монофизитов стали преследовать, то в 537 г. Иоанн оказался в числе гонимых. Однако едва отношение к монофизитам несколько смягчилось, как Иоанн нашел возможным несколько раз возвращаться в столицу. Он постоянно передвигался, посещая города и селения, в 541 г. он был в Александрии и в Палестине. Это был год жестокой чумной

[33] *Дьяконов А. П.* Иоанн Эфесский...
[34] Notitia dignitatum / Ed. O. Seeck. Berolini, 1876. S. 77.
[35] *Ioannes Ephesius*. De beatis orientalibus // *Land J. P.* Anecdota syriaca. Lugduni Batavorum. 1862. T. 2. P. 173, 174; *John of Ephesus*. Lives of the Eastern Saints / Syriac texts edited and translated by E. W. Brooks. Paris. 1923—1925. T. 18. P. 521 (PO. T. 17—19) (далее: *John of Ephesus*. Lives).

эпидемии, о которой говорят все современники.[36] Иоанн рассказал об ужасах страшной болезни, которая выкашивала целые провинции. Он путешествовал осенью, когда наступало время жатвы, а поля и виноградники стояли неубранными.[37] Сообщения его относятся и к тому времени, когда жуткая гостья подкрадывалась к самой столице. Под угрозой чумы Иоанн продвигался из Палестины в Месопотамию, а когда и сюда пришла чума, он двинулся в Малую Азию и обошел Киликию, Мизию, Сирию, Иконию, Вифинию, Азию, Галатию, Каппадокию. В этих областях, следовательно, Иоанн побывал до того, как пришел туда в качестве посланного императором миссионера.

Благодаря путешествиям Иоанн приобрел широкий кругозор, перевидал много городов и людей и приобрел ту осведомленность, которая поражает в его трудах.

В 542 г. Юстиниан назначил Иоанна в Малую Азию миссионером, для того чтобы искоренить там остатки язычества. Обращение в христианство предписывалось законодательством, как это изложено в кодексе Юстиниана.[38] В качестве чисто политической меры массовое и насильственное обращение в христианство было продиктовано всей системой политики Византии. Иоанн действовал в Азии, Карии, Лидии и Фригии, как он сам об этом сообщает,[39] датируя свою миссию началом 853 г. эры Селевкидов, т. е. 541/2 гг. н. э. У Михаила Сирийца эта дата падает на 15-й год правления Юстиниана. Вероятно, у Иоанна были обе даты, из которых первую, по эре Селевкидов, сохранил псевдо-Дионисий, вторую — Михаил Сириец, так как «История» Иоанна была источником обоих.

Христианизация носила чисто механический характер. За короткий срок «70 000 душ» были обращены «от заблуждений язычества». В виде поощрения миссии «на расходы и крещальные одежды победоносный (Юстиниан) дал щедро и имел заботу о том, чтобы каждый из них (из обращенных) получил по

[36] *Theophanus.* Chronographia / Recensuit C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. I. P. 222 (далее: *Theophanus*); Procopii Caesariensis opera omnia / Recog. I. Haury. Lipsiae, 1905—1908. Vol. 1—3 (далее: *Procopius.* De bello persico; *Procopius.* De bello gothico; *Procopius.* De bello vandalico). *Procopius.* De bello persico, II; *Evagrius Scholasticus.* The Ecclesiastical History of Evagrius with Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898 (далее: *Evagrius*). *Evagrius*, I, 4, 19.

[37] *Ioannes Ephesius.* De beatis orientalibus. P. 222, 304, 311, 325.

[38] Corpus iuris civilis / Ed. P. Krüger. Berolini, 1895. Vol. 2. S. 64.

[39] *Nau F.* Analyse de la seconde partie inédite de l'histoire ecclesiastique, de Jean d'Asie // ROCh. Paris, 1897. T. 2. P. 480 (далее: *Nau*); Chronicon pseudo-Dionysianum vulgo dictum / Ed. J. Chabot. Parisiis, 1933. II, 76 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 2) (далее: Chronicon ps.-Dionysianum).

тримисиону».[40] Тех, кого такие блага не прельщали, можно было припугнуть императорским приказом, о котором недвусмысленно говорит Малала.[41] Свидетельство последнего прекрасно сочетается с изданным Юстинианом законом, о котором упомянуто выше.

Совершенно очевидно, что Иоанн выполнял государственное задание как один из чиновников сложной бюрократической системы Византии. Клирики высших чинов были послушным орудием в руках императора. Насильственная христианизация должна была закрепить за Византией отдельные провинции и племена — это было одним из способов упрочения власти Константинополя. В сущности миссия сводилась к разрушению языческих храмов и постройке на тех же местах христианских. Изучению и проповеди уделялось мало места, но и при таком чисто механическом подходе обращение 70 000 человек могло быть итогом только нескольких лет деятельности. Номинально Иоанн оставался в провинции Азии до 571 г. (с 542 г.) и продолжал начатое им «дело». Фактически он подолгу оставался проживать в столице, принимая самое живое участие в борьбе клерикально-политических партий и в дворцовых интригах. Когда он бывал в провинции, то жил в городе Тралле, откуда действовал во всех областях, расположенных вокруг. В Азии, Карии, Фригии и Лидии им было построено 99 церквей и 12 монастырей.[42] Средства на это он получал из государственной казны. Кроме того, из столицы посылались сосуды, одежды и прочее.

Борьба велась не только с язычеством; попутно миссия искореняла и все другие «ереси». Семь иудейских синагог были обращены в церкви.[43] Но особенно свои способности инквизитора Иоанн развернул в инциденте с монтанистами.

Во Фригии город Пепуза являлся средоточием монтанистов. Здесь находилась синагога — кенасса, в которой сберегались кости Монтана и его многочисленных жен, бывшие предметом поклонения его последователей. Еще до того, как Иоанн начал свою миссию в Малой Азии, при императоре Юстине I был отдан приказ уничтожить эти кости. Однако монтанисты подкупили епископа, кости были заменены другими, которые

[40] Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche / Ed. J. Chabot. Paris, 1899—1924. T. 1—3. IX, 33 (далее: Chronique de Michel le Syrien).

[41] *Ioannes Malalas.* Chronographia / Ex recensione L. Dindorfii. Bonnae, 1831. P. 449 (далее: *Ioannes Malalas*).

[42] *Ioannes Ephesinus.* Historia ecclesiastica pars tertia / Ed. E. W. Brooks. Parisiis, 1935. III, 2, 44. (CSCO, Scriptores syri. Series tertia. T. 3) (далее: *Ioannes Ephesinus.* — Brooks).

[43] *Ioannes Ephesius.* De beatis orientalibus. P. 244; *John of Ephesus.* Lives. P. 681.

и были сожжены. Но Иоанн сумел добиться своего, он разыскал кости Монтана, сжег их и распорядился так же с их синагогой и книгами.[44] О последней потере приходится пожалеть историкам.

Деятельность Иоанна в качестве инквизитора продолжалась в течение всей его жизни. В 19-м году царствования Юстиниана, т. е. в 545/6 г., в Константинополе был возбужден ряд процессов против язычников. В качестве противника классического образования в 529 г. Юстиниан приказал закрыть Афинскую академию, где преподавали новоплатоники. А через 15 лет «в столице нашли людей известных и знатных, с прочими грамматиками, софистами, схоластиками и врачами». Всех этих людей схватили и одного за другим под пытками принудили признаться в том, что они язычники.[45] Хотя Иоанн и уверяет, что всех этих людей посылали в церковь обучаться христианской вере, но сам же он говорит о том, что их сажали в тюрьму, избивали, пытали, несмотря на то что среди них были патрикии и знатные люди. Один факт подчеркивает всю жестокость преследований. Именитый Фока был богат и, следовательно, мог бы откупиться или дать взятку, так как в Византии можно было купить все; однако Фока предпочел умереть от яда, который он принял ночью, чем быть схваченным инквизицией. Но Юстиниан надругался над ним и после смерти, приказав устроить ему похороны осла и закопать его «как мертвую скотину».[46] Замечательно, что Прокопий Кесарийский дает положительный отзыв об этом Фоке как о единственном префекте претория, который не крал.[47]

Подоплекой этих процессов были глубокие противоречия, которые возникли как следствие властной автократической политики Юстиниана и чрезмерного усиления отдельных представителей светской и клерикальной знати.

Для того чтобы быть обвиненным в язычестве, было достаточно иметь склонность к классическому образованию и наукам, а пытки довершали остальное в судопроизводстве инквизиции. В 35 г. Юстиниана, соответствующем 562/3 г. н. э., в Константинополе имел место еще один процесс. Рассказ о нем сохранился только у Михаила Сирийца,[48] несомненно почерпнувшего его в «Истории» Иоанна. Речь идет о пяти жрецах, которых привезли из Афин, Антиохии и Баальбека-Гелиополиса, города во Фригии. С ними были доставлены отнятые у них «идолы» и книги. Последние в количестве свыше 2000 были сожжены. Что в этом процессе ведущая роль принадлежала Иоанну, не подлежит сомнению, так как хроника говорит, что именно он сжег эти книги и уничтожил статуи. У византийских историков рассказа о процессе 562 г. не сохранилось.

[44] Cambridge medieval history. Cambridge, 1913. T. 2. P. 44.
[45] *Nau*. P. 479; Chronicon ps.-Dionysianum, II, 76.
[46] *Nau*. P. 479, 480; Chronicon ps.-Dionysianum, II, 76, 77.
[47] Procopii Anecdota, 21, 6 / Ed. M. N. Krascheninnikov. Iuriev, 1899. P. 96.
[48] Chronique de Michel le Syrien, IX, 33.

Иоанна Эфесского нельзя назвать невежественным человеком, но его отношение к античному знанию несомненно отрицательное. Ослепленный своим рвением, он все называл язычеством. Уничтоженные статуи и книги были произведениями эллинского искусства, которые он предал аутодафе как фанатик, не способный видеть в античном искусстве и науке ничего, кроме язычества. Об участии Иоанна в процессах 580 г. н. э. известно из сохранившейся третьей части его «Истории».[49] Он сообщает, что в язычестве обвиняли Григория, патриарха Антиохийского, и Евлогия, патриарха Александрийского. Они обвинялись в том, что ночью в Дафне принесли в жертву мальчика. В Антиохии главным жрецом будто был некий Руфин. Он отправился гостить в Эдессу к Анатолию, который был там антиепархом и имел звание архонта. Высокое положение Анатолия говорит о том, что и гость его Руфин был знатным человеком. Когда дом, где находился Руфин, был окружен со всех сторон и он понял, что не может спастись бегством, он заколол себя. На Анатолия как на язычника показали под жестокими пытками старики — мужчина и женщина, найденные у трупа Руфина.[50] Можно привести еще ряд фактов, подтверждающих участие Иоанна в процессах 579/80 г., о которых он так подробно сообщает, но в этом нет надобности. Благодаря вмешательству арабского царя Мундара бар Харита, поддержавшего клерикальную монофизитскую партию, именно в эти годы Иоанн получил возможность возвратиться из ссылки.

Считаясь епископом Азии, Иоанн управлял крупной епархией и в качестве такового имел в своем распоряжении большие средства и земли. Человек властный, он всячески стремился все захватить в свои руки и упрочить свое влияние. Он пользовался им в такой степени, что ему подчиняли других епископов. Деятельность клириков высших рангов была в сущности государственной деятельностью, в которой они выпол-

[49] *Ioannes Ephesius*. Historia. III, 3; *Ioannes Ephesinus*. — Brooks. P. 154—167; *Schönfelder J. M.* Die Kirchengeschichte von Johannes von Ephesus Monachis. 1862. Cap. 27—34. S. 121—123.
[50] *Ioannes Ephesius*. Historia, III, 3; *Ioannes Ephesinus*. — Brooks. P. 156; *Payne-Smith R.* The third part of the Ecclesiastical History of John bishop of Ephesus. Oxonii, 1860. P. 211; *Schönfelder J. M.* Die Kirchengeschichte... S. 122.

няли политические задания империи. В этом случае Иоанн не только не составлял исключения, но был послушным орудием в руках византийских владык. Он превосходно умел вести интриги, кровавые развязки которых его не пугали. Чтобы проводить политику своей партии, ему было необходимо влияние при дворе. Его личные связи были обширны, он был хорошо известен и дружествен самым различным людям в столице, начиная с императрицы Феодоры и кончая бродячими клириками из Месопотамии. Характерно, что, управляя епархией, находившейся в Малой Азии, он почти все время проводил в столице, где фактически руководил политикой монофизитов. В этой деятельности были тесно сплетены интересы высших клириков, особенно близкие Иоанну, и местные политические интересы высших классов пограничных областей «востока», стремившиеся оказать давление на столицу. Одним из главных способов воздействия в политике Иоанна были подарки и деньги, которые надо было раздавать «дворцовым людям». Он охотно рассказывает о «благотворительности», которой занималась сирийская колония. В столице были устроены ксенодохии — больницы, они обслуживались братьями и сестрами милосердия, близкими монастырю.[51] Но, конечно, влияние Иоанна и «восточных», представляемых им в Константинополе, держалось не на этом. В своей «Истории» он сохранил рассказ о факте, граничащем с цинизмом, о посещении Григорием епископом Антиохийским столицы. Григорий «приготовил множество золота, серебра, много драгоценных одежд всякого рода и прочих вещей, необходимых для подарков и подношений знатным синклита (=сената)».[52] «Когда он достиг столицы, он насытил (sic!) дарами весь синклит знатных мужчин и женщин и также всех клириков, которые сердились на него».[53] Точно так же поступал и Иоанн Эфесский, который бесконтрольно распоряжался всеми средствами монофизитов. Он раздавал взятки, делал подарки, подношения и таким путем стремился упрочить положение своей партии. Это было тем более возможно, что и церковная казна была в его распоряжении, а после смерти папы Феодосия в 566 г. он, «живя в столице, распоряжался всем имуществом всех обществ верующих и повсюду».[54] Он тут же сообщает, что стал в центре внимания ряда лиц, которые надеялись через него добиться высокого положения и получить звание епископов. По этой причине они старались его одарить и делали ему подношения.[55] На этом примере бюрократическая система отношений Византии и глубочайшая коррупция ее чиновников, светских и клерикальных, раскрывается с особенной отчетливостью.

[51] *Ioannes Ephesius.* De beatis orientalibus. P. 237; *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 76—77; *Schönfelder J. M.* Die Kirchengeschichte... S. 59.

[52] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 5; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 267; *Payne-Smith R.* The third part... P. 225.

[53] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 5; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 267.

Роль Иоанна при дворе, положение и исключительное влияние, которыми он пользовался, имели большое значение для монофизитов. Он превосходно знал все тайные пружины политики и умел соответственно на них воздействовать. Но сепаратизм и нетерпимость монофизитов привели к их неизбежному падению. С 571 г. для них наступили черные дни, вместе с другими в ссылку пошел и Иоанн. С тех пор в течение 15 лет жизнь его прошла в ссылках, тюрьмах, лишениях, и он на себе испытал все те страдания, которым подвергал других.

Потеря монофизитами влияния при дворе не была так связана с отвлеченными философскими спорами, как это обычно указывается. Борьба между клерикальными партиями обусловливалась заинтересованностью в больших земельных угодьях и доходах с монастырей, которыми пользовались епископы. Новые клирики, пришедшие к власти, требовали передачи им конфискованного у их предшественников имущества. С другой стороны, и императоры Византии задолго до решительных мероприятий иконоборцев стремились сократить все возраставшее количество земельной собственности у клириков. Светской власти надо было бороться с угрожающим ростом церковных владений. Когда Иоанн был заключен в тюрьму, с него потребовали «дарственную» и другие бумаги, связанные с недвижимостью, принадлежавшей ему как епископу.[56] От него было все отнято, но нельзя сказать, чтобы он спокойно принимал невзгоды. Когда к нему в темницу пришли посланные от императора и патриарха, он встретил их хулами, проклятиями, бранью, которые сам отказывался повторять письменно. Его нетерпимый, вспыльчивый, грубый нрав сказался здесь вполне.[57]

Какова была тюрьма в Византии, можно судить по живому описанию Иоанна. Он сам посылал на эти мучения других, а

[54] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 5; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 253; *Schönfelder J. M.* Die Kirchengeschichte... S. 197.

[55] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 5; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 253.

[56] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 107.

[57] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 58.

затем был сам же осужден их терпеть. Совершенно один, лишенный возможности видеть и говорить с близкими людьми, он к тому же заболел подагрой, которая доставляла ему такие страдания, что он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой.[58] В это время особенно мучительны для него были насекомые — мошки, комары, мухи; кроме того, блохи и клопы кусали его днем и ночью, так что все лицо его распухло. Его каморку посещали и улитки, а мыши устроили себе гнездо в его изголовье.[59] Тело его покрылось язвами, воспалилось, и он испытывал жестокие боли. В «Истории» он упоминает обо всем этом кратко, подробно он писал об этом и в многочисленных письмах, которые он адресовал разным лицам.[60] Письма его до нас не дошли. Доведенный до крайности, он обратился к собранию «восточных» клириков с посланием, заключавшим его раскаяние, так как только такой смысл могут иметь его слова.[61]

Иоанн сам подсчитал годы, которые он провел в изгнании. Двенадцать месяцев и девять дней он провел в тяжком заключении. По специальному распоряжению его врага Иоанна Сирмийского его перевезли из больницы на морской остров. Здесь «он был заключен с большой суровостью», так как был отдан приказ, чтобы никто из его знакомых, известных ему людей, не оставался с ним, чтобы с ним «никто не говорил».[62] На острове Иоанн оставался двадцать восемь месяцев. По распоряжению императора Тиверия он был перевезен оттуда в город (Р. Пейн-Смит считает, что это столица), где в течение трех лет жил под стражей. Его освободила только смерть Иоанна Сирмийского.

В общей сложности Иоанн провел в заключении около шести с половиною лет. В том числе дважды его заключали в епископском дворце.[63]

Таким образом, Иоанн в своей жизни занимал высокое положение при дворе, был вершителем судеб многих людей, но и сам испытал ее превратности — ссылку, тюрьму, болезни. Биография его интересна сама по себе, потому что она дает яркую картину современной ему жизни, протекавшей как в высших, так и в низших слоях социальной иерархии. Своим влиянием он пользовался, чтобы упрочить положение друзей и преследовать врагов. Но едва влияние при дворе перешло в руки другой клерикальной партии, как гонитель оказался в положении гонимого.

[58] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 58.
[59] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 59—60.
[60] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 65.
[61] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 61.
[62] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 65.
[63] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 65.

Иоанн умер в темнице в 586 г.; последняя дата, поставленная им в «Истории», — 896 г. Селевкидов, т. е. 585 г. н. э.

В биографии Иоанна как будто нет места для систематической, углубленной работы, для чтения и писания. Однако литературное наследство, оставленное Иоанном, обширно, особенно если принять во внимание и те его работы, которые до нас не дошли. В трудах его видна хорошая осведомленность относительно событий, современником которых он был. Во время своих многочисленных путешествий он много видал и слыхал и вполне ориентировался в жизни азиатских провинций Византии. Он хорошо знал и столицу, бывал при дворе — и не только на парадных приемах, но и с черного хода. Он и сам иногда бывал в центре тех или иных событий.

Греческим языком Иоанн владел совершенно свободно. Более того, свой родной сирийский язык, на котором он писал, он уснастил огромным количеством греческих слов и выражений. Эта особенность затрудняет чтение его текста и отнюдь не служит украшением стиля. Объясняется она тем, что Иоанн не только хорошо знал и говорил по-гречески, но в ряде случаев он думал греческими терминами, не трудясь их заменять, а в иных случаях и не располагая сирийскими эквивалентами. В историографии — как греческой, так и сирийской — он был начитан.

Из ряда сочинений, принадлежащих Иоанну, «История» представляет наибольший интерес. Как книга, носящая его имя, до нас дошла только третья часть этого сочинения. Она сохранилась в пергаментной рукописи Британского музея № 14640, оконченной писцом, по имени Сергуна, в месяце адаре 999 г. по греческому счислению, т. е. в марте 688 г. н. э. Так как смерть Иоанна падает на 586 г., то только одно столетие отделяет копию от авторского экземпляра. Рукопись дефектна, не все ее листы целы; часть из них была доставлена лишь позже из того же сирийского монастыря Скитской пустыни, где был найден и самый кодекс в 1843 г.

Предшествующие — первая и вторая — части его книги не сохранились как самостоятельное произведение. Но для хроники Дионисия Тельмахрского VIII в. одним из основных источников были эти части «Истории» Иоанна Эфесского.[64]

[64] *Nau F.* Étude sur les parties inédites de la chronique ecclésiastique attribuée á Denys de Tellmahré // ROCh. 1897. T. 2. P. 48—53 (далее: *Nau.* Étude); *Haase F.* Untersuchungen zur Chronik des Pseudo-Dionysios von Tell-Mahrê // OCh. 1916. Bd 6. Hf. 1. S. 65—90; Bd 6. Hf. 2. S. 242—270.

Благодаря тому, что отдельные фрагменты второй части сохранились и были опубликованы,[65] удалось установить, что она вошла и в состав большой, сохранившейся до нашего времени хроники Михаила Сирийца.[66] По словам последнего, «История» Иоанна начиналась со времен Константина, т. е. с IV в. н. э.[67] Но сам Иоанн говорит, что он начал свою «Историю» со времен Юлия Цезаря. Для первой части он широко пользовался Евсевием Кесарийским, который был переведен на сирийский не позже середины V в. Хранящаяся в Публичной библиотеке Ленинграда сирийская рукопись Евсевия датирована 464 г.[68] Иоанн мог быть только компилятором для этой отдаленной эпохи, и понятно, что эта часть его «Истории» не пользовалась популярностью и была легко забыта. Здесь следует отметить, что Евсевий начинает свое повествование с эпохи Августа, со времени Юлия Цезаря начиналось антиохийское летосчисление. В своем труде Иоанн опирался на анналы, которые велись в Антиохии и были использованы Иоанном Антиохийским, служившим Иоанну Эфесскому источником для его исторических трудов.[69] Первая часть «Истории» Иоанна не сохранилась. Из второй, заканчивавшейся на 573/4 г., сохранился ряд фрагментов у псевдо-Дионисия Телльмахрского и у того же Михаила Сирийца, так что содержание второй части может быть восстановлено с относительной вероятностью.

Упомянутая хроника с именем Дионисия Телльмахрского издана. Она отнюдь не принадлежит яковитскому патриарху, умершему 22 августа 845 г., которому ее приписывают.[70] Фрагменты, сохранившиеся от подлинного сочинения Дионисия, по содержанию не совпадают с хроникой псевдо-Дионисия в тех параллельных местах, когда сличение может быть сделано. Сочинение, которому присвоено имя Дионисия Телльмахрского, на деле написано анонимным клириком из Амида, называвшим Зукнинский монастырь «своим». Примитивный и малоспособный компилятор, первую часть хроники он почти дословно переписал у Евсевия Кесарийского, как и сам на это указал. Непосредственный анализ текста это подтверждает, и поэтому первая часть его компиляции представляет наименьший интерес.[71] Со времен Феодосия он взял в основу Сократа. Псевдо-Дионисий, очевидно, располагал только второй частью «Истории» Иоанна Эфесского, которую он и использовал в своей третьей части. Она заканчивается эпохой Юстина II, на 885 г. селевкидской эры = 573/4 г. н. э. Автор утверждает, что после этого года он писал самостоятельно, не имея предшественников. Отсюда следует, что он не знал третьей части труда Иоанна, которая заканчивалась на 585 г. Четвертая часть псевдо-Дионисия продолжена до 158 г. хиджры, т. е. до 774/5 г. н. э.

О второй части своего труда автор говорит, что от Константина до времен Феодосия Младшего он позаимствовал ее у Сократа, а в третьей части от Феодосия до времен царя Юстиниана — у Иоанна Эфесского.[72] Под Юстинианом здесь подразумевается Юстин II, и события излагаются им до 885 г. эры Селевкидов, как выше указано. Последняя, четвертая часть его хроники в переводе издана Ж. Шабо и представляет важный источник для изучения первых полутораста лет после хиджры.[73]

Во вторую часть хроники псевдо-Дионисий включил едва десятую часть «Истории» Сократа, но сделал ряд дополнений в виде нескольких легенд, отдельных фрагментов из Эдесской хроники и др. Для анализа третьей, заимствованной у Иоанна Эфесского книги этот факт имеет большое значение, так как указывает, что компилятор эксцерптировал свои источники. Ф. Но[74] полагал, что Дионисий целиком переписал все у Иоанна Эфесского, но, как убедительно доказал А. П. Дьяконов,[75] эта точка зрения никак не может быть поддержана. Можно только говорить о том, в какой степени была использована «История» Иоанна псевдо-Дионисием, как это стремится сделать и Ф. Хаазе.[76] Псевдо-Дионисий неспособный компилятор, он допустил ряд неточностей; вернее говоря, он механически переписывал свои источники, не исправляя и не согласуя их между собою. Но именно благодаря этому создается возможность обнаруживать в нем все составные части его компиляции. Подобный анализ был бы едва ли возможен, если бы компилятор сглаживал и стремился их согласовать между собою.

[65] *Ioannes Ephesius.* De beatis orientalibus.
[66] Chronique de Michel le Syrien.
[67] Ibid. P. 121a.
[68] *Wright W., McLean W.* The ecclesiastical history of Eusebius in Syriac. Cambridge, 1898.
[69] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 247.
[70] *Haase F.* Untersuchungen zur Chronik... S. 65; *Nau.* Étude.
[71] *Tullberg O. F.* Dionisii Tellmahnarensis Chronica, liber I. Upsaliae, 1850; Eusebii canonum epitome ex Dionysii Tellmaharensis chronico petita / Ad. C. Siegfried und H. Gelzer. Leipzig. 1884.
[72] *Nau.* Étude. P. 42; Chronicon ps.-Dionysianum. P. 145—146.
[73] *Chabot J. B.* La quatriéme partie de la chronique de Denys de Tellmahré. Paris, 1896.
[74] *Nau.* Études. P. 53.
[75] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 202—276, 210.
[76] *Haase F.* Untersuchungen zur Chronik... S. 79.

В отношении хронологии он допустил особенно много неточностей и ошибок. Верные даты псевдо-Дионисия следует отнести за счет Иоанна Эфесского, но их не так много, так как последний ставил их в своей «Истории» не систематически. Летописные источники, использованные псевдо-Дионисием, частью уже утеряны, но, во всяком случае, он пользовался Эдесской хроникой и несколькими летописными источниками, из которых один кончался 868 г. с датами, частью правильными, частью ошибочными (ошибки колеблются от одного до трех, четырех лет), а другой, который он переписывал до конца своей третьей части, имел постоянную хронологическую ошибку на восемь лет, иногда дополнительно возраставшую от прибавления новых ошибок от одного до трех лет. Летописные известия псевдо-Дионисий приписывал к пространным рассказам Иоанна, которые он дополнял этими краткими, снабженными хронологическими данными сообщениями.[77] Таким образом, Иоанн Эфесский лишь частично использован псевдо-Дионисием, который кроме всех вышеуказанных источников переписал еще и хронику Иешу Стилита. Последняя вкраплена у псевдо-Дионисия как одно целое с ее началом и концом. Между тем в дальнейшем у псевдо-Дионисия встречается ряд цитат из этой хроники, сопровождаемых словами: «Как мы выше об этом говорили». Предполагать, что Иоанн Эфесский сначала переписал хронику Иешу Стилита, а затем поместил из нее ряд фрагментов в свою «Историю», нет оснований, зная его манеру писать. Но вполне вероятно, что Иоанн Эфесский знал хронику Иешу Стилита и использовал ее частями, фрагментарно в своей «Истории». Псевдо-Дионисий использовал Иоанна после того, как он целиком переписал Иешу Стилита, поэтому ряд отрывков из последнего попал к нему вторично, так как они заключались в «Истории» Иоанна. За счет компилятора следует отнести и те замечания, которые он делает при повторных известиях, что они уже приведены выше.[78] Косвенно это подтверждается тем, что Михаил Сириец, переписавший Иоанна Эфесского, не знает хроники Иешу Стилита в целом виде, а располагает только краткими выдержками, которые были помещены Иоанном в его «Истории». Предположение, что Иоанн вовсе не знал Иешу Стилита, является, во всяком случае, ошибочным,[79] так как основательный анализ указывает на обратное, на то, что хроника была использована в «Истории».[80]

[77] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 226, 227.
[78] *Haase F.* Untersuchungen zur Chronik... S. 27.
[79] Ibid. S. 26.
[80] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 231, 233.

Существенно выяснить связь между сирийской хроникой псевдо-Захарии Митиленского и «Историей» Иоанна. Первая представляет собою труд, составленный неизвестным амидским клириком не позже 570/71 г. н. э. В основу им был положен перевод с греческого сочинения подлинного Захарии, после утерянного, как то было указано выше. Греческий Захария охватывал период от 450 до 491 г., причем в 490/1 г. автор был сам в Константинополе. В 536 г. он был епископом Митилены, которая в 553 г. представлена уже другим лицом. Писал он до того времени, когда политика Анастасия приняла новые формы, так как его направление было умеренно-монофизитское.[81] Свой труд он скромно назвал σύγγραμμα. В качестве одного из источников Евагрий цитирует его как Захарию Ритора. Сирийский псевдо-Захария Митиленский к своему переводу с греческого добавил различные материалы, из которых наиболее ценными являются почерпнутые из местного Амидского архива материалы. Относительно взаимной зависимости между Захарией Митиленским и Иоанном Эфесским существуют две точки зрения. Соответственно одной, оба автора независимы друг от друга, но оба черпали из общего источника, городского архива Амида.[82] Действительно, с 20-х годов VI в. известия у Иоанна и псевдо-Захарии не имеют тесной связи. Объясняется это прежде всего тем, что они были современниками этих событий и, следовательно, сообщали о них по личным впечатлениям. Клерикальные распри особенно занимали Иоанна, он был их участником, тогда как для Захарии представляли слабый интерес, хотя он и сообщает о них, но сам стоит в стороне от описываемых событий. Однако нельзя считать, как предполагают другие исследователи, что непосредственной зависимости между этими двумя современниками не существует. Прежде всего псевдо-Захария объявляет себя продолжателем предшествующих историков и не знает никого, кто бы собрал этот материал до него.[83] Затем в истории о химьяритских мучениках Иоанн Эфесский заимствовал у Малалы (т. е. у Иоанна Антиохийского) ряд материалов, связанных с этим вопросом, и затем переписал текст мученичества, который он, вероятно, позаимствовал у псевдо-Захарии. Едва ли возможно обратное предположение, а именно: что Захария переписал его у Иоанна, опустив при этом все дополнительные известия, которые у того

[81] *Ahrens—Krüger.* S. XXVIII, XXXI, XXXII.
[82] Ibid. S. XL; *Haase F.* Untersuchungen zur Chronik... S. 83.
[83] *Zacharias Rhetor.* I1, 2i; Engl. Brooks. P. 2—6, 103, 104.

были.[84] Помимо того, в ряде случаев, где есть общие черты у Иоанна и Захарии, следует отметить более исправную орфографию имен собственных у последнего и более исправный текст, несомненно указывающие на его первенство. Так как Иоанн писал свою «Историю» в течение нескольких лет и не раз возвращался к написанному, то и хронологически вполне возможно, что он пользовался сирийским текстом псевдо-Захарии, законченным около 569 г.

Необходимо уделить внимание еще одному источнику Иоанна, так называемому Иоанну Антиохийскому, имеющему ближайшее отношение к Малале. Как в хронике псевдо-Дионисия Тельмахрского, так и у Михаила Сирийца имеются ссылки на Иоанна Антиохийского, текст которого у обоих сохранен сравнительно исправным. Нет сомнения, что Иоанн Антиохийский был источником Иоанна Эфесского, на чем исследователи сходятся.[85] Но из тщательного анализа явствует и другое, то, что Иоанн Антиохийский сам по себе до нас не дошел. Однако он сохранился в греческом тексте Иоанна Малалы, известном по единственной, хранящейся в Оксфорде рукописи. Мало исправный текст как уникум представляет собою выдающуюся ценность. Тем более имеет значение текст второй книги «Истории» Иоанна Эфесского, который воспроизводит основной источник Малалы — Иоанна Антиохийского. В хронике псевдо-Дионисия книга Иоанна Эфесского, а следовательно, содержащийся в ней материал Иоанна Антиохийского, находится в виде крупных отрывков. У Михаила Сирийца вторая книга «Истории» Иоанна разбита на ряд фрагментов.

Малала представляет собою вульгаризированный текст Иоанна Антиохийского. Цитируя последнего, Евагрий называет его Иоанном Ритором. Так как греческое слово «ритор» точно соответствует сирийскому «малала», то можно высказать сомнение — пользовался ли Евагрий Малалой или его источником. Но текст Евагрия говорит, что он заимствован у Иоанна Антиохийского. Поздний греческий текст несомненно сохранил имя автора того источника, который был его основным исходным материалом.

Иоанн Эфесский использовал еще ряд агиологических и легендарных источников. Он много видал и слыхал в своих длинных путешествиях, отсюда у него множество устных рассказов, легенд, поверий, которые он приводит в своей «Истории».

[84] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 245—246.
[85] *Haase F.* Untersuchungen zur Chronik... S. 256; *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 247 и сл.

Третья, сохранившаяся до нашего времени часть его труда имеет лишь незначительные лакуны, содержание которых по оглавлениям может быть восстановлено с относительной точностью. Она охватывает события от 571 до 585 г.

Эта часть составлялась автором около 10 лет. Он записывал как бы свои воспоминания, чтобы оставить их потомкам.[86] Последовательность в изложении и хронология нарушаются им постоянно. Во многих главах он повторяет уже раз сказанное или возвращается к изложенным прежде событиям, чтобы сообщить новые дополнения. Он сам сознает этот свой недостаток, но напоминает своим будущим критикам, что писал в тяжкие годы гонений, нужды и притеснений. Он жалуется на то, что у него не бывало под руками предшествующей части работы, для того чтобы перечитать или сослаться на нее. В ожидании репрессий ему случалось ее прятать, чтобы написанное не было уничтожено. По необходимости ему приходилось отправлять написанное с другими хартиями и книгами в различные места, где рукописи оставались в течение двух или трех лет, так что автор был лишен возможности их перечитывать. Воспоминания вставали у него в памяти, он стремился их заносить, но ему случалось впадать в ошибку, так как потом оказывалось, что они были уже им записаны. А перечесть написанное он не имел возможности, так как тетрадей у него не было.[87] Обо всем этом он сам пространно рассказывает в «Истории», сознавая недостатки своего изложения, но устранить их он все же не смог или не сумел. Этому могли мешать и его старость и болезни, на которые он жалуется.

Отсутствие строгих хронологических рамок, хронологической канвы дало автору полную возможность нарушать последовательность изложения. Порядок и нумерация книг и глав в пределах книги были им установлены после того, как эта часть была им написана. К отдельным главам он возвращался по нескольку раз. Хронологические даты в отдельных главах указывают на то, что более ранние главы были написаны после более поздних. Несомненно однако, что общий план книги и основные главы ее создавались по обдуманному порядку, что они писались последовательно. В этом убеждают и ссылки в тексте на предшествующие части книги. Нарушение хронологии в

[86] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 1, 1; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 4.
[87] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2, 50; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 115—116.

большинстве случаев следует отнести за счет внесенных впоследствии вставок, которые носят более поздние даты.

Первые две книги третьей части были им написаны в течение 577 и 578 гг. Но потом гонения, а позже множество административных, хозяйственных и других забот, связанных с политикой клерикальной партии, к которой он принадлежал, прервали его работу.[88] С 581 г. он вновь принялся за свой труд, закончил его около 585 г. и в следующем году умер.

Более всего Иоанна интересовала церковная история — ekklesiastiku, но тесная связь ее и зависимость от политической жизни государства побудили его касаться ряда событий. В общем, однако, по сравнению с другими историками, его книги не насыщены фактическим материалом, его мало, его приходится вылущивать. Тем не менее известия, данные в его «Истории», заслуживают самого серьезного внимания. Группируя его разнообразный материал, можно наметить вопросы и темы, которых он касается, ограничивая их специальными интересами данного исследования.

Прожив несколько лет в Константинополе, Иоанн сообщает целый ряд фактов относительно столичной жизни, быта дворца, сената (который он называет синклитом), высших чиновников и клириков. Для характеристики социальных отношений, господствовавших в Византии, у Иоанна можно найти отдельные термины, случайно оброненные указания, которые имеют интерес. В связи с тем, что Иоанн в качестве клирика высшего чина имел отношение к монастырскому и церковному землевладению, хозяйству, деньгам и располагал ими по собственному усмотрению, он касается вопросов экономических.

Как все историки и хронисты-сирийцы доарабского периода, Иоанн уделяет большое внимание Ирану. Факты, о которых он сообщает как современник, имеют историческую ценность, но исследователю необходимо делать поправку на византийскую ориентацию и клерикальную тенденцию автора. Эти черты ослепляют его, они становятся препятствием, и он не видит, не хочет видеть многого, о чем мог бы сообщить с большими подробностями.

Об Армении и ее положении между Ираном и Византией Иоанн хорошо осведомлен, причем данные, которыми он располагает, идут из первых рук.

Вопрос об арабских племенах не мог уйти из поля зрения сирийских историографов, так как это были ближайшие соседи родной им области. Но у Иоанна был еще и специальный интерес к истории арабов и Мундара бар Харита — в особенности.[89] В лице своих шейхов и знати арабы — гассаниды были сторонниками клерикальной партии монофизитов, в судьбах которой принимал такое живое участие Иоанн.

[88] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 318—323.

Шестая, последняя книга этой части целиком посвящена внешней политике Византии между 573 и 585 гг. В ней рассеяно много известий об Иране, о тех же арабах, армянах, первоначальные и потому особенно интересные данные об аварах и славянах. В этой части «Истории» напрасно было бы искать письменных источников: автор сообщает о том, к чему сам имел близкое отношение или пользовался устными рассказами хорошо известных ему людей.

«Хотя мы и обещали, — пишет Иоанн, — писать только о том, что мы видели, и о тяжких испытаниях, которым мы были близки и которым мы были причастны в течение всего времени, о котором мы пишем, но теперь нам показалось нужным привести в записи воспоминаний и то, что отнюдь не простыми и не незначительными людьми, в присутствии многих, было рассказано в нашем столичном городе ромеев о том, что случилось в персидских областях».[90] Он, следовательно, имеет в виду устные рассказы, которые кажутся ему заслуживающими доверия, потому что они исходят от людей высокого социального положения. В других частях «Истории» он повторно указывает, что пользовался устными рассказами,[91] и упоминает, например, иранского пленника из Антиохии, который сообщил ряд ценных сведений о политике шаханшаха.[92]

Большой удельный вес нравоучительного элемента у Иоанна Эфесского и тенденциозность затрудняют работу исследователя, которому приходится извлекать факты из множества шелухи. С благодарностью вспоминается Иешу Стилит, отказавшийся «примешивать поучение» к своему изложению, и полные жизни, яркие описания сирийского Захарии Митиленского. На все события у Иоанна свои взгляды, взгляды той клерикальной партии монофизитов, к которой он принадлежал и с точки зрения которой рассматривал все исторические факты. Его пессимистическое мировоззрение и страстный темперамент во многом искажают его отношение и к событиям, и к современникам. Отношение к противникам у него резкое, судит он о них жестоко, с пристрастием, как это мог делать человек, умевший стать «миссионером» и инквизитором. Резкость его

[89] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 40—43, 54—56; VI, 16, 18, 41.
[90] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 2, 18; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 79.
[91] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 6, 23; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 321.
[92] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 6, 19; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 315.

тона порой становится бранчливой и злой; он не стесняясь расписывает всех несогласных с его точкой зрения демоническими чертами. В этом отношении он не выдерживает сравнения со спокойными, полными достоинства характеристиками и общим эпическим колоритом повествования Иешу Стилита и псевдо-Захарии.

Иоанн настойчиво утверждает, что хотя он и принадлежит к монофизитской группировке, но он «соблюдал отмеченное истиной для обеих сторон», т. е. и для диофизитов,[93] излагая добросовестно и их взгляды. Однако это утверждение автора можно принять только с оговорками. Недостатки, о которых была речь выше, отнюдь не свидетельствуют о его полной объективности, которую ему пытаются приписать.[94] Он настойчиво говорит о своей добросовестности и действительно стремился быть справедливым и объективным, но потом он увлекался, страстный темперамент брал верх над всем, и тогда Иоанн начинал ругать своих противников, поносить их действия и целиком отдавался своему безудержному гневу. Он, несомненно, утаил некоторые известные ему факты, как это было уже отмечено.[95] Они были ему неприятны как монофизиту, и он нашел возможным опустить их. Несмотря на все эти недостатки, необходимо отметить в ряде случаев точность и добросовестность автора. Так, всякий раз, когда речь идет о каком-либо факте, он указывает и источник, из которого он его почерпнул. Он различает и выделяет те события, при которых он не присутствовал. Если источник кажется ему сомнительным, он говорит о нем с осторожностью, подчеркивает, что так «говорят».[96] Иногда он щепетильно прибавляет, что не знает в точности, так это или не так.[97] Он, однако, спокойно приводит заведомо ложные россказни, сплетавшиеся его единомышленниками в темных углах. Подобные сообщения требовались ему для того, чтобы выставить в невыгодном свете противников и дискредитировать чуждый ему лагерь в глазах читателей. Стремясь к точности, он отказывается дать цифры, даже приблизительные, например, в затратах Маврикия

[93] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, I, 30; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 40; *Payne-Smith R.* The third part... P. 49.

[94] *Haase F.* Untersuchungen zur Chronik...

[95] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 336.

[96] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 3, 29; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 158; *Schönfelder J. M.* Die Kirchengeschichte... S. 124.

[97] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 6, 26; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 329; *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 6, 5; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 291.

на постройку Арабиссуса, что несомненно могло бы быть интересным.[98]

Немногие подлинные документы, которые привел Иоанн, имеют специфически клерикальный интерес. Он утверждает, что не любит цитировать их вследствие того, что они слишком объемисты, но сам же он расплывается в собственных речах. Тенденция господствует у него над всем, а многословие его направлено в сторону полемики.

Стиль Иоанна представляет много затруднений. Он уснастил свою сирийскую речь греческими выражениями, что далеко не всегда вызывалось необходимостью. У него нет литературного дарования, нет школы. Задолго до него сирийская литература дала превосходные образцы нарративных и эпистолярных, агиологических произведений, с которыми нельзя сравнить его утомительный, нудный способ изложения. Ему не может служить извинением то обстоятельство, что он переводил многое с греческого на сирийский, используя византийские источники. В переводах «Церковной истории» Евсевия Кесарийского и «Истории» Захарии Митиленского ни изящество стиля, ни стройность сирийской речи не пострадали.

Иоанн был проводником взглядов и тенденций определенной клерикальной группы, которая принадлежала к высшему социальному слою если не по рождению, то по своему положению. Если предшественники Иоанна в области сирийской историографии принадлежали к средним слоям населения, то он умел занять среди них выдающееся положение в качестве епископа Эфесского. В его руках были сосредоточены крупные земли, имущество, утварь, деньги. Быть близким к византийскому двору, играть известную роль и завоевать себе положение возможно было только при соответствующей затрате материальных средств, так как в столице все решалось подкупами и подарками. Добившись высокого положения, Иоанн не хотел его уже терять; отсюда следовала его заинтересованность в доходах епископских, получавшихся с земель и угодий, отсюда борьба за имущество и средства, отнятые у опального в момент, когда политическое кормило из рук монофизитов перешло к диофизитам.

Епископ как таковой был не только крупным землевладельцем, располагавшим большими средствами, но он пользовался и политическим влиянием. В столице он представлял целую область с ее городами, распоряжался ее судьбой, вы-

[98] *Ioannes Ephesius.* Historia, III, 5, 22; *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 274; *Payne-Smith R.* The third part... P. 362.

полняя роль государственного чиновника. Это положение определило поведение и всю жизнь Иоанна. Его политические взгляды окрашены его клерикальным направлением; однако византийские императоры — противники монофизитства — подвергаются с его стороны более чем умеренной критике в робких, осторожных выражениях. Элементы раболепства, приниженности, трепета перед автократором и его ближайшими родственниками характерны для автора «Истории». Он усвоил эти черты во время своей жизни в столице, при дворе, в период, когда монофизиты были у власти. Только трагический поворот в его жизни дал ему почувствовать после блеска двора горечь изгнания, физические страдания и лишения; но все пережитое не смягчило его; наоборот, он становится резче, ожесточеннее, и только смерть прервала его страстные и озлобленные жалобы на жизнь.

При всех указанных выше недостатках его труд является, однако, ценным источником для истории Ирана и Византии в VI в.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ И ПРИКАСПИЙСКИЕ ОБЛАСТИ В V—VI вв.

Вопрос о северной и северо-восточной границах Ирана является в сущности вопросом об одном из периодов истории народов СССР.

Сложность этого вопроса заключается в том, что даже самые границы Ирана времени Аршакидов и Сасанидов не могут быть вполне точно установлены. Отдельные его пограничные области находились в сравнительно слабой связи с центральным правительством, легко отпадали и оказывались под властью соседних государств. Постоянная борьба Ирана с кочевым или полукочевым населением на границах, с теми государственными объединениями, которые здесь складывались, является основным фактором его внешней политики, без которого вся история Ирана не может быть понята. Более того, в пределах самого Ирана источники указывают на наличие полукочевого населения. Междоусобия, временное ослабление власти шаханшаха всякий раз являлись поводом для того, чтобы эти группы населения выходили из повиновения центральному правительству.

Государственные образования на границах Ирана, о которых идет речь, в ряде случаев не имели завершенного политического устройства. Разноплеменные и разноязычные группы кочевников объединялись какой-нибудь одной главенствующей

ордой. Если она уступала свои права под давлением новой орды, то входившие в состав ее государства племена частью уходили с побежденными, другая их часть оставалась, подчиняясь новым господам, примыкая к ним. Орда, принадлежавшая к господствующему слою, составлявшая правящий круг, зачастую говорила на другом языке, этнически была совершенно чужда подчиненным ей народам. Отсюда запутанность собственных имен народов, князей, языка, трудность приурочить описание внешности к племени.

На северо-восточной границе Ирана источники знают государство кушан и сменившее их государство эфталитов. В продвижении кушан в области Средней Азии сыграло роль движение орд гуннского племенного союза в I в., о котором сообщают китайские источники. Еще до начала нашей эры Срединной империи приходилось сталкиваться с кочевыми и полукочевыми народами. Постоянные тревоги, опасность нападений вынудили китайское правительство отстроить «Великую стену» со сторожевыми пунктами и крепостями, которая опоясывала культурные земли империи и составляла ее защиту. Китайские анналы в I в. до н. э. знают народ тунг-ху, с племенными объединениями которых Китай приходил в соприкосновение.[99] Когда в 89 г. до н. э. хан народа хиунг-ну обратился к китайскому императору, то это был представитель одного из народов, занимавших издревле центральные пространства Азиатского материка. Следовательно, китайцы делали различие между двумя соседними народами — тунг-ху и хиунг-ну.[100] Тем не менее в течение последующих веков и в войне и в мире произошло скрещение и смешение этих народов. Говорить о расе «гуннов», пробившихся в Европу в IV в., не приходится: это была «смесь народов», этнический конгломерат. Когда во II в. до н. э. гунны, хиунг-ну китайских анналов или Хоῦνοι, упомянутые греческим географом Птолемеем, потянулись через всю Среднюю Азию, то они пришли в соприкосновение с народом, называемым китайцами юечжи. Движение гуннов было вызвано не только победой китайского оружия, но и, как доказал А. Н. Бернштам, социальными сдвигами, изменениями в общественных отношениях в гуннском племенном союзе в I в.[101]

---

[99] *Franke O.* Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Turkvölker und Skythen Zentralasiens. Berlin, 1904. S. 9, 10.

[100] Ibid. S. 11.

[101] *Бернштам А. Н.* Из истории гуннов I в. до н. э. // СВ. 1940. Т. 1. С. 59—60.

Сведения о хунну (гуннах) и юечжи (кушанах) имеются в донесении китайского посла Чжан Кяня, совершившего свое путешествие в Среднюю Азию между 138—115 гг. до н. э.[102] По дороге в области, занятые юечжийцами, Чжан Кянь был задержан хуннами и пробыл у шаньюя около 10 лет.[103] После того он двинулся далее на запад и прошел Давань, Большой Юечжи, Дахя и Кангуй. В Китай он возвратился через 13 лет после начала своего путешествия.[104] Уже из сообщений, непосредственно относимых к Чжан Кяню, очевидно, что хунну напали на юечжийцев и убили их «владетеля».[105] Под давлением гуннов юечжийцы двинулись на земли, занятые народом, известным под именем саков (скифов).

Последние частью покинули свои места, частью остались под властью победителей, продолжавших свой натиск. Родственные дахам саки, собственно скифы, были полукочевым народом, который, переступив Яксарт (Сырдарью), двинулся на области Бактрии и по реке Оксу (Амударье). Парфянский царь, Фраат II, в своей борьбе с Селевкидом, Антиохом Сидетом, призвал на помощь воинственных саков. Антиох был убит, победа осталась за парфянами. Однако последние недостаточно вознаградили своих союзников, которые тотчас перешли в наступление. Завязалась новая война. Фраат пал в борьбе с саками, захватившими обширную область его государства, по их имени получившую название Сакастан, или Систан. Бактрийское царство, созданное при Антиохе III, было попыткой устроить государство, которое могло бы играть заградительную роль и удерживать саков от новых нападений. В дальнейшем общие усилия парфян и греков были направлены на то, чтобы отбросить кочевников и парализовать их наступления.[106]

Историки эпохи эллинизма[107] утверждают, что в области Ходжента Яксарт отделял саков от согдийцев, далее же саки жили и на юг и на север от Яксарта. В южном направлении от этой же реки находились дахи, массагеты и сакарауки. Из долины Яксарта (Сырдарьи) дахи переселились к Каспию, несколько севернее Гиркании, где они продолжали вести полукочевой образ жизни. В середине III в. до н. э. из них была организована гиркано-парфянская сатрапия (парни, Parnoi). Сакарауки занимали область на юг от Яксарта и области Ходжента и на запад от Окса (Амударьи). Птолемей знает сакарауков и в нижнем течении обеих названных рек.[108] Что касается массагетов, имя которых предположительно может означать «великая орда саков», то они господствовали от Каспийских степей до Карпат. На востоке их пределом было устье Яксарта, а на севере Каспия их ограничивали жившие там аорси (Aorsi).[109]

Таковы общие сведения о саках, с которыми пришлось столкнуться юечжийцам, получившим второе наименование кушан, под которым они известны сирийским и армянским историкам. Нельзя не отметить существенного критического указания, сделанного В. Тарном, что Бактрия (Ta-hia) изменила свою физиономию между 326 и 128 гг. до н. э. В 326 г., во время похода Александра, не было речи о крепостях, укреплениях и городах, которые нашел китайский посол во время своего путешествия после 128 г.[110] В. Тарн высказал предположение, что это были греческие военные колонии, которые должны были задерживать и препятствовать движению массагетов. Впрочем, в этих крепостях и городах Чжан Кянь видит иранцев и иранизованное население, как в Бактрии (Ta-hia), так и в Фергане (Ta-yuan).[111] Стеной в 187 миль длины был обнесен и оазис Мерва.[112] По-видимому, огорожены и обнесены стенами были не только города, но и деревни, вынужденные оказывать сопротивление кочевникам до той минуты, когда на выручку приходили войска сатрапа. Это способствовало объединению людей, их совместной жизни и, может быть, допускало даже ношение оружия рабами. Однако следует осторожно отнестись к тенденции «селевкидских государей поднять положение рабов» (to raise the status of servs), несомненно, преувеличенное В. Тарном.[113]

Из донесения Чжан Кяня о Давани явствует, что это государство расположено на запад от гуннов за 10 000 ли от китайской столицы.[114] Его жители ведут оседлый образ жизни, засевают рис и пшеницу, занимаются земледелием вообще. «В

[102] *Henning R.* Terrae incognitae. Eine Zusammenstellung und kritische Bewertung der wichtigsten vorkolumbischen Entdeckungsreisen an Hand der darüber vorliegenden Originalberichte. Leiden, 1936. Bd 1. S. 200—218 (далее: *Henning.* Terrae incognitae).

[103] *Бичурин И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. Ч. 3. С. 1, 2.

[104] Там же. С. 4.

[105] Там же. С. 1.

[106] *Wesendonk O. G.* Kušan. S. 336.

[107] Strabo. XI. 514. 517 (на основании Эратосфена).

[108] *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938. P. 80.

[109] Ibid. P. 81; *Hermann.* Massagetai // PE. 1930. Bd 142, 28. Col. 2127—2130.

[110] *Tarn W. W.* The Greeks... P. 118, 299.

[111] Ibid. P. 121.

[112] Ibid. P. 117.

[113] Ibid. P. 121, 122.

[114] *Бичурин И.* Собрание сведений... Ч. 3. С. 4.

Давани находится до 70 больших и малых городов».[115] На запад от Даванского государства находится Большой Юечжи, более подробная характеристика которого дается в извлечениях из «Истории старшего дома Хань», где сообщено, что «Большой Юечжи собственно есть кочевое государство. Жители со своим скотом переходят с места на место; в обыкновениях сходствуют с хуннами».[116] Последние разбили юечжийцев, причем Лоашан-шаньюй сделал из черепа их владыки чашу для питья. После поражения часть побежденных двинулась на запад, прошла область Давань и столкнулась с Дахя.[117] Это сообщение совпадает с приведенными выше данными Чжан Кяня, умершего в 114 г., на донесениях которого основаны, вероятно, и эти сообщения.

Между тем давление на саков со стороны юеджийцев продолжалось. Образованное ими государство кушан отличалось смешанным характером: в нем слились разноплеменные и разноязычные элементы, среди которых можно различать тюркские и скифские. Наводнившие во II в. до н. э. Бактрию и Гандару орды принадлежали к различным народностям, как, несомненно, можно утверждать и о различии языков, на которых они говорили. Отсюда длительные споры о языке тахарском и языке арзи, которые имеют специальный интерес и обширную литературу. Ввиду особенности этого вопроса и отсутствия окончательных и убедительных выводов по нему приходится оставить его в стороне.[118] Настоящее имя кушан было куши, кючи, так как «ана» является лишь прибавкой родительного падежа множественного числа иранских языков, как в других собственных именах.[119] В состав государства кушан входили саки (скифы), тохары, тюрки. Наличие тюркского элемента сказывается, например, в том, что пять князей Кушана носили тюркский титул ябгю.[120] Существование такого количества князей говорит о том, что государство это складывалось из отдельных более мелких объединений племенного характера. Падение греко-бактрийского государства под ударами юечжийцев приходится между 141 и 128 гг. до н. э.

[115] Там же.
[116] Там же. С. 54.
[117] Там же. С. 55.
[118] *Бартольд В. В.* К вопросу о языках согдийском и тохарском. Иран. Л., 1926; *Sieg E.* Ein einheimischer Name für Toxri // SbPAW. 1918. Bd 27. S. 560—565; *Haloun G.* Zur Ue-tsi-Frage // ZDMG. 1937. Bd 91. S. 243—318; *Sieg E.* Und dennoch Tocharisch // SbPAW. 1937. Bd 26. S. 130—139; *Henning W. B.* Argi and the «Tokharians» // BSOAS. 1938. Vol. 9, pars 3. P. 545—571.
[119] *Stäel-Holstein A. von.* Was there a Kusana Race? // JRAS. 1914. N 1. P. 79.
[120] *Wesendonk O. G.* Kušan. S. 274.

141 год — это дата, которую можно найти на монетах Элиокла; 128 год — это уже упоминавшиеся выше сообщения Чжан Кяня.[121] Царь Элиокл покинул Бактрию около 135—136 г. до н. э. Продолжая свое поступательное движение, эти народы пришли в соприкосновение с Парфянским царством, и не случайно греческие источники утверждают, что Арсак Парфянский[122] был данником скифов.[123] В войне с кушанами погибли последние парфянские цари восточных областей. Около 120 г. до н. э. увенчались успехом попытки юечжийцев захватить все пространство между Согдией и Гиндукушем. За Китаем остались только Кашгар и Ярканд. Постепенно исчезают и другие греческие владетели, так что государство Кушания объединяет области восточного Туркестана, Индии, Согдии и Бактрии. Управление государством юечжийцев (кушан) носило черты государственного устройства иранцев. Деление на сатрапии, или их подобие, досталось им, по всей вероятности, от саков. Пять князей с тюркским титулом ябгю были правителями областей, а над ними господствовал один царь. Великий царь Кушании царствовал сначала в Бактрии, затем его столица была перенесена в Пешавар.[124] На перепутье торговых дорог из Китая, Индии и Ирана, под скрещивающимися влияниями, государство Кушания заимствовало и осваивало культуру своих соседей. Самые монеты их царей носят отпечаток этих разных и как будто несовместимых влияний. Одно время окрепший Иран временно вышел победителем из борьбы с саками на юго-востоке и в борьбе с Кушанией на северо-востоке. Были захвачены Систан, Арахозия, Маргиана, которые около 75 г. до н. э. вновь переходят в руки их противников. К этому времени саки особенно укрепились, захватив часть территорий Индии; они образовали большое и мощное государство.[125] В эпоху Августа (I в. н. э.) Арахозия, тяготевшая к сакам, и области Кабула попали в сферу влияния Парфянского государства и находились в номинальной от него зависимости. В то же время сакарауки, которые входили в состав государства Кушании, оказывали давление на парфян из областей Бактрии. Об этом и об

[121] *Tarn W. W.* The Greeks... P. 274.
[122] А. Гутшмид (*Gutschmid A.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsakiden. Tübingen, 1888. S. 36) считает его Артабаном.
[123] Fragmente Ioannis Antiocheni, § 66 // FHG. T. 4. P. 561 = Excerpta de insidiis / Ed. C. de Boor. Berolini, 1905. T. 3. P. 69.
[124] *Wesendonk O. G.* Kušan. S. 337; *Franke O.* Beiträge aus chinesischen Quellen... S. 76—78; 94—98.
[125] *Wesendonk O. G.* Kušan. S. 338, 339.

интриге, которую Рим поддерживал в Гирканнии, подробно сообщает Тацит в «Анналах». Рим и Парфия, как несколькими столетиями позже Византия и сасанидский Иран, постоянно сталкивались в Армении и Иверии, которые служили ареной их соперничества. В первой половине I в. н. э. эта борьбы перекинулась и во внутренние области Парфии, и на ее границы, где Рим стремился поддерживать ее противников. В парфянском междоусобии между двумя братьями Готарзесом и Варданом, сыновьями Артабана, Готарзес воспользовался военными силами дахов и гиркан, с помощью которых он повел войну. Вардан был вынужден покинуть Селевкию и бежать в Бактрию.[126] В результате Готарзесу пришлось уступить: он остался в пределах Гирканнии, а престол был возвращен Вардану, перед которым Селевкия капитулировала. Но Готарзес не сложил оружия и продолжал борьбу, удалившись для подкрепления своих сил в Гирканию.[127] Последняя стремилась снестись с враждебным для парфян Римом, чтобы получить в нем опору в восстании. При императоре Антонине Пии (138—161 гг. н. э.) инициатива в отношении Гирканнии исходила от самого Рима. Тацит сообщает, что «и гиркане послали посольство римскому императору, залогом дружбы выставляя то, что они задержали Вологеша».[128] В сложной обстановке на восточной границе для Рима было необходимостью искать союзников, и связь с государствами, находившимися в тылу у парфян, была направлена на то, чтобы ослабить силу последних. Гирканния если не составляла части государства Кушании, то находилась под его протекторатом. Мощное государство юечжийцев было, таким образом, известно и на берегах Тибра.

Кушания упоминается армянскими и сирийскими источниками в период ее последних столкновений с Ираном, объединенным под властью Сасанидов. В каждом отдельном случае эти свидетельства требуют анализа, так как наряду с именем кушан упоминаются то кидариты, то эфталиты, то имя белых гуннов вообще. Не всегда удается выяснить, с кем же именно сталкивались иранцы, к каким географическим областям и к какому периоду следует приурочить те или иные этнические единства. В источниках несомненно имеются анахронизмы. Это особенно справедливо относительно такого источника, как труд арабского историка начала X в. Табари. Использовав

[126] Interim Gotarzes Dahorum Hyrcanorumque opibus actus bellum renovat coactusque Vardanes ommittere Seleuciam Bactrianos apud campos castra contulit (*Tacitus*. Annales, XI, 8) / Ed. H. Goelzer. Paris, 1924. T. 2. P. 286) (далее: *Tacitus*).
[127] *Tacitus*, XI, p. 8, 9; II, p. 286.
[128] *Tacitus*, XIV, p. 25.

среднеперсидские источники, не дошедшие до нашего времени, Табари называет царя Кушании хаганом тюрков, иногда заменяя его именем хайталь, под которым в арабских источниках подразумеваются эфталиты. Когда именно произошло падение государства кушан и на смену ему явилось государство эфталитов, из источников не вполне ясно.

Смена государства кушан и появление на его месте государства хионитов и эфталитов связаны теснейшим образом с вопросом о термине «белые гунны». Над разнообразными и многоязычными источниками о гуннах все еще не проделана та аналитическая работа, которая позволила бы с уверенностью говорить, о какой именно ветви гуннов идет в данном случае речь.

Для гуннов, хунну китайских источников, в полной мере справедливо отмеченное выше явление — пестрый этнический состав тех орд, которые двигались под этим общим названием. Эфталиты, в отличие от других гуннов, назывались белыми, по свидетельству греческого историка VI в. Прокопия Кесарийского.[129] Он подчеркивает их физическое, внешнее отличие от гуннов, которых он называет «безобразными». Он отмечает также различие в их образе жизни, считая гуннов кочевым народом, а эфталитов — имеющими навыки к оседлой жизни.[130] Термин «белые гунны» стал применяться к каким-то группам, связанным с ними, но этнически от них отличным, и раньше, как на это указывают другие источники. Так, для ряда источников широко распространенным является имя хионитов.

Различие между гуннами и хионитами подчеркивает Аммиан Марцеллин. Родившийся в Антиохии, по национальности грек, по профессии воин, как он говорит об этом сам, он писал свои «Rerum gestarum» на латинском языке. Участник неудачного похода на Иран, он находился в городе Амиде во время его осады и сдачи персам. В 363 г., после смерти Юлиана, он проделал отступление вместе с его потерявшей руководство армией. По замыслу его «История» должна была служить продолжением «Анналов» Тацита и дойти в изложении до современных ему событий. Труд его охватывал период от 96 до 378 г., но сохранились только книги 14—31, относящиеся к 353—378 гг. Свою «Историю» Аммиан закончил в 90-х годах IV в.

Аммиан Марцеллин сообщает сведения как о гуннах, так и о хионитах, причем и по существу, и по имени сведения эти

[129] *Procopius*. De bello persico, I, 3.
[130] Ibid.

относятся к различным народам. Он говорит, что гунны (Huni, Hunorum gens), «племя гуннов», о которых древние писатели осведомлены очень мало, «обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит по своей дикости всякую меру».[131] Далее следует описание их внешности. «Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид». Кроме того, они до старости живут «без бороды, безобразные, похожие на скопцов». Пища их отличается исключительной примитивностью: она состоит из «кореньев диких трав» и «полусырого мяса всякого скота». Одеваются они в льняные туники или одежду, сшитую из шкурок лесных мышей. На голове они носят кривую шапку, а на ногах обувь из козьих шкур, выделанную без колодки и потому не пригнанную к ноге. Они «приросли к коням» и как типично кочевой народ не покидают их. Воюют они только конным строем, под предводительством своих старейшин, не имея единого царя. Из оружия они владеют луком, причем стрелы их снабжены костяными наконечниками, мечом и с исключительной ловкостью накидывают аркан на шею своих врагов. Они кочуют с кибитками, и никто из них не занимается хлебопашеством. Они не имеют религии и законов и никаких этических понятий.[132] Характеристика, данная Аммианом Марцеллином гуннам, рисует их народом кочевым, на низших ступенях развития варварства. Описания его исключительным образом сходны с описанием, данным больше чем через полстолетия Приском Панийским гуннам Аттилы. Несомненно, речь идет о том же народе гуннов, которые были объединены под началом Аттилы и в лагере которых побывал Приск.

Орды гуннов, покорившие аланов и готов, шли северным берегом Каспийского моря, а их потомки представляли собою господствующую группу в государстве Аттилы (433—453 гг.). Этим путем они попали на страницы истории писателя IV в., для которого они оказались у Меотийского озера (Азовского моря). Историк V в. встретился с ними в Центральной Европе. Но помимо сведений о гуннах Аммиан Марцеллин располагает данными о хионитах. В его представлении они живут по соседству с персами и соприкасаются с Ираном на отдаленной его границе, далекой от Месопотамии, где тогда находились войска, посланные Восточно-Римской империей. Шаханшах Шапор находился как раз в этих областях, когда его военачальник

[131] Ammiani Marcellini Rerum gestarum, 31, 2, 1 / Ed. V. Garthausen. Lipsiae, 1873. T. 2. P. 232 (далее: *Ammianus*); *Кулаковский Ю. А.* Сонни. Аммиан Марцеллин. История. Киев, 1906—1908. Вып. 1—3 (далее: *Аммиан—Кулаковский*).

[132] *Ammianus*, 31, 2, 2—11; *Аммиан—Кулаковский*. Вып. 3. С. 237—239.

Тамшапор направил к нему послание относительно переговоров с империей.[133] Одновременно Аммианом упоминаются хиониты и евзены. «...dumque ad Chionitas et Eusenas haec scripta mittuntur, in quorum confiniis agebat hiemem Sapor, tempus interstitit longum».[134]

Прежде чем дать анализ приведенному тексту Марцеллина, следует указать на то, что И. Маркварт привлекал эту цитату, «исправляя» текст.[135] Он читал названных рядом с хионитами евзенов как Cuseni, в которых он видел имя кушан. Это исправление имени в приведенной выше цитате (16, 9, 4) он переносит и на другое место, где то же имя евзенов заменяет именем Cuseni (cuius Cusenis). Как и многие другие гипотезы И. Марквардта, такое исправление может представиться интересным и соблазнительным, но согласиться с ним трудно потому, что ни в одном другом месте у Аммиана Марцеллина кушаны не упоминаются и исправление является, следовательно, совершенно произвольным.

Тем не менее связь хионитов с хунну, с одной стороны, и с государством юечжи (кушан), с другой стороны, несомненна.

Из сообщений латинского историка положение рисуется следующим. На северо-восточной окраине государства Шапор зимовал, очевидно, опасаясь выступлений со стороны хионитов. Ромеи между тем стремились перетянуть на свою сторону и договориться с Тамшапором, военачальником, ведавшим западной границей Ирана, во время его отсутствия. Принять всю ответственность за переговоры на себя Тамшапор не решался и послал соответствующую информацию шаханшаху, ожидая от него ответа. Аммиан Марцеллин записал это под 356/7 г. Под 357/8 г. он сообщает, что Шапор получил послание, уже направляясь домой после того, как он заключил союзный договор с хионитами и геланами (Chionitae et Gelani), особенно воинственными племенами. Они названы «отдаленнейшими народами» (gentium extimarum).[136]

[133] *Ammianus*, 16, 9, 4, p. 90; *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Киев, 1910. Т. 1. С. 129. Имя Тамшапор обращает на себя внимание с той точки зрения, что источники, называя и других военачальников, занимавших положение главнокомандующего в государстве, находят, что они носили имя того царя, при котором они служили, с приставкой «там», как Тамхосров при Хосрове (Ioannes Ephesius), Тамездегерд при Ездегерде (Hoffmann). Не есть ли «там» заимствование из какого-нибудь другого языка, присоединенное к имени царя и означающее его «заместителя» или военачальника?

[134] *Ammianus*, 16, 9, 4, p. 90; *Аммиан—Кулаковский*. Вып. 1. С. 129.

[135] *Marquart J.* Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901. P. 36. (далее: *Marquart*. Eranšahr).

[136] *Ammianus*, 17, 5, 1, p. 122; *Аммиан—Кулаковский*. Вып. 1. С. 174.

Между тем движение войск Восточно-Римской империи возбудило беспокойство сасанидского царя, и он, собрав коалиционные войска, двинулся с ними к своей западной границе. Осаду Амида в 359 г. Аммиан Марцеллин пережил сам и описывает ее со всеми подробностями. Разноплеменные войска Шапора находились под его общим руководством, но каждая этническая группа была под непосредственным командованием своего собственного царя. У западных ворот Амида расположились сегестаны, с севера — албаны, а юг был предоставлен хионитам.[137] Во главе хионитов находился царь Грумбат, Grumbates, Chionitarum rex novus — «новый царь», человек средних лет, «покрытый морщинами», уже одержавший многочисленные победы. У Грумбата был сын, юноша, «ростом и красотой выдававшийся над сверстниками» — proceritate et docore corporis aequalibus antestantem.[138] Юноша этот был сражен из баллисты со стены Амида. Раздраженные хиониты тотчас бросились в бой, продолжавшийся до заката солнца. Сказанное западным писателем о внешности этого юноши, представителя племени хионитов, что он был хорош собою, красив, едва ли могло быть выражено в таких словах, если бы он имел сходство с гуннами, описание внешности которых, данное тем же Аммианом Марцеллином, приведено выше. Хиониты не сходны с гуннами, хотя в именах их есть общий корень и на связь их между собою источники указывают постоянно. В этом их несходстве следует, вероятно, видеть то, что группы «гуннов» называются «белыми гуннами». О. Везендонк высказал предположение, что белыми гуннами звались именно хиониты и что впоследствии название это было приложено к другой орде, вошедшей в историю и под именем эфталитов.[139]

Писатель VI в. Прокопий Кесарийский, секретарь талантливого полководца императора Юстиниана Велизария, сохранил рассказ о борьбе шаханшаха Переза с белыми гуннами, называемыми им эфталитами. Начитанный Прокопий несомненно литературно зависит от своих предшественников, которые оставили характеристику гуннов, таких как Аммиан Марцеллин и Приск. С другой стороны, полученные им сведения могли восходить к ныне утерянной истории греческого писателя Евстафия Епифанийского.[140] Форма, в которой Прокопий Кесарийский говорит о собственно гуннах и о белых гуннах — эфталитах, заставляет предполагать, что он имел и о первых точные сведения. Противопоставляя гуннам эфталитов, он представляет себе первых по внешности безобразными, а их образ жизни «скотским», под чем следует понимать отсутствие правильного государственного устройства и управления единым царем, которое он отмечает у эфталитов. Это представление Прокопия могло сложиться и из сообщений Приска, но еще более — из сообщения о них Аммиана Марцеллина, приведенного выше. Однако сведения, сообщаемые Прокопием о белых гуннах времени Переза, относятся им к эфталитам, которых он называет гуннским племенем, но отличным от них.[141]

Таким образом, и хиониты, и эфталиты связаны для источников с гуннами и в то же время резко от них отличаются. Несомненно, что общее имя гуннов было дано той группе племен, разноязычной и разного этнического происхождения, с которой в IV и V вв. пришлось столкнуться Ирану, Византии и Закавказью. При анализе источников первое, что необходимо отметить, это коренное расхождение в сообщениях о них, так как сведения эти относятся к разным группам, которые входили в состав этих орд. В одном случае речь идет о народе с типично угро-финской или монгольской внешностью, с обычаями кочевого или полукочевого образа жизни, о людях, которые казались варварами и грекам, и китайцам. В другом случае встречаются описания, относимые обычно к гуннам же, но их содержание не вызывает сомнения в том, что речь идет о народе с навыками к оседлой жизни, культурном, имеющем государственное устройство, живущем в городах. Трудность разобраться во всем этом усугубляется еще наличием различных имен, которые относили к отдельным племенам или ордам, как хиониты, кидариты, эфталиты, нефталиты, хайталь. Самое различие во внешности, особенности отдельных этнических групп привели к распространению имени белых гуннов. Гунны, известные еще до нашей эры китайским историкам как хунну, унну, к середине IV в. достигли границ Европы, с победой вышли из столкновения с аланами, разбили готов и продолжали свое поступательное движение и в V в. Около 400 г. хион, хунну, унну, гунны простирали свою власть от Согдии и Бактрии до берегов Дуная.[142] Группы орд, достигшие границ Ирана, получили название хионитов, называемых также «белыми гуннами», они вышли победителями из борьбы с государством ку-

[137] *Ammianus*, 19, 2, 3, p. 172; *Аммиан—Кулаковский*. Вып. 1. С. 250.
[138] *Ammianus*, 19, 1, 7, p. 170: *Аммиан—Кулаковский*. Вып. 1. С. 248.
[139] *Wesendonk O.* Kušan. S. 341, 343.
[140] Подробно об этом см.: *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э.

[141] *Procopius*. De bello persico, 1, 3.
[142] *Wesendonk O.* Kušan. S. 341.

шан (юечжийцев), а впоследствии уступили место родственным им эфталитам. Из описания Аммиана Марцеллина и Прокопия Кесарийского очевидно, что хиониты и эфталиты представлялись им отличными от гуннов. Общее наименование их «белыми гуннами» сближает между собою эти имена. Сирийский писатель начала IV в., Иешу Стилит, упоминает имя хионитов: «Хиониты, которые суть гунны», — говорит он.[143] Замечательна самая транскрипция имени хионитов с каф, отвечающая греческому Χιὸν и латинскому Chionites с ch, передающим густое х. Имя гуннов пишется в сирийском с хе, как легкое придыхание, скорее относящееся к произношению унну, чем гунну. В сирийском встречается и написание унайе,[144] что еще больше подчеркивает общность с произношением унну. Для Иешу Стилита хиониты, или унну, представляли собою одно и то же. Но это не собственно гунны, а белые гунны. В дальнейшем речь идет о тех событиях, которые изложены и у Прокопия Кесарийского, который называет их белыми гуннами и эфталитами. Хиониты сирийского писателя VI в. у греческого историка того же века получают название эфталитов. Возникает вопрос, заменяют ли эти имена друг друга или в какой-то момент правящая группа, имевшая этническое название хионитов, должна была уступить место другому этническому единству — племени эфталитов? На материале, относящемся ко времени шаханшаха Пероза (459—484 гг.), который вел беспрерывные войны на северо-восточной границе Ирана, этот вопрос может быть решен.

Еще к концу IV и началу V в., ко времени императора Аркадия (395—408 гг.), относятся указания источников о пребывании белых гуннов на Кавказе. Житие Петра Ивера, относящееся к V в., первоначально было написано по-гречески, но сохранилось только в сирийском переводе. В этом агиографическом памятнике сообщается, что Фарзман, родом ивер, имел звание военачальника, достиг власти и был хорошо известен при дворе «Аркадия, ромейского царя», но когда его интимная связь с императрицей Евдоксией, женой Аркадия, была раскрыта, он был вынужден бежать и «быстро достиг своей земли». Здесь он попытался занять престол, что ему удалось с посторонней помощью. «Когда он воцарился над иверами, он взял с собою белых гуннов, бывших соседями иверов».[145] Свидетельство это имеет, конечно, выдающееся значение для установления географических пределов распространения именно белых гуннов. Дальше следует указание на то, что белые гунны «были причиной многих зол для тех, которые были в подданстве у ромеев».[146] Это, несомненно, указание на ужасающее опустошение, которое те произвели в Месопотамии и прилегающих областях, о чем имеются показания других источников. По свидетельству упомянутого жития Петра Ивера, орды белых гуннов имели пребывание на Кавказе, по соседству с иверами. Сирийский текст представляет собою перевод с греческого, в котором стояло наименование лейкогуннов.

[143] The chronicle of Joshua the Stylite, composed in Syriac A. D. 505 / With a translation and notes by W. Wright. Cambridge, 1882. § 9. P. 9 (далее: *Иешу Стилит*).

[144] *Zacharias Rhetor*, 2, p. 208.

[145] *Raabe R.* Petrus der Iberer. Leipzig, 1895. S. 5.

От собственно гуннов эфталитов отличали не только греки, но и китайцы. Эфталиты известны им как ета, они не живут в городах, а кочуют, имея кибитки. Из их обычаев отмечено, что у братьев общая жена. Относительно языка — он считается отличным от «жужажньского, и гаогюйского, и тюркского».[147] Это отличие эфталитов от гуннов подчеркивалось еще исследователями прошлого столетия, которые в гуннских ордах видели разные племена, из которых то одно, то другое оказывалось на поверхности и представляло собою господствующий слой. Уже Вивиен де-Сен-Мартен писал в 1849 г.: «Нет, эфталиты не гунны», в чем с ним соглашался и Э. Друен.[148] С гуннскими ордами двигались и те орды, которые получили название белых гуннов, среди которых выделялись и хиониты как нетюркского типа племя, занявшее господствующее положение на северной границе Ирана. Судя по приведенному выше свидетельству, белые гунны были и на Кавказе, где они в качестве соседей иверов в V в. известны и другим историкам. Орды гуннов на северо-восточном Кавказе получают и имя сабиров, представлявших самостоятельную государственную единицу, по-видимому, не связанную с эфталитами. Для племенных названий белых гуннов, кидаритов и эфталитов источники называют племенных вождей или царьков, от которых они ведут свое начало, Кидара в одном случае и Эфталана — в другом. Ниже об этом сказано подробнее; следует только отметить, что имя царя Кидара известно и китайским хронистам, как Цидоло,[149] под начальством которого находились ветви юечжийцев (кушанов или эфталитов), как предположительно высказался

[146] Ibid.

[147] *Бичурин И.* Собрание сведений... Ч. 3. С. 178.

[148] *Saint-Martin V. de.* Les huns blancs ou Ephtalites des historiens byzantins. Paris, 1849. P. 71; *Drouin E.* Mémoire, sur les Huns Ephthalites, Extrait du Muséon. Louvain, 1895. P. 10—11.

[149] *Бичурин И.* Собрание сведений... Ч. 3. С. 172.

академик В. В. Бартольд.[150] Место их расселения он искал на восток от Каспийского моря, а не на западном его побережье, т. е. на Кавказе. Анализ других источников даст возможность установить положение этих государственных объединений с большей ясностью.

Натиск гуннов, т. е. всего сложного комплекса кочевых орд, шедших под этим общим названием, оставил тяжелое впечатление на современников. Это справедливо для Балканского полуострова и для областей Передней Азии. Государство Аттилы, сложившееся в V в., имело своего историка в лице Приска Панийского. Относительно наступления гуннов на Междуречье, разграбления ими и других ближайших к нему областей сообщают не только греческие, но и восточные историки.

Мощный натиск гуннов еще в 70-х годах IV в. опрокинул аланов, сообщения о которых имеются у Аммиана Марцеллина. Гунны дошли «ad usque Halanos pervenit, veteres Massagetas, qui unde sint».[151] Однако совершенно справедливо замечание исследователя и переводчика Аммиана Марцеллина — Ю. А. Кулаковского, что сведения, сообщаемые им о географическом положении алан у Танаиса, заимствованы им из карт древних, предшествовавших ему географов и полного доверия не заслуживают.[152] Аланы характеризуются Аммианом как кочевой народ, воинственный и простой, не знающий рабства. Выбор военачальника происходил у них свободно, что является указанием на их военно-демократический строй и еще примитивное государственное устройство.[153] Присоединившись вместе с готами к гуннским ордам, они произвели ужасающие опустошения на Балканском полуострове.[154] Они прошли Фракию, но целью их движения, относимого Аммианом ко времени между 375 и 378 гг., были Адрианополь и Константинополь.

Греческий писатель V в., язычник Зосима, сообщает сходные данные, но дает этим народам другие имена. Неизвестный ранее народ, говорит он, атаковал задунайских скифов. Это племя называется гуннами или еще «царскими скифами», о которых Геродот говорит, что они жили на Истре (Дунае). В Европу они проникли, перейдя Танаис (Дон) у Боспора Киммерийского, где нанесенный рекой ил позволил им перебраться с повозками и лошадьми. Они перебили придунайских скифов, которые бежали на территорию Византии,[155] где подвергли жестокому разгрому Фракию, Паннонию, Македонию и Фессалию. Император Валент (364—378 гг.) направил на скифов лучшую конницу, которую он привел с востока, — это были арабы. Окончательно изгнать их, однако, не удалось, и при Феодосии (379—395 гг.) скифы, готы и тайфалы повторили свой набег.[156] При Стилихоне гунны и аланы были его союзниками, очевидно, входя в состав его войск.[157] В качестве византийских отрядов гунны были призваны на помощь в Равенну.[158] Таковы сведения о проникновении гуннов в Европу. К концу IV в. относится набег их на области Передней Азии, о котором сообщают современники и историки более позднего времени.

Бар Эбрей, живший между 1226—1286 гг., использовал сирийские источники предшествующего времени, в первую очередь Михаила Сирийца (1126—1199 гг.). Под 708 г. эры Селевкидов, соответствующим 397 г. н. э., он сообщает, что во времена ромейских царей Аркадия и Гонория, в месяце таммузе (июль) этого года, гунны наводнили ромейские провинции Сирию и Каппадокию, опустошили их, так что они обезлюдели.[159] Это краткое сообщение опирается на предшествующих ему историков. Большого внимания заслуживает хроника Иешу Стилита, по времени относящаяся к началу VI в., но для автора которой шаханшах Пероз (459—484 гг.) жил в «наши дни». Сообщая о борьбе последнего с «кионайе», т. е. с гуннами, хроника указывает на требования, предъявляемые им Константинополю, чтобы ему было выдано «золото», уплата которого производилась ромеями ввиду того, что персы охраняли общую с ними границу от варваров. Свои требования Пероз подкреплял уверениями, что он беспокоится, «чтобы они (т. е. гунны) не перешли на вашу землю». В конце IV в. такого рода факты имели место, и поэтому «правдоподобными делали его слова опустошения и увод в рабство, произведенные гуннами в ромейских землях в 707 г. (395/6 г. н. э.), в дни Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия Великого, когда вся Сирия находилась в их руках, благодаря предательству епарха Руфина и

[150] *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII в. Ташкент, 1902. С. 27.
[151] *Ammianus*, 31, 2, 12, p. 234; *Аммиан—Кулаковский*. Вып. 3. С. 239.
[152] *Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 18.
[153] *Ammianus*, 31, 2, 21; 31, 2, 25, p. 236, 237; *Аммиан—Кулаковский*. Вып. 3. С. 242, 243.
[154] *Ammianus*, 31, 16, 3, p. 275; *Аммиан—Кулаковский*. Вып. 3. С. 291.
[155] *Zosimus*. Historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887. P. 194.
[156] Ibid, 4, 25. P. 201.
[157] Ibid, 5, 26. P. 284.
[158] Ibid, 6, 45. P. 311.
[159] *Gregorius Barhebraeus*. Chronicon syriacum / Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890. P. 68.

слабости Аддая стратилата».[160] Следует отметить различия в указаниях Бар Эбрея и Иешу Стилита. Источник, использованный Бар Эбреем, дает месяц и другой год; кроме Сирии называет Каппадокию. Текст Иешу Стилита сообщает такие подробности, как предательство епарха Руфина и беспомощность, «слабость» стратилата Аддая перед мощным натиском гуннов. Наиболее тяжелым фактом были «опустошения» и «увод в рабство», так как гунны разоряли города, собирали массами пленных, обращая их в рабов. Веком позже угроза подобной же расправы и разграбления этих провинций в устах персов была аргументом для того, чтобы вынудить ромеев выплачивать им требуемые суммы.

Подробности, заслуживающие внимания, сообщают греческий историк Сократ и известный латинский писатель Иероним. Последний совершал паломничество на Восток в то время, когда происходили эти события, и сообщил о них в двух своих письмах. Он говорит, что весь Восток «содрогнулся» от сообщений вестников, что «от далекого Меотиса, земли ледяного Танаиса и страшного народа массагетов, где в Кавказских ущельях Александр дверью запер дикие народы, вырвалась орда гуннов...». Наводя на всех ужас, они бросались в разные стороны, тем более что ромейские войска были отвлечены междоусобными войнами на западе. Иерусалим, Тир и Антиохия готовились в ожидании врага. По течению рек Халиса, Цидна, Оронта и Евфрата ряд городов подвергся осаде, в том числе и Антиохия. «Аравия, Финикия, Палестина и Египет были пленены страхом».[161] Иероним упоминает области на запад от Евфрата, который гуннские орды, прорвавшиеся на Кавказе, должны были перейти. Он сам находился, по-видимому, в одной из этих областей. Гунны захватили огромное количество пленных, а благодаря своей «неутолимой жажде золота» они собрали множество добычи. Нападение гуннов охватило, следовательно, большое число городов и было угрозой для целого ряда областей.

Упоминаемый сирийской хроникой епарх Руфин в царствование Аркадия как временщик пытался даже занять престол. Он был убит солдатами 27 ноября 395 г.[162] Особенно подробно о Руфине сообщает Сократ, который отмечает его тенденцию занять первенствующее положение и обвиняет его в том, что

[160] *Иешу Стилит.* § 9.

[161] *Hieronymus.* Epistolae 77$_8$, 66$_{16}$ // Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia with the Latin Translation of Valesius / Ed. R. Hussey. Oxonii, 1853. T. 3. Annotationes. P. 438, 439 (далее: *Socrates.* Historia).

[162] *Bury J.* History of the later Roman Empire. London, 1923. T. 1. P. 113.

именно он призвал «варварский народ гуннов» в ромейские области.[163] Гунны в то время «бродили» по Армении и некоторым восточным провинциям. Об этом говорит и Клавдиан в своем сочинении против Руфина, упоминая, что враги прошли через Каспийское «ущелье» в Армению и наводнили области на востоке империи.

...Alii per Caspia claustra
Armeniasque nives inopino tramite ducti.
Invadunt Orientis opes...[164]

Приведенные тексты не оставляют сомнения в том, что гунны прорвались в Междуречье и сиро-финикийское побережье через Кавказский хребет. Для Иеронима гуннская орда (Hunnorum examina) двигалась с Танаиса (Дона), где находилась в соседстве со страшными «невероятными» массагетами. Прорвались они через ворота, которые, по его мнению, были устроены еще Александром Великим, чтобы отделить и «запереть» варваров и лишить их возможности прорываться в Закавказье. Каспийские ворота, названные Клавдианом, заставляют предполагать, что гунны прошли Дербентское ущелье. Но тот факт, что греческие и латинские авторы очень рано стали смешивать Дарьяльское и Дербентское ущелья, заставляет с большой осторожностью относиться к их указаниям. Историки VI в. Прокопий Кесарийский и Агафий называют гуннов, живших на северном Кавказе, сабирами. Прокопий говорит, что среди прочих племен там живут аланы и абазги, которые приняли христианство, и находятся зехи и гунны, называемые сабирами.[165] Для Агафия из гуннского племени сабиров наемников вербовали как Византийская империя, так и Иран.[166] Они приходят в тесное соприкосновение с племенами дайломитов (дилимнитов, доломитов), населявших области Ирана на юго-запад от Каспийского моря, с которыми они вступают то в соглашения, то в борьбу. Некоторые исследователи связывают сабиров с хазарами.[167]

[163] *Socrates.* Historia 6, 1.

[164] Claudianus adversus Rufinum, 2, 25 // *Socrates.* Historia. T. 3. Annotationes. P. 438.

[165] *Procopius.* De bello persico, 2, 29.

[166] *Agathiae Myrinaei.* Historiarum libri quinque / Ed. B. G. Nieburius. Bonnae, 1828. III, 17; IV, 13 (далее: *Agathiae Myrinaei.* Historiarum).

[167] *Бартольд В. В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. С. 23.

К вторжению «куннов» источники считают причастными различных лиц и разные обстоятельства. Судя по угрозам Пероза, приведенным в сирийской хронике, можно предполагать намеренные действия со стороны Ирана, гарнизоны которого пропустили варваров. Житие Петра Ивера возлагает ответственность на представителя иверской знати Фарзмана, который «взял с собой белых гуннов, бывших соседями иверов». Наконец, Клавдиан видит в этом злонамеренные действия временщика Руфина. Каких бы виновников этих событий ни находили, общее положение кавказской границы было тяжелым. Вооруженные силы государства Сасанидов были и вообще в напряжении. Иверии и Армении сдерживать напор новых и все более настойчивых орд становилось не под силу. Для гуннских племен богатые области Междуречья, Сирийского побережья, Малой Азии были особенно притягательны. Множество уведенных ими военнопленных в таком количестве, что эти области «обезлюдели», говорит о том, что в их обществе назревали новые отношения. Аланы и массагеты обрисованы источниками как народы, стоящие на первых ступенях варварства. Самые факты воинственных походов гуннов говорят о новой фазе развития отношений в этих союзах племен. Очевидно, назревшая потребность в рабочих руках заставляла уводить в плен огромные количества пленных, чтобы обращать их в рабов. Несомненно, орды были привлечены и богатством городов, в которых они находили оружие, украшения, металлические изделия, одежду.

Общими усилиями войск Восточно-Римской империи, вероятно, при содействии Ирана и других союзников, бушевавшие в азиатских провинциях орды к первым годам V в. были вытеснены, частью растеклись, и некоторое спокойствие было водворено.

Однако с угрозой на северо-восточной границе Византии и северной границе Ирана отнюдь не было покончено.

Одним из важнейших источников по истории Ирана времени Сасанидов является труд арабского историка Табари (ум. в 923 г.). Табари использовал не только предшествовавших ему арабских писателей, труды которых не сохранились (как, например, Ибн-Хишам), но и среднеперсидские источники; последние, может быть, и опосредствованным путем. В части, касающейся государства кушан, а затем эфталитов, Табари не дает, однако, последовательного изложения. Данные о них приходится извлекать из отдельных частей текста, и не всегда можно быть уверенным в точной передаче событий, которые сам автор не представлял себе в полной последовательности.

При Ардашире I (224—241 гг. н. э.) к его двору были присланы послы царей Кушании, Турана и Мокрана.[168] Ардашир возвратился из длительного военного объезда отдаленных провинций, в числе которых были Гурган, Мерв, Балх, Хорезм. Он продвинулся затем до крайних пределов Хорасана, возвратился в Мерв, а оттуда в область Парса, где осел в городе Гор. Уже Т. Нельдеке отметил, что Мерв мог принадлежать к владениям Сасанидов, но только при Хосрове I граница достигла Окса (Амударьи). Балх с Бактрианой не были подчинены сасанидскому Ирану, как и Хорезм.[169] Балх принадлежал к тем центрам, которые находились в руках кушанских владык, от которых и было прислано посольство Ардаширу. Факт этот можно считать историческим.

С V в. известия о столкновении государств, сложившихся в Средней Азии и за Кавказским хребтом, с Ираном становятся многочисленнее. Ко времени Вахрама Гора (421—438 гг.) относятся сообщения о северных варварских народах, от воинственных действий которых страдал Иран. Речь идет о гуннских племенах, ошибочно названных у Табари тюрками.[170] Но если анахронизмом является терминология, то едва ли подлежит сомнению факт,[171] что «каган» выступил против Ирана с многочисленным войском (250 000 тюрок не могут считаться достоверным известием ни со стороны количества войска, ни со стороны имени народа). Вахрам первоначально не имел намерения оказать активное сопротивление, он даже отправился в Азербайджан, где расположился в Схизе (Шиз) или Ганзаке, лежащем в юго-восточном направлении от города Марага. В Схизе находился замечательный храм огня, одно из главных святилищ зороастризма. Туда отправился Вахрам, а своего брата Нарсе оставил в качестве правителя. Знать, распоряжавшаяся судьбами государства, послала к кагану посольство, прося его принять от них дань, на что тот ответил приказом войскам не грабить областей, так как считал вопрос об их подчинении решенным. Между тем через лазутчиков Вахрам получил необходимые сведения о врагах, двинул свои войска, напал на них ночью и собственноручно убил их царя. Вахрам продвигался через Табаристан к Гургану и Мерву, и на основании того, что сообщают Фирдуси и Динавари, можно предполагать, что бит-

[168] Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden / Ubers. v. T. Nöldeke. Leiden, 1879. S. 17 (далее: *Nöldeke.* Geschichte).
[169] Ibid.
[170] Ibid. S. 99.
[171] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. Copenhague, 1936. P. 275.

ва произошла у Мерва.[172] Едва ли справедливо, что вражеские орды проникли в самый центр Ирана, до города Рай.[173] Вахрам перешел в наступление, и дальше решительными действиями он устрашил врагов, отнял у них добычу, полонил жен и детей. Вновь установленную границу побежденные обещали не переступать. Помимо того, по распоряжению шаханшаха была отстроена башня, очевидно, высокое крепостное сооружение, впоследствии дополнительно укрепленное Перозом. Никакие завоевания в Трансоксании (за рекой Амударьей) нельзя признавать вероятными: граница государства Сасанидов при Вахраме пролегала у Талакана. Сообщение, что Нарсе в качестве марзбана жил в Балхе, не соответствует исторической действительности, но что Нарсе имел звание марзбана Хорасана и управлял им, несомненно справедливо.[174] Титул Marzban-i-kušan удержался, по всей вероятности, с того времени, когда соседями персов было царство кушан. Сменившие их хионитьі и эфталиты долго сохраняли для персов имя своих страшных предшественников. Со своей стороны Иран, сохраняя звание марзбана кушан, стремился доказать вновь пришедшим, что старые прерогативы этого царства перешли к Ирану, но что отнюдь их не наследовали эти пришельцы.

Из своих восточных владений Вахрам возвращался через Албанию (Северный Азербайджан). Это указывает на направление путей сообщений этого времени. Храму в Схизе, о котором речь была выше, он пожертвовал различные драгоценности, а жену кагана, ханшу (хатун), сделал служанкой храма.[175] Борьба этого времени относилась, следовательно, к восточной границе Ирана и велась у Маргианы и Бактрианы. Следствием укрепления Ирана были обмен посольствами, появление сасанидских монет в Трансоксании и соответственно их отчетливое влияние на тип монет, которые стали там выбивать.[176]

При сыне Вахрама, Ездегерде II (438—457 гг.), в сношения с гуннами вступили армяне и албанцы, чтобы, опираясь на союз с ними, сбросить с себя господство Ирана. Но Ездегерду пришлось вести борьбу не только на кавказской границе. Первые годы своего царствования он провел в северных областях государства. До 11-го года его царствования (с 438/9 г.) туда

[172] *Nöldeke.* Geschichte. S. 101, Anm. 2.
[173] Вопреки Т. Нельдеке. *Marquart J.* Eranšahr. S. 52; *Drouin E.* Mémoire... P. 25.
[174] *Nöldeke.* Geschichte. S. 102, Anm. 3; S. 103, Anm. 1; *Marquart J.* Eranšahr. S. 52, 53.
[175] *Nöldeke.* Geschichte. S. 104, Anm. 2.
[176] *Drouin E.* Monnaies Touraniennes // JA. 1892. N 4.

была перенесена и его резиденция. Армянский историк Елише Вардапет сообщает, что Ездегерд объявил о своем намерении бороться с государством кушан,[177] собрал войска и произвел внезапное нападение. Анахронизм в названии кушан стирается точным указанием историка, что напал шаханшах на страну гуннов, которая называется также Кушанией.[178] Ездегерд вел войну в течение двух лет, сменил затем войска, отослав бывшие в сражениях полки обратно, и потребовал свежие подкрепления. Он продолжал таким образом вести войну в течение нескольких лет.[179] В этих северных областях находилась и его резиденция с 4-го по 11-й год царствования, т. е. примерно с 442 по 449 г.

Об этой борьбе Ездегерда сообщает и сохранившаяся фрагментарно сирийская локальная хроника города Карка-де-бет-Селох. Упомянутый город был центром иранской провинции Бет-Гармай.[180] Редакция этой хроники относится к VI в., но в основном она была составлена раньше. Хроника, называя Ездегерда, прибавляет: «...который был пятым царем в Парфии после Шабора», имея, следовательно, в виду Ездегерда II — сына Вахрама V Гора, который действительно был пятым царем после шаханшаха Шапора III. Далее сообщается, что Ездегерд отправился в провинцию Чол и покорил тамошнего царька. П. Беджан, издавший хронику Карка-де-бет-Селох, читает это слово во множественном числе, Ездегерд разбил, следовательно, несколько царьков и построил там город, названный им Шахристан-Ездегерд.[181] На основании данных хроники это событие может быть отнесено ко времени после 8-го года царствования Ездегерда, так как 8-м годом датируются в той же хронике такие события, как убийство им дочери, которая, по обычаю персов, была и его женой, а также знатных или богатых его царства. Очевидно, Ездегерд, как и другие сасанидские цари, укреплял свою власть в борьбе со знатью, сепаративные тенденции которой известны по другим данным. 8-й год царствования — это 446/7 г. н. э. По свидетельству сирийской хроники, Ездегерд направился в область Чол после этого года. Сирийская транскрипция Чол отвечает Чор или Сул других языков. Чол — это область, при-

[177] *Elisée Vartabed.* Histoire de Vartan et de guerre des Arméniens / Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie par V. Langlois. Paris, 1867. T. 2. P. 185 (далее: *Elisée Vartabed*).
[178] Ibid. P. 186.
[179] Ibid.
[180] *Hoffmann G.* Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer // AbhKM. 1880. Bd 7. Hf. 3. S. 253.
[181] Acta martyrum et sanctorum / Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1891. T. 2. P. 518.

легающая к Горго (Гурган или Гиркания), на восточном побережье Каспийского моря, севернее Гиркании и реки Атрека, занимающая его юго-восточный край. Соответствующие доводы приведены Г. Гофманом[182] в географическом комментарии к истории Карка-де-бет-Селох и были подхвачены И. Марквартом.[183] Предположение, что Чор мог находиться на западном побережье Каспийского моря, в Кавказских областях, отпадает при внимательном анализе текста Табари. Сообщение арабского историка относится уже к царствованию Пероза и Хосрова. Пероз воздвиг в области «Сул и аланов» каменное крепостное сооружение. Хосров еще укрепил его, причем воздвигаемые им укрепления он строил из камней, которые были выломаны в области Гурган.[184] Уже этот один факт делает невозможным отнесение Чора к Кавказу. Подтверждается это и дальнейшим текстом Табари. Сооружения эти были угрозой тюркскому кагану Синджибу, известному и по византийским источникам. Хотя власть его и простиралась на большие пространства Азиатского материка, но до западного побережья Каспия, Кавказа она не достигала. Этому не противоречит и название области «страна алан», с которыми здесь пришлось столкнуться гуннским ордам. Укрепления, построенные Ездегердом, и были той крепостью Шахристан-Ездегерд, о которой говорит сирийская хроника.[185] Этот город и был его резиденцией до 11-го года царствования, т. е. до 449—450 гг., как свидетельствует армянский источник. Чол укреплялся и последующими сасанидскими царями, которые отстаивали свои владения у Балкана (современный Красноводск). Перечисленные у Табари сооружения на границе, построенные и обновленные Хосровом, указывают, что крепостная стена была из камня и что там были всякие другие укрепления.

В 12-м году царствования (450/1 г.) Ездегерд был отвлечен от этой северной границы и с многочисленными войсками достиг ergir italagan.[186] Перевод этого места, сделанный В. Ланглуа, никак нельзя принять. Конечно, здесь речь идет не о «terre Italienne»;[187] это место следует читать с Э. Друеном как ergir italagan, где italaga соответствует применявшемуся к эфталитам имени italito, и перевод этого места будет, следовательно, «la terre des Ephthalite».[188] Сборы в поход Ездегерда были угрозой «царю кушан», под которыми можно предполагать, как и в ряде других случаев, гуннов или эфталитов. Известно, что звание марзбана и царя Кушании сохранялось длительно после того, как государство Кушания перестало существовать. Наступление Ездегерда было настолько энергичным, что царь кушан спасся бегством со всем своим войском и удалился в пустыню. Персам удалось отбить в этом походе много городов и крепостей и захватить богатую добычу.[189] Как название «земли эфталитов», так и наименование царя старым именем «царя Кушании» ведут к тем областям, где война велась предшественником Ездегерда Вахрамом, у Талакана и Балха, на подступах к Амударье, следовательно, на восточной границе государства.[190] В первый из походов Ездегерда войска должны были собраться в Абаре. Шестнадцатый год царствования (454/5 г. н. э.) застал Ездегерда вновь в Абаре. Впоследствии эта провинция была известна как Абаршахр, с городом Нишапуром, упомянутым в тексте в связи с этой провинцией.[191] На этот раз царь Кушании был предупрежден об опасности одним гунном «из царского рода страны Кайлантур», поэтому иранской армии был дан своевременный отпор, а ряд иранских областей подвергся разгрому и опустошению.

Таким образом, в течение царствования Ездегерда на восточной границе Ирана с государством, за которым удержалось наименование «Кушания», велись повторные войны. Приурочить их наиболее правильно к областям Талакана и Балха. Предметом тревоги была и прикаспийская граница Ирана. Каган Чола (Сула) во второй половине V в. имел резиденцию на полуострове Балкхане (у нынешнего Красноводска).[192] Каган этот был собственноручно убит Ездегердом, и после этого персы выстроили там крепость.

Что кавказская граница Ирана находилась в таком же угрожаемом от кочевников положении, как и среднеазиатская, очевидно из того, что и после нападения гуннов в 395/6 г. на области Передней Азии, куда они прорвались через кавказские ущелья, известны их повторные нападения. Так, около 448 г.

---

182 *Hoffmann G.* Auszüge... S. 277—281.

183 *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 489 (далее: *Marquart.* Osteuropäische).

184 *Nöldeke.* Geschichte. S. 158.

185 *Hoffmann G.* Auszüge... S. 277—279.

186 И. Маркварт относит этот факт к 449/50 г.

187 *Elisée Vartabed.* T. 2. P. 188.

188 *Drouin E.* Mémoire... P. 31.

189 *Elisée Vartabed.*

190 *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 282; *Marquart J.* Eranšahr. S. 56.

191 *Elisée Vartabed.* T. 2. S. 229; *Lazare de Pharbes.* Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie / Ed. V. Langlois. Paris, 1869. T. 2. P. 309.

192 *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides; *Marquart J.* A Catalogue of the provincial capitals of Eranšhahr / Ed. by G. Messina. Roma, 1931. P. 38, 43 (Analecta orientalia. T. 3).

Васих и Курсих, принадлежавшие к войску Аттилы «мужи из царских скифов и начальники многочисленного войска»,[193] напали на пределы Ирана именно отсюда. Приск передает факты с осторожностью; он говорит, что, по их словам, они переправились через какое-то озеро, которое они считали Меотидой (обычно Азовское море), предварительно пройдя степные пространства. Через 15 дней, миновав горы, они перешли персидскую границу. Здесь они произвели опустошения, но персидское войско напало на них и отняло бóльшую часть добычи. Отступая, они вынуждены были идти другой дорогой, где пламя вырывается из скалы, и через несколько дней пути возвратились к себе. Отсюда стало известным, что Скифия и Мидия (Иран) находятся недалеко друг от друга. Из текста нельзя заключить, какие этнические группы произвели нападение на персидскую территорию. Наиболее вероятно, что это были те смешанные группы «скифов» и «гуннов», которые и вообще составляли пестрое государство, созданное военным гением Аттилы. Первый раз орды Васиха и Курсиха прошли через ущелья, расположенные ближе к западу, к Меотиде, откуда они шли. Возможно, что это было Дарьяльским ущельем. Вторая, «другая» дорога, по которой они стали возвращаться, имеет характерный признак в виде огня, вырывавшегося из скалы. Несомненно, речь шла о «вечных огнях», горевших у нефтеносных берегов Каспийского моря, и, следовательно, путь, которым они прошли обратно, лежал через Дербентский перевал.[194]

Группы гуннских племен участвовали в борьбе кавказских государств против Ирана при том же Ездегерде II. Области на северо-восток от главного Кавказского хребта были в их руках. В середине V в. в Армении возникло длительное движение, направленное против Ирана, в которое были вовлечены соседние государства. Армяне пытались связаться с соседями для того, чтобы противопоставить силам персов целую коалицию. Албания (агваны) приняли участие в этой борьбе на стороне армян, после того как те одержали верх над персидскими отрядами. Общими усилиями иранцы были выбиты из ущелий «гуннских гор»; укрепления были захвачены; персидские гарнизоны были вынуждены их покинуть. Особой охраны требовало одно из ущелий, проход по которому открывал доступ в Закавказье. Наиболее вероятно, что речь шла о Дербентском ущелье. Этот проход был поручен Вагану, родственнику царской семьи аг-

[193] *Priscus Panites.* Fragmenta // Excerpta de legationibus ed. C. de Boor. Berolini, 1903. T. 1. P. 141; FHG. T. 4. P. 90; *Дестунис Г.* Сказания Приска Панийского, СПб., 1860. С. 62.

[194] *Дестунис Г.* Сказания Приска Панийского. С. 65 (примеч.).

ван.[195] Тому же Вагану армяне поручили войти в соглашение не только с гуннами, к которым он отправился в качестве посла, но и ко «многим другим варварам».[196] Гунны, составлявшие союз племен, объединяли различные этнические элементы, относительно самостоятельные, возглавлявшиеся царьками и князьями. С варварскими племенами был заключен союз, подтвержденный с обеих сторон клятвой.

Об этих событиях сообщает и Лазарь Фарбский, только в несколько иных словах, чем Елисей. Под предводительством Вартана в 451 г. армянские войска перешли Куру и в области агван встретили персидские войска.[197] После победы армянские войска направились к ущелью, разделяющему страну «агван и гуннов». Персидский гарнизон, стороживший укрепления у прохода, они выбивают, а охрану ворот поручают Вагану.[198] Участие Албании в коалиции против Ирана, очевидно, было обусловлено тем, что ключ от ворот будет вручен ей, так как все пространство, примыкавшее к ущелью, находилось под властью албан. К гуннам Ваган был направлен с дипломатическим поручением присоединить их военные силы к армянским и албанским. Поручение Ваган выполнил с успехом. Таким образом, согласное указание армянских источников приводит к выводу, что прорвавшиеся в IV в. за Кавказский хребет гунны в середине V в. сохраняли еще за собою все позиции на северном Кавказе, располагаясь в непосредственной близости к ущельям, отделявшим их от Албании.

ЭФТАЛИТЫ

Неоднократно отмечалось, как исключительно сложна задача историка в определении тех этнических имен, которые дают источники для различных народов прикаспийских и среднеазиатских областей V—VIII вв.

Если житие Петра Ивера говорит о «белых гуннах», соседях Иверии в конце IV и начале V в., то для византийских историков это гунны, получившие наименование савиров (сабиров). Кроме того, в источниках перемешаны имена племен и народов: кушаны, хунну, хион, кионайе, катиск, кудишайе, эфталиты, абделы и т. д. Сообщая об одном и том же событии, древние историки различно называют народы, о которых идет речь. Строго говоря,

[195] *Elisée Vartabed.* T. 2. P. 208.
[196] *Elisée Vartabed.* T. 2. P. 208, 209.
[197] *Lazare de Pharbes.* T. 2. P. 293.
[198] *Lazare de Pharbes.* T. 2. P. 294.

до выявления новых источников можно лишь строить более или менее вероятные гипотезы для определения, какая именно этническая группа принимала участие в данном событии. В этом отношении много интересного материала собрал И. Маркварт, но и к его выводам приходится относиться критически. В этом вопросе большое значение имеют китайские источники, поэтому очень важны те соображения, которые высказал по этому поводу выдающийся синолог О. Франке. К сожалению, этот период не представлял достаточного интереса для академика В. В. Бартольда, оставившего лишь немногие замечания о нем в своих многочисленных исследованиях.

Если говорить о последовательности народов, сменявшихся на северо-восточной границе Ирана, то дольше всего держалось наименование государства кушан, юечжи китайских историков, как об этом уже сказано выше.[199] Среди разноплеменных гуннских орд хионитy, известные Аммиану Марцеллину, были группой белых гуннов, этнически отличной от гуннов тюркско-монгольского типа. Скудные известия об эфталитах в китайских источниках относятся к V и VI вв.; из них следует, что ета, или етаилито, родственны великим юечжи, но не хуннну (гуннам).[200] Иначе говоря, этнически эфталитов можно сблизить с кушанами, но не с гуннами. Это подтверждает и китайское свидетельство, приведенное выше, о своеобразии их языка. История Вей (cap. 102, f. 19), сближающая ета с юечжи, написана между 550—577 гг.[201] Китайские данные об эфталитах характеризуют их как народ кочевого образа жизни на сравнительно низком уровне развития. У них могут быть отмечены пережитки группового брака. У братьев имелась общая жена. Писавший между 557—581 гг. Чеу упоминает о столице ета, сообщая о том, что власть их была сломлена тюрками. До этого времени они посылали дань и дары китайцам.[202] Впервые эфталиты были известны как Хоа, небольшой народ, подвластный жуань-жанам в эпоху династии Вей (386—494 гг.).[203] К середине V в. они заняли бассейн Окса (Амударьи), где столкнулись с сасанидским Ираном. По Пейши, эфтилиты спустились с Алтайских гор (cap. 97, f. 24 r) и расположились по Оксу и

[199] *Tarn W. W.* Seleucid-Parthian Studies // Proceedings of the British Academy. London, 1930. P. 107.

[200] *Specht E.* Étude sur l'Asie Centrale // JA. Sér. 8. Paris, 1883. T. 2. P. 339—344.

[201] Ibid. P. 339.

[202] Ibid. P. 344, 345.

[203] *Chavannes E.* Documents sur les tou-kiue (turcs) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1903. Т. 6. С. 222.

южнее его, простирая свою власть от границ Ирана до Хотана.[204] Горы, с которых спустились эфталиты, называются «золотыми горами», где их соседями были племена, говорившие на монгольских и тюркских наречиях.[205] И. Маркварт, на основании сведений истории Сиу-шу, составленной между 581—618 гг. (cap. 83, f. 16) и использованных Пейши (cap. 97, f. 3), смог установить новые данные о белых гуннах.[206] Ряд династий, принадлежавших к их родам, вышел из племени ун, которое носило также название хуна и кун.[207] Эти династии белых гуннов были еще известны и в VII в. Не лишено оснований и высказанное И. Марквартом предположение, что с середины IV в. белые гунны с архаичным именем хион стали наемниками в кушанских войсках, чтобы потом самим занять выдающееся положение.[208] Они были главной опорой дряхлеющей державы кушан. В племенном наименовании кун О. Везендонк, на основании последних исследований, видит имя тотема росомахи, с которым были связаны роды, а затем и племена белых гуннов.[209] Имя кун (у китайцев хоа) как племенное наименование сменилось именем ета, и ета-и-ли-то, превратившееся у западных писателей в эфталитов, со всеми видоизменениями и производными этого имени. Ряд источников, греческих и китайских, видит в последнем имя царя Эфталана (Феофан Византийский), а история Лианг говорит, что Е-та-и-ли-то было имя царя хоа, пославшего в 516 г. посольство в Китай.[210] Это свидетельство имеется и в Танг-шу, где ета — родовое имя царей, которое было присвоено государству.[211]

Необходимо указать на то, что с белыми гуннами И. Маркварт связывает и неоднократно поминаемых кадисеев — «катиск» армянских источников. Эти кадусии, или кадисеи, заняли персидскую провинцию Герат. Первоначально И. Маркварт сомневался в том, считать ли их хионитами или эфталитами,[212]

[204] *Franke O.* Geschichte des Chinesischen Reiches. Berlin, 1935. Bd 2. S. 231.

[205] *Marquart J., de-Groot J.* Das Reich Zabul und der Gott Zun vom 6—9 Jh. Festschrifft E. Sachau. Berlin, 1915. S. 255.

[206] Ibid. S. 249, 250.

[207] Ibid. S. 253.

[208] Ibid. S. 254. Необходимо иметь в виду, что И. Маркварт допустил ошибку, предполагая, что имя κούγχαν, упоминаемое Приском Панийским, представляет собою имя кочу и термин «хан». В именительном падеже это имя приведено у греческого писателя как κούγχας, чего Маркварт не заметил (*Priscus Panites.* Fragmenta 33 (FHG. T. 4. P. 106)).

[209] *Wesendonk O. G.* Kušan. S. 341; *Alföldi A.* Die theriomorphe Weltbetrachtung in den hochasiatischen Kulturen // Archäoligischer Anzeiger. 1913. Bd 46. S. 393—418.

[210] *Chavannes E.* Documents... P. 223.

[211] Ibid.

[212] *Marquart J.* Eranšahr. S. 61.

но в последующих работах он считал их эфталитами.[213] Сирийский писатель Исаак Антиохийский, писавший около 400 г., говорит, что кудишайе жили около Низибии.[214] Т. Нельдеке считал их родственниками курдов, с которыми, по его мнению, у них имелось много общих черт.[215] В сохранившихся фрагментах Иоанна Антиохийского имеется указание, что кадусии причислялись к гуннам.[216] Эти свидетельства дают основание полагать, что кадусии принадлежали к белым гуннам. На Северном Кавказе источники упоминают гуннов-сабиров. Некоторые исследователи были склонны считать их также белыми гуннами, что может быть подтверждено приведенным выше свидетельством жития Петра Ивера о белых гуннах как о соседях иверов. Но в целом вопрос этот сложнее, и наличие очень существенных данных такого сирийского источника, как Захария Ритор, требует более детального рассмотрения этого вопроса.[217]

Греческие источники называют противников Ирана на северо-восточной его границе гуннами-кидаритами. Имя кидаритов они возводят к царю Кидару и этих гуннов считают белыми гуннами. Более подробно об этом было уже сообщено выше.

Таким образом, на основании приведенного материала можно прийти к следующим выводам. Имя гуннов, данное племенам и ордам, тревожившим в конце IV и в V в. Иран и Византию, ордам, задолго до этого известным Китаю как хунну, относилось к разноплеменным и разноязычным народам, объединенным в случайные и легко распадающиеся государства. Часть из них получила наименование белых гуннов, имя, которое сохранялось за ними, хотя отдельные группы и государства стали известны под новыми названиями, как, например, эфталиты, кидариты.

Сирийской хронике Иешу Стилита имена эфталитов и кидаритов неизвестны. Для нее враги Пероза — хионiты, которых она называет и гуннами и в дальнейшем сохраняет за ними это последнее имя. Шаханшах сначала одерживает победы и присоединяет их земли к своей территории, но затем он терпит от них поражения и погибает сам на поле битвы.

[213] *Marquart J., de-Groot J.* Das Reich Zabul... S. 244.
[214] S. Isaaci Antioscheni doctoris syrorum opera omnia / Ed. G. Bickel. Gissae, 1873. Vol. 1. P. 208.
[215] *Nöldeke T.* Zwei Völker Vorderasiens // ZDMG. 1879. Bd 33. S. 161, 162.
[216] Excerpta de insidiis-Fragmenta Ioannis Antiocheni // FHG. T. 4. P. 28.
[217] *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939. Кн. 6. С. 107—115.

Самое имя эфталитов встречается в различных вариантах, с густым и тонким придыханием в греческом произношении, в зависимости от чего закономерно русское правописание их имени как эфталиты, так и гефталиты. В хронографе Феофана имя эфталитов изменено в нафталитов.[218] Феофилакт Симоката называет их абделами, что, впрочем, является лишь иной транскрипцией все того же имени ефталь, епталь, абдаль.

Выше мною уже было отмечено, что Аммиан Марцеллин дает описание внешности гуннов, которое имеет все характерные черты монгольско-тюркского типа. Он отличает от них хионитов, которых сам видел со стены Амида. Прокопий Кесарийский располагает подробными сведениями об эфталитах. Если он говорит, что они не похожи на прочих гуннов, которые являются кочевниками и «живут какой-то звериной жизнью»,[219] то сам Прокопий, не дав более детального описания их быта, вероятно, считал их достаточно хорошо известными по подробному сообщению Аммиана Марцеллина, в представлении которого племя гуннов превосходило «в своей дикости всякую меру».[220] Подробное описание внешности гуннов, их образа жизни греческий читатель мог найти также и у Приска, но Прокопий просто прибавляет, что он имеет в виду гуннов, которые «нам известны». Относительно эфталитов Прокопий сообщает следующие данные. Пероз вел войну против народа эфталитов, называемых белыми гуннами. «Хотя эфталиты народ гуннский и (так) называются, они, однако, не смешиваются и не общаются с теми гуннами, которых мы знаем, так как не имеют с ними пограничной области и не живут вблизи них, но (находятся) по соседству с персами на севере, где находится город по имени Горго, у самой их и персидской окраины; там они часто сражаются друг с другом из-за границ, ибо они не номады, как прочие гуннские народы, но издавна обосновались на доброй (= плодородной) земле. Поэтому они не делали нападений на ромейскую землю, разве только с персидским войском. Они одни из гуннов белы телом и не безобразны видом, не имеют и образа жизни, подобного им, и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царем и имеют законную государственность (πολπείαν ἔννομον ἔχοντες), соблюдая между собою и с соседями справедливость ничуть не хуже ромеев или персов».[221]

[218] *Theophanus.* P. 122.
[219] *Procopius.* De bello persico, I, 3.
[220] *Ammianus,* 21, 2, 1.
[221] *Procopius.* De bello persico, I, 3.

Белые гунны, эфталиты в представлении Прокопия, населяют те области на север от Горго (Гургана), известные и Приску Панийскому как населенные кидаритами.[222] Самые сведения о Горго Прокопий мог позаимствовать у Приска. Внешнее отличие эфталитов от гуннских племен, которое подчеркивает Прокопий, как и утвердившееся за ними имя белых гуннов у всех греческих писателей, не оставляет сомнения в том, что они принадлежали к другому этническому типу, чем собственно гунны. Это было справедливо и для их политических предшественников хионитов, внешность которых казалось красивой Аммиану Марцеллину, не пожалевшему красок, чтобы описать «безобразие» собственно гуннов. В сообщении Прокопия обращает на себя внимание и другая отмеченная им особенность, что эфталиты жили иначе, чем остальные гунны, и по своему образу жизни были не «так дики». О дикости гуннов писал Аммиан, ряд подробностей Прокопий мог почерпнуть и у Приска. Родоплеменной строй гуннов с его распрями и отсутствием единой власти вызывал отрицательное отношение Прокопия. Орды белых гуннов также не составляли единого государства и получали различные имена по имени своих родоплеменных вождей, царьков и царей, как кидариты от Кидара и эфталиты от Эфталана. Союз племен, вероятно, владел и областью Чора (Чол), о которых сирийский источник говорит, что Ездегерд II сражался с их царьками.

Хиониты, кидариты, эфталиты принадлежали к одному этническому типу, но составляли разные орды с различными племенными названиями. Смена господствующей орды сопровождалась изменением имени «государства».

Массы полукочевых племен частью подчинялись новой господствующей орде, или династии, частью уходили, как это было с кидаритами. После поражения, нанесенного им Перозом, часть из них двинулась за «высокие горы» Индии, другая часть осталась и вошла в состав государства эфталитов, объединенных властью царя, который чеканил монеты со своим изображением и именем. Воспитанному в высоком уважении к римскому праву современнику кодификационных работ императора Юстиниана Прокопию «неустройство» гуннов казалось удивительным, диким, «звериным». Наоборот, «эфталиты», по его мнению, имели «законную государственность», т. е. государственное устройство, опиравшееся на установления закона. Это, по его мнению, обеспечивало белым гуннам соблюдение справедливости и между собою, и в отношении соседей. Такой

[222] *Priscus Panites.* Fragmenta. P. 154.

взгляд на эфталитов согласуется и с тем, что о них писал Феофан Византиец, который считал, что в руках эфталитов находились торговые порты и города, отнятые у них тюрками во второй половине VI в. Менандр говорит об эфталитах как о народе, жившем в городах, к чему их, по всей вероятности, привело и выполнение государственных функций фискального, военного и административного характера. За столетие государство эфталитов в значительной мере эволюционировало не без влияния древней местной культуры.

Необходимо иметь в виду, что под покровом сменявшейся верхушки династий и орд белых гуннов в областях Средней Азии, примыкавших к Ирану, продолжало существовать и жить оседлое население. Согда, хорезмийцы продолжали жить прежней жизнью, заниматься сельским хозяйством, ремеслом и торговлей. Лишний раз перед исследователем становится вопрос о взаимоотношениях между древними культурными государствами и кочевниками: с одной стороны, достигшая высоких ступеней развития древняя культура Согда и Хорезма, с другой стороны, господствующая орда, только что вышедшая из кочевого или полукочевого образа жизни. В этом смысле характерны сведения, относящиеся уже к последней четверти VI в., когда согды пытаются наладить свою торговлю и заключить торговые договоры с Византией вопреки тюркам, господство которых над ними уже сменило господство эфталитов.

БОРЬБА ИРАНА С ЭФТАЛИТАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V в.

Борьба Ирана с окрепшим и усилившимся государством эфталитов, сменивших дряхлеющих кидаритских царей, развертывается в половине V в. Положение Ирана во многих отношениях было затруднительно, восточная и северная границы подвергались непрерывным нападениям. Граница в бассейне Амударьи доставляла много беспокойства, так как здесь имело место давление со стороны эфталитов. Кочующие орды находились также на восточном и западном побережьях Каспийского моря, где они переходили в наступление при малейшем ослаблении бдительности персов.

Перегруппировка сил и новые отношения среди гуннских племен, которые вызвали их передвижение, отразились и на их отношениях с Византией. Приск Панийский относит к 7-му году царствования императора Льва, следовательно, к 463 г., посольство гуннских племен — сарагуров, уругов и оногуров — в

Константинополь. Вызвано оно было тем, что названные гуннские племена были теснимы сабирами, на которых в свою очередь напали племена, известные под именем аваров. Таково сообщение Приска.[223] Оно находится в согласии с китайскими источниками, по которым в 448 г. жуань-жани были разбиты китайским императором Тайвути и с тех пор сохраняли мирные отношения с династией Вей. Их экспансия была с этого времени направлена на запад, в 460 г. они овладели Турфаном.[224] Византии они стали известны под именем аваров.

Борьба с государством кидаритов и сменивших их эфталитов, на северо-восточной границе Ирана, приняла особенно острую форму во второй половине V в., когда мощь этого государства стала особенно сильной.

После смерти Ездегарда в 457 г. между двумя его сыновьями возникла борьба за престол. Старший из них Хормизд был правителем Сакастана, имел титул царя и должен был занять престол шаханшаха. Его младший брат Пероз претендовал на то же, и разгоревшееся междоусобие было решено оружием в восточных областях Ирана. Об этих событиях сообщает Табари. Его данные заслуживают большого внимания, так как детального анализа его замечательная хроника до настоящего времени не имеет, между тем сведения, которыми располагал ее автор, имеют большое значение. В части своего труда, которая касается истории Сасанидов, Табари располагает несколькими источниками; он их, впрочем, не согласует, а излагает независимо друг от друга. Такое изложение обеспечивает исследователю относительную возможность проследить его источники. Он располагает двумя версиями, из которых первая анонимная. Согласно этой версии, Пероз обращается за помощью к царю земли Хайталь, который дал ему войско, за что Пероз должен был ему уступить город Талакан.[225] А. Кристенсен находит вслед за И. Марквартом,[226] что такое положение не могло соответствовать исторической действительности, так как эфталиты ко времени смерти Ездегерда II еще не достигли иранских границ и что самое обращение и бегство Пероза навеяно фактами, известными относительно Кавада.[227] На основании сведений Ибн-Хишама Табари сообщаем, что Пероз

[223] *Priscus Panites.* Fragmenta 30; FHG. T. 4. P. 104, 105; Excerpta historica Constantini Porphyrogeniti. Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. Berolini, 1903. Pars II. P. 586.
[224] *Franke O.* Geschichte des Chinesischen Reiches. Bd 2. S. 199, 202, 230.
[225] *Nöldeke.* Geschichte. S. 115, 116.
[226] *Marquart J.* Eranšahr. S. 57.
[227] *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 284, note 5.

пришел к власти после междоусобицы, в которой он победил благодаря поддержке жителей Тохаристана и окружающих областей. Восстание было им поднято в области Хорасана, откуда он двинулся на Рей, где находился его брат Хормизд, которого он и захватил в плен.[228] Не подлежит сомнению, что Пероз добился власти при поддержке населения восточных провинций Ирана. По мнению И. Маркварта, северо-восточными соседями персов были гунны-кидариты, которых он часто называет и хионитами, а появление эфталитов относит к более позднему времени. Эфталиты, захватившие позже Тохаристан, не могли в это время еще играть такой роли. Но в 80-х годах V в. они убили Пероза и захватили весь Хорасан, откуда их выгнали персидские войска под началом Сохры из Сираза (Шираза).[229]

Далее Табари говорит, что царствование Пероза было чрезвычайно несчастным, так как в течение нескольких лет в стране господствовал жестокий голод. На основании этого же источника, которого Табари не называет, но говорит лишь, что не на основании Хишама, он сообщает о построенных Перозом городах в различных областях государства.

Город Рам-Пероз был отстроен Перозом в области Рай; это город, лежащий на юг от южного побережья Каспийского моря, недалеко от нынешнего Тегерана. Второй город, названный Рошан-Пероз, был им построен между Гурганом и воротами Чор (или Чол); это укрепление на юго-восточном побережье Каспийского моря. О борьбе персов в этих областях речь уже была выше. Наконец, третий город Шахрам-Пероз был им заложен в Азербайджане, т. е. на западном, кавказском побережье Каспийского моря, там, где персы оберегали известные Каспийские ворота.[230] В дальнейшем сведения Табари кратки, но они согласны с тем, что рассказывают греческие и сирийские источники, а именно: когда Пероз укрепил свою власть, его страна возродилась после тяжелых лет голода; он покорил и унизил своих врагов, отстроил три упомянутых города и только затем двинулся к Хорасану, для войны против царя эфталитов (хайталь), называемого Ахшунвар (Хашнуваз).[231] Существенно, что и источники Табари знают момент, когда Пероз выходит победителем над своими врагами, а затем оказывается разбитым и умирает в борьбе с ними.

[228] *Nöldeke.* Geschichte. S. 117, 118.
[229] Ibid. S. 120, 121.
[230] Ibid. S. 123.
[231] Ibid. S. 123, Anm. 4.

Тяжелое положение, в котором находился Иран в первые годы правления Переза, засвидетельствовано и другими источниками. Междоусобная война, опасения, испытываемые от недовольства населения в голодные годы, угрозы со стороны внешних врагов — все это требовало в первую очередь средств. Необходимость располагать деньгами побудила Переза обратиться за «обычным золотом», т. е. за дотацией, к Византии. Сирийская хроника Иешу Стилита подробно сообщает о том, что побудило Переза обратиться к ромеям и какие доводы он приводил, чтобы добиться своего. Персидская казна была истощена предшествующими войнами, содержание же войска требовало средств, и защита кавказских перевалов от кочевников была не только в интересах Ирана, но и в интересах Византии. Посольство Переза напомнило Константинополю об опустошениях, произведенных гуннами в 395/6 г., и в упор поставило вопрос относительно охраны крепости Юроейпаах, находившейся у Каспийских ворот. Еще И. Маркварт расшифровал значение названия Ἰουροει παάχ как «крепости Иверии». Персы предлагали ромеям или оберегать ее, посылая гарнизон, или делать соответствующие денежные взносы, чтобы не были обременены одни только персы, но чтобы эта забота падала и на Византию. Если персы ослабят защиту этих крепостей, то варварские народы ворвутся и опустошат не только Иран, но и византийские провинции, как это было при царях Аркадии и Гонории, когда «вся Сирия» была жертвой разорительного набега гуннов.[232]

Та же хроника считает, что Перез вел войну с хионитами, «кионайе, которые суть унны», и получал на нее дотации из Византии. Он напоминал и требовал этих денег неоднократно.[233]

Греческий писатель V в. Приск Панийский отдельно говорит об этом требовании персов, не связывая его с охраной Каспийских ворот. «Они говорили, что (ромеи) должны помогать деньгами в войне против гуннов, называемых кидаритами». Победа над ними персов обусловливала и спокойствие византийских областей, так как лишала их возможности подвергнуться нападению.[234] В ответ Константинополь обещал прислать представителя для переговоров в Иран; что же касается охраны крепости Юроейпаах и «войны против уннов», то за все, что было предпринято для собственной защиты персов,

[232] *Иешу Стилит.* § 9.
[233] Там же.
[234] *Priscus Panites.* Fragmenta 15; FHG. T. 4.

«несправедливо требовать с них», с ромеев.[235] По тексту Приска, война с кидаритами и защита «крепости Иверии» — Юроейпаах — рассматриваются как два различных действия. Это подтверждается и другими источниками, из которых становится очевидным, что борьба с кидаритами протекала не на западном побережье Каспия, а на северо-восточной границе Ирана.

Епарх Константий, направленный из Византии в качестве посла к Перозу, в течение долгого времени жил в Эдессе, городе, стоявшем близко к византийской границе с Ираном.[236] Наконец ему было предложено отправиться к Перозу, который был в это время на персидской границе, примыкавшей к гуннам-кидаритам. Перез расположился не в городе, а в селении, называемом Горго, где персы стояли лагерем. Для Приска, следовательно, кидариты находились на восточном побережье Каспия, где Ирану приходилось вести войну еще при Ездегерде II, как на это было указано выше. Другой частью границы, где у персов происходили столкновения во второй половине V в., были области у Талакана (к концу царствования Переза там пролегала граница государства эфталитов).

На севере от Гургана, у Чола (Чора), где Ездегерд поставил Шахристан-Ездегерд, Перез продолжал поддерживать крепость и крепостные валы. От Византии Перез требовал помощи как для защиты кавказской границы, так и для войны с кидаритами, которые были угрозой не только иранским землям, но и азиатским провинциям Византии. Приблизительно к 468 г. относятся сведения, что персы осаждали город кидаритов — Валаам; это город, расположенный на восток от Красноводской бухты, в Балахане.[237] В китайских источниках он носит название По-ло. Это тот самый город, где расположились орды та-юй-чжи при царе Ки-то-ло, Кидаре.[238] С гуннами-кидаритами Приска следует сопоставить гуннов-хионитов, на которых указывает Иешу Стилит как на противников Переза, причем в первое время его царствования им отмечаются успехи персидского оружия. «С помощью золота, полученного от ромеев, покорил Перез гуннов и много взял от них земли и присоединил к своему государству...».[239] Если считать, что это свидетельство относится ко времени, когда персы хвалились перед византийским посольством, что они ведут осаду Валаама, то

[235] Ibid.
[236] Ibid.
[237] *Marquart J.* Eranšahr. S. 55.
[238] *Specht E.* Étude sur l'Asie Centrale. P. 328; *Marquart J.* Eranšahr. S. 58.
[239] *Иешу Стилит.* § 10.

это происходило в конце 60-х годов V в. Но лет за 12 до этого, около 456 г., Пероз уже вел войну против кидаритов, так как именно ее напряженность помешала персам принять участие в конфликте между лазами и Византией. Вступив в Колхиду, византийские войска сразились с лазами и возвратились обратно. Военачальники, собираясь повторить свой удар, колебались между той же дорогой и новой, через Персидскую Армению, для чего направили предварительно посольство к шаханшаху. Из Колхиды к нему также было отправлено посольство, как и в Византию. Но «занятый войной с гуннами, называемыми кидаритами, он (Пероз) отказал лазам, которые обратились к нему».[240]

Все эти данные относятся ко времени, когда успехи персов были ощутительны. Разбитые кидариты вынуждены были уступить. Судя по сведениям китайских источников, они должны были сделать уступки на северо-восточной границе Ирана, 102-я глава истории Вей, составленной в середине VI в., сообщает о царе Кидаре (Ки-то-ло) и его завоевании северной Индии, на юг от великих гор, где пять государств Гандара (Кан-то-ло) ему подчинились.[241] Возможно, что уход этой орды белых гуннов был не только следствием победы персидского оружия, но и давлением новой силы, государства эфталитов, восточная граница которого была у Хотана, западную они стремились продвинуть до Амударьи.

В истории Ирана времени Пероза можно считать несомненно установленными два факта: 1) что персы победили и разбили своих северо-восточных соседей, присоединили часть их территории к своей и что те вынуждены были искать новых мест для поселения; 2) что в конце царствования Пероза персы потерпели поражение в тех же северо-восточных областях и в битве с этими врагами погиб сам шаханшах Пероз. Первый этап борьбы персов при Перозе относится к войне с кидаритами, когда последние были разбиты и передвинулись в северную Индию. Второй этап борьбы относится к государству эфталитов, граница которого, после ухода кидаритов, достигла персидских пределов. Согдиана и некоторые области Хорезма входили в состав их державы, эфталиты распоряжались в гаванях и торговых центрах, связанных с китайской и индийской торговлей. Они были хозяевами «шелковой дороги», как впоследствии тюрки. По свидетельству Прокопия Кесарийского, и восточное побережье Каспийского моря было в руках эфталитов.

[240] *Priscus Panites.* Fragmenta 1; FHG. T. 4. P. 152.
[241] *Specht E.* Étude sur l'Asie Centrale. P. 328.

За столетие существования государства эфталитов сами они, вернее — господствующие их слои, эволюционировали не без влияния древней и высокой культуры таких оседлых народов, как согды и хорезмийцы, которых они покорили.

Борьба сасанидского Ирана с этим новым и мощным врагом была необходимостью, так как дальнейшее продвижение эфталитских орд грозило спокойствию издавна принадлежавших Ирану областей.

Для истории борьбы Пероза с эфталитами наибольшую ценность представляют сведения сирийских и греческих историков. В специальном исследовании об источниках хроники Иешу Стилита мною было указано, что сведения об этих войнах у Иешу Стилита и Прокопия Кесарийского восходят к общему источнику, ныне утерянной истории Евстафия Епифанийского. Часть сведений Евстафия имеет общее с данными Приска Панийского, писателя середины V в., от сочинения которого сохранились лишь фрагменты. Евстафий Епифанийский пережил осаду Амида Кавадом и умер около 503 г., когда он был взят персами. Если Евстафий был источником Прокопия, то последний располагал сведениями из очень осведомленного источника, который созвучен превосходно осведомленной сирийской хронике, впрочем, имеющей и свои собственные данные, известные только из сирийской традиции.

Для дальнейшей борьбы Пероза с кочевниками на прикаспийской границе, на западном и восточном побережьях, и с эфталитами на среднеазиатской границе требовались деньги. Иран вновь пытается получить их в Византии. Денежные субсидии выдавались Константинополем Ирану, чтобы грозный сосед вел за свой счет борьбу с кочевыми народами, бывшими их общим врагом. Византия видела в этих дотациях также способ умиротворить Иран в тех случаях, когда его завоевательные тенденции были направлены на ее собственные провинции. Сирийские источники постоянно говорят об «обычном золоте», может быть, точнее о золоте, выдаваемом персам «по обычаю», причем писатели византийской тенденции настаивали на том, что это была не «подать», как считали персы, а дар или дотация. Еще во время посольства Земарха к тюркам, по сообщению Иоанна Эфесского, персы уверили последних в том, что Византия является их данницей. Повторяется это неоднократно и другими, более ранними источниками, как Иешу Стилитом, Захарией Ритором и др. Знают об этом и византийские писатели, как это видно, например, из приведенного выше текста Приска. Ко времени Пероза относится, по всей вероятности, сообщение о попытке нападения сарагуров, акатциров и дру-

гих народностей на Иран. Побудительной причиной их наступления были длительные столкновения, вызванные трениями между ордами гуннских племен. По мнению Приска, движение совершали жившие у океана народы, теснившие аваров; авары оказали давление на сабиров, в свою очередь выгнавших с насиженных мест сарагуров, урогов и оногуров.[242] В трех последних народностях следует видеть собственно гуннские племена, о чем говорит сирийский источник VI в., подробный анализ которого дан ниже.[243] Сарагуры, под давлением сабиров «гонимые, пришли к гуннам акатцирам, требуя от них земли». После длительных битв они их победили и отправили посольство в Византию. Отсюда вполне понятно, что сарагуры с акатцирами, присоединившимися к ним, предприняли поход на Иран. Отнести это нападение следует ко времени, предшествовавшему тому, когда области, граничившие в восточной части Кавказского перешейка с Ираном, были захвачены гуннами-сабирами. Сарагуры и акатциры двигались по побережью Каспийского моря и стали стучаться в Дербентские ворота, называемые Каспийскими воротами, но безуспешно, так как они нашли там засевшим персидский гарнизон.[244] Тогда они направились другой дорогой, которая привела их к иверам и дала возможность делать нападения на армянские селения. Следствием были повторные требования персов субсидии от Византии. Деньги и люди должны были быть присланы для охраны крепости Юроейпаах, так как персы принимают непосредственно на себя удары кочевников и тем самым охраняют и ромейские земли. Но Константинополь на этот раз не внял просьбам, утверждая, что содержать свои войска должно каждое государство само. Общая ситуация в этой части более детально освещена хроникой Иешу Стилита. Придерживаясь в своих взглядах византийской ориентации, этот историк, изложивший подробно ход персо-византийской войны; происходившей в начале VI в. при императоре Анастасии, пытался выяснить причины этой войны, как это было принято прагматической историографией того времени. Основными причинами он считает две: одну — прекращение денежных субсидий Ирану со стороны Византии, другую — требование Византии возвратить Низибию, на которое Кавад никак не соглашался. В 606 г. Селевкидов (297/8 г. н. э.) была взята Низибия, и Византия владела ею в течение 65 лет. После смерти в «Персии» Юлиана в 674 г. Селевкидов (363 г. н. э.) Иовиан будто бы уступил персам Низибию на 120 лет, желая сохранить мир. Срок возвращения Низибии якобы заканчивался при императоре Зеноне, но персы не собирались возвращать города ромеям.[245]

[242] *Priscus Panites.* Fragmenta 2; FHG. T. 4. P. 856.
[243] См. с. 282 и след.
[244] *Priscus Panites.* Fragmenta 2; FHG. T. 4. P. 588.

Другой причиной войны сирийская хроника считает вопрос о дотациях. Между обеими державами будто бы существовало соглашение, по которому они должны были оказывать взаимную помощь, предоставляя в случае нужды или 300 человек воинов с оружием и конями, или 300 статиров за каждого вооруженного воина. Выбор между тем и другим предоставлялось делать стороне, нуждавшейся в помощи. Желая высоко держать престиж Византии, сирийский историк утверждает, что она не нуждалась в помощи, от персов же постоянно исходили просьбы «о золоте», которое они и получали, но «не под видом подати, как полагали многие», а в качестве такой субсидии и помощи.[246] Такого рода дотации из Византии получались и «в наши дни», т. е. в современный для автора период. Пероз также неоднократно получал «золото от ромеев», которые принимали его потому, что борьба персов с кочевниками велась ими и ради ромеев, «чтобы они не перешли в вашу землю».[247] Примером того, насколько эта угроза была реальной, служил факт, о котором речь уже была выше, — нападение гуннов в 395/6 г. на азиатские провинции Византии, когда вся Сирия была отдана на поток и на разграбление.[248] По мнению сирийской хроники, именно эти дотации ромеев и обеспечили персам успех в их завоевательной политике.[249]

Вопрос о дотациях Византии Ирану хорошо известен и Прокопию. О том, как империя была заинтересована в войнах Пероза, говорит хотя бы тот факт, что в походе его сопровождал византийский посол Евсевий, игравший роль, сходную с ролью современного военного атташе.[250] Не подлежит сомнению наличие специального договора между двумя крупнейшими державами Передней Азии, обусловливавшего настойчивые требования со стороны персов дотаций или предоставления военных отрядов со стороны Византии.[251]

Возможно также, что присутствие византийского представителя при Перозе объяснялось тем, что в его предшествовавшем походе, о котором знает сирийский источник, он был вы-

[245] *Иешу Стилит.* § 7.
[246] *Иешу Стилит.* § 8.
[247] *Иешу Стилит.* § 9.
[248] Ibid.
[249] *Иешу Стилит.* § 10.
[250] *Procopius.* De bello persico, I, 3.
[251] *Priscus Panites.* Fragmenta 2; FHG. T. 4. P. 588; *Иешу Стилит.* § 8.

куплен из эфталитского плена императором Зеноном.[252] То обстоятельство, что шаханшах с помощью византийского «золота» присоединил к своему государству часть «гуннских земель и что, будучи схвачен врагами, был выкуплен из плена византийским императором», является новым доводом для того, чтобы считать понятным присутствие ромейского посла Евсевия во втором походе Пероза.

Согласно сирийской традиции, изложенной в хронике Иешу Стилита,[253] Пероз дважды попадает в плен к эфталитам, причем выкуплен был Зеноном, который послал за него «золото», освободил и помирил с эфталитами. Об этом факте, свидетельствующем о заинтересованности Константинополя в военных действиях Ирана против кочевников, греческие источники умалчивают, быть может, и тенденциозно. Второе пленение Пероза вынудило его оставить в качестве заложника сына Кавада, который воспитывался при дворе эфталитского царя, — факт, сыгравший значительную роль в биографии будущего шаханшаха. Он оставался там, пока вся сумма выкупа не была внесена Перозом, который вслед за тем вновь выступил против эфталитов.

По мнению Прокопия, Пероз попал к эфталитам в плен благодаря хитрости последних, так как они завлекли его на длинную дорогу, кончавшуюся тупиком в горах. Часть эфталитов спряталась в засаде, другая, притворившись, что они спасаются от преследований персов, двигалась по этому пути, а за ними персы. Непосредственно военными действиями руководил шах, и никто не смел ему указать на опасность преследования эфталитского войска на их же земле. Только византийский посол Евсевий решился предостеречь его, рассказав притчу о льве, попавшем в яму.[254] Пероз остановился, но обратный путь был ему уже отрезан засадой, и царь эфталитов предложил ему капитуляцию. Конечно, дело было не в земном поклоне, которого он будто бы потребовал у Пероза, а в признании за ним прав на некоторые области и дани, которую он желал получить. Версия, близкая Прокопию, изложена и Табари, но она имеет многочисленные легендарные добавления. Не лишено, однако, оснований сообщение, что Пероз дал письменное обязательство не переступать границы эфталитов.[255] Некоторые детали, однако, интересны. Так, нарушая пограничную разметку, столб или башню, стоявшую на границе, Пероз приказывал оттащить ее, двигая впряженными слонами.[256] Существенно и другое, что на основании сообщения Табари можно утверждать, что Тохаристан был в руках эфталитов, а что война происходила в областях Хорасана, это подтверждает и предшественник Табари — Хишам.[257] Рассказ Табари сходен с рассказом Прокопия Кесарийского и заканчивается описанием поражения Пероза. Персидский царь сдается на милость победителя, его заставляют унизительно поклониться эфталитскому царю (Прокопий) и дать письменное обещание никогда более не переступать границы государства Хайталь (Табари).

Помимо требования строжайше соблюдать границу эфталиты добились и уплаты контрибуции, «подати», которую персы платили в течение двух лет и снять которую удалось только Каваду.[258] Из сирийских источников можно извлечь дополнительные и исторически существенные подробности. Запрошенная эфталитами сумма была настолько велика, что выплатить ее всю единовременно Пероз не мог. «Все его войско, — говорит хроника, — было уничтожено, рассеяно, а сам он был захвачен живым. Он пообещал в своей гордости дать за спасение своей жизни 30 мулов, нагруженных зузе».[259] Формулировка источника не оставляет сомнения в том, что дань выплачивалась чеканной монетой, что только и может означать слово «зузе». Преимущественно это обозначение серебряной монеты, но может означать и монету вообще. Эквивалентами сирийского зузе будет nummus, moneta, quadrans, κοδράντης, δραχμή и соответственно 2 зузе, δίδραχμα.[260] Однако и это количество денег не могло быть собрано без затруднений. «Он послал в землю, что была под его властью, и с трудом собрал 20 мешков, так как вся казна предшествовавших ему царей была истощена прежними войнами. За другие десять оставшихся мелков, пока он не пришлет их, он оставил заложником и поручителем Кавада, своего сына, и заключил с ними договор во второй раз с ними не воевать. Когда Пероз возвратился в свое государство, он обложил подушной податью всю свою землю, послал десять мешков зузе и освободил своего сына».[261] Истощенная казна Ирана не могла дать Перозу всей необходимой суммы, поэтому он прибег к внезапному обложению своего государства податью. В том, что это была подушная подать, не может быть со-

[252] *Иешу Стилит.* § 10.
[253] Там же.
[254] *Procopius.* De bello persico, I, 3.
[255] *Nöldeke.* Geschichte. S. 125. 129.

[256] Ibid. S. 128—130.
[257] Ibid. S. 119.
[258] *Procopius.* De bello persico, I, 4.
[259] *Иешу Стилит.* § 10.
[260] *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. Oxonii, 1879. T. 1. Col. 1097, 1098.
[261] *Иешу Стилит.* § 10, 11.

мнения, так как она названа буквально: «серебро головы», т. е. поголовная, или подушная, подать. Собранные деньги дали возможность выкупить оставленного в качестве заложника Кавада. После этого у Пероза руки оказались развязанными, он вновь собрал свое войско и союзников и выступил на войну. В этом последнем своем походе Пероз потерял все и погиб сам. К этому времени относится, по всей вероятности, и сообщение Приска относительно попыток Пероза заключить мирный договор с врагами, так как персидские войска были утомлены войной. Пероз предлагает женить правителя на своей сестре. Посланная им взамен сестры обманным образом другая женщина раскрыла этот обман, следствием чего был жестокий гнев обманутого царя. Рассказ этот несомненно легендарен, но существенно, что попытки к мирным переговорам делались.[262] В свою очередь глава эфталитов Кунха решил отомстить Перозу за обман с женой. Он стал просить шаханшаха прислать ему персидских начальников войск, тех, что руководят войной, для инструктажа, так как рядовых воинов у него более чем достаточно.[263] Но, желая вести войну с соседними народами, он хотел иметь руководство персов. Когда отобранные Перозом персы прибыли к Кунхе, он их частью убил, частью изуродовал и послал сказать Перозу, что сделал это из мести, после чего возобновились военные действия.[264] Если рассказ этот в целом, как и предшествующий, не является достоверным во всех деталях, то во всяком случае обращает на себя внимание тот факт, что эфталиты обращались к персам за помощью культурного порядка, искали у них навыков, которых в военном деле им, быть может, и не хватало. Оба рассказа в целом свидетельствуют о связях между обоими государствами, о мирном общении, которое, впрочем, не исключало ни ожесточенной борьбы, ни военных походов, которые прерывали всякие мирные сношения.

Когда эфталиты были осведомлены относительно сбора персидских войск, часть правящей верхушки настоятельно стала требовать наступления, но царь эфталитов отказался вести войска на враждебную территорию. Он предпочел, чтобы персы перешли границу, и подготовил у себя хитроумный план их гибели. На большом поле были вырыты ямы, едва покрытые досками и землей, по узкому пространству из плотной земли между которыми могли проехать десять конных в ряд. До на-

[262] *Priscus Panites.* Fragmenta 1; FHG. T. 4. P. 154.
[263] Ibid.
[264] Ibid.

ступления персов эфталиты оставались в покое, но лишь только было получено известие через лазутчиков, что персидские войска достигли пограничного города Горго (на юго-восточном побережье Каспийского моря), эфталиты расположили свои войска у намеченного поля. Один из отрядов показался персам, чтобы увлечь их к опасному подкопу. Подстроенная хитрость удалась, и все персидское войско с Перозом и его сыновьями погибло, остальные были взяты в плен.[265] Тело шаханшаха найдено не было, оно пропало бесследно в схватке между обоими войсками.[266] Приходится с большой осторожностью отнестись к сообщению в хронике Захарии Ритора, где хронологическое указание на 13-й год Анастасия находится в явном противоречии с именем Пероза. Мне представляется, что тут соединены, слиты два рассказа в одно целое. Справедливо указание на смерть Пероза, но все прочее — наступление гуннов, переговоры и т. д. — относится, очевидно, к другим событиям, и не к эфталитам, а к гуннам, но об этом подробно сказано ниже. Прокопий помещает еще легендарный рассказ о жемчужине Пероза. Возможно, что Прокопий переписал его из Евстафия Епифанийского, использованного им.[267]

В Иране воцарился брат Пероза Балаш. «Это был муж смиренный и миролюбивый», — говорит хроника. «Он не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю опустошенной из-за пленения гуннами. Ибо не безызвестно твоей мудрости, какой ущерб и расходы несут цари при войнах даже победоносных, тем более несчастных».[268] И без того расстроенная казна иранских царей после поражений Пероза не пополнилась. Опоры в войсках Балаш не имел, «он был ничтожен в их глазах», так как у него не было «золота», чтобы содержать их. Попытка получить субсидию из Византии ему не удалась, вместо этого Константинополь напоминал о своих претензиях на Низибию и на подати с нее, которые поступали к шаханшаху.[269] Отправленное Балашем в Константинополь посольство в числе своих членов имело сирийца Барсауму, человека выдающегося по уму и образованию. Несторианский епископ, он, однако, был женат, «как все персы». После его возвращения в Низибию ему было предложено следить за разграничением Ирана и Византии. Барсаума сыграл выдающуюся роль в движении представителей несторианства, когда сиро-персидские епископы

[265] *Procopius.* De bello persico, I, 4.
[266] *Иешу Стилит.* § 11, p. 11; *Zacharias Rhetor,* f. 2, p. 22.
[267] *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V и VI вв. С. 26—27.
[268] *Иешу Стилит.* § 18.
[269] Ibid.

отмежевались от византийских претензий, стремясь к независимости, и утвердили свои интересы в качестве крупных землевладельцев Ирана. Это было возможно благодаря тому, что Балаш искал опоры в несторианском населении своего государства, так как его положение было весьма шатким.

Жречество, «маги» выражали неудовольствие политикой Балаша. Ему ставили в укор попытки построить бани в городах.[270] Неудовольствие выражала и знать, так как есть указания на заботы Балаша в отношении землевладельцев, что шло вразрез с интересами эксплуатирующих слоев общества. Едва ли возможно, чтобы «деревенские господа» наказывались шахом за разорение производителей на земле, но это указание Табари свидетельствует о том, что несомненно имели место некоторые заботы и внимание со стороны государственной власти к обнищавшему населению.[271] Принятые шахом меры вызвали реакцию со стороны жрецов и знати: в 488 г. Балаш был лишен престола и ослеплен.[272]

ИРАН И ЭФТАЛИТЫ В VI в.

Вместо Балаша царем поставили «Кавада, сына Пероза, его брата, имя которого мы упоминали выше, бывшего заложником у гуннов».[273] В царствование Кавада участие эфталитов, их влияние на внутренние дела в Иране были сильны. Вмешательство это было обусловлено социальным движением, известным под именем маздакитского. Хронология царствования Кавада все еще не может считаться установленной. Маздакитское движение преломилось в сознании современников различно, в результате чего имеется несколько версий о взаимоотношениях Кавада и знати, о его связях с маздакитским движением, о его заточении. Особенности сирийской традиции в этом вопросе мне приходилось уже затрагивать в другом исследовании.[274] Для данного вопроса существенно отметить, что еще до своего смещения Кавад требовал от ромеев «золото». Средства ему были необходимы в первые же годы по вступлении на престол. Дата его посольства в Византию не дана, но она восстанавливается безошибочно. Кавад отправил послов и с ними одного большого слона в дар ромейскому императору, чтобы получить от него денежную дотацию. Когда послы успели достигнуть Антиохии, Зенон умер.[275] На следующий день, 10 декабря 491 г., вечером, на ипподроме в Константинополе его вдова Ариадна объявила о своем браке с силенциарием Анастасием и его воцарении в качестве ее мужа.[276] Таким образом, в 491 г. посольство Кавада находилось уже в пути. «Когда персидский посол оповестил Кавада, своего господина, относительно перемен в ромейском государстве, он послал ему сказать, чтобы тот поспешил отправиться, и потребовал обычное золото или сказал царю: „Принимай войну“».[277] Анастасий ответил отказом в дотации, причем персам вновь напомнили о Низибии и необходимости ее вернуть. Другим доводом отказа было то, что Византия и сама ведет непрерывные войны с варварскими народами. Отсюда можно заключить, что и в этот раз персы запрашивали «золото», ссылаясь на защиту общих с империей границ. Отрицательный ответ Византии был несомненно в зависимости от общего ослабления Ирана, силу которого расшатывали обостренная социальная борьба, стремление к обособлению Персидской Армении, нападения кочевых народов. Ответ Анастасия гласил: «Как Зенон, царствовавший до меня, не посылал, так и я не пошлю тебе (золота), пока не вернешь мне Низибию. Немалые войны и у меня с варварами, называемыми гепидами, и с теми, которые называются блеммиями, и со многими другими. И я не оставлю ромейские войска, чтобы кормить твои».[278] Варварские народы, упоминаемые хроникой, гепиды в Европе, блеммии в Северной Африке, требовали от Константинополя напряжения всех сил, тем более что мятеж исаврийцев, взрывы неудовольствия в столице создавали новые затруднения, а ослабленный Иран не требовал внимания.

Если посольство Кавада было отправлено в 491 г., то ответ Анастасия относится не ранее чем к 492 г., и в соответствии с сирийской традицией эти даты предшествуют бегству Кавада и его смещению с престола. Ненависть к Каваду жречества и части знати засвидетельствована источниками. На его положение влияли и неблагоприятно сложившиеся отношения с входившими в состав Ирана различными этническими и племенными единицами. Восстали армяне, «которые были под властью Кавада», они прогнали марзбана с войском и пытались стать под протекторат Византии. Кудишиты пытались обособиться в Низибии и поставить «царя из своих». Другое

[270] *Иешу Стилит.* § 19.
[271] *Nöldeke.* Geschichte. S. 133, 134.
[272] *Иешу Стилит.* § 19.
[273] Там же.
[274] *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V и VI вв. С. 88 и след.

[275] *Иешу Стилит.* § 19.
[276] *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 1. P. 429, 430.
[277] *Иешу Стилит.* § 19.
[278] *Иешу Стилит.* § 20.

племя «тимурайе» восставало и, спускаясь с гор, грабило проезжих купцов. Персидские же арабы начали просто «разбойничать» по всей территории Ирана.[279] Ослабленное открытой социальной борьбой государство не могло оказывать сопротивления. Временно победило прогрессивное движение маздакитов, но оно вскоре было подавлено реакцией, возглавляемой жречеством и знатью. Кавад в этот период опирался на маздакитов, а между тем реакционные силы начинали действовать все активнее. Вторая попытка Кавада получить из Византии дотацию на содержание войск относится к концу 495 г. или к началу следующего. Отказ Анастасия поставил его в безвыходное положение, и в июле 496 г. на престол Сасанидов был посажен его брат Замашп, креатура знати и жречества. В вопросе о смещении Кавада существует несколько версий, одна из которых говорит о заточении, а затем о чудесном избавлении его из тюрьмы. Рассказ этот представляет собою эпизод из «романа о Каваде» и не отвечает исторической действительности. Едва ли возможно предположить, что ненавидевшие Кавада «маги» и знать, схватив его, не изувечили и не умертвили его. Само фантастическое и романтическое освобождение из «замка» представляет собою легенду. Наиболее вероятно, что «знатные персидские (люди) думали тайно убить Кавада за нечистые обычаи и извращенные законы. Когда он это узнал, то он оставил свое государство и бежал к гуннам, к царю, у которого он вырос, когда был заложником».[280] Бегство и сохранило Каваду жизнь. Покидая престол, он не оставлял надежды вернуться. В государстве силами, на которые он мог опереться, были средние землевладельцы и часть знати. Иранские источники приписывали Сиявушу освобождение его из заточения. У «гуннского царя», к которому устремился Кавад, он искал военной помощи и нашел ее. Источники, использованные Табари, сохранили следы исторической действительности, отраженной в сирийской традиции. Сообщая о вражде и борьбе Балаша (ошибочно вместо Замашпа) с Кавадом, Табари говорит, что последний был вынужден бежать «к хагану, тюркскому царю, чтобы просить у него помощи и вспомогательных войск». К этому факту арабский историк возвращается вторично, говоря о бегстве.[281] Эфталиты и в других источниках называются иногда гуннами, иногда тюрками и абделами. Нет сомнения, что речь идет о бегстве ко двору эфталитского государства, с

[279] *Иешу Стилит.* § 22.
[280] *Иешу Стилит.* § 23.
[281] *Nöldeke.* Geschichte. S. 133—135.

которым Кавад был связан с того времени, когда «рос там», оставаясь в качестве заложника. Он породнился с эфталитами, женившись на царской дочери. Последняя происходила от брака эфталитского царя с сестрой Кавада, захваченной в плен во время войны ее отца Пероза с гуннами. Сестра Кавада и устроила его брак со своей дочерью. «Он приободрился, породнившись с царем, и, плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истребить знать и утвердиться в своем государстве».[282] Заинтересованность эфталитов в сохранении благоприятных отношений с персами склонила их к тому, чтобы поддержать и восстановить Кавада на престоле. «И дал ему тесть немалое войско по его просьбе. Когда он достиг персидской земли, услыхал об этом его брат и бежал от него, а Кавад исполнил свое желание и казнил знатных».[283] Возвращение Кавада следует отнести к 498/9 г. Утверждение сирийской хроники, что он при возвращении расправился со знатью, требует поправки. Кавад казнил ту часть знати, которая была ему враждебна и оказала сопротивление. Так же несомненно, что другая часть оказывала ему поддержку, и он опирался на нее в момент своего возвращения. Иранские источники упоминают Зармира, сына Сокры, помогавшего Каваду восстановить свои права.[284] Часть высших слоев иранского общества, знати и жречества была смята маздакитским движением, другие поплатились, когда возвратившийся Кавад рассчитался со своими врагами.

Пребывание Кавада в детстве при дворе царя эфталитов, имя которого в сирийских источниках не сохранилось, но известно Табари как Ахшунвар, а персидской традиции как Хашнуваз,[285] не могло пройти бесследно и несомненно установило известную близость, быть может, дало ему знание языка, обычаев эфталитов. Отсюда понятно, что в острый момент он решил обратиться именно сюда. Впрочем, уже в междоусобии его отца Пероза с братом Хормиздом принимали участие жители Тохаристана, перешедшего теперь из рук хионитов в руки эфталитов, так что Кавад пошел уже известной торной дорогой. Дочь Пероза, захваченная в плен еще во время войн отца с эфталитами, стала женой Ахшунвара. Дочь свою от этого брака она отдала Каваду, когда он прибыл ко двору, что было в

[282] *Иешу Стилит.* § 24.
[283] Там же.
[284] *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 2. P. 9; *Christensen A.* L'Iran sous les sasanides. P. 345.
[285] *Nöldeke.* Geschichte. S. 123, Anm. 4.

полном соответствии с обычаем персидских царей жениться на своих сестрах и других близких родственницах. В качестве зятя царя Кавад имел возможность видеть его ежедневно, «плакать» перед ним и просить у него войско, с помощью которого он мог бы вернуть себе престол. На основании Табари можно предполагать, что Кавад оставался у царя (он называет его каганом) около 4 лет и двинулся, получив войско. К концу V в. общая ситуация была такова, что вмешательство во внутренние дела Сасанидов могло быть только выгодно эфталитам. Они приобретали дружбу расположенного к ним царя в соседней державе и участие в дележе добычи, которая доставалась на долю победителей. В дальнейшем источник так и говорит, что наличие гуннских, т. е. эфталитских, войск заставило присмирeть все непокорные элементы Ирана. Одни слухи о «немалом» войске Кавада побудили Замашпа отказаться от борьбы и бежать. Захватив обратно престол, Кавад попытался привести к повиновению те племенные объединения, которые действовали независимо, пользуясь слабостью центральной власти. Он нашел дипломатически убедительные слова, подкреплявшиеся наличием гуннских войск. «Тимурайе», а за ними «кудишайе» просто испугались рати гуннов и подчинились.[286] Что касается Армении, то ей пришлось испытать силу оружия гуннов и персов и подчиниться Каваду «по боязни, против воли». Против обыкновения он армян не разграбил, а пообещал вознаградить, если «они станут ему помощниками в войне с ромеями».[287] Но и после того как Кавад утвердился на престоле, войско эфталитов не было отпущено. Оказанная ему поддержка должна была быть вознаграждена. Недостаточно было их кормить и содержать, необходимо было создать им возможность обогатиться. Во всех переговорах Кавада, когда он составлял коалицию против Византии, он указывал на тот источник, из которого он будет черпать средства, чтобы вознаградить союзников за участие в войне. Добыча, захваченная в ромейской земле, — вот казна, которой он сможет распоряжаться. Из добычи будет уделено воинственным тимурайе, за ее счет обогатятся армянские и иранские войска, она даст возможность расплатиться с эфталитами. Военная добыча была реальным богатством, достававшимся высшим слоям общества, а отчасти и вознаграждением рядовых воинов. В походе Кавада 502 г. участвовали и эфталитские войска в качестве союзного войска. Выше мне приходилось уже указывать на то, что

[286] *Иешу Стилит.* § 24.
[287] Там же.

в походах, когда шаханшах выступал с союзными войсками, эти последние отчасти сохраняли свое самостоятельное положение и собственное командование. Стоит вспомнить, например, соответствующий рассказ Аммиана Марцеллина, как в 356/7 г. с Шапором двигались войска хионитов, албан. Во время осады Кавадом Теллы, Харрана, Эдессы гунны-эфталиты были с ним и принимали участие в нападениях. Когда арабские войска были отосланы шахом в Серуг, он сам с остальным войском направился к Харрану, откуда была произведена удачная вылазка византийского гарнизона. Военачальник Рифит, «который был в Харране, вышел тайно из города, напал на них (персов), убил из них 70 человек и захватил живым предводителя гуннов. Так как это был муж известный и был весьма уважаем персидским царем, то он обещал харранитам, что, если они отдадут его живым, он не станет воевать с ними. Эти же, опасаясь войны, отдали ему этого гунна, послав с ним, как бы в подарок, стадо в полтораста баранов и другие вещи».[288] Кавад, очевидно, находился еще в известной зависимости от эфталитов и опасался, что гибель их видного предводителя может отрицательно отозваться на его отношениях с этими союзниками. Другое упоминание эфталитов в составе персидского войска имеется при сообщении об осаде Эдессы. Здесь интересно отметить, что разноплеменные войска шаха пользовались различными видами оружия, имели различную тактику, каковая в зависимости от необходимости и использовалась военным руководством персов. Сами они метали стрелы, арабы направляли против врага копья, гунны же, т. е. эфталиты, склонили палицы. Чтение «палицы» было предложено Т. Нельдеке, но Р. Бенсли изменил чтение на pdw'', что, впрочем, мало меняет значение слова «палка».[289] Три вида оружия, упомянутые автором, соответствуют тем народам, которые входили в состав коалиционного персидского войска, как они дальше им и перечисляются — персы, гунны и арабы. Сообщая об отшельнике Иакове, Прокопий говорит, что эфталиты из войска Кавада производили набеги для грабежа и напали на Иакова.[290] Они составляли передовой отряд византийского войска в количестве около 800 человек, которые были уничтожены отрядами Патрикия и Ипатия.[291]

К 506 г. персидская кампания против азиатских провинций Византии закончилась. Мирный договор был заключен. По

[288] *Иешу Стилит.* § 59.
[289] *Иешу Стилит.* § 62. P. 62, nota 7.
[290] *Procopius.* De bello persico, I, 7.
[291] *Procopius.* De bello persico, I, 8.

Прокопию, перемирие было установлено на 7 лет. К большим богатствам, захваченным Кавадом на территории врагов, особенно в городе Амиде, Константинополь присоединил еще контрибуцию — «золото», окончательно примирившее с ним шаха. Эфталиты принимали участие в походе персов и несомненно могли быть и были вознаграждены из сокровищ, захваченных Кавадом. Уже к 506, 507 гг. следует отметить напряженное положение на северной границе Ирана. Хроника Иешу Стилита помещает построение города Дары под 506 г.;[292] так как его строили около двух-трех лет, то возможно, что строительство было закончено в 508 г.[293] Укрепление Дары и обращение ее в пограничную с Ираном византийскую крепость находились в полном противоречии с условиями подписанного мирного договора. Нарушение этих условий было возможно именно потому, что Иран был отвлечен другими заботами. Анастасий усыплял бдительность шаханшаха то дипломатическим путем, то посылая ему деньги. Персы же «были связаны тяжелой войной с гуннами»,[294] препятствовавшей им принять необходимые меры по охране своей западной границы. Война эта была длительной и, возможно, началась еще в 503 г., так как Прокопий сообщает о ней до похода Кавада в Арзанену, которую византийские войска, переправившись через реку Нимфий, жестоко разорили. Гунны напали на персидские земли только после того, как все войско Кавада возвратилось домой, после «большой войны» против народа, жившего в северных от Ирана областях. Только тогда руки у него оказались развязанными для протеста против построения близ границы крепости со стороны Византии. С кем же вел войну Кавад? Анализ текста Прокопия, как мне кажется, дает для этого ответ. После того как Прокопий дал пространное объяснение относительно этнического и культурного различия между гуннами и белыми гуннами, эфталитами, он, сообщая о войне Пероза, несколько раз чередует их наименование: гунны, эфталиты. В рассказе о бегстве Кавада он возвращается к наименованию гунны-эфталиты,[295] а в дальнейшем называет их только эфталитами, говорит о царе эфталитов,[296] об отряде эфталитов, напавших на отшельника Иакова,[297] о передовом отряде из эфталитов в количестве 800 человек.[298] Двумя десятками строк ниже народ, с которым ведет войну Кавад, назван гуннами и про них говорится, что война с ними велась в северных областях.[289] Длительность этой войны заставила персов согласиться на перемирие с Византией, так как борьба с гуннами оказалась затяжной.[300] Уже одно наименование врагов персов гуннами заставляет видеть в них отнюдь не эфталитов, которые сражались на их стороне с Византией, а собственно гуннов, и это целиком подтверждается дальнейшими сообщениями, вопреки утверждению, будто Кавад разорвал свой союз с эфталитами и вступил с ними в борьбу, длившуюся с 503 до 513 г. Эта ошибка допущена благодаря недостаточному анализу источников и требует исправления.[301]

292 *Иешу Стилит.* § 90.
293 *Zacharias Rhetor.* 7, 6.
294 *Procopius.* De bello persico, I, 10.
295 *Procopius.* De bello persico, I, 7.
296 *Procopius.* De bello persico, I, 6.
297 *Procopius.* De bello persico, I, 7.

Между тем в хронике Захарии Ритора есть сообщение об этом нападении гуннов, в котором, однако, имеется анахронизм. Царь Пероз умер в 484 г., Анастасий воцарился в 491 г. Таким образом, вступительное предложение хроники, определяющее время наступления гуннов, не может считаться правильным. Сирийский текст гласит: «Когда Пероз, царь персидский, воцарился в своей земле, в тринадцатый год Анастасия вышли гунны через ворота, которые охранялись персами...».[302] В дальнейшем имя Пероза приводится автором хроники несколько раз, между тем факт нападения гуннов через кавказские ущелья на персидские и византийские области в царствование Анастасия не подлежит сомнению, так как он засвидетельствован греческими историками — Малалой, называющим этих гуннов сабирами,[303] и Феофаном,[304] к сообщению которого еще придется вернуться.

Захария Ритор имеет в виду именно этот эпизод, как и византийские историки; он говорит, что гунны прошли через ворота, т. е. кавказские ущелья. Только широко известное участие Пероза в борьбе с эфталитами могло ошибочно вызвать его имя на эти страницы хроники. Если исключить его имя, то инцидент разыгрывается в царствование Анастасия, и притом в годы, когда еще не замерла персо-византийская война. Автор сирийской хроники считает, что греки пропустили на персидскую территорию гуннов. Во время этой войны или незадолго

298 *Procopius.* De bello persico, I, 8.
299 Ibid.
300 *Procopius.* De bello persico, I, 10.
301 В. Мак-Говерн (*McGovern W.* The early Empires... P. 414) ошибочно считает их эфталитами.
302 *Zacharias Rhetor.* VIII, 3.
303 *Ioannes Malalas.* P. 406.
304 *Theophanus.* P. 161, 162.

до нее это могло иметь место и должно рассматриваться как враждебный акт со стороны Византии. Судя по тому, что персам при Каваде, после заключения мира, пришлось вести войну с гуннами, возможно и самый факт нападения отнести к 15-му году Анастасия, к 504 г. примерно.[305] Заканчивается этот рассказ хроники сообщением о смерти Пероза в том варианте, который дается и в хронике Иешу Стилита, где неосторожность Пероза губит и его войско, а самый труп шаханшаха не найден. В сирийской хронике дана интересная характеристика гуннов, не вызывающая сомнения в том, что дело идет о собственно гуннах, не об эфталитах, что гунны эти находились в «северо-западной стороне» и прошли через «ворота». Весь контекст не оставляет сомнения в том, что речь идет о гуннах, населявших прикаспийские области со стороны Кавказских гор.

Данные, которыми располагают другие источники, уже приведенные выше, говорят о том, что гибель Пероза произошла на северо-восточной границе, за Каспийским морем, там, где еще раньше приходилось воевать и Перозу, и его предшественникам. В данном же случае имя Пероза в войне с гуннами названо ошибочно, и весь рассказ представляет собою смешение двух различных традиций — сообщения о Перозе и сообщения о нападении гуннов при Анастасии, и той и другой известных по другим источникам. Состояние текста Захарии Ритора таково, что выводы могут быть сделаны лишь предположительно. Хроника Захарии Ритора представляет нападение гуннов следующим образом. Они прошли ворота, охраняемые персами, через тамошние горные места и достигли персидских пределов. Когда шах осведомился о причинах их нашествия, они ответили: «Нам недостаточно того, что дает нам персидское государство как дань людям-варварам, изгнанным, подобно диким зверям, богом в северо-западную сторону. Мы живем оружием, луком и мечом, и подкрепляемся всякой мясной пищей». Характеристика гуннов, вложенная в их собственные уста, весьма типична. Она может относиться только к народу кочевого или охотничьего образа жизни, так как основной пищей его являются продукты мясные, добываемые не в оседлом состоянии, не земледельческим путем. Они считают себя обиженными изгнанниками северной и западной областей. (Для автора, находившегося в Месопотамии, северо-западными областями был Северный Кавказ до хребта.) Называя себя «людьми-варварами», гунны употребляют выражения, которые к ним применяли и в Византии, и в Иране, жители которых

[305] *Procopius.* De bello persico, I, 10.

считали себя неизмеримо выше них. Отсюда у гуннов приведенное в этой речи сравнение себя с дикими зверями. В дальнейшем, однако, гунны настаивают на том, что пренебрежительное к ним отношение не может продолжаться, им недостаточно предоставляемой им персидской державой «дани», они претендуют на большее. Для этих претензий нашлись и основания: ромейское посольство, побывавшее у гуннов, обещало вдвое увеличить эту дань при условии разрыва их союза с персами. Последние, однако, решили пойти на соглашение. Заключать новые условия со стороны гуннов пошли 400 человек, столько же со стороны персов, причем первые руководствовались советами «лукавого апамейского купца Евстафия». Нет сомнения, что Евстафий имел чисто торговые интересы, связывавшие его с гуннами, и что, будучи сам из Апамеи, он был на стороне гуннов в их отношениях с Византией. Не лишены интереса подробности заключения союза между гуннами и персами, которые вместе «поднялись на гору, установили соглашение, ели друг с другом и поклялись, поднимая руки к небу».[306] Благодаря советам Евстафия гунны не побоялись вероломства персов, нарушивших договор, и оказались победителями. С сообщениями сирийской хроники следует сопоставить сведения византийских писателей. Греческие хронографы Малала и Феофан сообщают следующее. Под 6008 г. греческого летосчисления Феофан пишет: «В этом году гунны, называемые сабирами, пройдя через Каспийские ворота, проникли в Армению, опустошили Каппадокию, Галатию, Понт и остановились недалеко от Евхаиты».[307] Двумя годами ранее он упоминает гуннов в составе войск восставшего Виталиана, с которым они разоряли области «Фракии, Скифии и Мизии».[308] Иоанн Малала говорит об этом же событии, что «воинственный народ — гунны-сабиры, пройдя Каспийские ворота, дошли до Каппадокии», причиняя ужасающие опустошения ромейским областям.[309] Таким образом, нападение гуннов в эпоху Анастасия на византийские области и на персов могут быть поставлены в связь. Под 515 г. комит Марцеллин говорит о нападении гуннов-сабиров на области Армении и Малой Азии.[310] Ромеи пытались сговориться с гуннами, привлечь их на свою сторону, так как нанесенный ими ущерб тяжело ощущался провинциями. Персы

[306] *Zacharias Rhetor,* VII, 3.
[307] *Theophanus.* P. 161.
[308] *Theophanus.* P. 160.
[309] *Ioannes Malalas.* P. 406.
[310] *Marcellini comitis.* Chronicon / Rec. Th. Mommsen. Berlin. Bd 2. S. 99 (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. Bd 11).

же, державшие в своих руках ключи от «ворот», справедливо считали, что гунны могут быть острасткой в отношении ромеев. В свою очередь Византия считала интриги с гуннами одним из средств воздействия на Иран, что очевидно из приведенного текста сирийской хроники: за нарушение дружественного соглашения с персами гуннам была обещана двойная дань. В результате гунны грозили нападением, а затем и действительно вступили в военные действия с персами, с одной стороны. С другой стороны, пройдя через «ворота», гунны бросились опустошать ромейские области, что было возможно лишь при попустительстве персов, оберегавших проходы от «варваров». Воинственный народ гунны-сабиры могли говорить о себе, что они питаются мясной пищей и живут тем, что дает им оружие. Таким образом, с относительной уверенностью можно говорить о том, что в эпоху Анастасия (до 518 г.) Каваду пришлось вести борьбу на северных границах своей империи, и не только на востоке от Каспия, но и на западном его берегу, на Кавказе. Борьба эта велась и дипломатическим путем, и с привлечением военной силы. Прокопий Кесарийский утверждает, что именно Кавад овладел «Каспийскими воротами» после смерти Амвазука, «родом гунна». Последний предлагал передать охрану ворот ромеям, но Анастасий, будто бы не надеясь на военную силу, отказался от этого, а Кавад прогнал детей Амвазука и захватил ворота. Факт этот можно отнести к 507 или 508 гг., так как Прокопий сообщает о нем до того, как была закончена постройка крепости Дары персидских войск, оберегавших ворота от гуннов.[311] В согласии с этим свидетельством находятся данные сирийской хроники, сообщающие, что Кавад настойчиво спрашивал с ромеев сумму в пять кентенариев золота, которое он получал в качестве оплаты содержания персидских войск, оберегавших ворота от гуннов.[312] Так как требование его Константинополь медлил удовлетворить, то Кавад от времени до времени посылал «своих арабов», т. е. арабские племена, находившиеся под властью Ирана, совершать набеги на ромейские территории. Это было реальной мерой, чтобы смирить строптивую Византию, которая в свою очередь тревожила персидскую область Арзан и опустошала прилегавшие к Низибии округа. Следствием этого были переговоры между обеими державами, не увенчавшиеся, однако, соглашением. К 6-му году Юстиниана та же хроника относит нападение гуннов, пришедших из тех же прикавказских областей, так как о них

[311] *Procopius.* De bello persico, I, 10.
[312] *Zacharias Rhetor,* VIII, 5.

говорится, что они перешли Евфрат и дошли до Антиохии.[313] В качестве полукочевого народа они слабо владели техникой осады городов, поэтому они вырезали на пути своем то население, которое находили вне городских стен, вне города. Отнести это событие следует к середине 30-х годов VI в., так как автор хроники датирует его 10-м годом индиктиона и годом смерти Кавада, следовательно, 531 или 532 г. Годы царствования Юстиниана, вероятно, сосчитаны со времени его совместного правления с Юстином, так как иначе со временем смерти Кавада эти указания не согласуются. Останавливаясь несколько далее на этом событии, хроника повторяет рассказ о нападении гуннов, прибавляя, что гунны эти были наняты в персидские войска и составляли дружины. За ними посылал Кавад военачальника Михргирвая, желая нанять множество гуннов, чтобы они пришли и помогли персам. Сопротивления гуннам не было оказано, они прошли беспрепятственно на ромейские области, и только дукс Майферката, Бесса, напал на них, когда они возвращались обратно на север. Он перебил около 500 всадников и захватил их добычу, причем обогатился за ее счет, стал богатым человеком. Из крепости Китариз выступил другой дукс, которому удалось захватить их вьючных животных и отбросить около 400 мужей.[314] Опустошения, нанесенные гуннами, подтверждаются хроникой еще раз, причем отмечаются пожары и разбой, производящиеся ими.[315] Гунны, о которых идет речь, несомненно населяли прикаспийские области, так как Прокопий Кесарийский говорит, что это были воинственные гунны-сабиры. Числом их было около 3 тысяч, они состояли под общим начальством Мермероя, которого сирийский источник называет Михргирваем.[316] Поскольку и Прокопий считает их входящими в состав войска Кавада, не остается сомнений в том, что набег их на ромейские области за Евфратом следует отнести к году смерти Кавада (531 г.) или к ближайшему времени.

Таким образом, общим выводом из изложенного является тот факт, что как гунны, так и эфталиты находились в тесном соприкосновении с персами, что гунны-сабиры, известные греческим хронографам, были то союзниками, то врагами персов на их кавказской границе.

Когда 13 сентября 531 г. Хосров вступил на престол своего отца, он энергично взялся за руль правления. При Хосрове

[313] Ibid.
[314] *Zacharias Rhetor,* IX, 6.
[315] *Zacharias Rhetor,* IX, 14.
[316] *Procopius.* De bello persico, I, 15.

внутренняя и внешняя политика государства осталась прежней, той, которой придерживался Кавад в последние свои годы. Она была по существу политикой реакционного типа. В лице Юстиниана Хосров имел достойного по уму и образованию противника, и борьба между Ираном и Византией была напряженнее, чем когда-либо.

Эфталиты, в соседстве с Ираном, держали его в постоянном напряжении, но именно при Хосрове подготовлялась смена господствующих групп в этих областях. Хвастая перед Константинополем около 562 г., Хосров говорил, что он разрушил власть эфталитов,[317] но покончили с ними тюрки. Новые этнические группы пришли на смену белым гуннам; тюрки были той новой опасностью для Ирана, которая первоначально помогала им в борьбе с эфталитами. Тюрки собственно и разбили окончательно державу эфталитов, чтобы укрепиться самим, и стали грозой для Ирана. Для того чтобы в целом представить себе этапы этой борьбы и побудительные причины, облегчавшие вмешательство тюрок в отношения Передней Азии, следует указать на взаимоотношения, возникшие между Византией и Ираном на почве экономических интересов.

Иран держал в своих руках торговые пути между Средней Азией и Дальним Востоком, с одной стороны, и Византией — с другой. Наиболее драгоценные товары Индии и Китая проходили через руки персидских купцов, которые отнюдь не соглашались делить свои барыши с западными торговцами. Не только пряности, краски, драгоценные камни, но и китайский шелк проходил длинный путь через оазисы, переходил из рук китайцев к согдийцам, персам, сирийцам, прежде чем попадал в Константинополь. Такая причина общего характера лежала и в основе отношений Византии с Аксумом и с Ираном, так как торговые интересы государства требовали расширения, и активность коммерческих сношений росла с общим ростом и упрочением государственной мощи Византии в эпоху Юстиниана. В блеске его времени было много показного и фиктивного, так как острая классовая борьба внутри государства не прекращалась, и большие расходы покрывались лишь за счет тяжелых повинностей и умножающихся податей и налогов. Тем не менее торговые связи имели большое значение, и их развитие обусловливало экономическое укрепление высших слоев общества. Естественными соперниками византийских купцов

[317] *Menander Protector.* Fragmenta // FHG. T. 4. P. 210 = Excerpta hixtorica Constantini Porphyrogeniti. Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. Berolini, Pars I. P. 177 (далее: *Menander*).

были купцы персидские. Освободить торговлю, в частности торговлю шелком, имевшим особенно большой сбыт, от давления Ирана, наживавшегося на пошлинах, было особенно желательно. Следствием этого стремления была попытка вести торговлю помимо Ирана, для чего завязывались сношения с государствами, расположенными на путях к Небесной империи. К середине VI в. экспансия тюркских племен настолько возросла, что эфталитское государство вынуждено было уступить свои позиции. Как и в других случаях, такое завоевание главным образом сводилось к смене господствующего слоя, той верхушки, которая руководила государственной жизнью.

ЗАВОЕВАНИЯ ТЮРОК

Сведения об изменениях, происходивших в Средней Азии и прикаспийских областях в середине VI в., могут быть почерпнуты из китайских источников, у греческих и сирийских историографов. Сочинения Менандра Протектора, писавшего около 582 г., действовавшего при императоре Маврикии, дошли до нас лишь во фрагментах. В его записках с недостаточной полнотой из-за лакун, но со многими интересными подробностями, сохранились эпизоды из борьбы тюркского каганата за упрочение. Авары, народ гуннского племени, в середине VI в. прошли по северному побережью Каспийского моря, и уже в 558 г. полководцу Юстину аланы передали просьбу аваров принять их посольство в Константинополе. Юстин передал их просьбу Юстиниану, и послы Кандиха, царя аварского, были приняты с соответствующими дарами. Авары тотчас обратились против сабиров, а затем утигуров. Пройдя через территорию котригуров, занимавших области по Бугу и Серети, они покорили и антов, а в 562 г. их орды разоряли Центральную Европу до Эльбы. Но основным местом их пребывания, по-видимому, оставались области, лежащие между Черным и Каспийским морями.[318] Между Византией и аварами происходили также переговоры о возможности их переселения во вторую Паннонию, Pannonia secunda, на которой располагались герулы; но аварам будто бы переселяться из Скифии не хотелось, и переселение это не состоялось.[319] Однако от Феофана Византийца известно другое, а именно, что авары сами в Константинополе просили о разрешении им переселиться в Паннонию и жить мирно, но

[318] *Menander,* 9, p. 202—206; *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 2. P. 314—316; *Ioannes Ephesius,* III, 6, 24.

[319] *Menander,* 9, p. 205.

им в этом было отказано, так как ромеи имели соответствующее соглашение с тюрками и, связанные им, отказались вступить в соглашение с аварами.[320] Попытки аваров продвинуться в западном направлении в форме набегов, стремление вступить в соглашение с Византией и переселиться вызваны были тем, что усиливавшиеся тюрки оказывали на них давление. В какой-то период авары еще могли оказывать сопротивление, они совершили набег на принадлежавшие тюркам области, а затем поспешно скрылись. По поводу этого тюркский предводитель Силзибул угрожал им местью, говоря: «Они не птицы, чтобы, летая по воздуху, избежали мечей тюрок, и не рыбы, чтобы, нырнув в глубину моря, исчезли в волнах, а они бродят по земле. Когда я кончу войну с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил».[321] После этого Силзибул выступил против эфталитов. О подробностях этой борьбы сведений нет, но известны результаты — победа тюрок. Судя по случайному сообщению того же Менандра, эфталиты пытались не только обороняться, но и наступать, так как эфталитского предводителя его советник, эфталит Катульф, стремился удержать от дальнейшего наступления и советовал оставаться в собственных пределах, говоря, что в своем дворе одна собака сильнее десяти чужих.[322] Борьба аваров продолжалась и в дальнейшем, в 60-х годах VI в., при императоре Юстине. С эфталитами тюрки, однако, сумели покончить; основная часть принадлежавшей им территории отошла к тюркам, и «согдаиты, перед тем подданные эфталитов», стали уже подданными тюрок. Тюрки покорили и эфталитов и вынудили их платить дань, говорит в другом случае тот же Менандр.[323] Кстати, можно отметить относительную автономность согдов, которые от себя послали посольство к персам, только спросив предварительно на это разрешение у тюрок. Что касается эфталитов, то тут очень характерен приведенный все тем же Менандром диалог между императором Юстином и тюркскими послами: «Всю ли силу эфталитов вы подчинили?» — спросил автократор. «Всю», — сказали послы. Император: «В городах или же в селениях живут эфталиты?». Послы: «Они городское, господин, племя». — «Итак, ясно, — сказал император, — что вы стали господами их городов». — «Да, конечно» — говорят.[324]

[320] *Theophanus.* Fragmenta 2; FHG. T. 4. P. 270.
[321] *Menander,* 10, p. 205, 206.
[322] *Menander,* 10, p. 206.
[323] *Menander,* 18, p. 226.
[324] Ibid.

Для Византии, для Ирана, для Согдианы и даже для начинавших входить во вкус государственных интересов тюрок вопрос о связях, о взаимоотношениях государств был вопросом экономических и торговых связей, среди которых одно из первых мест занимала торговля шелком. Перепродажа и перевозка последнего имела настолько большое значение, что Феофан Византиец сообщил, какие народы последовательно занимали доминирующее положение в торговых городах и портах, бывших проводящими путями шелка. При императоре Юстине «тюрки тогда занимали торговые города и гавани серов, прежде их имели персы. Эфталан же, царь эфталитов, от которого и весь род имеет прозвание, победил Пероза и персов. Персы потеряли их (города и гавани), а господами их стали эфталиты. Вскоре после того тюрки победили их в бою и отняли их у них».[325] Таким образом, те города и селения, которые имели торговое значение, служили гаванями и имели фактории для китайских товаров, переходили из рук в руки и доставались новым хозяевам после упорной борьбы. Эфталиты уступили свое господство в Средней Азии и в прикаспийских областях тюркам. Если верить Менандру, то завершилась утеря их господства трагедией. Эфталит Катульф, упомянутый выше, был оскорблен царем эфталитов, изнасиловавшим его жену, поэтому он предал своих соплеменников тюркам. Сам он перебежал к персидскому шаханшаху, где занял видное положение при его дворе.[326]

С этого времени имя эфталитов сходит со страниц греческих и сирийских хроник, их историческая роль у берегов Каспия и в Центральной Азии была кончена, но они продолжали жить в этих областях уже в качестве племени, платившего подать тюркам, как это делали и согды. Между 563 и 567 гг. произошло окончательное завоевание областей, населенных эфталитами, их этническое единство было нарушено, они растворились среди других племен и народов. Тюрки захватили Согдию и территории на север от Окса. Сасанидские государи в то же время завладели Бактрией, Афганистаном и областями, расположенными до Амударьи (Окса).[327]

Табари сообщает, что царь эфталитов (Haital) был убит тюркским каганом Синджибу[328] — это Силзибул (Дизибул) Менандра.[329]

[325] *Theophanus.* Fragmenta 3; FHG. T. 4. P. 270.
[326] *Menander,* 18, p. 225.
[327] *McGovern W.* The early Empires... P. 118.
[328] *Nöldeke.* Geschichte. S. 159.
[329] *Menander,* 10, p. 205. Его идентифицируют с Моканом (553—572 гг.), который разрушил государство эфталитов: *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 2. P. 314.

Об эфталитах можно найти сведения еще в данных китайского путешественника Хей-чао. Он побывал в северной Индии после 727 г. и дал краткие заметки о целом ряде азиатских государств, указав с относительной точностью и их географическое положение. Ценны его указания, что производит данная страна или государство, о чем он узнавал, надо думать, по вывозимым продуктам. Он знает Тохаристан с центром Балх, который находится под властью арабов; знает Персию и даже Византию (великое Фу-лин), которую пытались захватить арабы и тюрки, но это не удалось ни тем, ни другим.[330] Под землей Ху он, очевидно, подразумевает Согдиану и ее пять провинций, которая находилась под властью арабов. То, что он сообщает о нравах народа ху, не оставляет сомнения в том, что речь идет об эфталитах, так как он говорит, что братья имеют одну женщину женой. Он упоминает и о персах, где был обычай жениться на матери и на родных сестрах.[331]

Хей-чао говорит относительно ряда областей кроме Согдианы — Каписи, Забулистине, Хотале, что в них живут ху и тюрки одновременно, причем в Каписии и в Забулистане господствующий слой, царь и войско — тюрки, а население — народ ху. В его записи об области Шекина он сообщает, что из Памир-Кулана делают нападения на ху, так как они состоятельны, и грабят их немилосердно.[332] Впрочем, они отбирают у ху шелк, но не умеют с ним обращаться. Шелк указывает на то, что ху могут быть согдами или эфталитами.[333] Таким образом, китайский путешественник еще находит их следы.

В позднейших источниках сведений о них уже не имеется.

Сведения византийских писателей заставляют предполагать, что торговые связи Средней Азии находились в этот период в руках у согдов, которые продолжали свою деятельность и при эфталитах, и при тюрках, в подданстве у которых они были. Осложнения в отношении тюрок с персами поставили под удар согдийскую торговлю шелком, вследствие чего согды поставили перед тюрками вопрос о возможности наладить мирные отношения с персами, послав к ним посольство. Согды добивались возможности ездить опять в Иран. Разрешение на посольство было им дано, и во главе него был поставлен Маниах, которого называют «предстоятелем», «начальником» согдов.[334] Прибыв в Иран, согдийцы были приняты Хосровом, но он не дал им ответа, а тянул время, так как опасался предоставлять им свободный выезд. Беспокойство относилось, конечно, не к мирным согдийским купцам, а к тюркам.[335] Между тем согды настаивали на ответе. Тогда шах решил выполнить совет, данный ему эфталитом Катульфом. Катульф, пользовавшийся влиянием на государственные дела, будто бы посоветовал шаху купить шелк у согдов, а затем его сжечь. Во всяком случае очевидно, что согды желанного ответа не получили. Дизибул попытался вновь завязать дружеские переговоры с Ираном, но там не желали сношений с тюрками. Изменчивость, которую ставили в упрек этим «скифам», вероятно, была в том, что тюрки стремились к соглашениям и с Византией. В Иране прибегали к практиковавшемуся способу отравления послов ядом, примешанным к их пище, так что обратно возвратились лишь человека четыре. Персы утверждали, что они погибли от жары, так как обычно жили в стране, где бывает мороз и снег. Но Дизибул подозревал истину, поэтому, когда все тот же Маниах стал настаивать на том, чтобы была сделана попытка вступить в сношения с Византией, он на это согласился. Основным и вполне реальным доводом Маниаха было то, что Византия была главным потребителем шелка, который он и предлагал отправлять туда для продажи. В состав посольства вошел и Маниах, а Дизибул послал с ними письма и дары, в числе которых было много шелка. Путешествие послов было длительным: они прошли «много стран», гор, равнин, озер и рек, прежде чем достигли Константинополя. Судя по тому, что они перевалили Кавказский хребет, они продвигались по северному побережью Каспийского моря, очевидно, избегая принадлежавших Ирану областей. Дары и скифское письмо, о котором еще будет речь, были приняты императором.[336] Затем произошла беседа с послами, часть которой уже была выше приведена. Можно отметить, что тюрки сообщили, что государство их делится на четыре части, но верховная власть над ними принадлежала одному Дизибулу. Из текста очевидно, что здесь имел место типичный вид завоевания, когда полукочевая орда покоряла оседлое государство, но мало изменяла жизнь основной массы населения. Так, согды или хорезмийцы продолжали свой производительный труд в области сельского хозяйства и высоко развитых ремесел, а также занимались торговлей. Послы

[330] *Fuchs W.* Hueu-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien // SbPAW. 1938. Bd 30. S. 450—451.
[331] Ibid. S. 452, 448.
[332] Ibid. S. 455.
[333] *Marquart J.* Eranšahr. S. 250; *Chavannes E.* Documents... P. 161.

[334] *Menander*, 18, p. 226.
[335] *Menander*, 18, p. 225.
[336] *Menander*, 18, p. 226.

перечислили племена, покоренные тюрками, а затем просили мира и союза с ромеями. Союз носил военный характер, так как тюрки обещали расправиться с теми из врагов Византии, которые были в их соседстве. Уже в конце того же 4-го года царствования Юстина II им было послано ответное посольство к тюркам,[337] так как тюркские послы прибыли в ромейскую столицу в начале того же года,[338] следовательно, в 568 г. Об этом посольстве сохранились сведения у Менандра, о нем сообщает и современник этого события — Иоанн Эфесский.

Попытки Византии иметь в своем распоряжении шелк не ограничивались только налаживанием новых торговых связей и путей, через химьяритов на море,[339] через тюрок на суше. Источники говорят, что при Юстиниане были сделаны попытки развести шелкопряда и в Византии. По поводу этого Прокопий Кесарийский сообщает, что в 552 г. какие-то монахи явились к императору и сообщили, что они тщательно изучили разведение шелковичных червей. Пришли они из Индии, но длительное время они оставались в стране Серинде, «находящейся над многими индийскими народами».[340] Монахи эти возвратились вторично в Серинду и тогда вывезли оттуда грену шелкопряда, из которой они вывели червей на листьях тутовых деревьев. Другой источник к тому же времени относит несколько иную версию, а именно: грена шелковичных червей была доставлена в период правления Юстиниана в Византию каким-то персом, который привез ее в выдолбленной, пустой внутри палке от серов.[341] В настоящее время доказано, что имя серов относится византийскими писателями не только к Китаю и китайцам, но и другим производителям и торговцам шелком, как, например, согдам. Серы у Феофана и Серинда Прокопия не должны быть приурочены к Китаю. Гавани и фактории, о которых Феофан говорит, что они принадлежали сначала серам, потом эфталитам и, наконец, тюркам, — это города Согдианы.[342] Необходимо иметь в виду, что производство шелка имело место и в Согдиане, так как настойчивое желание согдов около 565 г. найти сбыт для шелка может объясняться только тем, что они шелкопряда разводили и вели шелковое производство сами, а не

[337] *Menander*, 19, p. 227.
[338] *Menander*, 18, p. 225.
[339] *Vasiliev A. A.* Justin (518—527) and Abyssinia // BZ. 1933. Bd 33. S. 67—77.
[340] *Procopius.* De bello gothico, IV, 17.
[341] *Theophanus.* Fragmenta 3; FHG. T. 4. P. 270.
[342] *Henning R.* Die Einführung der Seidenraupenzucht ins Byzantinerreich // BZ. 1933. Bd 33. S. 297.

только перекупали шелк в Китае.[343] Таким образом, и название Серинды следует отнести к Согдиане, а самое название серов несомненно могло относиться и к согдам. Это производное от слова «шелк» могло относиться и к торгующим, и к производящим шелк лицам. Насколько сложно и развито было производство шелка, можно судить по «Книге епарха» X в., где продажа шелка-сырца, его прядение, тканье, окраска строго разделяются. Каждое производство имеет особый цех, и мастера не имеют права заниматься другими видами производства, кроме данного.[344] Конечно, в VI в. такого широкого развития шелковой промышленности доказать нельзя, но следует только вспомнить, что в течение многих веков шелк использовался и в Римской империи, и, следовательно, традиции в обращении с ним сложились задолго до VI в. В качестве примера можно привести данные об установленном, давно проложенном тракте для провоза шелка из Китая в Рим.[345] Часть этих путей морские, другая часть — сухопутные, их совокупность заставляет думать об оживленном экономическом обмене между Дальним Востоком и Западом. Юстиниан впоследствии мог удивить тюркское посольство, показав им, как образуется куколка и как из ее нитей вырабатывают шелк. Самое шелковое производство — переработка сырца, прядение, окраска, тканье — в Византии получило широкое распространение. В X в. в «Книге епарха» шелковое производство занимает видное место и имеет множество подразделений.

Византия имела еще специальный интерес в переговорах с тюрками по поводу аваров, которые находились частью в подданстве у тюрок, частью же в областях, смежных с Византией. Они в свою очередь посылали посольства и стремились войти в соглашение с ромеями. Еще при Юстине II авары пытались установить такие отношения, чтобы вынудить Константинополь к оплате их сторожевой службы на границах. Но состояние царской казны было таково, что пойти на эти требования не представлялось возможным. Кроме того, позже Юстин был связан обещанием, данным тюркам, не вступать в соглашение с аварами.[346] Дорожа отношениями с тюрками, Византия рассчитывала на их помощь в войне с Ираном, который она по-

[343] Ibid. S. 307.
[344] *Mickwitz G.* Die Organisazion zweier byzantinischer Gewerbe im X Jahrh. // BZ. 1936. Bd 36. Hf. 1. S. 70—76.
[345] *Herrmann H.* 1) Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien. Berlin, 1910; 2) Die Verkehrswege zwischen China, Indien und Rom um 100 nach Chr. G. Leipzig, 1922.
[346] *Theophanus.* Fragmenta 2; FHG. T. 4. P. 270.

лагала «погубить» между натиском своих сил, с одной стороны, и тюркских войск — с другой.[347] Расчет был, конечно, правильный, и возможно, что он и удался бы, но история решила иначе: в 584 г. Тардухан оказался в подчинении у династии Суй.

Сообщения греческих авторов о тюрках несомненно носят следы смешения имен различных народов и племен, в предшествующее время занимавших территории, которые теперь оказались в руках тюрок. Менандр говорит, что они «назывались в древности саками», а Феофан Византиец утверждает, что народы, живущие на восток от Танаида, в древности носили имя «массагетов», персы же на своем языке называли их «кермихионами». Древние саки, впрочем, не были ни тюрками, ни монголами, и, конечно, относить их имя к тюркам было возможно лишь в той связи, что они населяли области, где жили саки, и покорили оставшихся из них. Что касается имени кермихионов, то в состав его входит имя хион, уже известное из приведенных выше свидетельств сирийских хроник, которые знают хионитов как кионайе. Хиониты известны и Аммиану Марцеллину. Они были известны как политические предшественники эфталитов, которые затем растворились в государстве, образованном этими последними. По-новому трактовать этот вопрос оказалось возможным при сопоставлении греческих источников с тем, что дают нам китайские анналы.

О. Франке, крупнейший историк Китая, восстанавливает историю аваров и тюрок на Дальнем Востоке в следующих чертах. Жуань-жани в 448 г. были разбиты императором Тайвути и с тех пор сохраняли мирные отношения с династией Вей.[348] Около 460 г. их орды завоевали Турфан, и до VI в. они были мощным и сильным народом. Тот же Тайвути в 439 г. разбил группу гуннских племен,[349] другая же группа гуннов, около 500 семей, устремилась под власть жуань-жаней, они звались тюкиу и занимались выработкой для них железа в Алтайских горах.[350] Впоследствии в Согде тюрки предлагали приобретать у них железо, так как в их распоряжении находились копи.[351] Это сообщение превосходно отвечает тому, что знают о тюрках китайские источники.[352] Двор Вей имел возможность вмешаться в дела своих соседей. Между 520—521 гг. жуань-жани были разделены на два государства — на западе в Кукуноре сел Поломен, на востоке — Анакуей. Поломен соединился с народом ета, или эфталитами, родственными та-юй-чжи и гаоджи, по представлению китайских анналов. Пейши (гл. 97, 24) утверждает, что они спустились с Алтайских гор, что завоеваниями эфталиты расширили свою державу и к середине V в. образовали мощное государство, простиравшееся от областей Окса до Хотана.[353] Эфталитская династия была связана с жуаньжанями родственно: в 521 г. три сестры Поломена были женами царя эфталитов. Между тем тюкиу за истекшее столетие значительно усилились, в 551 г. их каган породнился с домом западных Вей. Между 551 и 555 гг. государство жуань-жаней было разрушено силами тюрок и китайцев.[354] Часть жуаньских орд, около 20 тысяч, двинулась далее на запад, и Менандр сообщает об угрозах тюркского кагана в 576 г., что, после того как он разделается с эфталитами, он примется за аваров. Тюрки особенно ненавидели аваров как своих прежних господ, для которых они в копях добывали железо. Имя аваров с жуаньжанями китайских источников связал еще Дегинь.[355] У Феофилакта Симокатты имя вархонитов составляет ошибочно связанные имена Οὐάρ, аваров и Χουννί, хионов, или хионитов.[356] Что касается кермихионов, то керм — это черви, как на это указывал еще И. Маркварт; черви-хиониты — обидное выражение для аваров, которое повторяет каган тюрок в речи, сохраненной Менандром.[357] При сопоставлении византийских источников с китайскими можно восстановить дату разгрома государства эфталитов тюрками. Менандр утверждает, что этот факт имел место до 568 г., а китайские источники относят его после 558 г. Обычно начало 60-х годов VI в. считается временем наиболее острой борьбы между ними.

Окрепший в своих победах тюркский каганат попал в орбиту как Ирана, так и Византии. Первое посольство из Византии, о котором выше было упомянуто, было направлено к тюркам в 4-м году царствования Юстина II (568 г.), и возглавлял его «киликиец Земарх». Отправлялось византийское посольство в сопровождении отъезжавших согдов и тюрок, а ехали они, минуя пределы Ирана. Представление об этом пути больше дает тот маршрут, который сообщен для их обратного

[347] *Menander*, 32, p. 237.
[348] *Franke O.* Geschichte des Chinesischen Reiches. Bd 3. S. 202, 230.
[349] Ibid. S. 197, 230.
[350] Ibid. S. 231.
[351] *Menander*, 20, p. 227.
[352] *Chavannes E.* Documents... P. 235.
[353] Ibid. P. 231.
[354] Ibid. P. 233, 234.
[355] *Franke O.* Geschichte des Chinesischen Reiches. Bd 3. S. 286, 287.
[356] Ibid. S. 289.
[357] *Menander*, 10, p. 205, 206.

путешествия. Он в свое время был подвергнут анализу академиком В. В. Бартольдом.[358] Путь этот пролегал по берегу Аральского моря и через Кавказ достигал Трапезунда, представляя целый ряд трудностей для передвижения, и был утомительным по климатическим особенностям этих мест. Легким был только проезд от Трапезунда до Константинополя, где пролегал тракт с «казенными» лошадьми.

Из бытовых подробностей интересно, что Земарх и его спутники должны были «очистить себя», пройдя через огонь, прежде чем они были допущены к кагану. Ставка последнего находилась у Золотой горы — Экдаг, которую следует искать не у Алтайских гор. Э. Шаванни считает, что речь идет о горе Акие, или Акдаг, белой горе, которая находится на север от Кутчи в Восточном Туркестане.[359] Описание шатра Дизибула говорит о сугубо кочевом образе жизни народа и царя, самый трон которого представлял собой род повозки или телеги. Впрочем, палатка кагана была завешена шелковыми тканями. Кочевым характером отличались и все другие помещения, в которых побывал Земарх, не исключая сокровищницы, или казнохранилища, Дизибула.

Переговоры между каганом и послом вращались главным образом вокруг возможности нападения на Иран, и Дизибул выступил против персов в сопровождении Земарха. О своем нападении каган предупредил своих врагов, как это было обычно для того времени, и потому, едва тюрки достигли Таласа, как они застали здесь персидское посольство. Менандр утверждает, что ромейским послам было оказано предпочтение по сравнению с персидскими и что к последним Дизибул обратил речь, полную упреков за все обиды, нанесенные ему персами. Персидский посол стал горячо возражать, несмотря на то что это происходило во время трапезы, когда было принято хранить молчание.[360]

О стычке между персидскими и византийскими послами сообщает и Иоанн Эфесский, но рассказ его, как можно видеть из приложенного перевода, имеет пиетические элементы. Если снять этот налет, то его сообщения во всей своей наивности приобретают интерес. Годом отбытия послов сирийский историк считал 7-й год царствования Юстина.[361] Прибыв к одному

[358] *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море... С. 29; *Henning R.* Terrae incognitae. Bd 2. S. 62.

[359] *Chavannes E.* Documents... P. 235—237. В 433 г. ассены, клан жуань-жаней, заняли южные склоны Золотых гор в Канжу. Самый город их назывался Киншан — Золотая гора (*Parker E. H.* Thousand years of Tartars. Walsh, 1895. P. 177).

[360] *Menander,* 20, p. 228.

[361] *Ioannes Ephesius,* III, 6, p. 322.

из тюркских царей, Земарх остановился. При дворе кагана он застал персидских послов, с которыми ему пришлось вступить в спор. Этому диалогу предшествует рассказ о горьком плаче тюркского кагана при виде ромейских послов. Слезы его были будто бы вызваны одним древним пророчеством, что с приходом послов из ромейской земли наступит конец мира и прекратятся все царства. Зная Иоанна как историка, тот факт, что часть рассказа он передает в первом лице множественного числа, может служить подтверждением того, что он передает рассказ, слышанный им от участников посольства. Это обстоятельство не меняет, впрочем, специфического характера рассказа в духе пиитизма Иоанна. Менандр хоть и не говорит о споре между византийскими и персидскими послами, но их встречу в Таласе, в присутствии кагана, подтверждает.[362] Сирийский историк утверждает, что персы стремились дискредитировать Византию в глазах каганата, заявляя, что «царь ромейский наш раб и как раб платит нам подать».[363]

Между тем богатые подношения и дары из Константинополя, преподнесенные кагану, заставили его воскликнуть: «Это великий царь!» — и спросить ромейских послов, действительно ли Византия является данницей Ирана. Поводом для такого утверждения были, конечно, те дотации, которые империя посылала шаханшаху на содержание охраны на общих для обоих государств границах с кочевниками. Еще в V в. представители Восточно-Римской империи горячо протестовали против желания Ирана видеть в этом «золоте» унизительную «подать». Так и теперь Земарх парировал удар, утверждая, что, наоборот, персы и до настоящего времени оказывают почести статуе императора Траяна, находящейся в «их земле», и, следовательно, о каком же подчиненном положении может быть речь, если они изображения императора боятся и трепещут перед ним.[364] Аргумент показался убедительным, каган стал упрекать персов во лжи и отослал их с гневом.

Что переговоры тюрок с Византией имели благоприятные для последней результаты, видно уже из того, что нажим на Иран с севера и востока был тотчас осуществлен, так как каган со своим войском выступил против Ирана. В заключение своего рассказа Иоанн говорит, что послы возвратились домой через два года и рассказали много замечательного «об этих на-

[362] *Menander,* 20, p. 228.

[363] *Ioannes Ephesius,* p. 323.

[364] Ibid.

родах», их законах, обычаях, образе жизни и что обо всем этом слыхал и он.

Приготовляясь к войне, каган отпустил Земарха, который встретился в условленном месте с другими членами посольства. Кроме того, от кагана в Византию были посланы некий Тагму, имевший звание тархана, и сын Маниаха, «предстоятеля согдов», получивший, несмотря на свою молодость, звание покойного отца.

Неудачи в войне Византии с Ираном побуждали вновь искать помощи у тюрок. Во 2-м году императора Тиверия, следовательно, в 579 г., послом к ним был отправлен некий Валентин, который побывал там дважды. Кроме того, Менандр называет имена ряда лиц, побывавших в посольстве у тюрок, как Анагаста, Евтахия, Иродиана, Павла киликийца, что говорит о частых обменах посольствами. Валентина сопровождали 106 тюрок, которые «давно» жили в Византии, прибыв сюда с возвратившимися от тюрок ромеями.

Для государственного устройства тюрок характерно, что только Дизибулу принадлежала верховная власть, несмотря на то что государство тюрок делилось на четыре части.[365] Он занимал, следовательно, первенствующее положение.

Иоанн Эфесский говорит, что посольство Земарха прибыло лишь к «одному из царей этих народов» и что «есть у них других восемь великих царей», владения которых расположены за его владениями, дальше, глубже, как говорит текст, т. е. далее в северо-восточном направлении, если представить себе путешественников, двигавшихся с запада.

Между тем к моменту посольства Валентина, т. е. по прошествии десятка лет, положение изменилось. Турксант, сын Дизибула, занимал области в значительно более близком расстоянии от границ Византии. Брат его Тардухан занимал положение главного кагана, и Валентин после Турксанта направился к нему, к той «Золотой горе», на которой жил еще Дизибул.[366] Вызывающая речь, с которой Турксант обратился к византийскому послу, имела почву в реальном могуществе тюрок. Турксант не только грозил завоеванием Боспора, но и действительно захватил его в то время, когда Валентин находился еще в тюркских пределах, и смог задержать Валентина на обратном его пути в Константинополь.[367] Об этом периоде истории тюркского каганата в свое время писал И. Маркварт.[368] Дальнейшая история тюркского каганата выпадает из рамок настоящего исследования не только хронологически, но и потому, что история его уже связана с историей дальневосточных государств.

[365] *Menander*, 18, p. 226.
[366] *Menander*, 43, p. 247.
[367] *Menander*, 45, p. 247, 248.

Так, общая картина исторической судьбы среднеазиатских и прикаспийских областей в V и VI вв. приобретает больше отчетливости и ясности.

Помимо того, перед исследователем ставится ряд проблем более общего характера.

В этот период, как и в предшествующие, и в течение многих последующих веков для Азии возникает во всей остроте вопрос об оседлом и кочевом населении, об отношениях между древними, многовековыми культурными государствами, как Китай, Индия, Иран, и варварами.

Попытки кочевых и полукочевых орд проникнуть на юг, в области оседлой культуры, делаются в этот период на всем протяжении Евразии от границ Небесной империи до дунайской границы Византии. Родоплеменные союзы и племена, кочевавшие на север от Амударьи, вокруг Аральского моря, по прикаспийскому побережью, постоянно стремились на юг, в плодородные области Передней Азии, куда их манили тучные пастбища, хлебные поля и виноградники, неисчислимые богатства городов, центров ремесла и торговли. Смешанные разноплеменные и разноязычные орды объединялись общим именем, как, например, унну, или гунны. Включившиеся в эти орды различные этнические элементы не могут быть определены, но среди них несомненно были иранские и тюркские элементы. Среди общей массы были и отличные от них племенные группы, подчас очень многочисленные, благодаря чему возникают имена белых гуннов, как впоследствии аваров и псевдоаваров.

Завоеватели Средней Азии, областей по северной и северо-восточной границе Ирана столкнулись с древними культурными народами, как согды, хорезмийцы. Последние продолжали свою жизнь культурных оседлых народов под властью сменявшихся орд. Источники дают основания предполагать, что эти народы пользовались известной самостоятельностью, что, например, богатая верхушка занимавшихся торговлей согдов имела своего «предстоятеля», на которого возлагались сношения с тюркским каганом, которому они были подвластны. Тюрки, как и эфталиты, вероятно, удовлетворялись податью,

[368] *Marquart J.* Historische Glossen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlands. 1898. Bd 12. S. 188, 189.

не оказывая особенно глубокого воздействия на жизнь находившихся под их властью народов.

Как ни скудны и малочисленны источники этого времени, но и они дают возможность заострить эти проблемы общего характера о формах отношений между оседлыми и кочевыми народами, о различных этнических элементах и их взаимодействии, о внутренних кризисах варварских кочевых обществ, которые порождали их передвижение и завоевания.

КАВКАЗ МЕЖДУ ИРАНОМ И ВИЗАНТИЕЙ

Гунны на Северном Кавказе

В предшествующих разделах уже приходилось касаться отдельных эпизодов в борьбе Византии и Ирана с племенами, населявшими северное Предкавказье.

Кавказ и Закавказье представляют собою одну из интереснейших областей для этнологических и лингвистических исследований. Известно, что в ущельях мощной цепи Кавказского хребта и его отрогов застревали и оседали роды и племена народностей, когда-то живших или кочевавших вблизи этих мест. Языковая и этническая пестрота Кавказа является действительно необозримым полем для разысканий, имеющих живые связи с современностью.

Выше дан краткий анализ сирийской хроники, известной под именем Захарии Митиленского, или Захарии Ритора. В последней, седьмой главе 12-й книги хроники составитель дал фрагмент из географии Птолемея в сирийском переводе. Он ошибочно приписывает это «описание вселенной» Птолемею Филометру, царю египетскому.[369] В соответствии с этой ошибкой сириец считает, что «писание о народах вселенной составлено, как написано выше, Птолемеем Филометром в 30-м году его царствования, за 150 лет до рождения нашего Спасителя...»,[370] не во второй половине II в. н. э., когда действительно писал александрийский ученый Клавдий Птолемей. Далее следует добавление, сделанное сирийцем к тексту Птолемея, представляющее выдающийся интерес. Кому следует приписать сирийский перевод и добавление к нему — тому ли амидийцу, который составил всю сирийскую хронику, известную под именем псевдо-Захарии Митиленского, или какому другому ученому сирийцу, трудом которого воспользовался компилятор, —

[369] *Zacharias Rhetor*, 2, p. 202.
[370] *Zacharias Rhetor*, p. 213.

сказать трудно. Последняя, седьмая глава в последней же 12-й книге обрывается, не имея конца. Возражений против того, что она принадлежит самому компилятору, нет, так как обычно он сообщает о своих источниках и, вероятно, сделал бы это и в этом случае. Вопрос об авторе этой главы не имеет особой остроты еще и потому, что источник ее — устная традиция, а сама глава датирована, что и является самым важным для данного материала указанием. Мотивом автора для того, чтобы дополнить сообщения Птолемея, служит большая их давность, так как он считает, что от 3-го года царствования Птолемея, или 150 г. до н. э., прошло 711 лет (следовательно, он писал в 561 г.). Но он добавляет еще следующие хронологические данные: «28-й год царствования Юстиниана» и 866 г. селевкидского счисления, так как он пишет, что от времени Птолемея, принятого им ошибочно как 150 г. н. э., прошло «до нашего времени, до года 28-го царствования Юстиниана, сидящего царем в наши дни, года 866 Александра, 333 олимпиады — 711 лет».[371] Следуя примеру своих предшественников, автор сосредоточил свое внимание на подсчете городов. Строительство городов отмечается как развитие жизни «народов вселенной», поэтому он и восклицает дальше: «Сколько же городов за время от Птолемея до наших дней построено и добавлено у всех народов во вселенной!..». Особенно оживленным он считает это строительство с наступлением новой эры.

Даты способствуют абсолютному уточнению года, когда составлял свое дополнение автор, и можно с полной уверенностью указать на 555 г. н. э. Как «28-й года царствования Юстиниана», так и «866-й год Александра», т. е. селевкидского счисления, падают именно на этот год. Юстиниан воцарился в 527 г., следовательно, 28-й год падает на 555 г. Что касается эры Селевкидов, то 866 г. (866 — 311 = 555) соответствует тому же году; таким образом, дата не может вызывать сомнения. Ошибка в исчислении времени от начала новой эры (561 г.) могла возникнуть легко, так как это было летосчисление, не вошедшее в обиход и редко применявшееся на Востоке. В связи с тем, что автор считает с первых строк Армению расположенной в «северной стороне», можно предположить, что его местопребыванием была Месопотамия, в части, принадлежавшей Византии; в частности, нет особых возражений против того, что он был жителем Амида, на что указывает ряд мест хроники.

[371] Ibid.

После упомянутых в географии Птолемея «сарматов, скифов и сериков» сириец дополняет еще «пять народов», выделенных им в особую группу, так как занимаемые ими области он называет «землей». В его представлении «земля» есть страна, область, государственная единица, имеющая некоторое известное ему определенное географическое положение. В других случаях, когда он не имеет в виду этих границ, например в отношении племен, живших в «гуннских пределах», он говорит только как об этнических единицах, называя их «народами». В качестве народов кочевых, «живущих в палатках», они могли и не иметь определенных географически четких границ. Выделяя в особую группу пять народов, живущих на «север» от автора, он прежде всего называет Армению, подразумевая под ней Персидскую Армению. Центром армян он считает город Двин, «в котором живет католикос».[372] Затем названа «Гурзан — также земля», следовательно, большая область или государственная единица, в которой, без всякого сомнения, нужно видеть Грузию. Совершенно то же сообщается относительно «земли Аран», которую следует считать областью восточной Армении, или Албании.[373] Аран находился в зависимости от персидского великого царя царей, которому подчинялся малый царь, «царек», malkona, этой «земли». Аран, как и Гурзан, определяется как область, находящаяся «в Армении», иначе говоря, мыслится как область хотя и автономная, но входящая в ее состав. Замечательно, что это еще одно свидетельство в пользу того, чтобы видеть родину арийцев (Аран) на Кавказе и связать с ними происхождение ряда кавказских народов. Аран имеет «язык». Наш автор хочет этим сказать, что в Аране был свой особый язык, не сходный с языком других народов, им названных: следовательно, несмотря на сильное армянское влияние, в половине VI в. эта область сохраняла еще родное наречие. Гурзан также имеет свой язык, который охарактеризован как «подобный греческому». Четвертое место в перечне народов Закавказья уделено «земле Сисган», известной и по другим источникам как область Армении, обычно Сиуник.[374] О ней сообщается еще, что в ней живут также «и язычники». Наконец, «земля Базгун со (своим) языком, что примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, которые (находятся) в пределах гуннских», после которой источник переходит к перечню народов, живущих «за воротами». Что под Каспийскими воротами подразумевается проход у Дербента, нет сомнения, так как в тексте отнюдь нет противоположения «от» и «до», а предполагается, что за пределами Сисгана начинается земля Базгун, которая простирается до Каспийского прохода и моря. У более древних писателей, по-видимому, существовали смешение и неправильное применение названия Каспийских ворот к Дарьяльскому ущелью, о чем говорит уже Плиний Старший. Вопрос об этих проходах имеет исключительное значение для истории всего древнего и средневекового периода. В данном же случае едва ли возможно видеть в Каспийских воротах Дарьяльское ущелье, а в «море» — Черное море как западную границу Базгун. Как ни соблазнительно стремление И. Маркварта сблизить имя Базгун с именем народа Ἀβασγοί, под которыми можно подразумевать не только абхазцев, но и все Лазское царство, Мингрелию, Сванетию, все же приходится отказаться отнести эту «землю» на Западный Кавказ.[375] Сирийский текст не допускает такого чтения, чтобы последняя часть фразы: «которые (находятся) в пределах гуннских» — была отнесена не к Каспийским воротам и морю, а к последующему перечню народов. Поэтому возможно только одно понимание текста, по которому и Каспийские ворота, и море определяются как находящиеся в «гуннских пределах». О Черном море это никак не могло быть сказано. Таким образом, если имя Базгун и отвечает имени абазгов, во всяком случае их нельзя искать в VI в. у побережья Черного моря. Их местонахождение в восточной части Закавказья до Дербентского прохода не противоречит и свидетельству Масуди, считавшего их соседями аланов и грузин, «мощного народа Gurz». В северо-западном направлении Базгун мог примыкать к грузинским границам, а с севера от Дербентского ущелья жили аланы. Только отсутствие знакомства с подлинником, свободное обращение с текстом могли привести к несоответствующим предположениям.

Вслед за «землями» Закавказья сирийский источник переходит к перечислению народов, живущих «за воротами». Из них прежде всего названы бургары, давно известное видоизменение имени булгар. Для истории гунно-булгаро-славянских нападений на Балканский полуостров, для образования государства Волжских булгар такое раннее и точно датированное свидетельство особенно ценно. Ближайшими соседями булгар являются аланы, причем про первых суммарно говорится, что «у

[372] В настоящее время на месте, где находится город Двин, деятельно ведутся раскопки.

[373] *Land J. P.* Aardrijkskundige fragmenten uit de syrische Literatuur // Verslagen en Mededeelingen der Koninklijke Akademie. 3. Reeks. 3 Deel. Amsterdam, 1887. S. 184; *Hommel F.* Ethnologie und Geographie des Alten Orients. München, 1926. S. 208.

[374] *Marquart J.* Eranšahr. S. 120, 121.

[375] *Marquart J.* Osteuropäische... S. 174.

них есть города», аланам же приписывается пять городов. Характеризуются бургары как народ «языческий и варварский». К этой группе народов варварских, не имеющих города или крепости, принадлежат и люди «из пределов Даду», которые «живут в городах, у них есть крепости». Область народа Δαδοί, то, что сириец называет Бет-даду, — это Дагестан, «горная страна», сопоставление, не вызывающее никаких сомнений.[376] Наличие крепостей в Дагестане еще в VI в. вполне отвечает исторической действительности, так как от кочевых народов было необходимо защищаться. Самый факт говорит об относительно оседлом образе жизни и более высоком уровне культуры людей Бет-даду, чем у кочевых народов.

Далее следует перечисление 13 народов, охарактеризованных не только как варварские, но и как народы кочевые, живущие в палатках. Девять имен из 13 имеют общий тип окончания на -ар, -ур, -ир и представляют несомненно видоизменения одного общего корня, с различными приставками, как бургар, ау-гар, кутар-гар или ауан-гур, сирур-гур и т. п. Имена эти: ауангур, аугар, сабир, бургар, кутаргар, авар, хазар, дирмар, сирургур. Часть из них можно с уверенностью идентифицировать с именем племен, известных из греческих источников. Так, сабиры упоминаются неоднократно в середине VI в.; они сражаются то в стороне от персов, то на стороне «ромеев» — Византии.[377] Приск Панийский сообщает о посольстве племен сарагуров, урогов и оногуров в Константинополь.[378] В первом имени можно узнать сирургур, в третьем имени — ауангур сирийского источника. Возможно, что сирийское аугар можно прочесть и уйгар или уйгур. Имена бургар и кутаргар как бургар, булгар, кутигур известны по ряду других источников.[379] Авар и хазар, конечно, авары и хазары, которые здесь упоминаются как родовые племена, еще не были известны как грозные орды, устрашавшие Восточно-Римскую империю. Это одно из первых упоминание имени хазар в чистом его виде, так как предшествующие греческие писатели упоминают только акацир. Как известно, по-тюркски ак-хазир значит белый хазар. Относительно остальных имен если сейчас нельзя подыскать им эквивалентов в свидетельствах других источников, то во всяком случае нет сомнения, что это родоплеменные названия орд, двигавшихся с гуннскими народами.

[376] *Land J. P.* Aardrijkskundige fragmenten... S. 182.
[377] *Ioannes Malalas*, 16.
[378] Excerpta de legationibus. P. 586.
[379] *Златарски В. Н.* История на първото българско царство. София, 1918. Ч. 1. С. 72—84.

Таковы имена баграсик и кулас, 10-го и 11-го народов в перечне.[380] Последние два имени абдел и эфталит известны как имена так называемых белых гуннов. Материалы относительно последних на сирийском языке настолько богаты, что без них история этих народов и государств не может быть восстановлена.

Сирийский источник говорит о перечисленных им народах: «Эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием».[381]

Сначала автор думал охарактеризовать каждое из племен, так как об ауангурах (первый из перечисленных народов) он говорит: «народ, живущий в палатках», но далее он перечисляет все остальные 12 народов и дает им общую характеристику. По-видимому, об этих племенах он не мог дать сведений, которые бы отличали их друг от друга. На форме его определения жизни этих народов сказались слова, приведенные в хронике в качестве обращения гуннов к Византии. Там они называют себя «людьми-варварами» и сообщают, что «подкрепляются они мясной пищей» и живут оружием, — сведения, которые автор тут повторил. Косвенно это еще одно доказательство, что это дополнение к географии Птолемея могло быть написано самим составителем этой хроники.

«Вглубь от них (от 13 народов живет) народ амазарты и люди-псы, на запад и на север от них амазониды, женщины с одной грудью, они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях». Наличие легендарных элементов в тексте несомненно. Таково упоминание амазонок и людей-псов, которое повторяет сказочные рассказы греков. Геродот называет людей-псов Κύνες или Κυνήσιοι.[382] В имени амазартов представляется возможным видеть карликов, людей длиной в локоть astzarte.[383] Вслед за сказкой об амазонках говорится: «Соседний же с ними народ Ерос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей».[384] Если сириец привел это имя, не осмысливая, то возможно, что оно происходит от имени бога войны Ареса.[385] Другое предположение — что это фантастическое на-

[380] Ланд (*Land J. P.* Aardrijkskundige fragmenten... S. 184) относит их к урало-алтайским народам.
[381] *Zacharias Rhetor*, p. 215.
[382] Herodoti historiarum libri IX / Ed. H. Kallenberg. Lipsiae, 1894, IV, 49, p. 343; II, 33, p. 142.
[383] *Arhens—Krüger*. S. 382; *Marquart J.* Osteuropäische... S. 356.
[384] *Zacharias Rethor*, p. 215.
[385] *Land J. P.* Aardrijkskundige fragmenten... S. 184.

звание значит «герои», впрочем, если бы это было справедливо, то сириец мог бы перевести их имя, назвав их герои.[386]

На этом наш источник не исчерпан. Дальше он сообщает очень интересные подробности относительно того, что «у гуннов лет 20 тому назад или больше вышло писание на их языке», иначе говоря, сообщает о возникновении письменности у гуннов. Незатейливый, но четкий рассказ дает возможность установить, что источником автора для его сообщений о народах были устное предание, сообщения лиц, побывавших в гуннских пределах. Из этого же рассказа можно почерпнуть материал для некоторой общественно-экономической характеристики тех племен и народов, которых автор суммарно называет гуннами.

Хотя сирийский Захария и указывает на свой источник, лишь приступая к сообщению о появлении письменности у гуннов, но несомненно из этого источника он почерпнул и предшествующее. Лет за 50 «или больше» до того времени, как писал автор, два жителя Амида были уведены в персидский плен. Так как это было при шахе Каваде, очевидно, это случилось во время взятия Амида в январе 503 г. н. э. Один из этих людей был Фома (Томас) кожевник, другой — Иоханан из Решайны, живший в монастыре Бет-Айсхакуни около Амида. Их увели в Иран, там они были перепроданы в качестве рабов гуннам и «отправились из пределов персидских в гуннские, прошли за ворота и оставались в их земле больше 30 лет, взяли жен и породили там детей. Они вернулись в настоящее время и рассказали нам живыми словами следующее».[387] Если автор писал в 555 г., то он совершенно правильно считал, что увод их в плен состоялся за 50 лет или несколько ранее этого времени. Фома кожевник и Иоханан из Решайны сообщили, что из Арана, т. е. из Албании, в «гуннские пределы», где они находились в плену, пришел епископ с четырьмя другими лицами. «Они не вошли в ворота, но были проведены через горы».[388] Таким образом, пленники знали дорогу «через ворота», которой их вели, но, кроме того, местным людям была знакома и другая дорога — «через горы». Бургары населяли прикаспийские области Кавказа, севернее их находились аланы. Если сюда должны был пройти пленные из Ирана и люди, жившие на среднем течении Куры, значительно ниже Тбилиси, то вполне понятно, что ближайший для них проход был около Дербента, вблизи Каспийского моря. Отсюда понятно и то, что сообщения сирийского Захарии касаются областей Кавказа Восточного, а не Западного. Так, кроме Гурзана, Грузии, занимающей центральное положение на перешейке, он упоминает Сисган и Аран, а затем Базгун, о положении которого он говорит с большой точностью, несомненно за счет того, что пленники сами проходили по этой области. В свете сообщения хроники приходится придавать особое значение тому перечислению племенных названий гуннов и родственных народов, которое делает автор. Он дает эти наименования на основании достоверных сведений от лиц, живших в «гуннских пределах». В таком случае понятно, что они гораздо меньше или вовсе ничего не могли сообщить о западной части Кавказа, которая была сравнительно лучше известна греческим авторам, как Лазское государство, в состав которого входила, вероятно, и Мингрелия. Сирийская хроника дает не только интересные данные, но и необходимую исследователям уверенность в их достоверности.

Рассказ амидских пленников незатейлив, но он дает возможность охарактеризовать общественные и экономические отношения у этих гуннских племен.

Прежде всего можно отметить, что кочевые и полукочевые орды, о которых идет речь, переходили к новой форме оседлого образа жизни. Большое количество имен племен говорит о том, что они еще только переходили к формам жизни союза племен, становившегося военным союзом. Обращает на себя внимание тот факт, что гунны покупали рабов. Когда в 502 г. персидский царь Кавад подготовлял коалицию против Византии, он обещал вознаградить гуннов-эфталитов из добычи, в которую, конечно, входили и рабы-военнопленные. В этом случае мы имеем дело со сложившимся государством, в системе которого было место и для рабов, тогда как в сообщении сирийского Захарии речь идет о «варварском», полукочевом народе, населявшем Предкавказье. Здесь важно отметить еще и то, что эти пленные не просто были уведены данным гуннским племенем с поля брани, а что они были куплены или «перекуплены». В качестве рабов они оставались жителями в гуннской земле, куда они были проведены «через ворота». Факт покупки рабов — факт исключительной важности, так как он говорит о потребности в рабочей силе в новых условиях жизни племен. Эта потребность проще всего удовлетворялась войной, как на это указывает Ф. Энгельс: «Военнопленных стали обращать в рабов».[389] Рабство было новым фактором в жизни этих племен.

[386] *Marquart J.* Osteuropäische... S. 359, 360.
[387] *Zacharias Rhetor*, p. 215.
[388] *Zacharias Rhetor*, p. 216.

[389] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1937. Т. 16, ч. 1. С. 137.

Те гуннские орды, которые описаны Приском Панийским, не занимаются земледелием, и в этом отношении они противопоставлены готам, которые «сидят на земле».[390] Жизнь племен, где находились амидские пленники, несомненно была полукочевой или кочевой. Эти народы живут «в палатках», в их земле нельзя найти «покойного местопребывания». Переход к полуоседлой жизни, усложнение ее по мере образования новой формы племенного объединения и дифференциации труда требовали рабочей силы — рабов. Последние женились, приживали детей, что было естественным распространением рабства. Существенна и другая подробность. Варварские племена охотно обращались Византией в федератов или образовывали часть войск, служивших оплотом империи против их же единоплеменников. Хроника сообщает о том, что византийский посол Пробос пришел с посольством от императора, чтобы купить из них воинов для войны с народами.[391] Это было способом привлекать на военную службу варварские племена и народы. Воинов вербовали, оплачивали их на определенных условиях, и так поступали как Византия, так и Иран. У Византии были в ходу и мирные способы привлечения варваров; к числу таковых принадлежала христианизация. Этим объясняется то особое внимание, которое было оказано официальным византийским послом клирикам, действовавшим среди гуннов, несмотря на то что клирики эти пришли из Арана, области Албании, находившейся под властью персидских царей. Стремление высших клерикальных слоев и в Византии, и в Иране обращать и приобретать таким путем новых людей, новые области вполне понятно. Они выполняли функции государственного порядка, покоряли мирным путем племена, но несомненно этим путем расширялась и материальная база высших чинов клира. Выходцы из Албании — Кардост и его спутники — были приведены в гуннские пределы ради византийских пленников, бывших уже в плену около 30 лет, и их могла направить сюда рука Византии. Расположить племена в пользу последней можно было целым рядом культурных мероприятий, о которых сообщает и сирийский источник.

Первым из пришлых клириков был епископ Арана Кардост с несколькими людьми, которых через 14 лет сменил клирик из Армении по имени Макар. Для народов, находившихся еще на стадии варварства, эти люди стали вводить ряд культурных новшеств. Их деятельность была оценена Византией как полез-

[390] *Priscus Panites.* Fragmenta // Excerpta de legationibus. T. 2. P. 589.
[391] *Zacharias Rhetor,* p. 216.

ная, поэтому из ближайших подвластных ей городов, вероятно из Причерноморья, было послано 13 мулов, нагруженных продуктами. Это было то, чего нельзя было найти в гуннском кочевье, — пшеница, вино, масло, лен, плоды. Помощь эта была оказана еще Кардосту, с которым встретился Пробос.[392] Сменивший первого Макар еще тщательнее приготовился к условиям новой жизни. Он не только прибыл сам, но позаботился захватить с собою саженцы и семена. На постройке храма он применил до того времени не известный для гуннов способ кладки из кирпичей. Для постройки каменного здания, очевидно, надо было иметь с собою людей, которые могли руководить как самим строительством, так и подготовкой материала.[393] Не менее важно было и то, что Макар «насадил растения и посеял различные семена». Эти факты производили впечатление на «властителей этих народов; они удивились и обрадовались мужам, почтили их, и каждый звал их в свою сторону, к своему народу и просил, чтобы они были ему (народу) учителями».[394] Так как это сообщение следует непосредственно за сообщением о строительстве и насаждениях, то, конечно, это и было тем «новым», что поразило господствующий слой этих племен.

Исключительный интерес имеют данные о введении письменности у гуннов. О Кардосте и бывших с ним «мужах» говорится, что они обучали некоторых «из гуннов». Тогда же, очевидно, происходило усвоение пришельцами гуннского языка. «Они оставались там 7 лет (буквально: «неделю лет») и выпустили там писание на гуннском языке». Если приход Кардоста относится к 537 г., через 34 года после захвата пленников в Амиде в 503 г., то, следовательно, на освоение языка и на перевод ушло еще 7 лет, и около 544 г. «писание вышло». Относительно языка перевода сомнений не возникает — это гуннский язык; что же касается письменности, знаков, которые были в употреблении, можно только высказать догадки. В 568 г. в Константинополь тюрки принесли ханскую грамоту, которая представляет собою τό γράμμα τό Σκυθικον.[395] Весьма вероятно, что и гуннское, и тюркское письмо, которое названо скифским, было письмо согдо-манихейское или согдийское. основанием для этого предположения является следующее. Гунны пришли в своем поступательном движении в области, населенные со-

[392] Ibid.
[393] *Zacharias Rhetor,* p. 217.
[394] Ibid.
[395] *Menander,* 18. P. 226.

гдами, где они могли ознакомиться с этим типом письма. С другой стороны, Кардост, пришедший из Арана, принадлежал к области, населенной арийцами и, возможно, говорившей на одном из иранских наречий, в таком случае и знакомство его с согдийской письменностью не может быть удивительным. Во всяком случае это только высказанное предположение, пока, однако, не имеющее доводов против. Много оснований предполагать, что гунны, с которыми имели дело Кардост и Макар, были гунны-сабиры. Византийские писатели дают многочисленные указания на «гуннов, называемых сабирами». В середине VI в. они сражаются то на стороне персов, то на стороне ромеев; их количество исчисляется около 100 тысяч человек. Прорвавшись через Каспийские ворота, они произвели нападения на византийские области.[396]

Так, анализ этого небольшого фрагмента сирийского источника дает возможность внести новый ценный материал в историю народов Кавказа. Эти данные позволяют уточнить географическое распределение племен и народов и дать новое определение формам их общественно-экономической жизни.

К тому же времени, к середине VI в., относится другое известие о принятии христианства некоторыми гуннами. В сочинении псевдо-Дионисия Тельмахрского, содержащем вторую часть «Истории» Иоанна Эфесского, к 534 г. отнесен следующий рассказ. «Прибыл Гордий, царь гуннов, с большим войском в столицу. От крещения его восприял Юстиниан. Он почтил его и дал ему много подарков, и (Гордий) отправился и пошел в свою землю. Когда он прибыл в свою землю, он нашел своего брата, которого он поставил над войсками, сообщил ему о своем христианстве, показал ему дары и подношения ромейского царя и удивил его. (Гордий) взял идолов из серебра и золота, которых они почитали, и так как он верил, что един истинный Бог, а что идолы пусты и что они не боги, то он разбил и послал их в город Боспор, чтобы их обратили в монету. Когда брат его и все войско увидели это, то они вместе со жрецами этих идолов разгневались, устроили заговор и убили его и, боясь ромейского царя, ушли в другую землю».[397]

Хронографу Феофана эти факты известны, причем он добавляет, что Гордий после крещения был послан «в свою собственную землю» императором Юстинианом, для того чтобы «оберегать ромейские пределы и город Боспор».[398] Гордий, следовательно, должен был выполнять прямую задачу, которую ставила себе империя, христианизуя варваров. Брат Гордия (у Малалы его имя Грод)[399] Муагер убил его, а затем напал на Боспор, где расправился с трибуном Далмацием и стратиотами. Трибун был послан в Боспор Юстинианом специально для того, чтобы собирать с гуннов дань, которую они выплачивали быками.[400] Из Константинополя было отдано распоряжение, и ипатий Иоанн двинулся против гуннов морем; к нему присоединились стратиг Бадурий и Годил из Одессы.[401] Гунны бежали, и в Боспоре наступил покой.

Таким образом, гунны рассчитались со своим царем за слишком смелую попытку перейти в христианство и стать в положение, зависимое от Византии. Несомненно, большую роль сыграли и жрецы, потеря влияния для которых была равносильна смерти; отсюда понятно их решительное сопротивление. Что касается имени «Грод», как его передает Малала, то оно может быть славянским именем. Возможно, что славяне составляли часть орд, известных под именем гуннских.

Гуннские племена, о которых шла речь, располагались, следовательно, близ Боспора и занимали часть Северного Кавказа между Черным и Каспийским морями и дальше на восток за пределы Средней Азии.

[396] *Theophanus.* P. 161, 162; *Ioannes Malalas*, cap. 16; *Georgius Cedrenus* // Joannis Scylitzae opera / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838. T. 1. S. 644.
[397] Chronicon ps.-Dionysianum. P. 53, 54.
[398] *Theophanus.* P. 175.

Армения в восстании 570-х годов

Армения в течение нескольких столетий находилась в тесной экономической и культурной связи с сирийцами. Как и последние, Армения оказалась между Ираном и Византией, в подчинении у одного, под протекторатом другой, в вечном стремлении соединить в одно целое разобщенные части страны, чтобы вновь стать единым и самостоятельным государством.

Верхи раннефеодального общества Персидской Армении неоднократно поднимали знамя восстания и в V и в VI вв. Поддержку они находили в Константинополе, где всякая возможность досадить Ирану и ослабить его казалась желанной.

Сирийский историк Иоанн Эфесский, характеристика которого дана выше, оставил в своем сочинении страницы, представляющие исключительный интерес для истории восстания в Персидской Армении в 571 г. Автор относился к восставшим

[399] *Ioannes Malalas.* P. 431.
[400] *Theophanus.* P. 175, 176.
[401] *Ioannes Malalas.* P. 432.

с нескрываемой симпатией, так как монофизитство, ярым сторонником которого он был, явилось той формой христианства, которая имела самое широкое распространение в Армении. Следствием специфически клерикальных интересов Иоанна является то, что он выдвигает на первый план, в качестве мотивов восстания, религиозные моменты. Нет сомнения, однако, что христианство в среде знатных, в высших слоях общества, среди видных представителей клира было не только исповедуемой религией, но и как бы некоторой их особенностью, объединявшей их между собою. Религия их обособляла и противопоставляла персам. Сасанидское государство со своей стороны считало приобщение своих подданных в их высших слоях к идеологии, господствовавшей в Иране, к зороастризму желательным, а связь с разделявшими эту идеологию слоями особенно прочной. Отсюда и попытки заставить нахараров Армении принять зороастризм.

Несмотря на то что Иоанн Эфесский, труд которого — основной, наиболее подробный и современный этим событиям источник, причиной восстания считает принудительные меры, принятые иранским правительством для того, чтобы заставить армян обратиться к зороастризму, в действительности причины восстания были другие. Это совершенно очевидно из сообщений того же сирийского историка.

Сведения, которыми располагал Иоанн Эфесский, были им получены от непосредственных участников событий, так как он говорит, что слыхал все это от «католикоса великого города Довина (Двина) в Великой Армении Персидской», который прибыл в Константинополь с «прочими епископами» (кн. 2, гл. 18). Отсюда в значительной степени может быть объяснена и специфически клерикальная информация Иоанна. Если внешним поводом восстания был протест против построения храма огня в Двине, то причиной протеста было в общем неудовольствие верхушки нахарарского общества господством Ирана. Высшие клирики, католикос, епископы, настоятели монастырей были крупными землевладельцами, принимавшими участие в местном управлении и пользовавшимися влиянием при сасанидском дворе; они не были расположены терять преимущества своего экономического положения и всяких привилегий. Из рассказа Иоанна (кн. 2, гл. 20) очевидно, что инициатива протеста и восстания принадлежала католикосу, который «послал (сообщить) во все места, всем жителям области» о намерении марзбана построить храм огня. Собрались по его призыву «богатые» и «главы», иначе говоря, верхушка общества Армении. Они и организовали восстание, собрав около 20 тысяч войска,

что было для них возможно как для крупных землевладельцев, распоряжавшихся собственными военными отрядами. То, что еще до восстания они связались с Византией, действовали при ее поддержке и с ее одобрения, видно из того, что голова убитого ими марзбана была послана «патрикию Юстиниану, жившему в то время на границе, в городе Феодосиополе». В дальнейшем участие Византии еще более очевидно. В «трудной войне» с персами в первое время перевес оказался на стороне Армении. Иранские войска были разбиты, а Армения «поддалась», объявила себя под протекторатом Византии. Это отвечало интересам Константинополя, который приобретал как новых союзников для борьбы с Ираном, так и новые территории. Представители Армении были приняты в византийской столице «с великой честью и получили царские подношения и подарки». В числе прибывших Иоанн Эфесский называет католикоса, епископов, некоторых «из знатных» и «свободных». Словом «свободных» (в точном переводе — «сынами свободных») он, вероятно, передает персидский термин «азат»; следовательно, это были представители нахараров Армении. Прибывшим в Константинополь были даны «большие чины», и вообще их «весьма почитали»; кроме того, их хорошо устроили, так как они получили «крепкие, царские дворы» и «богатые дома». Все это делалось с целью установить контакт с господствующим классом Персидской Армении. Для облегчения положения всего населения этой присоединенной области подати с нее были сняты на три года. Кроме того, и оставшимся в Армении были предоставлены «чины», было «послано много золота», и тем, кто находился в Константинополе, было «приказано», чтобы они оказывали помощь тем, кто сражается «из-за них и из-за всей армянской земли с персами».

Дальнейшая история восстания описана сирийским историком вкратце. Датой подчинения Персидской Армении Византии он считает 880 г. по селевкидскому летосчислению, следовательно, 569 г., но эту ошибочную дату он в дальнейшем изложении изменяет. Война длилась в течение шести лет, но затем «усилился перс, взял и захватил всю Армению», после чего начались длительные переговоры между Ираном и Византией, «чтобы выяснить события, происшедшие между обоими государствами, а также договориться относительно мира».

В шестой, последней части своего труда Иоанн Эфесский вновь возвращается к событиям 571 г. и последующих годов. На этот раз он датирует соглашение армянских нахараров с Византией 882 г. эры Александра, следовательно, 571 г. Дополнительно он дает для этого события дату 5-го года царствова-

ния императора Юстина (565—578 гг.) (кн. 6, гл. 11), следовательно, тот же 570/1 г. Он с большими подробностями сообщает о переговорах между Византией и Ираном, из которых выясняется много характерных для этого времени черт.

Вообще Иоанн сообщил только «немногое из многого», ему известного об этих событиях. Тем не менее его рассказ имеет совершенно исключительное значение для истории Армении в 70-х годах VI в., тем более что Иоанн передает сведения, полученные им из первых рук, от непосредственных участников событий, от самого католикоса Двина, от знатных и епископов, с которыми он сам встретился в столице.

Русский перевод сирийского текста Иоанна дает возможность специалистам по-новому пересмотреть историю восстаний в Персидской Армении, так как этот первоклассный источник может помочь проверить данные и дать соответствующий анализ сохранившихся армянских источников.

АВАРЫ И СКЛАВЕНЫ

Разрешение вопроса — откуда у Иоанна Эфесского в третьей части «Истории» взялись сообщения об аварах и склавенах — имеет важное значение для привлечения этих сообщений в качестве источника. Иоанн в предисловии к третьей части своей «Истории» писал, что для этой части он не пользовался письменными источниками, что это его воспоминания. Помимо того, в различных местах этой части его сочинения встречаются главы, написанные от первого лица, так как он был сам свидетелем сообщаемых им фактов. В такой связи его данные об аварах и склавенах имеют несомненную ценность и представляют выдающийся интерес. Конец третьей части сочинения Иоанна, как известно, не сохранился. Но в XII в. составитель большого исторического труда, Михаил Сириец, имел возможность переписать и использовать его труд полностью.[402] Отсюда и могут быть извлечены некоторые недостающие части труда Иоанна Эфесского.

Еще в начале VI в. славяне делали одно нападение за другим на границы Восточно-Римской империи. К 580 г. они распоряжались на Балканском полуострове, и все внимание Византии было сосредоточено на том, чтобы дать должный отпор варварам. В эпоху Анастасия на северной границе Византий-

[402] Михаил Сириец был патриархом яковитов (монофизитов) в Антиохии с 1166 по 1199 г.

ской империи появился этот новый враг — славяне, известные для этого времени преимущественно под именем гетов. При Анастасии, в 512 г., была построена так называемая Долгая стена на протяжении около 85 км, которая должна была служить защитой столице. Она тянулась в 40 км от Константинополя — от Мраморного к Черному морю, обращая столицу «из полуострова в малый остров».[403] В 517 г. славяне совершили нашествие на Балканский полуостров, взяли множество пленных, проявляя страшную жестокость. Больше чем пятью годами до этого герулы перешли на правый берег Дуная и стремились занять положение между гепидами и лангобардами.[404] Славяне огнем и мечом разорили Македонию, Фессалию, продвинулись на юг до Фермопил, а на запад прошли в старый Эпир.

Сирмиум с 504 г. был под властью готов, земли на запад от него давно были отторгнуты от империи и находились в руках германцев. По Дунаю у Византии сохранялся целый ряд мелких и крупных крепостей, но удерживать эту границу становилось все труднее.[405]

Во Фракии — Европе, где тянулась Долгая стена Анастасия, население состояло в значительной степени из варваров, готов, гуннов и др. Известную роль играли и герулы. Это был воинственный народ, с трудом воспринимавший культуру. В 1-й год Юстиниана царь герулов принял крещение. Это была новая попытка сближения с Византией, но в большинстве своем герулы были арианами, позаимствовав арианство у родственных им готов. За Дунаем на верхней Саве и Тиссе жили гепиды, которые после кровавых столкновений с Византией в 539 г. завладели Сирмиумом и переправились через Дунай. Гепиды и лангобарды вели между собою длительные войны, с переменным счастьем, в которых иногда принимали участие и герулы, причем все три народа находились в сношениях с Константинополем, который то платил им за охрану границы, то лишал своих подарков и держал их своей дипломатией в постоянном напряжении.

По соседству с гепидами находились славяне, населяя левый берег Дуная до самого устья. Прокопий делит славян на антов — восточную ветвь и склавенов, под которыми он разумеет западную ветвь. Сведения его о жизни славян не отличаются подробностями, но замечательно, что, по его сообщениям, жи-

[403] *Evagrius*, 3, 38, p. 136; *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. 1. С. 469.
[404] Там же. С. 469—471.
[405] Там же. Т. 2. С. 211.

вут они мелкими поселками, в избах, разбитые на множество племен, не имея общей власти, часто воюя между собою, и, лишь изредка сговариваясь, нападают на византийские области.[406] Из слов Прокопия очевидно, что у славян было первобытное общество, где формы государственности лишь начинали складываться. Предпринимавшиеся ими набеги и захват множества военнопленных, которых они брали несомненно с целью обращения в рабов, указывают на то, что такие формы эксплуатации труда уже находили себе место. Стоит вспомнить, что в государстве Аттилы, объединявшем разные народы, которые представляли собою как бы субстрат и часть которых, возможно, являлась славянами, уже засвидетельствованы формы рабства. Грабеж на дорогах, захват военнопленных рабов, которые доставляли им доход благодаря выкупу, — это способы примитивного обогащения и использования труда, необходимого в условиях их жизни. Отсутствие царя или верховной власти затрудняло переговоры с ними; так, например, в 545 г. они так и не удались. В 547 г. они разграбили Иллирик, двумя годами позже 3 тысячи славян переходят Гебр (Марицу), чтобы двинуться частью в Иллирик, частью в Константинополь. В 550 г. славяне перешли Дунай, продвинулись до Наисса, перезимовали в Далмации и прошли затем до Адрианополя. Чтобы справиться с ними, потребовалось большое напряжение византийских войск.

В течение некоторого периода славяне производят набеги на византийские пределы в составе гуннских орд. Уже приходилось выше говорить о том, сколько имен и в каком хаотическом виде эти имена даются отдельным гуннским племенам: сабиры, утургуры, кутургуры, которые охватывали и болгар. Между утургурами и кутургурами существовало соперничество за милости Византии. Торговый обмен утургуров с империей в значительной степени велся на меха; возможно, что это были соболиные шкурки.[407] О нападении болгар хроника комита Марцеллина говорит в 530 и 535 гг.[408] Мощный набег гуннов зафиксирован византийским историографом в 540 г.,[409] когда они большими массами переправились через Дунай и разгромили множество укреплений Балканского полуострова. Не менее жестоко было нападение кутургуров на византийские земли

[406] *Procopius.* De bello gothico, III, 14.
[407] *Jordan,* Get. 37. См.: Jordanis Romana et Getica / Rec. Th. Mommsen. Berlin, 1882 (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. V, 1); *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. 2. С. 223.
[408] Marcellini comitis Chronicon. Chronica minora. T. 2. P. 103.
[409] *Procopius.* De bello persico, II, 4.

за Дунаем. Юстиниан натравил на них хана утургуров Сандильха, который со своими войсками жестоко разграбил землю кутургуров в их отсутствие. Это помогло избавиться Византии от врагов. Но в 551 г. около Филиппополя Нарсесу, двигавшемуся в поход в Италию, пришлось разбить гуннов. В 559 г. гунны-кутургуры с царем Заберганом, завидуя тому, что получили утургуры с Сандильхом, совершили набег, имея в составе своего войска и славян. Они грозили столице, пройдя за Долгую стену, в то время как другой отряд с суши и с моря нападал на Херсонес.[410] Правительство Юстиниана действовало и оружием, но часто приходилось прибегать к денежным дотациям, которые еще чаще давались при Юстине.

Иоанн Эфесский, современник императора Тиверия II (578—582 гг.), говорит о бедственном положении империи в то время и о том, что еще при жизни Юстина Тиверий, будучи кесарем и выполняя роль соправителя, вынужден был сам вести войны, «происходившие со всех сторон», воевать «против персов» и других «варварских народов», которые восставали против «мощной ромейской державы». Больной Юстин фактически был отстранен от дел. Византию теснили варвары, и Тиверий был в крайнем затруднении. «Ему угрожали со всех сторон, а после смерти Юстина еще более восстали против него, особенно же проклятые народы склавены и те, что по волосам своим называются аварами. Особенно когда он стал автократором, ему не дали вздохнуть и малое время от сообщений и слухов, которые с разных сторон множились около него».[411] Сирийский историк утверждает, что бедственное положение империи затрагивало различные социальные слои. Сочувствие Тиверию выражали не только знатные и богатые, но и малые, бедные. «В тяжкие бедствия, в трудные дни досталось этому (императору) государство. Днями и ночами он находится в борьбе и в заботе, чтобы собирать отовсюду войска и посылать во все стороны, на многочисленные войны».[412] На этом общем положении автор не останавливается. В шестой книге той же 3-й части он сообщает об аварах, начиная со времени Юстиниана (527—565 гг.). На север от среднего и нижнего течения Дуная в V в. славянам принадлежала большая область, но до этого времени они мало приходили в соприкосновение с Восточно-Римской империей. Их набеги и грабежи проходили преимущественно в составе других орд и племен, тревоживших

[410] *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. 2. С. 226.
[411] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 152.
[412] Ibid.

границы империи. Ряд византийских полководцев и начальники отдельных дружин в войсках, однако, были славяне, о чем свидетельствуют их имена. С VI в. славяне начинают набеги на Балканский полуостров, опустошая Фракию и Иллирию. Нападения эти могли быть вызваны причинами как внутриполитического, так и внешнеполитического характера. Авары были одним из тех народов, которые были приведены в движение тюрками и аланами. Давление их на славян сплотило последних и в свою очередь вынудило их к движению, к попыткам овладеть новыми местами. Разложение родового строя, новая форма общественных отношений в военно-демократическом государстве требовали, по-видимому, и новой рабочей силы, рабов. Есть свидетельство Приска, что у скифов государства Аттилы были рабы. По-видимому, они стали требоваться славянам на новой стадии развития их государства в большей степени, что служило побудительной причиной для военных набегов. Нуждались они и в новых территориях под давлением аваров, и, конечно, их влекла, кроме того, возможность легкого обогащения за счет грабежа богатых византийских провинций. Юстиниан вел борьбу в Африке и в Азии. Обе эти границы требовали большого напряжения, к тому же постройки и грандиозные укрепления, возводимые им в разных частях империи, приводили к оскудению казны. Для того чтобы по возможности удержать равновесие в империи, приходилось действовать не только дипломатическим путем, но и откупаться от агрессивных и воинственных соседей. Оплата этих соседей была также возможностью создать должные условия на границах, не посылая слишком большого количества войск, а ограничиваясь войсками типа федератов или размещая эти варварские войска в качестве несущих сторожевую службу. Юстиниан и в этом случае нес большие расходы, покупая расположение аварских вождей. Аварский каган Баян двинулся, гонимый тюрками, в прикавказские области. С Византией он вошел в сношения через царя аланов Саросия, так как Юстин был тогда полководцем на северо-восточной границе империи. Возглавляемое Кандихом посольство Баяна прибыло в Константинополь в начале 558 г., где вызвало общее удивление своей внешностью. Союз с ними был заключен, и авары разгромили сабиров, утургуров и кутургуров.[413] Они разбили и антов, которые в переговорах вели себя горделиво.[414] Они появились в

[413] *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. 2. С. 231.
[414] *Menander*, 6, 9, p. 204, 205.

пределах империи при Юстиниане, причем послали к нему послов, которых он щедро одарил и через которых послал подарки их главарям, или вельможам. Приход аваров в Константинополь Иоанн Малала относит к шестому индиктиону, времени Юстиниана.[415] Обращает на себя внимание то, что у аваров идет речь о кагане, но большую роль играли и знатные. Иоанн Эфесский говорит об аварах во множественном числе как о племени, которое посылает послов. Замечательно и другое обстоятельство, то, что именно давали и посылали аварам, — «золото, серебро, одежды, пояса и золотые седла».[416] Менандр также сообщает о драгоценных предметах и золотых шнурах, которые давались аварам при Юстиниане.[417] Авары, пораженные роскошью подарков, отправили других послов и затем «под разными предлогами» продолжали посылать все новые группы, которых также щедро одаривали. Причина щедрости, с одной стороны, и причина требовательности — с другой в сущности совпадали. Византийская империя была слаба, авары были сильны.

Юстиниан, принимая аваров около 562 г., соглашался им предоставить землю герулов, Вторую Паннонию.[418] Но, пишет Менандр, авары не были склонны там поселиться, но позже, как видно из предшествующего, они стремились вытеснить и гепидов. В том же году (562) авары хотели перейти Дунай, но не решались это сделать до того времени, пока их послы находились в Константинополе. Узнав об этом от аварского предателя, Юстиниан сначала не соглашался отпускать послов, а затем у них было отобрано на обратном пути оружие.[419] Уже тогда во главе аварского каганата стоял хан Баян, имя которого встречается и в последующих известиях. Аварский каганат занимал неопределенно большую площадь в южнорусских степях и граничил с тюрками.[1] Впервые появление аваров в Константинополе относится ко времени Юстиниана, к 550 г. по Феофану (an. M. 6050), где они вызвали сенсацию, так как весь город собрался на них глядеть.[420] Необычайный их вид заключался в том, что хоть они и походили на «прочих гуннов», но носили длинные волосы, которые заплетали в косы. По этому поводу и Иоанн Эфесский говорит об их имени — авары, данном им по волосам. Они «убежали из своей земли»,

[415] *Ioannes Malalas.* P. 489.
[416] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 324.
[417] *Menander*, 14, p. 218.
[418] *Menander*, 9, p. 205.
[419] Ibid.
[420] *Theophanus.* P. 232.

следовательно, движение их было связано с давлением на них тюрок, которые также говорили об их бегстве. Они перешли границу областей Мезии и Скифии. Скифия была ограничена нижним течением Дуная и западным побережьем Черного моря. Мезия также находилась на правом берегу Истра (Дуная), примыкая к Скифии с одной стороны и ограниченная на юге Фракией. Сами же авары под своей властью объединяли большие пространства Восточной Европы, располагаясь и по берегу Каспийского моря. Они стеснили аланов, имели столкновения с антами и прошли по северному побережью Каспия. В условии, заключенном между Ираном и Византией по поводу охраны ущелий, по которым обычно двигались кочевники, было оговорено не пропускать в них ни гуннов, ни аланов; авары специально не были упомянуты, но их могли подразумевать и под общим названием гуннов.

Нажим аваров на Балканском полуострове чувствовался и в столице, а потому так податлив был и Юстиниан. Но у него был и другой мотив для щедрости: «Он надеялся, что их руками он сможет победить всех своих врагов».[421] В длинной речи аваров греческий историк влагает им в уста мотивы, по которым их вознаграждал Юстиниан: 1) хотя они и могли, они не нападали на империю; 2) они уничтожили тех «варваров», которые нападали на Фракию, а теперь боятся аваров.[422] И они приходили требовать «обычное золото», как его требовали персы. Между тем неумеренная раздача золота, вероятно, и расточительность Юстиниана вообще привели к тому, что «стали выражать неудовольствие и сенат, и весь город — он-де опустошает государство и отдает все варварам».[423] К числу недовольных этой политикой принадлежал и Юстин. Когда он стал императором, он попытался вступить на путь борьбы с непомерными требованиями аваров. После смерти Юстиниана (565 г.) одна из «шаек» аваров явилась с новыми требованиями: «Дай нам, как давал нам покойный, и отпусти нас, чтобы мы отправились к нашему царю».[424] Но Юстин, недовольный тем, что они только «берут и уносят» из государственной казны, обошелся с ними сурово, считая, что отныне они будут получать только вознаграждение за службу, а отнюдь не дань.[425] Греческий источник говорит, что они вернулись восвояси ни с чем. Сирийский историк сообщает более существенные по-

[421] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 324. 325.
[422] *Menander,* 14, p. 218, 219.
[423] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 325.
[424] Ibid.
[425] *Menander,* 14, p. 219.

дробности. Возмущенный их дерзостью Юстин пытался по-новому построить отношения с аварами: «Вы, мертвые псы, смеете угрожать ромейскому царству? Знайте, что я прикажу сбрить вам волосы, а затем сниму вам головы».[426] После того он отдал приказание схватить их, бросить в лодки и вывезти из города. Их увезли в Халкидон, где они были «связаны и заключены» в количестве около 300 мужей. В правдивости слов Иоанна не позволяет усомниться такая подробность: к ним приставили «войско со скрибонами и схоляриями, которые стерегли их в течение шести месяцев».[427] Косвенное подтверждение тому, что авары были подвергнуты репрессиям, можно видеть в том, что Менандр говорит о них, что они должны быть счастливы, что уйдут живыми из Константинополя.[428] В конечном счете и эти авары были отпущены. Позже авары стали искать новых связей, которые они нашли в государстве франков. Вчитываясь в источники, можно с уверенностью сказать, что авары приходили не за одним только золотом. В основе их требований лежала необходимость получать продукты питания для людей и фураж для скота. В примитивных условиях кочевой жизни они все умели достать себе сами, но в причерноморских областях и на Балканском полуострове простора было меньше, и самые условия жизни этого племени менялись. Как в Азии Рим и Византийская империя стремились из арабов сформировать для защиты границ небольшие буферные государства, отчасти создать из племен федератов и поселить их там, где Иран соприкасался с империей, так и здесь велась та же политика. Каждое новое племя, новая народность, которые приходили в соприкосновение с Византией, стремились получить то особое, привилегированное положение, которое приобреталось ее поддержкой. До появления аваров это положение занимали гепиды, в которых лангобардский король Альбуанус «видел препятствие для возможности проходить в Скифию и во Фракию».[429] Баян, аварский каган, был к этому времени в союзе и с королем франков Сигизбертом, причем последний выдал аварскому войску необходимые припасы в виде муки, овощей, овец и быков, так как авары терпели голод.[430] Лангобарды видели в гепидах враждебную силу, тем более опасную, что они имели поддержку Византии; поэтому они стремились создать из аваров угрозу гепидам и соблазняли их напасть на них, что-

[426] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 325.
[427] Ibid.
[428] *Menander,* 14, p. 219.
[429] *Menander,* 24, p. 230.
[430] *Menander,* 23, p. 230.

бы получить возможность беспрепятственно заходить еще глубже во владения империи и, следовательно, иметь возможность вымогать или захватывать добычу.[431] Со своей стороны новых союзников искала и империя и получила их в лице тюрок. Последние могли, однако, оказывать поддержку империи только в восточных областях. Это был союз, выдвинутый против Ирана, но часть аваров была связана с тюрками, и тюрки поставили условием Византии «не принимать аваров». Часть аваров была ими подчинена, другая часть ушла, и последних они насчитывали около 20 тысяч.[432]

Авары, пришедшие к Дунаю и Саве, продвигались с северных берегов Каспийского моря и южнорусских степей. Их деяния на Балканском полуострове вошли в историю. Лангобарды, с которыми авары вступили в союз, тяготились своими соседями гепидами и стремились уничтожить их владычество с Конимундом во главе.[433] Гепиды занимали в то время области по левому берегу Дуная, в среднем его течении, и представляли союзное для Византийской империи государство. Конимунд удерживал за собою хорошо укрепленный город Сирмиум и области по Драве. Испуганный союзом лангобардов и аваров, он обратился к императору Юстину, обещая возвратить эти области, но так как это было не впервые, то доверия к этим обещаниям быть не могло. В свою очередь и лангобарды отправили посольство в Константинополь, но военной помощи не получили ни те, ни другие.[434] Сирмиум находился на положении пограничного города. Несмотря на то что он принадлежал как будто гепидам, фактически гарнизон и военачальники были византийскими. В дальнейшем сообщении Иоанна Эфесского Сирмиум является городом, принадлежащим Византии, который авары настойчиво стремятся захватить, хотя Прокопий Кесарийский утверждает, что и в его время гепиды занимали области Сингидона и Сирмиума по обе стороны реки Дунай.[435] В другом случае он повторяет, что гепиды захватили город Сирмиум и хвалились, что разорят Дакию, так как готы, которых они до того времени боялись, были слабы, а ромеи были отвлечены войной в Италии.[436] В конечном счете и Сирмиум, и почти вся область Дакии были в руках гепидов.[437] Борьба между гепидами и лангобардами на берегах Дуная была длительной, велась с переменным счастьем, и каждая сторона настойчиво стремилась увеличить пространство захваченных областей за счет другой.[438]

Авары, справившись с гепидами, намечали свое дальнейшее укрепление по Дунаю. Еще к 568 г. относится их попытка взять Сирмиум приступом, однако им это не удалось. Тогда каган Баян, обосновавшийся в областях гепидов, попытался захватить добычу другим путем. 10 тысяч гуннов-куртигуров перешли по его приказу Саву и разорили Далмацию.[439] Ко времени того же Юстина, следовательно, до 578 г., относится отправленное аварами дружественное посольство, которое просило дать «механиков и строителей» для того, чтобы построить баню и дворец кагану. Их просба была удовлетворена. Когда искусные византийские мастера закончили постройки, они стали просить отпустить их домой, но тут, как говорит сирийский источник, каган «обнаружил свою лживость». Угрожая им мечом, он приказал им перекинуть «мост через Дунай, чтобы мы могли переходить, когда пожелаем».[440] Мастера стали отказываться от его приказа, так как, по их мнению, он был технически невыполним: «Как можно, и как когда-либо будет возможно, перекинуть мост через реку, подобную морю?». Другим их аргументом было то, что подобное сооружение было бы «направлено против ромейского государства» и строители понесли бы за это наказание от императора. Двоим из ромеев отрубили головы, остальные под страхом смерти согласились выполнить приказ. Они потребовали много «большого и твердого дерева». Множество народа было послано в лес вырубить соответствующие деревья, и мастера «постарались и перекинули весьма крепкий мост».[441] Факт этот Иоанн Эфесский относит к 580 г., так как он называет 3-й год правления Тиверия, после смерти Юстина.[442] Такая точность была необходима, так как еще при жизни последнего, в течение четырех лет, Тиверий соцарствовал ему в качестве кесаря,[443] и, следовательно, отсутствие точной датировки могло повлечь за собою неправильное исчисление лет его царствования. О постройке моста известно и Менандру, причем он указывает на его местонахождение на Саве, между Сингидоном и Сирмиумом.[444] Сирийский историк

[431] *Menander*, 24, p. 230.
[432] *Menander*, 18, p. 226.
[433] *Procopius*. De bello gothico, VIII, 18.
[434] *Menander*, 25, p. 231.
[435] *Procopius*. De bello vandalico, I, 2, 1.
[436] *Procopius*. De bello gothico, III, 34.
[437] *Procopius*. De bello gothico, III, 33.
[438] *Procopius*. De bello gothico, III, 34.
[439] *Menander*, 27, p. 231—233.
[440] *Ioannes Ephesinus*. — Brooks. P. 325.
[441] *Ioannes Ephesinus*. — Brooks. P. 6, 3, 14.
[442] Ibid.
[443] *Ioannes Ephesinus*. — Brooks. P. 327; *Menander*, 37, p. 240.
[444] *Ioannes Ephesinus*. — Brooks. P. 325.

говорит, что этим событием были весьма огорчены император и все государство и что делались всяческие попытки разрушить мост, но «сразу не смогли этого сделать». Авары, захватив мост, «засели» и, угрожая разорением ромейских областей, требовали, чтобы им был отдан Сирмиум «на этом берегу реки, чтобы поселиться в нем». Однако Тиверий не согласился отдать важный стратегический пункт на границе. Правительство империи стало собирать войска и «следить, когда наступит время, чтобы можно было вести войну», иначе говоря, выжидать благоприятного для наступления момента.

Интересно сообщение сирийского историка о том, что ромеи «построили также другой мост, чего, как говорят, никогда прежде не было, сделали они это, готовясь к плохому».[445] Но к этому времени новый факт заставил Византию направить аварские орды так, чтобы они действовали в интересах защиты империи. На этот раз наиболее опасными были славяне.

Известно, что греческие писатели называли славян склавенами. Сирийские писатели удержали это название, транскрибируя его с дополнительным алефом перед тремя согласными esklavine. При Юстине славянские полчища прошли Фракию и, достигнув Долгой стены, грозили столице. В начале правления Тиверия дружественные предложения аваров были приняты и их военные силы были направлены против славян, от нападения которых страдали византийские провинции на Балканском полуострове. В этом вопросе сообщения сирийского историографа имеют особую ценность. Он точно датирует походы славян и утверждает, что они не имели одной только грабительской цели, примитивного обогащения за счет добычи; из его сообщения ясно, что славяне имели целью занять территорию и сумели добиться своего.

«В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиверия вышел проклятый народ склавены и прошли всю Элладу, область Фессалоники и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе [эту] область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной. Это продолжалось в течение лет четырех, пока император был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток».[446] Историк византийской ориентации, страстный и нетерпеливый сириец, дал врагам империи прилагательное «проклятые». Его указание относительно того, что основная масса войск Византии была направлена на восточную границу, подтверждается и всеми другими источниками. Развивая далее свое положение, Иоанн говорит: «поэтому», т. е. потому, что достаточного количества войск на этой границе не было, «они расположились на этой земле, поселились на ней и широко раскинулись, пока бог им попускал». Их напор на Балканском полуострове перестал быть временным явлением, он стал постоянным. В течение нескольких лет склавены распоряжались на Балканском полуострове, «они уничтожали, жгли, брали в полон до самой внешней стены». Среди их добычи видное место занимал скот, они захватили «много тысяч царских табунов (конских) и всяких других». Иоанн Эфесский говорит о богатстве славян: «Они разбогатели, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия».[447] Греческий историк относит их нападение к 4-му году Тиверия и говорит, что «славянский народ» опустошал Фракию в количестве около 100 тысяч человек.[448] Ю. А. Кулаковский[449] считает, что это 3-й год правления Тиберия в качестве кесаря, следовательно, 577 г. Изобилие денег в земле склавен Иоанн объясняет тем, что они «издавна» грабили ромеев.[450]

Несомненно, примитивное обогащение за счет военной добычи сосредоточило в руках правящей верхушки ценные металлы и скот. Оружие и кони усиливали их военную мощь. Но более всего возмущает сирийского историка то, что склавены «и до сего времени, до года восемьсот девяносто пятого, расположились и живут спокойно в ромейских областях, без забот и страха». 895 г. по греческому счислению соответствует 584 г. н. э. Если сопоставить две даты, которые им даны, — 3-й год царствования Тиверия после смерти Юстина [4 октября 578 г. (следовательно, 580 г.), а у Менандра 4-й] и их разбои в течение четырех лет и 584 г., то все эти данные сходятся.[451] Во всем сочинении Иоанна последняя упоминаемая им хронологическая дата — 585 г. Годом его смерти принято считать 586 г., следовательно, более поздних сведений он и не мог дать. Называя склавен «грубыми», он имеет в виду то, что они были народом нецивилизованным, варварским, не имевшим специальных стратегических и тактических навыков. Они не осмеливались «показываться вне лесов и защищенных деревьями (мест)». Более того, эти варвары «даже не знали, что такое ору-

[445] Ibid.
[446] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 327.
[447] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 327.
[448] *Menander,* 49, p. 253.
[449] *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. 2. С. 395.
[450] *Menander,* 50, p. 253.
[451] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. СПб., 1913. Т. 1. С. 477, 478.

жие». Единственно, чем они пользовались, были копья нескольких видов для метания или дротики, известные в греческой военной терминологии как λογχάδια.[452] Однако к этому времени, когда они стали грозой Балканского полуострова и завоевали возможность «жить спокойно» в областях Византии, они были уже «обучены воевать более, чем ромеи», по признанию того же Иоанна.[453] За полстолетия своих походов на Византию, стычек с аварами и другими народами славяне приобрели новые технические приемы сражения и использовали их для того, чтобы применять в войне с ромеями. Их боеспособность, храбрость и сила вызывали неудовольствие историка, который испытал страх и ужас перед их приближением к столице. Факт усиления славян вызвал движение аваров и известные послабления им со стороны Византии.

Авары и славяне имели и свои собственные счеты, которые они были не прочь свести. Они нанесли славянским землям разорение, что, однако, не остановило движения славян, которые продолжали занимать ряд областей на Балканском полуострове. С другой стороны, авары представляли сами по себе угрозу для Византии, так как они стремились занять все более прочное положение на обоих берегах Дуная.

В 580 г. от кагана в Константинополь прибыл посол Таргитай и получил условную сумму золота как обычную дань, выплачиваемую Византией аварам. Однако авары не стремились поддерживать мир. Они домогались городов Сирмиума и Сингидона и заняли нижнее течение р. Савы; стремясь обосноваться на правом берегу Дуная, они пытались овладеть переправой через него. Между тем, желая разделаться со славянами руками аваров, ромеи имели на Дунае суда, чтобы переправить на них своих союзников.[454] Известно, что, помимо этого, авары располагали мостом, который обеспечивал им переброску войск с одного берега на другой. По греческой традиции это был мост через Саву. Отрезанный от империи город мог без труда быть захвачен аварами. Длинные рассуждения у Менандра представляют собою развитие этого простого положения.[455] Сирийский историк сообщает подробности, из которых можно восстановить исторический ход событий. «Этот варварский народ авары собрались и захватили те два моста, которые были построены, засели и угрожали войной и опустошением ромейским областям».[456] В греческих источниках также известно о двух захваченных аварами мостах, отвоевать которые ромеям не удалось.[457] Требование отдать им Сирмиум авары повторно передали через своих послов. Тиверий отвечал дипломатически, обещал прислать для переговоров своего представителя Нарсеса, «великого спафария государства». В то же время его тайное посольство к лангобардам и другим народам имело целью поднять их в тылу у аваров.[458] Кроме того, ромеи запугивали аваров тюрками, власть которых к тому времени простиралась до Боспора.[459] К аварам, как было обещано, был направлен спафарий Нарсес, причем ему было предложено не спешить с приездом, чтобы дать время лангобардам собраться с силами и всем «ударить вместе (на аваров) и, если возможно, уничтожить их».[460] Путь Нарсеса лежал по Черному морю до устья Дуная. Спафарий был богато снаряжен, «много кораблей было наполнено всяким имуществом и направлено через опасное море Понт». Не только были взяты «многочисленные войска», но и «изобилие золота», причем золото было взято Нарсесом как «государственное», так и «свое» и везли его на одном из кораблей, под охраной евнухов.[461] Тот факт, что спафарий взял с собою и свое собственное имущество, отправляясь на Дунай, говорит о том, что он рассчитывал на торговые обороты, на приобретение сырья или изделий, за которые предстояло расплачиваться звонкой монетой. Между тем нагруженный золотом корабль потонул еще в первый день своего пути по Черному морю, о чем Нарсес узнал, лишь зайдя с кораблями в устье Дуная. Это известие так его поразило, что он захворал и вскоре умер.[462] Этому сообщению, известному лишь в сирийской традиции, можно найти подтверждение в одной строке, сохранившейся у Менандра.[463] Смертью Нарсеса весь план «был нарушен», и с трудом было возвращено оставшееся после него имущество. Не имея поддержки византийских войск, не выступили и лангобарды. Византии не оставалось ничего, как только сдать Сирмиум, для чего туда был послан префект претория Калистрат. Вкратце о судьбе Сирмиума упоминают и другие греческие летописи.[464] Осаждаемый в течение двух лет

[452] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 328.
[453] Ibid.
[454] *Menander,* 66, p. 268.
[455] Ibid.
[456] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 335.
[457] *Menander,* 66, p. 268.
[458] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 335.
[459] *Menander,* 43, p. 247.
[460] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 335.
[461] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. P. 336.
[462] Ibid.
[463] *Menander,* 72, p. 269.
[464] *Theophanus,* p. 218.

аварами город терпел тяжелый голод. Съедено было все, не исключая кошек. Даже осторожный сириец осуждает правительство, не имевшее «милости к своей плоти» и не разрешавшее сдать город раньше. Укором им, как говорит их «обличитель», была «жалость», высказанная этими «варварами к людям, измученным там голодом». Они дали им «хлеба для еды и вина для питья», но после двухлетнего голода осажденные умирали, и немногие из них смогли покинуть город, а «варвары взяли город и поселились в нем».[465] В руках аваров город находился недолго. С ним случилось то же, что со многими другими городами, захваченными врагом. Неизвестно, «каким образом, напал огонь на город Сирмиум и внезапно весь его разрушил и сжег». Возможно, что привычные к кочевым условиям орды не умели обращаться с огнем в городе. Во всяком случае, «так как варвары не знали, как его (огонь) прекратить и затушить, они все бежали ни с чем и покинули его, так что он весь сгорел и разрушился».[466] Сирийский историк утверждает, что мог бы сообщить обо всем этом гораздо больше; «но по пространности многих рассказов, мы большинство оставили в стороне», — говорит он и на этом кончает аварскую эпопею.

Выше было уже упомянуто, что дошедшая в единственной рукописи «История» Иоанна Эфесского не имеет конца. Оглавление последней, шестой, книги, сохранившееся вначале, дает возможность судить о недошедших главах, сообщавших дальнейшие сведения о славянах. Сведения эти были использованы другими сирийскими хронистами — Дионисием Тельмахрским, Михаилом Сирийцем, Бар Эбреем. Традиция Иоанна Эфесского, первоначальная и исторически достоверная, оказалась, однако, потемненной другими, более поздними данными. Тщательный текстуальный и исторический анализ этих источников, их сравнительное изучение дают новую страницу в истории древних славян, чему посвящен следующий раздел настоящего исследования.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОЗДНЕЙШИХ СИРИЙСКИХ ИСТОРИКОВ О СЛАВЯНАХ

Из оглавления шестой книги третьей части «Истории» Иоанна Эфесского очевидно, что в ныне утерянном конце хроники имелось несколько глав, в которых он продолжал излагать события, связанные с нападениями варваров на Византию. Повторяя отчасти заголовок 24-й главы, глава 45 гласит: «О гнусном, варварском народе, что по своим волосам называется аварами». Следующая глава сообщала, как вышли авары и «захватили богатые города и многие крепости», иначе говоря — о дальнейшем нападении аваров на области Византийской империи. В главе 47 Иоанн писал об ужасе, охватившем столицу, очевидно, при приближении варваров, чему он был сам свидетелем, так как, он говорит, это было тогда, когда «и мы там были».

Анонимная хроника, известная под именем Дионисия Тельмахрского, была составлена в VIII в., на основании труда Иоанна. В свою очередь она была использована Михаилом Сирийцем, а затем Бар Эбреем. Однако о двух последних историках следует сказать, что они располагали еще дополнительными данными, в значительной степени затемнившими первоначальную, исторически правильную традицию. После сведений о Шамкерте и крепости Акба, о послах ромейских у Михаила следуют сообщения о нападениях аваров, что в точности повторяет последовательность изложения Иоанна Эфесского. Оно сохранилось только в оглавлении, в начале шестой книги, так как ее конец утерян, в единственном дошедшем до нас списке этого сочинения Иоанна. Михаил Сириец, переписывая Иоанна Эфесского, следовал ему без особых соображений, не опуская его повторений, не соединяя глав, относящихся к одной и той же теме. В соответствии с этим, когда Иоанн в шестой книге после сообщений об аварах и склавенах в 24-й и 25-й главах возвращается к ним вновь в 32-й и 33-й и в третий раз в недошедших главах 45, 46, 47, 48 и 49, такой прерывистый порядок изложения сохранился и у Михаила Сирийца. Последние главы Иоанна — от 45 до 49 — относятся ко времени императора Маврикия, следовательно, между 582 и 602 гг. н. э., так как глава 44, предшествующая 45, датирована у Иоанна Эфесского 3-м годом Маврикия.

Ряд фактов представляет выдающийся интерес, так как из приведенной выше цитаты не подлежит сомнению, что Иоанн был сам в Константинополе, когда происходил соединенный поход аваров и склавенов в 586 г., в котором они захватили области от нижней Мизии до Адрианополя. Поэтому вполне заслуживает доверия сообщение, что варвары косились на столицу и обратили бы свое оружие против нее, если бы не заградительный ров, который проходил «вне Адрианополя», т. е. обходил его, и явился препятствием в их пути по Балканскому

[465] *Ioannes Ephesinus.* — Brooks. Cap. 32, p. 337.
[466] Ibid.

полуострову.[467] Против страшных полчищ был послан полководец Приск, но Иоанн Эфесский (у Михаила Сирийца) говорит, что «император и его войска трепетали и боялись варваров», из чего видно, что Маврикий лично участвовал в войне. Войска были направлены к Долгой стене, расположенной, по его расчетам, в 60 милях от столицы. Мобилизация проводилась решительно и поспешно; для работы физической, рытья рвов, необходимого исправления и укрепления стен были «по необходимости» привлечены клирики. Их принудили работать, как указывает самая форма глагола 'afel. Сообщение этого факта Иоанном, выделявшим клириков при всяком случае, вполне отвечает его взглядам. Насколько сильно были напуганы в столице приближением этих «варваров», один головной убор которых казался «отвратительным», видно из того, что «непобедимое» византийское войско трепетало, а за свежими силами — набирать рекрутов во все стороны были посланы скрибоны. Особые права и полномочия, которые были им даны испуганным правительством, были ими использованы самым широким образом и были исключительно тягостны для населения. «Они причинили много зла», говорит автор, сыновей забирали у родителей, подвергали разорению самые области, отбирая лошадей, волов и даже домашнюю птицу. Такое опустошение областей не могло благоприятствовать их обороноспособности, и этот эпизод может служить примером того, как поставленное в тяжелое положение население ожидало варваров как избавителей, по справедливому указанию Ф. Энгельса. Сообщение нашего источника о разорении областей непосильными поборами византийских властей резко контрастирует с тем, что сообщается о положении населения на территории, захваченной варварами. Определяя положение аваров, источник утверждает, что они — народность, «вырвавшаяся» с востока, а склавенов называет западным народом, как и лангобардов. Это правильно, так как запад является относительным понятием, выдвинутым по сравнению с востоком, откуда пришли авары. Славяне, следовательно, для нашего источника, как и лангобарды, занимали уже прежде, до появления аваров, определенную территорию — «на запад от реки, называемой Дунаем».[468] Склавенов и лангобардов Михаил Сириец (Иоанн Эфесский) считает находящимися «под властью кагана, царя аваров». Не дифференцируя поступательного движения всех трех народов, он говорит, что они отправились и покорили

[467] Chronique de Michel le Syrien. T. 2. P. 361.
[468] Ibid.

«два города ромеев и прочие крепости». В областях, захваченных ими, они обращались к местному населению со словами успокоения: «Выходите, сейте и собирайте (жатву), мы возьмем у вас только половину подати».[469] Они, следовательно, снижали тяжесть податного ярма ровно наполовину. Понятно, что такое облегчение деревенского населения должно было быть известным и тем, кто находился под властью Византии. Оно являлось, с одной стороны, мерой, повышавшей сопротивляемость областей их обратному возвращению под руку Константинополя и, с другой стороны, понижавшей обороноспособность принадлежавших Византии земель. «Варвары» действительно создавали менее тяжелые условия для населения в отношении выплаты податей. Как известно, анноны, натуральная повинность, и сюнтелейа, денежная повинность, взимались исключительно сурово и всякие добавочные подати виртуозно изобретались и настойчиво вымогались у населения. Это видно и из рассказа о скрибонах, посланных рекрутировать людей и скот и одновременно грабивших и отбиравших у населения все, что было возможно.

Не приходится сомневаться в том, что рассказ об Анхиале изъят Михаилом из той же хроники Иоанна Эфесского. Чтобы прекратить движение склавенов на Балканский полуостров и оттянуть их от столицы, «ромеи наняли народ антов», которые по их указанию напали, ограбили и опустошили земли славян, находившиеся на запад от Дуная. Анты в течение долгого времени составляли общие со славянами орды. Здесь их сумели поссорить, противопоставить антов славянам и использовать их в качестве оружия самой Византии. При Тиверии, опасаясь мощи тех же славян, аварам были предоставлены послабления, чтобы они могли быть защитой для Византии. Узнав о разорении своей земли, славяне стали ожесточенно мстить. Не захватив столицы, войска кагана повернули к городу Анхиалу, который славился своими теплыми источниками. Из дальнейшего очевидно, что полчища славян были связаны и, вероятно, возглавлялись каганом аварским. В Анхиале он надел на себя одежды из пурпура, принадлежавшие жене императора Тиверия, Анастасии, и рассматривал это как акт приобретения верховной власти: «Желал этого император ромейский или не желал, вот мне дано царство».[470]

Иоанн Эфесский (у Михаила Сирийца) сообщает, что склавены повсюду грабили церковные сосуды, которые в большинстве

[469] Ibid.
[470] Ibid. T. 4. P. 380; T. 2. P. 363.

случаев представляли собою художественные произведения из ценных металлов, чаще всего из золота. С киборием Коринфской церкви они поступали еще так. Установили его на мощной, крепкой повозке, для того чтобы он мог перевозиться с места на место и заменял хану палатку, так что «он сидел под ним».[471]

Сообщение об Анхиале и разграблении его склавенами не отвечает тому рассказу о взятии Анхиала, который известен у Феофана под 6084 г., так как тут идет речь об аварах. К Феофану эти сведения могли попасть от Феофилакта Симокатты,[472] а факт взятия Анхиала аварами относится к 591 г., тогда как Иоанн Эфесский имеет в виду более раннее событие, в котором главными участниками были склавены.[473] Впрочем, это может быть и не так, так как пурпуровые одежды надел на себя, по тексту Михаила Сирийца, каган, что в контексте может относиться только к аварскому кагану. Такие соображения высказал и Д. Бьюри, отождествляя оба факта.[474] Но тогда жизнь Иоанна Эфесского пришлось бы считать намного более длительной, чем это обычно принято, так как в таком случае он сообщал бы о факте 591 г., а последняя дата его истории 585 г. (895 г.).

Некоторые исследователи высказывали сомнение в том, что рассказ Иоанна Эфесского датируется временем начала царствования Маврикия, и склонны относить его сообщение к 591 г., так как к этому году приурочены сведения хроники Феофана о походах, предпринятых аварским каганом, до Анхиала и его разграбления.[475] Сведения эти Феофан позаимствовал у Феофилакта Симокатты,[476] который был одним из его источников. Уже по самому содержанию сообщения Иоанна Эфесского (у Михаила Сирийца) и Феофилакта Симокатты не тождественны,[477] в чем нельзя согласиться с Д. Бьюри, оценившим эти два рассказа как трактующие об одном и том же событии.[478] Мне представляется необходимым подтвердить следующими данными этот неоспоримый факт. Феофилакт Симокатта знает о походе аварского кагана, в котором, очевидно, участвовали и склавены в самом начале правления Маврикия. Каган потребовал увеличения денежной дотации, а когда ему в этом отказали, он взял Сингидон и другие города в византийской Фракии и, наконец, дошел до Анхиала, грозя Долгой стене.[479]

[471] Ibid. T. 4. P. 379; T. 2. P. 361.
[472] *Theophylactus Symocatta.* Historia, I / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887. P. 40; *Theophanus.* P. 269.
[473] Так думает А. П. Дьяконов (Иоанн Ефесский... С. 312, примеч. 40а).
[474] *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 2. P. 127. Ср.: *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. 2. С. 448.
[475] *Theophanus.* P. 269.
[476] *Theophylactus Symocatta.* Historia, VI, p. 5, p. 227, 228.
[477] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 312, примеч. 40а.
[478] *Bury J. B.* History of the later Roman Empire. T. 2. P. 127.

Феофилакта повторяет Феофан.[480] Выдающийся интерес приобретает для этого случая датировка Феофана. Посольство аварского кагана, по его данным, прибыло в Константинополь в мае 583 г. Расчет следующий: Маврикий воцарился еще при жизни Тиверия, умершего 14 августа 582 г. В мае следующего года было сильное землетрясение, и в том же месяце авары прислали к Маврикию посольство. Дата «май» заимствована не у Феофилакта, а из другого источника Феофаном. Поход кагана, не удовлетворенного в своих требованиях, относится Феофилактом к осени[481] и, следовательно, к осени 583 г. Следующий год Феофан начинает словами: «В том же году, в месяце декабре 25-го во 2-й индиктион», так как счет индиктионами начинался с сентября, то осень 583 г. по этому счету падала на 1-й год индиктиона. Предшествующий год у Феофана (6074) в месяце апреле отнесен к 15-му индиктиону, и, следовательно, 6075 г. от сотворения мира соответствовал 1-му году следующего индиктиона. В тексте Михаила Сирийца дат нет, едва ли они имелись и у Иоанна Эфесского. Но сообщение его об аварах и склавенах следует за сообщением в 37-й главе о персидских послах, датированное 894 г., следовательно, 583 г. В сохранившемся же оглавлении в 44-й главе Иоанн говорит «о другой войне 3-го года». Так как в сирийском тексте стоит tryt', несомненно, что это транскрипция гречесого τρίτη, т. е. в третий год, очевидно, по счету индиктионами. Вслед за этим 45—49-я главы говорят об аварах и склавенах, не указывая дат.

Зная, что Иоанн не следовал строго хронологии, часто возвращаясь к уже сообщенному и не всегда излагая события в их хронологической последовательности, из указанного расположения глав нельзя сделать окончательного вывода. Но имея в виду, что 3-й год индиктиона будет соответствовать 585 г., из расчета 6074 г. греческого календаря соответствует 15-му индиктиону и 582 г. (год вступления на престол Маврикия) 6075 г. — 1-му году индиктиона, и 583 г. 6076 г. — 2-му году индиктиона, и 584 г. — 3-й год индиктиона соответствует 585 г. Отсюда следует, что если Иоанн не делал ошибок в летосчислении и 3-й индиктион соответствует 585 г., то это последняя

[479] *Theophylactus Symocatta.* Historia, I, 4, 1, 2, p. 46; I, 4, 7, p. 47.
[480] *Theophanus.* P. 253.
[481] *Theophylactus Symocatta.* Historia, I, 4, 2, p. 46.

дата, которая имеется в «Истории» Иоанна Эфесского. К этому году или к следующему (586) обычно относят и смерть Иоанна.

События 37-й главы датированы Иоанном 583 г., так как он указывает 894 г. селевкидской эры. А в 25-м рассказе Иоанн пишет: «до сего времени, до года 895» — по той же селевкидской эре, он, следовательно, писал в 895 г., т. е. в 584 г. Отсюда видно, что первые главы 6-й части «Истории» писались в 584 г., но автору были известны и события 585 г., иначе говоря — события первых трех лет царствования Маврикия. Поход аварского кагана, с которым были и славяне, на Анхиал был подробно описан Иоанном. В достоверности его рассказа убеждает одно то, что он говорит, что сам был тогда в Константинополе, когда испуганное приближением полчищ к Долгой стене население столицы трепетало от страха. Из сказанного можно без особых колебаний отнести собщение Иоанна Эфесского о нападении на Анхиал за счет факта, о котором сообщает и Феофилакт, не датируя его точным образом, но относя к началу царствования Маврикия, вслед за сообщением о его вступлении на престол. Феофан, как было выше указано, повторяет в сокращенном виде Феофилакта, но добавляет к его данным датировку, на основании которой поход следует отнести к 583 г. Не имея точной даты у Иоанна (= Михаила Сирийца), справедливо сохранить эту дату ввиду того, что и Иоанн относит это событие к началу царствования Маврикия. Подтверждается присутствие славян в войске аварского кагана тем, что полководец Коментиол в следующем за походом году очищает от склавенов окрестности Адрианополя и отгоняет их от Долгой стены.[482] Разорения, которые они причиняли, были следствием того, что требования посла Тафитая удовлетворены не были.[483] 584 г. и следующий 585 г. также заняты борьбой на Балканском полуострове, требующей напряжения от Византии, о чем говорят греческие авторы, прежде всего Феофилакт. У сирийских историков об этих походах и о нашествиях 595 и 597 гг. данных не сохранилось.

Известно и по другим источникам, что авары уступили под натиском тюрок. В данном источнике тюрки были побудительной причиной, заставившей аварского кагана возвратиться в Сирмиум, хотя давление тюрок на аваров происходило в отдаленных от Дуная областях. Получив 8 кентенариев золота, варвары оставили Сирмиум.

[482] *Theophylactus Symocatta.* Historia, I, 7, 1, 3, p. 52; *Theophanus.* P. 254, 3—31.
[483] *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. 2. С. 449.

Это последнее известие, которое можно с уверенностью отнести за счет Иоанна Эфесского в хронике Михаила Сирийца. Указывает на это прежде всего полное совпадение оглавления, сохранившегося у Иоанна Эфесского, с текстом Михаила. Первому, по-видимому, не удалось написать заключительной главы к своему труду; по существу он остается незаконченным, и его 49-я глава 6-й книги обрывается на событиях, которым ни в какой степени итог не подведен.

Из контекста Михаила Сирийца очевидно, что, начиная со слов «в то время», он приводит другой источник, который механически присоединяет к первому, т. е. к «Истории» Иоанна Эфесского. Этот второй источник, сообщающий о походах трех скифских братьев, требует особого анализа. Прежде чем к нему перейти, следует остановиться на тех данных, которые сообщает Григорий Бар Эбрей, писатель, использовавший Михаила Сирийца. В главе о XI династии своей «Истории» Бар Эбрей излагает вкратце данные Михаила, уже однажды сокращенные этим последним из Иоанна Эфесского. Для Бар Эбрея аварский каган уже становится хазарским, а нанятые ромеями анты — антиохийцами. Самое изложение кратко и не имеет достаточной ясности. Рассказ о трех скифских братьях повторяет и он. В анонимной сирийской хронике 1234 г.[484] этих сведений нет вовсе.

Псевдо-Дионисий Телльмахрский, переписавший Иоанна Эфесского, в своей 2-й части также не имеет этих сведений.

Михаил же Сириец излагает историю аваров, дважды приводя данные в той последовательности, в которой они ему встречались в «Истории» Иоанна Эфесского. Таковы глава 18 10-й книги[485] и глава 21 той же книги.[486] 18-я глава воспроизводит содержание сохранившихся у Иоанна Эфесского глав о движении аваров и склавен. 21-я глава излагает содержание несохранившихся глав и поэтому представляет интерес, как и конец этой главы, явно заимствованный из какого-то другого источника. В 20-й главе 10-й книги имеются две небольшие заметки, в которых сообщается об источниках Михаила Сирийца. Интерполятор, составивший вторую заметку, говорит, что она восходит к самому Михаилу. Но что заметка была переписана интерполятором, ясно из того, что он говорит о нем в третьем лице и называет его покойным. Первая заметка бес-

[484] Chronicon ad an. Chr. 1234 pertinens / Ed. J. B. Chabot. Parisiis, 1920 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 14).
[485] Chronique de Michel le Syrien. T. 4. P. 371; T. 2. P. 346, 347.
[486] Chronique de Michel le Syrien. T. 4. P. 379; T. 2. P. 361.

спорно составлена Михаилом. В ней он сообщает: «Иоанн Амидский, названный Асийским, начиная со времени Константина, писал в 3 частях до времени Маврикия, когда сам блаженный окончил свой путь».[487] Далее он говорит в первом лице о том, что использовал 54 истории о святых, составленные Иоанном. Речь идет о сочинении Иоанна «De beatis orientalibus», сохранившемся до настоящего времени. Вторая заметка имеет следующее содержание. «Захария Ритор начинает свое писание со времени Феодосия и (доходит) до времени Юстина. Кир, священник Батнана, писал в Эдессе о времени Юстина до смерти Тиверия в 14 книгах. Иоанн Амидский, называемый Асийским, начал свое писание со времени Константина, который построил Константино[поль] и продолжил свое писание в трех книгах до времени Маврикия. Эти пять книг покойный патриарх Михаил взял и дополнил в своем писании до этих пор сообщениями о делах государственных и рассказами церковными».[488]

Источниками Михаила Сирийца были, следовательно, сирийская хроника Захарии Ритора и хроника Иоанна Эфесского, обе известные и дошедшие до нас. Что касается третьего автора — Кира Батнского, то сочинение его в 14 частях или главах не сохранилось. Это было сочинение однотомное, что очевидно из дальнейшего указания на то, что Михаил использовал «эти пять книг». Иоанн Эфесский написал три тома, по одному тому приходилось на Захарию Ритора и Кира Батнского. Помимо этого, Михаил использовал хронологические сочинения, вернее, синхронистические сводки Иакова Эдесского, «Иоанна отшельника, прозванного Литарбским»,[489] и Игнатия Милитенского. Предполагать в этих хронологических сочинениях большие подробности не приходится, поэтому такого рода рассказ, как сообщение о трех скифских братьях, едва ли есть основания, хотя бы и предположительно, отнести за счет одного из этих синхронистов. Возможно предполагать, что данные эти были почерпнуты у Кира Батнского, но против этого могут быть высказаны следующие возражения. Кир писал только до времени смерти Тиверия и был предшественником Иоанна Эфесского. Рассказ же о трех братьях помещен в сообщении о времени Маврикия, после окончания рассказа, изъятого из Иоанна Эфесского. Если этот рассказ вырван из Кира Батнского, то он, следовательно, перенесен в другое время, более позднее, а это предположить трудно, в таком случае и эта гипотеза должна отпасть и затруднение — за счет какого историка следует отнести упомянутую справку Михаила Сирийца — остается без разрешения. Интересно сопоставить с историей трех скифских братьев сходную традицию в китайском источнике Чжоу-шу о четырех братьях, связавших родственно тюрок с гуннами. В различных названиях, как об этом говорят и сами источники, следует видеть названия племен, которые из соответствующей наивной потребности делаются братьями — предводителями этих племен.

[487] Chronique de Michel le Syrien. T. 4. P. 377.
[488] Ibid.
[489] В тексте ошибочно стоит д'Иатриб вместо Литарб. *Wright W.* Two Epistles of Jacob of Edessa. P. I. Примечание Ж. Шабо: Chronique de Michel le Syrien. T. 2. P. 357.

Специально этим рассказом Михаила заинтересовался В. Н. Златарский, а еще до него И. Маркварт.[490] Во всяком случае сообщение Михаила может быть поставлено в связь с аналогичным известием Агафия, писавшего во второй половине VI в. Агафий, сообщая о нашествии гуннов еще в эпоху императора Льва, говорит: «Народы гуннов в древности жили вокруг Меотийского озера, с восточной стороны, и находились севернее реки Танаис; как и прочие варварские народы, они сидели за (внутри) горой Имаон, находящейся в Азии. Все они зовутся скифами и гуннами, отдельно же по племенам они (зовутся) котригурами, утигурами, ультизурами, а другие бургундами».[491] Они и вообще, по мнению Агафия, имели и всякие другие имена на своей родине. Приходили они обычно к Эвксинскому понту, и в эпоху императора Льва Византия познакомилась с ультизурами и бургундами. Он тут же сообщает о переходе гуннов через Истр около 558 г. Это были котригуры под предводительством Забергана. Обо всех этих народностях Агафий говорит как о выходцах из Азии и живших за горным хребтом Имаон. Еще в географии Птолемея под Имаоном подразумевался горный хребет Тянь-Шань, по обе стороны которого жили упомянутые скифы и гунны, которых Агафий не разделяет. Он говорит о нападениях 376 г. и дает представление о направлении, в котором это движение гуннов происходило с востока к Меотийскому «болоту» и реке Танаис. Феофилакт Симокатта говорит о двух племенах — тарниах и котцагир, происходивших от народов вар и гунну (ср. название вархонитов), которые «бежали» от тюрок и, прибыв в Европу, присоединились к «бывшим с каганом аварам»,[492] и относит это событие к 598 г.

[490] *Marquart J.* Osteuropäische... P. 479—485.
[491] *Agathiae Myrinaei.* Historiarum libri quintique, V, 10.
[492] *Theophylactus Symocatta.* Historia, VII, 8.

Рассказ Михаила Сирийца о трех скифских братьях имеет, следовательно, общее с традицией греческих историографов, но с ней не совпадает. Приход скифских братьев в Европу отнесен Михаилом ко времени Маврикия, следовательно, между 582 и 602 гг. Конечно, источник напрасно полагает, что вселение «скифов» в Мезию и Дакию произошло с разрешения императора. Дело обстояло иначе, и только разрушительная сила их полчищ заставила Византию привлечь их на свою сторону. Самые факты представляются теми же, только несколько иначе изложенными. Что касается завоевания двумя другими группами скифов прикаспийских областей со стороны Кавказа, то и здесь основные факты, сообщаемые Михаилом, всецело подтверждаются источниками. На основании заметки 555 г. в сирийской хронике Захарии Ритора известно, что племена гуннского происхождения, населявшие восточные части Прикавказья, примыкавшего к южнорусским степям, принимали христианство и что для них было переведено на гуннский язык Писание. Факт, о котором говорит Михаил Сириец, что с приходом новой группы «скифов» они получили и новое название хазар, по имени Хазарига, может быть достоверным, так как имя хазар становится известным только в конце VI и в VII вв.

Вопреки В. Н. Златарскому,[493] сообщение Михаила Сирийца мне не представляется малоисторическим. Справедливо, что эти сведения не почерпнуты им у Иоанна Эфесского, но это не исключает вероятности того, что эта версия была им списана у другого, но вполне достоверного историка. Предположение Златарского, что это сообщение было заимствовано у псевдо-Дионисия Телльмахрского, совершенно отпадает, так как в настоящее время сирийский текст его истории напечатан, и известия об аварах, склавенах и т. д. в нем отсутствуют.[494] Хотя Златарский и говорит, что ему текст этого рассказа во многих случаях мало понятен, но мне это не представляется таковым. Примитивность изложения является не недостатком, а, скорее, достоинством изложения. Вопрос о том, откуда Михаил Сириец почерпнул этот рассказ, пока приходится оставить открытым.

Во всяком случае и для Прокопия гуннские племена, тревожившие Византию, концентрировались около Меотийского озера, у Танаиса, как он это повторяет неоднократно.[495] Но Златарский, который ищет болгар, каждую строку источника

[493] *Златарски В. Н.* Извъстието на Михаила Сирийски за преселението на болгаритъ // Извъстия на историческото Дружество въ София. 1915. Кн. 4. С. 37—52.

[494] Chronicon ps.-Dionysianum.

[495] *Procopius.* De bello gothico, IV, cap. 5, p. 503—507.

рассматривает с определенной точки зрения, почему краткая заметка Михаила Сирийца и не могла его удовлетворить. В двух последовательных работах Златарский рассматривает источники о гуннах, в которых он справедливо видит родственные болгарам народы.[496]

Не лишено интереса название Барсалия, которая лежала на Северном Кавказе и простиралась на юг до Дербента, а на север до рек Сулака и Терека.[497] В этой области несомненно жили аланы, которых и потеснили группы гуннских племен, принявших затем христианство,[498] о чем автору заметки известно. Исторический интерес представляет его сообщение о Каспийских воротах, под которыми подразумеваются Дербентские ворота. Источник применяет к ним название «ворот торайе» от обычного армянского названия этих ворот Чор, в греческом Τζοὺρ.

Подробность, что города Барсалии, ее укрепления были построены ромеями, отвечает действительности, так как укрепления в кавказских ущельях были возведены еще в римское время, а охрана их позже была предметом споров между Ираном и Византией, в общих интересах которых было создать на этой северной границе такое заграждение, через которое не могли бы проникать кочующие варвары.

Так заканчиваются в сирийских исторических сочинениях сообщения о склавенах и аварах.

[496] *Златарски В. Н.* 1) История на българите. София, 1915; 2) История на първото българско царство.

[497] *Marquart J.* Osteuropäische... P. 489, 490.

[498] В сирийской хронике Захарии Ритора приписка 555 г.

СИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ «ВИЗАНТИЯ И ИРАН НА РУБЕЖЕ VI и VII веков»

АНОНИМНАЯ СИРИЙСКАЯ ХРОНИКА ВРЕМЕНИ САСАНИДОВ

Небольшая анонимная сирийская хроника, охватывающая события конца VI и первой половины VII в., была впервые опубликована в 1891 г. И. Гвиди.[1] Текст ее был им обнаружен в борджианской, теперь ватиканской рукописи Mus. Borgiano Syr., 82, которая является копией древнего кодекса библиотеки монастыря раббан Хормизда близ Моссула. В «Corpus scriptorum christianorum orientalium» текст был переиздан[2] с латинской версией, которой предшествовал в 1893 г. немецкий перевод Т. Нельдеке.[3]

Хроника представляет собою небольшое компилятивное сочинение, основным источником которого была более обширная сирийская летопись, повествовавшая о Сасанидах и до нас не дошедшая.

Тема хроники формулирована компилятором в заглавии: это — история Ирана «от смерти Хормизда, сына Хосрова, до конца царства персидского». Падение государства Сасанидов рассматривается как следствие победоносных походов Византии и последовавшего затем нашествия «сынов Исмаила». Написана хроника простым языком; она примитивна, малоискусна, непритязательна, но ее материал в части своей представляет записи современников событий. В том виде, в каком она дошла до нас, она составлена сирийским клириком, писавшим в 70-х или 80-х годах VII в. Об этом говорит пространное сообщение об арабах, с которыми автор знакомит читателя как с неизвестным и лишь недавно выступившим на историческую арену народом. Подтверждает такую датировку и замечание, что «Константинополь не был еще захвачен арабами». Подобное предположение могло быть высказано только в период, ближайший к тому времени, когда Моавия вел борьбу под стенами византийской столицы. В состав хроники вошли части или фрагменты двух источников: «космостике», т. е. светской истории, и «экклезиастике», т. е. церковной истории. Подробный анализ этих источников и литературная характеристика даны мною в специальной статье, предпосланной сделанному мной русскому переводу хроники.[4] Всемирная летопись и светский источник компилятора были им использованы фрагментарно и в определенных хронологических рамках, намеченных им самим. В этот свой главный источник автор вплел ряд повествований, имеющих лишь второстепенное значение, — рассказы, происшествия, биографии, составлявшие занимательную часть его сочинения.

Материал, относящийся к Ирану времени последних Сасанидов, имеет большую ценность благодаря безыскусственной простоте и хорошей осведомленности автора «светской истории». Второй источник анонимной хроники, «экклезиастике», вышел из клерикальных кругов сирийского населения. На основании его данных можно судить о влиянии сирийских клириков высших чинов при сасанидском дворе. Компилятор примитивно связал оба источника между собой; он переписывал из одной книги, переходил ко второй и вновь возвращался к своему первому источнику.

В русском переводе хроники мною было дано деление на параграфы, чтобы облегчить пользование им.

Первые восемь параграфов представляют изложение политической истории Ирана при Хосрове II, причем особое внимание уделено всему, что касалось положения сирийцев в государстве. Прерванное дополнительными рассказами из второго источника, оно продолжено (с § 12) сообщениями о походах Хосрова и Ираклия, о смерти Хосрова и царствовании последних Сасанидов (§ 17 и 18).

Из второго источника компилятор переписал рассказы легендарного характера и наряду с ними — сообщения бытовые, «простонародные», характеризующие социальные отношения эпохи. Таковы данные о восстании в Паллугте, о манихеях, о городе Мерве.

[1] *Guidi L.* Un nuovo testo syriaco sulla storia degli ultimi Sassanidi // Actes du 8 Congrés intrenational des Orientalistes. Leiden, 1891.

[2] Chronica minora / Ed. I. Guidi. Parisiis, 1903. P. 16—39, 13—32 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 4).

[3] *Nöldeke T.* Die von Guidi herausgegebene Chronik übersetzt und kommentiert // Sitzungsberichte der Wiener Akademie, phil.-hist. Klasse. Abh. IX. Wien, 1893. Bd 128. S. 1—48.

[4] *Пигулевская Н. В.* Анонимная сирийская хроника времени Сасанидов // Записки Института востоковедения АН СССР. 1939. Т. 7. С. 55—78.

Содержание последней части хроники (§ 25, 26, 27) выходит за хронологические рамки, поставленные составителем в заглавии. Слова «в то время, о котором мы говорили выше, покорили арабы все области персидские и ромейские...» возвращают читателя к дальнейшей истории арабского завоевания. Рассказ о покорении Хузистана и персидской обороне, во главе которой стоял Хормиздан, «мидиец», подробен и вышел из первых рук. Он не принадлежал к составу первого источника, «космостике». Судя по заглавию, этот светский источник имел другие хронологические рамки, к тому же о роли Ездегерда и его смерти было уже сообщено, и к его имени составитель возвращается вторично в связи с новым источником. В противоположность живому и подробному рассказу о продвижении арабов на восток, завоевания на западе — Аробa и Египта — только упомянуты. Уже Т. Нельдеке был склонен считать компилятора жителем Хузистана, с чем нельзя не согласиться.

Как исторический труд анонимная хроника уступает хронике Иешу Стилита. Но часть утерянной сирийской «всемирной истории», сохраненная анонимной хроникой, делает ее ценным источником для истории Передней Азии конца VI и начала VII в.

МИХАИЛ СИРИЕЦ И ЕГО ХРОНИКА

Один из последних средневековых сирийских историков Михаил Сириец оставил после себя большой сводный исторический труд, значение которого для изучаемого периода велико, так как его составитель использовал несохранившиеся труды предшествующих авторов.

Михаил родился в семье клирика Ильи Киндаси в Милитене. Он получил духовное образование и в 1166 г. принял посвящение. Достигнув выдающегося положения монофизитского патриарха Востока, он оказался в центре политических отношений всей Передней Азии. Насколько сложны были эти отношения, можно судить по разнообразию правительств и государственных деятелей, с которыми он оказался связанным. Византийский император Михаил Порфирородный, заинтересованный в соглашении с монофизитами Востока, приглашал Михаила в Константинополь, от посещения которого он, однако, воздержался. В 1172 г. Михаил провел больше месяца в ставке сельджукского султана Кылыч-Арслана II, сына Месуда, встреча с которым имела большое значение. В ставке Михаил вел беседы и споры с видным мусульманским философом Кемаль-эд-Дином.

Монофизитский патриарх поддерживал связи и на сиропалестинском побережье. Его третья поездка в Иерусалим состоялась в 1178—1179 гг., когда Балдуин IV торжественно принял его в Акке. Особенно тесные и дружественные связи поддерживали сирийские монофизиты с Арменией, где во главе церкви находился выдающийся ее деятель, католикос Нерсес Шнорали (1166—1173). После смерти последнего отношения с Арменией у Михаила несколько ухудшились, но в декабре 1198 г., за год до своей смерти, Михаил присутствовал на торжественном короновании рубенида Левона II. 7 ноября 1199 г. 73-летний Михаил скончался.

Влиятельный представитель многочисленных на Ближнем Востоке монофизитов, Михаил был видным деятелем своего времени и умел поддерживать связи и отношения с различными политическими группами и государствами. Деятельность его как яковитского патриарха была, в сущности, деятельностью светского лица, представлявшего в смежных государствах интересы высших слоев своих единоверцев.

Из литературного наследия Михаила Сирийца особенно замечателен обширный исторический труд — хроника. Она была составлена им на сирийском языке, и в течение долгого времени оригинал считался потерянным. Но и сохранившийся армянский перевод представлял интерес и давал возможность судить о ценности труда Михаила Сирийца.[5] Опубликование Ж. Шабо полного сирийского текста хроники по рукописям из Эдессы и Зафарана (монастырь близ Мардина) было событием для востоковедов. Найден также арабский перевод хроники.

По замыслу автора, она должна была состоять из синхронистических сообщений, занесенных параллельными столбцами. Первый, правый, столбец заполнен сведениями о церковных событиях; второй, средний, — событиями гражданской истории и, наконец, третий, левый, столбец был отведен для различного рода случайных сообщений. Последовательно провести этот принцип во всех 21 книгах хроники не оказалось возможным. Используя свои многочисленные источники, Михаил их сокращал, извлекая из них наиболее интересное или наиболее важное, с его точки зрения. Он не стремился сгладить и согласовать между собою их разноречивые данные, в большинстве случаев переписывая их без всяких изменений. Отсут-

[5] *Райт В.* Краткий очерк сирийской литературы / Под редакцией и с дополнениями проф. П. К. Коковцова. СПб., 1902. С. 180—181.

ствие критического отношения к источникам, как у большинства его современников, сделало его труд несовершенным. Несмотря на это, писатель второй половины XII в., он дает важные данные и по истории конца VI и начала VII в., так как он сохранил фрагменты из утерянных сочинений более древних авторов. Перечисленные в хронике Михаила источники многочисленны и, несомненно, в части своей были известны ему лишь опосредствованно. Детального исследования вопрос о его источниках не имеет. Ценный анализ, предложенный Ф. Хаазе, не исчерпывает вопроса и односторонне рассматривает только связь этой хроники с Иоанном Эфесским.[6] Для интересующего нас периода имеет значение такой его источник, как Дионисий Телльмахрский.

Завершив в 20-й главе 10-й книги изложение событий времени Тиверия, хроника Михаила Сирийца содержит данные относительно источников, на основании которых она составлялась. Начинается заметка сообщениями об Иоанне Эфесском в следующих выражениях: «Иоанн Амидский, называемый Асийским, начиная со времени Константина, написал [сочинение] в трех томах, до времени Маврикиана [Маврикия], когда сам окончил свой путь этот блаженный. Он написал жития святых, что жили в его время; из них 54 рассказа я изложил в другой моей истории. Здесь я напишу имена всех этих святых, которые суть следующие...».[7] Жития восточных святых, о которых говорит Михаил, сохранились и изданы.[8] Имена святых, перечисленные в хронике, соответствуют именам этого сочинения Иоанна Эфесского.

Для предшествующей этой 20-й главе 10-й книги части хроники Михаила Сирийца история Иоанна Эфесского была основным источником; со времени императора Маврикия таким становится для него Дионисий Телльмахрский. Несколько последних глав 3-й части истории Иоанна Эфесского, относящихся ко времени Маврикия, использованы, однако, Михаилом в дальнейших главах. Далее в хронике Михаила Сирийца следует примечание, «схолион», окруженное в тексте рукописи рамкой. Перевод этой заметки следующий.

[6] *Haase F.* Untersuchungen zur Chronik des Pseudo-Dionysios von Tell-Mahrê // OCh. 1916. Bd 6. Hf. 2. S. 242.

[7] Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche / Ed. J. Chabot. Paris, 1899—1924. T. 1—3. T. 1. P. 377; T. 2. P. 356 (далее: Chronique de Michel le Syrien).

[8] *John of Ephesus.* Lives of the Eastern Saints / Syriac texts edited and translated by E. W. Brooks. Paris, 1923—1925 (PO. T. 17—19).

«Схолион. Захария Ритор начинает свое писание со времен Феодосии и [доходит] до времени Юстина. Кир, священник Батнана, писал в Эдессе о времени Юстина до смерти Тиверия в 14 книгах. Иоанн Амидский, называемый Асийским, начал свое писание со времени Константина, который построил Константино[поль], и продолжил свое писание в трех книгах до времени Маврикия. Эти пять книг покойный патриарх Михаил взял и дополнил в своем писании до этих пор сообщениями о событиях государственных и рассказами церковными. Соответственно плану, принятому для порядка книги, он отделил [истории] церковные и, насколько мог, собрал их в верхней колонне, как мы пишем, а последовательность царств в среднюю колонну, а случайное и чудесное в нижнюю колонну. Большой труд был для него в подразделении, потому что воспоминания были написаны путанно, особенно в писаниях святого Иоанна епископа, потому что, как он указывает, по причине гонений, которые он переносил, передвижения с места на место он описывал одно событие прежде другого события, и то, что случилось во времена предшествующего царя, оказывалось написанным во времена царя последующего. Потому что это и подобное этому смущает понимание читателей, особенно тех, которые не следуют событиям. Поэтому, насколько возможно, упорядочил, разделил и дополнил мар Михаил, особенно книги хронологий святого мар Иакова Эдесского, Иоханана монаха, прозванного Литарбским,[9] и Игнатия Милитенского. История или какая-либо глава, будучи длинной и растянутой, относительно ли событий государственных или церковных, которые патриарх написал во всю ширину листа, и мы также писали беспорядочно, лист за листом, чтобы не обрезать и не смущать этим читателя. События же, сообщенные вкратце, были разделены на колонны, по порядку книги, и разбиты на главы. Каждая глава содержит то, что обозначено в ее начале. Вследствие того, что три хрониста — Захария Ритор, Кир Батнский и Иоанн Асийский, или епископ Эфесский — до этого времени доводят свои писания и кончают здесь писать потому, что окончился их путь и они покинули мир сей, заметку эту сделал покойный мар Михаил, чтобы показать, что им были использованы вместе с древними писателями также посредники Африкан, Евсевий и также Захария, Кир и Иоанн, и этим была увеличена ценность его хроники».[10]

[9] В тексте ошибочно стоит д'Иатриб.

[10] Chronique de Michel le Syrien. T. 1. P. 377; T. 2. P. 356.

Приведенный «схолион» дает возможность установить, что в том виде, в котором он сохранился, он отредактирован каким-то другим лицом, которое называет Михаила Сирийца «покойным», лицом, которое, следовательно, еще знало его и было его современником. Редактор заметки «схолион» утверждает, что она была сделана самим патриархом Михаилом для того, чтобы указанием на свои источники «увеличить ценность» своего труда. В настоящее время невозможно указать, в какой мере заметки коснулась рука редактора, в котором с большой вероятностью можно видеть одного из первых, если не первого, переписчика труда Михаила Сирийца. Из упоминаемых в заметке источников более всего места уделено Иоанну Эфесскому. Кроме него названы Юлий Африкан и Евсевий, из которых первый мог быть известен Михаилу опосредствованно, через других авторов. Сирийский перевод «Церковной истории» Евсевия Памфила был сделан еще в V в., и Михаил Сириец им, вероятно, пользовался. Кроме того, упоминаются Захария Ритор, хроника которого сохранилась, Кир Батнский, автор не дошедшей до нас церковной истории, и Иоанн Эфесский, подробные сведения о котором были даны в хронике в заметке, предшествующей «схолиону». Эти три имени связаны не случайно: они являются авторами церковных историй. Три других имени — Иаков Эдесский, Иоханан Литарбский и Игнатий Милитенский — упоминаются как авторы сочинений хронологических. Что касается Кира Батнского, то его сочинения утеряны. Проф. А. П. Дьяконов сделал попытку восстановить с относительной вероятностью состав сочинения Кира Батнского из фрагментов, сохранившихся в тексте хроники Михаила Сирийца.[11] Но в связи с тем, что издание Анонимной хроники 1234 г. и издание хроники псевдо-Дионисия были осуществлены в 1920 и 1933 гг., а сочинение Дионисия Тельмахрского смешивалось им с хроникой псевдо-Дионисия, выводы проф. А. П. Дьяконова не могут считаться окончательными и их необходимо пересмотреть.

Упомянутые выше заметки об Иоанне Эфесском и о прочих источниках в хронике Михаила Сирийца заключены в рамку, как это делалось в сирийских рукописях переписчиками, чтобы выделить какую-нибудь вставку, не связанную с основным текстом рукописи, зачастую исходящую от переписчика или интерполятора. Вслед за последней заметкой (схолион), текст которой приведен выше в переводе, в хронике следует указание

[11] *Дьяконов А. П.* Кир Батнский, сирийский церковный историк VII века. СПб., 1912. С. 1—73.

на то, что здесь начинается новый ее источник — Дионисий Тельмахрский, предисловие которого к своему сочинению приводится у Михаила тут же. В следующей, 21-й, главе последний начинает излагать события царствования Маврикия. Прежде чем дать анализ предисловия, отмечу в связи с другими данными приобретающий интерес факт, что и греческий историк Евагрий перечисляет свои источники точно так же, закончив историю царствования Тиверия и переходя ко времени Маврикия.[12]

Из предисловия Дионисия, переписанного в хронике Михаила Сирийца, можно извлечь некоторые сведения об его авторе. «Отсюда начинается [история] Дионисия патриарха, называемого Тельмахрским», — пишет Михаил. Предисловие обращено к его «духовному сыну, Иоаннису, митрополиту Дары», который в то время был уже человеком пожилым, так как Дионисий пишет о нем, что он стремился просвещаться всяческим знанием с юного возраста и «до твоей старости». Патриарх Дионисий полагал, что Иоаннис, митрополит Дары, мог и сам составить «историю», но предпочел обратиться к нему, Дионисию, которому этот труд представился чрезвычайно тяжелым. Дионисий жалуется на то, что «и мира или покоя я не имею на одном месте, но перехожу из селения в селение, передвигаюсь из области в область, с длинными и тяжелыми путешествиями, с остановками и поклонами у ворот правителей, с презрением и бесчестием, связанными с этим».[13]

Так характеризует Дионисий сложную политическую обстановку при мусульманском владычестве в первой половине IX в. Основные этапы жизни Дионисия могут быть восстановлены из различных источников. В качестве патриарха яковитов он вел деятельную жизнь, представляя интересы верхов христианского населения в халифате. В 825—826 гг. он побывал в Египте у эмира Абдаллаха ибн-Тахира, чтобы принести жалобу на разрушение яковитских святынь в Эдессе.

Получив разрешение на их восстановление, он с не меньшим успехом добился весной 829 г. у халифа ал-Мамуна признания своего авторитета. В следующем году он сопровождал его из Дамаска в Египет, где по поручению халифа своим авторитетом стремился воздействовать на готовых к восстаниям коптов. При халифе ал-Мутасиме весной 838 г. он был с почетом принят в Багдаде. Распри среди яковитов, а к концу его

[12] *Evagrius Scholasticus.* The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898. V, 24.

[13] Chronique de Michel le Syrien. T. 1. P. 378; T. 2. P. 357.

жизни и притеснения, чинимые арабскими властями, принуждали его к постоянной борьбе. В своем историческом труде, предисловие которого приводит Михаил Сириец, Дионисий охватывал период от времени императора Маврикия до халифа ал-Мутасима, с 582/3 по 842/3 гг.[14] Последняя часть его труда написана им как современником и свидетелем событий. Из его предисловия можно выяснить источники, которыми он пользовался для составления предшествующих частей. Это предисловие Дионисия, несомненно, было использовано Михаилом Сирийцев в заметке об источниках, приведенной выше.

Среди сочинений, использованных или известных патриарху Дионисию Телльмахрскому, последний различает хронографии, или летописи, и церковные истории. К хронографии он причисляет писания «Иосифа, Андроника, Африкана, Ананиана, Георгия rgtya, Иоанна Антиохийского и, наконец, Евсевия Памфила».[15] Он говорит о них в следующих выражениях: «...их сочинения называются не церковными [историями], а хронографиями, или летописями».

В другую группу Дионисий выделил историков, о которых он сообщает: «Писать же экклезиастики, то есть истории церковные, первый начал тот же Евсевий, а после него Сократ, Зосима, Феодорит, Захария Ритор,[16] Иоанн Асийский и последний из всех Кир, священник Батнский. Другой также составил хронологию, я говорю Иаков Эдесский, Иоханан Столпник Литарбский. Написал истории, подобные экклезиастике, Даниил сын Моисея Турабдинский и другой, называемый Иоханан сын Самуила, из области западной, и еще другой, называемый Феофилом, и Феодосий, митрополит Эдессы. Но те, что я теперь упомянул, писали свои истории кратко и отрывочно, не соблюдая точности времени или последовательности событий».[17]

Относительно Феофила Эдесского он дополнительно сообщает, что так как он был «халкидонитом», то в его сочинении проводится враждебная тенденция относительно монофизитов. Далее Дионисий сообщает, что свое сочинение он начнет с того времени, на котором остановился Кир Батнский; из хроники последнего он привлекает те части, или фрагменты, которые, по его мнению, не подлежат сомнению и отвечают истине.[18]

[14] *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 275.
[15] Chronique de Michel le Syrien. T. 1. P. 378; T. 2. P. 358.
[16] Читаю «ритор», а не «и Илия»; см. примечание Ж. Шабо (Chronique de Michel le Syrien. T. 2. P. 378), который дает, однако, перевод «et Elias».
[17] Chronique de Michel le Syrien. T. 1. P. 378; T. 2. P. 358.
[18] Ibid.

Следовательно, в своей книге Дионисий отчасти использовал Кира Батнского, и выражение его относительно «начала» с того времени, где остановился Кир, не вполне точно. На основании того, в каком месте помещает Михаил Сириец указание на Дионисия как на свой источник, следует предполагать, что он начал свой труд со времени Маврикия, с 582/3 гг., как об этом было упомянуто выше. Михаил Сириец точно указывает время окончания хроники Дионисия — 842/3 гг.[19] Упоминая имя Дионисия на протяжении всего этого периода, он повторно сообщает о нем: «Патриархом нашей церкви православных[20] в то время был мар Дионисий Телльмахрский. Большинство рассказов, собранных в этой книге до сих пор, написал он весьма тщательно. В конце хроники, которую он составил в конце своих дней, он написал увещевательное слово, в котором смешал печаль и поучение следующим образом».[21] В конце 21-й главы 12-й книги хроники у Михаила Сирийца находится еще одна заметка, окруженная рамкой, подобно «схолиону». В заметке сообщается: «Здесь окончил свою хронику премудрый Дионисий патриарх, называемый Телльмахрским, которую он написал в двух частях в 16 книгах. В каждой части 8 книг, разделенных на главы. Он написал ее по просьбе Иоанниса, митрополита Дары. В хронике заключается время, или период, в 260 лет, от начала царствования Маврикия, то есть года 894 греков, и до года 1154, когда умер Феофил, император ромейский, и Абу Сахак, царь арабов, и воцарился Харун, сын Абу Сахака, а над ромеями Михаил, сын Феофила, малый и слабый мальчик, а мать его правила государством».[22]

Таковы хронологические рамки и общая характеристика главного источника Михаила Сирийца для конца VI и начала VII в. Сириологи справедливо сетуют на утерю этого сочинения, автор которого в свою очередь пользовался не дошедшими до нас сирийскими источниками. К числу последних принадлежит история Иоханана бар Самуэля, составленная им в 746 г., при широком использовании Иоанна Литарбского.[23] Дионисий упоминает и Даниила бар Моисея из Тур-Абдина, составившего «истории», подобные «экклезиастике», из которых

[19] Ibid. T. 1. P. 544; T. 3. P. 311; *Chabot J.* La littérature syriaque. Paris, 1935. P. 93.
[20] Михаил Сириец подразумевает под именем православных своих единоверцев — монофизитов.
[21] Chronique de Michel le Syrien. T. 1. P. 538; T. 3. P. 104.
[22] Ibid. T. 1. P. 544; T. 3. P. 111.
[23] *Baumstark A.* Geschichte... S. 273.

сохранились фрагменты, относящиеся к 738—748 гг. н. э. Их можно найти у Илии бар Шинайи.[24]

Перечисленные Дионисием источники повторены и в «схолионе» хроники Михаила Сирийца, и весьма вероятно, что часть из них была ему известна только через посредство Дионисия, т. е. по имени. Но несомненно, что некоторые другие источники, как, например, Иоанн Эфесский, были хорошо известны Михаилу.

В специальной статье, посвященной источникам греческой хроники Феофана Исповедника и сирийским хроникам, Э. Брукс доказал, что для VIII в. (и отчасти для VII в.) сведения Феофана о Востоке восходят к «палестинскому мелкиту», который был знаком с сирийскими хрониками. Этот источник был использован и Михаилом Сирийцем, благодаря чему их сведения имеют много общего.[25] Возможно, что Михаил Сириец располагал этим материалом не непосредственно, а через Дионисия Телльмахрского.

Для времени более раннего можно отметить близость сведений Михаила — Дионисия с Евагрием, Феофилактом и тем же Феофаном, на что впервые указано в настоящем исследовании. Выше мною было уже отмечено, что Михаил Сириец, как и Евагрий, после сообщений о смерти Тиверия до перехода к событиям царствования Маврикия характеризует свои источники. С 582 г. Михаил пользуется Дионисием Телльмахрским, а через его посредство — фрагментами из утерянных сочинений Иоанна Литарбского и Кира Батнского. Для выявления этих источников приобретает значение анонимная хроника 1234 г.,[26] которая использовала их, а также другая анонимная хроника, известная под именем хроники псевдо-Дионисия. Зависимость названных сирийских трудов друг от друга усугубляется в своей сложности тем, что сведения, роднящие их с греческими историками, могли иметь в основе не только устную, но и общую письменную традицию, выявление которой решило бы существенные вопросы источниковедения. Труд Михаила Сирийца в таком аспекте приобретает, несмотря на то что относится лишь к XII в., большое значение для истории Передней Азии конца VI и начала VII в.

[24] Eliae Metropolitae Nisibeni Opus Chronologicum / Ed. E. W. Brooks. Parisiis; Romae, 1909. P. 7—8 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 7—8).

[25] *Brooks E. W.* The sources of Theophanes and the Syriac chronicles // BZ. 1906. Bd 15. P. 578—587.

[26] Chronicon ad an. Chr. 1234 pertinens / Ed. J. B. Chabot. Parisiis, 1920. P. 15 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 14).

ФОМА МАРГСКИЙ

В 840 г. была составлена история несторианского монастыря Бет-Абэ, расположенного в среднем течении реки Большой Заба, притока Тигра. Автор «Книги начальников» принадлежал к числу монахов Бет-Абэ; в 837 г. он состоял секретарем патриарха Авраама, поставившего его епископом Марги, а затем митрополитом области Бет-Гармай.[27]

Труд Фомы Маргского излагает не только события, касающиеся монастыря Бет-Абэ на протяжении трех столетий, начиная с его основания и истории несторианского монашества вообще, но дает ценный материал для истории Передней Азии, как, например, по вопросу о связях несториан-сирийцев на побережье Каспийского моря, в южной Аравии, Иране и Китае. Интересные сведения сохранил сирийский автор о посольстве от шаханшаха Шерое к византийскому императору Ираклию, в котором видное положение заняла верхушка несторианского духовенства. Благодаря последнему обстоятельству сведения Фомы Маргского исходят из достоверной традиции. В связи с посольством находится факт перехода в православие несторианского епископа Сахдоны, переписка которого с Ишоябом, несторианским католикосом, сохранилась и представляет большой интерес.[28]

Епископ Маргский имел возможность использовать письменные сирийские источники, а также устную традицию, как он и сам об этом говорит.[29] Он упоминает о библиотеке монастыря Бет-Абэ, книгами которой он пользовался при составлении своего труда.

Из сообщений «Книги начальников», как и из анонимной хроники времени Сасанидов, очевидны попытки слабеющей государственной власти Сасанидов найти опору в верхах сирийского населения Ирана. Оба упомянутых сочинения имеют несомненно общие источники, общую сиро-несторианскую традицию, которой они следуют в истории падения сасанидской державы.

[27] *Chabot J.* La litérature syriaque. P. 110; *Baumstark A.* Geschichte... S. 233.

[28] *Пигулевская Н. В.* Жизнь Сахдоны (Из истории несторианства VII века) // ЗКВ. 1938. Т. 3. С. 91—108.

[29] Thomas, bishop of Marga. The book of Governors / Ed. by E. A. Wallis Budge. London, 1893. Vol. 1. P. XXXV.

ХРОНИКА ПСЕВДО-ДИОНИСИЯ

Приписываемая ошибочно патриарху Дионисию Телльмахрскому хроника, на которую указал еще И. Ассемани, удержала до настоящего времени название псевдо-Дионисиевой хроники. Как выше уже было отмечено, подлинная хроника монофизитского патриарха утеряна, анонимная же хроника, приписываемая ему, фактически принадлежит некому монаху Зукнинского монастыря.

С первыми листами рукописи исчезло и имя составителя этого компилятивного труда, но сохранилось указание на время его составления. В начале последней, 4-й, части этой хроники сообщаются следующие сведения о содержании предшествующих частей и составлении 4-й части.

«Эта книга или эта хроника начинается с сотворения твари и продолжается до рождения Авраама и царства Ниноса, который построил Ниневию и царствовал в ней 52 года.

В 42-м году Ниноса родился Авраам, родоначальник отцов, как свидетельствует Евсевий, ибо у него нами позаимствован материал этой хроники до времени верующего Константина, отсюда до Феодосия младшего у Сократа, по вере новацианина, от Феодосия же до [времени] царя Юстиниана, т. е. до года 885, у святого Иоанна, епископа Асийского. Отсюда же до настоящего года, года, в котором мы живем ныне, то есть 1086 Александра, а мусульман 158, мы не нашли хроники столь тщательной, как древние».[30]

Годом составления хроники, следовательно, является 1086 г. греческого счисления, который соответствует 775 г. н. э. В единственной рукописи хроники сохранилось фрагментарно введение, которое подтверждает дату составления хроники с разницей в один год.

Текст этого введения из Ватиканского кодекса (Codex Vaticanus, Syr. 163, ff. 1—2) напечатан во 2-м томе издания псевдо-Дионисия, с. 418—420. «В этой книге содержатся, как бы в венце, годы от сотворения мира и до сего времени, в которое она написана, тоесть в год 1087 Александра Македонского». Тогда воцарился над Сирией, Египтом, Арменией, Азербайджаном и над арабами Махди бар-Абдалах. «А над греками воцарился Леон сын Константина, а над ромеями

[30] Chronicon pseudo-Dionysianum vulgo dictum / Ed. J. B. Chabot. Parisiis, 1933. T. 2. P. 145—146 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 2) (далее: Chronicon ps.-Dionysianum); *Chabot J. B.* Chronique de Denys de Tell-Mahre. Quartième partie // Bibliothèque de l'Ecole des Hautes-Etudes, fasc. 112. Paris, 1895. P. 1.

вновь воцарился Фафнос. Сумма всех лет в ней шесть тысяч».[31] Год 1087 соответствует 776 г. н. э., следовательно, временем составления хроники является 775/6 гг. н. э., принимая во внимание приведенный выше 1086 г. как год ее составления во введении к 4-й части. Императором византийским автор называет Льва IV, воцарившегося 14 сентября 775 г.[32]

Имя автора хроники неизвестно. Однако можно указать, что на fol. 66 v переписчик Елисей оставил на полях заметку, в которой упоминает Иешу Стилита из Зукнинского монастыря, «написавшего сию памятную книгу». Относится ли имя этого автора ко всей компиляции или к небольшой Эдесской хронике начала VI в., сказать трудно. В настоящее время принято считать все это сочинение принадлежащим перу монаха Зукнинского монастыря, имя которого осталось неизвестным.[33]

Сохранилась хроника в единственной Ватиканской рукописи — Codex Vaticanus, Syr. 162, часть которой в виде небольших фрагментов оказалась в числе манускриптов Британского музея в Лондоне.

Ватиканская рукопись была доставлена в Рим в 1717 г. И. Ассемани. Она принадлежит к числу рукописей, перевезенных из Месопотамии в Скитский монастырь Моисеем Низибийским в 932 г. Содержание этого компилятивного труда и его источники сообщил сам автор.

Первая часть, до времени Константина Великого, составлена по «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, «Хронографии» Юлия Африкана и «Эдесской хронике». В ней использованы также апокрифы — «Пещера сокровищ», роман об Александре, легенда о семи спящих отроках эфесских и др.

Вторая часть в основе своей изложена по истории Сократа, но имеет дополнения из книги «Плерофорий» Иоанна Руфа и текста «Энотикона» Зенона. В состав второй части вошла и хроника Иешу Стилита, вкрапленная в нее целиком, от начала до конца.

Часть третья начинается временем императора Зенона и кончается смертью Юстиниана, заключая в себе всю вторую часть труда Иоанна Эфесского. В этой части сохранилось и замечательное послание Симеона Бетаршамского о химьяритах.

Четвертая часть, по свидетельству автора, не имела какого-либо одного источника, так как он «не нашел хроники столь

[31] Chronicon ps.-Dionysianum, II, p. 419.
[32] Chronicon ps.-Dionysianum, Praefatio, p. VI.
[33] *Baumstark A.* Geschichte... S. 274; *Chabot J.* La littérature syriaque. P. 89.

тщательной, как древние». Для нашего исследования эта часть имеет больше всего значения ввиду того, что включает соответственный хронологический период. В краткой форме сообщаются события с 487 по 715 г.; несколько больше подробностей дано для последующих годов, и чрезвычайно детально изложены бедственные события, постигшие в Месопотамии сирийцев между 767—775 гг. Указав на то, что с 885 г. греков (574 г. н. э.) не нашлось «тщательно» составленного исторического сочинения, составитель хроники сообщает: «Также и относительно злых и горьких времен, которые переживали мы и наши отцы, мы не нашли никакой хроники, как и относительно этого времени стеснения и горечи, что постигли нас из-за наших грехов, и мы были преданы в руки ассирийцев и варваров. Мы не нашли никого, кто бы написал что-нибудь или оставил память об этом злом времени и о горьком притеснении, что претерпевает земля в наши дни и наше время». В оправдание своих жалоб на тягостное время он приводит пророчества и другие цитаты из писаний и затем дает объяснение, в каком затруднительном положении он находился как автор.

«Мы объездили многие места, но мы не нашли ничего, написанного тщательно, но только кое-что. Также мы выслушали еще от древних старцев то, что они видели и что случилось с ними, и еще то, что мы сами видели; мы пожелали собрать и расположить события одно за другим в таком порядке. Но всякий, кто, встретив [эту книгу], пожелает пренебречь ею, пусть знает, что не в одной области, одном государстве или в одной стороне происходили явления и события, и [притом] различным образом. Поэтому, если бы ему встретилось в [другой] хронике несхожее с этой, то пусть он поймет, что и первоначальные писатели не согласны друг с другом, но один преуменьшает, другой преувеличивает; один пишет о церкви, другой о других делах. Но не огорчит это избранных и богобоязненных, в один ли год или годом и двумя позднее [произошли события], но достаточно для богобоязненных, чтобы они видели наказания предшествующих битв, чтобы они отвратились от злодейства, дабы и их не постигли эти наказания».[34]

Таким образом, составитель хроники утверждает, что с 574 г. он не располагает тщательно изложенным материалом. Значит ли это, что он не знал и не располагал последней, третьей, частью Иоанна Эфесского, как полагает и проф.

[34] Chronicon ps.-Dionysianum. II, p. 147.

А. П. Дьяконов.[35] Та часть хроники, которую он мог бы позаимствовать из 3-й части сочинения воинствующего епископа, во всяком случае очень кратка.

Относительно времен «злых и горьких», о которых он говорит, что их «переживали мы и наши отцы», т. е. охватывающих два поколения — его собственное и ближайшее старшее, он сообщает большие подробности. Более всего он опирался в этом случае на устную традицию; так, он «объездил многие места» в поисках достоверных письменных источников, и «также мы выслушали еще от древних старцев» то, что «они видели и что случилось с ними». Ко всему этому добавлено то, чему был очевидцем составитель хроники, — «то, что мы сами видели». Все это было собрано, и события были «расположены одно за другим». Предвидя упреки в несовершенстве, автор хроники заранее отводит их, указывая на то, что описываемые им события происходили в различных областях и государствах по-разному, что, сообщая о них, каждый поступал по своему усмотрению, преувеличивая или преуменьшая, уделяя больше внимания той или иной стороне дела. Кроме того, он не вполне уверен в точности своей хронологии и не считает существенным, что события произошли годом или двумя позднее или ранее.

Если эти рассуждения составителя компиляции относятся к 4-й части его труда, то все же существенны его взгляды на составление компиляции в целом. Проф. А. П. Дьяконов привел убедительные доводы тому, что в хронике псевдо-Дионисия были использованы два особых летописных источника, ныне утерянных, из которых один кончался 868 г. греков (557 г. н. э.), другой, которым автор пользовался до конца 3-й части хроники.[36]

В целом хроника оценивалась исследователями как недостаточно критический и проверенный источник. Однако тот факт, что составитель переписывал своих предшественников, сокращая, но не изменяя и не сглаживая противоречий между отдельными их сообщениями, дает возможность выделить эти источники и оценивать их сообщения в их первоначальном виде.

Отдельные части хроники были изданы в разное время.[37] В 1933 г. Ж. Шабо издал текст хроники полностью, включая и 4-ю часть, которую он издал еще в 1895 г. с французским пере-

[35] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908. С. 305.

[36] Там же. С. 226.

[37] *Baumstark A.* Geschichte... S. 274.

водом.[38] Латинский перевод всей хроники обещан Ж. Шабо, но еще не вышел из печати.[39]

3-я часть хроники псевдо-Дионисия, содержащая в значительной своей части хронику Иоанна Эфесского, появилась впервые в названном издании 1933 г. На ее основе возможно разрешение вопроса об общих источниках Иоанна Эфесского и Иоанна Малалы или Иоанна Антиохийского. Сопоставляя хронику в целом с хроникой Михаила Сирийца и другими, можно выяснить этот сложный, но исключительно существенный историографический вопрос о связях сирийской и греческой хронографии.

АНОНИМНАЯ ХРОНИКА 1234 г.

Анонимная хроника 1234 г. была составлена неизвестным автором. Скудные сведения о нем сводятся к немногочисленным фактам, сообщенным им самим. Так, в 1187 г. он находился в Иерусалиме и пережил взятие этого города Саладином. Двумя годами позднее он находился в областях Месопотамии, в обществе мафриана Григория. Возможно, что Месопотамия была родиной или постоянным местом жительства автора, который хорошо с ней знаком.[40]

Анонимная хроника состоит из двух частей — светской и церковной, составленных каждая отдельно. Первая часть, посвященная светским событиям, первоначально была закончена в 1203/4 г., но затем была продолжена автором до 1233/4 г.

До настоящего времени известна лишь одна рукопись этой хроники, относящаяся к концу XIV в. и находящаяся в Константинополе, в собственности частного лица P. Fehim. Первая часть рукописи, посвященная светским событиям, сохранилась почти целиком с небольшими пропусками в конце. От второй части, излагающей церковные события, сохранились лишь некоторые фрагменты.[41]

Первое издание хроники было дано И. Рахмани.[42] К изданию, осуществленному Ж. Шабо, приложен полный латинский перевод хроники,[43] фрагменты первой части хроники и краткое содержание отдельных ее глав до времени императора Анастасия (518 г. н. э.) были даны Ф. Но на французском языке.[44] История первого и второго крестового походов в изложении этой хроники дана в переводе А. Триттона, с примечаниями Г. Гибба.[45]

Хроника эта мало известна и очень редко привлекалась к исследованиям, между тем она представляет большой интерес и дает существенные данные для сравнения с данными хроники Михаила Сирийца.

Ввиду этого к настоящему исследованию приложен сделанный мною русский перевод с сирийского той части хроники, которая касается изучаемого в данном исследовании периода.[46]

[38] Chronicon ps.-Dionysianum; *Chabot J. B.* Chronique de Denys de Tell-Mahré.
[39] *Chabot J.* La littérature syriaque. P. 90.
[40] *Baumstark A.* Geschichte... S. 302.
[41] Chronicon ad an. Chr. 1234 pertinens. P. I.
[42] *Rahmani Ign. E.* Chronicon civile et ecclesiasticum anonymi auctoris. Šarfah., 1904, 1911.

[43] Chronicon ad an. Chr. 1234 pertinens.
[44] *Nau F.* Traduction de la chronique syriaque anonyme, éditée par Mgr Rahmani // ROCh. 1907. T. 12. P. 429—441; 1908. T. 13. P. 90—99, 436—443.
[45] The first and second crusades from on anonymous syriac chronical / Transl. by A. S. Tritton with notes by H. A. R. Gibb // JRAS. 1933. No 1. P. 69—101; No 2. P. 273—305.
[46] См. наст. изд. С. 642—676.

ПЕРВОИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ КУШИТО-ХИМЬЯРИТСКИХ ВОЙН

(К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке)

В ранний период истории Византии и средневекового Востока большую роль играли широкие торговые связи.

На южном побережье Аравии скрещивались торговые сухопутные и морские пути, в связи с чем Йемен и Эфиопия имели большие экономические преимущества. С древнейших времен здесь проходили торговые дороги, связывавшие эти области с Египтом, Сирией, Малой Азией и Европой. Рим, желая занять доминирующее положение на торговых путях, последовательно покорил Набатейское государство с Петрой (106 г. н. э.), Осроэну (216 г.), Пальмиру (270 г.). Византия и в этом случае продолжала завещанную Римом политику, стремясь держать под своим контролем южноарабские государства и Эфиопию. По водам Красного и «Эритрейского» морей корабли ходили до острова Тапробан (Цейлон) и к Малабарскому (Male) побережью Индостана. Как и караванный путь вдоль западного берега Аравийского полуострова, это был один из желанных обходных путей для Византии, на котором она могла быть независимой от Ирана Сасанидов.

Доминирующее положение, которого добивалась Эфиопия у химьяритов (Himyarites), несколько поколебалось в первой четверти VI в. Одна часть химьяритской знати была византийско-абиссинской, а поэтому и христианской ориентации, другая стремилась к самостоятельному положению. Эта последняя группировка связала себя с иудеями, торговые и земледельческие колонии которых в Аравии были многочисленны, а отчасти опиралась на Иран. Внутренняя борьба химьяритов приняла обостренный характер, в которой религиозный момент играл немаловажную роль; по всем городам Южной Аравии прокатилась волна гонений. С оружием в руках Эфиопия стремилась восстановить свое влияние, так как всякое нарушение торгового обмена болезненно отзывалось на ее достатке. Разбив гонителя Масрука (Зу-Нуваса), эфиопские войска упрочили свое положение в Йемене. Но Иран справедливо видел в

этом успехи константинопольской дипломатии, и при Хосрове I персы поторопились захватить города химьяритов.

История химьярито-эфиопских войн неоднократно дебатировалась в науке, особенно потому, что соответствующие источники разнообразны и противоречат друг другу.[1]

История химьярито-эфиопских войн вызвала внимание у византиноведов, так как эти войны находились в теснейшей связи с экономическими и политическими интересами Византии. Константинопольские дипломаты усиленно добивались укрепления влияния у аксумитов, которых они поддерживали против химьяритов.[2]

В настоящее время необходимость пересмотреть этот вопрос стала очевидной. Опубликованная А. Мобергом Книга химьяритов[3] является новым важным и достоверным источником для истории Южной Аравии и Эфиопии в раннем средневековье. Специальных исторических исследований в этой области после издания этого памятника не появлялось. В общих трудах оценка «гонений» и «войн» в Химьяре осталась прежней. Между тем в свете новых данных, в связи с общим положением Византии и ее сношениями с Ближним Востоком события в Южной Аравии в начале VI в. приобретают большую историческую значимость.

Греческие и сирийские источники наиболее близки хронологически к этим событиям, сведения о которых они получили из первых рук. Среди греческих источников в первую очередь должны быть названы Иоанн Малала и Прокопий Кесарийский, сообщения которых повторил в своей хронографии Феофан. Сведения этой группы источников имеют прямую связь с сочинениями Нонна, отец и дед которого, как и он сам, выполняли дипломатические поручения Византии в мелких госу-

---

[1] *Caussin de Perseval A. P.* Essai sur l'histoire des Arabes. Paris, 1847. T. 1. P. 61—160; *Mordtmann J.* 1) Miscellen zur himjarischen Altertumskunde // ZDMG. 1877. Bd 31. S. 61—90; 2) Die himjarisch-äthiopischen Kriege noch einmal // Ibid. 1881. Bd 35. S. 693—710; *Dillmann A.* 1) Über die Anfänge des Axumitischen Reiches // AAWB. Berlin, 1878. S. 177—238; 2) Zur Geschichte des Axumitischen Reiches im IV bis VI Jahrhundert // Ibid. Berlin, 1880. S. 1—51; *Fell W.* Christenverfolgung in Südarabien // ZDMG. 1881. Bd 35. S. 1—74; *Glaser E.* 1) Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens. Berlin, 1890. Bd 2. S. 532—564; 2) Die Abessinier in Arabien und Afrika. München, 1895; *Winkler H.* Altorientalische Forschungen. Leipzig, 1896. Bd 1. S. 310—328, 329—337; *Pereira F. M. E.* Historia dos Martyres de Nagran. Lisboa, 1899. Рецензия: *Nöldeke Th.* Götting. gelehrte Anzeigen, 161 Jahrg. 1899. S. 825—830; *Kammerer A.* Essai sur l'histoire antique de l'Abyssinie. Paris, 1926; *Hitti P.* History of the Arabs. 3-th edit. London, 1946.

[2] *Васильев А. А.* Житие Грегентия епископа Омиритского // ВВ. 1907. Т. 14. С. 23—67.

[3] *Moberg A.* The book of Himyarites. Lund, 1924.

дарствах Ближнего Востоки и ездили «к эфиопам, химьяритам и сарацинам».

Для истории этого периода могут быть использованы химьяритские надписи. В подавляющем большинстве случаев они являются надгробными надписями, обычно не датированы, и пользоваться ими надо с осторожностью, но они несомненно дают общий фон, общие представления об эпохе.[4] В этом аспекте особое значение приобретают химьяритские надписи монотеистического характера, в частности относящиеся к Рахману милостивому.[5] В многочисленных надписях содержатся обращения к нему, как в надписи 573 г. химьяритской эры, относящейся, следовательно, к 458 г. н. э. (эра химьяритов начиналась в 115 г. до н. э.) и говорящей о завершении постройки «с помощью Рахмана».[6] В некоторых химьяритских надписях можно отметить формулировки, еще более отчетливые и близко напоминающие иудейские, как благодарность за помощь «милостивого господина неба и земли».[7]

Нельзя сомневаться в иудейском характере надписи № 394 и 395, опубликованной Э. Глазером,[8] в которой Шахир воздает благодарение «Рахману, который есть в небе и в Израиле, их бог, господин Иуды (иудеев)».[9]

Большинство исследователей стоит на той точке зрения, что Рахман заимствован из иудейской религии, но некоторые ученые (как И. Галеви и Д. Нильсен) считают это явление независимым.[10] Во всяком случае монотеистические верования не могли не создавать почвы для распространения иудаизма и христианства. По преимуществу, однако, обе эти религии прививались в городах, у оседлого населения, а кочевые арабские племена оставались верны своим древним языческим верованиям. Химьяритские надписи дают также большое число собственных имен, которые были использованы А. Мобергом для сопоставления с синодиком Книги химьяритов.

[4] Значение имеет большая датированная (543 г. н. э.) надпись, привлеченная в других частях исследования. *Glaser E.* Zwei Inschriften über den Dammbruch von Marib // Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Berlin, 1897.

[5] *Ryckmans G.* Les noms propres sud-sémitiques. T. 2 // Répertoire alphabétique. Louvain, 1934. P. 123.

[6] *Mordtmann J., Mittwoch E.* Sabäische Inschriften. Hamburg, 1931. N 153. L. 3. S. 192—193.

[7] *Ryckmans G.* Inscriptions sud-arabes // Le Muséon. 1932. T. 45. P. 290—295.

[8] REJ. 1891. Vol. 23. P. 122.

[9] *Winkler H.* Zur Geschichte des Judentums in Jemen // Altorientalische Forschungen. Leipzig, 1893. Bd 1. S. 335; *Hirschenberg J.* Jüdische und christliche Lehren im vor- und frühislamischen Arabien. Krakow, 1939. S. 39.

[10] *Hirschenberg J.* Jüdische und christliche Lehren... S. 69—70.

Не могу не уделить внимания одной дефектной надписи, трактующей о походе и военных действиях, содержание которой, быть может, имеет прямое отношение к событиям в Химьяре. Эта надпись отнесена ее издателями к tituli aevi Christiani. В ней упомянуто имя Харита (строка 5). Званию «царя в Джафаре» в 10-й строке предшествует непонятое издателями слово в 9-й строке. В чтении последней буквы этого слова нельзя быть уверенным.[11] Представляется возможным высказать предположение, что это слово представляет собой имя царя Mzru[q], если читать последнюю букву как q. Так как в надписи речь идет о военных действиях, о том, что валом и стенами были заперты (город или войска) и были посланы люди и скот, то можно высказать предположение, что надпись запечатлела события, главными героями которых были Масрук, царь Джафара, и Харит (Арефа), ставленник кушитов в Неджране.

Таковы материалы, которые могут быть привлечены из химьяритских надписей. Арабские источники возникают, как известно, несколькими веками позднее; тем не менее Табари, черпая свои сведения для этой эпохи у Хишама и Ибн-Исхака, дает по-своему последовательный рассказ. Основные факты в хронике Табари могут быть сведены к следующему: в Йемене воцарился узурпатор, не принадлежавший к царскому роду, Зу-Шанатир, очевидно имевший опору в Абиссинии. Юноша царского рода Зураа Зу-Нувас, приглашенный во дворец к Зу-Шанатиру, убил его, а затем воцарился сам. Он обратился в иудейство и получил имя Иосифа. Между тем в Неджране было насаждено христианство неким Фемионом.[12] Зу-Нувас вступил в борьбу с Неджраном и казнил всех непослушных. Один из жителей Неджрана, Зу-Таалабан, бежал к абиссинскому негусу и сообщил ему обо всем. Негус послал войска с военачальником Ариатом, который разбил войска Зу-Нуваса, а этот последний бросился в море. Ариат занял положение ставленника кушитов в Химьяре, но был убит кушитом Абрахой (Авраамом), который правил после него Йеменом, также в качестве представителя негуса.

Абраха совершил поход на Мекку около 545 г., лет за 25 до рождения Мухаммеда (570). Господству кушитов был поло-

[11] *Mordtmann J., Mittwoch E.* Himjarische Inschriften in den staatlichen Museen zu Berlin // MVAG. 1932. Bd 37. No 43. S. 54.

[12] К. Конти Россини (*Conti Rossini C.* Un documento sul christianesimo nello Jemen ai tempi del re Sarahbil Jakkuf. Romae, 1911. P. 12) считает это имя испорченным: ποιμήν — пастырь.

жен предел завоеваниями Хосрова I, пославшего войска в Йемен.[13]

Остов рассказа Табари несомненно имеет историческую ценность, хотя отдельные его части и подробности явно легендарного характера, как порочная характеристика Зу-Шанатира или чудесный элемент в истории Фемиона. Отдельные сообщения удачно дополняют другие источники, как зависимость Ариата и Абрахи от негуса, торговые и культурные связи с Сирией и Абиссинией и др. Но без сирийских и греческих источников сообщения арабской хроники оставались бы малопонятными, а борьба царя Химьяра с городом Неджраном — без должной исторической оценки.

Из других арабских исторических сочинений следует отметить список царей Химьяра у Абульфеды[14] и некоторые сообщения Ибн-Халдуна. Несмотря на то что оба автора писали на много веков позднее событий, они использовали материалы, не дошедшие непосредственно.

Совершенно необходимо обратиться и к эфиопским источникам, которые несомненно представляют интерес, но все они относятся к очень позднему времени. Э. Глазер, М. Винклер, а затем К. Конти Россини[15] обратили внимание на легенды, относящиеся к господству принявших иудейство царей Йемена. Они связаны с временем Шарбиль Якуфа, эпиграфические данные о котором относятся к 467 г. н. э. Некий Азкир был схвачен в Неджране царствовавшими там Зу-Таалабаном и Зу-Кайфаном за проповедь христианства. Отосланный в столицу Джафар, он был направлен обратно в Неджран, где был казнен.[16] Легенда подтверждает факт распространения иудейства в Йемене еще до первой четверти VI в. На эфиопском языке сохранился также перевод жизнеописания Арефы, сделанный не с греческого, а с его арабской версии.[17] В зависимости от этого эфиопского перевода находятся краткие синаксарные его пересказы, а также рассказы в эфиопских хрониках позднего времени.[18]

[13] *Al-Tabari.* Annales / Ed. M. J. de Goeje. Prima series. Vol. 2. P. 917—958; Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden / Übers. v. Th. Nöldeke. Leyden, 1879. S. 172—237.

[14] *Abulfedae.* Historia anteislamica, arabice / Ed. H. O. Fleischer. Lipsiae, 1831.

[15] *Glaser E.* Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens. Bd 1. S. 40—41; *Winkler H.* Altorientalische Forschungen // Zur Geschichte des Judentums in Jemen. Bd 1. S. 329—337; *Conti Rossini C.* Un documento sul christianesimo... P. 1—48.

[16] *Conti Rossini C.* Un documento sul christianesimo... P. 19—44.

[17] *Pereira F. M. E.* Historia dos Martyres de Nagran. P. XXXIV—XXXVI.

[18] Ibid. P. XXXVII—XXXVIII.

К числу греческих источников по истории кушито-химьяритских войн принадлежит сочинение египетского торговца Козьмы Индикоплова «Христианская топография», составленная им в середине VI в. В годы царствования Юстина I (518—527), в то время как в государстве Аксума находился Козьма Индикоплов, эфиопский царь Элесбоа (Ἐλλατζβάας) приготовлялся к походу против химьяритов.[19] Дата этого похода устанавливается на основании других источников, так как первый поход Элесбоа произошел вслед за умерщвлением Арефы на 5-м году царствования Юстина I, следовательно, в 522 г.[20]

На греческом языке сохранились также фрагменты утерянного сочинения Нонна, принадлежавшего к третьему поколению семьи, служившей Византии в качестве ее дипломатических представителей на Ближнем Востоке. Дед Нонна Еупорос выполнял различные поручения в арабских княжествах гасанидов и лахмидов. Авраам, отец Нонна, представлял интересы Византии у арабов при Юстине I, а сам Нонн был направлен к Кайсу, филарху арабов, Юстинианом, «державшим тогда власть ромейскую». Нонн имел дело не только с племенами кинди и маадеями, но и с государством Аксума, куда был послан для переговоров с негусом. Он оставил описание своего путешествия и посольства, составленное в 1-м лице; фрагменты этого описания сохранились в хронике Иоанна Малалы и в «Библиотеке» патриарха Фотия IX в.[21]

Иоанн Малала в своей хронике, являющейся вульгаризованной версией Иоанна Антиохийского, использовал Нонна, переписав часть его описаний в 1-м лице.[22] Кроме того, у Малалы встречаются два написания имени химьяритов — Ὁμηρῖται и Ἀμερῖται, что указывает на два источника, бывших в его распоряжении. Последнее написание принадлежит Нонну, как это видно из фрагментов, имеющихся у Фотия.[23] Переписывая Нонна, Малала поместил рассказ о химьяритах в книге о царствовании Юстиниана, а не Юстина I. Между тем причина войны эфиопского царя против химьяритского, как это сообщает Малала, имела исторические корни.

[19] *Cosmas Indicopleustes.* The christian topography (greec text) // Ed. by E. Winstedt. Cambridge, 1909. P. 72; The christian topography of Cosmas / Translated by J. W. Mc Crindle. London, 1897. P. 55.

[20] Martyrium St. Arethae // Acta sanctorum. Octobris. Parisiis; Romae, 1869. T. 10. P. 721.

[21] Nonnosi fragmenta // FHG. 1851. T. 4. P. 178—180.

[22] *Ioannes Malalas.* Chronographia / Ex recensione L. Dindorfii. Bonnae, 1831. P. 433 (далее: *Ioannes Malalas*).

[23] *Ioannes Malalas.* P. 433; FHG. T. 4. P. 179.

Тексту Иоанна Малалы соответствуют параллельные страницы Феофана и сирийского писателя Иоанна Эфесского; быть может, все три зависят от общего источника, которым мог быть Иоанн Антиохийский, не сохранившийся в этой части. Близость этих трех текстов побудила И. Мордтмана дать их сравнение и подробную критику.[24] У сирийского историка параллельные греческим историкам страницы следуют за несколько сокращенной версией послания Симеона Бетаршамского, о котором подробно сообщено ниже.

После послания Симеона Иоанн помещает рассказ о мальчике, мать которого была убита в Неджране, а затем дает исторические справки об Аксуме и Химьяре, почерпнутые им у греческих авторов. Эта часть хроники Иоанна сохранилась лишь в 3-й части хроники Дионисия Телльмахрского.[25] Благодаря наличию этого сирийского текста оказалась возможной расшифровка текста Малалы.

Так, значительно сокращая свой источник, Малала пишет: «В то време воевали индусы против друг друга, так называемые аксумиты и омериты (οἱ ... Αὐξουμῖται καὶ οἱ Ὁμηρῖται), причина же войны следующая...».[26]

У Дионисия (Иоанна Эфесского) рассказ несколько подробнее: «В то время случилось, что была война царей индусских друг с другом: царя индусов, имя которого было Аксундон, с другим царем внутренней Индии, имя которого было Индуг, который был язычником».[27] Эта междоусобная война кушитских (т. е. абиссинских) племен предшествовала их войнам с химьяритами. Имя Аксундон, который был царем «внутренней Индии», следует вместе с И. Галеви читать: царь Аксума или царь аксумитов.[28] Малала также называет эфиопов-кушитов аксумитами, производя это имя от наименования столицы Аксума.

Текст Феофана, в этом месте испорченный, дает также наименование «царь аксумитов» — Τούτῳ τῷ ἔτει συνέβη πολεμῆσαι ἀλλήλους τὸν βασιλέα τῶν Ἀξουμιτῶν Ἰνδῶν... Ἰουδαίων ἐξ αἰτίας τοιαύτης.[29]

[24] *Mordtmann J.* Die himjarisch-äthiopischen Kriege noch einmal. S. 693—710.
[25] Chronicon pseudo-Dionysianum vulgo dictum // Ed. J. P. Chabot. Parisiis, 1933 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 2) (далее: Chronicon ps.-Dionysianum).
[26] *Ioannes Malalas.* P. 433.
[27] Chronicon ps.-Dionysianym. T. 2. P. 54.
[28] *Halévy J.* Examen critique des sources relatives à la persécution des chrétiens de Nedjran // REJ. 1889. Vol. 18. P. 169.
[29] *Theophanus.* Chronographia // Recensuit C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. P. 222—223.

Войну эту он ведет против своего соседа, тоже индусского царя, имя которого — Индуг. Тот же И. Галеви предлагает читать это слово как Адул, ввиду того, что это может быть оправдано в сирийской палеографии: 'ndwg может быть ошибочным чтением 'ydwl, т. е. Адул.[30] Следовательно, царь Аксума воевал с царем Адулом, который был язычником. После того как произошло объединение этих двух княжеств, кушиты смогли двинуться на Химьяр, так как следующая часть читается так: «У него же, после того как прекратили они войну друг с другом, была у него война с царем химьяритов».[31]

Синтаксическим и логическим подлежащим и действующим лицом является царь Аксума, который, следовательно, повел теперь войну с химьяритами. Два кушитских княжества, одно с центром в Аксуме, другое в Адулисе, объединились, после чего смогли продолжать наступательное движение и дальше, на химьяритов. Испорченный текст Феофана едва ли дает повод утверждать, как это делает И. Галеви (в соответствии с указанием относительно одного из царей, что он был язычником), что другой, царь Аксума, был иудеем, т. е. принадлежал к арианам.[32]

В настоящее время, после опубликования Книги химьяритов, не может быть места скептицизму И. Галеви, так как этот новый источник дает имя Масрука и подтверждает данные послания Симеона Бетаршамского, который отнюдь не был «le premier, qui a inventé je roi juif d'Himyar».[33] Вопреки утверждению И. Галеви, химьяритские цари приняли иудейство.

Хронограф Феофана в соответствующих данных находится в зависимости от хроники Малалы или Иоанна Антиохийского. Часть его текста была более исправна, чем текст Малалы, но и он во многих отношениях заставляет желать лучшего.

Прокопий Кесарийский, знаменитый историк Юстинианова века, его льстец и обвинитель, сообщает о борьбе между эфиопами и химьяритами.[34] Он считает, что особенно большое значение имели торговые сношения по Красному морю, отмечая положение иудейских купцов на острове Иотабе и в городах Аил, Газа, Петра. Значение караванной торговли арабов между Палестиной и Аравией Прокопий оценил справедливо.[35] На

[30] *Halévy J.* Examen critique... P. 169.
[31] Chronicon ps.-Dionysianum. P. 54.
[32] *Halévy J.* Examen critique... P. 172.
[33] Ibid. P. 178.
[34] Procopii Caesariensis Opera omnia / Recog. I. Haury. Lipsiae, 1905—1908. Vol. 1—3; *Procopius.* De bello persico I, 19—20.
[35] Ibid.

этом общем фоне для него разыгрываются и события в Химьяре в начале VI в., как и в дальнейшем, в период Юстиниана, когда представителем аксумитов на Аравийском полуострове был Абраха,[36] известный как Малале, так и хронике Табари. Сведения Прокопия достойны внимания как полученные из первых рук.

Для датировки кушито-химьяритских войн может быть привлечено стихотворение Иоанна Псалтеса из Бет-Автонии, написанное на греческом языке. В подлиннике оно до нас не дошло, но между 522 и 526 гг., еще при жизни автора, умершего в 538 г., его перевел на сирийский язык Павел Эдесский. В 675 г. это стихотворение, посвященное Неджрану, вторично сверил с греческим оригиналом Иаков Эдесский.[37]

И. Галеви обратил внимание на противоречие, которое существует между стихотворением и заголовком. Стихотворение кратко и не содержит исторических данных. Заголовок, написанный, по мнению этого критика, позднее,[38] называет царя химьяритов царем арабов, Масруком. Имя это известно теперь и по Книге химьяритов, памятнику вполне достоверному.

Наименование Масрука царем арабов говорит о том, что к VII в. имя химьяритов могло быть забыто или мало говорило современникам, так как наиболее вероятно, что заголовок к стихотворению был написан на сирийском языке Иаковом Эдесским, сверявшим этот перевод.

Наиболее важные сирийские источники — послание Симеона Бетаршамского и Книга химьяритов и тесно связанное с ними греческое Martyrium St. Arethae — рассмотрены ниже. Кроме соответствующих глав истории Иоанна Эфесского, разобранных выше, следует отметить послание Иакова Серугского.[39] Плодовитый сирийский писатель был современником кушито-химьяритских войн, и его послание имеет характер увещания и утешения жителям Неджрана. В начале послания Иаков так говорит об испытаниях неджранитян, что не остается сомнения в том, что испытываемые ими притеснения не закончились, а еще длятся.[40]

Иаков Серугский умер в конце ноября 521 г. Так как поход эфиопского царя относится к 522 г. (по свидетельству Козьмы Индикоплова), а по другим источникам известно, что зима помешала аксумитам прийти на помощь Неджрану, то осенние и зимние месяцы 521 г. были временем, когда Масрук Зу-Нувас находился под стенами этого города. Этим объясняется и то, что в представлении Иакова Серугского Неджран все еще находится под угрозой Зу-Нуваса.

[36] Ibid.
[37] *Schröter R.* Trostschreiben Jacob's von Sarug an die himjaritischen Christen // ZDMG. 1877. Bd 31. S. 400—405.
[38] *Halévy J.* Examen critique... P. 26.
[39] *Schröter R.* Trostschreiben... S. 360—399.
[40] Ibid. S. 270, 286.

Среди сирийских источников в ближайшее к событиям время составлены два сочинения — послание Симеона Бетаршамского[41] и недавно открытая А. Мобергом Книга химьяритов.[42] Они тесно связаны с третьим источником, греческим Martyrium St. Arethae.[43]

Из всех многочисленных источников по истории химьяритов в первой половине VI в., по моему мнению, три источника связаны с устной и письменной традицией, полученной в одном и том же месте, Хирте Наамановой, центре арабов-лахмидов, от одних и тех же лиц: 1) послание Симеона Бетаршамского, 2) Книга химьяритов и 3) сообщения Авраама, отца Нонна, записавшего их. Эта группа источников должна быть подвергнута анализу в первую очередь.

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНА БЕТАРШАМСКОГО

Симеон, епископ Бетаршама, известен в сирийской литературе как автор трех посланий; одно послание связано с внедрением в Сирии монофизитства, два других трактуют о событиях, происходивших у химьяритов. Симеон принадлежал к числу лиц, черпавших свои сведения из первых рук, так как он был в самой гуще событий религиозной и политической жизни Передней Азии. Перс родом, он был хорошо образован, начитан в «писании», был горячим спорщиком, ревностно защищавшим доктрину монофизитов. Биограф Симеона, Иоанн Эфесский, считал особой заслугой его неустанную борьбу с учениями Мани, Маркиона и гностика Бердесана, имевшими тогда широкое распространение.[44] Центром всяких «ересей», особенно несторианства, была «школа персов» в Эдессе, продолжавшая затем свою деятельность в Низибии. Симеон много путешествовал, бывал в разных местах, переходя «от народа к

[41] *Guidi I.* La lettera di Simeone vescovo di Beth-Aršam spora i martiri omerite // Memorie della classe di scienze morali, storiche e filologiche. Ser. 3-a. Roma, 1881. Vol. 7. P. 1—32 (далее: La lettera).
[42] *Moberg A.* The book of Himyarites.
[43] Martyrium St. Arethae. P. 721—760.
[44] *John of Ephesus.* Lives of the Eastern Saints / Ed. E. W. Brooks. Paris, 1923—1925 (PO. T. 17—19). P. 138—139 (далее: *John of Ephesus*).

народу, из государства в государство».[45] Неоднократно посетив Ктесифон, столицу Персидского государства, он был своим человеком и в Хирте, центре арабов-лахмидов.

Симеон, человек даровитый, знал (по свидетельству Иоанна Эфесского, быть может, несколько превеличенному) много языков, благодаря чему с легкостью мог говорить и проповедовать на языке той страны, «в которую приходил».[46] Ф. Перейра считал, что Симеон знал арабский язык, но не был знаком с языком химьяритов.[47] Он трижды был в Константинополе; во время своего третьего пребывании он собирался оттуда в Рим, но этому помешала его смерть. При смерти этого глубокого старца в столице Византии присутствовал другой страстный сторонник монофизитства, биограф Симеона, тогда еще молодой Иоанн Эфесский.[48]

Послание Симеона, написанное по поводу абиссино-химьяритской борьбы и мученичеств Неджрана, дошло в нескольких списках: в рукописи Британского музея и в рукописи Борджианской библиотеки Ватикана.[49] Оно вошло в третью часть хроники Дионисия Телльмахрского, который переписал его у Иоанна Эфесского, и в кратком виде сохранилось в хронике Захарии Митиленского.

Послание Симеона Бетаршамского обращено — как и предшествующее, утерянное его послание, на которое он ссылается, — к Симеону, архимандриту Габулы. Сведения свои Симеон Бетаршамский получил во время пребывания в Хирте, где он энергично действовал: обратил в христианство большое число арабов, убедил «знатных» построить христианскую церковь в Хирте и неоднократно ее посещал.[50] «20 числа месяца кануна второго 835 г.», т. е. 20 января 521 г., Симеон Бетаршамский в сопровождении священника Авраама-бар-Еупороса выехал из Хирты Нааманової. Авраам был послан императором Юстином I к Мундару царю Хирты, чтобы заключить мир с ромеями.[51] Этот Авраам известен и по другим источникам. Во фрагменте утерянного сочинения Нонна, сохранившемся в «Библиотеке» патриарха Фотия (IX в.), сообщается, что отец Нонна, Авраам, был послан при императоре Юстине I к Аламундру, арабскому царю, т. е. к ал-Мундару. Авраам должен

[45] Ibid. P. 154.
[46] Ibid. P. 155.
[47] *Pereira F. M. E.* Historia dos Martyres de Nagran. P. XXIII—XXIX.
[48] *John of Ephesus.* P. 138, 155, 157.
[49] *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 145.
[50] *John of Ephesus.* P. 140.
[51] La lettera, 1.

был способствовать освобождению военачальников Тимострата и Иоанна, захваченных персидскими арабами в плен.[52] Авраам греческого историка и Авраам-бар-Еупорос послания Симеона Бетаршамского — одно и то же лицо. Часто бывавший в Константинополе, Ктесифоне, Хирте, Симеон был желанным спутником для византийского посланца. Вся обстановка, описываемая Симеоном, носит черты исторической действительности. Так как лахмид Мундар, царь персидских арабов, находился не в городе, а в лагере, раскинутом в пустыне «против гор, называемых Дахла, а на арабском языке Рамлах», то туда отправились и Авраам с Симеоном.[53] Через 10 дней пути они прибыли в лагерь, где их встретили «арабы-язычники и маадеи». Арабское племя маадеев упоминается (наряду с племенами кинди) в качестве подчиненного шейху Кайсу.[54] Эти арабы насмешливо сказали приехавшим: «Что вы можете сделать? Вот ваш Христос изгнан от ромеев, персов и химьяритов». Вслед за тем они встретили посла, который привез Мундару письмо от царя химьяритов. Симеон предполагал дать в качестве документа это письмо царя химьяритов, Масрука Зу-Нуваса, которого он, впрочем, по имени не называет. Однако приведенный им документ не может быть аутентичным, так как он компрометирует Зу-Нуваса и прославляет добродетели замученных им граждан Неджрана. Но существование самого письма не вызывает сомнений, так как в Книге химьяритов заголовок пропавшей 25-й главы гласит: «Рассказ, сообщающий о содержании написанного Масруком Мундару бар Закика, царю Хирты Нааманової, против христиан».[55] В послании Симеон добавил, что «не все это написал царь химьяритов в своем письме», но что «многое было ему рассказано вернувшимся от химьяритов посланцем».[56]

Симеон живо передает реакцию Мундара на это письмо. Сам язычник, ободренный царем химьяритов, он с угрозой обратился к арабам-христианам своего войска. Но они резко ответили: «Мы стали христианами не в твое время».[57]

При чтении письма Зу-Нуваса присутствовали упомянутый посол царя Юстина I Авраам-бар-Еупорос и Мар Саргис (или Гиваргис), епископ Русафы (Ресафы, Расафы). О последнем придется еще говорить как об авторе Книги химьяритов. Роль

[52] Nonnosi fragmenta. P. 173.
[53] La lettera, 2; Chronicon ps.-Dionysianym, p. 58.
[54] Nonnosi fragmenta. P. 174.
[55] *Moberg A.* The book of Himyarites. P. 5, CIII.
[56] La lettera, 7.
[57] Ibid., 8.

и значение Авраама как представителя Византии отмечает Симеон тем, что находит нужным выразить ему благодарность за поддержку, которую тот оказал «нашей стороне», т. е. монофизитам.[58] Мы имеем здесь прямое свидетельство тому, что Юстиниан поддерживал монофизитство на Востоке, вопреки своей официальной столичной политике, которая велась им в интересах православия, ортодоксии.

Следующая часть послания Симеона составлена на основании устного источника. По возвращении в Хирту Нааманову из лагеря Мундара весной того же 524 г. (в понедельник первой недели великого поста) Симеон встретил человека, только что побывавшего в Неджране. Он был послан туда группой христиан-химьяритов, находившихся в Хирте, с тем чтобы привезти им сведения обо всем там происходившем.[59] С его слов записано мученичество Арефы — Харита и других: молодой женщины, имевшей трехлетнего сына, Румы и ее дочерей и пр.

В заключительных страницах Симеон объясняет причину, побудившую его написать это послание, и цель, которую он преследует. Необходимо было, по его мнению, чтобы события в Неджране стали широко известны. Через бежавших в Египет епископов-монофизитов, которых изгоняли сторонники халкидонского вероисповедания,[60] вести должны были дойти до александрийского патриарха. Симеон желал, чтобы об этом знали все «города верующих», т. е. монофизитов, к которым он причисляет Антиохию, Тарс, Киликию, Кесарию Каппадокийскую и Эдессу, а также сторонники других религиозных направлений.[61] «Царя и его знатных», т. е. византийского императора и его двор, было необходимо убедить принять меры против иудейских первосвященников Тивериады, с тем чтобы они прекратили сношения с химьяритами, не посылали им влиятельных лиц и писем. Известная сумма, по мнению Симеона, могла бы удовлетворить царя химьяритов и удержать его от дальнейших преследований христиан.

Заключительные строки Парижской рукописи[62] принадлежат переписчику, который прибавляет, что он узнал от «побывавших в той стране», что кушиты расправились с царем химьяритов, бросив его в море, а воцарился царь по имени ал-Фарна.

[58] Ibid., 1; Chronicon ps.-Dionysianum. T. 2. P. 57.
[59] La lettera, 8; Chronicon ps.-Dionysianum. T. 2. P. 63.
[60] Т. е. вероисповедания, утвержденного Халкидонским вселенским собором.
[61] La lettera, 14.
[62] Ibid., 15.

Таким образом, послание Симеона Бетаршамского не было лишь литературным произведением, оно преследовало практические цели, имевшие значение для Симеона, так как химьяриты и Хирта Нааманова находились в то время под монофизитским влиянием, которое Симеон стремился всячески упрочить. Послание написано под живым, непосредственным впечатлением, полученным в Хирте. Несообразности в переданном им письме Масрука (Зу-Нуваса) к Мундару объясняются тем, что он приводил его на память и включил в него части рассказа посланца, возвратившегося от химьяритов. Страстный темперамент автора сказался и в этом случае в его неровности, преувеличениях, неправдоподобии отдельных фактов, искаженных им и его свидетелями-очевидцами.

Подлинность послания Симеона никогда не вызывала сомнения у Т. Нельдеке и И. Гвиди, тем более что Мученичество Арефы на греческом языке подтверждало фактические данные этого послания, а с опубликованием Книги химьяритов оно приобрело абсолютно твердую почву.

КНИГА ХИМЬЯРИТОВ

В 1924 г. этот замечательный памятник был издан А. Мобергом, которому посчастливилось его открыть в обложке одной сирийской рукописи. Писанная в два столбца четким яковитским почерком рукопись сохранила дату, которая оставлена переписчиком Стефаном, трудившимся над ней в крепости Кириатене «в храме святого Фомы». Он кончил ее 10 нисана 1243 г. греков, т. е. 10 апреля 932 г. н. э.

Издателем дан тщательный и подробный анализ всех фрагментов рукописи и общего плана этого труда, до того времени неизвестного. Сопоставляя содержание Книги химьяритов с другими источниками об абиссино-химьяритский войнах, издатель пришел к выводу, что наиболее близко к нему стоит Martyrium St. Arethae, которое находится в прямой зависимости от Книги химьяритов.[63] Различия следует отнести за счет разных заданий, которые ставили себе целью эти памятники, так как Мученичество стремилось прославить Арефу и его товарищей как мучеников Неджрана, а Книга химьяритов задумана как историческое сочинение.

О фактах, которые упоминаются вышеназванными источниками, сообщает и послание Симеона Бетаршамского, обна-

[63] *Moberg A.* The book of Himyarites. P. XXVI—XXXVI.

руживающее, однако, значительные расхождения с Книгой химьяритов. Это следует отнести не только за счет того, что оба памятника опирались на устную традицию, в основном одну и ту же, в подробностях же различную. Несомненно, что Книга химьяритов располагает неизмеримо более подробными данными, чем послание Симеона, не говоря о ее безусловных литературных и архитектонических преимуществах.

Содержание и план Книги химьяритов, сохранившейся лишь фрагментарно, могли быть восстановлены благодаря уцелевшему оглавлению к ней. Имя автора Книги химьяритов остается неизвестным, оно не сохранилось в этом памятнике. Автор располагал сведениями, полученными от современников абиссино-химьяритских войн, и его задачей было составить описание «из многих рассказов» относительно событий, имевших место в «стране химьяритов» еще «до увенчания славных», т. е. до гонения на химьяритов-христиан. Сведения автор получил от верных людей из числа химьяритов, которые были свидетелями и очевидцами первой экспедиции кушитов (абиссинцев) в Йемен. О втором вторжении кушитов автор узнал от других лиц, которые также прибыли с их войсками к химьяритам и были очевидцами всего там происходившего.[64] Таким образом, автор указывает на устные источники, которые были им использованы, — рассказы очевидцев — и на современников событий, происходивших у химьяритов. Своих свидетелей он называет не только людьми «верными», т. е. верующими, но и людьми «блаженными», т. е. beati, μακάριοι, обычное название христианских клириков и монахов; следовательно, эти лица принадлежали к христианскому клиру химьяритов. Помимо того, автор ссылается еще на одного свидетеля, имя которого он сохранил, — на Абдаллах бар Аф'у. Последний, сын одного из известных «глав», т. е. шейхов, не только был знатным человеком, но и занимал некоторое административное положение. Характерно для того времени, что Абдаллах был христианином, а отец его Аф'у — язычником.[65] Когда Абдаллах просил разрешения у царя Масрука, гонителя, похоронить мучениц Елишбу и Аммай, то тот не разгневался на него, но сказал: «Ради отца твоего Аф'у, поди выкопай [могилу] и похорони их»,[66] и когда Абдаллах уходил, Масрук подозвал его и повторил свое разрешение. Это подтверждает значение Аф'у при дворе Масрука. В другом месте автор называет этого Аф'у

[64] Ibid. P. 56-b.
[65] Ibid. P. 23-b.
[66] Ibid. P. 24-a.

«старцем почтенным и известным главой» и сообщает, что он принял христианство: «Мы окрестили его в той церкви истинно верующих, которая есть в Хирте Нааманової, с большим торжеством, пока мы еще были там».[67] Таким образом, и Абдаллах, и его отец Аф'у были хорошо известны автору и по своему положению могли быть хорошо осведомлены в делах Химьяритского государства. Об Абдаллахе автор добавляет, что он выше о нем уже писал (эта часть книги до нас не дошла),[68] Абдаллах не только рассказал о диаконисах Елишбе и Аммай, но составил список и других неджранских мучеников и мучениц. Автор называет еще одного свидетеля, носившего то же самое имя — Аф'у, зятя мученицы Хабсы, мужа ее сестры. События, связанные с их именами, имели место до второй экспедиции кушитов, так как Аф'у не посмел достать и сохранить останки мучениц — Хабсы и Хаяи. Он опасался так поступить, чтобы не подвергнуться каре со стороны враждебных им химьяритов, которые тогда «еще правили той страной». Аф'у рассказал и написал «нам» (т. е. автору книги) подробности относительно своей свояченицы Хабсы и ее сподвижницы Хаяи.[69] Таким образом, из письменных источников, названных автором, он сам упоминает список имен, полученный им от Абдаллаха, и материалы от Аф'у, зятя Хабсы. Не исключена возможность, что автор пользовался еще и другими источниками, сведения о которых он, может быть, и сообщил в утерянной части своей книги.

Автор не был постоянным жителем Хирты и лишь в течение некоторого времени находился в столице государства лахмидов; он принял участие в обращении и крещении знатного химьярита Аф'у, отца Абдаллаха, следовательно, был клириком.[70]

А. Моберг высказал очень интересное предположение относительно того, кто мог быть автором Книги химьяритов, — предположение, являющееся весьма вероятным. Симеон Бетаршамский в своем послании упоминал об одновременном с ним пребывании в Хирте епископа Русафы, по имени Саргис (или, по другим спискам, Гиваргис). Русафа или Sergiopolis упоминается и в греческом Martyrium St. Arethae, куда это имя, по предположению Моберга, попало как раз из утраченной части Книги химьяритов.[71] Сергий (Георгий) Русафский и является,

[67] Ibid. P. 23-b.
[68] Ibid. P. 23-a.
[69] Ibid. P. 35-b.
[70] Ibid. P. 23-b.
[71] Ibid. P. LXVI.

по мнению А. Моберга, автором Книги химьяритов. Если Симеон оставался в Хирте кратковременно, то Сергий (Георгий) из Русафы оставался там дольше. Возможно, что в Хирту прибывали беглецы из области химьяритов; они привозили еще дополнительные сведения.[72] В их числе мог быть и отец «юноши» Абдаллаха — химьярит Аф'у, который был торжественно окрещен в Хирте, в храме «верующих истинно», т. е. монофизитов. Одновременное пребывание Симеона Бетаршамского и автора Книги химьяритов в Хирте прекрасно объясняет то общее, что есть в составленных ими столь различных литературных памятниках. Их общим устным источником и были сведения, полученные в Хирте. Объясняется этим и литературная независимость послания Симеона от Книги химьяритов, установки которых были различны.

Оба памятника использовали один и тот же письменный документ, а именно — послание Масрука (Зу-Нуваса) к лахмиду Мундару, но использовали его различно. Несомненно, что епископ Бетаршамский присутствовал и при чтении этого письма Зу-Нуваса (Масрука), и при рассказе гонца, как и упомянутый нами Саргис, епископ Русафы. Находилось тут же и еще одно лицо, к роли которого придется в дальнейшем вернуться, — Авраам-бар-Еупорос.

Русафа была центром, куда съезжались из Сирии для торговых дел. Там происходила большая ежегодная ярмарка, на которую собиралось множество людей. В построенном там христианском храме находились останки мученика Сергия.[73] Расположенная на пути, идущем из Пальмиры на север, несколько уклоняясь на восток, к Евфрату, к селению Сура и далее к Каллиникусу (Ракке), Русафа была также пунктом, куда съезжались в определенное время года шейхи арабских племен Сирии со своими войсками. В Русафе было назначено свидание гассанида Мундара с представителем Византии для переговоров при императоре Юстине II.[74] Епископ Русафы возглавлял широкие круги арабов-христиан и пользовался в их среде авторитетом; поэтому понятно его присутствие в Хирте, куда он сопровождал византийского посла Авраама. Если Книга химьяритов принадлежит перу епископа Русафы, то подлинность ее совершенно несомненна. По своему содержанию этот памятник также не вызывает сомнения; он был написан около 525 г. н. э. преимущественно на основании устной традиции и некоторых записей современников, знакомства с письмами Зу-Нуваса (Масрука) к Мундару лахмиду. Автор привнес в свой труд и некоторые данные о прошлом химьяритов, об их истории.

[72] Ibid. P. LXV.

[73] *Spanner H., Guyer S.* Rusafa, die Wallfahrtsstadt des heiligen Sergios. Berlin, 1926; *Dussaud R.* Topographie historique de la Syrie antique et mediéval. Paris, 1927. P. 253—254; *Sauvaget J.* Les Gassanides et Sergiopolis // Byzantion. 1939. Vol. 14. P. 115—130.

[74] *Иоанн Эфесский.* История, III, кв. 6, гл. 4 // *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 121—122 (в русском переводе с сирийского) (ТИВАН. Т. 41).

Ряд фактов, сообщаемых в Книге химьяритов, отвечает сообщениям Мученичества Арефы и послания Симеона Бетаршамского; другие, новые сведения отвечают всей исторической обстановке того времени (о торговых и культурных связях Йемена с Тивериадой, о внедрении иудейства и христианства в Южной Аравии). Сведения сирийских писателей совпадают с традиций арабской, представленной у Табари, как, например, о химьярите Зу-Язане.

Имена собственные, приводимые Книгой химьяритов, подтверждаются, с одной стороны, химьяритскими надписями, с другой — арабской историографией. Тот же памятник говорит, что один из культурных путей в Южную Аравию шел через Хирту Нааманову, другой — через Мекку и Медину. Наконец, особенно очевидными становятся связи между Абиссинией и Йеменом и давление, оказанное Ираном и Византией на обе эти страны.

В новых данных и следует видеть одно из достоинств Книги химьяритов, в зависимости от чего необходимо пересмотреть историю химьяритов в V и VI вв. и по-новому разрешить ряд ее проблем.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ АРЕФЫ

Выше было уже указано на тесную взаимозависимость (как по плану, так и по содержанию) Книги химьяритов и Martyrium St. Arethae.[75] Этот греческий источник точно датирует события, о которых он сообщает, сопоставлением даты антиохийского летосчисления — 835 г. (523 г., так как указан октябрь месяц) со 2-м индиктионом в царствование императора Юстина и списком епископов разных городов. Исследование, эфиопский текст и его перевод даны в прекрасной работе Ф. Перейры.[76] В мартирологе имеется ряд исторических спра-

[75] *Boissonade J. F.* Anecdota graeca. Parisiis, 1833. Vol. 5. P. 1—62; Martyrium St. Arethae. P. 721—760.

[76] *Pereira F. M. E.* Historia dos Martures de Nagran.

вок, например о названии Саба и соответствии его «Счастливой Аравии», о расположении Неджрана и других городов, о торговле и торговых путях, справка о деньгах и их весе у химьяритов.

При значительной зависимости Мученичества Арефы от Книги химьяритов нет, однако, оснований относить и эти сведения справочного характера за счет несохранившихся ее частей, тем более что они имеют много общего со сведениями Козьмы Индикоплова, Малалы, Нонна, Прокопия Кесарийского, представляющими светскую и историческую струю в материалах, которыми располагали в Византии об Аравии и Эфиопии. Само изложение Мученичества содержит подробности исторического характера, позволяющие дать углубленный анализ фактам. В нем следует также отметить знакомство с направлением официальной византийской политики и стремление поддержать ее престиж. Выступление Абиссинии было обусловлено обращением императора Юстина I, о чем умалчивают оба сирийских источника. Стремление сделать византийского императора защитником христианства и на Востоке входило в политические расчеты и было одним из способов поддержать авторитет Константинополя. Юстин обратился к Тимофею, епископу Александрийскому, прося его написать царю эфиопов; кроме того, сам Юстин обращался к Элесбоа и ставил в вину Зу-Нувасу не только гонения на химьяритов-христиан, но и его попытки восстановить против «ромейской религии» Ктесифон и Хирту. Для поддержки Юстин намеревался двинуть свои войска из Египта на юг.[77] Таким образом, византийское правительство явилось, по мнению автора Мученичества, вдохновителем похода против химьяритов, в котором действовал сборный флот.[78] Такая трактовка могла возникнуть в кругах, тяготевших к столичным политическим сферам, в противоположность провинциальному, сирийскому направлению.

Светские исторические данные в греческих источниках могли быть получены хронистами от византийских купцов и моряков, которые там побывали сами, по путям, описанным Козьмой Индикопловом. Кроме того, на греческом языке имеется фрагмент интересного источника, именно — книги Нонна.[79]

Нонн и отец его Авраам были послами Византии к эфиопам, химьяритам и арабам. Константинополь для сношений с

[77] Martyrium St. Arethae. P. 743, § 27.
[78] Ibid. P. 747, § 29.
[79] Nonnosi fragmenta. P. 178—180.

небольшими ближневосточными державами предпочитал располагать лицами, знакомыми с языком, обычаями и всей часто очень сложной обстановкой. При императоре Анастасии дед Нонна, отец Авраама, был послан к Хариту, арабскому царю. При императоре Юстине I сам Авраам был направлен к Мундару.[80] Симеон Бетаршамский говорит, что Авраам был направлен к Мундару, «чтобы заключить мир между персидскими арабами и ромеями».[81] Авраам присутствовал вместе с Симеоном и Сергием (Георгием) Русафским при чтении послания Масрука (Зу-Нуваса) к царю Мундару.[82] Так как Нонн свои сообщения почерпнул и из рассказов своего отца Авраама, то три лица, бывшие в Рамле, лагере царя Мундара, а затем в Хирте Нааманової в 524 г. н. э., оставили письменные записи или сообщения о событиях, свидетелями которых были или о которых слышали. Их рассказы были теми устными источниками, на основании которых созданы Книга химьяритов и Мученичество Арефы. Эти произведения связаны также с сообщениями Нонна или с другими византийскими источниками, близкими к тем данным, которые составили содержание книги Нонна из его личного опыта, сообщений его отца Авраама, а может быть, и деда Еупора. Этот источник Мученичества Арефы был светский, связанный с традициями торговых людей или дипломатических представителей Византии (сведения о монетах, мерах и пр.).

Однако Мученичество не лишено и больших ошибок, географических неточностей и даже сказочных подробностей (цепи в проливе между африканским и аравийским берегами), указывающих на то, что осведомленность его автора была далеко не полной. Расстояние от химьяритов до Абиссинии показано неправильно, без отчетливых географических представлений.

Автор Мученичества Арефы неизвестен, но он принадлежит к антиохийским кругам (летосчисление дано κατά δὲ Αντιόχειαν τῆς Συρίας), которые ориентировались на столицу и императора. Составлено оно едва ли позже 30-х годов VI в. Источниками Martyrium St. Arethae были Книга химьяритов и сведения светских греческих авторов, в частности — записи Нонна на основании сообщений его отца Авраама.

Таким образом, три хронологически ближайших ко времени абиссино-химьяритских войн источника: послание Симеона Бетаршамского, Книга химьяритов и Мученичество Арефы —

[80] Ibid. P. 179.
[81] La lettera, 7.
[82] Ibid.

почерпнули свои основные сведения в одном и том же географическом пункте — в столице арабов-лахмидов Хирте Нааманновой, и в одно и то же время — в 524 г., когда там было получено послание царя химьяритов Масрука и туда прибыли разные лица из южноарабских городов.

При изучении источников по истории борьбы за господство в южной части Красного моря и в караванных городах его побережья становятся очевидными заинтересованность Византии и ее роль в этом деле.

На события в Эфиопии и Химьяре в первой четверти VI в. были отзвуки на греческом языке в разных литературных жанрах. Этим событиям посвящены исторические хроники, путешествия, агиологические памятники и даже стихотворения. Греческие материалы тесно и глубоко связаны с сирийскими: их переводили, они взаимно влияли друг на друга, и поэтому изучать их можно лишь комплексно.

ИМЯ «РУС» В СИРИЙСКОМ ИСТОЧНИКЕ VI в. н. э.

Образование древнерусского государства Б. Д. Греков рассматривает как результат «длительного процесса».[1] В своих истоках история Руси является историей многочисленных славянских племен, известных под именем склавенов и антов. Советские историки и археологи приводят неопровержимые свидетельства существования длительного периода, когда славянские племена исторически формировались, образуя племенные объединения и государства.

Глубоко и ясно это доказал Б. Д. Греков в своих многочисленных исследованиях, результаты которых получили самое широкое распространение среди советских читателей. Письменные источники устанавливают значительное число фактов ранней истории славян. Это — сведения греческих и латинских авторов, представителей когда-то мощной Римской империи, в VI—VII вв. испытывавшей непрерывные нападения и поражения прежде всего от славянских народов, легко прорывавших ее границы.

Большинство данных относится к VI и VII вв. Б. Д. Греков подчеркнул значение этих сведений, правильно указав: «Вполне намеренно я остановился подробно на разборе этих известий, связанных с историей антов VI—VII веков, потому что речь идет ни больше, ни меньше, как о вопросе относительно первого большого государственного объединения русского народа».[2]

Не случайно, что именно в VI в. появляются сообщения о славянах и в исторических трудах на восточных языках. Сирийский язык занял к этому времени положение международного литературного языка на Ближнем Востоке. Труды сирийцев отразили глубокий кризис, сопровождавший бурную смену общественных формаций в Византийской империи. В период, когда обветшавший рабовладельческий строй уступал место новым формам феодальной эксплуатации, границы Византии находились в постоянной опасности от нападения славян.

[1] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. 3-е изд. М.; Л. 1939. С. 163.
[2] *Греков Б. Д.* Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л., 1945. С. 29.

Сирийцы сохранили живые и яркие сведения о славянах, полученные ими непосредственно. Так, Иоанн Эфесский (ум. в 586 г.), проживший немало лет в Константинополе, имел возможность получить о них сведения из первых рук и видеть отдельных представителей этого «могучего и храброго» народа воочию.

Сирийские исторические сочинения содержат немало сведений о народах СССР, и особое положение среди них занимает источник VI в., сохранивший имя народа, жившего за «Меотийским блатом», которое записано как «рус» (hrus).

Сирийская хроника псевдо-Захарии Митиленского является компилятивным трудом неизвестного сирийского автора, использовавшего не дошедший до нашего времени греческий оригинал истории Захарии Митиленского. Неоконченная седьмая, последняя, глава 12-й книги является самостоятельной припиской сирийца, которая была им составлена по селевкидскому счислению в 866 г. и в 28-м году царствования императора Юстиниана. Обе даты соответствуют 555 г. н. э.[3]

Сирийский автор имел намерение дополнить некоторыми новыми сведениями данные «географии Птолемея» о народах «в этой северной стороне». Относительно областей Месопотамии, в частности города Амида, где, по-видимому, была составлена эта приписка, Кавказ находился на севере. Список народов автор располагает «до Каспийских ворот» и «за ними». Судя по указанным в списке народностям, Каспийскими воротами автор называет Дербентские ворота. Сведения, сообщаемые автором, были им получены из устной традиции от лиц, имена которых он называет.

В январе 503 г. персидским царем Кавадом I был взят принадлежавший Византийской империи город Амид, и жители его были уведены в плен. Двое из них, Фома кожевник и Иоханан из Решайны, были проданы в качестве рабов гуннам. «Они отправились из пределов персидских в гуннские, пошли за ворота и оставались в их земле более 30 лет, взяли жен и породили там детей. Они вернулись в настоящее время и рассказали нам живыми словами следующее».[4] На этой устной традиции основано дальнейшее сообщение о полукочевой или кочевой жизни гуннов, которые жили «в палатках», у которых нельзя найти «покойного местопребывания». Среди «гуннов» было насаждено христианство. Епископ Арана по имени Кардост навестил пленных и оставался со своими спутниками у гуннов около 7 лет, причем они «выпустили там писание на гуннском языке», т. е. составили переводы христианских книг. Кардост пришел «к гуннам» через 34 года после захвата амидских пленников, т. е. около 537 г., а «писание» вышло, следовательно, около 544 г.

[3] Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta / Ed. E. W. Brooks. Parisiis, 1919—1924. T. 1—2 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 5—6). T. 1. P. 213—218 (далее: *Zacharias Rhetor*); *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 9—12, 80—81 (ТИВАН. Т. 41).

[4] *Zacharias Phetor.* P. 215; *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники... С. 166.

Этому рассказу, подлинность которого несомненна, предшествуют краткие сведения о народах, живущих на Кавказе, «до Каспийских ворот» и за ними. К названным Птолемеем «сарматам, скифам и серикам» добавлены сведения о «верующих пяти народах», т. е. принявших христианство и насчитывающих 24 епископа. В представлении автора приписки народы этих пяти христианских областей — Армении, Гурзана (Грузии), Арана, Сисгана и Базгуна — живут до «Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских». Последняя из названных — земля Базгун (абазгов) простирается до Каспийских ворот. «За воротами», следовательно в «гуннских пределах», живут «бургары» — «народ языческий и варварский», «аланы», которые имеют пять городов, жители «пределов Даду», что живут в горах, и «авнагур» — «народ, живущий в палатках».[5] Затем следует перечисление 13 народов, имена которых известны и по другим источникам как греческим, византийским, так и сирийским (легенда об Александре Македонском, «Книга пчелы»). Достаточно уделить внимание сопоставлениям латинского перевода с сирийским текстом, чтобы убедиться в том, что сведения о гуннских народах заслуживают полного доверия.[6] Имена, приведенные в сирийской приписке, подтверждаются данными Приска Панийского, Агафия Миринейского, Прокопия Кесарийского, Менандра, Иордана, Феофилакта Симокатты. Поименованные греческие авторы, за исключением Приска, были современниками или писали после автора приписки 555 г. Это справедливо и для времени составления «Книги пчелы», и для сирийской версии «псевдо-Каллисфена.

[5] *Land J. P.* Aardrijkskundige fragmenten uit de syrische Literatuur // Verslagen en Mededeelingen der Koninklijke Akademie. 3. Reeks. 3 Deel. Amsterdam, 1887. S. 184; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 174; *Златарски В. Н.* История на първото българско царство. София, 1918. Ч. 1. С. 34—36; *Hommel F.* Ethnologie und Geographie des Alten Orients. München, 1926. S. 208; *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939. Кн. 6. С. 110—111.

[6] *Marquart J.* Osteuropäische... S. 44—47; *Zacharias Rhetor.* P. 144—145.

Перечисление «гуннских народов» было внесено на основании современных сирийскому автору сведений, новых по сравнению с географией Птолемея и, весьма вероятно, почерпнутых из того же устного сообщения амидских пленников, которые провели «за Каспийскими воротами», «в гуннских пределах», больше полувека. Вслед за перечислением 13 народов упомянуты «амазраты» и «люди-псы». Имя первых исследователи рассматривают как название карликов, людей длиной в локоть astzarte.[7] Что касается людей-псов, то это κύνηες или κυνήσιοι, о которых упоминал еще Геродот, помещавший их в западных областях Европы, где они граничили с кельтами.[8]

«На запад и на север» от амазратов и людей-псов находятся «амазониды, женщины с одной грудью, они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях» — сообщает сирийский источник. Сказание об амазонках прослеживается на протяжении веков, оно имеет свою историю, постоянно привлекавшую внимание исследователей.[9] Впервые приводит его, по-видимому, Геродот,[10] по сведениям которого амазонки жили между Танаисом (Доном) и берегами Меотийского озера (Азовского моря). Они были ближайшими соседями скифов, обладали воинственными навыками, ездили на конях, стреляли из луков и жили без мужчин. От браков амазонок со скифами произошли савроматы (οἱ Σαυρομάται), жены которых сохранили их обычаи.

По сирийскому источнику, несомненно, известна была другая традиция, которую дает Гиппократ. Не называя имени амазонок, он писал: «В Европе же есть народ скифский, живущий у Меотийского озера, отличающийся от других народов, называемый савроматы. Женщины ездят верхом, стреляют из лука, с лошадей бросают дротик и ведут войну, пока они девушки. Они не имеют правой груди (τὸν δεξιὸν δὲ μαξὸν οὐκ ἔχουσι), потому что матери еще в младенческом возрасте выжигают им

[7] Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor / In deutscher Übersetzung von K. Ahrens und G. Krüger. Leipzig, 1899. S. 382; *Marquart J.* Osteuropäische... S. 356.

[8] Herodoti historiarum libri IX // Ed. H. Kallenberg. Lipsiae, 1894. IV, 49. S. 342; II, 33. S. 142. Обращает на себя внимание, что в списке народов северо-западной Европы у Птолемея после народов, населяющих Сарматию, названы Σαβώκοι, Σαβόκοι (*Claudii Ptolemaei.* Geographia, 1, III, cap. 5, § 20 / Ed. C. Müllerus. Parisiis, 1883. Vol. 1. P. 425). Не славянизированное ли это название людей-псов, κυνήσιοι?

[9] *Косвен М. О.* Амазонки. История легенды // Советская этнография. 1947. № 2. С. 33—59; № 3. С. 3—52 (приведена обширная литература об амазонках).

[10] Herodoti historiarum, libr. IV, 110—117. S. 369—372.

каленой медью правую грудь, чтобы вся сила, все соки шли на укрепление правой руки, необходимой в бою».[11]

Хорошо известна деятельность сирийцев в качестве врачей, для чего они не только широко пользовались трудами Гиппократа и Галена, но и переводили их на сирийский язык, а позднее и на арабский. В первой половине VI в., благодаря кипучей деятельности знаменитого сирийского врача Сергия Решайнского, Corpus Galeni в основной своей части был переведен на сирийский; были переведены также отдельные сочинения Гиппократа и Аристотеля. Таким образом, и до 555 г. сирийцы располагали переводами трудов выдающихся греческих врачей, в которых упоминалось об амазонках.

В этом отношении большой интерес представляет деятельность врача Хунайна ибн Исхака (809—876). Книга Гиппократа о воздухе, воде и местожительстве, содержащая сведения об амазонках, была переведена Хунайном на сирийский язык для врача Салмавайха (ум. в 839—840 г. н. э.). Хунайн составил краткий комментарий к этой книге Гиппократа, но не окончил его. Он же перевел эту книгу и на арабский язык для Мухаммеда ибн Мусы.[12] Сирийцам было известно и толкование Галена на эту книгу Гиппократа, сохранившееся лишь в латинском переводе.[13] Но тот же Хунайн сообщает, что Хубайш перевел это толкование Галена на арабский язык для того же Мухаммеда ибн Мусы.[14] К тому же об амазонках Гален упоминает и в других своих трудах, как, например, в комментарии на афоризмы Гиппократа.[15]

На широкое распространение сообщений об амазонках в сирийской литературе указывает приукрашенная традиция в истории псевдо-Каллисфена, где амазонки рассказывают о себе в письме к Александру.[16] В христианской легенде об Александре, где также перечислены различные гуннские народы, как и в приписке псевдо-Захарии, имеется сообщение об амазонках,

[11] Hippocratis Opera, I, § 17 / Ed. Heiberg. Lipsiae, 1927.

[12] *Hunain ibn Ishaq.* Über die syrischen und arabischen Galen. Übersetzungen / Hrsg. von G. Bergsträsser // AbhKM. 1925. Bd 17, N 2, текст с. 43 (§ 99), перевод с. 35; *Пигулевская Н. В.* Сирийский врач Сергий Решайнский // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1949. № 98. Серия востоковедческих наук. Вып. 1. С. 52—53.

[13] Galeni in Hippocratis de aere, aquis et locis commentarii II: ...latino tantum exstant, interprete Hose Alatino, medico Hebreo... Cl. Galeni Opera omnia / Ed. C. G. Kühn. Lipsiae, 1821. T. 1. P. CLXXVI.

[14] *Hunain ibn Ishaq,* текст с. 43 (§ 99), перевод с. 35.

[15] Cl. Galeni Opera omnia. T. 13. P. 148, 603.

[16] *Budge E. A. W.* The history of Alexander the Great, being a syriac version of the Pseudo-Callisthenes. Cambridge, 1889, текст с. 226—231, перевод с. 127—130.

где они названы женами гуннов.[17] У сирийских авторов держится представление об амазонках как женщинах с одной грудью, что указывает на связь с традицией, первоначально идущей от Гиппократа и Галена. Не случайно, что и позже на Ближнем Востоке сообщение об амазонках связывается с именами этих выдающихся греческих врачей, как, например, у Мервази.[18]

Особый интерес в данном случае имеет вопрос, кого тот или иной источник считает мужьями амазонок. В различные времена назывались разные имена, но местожительство оставалось прежним — оно приурочивалось к реке Танаису и Меотийскому озеру. Во времена Геродота и Гиппократа здесь называют сарматов (савроматов). Птолемей (90—168 г. н. э.)[19] знает на побережье Меотийского озера язигов, роксолан, а «глубже того — амаксобиев и аланов скифов» (καὶ ἐνδοτέρω τούτων οἵ τε Ἀμαξόβιοι καὶ οἱ Ἀλανοί Σκύται).[20] Имена аланов и роксолан были объяснены и сопоставлены в научной литературе.[21] Традицию об амазонках Птолемей уже не признавал. В конце IV в. Аммиан Марцеллин писал, что «племя гуннов» «обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана». В его представлении это были дикие племена, кочующие в кибитках, примитивно одетые и примитивно питающиеся. Сами они точно «приросли к коням» и воюют конным строем, под предводительством своих старейшин. Он считает их «безобразными», «безбородыми» и страшными.[22]

Составитель сирийской христианской легенды об Александре упоминает о гуннах как мужьях амазонок и указывает, что некоторые из них имеют «голубые глаза».[23] По-видимому, и для него представление о мужьях амазонок связывалось не с «безобразными» гуннами, а с племенами, имевшими голубые глаза, хотя и называемыми общим именем гуннов. Но едва ли в этом можно видеть отклик представления об «иранских номадах» — сарматах, как думал И. Маркварт.[24] Такие ретроспективные представления не отвечают контексту легенды об Александре в целом.

Приписка 555 г. в сирийской хронике псевдо-Захарии также повторяет, что амазонки «отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю». Этим путем они имеют потомство, из которого они оставляют живыми лишь младенцев женского пола. Непосредственно за этим дана характеристика народа, находившегося в ближайшем соседстве с амазонками.

«Соседний с ними народ hrus (hros), мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей».[25] Соседями амазонок, местонахождение которых обычно приурочивается к южнорусским степям, являются, следовательно, рослые, сильные и пешие люди, народ, носящий имя hrus. Такими чертами описывают славян и антов другие писатели VI в., как Прокопий Кесарийский или Иоанн Эфесский. Для последнего, писавшего до 586 г., славяне еще недавно не знали никакого оружия, кроме двух-трех видов дротиков. На его памяти во второй половине VI в. они стали страшными, воинственными врагами, перед приближением которых трепетала византийская столица. Относительно славян в причерноморских областях справедливо указывал еще И. Нидерле, что новому народу давалось старое имя; так, споры — Σπόροι Прокопия есть сокращение имени Βόσποροι.[26] Это же имя известно и Иордану как «спали», с которым следует сблизить и русское «исполин», говорящее о богатырском сложении этого народа.[27] Имя народа hros в сирийском тексте привлекло внимание И. Маркварта, который ошибочно предполагал в нем неудачное сокращение имени герулов, отождествляемых им с розомонами.[28] Мне представлялось, что «в этом названии далекого, рослого, сильного народа следует искать имя Русь, народа, которому еще предстояло выйти на широкие исторические пути».[29] Делались попытки объяснить имя hros как соответствующее греческому οἱ Ῥῶς.[30] Это не отвечает обычно принятой сирийской транслитерации или транскрип-

[17] Ibid., текст с. 263, перевод с. 150—151.
[18] *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the turks and India, Arabic text (circa AD 1120). London, 1942. Libr. IX, § 20. P. 25; § 26. P. 38, 122.
[19] *Cl. Ptolemaeus.* Geographiae codex urbinag graecus 82 phototipice depictus, tomus prodromus; *Fischer J.* De Cl. Ptolemaei vita. Lipsiae, 1932. P. 20.
[20] *Cl. Ptolemaeus.* Geographia. III. S. T. 1. P. 422—423.
[21] Ibid. (примечания К. Мюллера).
[22] Ammiani Marcellini Rerum gestarum, 31, 2, 2—11 / Ed. V. Garthausen. Lipsiae, 1873. T. 2. P. 232.
[23] *Budge W.* The history..., текст с. 263, перевод с. 150.
[24] *Marquart J.* Osteuropäische... S. 360.

[25] *Zacharias Rhetor.* P. 215; *Пигулевская Н. В.* 1) Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. С. 115; 2) Сирийские источники... С. 166.
[26] *Niederle J.* Über die Σπόροι des Procopius // Archiv für slavische Philologie. 1901. Bd 23. S. 132—133.
[27] *Vernadsky G.* The spali of Jordanis // Byzantion. 1938. T. 13, 1. P. 265—266.
[28] *Marquart J.* Osteuropäische... S. 365, 382, 385.
[29] *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. С. 111.
[30] *Дьяконов А. П.* Известие псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. 1939. Кн. 4. С. 87.

ции греческих слов: сирийская транслитерация никогда не присоединяет определенного члена к слову, а опускает его.

Между тем если принять во внимание приведенные выше данные, то имеются основания считать, что имя hrus (hros) могло стать известным автору приписки 555 г. от вернувшихся из гуннских пределов после 50-летнего отсутствия амидян. Гуннские народы были христианизованы клиром, пришедшим из земли Аран, о которой говорится, что она «в той же земле Армении, со [своим] языком, с народом верующим и крещеным; у них есть царек, подчиненный персидскому царю».[31] Возвратившиеся амидяне должны были испытать некоторое влияние кавказских языков, в частности армянского, через традиционную транскрипцию которого прошло и имя hrus (hros). Буква *вав* в сирийском тексте, не имеющем огласовки и диакритических знаков, может читаться и как *о*, и как *у*, поэтому произношение имени может быть и hrus, и hros. Трудность для объяснения представляет то, что буква *h* в сирийском предшествует *r*. Широко известное на всех языках имя Рима, перешедшее потом для наименования Византии Roma, Ῥῶμα, передается в сирийском, как Rhoma, где *h*, следующее за *R*, передает густое придыхание, которое сопровождает Ῥ в греческом в начале слова. Между тем в армянском языке греческое Ῥῶμα транскрибируется как hroma, где густое придыхание *h* предшествует *r*. В таком написании и имя «Рус» (hrus) передано и в сирийском тексте псевдо-Захарии. Обычным для сирийской транскрипции было бы написание rhus, но, пронесенное через армянскую традицию, это имя соответственно и передано как hrus.

Поэтому никак нельзя согласиться с толкованием имени hros как сокращением имени Rukhs-As, т. е. «les As brillants». Это последнее имя образовано в подражание толкованию В. Миллера имени Roxolani, Rukhs alani — «les Allains brillants».[32] Это сопоставление неприемлемо не только потому, что оно чрезвычайно отдаленно и с большими натяжками может быть приложено к сирийскому имени hrus, но также потому, что несколькими строками выше наш источник упоминает алан в правильной транскрипции alanaie и сообщает, что у них имеется пять городов.[33]

О том, что славяне были хорошо известны византийским писателям, грекам и сирийцам, свидетельствуют не только упо-

[31] *Zacharias Rhetor.* P. 214; *Пигулевская Н. В.* 1) Сирийские источники... С. 165, 166; 2) Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. С. 114, 115.

[32] *Vernadskij G.* Sur l'origine des alains // Byzantion. 1942—1943. T. 16. P. 83—84.

[33] *Zacharias Phetor.* P. 214.

мянутые выше Прокопий Кесарийский, Иоанн Эфесский, но и сочинение Маврикия «Стратегикон», составленное не позднее начала VII в. В «Стратегиконе» не только сообщаются различные сведения о славянах, дается их характеристика, но приводятся даже общеславянские или русские слова. Так, описывая подвижной мост через реку, сделанный славянами, «Стратегикон» называет его πλωτάς, в винительном падеже множественного числа, от именительного падежа множественного числа πλωταί, соответствующее славянскому «плоты».[34]

Таким образом, можно говорить о том, что имя «Рус» было известно еще в первой половине VI в. и относилось к рослому и мощному народу, местом жительства которого считались области, лежащие по Дону, за Азовским морем. Сирийская приписка 555 г. отражала современные ей географические представления о расположении народов, в том числе и славян. Ее автору было известно имя «Рус» в транскрипции, принятой в кавказских языках, и нет надобности искать в нем испорченное имя герулов, розоменов ии роксолан. Имя «Рус» для племен, населявших южнорусские степи, оказывается засвидетельствованным еще в VI в. сирийской хроникой.

[34] *Mauricius.* Ars militaris libri duodecim, graece primus / Ed. J. Schefferus. Upsaliae, 1664. P. 277, 494.

ИСТОРИЯ МАР ЯБАЛАХИ III И РАББАН САУМЫ

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА

В те самые годы, когда венецианские купцы Поло проделали свое замечательное путешествие в Китай, два монаха, по происхождению уйгуры, родившиеся в Китае, направились с востока в далекое странствие на запад.

Если интереснейшие записки Марко Поло, как и двух католических миссионеров XII в. — Рубрука и Плано Карпини, стали широко известными, неоднократно издавались, переводились, а главное, использовались историками и географами, то «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» до настоящего времени очень редко привлекалась в качестве исторического источника. Между тем данные, содержащиеся в этом сирийском памятнике, представляют выдающийся интерес. Они значительно дополняют сведения названных путешественников о Китае и о путях, которые соединяли Восток с Западом.

«История» содержит богатый материал о политических событиях и жизни на Ближнем Востоке в конце XIII—начале XIV в., который перекликается со сведениями, имеющимися в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, знаменитого врача и визиря ильханов, казненного в 1318 г. Однако если Рашид ад-Дин, представитель феодальной верхушки империи Хулагидов, в своем труде воссоздает картину жизни придворных кругов и описывает политические события с точки зрения интересов своих повелителей, то сирийский памятник интересен тем, что показывает жизнь более широких социальных групп. Религиозная позиция и этническая принадлежность героев и автора также выделяли их из общей массы мусульманского населения.

Эти особенности сирийского источника привели к тому, что подбор фактов и их истолкование не совпадают не только с взглядами визиря Рашид ад-Дина, но и католических монахов Плано Карпини и Рубрука или венецианца Поло, для которых весь Восток был чуждым и малопонятным.

Сирийский источник повествует о том, что ему близко и хорошо известно, он написан представителем той части населения монгольской империи, которая особенно остро ощущала

последствия феодальных распрей, раздиравших государство ильханов.

Интерес к сирийской исторической литературе вообще, большое значение данного памятника, необходимость ввести его в более широкий научный оборот побудили нас дать русский перевод «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» (см. наст. изд. с. 677—755). Располагая переводом этого источника и необходимыми данными о его характере и происхождении, историки будут иметь возможность использовать его по ряду разделов и вопросов истории XIII—XIV вв.

Нельзя не отметить, что в комментариях и введениях к ранее изданным переводам особенно большое внимание было уделено клерикальным моментам, содержащимся в «Истории», тогда как общеполитические вопросы, сведения социально-экономического характера, данные исторической географии оставались мало использованными. Между тем для изучения социальной и политической жизни Ближнего Востока в период господства монголов, истории их сношений с государствами Западной Европы, для изучения истории Китая и Средней Азии наш памятник содержит весьма ценные сведения, которые не только подтверждаются материалами записок Марко Поло, «Летописью», составленной Рашид ад-Дином, подлинными документами переписки монгольских владык с западными государями, но и дополняют эти источники новыми фактами, дающими возможность осветить по-новому целый ряд вопросов, связанных с историей покоренных монголами стран Востока в XIII и начале XIV в.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ИСТОРИИ МАР ЯБАЛАХИ III И РАББАН САУМЫ»

«История мар Ябалахи III и раббан Саумы» охватывает период с 1245 по 1317 г. Географически история двух монахов начинается в Китае, в Пекине (Хабалыке — столице монгольского владыки Хубилай-хана), и в «городе Кошанге восточной земли», а заканчивается на Ближнем Востоке, в Маранге, близ озера Урмия. На протяжении всего повествования оба его героя прошли путь от Пекина до Багдада, пересекли весь азиатский материк по широте, а один из них, Саума, побывал в Византии, был в Риме, достиг Парижа и Бордо, а затем вернулся в Междуречье. Это было почти всей «подлунной», «обитаемой землей», земным кругом, который был известен в то время.

Содержание «Истории» вкратце сводится к следующему. В Ханбалыке, «столице земли восточной», жил несторианский клирик Шебан, в семье которого родился сын, названный Саума, вернее, Барсаума — «сын поста». Получив образование, он усердно занялся церковными науками и стал монахом. Оставив семью, он ушел из дома и поселился один в пещере на расстоянии одного дня пути от Пекина. Через несколько лет к нему присоединился юноша Маркос, сын архидиакона Байниэля из «города Кошанга восточной земли».

Около 1278 г. монахи решили, несмотря на дальность и опасность пути, отправиться в Иерусалим. Сначала они зашли в Ханбалык, чтобы «запастись пищей» и «найти спутников», затем в город Кошанг, где правили зятья Хубилай-хана — Конбогха и Ифогха, жившие в своей ставке за городом. Конбогха и Ифогха подарили монахам вьючных животных и много золота и серебра на дорогу.

Взяв подарки, монахи двинулись дальше, до города Тангута, где их встретили члены многочисленной несторианской колонии. Из Тангута путешественники направились через пустыню на Лулан (или Лотан). Они шли около двух месяцев с «великим утомлением» по безводной, лишенной обитателей солончаковой пустыне. Дальше их путь лежал на Кашгар, которого они достигли лишь через шесть месяцев. Причиной этого была междоусобная война между Хубилай-ханом и восставшим против него полководцем Охо (или О-хо). В ходе войны Кашгар был опустошен и разграблен, а его население бежало. Монахи сами едва спаслись от ограбления и плена.

В Таласе, куда затем прибыли монахи, правил хан Кайду, внук Угедея, который дал им охранные грамоты. Несмотря на это, они лишь с большими трудностями достигли Хорасана и остановились в монастыре мар Сехиона, близ города Туса, столицы Хорасана. Отдохнув здесь, путешественники направились в Адорбайган (Азербайджан), где в городе Мараге встретили главу несторианской церкви католикоса мар Денху. Католикос, узнав, что они пришли из столь далеких стран, чтобы поклониться Иерусалиму, дал им охранную грамоту, так как путники хотели «пойти в Багдад и побывать в монастырях области Бет-Гармай» и города Низибии. Им сопутствовал провожатый, посланный католикосом.

Обойдя ряд известных монастырей, связанных с историей несторианства, монахи купили себе отдельную келью в монастыре мар Михаила Тариэльского около Арбелы и поселились там. Но католикос мар Денха был недоволен этим, так как желал, чтобы они послужили «на пользу... общему миру». Поэтому он просил их отправиться к хану Абаге, сыну Хулагухана, и получить там для него, католикоса, специальные приказы, или грамоты, которые утверждали бы его в правах. Зная язык, нравы и обычаи монголов, Саума и Маркос легко выполнили это поручение. Они полагали далее отправиться в Иерусалим, но, достигнув Ани, вынуждены были вернуться ввиду опасного состояния дорог, находившихся в руках разбойников.

Мар Денха пожелал поставить Маркоса митрополитом Северного Китая, дав ему имя Ябалаха, а Сауму — своим представителем, главным периодевтом областей Востока. Несмотря на протесты монахов, Денха настоял на своем, и они вынуждены были, получив сан, отправиться вновь в дальний путь. Но дальше Амударьи они пройти не смогли и вернулись в свой монастырь около Арбелы.

Между тем католикос мар Денха заболел в Багдаде и умер, и на должность католикоса была предложена кандидатура Ябалахи. Последний отказывался от предложенного ему поста, ссылаясь на незнание сирийского языка и недостаток «знаний церковных». Однако в результате настояний клира Ябалаха вынужден был принять сан. Автор «Истории» указывает причину избрания Ябалахи: монгольские ханы «держали кормило правления всего мира», а никто не знал так, как Ябалаха, «обхождение с ними и их язык». Способность главы несторианского духовенства найти общий язык с монголами играла в то время для несториан бóльшую роль, чем его знание сирийского языка и церковных канонов.

Нельзя не отметить некоторых характерных черт. Если Ябалаха не знал сирийского языка, который был церковным языком несториан, то нет сомнения в том, что священные и литургические книги — во всяком случае какой-то минимум христианского канона — должны были быть переведены на тюркские языки. Фрагмент сиро-тюркской рукописи, найденный во время раскопок в Хара-Хото, указывает на то, что такая литература существовала.

Избрание Ябалахи было подтверждено как духовенством, так и «знатными, писцами и врачами Багдада», т. е. мирянами, которые были несторианами и принимали участие в жизни общины. Среди врачей Ближнего Востока сирийцы занимали выдающееся положение и веками удерживали его за собой, так как свою профессию они передавали по наследству — от отца к сыну или от дяди к племяннику. Широкой известностью и прочным положением могли похвастать и писцы-сирийцы, служившие при дворе Сасанидов, затем арабских халифов, сельджуков и, наконец, монголов.

Ябалаха получил права католикоса в 1281 г., после того как его избрание было утверждено ханом Абагой. В знак достоинства, полученного Ябалахой, Абага подарил ему небольшой трон-седалище и зонтик, называемый по-монгольски *сукор*. Кроме того, католикос получил золотую *пайдзу* — грамоту, утверждавшую его в правах, и большую печать, которая принадлежала предшественникам Ябалахи на патриаршем престоле.

После утверждения нового католикоса монгольским ханом он принял посвящение в древней церкви Бет-Коке, в столице сасанидских царей Ктесифоне. Перечисление присутствовавших на церемонии епископов указывает, в каких именно странах и областях Востока были несториане, а следовательно, и их колонии, в которых жили ремесленники и купцы, а также находились сирийские фактории.

Хан Абага богато одарил Ябалаху. Положительное отношение к несторианам некоторых монгольских ханов в отдельные периоды их правления объяснялось тем, что католикос представлял преимущественно городские слои несторианского населения, которые были значительной экономической силой в государстве.

Однако уже при Ахмеде, сыне Хулагу-хана, Ябалаха и Саума, ведавший канцелярией патриархии, впали в немилость, будучи заподозрены в симпатиях к сыну Абаги — Аргуну, сопернику Ахмеда. Несторианские клирики пережили тяжелые дни клеветы и преследований. В 1284 г., когда в Хорасане войска Ахмеда были разбиты и Аргун захватил престол, Ябалаха снова оказался в почете и был достаточно защищен, не пожелав преследовать своих врагов. Враждебные ему клирики были только лишены сана.

Хан Аргун относился к христианам благосклонно; его «любовь» к ним имела глубокие политические причины. Господствующий класс монголов стремился к новым захватам, на очереди стояли Сирия и Палестина. Но их завоевание не могло быть осуществлено без помощи «царей западных» (христиан). Монгольский хан считал возможным и желательным союз с ними, а также рассчитывал на оживление крестоносных традиций в Европе для выполнения своей цели. Аргун решил направить посольство на Запад и в качестве посла избрал Сауму. Были заготовлены грамоты для византийского императора и короля французского, приготовлены подарки, Сауме выдали «ярлыки» как представителю монгольского хана. Послал «подобающие дары мар папе» и Ябалаха. Саума получил пайдзу, а также 2 тысячи миткалей золота и 30 верховых животных.

Проехав до берегов Черного моря, Саума и его спутники прибыли затем морем в Константинополь. В «великом городе» посольству был отведен особый «двор». Саума был принят императором Андроником II (1282—1328), который «обласкал его и дал подарки из золота и серебра». Путешественники осмотрели все достопримечательности города. Особенно большое впечатление произвел на Сауму храм св. Софии.

Затем посольство двинулось «к франкам». Подробное описание путешествия сохранилось в «Истории». Оно основано на записях, которые вел Саума на персидском языке. Его наблюдения представляют живой интерес.

По дороге путешественники были потрясены видом огнедышащей горы. Речь идет, очевидно, об Этне или о Стромболи. Известно, что извержение сицилийского вулкана имело место 18 июня 1287 г., что соответствует примерно времени поездки Саумы.

После Неаполя, где Саума был у короля Карла II, он прибыл в Рим. Вследствие смерти папы Гонория IV (3 апреля 1287 г.) ему пришлось вести переговоры с кардиналами, так как новый папа еще не был избран. Они были удивлены сообщением Саумы, что он послан «монголами и католикосом Востока», что «восточные отцы» проповедовали христианство и успели обратить монголов, тюрок и китайцев и, наконец, что хан желает «взять Палестину и области Сирии». Но удивление, якобы вызванное этими сообщениями, вероятно, несколько преувеличено автором «Истории», ибо папский престол, как показано далее, располагал весьма основательными сведениями о событиях на Востоке, которые он получал через своих миссионеров и проповедников.

Не получив ответа в Риме, Саума двинулся в Тоскану и Геную, проехал затем Ломбардию и оттуда направился во Францию. Французский король Филипп IV Красивый отнесся положительно к предложениям монголов. Он обещал «выступить с войсками» против арабов, чтобы взять Иерусалим. Перед отъездом Саумы король богато его одарил и послал с ним одного из своих «великих эмиров», чтобы передать ответ хану Аргуну.

Затем Саума посетил короля Англии Эдуарда I, который в 1287 г. находился в Гаскони, на материке, и передал ему грамоту и подарки хана. Эдуард «очень обрадовался», когда речь зашла об Иерусалиме, упомянул о традициях крестоносцев.

Возвратившись в Италию, Саума имел беседы с папой Николаем IV, избранным 20 февраля 1288 г. Папа одарил его и послал дары хану Аргуну. В «Истории» много говорится о богословских дискуссиях, которые вел Саума в Риме, о богослужениях, паломничестве и ознакомлении с реликвиями.

Вскоре после возвращения посольства на родину хан Аргун умер; в августе 1291 г. престол захватил его младший брт Гейхату (Кайкату), который продолжал политику покровительства несторианам. Саума, сопровождавший хана в его передвижениях, стал тяготиться полукочевой жизнью ханской ставки и попросился на покой. Он обосновался в Мараге, где построил себе церковь и келью (епископский двор).

В январе 1294 г. престарелый Саума умер. Через полтора года (в сентябре 1295 г.) был убит хан Гейхату; захвативший престол Байду процарствовал четыре месяца и также был убит.

С этого времени политика ильханов в отношении несториан резко изменилась. Значительный перевес получили «арабы» — мусульманские феодалы и войско; они стали притеснять несторианский клир и католикоса. Эмир Науруз разграбил патриаршию келью в Мараге и вынудил Ябалаху выплатить большую сумму.

Значительную поддержку оказал христианам и католикосу армянский царь Хетум II, который отправился к Газан-хану (Казану), сыну Аргуна. Католикос ехал с ним, переодевшись слугой. Армянский царь, кроме того, намеревался склонить ильхана к активной борьбе с мамлюками. После длительного выжидания Хетум посоветовал Ябалахе зайти к Газану, но тот принял его холодно и отпустил ни с чем.

Католикос бежал из Тебриза в Марагу, но и там эмир Науруз настиг его и продолжал вымогать деньги. Ябалаха обратился к Газан-хану в Муган и получил грамоту, подтверждавшую его права, однако в 1297 г. келья католикоса в Мараге вновь подверглась ограблению.

Вскоре вспыхнула острая междоусобная борьба в городе Арбеле, принявшая религиозную окраску. Положение сирийского меньшинства стало очень тяжелым, и это побудило католикоса вновь обратиться с жалобами к Газан-хану, который направил для расследования визиря Рашид ад-Дина и эмира Тармадада. Они предложили католикосу убедить христианское население Арбелы покинуть город. Ябалаха стал просить разрешения остаться; мир был водворен ценой 10 тыс. динаров, уплаченных католикосом.

В дальнейшем отношения между Ябалахой и ханом Газаном несколько смягчились, хотя последний постановил обложить податью несторианское духовенство, которое до этого пользовалось льготой. Между 1297 и 1304 гг. католикос встречался с Газан-ханом неоднократно и получал от него подарки и вклады на постройку монастыря.

Наследовавший Газан-хану сын Аргуна, Олджейту (Улгаиту), также делал патриарху подарки и дал льготы его монастырю. Но при нем завершилась трагедия в Арбеле, где было убито множество христиан, а город был окончательно захвачен «арабами» в 1310 г.

Ябалаха тяжело переживал эти события, но был бессилен остановить их. Он поселился вновь в своем монастыре в Мараге. С 1312 г. Олджейту-хан предоставил ему ежегодную пенсию в 5 тысяч динаров и доходы с нескольких селений близ Багдада. Ябалаха уже не принимал участия в государственных делах, ему «опротивело служить монголам». Он жил в своем монастыре в Мараге, где скончался и был погребен в ноябре 1317 г.

Так заканчивается «История мар Ябалахи III и раббан Саумы».

РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ, ИЗДАНИЯ, ПЕРЕВОДЫ

«История мар Ябалахи III и раббан Саумы» была впервые опубликована П. Беджаном в 1888 г. Издатель собрания агиологических памятников на сирийском языке и исторических сочинений П. Беджан использовал рукопись, которая была копией с рукописи, принадлежавшей частному лицу из Тхума (в Курдистане). В предисловии к первому изданию он сообщает об этом в следующих словах: «Книга, которую я впервые публикую, настолько редкая, что я не знаю ее списка в Европе. Счастливой случайностью располагать ее копией я обязан г. Саломону, халдейскому лазаристу Курдистана. Мой собрат, увидав эту книгу в руках одного молодого человека из Тхума (турецкий Курдистан), определил ее ценность и дал сделать с нее копию в Урмии, в Персии, в марте 1877 г. Обладатель рукописи с того времени исчез со своей книгой, и в моем распоряжении была лишь сделанная в Урмии копия, так что я не мог ничего узнать относительно времени и происхождения оригинала».[1]

Значительное число ошибок и неисправностей в первом издании побудило П. Беджана подготовить к печати в 1895 г. второе издание.[2] Новый текст был опубликован по следующим рукописям:

1) по названной рукописи Саломона;

[1] Histoire de mar Jabalaha, patriarche et de rabban Çauma. Paris, 1888. P. IX.

[2] Taš'îṯa dĕ-Mar I(h)abalâhâ weḏatlatâ qâṯôlîqê hranê waḏêhaḏ qašîšâ wĕdatrên 'âlmâjê nestôriânê (Histoire de Mar Jabalaha, de trois autres patriarches, d'un prêtre et de deux laïque nestoriens, textes syriaques / Ed. P. Bedjan. Paris, 1895. 205 p. (далее: Taš'îṯâ).

2) по списку, сделанному в Амби в 1884 г. по просьбе американских миссионеров;

3) по списку, хранящемуся в Лондоне, в Британском музее (Add. 3636);

4) по лучшей из копий, сделанных с рукописи, принадлежавшей патриарху несториан. Последняя была переписна раббан Ионой из Тхума и принадлежала дьякону Уману из Тхума.[3]

В некоторых случаях П. Беджан упоминает первую рукопись, с которой была сделана копия для его первого издания. С этой рукописью была также сделана сверка, но издатель не указал, где ее нашел и в чьей собственности она находится.

Судя по разночтениям, данным П. Беджаном во втором издании под строкой, существенных различий в этих текстах нет.

Все эти копии при сравнении позволили, однако, значительно выправить текст, вокализовать его и устранить ошибки.

Несмотря на наличие стольких рукописей, издатель справедливо пришел к выводу, что все они, по-видимому, переписаны одна с другой или с той первой рукописи, к которой они восходят в конечном счете. Все копии поздние, они относятся к 80-м годам XIX в., т. е. к тому времени, когда впервые стала известна рукопись из Тхума, принадлежавшая «неизвестному молодому человеку». Ни в одной рукописи нет имени автора «Истории», нет указаний на дату, место переписки и переписчика первоначального списка.

С текста первого издания в конце прошлого века Ж. Б. Шабо сделал французский перевод, снабдив его большим числом подстрочных заметок и комментарием.[4] Перевод выполнен с большим тщанием, но он был сделан с неполного, дефектного текста первого издания. Чтение отдельных мест, неясности выражений Шабо в значительной мере исправил в своем переводе. В примечаниях он дал сведения географического и исторического характера и привел библиографические справки. Полезна хронологическая таблица, приложенная к переводу.

В «Приложениях» Шабо поместил «Заметки о сношениях хана Аргуна с Западом»,[5] где он широко использовал исследование А. Ремюза о сношениях «монгольских императоров» с христианскими государями. Во многих случаях Шабо уточнил данные этого ученейшего для своего времени труда. Особенно ценно то, что он собрал и перепечатал такие подлинные документы, как латинский перевод послания Аргуна к папе Гонорию IV, буллу и письма папы Николая IV, письмо Эдуарда I, короля Англии, к Ябалахе, а также послание на монгольском языке хана Аргуна к французскому королю Филиппу IV Красивому, датированное апрелем—маем 1289 г., которое до настоящего времени остается предметом исследования ученых разных стран.[6]

[3] Ibid. P. XIII—XIV.

[4] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III, patriarche des Nestoriens (1281—1317) et du moine rabban Çauma ambassadeur du roi Argoun en Occident (1287) / Traduit et annotée par J. B. Chabot. Paris, 1895.

[5] Ibid. P. 187—257.

Частичный английский перевод «Истории» был выполнен Д. Монтгомери.[7] Полный английский перевод дал Э. Бедж, положивший в основу текст второго издания П. Беджана (1895) с привлечением упомянутой копии «Истории», хранящейся в Британском музее (Add. 3636).[8] Перевод известного английского ориенталиста снабжен обширным введением, библиографическим списком и иллюстрациями. Во введении даны сведения общего характера о сирийцах вообще и их расселении в Азии (с. 1—22), о ереси Нестория (с. 22—30), об успехах несторианства (с. 30—34), об обращении «Туркестана» (с. 34—41). Затем следует краткое описание путешествия Ябалахи и Саумы (с. 42—63), пребывания Саумы в западных государствах (с. 63—72), событий, имевших место в то время, когда Ябалаха был патриархом несториан (с. 72—88). Далее даны несколько отрывочные сведения об ильханах, об упадке христианства в Средней Азии и Китае, о несторианстве, о символе веры Ябалахи, о христианстве у монголов, о монгольском языке, о стеле Сианьфу (с. 88—118). Эти сведения носят несколько случайный характер, они общеизвестны. Характеристика «Истории» как литературного памятника здесь отсутствует, не вскрыта и ее ценность как исторического источника.

Примечания Ж. Б. Шабо и его «Приложения», как и «Введение» Э. Беджа, являются этапами в изучении данного памятника. Но главное внимание обоих ученых более всего было уделено исследованию распространения христианства среди монголов.

[6] *Пучковский Л. С.* Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1289) и Ульджейту (1305) // СВ. М.; Л., 1949. Т. 6. С. 396—422; *Haenisch E.* Zu den Briefen der mongolischen il-Khane Argun un Öljeitü an den König Philipp den Schönen von Frankreich (1289 u. 1305) // Oriens. Leiden, 1949. Bd 2, N 2. S. 216—235; *Mostaert A.* Une phrase de la Lettre de l'Ilkhan Arsun à Philippe le Bel // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1955. T. 18, N 1/2. P. 200—220.

[7] *Montgomery J. A.* History of Jabalaha III, nestorian patriarch, and of his vicar Bar Sauma. New York, 1927.

[8] *Wallis Budge E. A.* The Monks of Kûblâi-Khân, emperor of China. London, 1928.

Предлагаемый далее русский перевод, как мы надеемся, даст возможность нашим историкам привлечь этот памятник в качестве источника по истории социально-экономических отношений в государстве ильханов. Перевод сделан нами со второго издания сирийского текста, опубликованного П. Беджаном.[9]

ЯЗЫК ПАМЯТНИКА

«История» двух монахов написана классическим сирийским литературным языком, сложившимся к III—IV вв. н. э. и сохранившим синтаксис, построение предложений и самый свой строй без изменений в памятниках до XIII в. Словарный состав сирийского языка определился еще в тот период, когда он складывался как литературный язык. В IV—VI вв. было освоено известное число греческих слов, выражавших отвлеченные понятия, философские и богословские термины, что находилось в зависимости от деятельности сирийцев в качестве переводчиков. Они переводили с греческого и толковали не только весь христианский канон, литургические и агиологические книги, но и философские трактаты, трактаты по логике, натурфилософии, медицине и метафизике. На сирийский язык в V—VI вв. были переведены труды Аристотеля, «Исагога» Порфирия, сочинения Гиппократа и медицинский канон Галена. Греческий элемент был давно и прочно освоен, и в нашем памятнике XIII в. попадаются лишь немногие слова греческого происхождения, давно знакомые и утвердившиеся в сирийском языке.

Для сирийского не прошла бесследно и иранская языковая среда. Известное число пехлевийских слов было воспринято сирийским языком и освоено до арабского завоевания, но они немногочисленны и не встречаются в нашем памятнике.

Что касается арабских слов, то они даются или в основной, чисто арабской форме, или в форме, прошедшей через персидскую передачу. Такие термины, как *вакф, мульк* и другие, не сопровождаются ни переводом, ни истолкованием, они приводятся как знакомые, всем известные и широко употребительные слова.

Из монгольской среды в сирийский язык проникло лишь незначительное число терминов, которые автор объясняет и переводит, когда впервые вводит их в свое повествование. Одно из таких слов — *ярлык*, которому дается сирийский эквивалент *пукдана*, что значит «приказ», «повеление» (т. е. грамота или указ монгольского хана). Употребительные в монгольском языке слова *пайдза, сукор — сункор* («зонтик») автор разъясняет и переводит, потому что они не вошли в обиход и не общеизвестны.

Литературный язык памятника — чистый, живой, гибкий, легко передающий все оттенки повествования, диалога, речей — остается таким от начала до конца.

[9] См. наст. изд. с. 677—755.

«ИСТОРИЯ МАР ЯБАЛАХИ III И РАББАН САУМЫ» КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

«История мар Ябалахи III и раббан Саумы» написана в том литературном жанре, который был широко распространен в средневековой литературе вообще. Это биографии, имевшие целью прославить то или другое лицо, но здесь же находили отражение и различные события и факты. Особенно большое распространение получила житийная литература. Для таких произведений существовали известный трафарет, традиционные приемы, правила, по которым они составлялись. Следовало привести сведения о происхождении и детстве героя, украсить его историю аналогиями, необходимо было цитировать Священное Писание и поучать читателя, истолковывая значение отдельных фактов.

В «Истории» эти элементы налицо. Так, вначале автор рассказывает о детстве и воспитании обоих героев. Родителей Саумы, в течение длительного времени остававшихся бездетными, он сравнивает с библейскими супругами, также долгие годы надеявшимися иметь детей. Чтобы придать больше значения замыслам и действиям монахов, он приводит примеры и цитаты из Евангелия. В 19-й главе (с. 196—197 сирийского текста) даны парафразы на 1-ю и 2-ю главы Плача Иеремии. Очень близки по своему характеру бедствиям, пережитым жителями Арбелы, те несчастья, которые оплакивает Иеремия, поэтому автор «Истории» выражает свои горесть и скорбь словами пророка, добавляя к ним свои размышления и сетования.

Не обошлось повествование без «вещих снов», которые снятся Маркосу, будущему мар Ябалахе III, — они предуказывали его посвящение в высокий сан католикоса. Истолкование снов, данное мудрым Саумой, — обычный литературный прием, широко распространенный в агиологической ли-

тературе. В данном случае сны являются примитивной аналогией и дают незатейливую символику. Так, крест, поднимающийся все выше, так что Маркос не может дотянуться до него рукой во сне, — это его будущее священство. Плоды чудесного дерева, которые он вкушал сам и раздавал народу, — символ его будущего пастырства и служения как высшего клирика.

В нашем памятнике не только даются назидательные примеры, но и сам автор неоднократно впадает в дидактический тон и объясняет читателю те или другие события как заслуженное наказание или испытание, посланное свыше.

Характерным для сирийской литературы после X в. (т. е. для времени, когда она подверглась влиянию арабской литературы) следует считать введение в текст дополнительных предложений, не относящихся непосредственно к повествованию, а выражающих отношение автора к упоминаемому в тексте лицу. К таким выражениям принадлежат, например, «да благословит его Бог», «да стоит его царство вечно»; они подтверждают положительное отношение к данному лицу и являются как бы благопожеланиями. В других случаях вводное предложение выражает отрицательное отношение к названному лицу, как это имеет место и в арабских сочинениях, например выражение «да будет он проклят», и т. п.

Повествование о мар Ябалахе III и раббан Сауме приобретает живой и впечатляющий характер благодаря тому, что автор прибегает к диалогу. В форме диалога рассказывается о встречах ильханов с католикосом, передаются его просьбы, обращенные к одному из великих эмиров, и ответы на них. В основе этих бесед, возможно, лежали действительно имевшие место переговоры и произнесенные речи, лишь несколько измененные автором. В живой форме вопросов Саумы, обращенных к Маркосу, когда тот к нему приходит, и в ответах Маркоса звучит разговорная речь: «Сын мой, откуда ты пришел? Как случилось, что ты пришел на эту гору? Из какого, собственно, города твой род? Кто твой отец? Чей ты сын?». Он ответил ему: «Я сын Байниэля архидиакона, из города Кошанга, и называюсь Маркос» и т. д.

Автор охотно пользуется вопросительными конструкциями в ложной и даже описательной форме. Примером может служить обращение родителей к Сауме, когда он собирался их покинуть. Они спрашивают его: «Почему, сын наш дорогой, тебе приятна разлука? Разве тебе желанно наше несчастье? Почему тебе сладка наша горечь? Подумай, как бы не осталось наше имущество другим? Рассуди, кто наш наследник? Пойми, кто получит [плоды] нашего труда? Почему тебя радует, что пропадет наша семья и наше имя?» и т. д. Их повторые вопросы производят впечатление причитаний, неутешного горя, выражаемого пространной речью. Таким путем достигается особая выразительность и яркость в передаче этих мыслей и чувств читателю.

В «Истории» нет повторений, обычно очень часто встречающихся в такого рода памятниках. Автор удовлетворяется словами «так и было» или «он сказал все это», благодаря чему он изегает нежелательных длиннот и повторений.

В основном рассказ ведется в спокойном тоне, преобладает эпическая окраска памятника; лишь в исключительных случаях изложение приобретает эмоциональную остроту. Так, излагая события, связанные с восстанием в Арбеле, автор не в силах скрыть своего отчаяния, оно овладело не только участниками этих трагических событий, но и их свидетелями и современниками. В назиданиях, приводимых в «Истории», сирийцы лишь искали успокоения и оправдывали несчастья и гонения как наказание за грехи. Слишком опасно было высказывать свои возмущение и гнев против угнетателей.

Содержание памятника выходит за пределы обычного для такого литературного жанра произведения. В нем имеется большое число фактов, относящихся к гораздо более широкому кругу событий, чем узкобиографические данные о его героях. Живость и жизненность этого произведения привлекли к нему справедливое внимание сириологов.

АВТОР «ИСТОРИИ МАР ЯБАЛАХИ III И РАББАН САУМЫ» И ЕЕ ИСТОЧНИКИ

Ни в одном списке «Истории» не назван ее автор, имя его до сих пор остается неизвестным, и, следовательно, характеристика автора может быть дана лишь на основании сведений, извлеченных из его произведения. Едва ли следует считать этот факт случайным, тем более что и близкие по времени писатели и младшие современники о таком авторе не упоминают. Несомненно, что преследования, которым подвергались несторианское население и духовенство в начале XIV столетия со стороны ильханов, не только вынудили автора из осторожности скрыть свое имя, но и на всю его «Историю» наложили отпечаток страха перед всесильными и деспотическими монгольскими ханами. Автор боится их осуждать, боится назвать их действия коварными, боится непочтительно отозваться о них.

Самое большее, что он мог себе позволить, — это более резкая характеристика эмиров, преследовавших католикоса.

Из самого памятника можно, однако, составить известное представление об авторе. Это был, бесспорно, несторианский клирик, принадлежавший к числу близких католикосу лиц, хорошо знавших патриарший двор. Он лично знал и Барсауму, и Ябалаху; он передает о них частности и подробности, которые могли быть известны лишь по их собственным рассказам. Следует полагать, что он писал непосредственно после смерти католикоса, который умер в немилости; автор не решился даже сказать последнее надгробное слово Ябалахе.

Обильное привлечение цитат из Священного Писания, изложение исповедания веры, догматические споры и описание «чудес» создают своеобразный колорит, которым отличается вся средневековая христианская литература. Этого колорита не лишена и «История мар Ябалахи III и раббан Саумы», но автор несомненно интересовался не только церковными, но и более широкими политическими вопросами, в которых он был осведомлен, так как католикос не только представлял христианское население как духовный пастырь, но и являлся одним из крупных феодалов государства ильханов.

Автору хорошо известны сети интриг, опутывавших католикоса, но сообщает он о них достаточно осторожно. Биограф католикоса гордился ролью и значением несториан, своей «восточной» церковью и тем, что ее представители обратили в христианство другие азиатские народы. В самом начале повествования он высказывает в общей форме свои взгляды по поводу этнической принадлежности людей, в частности он считает, что тюркское происхождение Ябалахи и Саумы ни в какой мере не умаляет их достоинств и заслуг. Здесь наш автор, по-видимому, полемизирует с некоторыми сирийскими клириками, которые были недовольны назначением Барсаумы периодевтом в 1268 г. Возражения касались тюркского происхождения монаха. На обязанности периодевта лежали судебные функции — он судил клириков, они же считали, что рассудят свои дела сами «между собой» и не допустят их разбирать «гуннам-варварам»,[10] как называли тюрок и монголов. В предисловии автор утверждает, что этническая принадлежность не может иметь значения, так как индийцы и китайцы и «другие восточные народы» приняли на себя «иго» истинной веры. Вот и герои его повествования, по происхождению своему «восточные тюрки», выполнили евангельские заветы, и умалять их дело ввиду их происхождения никак нельзя.

[10] *Gregorius Barhebraeus.* Chronicon ecclesiasticum / Ed. L. B. Abbelos et Th. J. Lamy. Parisiis; Lovanii, 1877. T. 3. Col. 439—440.

Эти взгляды автора заслуживают внимания, они характеризуют его точку зрения в этом вопросе как более прогрессивную. Нельзя не отметить и другой черты — известной гордости за деятельность несториан в центральных и восточных областях Азии. Это особенно сказалось при переговорах Саумы в Риме, где он говорил об этом с особой торжественностью как о большой заслуге своих единоверцев.

Источниками, использованными автором, были в первую очередь устные сообщения и все то, чему он сам был свидетелем. Близкий патриаршему двору, знакомый с Ябалахой и Саумой, их биограф располагал достаточным количеством сведений из первых рук. О происхождении, детстве и путешествии обоих героев из Пекина в Переднюю Азию он мог узнать от них самих. Об их пребывании в государстве ильханов, о посвящении Маркоса в высокий сан католикоса было хорошо известно, и эти события были достоянием широкого круга сирийцев, заинтересованных самым прямым образом в том, кто именно будет их представлять в ханской ставке.

Многие подробности могли стать известными через келейников католикоса. Автор сам был, по-видимому, свидетелем целого ряда событий, находясь в 1295 г. в Мараге, так как он по дням подробно излагает все происходившее.

Восстание в Арбеле было автору также хорошо известно; возможно, он пользовался какими-то записями, так как им приводятся точно числа и дни, когда приезжал Науруз, когда привозили приказы католикосу, когда именно происходили кровопролития. Сама обстановка осады крепости, состояние населения, его бедствия и отчаяние описаны весьма подробно, что могло быть известно автору из устных рассказов. Один письменный источник несомненно вошел в состав «Истории» — это записи самого Саумы, которые он вел на персидском языке. Во всяком случае в записи входило описание путешествия на Запад и сношений посольства хана Аргуна с европейскими государствами. Возможно, что в них упоминались и предшествующие события из жизни Саумы. Можно с уверенностью сказать, что произведение последнего было гораздо более обширно и подробно, чем то, что вошло в «Историю». Об этом говорится совершенно ясно в конце 7-й главы:

«Так как мы не предполагали сообщить все дела, которые совершил раббан Саума, и рассказать обо всем, что он видел, мы многое пропустили из того, что он лично написал по-

персидски. А то, о чем мы здесь упоминали, соответственно необходимости было распространено и сокращено».

Благодаря этому указанию рассказ о посольстве Саумы пробретает особую ценность как извлечение из перевода подлинных записей главы этого посольства. Раббан Саума писал по-персидски, но автор «Истории» не сообщает, является ли он сам переводчиком этого труда или он располагал готовым сирийским переводом, который он «по необходимости» «распространял или сокращал». Во всяком случае, им было «многое пропущено», о чем конечно следует пожалеть, так как ни персидского подлинника записей «всеобщего периодевта», ни их сирийского перевода, помимо «Истории», до нас не дошло.

Следует предположить, что наш автор располагал и другими письменными источниками, но гораздо более краткими. В биографии мар Ябалахи упоминается ряд дат, в свое время, вероятно, зафиксированных келейниками или секретарями патриаршего двора. Это тем более вероятно, что канцелярией католикоса ведал Саума, и, когда он направлялся Аргуном в качестве посла на Запад, Ябалаха высказал опасения за «дела» патриархата. Когда пришло время расставаться с Барсаумой, католикос не соглашался его отпустить, говоря: «Как же это будет? Ты был правителем патриаршей кельи, ты знаешь, что с твоим отъездом мои дела запутаются?».

Можно, следовательно, предположить, что при патриаршем дворе было достаточное число секретарей и писцов и, кроме того, Саума сам вел записи, где должны были отмечаться отдельные события, близко касавшиеся католикоса.

С большими подробностями передаются в «Истории» встречи католикоса с ханами; беседы, происходившие при этом, носят печать подлинности, так как их изложение не походит на обычные в такого рода произведениях диалоги, являвшиеся всего лишь литературным приемом. По-видимому, эти беседы каким-то образом фиксировались, так как они представляли очень существенную сторону деятельности католикоса. Биограф перечисляет все знаки внимания, денежные дотации и подарки, которые получал Ябалаха, но сообщает и о враждебном, пренебрежительном обращении с ним Олджейту (Улгаиту). Положение несториан требовало участия их представителя в жизни ставки. Немилость хана к католикосу свидетельствовала об изменении политики монголов по отношению ко всему тому населению, которое он представлял. По этому одному малейший оттенок в обращении хана с католикосом учитывался, запоминался и, возможно, фиксировался его окружением.

Располагая письменными источниками, автор перерабатывал их, как на это указывают его слова о сокращениях, которые он сам производил, используя записи Саумы. Какие-то хронологические заметки были, по-видимому, положены, как указывалось выше, в основу глав «Истории», описывавших восстание в Арбеле.

Таким образом, «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» была написана неизвестным сирийским клириком, современником обоих героев, и писалась или была закончена после 1317 г., т. е. после смерти Ябалахи. Письменными источниками «Истории» были не дошедшее до нас описание путешествия на Запад Саумы, составленное на персидском языке, и краткие хронологические записи о событиях из жизни католикоса Ябалахи III и о восстании в Арбеле. Автор использовал устную традицию, рассказы участников и свидетелей событий. Содержание своей работы, ее тему он сообщил в следующих словах: «Теперь мы скажем отдельно о роде каждого из них (Ябалахи и Саумы), их земле и различном их воспитании, как они жили вместе и об их общем обитании. Мы напишем об их деяниях, о том, что случилось в их времена с ними, через их посредство, из-за них, и расскажем одно за другим то, что было».

«ИСТОРИЯ МАР ЯБАЛАХИ III И РАББАН САУМЫ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«История» не ограничена узкими интересами несториан, хотя она и вышла из клерикальных кругов, близких католикосу. Наш памятник выходит за пределы биографических сведений, он касается многих политических событий и сохранил данные о государстве ильханов, которые представляют выдающийся интерес. Достоверность сообщений «Истории» не вызывает сомнений: так, лица, названные в ней, хорошо известны «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина. В биографии упоминаются ханы, «великий визирь ильханов ходжа Рашид ад-Дин», другие эмиры и родственники ханов. Науруз, сыгравший такую большую роль в бедствиях, постигших Арбелу, охарактеризован и Рашид ад-Дином как жестокий и деспотичный человек. Армянский царь Хетум, защитник христиан, эмир Сути, Хаджи Дальканди — живые исторические лица. Вся обстановка ханского двора и управления переданы с большой живостью, нет сомнения в том, что автор хорошо знал, не раз видел и слышал все то, о чем писал.

Если описание пути из Пекина до Багдада кратко и города, где останавливались монахи, названы с их слов, то география Ближнего Востока хорошо известна самому автору «Истории», он сам бывал в большинстве называемых им пунктов, знает расстояния от одного города до другого, знает названия рек, гор. Однако о западных странах его сведения ограниченны, и он переписывает лишь то, что было в записках Саумы, без ясного представления об этих отдаленных областях.

Можно вполне доверять и хронологии «Истории». Даты даются «по счислению греков», т. е. по селевкидской эре, принятой у сирийцев. Кроме числа обычно называются и дни недели. Воскресенья названы еще дополнительно «по униатам», т. е. по песнопениям, которые в данное воскресенье поются на богослужении несториан. Это тоже обычное для несториан обозначение, постоянно встречающееся в колофонах рукописей, где, как и в «Истории», приводится начало песнопения данного дня. Надо думать, что автор располагал хроникальными или хронологическими записями, так как даты в его труде достаточно многочисленны.

Все сказанное позволяет говорить о достоверности нашего источника и возможности использовать его сведения для истории ильханов во второй половине XIII—начале XIV в.

Даже те немногие и как бы случайные сообщения о правлении великого хана в Китае, о положении в Центральной и Средней Азии создают полную жизни картину. То, что известно из «Книги Марко Поло», может быть дополнено сведениями, которые сообщили два уйгура-монаха, пришедшие из Ханбалыка в Багдад.

В «Истории» охарактеризовано положение Хубилай-хана, главного правителя, и его ближайших родственников, управлявших отдельными областями-уделами (например, Конбогхи и Ифогхи, которые правили в Кошанге).

Весьма интересен также описанный в «Истории» инцидент с военачальником Охо, восставшим против Хубилая. («История» называет Охо царем, но это был военачальник, командовавший армией Миена, области, населенной бирманцами и примыкавшей к Бенгальскому заливу.) Войска великого хана разбили армию Охо, который двинулся с оставшимися отрядами в Хотан, опустошая и грабя все вокруг.

Нельзя не отметить, что некоторые географические пункты, упомянутые нашим источником, встречаются и у Марко Поло. Город Кошанг, уроженцем которого был Маркос, будущий католикос Ябалаха III, следует считать центром провинции

Шаньси, носившим наименование Пучжоу-фу (ныне Юнцзи).[11] Из Кошанга в Пекин Маркос дошел за 15 дней. Марко Поло путь из Пекина в Качиан-фу (Пучжоу-фу) прошел приблизительно за 20—21 день.[12] Есть основания полагать, что Кошанг и Качиан-фу — один и тот же город.

О тангутском государстве имеются сведения у Рашид ад-Дина, у Марко Поло, упоминает о Тангуте и «История» (так, монахи остановились в «городе Тангута»).

Чингисхан предпринял несколько походов на страну тангутов: первый из них был совершен в 1202, другие — в 1207, 1209—1210, 1225—1226 гг.[13] Существовавшее с 990 г. Тангутское государство было окончательно завоевано монголами в 1227 г., незадолго до смерти Чингисхана. Рашид ад-Дин сообщает, что «Шидурку, государь Тангута», послал послов, «прося о мире, договоре и клятве» после последней победы монголов.[14] В государстве тангутов было большое число городов, которые были захвачены Чингисом. Столицей был город Иргай (или Иргиа).[15] Племя тангутов, сообщает тот же источник, «большей частью обитало в городах и селениях, но было чрезвычайно воинственно и [имело] большое войско... В стране тангутов много владений, состоящих из городов, селений и крепостей».[16] В течение нескольких лет там правил Хулагу-хан. «Когда он [Хулагу] попал в страну Тангут и приобрел там [высокое] положение, государи Тангута дали ему почетное прозвание Джагамбо, то есть великий и старший эмир государства».[17] Позднее Тангут вошел в числе других «областей восточных владений» в состав части империи монголов, которой правил Хубилай-хан, по распоряжению его старшего брата Менгу-хана (Мункэ).[18]

Государство тангутов было известно и Марко Поло, он говорит о нем в нескольких главах своих записок (гл. 58, 60, 61, 62, 73). В его представлении это очень обширная область с многочисленными городами, городками и крепостями. Но наряду с этим Поло утверждает: «Народ здешний торговый, хле-

---

[11] [*Chabot J. D.*] Histoire de mar Jabalaha III... P. 15; Книга Марко Поло / Пер. И. П. Минаева, М., 1955. С. 292.

[12] Книга Марко Поло. Гл. 105—108. С. 127—130.

[13] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 2. С. 149, 151, 253, 153, 230—232, 66.

[14] Там же. С. 233.

[15] Там же. С. 231.

[16] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1. С. 143.

[17] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1946. Т. 3. С. 17.

[18] Там же. С. 23.

бопашеством занимается».[19] Ценно его свидетельство о населении тангутских городов: «Страна зовется Тангутом: народ молится идолам, есть и христиане-несториане, и сарацины. У идолопоклонников свой собственный язык».[20]

Судя по тому, что эти сведения заключаются указанием: «город между северо-востоком и востоком», следует предполагать, что и область Гингинталас в главе 60 является также тангутской, так как она находится «на краю пустыни, на севере и северо-востоке».[21] В следующей, 61-й главе описана область Суктан (Сучжоу). О всех этих областях Поло говорит: «Главная область, где эта да две других, о которых я говорил выше, называется Тангут».[22] Следовательно, все это пространство входило в состав Тангута, в том числе и Гингинталас, о которой говорится: «Городов и замков тут много; живут здесь три народа: идолопоклонники, мусульмане и христиане-несториане».[23] Этими же словами он охарактеризовал города Тангута в главе 58.

Население тангутских городов было, следовательно, разноплеменным и принадлежало к различным религиям. Были там и несторианские колонии. Описывая «Канпичион (Ганьчжоу) — большой, величественный город в самом Тангуте», Поло говорит, что у христиан «в этом городе три большие прекрасные церкви».[24] В другой области, называемой Егрегайа, также принадлежавшей к числу тангутских, находилось «три христианские церкви несториан» (в главном городе области, называвшемся Калачиан).[25] Егрегайа у Марко Поло, возможно, соответствует сохранившемуся у Рашид ад-Дина названию Иргай или Иргиа. Это был главный город тангутов, резиденция их государя.[26]

Раскопки, проведенные П. К. Козловым в мертвом городе Хара-Хото, полностью подтвердили свидетельство итальянского купца о несторианских колониях в Тангуте, так как там были найдены рукописи на различных языках, в том числе китайские, тангутские, индийские, а также на ближневосточных языках — персидском и сирийском. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото написаны несторианским почерком и содержат богослужебные тексты.[27]

[19] Книга Марко Поло. Гл. 58. С. 80.
[20] Там же.
[21] Там же. Гл. 60. С. 82.
[22] Там же. Гл. 61. С. 83.
[23] Там же. Гл. 60. С. 82.
[24] Там же. Гл. 62. С. 83.
[25] Там же. Гл. 73. С. 94, 277.
[26] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. С. 231.

Распространение сирийцев вдоль «великой шелковой дороги» и в торговых городах Дальнего Востока (в частности, в тангутских) — установленный факт.

Таким образом, материалы раскопок далекого мертвого города, данные «Книги Марко Поло» и «Сборника летописей» Рашид ад-Дина совершенно согласуются с тем, что рассказывает сирийская биографическая повесть. Ябалаха и Саума, прибыв в «город Тангута» (быть может, это был Иргай), нашли в нем целую колонию единоверцев, которые отнеслись к ним с большой предупредительностью. Мар Ябалаха и Саума на своем пути на запад могли найти поддержку в многочисленных и богатых несторианских колониях, где жили сирийские торговцы.

Описание событий, связанных с пребыванием двух монахов на Ближнем Востоке, который был хорошо знаком автору «Истории», позволило ему дать подробные сведения о монгольском государстве, о правлении ильханов и их обычаях. Вынесенные течением жизни на поверхность, поставленные в необходимость поддерживать непосредственную связь с монгольскими ханами и их двором в качестве представителей несторианского населения, Саума и Ябалаха оказались в центре целого ряда событий.

Связь между католикосом восточных сирийцев и монгольским ханом держалась на политических интересах. Сирийцы составляли значительную часть оседлого населения державы ильханов наряду с персами. Они были земледельцами с незапамятных времен и благодаря искусственному орошению обратили в сады и виноградники большие пространства Междуречья, Сирии, Азербайджана. Они составляли и население городов этих областей, занимаясь ремеслом и торговлей. Их торговые и культурные связи были не только широкими, но и прочными, они держались веками, имея опору в далеких городах Азии, в сирийских колониях и факториях. С сирийцами широкое распространение получали их язык, письменность, религия. Несторианство справедливо считает своей заслугой распространение христианства, и культурная сила — сирийцы не могли не играть значительной роли в государстве. Поскольку их представлял католикос, он неизбежно должен был принимать участие в политической жизни.

[27] См.: *Пигулевская Н. В.* Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото // СВ. М.; Л., 1940. Т. 1.

В Иране при Сасанидах несторианские католикосы представляли своих единоверцев и были ответственны за них. Они собирали с несториан подать и отвечали за нее перед шаханшахом, как Симеон бар Саббеа. Эта традиция продолжала существовать в несколько ином виде в период арабского халифата, она мало изменилась при сельджуках и монголах.

Благосклонное или неблагосклонное отношение хана зависело в первую очередь от политических обстоятельств. Необходимость регулярного поступления налогов с оседлого населения требовала от ильханов принятия мер по охране его жизни и имущества. Но были периоды, когда под давлением кочевой знати, желавшей сохранить как свои старые обычаи и образ жизни, так и старый примитивный метод эксплуатации и ограбления оседлого населения, наступало время запугивания и террора, непомерных требований и полного разорения населения.

Католикос несториан и другие клирики, а также настоятели монастырей занимали положение феодальных владетелей. Они располагали целыми селениями, доходы с которых шли на их содержание, на поддержку монастырей, школ и церквей. То же самое можно сказать и о мусульманском духовенстве, постоянно соперничавшем с христианским клиром из-за земельных владений и положения при ханском дворе.

Несторианские клирики стремились упрочить свое влияние обращением в христианство членов ханской семьи, больших и малых эмиров. Та или другая жена хана (хатун) могла всегда выпросить у хана защиту или поддержку католикосу. Следует отметить, что представители христианства, несмотря на различие вероисповеданий, поддерживали друг друга, сплачиваясь перед лицом общей опасности. Армянский царь Хетум II поддержал Ябалаху III при ханском дворе, как об этом сообщает «История».[28] Неопределенность, колебания в отношениях между ханским двором и представителями христианских исповеданий создавали для христиан постоянную тревогу.

На политику того или другого хана влияли военачальники, великие эмиры, правители областей, действовавшие по собственному усмотрению, гарем. Состояние неустойчивости еще более усиливалось в результате постоянных столкновений интересов пришлой монгольской и местной персидской и армянской знати. Стремление феодалов захватить большие пространства земли, целые области и города, получать с них ренту, взимать налоги в свою пользу не имело пределов, и для его

[28] См. также: *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955. S. 221.

осуществления все средства были хороши. Борьба между представителями господствующего класса приводила к обострению всех противоречий, особенно подогреваемых этнической рознью и постоянно разжигаемой религиозной нетерпимостью. В определенных условиях, под воздействием различных причин глухая вражда становилась острой ненавистью и переходила в открытую борьбу, в которую втягивались широкие социальные круги.

Сельские и городские жители, по преимуществу христиане, в глазах полукочевого населения и «арабов» были богатыми, а в социальном отношении принадлежали к более обеспеченным слоям общества. Известную роль играли и этнические различия, разница в языке и в религии, которые в определенный момент и в определенных условиях усердно разжигались теми, кто был заинтересован в этой вражде.

Этим и объясняются тяжелые события, происшедшие в городе Арбеле (Ирбиль), которые описаны в «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы». Несомненно, католикос имел к ним самое близкое касательство и, быть может, не совсем того характера, как это описано его биографом. Последний не договаривает, не сообщает всего, что было известно о роли Ябалахи и его действиях в Арбеле.

События в Арбеле находились в тесной связи с общим политическим положением в государстве ильханов. Жестокая междоусобная борьба в 1295 г. привела к убийству хана Кайду, а затем и наследовавшего ему хана Байду в сентябре того же года. В том же сентябре 1295 г. мар Ябалаха подвергся жестоким преследованиям, его избивали, вымогая у него деньги. Патриарший двор был разграблен, все ценное было унесено и увезено, католикос выплатил большие суммы и едва остался живым. Кроме того, многие христианские церкви были разрушены или обращены в мечети.

Виновником этих преследований «История» называет эмира Науруза, хорошо известного и по летописям Рашид ад-Дина. Еще при жизни хана Аргуна, когда его сын Газан (в сирийской транскрипции — Казан) был правителем Хорасана, эмир Науруз находился при нем и ведал делами его войск.[29] Тогда же Науруз был участником ряда интриг, приказал убить эмира Букая (1289 г.), а других эмиров держал у себя в заключении. За спиной Газан-хана он действовал в своих интересах, поддерживая одних и расправляясь с другими.[30] Разбитый сво-

[29] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 143.
[30] Там же. С. 144—148.

ими врагами, он бежал к хану Кайду и здесь продолжал интриговать против своих врагов. С характеристикой, данной Науруз Рашид ад-Дином, совпадает и все то, что сообщает «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» о его предательстве, жестокости и о его преступлениях. В течение всей зимы 1295/96 г. Науруз беспрепятственно грабил и избивал несторианское население; он был схвачен и казнен в 1297 г., лишь после того как поднял мятеж против самого Газан-хана.[31]

Таким образом, и в этом случае сообщения биографа Ябалахи не находятся в противоречии со сведениями персидского историка, а, наоборот, совпадают с тем, что сообщает последний о характере и действиях Науруза.

Положение несториан и самого католикоса было несколько смягчено благосклонным отношением к ним Газан-хана. Но ввиду того, что его благоволение не носило постоянного характера, а было лишь временной поддержкой, оказанной христианскому населению, зимой 1296/97 г. были вновь разграблены церкви и патриарший двор, похищены печати католикоса и все его имущество. На этот раз зачинщиком «История» называет Шенака Эттамура, к которому присоединились «арабы Мараги». Хотя в этом случае правосудие было осуществлено и хан приказал вернуть награбленное, но, несмотря на применение суровых мер, лишь немногое из похищенного было возвращено.

Эти инциденты, описанные в главах 11 и 13, как и волнения в Арбеле, указывают на то, что в государстве не было определенного направления внутренней политики. Прихоть какого-нибудь эмира могла нарушить установившийся порядок, и хан не всегда был в состоянии, а часто и не хотел его восстанавливать.

Арбела, или Ирбиль, была древним городом, в котором процветали ремесло и торговля, находившиеся в руках сирийцев. Как крепость Арбела имела монгольский гарнизон, в ней жили также мусульмане — арабы и персы. Кроме того, здесь были несшие военную службу «царские воины» — горцы, называвшиеся *каяджийе*, или *каягийе*.[32]

«Жители города арабы» приказали курдам разрушить церковь в Арбеле, тогда каягийе стали метать стрелы в курдов и

[31] Там же. С. 172—177.

[32] Термин *каягийе* в «Истории» разъясиси как «спускающиеся с гор и их высот». *Каягийе* были христианами; высказывались предположения, что это были племена курдского происхождения. О том, что среди курдов были и христиане, упоминают различные источники, однако в осиовной массе курды в XIII в. были мусульманами и в Арбеле действовали совместно с арабами.

убили одного «известного мужа». «Гнев овладел», по словам биографа Ябалахи, обеими сторонами, христианами и мусульманами. В городе начались волнения. Сопротивление, оказанное христианами, привело к открытым схваткам, и по крепостному мосту было прервано сообщение. Немалую роль играло подстрекательство Науруза, который, прибыв в Хорасан, стал подготовлять свержение хана Газана. В 1297 г. по приказу Газана были захвачены и убиты брат Науруза, его жены и дети. Опять возникли волнения, дороги были перерезаны; ханские войска стремились захватить Науруза и разгромить его отряды. В то же время возобновилось междоусобие в Арбеле. В ханской ставке разбирался вопрос об этом городе, так как его жителей обвиняли в том, что они восстали и убили многих арабов. В ответ на эти жалобы Газан-хан послал Рашид ад-Дина и эмира Тармадада к католикосу с приказом всем христианам выселиться из Арбелы в другое место, которое им предоставит хан. В ответ на это католикос пригрозил покинуть государство ильханов и уйти на Дальний Восток, откуда он пришел, или «в землю франков». Решительный ответ католикоса заставил хана отменить свой приказ. Из соображений политических было нежелательно идти на разрыв и допустить отъезд католикоса.

Насколько глубоко зашла вражда между «арабами» и сирийцами, указывает то, что перемирие, заключенное по настоянию хана, было составлено в письменной форме. «Грамоты соглашеиия» были подтверждены со стороны арабов их «эгемоном» (т. е. главой), а за христиан их утвердил митрополит. Затем грамоты были представлены эмиром в ставку самому хану. По ханскому приказу Арбела была объявлена «принадлежащей христианам», что следует понимать как сохранение за ними права жить в этом городе.

Колебания в политике ильханов по отношению к христианам сказывались и в другом. Известно, что в разное время ильханы взимали подушную подать (*джизья*, по-сирийски *гезита*) с тех или иных групп населения и освобождение от нее отмечали как свою особую милость. Так, в связи с описанными событиями в Арбеле с христианского населения было приказано брать джизью. Одновременно был издан приказ всем христианам на улице носить кушак. В этом было оскорбление личного достоинства — над перепоясанными смеялись, издевались. О введении этих мер говорит и Бар Эбрей.[33]

[33] *Gregorius Barhebraeus.* Chronicon syriacum / Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890. P. 595.

В этой связи совершенно реальное значение получает утверждение одного ильхана (Аргун в письме к папе), что он не берет подушной подати с христиан. Хан Аргун сообщил об этом, так как считал это своей особой заслугой.[34]

После 1297 и 1308 гг. биограф Ябалахи не отмечает каких-либо гонений на несториан. За это время католикос смог отстроить некоторые церкви, монастырь в Мараге и «патриаршую келью». Он неоднократно возвращался в Арбелу, которая стала в известной мере его резиденцией. Но затем положение изменилось.

Если вскрыть содержание того, что сообщает «История» в главе 18, снять специфический налет благочестивых выражений, то совершенно очевидно, что среди населения Арбелы имели место волнения. Жители города, по словам автора «Истории», «издевались над монахами и священниками, обманывали друг друга». Речь идет, очевидно, о христианском населении Арбелы, которое вышло из повиновения, так как «они обвиняли друг друга, притесняли, били, преследовали, гневались и обманывали». Дело было, конечно, не в моральном разложении, а в действиях, имевших известный социальный смысл, так как горожане «собирались бандами и захватывали дома их (т. е. своих) начальников, короче говоря, они имели возможность делать всяческое зло».

Волнения как среди населения, так и войска горцев (каягийе), эмир которых был заключен в тюрьму, значительно облегчили намерение хана вывести из крепости все немусульманское население. То, что не удалось в 1297 г., оказалось возможным осуществить в 1310 г.

Здесь автор «Истории» переходит к описанию заключительного акта трагедии в Арбеле. Насильственное выселение «восставших» (*ягийе*) сопровождалось резким обострением междоусобицы, грабежами и массовым избиением христианского населения. В числе главных исполнителей ханского приказа названы «араб очень злой» Насир, отличавшийся непомерной жестокостью по отношению к христианам — жителям Арбелы, его брат Хаджи Дальканди и эмир Сути. Последний (Сути, или Сутай) неоднократно упоминается Рашид ад-Дином в «Сборнике летописей». В то время Сути находился в области Диар-бекир (т. е. недалеко от Арбелы).[35] Сам Рашид ад-Дин, как сообщает «История», весной 1310 г. принял участие в разборе дела католикоса и города Арбелы.

[34] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 190.
[35] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 168, 175 и др.

Сеть интриг, которая плелась в ханской ставке против Ябалахи III, разграбление церковного имущества, жестокость Насира окончательно сломили силы старого католикоса, и он покинул крепость, буквально «наступая» на трупы тех, которые были убиты в субботу 27 хазирана (июнь) 1310 г. Это были «150 мужей», не считая жен и детей, которые вышли из города по просьбе католикоса и были перебиты. В самой Арбеле распространился страшный голод, ежедневно уносивший много жизней. Те же, кто отваживался выйти из города, гибли от мечей воинов Насира. В среду 1 таммуза (т. е. в июле 1310 г.) Тоган и Насир с войском захватили крепость; на описании последовавших за этим разрушений и убийств рассказ об Арбеле заканчивается.

Автору не хватает слов, чтобы описать все ужасы и горе, пережитые населением Арбелы, поэтому он переходит на пространные цитаты из Плача пророка Иеремии, вводя в них всякого рода дополнения и сравнения.

Неясным остается вопрос о характере движения жителей Арбелы, о социальных корнях этого движения, о противоречиях между населением города и военной знатью, которые несомненно осложнялись глубокими вековыми традициями религиозного и этнического антагонизма.

Вместе с тем описание событий в Арбеле воссоздает яркую картину разложения государства ильханов, где коррупция, интриги и произвол великих и малых эмиров заменили правосудие и систему государственного управления.

Таким образом, исследование показывает, что «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» — достоверный источник, отобразивший политическую и социальную жизнь своего времени.

СНОШЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ХАНОВ С ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ И РОЛЬ СИРИЙЦЕВ

Когда европейские государства в своих устремлениях на Восток попытались противопоставить монголам не военную силу, а культурное влияние, они оказались на пути, проторенном задолго до них сирийцами. Несториане оставили свидетельство о своей деятельности в Китае на знаменитой стеле Сианьфу, относящейся к 781 г. Будучи посредниками в торговле между Ближним и Дальним Востоком, сирийцы несли свою письменность и религию, которая была принята в Средней

Азии эфталитами еще в VI в. В VII в. приняла христианство какая-то часть тюркских племен, что известно из свидетельства византийских историков. Связи несториан с этими областями не прерывались и в последующие века; их звали туда главным образом экономические интересы. Проникновение христианства в тюрко-монгольскую среду, хотя бы и самое ограниченное, могло послужить поводом для возникновения легенды о христианском царе племени кераитов Иоанне. Об этом сообщает Марко Поло.[36] Как ни мало ясного в происхождении легенды, источники согласно говорят о христианстве кераитов, во всяком случае представителей их ханской семьи.[37] К началу XI в. Бар Эбрей относит обращение хана кераитов и его народа. Эти сведения заслуживают доверия и подтверждаются другими данными.[38]

Завоевания монголов на Ближнем Востоке привели их в непосредственное соприкосновение с мусульманами и христианами. Сирийцы получили возможность активизировать свою миссионерскую деятельность. Представители всех христианских церквей — несториане, монофизиты, православные — стремились обратить в свою веру господствующую верхушку завоевателей, привлечь монгольских ханов на свою сторону.

Религия монголов имела черты примитивного монотеизма; небо — tängri — было главным божеством. Хотя оно и не было антропоморфно,[39] но такое представление могло способствовать усвоению идеи монотеизма, принятию мусульманства или христианства. Отношение ханов к христианству в первый период завоевания Ирана и Междуречья было благоприятным; в частности, они сблизились с несторианами. Главная жена Хулагу, Докуз-хатун, была несторианкой, о чем сообщают в своей хронике Бар Эбрей[40] и другие авторы. В ханской семье были и другие жены-христианки или принявшие христианство, и некоторых из своих детей ханы разрешали крестить.

Система государственного управления при монголах в известной мере повторяла систему, имевшую место в халифате. Несторианские и монофизитские клирики, как видно из «Истории», представляли свою паству и отвечали за нее. Споры,

[36] Книга Марко Поло. Гл. 64—68. С. 84—87.

[37] Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю. СПб., 1902. С. 26; *Pelliot P.* Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient // T'oung Pao. 1914. Vol. 15, N 5. P. 627.

[38] *Pelliot P.* Chrétiens... P. 627—628; *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 226.

[39] *Roux J. B.* Tängri, essai sur le ciel-dieu des peuples altaiques // Revue d'histoire des religions. 1956. T. 150, N 1. P. 27—33.

[40] *Gregorius Barhebraeus.* Chronicon syriacum. P. 491.

соперничество и борьба за высокие церковные должности создавали для хана, его двора и чиновников возможность вмешательства в дела клириков.

«История мар Ябалахи III и раббан Саумы» содержит большое число фактов, показывающих взаимоотношения между монгольскими ильханами и христианским населением их империи. Но и другие источники XIII в. сообщают о том, что в 60-е годы этого века отношение ханов к христианам было благожелательным. В значительной степени это находит объяснение в том, что мусульманское население встретило монголов особенно враждебно и последние вынуждены были искать поддержки христиан.[41] Следует также принять во внимание, что в этот период ильханы пытались опереться на торговые круги городского населения, в основном сирийцев. Подтверждается это, в частности, тем, что некоторые монеты, чеканенные при ханах Аргуне и Абаге, носят тринитарную формулу и знак креста.[42]

Монгольские завоевания поставили феодальные государства Европы перед необходимостью завязать непосредственные отношения с новыми властителями Востока. Это было очевидным и для папского престола. О монголах следовало узнать из первых рук и по возможности обратить их в христианство; поэтому папа Иннокентий IV и французский король Людовик IX направили на Восток, во владения великого хана, монахов «нищенствующих орденов».[43]

Ценнейшие сведения о монголах сохранились в записях Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Это наиболее известные из числа монахов, посланных в «Тартарию» и «Персию». Но кроме них источники называют ряд лиц, направленных с Запада к ханам. Один из путей на Восток проходил через южнорусские степи к Волге, где была ставка Бату; здесь прошел Джиованни дель Плано Карпини. Но и до него венгерские миссионеры посещали Монголию. Так, известно, что доминиканец Юлиан проделал свое путешествие между 1236 и 1238 гг.; судя по некоторым данным, он, быть может, ездил дважды. Сохранившиеся материалы содержат, однако, «мало интересных сведений о монголах и других народах европейской России».[44] Миссия Плано Карпини не принесла желаемых результатов, но

[41] *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 212—213.

[42] *Fraehn Ch. M.* De Il-Chanorum seu Chulaguidarum numis commentatio. Petropoli, 1834. P. 23 (N 60, 62), 25 (N 70), 26 (N 77).

[43] *Huc M.* Le christianisme en Chine, en Tartarie et au Thibet. Paris, 1857. T. 1. P. 178—179, 200 et suiv.

[44] *Sinor D.* Communication sur les missionaeres hongrois chez les Mongols // Journal asiatique. 1943—1945. T. 234. P. 439—440.

собранные им сведения неоценимы. Из ставки Бату Плано Карпини отправился через Сибирь в Каракорум, где он и его спутники были приняты «императором» (т. е. великим ханом) Гуюком.[45] Обратный путь Плано Карпини пришлось совершать в жестокие морозы. «Мы... проехали всю зиму, причем нам приходилось часто спать на снегу в пустынях, где не было деревьев, а ровное поле; иногда только могли мы прорыть себе место ногою».[46] После донесений Плано Карпини стало совершенно очевидным, что рассчитывать на обращение монголов в католичество трудно и от христианства они далеки.

По распоряжению Людовика IX «к татарам» направился в 1253 г. монах францисканского ордена Гильом де Рубрук. Из Константинополя по Черному морю он достиг Судака в Крыму и оттуда направился к ставке Бату на Волге. Минориты стремились встретиться сначала с сыном Бату, Сартахом, о котором ходили слухи, что он крестился.[47] Они смогли убедиться, что это ложное известие, и от Сартаха двинулись к Бату. Отсюда они направились к хану Мункэ в Каракорум. Рубрук хотел добиться разрешения остаться в землях, подвластных монголам, чтобы вести проповедь, но Мункэ запретил миноритам пребывать на его землях. Обратный путь посольство прошло по азиатскому материку несколько южнее, чем лежал их путь к монголам. Достигнув берегов Волги, Рубрук направился к Каспийскому морю, пересек Кавказский хребет, вышел в Закавказье и оттуда через Малую Азию достиг Средиземного моря. Людовику IX он написал свое донесение из Триполи Сирийского.[48]

Миссия Рубрука была безуспешна, но замечательные сведения, которые собрал и сообщил этот тонкий наблюдатель, имели большое значение. Любознательный, он расспрашивал и разузнавал все, что было возможно, подготовляясь к своему путешествию, и тщательно записывал свои наблюдения.

Таким образом, с 30-х годов XIII в. папский престол и монашеские ордена рассматривали монгольскую империю как область, в которой было необходимо вести католическую пропаганду. К 1245—1247 гг. относятся сведения о путешествии католического миссионера Андрея Лонжюмо.[49]

[45] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А. И. Малеина. М., 1957. С. 74—80.
[46] Там же. С. 81.
[47] Там же. С. 89.
[48] Там же. С. 176, 193—194, карта.
[49] *Pelliot P.* Les mongols et la Papauté, chap. II // Revue de l'Orient chrétien. 1931—1932. 3-me serie. T. 8, N 1/2. P. 141.

Крестовые походы побудили западноевропейские государства к расширению торговых связей с Востоком. Христианизация являлась одним из звеньев для упрочения этих связей, для того чтобы они из временных и случайных превращались в устойчивые и постоянные. С другой стороны, для монголов после завоевания Ирана и Междуречья сближение с христианством стало неизбежным. Великие ханы оказались владыками областей, в которых значительные массы населения (особенно в городах) принадлежали к числу несториан, монофизитов или православных. Монголы встретились и с представителями Западной Европы, светскими и духовными, которые несомненно ознакомили их с христианской религией, с государственным управлением европейских стран, с ролью и значением папы.

Сирийские источники XIII и XIV вв., по преимуществу вышедшие из-под пера клириков, как это было и в Армении, сохранили интересные сведения об отношении монгольских ханов к христианству. В частности, они считают, что брат Хубилай-хана Хулагу не только склонялся к христианству, но даже был христианином.[50] Этим стремились объяснить то, что при взятии Багдада в 1258 г. хан пощадил своих «единоверцев».

Проникновение в монгольскую среду западных обычаев и христианской религии в значительной мере было связано с браками, которые заключали монгольская знать, ханы и эмиры. Известно, что Докуз-хатун (Тогуз), жена Хулагу, была христианкой. Она была женой отца Хулагу, после смерти которого стала женой сына «согласно обычаю монголов».

Мария, побочная дочь Михаила VIII Палеолога, должна была стать женой Хулагу, но прибыла, по-видимому, после его смерти и стала женой его сына Абаги-хана. Вероятно, это и была Кутай-хатун, которая в один из больших праздников посетила Марагу, где ее радостно приветствовали единоверцы.[51] У хана Аргуна в гареме были две жены-христианки, дети которых были крещены. Широкой веротерпимостью отличался брат Аргуна, Гейхату (1291—1295). Наследовавший ему Газан-хан, сын Аргуна (ум. в 1304 г.), провел реформы в области управления, упорядочил взимание налогов. Эта, а также другие меры, направленные на улучшение всей политической системы монголов, прославили его имя. В известной мере можно говорить о его положительном отношении к христианству. Как для Аргуна, так и для трех последующих ханов такое отношение

[50] *Gregorius Barhebraeus.* Chronicon syriacum. P. 488.
[51] Ibid. P. 491, 521, 539; *Sykes P.* A history of Persia. 3 ed. London, 1930. Vol. 2. P. 100.

было продиктовано комплексом причин экономического и политического характера.

Эти же причины привели к сближению между монгольским государством и западными странами, что нашло отражение в обмене дипломатическими миссиями, о которых свидетельствуют многочисленные документы, сообщения летописей, послания, письма. Кроме значительного числа официальных и полуофициальных посланцев Европы в областях Ближнего и Среднего Востока обреталось немало «западных» людей, осевших здесь после крестовых походов, которых монгольские ханы использовали в качестве переводчиков, писцов, секретарей. Для западных государств эти люди, как и те, которых посылали специально для ознакомления с новыми и «страшными» владыками, захватившими полмира, были не только осведомителями, — на них возлагалась задача привести к ослаблению политические и экономические затруднения, связанные с появлением монголов.

Не раз и Европа принимала у себя посольства монгольских правителей. Рассказ об одном таком посольстве, возглавленном Саумой, представляет выдающийся интерес. Это одно из наиболее живых и интересных сообщений, исходящих от участника посольства, направленного с Востока к западным владыкам. Большого внимания заслуживает то обстоятельство, что пребывание Барсаумы с посольством в Западной Европе, цели, которые оно преследовало, и прием, который оно здесь встретило, отражены также в документах, сохранившихся в архивах папской курии, французских и английских королей.

Из этих документов явствует, что хан Аргун направил на Запад по крайней мере четыре посольства, из которых лишь одно было возглавлено Саумой.

Первое посольство имело место в 1285 г. В архиве папской курии, в числе документов времени папы Гонория IV, избранного на папский престол 2 апреля 1285 г., сохранился латинский перевод послания хана Аргуна к папе. Имя папы в этом документе не упоминается. Основной текст письма не сохранился, но подстрочный латинский перевод, как и все содержание письма, не вызывает никакого сомнения в его подлинности. Впервые оно было опубликовано в замечательных «Анналах» Барония и истолковано в классическом исследовании А. Ремюза.[52] Этот латинский документ, язык и обороты

[52] *Baronius.* Annales ecclesiastici, ed. Raynaldi ad annum 1285; *Rémusat M.-A.* Mémore sur les rélations politiques des princes chrétiens, et particuliérment des rois de France, avec les empereurs mongoles. Second mémoire. Relations diplomatiques des princes chrétiens... // Mêmoires de l'institut royal de France. Académie des inscriptions et Belles Lettres. Paris, 1824. T. 7. P. 356—359.

речи которого представляют немало затруднений, перепечатан у Ж. Шабо.[53] Из письма следует, что в числе членов первого посольства, направленного Аргуном, были Иза-толмач, Богагок, Менгилик, Фома Банхринус и Угето-толмач. Имена некоторых из этих лиц упоминаются и в списках членов других посольств ханов, так как было принято посылать с дипломатическими поручениями одних и тех же лиц. Такие люди хорошо ориентировались в сложившейся обстановке, знали дорогу, обычаи и порядки государств, в которые их направляли.

Латинский перевод утерянного послания папе от хана Аргуна дает возможность установить содержание этого послания. В первых строках письма Аргун приветствует папу (domino sancto pара patri) и упоминает, что «Чингисхан, первый отец всех татар» (Gingiscam primus pater omnium Tartarorum), не возлагал податей на христиан и предоставлял им всем свободу. Великий хан и сам Аргун передали в качестве подношения папе платья и благовония (roba et tus) толмачу Изе, который направляется на Запад «в этом посольстве» (in ista anbascata). Имена двух других членов посольства — Богагок и Менгилик (Bogagoc et Mengilic), несмотря на сильно искаженное написание, позволяют утверждать, что они монгольского происхождения. Названный далее Фома Банхринус (Thomas Banchrinus) упоминается в составе других монгольских посольств в Европу. Так, в послании папы Николая IV к Аргуну назван Thomas de Anfusis; очевидно, это то же лицо. В этом же папском послании упомянут и пятый член посольства 1285 г., названный в письме Аргуна Ugeto turciman, что означает «толмач Угето». Самое имя Угето Ремюза предлагает толковать как «переводчик».[54] Далее Аргун напоминает, что Хулагу и его сын Абага оберегали всех христиан в своей земле, и это «должно быть известно вам, господину святейшему отцу» (т. е. папе). Хубилай-хан (Cobla Cam) утвердил Аргуна на царство в Иране, поэтому Аргун и направил к папе свое посольство. Хан обещает оберегать христиан и быть к ним милостивым. Но послы его, сообщает Аргун, прибывают на Запад со значительным опозданием (venit tarde nostris anbascatoribus) по той причине, что его предшественник хан Ахмед (1282—1284), седьмой сын Хулагу,[55] принял мусульманство — «вошел в нравы сарацинские» (erat intratus in moribus Saracinorum). Поэтому «земля христианская»

[53] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 190, 193; *Mosheim L.* Historia Tartarorum ecclesiastica. Helmstad, 1741. Appendix, N 25, p. 84—85.

[54] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 191, note 3.

[55] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 98; *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 77, 81.

Ахмедом не оберегалась. Целью обращения хана Аргуна является совместное нападение на «сарацинскую землю» (terra Saracinorum), которая разъединяет монголов и христиан (teram Scami... inter nos et vos estrengebimus), поэтому ее следует захватить и поделить между теми и другими. Земля Скам, конечно, не Египет, как истолковал это название переводчик латинского текста, а Сирия, аш-Шам, которая находилась в руках «сарацин».[56]

Письмо датировано следующим образом: «Nostra litera anno de Gallo, de luna Madii die XVIII, in coris». Год курицы монгольского летосчисления соответствует 1285 г., а месяц и день — 18 мая. Слова «in coris» А. Ремюза читал, как in Toris; такая замена палеографически вполне объяснима. Вероятно, речь идет о Тебризе, одной из резиденций ильханов, где могло быть составлено послание Аргуна.[57]

Намерения и предложения хана относительно захвата и дележа Сирии, изложенные в этом документе, в полной мере соответствовали задачам, поставленным и перед посольством раббан Саумы. Но дата документа — 1285 г. — на два года предшествует времени посольства Саумы, направленного в 1287 г. К тому же в латинском переводе документа 1285 г. не упоминается Барсаума, как обычно именуется Саума в западных материалах. Главой посольства 1285 г. был назван Иза, и никак нельзя думать, что имя Барсаумы было случайно пропущено, если бы он состоял членом этого посольства. В посланиях папы Николая IV (в частности, в письме к Аргуну) он назван первым как «достопочтенный брат наш Берсаума, епископ областей Востока» (venerabilis frater noster Bersauma, episcopus in partibus orientis).[58]

Второе посольство было направлено ханом Аргуном на Запад в 1287 г. Оно-то и было возглавлено Саумой, и было им самим описано на персидском языке.

Большой интерес представляет послание папы Николая IV к «достопочтенному брату Яулахе, епископу областей Востока», которое является еще одним свидетельством достоверности сообщений «Истории». Послание датировано апрелем первого года избрания Николая IV папой. В тексте упомянуты епископ Барсаума, «знатный муж (nobilis vir) Сабадинус, Фома Анфузский и толмач Угетус, миряне, послы славного царя татар».[59] Фома и Угето были участниками первого посольства

[56] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 192.
[57] Ibid. P. 193.
[58] *Mosheim L.* Historia Tartarorum ecclesiastica. Appendix, N 26, p. 86; [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 200.
[59] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 196 (латинский текст письма).

Аргуна, как указано выше; имя Сабадина встречается впервые. Все эти три лица не были клириками, они так и названы «мирянами».

После приветствий папа выражает в послании свое удовлетворение по поводу того, что мар Ябалаха оказывал поддержку католическим миссионерам, главным образом францисканцам (fratres ordinis Minorum). Далее следует подробное изложение основных догматов католической церкви, как бы распространенный символ веры, который Николай IV прилагает в поучение мар Ябалахе. Тем самым Рим стремился дать понять, что его авторитет в области догматического учения должен быть безусловно принят и на Востоке.

Это послание Николая IV было, очевидно, вручено посольству. Однако в «Истории» отношение папы к представителям восточной церкви квалифицируется совсем иначе: сообщается, что «мар папа» послал драгоценные одежды Ябалахе и дал *пукдана*, т. е. буллу, в которой предоставлял ему «патриаршую власть над всеми сынами Востока». Сауму папа утверждал «всеобщим периодевтом». Таким образом, в оценке отношения папского престола к несторианам свидетельства латинских и сирийских источников расходятся.

В Риме считали, что папа не только может принимать какое-то участие в делах христиан государства ильханов, но властен назначать или утверждать их высших клириков. Сирийцы же, гордясь своей миссионерской деятельностью среди монголов и древностью своей церкви, стремились занять независимое положение по отношению к католикам и «мар папе».

Сохранились также два послания папы Николая IV к хану Аргуну, оба датированные 4 апреля первого года его правления.[60] По нашему мнению, эти два письма были когда-то одним целым посланием папы к хану Аргуну, от которого затем случайно была отторгнута одна часть, известная теперь как второе краткое письмо. Эта заключительная часть письма получила в архиве заголовок и дату, вероятно, чтобы не быть затерянной. Если их читать подряд, они составляют единое целое, и второе является продолжением первого.[61] В начальной части послания (первые строки первого письма) перечислены члены посольства: Барсаума (Берсаума), Сабадин, Фома Анфузский и переводчик Угето. Те же лица в том же порядке перечислены в кон-

[60] *Mosheim L.* Historia Tartarorum ecclesiastica. Appendix, N 26, 27, p. 88, 89.
[61] Ж. Шабо перепечатал их как два различных письма: [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 200—203.

це послания, в так называемом втором письме.[62] Они же перечислены и в послании к Ябалахе, приведенном выше и также датированном апрелем первого года правления папы Николая IV (т. е. 1288 г.).

Папа расточает в письме похвалы Аргуну за поддержку христианства и наставляет его в истинной вере. В заключение (второе письмо) он рекомендует хану принять крещение, не дожидаясь взятия Иерусалима, тогда как сам Аргун, по словам послов, хотел креститься в Иерусалиме, после того как общими усилиями хана и западных королей великий город будет взят.

С тем же посольством от папы было послано письмо к «татарской царице» — Tuctani Reginae Tartarorum.[63]

Тукдан, или Нукдан-хатун, была старшей женой хана Абаги и матерью Гейхату.[64] Она была христианкой; ее сын также проявлял большую терпимость к христианам. Сведения эти имеются в некоторых восточных источниках. Рашид ад-Дин по понятным причинам умалчивает о благосклонном отношении Гейхату к христианам.

Послание папы к Нукдан датировано апрелем 1288 г. Дублет этого письма был направлен на имя монгольской ханши Елагаг,[65] имя которой следует считать измененным именем Олджей (или Олджетей). Можно предполагать, что это или Олджей, дочь Суламиша, жена хана Аргуна,[66] или Олджетей (Олджейтей)-хатун, дочь хан Аргуна и Урук-хатун, которая была христианкой.[67] Эти письма содержат благословения и похвалы за исповедание христианства и его поддержку. Каждую из своих корреспонденток папа называет «возлюбленнейшей дочерью» (carissima filia).

К апрелю 1288 г. относится послание папы к «достопочтенному брату Дионисию, епископу в Тебризе». Оно содержит приветы, благословения и утверждение истинности католического вероисповедания и необходимости оказывать ему поддержку. К посланию приложен символ веры.[68] Известно, что в Тебризе была «греческая церковь», о чем сообщает Бар Эбрей.[69] Дионисий был, вероятно, монофизитским или православным епископом.

[62] *Mosheim L.* Historia Tartarorum ecclesiastica. Appendix, N 26, 27, p. 86, 89.
[63] Ibid. Appendix, N 28, p. 89—90.
[64] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 21, 65, 130.
[65] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 203.
[66] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 21.
[67] Там же. С. 113.
[68] *Mosheim L.* Historia Tartarorum ecclesiasticum. Appendix, N 29, p. 90—91.
[69] *Gregorius Barhebraeus.* Chronicon ecclesiasticum. T. 2. Col. 459—464.

Сам Саума (Берсаума) также получил папскую грамоту, содержавшую католический символ веры, вопреки утверждению «Истории», что его несторианское вероисповедание было благожелательно воспринято папой. Во вводной части послания Николая IV Сауме воздается должное как «горячо принявшему веру христианскую и непрестанно ее соблюдающему» (christianam fidem ferventer amplectens et constanter observans), за что он будет вознагражден свыше. Послание датировано 7 апреля первого года папы Николая IV.[70]

Особое письмо от папы, содержавшее благословение, было дано и знатному монголу, члену посольства Сабадину.[71] Сабадин назван *аркун* (archaon), что значит христианин.

Большой интерес представляет то, что с посольством было отправлено письмо группе светских лиц, происходивших, судя по их именам и прозвищам, из различных городов Западной Европы. Они выполняли, по-видимому, разные функции при дворе ильханов, в том числе являлись «переводчиками татарского хана». Папа посылал им свое благословение и отпускал грехи.[72]

Эти лица были представителями многочисленной группы выходцев с Запада, которые занимались на Востоке торговлей и ремеслом. Следует также упомянуть о монахах и клириках, устремившихся на Восток, среди которых особое место занимали «нищенствующие ордена». К представителям францисканского ордена «младших братьев», находившихся «среди татар» (inter Tartaros), было адресовано другое послание папы Николая IV, доставленное тем же посольством Саумы.[73]

Известно также третье посольство хана Аргуна, направленное им на Запад в 1289—1290 гг.; оно было связано с общей традицией сношений с Западом и, возможно, было вызвано активностью Рима. К 1289 г. относятся сохранившиеся письма папы Николая IV к Аргуну и к Хубилай-хану, посланные до прибытия к папе третьего посольства Аргуна. В письме к Аргуну папа особо отмечает «избранного сына, брата Иоанна из Монте-Корвино», знаменитого миссионера-францисканца, основавшего архиепископство в Ханбалыке (Пекине). Николай IV поручает Иоанна благосклонности хана Аргуна,[74] имея в виду, что активная миссионерская деятельность францискан-

[70] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 207.
[71] *Mosheim L.* Historia Tartarorum ecclesiastica. Appendix, N 30, p. 90—91.
[72] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 210.
[73] Ibid.
[74] *Mosheim L.* Historia Tartarorum ecclesiastica. Appendix, N 31, p. 92, 94.

ца могла в любую минуту привести к конфликту с монгольскими ханами.[75]

В этом же письме папы к Аргуну, датированном июлем 1289 г. (вторым годом Николая IV), упомянут Барсаума как «достопочтенный брат наш робан Барсамма, епископ восточных областей, а также твой посланец, к нам направленный, через которого мы послали тебе другое письмо».[76] Таким образом, Саума и его миссия в Европе оставили глубокий след.

Июлем того же года датировано письмо папы к Хубилай-хану, которому он также рекомендует Иоанна из Монте-Корвино.[77] Оба эти послания были отправлены на Восток с группой миссионеров. Они везли письма и к другим монгольским князьям, к патриархам различных христианских церквей — яковитов, армян, грузин, несториан, т. е. к мар Ябалахе и к епископу Дионисию в Тебризе.[78] Были также послания к царю армян Гайтону (Хейтону, Хетуму) и членам его семьи. Письма были составлены по одному образцу, различаясь лишь именами адресатов.

Послание папы к мар Ябалахе от июля 1289 г. сохранилось; в нем содержатся призывы к исповеданию католической веры и рекомендуется вниманию несторианского патриарха Иоанн из Монте-Корвино, от которого папе известно о многих достойных поступках и действиях Ябалахи.[79]

Третье посольство хана Аргуна (1289—1290) возглавлялось приближенным хана, служившим в его личной охране, уроженцем Генуи Бускарелем. Успешное выполнение поручений вызвало его повторные назначения в посольства (в 1291 г. от того же Аргуна, а в 1302—1303 гг. — от Газан-хана). Положение Бускареля при дворе ильханов было обусловлено тем, что Генуя искала их поддержки в борьбе с Венецией за господство в бассейне Средиземного моря. Более того, Бускарель был самым непосредственным образом заинтересован в торговых операциях своего соотечественника Иакова де Гизульфо, который имел большое торговое предприятие в Генуе. Документы, относящиеся к июлю 1289 г., указывают на неограниченные права, которыми пользовался Бускарель в торговле Иакова.[80]

[75] Ibid. P. 92—99.
[76] Ibid. P. 93.
[77] Ibid. P. 95; *Dawson Chr.* The mongol mission. London; New York, [1956]. P. 10.
[78] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 217.
[79] Ibid. P. 218.
[80] *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 229, Anm. 6; *Bratianu G. J.* Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du trezieme siecle. Bucarest, 1927. P. 242 (N 256), 344 (N 322).

Бускарель, или Бискарель (Biscarellus de Gisulfo), прибыл в Рим в третьем квартале 1289 г. Главной задачей посольства было получить поддержку папы, королей Франции и Англии для завоевания «Святой земли».

Путь Бускареля из Рима шел в Париж, ко двору короля Франции Филиппа IV Красивого. Последнему он вез письмо хана Аргуна. Этот замечательный документ на монгольском языке, написанный уйгурским письмом, сохранился в Париже, в Национальном архиве Франции.

Письмо это неоднократно воспроизводилось, опубликовывалось и переводилось, его подлинность не вызывает сомнений. Это бумажный свиток длиной 1 м 83 см и шириной 25 см, снабженный печатью Аргуна. Документ содержит ответ хана королю Филиппу по поводу того, когда следует выступить в совместный поход, чтобы захватить Сирию и Палестину. Вопрос об этом был задан Аргуну через посольство, возглавленное «мар Бар Саумой, периодевтом», как об этом говорится в письме Аргуна.[81] Следует особо отметить, что во всех изданиях и переводах этого письма неразгаданным оставался термин, следующий за именем Саумы. В монгольской транскрипции это слово дается как saura, sahura. Между тем это слово является транскрипцией сирийского слова «периодевт» — seora, звания, которое имел Саума в качестве высшего несторианского клирика. Подробно значение этого звания рассмотрено выше, здесь же достаточно указать, что сирийское звание «периодевт» — seora попало в текст письма с именем Саумы и передано в монгольской транскрипции. При переводе этого звания смысл слов становится совершенно понятным.

В своем письме Филиппу IV хан Аргун сообщает, что он предполагает выступить в поход в следующем году в зимние месяцы и расположиться лагерем под Дамаском в первый весенний месяц 1291 г., где и будет ждать поддержки западных государей.[82] Все вместе они отвоюют Иерусалим, пишет хан, и тогда он будет в «вашей» собственности. Письмо это должно быть доставлено королю Мускерилем (т. е. Бускарелем). Оно датировано шестым днем последней декады первого месяца года быка (т. е. весной 1289 г.).[83]

[81] *Козин С. А.* Язык первого периода истории монгольской литературы // Известия Академии наук СССР. VII серия. Отд-ние обществ. наук, 1935. № 5. С. 497—498.
[82] *Haenisch E.* Zu den Briefen... S. 220; *Пучковский Л. С.* Заключительная формула... С. 396—422; *Mostaert A.* Une phrase de la lettre... P. 200—220.
[83] *Haenisch E.* Zu den Briefen... S. 220 und Taf. 1; Text und Kommentar. S. 221—229.

Сохранился также текст сопроводительного письма, составленного на старофранцузском языке, в котором Бускарель подробно объясняет намерения Аргуна и содержание его письма.[84] И в этом письме упомянуто имя Барсаумы в следующей связи. В день праздника Пасхи в прошедшем году, пишет Бускарель, Аргун разрешил совершить литургию в своей переносной часовне. Это богослужение совершал «епископ Рабаната, который в прошлом году был у вас с посольством».[85] Нет сомнения, что речь идет о Сауме, которого звали «нашим учителем» (rabban) и «отцом» (ata). Этот документ подтверждает и другие факты, известные из «Истории»: о переносной церкви ханов и о положении, занимаемом Саумой. Письмо Бускареля подтверждает также сообщения сирийцев относительно исповедания несторианства некоторыми представителями монгольской знати.[86] Таким образом, посещение третьим посольством Аргуна французского короля Филиппа засвидетельствовано рядом документов.

Когда Бускарель был в Риме, он получил рекомендательное письмо к королю Англии Эдуарду I, в котором папа просил принять «посланца Аргуна, славного короля татар» (nuncius Argoni regis Tartarorum illustris). В Лондон Бускарель прибыл в сопровождении целого ряда лиц 5 января 1290 г. Послание Аргуна к корою Англии не сохранилось, но имеется копия письма Эдуарда I Аргуну, в котором король Англии обещал поставить хана в известность, когда именно он предполагает выступить в поход.

Сохранились документы и о четвертом посольстве Аргуна на Запад. Посол Чаган, или Заган, был в Западной Европе в 1290 и 1291 гг., стремясь добиться того же, что и предыдущие посольства. Имеются два послания папы к королю Эдуарду, датированные одно декабрем 1290 г., другое январем 1291 г. — оба третьим годом избрания папы Николая IV. В декабрьском письме папа называет послами Аргуна Загана и Баскареля (Бускареля), в январском — «Забедина-христианина». Забедин — это, конечно, упоминавшийся в предшествующих посольствах «знатный муж Сабадинус». Имя Бускареля, как Bisqarun, упоминается также в послании Газан-хана к папе Бонифацию VIII, датированном 1302 г.[87] Несколько лет назад в секретном архиве Ватикана было найдено и опубликовано еще

[84] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 229—232.
[85] Ibid. P. 231.
[86] Ibid.
[87] *Mostaert A., Cleaves F. W.* Trois documents mongols des archives secrétes Vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952. Vol. 15, N 3/4. P. 469, 470, 471.

одно письмо хана Аргуна к папе Николаю IV.[88] Начала письма нет, но так как письмо датировано годом тигра, пятым числом первого летнего месяца (т. е. 14 мая 1290 г.), то оно должно было быть обращено именно к этому прелату, занимавшему папский престол с 1288 по 1292 г. Письмо написано в Урмии и содержит ответ ильхана на предложение папы перейти в христианство. Аргун указывает на то, что среди его предков были христиане и что он обменивался посольствами с западными государями и подтверждал неоднократно обещание не причинять зла христианским народам. Более того, хан не препятствует переходить «своим монголам» в христианство, но сам он этого шага не сделал и полагает, что это не может вызвать чувства обиды у главы католиков.[89]

В этом документе имеются слова, которые были позаимствованы из сирийского языка, прежде всего наименование христианства «религией Мессии» — Misiq-a-in nom. Слово Misiqa — монгольская интерпретация сирийского mešiha (Христос).[90] Такое употребление этого слова в монгольском наблюдается и в других документах, например в турфанских текстах. Наряду с этим следует отметить в 11-й строке документа слово kiristan. В сочетании с другими словами оно дано в смысле «христиане», «христианские народы».[91] Обращает на себя внимание также слово silam, которое П. Пелио предлагает читать как silăm, сближая его с silem de в значении «смачивать», «погружать в воду», и отсюда предлагает его толковать как «крещение». Но такое толкование не вполне приемлемо, и для того же чтения было выдвинуто другое толкование — «поститься»,[92] однако и оно сомнительно. Издатели документов А. Мостерт и Ф. Кливс, указывая, что слово silam не персидского происхождения, задают вопрос, не имеет ли оно связей с сирийским. Действительно, слово silam может быть возведено к сирийскому корню šlm, причем сирийское *шин* закономерно заменено монгольским *с*, как и в слове mešiha — mesiqa. Корень šlm — «исполнять», «кончать», «приветствовать» — общесемитский. Наиболее употребительная форма имени šlma (шлама) — «мир», «привет», šluma (шулама) — «окончание». Имеется диалектальная форма šilma (шилама) в значении «мир», «привет».[93] Возможно, что монгольское слово silam имеет связь с сирий-

[88] Ibid. P. 450.
[89] Ibid. P. 451—452.
[90] Ibid. P. 453.
[91] Ibid. P. 460.
[92] Ibid. P. 459.
[93] *Rayne-Smith R.* Thesaurus syriacus. Oxonii, 1901. T. 2. Col. 4194.

ским и может обозначать «мир», «привет» и завершение, выполнение какого-то обязательного действия, о котором ильхан говорит, что он «не вошел в silam», т. е. не выполнил этого обязательного действия, не вошел в «мир», что, очевидно, сделало бы его христианином.

Сирийские слова в этом тексте лишний раз указывают, что монголы в известной степени подверглись влиянию сирийской культуры.

Сохранились также письма папы Николая IV к Аргуну, датированные четвертым годом его правления. Хан Аргун умер 10 марта 1291 г. Письма же папы датированы сентябрем 1291 г. (по пересчету Ж. Шабо — августом того же года) и, следовательно, были написаны после его смерти. В том же году, того же числа были составлены письма к Урук-хатун, третьей жене Аргуна, и к другим лицам. Урук-хатун, дочь Саручи, была сестрой эмира Иринчина из племени кераит. Саруча был братом Докуз-хатун. Все они были христианами или сочувствовали христианству.

Переписка эта свидетельствует о стремлении Рима к более широкой пропаганде католицизма на Востоке, о его попытках обратить в христианство монгольскую знать. Особую заинтересованность проявлял папа к решению вопроса о Сирии и Палестине.

Интересно также послание 1302 г. от Газан-хана к папе Бонифацию VIII, найденное в секретном архиве Ватикана. Оно было написно в связи с усиленной подготовкой ильханов к завоеванию Сирии, которая была в руках мамлюкских султанов. Весной 1301 г. Газан-хан возвратился из своего второго похода в Сирию, который не принес ему победы, так как мамлюки восстановили свою власть в Сирии. Газан-хан стал готовиться к новому походу, о чем и свидетельствует его послание к папе.[94] Как известно, и в третьем походе монголы потерпели поражение от мамлюкского султана и были наголову разбиты в сражении у Шахкаба 20 апреля 1303 г.[95] Газан-хан, обращаясь к папе, сообщает, что он получил ответ из Рима через Бискаруна и в свою очередь ответил ему через посольство из трех лиц: двух монголов — Кокедея и Тюмена — и того же Бискаруна. Нет сомнения, что последний является известным Бускарелем, или Мускарилем (генуэзцем, о котором речь была выше).[96]

[94] *Mostaert A., Cleaves F. W.* Trois documentes mongols... P. 468.
[95] *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 102.
[96] *Mostaert A., Cleaves F. W.* Trois documents mongols... P. 468—469.

Послание, которое Газан-хан направил папе, он называет «ярлыком», т. е. приказанием, повелением. По содержанию оно является сообщением о подготовке в поход войск монголов и предупреждением о необходимости западным государям со своей стороны приготовить свои отряды и не пропустить назначенный срок. Газан-хан отправил это письмо с тремя посланцами, имена которых в нем названы: Сададин, Синанадин и Самсадин. Письмо датировано 701 г. хиджры и 14 числом «последнего весеннего месяца года тигра», что соответствует 12 апреля 1302 г.[97] Это письмо подтверждает, следовательно, то, что известно из послания Аргуна французскому королю Филиппу IV Красивому и сообщения «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы»: настойчивое стремление монголов организовать военную коалицию, которая была бы в силах разбить войска султана Египта и захватить его сиро-палестинские владения. Ильханы последовательно проводили этот замысел, который был неразрывно связан с их попытками упрочить свое государство и стать полновластными хозяевами Передней Азии.

Несмотря на настойчивые предложения папы поддержать намерения монгольских ханов и вновь захватить «Святую землю», ни Эдуард, ни Филипп, вопреки своим заверениям, не сочли возможным выступить. Правда, в сохранившемся письме короля Англии Эдуарда I к мар Ябалахе, датированном 12 марта 1303 г., говорится о возможностях завоевания «Святой земли», но время крестовых походов для Запада уже прошло безвозвратно, да и поражение, которое понесли ильханы в войне с мамлюками, также значительно ослабило завоевательные устремления монголов. Изменилось в связи с внутренними противоречиями монгольской державы и отношение ильханов к христианскому населению их империи. В этих условиях переписка с Эдуардом I о возможности крестового похода теряла для Ябалахи всякий смысл.

Хан Олджейту, брат Газан-хана и сын хана Аргуна, при котором обиженный Ябалаха попросился на покой, продолжал переписку с западными государствами. Сохранилось его дружественное послание к королю Франции, в котором он напоминает о том, что в течение длительного времени при его дяде, отце и старшем брате имел место обмен посланиями и подарками. Олджейту ставит в известность своего адресата, что наследники Чингисхана после 45 лет вражды на всем пространстве, где воцарились монголы, установили мир и непосредственные почтовые связи. В письме хан поднимает вопрос об

[97] Ibid. P. 470, 471.

установлении «согласия» между Францией и империей монголов. Более того, если кто-нибудь третий нарушит согласие «с нами или с вами», то ему должно быть оказано совместное (т. е. общее) сопротивление.[98] Эти выражения можно толковать как предложение оборонительного союза, которого желали монгольские ханы.

Послание датировано 704 г. хиджры, соответствующим году змеи, в восьмой день последней декады первого весеннего месяца,[99] т. е. 28 мая 1305 г.,[100] и было отправлено с послами Мамалагом и Томаном. Это послание королю Франции Филиппу IV Красивому продолжает ту же тенденцию ильханов к союзу с западными государствами, чтобы, опираясь на них, дойти до Средиземного моря и стать твердой ногой на побережье Сирии и Палестины, что, впрочем, как указано выше, им не удалось.

Вопреки тенденции «Истории» показать независимость несториан от «мар папы», следует указать на стремление мар Ябалахи в известной мере опереться на главу западного христианства — всесильного папу. Это особенно справедливо для последних лет жизни Ябалахи, когда он подвергался жестокому гонению.

Сохранилось письмо Ябалахи к папе Бенедикту XI от 18 мая 1304 г.[101] Некоторые исследователи были склонны истолковать это письмо как согласие католикоса на унию с католичеством или даже как согласие на обращение несториан в католичество.[102] Латинский перевод этого письма весьма неточен и не передает значения выражений подлинника. В действительности Ябалаха искал воможность найти опору в папе лично для себя, но никак не стремился к унии несторианства с католичеством.[103]

Таким образом, факты, сообщаемые «Историей мар Ябалахи III и раббан Саумы», находят свое подтверждение в материалах архивов западных государств, особенно папской курии. Количество адресатов папы Николая IV в далекой «Тартарии» говорит о сравнительно широком круге лиц, с которыми католическая церковь находилась в переписке. Выходцы из западных государств, уроженцы различных городов Европы жили на Ближнем Востоке, служили при дворе монгольских владык в качестве переводчиков, толмачей, писцов, выполняли дипломатические поручения.

[98] *Kotwicz W.* Les mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIV-siecle. Varsovie, 1933. P. 3—4.

[99] Ibid. P. 4. Досадная ошибка вкралась в перевод С. А. Козина в его статье «К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских ильханов» (Известия Академии наук СССР. Отд-нне обществ. наук. 1935. № 7), где он дает ошибочно дату по хиджре 707 г., но приравнивает ее к верной дате по нашей эре (1305 г.), данной Котвичем.

[100] *Haenisch E.* Zu den Briefen... S. 220, 235.

[101] *Mosheim L.* Historia Tartarorum ecclesiastica. Appendix, N 43, p. 110; [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 250—255.

[102] *Assemanus J. S.* Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana. T. 3, pars. 2. De scriptoribus Syria Monophisitis. Roma, 1728. P. 407—413.

[103] [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... Appendice I, p. 256.

В то же время миссионеры различных орденов, главным образом францисканцы, преследуя цели христианизации, глубоко проникали в монгольскую среду. С христианством сюда получили доступ новые образцы материальной культуры Запада: ткани, одежда, сосуды, изделия из металла — в обмен на товары, традиционные для вывоза из стран Востока. Одновременно раширялись представления о других народах, их языках, письменности.

Государство ильханов испытывало мощное, глубокое влияние персидской культуры, длительно воздействовавшей на монголов, обосновавшихся в Иране. На Среднем и Ближнем Востоке монголы пришли в соприкосновение с мусульманской культурой — результатом творческой деятельности целого ряда народов. Еще теснее связало монголов с этой культурой их обращение в ислам. Но, несомненно, большую роль играло и христианство. Монголы не могли избежать культурного влияния сирийцев, армян и других христиан, которые имели свои традиции, обычаи, свою многовековую историю, начавшуюся задолго до внедрения ислама. Влияние несторианства в известной мере открыло возможности для сближения с Западом, который был достаточно хорошо известен несторианам.

Развитие отношений между Ближним Востоком и Средиземноморским бассейном, складывавшихся в течение столетий, получило новый толчок в связи с крестовыми походами, в которых Франция и Англия заняли значительное место, расширив таким путем круг государств, искавших экономически выгодных для них связей с Азией. И эта позиция европейских государств подчас встречала, как мы видели, благосклонное отношение ильханов.

В жизни монгольского государства в Иране двум несторианам, уйгурам по происхождению, выпала на долю значительная роль, раскрытая сирийским памятником XIV в. Предлагаемый ниже перевод этого памятника поможет историкам в их исследованиях, касающихся истории монгольских государств XIII и XIV вв.

СИРИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Известно, какое широкое распространение на Востоке имели сказания об Александре Македонском. В основе их лежали различные версии греческого «Романа об Александре» псевдо-Каллисфена, который неоднократно подвергался переработкам, дополнениям и припискам. Восточные «Александрии» на различных языках были излюбленным чтением в течение всего средневековья.[1] Стихотворные поэмы и сказания о походах греков переписывались и тщательно украшались миниатюрами.

На Ближнем Востоке сирийская литература не избежала общей участи. Очарование образа великого завоевателя, его войн, его дальних странствий вызвало к жизни целую серию литературных памятников на сирийском языке. Они составили как бы некоторый свод, который так последовательно и переписывался. Это собрание сирийских «Александрий» дошло до нас в поздних несторианских рукописях XVI, XVII и XVIII вв., подробно и тщательно вокализованных: текст, по всей видимости, неоднократно и часто переписывался.

В сирийский свод входят версия романа псевдо-Каллисфена, христианская легенда об Александре, стихотворная гомилия Иакова Серугского.[2] Известна также краткая версия — извлечение из романа об Александре псевдо-Каллисфена по рукописи IX в.[3]

Сирийский распространенный перевод псевдо-Каллисфена обнаруживает большое сходство и близость к арабской версии, что побудило ученого издателя сирийского свода Э. Баджа предположить, что сирийский перевод был сделан с арабского.[4] Однако тщательный анализ сирийского текста псевдо-Каллисфена привел Т. Нельдеке к другому выводу, который и следует признать правильным. По мнению этого выдающегося востоковеда, сирийский текст синтаксически не находится в зависимости от арабского и проявляет тенденцию ставить глагол

[1] *Бертельс Е. Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М., 1948. С. 4.

[2] *Budge E. A. W.* The history of Alexander the Great, being a syriae version of the Pseudo-Callisthenes. Cambridge, 1889.

[3] *Lagarde P. de.* Analecta syriaca. Lipsiae, 1858. P. 205—208.

[4] *Budge E. A. W.* The history of Alexander... P. LX.

после подлежащего. В сирийском тексте имеется ряд персидских слов и отсутствуют арабские. Имена божеств, царей соответствуют персидским наименованиям. Сирийскому тексту известна крепость, построенная Сасанидами на Кавказе, — «крепость Иверии», Юроейпаах, о которой упоминает Приск. К этим доводам Т. Нельдеке высказал еще соображения относительно частой замены звуков *р* и *л*, что не может соответствовать ни греческому, ни арабскому, а только пехлевийскому оригиналу.[5] К этому следует добавить хорошую осведомленность сирийского псевдо-Каллисфена в географии Ирана, где даны пехлевийские (персидские) названия областей, городов и рек (Согд, Балх, Самарканд, Вехрот-Окс, Гурган-Гиркания).[6]

Общие соображения заставляют полагать, что едва ли в послесасанидское время сирийцы продолжали сохранять знание пехлевийского языка. Поэтому Т. Нельдеке относит как недошедший пехлевийский текст псевдо-Каллисфена, так и его сирийский перевод ко времени до VII в. Однако следует отметить, что и в VIII в. ученые сирийцы-несториане занимались переводами.[7] В известных кругах эта книга много читалась. На связь частей сирийской версии с арабскими указывают и новые даннные Мешхедской рукописи, содержащей книгу Ибн ал-Факиха.[8] С сирийским связан и эфиопский перевод романа.

Несомненный интерес представляет входящая в сирийский свод христианская легенда об Александре, перевод которой дан ниже (с. 631—641). Содержание этой легенды следующее. Александр, призвав своих близких, сообщает им о своем желании направиться к последним пределам земли, узнать, «на чем стоит небо». Ему отвечают, что океан — грязное, вонючее море — препятствует возможности видеть край вселенной, но Александр решает убедиться в этом сам, а также попутно захватить земли других царей. В Александрии было собрано войско в 320 тысяч мужей, и на кораблях оно прибыло в Египет. Здесь Александр берет у Сарнака, египетского царя, 7 тысяч кузнецов, которые должны двинуться с его войском.

За одиннадцатью светлыми морями, после четырех месяцев и двенадцати дней плавания, корабли достигли твердой земли. Отсюда Александр послал приговоренных к смерти людей к грязному морю, приблизившись к которому, они умерли. Тогда

[5] *Nöldeke Th.* Beiträge sur Geschichte des Alexanderroman // Denkschrift der K. Akademie der Wissenschaften. Philos.-histor. Classe. Wien. 1890. S. 12—15.

[6] Ibid. S. 15—16.

[7] Ibid. S. 17.

[8] *Булгаков П. Г.* Арабская параллель к 24-й главе III книги сирийской версии романа об Александре // ПС. 1956. Вып. 2 (64—65). С. 53—57.

царь македонский решает отправиться к светлому морю, где восходит солнце.

Затем «на западе» Александр находит большую гору Мусас, очевидно Масис (Арарат), а также истоки Евфрата. На Кавказе Александр призывает старцев, которые рассказывают ему о диких народах, живущих за горой, называемых гуннами. Их наступление повергает всех в ужас. Александр решает выстроить железные ворота с замками, между скалами, чтобы преградить возможность нашествий гуннов. Такие ворота были построены, и на них была сделана надпись. Персидский царь Тубарлак с другими царями выступает против Александра. Разбитый Тубарлак признал себя побежденным, и охрану железных ворот персы и ромеи приняли на себя в равной мере. Александр удалился с войсками «из Парса».

В том виде, как до нас дошла легенда, она несомненно составлена из разнородных частей, малоискусно соединенных в одно повествование.

Первая часть легенды связана с теорией мироздания, так как в ней сообщается о том, что находится на краю вселенной. Чтобы сделать сведения о солнце, небе и земле достоверными, в свидетели приведен Александр, которому легче всего было приписать путешествие на край земли. В представлении составителя легенды земля за одиннадцатью «светлыми» морями окружена «грязным» океаном, который препятствует возможности достигнуть ее края. Самая идея «грязного» океана могла родиться в связи с природой Мертвого моря, хорошо известного на Ближнем Востоке. Рассказ о солнце, как оно выходит из окошка, как от него прячутся в пещерах, является домыслом, попыткой объяснить сложные явления смены дня и ночи. Во второй части легенды затронуты другие вопросы мироздания, известные из предшествующих сочинений, греческих и сирийских, распространенных на Ближнем Востоке, как четыре реки, текущие из «рая эдемского», а также расположение рая — «парадиса» между небом и землей. О четырех райских реках и парадисе существовало много легенд, которые разукрашивались и изменялись в изложении различных авторов.[9]

В этой части легенды Александр готовит в Александрии войска для выступления и просит кузнецов у Сарнака, царя Египта. Но совершенно очевидно, что географические представления здесь неявные, потому что войска Александра расположились «на горе Синай», а потом на кораблях «прибыли в Мицраим».

[9] *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951. С. 76—77.

Более основательными являются сообщения второй части легенды, географически связанной с Кавказом. Александр был на востоке, где имеется окошко в небе, из которого выходит солнце, он «посмотрел на запад неба и нашел большую гору, по которой спустился». Текст здесь неожиданно переходит к новой теме, имеющей реальное содержание, так как речь идет о различных областях и географических пунктах Кавказа. «Мусас большая» — это Масис, гора Арарат, по которой Александр спускается, очевидно, с севера на юг, так как он попадает в Колхиду (Калодия), затем к истокам Евфрата и Халуру. У реки Халат они поднялись к горе Рамат, с которой направились «в северный край, вышли в Армению, Адорбайган и во внутреннюю Армению». Далее его путь лежит по ряду областей, и он вновь проходит «у горы Мусас», т. е. у Арарата. Только две составные части всего этого пути географически оправданны — от Арарата к истокам Евфрата и Халуру, с одной стороны, и от Калата на север в Армению, с другой стороны.

Третья часть легенды содержит описание постройки железных ворот, которые были воздвигнуты Александром, чтобы «запереть» гуннов и отрезать им возможность выхода за Кавказский хребет. Описано сооружение ворот подробно и даны размеры отдельных их частей, что придает этому сообщению реалистический характер.

«Люди той земли», т. е. той части Кавказа, где находились железные ворота, сообщили о приходе Александра царю персов Тубарлаку. Четвертая часть легенды посвящена войне Александра с коалицией 82 царей, которые «восстали» против него. Чудесным образом Александр побеждает всех. В этой части легенды имеется немало данных, позволяющих определить время ее возникновения. Ворота по соглашению между Тубарлаком и Александром должны были охраняться 600 мужьями «из ромеев» и таким же числом воинов-персов. Это обстоятельство живо напоминает сообщение Приска Панийского о том, что персы охраняли «крепость Юроейпаах (Ἰουροειπαάχ), находящуюся у Каспийских ворот»,[10] а также соглашение между персами и ромеями, о котором говорит Иешу Стилит, помогать в случае войны, направляя отряд в 300 человек воинов с оружием и конями.[11] Тот же хронист говорит: «В наши дни Пероз, царь персидский, из-за войны с кионайе, т. е. с гуннами, не-

[10] *Priscus Panites.* Fragmenta // Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. Berolini, 1903. T. 2. P. 586—587.

[11] *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V и VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.; Л., 1940. С. 82, 131 (ТИВАН. Т. 31).

однократно получал золото от ромеев, не требуя его как подати, но вызывая их усердие, будто бы ради них он вел с ними борьбу, чтобы они не перешли в вашу землю».[12]

Нападения гуннов и других кочевых народов, проникавших через ущелья Кавказского хребта в области Междуречья, вплоть до побережья Средиземного моря и на восток в Иран, побудили и персов, и ромеев оберегать кавказские ущелья. Упомянутая крепость Юроейпаах была одним из их оплотов, в охране которого были заинтересованы оба государства.

Вторжения гуннов известны по целому ряду источников. К 707 г. по селевкидской эре, т. е. к 395/96 г., относится их нападение на византийские области, сопровождавшееся опустошениями и уводом в рабство жителей. Вся Сирия находилась в руках гуннов «благодаря предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая».[13] Упоминаемый сирийской хроникой Руфин как временщик пытался захватить престол Аркадия, одного из сыновей императора Феодосия. 27 ноября 395 г. Руфин был убит солдатами, следовательно, нападение гуннов имело место именно в этом году. Об этом нападении упоминает и Сократ, считавший, что Руфин «призвал варварский народ гуннов» в ромейские земли, что согласуется с мнением Иешу Стилита об измене Руфина. Клавдиан в сочинении «против Руфина» упоминает о том, что гунны прошли через «Каспийское ущелье» в Армению и наводнили области на востоке империи.[14]

Около 448 г. через Кавказские горы прорвались Васих и Курсих, принадлежавшие к войску Аттилы «мужи из царских скифов и начальники многочисленного войска», и напали на области Ирана.[15] Сохранивший об этом рассказ Приск Панийский сообщает, что, по их словам, они переправились через какое-то озеро, которое они считали Меотидой (обычно Азовское море), предварительно преодолев степные пространства. Через 15 дней, миновав горы, они перешли персидскую границу и произвели жестокие опустошения. Персидское войско напало на них и отняло бóльшую часть добычи. Отступая, отряды Васиха и Курсиха были вынуждены следовать «другой дорогой», где пламя вырывается из скалы. Через несколько дней они возвратились к себе. Отсюда стало известным, что Скифия

[12] Там же. С. 131.
[13] Там же.
[14] Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia with the Latin Translation of Valesius / Ed. R. Hussey. Oxonii, 1853. 6, 1. P. 656 (далее: *Socrates*. Historia); Claudianus adversus Rufinum, 2, 25 // *Socrates*. Historia. T. 3. Annotationes. P. 438.
[15] *Priscus Panites*. Fragmenta. P. 141.

и Мидия (Иран) находятся недалеко друг от друга. Из текста нельзя заключить, какие этнические группы произвели нападение на персидскую территорию, наиболее вероятно, что это были смешанные группы «скифов» и «гуннов». Первый раз орды Васиха и Курсиха прошли через ущелья, расположенные ближе к западу, к Меотиде, откуда они и шли. Это могло быть Дарьяльским ущельем. «Другая» дорога, по которой они возвращались, где был виден «огонь», вырывавшийся из скалы, скорее всего, была дорогой через Дербентский перевал.[16]

В середине V в. в Армении возникло движение, продолжавшееся долгое время, направленное против Ирана, в которое были вовлечены соседние государства. Армяне пытались связаться с соседями для того, чтобы противопоставить силам персов целую коалицию. На стороне Армении приняла участие в борьбе Албания (агваны). Общими усилиями персидские отряды были выбиты из «гуннских гор». Вагану, родственнику царской семьи агван, была поручена охрана важнейшего ущелья. Ему же армяне поручили войти в соглашение с гуннами, к которым он был направлен в качестве посла, и со «многими другими варварами». Союз с варварскими племенами был подтвержден клятвами с обеих сторон.[17]

В 451 г. армянские войска перешли Куру и под предводительством Вагана разбили персидские войска, а затем двинулись к ущелью, разделяющему страну «агван и гуннов». Персидский гарнизон был выбит из этой крепости, и охрана ворот возложена на отряды Вагана.[18]

К 453/54 г. относятся войны персов с эфталитами на среднеазиатской границе. Тогда же восстали охранявшие Аланские ворота гарнизоны, состоявшие из армян, иверов и алан.[19]

Таким образом, охрана кавказских ущелий и так называемых «ворот» в течение веков была предметом беспокойства и постоянного внимания как для Византии, так и для Ирана.

Нападения гуннов с стороны Кавказского хребта имеют место и в VI в. В сирийской хронике Захарии Ритора имеется

[16] *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 45—46 (ТИВАН. Т. 41).
[17] *Elisée Vartabed*. Histoire d'Armenie // Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie par V. Langlois. Paris, 1869. T. 2. P. 208—209; *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники... С. 46.
[18] *Lazare de Pharbe*. Histoire d'Armenie // Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie par V. Langlois. Paris, 1869. T. 2. P. 293—294.
[19] *Elisée Vartabed*. Histoire d'Armenie. T. 2. P. 185—186, 189; *Marquart J.* Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901. S. 56; *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники... С. 43; *Chirshmann R.* Les chionites hephtalites. Le Caire, 1948. P. 86.

сообщение о нападении гуннов в царствование императора Анастасия, но в ее текст вкрались некоторые анахронизмы, которые были подвергнуты анализу.[20] Сирийская хроника относит войну персов с гуннами к 13-му году правления Анастасия. Но то, что персы при Каваде после заключения мира с Византией вели борьбу с гуннами, указывает скорее на 15-й год Анастасия, т. е. 504/05 г., как это можно заключить из сообщения Прокопия Кесарийского.[21] Гунны эти находились в северо-западной стороне и прошли через «ворота», т. е. через ущелья Кавказских гор.

Хронографы Малала и Феофан говорят о нападениях гуннов, прорвавшихся через Каспийские ворота и опустошивших Армению и Каппадокию. Феофан дополняет к этому Галатию и Понт как подвергшиеся разорению области. Хронология Феофана, как известно, требует всегда поправок, это событие он расположил под 6008 г. греческого летосчисления. Комит Марцеллин относит нападение гуннов-сабиров на области Армении и Малой Азии к 515 г.[22]

В тексте рассматриваемой сирийской легенды имеются две даты, обе даны как пророческие, предусматривающие события, которые должны были произойти в отдаленном будущем. Все основания предполагать, что эти даты даны по селевкидскому летосчислению, которое велось «от Александра», и они могут быть привлечены для определения времени составления этой легенды.

Год 826 соответствует 514/15 г., когда произошло нападение гуннов на области Армении и Малой Азии. В пророчестве Александра в легенде говорится, что в этот год «выйдут гунны по малой дороге, которая выходит против Хилораса, откуда вытекает Тигр, подобно доске, вращающей жернов».[23]

Вторая дата вложена также в уста Александра: «И еще я пишу, возвещаю и пророчествую, что по прошествии девятисот сорока лет... другой царь...». Текст здесь несколько испорчен, но дата сохранилась и несомнено относится к еще одному нападению «варварских народов». 940 год по селевкидскому счислению соответствует 628/29 г.[24]

[20] *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники... С. 65—66.

[21] Procopii Caesariensis opera omnia / Recog. I. Haury. Lipsiae, 1905—1908. Vol. 1—3 (далее: *Procopius.* De bello persico), I, 10.

[22] *Theophanus.* Chronographia / Recensuit C. de Boor. Lipsiae, 1883. T. 1. P. 161; *Marcellini comitis.* Chronicon / Rec. Th. Mommsen. Berlin. Bd 2. S. 99 (Monumenta Germaniae Historica. Bd 11).

[23] *Budge E. A. W.* The history of Alexander... P. 268.

[24] Ibid. P. 269.

Т. Нельдеке, принимая во внимание первую из дат, относил этот памятник к 514/15 г., ко времени нашествия гуннов-сабиров. Что касается пророчества относительно 940 (628/29) г., то Нельдеке считал его «чисто фантастической картиной», не имевшей «опоры в фактах».[25] Но так как 628 г. был годом нашествия хазар, проникших через Дербентское ущелье благодаря попустительству Византии при императоре Ираклии, то следует полагать, что здесь имеется указание на этот факт. Едва ли это — интерполяция, внесенная позднее в составленный раньше основной текст.

Близко к христианской легенде по своему содержанию стоит стихотворная гомилия (мимра) из четырехстрочных строф по 12 слогов в строке.[26] Ошибочно эту гомилию приписывали Иакову Серугскому, плодовитому сирийскому писателю и поэту, умершему в 521 г.[27] Это анонимное стихотворное произведение, в первой части по содержанию совпадающее с нашей легендой, которое было составлено между 628 и 637 гг.[28] Как и в легенде, Александр высказывает желание дойти до пределов земли, до зловонного моря, берет у Сарнака, царя Египта, 12 000 ремесленников и отправляется в путь. Александр спрашивает совета у 300 старцев, но затем повествуется о его путешествии в страну тьмы и источника живой воды, чего нет в легенде. Имеются рассказы о Тубарлаке, царе Персии, и о народах «агог и магог». Описывается также построение железных ворот, как и в легенде, с большими подробностями и сведениями о ширине и длине их отдельных деталей.[29] Но далее следует явление Александру ангела, который сообщает македонскому царю, как произойдет конец мира. В этих эсхатологических представлениях значительное место принадлежит и железным воротам, которые будут настежь открыты перед концом света. Следует вспомнить, что и приписываемое Ефрему Сирину «Слово», в котором упоминаются железные ворота и описываются гунны, также содержит эсхатологические мотивы; оно так и называется: «Слово о агоге и магоге и о последнем конце».[30]

[25] *Nöldeke Th.* Beiträge sur Geschichte... S. 31.

[26] *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 191.

[27] *Knös G.* Chrestomatia. Syriaca. Göttingen, 1807; *W[eber] A.* Des mor Yaqûb Gedicht über den gläubigen Kônig Alexander. Berlin, 1851. S. 9—35.

[28] *Hunnius C.* Das syrische Alexanderlied // ZDMG. 1906. Bd 60. S. 169—209, 508—589, 802—821 (сирийский текст и немецкий перевод); датировку см. S. 171; *Baumstark A.* Geschichte... S. 191.

[29] *Hunnius C.* Das syrische Alexanderlied. S. 564—567.

[30] *St. Ephraem Syrus.* Hymni et sermones / Ed. Th. J. Lamy. Mechliniae, 1889. T. 3. Col. 211.

Таким образом, оба эти произведения — «Мимра» и «Слово» — связаны друг с другом теснейшим образом по замыслу и сюжету. Возможно, что и написаны они приблизительно в одно и то же время, в начале VII в. Много оснований предполагать, что их предшественником была наша «Легенда об Александре», которая дошла, однако, в неисправных рукописях, с небольшими пропусками, как на это указано нами ниже.

Нашествия «гуннов» и «хазар» в первой половине VII в. потрясли всю жизнь Закавказья и Междуречья и оставили глубокий след в литературе сирийцев. «Легенда об Александре» ставила целью описать нашествия гуннов и постройку железных ворот. «Слово о последнем конце», приписываемое Ефрему Сирину, и анонимная стихотворная гомилия использовали данные «Легенды», но оба эти произведения имеют свою особенность в эсхатологических дополнениях. В «Легенде» значительное место занимают географические данные, представления о пределах мира, о строении вселенной, в обоих стихотворных произведениях получает развитие тема о конце мира, его последних судьбах, которые пророчески открыты Александру.

В христианской легенде македонский царь — праведный и удостоенный особого благоволения правитель. Следует согласиться с Т. Нельдеке, что непосредственным источником гомилии был наш памятник — христианская «Легенда об Александре». Высказывались предположения, что обе они восходят к общему источнику.[31] Следует указать и на приписываемое Ефрему Сирину «Слово о последнем конце», в котором упоминаются ворота, построенные Александром, перечисляются народы, жившие за этими воротами и от которых была сооружена эта защита. Особо упоминаются гунны, охарактеризованные как народ, стоящий на первых ступенях варварства, что совпадает с содержанием гомилии и христианской легенды. Однако высказывались сомнения относительно принадлежности этого слова Ефрему Сирину.[32] Следует отметить, что «Житие Ефрема Сирина», составленное в IV в. его ближайшими учениками, сообщает, что Ефрем был свидетелем нападения гуннов на Эдессу, где он прожил последнюю часть своей жизни и умер в 373 г.[33]

[31] *Bousset W.* Beiträge zur Geschichte der Eshatologie // ZfK. 1889. Bd 20. S. 103—131.

[32] *Anderson A. R.* Alexander's Gate, Gog and Magog, and the inclosed nations. Cambridge, Massachusetts, 1932. P. 16—17.

[33] *Baumstark A.* Geschichte... S. 34.

Нападение гуннов на области Междуречья и на Сирию известно сирийской хронике Иешу Стилита, относящей это событие к 395/6 г. Следовательно, Ефрем не мог быть его свидетелем. Но армянский агиологический источник V в. сообщает, что шаханшах Шапур II (309—379) в ходе войны с армянами в 368—371 гг. призвал на помощь гуннов и открыл им «ворота алан». Гунны и другие перечисленные автором народы наводнили Адорбайган (Азербайджан) и всю Армению.[34] Фавст Бузанд сообщает о тех же фактах, несколько иначе их интерпретируя, и о победе византийских и армянских войск над персами и их союзниками.[35]

Таким образом, можно предполагать, что Ефрем Сирин был свидетелем нападений гуннов, и рассказ в его «Житии» не является вымыслом. В «Слове о последнем конце» гуннам уделено особое место,[36] описание их обычаев повторяется затем на протяжении веков у различных сирийских авторов, до XII в. включительно. Так и Михаил Сириец с некоторыми вариантами повторяет его в своей «Хронике» в главе XIV, посвященной тюркам.[37] Те обычаи, которые в «Слове» относятся к гуннам, позднейшие авторы относят к различным тюркским народам, часто повторяя своих предшественников дословно.

В «Слове», в главе, предшествующей сообщениям о гуннах, перечисляются различные народы, этот список варьирует, имена огласуются по-разному, но в основном список не изменяется, и в нем всегда фигурируют Гог (Агог) и Магог. В «Слове» первыми названы «Агог и Магог, Наваль и Агаг», в христианской легенде об Александре повторяются те же имена — «Гог, Магог и Наваль — цари, сыны Иафета». Имя Агага перенесено с другой огласовкой, как имя Гиг, в число 12 имен, о которых говорится, что «это цари гуннов». В этих именах в «Слове» и в легенде — большая разница, так что их нельзя сопоставить друг с другом. В качестве народов, которые сопутствуют и «идут с ними», т. е. с гуннами, названы «меды и персы, армяне и троки».[38]

Если это последнее имя trokaie прочитать как «турки», как предлагает Т. Лами, то это является указанием на позднее про-

[34] Vie de st. Nersès // Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie par V. Langlois. Paris, 1869. T. 2. P. 34.

[35] *Фавстос Бузанд.* История Армении. Ереван, 1953. Кн. 5, гл. 4—5. С. 148—156; Collection des histories anciens et modernes de l'Arménie par. V. Langlois. Paris, 1867. T. 1. P. 281—282.

[36] *St. Ephraem Syrus.* Hymni et sermones. Col. 198—199.

[37] Chronique de Michel le Syrien, Patriarche jacobite d'Antioche / Ed. J. Chabot. Paris, 1899—1924. T. 1—3. T. 3. P. 149—152; T. 4. P. 556—568.

[38] *St. Ephraem Syrus.* Hymni et sermones. Col. 195—198.

Таким образом, оба эти произведения — «Мимра» и «Слово» — связаны друг с другом теснейшим образом по замыслу и сюжету. Возможно, что и написаны они приблизительно в одно и то же время, в начале VII в. Много оснований предполагать, что их предшественником была наша «Легенда об Александре», которая дошла, однако, в неисправных рукописях, с небольшими пропусками, как на это указано нами ниже.

Нашествия «гуннов» и «хазар» в первой половине VII в. потрясли всю жизнь Закавказья и Междуречья и оставили глубокий след в литературе сирийцев. «Легенда об Александре» ставила целью описать нашествия гуннов и постройку железных ворот. «Слово о последнем конце», приписываемое Ефрему Сирину, и анонимная стихотворная гомилия использовали данные «Легенды», но оба эти произведения имеют свою особенность в эсхатологических дополнениях. В «Легенде» значительное место занимают географические данные, представления о пределах мира, о строении вселенной, в обоих стихотворных произведениях получает развитие тема о конце мира, его последних судьбах, которые пророчески открыты Александру.

В христианской легенде македонский царь — праведный и удостоенный особого благоволения правитель. Следует согласиться с Т. Нельдеке, что непосредственным источником гомилии был наш памятник — христианская «Легенда об Александре». Высказывались предположения, что обе они восходят к общему источнику.[31] Следует указать и на приписываемое Ефрему Сирину «Слово о последнем конце», в котором упоминаются ворота, построенные Александром, перечисляются народы, жившие за этими воротами и от которых была сооружена эта защита. Особо упоминаются гунны, охарактеризованные как народ, стоящий на первых ступенях варварства, что совпадает с содержанием гомилии и христианской легенды. Однако высказывались сомнения относительно принадлежности этого слова Ефрему Сирину.[32] Следует отметить, что «Житие Ефрема Сирина», составленное в IV в. его ближайшими учениками, сообщает, что Ефрем был свидетелем нападения гуннов на Эдессу, где он прожил последнюю часть своей жизни и умер в 373 г.[33]

[31] *Bousset W.* Beiträge zur Geschichte der Eshatologie // ZfK. 1889. Bd 20. S. 103—131.

[32] *Anderson A. R.* Alexander's Gate, Gog and Magog, and the inclosed nations. Cambridge, Massachusetts, 1932. P. 16—17.

[33] *Baumstark A.* Geschichte... S. 34.

Нападение гуннов на области Междуречья и на Сирию известно сирийской хронике Иешу Стилита, относящей это событие к 395/6 г. Следовательно, Ефрем не мог быть его свидетелем. Но армянский агиологический источник V в. сообщает, что шаханшах Шапур II (309—379) в ходе войны с армянами в 368—371 гг. призвал на помощь гуннов и открыл им «ворота алан». Гунны и другие перечисленные автором народы наводнили Адорбайган (Азербайджан) и всю Армению.[34] Фавст Бузанд сообщает о тех же фактах, несколько иначе их интерпретируя, и о победе византийских и армянских войск над персами и их союзниками.[35]

Таким образом, можно предполагать, что Ефрем Сирин был свидетелем нападений гуннов, и рассказ в его «Житии» не является вымыслом. В «Слове о последнем конце» гуннам уделено особое место,[36] описание их обычаев повторяется затем на протяжении веков у различных сирийских авторов, до XII в. включительно. Так и Михаил Сириец с некоторыми вариантами повторяет его в своей «Хронике» в главе XIV, посвященной тюркам.[37] Те обычаи, которые в «Слове» относятся к гуннам, позднейшие авторы относят к различным тюркским народам, часто повторяя своих предшественников дословно.

В «Слове», в главе, предшествующей сообщениям о гуннах, перечисляются различные народы, этот список варьирует, имена огласуются по-разному, но в основном список не изменяется, и в нем всегда фигурируют Гог (Агог) и Магог. В «Слове» первыми названы «Агог и Магог, Наваль и Агаг», в христианской легенде об Александре повторяются те же имена — «Гог, Магог и Наваль — цари, сыны Иафета». Имя Агага перенесено с другой огласовкой, как имя Гиг, в число 12 имен, о которых говорится, что «это цари гуннов». В этих именах в «Слове» и в легенде — большая разница, так что их нельзя сопоставить друг с другом. В качестве народов, которые сопутствуют и «идут с ними», т. е. с гуннами, названы «меды и персы, армяне и троки».[38]

Если это последнее имя trokaie прочитать как «турки», как предлагает Т. Лами, то это является указанием на позднее про-

[34] Vie de st. Nersès // Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie par V. Langlois. Paris, 1869. T. 2. P. 34.

[35] *Фавстос Бузанд.* История Армении. Ереван, 1953. Кн. 5, гл. 4—5. С. 148—156; Collection des histories anciens et modernes de l'Arménie par. V. Langlois. Paris, 1867. T. 1. P. 281—282.

[36] *St. Ephraem Syrus.* Hymni et sermones. Col. 198—199.

[37] Chronique de Michel le Syrien, Patriarche jacobite d'Antioche / Ed. J. Chabot. Paris, 1899—1924. T. 1—3. T. 3. P. 149—152; T. 4. P. 556—568.

[38] *St. Ephraem Syrus.* Hymni et sermones. Col. 195—198.

исхождение «Слова», так как до VI в. имя тюрок не упоминается. Тюрки не названы и в легенде об Александре. В тексте «Слова» в trokaie «вав» стоит после «реш», и прочитать это слово как turkaie можно, лишь переставив буквы. Переписчики знали название народа тюрок и сохранили в тексте написание trokaie.

Есть основания предполагать, что источником «Слова», приписываемого Ефрему Сирину, была легенда об Александре. Об этом свидетельствуют расположение материала и некоторые детали. В тексте «Слова», приписываемого мар Афрему (Ефрему Сирину), ворота, «что устроил Александр», «от гласа божественного» «поколебались, рухнули и вышли все народы и языки», которые жили за ними. Далее перечисляются эти народы со ссылкой на пророчество Иеремии. В христианской легенде об Александре перечисляются различные имена, не совпадающие с этим перечнем в «Слове», причем это имена не народов, а «царей гуннов». В «Слове» же кроме разных имен неизвестных племен или народов названы и заведомо не гуннские народы, как мидийцы, персы, армяне.

В § 6 «Слова», непосредственно следующем за пророчеством о народах, описаны гунны и их обычаи, при этом сначала рассказана легенда о военном обряде, а затем о том, с какой ужасающей быстротой, нагоняя страх и ужас, гунны движутся вперед.[39] Первый рассказ варьирует в «Слове» и в «Легенде об Александре». Часть текста, которая характеризует приближение и нападение гуннов, совпадает, но более полным является текст «Слова». В «Легенде» явно выпали некоторые строки текста, который имеет последовательный и понятный смысл в «Слове». Для сравнения приводим оба текста.

«Слово»[40]

Они [гунны] легки в беге, быстрее ветра и бури. Когда распространяется слух на земле, что пришли в движение гунны, они восстают со всей вселенной, потому что они волшебники. Между небом и землей летят их повозки, подобно ветру. Их мечи и копья как страшные молнии, в руках они держат вожжи двух или трех коней. Каждый из них берет с собой человек пятьдесят—шестьдесят, они предшествуют и следуют за ним, подобно ветру и буре. Звук улюлюкания одного из них как голос льва, ибо ужас перед гуннами страшен всей земле, так как они наводняют всю землю, как воды в дни Ноя, покрывают края вселенной, и нет никого, кто бы стал перед ними.

«Легенда об Александре»[41]

Они [гунны] быстрее ветра, который дует. Они опережают слух во вселенной, что они выступили войной, потому что они волшебники. Они движутся между небом и землей, их повозки, мечи, дротики летят как страшные молнии, и вожжи они держат в руках, по две, по три пары лошадей у каждого из них. У одного пятьдесят, у другого шестьдесят человек следуют за ним и предшествуют ему. Звук улюлюкания каждого из них страшнее рева льва, так как это воля Божия предавать им народы в руки друг друга. Страх перед гуннами нападает на всех живых, видящих их, потому что они лишены человеколюбия.

[39] Ibid. Col. 197, 199.
[40] Ibid. Col. 199.
[41] *Budge E. A. W.* The history of Alexander... P. 264.

Приведенные тексты указывают на полное их совпадение. В «Слове», приписываемом Ефрему Сирину, первоначальный рассказ находится в согласии со всей темой «Слова», одним из источников которого является христианская «Легенда об Александре». Это сказалось и на перечислении народов, живущих за железными воротами; оно имеется как в «Слове», так и в нашем памятнике.[42] Сообщение об амазонках сближает последний с припиской 555 г. в Хронике Захарии Митиленского, которая хронологически предшествовала времени составления «Легенды».

Следует указать на то, что легеда об Александре Македонском, о народах «гог и магог» и о железных воротах известна и Корану. В 18-й суре, стихах 80—102 содержится краткое изложение этой легенды.[43] Но здесь расстояние между скатами гор, иначе говоря, проход или ущелье, замкнуто не воротами, а по распоряжению царя оно было заложено кусками железа и залито расплавленной медью. Завершающие этот эпизод стихи 98—102 имеют эсхатологический характер; когда наступит конец мира, эта преграда рассыплется, а все неверные будут обречены на гибель. На эти данные Корана обратил внимание еще Б. Де-Гуэ,[44] и они неоднократно упоминались другими исследователями легенд и сказаний об Александре. Имя македонского царя в Коране не названо, но его прозвание «двурогий» (зюлькарнайн), как и все содержание этой части 18-й суры, не вызывает сомнения в том, что здесь нашло свое отражение сказание об Александре. Прозвание его «двурогим» и соответствующие изображения его связаны с египетской традицией, нашедшей широкое распространение на всем Ближнем Востоке. Эта традиция уходит своими корнями в культ Озириса и Изиды. В некоторых версиях сказаний об Александре говорит-

[42] *St. Ephraem Syrus.* Hymni et sermones. Col. 195; *Budge E. A. W.* The history of Alexander... P. 263.
[43] Corani textus arabicus / Ed. G. Fluegel. Lipsiae, 1858; Коран / Перевод с арабского Г. С. Саблукова. 3-е изд. Казань, 1907.
[44] *Goeje B. J. de.* De Muur van Gog en Magog. Amsterdam, 1888. S. 1.

ся, что ему были даны рога, чтобы ими поразить все народы земли.

Таким образом, имеются все основания говорить о широком распространении легендарных сказаний об Александре именно в VII—VIII вв. н. э.

Большой интерес представляют данные о «железных воротах». Их географическое местоположение в представлении различных авторов неоднократно перемещалось; это название прилагали к различным ущельям. Существенное значение имеет и совершенно реальное описание самого вида ворот, сохранившееся лишь в этой сирийской легенде.

Ворота, воздвигнутые якобы Александром Македонским, названные Каспийскими, первоначально относили к горному проходу на юго-восток от нынешнего Тегерана, т. е. Сидара или Фируз-Кух. Этот проход между Мидией и Парфией известен Плинию Старшему. Со времени походов Корбулона в 57—67 гг. н. э. Каспийскими воротами стали называть Дарьяльское ущелье в центральной части Кавказского хребта. Об этом говорят многие латинские и греческие авторы, как Тацит, Светоний, Иосиф Флавий, Егезипп, св. Иероним, Прокопий и Иордан. Дарьяльские ворота, названные Каспийскими, в представлении этих авторов были укреплены Александром Македонским, они стали «железными воротами».

Перенесение традиции о Каспийских воротах на Дарьяльское ущелье отмечалось многими исследователями и было подтверждено в детальном труде А. Андерсона.[45] В дальнейшем «Легенда об Александре» связала с его именем и Дербентское ущелье. Последнее было укреплено шаханшахом Хосровом I Анушерваном, который продолжил устройство стены и ворот, начатое еще при его отце Каваде I. Приписывать эти укрепления Александру было возможно лишь по прошествии известного времени после смерти Хосрова, следовательно, не раньше конца VI или начала VII в. н. э. Во всяком случае, это сказание известно Дербент-намэ.

Географическое перемещение «ворот» объясняется тем, что для всей Передней Азии особую опасность представляли народы, жившие за Кавказским хребтом и делавшие оттуда набеги. От них и оберегались ромеи и персы, отстраивая крепости и валы в ущельях Кавказа.

[45] *Anderson A. R.* 1) Alexander at the Caspian Gates // American Phil. Ass. Transactions. 1928. T. 59. P. 130—163; 2) Alexander's Gate, Gog and Magog, and the inclosed nations. P. VII, 15.

Среди народов, упоминаемых сирийской христианской «Легендой об Александре», сообщается о народе, внешнее описание которого не вызывает сомнения в его северном происхождении. После перечисления гуннских царей в «Легенде» на вопрос македонского царя сообщается, что «среди них», т. е. среди этих народов, имеются племена «с голубыми глазами», их жены воинственнее мужчин. Эти женщины — амазонки, в бой они отправляются увешанные оружием и «режут мужчин ножами». Приписка, датированная 555 г. в сирийской «Хронике» псевдо-Захарии Митиленского, считает ближайшими соседями амазонок народ hrus (hros). Мужчины этого народа имеют огромные конечности, у них нет оружия, и их не могут носить кони из-за их конечностей.[46] И. Маркварт считал эти сведения связанными с представлениями об «иранских номадах» — сарматах. Так как это данные VI в., то в них можно видеть и описание славянских племен, живших в причерноморских областях.[47]

В легенде имеются и другие данные, отвечающие исторической обстановке того времени; таково описание кавказской крепости, построенной Александром. Ворота, описанные в легенде, представляют собой сооружение, существовавшее в действительности, с высоким порогом, тяжелыми дверями, с коваными болтами и запертыми на тяжелый висячий замок. Размеры железных ворот и отдельных их составных частей даны в «локтях». Точность этих измерений можно поставить под сомнение, но общее описание и подробности относительно отдельных частей несомненно говорят о реальном представлении, о воочию виданном сооружении. Все это имеет несомненный интерес, так как кавказская крепость, так часто упоминаемая греческими и сирийскими авторами раннего средневековья, в подробностях ими нигде не описана, кроме нашей легенды.

Космографические представления памятника также сближают его с авторами V—VI вв. Четыре райские реки хорошо известны Филосторгу, как и океан, омывающий всю землю.[48] Представления о мироздании Анании Ширакаци, Козьмы Индикоплова во многом совпадают с представлениями сирийской легенды; их общим источником были учения философов-

[46] Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta / Ed. E. W. Brooks. Parisiis, 1919—1924. T. 1—2 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 5—6). T. 1. P. 215.

[47] *Пигулевская Н. В.* 1) Сирийские источники... С. 9—12, 80—81; 2) Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. // Академику Б. Д. Грекову: Сб. статей. М., 1952. С. 42—48.

[48] *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. С. 76—78.

несториан.[49] Но некоторые детали, сообщаемые легендой, например о том, как солнце всходит из своего «окошка» и от него люди прячутся в пещерах, чтобы оно не обожгло их, являются как бы домыслом составителя легенды.

Все приведенные данные указывают на то, что сирийская «Легенда об Александре» в настоящем своем виде появилась в VI—VII вв., но впитала и освоила материалы предшествующих веков. Среда, из которой вышла легенда, христианская, сирийская, — хорошо осведомленная и связанная с традициями литератур Ближнего Востока.

[49] Там же. С. 147—156.

К ВОПРОСУ О «ПИСЬМЕННЫХ» НАРОДАХ ДРЕВНОСТИ

Среди работ академика В. В. Струве имеются исследования, специально посвященные происхождению алфавита, вопросам письменности и делению языков на семьи. В общую связь с этими проблемами следует поставить сохранившиеся на греческом, латинском и сирийском языках сведения о древнейших народах, их языках и особенно о письменности.

Перечисления народов и языков имеются в хронографах, в которых повествование начинается «от сотворения мира» и связывается с сообщением о вавилонском столпотворении и «смешении языков». Эти данные сохранились на греческом языке в «Пасхальной хронике» и в «Хронографе» Георгия Синкелла; на латинском языке в тексте так называемой «Хроники Барбароса», впервые изданной Скалигером. Восстановленные по древнеармянскому тексту каноны Евсевия показывают, что перечисление этих народов входило в состав утерянного сочинения отца церковной истории.[1] Соответствующую часть «Пасхальной хроники» обычно связывают с именем Епифания Кипрского, так как тексте упоминается его имя: εἶτα πάλιν Ἐπιφάνιος.[2] Использованные этим последним в Анкорате сведения находились в первой книге канонов Евсевия, что подтверждается и текстом Барбароса.[3]

На сирийском языке имеются параллельные тексты, представляющие выдающийся интерес. Один текст носит название «Книга о народах и областях», автором ее в заключении назван Андроник.[4] На греческом языке хроника или хронография Андроника до нас не дошла, но сирийский писатель Илья Низибийский (бар Шинайа, 975—умер после 1049 гг.)[5] сообщает, что Андроник составил ее «в дни императора Юстиниана», а

[1] Eusebii Chronicorum liber prior / Ed. A. Schoene. Berolini, 1875. P. 74.
[2] Chronicon paschale / Rec. L. Dindorfius. Bonnae, 1832. P. 46—57, 53.
[3] Eusebii Chronicorum liber prior. P. 179—191.
[4] Chronica minora / Ed. E. W. Brooks. Parisiis, 1903. P. 351—354 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 4).
[5] *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 287. Опубликованный текст об обитателях крайних пределов земли является псевдоэпиграфом. Приводимые там сведения неправдоподобны и не могли принадлежать названному философу, см.: *Furlani G.* Andronikos über der Grenzen der Erde in syrischer Sprache // Zeitschrift für Semitik. 1927. V. 2. S. 238—249.

в конце VI в. сириец Симеон Баракийа «составил толкование на эту хронику, которой восточные пользуются в настоящее время и считают ее Евсевиевой».[6] Справедливость этих слов видна из следующего: хроника Андроника также названа в числе источников большого сводного исторического труда, составленного в XII в. Михаилом Сирийцем.

Основное содержание сирийского текста Андроника близко названным греческим и латинскому хронографам. После потопа земля была поделена между тремя сыновьями Ноя, от каждого из них произошли народы, имена которых перечислены, как и географические границы занятых этими народами областей, а также названия рек и островов, где расселились эти народы, причем особо выделены те, что «знают письмо» οἱ δὲ ἐπιστάμενοι αὐτῶν γράμματα, т. е. «письменные» народы. Если эта схема является общей и для сирийского текста, приписываемого Андронику, то в деталях, в частности в перечне «письменных» народов, о котором идет речь в настоящей статье, имеются расхождения.

Кроме текста с именем Андроника на сирийском языке сохранилась в рукописи IX в. краткая запись, озаглавленная «Сéмьи языков» (šarbate de lešane), а более пространно: «Истолкование всех языков и кто отец каждого отдельного из этих языков, как их подразделял Евсевий Кесарийский».[7] В этой краткой записи также дан список «письменных» народов в каждой семье (šarba) языков. Таким образом, могут быть подтверждены слова Ильи Низибийского о том, что толкования Андроника на Евсевиевы каноны не потеряли и имени последнего. Однако следует сказать, что оба сирийских памятника текстуально не совпадают ни по расположению материала, ни по содержанию.

«Хроника Барбароса» и сирийский текст «Сéмьи языков» перечисляют в одинаковом порядке народы начиная с Иафета, за ним следуют народы Сима и, наконец, Хама.[8]

В «Пасхальной хронике» последовательность другая — «сыны Иафета», «сыны Хама», «сыны Сима».[9] Сирийский Андроник и Георгий Синкелл перечисляют сначала народы, которые произошли от Сима, а затем идут сыны Хама и Иафета.[10]

[6] *Elia Nisibis.* Opus chronologicum / Ed. J. B. Chabot. Parisiis, 1909. P. 99 (CSCO. SS. Scr. 3. T. 8).
[7] Chronica minora. P. 355—357.
[8] Eusebii Chronicorum. P. 182, 184, 186; Chronica minora. Textus. P. 357.
[9] Chronicon paschale. P. 48, 52, 56.
[10] *Georgius Syncellus.* Chronographia / Recensuit L. Dindorfius. Bonnae, 1829. T. 1. P. 87, 89, 93; Chronica minora. Textus. P. 351.

Сирийские тексты дают наименования народов, о письменности которых в V—VI вв. имелись сведения и сохранялось живое представление.

«Книга о народах и областях» Андроника в том виде, как она сохранилась в рукописи XVII в. и издана, является, по всей вероятности, только частью его труда.

Приводим строки, содержащие сведения о народах, «знающих грамоту»:

«Пишу с Богом, какие народы были после вавилонского смешения языков.

Сим, Хам, Иафет. Из семени Сима произошло двадцать два народа, народности и языка. Среди них знающие письмо пять языков: сирийцы, иудеи, вавилоняне, персы и эламиты. Они владеют землей от востока до великого моря Хедриноса на западе и их середина земли.

Сыновей Хама тринадцать народов, народностей и языков. Среди них знающие письмо четыре языка — египтяне, кушиты [эфиопы], инды и финикияне. Их земля вся сторона южная и небольшая [часть] западной.

Сыновей Иафета тридцать семь народов, народностей и языков. Среди них знающих письмо шесть народов — греки, амореи, аленайе,[11] римляне, армяне, грузины. Земля, полученная ими в наследство, граница востока от горы Нод у пределов востока до Деклата [Тигра] и северных долин, от Бактриноса [Бактра] и до Гадариона».[12]

В «Пасхальной хронике», в хрониках Георгия Синкелла и Барбароса эти же сведения о «письменных» народах встречаются среди обширного перечня рек, областей, островов и народов, их населяющих.

Такие географические сведения имеются и в «Книге о народах и областях», но они следуют за приведенным выше текстом и не совпадают с греческим материалом. Сведения о «письменных» народах есть во втором уже названном сирийском источнике («Сéмьи языков»), составленном в форме ответов на вопросы.

«Также каким языкам известна грамота (писание), о которых ты спрашивал, последовательно указываю тебе.

В Вавилоне смешались люди, то есть семьдесят два языка. А также как ты желал знать, какие [из них] знают письмо, то и это сообщу тебе. Есть пятнадцать [языков] знающих письмо, шесть [языков] Иафета: греки, иверы римляне, армяне, мидяне,

[11] Chronica minora. P. 351. Брукс предполагает, что это — аланы.
[12] Ibid.

аланы; пять [языков] Сима: иудеи, сирийцы, вавилоняне, персы, эламиты; четыре [языка] Хама: египтяне, кушиты, финикийцы и инды.

Конец [книги] „Сéмьи языков“».[13]

Традиция о существовании письменности у некоторых народов держится неизменно во всех источниках. Сведения о письменности других народов появляются лишь в отдельных источниках. В обоих сирийских источниках египтяне, эфиопы, финикийцы и инды относятся к группе хамитских языков. В названных греческих и латинских текстах — это «финикийцы, египтяне, памфилы и фриги».

«Письменными» семитическими народами в сирийских памятниках называются сирийцы, иудеи, вавилоняне, персы и эламитяне. В греческом и латинском текстах — это иудеи, персы, мидяне, халдеи, инды и ассирийцы, т. е. расхождение в списках только за счет индов, упоминание которых отсутствует в семитической группе сирийских текстов.

Более всего расхождений в тех разделах текстов, где говорится о языках, происхождение которых считают от Иафета. В сирийских источниках к этой группе отнесены шесть «письменных» языков, из которых пять — языки греков, римлян, армян, грузин (иверов) и аланов — совпадают. Шестой язык этой группы в «Книге о народах и областях» — язык амореев, а в книге «Сéмьи языков» — мидян. Сирийские списки близки спискам Георгия Синкелла и хронографа Барбароса; и в том и в другом источнике называются иверы, римляне (латиняне), спаны, греки, мидяне и армяне.[14] Что касается «Пасхальной хроники», то к сынам Иафета, имеющим письменность, причисляются народы, имена которых отсутствуют в параллельных текстах Синкелла и Барбароса: каппадокийцы, табарины, сарматы, скифы, бастарны (бактры).

В приведенных сирийских текстах нашли отражение представления о «письменных» народах, известных с VI в. В истолковании Андроником первой книги Евсевиевых канонов список «письменных» народов был пересмотрен в соответствии с представлениями его времени. Пересматривались эти списки и в дальнейшем, на что указывает очень интересная концовка и приписка в «Книге о народах и областях» Андроника:

«От Сима, Хама и Иафета [произошли] эти семьдесят три народа, народности и языка, из них знающих грамоту пятнадцать народов, а прочие не отличаются от животных, которые как существа без понятия бродят по лицу земли.

Окончена [книга] стран Андроника мудрого.

Те, что знают грамоту, суть: сирийцы, иудеи, вавилоняне, персы, эламитяне, египтяне, кушиты, инды, финикияне, греки, амореи, аланы, римляне, армяне, арабы, грузины».[15]

Таким образом, в приписке к книге Андроника появилось упоминание об арабах как о «письменном» народе. Едва ли эта приписка была сделана раньше VII или IX в.

В числе драгоценных исторических сведений на сирийском языке до нас дошли данные из утерянных канонов Евсевия Кесарийского и «толкования» этих канонов писателем VI в. Андроником, не сохранившиеся на греческом. Сирийский текст дает возможность судить о представлениях относительно «письменных» народов, которые господствовали на Ближнем Востоке в раннем средневековье.

[13] Ibid. P. 357.

[14] *Georgius Syncellus.* Chronographia. T. I. P. 93; Eusebii Chronicorum liber prior, I, p. 182.

[15] Chronica minora. P. 354.

ЗАКОНЫ ХИМЬЯРИТОВ

Торговля с Востоком вообще, особенно же с Индией и Китаем, была важным экономическим фактором для Рима, а затем его преемницы — Византии. Достаточно вспомнить высказывания основоположников марксизма о положении, которое заняла Византия в качестве «золотого моста между Востоком и Западом», в том значении, которое они ей придавали до открытия прямого пути в Индию. Торговые пути, которые в течение тысячелетий вели, пересекая Азию по широтам, от побережья Средиземного моря до Китая, не представляли, однако, путей, которые проходились бы одними и теми же людьми от начала до конца. Посредническая торговля велась греками и сирийцами, евреями и персами, согдами и тюрками, индусами и китайцами.

Торговые пути в Передней Азии — Приморской Сирии, Палестине, Набатее, северной Месопотамии — были захвачены Римом, позднее Византия стремилась удержать и укрепить свою границу по Евфрату. Завоевательные тенденции сасанидского Ирана, его настороженное отношение к действиям Византии, ее сношениям с арабами, сирийцами сменялись военными нападениями, походами и боями, как правило, исходившими от Ирана. Военные действия, агрессия персов препятствовали свободным торговым сношениям Византии со странами Востока через Среднюю Азию, а между тем эти сухопутные дороги делали доступными различные товары, изделия, продукты и особенно драгоценный для Византии китайский шелк-сырец и изделия из шелка. Стремясь получить этот материал, Византия искала других путей на Восток, так как и в мирное время персидские купцы старались получить возможно больше прибыли и поднимали цены на шелк вдвое и втрое. Константинополь пытался наладить обходный путь в Среднюю Азию, чтобы получать товар непосредственно из рук согдов, но персы препятствовали и этому.

Одной из попыток поддержать сношения с Востоком был водный путь по Красному морю и Индийскому океану; он приобретал все большее значение, но не мог совершенно лишить значимости караванные пути и торговлю, осуществлявшуюся через посредство Йемена. Колонизация арабами Эфиопии и последующие периоды захватов эфиопами областей Счастливой Аравии способствовали тому, что сабейцы, а затем химьяриты сносились с эфиопами, торговля которых в индийских гаванях была обширна. Стесняла их только конкуренция персов. Через Эфиопию поддерживались отношения с Цейлоном и Индией, откуда вывозились самые разнообразные товары, в том числе всякого рода пряности, краски, драгоценные камни и тот же шелк, индийский и привозный из Китая. Благодаря всему этому торговые сношения через Эфиопию и Южную Аравию приобретали большое значение. Необходимо также указать на то, что Эфиопия торговала и со странами восточного побережья Африки, откуда вывозила, между прочим, золотой песок и слоновую кость.

Все это заставляло Византию стремиться сохранить благоприятные отношения с Химьяром и Эфиопией, чтобы обеспечить прохождение караванов и получение товаров из рук их купцов.

Учитывая значение официальных государственных связей с государственными объединениями Аравии и Эфиопии, Византия пользовалась обменом посольствами. В период кушито-химьяритских войн (от 522 до 525 г.) интересы Византии были затронуты за живое: ее купцов не пропускали, убивали и грабили. В своих действиях Эфиопия в значительной степени опиралась на поддержку Византии. В 30-х и 40-х годах VI в. одно посольство следовало за другим, выражая те или другие пожелания империи. В 530 г. посол Юлиан вел переговоры о торговле с эфиопским царем Элесбоа (Эла Ашбеха), предлагая ему закупать товары в портах и гаванях Индии и перепродавать их Византии. В то же время он ходатайствовал перед химьяритским царем Сум'айфой (Эсимфеем) о том, чтобы некий Кайс был восстановлен в качестве филарха (кабира) племени маадеев. Он был в изгнании, опасаясь родовой мести царя, так как убил одного из его родственников. Когда Кайс был восстановлен, через два-три года его посетил представитель Византии Абрам (Авраам), хорошо известный по «Посланию» Симеона Бетаршамского и по сообщениям его сына Нонна. Чтобы крепче связать Кайса с Константинополем, Авраам увез с собой в качестве почетного заложника сына Кайса Мавию (Моавию). Нонн, сын Авраама, также побывал у эфиопского царя Элесбоа (Эла Ашбеха), а затем у Кайса, филарха маадеев, но привезти его с собой в Константинополь, как он того добивался, не смог. Нонн оставил записи о своем посещении эфиопского царя, которые были доступны еще патриарху Фотию в IX в. и вошли в качестве фрагментов в его «Библиотеку», а также в Хронику Иоанна Малалы. Описание путешествия Нонна замечательно,

как и его рассказ о приеме у царя. Новое посещение Авраамом царя Химьяра Абрахи было связано с вопросом о передаче филархии Палестины Кайсу, а филархии маадеев — его братьям Амру и Язиду. Все эти посольства, включая и посольство Сумма, брата Юлиана, были осуществлены в период между 530 и 542 гг. и говорят об очень частых, настойчиво повторявшихся сношениях между государствами Южной Аравии и Константинополем.

Но для Византийской империи была известна еще одна возможность жить в мире и добиваться господства своего влияния в варварских государствах: обращение в христианство отдельных представителей знати, царя, браки с царевнами-христианками или знатными девушками и т. д. С новой верой появлялись новые образцы материальной культуры, язык получал литературную отделку, алфавит и письменность нарождались или развивались; переводились и читались книги. Такой путь проделала Эфиопия, как сообщает Филосторг, во времена Афанасия Великого, войдя тем самым в орбиту средиземноморского мира, мира Византийской империи.

В города Южной Аравии христианство пришло из двух ближайших центров — из Эфиопии, расположенной через пролив, и из Сирии Приморской, по караванному пути. Последнее засвидетельствовано арабскими сообщениями Табари. Ранние сирийские источники указывают, что христианство было завезено, например, в Неджран, химьяритскими купцами, в частности неким Хайаном из Хирты, центра арабов-лахмидов.[1] Но в V и VI вв. положение осложнялось тем, что само христианство могло быть воспринято в одной из его форм — православии, монофизитстве или несторианстве. Несторианство укрепилось более всего на Востоке, в Иране, где, то гонимое, то терпимое, уживалось с государственной религией, зороастризмом. В политическом отношении представители несторианства использовались шаханшахом в качестве культурной силы и для дипломатических соглашений с другими народами. Монофизитство, ставшее особенно значительным в Египте, Приморской Сирии и северной, византийской Месопотамии, вело активную проповедь и ширило свое влияние; оно связало свою судьбу с рядом сирийских городов — Низибией, Эдессой и центром Лахмидского государства, Хиртой. Из Хирты в Неджран тянулись прочные и старые связи, и когда после борьбы с царем Зу-Нувасом воцарился ставленник Эфиопии Сум'айфа, а затем Абраха, то христианство было восстановлено в своих

[1] Chronique de Séert / Ed. A. Scher. LXXIII // PO. 1910. T. 5. P. 330—331.

правах, но епископ, поставленный химьяритами, принял посвящение от монофизитского «папы» Тимофея из Александрии.[2] Речь идет о Тимофее III, 32-м патриархе коптской монофизитской церкви в Александрии, занимавшем этот пост в 517—535 гг.[3] Участие Симеона Бетаршамского и других представителей сирийского монофизитства в судьбе Неджрана подтверждает это общее положение и связи, которые имел Неджран с монофизитами вообще, а также его причастие к мощной организации «восточных отцов», по существу противополагавших себя «мелкитам».

В такой ориентации Неджрана и христиан-химьяритов на монофизитов для Византии была новая трудность, которую она стремилась преодолеть на дипломатическом пути, усиленно поддерживая связи посольствами и представительством. Но Византия стремилась закрепить за собой позиции и другим путем, направляя в города Аравии носителей принятой империей официальной идеологии — православия. Эта церковная политика отражена в византийской литературе, посвященной событиям, происходившим в Южной Аравии, — борьбе между Зу-Нувасом и городом Неджраном, восстановлению власти эфиопов и, наконец, царю Абрахе.

В круг литературных памятников, связанных с политическим, а отчасти и клерикальным заданием, которое стояло перед Византией, заинтересованной в торговле с Химьяром, входят памятники разных литературных жанров. Это «Акты мученичества Арефы (Харита) и иже с ним», «Житие» епископа Грегентия, приписываемые Грегентию «Законы химьяритов» и «Диалог с Эрбаном».

«Мученичество Арефы» использовало явно монофизитские материалы, черпая из сирийских источников, родственных «Посланию» Симеона Бетаршамского и «Книге химьяритов». Тенденция мелкитов (православных, которым покровительствовало государство) занять твердое положение в арабских городах соответствовала и заданию государственной власти. Отсюда шло и стремление дать соответствующие литературные памятники, которые закрепляли бы это положение. В число таких памятников в первую очередь следует поставить житие епископа Грегентия, анализ которого был дан на страницах т. 14 «Византийского временника» (1907 г., см. далее). Житие это полно легендарных эпизодов, неизбежных для такого литера-

[2] Chronique de Michel le Syrien / Ed. J. B. Chabot. Paris, 1899—1924. T. 1—3. T. 1. P. 274-b; T. 2. P. 185.

[3] History of the Patriarchs of the coptic Church of Alexandria / Arabic text ed. et transl. by B. Evetts // PO. 1907. T. 1. P. 451.

турного жанра, но основа жития несомненно исторична. Грегентий, уроженец Мизии (Мезии), был послан в качестве представителя византийского православного направления в г. Тафар, столицу Химьяра. Грегентию приписывается славянское происхождение. Навыки миссионерской деятельности он мог получить в Мизии, пограничной провинции, и в качестве миссионера мог быть полезным и на новом месте. Житие делает его епископом Тафара для того, чтобы противопоставить его монофизитскому епископу, ставленнику Тимофея. Само по себе это может быть историческим фактом, так как частые посольства говорят о поддержании связей, а в своей усиленной, настойчивой пропаганде монофизиты стремились парализовать влияние православия, опиравшегося на Константинополь, и несторианства, сумевшего занять положение в Ктесифоне. За влияние в христианских центрах Ближнего Востока боролись все три клерикальные партии, и каждая из них представляла известное политическое направление. Схватка Византии с Ираном нашла себе место и в южных областях Передней Азии, продолжая соперничество и здесь, как это было на Кавказе и в Месопотамии.

С именем епископа Грегентия связаны два других вышеназванных памятника — «Законы химьяритов» и «Спор», который ведется Грегентием с иудейским учителем Эрбаном. Оба памятника, более чем вероятно, являются псевдоэпиграфами, но составлены они были, во всяком случае, в VI в. в среде, достаточно хорошо известной автору или авторам. «Спор с Эрбаном» — по тенденции своей совершенно понятный памятник, имеющий значительное количество образцов в предшествующей литературе на греческом языке, начиная с диалога Юстина Философа, и большое число продолжающих его апологетических и полемических памятников, как, например, «Учение новокрещенца Иакова». Однако «Спор с Эрбаном» имеет некоторые особенности, вызванные реальной исторической обстановкой, в которой он был составлен. Иудейское влияние и иудейский прозелитизм в Южной Аравии были таковы, что господствующий класс и цари принимали иудейство и стремились к его насильственному распространению. Полемика с Эрбаном, вложенная в уста Грегентия, свидетельствует о фактах, имевших место, о попытках мелкитского клира добиться превосходства на идеологических позициях. Возникнуть это сочинение могло лишь в период, предшествующий иранскому завоеванию Йемена в 70-х годах VI в.;[4] это же время было временем составления тесно связанных со «Спором» «Законов химьяритов». Этот греческий памятник отнюдь не представляет собою «Законов» химьяритского общества, что справедливо и настойчиво отрицали предшествующие исследователи. Такова была и точка зрения Т. Нельдеке,[5] А. А. Васильева,[6] К. Наллино.[7] Но нельзя согласиться с тем, что этот памятник «не стоит принимать во внимание» ввиду его апокрифического характера: «Ma il caratere apokrifo di entrambi non consente di tenere conto».[8] Внимания он заслуживает с нескольких точек зрения. Название Νόμοι τῶν Ὁμηριτῶν «Законы химьяритов»[9] присвоено этому сочинению потому, что центральной, наиболее обширной и главной его частью являются законодательные нормы. Эта юридическая часть состоит из 64 глав (κεφαλαίοι) различного содержания. Не являясь сборником, порожденным химьяритской средой, «Законы» представляют собою собрание юридических норм для химьяритов, составленное в византийской среде с целью попытаться применять и в соответствии с ними управлять химьяритами. Это было естественным следствием стремления Византии господствовать и влиять в южноарабских городах. Вступление и заключение, в которые как бы вправлены «Законы», по своему содержанию тесно связывают их с двумя другими памятниками. «Мученичество Арефы» предшествует «Законам», предисловие которых продолжает его сообщения. Воцарившийся над Химьяром Абраха находит поддержку у православного епископа Грегентия, который, желая помочь ему установить порядок в управлении городами Тафаром и Неджраном, предлагает ввести правила управления и нормы поведения. «Законы», составленные Грегентием, были приняты и записаны как бы от имени самого царя: Τὸν δὲ λεπτὸν νόμον, ὅνπερ ὁ ἅγιος Γρεγέντιος συντέταχεν ὡς ἀπ' αὐτοῦ τοῦ βασιλέως προεθέμην προσδῆναι τῇ διηγήσει ταύτῃ.[10] Таким образом, само свидетельство памятника ясно говорит, что законы были составлены для химьяритов греком и в их основе, следовательно, находятся византийские материалы. Литературное заключение сообщает о том, что законы были умножены и розданы, и возвращается к вопросу об иудеях, законоучитель которых, Эрбан, был упомянут в предисловии.[11]

[4] *Hitti P.* History of the arabs. 3th ed. London, 1946. P. 66.

[5] *Nöldeke T.* Geschichte der Perser und Araber. Leiden, 1879. S. 175—201.

[6] *Васильев А. А.* Житие Грегентия Омеритского // ВВ. 1907. Т. 14. С. 25.

[7] *Nallino C. A.* Raccolta di scritti editi e inediti. Roma, 1941. P. 126 (4).

[8] Ibid.

[9] *Boissonade J. F.* Anecdota graeca. Parisiis, 1833. Vol. 5. P. 63—116; PG. T. 86₁. Col. 567—620.

[10] PG. T. 86₁. Col. 581.

[11] Ibid. Col. 620, 576—577.

Таким образом, создается переход к самому диспуту между Грегентием и Эрбаном, которому посвящен другой труд, приписываемый Грегентию, — Διάλεξις, Disputatio.[12] Между «Мученичеством», «Законами» и «Диспутом» существует последовательность. История Химьяра рассказывается в период Зу-Нуваса, потом под властью Абрахи, ставленника эфиопского царя Эла Ашбеха.

Если можно высказать сомнение в том, принадлежат ли «Законы» и «Диспут» одному и тому же автору, и едва ли Грегентию, то, во всяком случае, можно утверждать, что и «Законы», и «Диспут», так же как и «Мученичество Арефы», вышли из одного и того же круга, близкого к политическому официальному представительству и клерикальной византийской миссии, деятельность которой была направлена на дела арабов вообще и «Счастливой Аравии» в частности. Эти круги и представители миссии неизбежно должны были быть и были знакомы с соответствующими памятниками на сирийском языке. «Существует также мнение о том, что Νόμοι и Διάλεξις составлены в Сирии», — писал А. А. Васильев,[13] — предположение, имеющее основание. Византия в сношениях с мелкими государствами Ближнего Востока пользовалась услугами сирийцев, язык которых был торговым и дипломатическим языком до времени широкого распространения арабского языка.

Как сирийская «Книга химьяритов» и «Послание» Симеона Бетаршамского, так и греческие источники вращаются в том же кругу событий и людей, борьбы Зу-Нуваса с Неджраном, выступления царя эфиопов Эла Ашбеха, его победы и появления Абрахи в качестве ставленника эфиопов царем химьяритов. Для «Законов», как и для «Мученичества», Абраха — первый царь после событий 525 г. и смерти Зу-Нуваса, хотя на основании других источников несомненно, что Абраха имел предшественника Сум'айфу (Эсимфея), как это известно и Прокопию.

У Византии в Южной Аравии были большие экономические интересы, о чем речь шла выше, но поддерживать их и заботиться о них Византия могла лишь до времени завоеваний персов при Хосрове. В VII в. Византия была захвачена очередной задачей — отбросить персов, с которыми она справилась ценой жестокого напряжения всех сил; о Южной Аравии уже не могло быть речи, а к 30-м годам VII в. так изменилась вся ситуация, что даже думать о Южной Аравии не имело смысла: она вышла

[12] Ibid. Col. 621—784.

[13] *Васильев А. А.* Житие Грегентия Омеритского. С. 25, со ссылкой на: *Mordtmann J.* Miscellen z. himj. Altertumskunde // ZDMG. 1877. Bd 31. S. 69.

из круга внимания Византии в качестве пункта приложения ее экономических интересов и стала родиной страшных сарацин, громивших империю.

Монофизитское влияние, преобладавшее в таких центрах, как Тафар и Неджран, Византия, стоявшая на позициях православия, стремилась парализовать словом и делом. «Законы химьяритов» являются литературным памятником, выражающим эту тенденцию. Византия желала упорядочить внутреннюю жизнь арабских городов и дать им известные нормы.

Чем же являются «Законы химьяритов»? Что отражает этот памятник, составленный греками для химьяритов? Наиболее характерной его чертой является то, что предлагаемые в них законы, или правила, почерпнуты с незначительными изменениями из богатых сводов Византийской империи, так увлекавшейся законодательством в эпоху Юстиниана. Составители руководствовались известными им нормами, господствовавшими в их время, в их стране. Некоторые из этих постановлений взяты из живых, действовавших в Византии порядков, установленных с незапамятных времен и потому не нашедших точного отражения в сборниках доюстиниановского и юстиниановского права. Таковы постановления о делении города на кварталы — гейтонии, об обязанностях по надзору и полицейских функциях квартального — гейтониарха.[14] И в этом отношении данные «Законов химьяритов» представляют несомненный интерес для истории Византии.

Значимо и то, что автор или составители сборника имели также известное представление о реальной обстановке, общественном строе и обычаях южноарабских городов. «Законы» затрагивают различные стороны жизни. Как многочисленные правила номоканонов, так и этот сборник рассматривает вопросы брака, нравственности, соблюдения церковных праздников. При учете социальных отношений в ряде глав затронуты вопросы рабства и особенности, вытекающие из прочных родовых отношений, пережитков родового строя, засвидетельствованные у химьяритов другими источниками.

Весь фон и колорит законодательства городской; о возделывании земли и ее непосредственных производителях нет речи. Много внимания уделяется порядку управления городом, причем устанавливаемые мероприятия являются сколком с действовавшей системы управления византийских городов, как

[14] В статье «Византийские димы и факции» (см.: Византийский сборник. Л., 1945. С. 155, 160) проф. А. П. Дьяконов мог указать лишь на наличие кварталов как территориальных объединений в византийских городах.

она известна на основании сообщений хроник, исторических сочинений, а также некоторых законодательных данных византийского права. Не являясь отображением порядков химьяритских городов, предлагаемое в «Законах химьяритов» управление скалькировано с известного порядка, установленного в Константинополе и других крупных центрах Византийской империи.

По предложению Грегентия, царь химьяритов якобы приказал разделить Неджран на 36 районов (εἰς τριάκοντα ἓξ ῥεγεῶνας) и поставить в каждом районе архонта (ἑκάστῳ ῥεγεῶν ἄρχοντι ἐπιδοθῆναι).[15] Эти начальники районов, получившие название гейтониархов (οἱ γειτονιάρχαι), должны были каждый иметь свой собственный «секрет», канцелярию (τὸ ἴδιον σέκρετον) (посреди площади) (μέσον τῆς ἀγορᾶς) в выпавшей на его долю гейтонии.[16] Он должен был прежде всего «записать», т. е. переписать, все дома, находившиеся в его ведении, в пределах его гейтонии. Иначе говоря, требовалось составить опись, своего рода окладные листы, на основании которых можно было бы взимать подать. Гейтониарху предлагается придерживаться «своих пределов», т. е. того округа или квартала, который ему предоставлен, и не пытаться простирать свою власть и какие бы то ни было действия на чужие гейтонии.[17] Под началом у квартального — гейтониарха — были служащие или чиновники (οἱ ταξεώται) и 16 солдат (οἱ στρατιῶται), которые должны были выполнять обязанности полицейских. После того «предписал царь» «по-хорошему», «со страхом Божиим» собирать с населения денежные налоги — «щедроты» и «анноны» — προσὲταξε ὁ βασιλεὺς τοῦ λαμβάνειν ῥόγας καὶ φιλοτιμίας καὶ ἀνόνας.[18] Таким образом, памятник как бы стремится установить систему обложения, известную и действовавшую в Византии. Эти сообщения прекрасно дополняют новыми сведениями то, что было известно об организации городов империи, но ни в каком случае не могут отражать управления Неджрана или какого-нибудь другого города Южной Аравии.

[15] PG. T. 86_1. Col. 577.
[16] Ibid.
[17] Ibid. Col. 580.
[18] Ibid. Член-корр. АН СССР П. В. Ернштедт, любезно согласившийся просмотреть это неясное место, подтвердил правильность перевода и толкования его, данного мною, и указал на употребление термина ῥόγα в исследовании Фасмера. *Sophocles E. A.* Greek lexicon of the roman and byzantine periods. New York, 1893. P. 971 — ῥόγα — erogaho, largitio, p. 1146 — φιλοτιμία — largess, magnificence.

Главой города является епарх, но его непосредственным помощникам, гейтониархам — квартальным, уделено особенно большое внимание. Вся деятельность поставленных царем лиц для наблюдения и упорядочения жизни города сосредоточена в кварталах, гейтониях. На гейтониарха должен был падать целый ряд полицейских и контрольных функций, он должен был следить за порядком в своем квартале, в общественных местах, на площадях (οἱ πλατείας), на улицах (τὰς ῥύμας), иметь наблюдение за постоялыми дворами (τὰς κεθαροποτίας) и проявлять всяческое внимание к продаже съедобного — хлеба, вина, масла и всякой другой пищи (§ 1).[19] Наблюдение за ценами в пределах города в целом поручалось епарху, который проверял правильность продажи и цен (§ 62). В этом случае «Законам химьяритов» соответствуют сведения о положении епарха, известные из «Книги епарха».

О результатах надзора за домами и за всей жизнью квартала гейтониарх обязан сообщать епарху (§ 58). Гейтониархи должны добросовестно выполнять свои обязанности (§ 61), как и другие служащие и чиновники (οἱ ὑπερέται) города; они не должны быть ворами, вымогателями, грабителями и не смеют требовать лишнего с тех, кто занимается продажей (§ 30). При обложении налогами предписывалось не брать сверх отвечающего законным требованиям или делать самое обложение повышенным (§ 45). Лица, поставленные исполнять судебные обязанности, должны судить по закону, под страхом подвергнуться наказанию за нарушение его (§ 46).

Приведенные данные типичны для управления и организации византийских городов и, очевидно, были зафиксированы, чтобы предложить их в качестве образца в Химьяре.

«Законы химьяритов» кроме правил для распорядка и управления города содержали ряд глав, на основании которых можно было производить суд и расправу над населением. За убийство (§ 2) и воровство были назначены суровые, членовредительские наказания. Первый раз вор получает 50 ударов, во второй раз ему клеймят лоб, а в третий раз перерезают жилы на правой ноге, чтобы он не мог бежать и скрыться, совершив воровство (§ 5).

Группа глав сборника самым тесным образом связана с материалами, известными по византийским номоканонам, постановлениям сирийских соборов и славянским юридическим сборникам. Часть этих постановлений нормирует вопросы половой жиз-

[19] PG. T. 86_1. Col. 581; здесь и далее при цитатах даются номера параграфов «Законов химьяритов».

ни, рассматривая различные преступные нарушения ее как «скверные и низменные деяния», и запрещает их самым суровым образом (§ 3, 21, 16). Не случайно, что это запрещение налагается особенно строго на христиан (§ 21), для которых были обязательны постановления клерикальных канонов. Возможно, что и в этом случае составители имели в виду реальную обстановку в Химьяре, где имели распространение различные религии, для которых такого рода ограничения в области половой жизни не были обязательны. «Законы» настойчиво предлагают сообщать о всех нарушениях такого характера, чтобы «этот грех не заражал чистых душой» (§ 3, 15, 16). Как самые действия, так и несообщение о них подлежали тяжелому наказанию. Сюда относится и запрещение предоставлять свой дом или жилище «для дел прелюбодеяния» (§ 17). Совершившую прелюбодеяние женщину не следует самовольно избивать, ее подвергают телесному наказанию официальные органы государства, представители гейтонии, а отнюдь не частные лица (§ 24).

Клерикальный характер постановлений сказался и на предписаниях относительно брака, которыми его всячески стремятся упорядочить.

Свободный мужчина (ἀνὴρ ἐλεύθερος) не должен сожительствовать с рабынями, если он женат, а иметь только одну жену. Точно так же и свободная женщина не должна сожительствовать с рабами (§ 11, 12). Требование заключать законные браки настойчиво повторяется, причем дается мотивировка того, почему браку предпочитают сожительство с рабыней — πένης εἰμὶ καὶ οὐ δύναμαι ἔχειν γυκαῖκα «я беден и не могу иметь жены», т. е. для такого лица является невозможным содержать жену (§ 6), на это «Законы химьяритов» отвечают указанием: «Если ты беден, продай и единственную свою рабу» и живи в «честном» браке (§ 59). Дважды приведенное с незначительными изменениями, это предписание имело большое значение для установления обычая моногамного, клерикально узаконенного брака.

В связи с такими требованиями, предъявляемыми к браку, находятся и наказания женщины за измену мужу, и в первый раз и вторично — членовредительские (§ 9). Если «всякий имеющий жену законно (νομίμως) оставит ее и будет сожительствовать с другой», — совершает грех и подлежит наказанию (§ 8). Тот, кто сожительствует с законной женой другого (§ 7), несет наказание так же, как и его соучастница. Таким образом нормируются брачные отношения.

В полном согласии с правилами номоканона, «святых канонов» — οἱ γὰρ θεῖοι κανόνες, находится разрешение женщине вступать во второй брак и запрещение третьего брака

(§ 49),[20] — ей рекомендуется вступить в монастырь. Если девушка желает жить в девстве и не вступать в брак, то она должна дать собственноручную письменную запись, как бы дать подписку, которая обязывала бы ее к сохранению этого обещания (§ 60). Постановления требуют особого внимания к мальчикам, не достигшим юношеского возраста, чтобы оградить их нравственность от влияния пороков и сохранить их чистоту (§ 40).

Ряд глав имеет в виду нормировать поведение в общественных местах с тем, чтобы добиться некоторого смягчения нравов. К числу таких правил принадлежит запрещение насильничать, драться, ссориться и оскорблять друг друга (§ 39). Это касается и женщин, которые не должны ругаться или браниться (§ 48), но вести себя скромно, помня, что «муж — глава жен». Повторное запрещение драться и избивать кого-либо в публичных местах точно указывает на необходимость вести себя подобающим образом на улицах квартала и на площадях. Затевающие драку в квартале наказываются 40 ударами (§ 32). Не лишена интереса мотивировка запрещения драться. «Если ты богат, делай добро, но не зло» — Δυνάσινς εἶ καὶ ἀγαθοποίησον, καὶ μὴ κακοποιήῃς. «Если ты беден, подобного тебе бедняка не бей» — Πένης εἶ τὸν ὁμοίον σου πένητα μή ῥάπιζε (§ 23). За пьянство мужчина наказывается 60 ударами, а женщина — 30 (§ 25).

Некоторые правила имеют в виду защитить женщину от посягательств на улицах и на площадях, но они касаются лишь «проходящих свободных женщин» διερχομένας ἐλευθέρας γυναῖκας (§ 20) и не относятся к рабыням. Такое же стремление выявлено в другой главе, имеющей в виду обеспечить женщине защиту при совместном путешествии (§ 19).

Общее стремление «Законов», несомненно, имеет в виду некоторое смягчение нравов вообще. В этом отношении обращает на себя внимание запрещение «насильно выводить», т. е. нарушать право убежища в церкви, куда бежали, спасаясь от наказания и насилия, причем запрет и наказание за нарушение права убежища налагалось на того, кто его нарушал и относительно раба, и относительно свободного (§ 43).

Во многих главах (титулах) указывается на рабство — рабы упоминаются постоянно как присутствующие в домашнем быту. Христианство, особенно в первый период своего распространения в I—III вв., когда оно было гонимо, стремилось смягчить положение рабов. Эта тенденция сохранилась в некоторых законодательных памятниках, в частности, такого рода

[20] PG. T. 86₁. Col. 607—608, nota 8.

попытки отражены и в «Законах химьяритов». Так, одна из глав предлагает проявлять к рабам некоторое снисхождение, давать им одежду и обувь (τὸ διπλάσιον ἱμάτιον καὶ ὑποδήματα) и уделять другого рода внимание к их нуждам (§ 54). Таково и запрещение избивать своих рабов и домочадцев (τοὺς ἑαυτοῦ οἰκέτας). Особенно «Законы» наставляют господ, так как очень часто рабы от них научаются злу и греху. Господа учат рабов всему дурному, и в поучение им приводится известный текст из послания апостола Павла о равенстве во спасении, где «нет рабов, нет господ» (§ 53). Стремление несколько смягчить социальные противоречия заключается и в другой главе, запрещающей задерживать мзду ὁ μισθὸς μισθωτοῦ наемникам или поденщикам или совершенно ее не платить. Наказанием является выплата долга в двойном размере (§ 52).

Часть постановлений носит специфически клерикальный характер и стремится внести в быт христианские обычаи. Таково запрещение торговать по воскресеньям чем-либо, кроме съестных продуктов для людей и фуража для животных (§ 27). В большие христианские праздники не следует возить крупные и тяжелые грузы морем или сушей (§ 28, 29). Не лишена интереса ссылка, которая делается в этом случае на иудеев, тщательно соблюдающих свои праздники.

Такой же характер носят строгие запреты колдовства, магии, предложения и употребления волшебных напитков и всякой фармацеи — φαρμακεία (§ 4), а также борьба против любого рода лицедейства. Все, занимающиеся «трагедийными действами», простиранием рук (или рукоплесканиями), танцами, участвующие в комедиях или пародиях, преследуются: «Мы не желаем, чтобы они были на земле нашего государства», — гласит закон (§ 36). «Преступающие его должны быть схвачены, побиты и проведены через огонь или обкурены» — οἱ δὲ παραβαίνοντες κατασχεθήτωσαν καὶ μαστιξέσθωσαν καὶ πυρπολείσθωσαν, τουτέστι τξουκξέσθωσαν (§ 36). Участие в трагедийных и комедийных действиях, пляски, сопровождаемые выразительными жестами, пародии и насмешки составляли круг удовольствий, запрещаемых церковью. Виновных в нарушении подвергали наказанию битьем, а затем проводили через огонь или обкуривали, что, несомненно, представлялось обрядом очищения. Это поверие встречается у различных народов, в том числе у тюрок, которые в 568 г. провели византийского посла Земарха Киликийца через огонь, прежде чем допустить его к хану Дизибулу.[21]

[21] *Menander Protector.* Fragmenta // FHG. T. 4. P. 227.

После обкуривания участвующие в лицедействе в течение целого года должны были в качестве наказания работать в государственных мастерских (τῷ ἐργοδοσίῳ... ὑπουργεῖν καταδικαζέσθωσαν) (§ 36).

Те же мотивы действуют в запрещении, надев личины [может быть, меховые маски или маски, изображающие зверей (τὰ δερμάτινα)], играть или разыгрывать что-либо на улицах города; такого рода действия квалифицируются как «сатанинские» и запрещаются «как рабам, так и свободным» — εἴτε δοῦλοι, εἶεν καὶ ἐλεύθεροι (§ 34). Это запрещение простирается на участников трагедий (οἱ τραγῳδαὶ), а также на играющих на кифаре и на лире (οἱ κιθαρῳδαι καὶ οἱ λυρισταὶ), будь то мужчины или женщины, юноши или девушки. Всем им рекомендуется вместо этого петь псалмы, и дальше следует интересная аргументация. Если они говорят: «Но мы не умеем петь псалмы», — им следует ответить: «Скверному демону поешь песни, нигде в книгах не написанные, а записанные псалмы Богу не выучишь» (§ 35). Здесь несомненно имеются указания на устное народное творчество, с которым клерикальные группы в различных государствах не раз вступали в тщетную борьбу. Эти главы «Законов химьяритов» отражают жизнь шумных византийских центров, имевших много общего с жизнью городов Востока.

Однако конкретная историческая обстановка в государстве химьяритов, условия жизни и быт были знакомы и известны составителю свода. Многочисленные постановления о браке, кровосмесительстве, противоестественных действиях и других видах нарушений как бы предполагают тесные родовые отношения, наличие большой семьи, крепкого рода, которые хорошо известны для Южной Аравии на основании других памятников. Таковы и многочисленные указания на рабов, которые упоминаются почти в каждом титуле, с тем чтобы к ним применить или отнести данное постановление.

В Византийской империи в VI в. такое постоянное упоминание о рабах в полицейских и клерикальных титулах законодательства уже не было употребительно. Для химьяритского свода составители достали из архивов старые правила, которые здесь оказались нужными и живыми. Арабский историк Белазори сообщает о том, что Мухаммед заключил договор с неджранитами, по которому в качестве подати они должны были ежегодно поставлять ему известное количество плащей и одежд, выделываемых в их городе.[22] Возможно, что с этим следует сопоставить то,

[22] *Al-Beladzori.* Liber expugnationis regionum / Text arab. ed. B. J. de Goeje. Lugduni Botavorum, 1866. P. 65; *Baladhuri.* Kitab futuh al-buldan / Transl. by P. Hitti. New York, 1916. T. 1. P. 100.

что «Законы химьяритов», которые считают центром Химьяра Неджран, особо повторяют запрещение работать по воскресеньям для текстильщиков, как это предлагается и всем другим ремесленникам (§ 63). На развитое ремесленное производство в Неджране, быть может, указывает и запрещение завидовать совершенству мастерства, проявлять зависть к искусной работе — τεχνίτην φθονῶν — и потому клеветать на мастера или охаивать чужую работу (§ 44). Несколько титулов в качестве наказания предписывают посылать провинившихся на работу в государственные мастерские (§ 36).

С событиями, происходившими в 522—525 гг. в Химьяре, связано также указание «Законов», что дома, отнятые теми, которые захватили власть над химьяритами, должны быть насильно возвращены и отданы под жилье (§ 57).

Таким образом, «Законы химьяритов», которые с большим правом могли бы носить название «Законов для химьяритов», являются подлинным законодательным сборником, составленным в VI в., отражавшим положения и отношения, господствовавшие в Византии. Введением норм этого памятника в Йемене Византия пыталась упрочить свое влияние. Теряя в Счастливой Аравии свой политический авторитет, с которым падали и экономические связи, она применяла все виды идеологического воздействия, чтобы сохранить эти важные опорные пункты своей торговли.

Юридический сборник, который, по мнению исследователей, не заслуживал внимания, приобретает значение как памятник, отражающий управление и быт больших городских центров Византии, свидетельствующий также о ее стремлении подчинить своему идеологическому влиянию отдаленные государства.

Если «Законы химьяритов» и составлены с известным представлением о реальной обстановке, общественном строе и быте южноарабских городов, нет сомнения, что этот псевдоэпиграф не был действующим законником или судебником химьяритов, а остался византийским литературным памятником, характеризующим городскую жизнь империи в VI в.

ЖИВАЯ РЕЧЬ В СИРИЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРОНИКАХ. ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сирийская литература не представлена большим числом памятников художественной прозы, а ее поэзия исключительно церковная. Литературный язык может быть изучен главным образом на исторических сочинениях, среди которых имеются всемирные истории, местные хроники, биографии. Как и вся литература средневековья, она клерикальна, поэтому и стиль этих памятников отмечен особым церковным характером, которому подражали и историки, и хронисты, и, конечно, агиографы.

В образовании литературного языка играла роль стилизация, обязательная для данного времени, пренебрегать которой авторы никак не могли. Так было на греческом и славянском Востоке, на латинском Западе. Определенный характер произведений не позволял выходить за рамки известных условностей, поэтому литературный язык памятников и живая разговорная речь не совпадают: литературные произведения писались «высоким штилем» и предназначались для «высоких» целей, которые оправдывали этот стиль. Большой интерес представляет материал, которым хроники были обязаны живой речи. Литературные произведения, предназначенные для развлечения, сборники сказок ближе к народному языку, но на сирийском сохранились лишь немногие памятники — сборник сказок «Калилы и Димны», переведенный с пехлевийского (V в.), «Смешные истории» Бар Эбрея (VIII в.), на которых сказалось арабское влияние. Пословицы также не отражают разговорной повседневной речи, они выросли из нее, но приобрели в известном смысле свойства «устойчивых словосочетаний». Между тем в исторических сочинениях можно найти диалоги, вкрапленные в повествования, восклицания, причитания, дающие представление о строе и синтаксических особенностях живой разговорной речи того времени. Расположение слов в просторечии иное, предложение в зависимости от его эмоциональной насыщенности построено синтаксически не так, как в литературном языке, в ряде случаев опущен глагол, широко употребительны междометия, указательные местоимения. Та-

кое отличие обыденной речи от текста, написанного «высоким» стилем, не единичное явление только сирийского языка.

Сопоставление можно сделать с греческой византийской литературой. Так, в хронике Феофана Исповедника (VIII в.) среди эпического повествования встречаются замечательные записи живого диалога с острыми словечками и простонародными выражениями, которыми обменивались на ристалищах представители «голубых» и «зеленых» партий цирка. Как насмешливо и зло они стремились задеть неприятного вельможу и самого императора! Фоке намекали на его пристрастие к вину — «опять смотрел в кувшин», а Маврикия сравнивали с петушком.[1] Менандер Протектор (VI в.), излагая записи Петра Патрикия, бывшего послом Византии к шаху Хосрову, сообщает, что он заменял при этом вульгарные выражения литературными, просторечие — «аттическими» словами.[2]

Некоторые сирийские хроники исходят непосредственно из устной традиции, они передают то, что было «рассказано» и могло сохранить аромат живого слова. В верное традиции, стилизованное изложение хронистов вкраплены диалоги, вопросы и ответы; в нем звучит насмешка, ирония, встречаются поговорки, народные причитания, их можно найти на всех этапах развития сирийской исторической литературы. Позволим себе привести лишь несколько наиболее ярких примеров.

В хронике Иешу Стилита, написанной до 518 г., встречаются яркие образцы разговорной речи. В 502 г. н. э. шаханшах Кавад стоял со своими войсками под стенами Эдессы, он потребовал выкупа, обещая не брать город. Его переговоры с византийским военачальником Ареобиндом переданы живо: «Дай мне заложников, чтобы вы не вышли за мной, когда я соберусь уходить, пошли мне также людей, которых вы захватили вчера, и золото, которое ты обещал, и я удалюсь от города». На это Ареобинд велит сказать шаху: «Вот ты видишь на деле, что город не твой и не Анастасия, что это город Христа, который его благословил. Он встал против твоих войск, чтобы ты не овладел им». Каваду обещали дать через 12 дней большое количество «золота», но тот потребовал его на следующий же день. Жители Эдессы были этим возмущены, и устная традиция, переданная в летописи, сохранила их обращение

[1] *Theophanes.* Chronographia / Resensuit ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. P. 283, 296.

[2] *Grecu V.* Menander Protiktor und der persische Gesandschaftsbericht Petros Patrikios // Académie Roumaine. Bulleten de la section historique. 1941. T. 22. P. 78—84; *Constantinus Porphyrogenitus.* Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. Berolini, 1903. T. 2. P. 19—20.

к тому же стратилату Ареобинду. «Мы не пошлем золота лживому человеку, потому что он уклонился от своего слова и не стал ждать, чтобы пришел день, который ты ему назначил, он так же, когда получит золото, обернется и солжет...». Ареобинд передает ответ города шаху в еще более острой, живой форме: «Теперь мы знаем, что ты не царь, потому что тот не царь, кто сказал слово, отвратился от него и солгал. Если ты лжешь, то ты не царь. Так как ты совершил обман, пришли мне Комита Василия и все, что можешь делать, — делай».[3]

Обмен речами принимает все более резкий характер, в них появляются бранные слова, обращенные к шаханшаху, как это могло иметь место в повседневной жизни по поводу любых обид. Тонус от первых слов Кавада к последнему обращению стратилата к шаху все повышается, становится ожесточеннее, как в запальчивом споре. Устная традиция, из которой черпал свои сведения хроникер, сохранила диалог с оборотами простой, некнижной речи. Чтобы выразить неверность шаха своему слову, говорится: он «обернется и солжет». Краткая, решительная форма обращения — «если ты лжешь, то ты не царь» — также разговорная, в ней опущен глагол. Пренебрежение к действиям шаха — «все, что можешь делать, — делай» — выражено словами просторечия, кратко, как и мы говорим «делай что хочешь». Выразительны слова иронии. Арабские племена постоянно враждовали между собой. Кабос, царь лахмидов (VI в.), после вероломного нападения Мундара бар Харита, который увел табуны лошадей и верблюдов, угрожая Мундару, требовал, чтобы он «принял войну». «Вот мы придем к тебе, — послал он сказать ему, — ибо, если ты и нападешь на нас, как разбойник, и кажется, будто ты нас победил, так вот, мы открыто идем войной на тебя». На что Мундар ответил с жестокой иронией: «Из-за чего вы сердитесь, я и сам приду», — и неожиданно напал на лахмидов.[4]

Хроники передают употребительную в разговорной речи форму клятвенного уверения. Патрикий Юстианин, вызывая царя Мундара, посылает ему сказать: «Не сомневайся во мне: вот Бог христиан между нами...». К византийскому чиновнику Магну пришел юноша, посланный вместо царя Наамана. Его спросили: «Ты Нааман?». Тот ответил: «Я прибыл по твоему приказанию». Тот приказал: «Вот восставший против импера-

[3] *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.; Л., 1940. С. 156—157 (ТИВАН. Т. 31).

[4] *Joannes Ephesinus.* Historia ecclesiastica, VI, 3; *Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии и Ирана. Л., 1964. С. 302.

тора, наденьте на него железо» (т. е. железные оковы).[5] Юноша посмеялся и сказал: «Как ты желал обмануть, так ты и обманут. Вот Христос! Я не Нааман». Краткая форма клятвы «вот Христос», подобно русскому «ей-Богу», является заверением в правдивости слов.

В житийной литературе встречаются образные выражения, почерпнутые из просторечия. После тяжелой опасной дороги Мар Ябалаха и раббан Саума (XIV в.) прибыли в город Тус, где имели возможность остановиться. Отдохнув, они почувствовали, что «заново родились в мир». Желая предупредить возможность неосторожных поступков, тот же источник говорит: «Глупец тот, кто дважды запнется за один и тот же камень», т. е. приводит поговорку.

Чисто народной особенностью речи является причитание. Огорчение родителей из-за намерения их сына Саумы покинуть родительский кров выражено в вопросительной форме недоумения с доводами в пользу обратного решения. «Почему, сын наш дорогой, тебе приятна разлука? Разве тебе желанно наше несчастье? Почему тебе сладка наша горечь? Подумай, как бы не осталось наше имущество другим? Рассуди, кто наш наследник? Пойми, кто получит [плоды] нашего труда? Почему тебя радует, что пропадет наша семья и наше имя? Как появилась у тебя мысль, что чужие наследуют нам?». Огорчение выражено здесь в форме причитаний, повторяющихся вопросов живой речи. Хотя в данном случае причитают не над умершим, а над живым, который собирается покинуть отчий дом, но сетование выражено так, как оно могло бы звучать об умершем. Стремлением убедить, заставить одуматься продиктовано настойчивое повторение в начале каждого предложения глагола в повелительной форме: «подумай», «пойми», «рассуди». Выразительность плача усиливается введением в речь противоположностей: «Почему тебе сладка наша горечь?». Такое противопоставление встречается и в другом случае. Убеждая Ябалаху и Сауму отказаться от намерения покинуть Ханбалык (Пекин) и уйти далеко на Запад, в Иерусалим, народ говорил им: «Может, вы не знаете, как далека страна, в которую вы идете? Или вы заблуждаетесь относительно трудности пути? И далека от вас мысль, что вы туда не дойдете? Оставайтесь себе здесь!».[6] И в этом случае вопросительная форма выражает

[5] Chronique de Michel le Syrien / Ed. J. B. Chabot. Paris, 1899—1910. T. 1—4. X, 19.

[6] История мар Ябалахи III и раббан Саумы / Пер. Н. В. Пигулевской. М., 1958. С. 61—62, 65.

огорчение и стремится представить доводы, которые помогли бы поколебать принятое решение.

Живая разговорная речь в исторических сочинениях и биографиях дает представление об уже утерянных оборотах, о простонародной речи. Разговоры, угрозы, клятвы, причитания, выхваченные из стихии народного языка, вызывают особый интерес, они позволяют узнать характер просторечия, языка, на котором происходило ежедневное общение между людьми. Материал хроник имеет то преимущество, что он не приводится как нарочито занимательный, а отражает непосредственно народную традицию.

Когда бытовая речь оживает в хрониках и биографиях, тогда возможны ее противопоставление «высокому штилю», стилизованной манере литературного языка и определение различия этих стилей. Сравнительное изучение лексических и грамматических особенностей разговорной и книжной речи средневековья интересно еще и вот почему. Средневековье — период расцвета сирийского языка. Сочный, гибкий, он был способен выражать все эмоции живой разговорной речи, как и сложные отвлеченные понятия естественных наук и философии. Он был международным дипломатическим языком. На нем изъяснялись послы, писались договорные грамоты византийских императоров, шаханшахов Ирана, арабских халифов, тюркских и монгольских ханов. Живая речь сирийцев далекого прошлого имеет значение и в настоящее время, открывая новые факты для понимания их выдающейся роли в истории культуры Востока.

СИРИЙСКАЯ ХРОНИКА ПСЕВДО-ДИОНИСИЯ ТЕЛЬМАХРСКОГО И ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Византийская историография не сводится к источникам на греческом языке. Многочисленные народы, входившие в состав империи или тяготевшие к ней как великой державе, сохраняли свои языки, на которых они говорили и писали. Культурное влияние Византии было так обширно, ее вклад в мировую культуру столь велик, что изучение ее литературы и памятников возможно лишь в тесной связи с материалами на других языках. Христианство как идеология Византии распространялось, а с ним приходили письменность, книги и с этим необходимость переводов. Язык того или иного народа развивался, в нем появлялись новые отвлеченные понятия; он становился литературным языком. В частности, греко-византийское летописание оказало исключительное влияние, стало примером, которому подражали на латинском Западе и на многоязычном Востоке. Византийские хронографы были образцом для романских и германских летописцев, как и для сирийских, эфиопских, арабских хроник, для исторических трудов славянских народов.

Историография Византии пережила несколько эпох, несколько периодов развития, различные формы изложения. История, в частности церковная история, родоначальником которой был Евсевий Памфил, была продолжена Сократом, Созоменом, Феодоритом. «Прагматическая» история требовала постепенного развития изложения, последовательности, в которой выявлялись причины и их следствия, находили объяснения события.

Другой формой исторического изложения была хроника, погодная запись, краткие заметки в хронологической последовательности, с обязательными датами, исчисленными по системам от сотворения мира, по олимпиадам, индиктионам, по годам царствований, священств. Наконец, появилась форма последовательной истории, связного рассказа, в котором истолкование факта как причины и события как его следствия не являлось уже обязательным для изложения, история становилась связной, но не причинно-следственной цепью событий, как в «прагматической» истории.

Новая форма исторического сочинения была смешанного типа, определившего развитие мировой историографии, — сочинения, в которых сохранялась строгая канва погодных записей с соблюдением последовательности лет. В эти «хронографии» наряду с краткими заметками, занесенными под данный год, вписывались подробные сообщения, целые главы, детально излагавшие события.

Два памятника — греческий и сирийский — возникли в близкое время, сходны по форме составления, по объему охватываемого периода, отличаются наличием общих источников и имеют каждый свои особенности, коренящиеся в особенностях греческой и сирийской традиции, в используемых ими источниках. Имеются в виду Theophanis Chronographia и Chronicon pseudo-Dionysianum vulgo dictum. Сопоставление этих двух памятников византийской историографии на греческом и сирийском языках позволяет выявить их связи, общие источники и с достаточной полнотой развить наше положение о взаимной зависимости и значении для византийских исторических источников параллельных иноязычных.

«Хронограф» Феофана занимает особое место среди византийских исторических сочинений по исключительному влиянию и распространению, которое получил этот труд в самой Византии и за ее пределами.

Хронологическое распределение материала, погодные записи, даты по разным летосчислениям, годы царствований, имена царей и патриархов делали его руководящим трудом. Традиции предшествующих летописей представлены в «Хронографе» в законченном виде, в нем дан как бы некий образец, синтезирующий предшествующее развитие византийской историографии. Это не прагматическая история, не последовательный рассказ, это и не краткая летопись, это хронологически представленный материал, где наряду с краткими погодными записями имеются подробные выписки из источников, их изложение, как церковных историков, так и Прокопия Кесарийского, Иоанна Антиохийского, Феофилакта Симокатты.

Хроника псевдо-Дионисия Тельмахрского дошла в единственном известном экземпляре Ватиканской библиотеки (Syr. 162, ff. 1—173) и нескольких фрагментах Британского музея (Add. 14, 665, ff. 1—7). Это всемирная хроника, доведенная до 775 г. Автор сам указывает использованные им источники: Евсевиевы каноны для 1-й части, история Сократа — для 2-й, Иоанн Эфесский — для 3-й части, которая начинается с 499 г.

н. э. и кончается событиями 754/5 г. н. э., а для 4-й части, по его словам, не было связного источника. Краткие погодные записи на всем протяжении внезапно прерываются внедрением больших частей, даже целого источника. Так, эта хроника сохранила замечательный труд Иешу Стилита, Плерофории Иоанна Руфа, Энотикон Зенона. В то же время основой его труда была краткая хроника (или хроники) с погодными записями, которые введены им на протяжении всего текста.[1]

Видно, что по самому расположению материала эта сирийская хроника близка «Хронографу» Феофана, последней датой которого является 812 г. Но помимо общих приемов, усвоенных традицией, для обоих трудов можно указать общие источники. Это характерно для греческого и сирийского летописания вообще. Сирийцы усваивали греческий язык, говорили и писали на нем, переводили греческих авторов на сирийский, читали греческие источники и внедряли их в свои труды. История вселенских соборов в период христологических споров показала особенную близость и зависимость греческой и сирийской философской литературы друг от друга, для этого достаточно вспомнить «Базар Иераклида» и конфликт Нестория, судьбу Хенаны Адиабенского и историю Низибийской академии.

В «Хронографе» Феофана, как и у псевдо-Дионисия, основой являются погодные записи, одновременно с которыми помещаются обширные выписки из использованных ими источников. Феофан пользовался источниками, часть которых сохранилась, и поэтому можно судить о том, как он ими пользовался: он их переписывал сокращая, иногда излагал своими словами их содержание.

Псевдо-Дионисий добросовестно назвал свои основные источники, причем это источники, которые дают связное изложение событий, как Сократ и Иоанн Эфесский, кроме того, им был использован не дошедший до нас памятник «История» Кира Батнского, последние данные которого относятся к 627/8 г. (или 631 г.). Кир Батнский писал в стиле прагматической истории, после него псевдо-Дионисий не имел подобного источника и поэтому не смог дать последовательной истории,[2] а лишь ряд кратких летописных известий, в которые вставлял обширные главы из других памятников и документы. Краткий

[1] Chronicon pseudo-Dionysianum vulgo dictum / Ed. J. B. Chabot. Parisiis, 1927, 1933. T. 1—2 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 1—2) (далее: *Ps. Dionysius*); *Ortiz de Urbina.* Patrologia syriaca. Romae, 1958. P. 197; *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.

[2] *Дьяконов А. П.* Кир Батнский. СПб., 1912. С. 22—23.

летописный источник псевдо-Дионисия связывает его с Феофаном, как и использованный упомянутым Киром Батнским Иоанн Антиохийский — Иоанн Малала, являющийся одним из источников Феофана;[3] к нему мы еще вернемся, тем более что Иоанн Антиохийский был использован не только Киром, но и другим сирийским историком, труд которого вписан от начала до конца в хронику псевдо-Дионисия. Хроника Иешу Стилита для истории Византии времени Зенона и Анастасия имеет большое значение, более четверти века тому назад мы подвергли ее анализу и пришли к выводу, что ее автор использовал не дошедший до нашего времени греческий источник, написанный сторонником исаврийской династии Кандидом, но в обработке хрониста, отрицательно настроенного к исаврам, а именно Евстафия Епифанийского. Если сверять текст Иешу Стилита о восстании Илла и предшествующую историю его отношений с императором Зеноном, то можно отметить ряд параллельных мест у Феофана под 5971, 5972, 5976 гг.,[4] в которых есть общее с Феодором Лектором и Евагрием (III, 26). Иешу Стилит дает другие объяснения событиям, снимает их романтический элемент, но он очень близок общему для них греческому тексту. Таким образом, до Иоанна Эфесского, до Захарии Митиленского и псевдо-Дионисия сирийские хронисты пользовались непосредственно греческими источниками, переводили их тут же на ходу. Некоторые из этих источников, как Евстафий Епифанийский, в выписках известны греческим историкам.[5] Рассказ об этих событиях времени Зенона связан и с Иоанном Малалой, которым пользовался и Феофан, живо повествующий о нападении на Илла по заданию Зенона или Ариадны, о Папириевой крепости и сопротивлении исавров.[6] Евстафий Епифанийский давал прагматическое, причинно-следственное изложение событий, которое усвоил и Иешу Стилит. Евстафий стал источником и для Прокопия Кесарийского, через которого его сведения попали и к Феофану:[7] Евстафий был близок Иешу по своей восточной ориентации, но к его антиохийским известиям Стилит добавлял еще свои, местные, эдесские. Следует отметить, что Евстафий был также известен Евагрию и Иоанну Антиохийскому (Малале), который называл его «мудрым» ис-

[3] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 193, 213—221, 247.

[4] *Theophanes.* Crhonographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. T. 1. P. 126, 127, 129—130.

[5] *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.; Л., 1940 (ТИВАН. Т. 31).

[6] *Theophanes.* Chronographia. P. 127, 129—130.

[7] *Пигулевская Н. В.* Месопотамия... С. 26.

тором, отзывался о нем с похвалой и сообщил, что Евстафий умер, доведя свое повествование лишь до 503 г., 12-го года имп. Анастасия.[8]

Хроника псевдо-Дионисия в 3-й части написана на основании Иоанна Эфесского, той части его сочинения, которая до нас напрямую не дошла. Псевдо-Дионисий имеет большое число совпадений с текстом Малалы, сохранившемся в сокращенном тексте Оксфордской рукописи (Barocc. 128). Фрагменты более полного Малалы известны по «Церковной истории» Евагрия (Иоанн Ритор) и как Иоанна Антиохийского по другим византийским писателям.[9] Те выписки, которые сохранил Иоанн Эфесский из Иоанна Антиохийского (=Малалы=Ритора), и то, что вошло в состав 3-й части псевдо-Дионисия, являются материалом выдающегося значения для восстановления подлинного текста Малалы.

Иоанн Эфесский (ум. в 586 г.) один из первых, может быть даже первый, использовал полный текст антиохийского летописателя, и поэтому эти сирийские переводы из него должны сыграть важнейшую роль при восстановлении и издании нового текста. Необходимо также принять во внимание выписки из того же Иоанна Антиохийского в эфиопской хронике Иоанна Никиу. Сохранившийся текст Иоанна Антиохийского у псевдо-Дионисия — Иоанна Эфесского подтверждает наличие в его время не только 17 книг хроники, но и последней, 18-й, принадлежавшей другому автору, чем первые 17 книг. Более того, эфесский епископ, писавший свою 2-ю часть истории до 571 г., пользовался редакцией, которая до нас не дошла и колеблется в своем приближении к разным редакциям антиохийского источника.[10]

Иоанн Эфесский особенно охотно пользуется Малалой потому, что этот источник в сущности своей антиохийский и сирийский, а также монофизитский, который в последующее время подвергся православной обработке. Сирийцы пользовались им в его первоначальной монофизитской форме на греческом языке, причем Иоанн Эфесский переводил его буквально с главами и титулами (например, выписки под годами 836, 837),[11] и текст его ближе к извлечениям из Иоанна Антиохийского у Феофана, чем к Оксфордскому списку Малалы. Сопоставление текстов Иоанна Эфесского (=псевдо-Дионисия) (например, текст под 879 г.) с текстом Малалы и с выписками Феофана (например, под 6050 г.) позволяет исправить и уточнить текст Малалы, дает возможность восстановить его в полном виде.[12] Таким образом, непосредственные и опосредствованные заимствования, перевод и выписки из Иоанна Антиохийского — Малалы роднят сирийские хроники с греческой историографией, Феофаном в частности.

[8] Там же. С. 19—20, 32.

[9] Excerpta historica iussu Constantini Porphyrogeniti. Berolini, 1905. Vol. 3; Excerpta de insidiis eū Joanne Antiocheno. P. 58—150.

[10] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 259—260.

[11] *Ps. Dionysius.* T. 2. P. 19, 20.

Распределение материала по годам было одним из преимуществ труда последнего и сделало его «Хронографом». И в этом случае можно сблизить псевдо-Дионисия с греческим историографом, он также стремится располагать материал на хронографической канве, которая с датами по эре Селевкидов начинается со 2-й части его Истории, когда псевдо-Дионисий оставляет Евсевиевы каноны со счислением от Авраама и начинает вторую книгу (šarba), в которой он следует «писанию Сократа».[13] Между тем в этой же части псевдо-Дионисий вводит хронологическую канву по селевкидскому летосчислению, чего у Сократа нет. Псевдо-Дионисий положил в основу своего труда некий краткий летописный источник. Часть этих кратких выписок находится в непосредственной зависимости от Эдесской хроники VI в.,[14] из которой они извлечены. Тот же источник или другой, также краткий и летописный, содержал данные о событиях общегосударственных и специально александрийских, заимствованные у Сократа, где они, однако, не имеют хронологии. Можно сделать вывод, что у псевдо-Дионисия был источник на греческом языке, хроника, в которой краткие выписки из глав Сократа были датированы и соответственно расположены по селевкидской эре. Третий летописный источник псевдо-Дионисия дает ошибочные даты, основной является ошибка на 8 лет. Таким образом, во 2-й и в 3-й книгах сирийский историк располагал тремя летописными источниками, сведения из Иоанна Эфесского он расположил в хронологических рамках этих летописных источников, продолжая исчисления по селевкидской эре, из них один включает данные Эдесской хроники, неизвестный источник до 868 г. с верными датами и иногда случайной ошибкой в 2 года и третий источник (летописный же) — с ошибкой на 8 лет.

Следует отметить, что в тексте псевдо-Дионисия имеются расхождения, указывающие на использование разных источников. Обращает на себя внимание то, что лондонские фрагменты

[12] *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский... С. 247—261.

[13] *Ps. Dionysius.* T. 2. P. 160.

[14] *Ortiz de Urbina.* Patrologia syriaca. P. 192.

псевдо-Дионисия и текст Ватиканской рукописи под годами 836 и 837 имеют различные тексты и по своему содержанию, что воспроизведено в печатном тексте псевдо-Дионисия.[15] В 4-й части истории, когда он уже не имел Иоанна Эфесского (ум. в 586 г.), он остается близким Феофану, что следует отнести за счет общего летописного источника. Хронология псевдо-Дионисия и Феофана не сходится, и даже последовательность событий нарушается. Для сравнения нами были взяты данные об арабских завоеваниях; у псевдо-Дионисия годы 940—993,[16] у Феофана — 6124, 6125, 6126, 6127.[17] В кратких фрагментах зафиксированы смена халифов и этапы завоевания арабами Сирии и Палестины, а также других областей Ближнего Востока. Внимательного сравнительного изучения заслуживают параллели сведений о Мухаммеде у псевдо-Дионисия (годы 932 и 938)[18] и у Феофана (год 6122).[19] Различная трактовка событий, нарушения хронологии и последовательности событий не могут скрыть того, что греческий и сирийский хронографы использовали общий летописный источник, к тому же ошибку на 8 лет допускают оба, что указывает опять-таки на общность ее происхождения.

Следует отметить особое значение хроники псевдо-Дионисия для сообщений о Южной Аравии. Последние три десятилетия дали поистине исключительно большие успехи в изучении истории Южной Аравии. Своеобразие ее развития, высокий уровень ее культуры в древности засвидетельствованы прежде всего ее замечательной письменностью, сохранившейся в многочисленных эпиграфических памятниках. Сведения этих выбитых на камне надписей представляют особую ценность как исходящие непосредственно от свидетелей и участников событий. Но воссоздать историю государства «царицы Савской» можно, лишь привлекая нарративные источники. На арабском языке они относятся к позднему времени, хотя в ряде случаев передают устную арабскую традицию. Современными им ближайшими по времени нарративными источниками являются греческие и сирийские, древние и средневековые. Среди них особого внимания заслуживают данные нашей хроники, перекликающиеся с материалами Иоанна Малалы и других греческих хронографов.

[15] *Ps. Dionysius.* T. 2. P. 19—20, 44—47.
[16] *Ps. Dionysius.* T. 2. P. 150—154.
[17] *Theophanes.* Chronographia. P. 336—339.
[18] *Ps. Dionysius.* T. 2. P. 149—150.
[19] *Theophanes.* Chronographia. P. 332—334.

Особый интерес представляет 3-я часть хроники псевдо-Дионисия, так как в нее вошли материалы, специально касающиеся Южной Аравии. В связи с распространением монофизитства государство химьяритов находилось в центре внимания Иоанна Эфесского, источника хроники, история которого известна отдельно по рукописи Brit. Mus. 920.[20] Но в хронике псевдо-Дионисия к материалам этого источника добавлены другие документы и материалы, свидетельствующие о его особом внимании к Южной Аравии. Объяснение этого можно видеть в том, что автор хроники жил в середине VIII в., когда роль арабов на Ближнем Востоке определилась как господствующая и их прошлое представляло живой интерес.

Сведения, касающиеся Химьяра, расположены в 3-й части хроники подряд, как материал одной темы с соответствующими небольшими заголовками: «О царстве индов и как они по причине войны стали христианами» (P. 42_{15}), «О тех, кого послал царь кушитов к царю химьяритов, и о войне между ними» (P. 55_{18}), «Еще о том же самом царстве химьяритов» (P. 56_{20}), «Послание, которое отправил святой Шемон епископ Бетаршама и глава верующих в области персов Шемону архимандриту Габулы» (P. 57_{4}), «Еще об этом маленьком мальчике, о котором написано в рассказе этом о мучениках выше» (P. 67_{12}), «О царе кушитов, о его выступлении и убийстве тирана и бывших с ним иудеев» (P. 68_{16}—69_{6}), «В это время было великое бедствие в этих царствах из-за недостатка священников — у кушитов, химьяритов и индов» (P. 111_{12}—112_{20}).

Из этих сообщений следует выделить, прежде всего, послание Симеона Бетаршамского (ум. в 548 г.), известное также по рукописи Brit. Mus. 949 как отдельное произведение. Оно является важным источником, так как содержит сведения, полученные из первых рук и записанные современником событий. Другие разделы хроники о химьяритах почерпнуты из Истории Иоанна Эфесского и зависят от данных греческой хроники Иоанна Малалы или ее источника.

Греческая и сирийская хроники последовательно перечисляют одни и те же события — борьбу мелких княжеств Эфиопии между собой, их объединение, войну с Южной Аравией, причина которой лежала в экономических, торговых связях, которые были нарушены. «Ромейские купцы» ездили торговать в Химьяр и в Аксум «через химьяритов», царь которых Димн

[20] Iohannis Ephesini Historia ecclesiastica, pars tertia / Ed. E. W. Brooks. Parisiis, 1935 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 3); *John of Ephesus.* The Third Part of the Ecclesiastical History / Ed. R. Payne-Smith. Oxonii, 1860.

стал грабить и убивать византийских торговцев-христиан, предоставляя возможность торговать иудейским колониям Аравии, которые были сильны и многочисленны. Торговля Аксума упала, и кушиты предприняли поход на Химьяр, чтобы возобновить возможности торговых сношений с Византией.[21] После успешной кампании царь кушитов принял христианство, распространенное в Эфиопии, при посредстве которой христианство было принято и находило поддержку в Химьяре. Эти сведения почти дословно приводятся в обеих хрониках. Сведения Малалы большей частью почерпнуты у Нонна, который, как и отец его Авраам, и дед Евпор, выполнял дипломатические поручения Византии у арабских племен. Донесения Нонна частью сохранились, они были источниками Малалы.[22]

В цикл своих сообщений о химьяритах псевдо-Дионисий включил послание Симеона Бетаршамского о химьяритских мучениках. Перс родом, образованный и даровитый, он знал много языков, был горячим проповедником, страстным спорщиком и защитником доктрины монофизитов. Симеон трижды посетил Константинополь, где умер глубоким старцем, собираясь в путешествие в Рим.[23] Не раз бывавший в Ктесифоне, он был своим человеком в Хирте, центре арабов-лахмидов, где по его инициативе была построена христианская церковь.

В лагере Мундара, царя персидских арабов, и были получены им и другими лицами сведения о преследовании христиан в Химьяре, о мучениках Неджрана. Три сохранившихся письменных памятника имеют в основе устную традицию, сообщение, полученное от посланного из Химьяра гонца, привезшего письмо царя-гонителя и рассказавшего о событиях. В своем послании Симеон живо сообщает обо всем, что он узнал, и точно датирует день своего отъезда из Хирты в лагерь Мундара — 20-го числа кануна второго 835 г., что соответствует 20 января 524 г. н. э.[24] Симеон отправился из Хирты в лагерь Мундара не один, с ним был Авраам, отец Нонна, священник, посланный императором Юстином к царю арабов, чтобы заключить мир и высвободить из плена двух византийских военачальников. Они прибыли в лагерь арабского царя через «десять дней пути». Сообщения послания Симеона превосходно согласуются

[21] *Ioannes Malalas.* Chronographia / Ed. L. Dindorfius. Bonnae, 1831. P. 433; *Ps. Dionysius.* T. 2. P. 55.

[22] *Ioannes Malalas.* Chronographia. P. 432, 433, 456_{24} и сл., 459_3 и сл.

[23] *John of Ephesus.* Lives of the Easrern Saints // PO. 1923. T. 17. P. 138, 155, 157.

[24] La lettera di Simeone vescovo di Beth-Aršam sopra i martiri Omeriti / Ed. I. Guidi // Reale Accademia dei Lincei. Ser. 3. Vol. 7. Roma, 1881. P. k.

со скупыми данными его спутника Авраама, сын которого Нонн их записал.[25] Более полное подтверждение и множество новых подробностей, имен, фактов содержит сирийская «Книга химьяритов»,[26] использовавшая богатую устную традицию, идущую непосредственно от химьяритов. Оба эти письменных источника используют один и тот же документ — послание Масрука (Зу Нуваса), царя-гонителя, привезенное в лагерь царя Мундара. Известно, что в это время там присутствовал Саргис, епископ Русафы, города, где происходили ежегодные ярмарки и куда съезжались шейхи арабских племен со своими отрядами в определенное время года. Христианской святыней Русафы был храм святого Сергия, а епископ города авторитетно возглавлял широкие круги арабов-христиан.[27] Есть основания предполагать, что Саргис, епископ Русафы, был автором «Книги химьяритов», составленной около 325 г. н. э.; кроме сообщения о гонениях на христиан в Химьяре она содержит ценные сведения, которые подтверждаются как химьяритскими надписями, так и арабской историографией.

С посланием Симеона Бетаршамского, с «Книгой химьяритов» следует сопоставить третий источник — «Мученичество Арефы», составленное в 30-х годах VI в. на греческом языке.[28] Оно не только в основном передает те же факты, что и сирийские источники, но содержит материалы предшествующей истории Южной Аравии, как и «Книга химьяритов», и ряд сведений делового, конкретного характера, как о денежной системе, о мерах веса, географических пунктах этого государства, частью почерпнутых у предшествующих греческих авторов или из устной традиции.[29] Более чем возможно, что автор «Мученичества» использовал рассказы византийских посланцев к арабам, в частности Авраама, сообщения которого были записаны Нонном. Таким образом, все три лица, которые сошлись в лагере царя Мундара в январе 524 г. н. э., оставили устные и письменные сообщения, нашедшие отражения в источниках, ближайших по времени к событиям в Неджране, — в послании Симеона Бетаршамского, «Книге химьяритов», сообщениях Авраама.[30]

[25] *Nonnosius.* Fragmenta // FHG. T. 4. P. 173.

[26] The Book of Himyarites / Ed. A. Moberg. Lund, 1924.

[27] *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. Л., 1951. С. 233—238.

[28] Martyrium st. Arethae // Acta sanctorum. Octobris. Parisiis; Romae, 1869. T. 10. P. 661—762.

[29] *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. С. 238—241.

[30] Там же. С. 228, 230, 236.

Псевдо-Дионисий не только переписал важный источник по истории Южной Аравии, каким является послание Симеона, охарактеризовал предшествующие гонениям события, соответствующие тому, что о них сообщили Иоанн Эфесский и Иоанн Малала, он продолжил эти сведения, вернувшись к судьбе одного из известных по мученичеству лиц — «Еще о маленьком мальчике». Судя по тому, что рассказ ведется от 1-го лица, рассказчик сам встречал этого мальчика уже взрослым человеком в Константинополе, это говорит и о том, что рассказ непосредственно восходит к истории Иоанна Эфесского.[31] Вслед за тем в хронике находится сообщение о царе кушитов и о второй кушито-химьяритской войне.[32] «После того как царь кушитов, тот, что убил предшествующего царя химьяритов и по этой причине стал христианином, когда он (царь кушитов) узнал о гибели христиан и тирании иудеев, распалился гневом, взял свое войско и выступил против тирана». Расправившись с врагами, он сделал царем Абраху, восстановил права христиан и поставил им епископа, посвященного в Александрии и сторонника Халкидонского собора. Но затем химьяриты отнеслись отрицательно к православию и не были склонны принимать клириков, посвященных в Александрии. И в дальнейшем хроника возвращается к этому, сообщая, что отсутствие епископов-монофизитов у «кушитов, химьяритов и индов», несмотря на их повторные просьбы через посланцев в Константинополь к императору прислать таковых, побудило их независимо поставить епископа из своей среды собором священников.[33]

Таким образом, хроника Дионисия Телльмахрского сохранила существенные сведения о Южной Аравии, в основном почерпнутые из Истории Иоанна Эфесского, и послание Симеона Бетаршамского. Этот ее интерес объясняется, с одной стороны, значением, которое приобрели арабы после своих побед в истории Ближнего Востока, с другой стороны, автор-монофизит пользуется источниками своих единоверцев, к числу которых принадлежал Иоанн Эфесский. Для последнего Эфиопия, Южная Аравия и их взаимоотношения были вопросом распространения монофизитства, страстным сторонником которого он был. Замечательно, что данные Малалы дают возможность воссоздать историю и говорят об использовании его как источника, исправлении его текста, дошедшего в греческом недостаточно исправном списке.[34]

[31] *Ps. Dionysius.* T. 2. P. 67_{12}.
[32] *Ps. Dionysius.* T. 2. P. 68_{15}—69_{6}.
[33] *Ps. Dionysius.* T. 2. P. 111_{12}—112_{20}.

Хроника псевдо-Дионисия Телльмахрского имеет тесную связь с греческой историографией, прежде всего с близкой ей по времени хроникой Феофана.[35] В отдельных памятниках и документах, включенных в хронику, могут быть выявлены также общие связи между сирийским и греческим летописанием. Для хроники Иешу Стилита выявлена ее связь с утерянным греческим трудом Кандида Исаврийца, что позволило восстановить историю Византии на рубеже V и VI вв. Общие сведения у Иоанна Малалы и Иоанна Эфесского, сохраненного псевдо-Дионисием, позволяют установить первоначальный текст Малалы относительно кушитских и химьяритских царств, имеющий первостепенное значение ввиду того, что греческий текст антиохийского летописца дошел лишь в одной неисправной рукописи. Наконец, послание Симеона Бетаршамского и Мученичество Арефы опираются на одну и ту же устную, если не письменную, традицию, подтвержденную сирийским текстом «Книги химьяритов».

Таким образом, хроника псевдо-Дионисия, сохранившая ценные уникальные памятники сирийской историографии, позволяет на основании ее материалов сравнительным методом установить взаимные связи и зависимость греческой и сирийской летописной традиции, которые, взаимно дополняя друг друга, дают возможность установить новые исторические факты и воссоздать историю далекого прошлого, в данном случае историю арабских племен Йемена.

Параллели приведены нами из двух-трех сирийских хроник, из греческих историков выбор пал на Иоанна Малалу и Феофана, это ничтожное количество из разноязычной византийской исторической литературы, которая ждет своих исследователей. Между тем последовательная работа над сирийскими и греческими трудами, их сравнительный анализ и точное изучение могут выявить не дошедшие до нашего времени источники, как это с уверенностью можно сказать относительно Евстафия Епифанийского и Иоанна Антиохийского (Малалы, Ритора).

Византийская литература — понятие несравнимо более широкое, чем греко-византийская литература, и такой ее новый широкий охват может с большей полнотой показать всю ее значимость, ее вклад в сокровищницу мировой литературы.

[34] *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. С. 269—271.
[35] *Pigulevskaja N.* Theophanes's Chronographia and the Syriac Chronicles // Jahbruch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. Wien, 1967. Bd 16. S. 50—60.

ПЕРЕВОДЫ

ЭДЕССКАЯ ХРОНИКА

Перевод выполнен по изданию: Chronicon edessenum // Chronica minora / Ed. I. Guidi. Parisiis, 1903. P. 1—13 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 4).

[I] В год 513, в царствование Севера, в царствование царя Абгара, сына царя Ману, в месяце тешри втором (ноябрь 201 г. н. э.), переполнился водный источник, который выходит у большого дворца царя Абгара великого. Он переполнился, как бывало и прежде, поднялся, стал полон и разлился во все стороны, достиг дворов, колоннад и домов царских, которые наполнились водою. Когда увидел это господин наш царь Абгар, он поднялся на плоскогорье над своим дворцом, где находились и жили рабы, царские работники. Пока мудрецы размышляли, что им делать с излишней водой, которая прибывала, случилось так, что ночью пошел большой и страшный дождь, и вышел (из берегов) Дайсан не в свой день и месяц. Излишняя вода потекла и достигла шлюзов, державшихся обитым железом и железными запорами, которыми были заперты. Так как не было выхода воде, то она образовала большое море вне стен города и стала втекать между зубцами стен в город. Царь Абгар, стоя на высокой башне, называемой персидской, смотрел при огненных факелах на воду и приказал, чтобы были открыты ворота и восемь шлюзов западной стены города, откуда втекает река. Но в тот же час прорвала вода западную стену города, вошла в город и разрушила большой и прекрасный дворец господина нашего царя. Она уносила все, что встречала перед собой: красивые и прекрасные здания города, все что было вблизи реки с юга и с севера, повредила также храм церкви христианской. При этом событии погибо более двух тысяч человек. Многих из них ночью, когда они спали, настигла вода, и они утонули. Так как город был полон стенаний и царь Абгар увидел нанесенный ущерб, то он приказал, чтобы все ремесленники города удалили свои лавки от реки и чтобы никто не строил бы себе лавки у реки. По соображениям (земле)меров и (людей) знающих, лавки были расположены дальше, чем была ширина реки, и первоначальное расстояние увеличили, с тем чтобы, если воды будет много и она будет мощной, несмотря

на то что ложе (русло) реки узкое, она могла бы принять воды в общем еще на 25 футов с каждой стороны.

Царь Абгар приказал, чтобы все, кто сидят в портике и работают у реки, (с месяца) тешри первого (октября) по нисан (апрель) не ночевали в своих лавках, кроме сторожей, которые оберегают город. Пять из них должны ночевать на стене, над тем местом, где вода втекает в город, в течение всего зимнего времени, чтобы они замечали ночью и слушали бы шум излишней воды, которая начала втекать в город. И всякий, кто услышит шум и, пренебрегая, не выйдет (предупреждая): «Вот вода!», то спросится с него (пренебрежение), что он презрел приказание царя. Установлен был такой приказ с того времени, когда это случилось, и навеки.

Господин же наш царь Абгар приказал построить себе царскую постройку для проживания в Бет-Тебара. Там он проживал все зимнее время. Летом он спускался в новый дворец, который был ему выстроен над источником. Также его знатные построили себе строения по соседству, где жил царь, на высокой улице, называемой Бет-Сахрайе. Чтобы восстановить первоначальное благосостояние города, царь Абгар приказал снять долги по подати с живущих в городе, а живущим в селениях и деревнях отменил подать на пять лет, пока город не обогатится населением и не украсится строениями.

Маряб бар Шемеш и Кайома бар Магартат, писцы Урхи, записали это событие по приказу царя Абгара, Бардин и Бавалид, которые были поставлены над архивом Урхи, взяли эти (записи) и положили в него (в архив), как доверенные города.

[II] В 180 году начали ставить царей в Урхе.

[III] В 266 году воцарился кесарь Август.

[IV] В 309 году родился наш Господь.

[V] В 400 году построил царь Абгар для себя мавзолей в честь своей смерти.

[VI] В 419 году вышел Маркион на кафолической церкви.

[VII] Кесарь Луций со своим братом подчинил парфян ромеям в пятом году своего царствования.

[VIII] В 465 году одиннадцатого таммуза (июля) родился Бардесан.

[IX] В 517 году построил Абгар крепость в своем укреплении.

[X] В 551 году родился Мани.

[XI] В 614 году в дни императора Диоклетиана стены Урхи были разрушены вторично.

[XII] В 624 году епископ Куна (Конон) положил основание церкви Урхи, построил и закончил это строение епископ Шад, который был после него.

[XIII] В 635 году было устроено кладбище в Урхе, в дни епископа Айталахи, за год до великого собора в Никее.

[XIV] В 636 году был поставлен епископ Айталаха в Урхе, он построил кладбище и восточную сторону церкви.

[XV] В следующем году собрался Никейский собор 318 епископов.

[XVI] В 639 году происходило строительство и увеличение церкви Урхи.

[XVII] В 469 году умер мар Иаков, епископ Низибийский.

[XVIII] В 657 году стал Авраам епископом Урхи, он построил (церковь) исповедников.

[XIX] В 660 году Константин сын Константина отстроил город Амид.

[XX] В 661 году тот же Константин отстроил город Теллу, который до того назывался Антиполис (Антонинополис).

[XXI] В 667 году Авраам Кидонайа стал затворником.

[XXII] В 672 году покинул этот мир мар Авраам, епископ Урхи.

[XXIII] Покинул этот мир Вологеш, епископ Низибии.

[XXIV] В тот же год перешел епископ Барса по приказу императора из Харрана в Урху.

[XXV] В 670 году была разрушена Никомедия.

[XXVI] В 674 году, в месяце хазиране (июне), выступил Юлиан, сразился с персами и там умер.

[XXVII] В 675 году, в месяце шаббат (феврале), воцарились Валентин старший (Валентиниан) и брат его Валис (Валент).

[XXVIII] В 678 году покинул этот мир мар Юлиан старец.

[XXIX] В 681 году был построен большой баптистерий Урхи.

[XXX] В 684 году, 9-го числа месяца хазирана (июня), покинул этот мир мудрейший мар Афрем.

[XXXI] В месяце илуле (сентябре) того же года вследствие гонения ариан покинул народ церковь Урхи.

[XXXII] В 689 году, в месяце адаре (марте), покинул этот мир мар Барса, епископ Урхи.

[XXXIII] В том же году, 27-го числа месяца кануна первого (декабря), пошли православные и захватили церковь в Урхе.

[XXXIV] В то время, в год, когда воцарился Феодосий великий, стал епископом мар Евлогий. Этот мар Евлогий построил часовню (церковь) мар Даниила, названную часовней мар Домиция.

[XXXV] В 692 году Феодосий великий построил в Осроэне город Решайн.

[XXXVI] В 693 году собрался собор 150 епископов в Константинополе.

[XXXVII] В 698 году покинул этот мир епископ мар Евлогий в страстную пятницу.

[XXXVIII] В 705 году, 22 числа месяца аба (августа), привезли ларец апостола мар Фомы в его большой храм, в дни епископа мар Кира.

[XXXIX] В 706 году, 17 числа кануна второго (января), покинул этот мир Феодосий великий император; 27 нисана (апреля) прибыл Аркадий в Константинополь; 8 тешри второго (ноября) тело Феодосия привезли в Константинополь.

[XL] В месяце таммузе (июле) того же года перешли гунны ромейские пределы.

[XLI] В 707 году, 22-го числа месяца таммуза (июля), покинул мир мар Кир, епископ Урхи.

[XLII] В 708 году стал мар Сильвиан епископом Урхи.

[XLIII] В 710 году, 17-го числа тешри первого (октября), покинул мир мар Сильвиан, епископ Урхи.

[XLIV] 23 числа месяца тешри второго (ноября) того же года стал епископом Урхи мар Пекида.

[XLV] В тот же год Иоанн Хризостом стал епископом Константинополя.

[XLVI] В 714 году начал толковать Писание Федор, епископ Монсуестский.

[XLVII] В 715 году священник Абсамия, сын сестры блаженного мар Ефрема, сочинил стихи и гомилии на вторжение гуннов в пределы ромейские.

[XLVIII] В 720 году стал епископом Урхи мар Диогенис, он начал строить часовню (церковь) мар Барлаха.

[XLIX] В тот же год, в новолуние месяца аба (августа), покинул мир мар Пакида, епископ Урхи.

[L] В 721 году стал Кирилл епископом Александрии великой.

[LI] В 723 году стал епископом Урхи Раввула; он построил церковь мар Стефана, которая до того была синагогой иудеев. Он построил ее по приказу императора.

[LII] В 724 году, в дни Гонория и Аркадия, победоносных царей, снова были разрушены стены Урхи наводнением, в третий раз.

[LIII] В 732 году восстал Евтихий монах, который оклеветал воплощение.

[LIV] В то время пострадал блаженный Иаков рассеченный.

[LV] В 739 году стала известна ересь тех, которые говорили, что грех по природе врожден.

[LVI] В 740 году стал известен Андрей, епископ Самосаты.

[LVII] В 741 году с неба падала пыль.

[LVIII] В 744 году собрался первый собор в Ефесе.

[LIX] В 746 году 8 аба (августа) покинул мир Раввула, епископ Урхи, вместо него стал великий Хиба (Ива). Он построил новую церковь, которая ныне называется церковью апостолов.

[LX] В 749 году при почтенном Хибе доставил Сенатор большой стол (жертвенник) из серебра весом 720 литр, и он был поставлен в древней церкви в Урхе.

[LXI] В 753 году стратилат Анатолий (велел) изготовить ларец в честь останков святого апостола Фомы.

[LXII] В 756 году Диоскор стал епископом Александрии великой.

[LXIII] Вновь собрался в Ефесе другой собор, который отлучил великого Флавиана, епископа Константинопольского, Домна Антиохийского, Ириния Тирского, Хибу Урхского, Евсевия Даврилианского, Даниила Харранского, Софрония Телльского, Феодорита Кирского.

[LXIV] В 759 году, 1-го числа месяца кануна второго (января), ушел епископ Хиба из Урхи. 21-го числа месяца таммуза (июля) вступил вместо него Нонн и оставался два года. Он устроил в церкви алтарь (святилище).

[LXV] В 760 году стал Леон епископом в Риме.

[LXVI] В 762 году собрался в городе Халкидоне собор.

[LXVII] В 763 году стал известен мар Исхак (Исаак) писатель и архимандрит.

[LXVIII] В 769 году, 28-го месяца тешри первого (октября), упокоился Хиба, епископ Урхи, и на его место стал Нонн. Он построил церковь Иоанна Крестителя и больницу дома бедных прокаженных за воротами Бет-Шемеш. Он построил в больнице бедных мартириум для мар Козьмы и мар Дамиана. Он также построил монастыри и башни, устроил мосты и починил дороги.

[LXIX] В 771 году, 2 илула (сентября), в среду, в 11 часов, покинул мир Симеон Столпник.

[LXX] В 777 году построил Левон (император Лев) в Осроэне (город) Каллиникус, назвал его по своему имени Леонтополис и поставил там также епископа.

[LXXI] В 782 году скончался Нонн, епископ Урхи, вместо него стал Киора.

[LXXII] В 795 году восстал Леонтий против Зенона и царствовал в Антиохии два года.

[LXXIII] В 800 году была изгнана школа персов из Урхи.

[LXXIV] В 809 году, в месяце ияре (мае), был отменен хрисаргир ремесленникам во всей земле.

[LXXV] В месяце хазиране (июне) в том же году скончался Киора, епископ Урхи. Вместо него стал Петр, который прибыл в Урху 12 илула (сентября) того же года.

[LXXVI] В 810 году появилось множество саранчи, но в тот год она не так много повредила, но положила яйца. Случилось большое землетрясение, горячие источники Абарны прекратились на три дня, город Никополис был разрушен, и в нем были засыпаны все его жители, за исключением храма, епископа и двух его келейников. Знаменье, подобное копью, было видимо на небе в течение многих дней в месяце кануне втором (январе).

[LXXVII] Император Анастасий удалил Евфимия, епископа Константинопольского, с его места и вместо него стал Македоний.

[LXXVIII] В 811 году прилетело множество саранчи, она повредила и сожрала все зерно.

[LXXIX] В 813 году большой огонь был виден с северной стороны, который горел всю ночь 22 аба (августа).

[LXXX] В 814 году персидский царь Кавад выступил против Амида, города в Междуречье, 5-го числа месяца тешри первого (октября) осадил его и подчинил его через 97 дней.

[LXXXI] В месяце илуле (сентябре) того же года он отправился и осадил Урху, но по милости Божией не причинил другого вреда, как только сжег церковь мар Саргиса и северную базилику церкви Исповедников.

[LXXXII] В 821 году, в субботу воскресения (пасхальную), почил Петр, епископ Урхи, вместо него стал Павел.

[LXXXIII] В 21-й год царствования Анастасия он приказал, чтобы открыли ларец мученицы Евфимии и вынули оттуда для сожжения книгу, которую положил туда собор, собиравшийся в Халкидоне. Но оттуда вырвался огонь и ударил в лицо тем, которые хотели ее (книгу) вынуть. Поэтому Анастасий воздержался от того, чтобы вынуть ее оттуда и сжечь.

[LXXXIV] Он удалил Македония, епископа Константинопольского, так как он не анафематствовал собора, а вместо него стал Тимофей.

[LXXXV] В 24-й год (царствования) Анастасия восстал против него Виталиан.

[LXXXVI] В 829 году, 9-го числа месяца таммуза (июля), удалился из мира император Анастасий и вместо него (воцарился) Юстин.

[LXXXVII] Во 2-й год царствования Юстина, соответствующий 830 году, он изгнал из Антиохии Севера и Македония из Мабуга и всякого, кто не принимал четырех соборов.

[LXXXVIII] В 831 году, 4-го числа месяца тешри второго (ноября), прибыл Патрикий в Урху, чтобы удалить оттуда Павла. Он принуждал его сделать одно из двух: или принять собор и остаться на кафедре, или, если он не согласен, оставить кафедру. Он же не хотел сделать ни того, ни другого, но бежал, вошел и поселился в крещальне. Когда Патрикий увидел, что не убедил его сделать ни то, ни другое, и, боясь приказа царя, он вынудил его (Павла) выйти из крещальни и отправил в Селевкию. Когда император услыхал, что его вывели из крещальни, он приказал его вернуть на кафедру в надежде, что он покается и признает собор. Павел вернулся на свою кафедру через 44 дня и пробыл долгое время в Урхе, не признавая собора. Когда император увидел, что он не подчинился, он сослал его в Евхаиту. Павел удалился из Урхи 27 таммуза (июля) 833 года. Вместо него был Асклепий, который вступил в Урху 23 тешри первого (октября) 834 года, через три месяца после того, как епископ Павел удалился из Урхи.

[LXXXIX] 24-го числа месяца кануна первого, после вступления епископа Асклепия в Урху, он изгнал восточных монахов и всех монахов их товарищей, которые, подобно им, не принимали Халкидонского собора.

[XC] В 836 году наводнила вода Урху в четвертый раз, разрушила стены, вырвала землю, погубила жителей и произвела великое разрушение.

[XCI] По этой причине удалился епископ Асклепий из Урхи и отправился в город Антиохию к патриарху Евфразию (Евпору) и пробыл там около 70 дней; там, в Антиохии, он умер 27 хазирана (июня) того же года и был похоронен там же, в Антиохии. 4-го числа месяца илула (сентября) того же года вывезли его тело из Антиохии и похоронили в церкви мар Барлахи рядом с епископом мар Нонном.

[XCII] Когда Павел услыхал, что умер Асклепий, он покаялся и обратился с просьбой к мар Юстиниану патрикию, а также написал послание (libellus) патриарху Евпору. Из-за послания (libellus), которое он составил, и из-за письма славного и боголюбивого Юстиниана патрикия его вернули, и он занял свою кафедру. Он вступил в Урху 8 адара (марта) 837 года, через 8 месяцев после смерти мар Асклепия.

[XCIII] Прожил епископ Павел, после того как вернулся на кафедру Урхи в третий раз, 8 месяцев и около 8 дней, а 30-го

числа месяца тешри первого (октября) 838 года скончался епископ Павел.

[XCIV] После него был Андрей, который прибыл в Урху 7-го числа месяца шаббата (февраля) того же 838 года.

[XCV] Вниманием и усердием боголюбивого императора Юстиниана четыре святых собора были записаны в диптихи церкви, а именно Никейский, Константинопольский, первый Эфесский и Халкидонский.

[XCVI] В 13-м году царствования Юстиниана, соответствующем 850 году, индиктиону второму, 5-го числа месяца тешри первого (октября), было видимо знаменье, подобное копью.

[XCVII] В пятницу, 29-го числа месяца ияра (мая) 837 года, в 7 часов, было большое и страшное землетрясение, которым была разрушена бóльшая часть Антиохии, засыпаны живые и погибли ее жители.

[XCVIII] В 839 году, 15-го числа месяца тешри второго (ноября), случилось великое пожарище в Антиохии и сгорела бóльшая часть того, что уцелело от землетрясения. Как начался пожар, не было известно.

[XCIX] В этом землетрясении умер патриарх Евфразий, он погиб под развалинами, и, как говорят, целый день был слышен стон из-под развалин. После него был епископом в Антиохии Ефрем Амидский, бывший комит Востока.

[C] В 844 году, 6-го числа месяца кануна первого (декабря), покинул мир епископ мар Андрей и был погребен в церкви мар Барлаха, рядом с останками мар Нонна и мар Асклепия.

После него был Аддай, который вступил в Урху 28-го числа месяца аб (августа) 844 года.

[CI] В 838 году, 1 нисана (апреля), стал мар Юстиниан кесарем, а 10-го числа месяца аб (августа) того же года скончался император Юстин и воцарился один мар Юстиниан.

[CII] В 842 году, в месяце таммузе (июле), прибыл в Урху мар Демосфен, чтобы начальствовать над ромейскими войсками.

[CIII] В 843 году, 18-го числа месяца кануна первого (декабря), вторглись гунны в ромейские пределы. Они полонили и убивали до Халебской (Алеппской) области и до 12-го (верстового) камня Антиохии. От этих бед заболел мар Демосфен и умер в городе Телле 10-го числа месяца кануна второго (января) того же года.

[CIV] В 843 году, в месяце илуле (сентябре), патриарх Руфин заключил мир между персами и ромеями. Этот мир длился до 851 года.

[CV] В месяце ияре (мае) этого года нарушил царь персидский Хосров мир и вторгся в ромейские пределы. Он опустошил Шур, Халеб, Антиохию, захватил также Апамею, повернул и дошел до Урхи. Но по милости Божией, оберегающей ее, он не причинил ей вреда. Богатые города вышли к нему, и он принял два кентенария золота и вернулся в свою землю.

[CVI] Как мы узнали из древних историй, со времени вознесения Христа к своему славному Отцу четыре раза разрушала вода стены благословенного города, свергала его башни, губила его население. В первый раз стены его были проломлены при Севере, императоре ромейском, в 513 году по счислению греков, в месяце тешри втором (ноябре). Второй раз были разрушены стены в дни императора Диоклетиана, в 614 году, в месяце ияре (мае). В третий раз вновь были разрушены стены в дни победоносных императоров Гонория и Феодосия в 724 году, во вторник, 18 адара (марта), когда мар Раббула был епископом Урхи. В четвертый раз они (стены) были вновь разрушены в дни императора Юстина, в 836 году, когда Асклепий был епископом Урхи.

ГЛАВЫ ИЗ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ИОАННА ЭФЕССКОГО

Перевод выполнен по изданию: *Ioannes Ephesinus.* Historia ecclesiastica pars tertia / Ed. E. W. Brooks. Parisiis; Lovanii, 1935—1936 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 3).

КНИГА 2

Глава 18

О том, что рассказывали в столице о католикосе города Довин, что находится в Армении Великой, Персидской, и о прочих епископах, с ним бывших.

Хотя мы и обещали писать только о том, что мы видели, и об испытаниях многочисленных, которым мы были близки и среди которых мы жили в течение всего времени, о котором сообщаем, теперь же нам показалось нужным привести заметку о воспоминаниях и о том, что не простыми и не ничтожными людьми было сообщено в присутствии многих в нашей столице ромеев о происшедшем в областях персидских. Хотя мы сами этого не видели и не знаем и засвидетельствовать истинность этого, как находящиеся далеко от мест, где это происходило, мы не можем, но католикосом великим города Довина и Великой Армении, Персидской, и прочими епископами, бывшими с ним, это было сообщено перед всеми. Когда они бежали, достигли и укрылись в христианском государстве, они были приняты победоносным императором с великой честью и с клятвою, в присутствии многих они сообщили о случившемся следующее.

Маги,[1] которые являются и знатными персидского государства, узнали, что по приказу и желанию ромейского императора во всех областях и городах всей его державы он потребовал от всех, во всем его государстве, чтобы они подчинились и последовали его вере. Всех же тех, которые не послушаются и не подчинятся его приказу и его желанию, он приказал преследовать их, заключать, ограблять и, наконец, приговаривать к лишению жизни. И так как это действительно произошло во всех

[1] Магами сирийцы называли персидских жрецов.

областях ромейских, то следует и нам — персам, чтобы это осуществилось и во всех наших областях, и обратить все религии, имеющиеся в нашем государстве, в нашу религию.

Глава 19

О том, что было сказано магами их царю Хосрову и [что было им] сделано.

Тогда собрались все маги и сказали Хосрову своему царю: «Царь, здравствуй вечно! Вот мы узнали, что кесарь ромейский от всех, кто находится под его державой, требует, вынуждает и принуждает прийти к его религии и вере. И многих во всех своих областях он принудил почитать свою религию, а всех тех, которые ему не подчинились, он изгоняет и гонит из своей державы. Пусть это прикажет и твоя божественность,[2] чтобы так было и в твоей державе, чтобы все религии пришли к твоей религии и все в твоей державе почитали то, что почитаешь ты. Те, кто осмелятся восстать против твоего приказа, жить не будут». Когда Хосров царь услыхал это от магов, он согласился с их словами и приказал им отречься от своей веры и почитать с ним огонь, солнце и прочие божества. Они же сопротивлялись и мужественно восстали против него. Они объявили и сказали: «Мы царства христианского, и Бога, Творца неба, земли, морей и всего, что есть в них, мы почитаем и чтим. И мы не оставим его, Творца всего, чтобы поклоняться его твари. Не заблуждайся, царь! Над нашими телами ты властен и то, что ты желаешь, можешь с ними делать. Наши души же [принадлежат] ему и находятся в его руках, а у тебя над ними никакой власти нет». Когда царь услыхал все это и многое другое, достойное исповедания епископов, он приказал — и тотчас их убрали, и они умерли. Наряду со многим другим злом, причиненным им христианам, он разрушил множество монастырей и церквей, многих он связал и заточил. Сердцем он возгордился, хулил Христа, говоря: «Посмотрю-ка я, что мне сделает Христос, Бог христиан. Я-то ведь не знаю, ни кто, ни что он есть». Это и многое другое рассказывали эти епископы о том, что говорил и делал в то время персидский царь, до того как Армения подчинилась ромеям. По той же причине он приказал построить храмы огня во всей Персидской Армении.

[2] Титул царя.

Глава 20

О начале гонения царя персидского против христиан в Армении Великой и о прочем.

«После всего этого, — говорил католикос и бывшие с ним, — он [Хосров] послал одного марзбана с 2000 вооруженных всадников, прибывшего прежде всего к нам, в наш город и доставившего приказ построить там храм огня для почитания царя». Так рассказывал и говорил католикос: «Когда он показал приказ мне и горожанам, то я распалился ревностью и восстал против него, я со всеми горожанами. Мы сказали: „Хоть мы и рабы царя царей и платим ему подать, но мы христиане и в делах веры не подчиняемся, даже если нам придется умереть за истинность нашей веры. Ибо так было и во времена царя царей Шабора,[3] желавшего построить здесь храм, но жители собрались, и война длилась 7 лет. Затем он установил закон и дал нам постановление, что вопрос о христианстве никогда больше не будет рассматриваться и исследоваться". Мы также показали ему и список этого приказа царя Шабора. Но он не согласился с нами и, как было приказано, насильно приложил руку, чтобы очертить, углубить и заложить фундамент, и начал строить, совершенно готовый к (нашему) сопротивлению и войне. Хотя я многократно просил его, но он не послушался меня и не выказал мне внимания. Наконец, я послал [сообщить] во все места, всем жителям области. Когда они это услыхали, они распалились ревностью ради веры во Христа, собрались все, как один человек, около 10 000 вооруженных для войны, чтобы жить или умереть ради Христа и не дать построить в их земле храм магизма и язычества». Когда собрались все богатые и главы земли, они отправились к марзбану туда, где он начал постройку храма огня, и много говорили с ним; споря с ним, мы говорили: «Мы христиане, подчиненные царю царей, в делах же веры мы не можем подчиняться людям и не слушаемся. И даже если придет сам царь, прежде чем мы все не перемрем, никогда не будет построен языческий храм. Но без войны и резни уйди из [нашей] земли и пойди к царю, сообщи о нашем желании и относительно нашей веры. Он имеет власть приказать нам все делать, но, пока мы все не умрем, мы не допустим, чтобы был построен храм магизма в нашей земле».

После того как многое они изложили друг другу, марзбан, как ему было приказано, приготовился к строительству. Он

[3] Шапур.

спорил с жителями и указывал им, говоря: «Смотрите, вы восстаете против приказа царя царей, и вы его оскорбляете. Он может наказать вас злой смертью. Смотрите, что вы такое делаете». Когда марзбан увидел их решительность и настроенность против него и увидел также их мощь по сравнению с собою, он ушел, гневаясь и угрожая им. В великом гневе он отправился и сообщил все это царю; тот, когда узнал, возгорелся гневом, жестоко рассердился и обрек на смерть всех жителей [этой] области. Он послал на войну против них марзбана с 15 000 и приказал, если они будут сопротивляться его приказу, уничтожить их и построить там храм огня. Когда жители области узнали об этом, они собрались как один человек [в количестве] 20 000, готовые к бою, чтобы биться за свое христианство до смерти. Когда те прибыли и расположились против них для боя, эти призвали имя Господа Иисуса Христа и выступили на них. И смирил их Христос перед жителями области, и они перебили всех их, до одного человека. Они убили и марзбана, взяли его голову и отправили ее патрикию Юстиниану, жившему в то время на границе, в городе Феодосиополе.

Все это и прочее, что произошло в дальнейшем, слишком пространно для рассказа и сообщения.

Глава 21

О том, что произошло после этого в отношении Хосрова в Персидской Армении, как [жители] ее отпали от него и подчинили всю землю ромеям.

Когда все это произошло и вся область Великой Армении увидела, что разразилась против них трудная война с нечестивым персидским государством, собралась вся область целиком в качестве христиан. Они испугались и искали убежища у христианского государства, говоря: «Отныне мы рабы христианского государства, и мы бежали, чтобы укрыться в ромейском государстве, чтобы спастись от свирепости магизма». Это и многое другое рассказывали католикос и прочие, бывшие с ним епископы перед нашими милостивыми императорами и всем сенатом, из чего только немногое я начертал для памяти. Затем о военных битвах и великом уничтожении бывших там в то время рассказывали они, и как затем вновь напали войска друг на друга, и что много раз были побеждены персы и от них были отняты слоны. Но так как всех этих (сообщений) много, мы в настоящее время оставим их в стороне.

Глава 22

О том, что было рассказано католикосом и бывшими с ним, и о прочем.

Все это и еще многое другое в нашей столице ромеев было рассказано католикосом Довина, что [находится] в области Персидской Армении, им самим, епископами и многими свободными, бывшими с ним, в присутствии многих. Когда прибыл он, прочие епископы и [некоторые] из знатных армянской земли с ним, все они были приняты с великой честью и получили царские подношения и подарки. Всем, которые прибыли с ним оттуда, были даны большие чины, богатые дома, крепкие царские дворы. Тем же, что были в [своей] земле, было послано много золота и чины, а также оставление [податей] на 3 года от императора ромеев. Было приказано, чтобы они оказывали помощь тем, что сражаются из-за них и из-за всей армянской земли с персами. Когда они захватили землю, долгое время спустя много раз склонялся народ магов перед христианами, восставшими против них. Длилась эта война в течение 6 лет. О дальнейшем мы сообщим в свое время немногое из многого [известного].

Католикос через 2 года умер в столице и не вернулся в свою землю.

Глава 23

О том, как сначала, когда армянские епископы прибыли в столицу, по простоте шли и приобщались в церкви синодитов.

Сначала, когда прибыл католикос Армении и с ним прочие епископы и знатные, как людей, бежавших из нечестивого и языческого государства магов и прибывших укрыться в христианском государстве, когда они только приехали, их весьма почитали. Не расспрашивая, они пошли приобщаться с патриархом города, без достоверного рассмотрения, не беспокоясь по поводу разделения и споров, которые были во всех церквах ромейских земель, из-за порчи [=ереси] собора, бывшего в Халкидоне. Когда об этом услыхали в их земле, разгневались на них прочие епископы и все жители и написали им резко, но время требует, чтобы мы обошли это молчанием. Поэтому они разделились, отделились и образовали сами по себе общину в одном из больших дворов, где жил один из их знатных. Там собиралась многочисленная община после смерти их католикоса.

Глава 24

О том, что случилось потом, когда армяне не подчинились, и о том, что мы отложим и оставим сообщение этой истории, так как она чрезвычайно обширна.

Мы видим, что многое из того, что случилось в наше время и в наши дни, особенно же теперь, превосходит размеры написанного, особенно то, что [произошло] после того, как подчинилась Персидская Армения ромеям, что было в 880 г. Александра.[4] Из-за этого со всех сторон возникли длительные и частые войны, ужасающее уничтожение и потоки множества крови. Так, маг[5] в хитрости своей поднялся вновь и напал на ромейские войска в Армении, полагая уничтожить и погубить их. Когда он не смог этого сделать, он повернул и отправился в ромейскую Армению, надеясь осадить и захватить Кесарию Каппадокийскую. Но войска окружили его, удержали и перед Каппадокией напали на него, совершенно лишили его славы, и он повернулся посрамленный. Если бы военачальники были согласны друг с другом, он не вернулся бы и живым. Император ромейский вновь обогатил Армению подарками, дарами и войском, так что опять вся Персидская Армения отдалась, была осаждена и взята ромеями. Много раз они торжествовали, побеждали и попирали другие народы, которые они присоединяли. Но затем дурным управлением начальников или потому, что они многократно прогневляли Бога, когда их было числом не менее 100 000, все это ромейское войско испугалось и бежало посрамленное, теряя оружие и коней от одного презренного марзбана, с которым было едва 30 000 [войска]. После этого выдвинулся и усилился перс, взял и захватил всю Армению. Но вся страна потребовала, чтобы он дал слово, и он дал его им.[6] Возвратились и подчинились ему все [жители] области, за исключением тех, что находились в Константинополе за 7 лет до этого, восстали против него и боролись с ним. После этого вновь были посланы знатные послы от обоих государств, чтобы выяснить события, происшедшие между обоими государствами, а также договориться относительно мира. Так это и было. Больше года они заседали,[7] говорили, рассуждали, рядили друг с другом и ничего не решили. Сначала перс требовал, чтобы ему было дано золото, и тогда он заключит мир. Против этого император ромейский мужественно восстал, говоря: «Он

[4] 569/70 г. н. э.
[5] Магом или персом автор называет Хосрова.
[6] Речь идет об обещании не строить храмов огня в Армении.
[7] Буквально: «сидели друг против друга».

требует от нас золота, как будто от тех, кто боится и подчинился ему. Но пусть он знает, что до сих пор он не получил ни одной драхмы от нас и, пока мы живы, не получит. Если он не будет действовать с честью, достойной обоих государств, мы не заключим с ним мира». Наконец перс с этим согласился, но ничего из этого не вышло.

Многое другое, подобное этому, о чем и многие книги не могли бы сообщить, и прочее о войнах мирских и церковных, благодаря их многочисленности, мы оставляем (в стороне).

Глава 30

О том, что были разрушены церкви православных[8] во время гонения синодитов,[9] а спустя немного времени и те церкви, которые принадлежали синодитам [были разрушены], как бы по решению справедливости, так как варварами во всей Фракии, до стены, были разрушены и разбиты алтари церквей.

Те, что имели власть светскую и церковную, выбрали и высмотрели себе — разрушать дома собрания верующих и разбивать их алтари. Немного времени спустя варварский народ, который по волосам своим называется аварами, когда они готовились и шли на город [столицу] до внешней стены, они грабили все церкви, во всей области Фракии. Перед ними бежала вся область, алтари они ограбили и разрушили, вырвали их чаши и дошли до стены города.[10] Тогда некоторые люди поняли праведный суд и говорили: «То, что причиняли некоторые из наших сторонников тем, которые не были с нами согласны, было несправедливо. Их церкви были разрушены, а вот что нам причинил в гневе Бог — разрушены и опустошены и наши церкви». По этому поводу всякий удивлялся и славил Бога, воздающего каждому по делам его.

[8] Автор подразумевает монофизитов.
[9] Сторонники Халкидонского собора.
[10] До константинопольских стен.

КНИГА 3

Глава 25

О бедах, многочисленных войнах, сопутствовавших царю Тиверию, когда он был еще кесарем.

С тех пор, как кесарем стал милостивый Тиверий, при жизни императора Юстина, так как сам Юстин был в бедственном [положении] из-за различных болезней, кесарь сам вел войны, происходившие со всех сторон, как борьбу против персов и с прочими варварскими народами, восставшими против мощной ромейской державы. Ему угрожали со всех сторон, а после смерти Юстина еще больше восстали против него, особенно же проклятые народы склавены и те, что по волосам своим называются аварами. Особенно, когда он стал автократором, ему не дали вздохнуть и малое время от сообщений и слухов, которые с разных сторон множились около него. Многие из знатных и из малых сочувствовали ему, говоря: «В тяжкие бедствия, в трудные дни досталось этому государство. Днями и ночами он находится в борьбе и в заботе, чтобы собирать отовсюду войска и посылать их во все стороны на многочисленные войны».

Глава 40

О Мундаре бар Харите и обвинениях против него.[11]

Когда на востоке войсками командовал комит Маврикий, он сговорился с Мундаром, царем арабским, что они вместе перейдут в пределы персидские. После того как они продвигались в течение нескольких дней и достигли [места] против Бет-Арамайе, где находится город царя персов, они нашли перед собою сломанным мост, так как [персы] предполагали, что они переправятся и осадят столицу. Тогда [Маврикий и Мундар] поссорились между собою, так как Маврикий полагал относительно Мундара, что это он послал к персам предупредить их, и они разрушили мост. И затем, когда вражда и ссора завязались между ними, они возвратились, ничего не сделав. С того времени они начали писать императору Тиверию друг против друга. Император всячески старался их примирить, но так как

[11] Анализ исключительно ценных сведений об арабах, сообщенных Иоанном Эфесским, в связи с другими источниками, относящимися к их истории, дан мною в статье: Арабы VI в. по сирийским источникам // Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.; Л., 1941. С. 49—70 (ТИВАН. Т. 36).

он этого не смог сделать, то Маврикий отправился к императору и оговорил его [Мундара] зло и тяжко. Император принял его (слова) и сильно разгневался на Мундара и стал помышлять, как его обмануть и как сделать, чтобы его схватили и доставили в столицу. Тогда Магна сириец, куратор, так как он был другом Мундара и его патроном и (Мундар) надеялся на него, что он устроит его защиту перед императором, желая понравиться императору, сказал ему: «Если ты прикажешь, я доставлю его тебе связанным». Император обрадовался и послал (Магна). Получив приказ, он отправился на восток, в селение, называемое Хеварин, которое он устроил, как город, окружив его стеной и построив в нем храм. Он отправился под предлогом его освящения и взял с собою и патриарха антиохийского, для того чтобы еще более ввести в заблуждение Мундара относительно своего приезда. Затем с хитростью он послал [сказать] Мундару: «Так как я пришел для освящения этого храма и у меня был тягостный путь, то не я приду почтить тебя, но, так как я желаю осведомиться о твоем здоровье, я прошу тебя тотчас прийти ко мне, не беря с собою большого количества войск. Я прошу тебя, чтобы ты пробыл у меня несколько дней и мы отдохнули вместе. Но не делай больших дорожных расходов с большим войском, а приходи с немногими».

Глава 41

О приезде Мундара к Магну, его захвате и о прочем.

Когда Мундар получил от Магна это приглашение, он обрадовался и тотчас, без промедления, доверчиво, как к любимому другу, отправился к нему без большого войска. А тот, чтобы не было открыто его злое предательство, принял его радостно, приказал устроить пиршество и сказал: «Отпусти тех, кто пришли с тобою». Мундар сказал ему: «Вот как ты приказал, я не пришел с большим войском, но, когда я буду возвращаться я не могу ехать без войска, хотя бы и малого». Магна сказал ему: «Отпусти их, а когда ты поедешь, я пошлю за ними и они придут». Но так как Мундар был муж большого опыта, то ему это дело не понравилось, и он начал бояться. Он послал к своему войску, чтобы они немного отдалились и ждали его. Когда они были отпущены, Магна приказал войску, которое было с ним, тайно приблизиться, а также и дуксу, которому было приказано быть при Магне. Затем в вечернее время он начал говорить ему [Мундару]: «Господин патрикий, тебя оговорили перед царем, и он приказал тебе прийти к нему, защи-

титься и убедить его, что неправда то, что возведено на тебя». Тогда Мундар ответил ему говоря: «После всех этих моих трудов я не думаю, чтобы было правильно возводить на меня обвинения. Хотя я и слуга (раб) императора, но нельзя требовать, чтобы я пришел; особенно в это время я не могу покинуть мой лагерь [мою хирту] так, чтобы не пришли персидские арабы, не полонили жен и детей и не захватили все, что я имею». В это время показалось ромейское войско, которое было вооружено. Разгневался на него Магна и сказал: «Если ты не пойдешь по своей воле, я наброшу на тебя цепи, посажу тебя на осла и так я отправлю тебя». Тогда ему стала ясна его хитрость, и он увидал, что он лишился своего войска. [А Магна] схватил его и отдал ромейскому войску, чтобы они его стерегли. Так он был унижен и потоптан, как лев пустыни, загнанный в пещеру. Когда его войско это узнало, оно окружило лагерь и приготовилось поджечь его; но когда они увидали, что ромеи появились и приготовились к битве, они удалились. Его же окружили ромеи, повлекли его, чтобы повести с многочисленной стражей, и привели его в столицу. Когда он прибыл, император приказал, чтобы он жил там, где жил прежде, и положил ему и тем, что были с ним, содержание. И так он оставался, не будучи принятым. При нем были одна его жена, двое сыновей и одна дочь.

Глава 42

О четырех сыновьях Мундара и о том, что они сделали.

Четыре сына Мундара, особенно же старший, по имени Нааман, муж мудрый и боеспособный более Мундара, собрали свои войска и напали на лагерь Магна, который также отправился к императору. Без того, чтобы брать в плен и убивать людей или жечь, они ограбили и забрали все — золото и серебро, медь и железо, всю одежду из шерсти и из полотна, зерно, вино и масло. Они захватили все стада скота всякого рода, которые попали в их руки, всех волов, стада баранов и коз. Надвинулись войска арабов и ограбили все деревни Аравии и Сирии, бесчисленное множество имущества и добычи. Они удалились в глубь пустыни, разбили там большой лагерь и делили добычу, будучи бдительными, готовыми к битве и оберегаясь со всех сторон. И вновь они выходили, грабили, обирали и уходили в пустыню, так что в страхе перед ними была вся восточная область до моря, [люди] бежали в города и не осмеливались появляться перед ними. Когда же начальники области и главнокомандующие послали к ним [сказать]: «Для чего вы все это делаете?» — послали и они [сказать]: «Зачем император взял в плен нашего отца, после всех этих трудов, побед, подвигов, которыми он за него потрудился и был удручен? Он прекратил нам анноны [выдачу аннон], и нам нечем было жить, и поэтому мы были вынуждены так поступить, но мы не убивали и не жгли». Наконец они отправились на город Бостру, обложили его и сказали [жителям]: «Отдайте нам оружие нашего отца и прочее из его царских вещей, которые у вас. Если же вы этого не сделаете, то мы вырвем, сожжем и убьем все, что мы сможем в вашем городе и во всей вашей области». Когда услыхал это дукс, который был мужем именитым и осведомленным, он разгневался, собрал все войско и выступил, презрев их, как арабов. [Последние] построились против него, превзошли его и убили его и многих из его войска. Когда жители города увидели то, что они наделали, они послали им [сказать]: «Прекратите [действовать] мечом. Ваше мы отдаем вам, примите с миром». Так они вынесли им вещи их отца. Они взяли их и возвратились в пустыню, в свой лагерь. Что касается грабежа и разбоя, то они не оставляли их в течение долгого времени.

Глава 43

О вторичном приезде Магны и о смерти, которая его там постигла и прекратила его хитрости и злодеяния.

Когда Тиверий услыхал относительно сыновей Мундара, он весьма разгневался и снова обратно послал Магна, чтобы тот сделал брата Мундара царем арабов вместо него, а сыновей Мундара, если может, хитростью или обманом, в восстании или в бою подчинил и захватил. Также было приказано судьям городов и дуксам с большим войском идти с ним. Таким образом, он отправился с большим торжеством и сначала поставил брата Мундара царем..., который через 10 дней умер и затем...

[Здесь текст обрывается, отсутствуют конец третьей и начало четвертой книги].

КНИГА 4

[Первые главы книги не сохранились, из конца 5-й главы известно, что священник Лонгин, «сослуживший» патриарху монофизитов Феодосию, когда он стал старцем, был поставлен епископом Нубии, о чем «рассказано для памяти» в последующих главах «Истории»].

Глава 6

О варварском народе нобадов, обращенном в христианство, и о причинах его обращения.

В синоде папы Феодосия был один старец, прекрасный священник, по имени Юлиан, охваченный духовной ревностью по поводу заблуждений народа, который находился на границе восточной Фиваиды в Египте, не был подчинен государству ромеев и даже получал мзду с тем, чтобы не вторгаться и не брать в полон в Египте. Заботясь об этом народе, блаженный Юлиан явился и сообщил покойной царице Феодоре, чтобы вызвать ее усердие к обращению этого народа. Царица горела ревностью Божией, она приняла (его) с радостью и обещала, что будет сделано все, чтобы отвратить этот народ от заблуждения почитания идолов. Об этой радости она известила победоносного императора Юстиниана и обещала позаботиться, чтобы блаженный Юлиан был туда послан. Император же не обрадовался, когда узнал, что этого противника собора (Халкидонского) стремятся послать туда, предполагая написать своим епископам в Фиваиду, чтобы они отправились поучать их и установили там имя (значение) собора. И поскольку у него возникло рвение, он поспешно первым направил туда посланцев с золотом, крещальными ризами и подношениями царю этого народа и с писаниями дуксу Фиваиды, чтобы он позаботился о его посланце и отправил его к тому народу.

Когда об этом узнала царица, и она тотчас с хитростью составила письма к дуксу Фиваиды и послала магистриана. «Так как я и император решили направить посла к народу нобадов, то вот я и посылаю благого мужа, по имени Юлиан, и я желаю, чтобы этот мой до того [посланного] императором прибыл к этому народу. Да будет тебе известно, если ты сделаешь так, что тот прибудет туда раньше моего, и ты не задержишь его под предлогами [разными], пока не прибудет мой благой [посланец] и не будет отправлен и не достигнет [нобадов], то не будет тебе жизни. Я пошлю туда, и тотчас снимут твою голову».

После того как получил это дукс Фиваиды, прибыл к нему посол императора, он удерживал его, говоря: «Подожди, посмотрим, чтобы мы приготовили тебе [вьючных] животных, чтобы мы приготовили людей, знающих пустыню, тогда ты сможешь отправиться». Так он удерживал его, пока не прибыли посланцы благочестивой царицы, которые нашли приготовленными животных и людей. В тот же день как бы насильно они захватили животных и отправились первые.

[Дукс] послал сказать императорскому [послу]: «Да будет тебе известно, что я приготовил тебе и хотел послать к тебе, [но] прибыли посланцы царицы, напали на меня силой, захватили животных, отправились и уехали. Страх перед царицей хорошо мне известен, поэтому я не посмел противиться им. Но подожди еще, пока я вновь не приготовлю тебе, и ты отправишься с миром». Когда тот это узнал, он разорвал его одежды, унижал [его] всячески и ругался.

Через несколько времени выехал и он, отправился наконец, не зная об обмане, который был.

Глава 7

О прибытии блаженного Юлиана и бывших с ним в землю нобадов, о том, как они были приняты, и о прочем, что с помощью Божией они там совершили.

Когда блаженный Юлиан и бывшие с ним посланцы достигли страны, они послали к царю и его знатным и известили их. Навстречу им выслали войска, приняли их с радостью, доставили их в свою страну к своему царю, и он принял их обрадованно. (Юлиан) отдал писания царицы, прочитал и сообщил их содержание, они приняли также богатые подношения, многочисленные одежды крещения, все приготовленное.

Тотчас они предались восторгу, отверглись от всех заблуждений своих отцов, исповедали Бога христиан, говоря: «Есть один Бог истинный, и нет другого, кроме него». Он учил их многому, обучил, и они узнали; он сообщил им и следующее. «Так как между христианами относительно веры произошло некое разногласие, поэтому и блаженный Феодосий, когда его просили принять [постановления собора], отказался, и император лишил его престола, царица же приняла его и радовалась ему, потому что он стал за правую веру и за это был лишен престола. Поэтому она послала нас к вам, чтобы вы следовали за папой Феодосием, в его веру были крещены и его правду хранили. Послал также к вам послов и император, вот они при-

будут после нас». Они учили их, как их принять и какой дать ответ. Когда все это было условлено, тогда прибыл посол императора, вошел и представил их царю письма и подарки. Они также сообщили, как им было приказано говорить, сказав: «Нас послал к вам наш император ромеев, если вы станете христианами, вы присоединитесь к церкви и к тем, кто ее поддерживает, а не будете блуждать с теми, которые изгнаны из церкви».

Когда услыхал это царь нобадов со своими знатными, он ответил им, говоря: «Мы принимаем подарки императора ромеев, и мы пошлем ему подарок, веру же его мы не принимаем. Если мы удостоились стать христианами, то мы пойдем за папой Феодосием, который не захотел принять ее [т. е. веру] из-за зловерия императора, а тот изгнал его из церкви. Мы же от язычества и заблуждений удаляемся не для того, чтобы вновь попасть в зловерие, которое не принимаем». Так отпустили послов, написав все это.

Оставался блаженный Юлиан у них на время 2 лет, страдая от большой жары. Он рассказывал, что с 3 часов до 10, обнаженный и перепоясанный льняным [поясом], как все местные люди, он погружался в пещеру, полную воды, и сидел, поднимаясь из воды только ради того, чтобы дышать. Но он был тверд, он поучал царя, его знатных и много бывшего с ним народа. Он взял с собой одного епископа из Фиваиды, старого мужа, по имени Феодор. Когда он их обучил и определил, он поставил им этого епископа, уехал от них и прибыл в Константинополь. В нашем присутствии он был с большой честью принят царицей, рассказав относительно этого большого народа удивительное и многое [много удивительного]. Из-за множества рассказов мы воздержались написать их все и использовали только немногие.

Глава 8

О том, что, когда покидал мир блаженный Феодосий, он вспомнил этот народ и приказал, чтобы тотчас был им послан туда епископом Лонгин, так как и Юлиан умер.

В день смерти папы Феодосия он вспомнил этот народ, особенно потому, что незадолго умер и блаженный Юлиан, который их обучал, и успокоилась душой царица Феодора. Он приказал, чтобы там был блаженный Лонгин как муж усердный и могущий совершенно обратить и утвердить их в христианстве. Тотчас после кончины папы Лонгин был поставлен епископом

туда и стал готовиться к отъезду. Когда положены были его пожитки на отходящий корабль, нашлись люди, о которых написано — «зубы их, как копья и стрелы, а язык их, как острый меч», которые пошли и сказали императору: «Да будет тебе известно, что Лонгин стал епископом и что он враг нашего дворца, положены его пожитки на корабль отходящий. Если он отправится, то, так как он муж гневливый, он отправится и прибудет к этому народу и тотчас возбудит их к войне и полону земли ромейской. Итак, прикажи тотчас взять его». Когда узнал это император, распалился гневом и приказал схватить, снять его пожитки с корабля, так что ему было невозможно выехать. С того времени прошло 3 года, что его стерегли. Наконец, зная, что его стерегут и не дают уехать, он изменил свою внешность, надел на голову волосяной парик,[12] так как он был совсем лысым. Тогда, взяв двух отроков с собой, бежал, и освободил его Бог. Он отправился, прибыл и был принят в той земле торжественно, с большой радостью. Снова он всех обучал, просвещал и учил. Он учредил там церковь, установил клир, научил порядку служения и всем правилам христианским.

Когда он бежал и император узнал об этом, то страшно разгневался, приказал захватить все морские пути и стеречь все дороги, написать во все области, но все явилось напрасным. Лонгин побудил царя этого народа направить посла к императору ромеев с подарками и подношениями. Он был принят, почтен при нас (в нашем присутствии) и других, он похвалил Лонгина, говоря: «Хотя мы и были христианами по имени, что такое христианство действительно (мы не знали), пока не прибыл к нам Лонгин и не обучил нас». Он много и хорошо говорил о нем, но император был недоволен и молчал.

Глава 9

(Перевод Е. Н. Мещерской)

О том, что от Феодосия, архипресвитера, и Феодора, архидиакона клира церкви православной Александрии, к Лонгину было написано.

Итак, когда провел Лонгин в стране той более или менее 6 лет, сатана, завидующий всем доброму, затеял отвратить и вывести его оттуда. И произошли по причине сей ущерб, и разделение, и раскол в церкви. Он сделал (так), что письма к нему от главы клира Александрии Феодосия, архипресвитера, и от

[12] Буквально: «шлем».

Феодора, сына сестры его, архидиакона, были написаны, дабы призвать его покинуть ту страну, и прийти в пределы Александрии, и поставить им папу, и помочь церкви. Сие и было то, что стало началом зла и разделения. Письма же эти получив, Лонгин взволновался, и загорелся пылким рвением, и, презрев всю опасность смерти, стал готовиться к тому, чтобы покинуть страну ту и то, что приказано было ему письмами теми, совершить и исполнить. Когда же это узнал царь и все вельможи его, они собрались и все (сделали) для того, чтобы он не уходил. Он же показал письма, говоря: «Дело, для которого приказано мне уйти, — оно для общего (блага) всей церкви, и поэтому не могу я не идти». И снова препирались они с ним, и плакали, и стенали, говоря: «Опять, как и прежде, мы будем покинуты, подобно сиротам без отца». И так, в горе и с плачем горьким, они отпустили его и снабдили его всем для путешествия...

Глава 21

О ревности и усердии Мундара бар Харита, царя арабов.

Ибо и Мундар бар Харит, царь арабов, муж верующий, ревностный и усердный, в течение длительного времени настаивал и убеждал обе стороны прекратить гнев и раздоры, сойтись друг с другом, переговорить и побеседовать друг с другом, но с ним не согласились сторонники Иакова. Павел же был согласен вместе с Мундаром и со многими, чтобы они рассмотрели и расследовали то, что посеял между ними сатана. С давнего времени, с дней Харита, его отца, они считали старца Иакова великим мужем, а затем и Павла, так что, когда все это раздражение, споры и разделение были между ними, не согласились сторонники Иакова примириться, было разделение во всем войске арабов, многие из них были обижены, из них одни были за Павла, другие — за Иакова.

Глава 22

О том, как отправились Лонгин и Феодор, который сделался папой, в области Сирии и (земли) сторонников Павла.

Из-за того повсеместно, особенно же во всей Сирии, были споры и противоречия. Лонгин и бывшие с ним, Феодор, ставший патриархом, отправились в Египет, а оттуда в восточные области Сирии, спустились к сторонникам Павла для того, чтобы объединиться со сторонниками Иакова и, если возможно, разрешить различия и зло, разделявшее их. В то время как Феодор остался мирно в городе Тире, Лонгин отправился в Хирту дома Харита бар Габалы к Мундару бар Хариту. Когда он в своем ответе сообщил точно всю правду, усердствовал царь Мундар, чтобы собрать их, примирить, но сторонники Иакова совсем с ним не согласились.

[Далее следует подробный рассказ о клерикальных спорах между сторонниками Павла и Иакова Барадея].

КНИГА 6

Глава 48

(Здесь и до конца гл. 55 перевод Е. Н. Мещерской)

О Феодоре, который был сделан Лонгином и остальными папой в Александрии.

Феодор же тот, о котором выше мы дали знать, что он был Лонгином и остальными (сделан) патриархом Александрии, по обычаю своему, а он был отшельником, как и прежде, оставался спокойно и открыто в Александрии... а Лонгин отправился еще далее, за тот народ нобадов, у которого он был, к народу другому могущественному, который (находился) на много дней пути далее, и который называют греки алодеями,[13] и который, полагают, есть кушиты.[14]

И помог ему Бог, и он побеседовал с царем их и всеми вельможами его, и всеми народами, которые были под властью его, о чем записи по порядку мы поместили...

Глава 49

О начале обращения в христианство народа, который греки называют алодеями и который, мы полагаем, есть кушиты.

Таким образом, благодаря приходу блаженного Юлиана, о котором мы вначале поведали, и рвению покойной Феодоры, императрицы, (случилось то), что к народу великому, называемому нобады, он первым был послан и научил как царя их и

[13] Алодеи — форма этнонима свидетельствует о его заимствовании из греческого языка.

[14] Кушиты — жители страны Куш (др.-егип.), Эфиопии (др.-греч.), т. е. мероиты.

вельмож его, так и множество народов, которые подчинялись власти его, за 2 года. И он ушел оттуда, препоручив весь народ тот некоему Феодору, епископу, человеку весьма старому, пребывавшему в городе, называемом Филы. Это в Фиваиде внутренней, на границе местности, о которой рассказывалось. И он, епископ сей, пошел к ним, и посетил их, и наставил их, и вернулся в город свой. И таким образом продолжалось в течение лет 18, более или менее. И тогда, когда Лонгин, изменив облик свой, пошел и вошел к ним, он сначала научил их, и наставил их, и крестил остальных (не обращенных ранее). Когда он провел с ними 6 лет, также были отправлены послы царем их и прибыли в столицу. И мы общались с ними многократно, когда они прославляли, превозносили его и рассказывали о Лонгине много.

Когда же народ алодеев узнал об обращении племен нобадских, тогда же послал царь их к царю нобадов, дабы он направил ему епископа, который бы научил и крестил их, чтобы и их тоже наставить и обратить (в христианство). Но Лонгин, получив письма из Александрии, поспешно отбыл в ромейские пределы, попадая во все те перипетии одна за другой, о которых мы упомянули выше. Однако впоследствии с трудом большим и беспокойством великим направил тот царь, который был там, послов, и уговорили они его, и привели его к себе. Тогда также захотели из зависти сатанинской александрийцы восстановить того царя и весь народ его (против Лонгина) и отвратить их от него, дабы не принимали они его. И они (александрийцы) послали также ему осуждение свое, которое сделали вопреки закону каноническому. Но они не посмотрели на него (осуждение) и не приняли его, говоря: «Мы бы ничего не узнали, если бы не отец наш духовный, который породил нас сызнова рождением духовным. И все, что сказано против него врагами его, ложью считаем мы». И так они отправили их (восвояси) и не приняли их.

Глава 50

О тех, кто александрийцами к народу алодеев были посланы.

Когда же узнали александрийцы, что второе посольство направил царь алодеев царю нобадов, (прося его), чтобы послал ему того, кто научил их, Лонгина, в зависти, а не в рвении, к тому народу они послали, дабы злоумыслили они против Лонгина, и приняли, и научились такому же разврату и беззаконию

церковному, какой они сами творили. Тогда же, поспешно и заботливо, сочинили письмо к ним против Лонгина, Бога не страшась и презрев справедливость... и послали им с двумя епископами из тех, которых по беззаконию церковному они поставили, и другими прочими. И написали: «Поскольку, как мы узнали о Лонгине, который (был) в Нобадии и (о котором) вы попросили, чтобы он был послан к вам крестить вас, постольку мы послали вам двух епископов и других лиц наставить вас, дабы от него (вам) не креститься, ибо он еретик, и произошло смещение его. Не может он совершать чин пресвитерский или крестить кого-либо». И другое многое отвратительное вместо увещевания учительного они написали...

Но народ языческий их упрекнул, и посрамил, и не принял, и отправил (восвояси), смущенных и пристыженных. Ибо они сказали им: «Мы о вас, кто вы такие, не знаем и вас не примем. От вас не будем креститься, но того, кто крестил народ нобадов, его мы примем, и от него мы крестимся. И того, что вы на него наговорили, мы не принимаем, ибо мы видим, что враги его — вы и из зависти к нему такое говорите вы. Поэтому ступайте, уходите из земли нашей, дабы вам не умереть жалким образом». И так они ушли оттуда. И ни они сами, ни то, что они сказали, не было принято благодаря действию Божию, который увидел умысел их, и извращенность, и ревность их противную.

Глава 51

История путешествия блаженного Лонгина в землю алодеев, и обращения их, и крещения их от него с радостью.

Тем временем царь народа алодейского направил послов к царю нобадов, (прося), чтобы послан был Лонгин, епископ, наставить его и крестить его и народ его. И от благости Божией, ясно видно, была забота об обращении того народа. Поэтому же возбудил Господь дух Лонгина пойти и войти к ним. И так, горюя о том, что он покидает их, отправили его царь, и вельможи его, и правители его с людьми, знающими пустыню. Однако же он сам, как сообщает в письме своем, заболел и спутники его, а также 17 верблюдов из (числа вьючных) животных, которые были вместе с ним в пустыне, из-за сильной пустынной жары сдохли вместе с прочими. Но к этим (несчастьям) добавилось еще (и то), что народ, называемый макориты,[15] и царство иное между двумя царствами теми находились. И ког-

[15] Макориты — форма имени в сирийском тексте свидетельствует о заимствовании его из греческого языка.

да узнал царь их, что Лонгин отправился в путешествие, то побудил его сатана завистью своею расставить наблюдателей на всех тропах царства его, на всех дорогах, в горах и в долинах до моря Тростникового,[16] дабы схватить Лонгина и таким образом препятствовать спасению народа великого алодеев. Но Бог разрушил его (замысел) и ослепил глаза тех, кто хотел схватить его. И он прошел между ними и двигался (своим путем), и они не увидели его. Когда же достиг границ царства того, в которое он шел, и узнал (об этом) царь, (то), как он сообщает в письме своем, послал одного из вельмож своих по имени Аитекья,[17] и он принял его с почетом и с пышностью большой устроил вход его в землю их. И когда он приблизился, то тот царь вышел встречать его и принял его с радостью великой. И войдя, он проповедовал народу его и всем вельможам его слово Божие, и они открыли разум свой и приняли с радостью (то, что он сказал). И после нескольких дней наставления крестился и царь, и все вельможи его, и постепенно, со временем, народа множество. И, таким образом, будучи счастлив и радостен, царь письмо благодарственное царю нобадов написал, которое таково.

Глава 52

О письме царя алодеев к царю нобадов.

«Мы помним любовь твою, господин мой, брат наш Орфиоло,[18] ибо ты показал сам, что ты родич истинный мой, и не только по плоти, но также и по духу, послав мне сюда отца нашего общего духовного. И он указал мне путь истины и свет истинный Христа, Бога нашего, и крестил меня, и вельмож моих, и весь род мой. И во всем дело Христа множится, и я надеюсь на Бога святого, и забочусь я о даровании тебе отдохновения и врагов твоих изгнании из земли твоей. Ибо он не только твой враг, но также и мой, ибо земля твоя — моя земля и народ твой — мой народ. Поэтому не унывай ты, но мужайся и крепись, ибо невозможно для меня пренебречь тобою и землею твоей, особенно же теперь, когда я стал христианином с помощью отца моего, святого отца Лонгина. Поскольку же мы нуждаемся в службе церковной, приготовь для нас, ибо ожидаю

[16] Море Тростниковое — постоянное наименование, даваемое сирийскими авторами Красному морю в соответствии с постбиблейской традицией.

[17] Аитекья, Итика — в сирийском тексте написание имени варьируется. Возможно, это искажение греческого имени Евтихий.

[18] Орфиоло — возможно, искажение греческого имени Еврипил.

я, что (необходимое) для обеспечения (ее) ты пошлешь мне. Ответ тебе я дам, но в день праздничный я не хотел писать, как бы не согрешить письмами моими. Но не волнуйся, но мужайся и укрепись, ибо Христос с нами».

Таким было письмо, которое тот новообращенный — царь алодеев — царю нобадов написал.

И еще также выдержка краткая из письма блаженного Лонгина, которое из земли той он написал и послал царю нобадов, дабы тот переправил его в Александрию, что он и сделал. В сокращении письмо таково.

Глава 53

Часть письма Лонгина епископа.

«...дабы не пересказывать вам огорчения и не удлинять письмо, все подобные темы я опустил, и, во-вторых, то, что обрадует всех вас, истинных христиан и православных подлинных, я рассказываю...

Он (т. е. Бог) спас меня от тех, кто охотился за душою моей, и сквозь них провел меня, и ослепил глаза их, так что они не увидели меня... Все, кто были со мною, недостойным, заболели, от великого до малого. Когда же я, ничтожный, первым заболел, то справедливо было сие, то, что я первым был наказан, ибо причина тут — грехи многие и проступки многие, в которые я впал. И не только мы сами сделались больны и отчаялись в спасении нашем, но и те (вьючные) животные, что были с нами, сдохли, не перенеся жары, засухи в горах и затхлости воды. И сдохло у нас 17 верблюдов. И когда узнал царь алодеев намерение мое отдать самого себя и прибыть к нему, он послал одного из вельмож по имени Итика, который с пышностью большой отвел меня в землю его. И по прибытии нашем на берег реки мы взошли на корабль, и царь, узнав, обрадовался, и сам вышел встречать нас, и принял нас с радостью великой. И милостью Бога мы научили и крестили его, и вельмож его, и весь род его. И дело Божие множится ежедневно. Но поскольку есть некоторые аксумиты, которые в болезнь хвастливую Юлиана[19] впали... мы дали знать им истинность веры и потребовали от них, чтобы письменно отреклись от ереси, и их подтверждение получили».

[19] Юлиан — Юлиан Галикарнасский, монофизитский епископ, основатель одного из течений в монофизитстве; его сторонники составили отдельную церковь. Лонгин, как и Иоанн Эфесский, был сторонником павлитского направления в монофизитстве.

И снова вслед за другим (он продолжает): «И да научатся все правители и народ ваш, духовно радуясь, возносить благодарение со славословиями Богу нашему, милосердному к людям, ибо все его дары неисчислимы. И пусть позаботятся отцы, чтобы послать сюда епископов, которые смогли бы работать и служить в сем деле божественном... Ибо тысячи тысяч тех, которые к спасению прибегают здесь и к прославлению того, кто Спаситель всех нас, — Христа...».

Это самим святым Лонгином было написано. Выдержки же из них (т. е. записок) я представил. И он послал (записи свои) из земли алодеев царю нобадов, написав ему, чтобы он переправил их в Александрию. Тот, посмотрев, отправил письма его в Александрию Феодору, патриарху, которого поставил Лонгин. Тогда же написал ему и тот царь письмо, чтобы сообщить о прибытии Лонгина, и уходе его из страны, и об испытаниях и трудностях, которые стояли перед ним, и о поддержке, которая по доброте Божией была ему, и все остальное, что в восхищении он написал таким образом.

Письмо царя нобадов Феодору Александрийскому:

«Прежде всего особенно прошу я здоровья во Христе вам, отцы блаженные. И еще да будет известно, что 7 месяцев назад послал сюда (письмо) царь народа могущественного алодеев, того, что в Эфиопии. И он принял отца моего святого, Лонгина, епископа, дабы тот крестил его. И это было сделано согласно тому, что написал мне царь и тот святой отец мой. Ибо, когда я сперва рассказал отцу моему о сем начинании, он тотчас с готовностью и волей доброй принял его. И убедил меня сделать благодеяние ему. И каждый день он убеждал меня, говоря: „Мы не должны пренебрегать сим делом, ибо оно — Божие". Но из-за злых намерений того, кто между нами (т. е. нобадами и алодеями), того царя макоритов, я послал его, святого отца моего, к царю блеммиев, дабы тот сопроводил его туда дорогами вглубь от него. Но узнал то, что было сказано, макорит и поставил сторожей своих на всех тропах царства, как в горах, так и в долинах, вплоть до моря Тростникового, желая захватить отца моего и приостановить то дело доброе Бога, как написал мне сюда отец мой, дабы рассказать мне. И великим было утомление и горькими испытания душевные и телесные, которые он перенес в земле блеммиев, и вместе с тем возросли у него стеснение большое и нужда. Но такое злое намерение противника не смогло погасить готовности святого отца моего делать дело Божие. Но Господь, Бог наш, направил пути его и тропы его, святого отца моего, так, что он избежал дорог долгих и застав сильных, хотя караван верблюдов и других животных он потерял. Но Бог помог ему и сохранил его, и он прибыл в страну, и был принят царем и всем народом с радостью. Он научил и крестил его, царя, и весь народ его, как известно из письма того, от него посланного сюда. И еще то да будет известно, как сопровождал отца моего Господь, Бог всех, и как вошел вместе с ним, дабы удивились удивлением великим тому, что он сотворил через него. Ибо, когда дядя мой, царь, и предки его царственные должны были отправлять посольство в то царство, то посольство в общем продолжалось 8 или 10 лет. Таков был (по времени) путь его туда. Сей же святой отец мой, когда вошел в ту землю, через 200 дней прислал нам посольство от царя, в то время как многие из послов прежних наших не возвращались оттуда вовсе.

И чтобы не делать рассказ слишком долгим, послал мне отец мой сюда письма, дабы я переправил их вам. И вот я послал их через посла его. И есть в них все, что случилось с ним, и все, что он сделал. То, что стало известно из послания его, то также и вы там сделайте известным, ибо было бы некрасиво для блаженства нашего скрыть и пренебречь всем этим. Гораздо лучше святейшеству вашему помочь святому отцу моему молитвами вашими святыми».

Сию выдержку из письма царя нобадов здесь помещаем мы как подтверждение истории, дабы засвидетельствовать ею все происшествие божественное. Тогда же два других письма по тому же самому поводу он написал, но из-за длиннот повествования мы помещать их не станем... Сие же с помощью Бога в год 891[20] совершилось, и нами для памяти помещено.

Глава 55

О Феодоре, который Лонгином был сделан папой Александрии.

Феодор тот, который Лонгином был сделан епископом в Александрии, в течение тех 4 лет ни разу не получил ответа от Павла.[21] Хотя он много раз писал ему, но ответа на письма свои не получил от него. И к тому же Лонгин ушел далеко к тем племенам, которые стали христианами во внутренней (области страны) Куш.

[20] Год 891 — датировка по селевкидской эре, принятой у сирийских авторов, т. е. 580 г.

[21] Павел — настоятель одного из александрийских монастырей, монофизит, в 550 г. был возведен в сан патриарха Антиохии.

КНИГА 6

третьей части экклезиастики, содержащая вкратце повествования о войнах.

Оглавление шестой книги повествования о войне.

♦ Глава первая о начале этой книги.
♦ Вторая о войне патрикия Маркиана и о том, что с ним случилось впоследствии.
♦ Третья о причине гнева императора на Маркиана.
♦ Четвертая о том, что было написано императором Марк[ианом] и Мундару.
♦ Пятая о походе персидского царя и о взятии им Дары.
♦ Шестая о пленении Апамеи и прочем.
♦ Седьмая о двух тысячах девушек, которые утопились.
♦ Восьмая о кратком мире, который был, и о войне Хосрова.
♦ Девятая о войне в Каппадокии и о сожжении Мелитены.
♦ Десятая о том, что случилось затем с ромеями в Армении.
♦ Одиннадцатая о персидских армянах, которые предали себя ромеям.
♦ Двенадцатая о ромейских послах и персидских и их переговорах.
♦ Тринадцатая об опустошениях, которые тотчас произвели персы.
♦ Четырнадцатая о комите Маврикии и о прочем.
♦ Пятнадцатая о том, что впоследствии было совершено Маврикием.
♦ Шестнадцатая о Мундаре бар Харите и Маврикии.
♦ Семнадцатая об опустошении, произведенном персидским марзбаном.
♦ Восемнадцатая о победе Мундара.
♦ Девятнадцатая о том, что сделали с пленными в Антиохии.
♦ Двадцатая о смерти Хосрова, царя персидского.
♦ Двадцать первая о сожалении Хосрова, что мир был нарушен.
♦ Двадцать вторая о сыне Хосрова, воцарившемся после него.
♦ Двадцать третья о том, по каким причинам был нарушен мир.
♦ Двадцать четвертая о гнусном народе, называемом аварами, и о мосте, который они построили.

♦ Двадцать пятая о гнусном народе — склавенах — и об опустошениях, произведенных им.
♦ Двадцать шестая о битве персов, бывшей у города Теллы.
♦ Двадцать седьмая о Маврикии, бежавшем с битвы.[22]
♦ Двадцать восьмая о битве, бывшей в Армении, и о победе Куриса.
♦ Двадцать девятая об одном персидском самозванце, который выдавал себя за царского сына.
♦ Тридцатая о большом городе Сирмиуме царства гепидов, который силой взяли авары.
♦ Тридцать первая о путешествии спафария Нарсеса.
♦ Тридцать вторая о том, как наконец не произошло того, на что надеялись, и город Сирмиум был отдан этим варварам.
♦ Тридцать третья о пожаре Сирмиума, бывшем после того.
♦ Тридцать четвертая о перечислении многих битв и, наконец, о битве Маврикия и пленении Арзуна.
♦ Тридцать пятая о другой крепости, построенной Маврикием против Софены, называемой Шамкерт.
♦ Тридцать шестая о другой крепости, называемой Акба, которая находится на Каллате в персидской земле.
♦ Тридцать седьмая о персидских послах, посланных в это время к нашему императору ромеев.
♦ Тридцать восьмая о путешествии ромейских послов для переговоров с царем персидским о мире.
♦ Тридцать девятая о персидских послах, которые были вновь посланы к ромейскому императору.
♦ Сороковая о многочисленных опустошениях, которые производили оба государства друг у друга в течение долгого времени.
♦ Сорок первая об усилении и затем падении главенства ромейских арабов.
♦ Сорок вторая о тех из шейхов арабских, которые отправились и предали себя персам.
♦ Сорок третья об известных людях из персидских марзбанов, которые были схвачены, посланы и заключены в столице.
♦ Сорок четвертая о другой войне третьего года [Маврикия] и о победе, которую даровал Бог ромеям.
♦ Сорок пятая о гнусном варварском народе, который по их волосам называется аварами.

[22] В оглавлении ошибочно говорится о бегстве Маврикия.

♦ Сорок шестая о том, как вышли авары и захватили богатые города и многие крепости.

♦ Сорок седьмая о страхе и ужасе, которые были в Константинополе, когда и мы там были.

♦ Сорок восьмая о покорении и разорении страны славян.

♦ Сорок девятая об опустошении города Анхиалоса и о его термах.

Глава 1

О начале этой книги.

Нам не показалось неподходящим или ненужным присоединить к церковным историям краткие воспоминания о войнах, бедствиях, опустошениях и кровопролитиях, которые были в наши дни, для сведения тем, которые будут жить после нас, если будет еще существовать мир. Мы опишем и сообщим, насколько сможем и как понимаем, и то, о чем мы слышали. Вспомним также слова и поученья, полные жизни нашего Спасителя, которые поучают нас, убеждают и свидетельствуют о последней кончине мира и о времени его пришествия, глася-щие: «Смотрите, когда все это случится, знайте, что пришествие при дверях». Вот мы видим, что в наши дни все это случилось и исполнилось. Ныне справедливо ожидать страшного пришествия с великой силой и многой славой.

Глава 2

О войне патрикия Маркиана и о том, что с ним случилось впоследствии.

Здесь следуют краткие заметки относительно того, что случилось в восточных областях. Мы начнем наше повествование со славного патрикия Маркиана, родственника императора Юстина, бывшего одним из полководцев, посланных в то время на восток. Он воспылал ревностью к христианскому государству, собрал войско, отправился и обложил город Низибию, которым все еще владели персы. С великой силой осадив его с тем, чтобы захватить, он построил вокруг города вал, а так как с ним были и механики, то он установил на нем механизмы высоких башен и мощные оплоты. Город был в опасности, и жители с войском персидским, которое было в нем, отчаялись сохранить свою жизнь, когда увидали, что он почти взят ромеями. В то время как те, что были внутри города, были испуганы, те, что были вне его, намеревались захватить город и опустошить его. Все ромеи надеялись и готовились войти в город, но императором Юстином был послан к Маркиану некий грубый муж, по имени Акакий Архелай, для того чтобы без основательной причины отрешить Маркиана от власти, срезать с него пояс и выслать из восточных провинций. Прибыв, он тотчас показал приказ, в то время, когда Маркиан с войском вели нападение на Низибию и надеялись, что на следующий день они войдут и возьмут город. Все войско ужаснулось и опустило руки, так как славный Маркиан усердно готовился и близко было взятие Низибии. Когда он услыхал приказ, он сказал Акакию: «Вот ты видишь, в какие затруднения мы попали, чтобы взять этот город. Теперь потерпи и предоставь нам только два дня, а тогда сделаешь то, что тебе приказано. Император властен требовать, чтобы то, что он приказывает, выполнялось». Акакий же рассердился на него, бранил его и гневался, повис на нем перед всем войском, таскал его туда и сюда, бросил его, срезал с него пояс, ругая его, и даже, как рассказывали, нанес ему удар. Из-за этого все войско взволновалось, и опустились руки у всех полков. Видя происходившую мерзость, проклиная, они взяли склонили стяг[23] и повернули его вспять. Затем все войска бежали, повернули обратно и удалились от города, огорченные, жалуясь на то, что случилось с их главой, мужем добрым и верующим, а также на то, что, когда они надеялись войти и взять город, им пришлось повернуть обратно, тогда как враги их не преследовали, и они стали посмешищем и презрением для ненавидящих их. Но когда персидское войско, которое было в городе, увидело распадение, внезапное обращение вспять ромеев и стяга Маркиана, они удивились, укрепились, вооружились и стали их преследовать. Они напали на войска пехоты, которые остались позади, уничтожили и побили многих из них. Так они вернулись в свой город, смеясь и издеваясь над тем, что из-за них случилось с ромеями. Они тотчас написали и сообщили все своему царю, говоря: «Удалось это сделать и победить ромеев, потому что великие боги — солнце и огонь привели к этому. Из-за приказа своего же императора они напали друг на друга, и несправедливо был отпущен Маркиан, а все остальные бежали и ушли себе прочь от нашего города».

[23] bndwn — τὸ βάνδον, σημεῖον, Banner (*Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods. Cambridge, 1914. P. 296).

Глава 3

О причинах гнева императора на Маркиана из-за Мундара, царя арабского.

Для последовательности и для порядка в следовании рассказов друг за другом необходимо знать ясно и достоверно причину гнева императора Юстина сначала на Мундара бар Харита, потом из-за него на Маркиана. Несправедливо и без достаточного основания Юстин разгневался и дал приказы относительно обоих, но мы не знаем точно, на каком основании. На Мундара он разгневался по следующей причине. Перед Харитом, царем ромейских арабов, все персидские арабы находились в трепете и страхе великом; когда они узнали, что он умер, то они презрели и пренебрегли всеми его сыновьями, его знатными и его войском и полагали, что именно теперь попадет им в руки весь его лагерь. Тогда они собрались, отправились и вторглись в области семьи Харита, где были все их стада, и забрали все табуны верблюдов. Когда об этом узнал Мундар, он очень разгневался, распалился жестоким гневом, взял всех своих братьев, сыновей, знатных, все свое войско и внезапно напал на них. Они уничтожили и истребили их. Когда их царь Кабос увидал ужас опустошения, произведенного Мундаром и его войском, что они пришли, заняли господствующее положение и уничтожили почти все войско, то он уехал с немногими. Они обратились в бегство и бежали ни с чем. Мундар отправился и поселился в своей палатке. Он поднял выше[24] весь свой лагерь, имущество и все свои табуны. Он схватил и связал своих родственников и некоторых из знатных, а прочее уничтожил и забрал. Он отправился и разбил свою палатку в области Кабоса, в трех днях пути,[25] там, где были все стада и все имущество персидских арабов. Он оставался там долгое время. Когда пришли лазутчики[26] Кабоса и увидали палатку, разбитую в области Кабоса, они подумали, что в ней находится и царь Кабос, они доверчиво вошли и проникли в лагерь Мундара. Их схватили и убили, а самых известных из них связали. После того как они [византийские арабы] пробыли там известное время, сколько они пожелали сами, они вернулись оттуда с большой добычей, лошадьми, многими табунами верблюдов, оружием и прочим. Через некоторое время Кабос отправился, собрал большое войско и послал Мундару сказать, чтобы тот

[24] Очевидно, выше в горы, где безопаснее.
[25] Латинское слово mansio — statio itineris.
[26] Speculator.

принимал войну. «Вот мы придем к тебе, ибо, если ты и нападаешь на нас как разбойник, и кажется, будто бы ты нас победил, так вот теперь мы открыто идем войной на тебя». Мундар же послал им сказать: «Из-за чего вы сердитесь, а вот я и сам приду». Он решился, приготовился и сделал дело соответственно слову. Встретив их внезапно в пустыне, когда они этого не ожидали, они напали на них, привели их в смятение, уничтожили многих и снова обратили их в бегство.

Так как и в предшествующее время, при других обстоятельствах, мы упоминали об этом, то и теперь мы сообщим о том, что произошло несправедливо и какой обман был подстроен Мундару, после большой славы и этой великой победы в двух войнах. Так как Мундар ожидал, что император его примет и похвалит, то он написал ему обо всем, что он сделал, и о своей победе. После этого он еще написал ему, чтобы он послал ему золота для оплаты войска, полагая, что все они вновь соберутся против него. Когда император Юстин услыхал, что он написал ему относительно того, чтобы он прислал ему золота, он рассердился, сильно разгневался, бранился, жестоко угрожал ему и задумал убить его тайно, хитростью.

Глава 4

О том, что было написано от императора Маркиану и Мундару.

Император Юстин, исполненный как бы неким духом противоречия, написал письмо к патрикию Маркиану, втайне надеясь, что он убьет Мундара. Он написал ему так: «Вот я написал арабу Мундару, чтобы он пришел к тебе. Смотри, чтобы он сразу пришел, сними с него голову без промедления и напиши об этом нам. Мундару же я написал, что по некоему необходимому делу я написал патрикию Маркиану, чтобы он переговорил с тобою, поэтому без промедления отправляйся к нему и переговорите о деле». Как всякому человеку теперь известно, как бы неким действием Божиим дело это было изменено и на приказе к Маркиану, чтобы он снял голову Мундару, было написано имя Мундара, а на том письме, что было к Мундару, было написано по ошибке имя Маркиана. Так магистриан получил оба приказа, вышел и доставил эти приказы лицам, к которым они были написаны. Так случилось, что Мундар получил приказ снять с него голову, который был обращен к Маркиану, а Маркиан получил Мундаров, в котором было написано: «Отправляйся к Маркиану, я написал ему, чтобы он переговорил с тобою». Когда Мундар получил приказ и прочел его, он сильно взволновался, говоря: «За мои труды и

тягости за ромейскую землю я вознагражден тем, что с меня хотят снять голову. Разве я это заслужил?». Он исполнился гнева, собрал все свое войско и предложил ему быть настороже, говоря: «Если вы увидите тех, что император ромейский послал ко мне, то, если их немного, схватите их и стерегите их вне лагеря. Если же их много, то тотчас в битве противьтесь им настойчиво. Не слушайте того, что они вам будут говорить, и не давайте им приближаться к месту собрания лагеря». Так ночью и днем собравшись стояли вооруженными все роды арабов, настороженные и готовые к бою с кем бы то ни было, кто придет к ним от ромеев. Когда об этом услыхали персы и персидские арабы и узнали, что опасаться им Мундара нечего, что он не будет стараться в войне ради ромеев, которые желали его убить, то они совершенно приготовились, для того чтобы им отправиться — и персам, и арабам — в ромейскую землю. Уничтожая и сжигая, они достигли пределов антиохийских, захватили много пленных, опустошили, разрушили и сожгли в антиохийской области и других много селений, таких же больших, как города. Они полонили и разрушили все эти области и возвратились в свою землю с большой добычей. Мундар же был огорчен и опечален хитростью, которая была ему подстроена, разрушением, которое произвели враги, и тем, что они обогатились в ромейской земле. Сам он взял свое войско, отправился и поселился в пустыне. Все те, которые услыхали о несправедливости, которая была без основания причинена ему, были весьма недовольны, осуждали и жаловались на то, что это было приказано без рассуждения и без справедливого суда. Когда император услыхал об этом со всех сторон и узнал также, что Мундар избавил себя от всякой заботы за ромейские земли, он послал к главам и военачальникам на Востоке, чтобы они пошли к нему, убедили его и примирились с ним. Так как многие посылали к нему, желая прийти к нему, он послал сказать каждому из них: «Да будет вам известно, что всякого мужа из ромейских пределов, который придет ко мне, я встречу войной, или он убьет меня, или я убью его. Горе мне, если когда-нибудь еще доверюсь мужу из ромейских пределов. Моя голова взята от вас и от вашего царя, в этом я превзошел ромеев». Так в течение двух или трех лет ему писали много просьб, но он не допускал ничьего прихода, послав приказ, который показывали всем. На Маркиана же император был в гневе за то, что Мундар жив и бежал и достиг того, что открыл и выяснил секрет, а предполагаемое дело не осуществилось. Всякому человеку было ясно, что хитростью, лукавством, без богобоязненного решения был вынесен ему этот приговор. После того как царь Мундар был так разгневан, он противостоял со всем своим войском, со всей настороженностью и

осторожностью против всех знатных и войск ромейского государства в течение около 3 лет. Как муж христианский, он был, однако, огорчен за ромейскую землю и исполнился гнева на персидских арабов за то, что они осмелились пройти с персидским войском до Антиохии, уничтожать, жечь, брать в плен и возвратиться в свою страну с большой добычей и бесчисленными пленниками. Он склонился к примирению и к борьбе за ромейское государство. Действительно, через многих знатных ему были посланы писания императора, в которых император отрицал свою вину и говорил, что без его ведома было написано о Мундаре, чтобы его умертвили. Он же остался при своей осторожности, не дал себя убедить, не принимал писаний и никого из тех, что были посланы к нему, готовый к бою против всякого, кто осмелится приблизиться к месту собрания лагеря. Наконец, он послал к патрикию Юстиниану, сыну Германа, который был главой и повелителем над всеми полководцами ромейских войск, что были на Востоке.[27] Он послал сказать ему следующее: «С самого начала я слыхал и знал о коварстве ромеев, теперь же я познал в действительном опыте это смертоносное коварство, которое за мои труды проявлено ко мне. Отныне я никогда не решусь доверить себя ни одному из ромейских глав. Тебя же, как мужа христианского, благородного, богобоязненного, я знаю; если ты придешь к храму блаженного мар Саргиса в Ресафе и пришлешь мне сказать, то я приду туда со своим войском, вооруженным как будто бы для войны. Если меня встретят мирно и ты мне будешь говорить правду, то мы с тобою разойдемся в мире. Если же я обнаружу коварство, то я надеюсь на Бога, в которого я верую, что он не оставит меня и не ослабит моих рук». Когда патрикий Юстиниан получил это известие, он весьма обрадовался и послал ему сказать: «Не сомневайся во мне: вот Бог христиан между нами; приходи в такой-то день к храму святого мар Саргиса, и ты найдешь меня там, твое же войско не утруждай, так как я надеюсь на Бога, что в мире, согласии и любви мы расстанемся друг с другом». Когда Мундар получил этот ответ, он изменил свое мнение, тотчас вышел с немногими и отправился к нему. Оба они встретились перед ракой с останками святого мар Саргиса. Они переговорили между собою о многом, что не входит в это писание, прося и предоставляя слово друг другу по желанию. Так доверчиво и мирно они расстались друг с другом в великой радости. Когда об этом узнали император Юстин и прочий синклит [сенат], и они обрадовались весьма, что Мундара убедили примириться. После того были [посланы] грамоты мира и примирения

[27] Magister militum per Orientem.

с обеих сторон друг другу. Сильный и мужественный царь Му
дар, через немного времени исполнившись гнева на дерзость пер
сидских арабов, пожелал возвратить и вернуть обратно добычу
свой род, сыновей и все войска, которые должны были тотча
быстро приготовиться, вооружиться, быть готовыми к походу
на второй день все собраться к нему. Когда они собрались и был
совершенно готовы, он открыл им тайну, говоря: «Теперь, когда
ни один из нас не отделился и не отсутствует, все мы, как один
нападем на Хирту Наамана в персидских пределах. За их гор
дость и страшнейшую дерзость перед христианами Бог передаст
их в наши руки». Затем поспешно все отправились, достигли Хир
ты и внезапно напали на нее, когда ее жители отдыхали и поко
ились в полном заблуждении. Они уничтожили и погубили вс
войско, которое там нашли, уничтожили, разрушили и сожгли
все, кроме церквей. Мундар разбил палатку среди Хирты и жи
в ней дней 5, он схватил и связал всех, кого мог схватить из ара
бов. Он забрал всю добычу Хирты и всю добычу, которая был
взята и увезена из ромейской земли. Все табуны и все стада вер
блюдов он забрал и возвратился в свою землю с большим торже
ством и мощной победой. Слава и богатство особенно возраста
ли у него потому, что он много раздавал и дарил монастырям
церквам православным[28] и нищим. Он был весьма прославлен
всеми. Два государства удивлялись и поражались могучей храб
рости этого мужа и победам, которые он совершил.

Глава 5

О походе персидского царя и взятии им Дары в 884 г. и прочее.

Персидский царь, тотчас как он узнал, что Маркиан пал,
войско бежало из-под города Низибии, с мощными войскам
сейчас же достиг его и нашел все машины, механизм и балли
ты, которые воздвиг Маркиан патрикий против Низибии. З
тем он отправился и осадил Дару, взяв все приспособлени
которые были у Маркиана под Низибией; он привез их и п
ставил против города Дары. С ним были и всякие инструмен
ты. Прежде всего он послал каменщиков и других, чтобы ср
зать восточную гору, что вне водопровода, для того чтоб
отвести воды от города. Как говорят, они нашли твердую ска
лу, развели на ней огонь, затем прибавили уксуса и таким о
разом размягчили ее. [Персидский] царь поставил против го

[28] Оказывал поддержку монофизитам, к которым принадлежал автор.

рода все машины, которые построил Маркиан против Низибии, осадил ее, применяя к ней осадные орудия в течение 6 месяцев, чтобы захватить ее. Он построил также против нее две насыпи, но ромеи перехитрили [персов], уничтожили и сожгли их. Когда город был взят, в нем были знатные: Иоанн стратилат, сын Тимострата, муж воинственный, и Саргис, сын Шафни, который также был стратилатом, и другие. Саргис, как говорят, был ранен стрелой и умер. Затем царь персидский поднялся и раскинул палатку на северной горе над городом; живя там, он видел все, что в нем происходило. Он приказал, чтобы там был построен вал против башни, которая была выше всех прочих башен и называлась Гераклом. Внутри они ничего не могли сделать, извне же они укрепили насыпь и расположили против города. Еще до этого он увидел, что его усилия не устрашили города, и он приказал построить также стену, окружающую внешнюю стену города, для того чтобы, если жителям города случится сделать вылазку, она им воспрепятствовала. Когда он увидал, что все его ухищрения, как уже сказано, напрасны, он заболел и даже боялся, что умрет. Тогда он послал в город, чтобы ему прислали человека, с которым он мог бы поговорить. Там был один знающий и известный человек, толмач ромеев и персов, по имени комит,[29] его-то и послали к нему жители города. После того как он о многом поговорил с ним, он сказал ему, чтобы тот передал жителям города, что если они дадут ему 5 кентенариев[30] выкупа за город, то он удалится от него. Надеясь на то, что город не будет взят, [комит] не передал им этого, хотя в заключение и обещал это царю. Когда же царь увидал, что условные дни прошли, его презрели и не дают ему ответа, он еще более заупрямился и исполнился большого гнева и снова взялся за город, увеличил и укрепил насыпь, которая была сделана последней. Но ромеи смеялись над ним и издевались, говоря: он стыдится и прочее. Поэтому они пренебрегли боем на стене; особенно когда холода были тяжкими и сильными, они спускались за стены и отправлялись по домам есть и пить. Когда персы увидели, что стена свободна от ромейского войска, а насыпь, которую они устроили, возвышается над стеной, они хитро связали деревья, склонили их на стену, и войско перешло, заполнило целиком одну сторону стены и спустилось внутрь города. Когда внезапно раздался крик: «Вот захвачен город! Войско персов возобладало над ро-

[29] Это не имя собственное, а звание комита.

[30] Кентенарий — мера веса, равная 32.6 кг, см.: PE. Stuttgart, 1921. Halbband 21. Col. 179.

меями!» — все были испуганы и потрясены, и все вместе побе-
жали к городским воротам, чтобы спастись от них [от персов].
Когда же персы увидали их количество, и они испугались,
ужаснулись, попрятались и предоставили ромеям бежать и не
чинили им препятствий. Ромеи бежали ко всем воротам, крич
о ключах, они искали и не могли найти ключей, потому что
их спрятали главы. Когда ромеи увидали, что персидское войс
ко сильно и что город им заполнен, что их со всех сторон да
вят, задерживают и они не могут бежать, то они сами собра
лись, насмерть или на жизнь, и бросились на персидско
войско. Они косили и уничтожали их, как косари колосья, так
же и те их. Жестокий бой произошел внутри города, и он
уничтожали друг друга, хотя город уже был взят, в течени
7 дней, пока не наполнился город трупами и не засмердел; по
необходимости их растаскивали и бросали в реку и в цистерны
Когда персы увидали, что они будут уничтожены и не смогут
проникнуть и овладеть добычей города, то и они испугалис
ромеев, бежали и поднялись на стену и стали рассуждать, ка
употребить против них хитрость. Они послали коварно [ска
зать] ромеям: «Зачем мы так вырезаем и уничтожаем друг дру
га? Лучше приходите, дадим друг другу слово, сложим оружи
с обеих сторон и заключим друг с другом мир». Так как ро
мейские войска не надеялись [спасти] свою жизнь и видели, что
попали в беду, то они приняли предложение, дали слово, за
ключили мир, положили оружие и доверчиво приблизилис
друг к другу, как в мир[ных условиях]. Ромеи, полагаясь н
слово, без опасения доверчиво находились с мощным персид
ским войском. Обе стороны смешались друг с другом, как
мире, и обе стороны начали с грабежа города. Но тут стал
ясны лживость и коварство персов. Они извратили свое слов
и изменили ему, схватили ромеев, многих уничтожили, а про
чих связали одного за другим и привели к царю знатных му
чин и женщин и глав города с ними. Он приказал всех их п
топить. Он приказал также, чтобы каждый, у кого есть золот
принес его к нему, и всякий, у кого найдут золото или серебр
явился к нему. Так он собрал множество золота. Как говоря
ему собрали свыше 100 или 200 кентенариев. Так как мы это
точно не знаем и не хотим сообщать лжи, не зная точно, м
промолчим об этом. Когда царь увидал все это золото, он пр
звал всех знатных и сказал им: «С вас спросит великий Б
небесный кровь всех этих душ, что погибли из-за вас и из-
нас. Если бы сотую часть всего этого золота, что собрано здес
теперь, вы дали выкупом за город, я бы удалился от него.
этого не желал, как и послал вам [сказать] через комита, но в

меня не послушались». Когда они это услыхали, они поклялись, что никогда не слыхали таких слов. Он позвал комита, чтобы мучить их, и сказал ему: «Разве не через тебя я послал это [сказать] им?». Он сказал: «Да, господин мой». [Царь] сказал: «А ты им передал?». Он сказал: «Господин мой, я не сказал им, потому что страшился». В гневе [царь] присудил ему смерть, но сказал ему: «Так как ты старался для двух государств, я не убью тебя», — и приказал выколоть ему оба глаза. Он забрал в городе бесчисленное множество добычи, полонил, опустошил его, [взяв] всех его жителей. Часть своего войска он оставил там и возвратился в свою землю с бесчисленно большой добычей серебра и золота, захваченного у жителей города, церквей и у прочих. С собою он взял также множество добычи и пленных. Мы насчитываем от времени построения [города] царем Анастасием до покорения и отдачи его в руки ассирийцев[31] около 72 лет.

Глава 6

О покорении города Апамеи и его опустошении, бывшем в том же году, когда царь персидский осаждал Дару.

Когда царь персидский еще осаждал город Дару и увидал, что никто ему не препятствует, он послал марзбана, по имени Адармахана, с большим войском против города Апамеи. Этот подчинил Кастру.[32] Так как персы заняли Антиохию, то он обложил Апамею, вынудил ее; сдалась ему и Апамея, получив от него предварительно обещание. Когда туда въехал царь и увидал в ней цирк, он не разрушил и не сжег в нем ничего. Поэтому жители надеялись, что и в будущем им не будет причинено зла. В надежде на это вышли к [марзбану] знатные города и епископ и поднесли ему подарок. Он же сказал им коварно: «Так как теперь город наш, откройте мне ворота, чтобы я мог войти и осмотреть его». Эти, надеясь на него и не предполагая, что может случиться что-нибудь дурное, открыли ему, и он вошел в город. Он тотчас занял ворота, начал хватать и вязать мужчин и женщин и грабить город. Всю добычу вывезли, а все население поставили вне города; и разграбили весь город Апамею, которая была полна богатства с давних времен и была гораздо роскошнее многих [других] городов. Все население ее,

[31] Ассирийцы, библейские враги, здесь — иранцы.
[32] Имя собственное, см.: *Honigmann E.* L'histoire ecclésiastique de Jean d'Ephèse // Byzantion. 1939. T. 14. P. 623.

всю добычу, а с ними и епископа они вывезли, а затем развели огонь и подожгли ее (Апамею) со всех сторон. Так они забрали всех пленных и всю добычу из нее и из других [мест] и отправились к царю, который осаждал Дару. Перед царем сосчитали пленных, которые были взяты оттуда и из других [мест], — 292 тысячи; их поделили и отправили в персидские области. После того как царь покорил Дару и ограбил ее, он и в ней нашел бесчисленное богатство, которое было свезено из других городов и отовсюду, как в неприступную крепость. Он вывез своих бесчисленных пленных, забрал [добычу] и вернулся в свою землю.

Глава 7

О 2 тысячах прекрасных дев, которых царь приказал выбрать и послать в подарок варварам, и об удивительном и ужасном, что совершили эти девы в ревности к христианству.

Персидский царь, опьяненный славой, возгордившийся от множества добычи и пленных, захваченных в пределах ромейских, приказал отобрать из пленных 2 тысячи дев, совершенных фигурой и красотой. Когда они были собраны по его приказу и приведены к нему, он приказал их, как невест, украсить роскошными одеждами, удивительными подарками, золотом, серебром, драгоценными камнями, жемчугом и послать их в дар варварам, живущим за его землей, называемым [тюрками], чтобы им угодить, их успокоить и подкупить их. Когда все было выполнено, как он приказал, и они были богато украшены, он дал войско с двумя марзбанами, приказал [выдать] им богатое содержание и послал их, распорядившись не торопить их в дороге, чтобы они путешествовали в покое и отдыхали, и не похудели, и не подурнели. Эти девушки тосковали не только из-за разлуки с родителями, братьями и всеми родственниками, но и о своих душах, что они погибнут для христианства, и о телах, что будут преданы в грубые руки врагов-варваров. Когда они в слезах и горьких стенаниях, как сестры, языком сказали об этом друг другу, все, как одна, просили смерти вместо жизни. Все это стало известным и было открыто относительно них другим пленным сирийцам, их соотечественникам, мужам, бывшим с марзбанами, и прочим, приставленным, чтобы сопровождать их и прислуживать им. Как соотечественникам, тайно, им стало известным то, что затем стало известным всем. Узнано [все] было от них, от их соотечественников, имевших общий с ними язык. Когда они достигли [места] в 5 мансио-

нах[33] от этих варварских народов, которым их посылали, они узнали, что достигли тех земель, куда они были посланы. Там протекала одна большая река, очень мощная, которую перейти было весьма трудно. Как было приказано тем, которые начальствовали над ними, чтобы они отдыхали и они их не гнали, они остановились на один день у этой реки. Все они друг с другом советовались, и у всех у них была эта одна мысль, сильная и мужественная, что они пренебрегают смертью. Все они бегали друг к другу, рассуждали между собою и говорили друг другу: «Как одна, все мы понимаем, что, если мы омрачим наши души язычеством, ядением нечистых животных, мертвечины и удушины с варварами, мы погубим наше христианство. В конце концов, всех нас они предадут смерти, а затем мы предстанем на суд мучений.[34] Теперь же все мы, как сестры, как христианки и дочери христиан, мы не будем отделяться друг от друга, но у всех нас будет одно желание, одна душа, одна мысль, одно суждение. До того как варвары помрачили наши тела и осквернили наши души, теперь же мы пойдем на смерть, пока чисты наши тела, убережем наши тела от скверны, ради имени и во имя Господа нашего Иисуса Христа. Чистыми мы приблизим ему наши души и тела, если мы теперь же предадим себя смерти. Этим мы спасемся от врагов и будем жить вечной жизнью, ради христианства, [причинив] себе мучения на один час, и убережем чистоту наших душ и тел». Так они все сговорились между собою, одним словом, одной тайной и обещанием поклялись друг другу и, как одна, все бросились в эту реку. Все до одной захлебнулись и не попали в руки варваров, потому что всеми ими одинаково была одобрена и избрана эта мысль. Стерегшие их смотрели за ними, они втайне заметили их секрет, когда наблюдали за ними некоторое время, и остались с ними. Те сказали: «Если вы разрешите, мы хотели бы выкупаться на берегах этой реки». Эти, как им было приказано, желая дать им отдохнуть, согласились, чтобы они выкупались. Те сказали им: «Мы стыдимся купаться, когда вы стоите около нас и смотрите на нас; отдалитесь немного от нас, и тогда мы выкупаемся». Тогда те оставили их и отдалились от них. Они же все друг друга укрепляли и поддерживали, осенили себя во имя Господа нашего Иисуса Христа и бросились все, как одна, в сильнейшем экстазе в ту реку и потонули. Когда стерегшие их поглядели в реку, они увидали, что неко-

[33] Iter X parasangorum (*Brockelmann C.* Lexicon syriacum. Halis Saxonum, 1928. P. 396).

[34] На Страшный суд.

торые из них плывут и двигаются в реке, как груз, часть тонет. Они добежали до места, где те просили у них выкупаться, и увидали, что нет ни одной из них в живых. Горько жалуясь, все они бегали туда и сюда, чтобы вытащить некоторых из них, и не смогли; хотя они и бежали, но не успели. Те же, сильные мощью во Христе, ради христианства, сами себя так предали в руки Божии и спаслись духом и телом от осквернения и грубости варваров.

Глава 8

О кратком мире, который был в сирийских областях в течение 3 лет, о походе персидского царя в ромейскую землю, в Армению и Каппадокию.

После всего того, что случилось, мир в сирийских областях длился 3 года, причем за эти годы выплатили 3 кентенария. В Армении же война шла с двух сторон. Относительно причины, почему персидские армяне предали себя ромеям, краткое сообщение мною было дано в прочих церковных историях. Теперь мы обратим нашу речь к последующему. Персидский царь был упоен гордостью оттого, что он взял Дару, и гордость эта ввела его в заблуждение. Полагаясь на то, что в сирийских областях у него не было войны, он собрал войско и доверчиво отправился в Армению, обратившись к Феодосиополю, что на границе его [Персидской] Армении, к Кесарии Каппадокийской и к прочим городам. В то время как это происходило, Феодор силентиарий был послан к нему в посольстве и увидал, что он выезжает на войну. [Царь] взял его с собою, а когда он стал просить его отпустить, он посмеялся и сказал ему: «Поезжай со мною в Армению. Отправишься со мною в Феодосиополь, будешь купаться, отдохнешь там, и тогда я отпущу тебя». Так он взял и увез его в Армению, будучи твердо уверен, что без труда войдет и возьмет город. Когда ромейские войска узнали об этом, несмотря на то что они трепетали перед именем царя, они хорошо приготовились против него. Когда он увидал эти мощные войска, он очень обеспокоился, так как говорили, что их было более 120 тысяч. Они его удерживали и готовились к бою с ним, а он испугался, повернул от них [в сторону] и отправился против другого города. Но и туда они направились против него, нагнали и прогнали его оттуда. Испытав его войска, они считали себя гораздо сильнее его и презирали его. После того как он увидал, что ничего не выходит соответственно его желанию, он отправился на северную гору, в направлении к Каппадокии, чтобы прийти и покорить Кесарию. Когда ромейские войска увидали это, они выступили против него

и опередили его и в Каппадокии. Они выстроились против него и удерживали его на Каппадокийских горах, препятствовали, не давая ему пройти. Так они находились друг против друга в течение многих дней, и он не осмеливался вступить с ними в сражение. Когда он увидал, что они многочисленнее и сильнее его, что он не может обойти их, чтобы идти на Кесарию, он весьма взволновался, испугался и стал ухищряться, чтобы, если возможно, пройти и бежать в свою землю. Но его маги осудили его и поспорили с ним; тогда он повернул, отправился в Каппадокию против Себасты, тогда как все они трепетали перед ромейскими войсками. От стыда и для того, чтобы не бранили его, что он не смог сделать ничего из того, что предполагал, он набросился и сжег огнем Себасту. Ни добычи, ни пленных он не нашел, потому что вся область бежала от него. Оттуда он направился в обратный путь, обратившись на восток, чтобы, если возможно, бежать к себе. Презрели его ромейские войска, испытав его войска, и пренебрегли ими, будучи сильнее их. Когда он увидал, что они окружают его и наседают со всех сторон, он был вынужден спешно бежать в горы, оставив весь свой лагерь, павильон, т. е. свою палатку, все свои пожитки, богатство в виде золота, серебра, жемчугов, все великолепные царские одежды, и бежать ни с чем [пустым]. Тогда поспешили и пришли ромеи, захватили весь лагерь, умертвили всех, которых там настигли, завладели всем его имуществом и имуществом его знатных, почитаемым ими храмом поклонения огню и лошадями, которые возили и переносили его. Люди там разбогатели, так как некоторые из ромейского войска, найдя, брали царское имущество и, захватив то, что находили, бежали, и больше их не встречали и не видали. Те же, которые бежали и спаслись из лагеря персов, пришли к царю и плача говорили: «Господин, на нас напали ромеи, многих из твоих рабов убили и весь наш лагерь разграбили и забрали». Он же, когда это услыхал, ответил им: «Пустите их». Он приказал, чтобы его окружило все войско и сделали стену из щитов. Он поставил их рядом, проезжал между ними верхом и упрашивал их, показывая свои седины, говоря: «Братья мои и сыны мои, пожалейте мои седины и воюйте за царство персидское, чтобы оно не было презрено и осмеяно. Я сам в качестве рядового всадника, как один из вас, буду воевать вместе с вами». Ибо его знатные постоянно спорили с ним, говоря: «Будем ли мы жить, умрем ли, дурную славу получит из-за нас Персия. Ни один из персидских царей никогда не делал того, что сделал ты, — завел нас, чтобы мы умерли в этих горах». От одного из них узнали ромеи, что говорилось между ними. Вновь повернули персы, направились в другую сторону, чтобы бежать в какой-нибудь город. Они направились против Мелитены, где,

если бы не зависть и ссоры ромейских глав друг с другом, они уничтожили бы его и все его войско, примирившись друг с другом, сговорившись друг с другом, разделившись и окружив его. Персы стали наступать на Юстиниана патрикия, сына Германа. Юстиниан же испугался и бежал от них, а товарищи не пришли помочь ему. Когда это увидали сам [царь] и его войско, они уверились и укрепились, пошли к Мелитене и подожгли ее.

Глава 9

О сожжении Мелитены и о прочем, что случилось после того.

Когда перс вошел в город Мелитену, он тотчас приказал, чтобы всю ее сожгли огнем. Затем он вышел, чтобы перейти Евфрат, и направился в свою землю. Ромейские же полководцы послали ему [сказать] следующее: «То, что ты сделал, пришел и сжег город, не царское это дело, как и произвести опустошение и повернуть. И для нас, которые только рабы царя, было бы весьма мерзким, если бы мы сделали то, что ты сделал; тем паче тебе, потому что ты не только царь, но мнишь себя и царем царей. Ибо не пристало царю подобным образом приходить шайками, чтобы грабить и обращаться в бегство, разводить огонь и сжигать. Царю подобает мощно, уверенно, царственно стать открыто в бою, и если победит, то как царю и прославиться, а не как вору прийти, причинить вред, обворовать и бежать. Теперь приготовься, чтобы нам стать в бою друг против друга публично, чтобы и другим было явно и известно, чья победа и чье поражение». Когда он это услыхал, он приказал быть бою на следующий день, на Кампо,[35] с восточной стороны города, в отдалении от него. На утро дня обе стороны расположились друг против друга, на небольшом расстоянии. Они стояли в порядке и смотрели друг на друга, с утра до 6 часов, и не тронулся ни один человек с места. Царь стоял в тылу войска, и так они смотрели друг на друга, кто из них первый начнет [битву]. Те люди, что рассказывали нам все это, были переводчиками у персов и ромеев, и они поклялись нам, [что все это правда]. Наконец, [говорят], трое из нас ударили коней, выехали из ромейских рядов в середину между частями, доехали быстро до предела персидских рядов и вновь вернулись поспешно. Не приближаясь к ним, трижды мы промчались во всю скорость лошадей, и напряженно следили за нами обе стороны; мы же вызывали их выйти в бой. Но ни

[35] *Honigmann E.* L'histoire ecclésiastique... P. 623.

один из них не сдвинулся с места и не вышел против нас, хотя они построились, подобно стене, и стояли, и словом не обменялись друг с другом. Наконец он послал [сказать]: «Теперь уже не может быть боя сегодня. Время прошло». И так разошлись оба лагеря. Ночью же, перед тем как настало утро, царь и его войско находились уже на берегу Евфрата, стремясь и пытаясь перейти реку, которая находится в 6 милях от Мелитены. Ромеи последовали за ними, чтобы у реки их захватить и уничтожить. Так они и сделали. Персы были встревожены, а когда увидали персидские войска, что ромейское войско зашло им в тыл, они бросились с конями в реку. Потонуло и захлебнулось больше половины войска, прочие же с трудом выплыли на лошадях, спаслись, перешли и поспешно направились в Ромейскую Армению. Хотя они проходили спешно, он приказал, чтобы все селения, которые им встретятся, сжигать огнем. Он повернул к высоким горам Карха, на которых никогда не было дороги, и был вынужден послать вперед войско, чтобы оно устроило ему дорогу. Так, взволнованный и встревоженный, он едва спасся из рук ромеев в свою землю с большим трудом. Тогда он издал приказ и установил закон, чтобы сам царь на войну не ходил, если против него не вышел [другой] царь.

Глава 10

О том, что затем случилось с ромеями в Персидской Армении.

Ромейские полководцы после больших побед, одержанных ими во многих боях, перебили множество из тех, которые были против них посланы, взяли верх и подчинили все те северные народы, которые были подчинены персам. Они вторглись и производили опустошения в областях персидских на расстоянии многих миль, и в 3 милях от персидской столицы они грабили и забирали слонов персидских, так что наполнили и Константинополь слонами. Они победили и во многом другом, что выходит [из рамок] этого повествования, так что вся Персия опасалась их. Наконец, когда царь персидский вернулся в свою землю в год 880 Александра [Македонского],[36] то ромеи были беззаботны и упоены славой, как люди, победившие и устоявшие против царя. С тех пор они существовали без страха, полагая, что теперь они освободились и могут отдохнуть от всех войн и битв. Все войска стали беспечно отдыхать, отложив оружие, а всех лошадей отправив на пастбище. И вот неожиданно

[36] 880 г.=569 г. н. э. Менандр относит это событие к 576 г. н. э.

пришли их σκουλκαί, т. е. их лазутчики, и сказали: «Вставайте, вооружайтесь, вот идет на вас персидское войско с марзбаном Там-Хосровом, остерегайтесь». Когда они услыхали это, они стали смеяться и издеваться над ними, говоря: «Да разве они могут осмелиться показаться к нам?». И они не позаботились и не приготовились. Когда они еще так говорили, персидское войско уже выступило на них, не готовое еще к битве с ними, а только с тем, чтобы показаться им. Они же, когда увидали, что они разворачивают большие, как стены, ряды и идут, напали на всех сразу трепет и страх; они были в волнении, так как и лошади их не были собраны. Одни рассеялись, чтобы есть, пить, наслаждаться, другие разбрелись. Все, кто увидали [персов], затрепетали и начали поспешно бежать; другие, видя, что эти бегут, пугались и сами бежали. Полководцы, когда увидали, что войска их покинули и бежали, то и сами бежали. Всякий, кто мог захватить оружие и взять лошадь, тот садился на нее и бежал. Если кто бежал пешим, неся оружие, то, устав от пути, клал оружие на дорогу и бежал безоружным. Если кто ехал на лошади с оружием, то, устав, бросал свое оружие. Если уставала лошадь, то [всадник] сходил с нее и бежал. Персы же ехали за ними не спеша, не преследовали их, но смеясь, издеваясь и посмеиваясь над ними, что вот-де тех 120 тысяч, а их не более 30 тысяч, и они так их испугались, что бежали, тогда как их царя они не испугались и не бежали от него. Так, наконец покрыли себя позором и дурной славой ромейские войска с их полководцами, тогда как персы и меча против них не обнажили, не натянули лука и не бросили копья. Они собрали все их оружие, кольчуги, панцири, щиты, шлемы, копья, мечи, луки и колчаны с бесчисленным количеством стрел. Наконец, стали рассказывать, и каждый говорил, что это случилось потому, что прогневили ромеи Бога. Когда они пришли в эти северные области [Ирана], которые были христианскими, то священники, взяв Евангелие и кресты, выходили навстречу, а они не глядели на них. Ромеи так распалялись без страха Божия, что брали младенцев, одного-двух лет, хватали один за одну, другой за другую ногу и кидали их вверх, как могли, а когда они падали, принимали на копья и мечи, пронзали их и бросали собакам. Они также оскорбляли, убивали и грабили монахов, выводили затворников, мужей древних и почтенных, из затвора, в котором они были много лет. Они вешали их, мучили, мечом отрезали им срамные члены, говоря: «Дайте золото и серебро». Они мучили также монахинь и доводили их до горькой смерти. Этим злом, которое они причиняли, они,

как говорят, разгневали Бога, и он осрамил их и унизил перед врагами, и они не могли устоять перед ними.

Глава 11

О персидских армянах, которые предали себя ромеям.

О причине, по которой персидские армяне пришли и предали себя ромеям, о времени многих войн, опустошениях, которые там были, о том, что они отправились в столицу, были приняты императором, были почтены великой честью и многими подарками и о прочем, подобном этому, мы уже кратко упоминали в первых главах. Теперь же мы хотим сообщить, что наш император ромейский всю эту борьбу, которую он имел с персами, вел ради того, чтобы не предать тех христиан, которые пришли к нему [искать] убежища. После того как, так сказать, всех армян император обогатил подарками и богатыми дарами и установил отмену подати на 3 года, то послал ему перс сказать: «Выдай мне моих рабов, которые восстали на меня». Но он не послушался его. Тогда перс схитрил и написал слово к армянам, что он не сделает им зла и не будет поминать их глупости. Тогда они отпали от ромеев, пошли и отдались ему. Вся область, за исключением тех знатных, которые находились у императора в Константинополе, вся область около 20 тысяч, отпала, пришла и отдалась персам. Он возвратился и взял Армению [в подчинение], как прежде. Что касается глав одного из них, по имени Вардан, прочих бывших с ним вместе и с царем народа, по имени Горгоний, который также жил в столице с большой честью, то со всем своим народом они предали себя ромеям. Они пришли и отдались императору Юстину в 5-й год его царствования, который есть год 882 Александра. Из-за этого вновь на целые годы возникла война.

Глава 12

О послах ромеев и персов, которые сошлись из обоих государств на границе для того, чтобы обсудить и рассмотреть друг с другом все то, из-за чего начались войны, и в чем они обвиняли друг друга.

В году 887 были посланы в посольстве на границу 3 сенатора:[37] Федор патрикий, сын Петра Магистра, Иоанн и Петр, ипаты из рода императора Анастасия, вместе с Захарией, главным врачом и софистом. От персов же пришли мобед и прочие и расположились около Дары, которая была взята персами, для того чтобы обсудить и рассмотреть друг с другом то, что случилось в обоих государствах. Каждая сторона возражала другой, говоря: «Вы преступили условия таким-то и таким-то образом». Также и другие приводили иные обвинения, говоря: «Вы нарушили мир между обоими государствами, пришли и опустошили наши области». Те же говорили: «Ваши арабы перешли и уничтожили все у нас». Так они сидели друг против друга, приводя взаимно такие обвинения, вины и положения, пока не дошли до споров и ругательств. Так, в разговоре и в слушании прошло больше одного года, и каждая сторона осведомляла своего царя. Благочестивый кесарь Тиверий давал и принимал ответы, так как император Юстин был болен. Хотя обе стороны и желали мира между собою, но каждая выказывала другой упрямство, чтобы не подчиниться другой и не обнаружить слабости. Кесарь ромеев послал сказать персам: «Миру мы радуемся больше, чем опустошению; если ты желаешь мира, мы не отвернемся, если же ты хочешь войны, то мы не унизимся перед тобою, но приготовимся [идти] против тебя». Перс же, видя, что ему было дано 3 кентенария за то, чтобы он заключил мир на 3 года, надеялся на то, что, если будет заключен мир с ромеями, за каждый год он получит кентенарий. Когда об этом узнал кесарь, он написал и послал ему [сказать]: «Ты весьма заблуждаешься, если надеешься, что ромейское государство даст тебе за мир хотя бы одну мину, и также если полагаешь, что мы покупаем мир за золото. Но если ты желаешь, чтобы с честью, достойной обоих государств, был между нами заключен мир, то пусть он будет заключен; если же нет, принимай войну». Когда перс получил такое заявление, он был немало взволнован этим словом и согласился, чтобы мир был достойный, без [оплаты] золотом. Когда кесарь принял этот ответ, он написал обратно: «Да будет тебе известно, что ромейское государство никогда слабым не было, но оно

[37] Члены синклита.

сильно и никому не подчинено, и я не знаю, почему прежние императоры унижались, давая персам золото, 5 кентенариев каждый год. Да будет тебе известно, что впредь ромейская держава 5 мин ни тебе, ни кому-либо другому не даст. Хвалились твои послы перед варварским народом — тюрками, говоря: „Ромеи наши рабы и как жалкие рабы платят нам дань". Если ты этого не запретишь [говорить], мира с тобою у нас не будет». Когда многое уже было решено, он не только согласился, но сейчас же приказал снять подать, изготовил грамоту мира и послал ее на границу к послам. Когда кесарь далее увидал, что он [перс] покорился и этому, он послал ему [сказать]: «Отдай нам теперь город Дару, и мы заключим мир». Когда перс получил это [известие], он весьма взволновался и написал: «Дару я взял по законам войны, ты же области наших рабов армян взял не войной, а удерживаешь их. Отдай мне Армению, а я дам тебе Дару». Кесарь был возмущен предложением выдать армян, так как они христиане и поэтому отдали себя христианскому государству. По этой причине послы обеих сторон пришли в такое большое взаимное раздражение, что вооружились, чтобы выйти с мечами. Так они и разошлись друг с другом, взаимно озлобленные; мир был совершенно прекращен, так как оба государства готовились к войне. Персидский посол прислал начальников и предупредил их, говоря: «Отправляйтесь оберегать границы: ромеи не заключили мира».

Глава 13

Об опустошении, которое произвели персы в ромейских областях в ближайшие дни.

Великий марзбан Персии Адармахан, который вел переговоры о мире с ромейскими послами, как только было решено, что мира больше не будет, в гневе, что его обругали послы, озлобленный собрал войска, вышел, опустошил и совершенно сжег области Дарийскую, Телльскую, Тельбешмайскую, Решайнскую, большие селения, церкви, монастыри и все области. Уничтожая, сжигая, убивая, он достиг Теллы и сказал им [ее жителям]: «Сдайте нам город, чтобы с вами не было, как с жителями Дары, которые погибли. Где же ваши послы, что угрожали нам? Пусть они придут теперь и выйдут против нас». Жители же Теллы ответили им: «Мы не можем теперь сдаться вам, потому что мы получили письмо, что вышел, чтобы прийти сюда, патрикий Юстиниан, а с ним 60 тысяч лангобардов. Если мы теперь сдадимся вам, то он придет и сотрет нас с лица зем-

ли». Тогда они ушли от них и сожгли большой и мощный храм Богородицы, что вне города, и с прочими злодеяниями повернули к Даре, насмехаясь над ромеями и хвалясь разрушением, которое они произвели, пленными, которых они полонили, и многочисленной добычей, которую они увезли.

Глава 14

О комите Маврикии и о прочем, и о лукавстве и опустошениях персов.

Полководцы ромейских войск не сближались друг с другом, а писали друг против друга кесарю. Когда увидел это боголюбивый кесарь, он призвал мужа, по имени Маврикий, которого он назначил на место комита экскубитора — его поэтому и звали комитом, и приказал ему отправиться на восток в качестве главы всех полководцев.[38] Он дал ему власть управлять, распределять и назначать всех стратилатов и трибунов всего войска. Никто не смел преступить его приказаний и слов его уст. Он дал ему власть ставить и освобождать от должностей, по своему усмотрению, и отослал его с большим количеством кентенариев для прокормления войск. Перед тем он послал епарха претория, по имени Григорий, для того чтобы он управлял и заботился о расходах, так как он отличился во всяких делах в Армении. Славный Маврикий, как ему было приказано, когда он был послан, отправился в область Каппадокии, тем более, что и сам он был каппадокийцем. Он тотчас собрал для военной службы многих ромеев, также многих скубитариев,[39] и скрибонов,[40] и солдат, которых находил, брал с собою. Также из уртайе и из сирийцев он собрал для военной службы у себя многих. Он отправился расположиться между Арменией и Сирией, т. е. в Китаризе. Он послал собрать сюда всех полководцев, беседовал с ними, установил порядок, приказывал, подбодрял их и затем отсылал их. Он прожил там около 2 месяцев, его имя стало известно, и страх напал на всех персов, которые видели ромейские войска, ставшие многочисленнее и сильнее их. Пока они там были, напал на них страх, и они пустились на хитрость, бросились на Персидскую Армению и послали [сказать] тем, что жили в Феодосиополе: «Через 3 дня приготовьтесь и принимайте войну». Когда ромеи получили это известие, они послали его комиту Маврикию, который приказал

[38] Magister militum per Orientem.
[39] Excubitores.
[40] Scribones.

приготовиться всему войску к войне. Персы же, после того как они послали это известие, стали пытаться хитростью провести ромеев. Они приготовились, собрали свои войска, прошли по своей земле, пошли и отправились тайно в направлении Майферката на ромейскую землю. Они начали опустошать и сжигать всю область Софиану, особенно все церкви и монастыри, всю Амидскую область и всю землю. Они достигли Амида, сожгли все окрестности до его стены, все церкви и богатые монастыри в округе и осаждали город в течение 3 дней. Когда они увидали, что могут овладеть им, и также, так как они боялись, чтобы Маврикий с войском не настиг их и не уничтожил, они сожгли и ограбили всю область Месопотамии, как воры, затем повернули и возвратились в свою землю. Когда ромеи были готовы к сроку битвы, персы их обманули. А сами выходили как на воровство или на грабеж, жгли, уничтожали, брали в плен по всей Месопотамии. Это случилось в году 888 Александра. В этом же году Маврикий выехал из столицы, поэтому персы с большой поспешностью забрали пленных и все, что у них имелось, и в страхе перед ромеями бежали в свою землю. Они повернули после того, как 18 дней они творили весь этот ужас.

Глава 15

О том, что было потом сделано Маврикием.

Когда это услыхал комит Маврикий, он весьма обеспокоился, разгневался, собрал все войско и направился в Арзун, богатую персидскую область, в горячем гневе на то, что он был осмеян и обманут персами, что они пришли, опустошили, уничтожили, забрали у них множество пленных и, подчиняя, дошли до Тигра. Он отправился, взял в плен, уничтожил и пожег всю область. Но так как жители были истинные христиане, без лукавства, они вышли навстречу войскам и полководцам с сосудами, крестами и Евангелием, взяв с них клятву, что они оставят их в живых, говоря: «Пожалейте нас, потому что мы христиане, как и вы, и готовы нести повинности для христианского царя». Когда услыхали это Маврикий и прочие от многих из них, они оказали им пощаду, говоря им: «Каждый из вас, который желает остаться в живых и работать императору христианскому, пусть возьмет свое имущество, заберет всякий скот, который у него есть, и пусть живет, и мы его не убьем. Если же мы найдем его здесь через 2 или 3 дня, то он будет умерщвлен». Так многие избежали уничтожения, бежали и от-

правились в ромейские области из Арзунской области. Когда об этом узнал император, он приказал их отправить на остров Кипр, где их распределили во всех селениях всего острова, и там они жили. Те же персы, которые прокрались и перешли в ромейские области, боясь Маврикия, чтобы он вскорости не настиг их, поджигали, вредили и жгли, где могли, в течение 15 дней. Затем они беспокойно бежали и вернулись в свою землю, прежде чем их нагнал Маврикий.

Глава 16

О Мундаре бар Харите и о Маврикии, которые после этого снова вместе вошли в персидские области.[41]

Снова Маврикий и Мундар бар Харит, царь арабский, собрали вместе свои войска и вошли в персидские земли по дороге пустынь. Они вошли и проникли в персидские земли на много миль до [области] Бет-Арамайе. Когда они достигли большого моста в Бет-Арамайе, через который они надеялись перейти и покорить богатые города персидского царства, они нашли мост сломанным. Когда персы узнали, [что они идут], они его сломали. В этом они и их войска усмотрели для себя великое унижение, особенно ромеи. Между ними произошли споры, и они повернули обратно, не получив никакой выгоды, и с трудом, униженные, они смогли спастись, достигнув ромейских областей. Они стали писать против друг друга злые обвинения, так как Маврикий полагал относительно Мундара, что он послал весть персам, а они разрушили мост, чтобы те не могли перейти. Но это была ложь, и императору стоило больших трудов, послав глав, примирить их друг с другом. Наконец, Маврикий отправился к императору, но неизвестно, оговорил ли он Мундара.

Глава 17

О персидском марзбане, который пришел и сжег вторично области Телльскую, Эдесскую, Харранскую, и прочее.

Когда персы увидали, что Маврикий и Мундар пришли в их область, и заметили, что эта область лишена войск, то персидский марзбан, по имени Адармахун, с большим войском

[41] 580 г. н. э.

перешел в ромейские области. Он достиг областей Теллы и Решайны; он разрушил и сжег то, что осталось после первого раза, и отправился в область Эдессы, богатой провинции. Он сжег, разрушил и опустошил всю область Осроэны. Возвращался он в свою землю спокойно, без страха, как будто он в своей земле прожил много дней, хотя он не оставил стоящим ни одного дома повсюду, где он ни проходил, издеваясь над всем ромейским войском, которое не могло удержать его. Наконец, когда Маврикий и Мундар вышли из персидской области усталые и он услыхал, что они желают идти против него, он послал им [сказать], издеваясь: «Так как я слыхал, что вы готовы прийти ко мне, то не трудитесь приходить, так как вы утомлены тягостью дороги. Отдохните, а я приду к вам сам». После опустошения, грабежа и захвата, которые он произвел, он брал в плен и делал все, что желал; он услыхал, что они намерены идти против него, тогда он взял всю добычу и всех пленных, которых он захватил, ушел из области Эдессы и отправился в свою землю. Из 200 тысяч ромеев, которые ели [хлеб] императора, никто его не преследовал, когда он начал уходить. Они вышли, чтобы идти против него, а так как не смогли нагнать его, сказали, что он бежал.

Глава 18

О Мундаре бар Харите и победе, которую он одержал.

Против Мундара бар Харита собралось все войско персидских арабов; с ними вместе готовилось и персидское войско, для того чтобы выступить и напасть на Мундара, после того как он выйдет из персидских пределов. Когда он [Мундар] узнал об этом, то как не лишенный мужества [человек] он тотчас собрал свое войско, выслеживал их в пустыне и, разослав лазутчиков, узнавал, где и как они. Он напал на них внезапно, когда они этого не ожидали, смутил и испугал их, уничтожил и умертвил их. Некоторых из них он схватил, связал и заковал, так что лишь немногие из них бежали. Оттуда он направился на их лагерь [Хирту], уничтожил и сжег его и отправился обратно с большой добычей и многочисленными пленными, весьма прославленный.

Глава 19

О том, что случилось с пленными, заключенными в Антиохии, которую построил Хосров в персидских пределах и куда он заключил всех пленных из ромейских областей до сего дня.

После того как были захвачены Дара, Апамея и прочие [города], персы перевезли в пределы персидские всех пленных, число которых, когда их считали в Низибии перед царем, было 275 тысяч, и прочих, которых не считали. Он привез их и заключил в Антиохии, которая была им построена, когда он покорил и захватил Антиохию [ромейскую]. По ее имени он построил в [своей] земле город, в котором он заключил всех пленных, захваченных в Антиохии и во всей ее области. Там он заключил и взятых в Даре и Апамее и всех прочих пленных, которых он захватил после того. Но и в своем заключении, при суровой охране, которая их сторожила, они [ромеи] не оставили своих заговоров, которые, как они надеялись, окажут им помощь. Они связались тайно с одним из персов из тех, что стерегли их, оберегая стену; собрали зузе[42] и дали ему 500, чтобы он спустил двоих из них на веревке ночью в том месте, где он стерег. Случились там благочестивые мужи, арабы-монахи; имя одного было Вениамин, другого, бывшего его учеником, — Самуил. Они намеревались, если они выйдут и бегут оттуда, тотчас направить свой путь к ромейскому императору, чтобы сообщить о пленных, много тысяч которых заключено в Антиохии. Также и все пленные послали через них [сказать]: «Вот здесь нас заключено больше чем 30 тысяч, а персов, что нас стерегут, не более 500 мужей. Если будет послан один из ромейских начальников и только покажется вне города, мы перебьем персов, выйдем и убежим в ромейскую землю». После того как это было втайне передано от всех пленных блаженному, перс, который взял мзду, спустил его и того, кто был с ним, ночью на веревках со стены. Они бежали и спаслись в ромейскую землю. Сначала они сообщили это ромейским начальникам, и те записали и послали это к императору. Когда они пришли в столицу к нам,[43] об этом узнал магистр, он пошел сообщить об этом императору Тиверию, [но тот] пренебрег и не посчитал это за правду. Таким образом было задержано и отложено дело освобождения всех этих притесненных пленных.

[42] zwz' — δραχμή, nummus (*Brockelmann C.* Lexicon syriacum. P. 191).

[43] Иоанн Эфесский говорит о себе, и, следовательно, он лично виделся и говорил с этими монахами, бежавшими из персидского плена.

Глава 20

О смерти Хосрова, царя персов, о времени его царствования и о прочем.

Нет ничего неподобающего в том, чтобы написать и сообщить о жизни и о смерти Хосрова, царя персов, хотя он маг и враг [нам]. Как свидетельствуют его дела, он был осторожным и мудрым и усердно в течение всей своей жизни изучал философию. Как говорят, у него была забота собрать все книги всех религий. Он их читал и все обдумывал, чтобы знать, которые из них истинные и мудрые и которые безрассудны, полны вздора и пустых басен. После того как он все прочел и рассмотрел, он хвалил больше всех книги христиан и говорил: «Эти истинные и мудрее всех религий». В этом он был весьма тверд, читал и верил их словам, а поэтому и не проявил себя ненавидящим христиан. Если маги и натравляли его на христиан, то он не поддавался этому так, чтобы отдать приказание о гонении против христиан. В наше время католикос несториан, который постоянно жил у него, принес жалобу на немногих православных[44] епископов, которые были в персидских пределах, так как все епископы во всей Персии — несториане и среди них находится немного православных. Когда католикос возвел на них тяжкие обвинения, то царь приказал, чтобы они перед ним повели спор друг с другом о своей вере, чтобы и он знал и сам рассудил, что о них и между ними говорится, понял их слова и знал, которые из них разумны. Когда пришли православные, он приказал, чтобы, как они есть, обе стороны собрались и явились к нему. И стали обе стороны перед ним, тут и там. Главой православных был епископ, святой муж, по имени Ахудеме. Царь приказал, чтобы они спорили и обсудили друг с другом все, что они имеют относительно своей веры. Тогда начали католикос и бывшие с ним говорить с православными; католикос высказался, начал и кончил. Затем говорили [православные]; они отразили все его слова, смутили его, а судьей взяли самого царя. Но так как многое между ними было сказано в споре и нелегко это писать, мы оставим это. Царь Хосров принял и похвалил то, что было сказано православными, и сказал католикосу: «Эти знают то, что они говорят, и могут постоять и оправдать свои слова, которые и мне кажутся весьма истинными, ваши же неясными, путаными и лишенными основания. А так как вы не показываете и не стоите за свои слова, и мне не кажется, что в них есть основа и правда, как

[44] Православными Иоанн Эфесский называет монофизитов.

в тех, которые были сказаны теми. Теперь я узнал, что вы обвинили их передо мною несправедливо и без причины. Так как я сам слышал и видел, то я приказываю, чтобы впредь вы их не обходили и не обижали». Когда он это приказал, все православные упали ниц из почтения и благодарили его, говоря: «Господин, они преследовали нас, нападали на нас, грабили нас, сокрушали наши церкви и монастыри, не давая нам возносить в них молитвы и моления Богу об утверждении и сохранности твоей жизни и твоего государства». Он же приказал им твердо: «Идите себе, стройте свои церкви и свои монастыри, и впредь никто не посмеет вас обижать». Они почтили его, помолились за него и возвратились восвояси с великой радостью. С большим дерзновением и без страха возвратились все православные в персидские области. Когда они получили тот приказ, они осмелились сделать большое дело через блаженного Мар Иакова, епископа православных, — поставили католикоса и они, чего никогда прежде не случалось в персидской земле. С того времени и доныне избирали и ставили католикоса верующие.

Глава 21

О том, что Хосров показал, что он огорчен и жалеет о разрыве мира между государствами и что и после многих опустошений, бывших в обоих государствах, он желал заключить мир, и был весьма уступчив.

Люди не должны думать, что мы, желая прославить мага, привели его историю для памяти, но, как говорится в загадке Самсона, — «из поедающего вышла пища, а из горького вышло сладкое». Он-то был весьма горек. И что больше можно сказать о муже язычнике и заблуждающемся? Но что было необходимо для смысла повествования, мы привлекли к изложению его истории.

Когда мир между границами был нарушен, он показал, что он расстроен и огорчен. Как говорят, когда он направлялся на Дару, грамоты мира между ними [государствами] несли перед ним, связанные и простертые к небу, а он говорил: «Зри, Боже великий; ты ведаешь, что я не желал и не желаю этого опустошения и пролития человеческой крови, которое было в обоих государствах». И также, когда была близка его смерть, он показал, что он согласен и желает, чтобы был мир. Он полагал, что за каждый год мира, который он установит, он получит кентенарий[45] золота, как это было обычно в течение 3 уже ис-

[45] В тексте множественное число.

текших лет. Когда ромейские и персидские послы собрались на границе, чтобы обсудить и переговорить относительно мира, то, как мы об этом поведали выше, победоносный Тиверий, который тогда еще был кесарем при жизни Юстина и его боялись все персы, проявил свое мужество; он встал и сказал: «Ромейское царство не унижено и не в подчинении у царства персидского. За то, чтобы был заключен мир, мы не дадим и одного кентенария. И если не будет мира, достойного [нашего] государства, то я вовсе никогда не заключу с вами мира». Это немало испугало персидского царя, он собрал своих магов и сказал им: «Теперь мы узнали, что кесарь ромейских пределов человек молодой и воинственный, а я, как вы видите, стар и не смогу переносить тягостей войны. Заключим мир с ромеями, так как мы не можем их победить». Так они совещались и послали сказать: «Не думайте, что я взираю только на золото и предпочитаю золото миру. Заключим мир, достойный обоих государств, прекратим уничтожение, и я ни о чем более не прошу». После того как это было им отослано, немного спустя послал ему победоносный кесарь Тиверий сказать: «Не думай, что из того золота, которое ты до сих пор получал из ромейских пределов, ты получишь еще хоть одну мину, ибо не так слабо ромейское государство, чтобы платить дань персам». На это персы послали сказать: «Золото, которое мы получали, посылалось прежними императорами, и не ты это установил. Но да будет тебе известно, что мир мне милее чего бы то ни было, я оставляю и эти кентенарии и заключу мир». Когда кесарь увидал, что перс так подчинился и идет на это, он послал ему сказать: «Если ты не отдашь нам Дару, мы не заключим с тобою мира». На это персы разгневались, разорвали мир и удалились от границ в ссоре, даже вооружившись друг против друга. Тотчас начались опустошения в обоих государствах. В это же время царь Хосров умер, в год 890,[46] и воцарился его сын. Как полагают, Хосров царствовал 48 лет.

Глава 22

О сыне Хосрова, царе персидском, по имени Хормизд, который воцарился после него.

Когда умер царь Хосров, после него воцарился один из его сыновей, по имени Хормизд, который был юноша страстный, грубый, малосообразительный, как об этом говорят его бес-

[46] 890 г.=579 г. н. э.

стыдные выходки[47] и поясняют самые его дела. Когда он воцарился, он был так горд и неумен, так высокомерен и нахален, что даже не послал ромейскому императору, по царскому обычаю, символа царствования. Тогда как кесарь Тиверий, хотя государства и были в ссоре и войне, не пренебрег послать символ царствования, по обычаю, но тотчас же, как он стал кесарем, послал дары символа царствования Хосрову. Так поступил, воцарившись, и Хосров по отношению к Юстиниану, который начал царствовать года на 3 раньше него. Этот же неумный гордо говорил: «Для чего я буду посылать подарки моим рабам?». Так он и не послал. И не только это. Послы ромейские, которые были посланы к его отцу с подарками и царскими грамотами, достигнув Антиохии, узнали, что Хосров умер и что воцарился его сын. Когда об этом узнали наши миролюбивые ромейские императоры, они отдали приказ послам, что их посылают к тому, кто воцарился, и чтобы они к нему и отправлялись. Он же, высокомерно разрешив им войти, принял их с бранью, чинил им долгое время притеснения, заключил их, теснил, так что они были близки к тому, чтобы ослабеть и кончить свою жизнь. Наконец, по совету магов, он отпустил их, не позволив им даже ехать по прямой дороге, но, послав с ними человека, приказал их вести по высоким и отвесным горам, чтобы они там скончались и умерли. Они говорили даже тем, которые их сопровождали: «Если вы желали убить нас, почему вы сразу не убили нас открыто, но привели нас сюда, чтобы мы от усталости умерли в этих горах?». Но Бог помог им, и они спаслись, и было сообщено императору и всем людям о жестокости и малом уме [Хормизда].

Глава 23

О том, по каким причинам сначала возникли неприятности и был нарушен мир между обоими государствами.

Первой причиной, по которой был разорван мир, было подчинение Персидской Армении ромеям. Второй причиной жестокой вражды было то, что ромейский император отправил послов к варварским народам, называемым тюрками, живущим внутри персидских областей. Это, вместе со многими другими причинами, привело персов к противоречию и вражде. Ибо император Юстин отправил в 7-й год своего царствования к так

[47] В данном случае никак не «победы», а «непристойный, бесстыдный», impudicus — «бесстыдные выходки».

называемым тюркам послов и среди них мужа из начальников, по имени Земарх. До того никогда посольство ромеев не посылалось к этим богатым и могущественным народам. Как сообщает этот посол, когда он достиг их земель через целый год, то об этом узнал один из царей этих народов, (у них есть дальше в глубине (страны) другие великие 8 царей), что к нему прислано посольство ромеев; он тотчас испугался и впал в жестокую грусть и в горькие слезы. В особенности же, когда он принял и увидал послов, которые стояли перед ним долгое время, и никто не осмеливался заговорить с ним. Как сообщали другие: «Когда он так горько плакал, ни один из его знатных не осмеливался заговорить с ним; мы упали перед ним ниц и сказали переводчику, чтобы он сказал ему: „Мы спрашиваем тебя, царь, почему, увидев нас, посланных к тебе твоим братом императором ромейским, почему ты плачешь?“. Когда он это услыхал, он снова стал горько плакать и еще долгое время [плакал] и не мог сказать нам ни слова в течение 2 часов. Когда несколько стихли его рыдания, он сказал нам: „Так как вы желаете знать причину моего огорчения и слез, то я скажу ее вам. От давних времен и поколений мы получили такое предание: когда вы увидите в этих областях послов из ромейских пределов, то поистине вы будете знать, что вся вселенная прошла и кончилась и что все царства погибли, а все люди в эти времена тотчас уничтожают друг друга. Ныне, когда я увидал вас, я вспомнил это и потому стал горевать и плакать“. После того мы много говорили в его присутствии, а затем достали и поднесли ему много даров из золота, серебра, жемчуга и великолепные одежды. Когда он их увидел, он удивился, принял их и, выбрав из них самые богатые и роскошные, сказал: „Видно, что они от великого царя“. Случилось там быть персидским послам. И спросил царь[48] ромейских послов: „Правду ли сказали мне персы, что-де ромейский император — наш раб и как раб платит дань?“. Когда Земарх это услыхал, он ответил: „Это они лгут. Многие ромейские императоры приходили, опустошали и полонили их землю. Когда Траян, император ромейский, пришел, он так подчинил и покорил их, что до сего дня они боятся и дрожат перед статуей, воздвигнутой ему в их земле, так что доныне не осмеливается ни один из них проехать перед ней верхом. Пусть их позовут, и мы лично обвиним их, а они не смогут возражать“. Тогда он велел им прийти и сказал им: „Разве вы не сказали мне, что император ромеев — ваш раб? А вот, как говорят эти, даже статую ромейского царя, воз-

[48] В сирийском тексте ошибочно стоит множественное число.

двигнутую ему в вашей земле, вы до сего дня почитаете и боитесь ее. Как же они ваши рабы, если вы перед статуей царя ромеев дрожите и почитаете ее? Правда это?". Они ответили ему: „Да, господин, это правда. Есть в нашей земле его статуя". Он же сказал им: „Зачем же вы лгали и обманывали меня?". И он поклялся: „Если бы я был подобен вам, я бы тотчас снял ваши головы"». И так он отпустил их в гневе. Когда они возвратились к своему царю, они сообщили ему: «Мы встретили там ромейских послов, и они упрекали нас из-за статуи Траяна, а когда мы не смогли отрицать этого, то он рассердился на нас и отпустил нас в гневе». Когда об этом услыхал перс, он взволновался и разгневался и приказал по этой причине опрокинуть статую Траяна и стал еще настойчивее в своей вражде. Ибо он полагал, что ромеи возбуждают против них эти народы, особенно же потому, что ромеи поднесли им много подарков. Все это произошло так, как сообщили послы, из чего немногое мы написали. Эти ромейские послы возвратились через 2 года, сообщив много удивительного относительно многих из этих народов, о достопримечательностях этих земель, об их порядках и устоях нравственности.

Глава 24

О гнусном народе, называемом аварами.

Этот народ, который по своим волосам называется аварами, пришел и показался в ромейских пределах в дни императора Юстиниана. Он принял их послов, одарил их золотом, серебром, одеждами, золотыми поясами и седлами и прочее дал им и послал через них их вельможам. Они были поражены и вновь послали других, и этим он дал в изобилии. В течение долгого времени под разными предлогами они посылали их, и не поодиночке, но составляли группы и приходили, и он всем давал и одаривал их, и они отправлялись. Он надеялся, что их руками он сможет победить всех своих врагов, пока не стали выражать неудовольствие и сенат, и весь город: он-де опустошает государство и отдает все варварам. Когда он скончался и воцарился Юстин, сын его сестры, случилось, что одна из шаек пришла, чтобы, по обычаю, быть одаренной и уйти. Несколько дней спустя они пришли к Юстину и сказали ему: «Дай нам, как давал нам покойный, и отпусти нас, чтобы мы отправились к нашему царю». Но император Юстин, как один из тех, которые были недовольны и роптали на то, что они только берут и уносят из государ[ственной казны], сказал им: «Вы ничего более не получите от государства, чтобы уйти, не принеся нам никакой пользы. От меня вы ничего не получите и уходите». Когда они стали угрожать ему, он разгневался, говоря: «Вы, мертвые псы, смеете угрожать ромейскому царству? Знайте, что я прикажу сбрить вам волосы и затем сниму вам головы». Он приказал их схватить, бросить в лодки и вывезти их из города. Их перевязали и заключили в Халкидоне, а было их около 300 мужей. Там установили войско со скрибонами и схоляриями, которые стерегли их в течение 6 месяцев. Наконец он отпустил, освободил их и, пригрозив, сказал: «Если я увижу кого-нибудь из вас здесь или во всем моем государстве, то вы не останетесь в живых». Они испугались его, ушли и больше ему не показывались. Наконец они послали ему послов, выражая дружбу, подчинение и обещая выполнить то, что он прикажет. Так они остались дружественными во все его дни. Будучи народом могучим, более богатым и сильным, чем многие северные народы, они победили и уничтожили их. На переправе большой реки, называемой Дунаем, они напали на другой могущественный народ — гепидов, уничтожили их и завладели их областью, поселились и расположились на хорошей земле. В качестве друзей они отправили послов к императору Юстиниану с хитростью. Их царь просил, чтобы он послал ему механиков и строителей, чтобы они построили ему дворец и баню. Он послал их ему, они пришли и построили ему дворец и баню. Окончив, они просили, чтобы он их отпустил и они могли вернуться домой. Но тут он обнаружил свою лживость и показал хитрость своего сердца. Он схватил их, обнажил меч, говоря: «Если вы не перекинете моста через Дунай, чтобы мы могли переходить, когда пожелаем, то ни один из вас не будет жить, я тотчас сниму ваши головы».

Когда он так принуждал их, они сказали ему: «Как можно и как когда-либо будет возможно перекинуть мост через реку, подобную морю? И даже если бы мы смогли это сделать, это было бы направлено против ромейского государства, царь которого нас бы убил. И жить ли нам или умереть, мы не можем этого сделать». Тотчас царь отрубил головы у двоих из них. Прочие испугались смерти и пообещали: «Если вы привезете нам много большого и твердого дерева, мы сделаем это вам, чтобы не быть умерщвленными». Тогда вышло много народа, и они вырубили множество твердых и больших деревьев. Под угрозой смерти от меча они постарались и перекинули весьма крепкий мост.

После 13 лет царствования скончался император Юстин, после него стал автократором победоносный Тиверий, кото-

рый был в течение 4 лет совместно с ним кесарем. Он и все государство были немало огорчены тем, что случилось в 3-й год его царствования после смерти Юстина, и всячески пытались разрушить мост, но сразу не смогли этого сделать, так как, захватив его, засели, спрашивая с него, чтобы он отдал им город Сирмиум, на этом берегу реки, чтобы им поселиться в нем, угрожая тем, что в случае отказа они будут воевать с ним и станут опустошать его государство. Но он не соглашался им подчиниться, стал собирать [войска] и следить, когда наступит время, чтобы можно было вести войну. Они построили также другой мост, чего, как говорят, никогда прежде не было; сделали они это, готовясь к плохому.

Глава 25

О народе склавенах [славянах] и о войне, которую они вели во Фракии в 3-м году царствования мирного царя Тиверия.

В 3-й год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиверия вышел проклятый народ славяне и прошли всю Элладу, области Фессалоникии и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной. Так было в течение лет 4, пока император был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток. Поэтому они расположились на этой земле, поселились на ней и широко раскинулись, пока Бог им попускал. Они уничтожали, жгли и брали в полон до самой внешней стены и захватили много тысяч царских табунов [конских] и всяких других. И до сего времени, до года 895,[49] они расположились и живут спокойно в ромейских областях, без забот и страха. Они берут в плен, убивают, сжигают, они разбогатели, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия и обучены воевать более, чем ромеи. Они люди грубые, которые не осмеливаются показываться вне лесов и защищенных деревьями [мест]. Они даже не знали, что такое оружие, за исключением двух или трех λογχάδια [копий], т. е. копья для метания [дротик].

[49] 895 г.=584 г. н. э.

Глава 26

О войне ромеев и персов у города Теллы в месяце хазиране[50] года 892.[51]

После того великого опустошения, которое было в обоих государствах — ромейском и персидском, с обеих сторон просили договориться относительно мира между двумя государствами. Договорились через посредство епископов Низибии, Решайны и прочих и через Захарию Софиста [из города] ромейской стены. Наконец осмелился один слепой марзбан персидский, который, надеясь на свое войско, гордый и славный своей храбростью, сказал царю: «Не уступай ромеям, не заключай с ними мира. Я тотчас отправлюсь, всех уничтожу, захвачу все их области и проведу в Антиохии зиму». Царь, понадеясь на его хвастовство и сам будучи гордым, пренебрег переговорами о мире. Этот марзбан, имя которого было Там-Хосров, собрал войска и выступил против Теллы-Маузалат, в которой были великие стратилаты и военачальники, достиг и осадил город. Стратилаты вышли ему навстречу, особенно же муж сильный и боеспособный, по имени Константин. За день до этого он схватил мужа, одного из их шпионов, и выспросил его: каков собой Там-Хосров, в каком именно месте войска он едет и находится. Когда он это узнал, он вышел на бой с той именно стороны и увидал марзбана среди войска. Он разогнался и с силой проник в середину персидского войска, направился против Там-Хосрова, поразил его копьем [κοντάριον — hasta], свернул и сбросил его с лошади, повернул копье, ударил и проткнул его. Но персы окружили и убили там и самого Константина, мужа христиански верующего и боеспособного. Когда персы увидали, что убит тот, на которого они надеялись больше, чем на самого царя, который хвастал, что тотчас штурмом возьмет город и поселится в нем, и что их со всех сторон окружают ромейские войска, они начали отступать; их преследовали ромеи и арабы, уничтожили и поразили многих из них, как говорят, много тысяч человек. Так как мы не знаем этого достоверно и избегаем лжи, мы не можем указать этого с точностью. Все же известно, что многие из них пали. Также говорили, будто бы у них было убито трое других начальников и была посрамлена вся их гордость. Они бежали и сначала пришли к реке, называемой Бетваши (Бебас), и жили там около 3 месяцев, ожидая возможности битвы. Но когда они не смогли устоять против ромеев, они возвратились со сра-

[50] Хазиран — июль.
[51] 892 г.=581 г. н. э.

мом в свою землю, не выполнив своего намерения, которое они имели, так как произошло все сказанное выше.

Глава 27

О Маврикии, который стал над всеми военачальниками Востока.

Это Маврикий, о котором уже была речь выше. Когда Константин патрикий, сын Германа, который был назначен над всеми военачальниками Востока, скончался, а военачальники друг другу не подчинялись, то милостивый император Тиверий послал Маврикия начальником над всеми стратилатами и ромейскими военачальниками, которые были на всем Востоке. Маврикий был с ними вместе нотарием, и потому, когда Тиверий воцарился, он его возвеличил и дал ему должность comes excubitorum. Он дал ему власть над всеми боевыми войсками назначать и отпускать и делать все, что он желает. Когда он получил это назначение, он выступил с большим войском, с экскубиторами и скрибонами, и достиг область Каппадокии, из которой он был родом, из города Арабиссуса. Из этой области он набрал много юношей, чтобы они служили [воинами], как ромеи, а также из области Ханзит армянской и из Сирии, когда он туда прибыл. Прежде всего он расположился у города Китариза, и в страхе была вся персидская земля от первых слухов о нем. Марзбан, который оберегал Персидскую Армению, когда услыхал о нем, испугался и, желая под каким-либо предлогом бежать от него, с хитростью послал сказать начальникам, засевшим в Феодосиополе: «Доколе мы будем сидеть и стеречь друг друга? Через 30 дней приготовимся к битве и ударим, чтоб знать, кто победитель и кто побежденный». Сказанное начальники послали сообщить комиту Маврикию, а он приказал, чтобы они ответили: «Мы готовы». Ромеи положились на этот ответ. Марзбан же со своим войском ночью бежал оттуда, прошел свои области, двинулся далее, перешел в ромейские пределы против Майферката и начал опустошать, сжигать, убивать и брать в плен во всей области Софанены и в области Амидской. Они достигли Амида, обложили и засели вокруг него на 3 дня, а когда увидали, что не могут его покорить, они стали просить, чтобы им дали золото выкупом за город, — и тогда они не станут жечь его окрестности. Они не поверили им, думая, что, дадут ли они или не дадут, они все равно будут жечь. На это персы разгневались и сожгли все церкви, все монастыри, богатые и бедные, и все прочее вне города, побывав всюду, а затем возвратились в свою землю поспешно,

в великом страхе перед ромеями. Комит Маврикий, когда наконец узнал об этом, разгневался, взял свое войско и отправился в Сирию, преследуя их, но не настигнув их. Ромейские войска в негодовании и гневе бросились в область Арзун, опустошали, жгли, уничтожали и брали в плен во всей области и перебрались затем в ромейские пределы, как мы об этом сообщили в предшествующем рассказе. Все пленные, которые были привезены оттуда, по приказу императора были посланы на остров Кипр и были распределены между городами и селениями и находятся там до сего времени.

Глава 28

О войне, бывшей в Армении, и о прочем, что там произошло и случилось.

Так как большинство ромеев было направлено с двумя стратилатами Иоанном и Курисом против Персидской Армении, то и персы выставили войска против них. Как мы уже сообщали ромейские войска разделились, и из них стали отдельно около 50 тысяч, гневаясь и возмущаясь, говорили: «Пока мы не получим наше жалованье полностью и нам не будет известно количество для каждого из нас, чтобы мы могли надеяться, оставаясь на наших местах, ни один из нас не выйдет в бой и мы не станем ни с кем воевать». Когда об этом узнал император Тиверий, он тотчас, без промедления, послал туда куратора, эконома дворца Хормизда, по имени Домдзолус, дал ему много золота, чтобы он их наделил, умиротворил и успокоил их и таким образом они были бы готовы к войне. В это самое время персидские марзбаны послали сказать ромейским начальникам: «Для чего мы сидим так друг против друга, как женщины? Выйдем на равнину и будем биться друг с другом». Когда услыхал об этом Курис, ромейский военачальник, как мудрый муж из числа бывших с великим Нарсесом, проделавший с ним много кампаний в ромейских областях, он послал им сказать следующее: «Нынче мы не можем биться, потому что и всего нашего войска здесь нет, но если вы пойдете на нас, то, насколько наш Бог даст нам силу, мы встретим вас». Когда народ магов получил этот ответ, они выступили с большой уверенностью, ничуть не остерегаясь и не боясь ромеев. В этот же день Курис, спокойно приготовив свое войско, всего около 20 тысяч, вышел ночью, когда на востоке еще было темно и те, беззаботно расположившись, отдыхали и спали, напал на них, как огонь, оставленный в лесу, как пламя, по-

жигающее горы.[52] Он поразил их, смутил их и уничтожил их, так что только немногие из них бежали. Многих он захватил в плен, взял также одного марзбана и его сына, ограбил весь их лагерь и вернулся с большим торжеством, при своем оружии и своих конях.

Глава 29

Об одном персидском самозванце, который выдавал себя за царского сына.

После смерти персидского царя Хосрова воцарился его сын Хормизд, и, по древнему обычаю тех, которые там воцарялись — убивать всех своих братьев, он одних из братьев убил, других ослепил. Одного же, как говорят, которого его отец желал посадить на царство, а весь их синклит презрел и не желал принять этого, как утверждают, Хосров снабдил его в дорогу и отослал еще при жизни, говоря: «Иди себе, мой сын, беги, пока я жив, чтобы тебе не быть убитым». Так как он бежал, то о нем было множество толков, в разных местах были надежды и слухи среди его соплеменников, что он существует. Один ловкий обманщик из персов, молодой юноша, появился, указывая на доводы и приводя доказательства, так что ему поверили, что он — бежавший сын Хосрова. Он пришел к ромейским военачальникам Персидской Армении и сказал им, что он желает подчиниться ромейскому государству и «если признает меня император ромейский и даст мне войско, я покорю все войска и области Персии. А брата моего Хормизда, который похитил мое царство, я привезу его связанным и предам его ромейскому императору». После того как ромейские военачальники всесторонне рассмотрели это дело, они поверили, так как многие люди свидетельствовали о нем, что он сын царя, бежавший от своего брата. Они написали императору Тиверию его слова, обо всех розысках, которые они делали о том, что находятся люди, которые его знают и свидетельствуют о нем, что он сын царя, и о том, что он ничего не имеет. Когда победоносный царь Тиверий получил и уверился во всем том, что было ему написано военачальниками, он тотчас отправил с ними много золота, серебра, много прекрасных одежд, лошадей, много мулов, чтобы почесть и одарить его. Он также приказал, чтобы ему оказывались почести во всех областях и городах, всеми судьями[53] областей, когда он будет ехать в столицу. Так и было. Со многими почестями и великой честью, как царь, он проезжал области, и еще ему было послано много подарков. Когда он достиг Халкидона, чтобы переправиться в столицу, было приказано, чтобы он подождал, так как император сам полагал рассмотреть тщательно все дело. Был некий спафарий царя персидского, который прибыл для переговоров о мире; он и те послы, которые прибыли с ним, знали его. Император приказал им отправиться к нему и посмотреть, знают ли они его и не обманщик ли он, чтобы не быть ему [императору] осмеянным. Когда они его увидели, то они его не узнали. Спафарий же, сам перс, о многом расспрашивал его, и тот не мог оправдаться. Он сидел на высоком престоле, как царь; спафарий же схватил его рукой за волосы, поднял и поверг вниз, говоря: «Ты обманщик, достойный смерти, ты сидишь на высоком престоле, а знатные царства стоят перед тобой». И он ударил его еще по шее и так раскрыл его обман, а он не мог защититься и доказать о себе правду. Император приказал, чтобы его поселили в некоем месте, но не наказал его как обманщика, он приказал выдавать содержание ему и бывшим с ним. Император не повидался с ним, но говорят, что ему выдавали более 3 кентенариев. Впоследствии он стал христианином.

[52] Ср. Пс. 82:15: «Как огонь сжигает лес, и как пламя опаляет горы...». Текст Иоанна Эфесского соответствует версии Пешитто.

[53] Судья, эгемон, как и в хронике Иешу Стилита, — высшее должностное лицо города.

Глава 30

О Сирмиуме, большом городе государства гепидов, который авары захватили силой.

Этот варварский народ, авары, собрались и захватили те два места, которые были построены, засели и угрожали войной и опустошением ромейским областям. Они послали сказать императору Тиверию: «Если ты желаешь иметь нас друзьями, отдай нам Сирмиум, чтобы мы поселились в нем по твоему согласию; если же нет, то мы возьмем его вопреки твоей воле и будем твоими врагами». Император же отделался от них словами и разными обещаниями, никак не желая отдать им город, а сам тайно послал посольство к лангобардскому народу и к другим народам, чтобы их раздражить и поднять в тылу против них. Когда те стали принуждать его, чтобы он выразил свою волю, он послал к ним Нарсеса, великого спафария государства, чтобы переговорить с ними и задержать их. Нарсес взял с собою много золота — своего и государственного, а ему было тайно приказано не спешить с приездом, чтобы, когда придут те народы, принять их и ударить вместе [на аваров] и, если возможно, уничтожить их. А [аварам] послали сказать:

«Вот мы посылаем именитого Нарсеса, нашего спафария, который приедет, переговорит и заключит с вами мир».

Глава 31

О путешествии спафария Нарсеса.

Славный спафарий Нарсес выехал из столицы с большой пышностью, многочисленным войском, изобилием золота и различными одеждами. Много кораблей было наполнено всяким имуществом и направлено в путь через опасное море Понт. Один корабль с множеством золота и всего прочего, с одним из магистров и прочими евнухами, которые сидели на нем для того, чтобы оберегать то, что было на корабле, в первый же день своего пути потонул. Нарсес узнал об этом, после того как вступил из моря в устье реки Дуная, и от беспокойства впал в тяжкую болезнь. После горьких мучений через некоторое время его постиг конец, и он мучительно умер. Пропали все его [замыслы], и ничто из них не было выполнено. Все остальное множество оставшегося после него имущества вернули с трудом.

Глава 32

О том, что не произошло того, на что надеялись, и город Сирмиум был отдан этим варварам.

Так как Нарсес ничего не выполнил, а те народы [лангобарды] не пришли, то император был вынужден послать другого человека, по имени Калистерий, епарха претория,[54] к аварам. Он отправился и сдал им город, так как он считал, что это лучше, чем если он будет взят с боя и силой, после 2 лет притеснений и такого тяжкого голода, что после всех животных и всякой живности ели даже кошек и тому подобное, и горькой нужде, которая была не меньшей, чем бывшая в Самарии, как поучают нас Писания. Говорили также о жалости, которую выказывали эти варвары к людям, измученным таким голодом, которая была удивительна и служила обличением для христиан, которые не жалеют своих товарищей и не имеют милости к своей плоти. Потому что, когда они вошли в город и увидали смертельные мучения народа, который в нем был, они

[54] Praefectus praetorii.

пожалели их и дали хлеба для еды и вина для питья. Но так как они были истощены голодом в течение долгих 2 лет, они жадно ели и тотчас внезапно умирали. Те, что были в живых, удалились и ушли из города, а варвары взяли город и поселились в нем.

Глава 33

О происшедшем затем пожаре в Сирмиуме.

Как говорят, после того как варвары захватили христианский город и прожили в нем около года, один Бог знает, каким образом напал огонь на город Сирмиум и внезапно весь его разрушил и сжег. А так как варвары не знали, как его прекратить и затушить, они все бежали ни с чем и покинули его, так что он весь сгорел и разрушился. Многое было бы достойно упоминания в рассказе о нем, но по пространности многих рассказов мы большинство оставили в стороне.

Глава 34

О перечислении многих сражений, о битве комита Маврикия и о пленении Арзуна.

О том, что случилось в предшествовавших битвах, мы пытались тщательно проследить и кратко сообщить. Мы описали также бой славного патрикия Маркиана против Низибии и что там случилось, затем о переходе Хосрова с его войсками в пределы ромейские, о покорении Дары, а также и города Апамеи и о прочем. Затем [мы рассказали] о поездке победоносного Маврикия на восток с большим торжеством, о страхе, который напал на народ магов, и как они надеялись обойти их; они украдкой перешли в ромейские пределы со стороны Майферката, пожгли и прошли с большим страхом в 15 дней в область Софены и подошли к Амиду. Видя, что они не могут покорить город, с варварским гневом они развели огонь и сожгли все окрестности, церкви, монастыри и прочее. Забрав добычу, они спешно возвратились в свою страну. [Мы рассказали] также, как об этом узнал комит Маврикий, пришел в жестокий гнев, бросился преследовать их, но не настиг их, и как он спешно повернул на область Арзун, сжег, разрушил, взял в плен и увел все население Арзуна. Тех, которых он не убил, он привел в ромейскую землю, и все они были посланы на остров Кипр. Он осаждал там крепости и захватил одну, по имени Пум, и

посадил в нее ромейское войско. В другой крепости, по имени Климар, где персы ему противились, он взял выкуп и оставил ее. Они находились там друг против друга, но они заключили соглашение, отдавали и брали друг у друга без страха.

Глава 35

О другой крепости, по имени Шамкерт, которую построил Маврикий против Софены.

Комит Маврикий также постарался и построил крепость на высокой и мощной горе Шамкерт, по которой и эта крепость была названа Шамкерт. Он установил в ней ромейский [гарнизон], определил ему анноны и всячески снабдил. Этот Шамкерт находился на ромейской земле. Он предоставил ее постройку механику и заканчивал ее, будучи сам в персидской земле.

Глава 36

О другой крепости, называемой Акба, которая находится на [реке] Деклат в персидской земле.

На берегу реки Деклат, на границе против Майферката, находится крутая гора, на которой с отдаленных времен злонравный народ магов предполагал построить крепость. Но так как между ромеями и персами был договор, что в таком-то количестве миль от границы ни те, ни другие не имеют права строить, ромеи им противились и не давали им возможности строить, и в течение долгого времени они начинали строить и прекращали. Но еще до того времени, о котором мы сообщаем, персы нашли возможность, построили крепость и засели в ней. Через несколько лет поднялись против нее ромейские войска и обложили ее под началом стратилата, по имени Аулус. В течение долгого времени она была окружена и в осаде, так что голод и жажда измучили тех, что находились в ней, и они были близки к тому, чтобы кончить жизнь. Когда они увидали, что больше не могут терпеть, они просили дать им слово, что их не убьют, не схватят, не возьмут в плен и не увезут в пределы ромейские, тогда и они сдадут им крепость и выйдут из нее. Вожди так сделали и дали им слово. Они открыли [ворота] и вышли все из нее. Когда они вышли и нашли воду, то стали пить ее, но упали и тотчас умерли, так что только немногие из них вышли и смогли уйти. Стратилат же и его войско поднялись и разрушили всю крепость и не оставили камня на камне,

не свернув его и не сбросив вниз с горы. Также и другие начальники и множество войска собрались туда, засели в разных местах и наблюдали друг за другом.

Глава 37

О персидских послах, которые были посланы в это время к нашему ромейскому императору.

В это время, когда была захвачена Акба, был год 894,[55] и были посланы к нашему ромейскому императору персидские послы и начали переговоры о мире. Послы были отпущены с любовью и начали посылать...[56]

---

[55] 894 г.=583 г. н. э.

[56] На этом текст последней, шестой, книги «Истории» Иоанна Эфесского обрывается.

ХРОНИКА ЗАХАРИИ РИТОРА

Перевод выполнен по изданию: Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta / Ed. E. W. Brooks. Parisiis; Lovanii, 1919—1924. T. 1—2 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 5—6).

КНИГА 7

Книга 7 в 15 содержащихся в ней главах сообщает о том, что случилось в царствование Анастасия: в 1-й главе — о начале царствования и о том, как был изгнан епископ Евфимий; во 2-й главе — о восставших исаврийцах и о том, как возглавлявшие их тираны были схвачены и убиты; в 3-й главе — о городах Феодосиополе и Амиде, которые были взяты; 4-я — о том, как был захвачен город Амид; 5-я — о голоде, бывшем в нем, и как вышли из него персы; 6-я — как был построен город Дара; 7-я — об уходе Македония, изгнанного из Константинополя; 8-я — послание пресвитера Симеона, сообщающее о его уходе; 9-я — о Тимофее, бывшем после него, и как в его дни в Константинополе проповедовали «распныйся за ны»; 10-я — о соборе, бывшем в Сидоне, в дни епископа Флавиана и Ксенайи, в 5-м году, т. е. в 823 г. греков; 11-я — о петиции [δεήσεως], поданной Синоду восточными монахами и Кузьмой Антиохийским; 12-я — о бывшем в Тире в дни Севера и Ксенайи соборе, который с большим дерзновением [παῤῥησία] проклял Халкидонский собор и томос Льва; 13-я — о смерти царицы Ариадны и о тиране Виталиане, взявшем в битве Ипатия; 14-я — о смерти Тимофея и бывшем после него Иоанне, о бесах, вошедших в египтян, александрийцев и арабов, когда они пришли на праздник освящения в Иерусалим, и лаявших на крест и затем вышедших; 15-я — о том, кто были епископами в дни императора Анастасия. Анастасий умер в 829 г. греков в Олимпиаду 324-ю.

Глава 1

сообщает о царствовании самодержца Анастасия, воцарившегося после Зенона, и о тамошнем епископе Евфимии, который был изгнан.

После того как Зенон процарствовал 17 лет, как об этом написано выше, в 6-й книге, в ее главах, он умер в 317-ю Олимпиаду, в год 802 греческого счисления, в индиктион 14-й, в среду Великой недели, и воцарился Анастасий, бывший декурионом и силенциарием. Этот муж был из города Дуркана,[1] мужественного вида, здоровый духом и верующий. Когда он служил, он имел влияние[2] на царицу Ариадну; она пожелала и согласилась на его воцарение. За несколько дней до его воцарения один муж, по имени Иоанн Схоластик, брат Дита из Амида, человек твердый, верный, богобоязненный, далекий от зла и по свободной воле прилежный в служении, схоластик церкви, бывший в Константинополе — в посольстве [πρεσβείας], по поводу своего города имел видение однажды и во второй раз, что воцарится силенциарий Анастасий. Он призвал его и сказал ему: «За широту, добродетель и красоту твоей души, чтобы ты исполнил благую волю Божью, если ты будешь кротким, спокойным, смиренным, справедливым и покажешь себя для всех спокойным и снисходительным, для пользы всех людей, твоих родственников, и не потому, чтобы я нуждался в тебе или льстил, я открою тебе, что ты скоро воцаришься». Так как этот Иоанн был знаменит, был почитаем за свои качества, а также был известен многим, потому что он был красноречив, Анастасий поверил ему, присоединился и был постоянно с ним во время церковных служб. Случилось, что, когда он воцарился, он пожелал выразить благодарность и показать расположение подарками, которые желательны и приятны людям. Но Иоанн ничего из них не принял, но тотчас покинул город и вернулся в свою землю. Ему было достаточно документов [=хартий], сделанных ему Зеноном, и только для того, чтобы они были приняты, он взял подтверждение от Анастасия...

[Конец главы опускаю.]

[1] Диррахиума.
[2] Буквально: «дерзновение».

Глава 2

сообщающая нам о восставших исаврийцах.

Исаврийцы процветали в дни Зенона, который бежал от тиранов Василиска и Марка и скрылся [найдя] убежище в тамошней [разумеется, исаврийской] крепости, называемой Салимон. В дни Зенона они пользовались влиянием в государстве, так как он был им признателен и удостаивал их от себя всякого рода милостями, но они не были благодарны. Они возгордились и стали хитрыми, а когда воцарился Анастасий, они подняли против него восстание, поставили себе тиранов, а начальников, посланных Анастасием, не приняли. Они не только не согласились платить ему подать, но и подняли соседние епархии. Когда заявления и прошения на них были представлены императору, он, вооружив, послал войска против них. В войне исаврийцы были побеждены, оказались слабыми, были подчинены, а тираны были убиты.

Земля потряслась. Налетела саранча на Ароб в Месопотамии, и случился в 9-м году голод, о котором написал рассказ Иаков, учитель Батнский, в 11-м году Анастасия. Многие [жители] Ароба[3] умерли в Амиде, куда они бежали, и во всех других местах.

Глава 3

сообщающая о Феодосиополе в Армении, который был взят, и об Амиде, городе в Месопотамии.[4]

Когда Пероз, царь персидских пределов, воцарился в своей земле в 13-м году Анастасия, гунны вышли через «ворота», которые охранялись персами, и через тамошние горные места достигли персидских пределов. Пероз испугался, собрал войско и вышел им навстречу. Когда он осведомился у них о причине их вторжения и прихода в его страну, они сказали ему: «Нам недостаточно того, что дает нам персидское государство, как бы подать людям-варварам, которые, подобно злосчастным зверям, изгнаны Богом в северо-западную страну. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей. Император ромейский через послов, которых он прислал, обещал нам умножить подать, если мы разорвем дружбу с вами, персами. Поэтому мы запаслись и приготовились в путь. Или дайте нам, сколько [дают] ромеи, и мы утвердим с вами союз, или, если вы нам не дадите, принимайте войну». Когда Пероз узнал намерения гуннов, хотя их было и много меньше, чем его войско, он пожелал солгать и обмануть их и пообещал, что даст им [подать]. Собралось 400 мужей из гуннских начальников, а с ними был Евстафий, купец апамейский, муж лукавый, с которым они советовались. Собрался также Пероз с 400 мужей, поднялись на гору, установили договор, ели друг с другом и поклялись, простирая руки к небу. Немногие [из гуннов] остались с 400 мужей, чтобы взять какое-то количество собранной подати. Прочие же гунны были отпущены, чтобы они отправились в свою землю. Дней через 10 Пероз нарушил [договор] и приготовился к войне как против гуннов, которые рассеялись, так и против тех 400, которые остались, и тех, что были с ними. Евстафий же купец укреплял гуннов, чтобы они

[3] Э. Брукс (Versio latina. T. 2. P. 40) ошибочно полагает, что речь идет о кочевниках арабах; подразумеваются здесь жители Ароба вообще.

[4] Главы 3, 4, 5 и 6 7-й книги Захарии Ритора были привлечены мною в исследовании: *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.; Л., 1940 (ТИВАН. Т. 31).

не боялись, хоть их и много меньше [персов]. На месте, где были принесены клятвы, на пылающие угли они вылили мускус и ароматы и принесли их Богу, по совету Евстафия, чтобы победить лжецов. Они начали битву с Перозом, убили его и множество его войска, полонили персидские области и возвратились в свою землю. Труп Пероза не был найден, а в своей земле его прозвали лжецом.

Воцарившийся после него Кавад и его знатные были в гневе на ромеев и говорили, что приход гуннов, полон и разорение их земли вызваны ими. Кавад собрал войско и выступил на Феодосиополь, что в ромейской Армении, и осадил этот город. С его жителями он обошелся милостиво, потому что они его не поносили, но он захватил Константина, начальника их города. В месяце тешри он достиг Амида в Месопотамии. Непрерывными ударами острых стрел лука и баллистами били в стену, чтобы она упала. Кожаные покрышки предохраняли тех, что собирали, складывали насыпь[5] и равняли ее в высоту со стеной. Но в течение 3 месяцев, изо дня в день в бою, он не взял города, тогда как бывшему с ним народу досталось много тяжелого в труде и битве, а он собственными ушами слышал ругательства со стены от людей нерегулярных,[6] их издевательства и насмешки. Он пришел в большое огорчение, был в досаде и раздражении, что наступила суровая зима и что персы, затрудненные своими одеждами,[7] показали себя слабыми, а их луки весьма ослабели от влажности воздуха. Их баллисты не повредили стены и не сделали в ней пролома, потому что те [амидяне] прикрепили к зубцам матрацы постелей цепями и на них принимали удары баллист, препятствуя им пробить стену. Из толщи насыпи они [амидяне], пробив стену, выносили землю оттуда и подпирали деревом впадину снизу. Когда на насыпь поднялись вооруженные, отборные мужи — персы, они приставили стволы к стене, чтобы взойти. Были также и вооруженные, а со стороны приблизились царь и его войско и помогали им оружием, метанием стрел, ободряли криком, а он поддерживал и пособлял им своей близостью и присутствием. Было их около 500 мужей. [Осажденные] со стены сбросили на дерево шкуры, только что снятые с быков, и греческое сено, пропитанное нефтью, вылили по шкурам сок греческого сена, чтобы сделать их скользкими, и развели огонь во впадине над насыпью. После того как они бились друг с другом часов 6 и

[5] Mutus, как у Прокопия λόφος.

[6] Люди, не принадлежавшие к регулярному войску.

[7] Одетые в шарбала — длинное широкое одеяние.

[персам] воспрепятствовали войти, огонь разгорелся и сжег деревья впадины, и тотчас разрушилась остальная толща от воздействия огня, насыпь подломилась и упала. Бывшие на ней персы погорели и были побиты камнями тех, что находились на стене. Царь повернул со стыдом и горечью, еще более осмеянный и пристыженный нахальными, гордыми и хвастливыми людьми, так как в городе не было епископа, который бы их наставил и установил порядок. За несколько дней до этого умер епископ Иоханан, муж скромный, славный и добродетельный. Он был призван из монастыря Картаминского, пришел, будучи избран, и стал епископом, но своего поста, аскетического образа жизни он не изменил, а был тверд в его выполнении днем и ночью. Богатых города он предупреждал и уговаривал, говоря, что в дни голода и нападения арабов и чумы не следует хитрить с зерном в бедственное время, но продавать и давать нуждающимся, чтобы, удерживая его, они не сберегли его врагу, по слову Писания, что и случилось на деле. Ему явно явился ангел, который стоял со стороны жертвенного стола и предварил его о приходе врагов и о том, что он, как муж праведный, уйдет до прихода врагов. Он открыл это слово, сообщив его перед городским народом, чтобы тот обратился и спасся от гнева.

Глава 4

сообщает, как был взят город Амид и что случилось с его жителями.

Когда различные нападения Кавада и его войска, которые они совершали на город, не удались, а многие из его воинов умерли, у него опустились руки; тогда он попросил, чтобы ему было дано небольшое количество серебра, и он уйдет от города. Но Леонтий бар Паппий, глава сенаторов, эгемон Кир и Павел бар Зайнаб, казначей, через тех, что они послали к Каваду, спросили с него стоимость насаждений садов, которые поели его войска, и за прочее зерно и вино, собранное и увезенное ими из деревень. Он был этим весьма угнетен и уже был готов со стыдом удалиться, когда, как он рассказывал впоследствии, ему явился в ночном видении Христос и сказал ему, что через 3 дня он предаст ему жителей города за то, что они согрешили против него. Случилось это следующим образом. С западной стороны города, у Трипиргия, стража была из монахов, поставленных из монастыря Иоанна Ортайского, настоятелем которого был перс. Против этой башни, которую они

стерегли, снаружи расположился некий марзбан канарак,[8] хромой. Он был осторожен, ухищряясь, как бы взять город. Человек некий, которого звали в городе Кутрига [Котрига], муж охотников, вздорный и вор, он всяческим образом сильно раздражал персов, осмеливался захватывать у них скот и имущество, так что и они, как они обычно слышали, что его зовут находящиеся на стене, стали звать его Кутрига. Его-то и заметил канарак и понял, что из водопроводов, связанных с Трипиргием, он выходил, хватал то, что надо, и уходил. Персы и в этот раз допустили, чтобы он выполнил свою волю; различая и рассматривая его действия, они последовали за ним и высмотрели, откуда он выходит и входит.

Случилось, что в ту ночь, когда был взят город, были мрак и темнота от облаков и моросил мелкий дождь. Монахам, стерегшим Трипиргий, кто-то по дружбе устроил угощение, напоил вином поздним вечером, поэтому их одолел сон, и они не бодрствовали на страже так тщательно, как обычно. Следуя за Кутригой, канарак с немногими из его войска приблизился к стене, но монахи не стали кричать и не бросали камней, так что этот муж понял, что они спят, и послал за лестницами и за войском. Те, что были с ним, вошли в водопровод, поднялись на башню монахов и убили их, захватили башню и вал, повесили лестницы на стену и послали к царю. Когда соседи, сторожившие другую башню, это услыхали, они закричали и хотели прийти к монахам, которых убивали, но не смогли, и некоторые из них были поражены стрелами персов и умерли. Когда эгемон Кир услыхал это известие и прибыл, его сопровождали факелы, и поражены были стрелами те, что несли факелы, и он был легко ранен стрелой персами, стоявшими в темноте, так что их не могли поразить метавшие срелы. Раненый [Кир] удалился. Когда наступило утро, царь и войско прибыли на место. Лестницы повесили на стену, и [царь] приказал войску подняться. Многие из тех, которые поднялись, умерли, пораженные стрелами, камнями и дротиками. Те, что из страха поворачивали обратно с лестниц и спускались, по приказу царя были убиты как трусы и бежавшие с битвы. Поэтому персы осмелели и жертвовали собою, чтобы или торжествовать как победители и покорители города, или чтобы быть ранеными в битве и не быть обвиненными их царем и убитыми. Сам он находился близко и был зрителем их битвы. Жители города захотели разрушить снизу сводчатые арки башни, на которой были персы. Они начали разрушать подпорки. Но пока это

[8] Канарак — звание персидского военачальника.

происходило, была взята другая башня, а затем еще одна, и защищавшие стену были убиты.

Петр, видный муж, геройски один удерживал вал с одной стороны. Он был одет в железные доспехи и не давал персам взойти, а тех, что нападали снаружи и изнутри, он поражал и сбрасывал копьем. Он сопротивлялся и стоял, как герой, пока с другой стороны не было захвачено 5 или 6 башен; наконец, бежал и он и не был убит. Сначала персы взяли всю стену и захватили ее; они убивали и поражали стерегших [в течение] ночи и дня и еще одной ночи. Затем они спустились, открыли ворота, и вошло войско с приказом царя вырезать всех, всякого возраста и положения, мужчин и женщин, в течение 3 дней и 3 ночей. Одну церковь, называемую великой, 40 мучеников, переполненную народом, выпросил у царя и спас один христианский царек из земли Аран. После 3 ночей и дней резня была прекращена по приказу царя, и вошли мужи, чтобы оберегать сокровища церкви и богатых города, чтобы то, что там найдется, принадлежало царю. Он также приказал, чтобы трупы убитых на улицах и распятых были собраны и отправлены в северную [часть] города, чтобы мог въехать царь, находившийся вне, с южной стороны. [Трупы их] собрали и, вынося, сосчитали, 80 000 было их, кроме тех, что сложили в лавках, брошенных в водопроводах и оставленных во дворах.

Затем царь вошел в сокровищницу церкви, увидав там изображение Господа нашего Иисуса, нарисованного в виде галилеянина, он спросил — чье оно. Ему сказали, что оно Бога назореев. Он склонил свою голову перед ним и сказал: «Этот сказал мне, подожди и возьми у меня город и его жителей, согрешивших передо мной». Он взял много серебра, святых сосудов и золота, драгоценные одежды, доставшиеся незадолго перед тем церкви по наследству от ипата, Айсехака бар Барайя, богатого мужа города. Он нашел там и прекрасное вино, засохшее в отстой; его выносили и держали на солнце в течение 7 лет, и наконец оно высыхало. Его брали экономы, когда бывали в дороге, клали в маленькие чистые полотняные мешочки и бросали его немного в питье и пили. Оно имело сладость и вкус вина. Незнающим они говорили, что это «хенана».[9] Царь этому весьма удивился и взял это вино. С того времени прекратилось чревоугодие церковников.

[9] Благодать, милосердие. Порошок, изготовлявшийся как благодатная пища, лепешки с медом и с землей с могилы мучеников тоже называются у сирийцев «хенана».

Золото, серебро, красивые одежды были собраны из домов богатых и были отданы казначеям царя. Сняли и все статуи города, часы, мрамор, собрали бронзу и все, что хотели, сложили в лодки из дерева, которые они сделали, и отправили по реке Деклат [Тигр], который протекает на востоке города и течет в их землю. Царь спросил старшин города и его управителей, и к нему привели Леонта, Кира эгемона, который был поражен стрелой, и прочих знатных. Павла же бар Зайнаба, казначея, персы убили, потому что они нашли у него много золота и боялись, чтобы он не открыл этого царю. Леонта же и Кира одели в грязные одежды, набросили им на шеи свиные веревки, навьючили на них свиней и тащили их, возвещая и провозглашая о них, говоря: «Правители, которые нехорошо управляют своим городом и не удерживают народ, чтобы он не оскорблял царя, достойны подобного издевательства».

Затем их связали. Собрали богачей, всех глав ремесленников [=мастеров]; они были отделены как пленные царя и были отосланы в его землю с войском, которое их повело. Известные люди из войска царя приблизились и сказали ему: «Наши близкие и братья убиты в бою жителями города», и они просили его, чтобы он выдал им каждого десятого из мужей для удовлетворения мести. Собрали, посчитали и дали им из простого народа; они умертвили их, убивая их всякими способами.

Царь купался в бане Павла бар Зайнаба и после зимы покинул город, оставив в нем военачальника Эглона [Глона], двух марзбанов и около 3 тысяч войска, чтобы оберегать город, а Иоханана бар Хабалаха, из богатых, и Саргиса бар Забдони, чтобы управлять им. Затем летом прибыли ромеи и военачальники: великий стратиг Патрикий, муж старый, прямой, верующий, но малого разума; Ипатий, магистр Келер и, наконец, Ареобинд. С ними был и комит Юстин, тот, который воцарился после Анастасия. Они собрались и обложили город, устроили башни из дерева, подкопы, всякие машины, подожгли ворота города, называемые храмом мар Зеоры, чтобы проникнуть к персам. Но им препятствовало то, что они отдыхали, и они не вошли, потому что персы их заперли. Ромеи не захватили города и не отобрали его у них с боем, хотя люди, находившиеся в нем, были измучены повседневным голодом до того, что ели друг друга. Хотя это и ужасное сообщение, но достопамятно, так как оно истинно, как я расскажу еще в этой 5-й главе той же книги.

Глава 5

которая сообщает о голоде, бывшем при взятии Амида, как из него вышли персы и отправились в свою землю.

Царь Кавад, как было сказано, когда он отправился со своим войском из Амида в свою землю, он оставил в нем мужа Глона, военачальника, двух марзбанов и около 3 тысяч войска, чтобы оберегать город, двух, трех богачей и частных людей. Между тем эти ромейские военачальники не смогли вять город и захватить его. Но Патрикий отправился в Арзун персидский, захватил пленных и взял в нем крепости, а Ареобинд и Ипатий — к Низибии, но они не взяли ее и показали себя слабыми в битве, хотя жители города и были расположены к ромеям. Когда услыхал [об этом] царь Кавад, он с войском пошел на ромеев, а они бежали от него, оставив свои палатки и бывшее с ними имущество, Ареобинд из Арзама,[10] что у Ападны, а из крепости Теллы Ипатий, Патрикий и другие. Они потеряли много лошадей и бывших на них всадников, которые упали со скал гор, разбились, умерли или покалечились. Один только Фарзман, муж воинственный, имел успех в боях известное время; он был славен, и персы его боялись; его имя ужасало их, его дела уничтожали их и сокращали их [численно]; перед ним они оказались трусами и пали. Этот под конец пришел с 500 всадников к Амиду и подстерегал персов, выходивших в деревню, некоторых из них убивал и забирал бывший с ними скот и лошадей. Явился к нему один хитрый муж, по имени Гадона, из селения Акхара, я знал его, и заключил с ним соглашение, что он ухитрится под каким-нибудь предлогом вывести ему Глона, военачальника персов, с 300 или 400 всадников. Был же муж этот, упомянутый Гадона, охотником на лесных зверей, дичь и на рыбу. Он имел обыкновение свободно входить к Глону, держа в руках подарок для этого мужа с охоты, ел перед ним хлеб и получал от него что-нибудь из города, равное по цене. Наконец он сказал ему: «Ромеи, около 100 мужей и 500 лошадей, пасут [скот] в 7 милях от города, в месте, называемом Афта». Как друг, он посоветовал ему выйти и захватить скот, убив ромеев, и составить себе имя. Тот послал лазутчиков, которые увидали немногих ромеев, а также лошадей; они вернулись и сообщили ему. Он приготовился, взял с собою 400 человек всадников и этого Гадону на муле. Он привел его, оставил посреди стражи ромеев, в их засаде,

[10] *Procopius.* De bello persico, I, 8, 10.

и так вырезали ромеи персов, а голову Глона послали в Теллу. Это вызвало огорчение, гнев, опасения у сына Глона и бывших там марзбанов. Они не давали жителям, оказавшимся запертыми в городе, выходить на базар, который собирался со стороны стены. Крестьяне из деревень приносили вино, пшеницу и другие плоды и продавали их персам и горожанам. К ним присоединялись всадники, счетом принимали их и вводили. По прекрасному закону персов никто не смел отнять что-нибудь у деревенских, и они продавали, как хотели, за плату и вещи из города. Собирались они на базар охотно. Базар прекратился из-за убийства Глона и его всадников. Богатые, оставшиеся в городе, были схвачены и около 10 тысяч мужчин были заключены в стадион. Их стерегли, и у них не было съестного. Они ели грязь и свой кал, пили свою мочу и, наконец, бросились друг на друга. Когда они почти [все] погибли, то были отпущены, как мертвые из гробов, в город, те, что оставались еще в стадионе. Голодные женщины, находившиеся там, шайками забирали некоторых из мужчин прельщением, хитростью, обманом; они подстерегали их, убивали и поедали их. Больше 500 мужчин было съедено жнщинами. Ужас великого голода, бывшего в этом городе, превзошел взятие Самарии и разрушение Иерусалима, о которых писано в Писании и сообщено Иосифом.

Наконец к городу явился Фарзман и заключил договор с находившимися в нем персами, также ослабевшими. Сели начальники ромейские и персидские у ворот города, и персы выходили, неся на себе, что могли, и их не обыскивали. Если к ним присоединялся кто-нибудь из горожан, то их спрашивали, желают ли они остаться или хотят уйти с персами; таким образом выходили из города. Каваду через магистра Келера было дано 11 кентенариев золота за освобождение города и за мир. Когда была составлена грамота, список ее представили царю, чтобы он приложил руку. Царь спал, и ему было сказано в видении, чтобы он не заключал мира. Когда он проснулся, он разорвал хартию и, забрав золото, удалился в свою землю.

Фарзман остался в городе и управлял его жителями и областью. От императора было дано освобождение от налогов на 7 лет, и в отношении жителей города император проявил милосердие, а тех, что возвращались из плена, удостаивали щедро подарками и принимали миролюбиво, каждого по его положению. Город успокоился и заселился, к стене были добавлены строения. В город был послан муж спокойный и мягкий, Фома монах, советник, милосердный епископ, по совету

Дайата.[11] Также промысл Божий призвал и привел туда праведного Самуила из монастыря Катарра, мужа чудотворца и узоразрушителя, поддерживавшего город своей молитвой и помогавшего его жителям.

Глава 6

о селении Дара в Месопотамии, как оно было построено на границе ромеев с персами, в дни императора Анастасия и Фомы, епископа города Амид

Стратигам и военачальникам ромейским, прибывшим в столицу после боев на войне с персами, император Анастасий предъявил немало обвинений, что они, вопреки его желанию, соответственно нашему Господу, не были счастливы и не преуспели в войне, не победили персов и даже выгнали их из Амида только подарками и золотом, посланными им. Они защищались, говоря, что трудно стратигам воевать с царем, что хотя, по слову Божию, он ассириец и враг, но послан Господом в ромейскую землю в наказание за грехи, и что с ним было множество войска. Также не было им легко взять Низибию, ввиду ее дальности, так как у них не было подготовленных машин или убежища для отдыха, что крепости отдаленны, малы, чтобы вместить войско, и в них недостаточно воды и прочих продуктов. Они стали просить его [императора], чтобы был построен по его приказу город со стороны гор, как убежище для войска, для его отдыха, для подготовки оружия и для защиты области Арабайи от разбойников, персидских и арабских. Одни говорили ему относительно Дары, другие об Амудине. Он послал к Фоме, епископу Амида, который отправил механика, изготовил план, с которым этот святой Фома направил его к императору. В глазах императора и знатных казалось хорошо отстроить Дару в качестве города. В то время дуксом был Филициссимус, муж могучий и мудрый, не был одержим сребролюбием, но был прям и любил крестьян и бедных. Царь Кавад воевал с Тимурайе и с другими врагами своей земли.

Император дал золото епископу Фоме, стоимость селения, принадлежавшего церкви, и купил его для казны. Всех присельников, бывших в нем, он освободил и утвердил каждому его землю и его двор. На постройку церкви в городе он дал известное количество кентенариев золота и обещал с клятвой,

[11] См.: Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori... 12, 7 (T. 2. P. 202); Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor in deutscher Übersetzung von K. Ahrens und G. Krüger. Leipzig, 1899. S. 251.

что все, что потратит епископ, он отдаст щедрой рукой, не оспаривая. Наконец, он составил грамоту бесспорную и без ограничений, по слову епископа, что этот город должен быть тотчас построен. Ремесленники, рабы[12] и крестьяне, занятые там собиранием материала, имели достаток и были благополучны. Он послал много каменотесов и каменщиков и приказал, чтобы никто не был обижен в оценке труда, так как он ясно понимал и хитро уразумел, что при этом условии он сможет быстро построить город на границе. Когда они достигли этого с помощью нашего Господа и начали, то там были надсмотрщиками и блюстителями над работами Кир Адон и Евтихиан, священники, Пафнутий, Саргис и Иоханан, дьяконы, и прочие из амидского клира. Часто находился там и епископ и наблюдал. Золото давалось в изобилии, без какого-либо ущерба для ремесленников и всякого рода работников. Так, получал работающий за день до 4 кератионов, а если с ним был осел, — и до 8. От этого приобрели и разбогатели многие. Когда стало известно, что это дело прямое и что мзда выдается, с востока до моря собрались [работники] крестьянство и ремесленники. Надсмотрщики над работой также получали хорошо, и наполнялись их карманы, так что они находили мужа [епископа] благосклонным, спокойным, ласковым, равно доверяющим императору и обещанному им ему. В два, три года город был построен; так сказать, внезапно вырос на границе. Когда Кавад услыхал об этом, он хотел его разрушить, но не смог, потому что поставлена и отстроена был стена как защита для спасающихся за ней. Были построены большие бани, прекрасная житница, акведук, идущий с края горы, удивительная цистерна в середине города, принимавшая воду. Часто приходили контролеры от императора к епископу и все приносили хорошие сведения о его справедливости и праведности. Он был весьма благодарен этому мужу и посылал золото в ответ на его запрос и соглашался без возражений. Под конец кентенарии, которые он посылал, были сосчитаны, а епископ написал и послал царю, что он говорит, как перед Богом, что тратил на работу, что он ничего не оставил в своих руках и не передал своей церкви. Тотчас тот послал ему грамоту, что казна приняла при строительстве, что было в городе, все то золото, которое было послано от него, и она наполнилась. Дара была названа по имени верного императора Анастасиополем, и он поклялся своим венцом, что не будет логотесии [взиматься] с

[12] Э. Брукс полагает, что упоминание рабов здесь совершенно невозможно (Versio latina. T. 2. P. 24, note 11).

Фомы и его церкви ни им, ни теми, что станут императорами после него. Там он поставил и посвятил первым епископом священника Евтихиана, мужа усердного и опытного в делах, и дал законную самостоятельность его церкви от власти церкви Амида. К нему присоединился Иоханан, скромный муж, ромей из Амида. Его-то и постриг Евтихиан, сделал его священником и ксенодохарием, а когда тот отправился в столицу, он был с ним. Когда он повидался с императором, тот дал имущество его церкви. Но Абрахам бар Кайли из Тельбнаде был в то время нотарием. Бар Афрем из Теллы присоединился к Евтихиану епископу, и тот сделал его священником. Он был послан надсмотрщиком над работой и строительством бань, а затем стал экономом церкви. Император дал Евтихиану в подарок священные сосуды и золото для постройки большой церкви, чтобы ее построить в городе, и отпустил его. Епископ пожил недолгое время и умер. После него были там Фома бар Абдона из Решайна, который был ромеем и был экономом церкви Амида, и он был опытным и усердным в делах. Его поверенным и другом был тот Иоханан ксенодохарий, бывший мужем верным и скромным. Когда смиренный Фома покинул свой престол из-за ревности к вере, к нему присоединился этот верующий Иоханан, которого он сделал хорепископом. Он был около 17 лет на чужбине, в разных местах, но правде своей он не изменил и умер в 3-й [год], когда Хосров отправился в Антиохию. Он сошелся с монахами, которые ушли из Марде от врагов, был погребен в монастыре Бет-Тирай и был положен с епископом, умершим перед тем.

Глава 13

сообщающая о смерти царицы Ариадны, как появился тиран Виталиан, который в битве захватил Ипатия.

Царица Ариадна, жена Зенона, после смерти своего мужа сошлась с Анастасием и воцарила его; в состоянии второго брака она управляла государством известное количество лет, около 40, и умерла в 824 г. греков.[13] Муж ее остался, оберегая истину святости, и так вошел в года, заботясь о делах своей державы. Он был в беспокойстве и заботе из-за Виталиана, человека гота, мужа стратига, воинственного, сильного, смелого и искусного в бою. К этому дикарю присоединились многие, и

[13] 824 г. = 824–311=513 г. н. э.

он щедрой рукой раздавал им золото, а тем, от которых отнимали властью Анастасия, он его вновь давал. Хотя долгое время и был в согласии с императором, Виталиан лгал, он восстал, вредил ромейской державе, оскорблял и уничижал царскую [власть]. До предместий Константинополя он не побоялся самовольно достигнуть с боем. Однажды против него были посланы Анастасием войска, а Ипатий во главе их; они были им уничтожены, а Ипатий был захвачен. Он очень унизил его, презрел, заперев его в свиной хлев; он возил его среди войска с большим позором. В свое время Ипатий схватил жену Виталиана и изнасиловал ее. Это горе возбудило последнего против него, ибо этот Ипатий в расцвете молодости был плотским и сладострастен к женщинам. Под конец большим количеством золота, посланного за него, он был выкуплен и вернулся из плена у Виталиана. Испытание есть мудрость.

Глава 14

[Отрывок]

Анастасий умер 9 таммуза, а после него был Юстин, который выступил с войском и со стратигами, когда Кавад, царь персидский, пришел к Амиду. Он [Юстин] был старцем, красивый видом, в седине; он не был учен и был единомыслен в вере с сынами Рима, потому что он был из этого государства, из крепости Мурианa,[14] с дурной водой, превращающейся в кровь, когда она кипит.

В этой книге [заключается] время жизни Анастасия 27 лет и 3 месяца с половиной.

КНИГА 8

[Главы 1—3 пропускаю.]

Глава 4

сообщающая о водах, вторгшихся в Эдессу; о том, что прекратилось течение воды Силоама в Иерусалиме, что Антиохия потряслась и сгорел храм Соломона в городе Баальбеке.

Асклепий бар Мельхе, брат Андрея и Демосфена, бывшего там епархом после Павла, который показывал себя православным, был в Эдессе. Муж этот телом был прекрасен и чист. В дни Флавиана, когда тот был епископом, перед Асклепием, он

[14] Бедериана.

составил ему письмо, чтобы не проклял его собор, потому что он был его синкелом. Это писание попало в руки святого Севера, который был после Флавиана; и когда этот Павел прибыл, чтобы приветствовать его, он отдал его ему и простил ему его вину по любви Божией. Когда он исповедовал себя православным, этот мудрый муж не раскрыл его, чтобы покрыть рассуждение, как написано [выше]. Сначала в дни этого императора он настаивал не принимать собора при поддержке эдесситов, которые из-за этого изо дня в день сердились и бранились. Только когда он был сослан в Евкайту, он согласился и вернулся в Эдессу. Но он стыдился, что несколько колебался, и вскоре умер, а после него был Асклепий. Этот муж был несторианин. Он был справедлив в своих делах и любил крестьян земли [земледельцев], был к ним снисходителен, не был жаден к подаркам. Телом он был скромен, церкви своей во всем происходившем он очень помогал, покрыл и долги. Он был рачителен и горяч с верующими, и многие из них были гонимы и были преследуемы всякими страданиями или умерли, мучимые Либерарием, мужем готом, суровым начальником, называемым «поедателем быков».

Так было в Эдессе, когда в 836 г. греков, в третий (день недели), 22 нисана[15] вода переполнила реку Дайсан, которая входит и протекает по городу. Она наводнила, разрушила обе стороны стены и потопила многих, так как было время обеда; и когда еще их пища была у них во рту, настигли их воды наводнения Дайсана. Асклепий же и Либерарий были спасены.

Прекратилось течение воды Силоама, что находится в Иерусалиме, с южной стороны, на 15 лет. Есть храм Соломона в Баальбеке городе, лесничестве Ливана, о котором упоминает Писание, что его построил Соломон и положил в нем оружие. На юг от него находятся 3 удивительных камня, на которых он ничего не построил. Они были связаны между собою, соединены, едины и следовали один за другим; они были известны тройственным соединением и были весьма велики. Как бы таинственно они были положены у храма как исповедание веры в почитаемую Троицу и для призвания народов и проповеди евангельской вести. Молния упала с неба, когда шел маленький дождь, она ударила в храм и разбила его камни пожаром, разрушила его колонны, разбила и развалила его. Трех камней она не коснулась, и они стояли целыми. Теперь там построили часовню Девы Марии, святой Богородицы.

[15] 22 апреля 525 г.

На следующий год, 4-й, случилось в Антиохии сильное землетрясение, необычайное, и умерло в ней бесконечное множество народа. Время было летнее; они ели, и их пища была в их устах; рухнули их дома на них, как на сыновей Иова во время искушения сатаны. Евпрас был там главой священников, после Павла, его называли иудеем, он упал в котел с кипящим воском и умер. После него был Ефрем амидиец, бывший в то время комитом востока. Этот муж был в управлении, которое он вел в одних и других местах, справедлив в своих делах, не был жаден к подаркам, был мудр и находчив.[16] Несколько лет он был болен учением диофизитов, из-за книг, которые унаследовала его мать Мака от некоего человека Бар Шелома, телейца, из последователей Диодора и Федора. Он многих соблазнил и погубил, одних умом и смирением, других, угрожая императором, который любил его и слушался, что бы он ему ни писал.

Глава 5

сообщающая о трактатах, заключенных на границе, о Мундаре, царе арабов, который отправился в область Эмесы и Апамеи, захватил много пленных и забрал с собою, о епископах восточных, верующих, которые были изгнаны и бежали из своих церквей.

Персидский царь Кавад настойчиво просил о выплате подати по 5 кентенариев золота, которая выплачивалась ему императором ромеев на содержание персидского войска, сторожившего ворота перед гуннами. Поэтому он посылал от времени до времени своих арабов в ромейские земли; они опустошали и брали в плен. [Так что араб Мундар прошел и полонил всю область Лимитон, т. е. Белиха и Хабора].[17] Также и ромеи переходили и наносили вред его земле Арзун и области Низибии. Поэтому были [заключены] соглашения, и оба царя послали: Юстин — Ипата и старца Фарзмана, а Кавад — ашгабида. На границе они вели длительные переговоры, которые сообщались обоим царям их знатными через почтовых. Относительно мира между ними ничего не было установлено, между ними возникла вражда. Арабский царь Мундар отправился в области Эмесы и Апамеи и в область Антиохии однажды и вторично и многих взял и увел с собою. 400 девушек, взятых им внезапно в плен из общины апостола Фомы в Эмесе, он

[16] Один лист в рукописи вплетен неверно. К. Аренс этой ошибки не заметил.
[17] Взятое в скобки см.: Chronique de Michel le Syrien / Ed. J. B. Chabot. Paris, 1899. T. 1. P. 270.

принес в жертву для почитания Уззы. И Дада, монах, старый муж, полоненный из той же общины, видел это своими глазами и рассказал мне.

[Следующий отрывок пропускаю.]

В 9-й же (год), в год 5-й царствования этого светлейшего императора Юстиниана, в наши дни подвигнутый Богом, нашим Господом, имеющим провидение о своих рабах, [император] решил должное и приказал вернуть [людей] всех званий из ссылки и из областей, куда они бежали по горячности веры. Верующих епископов он призвал к себе, чтобы они прибыли.

Это было в 9-м (году), а в 10-м множество гуннов пришло в ромейские области; они перебили тех, что нашли вне городов. Они перешли реку Евфрат и достигли области Антиохии. Итак, по усмотрению Божию, как сказано: «Народ Мой, иди в твою горницу и спрячься, пока не пройдет гнев Мой» (Ис. 26:20), так собрались и верующие Востока по приказу императора. Но Иоханан отшельник из Анастасии, муж почтенного нрава, был убит гуннами в пустыне, а Шемон отшельник, называемый рогатым, не был тронут.

КНИГА 9

Эта 9-я книга сообщает о царствовании Юстиниана, который стал соправителем в 5-й день последней недели поста, после того, как он управлял в течение 3 месяцев вместе с Юстином, его дядей, умершим в исходе [месяца] таммуза, приблизительно в конце 5-го [года]. Юстиниан стал автократором в 838 г. греков, в 327-й олимпиаде. То, что случилось до 15-го года, в течение 10 лет, находится в этих главах, написанных ниже, в этой 9-й книге глав 26; о его воцарении написаны ниже главы следующие. Глава 1 той же 9-й книги сообщает о войне, бывшей летом 5-го [года] против Низибии и персидской крепости Тебет. Глава 2 той же книги сообщает о войне, бывшей в пустыне Таннурин. Глава 3 той же книги сообщает о войне, бывшей у города Дары, что у границы. Глава 4 той же книги поучает о войне, бывшей у Евфрата в 9-м [году]. Глава 5 напоминает о Гадаре кудишие, военачальнике персидском, и о том, как он был убит, а Ездегерд, сын сестры ефтахша[18] Арзана, был взят в плен. Глава 6 сообщает о войне, бывшей у Майферката, у границы, и о множестве гуннов, перешедших в ромейские пределы в 10-м году. Глава 7 сообщает, как был заключен мир летом 11-го [года] между ромеями и персами через послов Руфина и магистра Гермогена. Глава 8 той же 9-й книги сообщает о самарянах в палестинской земле, которые восстали и поставили себе тиранов.

[18] Префекта (*Brockelmann C.* Lexicon syriacum. P. 564).

Глава 1

сообщающая о начале царствования Юстиниана и войне, бывшей с Низибией и с крепостью Тебет.

В 5-м году, когда царствовал Юстин старец, о котором мы повествовали выше, происходивший из области Иллирики, он сделал соправителем сына своей сестры, который был стратигом. Юстиниан стал соправителем в четверг последней недели поста. После того как он управлял 3 месяца, его дядя умер, в конце [месяца] таммуза, и он стал автократором, в 838 г. греков, в 327-ю олимпиаду. Свою крепость Мурiану он приказал отстроить большим городом, дал ему самостоятельность церковную προνομία, поместил там войско, а воду провели туда издалека, потому что там дурная вода. И вот с начала его царствования до настоящего времени он заботится о постройках, по областям обновляет, строит города, по местам обновляет стены, чтобы оберегать свою державу. Из-за вражды, бывшей между персами и ромеями, в то время когда Тимострат был стратилатом и дуксом на границе, его военачальники собрали к нему войско, чтобы воевать с Низибией. Они осадили ее, но не взяли и отправились оттуда к крепости Тебет. Войска обложили стену и пробили ее, но время было жаркое, летнее, и по этой причине они были в затруднении и не взяли крепости, которая находится в парасангах 15 от Дары. Войску было приказано вернуться в Дару. Так как они были жадны к пище, изготовленной из свиного мяса, то многие пешие умерли в дороге от жажды. Из войска погибли те, что бросились в потоки в пустыне и потонули, и прочие погибли в дороге. Всадники же достигли Дары, но так растаяло войско.

Глава 2

о войне, бывшей в пустыне Таннурин.

При жизни императора Юстина, который узнал относительно Таннурина, что он может служить опорой, убежищем, [он приказал] построить в пустыне город и поместить в нем войско для охраны Ароба от арабских разбойников. Строить его был послан силенциарий Фома из Ападны. Когда он приготовил некоторое количество материала и работников, которые начали работу, ее принудили прекратить арабы и кадишеи Шигара и Тебета. Но как мы выше сообщили, так как ромеи подготовились и обложили Низибию и Тебет, то после этого вооружились и персы и устроили ров[19] в пустыне Таннурин. Когда умер

[19] *Brockelmann C.* Lexicon syriacum. P. 580.

дукс Тимострат, стратилат, то после него был Велизарий. Он не был жаден к подаркам, любил крестьян и не допускал войско их обирать, так как за ним следовал Шлимон, евнух, из крепости Идрабт, муж разумный, испытанный в мирских делах, бывший нотарием дукса Фелициссимуса, близкий прочим начальникам и наученный в школе испытаний. Так, собралось ромейское войско, чтобы отправиться в пустыню Таннурин против персов с Велизарием, Кутсисом, братом Бутсиса, Василием, Винцентием и прочими военачальниками и с Атафаром, главой арабов. Когда об этом услыхали персы, они ухитрились сделать канавы и зарылись в свои рвы; извне они устроили кругом них треугольные деревянные палисады и оставили отверстия. Когда ромейские войска достигли [их], они не сразу поняли лукавую хитрость персов, и военачальники силой движения попали в рвы персов. Когда они упали в ямы, они были схвачены, а Кутсис убит. Конное ромейское войско повернуло и обратилось в бегство к Даре, вместе с Велизарием, пехота же не убежала и была перебита и взята в плен. Атафар, арабский царь, в бегстве был ранен вблизи и умер. Он был мужем воинственным и мудрым, хорошо осведомленным в ромейском оружии, на войне в различных местах имевшим победы и прославившимся.

Глава 3

о войне за Дару.

Итак, персы возгордились, заважничали и прославились; Михран и марзбаны собрали войско, они отправились на Дару и расположились у Амудина, надеясь тотчас, как они полагали, взять город, так как ромейское войско после битвы было немногочисленно. Их конница и пехота приготовились и подходили с юга города, чтобы окружить его, обложить и засесть вокруг него. Но ромейское войско, с помощью Господа, который наказывает, но не предает окончательно на смерть, выступило. Суникс муж, бывший военачальником гуннов, крестившийся, найдя убежище у ромеев, и Симос,[20] ромейский хилиарх, взяв свое оружие с 20[21] мужами, отгоняли несколько раз от города все персидское войско. Они с силой проходили войско из конца в конец, рубя направо и налево. Они были весьма опытны в копье и в мече; их голоса были суровыми и

[20] *Procopius.* De bello persico, I, 13, 21.
[21] Дважды двадцать, может быть, читать «двести».

устрашающими, и они показали, что павшие перед ними персы — трусы. Они поразили двух из их начальников, с немалым войском всадников. Многих «фигай», которые являются пехотой персов, они уничтожили и прогнали с востока города герулы[22] с Бутсисом. Огорчились персы, когда увидали, что много мертвых, и послали в Низибию, чтобы оттуда привели вьючных животных, сколько могут, и тотчас пришли в Дару и взяли сколько смогут добычи. А когда многие прибыли, они нагрузили их трупами своих убитых и затем удалились с позором. Прочее же войско персидское отправилось в ромейский Ароб и сожгло его огнем.

Глава 4

о войне, бывшей на Евфрате в 9-м [году].

Так как персы поумнели от опыта и были весьма поражены ударом ромеев, когда они приблизились к городу, а те не вышли на них, они отправились в пустынные земли ромеев, расположились на Евфрате и по своему обыкновению устроили ров. Велизарий во главе ромейского войска приготовился к войне и с ним хилиархи. Прибыли они на последней неделе поста. Персы попались им на глаза малой частью. Он послал ромеям [сказать], что они почтут праздник «из-за назореев и иудеев, которые есть у меня в войске, и ради вас, потому что вы христиане». Когда Велизарий, стратиг, согласился на это дело, военачальники стали очень роптать и не соглашались делать отсрочку, чтобы почтить день. Когда они приготовились к бою, на восходе воскресенья опресноков, день был холодный из-за встречного для ромеев ветра. Они оказались слабыми и бежали, повернув в бою с персами. Многие упали в Евфрат и потонули, другие были убиты, Велизарий же спасся. Схвачен был сын сестры Бутсиса, который находился больным в Амиде и не пошел на войну, но отправил войско с Дометиолом в Абгаршат. Его отправили в персидские пределы, но наконец он вернулся, как я сообщу это в нижеследующей главе.

[22] *Procopius.* De bello persico, I, 13, 19.

Глава 5

о кадисее Гадаре, военачальнике персов, как он был убит, а бывший с ним Ездегерд, сын сестры Хормизда, ефтахаша области Арзанены, был взят в плен.

Когда в дни дукса Велизария, в 5-й [год], ромеи, вынужденные прекратить постройку пограничного Таннурина, пожелали построить в Мелабаше город Бидоин,[23] кадисей Гадар с войском был послан Кавадом; он разбил ромеев и обратил их в бегство в битве, которую он имел с ними на горе Мелабаш. Он приобрел значение у Кавада и был поставлен оберегать границу с востока от Мелабаша, в области Арзенайской до Майферката. Он очень гордился перед ромеями, подшучивал и, как Рабшак, посланный Санхерибом, проклинал. Он вел с собою около 700 одетых [в доспехи] всадников; за ними следовала пехота, чтобы собирать добычу. Они перешли Деклат [Тигр] в Бет-Аткайе [область, принадлежавшую] амидийцам. Беса был дуксом Майферката. Было летнее время этого 9-го [года]. С Гадаром был Ездегерд, сын его сестры, ефтахаша, который как сосед знал область Аткайе. Когда об этом услыхал Беса, он выступил против него с 500 всадников из Майферката, удаленного стадии на 4; он встретил его у Бет-Кельте и уничтожил его войско на Деклате [Тигре], убил Гадара, взял в плен Ездегерда и увел его в Майферкат. Последнего после мира, заключенного в 10-м [году], отдали за Дометиола, который вернулся из персидских пределов. Дукс Беса, после того как он уничтожил персидскую конницу и Гадара, оберегавших границу области Арзанены, вторгся в их землю, многое в ней разорил, взял пленных и привел их в Майферкат.

Глава 6

сообщает нам о войне, бывшей у Майферката, и о немалом войске гуннов, перешедшем пределы ромеев.

Деревни в области Арзанены государства персидского были обязаны немалой подушной податью, собираемой с живущих в них в царскую сокровищницу, и [вносили] содержание ефтахаше, поставленному там [в качестве] епарха царя. Эту землю, как сказано выше, весьма разорил Беса дукс, который держал в плену в Майферкате сына сестры ефтахаша. Царь Кавад был

[23] *Honigmann E.* Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Brüssel, 1935. К. I. Мелабаш — возвышенность Μελαβάσων ὄρος на восток от впадения Нимфия [Калата] в Тигр, Бидоин — ниже впадения Нимфия, на левом берегу Тигра.

весьма разгневан, когда узнал от ефтахаша о разорении земли. Этот же Хормизд каждый камень сдвинул в войске и в царском дворце против Майферката, чтобы осадить его, так как он являлся кладовой и убежищем для ромейского войска, которое нападало на Арзун. Так сказать, было выделено войско из войск персидских, и Михрагирви был послан завербовать много гуннов и привести их на помощь. Они приготовились и собрались у Майферката в начале 10-го [года], сделали около него рвы, насыпь[24] и много ям, теснили их в боях настойчиво. В нем [городе] было немалое ромейское войско и Бутсис, и они в бою отбросили много персов. Епископ города Нонн умер. Велизарий же из-за того, что было уничтожено ромейское войско персами у Таннурина и на Евфрате, был признан императором виновным, затем смещен и сам отправился к императору. В Даре после него был Константин, он собрал многочисленное ромейское войско; Ситта был стратигом и с ними был арабский царь Бар Габала. Они достигли в [месяце] тешри 10-го [года] Амида, и Иоанн отшельник из Анастас, муж достойного образа жизни, призванный [в епископы], присоединился к ним. Когда они прибыли в Майферкат, пришла зима в эту северную землю и холод. Персам препятствовали дождь и грязь; они тяжело работали и боялись многочисленного ромейского войска. Царь их, Кавад, умер, когда они были там, и они заключили договор с ромеями, что они отойдут от города. Тогда, когда они отошли, Майферкат был открыт, а ромейское войско возвратилось, прибыли гунны, большое количество народа, завербованные персами. Они уничтожили и перебили множество крестьян земли, сожгли селения и храмы, перешли Евфрат и дошли до Антиохии. И никто не выступил против них и не причинил вреда, за исключением Беса, дукса Майферката, напавшего на некоторых из них, когда они возвращались, который перебил [их] и захватил около 500 коней и много добычи. Муж [этот] разбогател. У крепости Китариз тамошний дукс прогнал из них около 400 мужей и захватил их вьючных [животных].

После Кавада воцарился его сын Хосров. Его мать при жизни своего мужа Кавада была преследуема демоном, и все маги, чародеи и заклинатели, призывавшиеся к ней Кавадом, который ее очень любил, не приносили ей никакой пользы, но, по правде говоря, прибавлялись у нее демоны к демонам.

Она была послана в 4-м [году], в дни дукса Либерия, к блаженному Моисею, жившему монахом на расстоянии около 2 парасангов ниже Дары. Он был известен. Она пробыла у него

[24] Термин, известный по осаде Амида в 502 г., греческий — ὀλόφος.

немного дней, очистилась и возвратилась в свою землю. Она взяла у святого Моисея из монастыря, называемого Тармель, благословение от мощей мученика Кирика, чтобы оберечь себя и защитить, чтобы не вернулся в нее дух. Почитая его, она построила ему [мученику] тайно часовню в своей земле, там ему поклонялись. Так как она помнила милость, которую имела от него через этого святого Моисея из Тармеля, она помогла ромеям по случаю и по причине, как об этом написано ниже.

Глава 7

о том, как был заключен мир между ромеями и персами и длился около 6—7 лет, в дни Руфина и магистра Гермогена.

Когда император Юстиниан узнал о том, что случилось в подвластной ему Месопотамии, что войско было несколько раз уничтожено персами, а что земледельцы были перебиты и уведены в плен гуннами, а что земля с селениями сожжена, он прекратил продолжать посылать войска на войну, чтобы драться с Хосровом, воцарившимся после своего отца Кавада. Он был другом Руфина, посоветовавшего его отцу посадить его на престол после него. Это было известно царю и укрепило его, и он обещал ему, что когда он увидит его в своей земле, то все, что он справедливо попросит у него, он сделает ради мира, желанного царю. Поэтому были посланы этот Руфин и магистр Гермоген в 11-м году послами к Хосрову. Они имели длительные переговоры. Этот Руфин был там известен, так как его посылали несколько раз к Каваду; он был его другом и много раз одаривал знатных государства. Царица, мать Хосрова, любила его за то, что он советовал Каваду сделать царем ее сына, и была обязана благодарностью блаженному Моисею из монастыря Тармель за то, что Бог исцелил ее, поэтому она настойчиво просила своего сына Хосрова. При условии, что он [Хосров] получит золото, посланное императором Юстинианом, как ему сообщили послы Руфин и Гермоген, он заключил мир, и грамоты были составлены и к ним были приложены печати. Казалось, звезды в небе плясали от радости. Это было летом 11-го года, и [мир] продолжался лет 6—7 до 3-го года.

Глава 8

о самарянах, которые восстали и поставили себе тирана в земле Палестинской.

Самаряне в Палестинской земле, живущие близ города Неаполиса, недалеко от Кесарии, когда они узнали, что персы от времени до времени нападали и входили в пределы ромеев и предполагали, что последние слабы перед ними, то они осмелели. Так как они были рассеяны, то из Кута, Вавилона, Авва, Хамата и Сефраваима они были посланы Салманассаром, царем ассирийским, и поселились в земле Самарийской. Они восстали, поставили во главе тирана, вошли в Неаполис, убили Мамона, бывшего там епископом, новое установили на этой земле. Желая помочь персам, из земли которых они переселились в пределы ромеев, они сожгли много храмов святых, захватили город и собирали добычу. Когда об этом узнал император, он послал хилиарха Адриана, и вместе с местным дуксом они собрали ромейское войско и арабов из Арабайи. Они выступили против самарян, которые были уничтожены ромеями. Они убили тирана, захватили город и восстановили порядок первоначального управления. В нем поставили также епископа и войско охранять и держать в порядке местных жителей.

КНИГА 12

Глава 7

сообщает об описании вселенной, составленном усердием Птолемея Филометра, царя египетского.

Это писание о народах вселенной составлено, как написано выше, Птолемеем Филометром в 30-м году его царствования, за 150 лет до рождения нашего Спасителя, до нашего же времени до года 28-го царствования Юстиниана, сидящего царем в наши дни, года 866 Александра, 333-й олимпиады, лет 711. Сколько же городов за это время от Птолемея до наших дней построено и добавлено у всех народов во вселенной, особенно после рождения нашего Спасителя! Воцарился мир между народами, племенами и языками, но они не соблюдали первоначального обычая, но восстал народ на народ в войне и бились мечами с мечом, так что исполнилось на них пророчество, гласящее: «Перекуют мечи свои на орала и копья свои — на серпы» (Ис. 2:4). Вместе с этими [упомянутыми] в географии Птолемея сарматами, скифами и сериками в этой северной стороне есть верующие 5 народов с их 24 епископами. Их католикос

находится в Довине, большом городе Персидской Армении; Григорием по имени был их католикос, муж праведный и знаменитый. Гурзан также земля в Армении, с языком, подобным греческому; у них есть царек христианский, подвластный царю Персии. Аран также земля, в той же земле Армении, со [своим] языком, с народом, верующим и крещеным; у них есть царь, подчиненный персидскому царю. Сисган также земля со [своим] языком и верующим народом, но живут в ней и язычники. Базгун земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За воротами [живут] бургары со [своим] языком, народ языческий и варварский; у них есть города и аланы, у них 5 городов. Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости. Авнагур — народ, живущий в палатках. Агар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием. Вглубь от них [живет] народ амазраты и люди-псы; на запад и на север от них [живут] амазонки [amazonides], женщины с одной грудью; они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если желают прижить, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю. Если они рождают мужской пол, то убивают его, если женский, то оставляют, и таким образом они поддерживали свое положение. Соседний с ними народ ерос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток, у северных краев есть еще 3 черных народа.

У гуннов лет 20 тому назад или больше вышло писание на их языке о том, как это устроено Господом; я сообщу, как я слыхал от правдивых мужей Иоханана из Решайна, находившегося в монастыре Бет-Айсхакуни, у Амида, и от Томаса кожевника, уведенных в плен [при] Каваде перед тем лет за 50 или больше. Они были вновь проданы и отправились из пределов персидских в гуннские, прошли за ворота и оставались в их земле больше 30 лет, взяли жен, породили там детей. Они вернулись в настоящее время и рассказали нам живыми словами следующее. После того как вывели пленных из пределов ромеев и ввели к гуннам и они оставались в их земле 34 года,[25]

[25] К. Аренс и Г. Крюгер неверно исправляют текст 3, 4 года, так как дело идет о родившихся и некрещеных детях ромейских пленных. Из расчета в 50 лет можно высчитать и установить, что в тексте указано 34 года.

явился ангел человеку, по имени Кардост, епископу земли Аран, как этот епископ сообщил, и сказал ему: «С тремя добродетельными священниками пойди в долину и прими от меня слово, посланное тебе от господина духов, потому что я распоряжаюсь этими пленными, что из ромейских пределов вошли в область языческих народов. Я представил их молитвы Богу, и он сказал мне то, что я сказал тебе». Когда этот Кардост, что переводится по-гречески Теоклетос, а по-арамейски «призванный Богом», с усердием отправился в долину с тремя священниками, сказал им ангел: «Пойдите, вступите в область [языческих] народов и крестите детей мертвых, поставьте им священников, дайте им таинства, подкрепите их. Вот я с вами, сделаю вас там любимыми; вы будете делать там среди [языческих] народов знаменья, и вы найдете все, что требуется для вашего служения». С ними пошли четверо других и в земле, где нет покойного местопребывания, находили эти 7 мужей священников из вечера в вечер 7 хлебов и кувшин воды. Они не вошли в ворота, но были проведены через горы, обучали [некоторых] из гуннов. Они оставались там 7 лет[26] и выпустили там писание на гуннском языке. Случилось в то время, что был послан туда Пробос с посольством от императора, чтобы купить из них воинов для войны с [языческими] народами. Когда он узнал относительно гуннов от этих святых и был осведомлен относительно пленных, он весьма возревновал и пожелал повидать их. Он увидал их, был ими благословлен и очень почтил их в глазах этих народов. Когда наш император узнал от него относительно события, совершенного так Господом, как выше описано, из городов под ромейской державой, расположенных поблизости, было погружено 30 мулов, и он послал их с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью. Мулов он дал им в подарок, так как Пробос был муж верующий, мягкий и был усерден в таких добрых делах, как это. Через 14 лет он (Кардост) ушел, и там был другой армянский епископ, по имени Макар, он был хорошо подготовлен и вступил туда по своей воле вместе с священниками. Он построил церковь из кирпичей, насадил растения, посеял различные семена, совершил знаменья и многих крестил. Когда властители этих народов увидели что-то новое, они очень удивились и обрадовались мужам, почитали их, и каждый звал их в свою сторону к своему племени и просил, чтобы они были ему учителями. И вот они там до настоящего времени.

[26] Буквально: «неделю годов».

Это знак любви Божией, которая печется обо всех своих повсюду и в это время, когда установлена его власть, чтобы «вошло множество народов», как говорит апостол.

Также и царь персидский, 7 лет тому назад, как рассказывают те, которые это знают, воздерживается от ядения удушины и крови, от мяса нечистых зверей и птиц, с тех пор, как прибыл к нему Трибониан[27] архиатрос, посланный ему в то время светлейшим нашим императором, и Бирвай, превосходный муж, а после него Кашвай, а ныне Гавриил, низибийский христианин поставлен над его пищей. Он не принимает ее по прежнему обычаю, но ее благословляют — и тогда он ест ее. Имеет перед ним дерзновение Иосиф католикос христиан, он следует за ним в качестве врача и сидит перед ним на первом седалище после главы магов. То, что он просит из милосердия к пленным и святым, он получает.

По совету христианских врачей, окружающих его, он ныне устроил ксенодохейон, что необычно, дал 100 мулов, 50 верблюдов, снабженных продуктами за счет государства, и 12 врачей, и то, что еще необходимо, дается наполовину царем.

[На этом рукопись Хроники кончается.]

[27] Трибун, см.: Die sogenannte Kirchengeschichte... S. 384. Anm. S. 256.

ХРОНИКА ИЕШУ СТИЛИТА

Перевод сделан по изданию: The chronicle of Joshua the Stylite, composed in Syriae A. D. 507 / With a translation and notes by W. Wright. Cambridge, 1882.

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О НЕСЧАСТИЯХ, БЫВШИХ В ЭДЕССЕ, АМИДЕ И ВО ВСЕЙ МЕСОПОТАМИИ

§ 1. Я получил писания твоей боголюбивой святости, о достопочтенный клирик и архимандрит Саргис, в которых ты просишь меня написать тебе для памяти, когда напала саранча, когда помрачилось солнце, когда были землетрясение, голод, чума и война ромеев[1] с персами. Вместе с тем и великие похвалы мне нашлись в них, которые ввели меня в большое смущение, даже наедине с собой, так как ни одна из них не принадлежит мне на деле...[2]

§ 3. ...Помимо того, что мы видели своими глазами, слышали своими ушами и среди чего мы жили, мы трепетали еще от близких и дальних слухов, от ужасов, которые происходили в разных местах: сильнейшие землетрясения, разрушения городов, голод вместе с чумой, войны и восстания, порабощение и выселение из областей, истребление и сожжение храмов. Все это тебя поразило своим множеством, и ты просил меня описать их словами печали и скорби, которые поразят как читающих, так и слушающих. Я знаю, что ты это говорил по своему усердию к благу, для того чтобы это было раскаянием и для тех, которые это услышат, и их приблизило бы к покаянию.

§ 4. Но я знаю, что одно дело, когда кто-нибудь пишет печально, и иное писать правдиво; и иное, если бы кто-нибудь, имеющий природное красноречие, пожелал написать эти истории, унылые и плачевные, я же прост в слове своем. Но то, что я сообщаю в этой книге, таково, что все люди, которые нахо-

[1] Ромеями в этой Хронике, как и вообще в сирийских памятниках, называются византийцы; ромейский язык, на котором говорили в Византийском государстве, — язык греческий.

[2] Следующая часть § 1, § 2 и начало § 3 заключают в себе дидактические рассуждения и уверения автора в своей неспособности и несостоятельности выполнить возложенную на него задачу.

дятся в нашей области, засвидетельствуют, что это правда. А те, кто прочтут или прослушают ее и пожелают исследовать, приблизятся к покаянию. И если скажет кто-нибудь, какая польза тем, которые прочтут об этом, если не примешано поучение к этому рассказу? Я же, как тот, кто не смог этого сделать, я говорю, что достаточно несчастий, которые случились с нами, чтобы памятовать о них нам и тем, кто после нас, и поучаться воспоминанием о том, что было нам послано за грехи.[3]

§ 7. В 609 г. [297/8 г. н. э.] ромеи взяли город Низибию, и она оставалась под их властью 65 лет. После смерти Юлиана в Иране, случившийся в 674 г. [июнь 363 г. н. э.], Иовиан,[4] который воцарился после него над ромеями, более дорожил миром и поэтому дал согласие персам владеть Низибией на 120 лет, после чего она должна быть возвращена ее господам [ромеям]. Срок кончался при императоре ромейском Зеноне, но персы не желали возвратить город, и это дело возбудило спор.

§ 8. Между ромеями и персами существовал договор, по которому, если они будут нуждаться друг в друге, в случае войны с какими-либо народами, они будут помогать друг другу, предоставив 300 человек воинов с оружием и конями, или 300 статиров вместо каждого человека, и это по желанию стороны, которая нуждается в помощи. Ромеи с помощью Бога, Господа всех, в помощи персов не нуждались, так как верующие императоры были с того времени и посейчас, и утверждалась их власть с помощью небес. Цари же персидские, посылая послов, просили золота, нуждаясь в нем, но они получали его не в виде подати, как полагали многие.[5]

§ 9. В наши дни Пероз, царь персидский,[6] из-за войны с кионайе,[7] т. е. с гуннами, неоднократно получал золото от ромеев, не требуя его как подати, но вызывая их усердие, будто бы ради них он вел с ними борьбу, «чтобы они не перешли в вашу землю». Правдоподобными делали его слова опустошения и увод в рабство, произведенные гуннами в ромейских землях в 707 г. [395/6 г. н. э.] в дни Гонория и Аркадия,[8] сыновей Феодосия великого, когда вся Сирия находилась в их руках, благодаря предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая.

§ 10. С помощью золота, взятого у ромеев, Пероз подчинил гуннов, захватил большие пространства их земли и присоединил их к своему государству, но в конце концов он был схвачен ими. Когда услыхал это Зенон, император ромейский, он послал от себя золото, освободил его и помирил его с ними. Пероз заключил договор с гуннами, что больше не будет переходить границу их земли ради войны. Он возвратился, нарушил договор, подобно Цедекии, отправился воевать и, как он, попал в руки своих врагов. Все его войско было разбито, рассеяно, а сам он был взят живым. Он пообещал в своей гордости дать за спасение своей жизни 30 мулов, нагруженных зузе.[9] И послал в землю, что находилась под его властью, и собрал с трудом 20 мешков, так как вся казна предшествовавших ему царей была истощена прежними войнами. За другие 10 мешков, пока он не пришлет их им, он оставил поручителем и заложником[10] Кавада, своего сына, и во второй раз заключил с ними договор больше не воевать.

§ 11. Когда Пероз возвратился в свое государство, он обложил подушной податью всю свою землю, послал 10 мешков зузе, освободил своего сына, снова собрал войско и отправился воевать. И исполнилось на деле слово пророка, который сказал: «Я видел нечестивого, разросшегося, как дерево в лесу, и, когда проходил, не было его, искал его и не нашел» (Пс. 36:35—36). Когда началась битва и смешались лагери друг с другом, все войско его было истреблено, а его самого искали и не нашли, и до сего дня неизвестно, что с ним. Было ли его тело погребено под трупами убитых, бросился ли он в море, или спрятался под землю и умер затем от голода, или, скрывшись в лесу, был съеден зверями.

§ 12. В дни Пероза и ромейское государство находилось в смятении, так как была ненависть у дворцовых людей к императору Зенону,[11] потому что был родом исавр.[12] Восстал на него Василиск и воцарился вместо него, но затем усилился Зенон и утвердился в своем государстве. Так как он испытывал ненависть многих к себе, он устроил неприступную крепость в своей земле, для того чтобы, если случится с ним какое-либо

[3] Конец § 4, § 5 и § 6 содержат рассуждения о несчастиях, посланных в наказание за грехи.
[4] Иовиан умер в феврале 364 г.
[5] Византия в действительности откупалась золотом от своих воинственных соседей.
[6] Пероз, с 457 по 484 г.
[7] В греческих источниках «хионитьі».
[8] Аркадий, с 395 по 408 г.

[9] Вавилонское zuzu, drahma, δράχμη, dirhem — монета.
[10] Греческое παλάτιον транскрибировано по-сирийски.
[11] Зенон, с 474 по 491 г.
[12] Исавры — горное племя, жившее в горах Тавра, в Малой Азии.

зло, она была ему убежищем.[13] В этом был его поверенным стратилат Антиохии, по имени Иллус, который был также исавром. Зенон всем своим землякам давал посты чести и могущества, за что особенно был ненавидим ромеями.

§ 13. Когда крепость была снабжена всем необходимым, Иллусом было там положено бесчисленное количество золота. Затем он отправился в столицу известить Зенона, что он выполнил его волю. Зенон же, зная, что он фальшив и жаждет власти, приказал одному из воинов его убить. Много дней тот, которому это было приказано, искал и не находил случая сделать это тайно. Наконец, он встретил Иллуса внутри дворца, извлек меч, поднял его, чтобы поразить его, но сейчас один из воинов, следовавших за Иллусом, поразил его ножом в руку, и выпал меч из его руки и обрезал ухо Иллусу. Зенон, для того чтобы не открылся обман его против Иллуса, тотчас приказал относительно воина, чтобы ему сняли голову без допроса. Это обстоятельство особенно заставило Иллуса предполагать приказанное Зеноном. Он поднялся, уехал оттуда и отправился в Антиохию, решив отмстить, если представится случай.

§ 14. Зенон боялся Иллуса, так как знал его злобу. Он послал в Антиохию известных людей звать его, чтобы он прибыл к нему. Он желал якобы извиниться, потому что обман был без его ведома, и он не желал его убить. Но упрямства Иллуса он не мог смягчить, так как тот пренебрегал им, не желая слушаться его приказа и отправляться к нему. Наконец, послал к нему Зенон другого стратилата, по имени Леонтий, с подвластным ему войском, приказав ему силой привести его к себе и, если он окажет сопротивление, убить его. Когда Леонтий прибыл в Антиохию, он был соблазнен золотом Иллуса и открыл ему относительно приказа об убийстве, который был ему дан. Иллус же, когда увидал, что ничто от него не скрыто, то и сам показал множество золота, которое было у него в руках, ради которого Зенон и хотел его убить. Он убедил Леонтия присоединиться к нему и восстать с ним, указав ему также на ненависть ромеев к Зенону. И когда этот согласился, Иллус мог показать свою волю. Один он не мог ни восстать, ни сесть на престол, так как его ненавидели ромеи за его происхождение и жестокость.

§ 15. В Антиохии воцарился Леонтий лишь по имени, тогда как делами управлял Иллус. Поговаривали между собой, что он думает убить Леонтия, если они победят Зенона. За ним следовал один лживый маг, по имени Пампрепиус, который все

[13] τὸ Παπούριον καστέλλιν у греческих авторов.

их дела повернул и планы нарушил своей ложью. Чтобы утвердить свою власть, они отправили послов в Иран со многим золотом, имея в виду заключить с ними дружеский договор...,[14] или, если они попросят, послать им в помощь войско. Когда Зенон услыхал о том, что происходит в Антиохии, он послал туда одного из стратилатов, по имени Иоанн, с большим войском.

§ 16. Дрогнуло сердце тех, что были с Иллусом и Леонтием, когда они услыхали, что на них идет большое войско. Антиохийцы также испугались и, так как не могли вынести осады, нашумели на них, чтобы они убирались из города и, если могут, пусть сами ведут войну. Это еще больше испугало сторонников Иллуса. Они думали уйти из Антиохии и перейти за р. Евфрат на восток. Один из них, по имени Матрониан, был послан с 500 всадников, чтобы утвердить их власть в Эдессе. Жители же Эдессы поднялись против него, закрыли городские ворота, стену оберегали по военным законам и не пускали их войти.

§ 17. Когда услыхали это сторонники Иллуса, они были вынуждены прибегнуть к войне с Иоанном, но не были достаточно сильны, потому что Иоанн напал на них мужественно и разбил множество войска, бывшего с ними, а прочие рассеялись, каждый в свой город. Сторонники Иллуса не смогли перенести его удара; забрав, что им оставалось, они спаслись в крепость, о которой я выше говорил, неприступную и снабженную всячески. Иоанн преследовал их, но не захватил их, и тогда он расположился вокруг крепости, чтобы сторожить их. Они же, надеясь на неприступность крепости, отпустили войско, которое было с ними,[15] оставив с собой только избранных и храбрых. Иоанн обрушил свой гнев на тех, которые выходили из крепости, но ни в чем не мог досадить Иллусу по причине сурового характера местности крепости, которая стала поразительно неприступной, благодаря работе рук [человеческих]. Если и была одна тропа, чтобы подниматься, то сразу двое не могли по ней идти, так она была узка. После долгого времени, когда хитрости Иоанна были истощены, Иллусовы[16] были преданы теми, кто были с ними, и они были схвачены спящими. По приказанию Зенона оба были убиты вместе с теми, кто их

[14] Первая часть предложения с «или» в тексте пропущена.

[15] В тексте одно непонятное слово исправлено В. Райтом без достаточных оснований, я предпочитаю его опустить.

[16] Не представляется правильным считать выражение «дома Иллуса» как подразумевающее только Иллуса и Леонтия, как полагает В. Райт; это выражение значит «Иллус и те, кто с ним» — Иллусовы.

предал, и отрезали руки у всех остальных, которые были с ними. Таковы были беды у ромеев в дни Пероза.

§ 18. После того как искали [Пероза] и не нашли его, как я говорил выше, Балаш,[17] брат его, воцарился вместо него. Это был муж смиренный и миролюбивый. Он не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю нашел опустошенной из-за нападений гуннов. Ибо небезызвестно вашей мудрости, какой ущерб и расходы несут цари при войнах, даже победоносных, тем более несчастных. От ромеев и ему не было никакой помощи, как и его брату. Он отправил послов к Зенону, чтобы тот прислал ему золота. Но этот был занят войной с Иллусом и Леонтием, а также помнил то золото, которое было послано в начале мятежа и осталось там у персов. Он не захотел им ничего посылать, но прислал [сказать]: «Достаточно тебе податей, которые ты взимаешь с Низибии, и они уже много лет принадлежат ромеям».

§ 19. Балаш, так как у него не было золота,[18] чтобы содержать свои войска, был ничтожен в их глазах. Маги[19] также его ненавидели за то, что он пренебрегал их законами и желал построить бани в городах для омовений. Когда они увидали, что он не уважаем войском, они схватили его, выкололи ему глаза и поставили вместо него Кавада,[20] сына Пероза, его брата, имя которого мы упоминали выше,[21] который был заложником у гуннов. Он-то и повел войну с ромеями из-за того, что ему не было дано золота. Кавад отправил послов и одного большого слона в дар императору, чтобы тот послал ему золото. Пока послы достигли Антиохии Сирийской, умер Зенон, и воцарился после него Анастасий.[22] Когда персидский посол оповестил Кавада, своего господина, относительно перемен в ромейском государстве, он послал ему сказать, чтобы поспешил отправиться и потребовал обычное золото или сказал царю: «Принимай войну».

§ 20. Итак, вместо того чтобы сказать, как должно, слова мира и спокойствия и порадоваться с [Анастасием] началу этого устроения, которое действительно было ему дано от Бога, он словами угрозы раздражил сознание благочестивого Анастасия. Этот же, когда услыхал его гордые речи и узнал о его дурном нраве, что он обновил отвратительную ересь магизма,

[17] Балаш, с 484 г.
[18] Золото может иметь в сирийском языке значение денег вообще.
[19] Магами сирийцы называют персидских жрецов.
[20] Кавад, с [488] по 531 г.
[21] См. § 10.
[22] Анастасий, с 491 по 518 г.

зарадуштакан [Zaraduštakan], которая учит, что женщины должны быть общими и что каждый может жить с кем хочет,[23] что он делал зло армянам, подвластным ему, за то что они не почитали огонь, он презрел его и не послал ему золота, но послал ему [сказать]: «Как Зенон, царствовавший до меня, не посылал, так и я не пошлю тебе [золота], пока не вернешь мне Низибию. Немалые войны и у меня с варварами, называемыми гепидами,[24] и с теми, которые называются блеммиями,[25] и со многими другими. И я не оставлю ромейские войска, чтобы кормить твои».

§ 21. Когда услыхали армяне, которые были под властью Кавада, что немирно было ему отвечено ромеями, они укрепились, усилились и разрушили храмы огня, которые построили персы в их земле, и убили магов, которые были среди них. Кавад послал против них одного марзбана с войском, чтобы их наказать и обратить их к поклонению огню. Армяне воевали и с ним, разбили его и его армию и отправили послов к нашему императору с тем, что они ему подчинятся. Но он не пожелал принять их, чтобы не думалось, что он возбуждает войну против персов. Те же, кто осуждают его за то, что он не дал золота, пусть осуждают того, кто требовал насильно не принадлежащее ему.[26] Если бы он просил миром и уговором, то ему было бы послано, но он ожесточился, подобно фараону, и угрожал войной. Будем надеяться на правосудие Божие, которое наведет на него еще большее наказание за его нечистые законы, за то, что он хотел уничтожить закон природы и разрушить пути благочестия [религии].[27]

§ 22. Немного спустя кудишайе, которые были под властью Кавада, поднялись против него и пытались войти в Низибию,

[23] Эти сведения о маздакизме обращают на себя внимание как одни из немногих, современных этому течению свидетельств. А. Кристенсен привлек их к своей работе о Каваде, см.: *Christensen A.* Le règne de roi Kawadh I et le communisme mazdakite. Kobenhavn, 1925.
[24] В сирийском тексте слово неясно и может читаться «гепиды», как предложил Т. Нельдеке, см.: *Nöldeke T.* [Рец. на:] The chronicle of Joshua the Stylite composed in Syriac A. D. 507 / With a translation and notes by W. Wright. Cambridge, 1882 // ZDMG. 1882. Bd 36. S. 686.
[25] Βλέμμυες — африканское племя // Cambridge medieval history. Cambridge, 1911. T. 1. P. 480.
[26] Автор, очевидно, полемизирует с тем течением в сирийских провинциях, которые были недовольны войной Византии с Ираном, так как население деревень и городов несло все тягостные последствия этой войны: постой солдат, мародерство, опустошение полей и виноградников, грабеж. Насколько сильно было недовольство, видно из дальнейшего.
[27] Намек на учение маздакитов, требовавших разделения имущества богатых в пользу бедных, и на их взгляды на брак в интерпретации автора (см. § 20).

чтобы поставить там царя из своих, и они немалое время нападали на нее. Также тимурайе, которые живут в персидской земле, когда увидали, что от него им ничего не достается, восстали против него. Они надеялись на высокие горы, в которых они жили; спускаясь, они грабили и обирали окружающие деревни, купцов, приезжих и местных, и поднимались вновь. Также и знать государства ненавидела Кавада за то, что он разрешал их женам изменять. Арабы, которые находились под его властью, когда увидали беспорядок в его государстве, стали разбойничать, насколько хватало сил, по всей персидской земле.

§ 23. В это время нашла на ромеев другая беда: исавры после смерти Зенона восстали против Анастасия и желали поставить императора, который бы им нравился. Когда услыхал об этом Кавад, он решил, что время подходящее, и отправил послов к ромеям, предполагая, что они испугаются и пошлют ему золото, потому что восстали против них исавры. Анастасий послал ему [ответ]: «Если ты просишь взаймы, я тебе пошлю, если же по обычаю, то я не пренебрегу войсками ромейскими, занятыми войной с исаврами, для того, чтобы быть помощью персам». Этим Кавад был унижен, потому что замысел его не удался. Погибли исавры, они были уничтожены, убиты, а все города их опустошены и сожжены. Знатные персидские [люди] думали тайно убить Кавада за нечистые обычаи и извращенные законы. Когда он это узнал, то он оставил свое государство и бежал к гуннам, к царю, у которого рос, когда был заложником.

§ 24. Воцарился вместо него у персов Замашп, брат его. Кавад же взял себе у гуннов в жены дочь своей сестры. Его сестра была там взята в плен во время войны, в которую был убит его отец, а так как она была дочерью царя, то стала женой гуннского царя, и от него у нее была дочь. Когда Кавад бежал туда, она дала ее ему в жены.[28] Он приободрился, породнившись с царем, и, плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истребить знать и утвердиться в своем государстве. И дал ему его тесть немалое войско, по его просьбе. Когда он достиг персидской земли, услыхал об этом его брат и бежал от него, а Кавад исполнил свое желание и казнил знатных. Он также послал к тимурайе, угрожая им, что если они не подчинятся ему по своей воле, то

[28] Обычай персидских царей жениться на сестрах и на других кровных родственницах общеизвестен. О нем сообщал еще гностик Бардесан. У Табари версия женитьбы Кавада другая.

они дождутся, что он их победит в войне; если же они примкнут к его войску и войдут с ним в ромейскую землю, то он уделит им из добычи оттуда все, что у них было отнято. Те испугались гуннских войск и подчинились ему. Кудишайе, которые жили близ Низибии, услыхав об этом, также подчинились. Арабы же, когда узнали, что ожидается война с ромеями, с большой поспешностью сами собрались к нему. Армяне, боясь, чтобы он не отомстил за то, что они разрушили перед тем храмы огня, не хотели подчиниться ему. Кавад собрал войско и воевал с ними. Он взял верх над ними, но не опустошил их, а обещал им, что не будет принуждать к почитанию огня, если они станут ему помощниками в войне с ромеями. Они по боязни, против воли согласились. Относительно того, что делал Кавад, когда вошел в пределы ромеев, об этом я скажу в свое время. Теперь же относительно знамений и взысканий, которые были в это время, о саранче, чуме и дороговизне, как ты просил меня написать и как они следовали во времени, — к этому я обращаю свое слово. Чтобы не путать рассказа, я поставлю годы один за другим, отделяя их, и под каждым из них особо напишу то, что в нем произошло, а Бог будет мне помощью по молитве твоей избранности.[29]

§ 25. Год 806 Александра[30] [494/5 г. н. э.]. Относительно войны и как она возгорелась я достаточно сообщил, как ты того желал, о отец наш, хотя я вкратце написал эти истории, избегая многословия. Часть из них я нашел в старых книгах, часть узнал из общения с людьми, которые были отправлены послами к обоим царям, прочее — от тех, которым случилось самим быть среди этих событий. Теперь же о том, что случилось у нас, хочу я сообщить тебе, так как с этого года начались ужасные наказания[31] и знамения, которые были в наши дни.

§ 26. В то время были совершенно здоровы наши тела, но немощи и болезни наших душ были многочисленны. Бог, который хочет, чтобы грешники обратились от грехов своих и жили, сделал зеркалом нашу плоть. Нарывами покрылись все наши тела, чтобы на внешнем мы видели, чему подобно наше внутреннее, и чтобы раны нашего тела научили нас, каковы раны наших душ. И так как все люди грешили, все были поражены этим наказанием. Были нарывы и чирьи у всех жителей нашего города, распухли лица у многих, наполнились гноем, и вид их был ужасен. У других же все тело было полно

[29] Подобно выражению «твоей милости».
[30] Летосчисление ведется сирийцами от времени Александра Македонского.
[31] Взыскания, кары.

нарывами и чирьями от ладони их рук до ступни ног, у иных открывались глубокие раны одна за другой на членах. Но по покрывающей милости Божией эта болезнь недолго оставалась у человека и ни недостатков, ни разрушений не оставалось на теле, но раны нарывов по выздоровлении закрывались, и члены оставались в сохранности и могли исполнять свою работу в теле. В это время в Эдессе продавались 30 модиев[32] пшеницы за динарий[33] и 50 модиев ячменя за динарий.

§ 27. Год 807 [495/6 г. н. э.]. В 17-й день месяца ияра этого года [май 496 г.], когда благодеяния с небес ниспосылались щедро на всех людей, урожай по благословению был велик, дождь падал и плоды земли умножались в свое время, многие из горожан оставили надежду на спасение и открыто грешили. Забавляясь в роскоши, они даже не воздавали благодарности Богу за дары, ниспосылаемые им, но в пренебрежении была у них [эта обязанность],[34] и они были испорчены болезнями грехов. А когда им стало недостаточно грехов тайных и явных, которым они предавались, они появлялись в этот знаменательный день, т. е. в ночь с пятницы на субботу, там, где танцевал плясун, именуемый Тримериус. Зажигалось бесчисленное множество светильников в честь этого праздника — обычай, которого до того не было в городе. И от ворот театра до ворот гротов[35] они расположили их по земле со стороны реки, поставив по ее берегу горящие светильники, повесили их в портиках, антифоре, в верхних улицах[36] и во многих местах. По причине этого нечестия Богом было показано удивительное знамение, чтобы исправить их. Знак креста, который был в руке статуи блаженного Константина царя, удалился из руки этой статуи на один локоть и оставался так в пятницу и в субботу до вечера. В воскресенье знак сам по себе приблизился к своему месту, и статуя взяла его в свою руку, как она держала его прежде. Этим знамением было разъяснено лучшим, что происшедшее событие далеко от воли Божией.

§ 28. Год 808 [496/7 г. н. э.]. Но нам не было достаточно этого знака свыше, чтобы удержать нас от зла, напротив, мы

[32] Модий — мера сыпучих тел. Модий содержит 40 римских литр.

[33] Динарий — золотая монета, соответствует номисме (солиду).

[34] Одно слово в рукописи неясно. В. Райт его восстанавливает как «обязанность».

[35] Ворота гротов или гробниц, расположенных в западной части города. Описание этих гротов дал Э. Закау: *Sachau E.* Reise in Syrien und Mesopotamien. Leipzig, 1883. S. 200.

[36] Αντίφορος — hotel de ville, town — hall. Верхние улицы нагорной части Эдессы, где жил Абгар в III в.: Chronicon Edessenum // *Guidi I.* Chronica minora. Parisiis, 1903. P. I. P. 12 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 4).

усердствовали и отдавались греху с легкостью. Малые клеветали на ближних, а сильные были полны лицемерия. Зависть и ложь господствовали над всеми нами, и разврат и распутство умножились. Усилилась болезнь нарывов у людей, глаза многих в городе и деревнях были затронуты. Была же прекрасна ревность епископа мар Кира.[37] Он побудил горожан сделать вместилище из серебра для почитания сосудов евхаристии, чтобы поставить их в него, когда отправятся служить с ними в память одного из мучеников. Каждый дал, что мог, по своим возможностям. Евтихиан, муж Ирины, первый показал добрую волю и дал собственных 100 динариев.

§ 29. Отослан был эгемон Анастасий, вместо него в конце этого года прибыл Александр. Он очистил улицы города от навоза, убрал будки,[38] которыми застроили ремесленники портики и улицы. Он поместил ящик перед своим преторием, сделал отверстие в крышке и написал над ним: «Всякий, кто желает сообщить что-нибудь и нелегко ему сделать это открыто, пусть напишет и бросает в него без страха». По этой причине Александр узнал много вещей, так как многие писали и бросали в [ящик]. Он сидел точно, каждую пятницу, в храме[39] мар Иоанна Крестителя и мар Аддая апостола и творил суд безвозмездно. Усилились [притесненные][40] против притеснителей и ограбленные против грабителей и приносили ему жалобы, и они судили их.[41] Нерассмотренные жалобы давностью свыше 50 лет приносили ему и решались им. Он построил крытый ход около ворот гротов и вновь начал строить общественные бани, которые за много лет было предположено построить около зернохранилища.[42] Он приказал ремесленникам вывешивать на их лавках с кануна воскресенья кресты с 5 горящими фонарями.

§ 30. Год 808 [497/8 г. н. э.]. Пока все это происходило, приблизилось опять время праздника, в который распевались языческие сказания, и горожане приложили стараний больше, чем прежде. Еще за 7 дней они стекались толпой к театру в вечернее время, одетые в льняные одежды, покрытые тюрбанами, с распоясанными бедрами. Перед ними горели светильники, курился

[37] Мар — господин; в сирийском языке широко распространенный термин и обращение, как во французском monsieur.

[38] *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. Oxonii, 1901. T. 2. Col. 3361.

[39] Мартирион — храм.

[40] «Притесненные» в тексте нет, слово случайно пропущено, оно требуется контекстом.

[41] Переход к множественному числу обусловлен тем, что судил эгемон не один.

[42] Σιτικόσ, σιτώνιον — государственное зернохранилище.

фимиам, и они бодрствовали всю ночь, кружась по городу и прославляя плясуна до утра в песнях, кликах и высокомерии. По этой причине у них было в пренебрежении ходить на молитву, и ни один не приходил к [мысли] о своей чести, но в своей гордости они издевались над скромностью своих отцов, которые говорили: «Вы не должны делать всего этого, подобно нам». Простецы и невежды были жители города в старое время, поэтому они пребывали в нечестии, и не было никого, чтобы противиться им, прервать и научить их. В это время в Эдессе находился Ксенайа, епископ Маббогский,[43] о котором более других думалось, что он принял на себя труд поучения, но и он не беседовал с ними об этом предмете больше одного дня. Но Бог в своем милосердии показал им ясно попечение, которое он имел о них, чтобы удержать их от греха. Две базилики и тепидарии[44] летних бань упали, но по милости Божией никто не был там поражен, хотя много людей было в ней, работавших внутри и снаружи. Никто из них не умер, кроме двух человек, которые были раздавлены, когда они бежали от шума падения в двери ванны; достигнув ее с двух сторон, с одной и другой, чтобы повернуть ее, они держались около нее в споре, кто из них выйдет первым, и упали на них камни, и они умерли. И прославили Бога все лучшие,[45] что он оберег город от горя для многих. Падение же это было таково, что даже нижние камни, которые были расположены на поверхности земли, были вырваны со своего места.

§ 31. В этот же год вышло повеление Анастасия отменить [подать] золотом, которую давали ремесленники раз в 4 года, и они были освобождены от подати.[46] И не только в Эдессу пришел этот приказ, но и во все города, подвластные ромеям. Давали же эдесситы раз в 4 года 140 литр золота. И радовался весь город. В белое оделись все от мала до велика, неся горящие восковые свечи, дымящиеся курительницы,[47] они вышли с псалмами и песнопениями, прославляя Бога и чествуя царя, к

[43] Ксенайа — (Филоксен) Маббогский, епископ города Маббога; умер после 522 г. (вероятно, в 523 г.); плодовитый писатель, монофизит.

[44] Античные бани имели следующие отделения: раздевальню — apodyterium; холодное отделение — frigidarium, при котором делался холодный бассейн; tepidarium — теплую комнату, служившую переходом в горячее отделение — calidarium. В этом последнем находилась общая ванна alveus и labrum.

[45] См. § 27.

[46] Χρυσάργυρον — подать, уплачиваемая городским населением, была уничтожена эдиктом Анастасия в мае 498 г., дата известна только по сирийским хроникам.

[47] О курительницах этой эпохи см.: Сасанидское серебро и бронза. Изд. Гос. Эрмитажа. 1933. Табл. 23 и 24.

храму мар Саргиса и мар Шемона.[48] Они справили там евхаристию, вернулись в город и на всю неделю устроили праздник радости и веселья и постановили, что будут праздновать этот праздник из года в год. Возлежали и веселились все ремесленники, омывались и праздновали во дворе храма и во всех портиках города.

§ 32. В месяце хазиране того же года [июнь 498 г.], в 5-й день покинул этот мир епископ мар Кир и вместо него был [поставлен] Петр. Он прибавил к годовым праздникам праздник Осанны[49] и установил обычай освящать воду в ночь накануне праздника Эпифании,[50] над миром для помазания в пятницу[51] молиться[52] перед всем народом и прочее для других праздников.

Снят был эгемон Александр и вместо него [был назначен] Демосфен, по приказу которого выбелили все портики города. Люди, опытные в делах, были этим весьма встревожены и говорили, что это признак близости несчастий.[53]

§ 33. Год 810 [498/9 г. н. э.]. Пример правосудия Божия был нам показан в это время для того, чтобы прекратить наши злые обычаи. В месяце ияре этого года [май 499 г.], когда приблизился день, в который устраивали этот скверный языческий праздник,[54] множество саранчи пришло в нашу страну с юга. Она ничего не испортила и не повредила, только положила немалое количество яиц в нашей земле. Когда кладка яиц в земле была окончена, случилось сильное землетрясение. Оно было явлено для того, чтобы пробудить народ, погрязший в грехах, дабы не постигли их голод и чума.

§ 34. В месяце абе этого же года [август 499 г.] вышел эдикт Анастасия [запрещающий] бои зверей[55] в городах ромейских. В месяце илуле [сентябрь] было сильное землетрясение, и великий шум с неба был слышен на земле, так что земля до основания потряслась от этого шума. И все деревни и города были встре-

[48] Саргис — Сергий, Шемон — Симеон. Под Эдессой находился армянский монастырь Der Serkis, в котором имелись древние пещеры и катакомбы, см.: *Sachau E.* Reise nach Syrien und Mesopotamien. S. 202.

[49] Вербное воскресенье.

[50] Крещение.

[51] Страстная пятница. Обычай, известный по сирийским богослужебным книгам.

[52] В рукописи это слово неразборчиво.

[53] Текст последней строки несколько испорчен.

[54] О котором была речь в § 27 и 30.

[55] Транскрибированное по-сирийски греческое слово κυνήγιον — охота; здесь подразумеваются бои диких зверей, устраиваемые в городских амфитеатрах.

вожены этим шумом и землетрясением. Со всех сторон до нас доходили тяжелые слухи и нехорошая молва. Как рассказывали друг другу, был видим удивительный знак на р. Евфрате, и у горячих источников Абарны[56] прекратилось течение струй в этот день. Мне не кажется это ложью, потому что всякий раз, когда земля раскалывается при землетрясении, случается, что воды, которые текут в местах, которые расщепились, прекращают свое истечение и [также] уклоняются в другую сторону. Так и блаженный Давид говорит в 18-м псалме о суде, который придет от Бога на его врагов через трясение земли и рассечение гор и о прочем, чтобы мы знали, что все это случится. Он говорит: «Открылись источники вод и были видны основания вселенной от твоего гнева, Боже». (Пс. 17:16).

В этом месяце пришло письмо, которое было прочитано перед всем церковным собранием, о том, что внезапно среди ночи пал город Никополис,[57] и среди него были задавлены все его жители. Приезжие, бывшие там, и братья из нашей школы, отправившиеся туда, которые находились внутри него, были поглощены, а их пришедшие товарищи рассказали об этом нам. Вся стена, окружающая город, и все, что было внутри нее, было разрушено в ту ночь, и ни один человек не остался в живых, кроме епископа этого города и двух других человек, которые спали вне апсиды алтаря храма. Когда падала крыша этого дома, в котором они спали, пришелся один конец дерева на край этого алтаря, и их не раздавило. Вот что мне рассказал один брат правдолюбец: «В вечернее время той ночи, в которую пал [Никополис], мы легли в городе, я и один мой товарищ. Он беспокоился и сказал мне: „Вставай, пойдем ночевать за город в пещеру, по нашему обыкновению, потому что я не могу здесь оставаться, воздух зноен для меня и сон не приходит ко мне". Поднялись мы с ним, вышли за город и переночевали в этой пещере по нашему обычаю. Когда приблизилось утро, я разбудил брата, который был со мной, и сказал ему: „Вставай-ка, потому что рассвело, пойдем в город, чтобы справлять наши дела". Встали мы с ним и пошли в город и нашли развороченными все его здания и зарытыми в них людей, скот, волов, верблюдов, и звук их стенаний раздавался из земли. Те, кто приблизились туда, вытащили епископа из-под бревна,[58] под которым он скрылся. Он попросил хлеба и вина, чтобы испол-

[56] Источники Абарны: *Honigmann E.* Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Brüssel, 1935. S. 34.

[57] Никополис, город в Евфратезии: PE. Bd 17. Hf. 1. Col. 535—536.

[58] В рукописи неясно одно слово: может быть, бревна «церкви» или бревна «крыши».

нить евхаристию, но так как весь город был разворочен, в нем не оставалось ничего. Случилось [тут] быть приезжему, хорошему человеку, он дал ему маленькие кусочки и немного вина. [Епископ] совершил евхаристию, помолился и роздал тем, кто там был, тайны жизни. Он был похож в это время, как мне кажется, на праведного Лота, когда тот бежал из Содома». Того, что сказано, — достаточно.

§ 35. На севере был также один храм, называемый Аршемшат,[59] который был основательно выстроен и красиво украшен. В известный день, в который была память святых, почивших в нем, из года в год собирались туда многие со всех сторон: одни для молитвы, другие для торговли, потому что много провизии нужно было для людей на том сборище, которое собиралось. В то время, как там было множество народа — мужчин, женщин и детей — всякого положения и всякого рода, ударила сильная молния, [раздался] страшный грохот, шум сотрясения, и бросился весь народ в этот храм, чтобы иметь убежище у костей святых. Когда они были в великом страхе, до полуночи оставаясь в молитве и служении, упал храм и раздавил собой большинство людей, которые в нем были. Случилось же это в тот же день, что разрушен был Никополис.

§ 36. Год 811 [499/500 г. н. э.]. При всех этих землетрясениях и ужасах никто из нас не уклонился от зла, поэтому наша страна и наш город не имели оправдания. Так как мы были оберегаемы от наказания, постигшего других, и не были испуганы слухами из отдаленных мест, то мы были поражены ударом, от которого не было излечения. Признаем справедливость Божию и скажем: «Справедлив Господь и праведны суды его» (Пс. 118:137), потому что по своему долготерпению знамениями и чудесами он желает отвратить нас от зла.

В месяце тешри первом этого года [октябрь 499 г.], 23-го, в день субботний, при восходе солнца свет оставил его, и сфера света стала подобна серебру, и лучи его не были видны, наши глаза легко и беспрепятственно смотрели на него, потому что не было у него яркости, блеска лучей, которые мешали бы смотреть на него. Как нам было легко смотреть на луну, так же мы смотрели и на [солнце]. Оно оставалось таким приблизительно до 8 часов. Земля же, над которой оно взошло, была немного в сумерках, подобно тому, как если бы она была посыпана пеплом или серой. В тот же день случилось другое знамение, страшное и потрясающее, в стене города. Благодаря вере царя и справедливости его обитателей прежних времен, этот

[59] Mesopotamia et Armenia quarta. См.: *Honigmann E.* Die Ostgrenze... S. 72.

город был достоин получить благословение от Господа. В настоящее время он был близок к тому, чтобы были уничтожены его жители, по множеству их грехов. Ибо трещина сделалась в стене, с юга до больших ворот, и часть камней с того места рассыпалась на немалое расстояние от нее. По распоряжению отца нашего епископа мар Петра были устроены моления, и каждый просил у Бога милости. Он собрал весь свой клир, давших обет мужчин и женщин и всех сынов святой церкви, богатых вместе с бедными, мужчин вместе с женщинами и детьми. Неся кресты, они обходили все улицы города с псалмами и песнопениями, в черных одеждах смирения. Также и все монашествующие в нашей области с великим усердием пребывали в служении, и по молитве всех святых свет солнца стал на свое место, что было нам некоторым утешением.

§ 37. В месяце тешри втором [ноябрь 499 г.] мы увидали в полдень 3 знамения в небе. Одно из них было посредине неба, с южной стороны, красками подобное радуге, бывающей в облаках, с вогнутостью вверх, т. е. выпуклость его [была обращена] вниз, а концы вверх. Другое [знамение] было на востоке, третье — на западе.

Затем в месяце кануне втором [январь 500 г.] мы видели другое знамение в юго-западном крае неба, которое было подобно копью. Одни люди говорили о нем, что это метла уничтожения, другие говорили, что это копье войны.

§ 38. До сих пор нас поучали только молвой и знамениями, с этого же времени и в дальнейшем кто может рассказать о бедствиях, которые окружили нашу страну со всех сторон? В месяце адаре того же года [март 500 г.] вышла на нас саранча из земли, но ее количество заставило думать, что не только из яиц, которые были в земле, она вышла, но что самый воздух изрыгнул ее на нас и что она также спустилась с неба. Пока она только ползала, она сожрала весь Ароб,[60] область Решайны, Теллы и Эдессы. Когда она стала летать, то протяжение занятого ею круга было от границы Ассирии до западного моря, на севере она дошла до границы области Ортайе.[61] Саранча сожрала и опустошила эти области и уничтожила все, что было в них, до такой степени, что, прежде чем наступила война, мы увидали своими глазами то, что было сказано о вавилонянах: «Перед ними земля как рай Эдемский, за ними оголенная пустыня» (Иоиль 2:3). И если бы воля Господня не возбранила ей, она сожрала бы людей и скот, что

[60] Область на запад от Низибии, принадлежавшая Византии: *Marquart J.* Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901. S. 162—163.

[61] Область Анзитены была занята племенем ортайе на юге Армении: *Nöldeke T.* Zwei Völker Vorderasien // ZDMG. 1878. Bd 33. S. 163.

она и сделала, как мы слышали, в одном селении. Положил человек малого ребенка на поле, когда они работали, и пока они шли из конца в конец поля, напала на него саранча и лишила жизни. Тотчас в месяце нисане [апрель 500 г.] начала возрастать цена на зерно и на все прочее. Продавалось 4 модия пшеницы за динарий. В месяцах хазиране и таммузе [июнь и июль 500 г.] жители этих мест были лишены всего [необходимого] для жизни. Они посеяли просо для собственного употребления, и его не было достаточно, так как оно не уродилось. Еще до конца года нужда заставила людей нищенствовать от голода. Они продавали свое имущество — скот, быков, овец, свиней — за половину цены, потому что саранча съела всю растительность, не оставив ни пастбищ, ни пищи ни для людей, ни для скота. Многие покинули свои области и отправились в другие области севера и запада. А больные, бывшие в деревнях, старики и дети, женщины и младенцы, которые были мучимы голодом и не могли отправиться в дальние области, пошли себе в города, чтобы выпрашивать на жизнь. И опустели селения многие, и деревушки остались без людей. Но не избежали наказания даже те, которые отправились в далекие области, но как написано о народе израильском: «Куда бы они ни шли, рука Господня была над ними для несчастья» (Суд. 2:15). Так же случилось и с этими. Постигла их чума в областях, в которые они отправились. Также и тех, которые вошли в Эдессу, поразила чума. О чуме я расскажу несколько дальше, насколько я смогу, так как какова она была [в действительности], я думаю, что нет никого, кто бы мог это описать.

§ 39. Теперь же, так как ты меня просил, я напишу тебе относительно дороговизны, ибо я не хотел ничего об этом сообщать, но я принудил себя, чтобы тебе не думалось, что я пренебрег твоим приказанием.

В то время пшеница продавалась 4 модия за динарий, а ячмень — 6 модиев за динарий, мера гороха за 500 номиев, мера бобов за 400 номиев, мера чечевицы за 360 номиев. Мясо же еще не было дорого. Но с течением времени цены возрастали, и муки голода охватывали людей. Все, что не было съедобным, было дешево: одежда, утварь, домашние вещи продавались за пол- или за одну треть цены, но и этого не было достаточно, чтобы пропитать их хозяев, ввиду высокой цены на хлеб.

В это время отправился отец наш мар Петр к императору, чтобы просить его снять подать.[62] Судья же схватил деревен-

[62] Денежная подать, но отнюдь не подушная «capitatio», как, видимо, думает В. Райт, вставляя его как эквивалент для συντέλεια.

ских господ[63] и мучил их большими мучениями и вымогал у них, так что, до того как епископ убедил императора, золото от судьи в столицу было послано. Когда увидал император, что пришло ему золото, он не пожелал его отдать, но, чтобы не отсылать отца нашего ни с чем, он снял надбавки[64] с деревенских и их стоимость, которую они платили, а городских освободил от заготовки воды ромеям.[65]

§ 40. Также и судья отправился к императору, препоясанный своим мечом, и оставил Евсевия оберегать свое место и управлять городом. Когда Евсевий увидал, что не в состоянии хлебопеки делать достаточно хлеба для базара из-за множества деревенских людей, которые наполняли город, и потому что у бедных не было в домах хлеба, он приказал, чтобы всякий, кто попросит, изготовлял бы хлеб и продавал на базаре. Пришли женщины еврейки, и он дал им пшеницы из зернохранилища,[66] и они делали хлеб для базара. Несмотря на это, бедные нуждались, потому что не было у них денег, чтобы купить на них хлеба, и они бродили по базарам, портикам, дворам, чтобы выпросить себе кусок хлеба, но не было человека, в доме которого был бы излишний хлеб. И когда выпросит кто-нибудь из них гроши[67] и не [может] купить себе на них хлеба, то покупал себе на них репу, капусту или мальву и съедал их сырыми. По этой причине была дороговизна овощей и недостаток всего в городе и селениях, так что люди осмеливались входить в святые места и от голода съедали дары, как простой хлеб. Другие от мертвых тел, которых не едят, отрезали, варили и ели; свидетелем этому была и твоя правдивость.

§ 41. Год 812 [500/501 н. э.]. в этом году после сбора винограда вино продавалось 6 мер[68] за динарий, а каба[69] винограда за 300 номиев. Усилился голод в селениях и в городе, так что те, кто оставались в селениях, ели горькие травы,[70] другие варили опавший виноград и ели, но все это их не насыщало. Те, что были в городах, бродили по площадям, подбирая корни и листья растений, запачканные навозом, и ели их, а спали в портиках и на площадях. Они стонали ночью и днем от мучений

[63] «Деревенские господа» — подробности см. в исследовании (с. 81—82).
[64] Ἐπιβολή — надбавка, см. в исследовании (с. 90—91).
[65] Разумеется снабжение и доставка воды византийскому гарнизону Эдессы, возможно, и городским чиновникам.
[66] Ἀπόθετον — государственная житница, зернохранилище.
[67] Obolus, quadrans — мелкая монета.
[68] Мера жидких тел.
[69] Каба — мера сыпучих тел.
[70] Горькие травы, vinacea.

голода, их тела чахли, они ослабевали и худобой своего тела были подобны шакалам. Ими был наполнен весь город, и они начали умирать в портиках и на улицах.

§ 42. Когда эгемон Демосфен отправился к императору,[71] он сообщил ему об этом несчастии, и дал ему император немало золота, чтобы раздать бедным. Когда эгемон прибыл от него в Эдессу, он повесил многим людям на шеи свинцовые печати и давал каждому из них по литре[72] хлеба в день. Но они все же не могли существовать, потому что они исстрадались от мук голода, истощавших их. В это время, в месяце тешри втором [ноябрь 500 г.], усилилась чума. В месяце кануне первом [декабрь], когда начались холода и морозы, так как они ночевали в портиках и на улицых, смерть постигала их во время сна. Плакали дети и младенцы на всех улицах; у одних умерли матери, другие их оставили и убежали, потому что они просили кушать, а им нечего было им дать. Трупы валялись на всех улицах распростертыми, и горожане не были в состоянии хоронить их, потому что, пока они уносили тех, которые умерли первыми, они, возвращаясь, находили других. Следуя усердию мар Нонна, ксенодоха [гостиника], стали и братья обходить и собирать эти трупы. И собирался весь город к воротам ксенодохейона уносить мертвых и хоронили их с утра до утра. Экономы храма — священник мар Теватил и мар Стратоник, который впоследствии был удостоен звания епископа в городе Харране, устроили больницу в одном из строений Эдесского храма. Те, которые были больны, входили и ложились там. Много трупов находили в больнице и хоронили их вместе с [трупами] ксенодохейона.

§ 43. Эгемон устранил ворота базилики, расположенной около зимних бань,[73] и разложил там солому и плетенки. Они ложились там, но и этого не было достаточно для них. Когда увидали это знатные города, они тоже устроили больницы, и многие приходили и находили приют у них. Также и ромеи[74] устроили места, в которых могли ложиться больные, и взяли на себя заботу об их расходах. Они умирали смертью мучительной и печальной. Хотя каждый день хоронили многих из них, их число возрастало, потому что в области, [прилегающей] к городу, ходил слух, что эдесситы оказывают помощь тем, которые нуждаются. По этой причине в город шло несчетное множество народа. Также бани, которые находятся ниже цер-

[71] В Константинополь, к Анастасию.
[72] Литра — мера веса.
[73] Общественные бани.
[74] Византийское войско.

кви апостолов, около больших ворот,[75] были наполнены больными, и ежедневно много трупов выносили из них. Усердно собирался совместно весь город с псалмами, славословиями, песнопениями, гласами, полными надежды воскресения, хоронить тех, что выносили от ксенодохейона. Также и женщины шли с печальным плачем и стенающими криками. Во главе их шел усердный пастырь мар Петр, с ним судья и все видные люди. А после того как похоронят этих, тогда шел каждый и хоронил тех умерших, что были у него по соседству. Когда были наполнены гробницы ксенодохейона и церкви, вышел эгемон и открыл древние гробницы, которые находятся близ церкви мар Кона, с трудом устроенные первоначально, и наполняли их. Открыли другие, и их не было достаточно, наконец, всякую древнюю гробницу, какая была, открывали и наполняли ее. Более 100 трупов ежедневно выносили из ксенодохейона, а многие дни 120 и до 130, с начала месяца тешри второго [ноябрь 500 г.] и до конца адара [март 501 г.]. В то время на всех улицах города не слышно было ничего, кроме плача об умерших или стонов страждущих. Умирали многие во дворах церкви, во дворах города и в харчевнях, умирали также на дорогах, когда шли, направляясь в город. В месяце шаббате [февраль 501 г.] еще возросла дороговизна и усилилась чума. Пшеница продавалась 13 каба за динарий, а ячмень 18 каба за динарий; литра мяса за 100 номиев, литра курятины за 300 номиев, яйцо за 40 номиев. Вообще все съедобное было дорого.

§ 44. В месяце адаре [март 501 г.] были моления о том, чтобы чума не коснулась приезжих. Жители города, молясь за них, были подобны блаженному Давиду, когда он говорил ангелу, который поразил его народ: «Если я согрешил и заблуждался, чем согрешили эти невинные овцы. Пусть будет твоя рука на мне и на доме отца моего» (2 Цар. 24:17). В месяце нисане [апрель] началась чума у горожан, и множество носилок выносилось в один день, но никто не в состоянии сказать их числа. Не над одной только Эдессой был [занесен] этот меч чумы, но от Антиохии до Низибии страдали и мучились люди от голода и чумы. Умерли многие из богатых, которые не голодали, а также многие знатные города умерли в этот год. В месяцах хазиране и таммузе [июнь и июль 501 г.], после жатвы, мы надеялись, что отныне мы избавимся от дороговизны, однако надежда наша не оправдалась, но до 5 модиев за динарий продавалась пшеница новой жатвы.

[75] Большие городские ворота.

§ 45. Год 813 [501/2 г. н. э.]. После этих несчастий: саранчи, голода, чумы, о которых я тебе написал, некоторая передышка была у нас по милости Божией, чтобы, как нас научили события, мы могли перенести грядущее. Был богатый сбор винограда, и продавалось от давильни 25 мер вина за динарий. И бедным досталось с виноградников, благодаря урожаю сухого винограда. Земледельцы и крестьяне говорили, что урожай сухого винограда был больше, чем пшеницы. Когда виноград начал созревать, дул жаркий ветер, который иссушил его во множестве. Разумные говорили, что это было по промыслу Бога, Господа всего, и что милосердие в этом случае было примешано к наказанию, чтобы деревенские, питаясь сухим виноградом, не погибли от голода, как в прошедшем году. Потому что и в это время только 4 модия пшеницы продавались за динарий, а ячменя 6 модиев за динарий. Во время месяцев тешри [октябрь и ноябрь 501 г.] явился такой знак милости: вся зима этого года была чрезвычайно дождливой, и посеянные зерна выросли в различных местах выше человеческого роста еще до наступления месяца нисана [апрель]. Даже и засушливая[76] земля дала приблизительно столько, сколько было посеяно. Также и на крышах домов выросло много травы, которую люди срезали, подобно траве полей, а так как она имела колос и была достаточной высоты, то [различие] отмечалось покупателями. Мы ожидали и надеялись также, что и в этом году зерно будет значительно дешевле, чем в предшествующие годы, но это предположение не оправдалось. В месяце ияре [май] три дня дул жаркий ветер и иссушил все зерно в нашей земле, за исключением немногих мест.

§ 46. В этом же месяце приближался день, когда устраивали этот скверный праздник греческих сказаний, о котором я сообщал выше, но пришел эдикт от императора Анастасия, что плясуны больше не будут танцевать ни в одном городе, подвластном его империи. Тот, кто смотрит в исход явлений, не осудит нас за то, что мы скажем, что по причине того нечестия, которое совершали горожане на этом празднике, одно за другим пришли на нас наказания голода и чумы. Ибо не исполнилось и 30 дней после его отмены, как пшеница, которая продавалась 4 модия на динарий, стала продаваться 12, а ячмень, который продавался 6 модиев [на динарий], стал продаваться 22 [модия]. Каждый увидел ясно, что воля Божия может благословить и малый урожай и дать изобилие тем, кто кается в своих грехах. Хотя все зерно высохло, как я говорил, но не-

[76] Исправляю текст согласно В. Райту.

большой остаток, который оставался, дал передышку в течение 30 дней. Может быть, кто-нибудь скажет, что я нехорошо рассуждаю, что это обращение не было добровольным, чтобы за него могла быть милость, потому что император запретил праздник насильно и приказал, чтобы вовсе не танцевали плясуны. Мы же говорим, что Бог по своему великому милосердию ищет повода, чтобы быть милосердным даже к тем, которые недостойны. У нас есть доказательство, как он умилосердился относительно Ахава, когда тот был пристыжен упреками Илии, и в его дни в доме его не было несчастий, которые давно были предопределены. Ср. (3 Цар. 21:29). Я не хочу сказать, что только один этот грех совершался в нашем городе, — многие грехи делались и тайно и открыто; но потому, что и управители были им причастны, я не хотел открывать эти грехи, чтобы не дать повода тем, которые любят упрекать, болтать, будто я говорю против начальствующих. Но оставить все это дело совершенно в тайне [я не мог], потому что я обещал тебе сообщить, как была возбуждена против нас война. Также, чтобы не сказать ничего против дерзких, я сошлюсь на слово пророка, из которого ты поймешь, что, когда он увидал, что его народ совершал поступки, подобные тем, которые ныне совершаются в нашем городе, особенно у вас и во всей области,[77] он сказал им, как бы устами Господа: «Горе тому, кто говорит отцу — для чего ты порождаешь, и жене его — для чего ты беременишь?» (Ис. 45:10). Об остальном прочем лучше умолчать, потому что справедливо слушать слова Писания, говорящие: «Известно ему, что в это время ему должно промолчать, потому что это время бедствий» (Ам. 5:13). Если же даст Господь, чтобы я увидел тебя здоровым, по возможности мы поговорим об этом с тобой.

§ 47. Теперь выслушай относительно ужасов, которые случились в этом году, и относительно знамений, которые были видимы в те дни, когда они происходили, потому что и об этом ты просил меня. В 22-й день месяца аба этого года [август 502 г.], в ночь на пятницу, большой огонь был видим нам горящим в северном крае [неба]. Мы думали, что огненный потоп готов уничтожить всю землю в эту ночь, но милость Господня нас оберегла без ущерба. Нам было прислано письмо от известного человека, который паломничал в Иерусалим, и в нем было следующее: что в ту ночь, когда мы видели горящим этот большой огонь, был разрушен город Птоломаис или Акка,[78] и ничто не осталось в ней стоящим. А через несколько дней пришли к нам люди из Тира и Сидона и говорили, что в тот день, когда виден был огонь и была разрушена Птоломаида, в тот же день развалилась половина их городов, т. е. половина Тира и половина Сидона. В Бейруте упала только одна синагога евреев в тот день, когда была разрушена Акка. Жители Никомедии[79] были преданы сатане, чтобы быть наказанными. Многих из них мучили демоны, пока они не вспомнили слов Господних и не стали тверды в посте и молитве, и тогда получили исцеление.

[77] Χώρα — прилегающая к городу земля, провинция или область с селениями.

§ 48. В тот же день, когда был виден этот огонь, Кавад, сын Пероза, персидский царь, собрал все персидское войско, отправился и пошел на север. Он перешел ромейскую границу и с гуннским войском, которое было с ним, осадил Феодосиополь в Армении. Он взял его немного дней спустя, так как правитель этой земли, по имени Константин, восстал против ромеев и предал город, потому что имел какую-то вражду с императором. Кавад ограбил город, опустошил и сжег его, также опустошил все селения северной стороны, а прочих оставшихся взял в рабство. Константина он сделал военачальником, оставил в Феодосиополе отряд и ушел оттуда.

§ 49. Год 814 [502/3 г. н. э.]. Также и Месопотамию, в которой мы живем, постигли такие большие несчастья в этом году, что к тому, что случилось с нами в эти времена, может относиться предопределенное Христом, нашим Господом, в своем Евангелии относительно Иерусалима, осуществившееся на деле, а также сказанное о конце этого мира. После землетрясений, которые были в разных местах, как я тебе писал, после того, как были голод и чума, страхи и ужасы, были видимы великие знамения с неба.

Восстал народ на народ и царство на царство, мы пали от острия меча и были порабощены в разных землях, а наша земля была потоптана чужими народами, так что исполнились слова, которые сказал Господь: «Когда услышите о войнах и восстаниях, не ужасайтесь, потому что все это должно прежде случиться, но еще не пришел конец» (Мф. 24:6). Мы осмелились бы сказать, что пришел конец мира, потому что и многие так думали и говорили. Мы же заметили, что не во всем мире была война, и вместе с тем вспомнили слова блаженного Павла, в которых он предупреждал фессалоникийцев относительно пришествия нашего Господа, говоря, что они не должны смущать-

[78] Г. Акра.
[79] В Вифинии.

ся ни словом, ни духом, ни посланиями разными, будто они от него, что вот пришел день Господень (2 Фес. 2:2), и указывал, что не может быть конца, пока не придет лжехристос. Из этих слов Господа и его апостола мы понимаем, что не по причине конца мира случилось все это с нами, но было нашим наказанием за множество грехов.

§ 50. Пришел Кавад, царь персидский, с севера в 5-й день месяца тешри первого [октябрь 502 г.] в субботу и осадил, он и все его войско, город Амид, который находится около нас, в Месопотамии. Анастасий, император ромейский, когда услыхал, что Кавад собрал войско, не хотел встречаться в бою, чтобы не была пролита кровь с обеих сторон. Он послал ему золото через Руфина и приказал, если Кавад на границе и еще не перешел на ромейскую землю, отдать ему золото и отослать его [Кавада]. Когда Руфин достиг Кесарии Каппадокийской, он услыхал, что Кавад опустошил Агел,[80] Суф,[81] Армению и Араб.[82] Тогда он оставил золото в Кесарии, отправился к нему и сказал, чтобы он ушел за границу и взял золото. Тот не захотел, но схватил Руфина и приказал его сторожить. Он воевал с Амидом, сам и все его войско, всеми военными способами днем и ночью. Кавад построил против них насыпь,[83] а амидяне надстроили и увеличили высоту стены. Когда насыпь стала высокой, персы установили таран и стали усиленно бить в стену, так что поддалась новая надстройка, так как она еще не устоялась, и упала. Амидяне же прокопали отверстие в стене под насыпью и тайно уносили землю, которая находилась под ней, в город, поддерживая ее для работы подпорками. Пошатнулась насыпь и упала.

§ 51. Когда Кавад не смог овладеть городом, он послал Наамана, царя арабского,[84] со всем его войском, чтобы он отправился на юг, в область Харрана. [Часть] персидского войска двинулась до города Константины, т. е. Теллы, грабя, разоряя и опустошая всю область. 19-го числа месяца тешри второго [ноябрь 502 г.] Олимпий — дукс[85] Теллы и Евгений — дукс Мелитены, который прибыл в то время, вышли со своими войсками и тех персов, которых они нашли в деревнях вокруг Теллы, уничтожили. Когда они повернули, чтобы возвратиться в город, сообщил им некто, что 500 человек находятся в одной долине, недалеко от них. Они были готовы идти на них, но ромейское войско, бывшее с ними, разбрелось обирать убитых. Так как была ночь, Олимпий приказал разжечь огонь на вершине холма и трубить в рога,[86] чтобы к ним собрались те, что разбрелись. Персидские марзбаны,[87] которые утвердились в селении Тельбешмай, увидав зарево огня и услыхав звук рогов, вооружили все свое войско и пошли на них. Когда увидали всадники ромейские, что персов больше, чем их, они повернули, пешие же не обратились в бегство, но были вынуждены драться. Они собрались, стали в боевой порядок, образуя то, что называется χελώνη, т. е. черепаха, и дрались долгое время. Но так как велико было для них персидское войско, к которому присоединились также гунны и арабы, их ряды были нарушены, они спутались между собою, смешались с всадниками и были потоптаны и уничтожены копытами лошадей арабов. Погибли многие из ромеев, а прочие были взяты в плен.

[80] Агел — Ἀγγιλήνη.
[81] Суф — Σωφηνή, Σωφηνηνή.
[82] Араб, см. § 38.
[83] Сирийское kudnata отвечает греческому λόφος у Прокопия.
[84] Нааман III, Ибн Ал Ахвад, в арабской традиции — Нуман, царь арабов Хиры, с 498 по 503 г.
[85] Δούξ в сирийской транскрипции.

§ 52. 26-го числа того же месяца пришел Нааман с юга и вошел в область Харрана, опустошил, ограбил, взял в плен население, скот, собственность всей Харранской области. Он дошел даже до Эдессы, опустошая, грабя и забирая в плен целые деревни. Кроме скота, имущества и добычи всякого рода было взято в плен 18 500 человек помимо тех, что были убиты. Причиной того, что весь этот народ находился в деревнях, было время сбора винограда, так что не только деревенские вышли на сбор, но и многие харраняне и эдесситы вышли и были взяты в плен. Поэтому Эдесса была закрыта и ее оберегали, были вырыты канавы φόσσλι, была исправлена стена, городские ворота были загорожены глыбами [камня], потому что они обветшали. Намеревались их обновить и сделать засовы [μοχλοί] у шлюзов [καταῤῥάκτη] реки, чтобы никто не вошел через них; но не нашлось достаточно железа для этой работы. Вышел приказ, чтобы каждый двор в Эдессе дал 10 литр железа. Когда это исполнили, работа была сделана. Евгений же, когда увидал, что он не может напасть на всех персов, взял все войско, которое у него осталось, и отправился против отряда, который был у них в Феодосиополе. Он уничтожил тех, что были в нем, и взял город.

§ 53. Кавад все еще продолжал воевать с Амидом, стараясь и трудясь поднять насыпь, которая упала. Он приказал персам камнями и стволами заполнить [место] под ней, принести одеж-

[86] Рога, рожки применялись в качестве труб.
[87] Марзбаны — военачальники.

ды из волоса, шерсти и полотна и сделать из них подобие тюков или мешков, наполнить их землей и наложить их на площадку, которую они сделали, так чтобы она немного возвышалась над стеной. Тогда амидяне построили машину, которую персы назвали «уничтожителем», потому что она всей их работе препятствовала и их самих губила. Этой машиной амидяне метали огромные камни, из которых каждый весил больше 300 литр, так что был разорван полотняный навес, под которым персы прятались, и были раздавлены те, что находились под ним. Постоянным, беспрерывным метанием камней был также разбит таран. Амидяне не могли ничем другим досадить персам, как только большими камнями, потому что большую часть времени полотняный навес был натянут над площадкой. Персы поливали его водой; он был непроницаем для стрел из-за своей толщины и для огня из-за своей влажности. Большие же камни, которые метал «уничтожитель», губили навес, людей и оружие. Этим персы были сражены, прекратили работы с насыпью и стали совещаться: как бы вернуться в свою землю, потому что за 3 месяца, что они сидели около [города], 50 000 из них погибло в сражениях, которые они вели ежедневно, и ночью, и днем. Амидяне же, положившись на свою победу, впали в пренебрежение и не стерегли стену с прежней тщательностью. В 10-й день месяца кануна второго [январь] стерегшие стену выпили из-за холода много вина, а когда наступила ночь, они заснули и впали в глубокий сон; другие оставили свои места, потому что пошел дождь, и отправились укрыться домой. По причине ли этой небрежности, как мы полагаем, или по предательскому сообщению, как говорят люди, или по наказанию Божию, но персы овладели стеной с помощью лестницы, не открыв ворот и не пробив стены.[88] Они опустошили город, ограбили имущество, попрали его святыню, издевались над служением, обнажили его церкви и взяли в плен его жителей, за исключением старых, калек и тех, кто спрятался. Они оставили отряд в 30 000 человек и спустились все к горе Шигар.[89] Оставшиеся персы, чтобы не досаждал им смрад трупов амидян, вынесли их и сложили в две груды за северными воротами. Число тех, что вынесли в северные ворота, было больше 80 000, помимо других, которых вывели живыми и побили камнями за городом, [не считая] скинутых с насыпи, которая была

[88] Известно, что Амид был взят благодаря предательству монахов Ортайского монастыря. Подробности см. в исследовании, с. 145—146.

[89] Σινγάρα, Σιγγάρα, арабское Sinjar: *Honigmann E.* Die Ostgrenze..., см. карту.

построена, сброшенных в Тигр[90] и умерших при различных обстоятельствах, так что мы не в состоянии рассказать об их смертях.

§ 54. Тогда Кавад отпустил Руфина, чтобы он отправился и сообщил императору то, что случилось. Руфин повсюду рассказывал об этих ужасах, и слухами так были испуганы города на восток от Евфрата, что приготовились к бегству на запад. Почтенный Иаков периодевт,[91] который составлял много проповедей на тексты Священного Писания и сочинил песнопения и псалмы о времени, когда была саранча, не пренебрег своим саном и в это время. Он писал увещевательные письма ко всем городам, уверяя их в освобождении божественном и убеждая не бежать. Император Анастасий, услыхав об этом, послал большое ромейское войско зимовать в этих городах и оберегать их. Кавад же не удовлетворился всей добычей, которую он награбил, пленными, которых он полонил, и не упился множеством крови, которую он пролил, но отправил к императору послов, говоря: «Пришли мне золото или принимай войну». Это было в месяце нисане [апрель]. Император не послал золота, но стал готовиться к тому, чтобы отомстить и потребовать наказания за тех, которые погибли. В месяце ияре [май] он послал против него трех военачальников — Ареобинда, Патрикия и Ипатия и с ними многих полководцев. Ареобинд спустился и расположился на границе, около Дары и Амудина, против города Низибии; с ним было 12 000 человек. Патрикий и Ипатий расположились у Амида, чтобы выгнать оттуда персидский отряд, и с ними было 40 000. В это же время вышел епарх Аппион и остановился в Эдессе, чтобы заботиться о пропитании ромейских войск, бывших с ними. Так как не в состоянии были булочники изготовить достаточно хлеба, он приказал выдать пшеницу на каждый двор в Эдессе, чтобы они изготовляли за свой счет солдатский хлеб. И выпекли в первый раз эдесситы 630 000 модиев.

§ 55. Когда Кавад увидал, что бывших с Ареобиндом немного, он послал против них войско, находившееся в Шигаре, около 20 000 персов. Ареобинд разбил их дважды и прогнал их к воротам Низибии, уничтожая так, что многие из бежавших были задушены в воротах, теснясь, чтобы войти. В месяце таммузе [июль] собрались к персам гунны и арабы, чтобы идти на Ареобинда во главе с Константином. Когда он узнал об

[90] Деклат.

[91] Иаков Серугский, или Батнский, сирийский писатель, современник летописца.

этом от шпионов, он послал сказать Каллиопе Алеппскому, Патрикию и Ипатию: «Идите ко мне и помогите мне, потому что большое войско собирается идти на нас». Они его не послушали, но остались на своих местах около Амида. Когда подошли персы к войскам Ареобинда, они не могли воевать с ними, оставили свой лагерь и бежали в Теллу и Эдессу, а все их пожитки были разграблены и схвачены.

§ 56. Войска Патрикия и Ипатия между тем построили три башни из дерева, чтобы взобраться по ним на стену Амида. Когда они закончили строительство башен с большими расходами и эти были опоясаны железом, так что их ничем нельзя было повредить, стало известно то, что случилось на границе. Они сожгли башни, ушли оттуда, отправились за персами, но не настигли их. Один из полководцев, по имени Фарзман, и другой, по имени Федор, хитростью послали овец пройти в Амид, а сами со своим войском сели в засаду. Когда персы из Амида увидели овец, вышло их отборных около 400 человек, чтобы отбить [стадо]. Ромеи, которые сидели в засаде, вышли и перебили их, а главу взяли живым. Он пообещал им предать Амид, вследствие чего туда вернулись Патрикий и Ипатий. Но, когда марзбан не смог выполнить своего обещания, потому что не послушались его те, что были в городе, стратилат приказал его распять.

§ 57. Арабы персидские пошли к Хабору;[92] против них выступил Тимострат дукс Каллиникуса[93] и уничтожил их. Также и арабы ромейские, называемые талабитами, отправились в Хирту Нааманову и нашли караван, который направился к нему [Нааману], и верблюдов, нагруженных для него.[94] Они напали на них, уничтожили их и захватили верблюдов; в Хирте же они не остановились, потому что она удалилась в глубь пустыни.[95] В месяце абе [август] вновь собралось все персидское войско, гунны, кудишайе, армяне и дошли до Ападны.[96] Патрикий услыхал об этом и поднялся, чтобы идти против них. Пока ромеи были еще в дороге и не были построены для боя, персы напали на передовых и побили их. Когда те, что были побиты, повернули обратно, и прочее ромейское войско увидало передовых побитыми, напал на них страх, они не стали

[92] Хабор — Χαβώρας, Ἀβώρας.
[93] Каллиникус или ar Rakkah, на юг от Харрана близ Евфрата.
[94] Ошибка в сирийском слове.
[95] Текстуально сказано, что сам лагерь ушел в глубь пустыни, т. е. обитатели лагеря, забрав имущество, палатки и скот, удалились в глубь страны, оставив лишь укрепленное место.
[96] *Honigmann E.* Die Ostgrenze... S. 14.

ждать боя, но бежали — Патрикий первый и все его войско за ним. Они перешли Евфрат и спаслись в город Шамишат.[97] В этой битве был ранен Нааман, царь персидских арабов. Один из ромейских полководцев, по имени Петр, бежал в крепость Ашпарин, но персы окружили крепость. Испугались ее жители и выдали им Петра. Персы взяли его как пленника, ромеев, которые были с ним, убили, а жителям крепости не причинили никакого вреда.

§ 58. Кавад, царь персидский, предполагал идти на Ареобинда к Эдессе; принуждал его к этому и Нааман, царь арабский, из-за происшедшего с его караваном. Глава одного из племен Хирты Нааманової, который был христианином, отвечал и говорил: «Не утруждай свое величество идти войной на Эдессу, потому что о ней есть нерасторжимое слово Христа, которого мы почитаем, что враг никогда не овладеет ею». Когда услыхал это Нааман, он поклялся, что причинит Эдессе худшее, чем то, что случилось в Амиде, и говорил слова хульные. Но Христос показал на нем видимое знамение, потому что в то время, как он хулил, распухла рана, которая была нанесена ему в голову, и весь его череп воспалился. Он встал и пошел в свою палатку; в этой болезни он пребыл два дня и умер. Но дерзость Кавада и этим знамением не была удержана от злого намерения. Он поставил царя вместо Наамана, поднялся и отправился на войну. Когда от достиг Теллы, он расположился около нее. Иудеи же, которые были там, замышляли предать ему город. В башне синагоги, которую им было поручено сторожить, они сделали подкоп и дали об этом знать персам, чтобы они прокопали [со своей стороны] и проникли через него.[98] Это стало известным комиту Петру, который был в плену, и он попросил тех, что его стерегли, дать ему приблизиться к стене, говоря, что одежда и пожитки кое-какие оставлены им в городе и что он хочет просить теллейцев отдать их ему. Стража послушалась его и его подвели. Он сказал воинам, бывшим на стене, чтобы они позвали ему комита Леонтия, который оберегал в это время город. Они позвали его и полководцев. Петр говорил с ними по-гречески и открыл им хитрость иудеев, а чтобы это дело не стало известным персам, просил, чтобы они

[97] Шамшат, Σαμόσατα: *Poidebard A.* La trace de Rome dans le désert de Syrie. Paris, 1934. Pl. 140.
[98] Сообщаемому факту автор Хроники, клирик, дает неправильное толкование, так как у него доминируют этнические признаки и религиозная принадлежность, а не социальные категории. В Телле, как и в ряде других месопотамских городов, иудеи составляли часть беднейшего ремесленного населения, которому осада приносила тягчайшие лишения. См. исследование, с. 157—158.

прислали ему пару платья.[99] Сначала они сделали вид, что сердятся на него, потом бросили ему со стены пару платья, потому что он действительно нуждался в платье, чтобы одеться. Те спустились со стены и, будто не обеспокоенные хитростью иудеев и не знающие, где это место, стали обходить кругом и рассматривать фундамент всей стены, как бы желая посмотреть, где требуется укрепление. Это сделали ради Петра, чтобы персы не узнали, что он открыл это дело и не увеличили [чинимых] ему притеснений. Под конец они дошли до того места, которое стерегли иудеи, нашли, что оно подкопано, что у них готова в середине башни большая дыра, как это было им сказано. Когда увидали ромеи то, что там было, они вышли с большим гневом и обошли весь город, убивая всех иудеев, которых находили, — мужчин и женщин, стариков и детей. И это они делали несколько дней, и едва прекратили убийства по приказу комита Леонтия и просьбам блаженного Бархедада епископа. Город тщательно стерегли ночью и днем, а святой Бархедад сам обходил и навещал их, молился за них, благословлял их, хвалил их усердие, уговаривал, кропил их и городскую стену крещенской водой. Он брал также святые дары и обходил с ними, чтобы причащать их тайнами на их местах, чтобы ради этого никто из них не оставлял своего поста и не уходил со стены. Он также уверенно отправился к персидскому царю, говорил с ним и умиротворил его. Когда Кавад увидел достоинство этого мужа и приметил бдительность ромеев, ему показалось ненужным оставаться напрасно около Теллы со всем войском, которое было с ним, во-первых, потому, что не было пищи в опустошенной области, и затем потому, что он боялся, чтобы не собрались друг к другу ромейские военачальники и не пошли на него все вместе. Поэтому он быстро стал продвигаться к Эдессе и расположился дней на 20 у р. Галлаб, называемой [рекой] мидян.

§ 59. Дерзкие, которые находились в его войске, обходили кругом область и опустошали ее. В 6-й день месяца элула [сентябрь] разрушили эдесситы все монастыри и постоялые дворы, которые были близ стены, сожгли селение Кефар-Селем, называемое Негбат, срезали все ограды садов и парков вокруг, срубили деревья в них и внесли останки мучеников, находившиеся вне города. Они подняли машины на стену, обвязали сверху волосяными покрывалами зубцы. В 9-й день того же месяца послал Кавад к Ареобинду сказать, чтобы он или принял в город его марзбана, или вышел к нему в долину, потому что он

[99] В. Райт переводит «пару брюк».

желал бы заключить с ним мирный договор. Втайне он велел своему войску, если Ареобинд даст им войти в город, чтобы они повернули и захватили ворота[100] и входы, пока он не придет сам и не войдет за ними. Если же Ареобинд выйдет к ним, они должны быть в засаде, взять его живым и привести к нему. Но Ареобинд, боясь допустить их войти в город, вышел к ним, дойдя до монастыря мар Саргиса и не удаляясь особенно от города. К нему вышел Бави-аштабид, что переводится магистр персов,[101] и сказал Ареобинду: «Если ты хочешь заключить мир, дай нам 10 000 литр золота и установи договором, что мы будем получать каждый год обычное количество золота». Ареобинд обещал дать до 7000 литр, но они не захотели принять и спорили с ним с утра до 9 часов, потому что не нашли случая обмануть его, так как ромеи оберегали его и потому что они боялись воевать с Эдессой после того, что случилось с Нааманом. Они оставили Ареобинда в Эдессе и отправились воевать с Харраном, а всех арабов послали в Серуг. Но Рифит, который был в Харране, вышел тайно из города, напал на них, убил из них 70 человек и захватил живым вождя гуннов. Так как это был известный муж и был весьма уважаем персидским царем, то он обещал харранитам, что, если они отдадут его живым, он не будет с ними воевать. Эти же, боясь войны, отдали ему гунна, послав с ним как бы в подарок стадо в 150 баранов и другие вещи.

§ 60. Арабы, которых персы послали в Серуг, дошли до р. Евфрата, опустошая, забирая в плен и грабя все, что возможно. Патрикиол, один из полководцев ромейских, и его сын Виталиан в это время пришли с запада, чтобы участвовать в войне. Он был бесстрашен в своей храбрости, потому что до того времени он не участвовал в происходившем ранее. Когда Патрикиол перешел реку, он встретил одного из персидских полководцев, вступил с ним в бой, уничтожил всех персов, которые были с ним, и повернул обратно, чтобы идти к Эдессе. Но, услыхав от беглецов, что Кавад осадил город, он вернулся за реку и остался в Шамишат.[102]

В 17-й день того же месяца, в среду, мы увидали слова Христа и его обещания Абгару исполнившимися на деле, потому что Кавад собрал все свое войско, выступил от р. Евфрата и пришел осадить Эдессу. Его лагерь тянулся от храма мар Козьмы и мар Дамиана, через все сады, храм мар Саргиса, се-

[100] Подразумеваются главные «большие ворота» Эдессы.

[101] Речь идет о главнокомандующем (magister militum) византийских войск, которому соответствует персидское звание aštabid.

[102] Самосата, на север от Эдессы, за Евфратом.

ления Бекин до храма исповедников, а ширина его была до крутизны Серрин. Все это бесчисленное войско осадило Эдессу в один день, за исключением стражи, которая была им выставлена на горах и возвышенностях,[103] долина же вся была ими заполнена.[104] Все ворота города были открыты, но персы не могли в них войти из-за благословения Христова. Напал на них страх, и они оставались на своих местах, и никто не вступал с ними в бой с утра до 9 часов. Тогда выступили некоторые из города, напали на них, убили многих персов, а из них пал только один человек. Женщины приносили воду и выходили за стену, чтобы поить тех, что сражались, а малые мальчики метали пращой [камни]. Так, немногие люди, вышедшие из города, прогнали персов и удалили их от стены, потому что они были от нее не дальше, чем полет стрелы. Персы отправились и расположились со стороны селения Куббе.

§ 61. На следующий день вышел опять Ареобинд за большие ворота и, стоя против персидского войска, послал сказать Каваду: «Вот ты видишь на опыте, что город не твой и не Анастасия, но что это город Христа, который он благословил. Он встал против твоих войск, чтобы ты не овладел им». Послал ему сказать Кавад: «Дай мне заложников, чтобы вы не вышли за мной, когда я соберусь уходить; пошли мне также людей, которых вы захватили вчера, и золото, которое ты обещал, и я удалюсь от города». Ареобинд дал ему комита Василия и людей, которые были им захвачены, их было 14 человек, и заключил с ним договор дать ему через 12 дней 2000 литр золота. Снялся Кавад, отправился и расположился в Дахбане.[105] Он не стал ждать условленного времени, но на следующий же день послал одного из своих людей по имени Хормизд и приказал доставить 300 литр золота. Ареобинд собрал у себя знатных города, чтобы обсудить, как собрать это золото. Но когда они увидели Хормизда, пришедшего с поспешностью, они усилились в доверии ко Христу, осмелели и сказали Ареобинду: «Мы не пошлем золота лживому человеку, потому что, как он уклонился от своего слова и не стал ожидать того, чтобы пришел день, который ты ему назначил, так же он обернется и солжет, когда получит золото. Мы верим, что, если он будет воевать с нами, он будет снова посрамлен, потому что Христос стоит пред лицом города». Тогда и Ареобинд осмелел и послал сказать Каваду: «Теперь мы знаем, что ты не царь, потому что

[103] Которые тянутся на запад от города.
[104] Долина тянется вокруг города.
[105] Близ Эдессы.

тот не царь, который сказал слово, отвратился от него и солгал. Если ты лжешь, то ты не царь. Так как ты совершил обман, пришли мне комита Василия и все, что можешь делать — делай».

§ 62. Тогда Кавад разгневался, вооружил слонов, которые были с ним, снялся сам и весь его лагерь и отправился снова воевать с Эдессой в 24-й день месяца элула [сентябрь], в среду. Он окружил город со всех сторон больше, чем в первый раз, когда все ворота были открыты. Ареобинд приказал ромеям не вступать с ним в бой, чтобы не быть обманутыми им. Но немногие деревенские, которые были в городе, вышли на [войско] с пращами и сразили многих одетых [в доспехи],[106] которые были с ним; из них же не пал ни один. Его легионы были достаточно дерзки, чтобы войти в город, но когда они приблизились к воротам, подобно столбу поднятой пыли, они смирились, ослабели и повернули. При быстроте движения [персидских] всадников среди них попали пращники, так что, хотя метали стрелы персы, гунны наклонили палицы и арабы копья направили против них, так что они (т. е. персы) не могли поразить никого. Но как филистимляне, которые вышли на Самсона, и, хотя их было весьма много и они были вооружены, они не смогли его убить, а он, лишенный оружия, ослиной челюстью убил сотню из них, так и персы, гунны и арабы пали сами и их лошади от камней, которые метались пращами, а сами они не могли убить никого из них. Когда [персы] увидали, что не могут ни войти в город, ни поразить безоружных людей, смешавшихся с ними, они подожгли храм мар Саргиса, храм исповедников, все монастыри, которые оставались, и церковь Негбат, которую оставили горожане.

§ 63. Стратилат Ареобинд, когда увидел усердие деревенских, что они не посрамлены, и помощь, оказанную ими, на следующий день собрал всех деревенских, которые были в Эдессе, в церковь[107] и дал им в подарок 300 динариев. Кавад отошел от Эдессы, отправился и расположился у р. Евфрата и оттуда отправил послов к императору, чтобы известить его о своем приходе. Арабы, которые были с ним, перешли через реку на запад и грабили, уничтожали, брали в плен и сжигали все, что находили. Несколько персидских всадников отправились в Батнан,[108] а так как была разрушена стена, то [горожане]

[106] В сирийском тексте эти воины названы просто «одетыми»; подразумеваются воины, имеющие доспехи.
[107] Подразумевается «большая» церковь, главная в Эдессе.
[108] Главный город Серугской области.

не смогли устоять против них, приняли их без боя и отдали им город.

§ 64. Год 815 [503/4 г. н. э.]. Когда император ромейский узнал о том, что случилось, он послал своего магистра[109] Келера [Κέλερ] с большим войском. Кавад, услыхав об этом, стал двигаться вдоль р. Евфрата, чтобы дойти и осесть в своей земле, называемой Бет-Арамайе.[110] Достигнув Каллиникуса, он послал одного марзбана, чтобы напасть на него. Но против [персов] вышел дукс Тимострат и уничтожил все войско, а самого [марзбана] взял живым. Когда Кавад дошел до города, он расположил вокруг него свое войско, клянясь опустошить его и предать всех его жителей мечу и плену, если они не выдадут ему марзбана. Дукс испугался множества персидского войска и отдал его.

§ 65. Когда магистр Целериус[111] достиг Маббога, что на р. Евфрате, и увидел, что Кавад ушел ранее его и что также приходит зимнее время и он не сможет идти за ним, он призвал ромейских военачальников и упрекал их, что они не слушались друг друга, и распределил им города, чтобы зимовать в них до того, как настанет время воевать.

§ 66. 25 кануна первого [декабрь] пришел эдикт императора, что снята подать со всей Месопотамии.

Персы, бывшие в Амиде, когда увидали, что отошли от них ромейские войска, открыли ворота г. Амида, выходили и входили, как хотели. Они продавали купцам медь, олово, железо, старую утварь и все, что находилось в нем, и устроили в нем хранилище. Когда Патрикий услыхал об этом, он ушел из Мелитены, где он зимовал, пошел и расположился у Амида. Всех купцов, которых он находил везущими туда зерно и масло, и тех, что покупали вещи оттуда, он убивал. Он нашел также персов, посланных Кавадом, чтобы доставить туда оружие, зерно, скот, и уничтожил их, и забрал все, что было с ними. Когда Кавад узнал об этом, он послал против него марзбана, чтобы отмстить. Когда они приблизились друг к другу, чтобы биться, ромеи, испуганные бывшими первоначально поражениями, посоветовали Патрикию бежать, а он послушался. В своей поспешности, когда они не знали, куда они идут, они случайно попали к реке, называемой Калат. Так как была зима, река была полноводна, и они не нашли, где ее перейти, но каждый из них, спеша перейти реку, бросался в нее вместе со своей

[109] Magister militum, главный из командующих.
[110] Северная плодородная часть Вавилонии, где города Селевкия и Ктезифон.
[111] Подразумевается тот же Келер.

лошадью. Когда Патрикий это увидел, он стал подбодрять ромеев, говоря: «О мужи ромейские, не посрамим наш народ и наше ремесло, убегая от врага, но обратимся против него, и, может быть, мы сможем одолеть их. Если же они будут сильнее нас, лучше умереть от меча с добрым именем, доблестно, а не погибнуть, как трусы, от потопления». Ромеи послушались его совета, и принуждаемые [препятствовавшей им] рекой, они повернули на персов с гневом и уничтожили их, а их начальников взяли живыми. После этого они вернулись и расположились у Амида. Патрикий послал собрать к себе ремесленников из других городов и много деревенских и приказал им копать землю и сделать яму под стеной, чтобы она пошатнулась и упала.

§ 67. В месяце адаре [март], когда собрались остальные ромеи, чтобы отправиться с магистром, им было дано знамение от Бога, чтобы ободрить их и убедить их в победе. Нам это стало известно из писания церковных людей Зейгмы.[112] Чтобы не думалось, что я говорю что-нибудь от себя или что я послушался и поверил ложным слухам, я приведу из их письма, которое пришло к нам, самые слова. Они следующие:

§ 68. «Послушайте об этом чуде и славном знаке,[113] подобного которому не было и который относится к нам, к вам и ко всем ромеям. Это удивительное явления трудно для понимания и веры плотских людей. Мы же видели его глазами, трогали его и губами читали. Вы можете этому верить без всякого сомнения. 19 адара [март], в пятницу, день убийства нашего Спасителя, гусыня снесла яйцо в Агаре, селении в области Зейгмы. На нем были написаны греческие буквы, прекрасные и ясно читаемые. Они были частью яйца[114] и выступали на вид и на ощупь, подобные тем буквам, которые пишут монахи на чашах благословения,[115] и их выпуклость могут ощутить и слепые. Они были таковы. На [одной] стороне яйца был нарисован крест, от него и до возвращения к нему обратно, вокруг яйца было написано „ромеи“, и еще другой крест был нарисован, и от него до возвращения к нему обратно было написано „победят“. Кресты были нарисованы один над другим, а слова были написаны одно над другим. И не было христианина и иудея, который, видя это чудо, не переставал воздавать славу. Но подобия букв, которые написала десница Божия во внутренностях [гусыни], мы не можем дать, потому что они слишком хо-

[112] Зейгма — область на Евфрате.
[113] Я читаю так же, как и В. Райт.
[114] Буквально «как тело яйца».
[115] Сосуды для евхаристии.

роши. Всякий, кто услышит об этом, пусть верит этому без сомнения».

Таковы слова письма жителей Зейгмы; что касается яйца, то те, в селении которых оно было снесено, отдали его Ареобинду.

§ 69. Ромеи собрали большое войско, спустились и расположились у города Решайна. От Кавада было послано около 10 000, чтобы идти против Патрикия. Они вошли и расположились в Низибии и отдыхали там, а свой скот послали на гору Шигар. Когда об этом услыхал магистр, он послал Тимострата дукса Каллиникуса с 6000 всадников. Они отправились, напали на тех, которые пасли лошадей, уничтожили их и захватили оттуда коней, овец и много добычи. Вернувшись к ромейскому войску к Решайне, они снялись все вместе, отправились и расположились у города Амида около Патрикия.

§ 70. В месяце ияре [май] Каллиопа Алеппский стал епархом, он отправился и поселился в Эдессе. Он дал пшеницы эдесситам, чтобы они делали солдатский хлеб за свой счет. В это время они выпекли [хлеб из] 850 000 модиев пшеницы. Апион отправился в Александрию, чтобы и там изготовлять и посылать солдатский хлеб.

§ 71. Патрикий проник через подкоп, который прокопал под стену Амида. Он набил его деревом и развел огонь, так что внешняя часть стены ослабела и упала, а внутренняя осталась. Он полагал сделать также в ней подкоп и войти вовнутрь города. Когда они прорыли отверстие и ромеи стали подыматься, увидала их одна женщина, амидянка, и от радости внезапно закричала: «Вот ромеи входят в город!». Персы услыхали ее, набежали на первого, который подымался, и проткнули его. После него подымался гот по имени Альд,[116] который был трибуном в Харране, он проткнул троих из этих персов. Но другие ромеи не подымались за ним, потому что персы были им страшны. Когда Альд увидал, что никто не подымается, он испугался и повернул обратно. Он решил спустить с собою труп того ромея, который пал, чтобы его не ограбили персы. Когда он уносил этот труп и спускался в пасть ямы, поразили и его персы и поранили. Они направили туда воды большого источника, который был поблизости, и поразили там четырех из одетых [в доспехи] ромеев, которые готовились подниматься. Остальные бежали и вышли оттуда. Персы собрали камни внутри города и закрыли подкоп, а сверху насыпали много земли. Они тщательно оберегали все кругом, чтобы [стена] не была пробита с другой стороны. Вдоль всей стены, с внутренней стороны были выкопаны канавы [φόσσαι] и их наполнили водой, чтобы, если ромеи сделают другое отверстие, вода потекла бы туда и они об этом узнали. Когда Патрикий узнал об этом от перебежчика, который пришел к нему, он пренебрег подкопами.

[116] Hellad[ios]: *Nöldeke T.* [Рец. на:] The chronicle of Joshua the Stylite... Bd 36. S. 688.

§ 72. Однажды, когда все войско ромеев было тихо и покойно, поводом для битвы послужило следующее. Один мальчик пас верблюдов и ослов. Пасущийся осел, бродя, отошел к стене, а мальчик побоялся подойти и увести его. Один из персов, увидав осла, спустился по веревке со стены, чтобы зарезать его и поднять, чтобы употребить его в пищу, потому что в городе совершенно не было мяса. Один из ромейских воинов, который был родом галилеянин, извлек меч, взял щит в левую руку и побежал к персу, чтобы убить его. Когда он достиг стены, те, что стояли наверху стены, бросили один большой камень и раздавили этого галилеянина, а перс стал подниматься на свое место по веревке. Когда он достиг середины стены, приблизился один из полководцев ромейских, перед которым шли два щитоносца, и метнул стрелу между ними; он поразил этого перса и свалил его к галилеянину. Крик был с обеих сторон, из-за чего все пришли в движение и встали, чтобы биться. Ромейские войска тесно окружили город, из них пало 40 человек и ранено было 150. Из персов, которые находились на стене, мертвых было видно только 9 человек, и немногие были ранены. С ними было трудно биться, так как они были на высоте стены и потому, что они построили себе маленькие будки[117] вдоль всей стены. Они стояли в них и сражались, а снаружи они не были видны.

§ 73. Магистр и военачальники полагали, что им не следует с ними воевать, потому что не путем их убийства может быть [достигнута] победа ромеев, так как в этой борьбе они противостояли всем персам; если же победит Кавад, они сами умрут или погибнут в его темнице. Поэтому [магистр] приказал, чтобы ни один не бился с ними, дабы никто из ромеев не умер или не был ранен. Большая часть войска была испугана.

§ 74. В месяце хазиране [июнь] Константин, который перешел к персам, когда увидал, что дела их не процветают, бежал от них вместе с двумя известными женщинами из Амида, которых ему дал персидский царь. 14 дней он бродил по безлюдной пустыне с немногими, которые были с ним. Когда он достиг возделанной земли, он открыл себя ромейским арабам,

[117] Домики.

которые взяли его и доставили в крепость [castra], называемую Шура, а оттуда его послали в Эдессу. Когда император услыхал о его возвращении, он послал за ними, по прибытии приказал привести его к себе, а одному из епископов возложить на него руки для священства. [Император приказал], чтобы он отправился и поселился в городе Никее, никогда не показывался ему и не принимал участия в делах.

§ 75. Когда Кавад захватил Амид, он побывал в его банях и испытал пользу омовения. Тотчас по возвращении в свою землю он приказал построить бани во всех городах Ирана.

Адид, араб, который был под персидским владычеством, со своим войском предался и подчинился ромеям. В месяце таммузе [июль] вновь напали ромеи на персов в Амиде. Гайнас, дукс Арабайи,[118] многих из них поражал стрелами. Когда день стал жарким, накалились на нем доспехи, и он развязал немного пояс своей кольчуги, из Амида метнули в него стрелу из баллисты, она поразила его, и он умер. Когда магистр увидал, какой вред от его пребывания под Амидом, он взял свое войско и отправился в область персов, оставив Патрикия у Амида. И Ареобинд взял свое войско и отправился в Персидскую Армению, он истребил [мечом] из армян и персов 10 000 мужей, взял в плен 30 000 женщин и детей, ограбил и сжег много деревень. Когда они повернули, чтобы идти к Амиду, он взял 120 000 овец, быков и скота.

В то время как ромеи проходили со стороны города Низибии, они сели в засаду, а захваченную добычу вели немногие, которым это было поручено. Когда увидал один марзбан, который там был, что их немного, он вооружил свое войско и вышел, чтобы отнять у них [добычу]. Эти сделали вид, что бегут, а персы осмелели и стали их преследовать, когда они отдалились от своих мест, вышли ромеи из засады и уничтожили их. Ни один из них не спасся, а было их около 7000 человек. Мушлег[119] — армянин, который был под властью персов, предался со всем своим войском и подчинился ромеям.

§ 76. Год 816 [504/5 г. н. э.]. Оставшиеся и избежавшие меча, которые были оставлены в Амиде его жителям, были в нужде и больших мучениях из-за голода, и персы стали бояться, чтобы они не предали города ромеям. Они связали всех мужчин, которые были там, и бросили их в амфитеатр, и там они погибали от голода и вечных цепей. А женщинам они давали часть своей пищи, потому что они сожительствовали с ними и

[118] Арабайя — область около Дамаска.
[119] Мушег.

также потому, что они были необходимы им, чтобы перемалывать и выпекать для них [хлеб]. Но когда пищи стало недостаточно, они пренебрегли ими и оставляли их без пищи, так как в этот год никто из них не получал ничего, кроме полной пригоршни ячменя в день. Мяса, вина или чего-нибудь другого из еды у них совсем не было. Так как они очень боялись ромеев, они совершенно не покидали своих постов, но устроили себе малые печки на стене, подняли ручные мельницы и на своих местах размалывали пригоршню ячменя, пекли и ели. Они подняли также большие опарники, поставили их между бойницами, наполнили землей, посеяли в них овощи, и то, что вырастало в них, они съедали.

§ 77. Рассказать то, что делали там женщины, [возможно], хотя этому не поверят те, что будут после нас. Теперь же нет человека, который попытался бы узнать об этих событиях и не слыхал бы обо всем том, что случилось, хотя бы он и жил на далеком расстоянии от нас. Итак, собралось много женщин, и они составили заговор между собою и выходили украдкой на улицы города вечером или утром и, кого там находили — женщину, ребенка или старика,[120] хватали силой, тащили в дом и съедали его вареным или жареным. Это открылось из-за запаха жареного. Дело стало известным марзбану, который там был, он замучил многих из них и убил их, а тем, что остались, с гневом запретил [продолжать] делать это и убивать кого-либо. Он им разрешил есть умерших, и они это делали открыто. Одни ели мясо мертвых людей, другие подбирали на улицах и дворах обувь с ног, старые подошвы, нечистоты и ели. Ромейские [войска] ни в чем не имели недостатка, все давалось им вовремя и по приказу императора доставлялось с большим тщанием. И больше в лагерях находилось предметов, которые продавались, пищи, питья, обуви и одежды, чем в городах. Все города выпекали солдатский хлеб у своих булочников и посылали им, особенно эдесситы. И в этом году по приказу епарха Каллиопы жители выпекали по дворам 630 000 модиев, кроме того, что выпекали деревенские по всей области и булочники пришлые и местные.

§ 78. В этом году вновь отправился епископ мар Петр к императору просить его снять подати. Император ответил ему резко и упрекал его за то, что он оставил заботу о бедных в такое, как это, время и отправился к нему. Он говорил, что Бог сам положит ему на сердце без чьих-либо уговоров сделать благодеяние благословенному городу [Эдессе]. И пока епископ

[120] Слово в рукописи неясно, saba — старый, старик.

еще был там, послал император снять [подать] всей Месопотамии через другого, так что тот этого не знал. И с жителей Маббога он снял одну треть подати.

§ 79. Ромейские полководцы [medabrane], которые расположились около Амида, сделали набег на персидскую землю — грабили, брали в плен, уничтожали, так что персы бежали от них, и перешли р. Деклат.[121] Там они нашли персидских всадников, которые собрались идти на ромеев. Они расхрабрились и остались на берегу Деклата, который вслед за ними перешли и ромеи. Они уничтожили всех персидских всадников, которых было около 10 000 человек, и ограбили все имущество беглецов, подожгли многие деревни и убили всех мужчин, которые были в них, от 12 лет и выше, а женщин и детей взяли в плен. Так приказал всем полководцам магистр: если будет найден кто-нибудь из ромеев, спасший мужчину 12 лет и старше, то он будет убит вместо него, и также [приказал] в каждом селении, в которое они входят, не оставлять ни одного дома стоящим. Поэтому из ромеев он выделил сильных людей, и многие деревенские присоединились к ним, когда они отправлялись; после того как сгорали крыши и загасал огонь, они опрокидывали еще и стены. Они резали и портили даже виноградные лозы, оливковые и все другие деревья. Ромейские арабы также перешли Деклат; они грабили, брали в плен и уничтожали у персов все, что они могли. Я знаю, что всякое дело ты изучаешь тщательно, так что известно твоей святости и то, что для арабов эта война была поводом для обогащения с обеих сторон и что они творили свою волю в обоих государствах.

§ 80. Когда Кавад увидал, что ромеи наносят вред его земле и никто не сопротивляется им, он пожелал пойти им навстречу, а потому послал аштабида к магистру для переговоров о мире, с войсками около 20 000 человек. Он послал всех известных людей, которых он взял в плен в Амиде, Петра, которого он взял в Ашпарине, и Василия, который был захвачен как заложник из Эдессы. Также труп дукса Олимпия, который прибыл к нему с посольством и умер там, он послал в запечатанном ларе, чтобы показать, что смерть его не была насильственной, а что он умер естественно, и это свидетельствуют его слуги и те, кто прибыли с ним. Магистр принял их и послал в Эдессу, за исключением судьи Амида и комита Петра. Он гневался и сердился на них и хотел их убить, так как говорил, что по небрежности предали крепости,[122] которые они оберегали, а что и

[121] Тигр.
[122] В тексте «места».

персы свидетельствовали, что неприступна стена Амида. Аштабид просил его и упрашивал дать ему взамен тех, что он привез, персов, которые были в Амиде в осаде, потому что если они и не поддавались страху, то [во всяком случае] были в больших мучениях от голода. Магистр же сказал: «Об этих пленных ты мне не напоминай, потому что они находятся в плену в нашем городе и они [наши] рабы». Сказал ему аштабид: «Тогда разреши мне послать им съедобного, потому что не подобает тебе, чтобы гибли твои рабы от голода, а когда ты захочешь, тебе легко будет их убить». Сказал ему: «Пошли». Сказал аштабид: «Поклянись мне ты и все полководцы и военачальники, которые с тобой, что никто не будет убит из тех, кого я пошлю». И поклялись ему все, кроме дукса Нониса, который не был с ними на этом совете. Потому-то магистр и оставил его, что если будет какая-нибудь клятва, чтобы он не был ею связан. Тогда аштабид послал 300 верблюдов, нагруженных мешками с хлебом, внутри которых были положены стрелы. Нонис напал на них, схватил их и тех, что были с ними, убил. Когда аштабид был осведомлен об этом, он потребовал от магистра наказать того, кто это сделал. Сказал ему магистр: «Я не могу узнать, кто это сделал, потому что у меня много войска, если же ты знаешь, кто это, то у тебя есть сила отомстить, я не буду тебе в этом препятствовать». Аштабид этого испугался и стал просить о мире.

§ 81. Когда прошло много дней после того, как он просил, настал сильный холод со снегом и большими морозами, и ромеи оставили свои стоянки одну за другой. Каждый уносил то, что ему пришлось из добычи, и отправлялся, чтобы идти в свою землю. Те, что оставались и не ушли в свои земли, вошли в Теллу, Решайну и Эдессу, чтобы защищаться от холода. Когда аштабид увидал, что ромеи ослабели и не могут устоять перед холодом, он послал к магистру сказать: «Иди заключи мир и дай персам выйти из Амида, или принимай войну». Магистр же приказал комиту Юстину, чтобы он собрал войско, но тот не смог [этого сделать]. Когда [магистр] увидел, что большая часть ромеев разошлась у него, он заключил мир и предоставил персам выйти из Амида при одном условии, если это будет угодно обоим царям и они подтвердят сделанное им, если нет — будет вновь между ними война. Когда император ромейский был осведомлен о том, что было, он приказал устроить зернохранилища в каждом городе, особенно в Амиде, чтобы уничтожить вражду и утвердить мир. Он послал Каваду дары и подарки через человека, по имени Леон, и столовую утварь всю из золота.

§ 82. Как мучились эдесситы, которые возили зерно в Амид, никто не знает, кроме тех, кто были поставлены на это дело, так как многие сами умерли в дороге и их скот.

§ 83. Достойный Иоханан, епископ Амида, упокоился еще до того, как город был осажден персами. Отправились из его клира к святому и боголюбивому, украшенному всяческой славой Божией, деятельному и известному мар Флавиану патриарху Антиохии, чтобы он поставил им епископа. Все время, что они были там, он относился к ним с почтением. Затем бежал из плена достойный Нонн, священник и эконом амидской церкви. Просили о нем клирики патриарха, и он сделал его епископом. Когда достойный Нонн принял первосвященство, он послал Фому, своего хорепископа, в Константинополь привести амидян, которые там были, и просить какой-нибудь дар у императора. Он сговорился с теми, что были там, и они попросили императора, чтобы Фома был у них епископом. Император принял их просьбу и послал сказать патриарху, чтобы он не противился им. Также и судью дал им император, которого они просили. Император и патриарх дали подарки амидской церкви и много золота, чтобы раздать бедным. Поэтому туда стеклись все те, кто бродили в других областях. Каждый день они выносили трупы мертвых из Амида, а затем получали то, что им следовало.

§ 84. Урбик — евнух императора,[123] который оказал много благодеяний в области Иерусалима и в других землях, прибыл [в Амид] и роздал там динарий за динарием. Оттуда он переехал в Эдессу и дал каждой женщине, которая желала принять, тримисион,[124] а каждому ребенку одно зузе.[125] Получили [деньги] почти все женщины, которые нуждались и которые не нуждались.

§ 85. В том же году, после того как затихла война, дикие звери нападали на нас по той причине, что множество трупов принесла эта война, и они привыкли поедать человеческие тела. Когда сгнили и исчезли трупы убитых, звери вошли в деревни, схватывали детей и ели. Они нападали также на одиноких мужчин на дорогах и поедали их. Так были все испуганы, что во время жатвы не было ни одного человека во всей области, кто бы ночевал на гумне без шалаша от страха перед дикими зверями. Но с помощью Господа нашего, который во всякое время заботится о нас и по своему милосердию от всяких испытаний избавляет нас, часть из них попала в руки деревенских, они зарезали их и послали мертвые тела в Эдессу. Часть была захвачена охотниками, которые связали их и водили живыми. Все, кто это видели, прославляли Бога, который сказал: «Страх перед вами и трепет я наведу на всех зверей земли» (Быт. 9:2). Ведь за наши грехи он послал на нас войну, голод, чуму, пленение, диких зверей и другие наказания, записанные и незаписанные, и по милости своей спас нас от всех них.

§ 86. И меня, слабого, по своему милосердию, по твоим молитвам он укрепил, чтобы я описал по возможности нечто из того, что случилось, для напоминания тем, которые это претерпели, и для поучения тем, которые будут после нас. Если они захотят, то и тем немногим, что я написал, они смогут умудриться, потому что больше того, чего я не сообщил, чем того, что я описал. Я и вначале говорил, что написать обо всем я не в состоянии, так как мучения, которые испытал каждый отдельный человек, таковы, что могли бы быть описаны в длинных историях, для которых и большая книга не была бы достаточной. Тебе известно из того, что писали другие, что и те, что пришли к нам под именем спасителей, чтобы помочь нам, когда приходили и уходили, грабили нас почти так же, как враги. Многих бедных они сгоняли с кроватей и сами спали на них, а хозяева ложились на земле, даже в холодные дни. Одних они прогоняли и заставляли уйти из своих домов, входили и располагались в них сами. Скотину других они насильно уводили как добычу. Они с тела снимали у них одежду и уносили ее. Иных они жестоко били из-за любого дела, с другими они ссорились на улицах и ругались по мелким причинам. Немногое съедобное у всякого и запасы, которые имелись у некоторых в деревнях и городах, они открыто грабили. На многих они нападали на распутье. Они селились с ремесленниками в их лавках, потому что им не было достаточно домов и гостиниц города. На глазах у всех на улицах и в домах они насиловали женщин. От старых женщин, вдов, бедных отбирали масло, дрова, соль и другие предметы для своего употребления и отрывали их от дела для того, чтобы прислуживать им. И вообще всех они притесняли, больших и малых, и не оставалось никого, кого бы не коснулась их злоба.

Местные правители, которые были поставлены упорядочить и распределить их, тянули руки к взяткам, и так как они получали их от всех, то никто не был от них избавлен, но даже к тем, к которым направляли [солдат] сначала, они через несколько дней посылали еще других. Они селили их у священ-

[123] Οὐρβικος ὁ ἐκτομίας: Zonara, 14з.
[124] Τριμίσσιον (латинское tremis, tremissis) равен 3-й части золотого.
[125] Зузе — мелкая монета.

ников и дьяконов, хотя у них и была грамота [σάκρα] от императора, чтобы к ним не селили. Но что я буду об этом много повествовать, когда даже и тем, кто больше меня, такое казалось невозможным.

§ 87. После того как магистр перешел за р. Евфрат на запад, он отправился к императору, Ареобинд в Антиохию, Патрикий в Мелитену, Фарзман в Апамею, Федор в Дамаск, Каллиопа в Маббог. Эдесса вздохнула легко, и радовались те немногие люди, которые в ней оставались. Эгемон Евлогий заботился о восстановлении [города], император [дал ему] 200 литр [золота] для расходов на постройки. Он отстроил и обновил [всю] стену, которая окружает город.[126] Он обновил и исправил два водопровода, которые шли от селения Телль-Зема и от Мудада. Он отстроил и окончил бани, которые обрушились, также обновил свой преторий и построил многое другое в городе. И епископу дал император 20 литр на расходы и на обновление стены, а Урбик евнух — 10 литр, чтобы он построил храм блаженной Марии. Масло, данное церквам и монастырям из маслохранилища, которого было 6800 кесте,[127] эгемон взял и приказал осветить им портики города. Очень просили его о [масле] старосты церковные, но он не согласился, а чтобы не думали, что он презирает храмы, построенные Богу, он дал от себя каждой церкви 200 кесте.

До этого года 4 модия пшеницы продавались за динарий, а ячменя 6 [модиев за динарий]; вино 2 меры [за динарий]. После новой жатвы продавалось 6 модиев пшеницы за динарий, а ячменя 10 модиев за динарий.

§ 88. Персидские арабы, которые никогда не бывают мирными и спокойными, перешли без персов в область ромеев и захватили в плен две деревни. Когда узнал об этом марзбан персидский, который был в Низибии, он схватил их шейхов и убил их.

Также и арабы ромейские перешли без приказа в персидскую область и взяли в плен одну деревушку. Когда магистр, который отправился в конце этого года в Апамею, услыхал об этом деле, он послал к Тимострату, дуксу Каллиникуса. Этот взял пятерых из шейхов, двоих из которых убил мечом, а троих распял на дереве. Фарзман оставил Апамею, после того как пришел туда магистр, и отправился расположиться в Эдессе.

[126] В сирийской рукописи несколько нечитаемых мест; восстанавливаю их согласно тексту В. Райта.
[127] Мера жидких тел.

Он был облечен от императора властью и стал главнокомандующим вместо Ипатия.

§ 89. Стена Батнана, крепости в Серуге, которая обрушилась и развалилась, была вся отстроена и обновлена усердием Евлогия, эгемона Эдессы. Почтенный священный Эдезнй обил медью двери мужской половины большой церкви Эдессы.

§ 90. Год 817 [505/6 г. н. э.]. Ромейские полководцы сообщили императору о том большом уроне, который терпят войска от того, что нет города, расположенного у границы. Всякий раз, как ромеи выходили из Теллы или Амида, чтобы сделать набег на Ароб, где бы они ни расположились, они были в страхе перед хитростью врага. А если случалось, что [у персов] были более многочисленные войска, чем у них, и они думали возвращаться обратно, они испытывали большую тягость от того, что не было вблизи города, чтобы скрыться в нем. Поэтому император приказал построить стену вокруг селения Дара, которое находится на границе. Выбрали каменщиков из всей Сирии, и они отправились туда строить. Персы же вышли из Низибии и препятствовали им. Поэтому Фарзман ушел из Эдессы, отправился и поселился в Амиде и оттуда выходил на помощь к тем, что строили. Он устроил также большие травли зверей, особенно кабанов, которых было множество после опустошения земли. В день он ловил их больше, чем 40 штук; чтобы показать результаты своей охоты и в Эдессе, он посылал туда часть из них, живыми и убитыми.

§ 91. Почтенный Саргис, епископ крепости Бирты,[128] которая расположена на берегу Евфрата, начал строить стену города. Император дал ему немало золота на расходы. Также и Европус,[129] который расположен на запад от реки, в епархии Маббогской, магистр приказал обнести стеной, и работали над ней местные жители [по мере] своих сил.

§ 92. После того как Фарзман отправился в Амид, пришел вместо него дукс Роман и остановился в Эдессе со своим войском. Он оказал много благодеяний бедным. Император в этом году увеличил еще [больше] все свои милости и послал отменить подать по всей Месопотамии. Радовались все деревенские господа и прославляли императора.

§ 93. Простой же народ[130] роптал, кричал и говорил: «Несправедливо, что у нас расположились готы, а не у деревенских господ, потому что им помогли этой отменой [подати]». Епарх

[128] Birta — kastra, новейший Bir, Birejik.
[129] Europus — Εὐροπός.
[130] Буквально: «простые из народа».

приказал выполнить их просьбу, а когда начали приводить ее в исполнение, собрались все знатные города к Роману дуксу и упрашивали его, говоря ему: «Пусть прикажет твоя высота, что должен получать каждый из готов в месяц, чтобы они, войдя в дома богатых людей, не ограбили их так, как они ограбили простых». Он исполнил их просьбу и приказал [воинам], чтобы они получали эсподу[131] масла в месяц, 200 литр дров, кровать и матрац на двоих.

§ 94. Готы, услыхав этот приказ, бросились к Роману дуксу, на двор семьи Барса, чтобы убить его. Когда они поднимались по лестнице его помещения, он услыхал грохот и смятение и понял, что они хотят сделать. Он быстро надел доспехи, взял оружие, обнажил меч и встал у входных дверей [дома], в котором жил. Он не убил ни одного гота, но только склонял меч и препятствовал первому, который поднялся, войти к нему. Те, которые были внизу, принуждали в своем гневе тех, что находились над ними, подняться и войти к нему.[132] Лестницей дома овладело множество народа, как известно твóей святости. Когда первые, которые поднимались, не смогли войти, боясь меча, другие их теснили и много народа захватили лестницу, и от их тяжести она сломилась и упала. Умерли немногие из них, но у многих были изувечены члены, они стали калеками и не могли быть вылечены. Роману представился случай воспользоваться этим падением, и он перебежал через крышу этого дома в соседний и бежал. Больше он им ничего не говорил. По этой причине они оставались там, где жили, и делали все по собственному желанию, потому что не было никого, кто бы их сдержал, воспрепятствовал или предостерег их.

§ 95. Епископ наш мар Петр болел тяжело и трудно весь этот год. В месяце нисане [апрель] снова усилились несчастия в нашем городе, потому что магистр собрал все свое войско и поднялся, чтобы идти в персидскую область для установления и возобновления с ними мирного договора. Когда он вошел в Эдессу, к нему пришли персидские послы и сообщили ему, что аштабид, который шел навстречу, чтобы заключить с ним договор, умер. Они просили его, говоря, что если он пришел ради мира, чтобы он не выходил из Эдессы, пока другой аштабид не будет прислан от персидского царя. Он исполнил их просьбу и оставался в Эдессе месяцев 5. Так как готам, которые были с ним, не было достаточно [места] в городе, они расположились в деревнях и в монастырях больших и малых, которые находятся вокруг этого города. Даже тех, что живут в уединении, они не оставили жить в тишине, которую они любят, потому что они поселились с ними, в их монастырях.

[131] Эспода — мера жидких тел, амфора.

[132] Это предложение в сирийском тексте имеет несколько описок.

§ 96. Так как с первого дня, как они прибыли, они ели не свое, они стали жадны в пище и питье. Те из них, которые пировали на верху домов, выходили ночью, оглушенные множеством вина. Они шагали, бросались в пустоту и в злой кончине покидали жизнь. Иные сидели и напивались, впадали в сон, падали с высоты домов и умирали на месте. Другие умирали в своих постелях от объедения. Иные кипящую воду плескали в уши тех, которые им прислуживали, из-за малого проступка. Другие приходили в сад, чтобы собрать зелень, и если садовник вставал, чтобы запретить им брать, они поражали его насмерть стрелой, а кровь его оставалась безнаказанной. Когда возрастала их злоба и не было никого, кто бы их удержал, охваченные гневом, они убивали друг друга, так как те, у кого они жили, обращались с ними с большой осторожностью и делали все по их желанию, чтобы не дать им возможности причинять зло. Что среди них были такие, которые жили упорядоченно, не может быть скрыто от твоего ведения, потому что не могло быть, чтобы в столь большом, как это, войске не встретились бы и такие. Злые деяния возросли до того, что и среди эдесситов те, кто были дерзки, сделали нечто недолжное. Ропот против магистра они записали в хартиях и в общественных местах города вывесили их тайком. Когда магистр об этом услыхал, он не разгневался, хотя и мог, не разыскивал того, кто это сделал, и городу не захотел причинить никакого зла по своей мягкости, но приложил большое старание, чтобы скорее и короче покинуть Эдессу.

§ 97. Год 818 [506/7 г. н. э.]. Поэтому магистр взял все свое войско и отправился за границу. Пришел к нему персидский посол в селение Дару, с ним были заложники, посланные от аштабида. Он снова просил его, если он желает заключить мир, послать заложников взамен тех, которых он получит. После этого обе стороны сблизятся дружественно и встретятся друг с другом лично, имея по 500 невооруженных всадников [с каждой стороны], и тогда сядут на совет и сделают, что должно. Он принял их просьбу, послал заложников и безоружный вышел навстречу аштабиду в назначенный день. Но так как он боялся, чтобы не было какой-нибудь хитрости со стороны персов, он поставил против себя все ромейское войско вооруженным, чтобы он мог подать знак, и приказал им, если они увидят этот знак, быстро устремиться к нему. Когда и аштабид вышел навстречу, и сели на совет ромеи и военачальники, которые

были с ними, один из ромейских воинов обратил внимание и увидал, что снизу надето оружие на всех тех, что пришли с аштабидом. Он сообщил об этом Фарзману, военачальнику, и дуксу Тимострату, а эти подали знак войскам. Те тотчас испустили клич, устремились к ним, взяли в плен аштабида и тех, что были с ним. Остальное персидское войско, когда узнало, что взят в плен аштабид и те, что были с ним, бежало от страха и вошло в Низибию. Ромеи хотели взять аштабида, а тех, что были с ним, убить, но магистр упросил их, чтобы не было повода к войне и помех для мира. Они с трудом согласились и наконец послушались его; аштабида отпустили, чтобы он и те, что были с ним, ушли от них, не повредив им, потому что при победе ромейские военачальники бывают мирны. Когда аштабид пришел к своему лагерю и увидал, что персы отправились в Низибию, он побоялся остаться один и сам отправился к ним. Он понуждал их выйти с ним из города, но из-за страха они не пожелали выйти. Чтобы их страх не открылся ромеям, аштабид послал привести свою дочь в Низибию и по персидскому обычаю взял ее себе в жены. Когда магистр послал сказать ему с клятвой: «Никто не тронет тебя, даже если ты выйдешь один», он ответил ему следующим словом: «Я не выхожу не из-за страха, но потому, что не кончились дни моего празднества [свадебного]». И хотя магистр хорошо понимал, в чем дело, но принял это, как будто бы он ничего не знал.

§ 98. Спустя несколько дней, когда аштабид вышел к нему (магистру), желая мира, он опустил все условия, которые были оговорены и о которых просили персы. Он установил с ними договор и заключил мир. Они написали грамоту и установили определенный срок, в течение которого не будут вести войны друг с другом. Все войска торжествовали и радовались этому миру.

§ 99. Пока они еще не были на границе, получили магистр Целерус и Каллиопус письмо от императора Анастасия, которое было полно заботы и милосердия ко всей земле Месопотамской. Он написал им следующее: если они полагают, что необходимо снять подать, то они могут снять ее без промедления. Они решили снять с амидян всю подать, а с эдесситов — половину, и послали сообщить об этом в Эдессу. Спустя немного времени они прислали другое письмо, сообщавшее относительно мира.

§ 100. В день 28-й месяца тешри второго [ноябрь 506 г.] он взял все свое войско и ушел с границы. Дойдя до Эдессы, магистр полагал не входить в нее из-за ропота на него. Блаженный Бархедад, епископ Теллы, убедил его не давать места гневу, который владеет им, и не оставлять после себя ни у кого отвращения или раздражения. Он тотчас принял его просьбу, также и эдесситы все с большим проворством, неся восковые свечи, от мала до велика вышли ему навстречу; с ними вышли также все клирики, давшие обет и монашествующие, и вошли с ним в город с большой радостью. Все войско он в тот же день отпустил в путь, а сам оставался дня 3 и дал эгемону 200 динариев раздать подарки. Жители города радовались миру, который настал, и восторгались освобождением от бедствий, тяготевших над ними до этого времени, плясали в надежде на грядущее благо, которого они ожидали, и благословляли Бога, который по своей благости и милосердию установил мир между двумя государствами. С прославлениями, приличествующими магистру и тому, кто послал его, они присоединились к нему, когда он уходил.

§ 101. Если и показал себя иначе этот император в конце жизни, то никто не должен быть огорчен его похвалами, и пусть вспомнит о том, что случилось с Соломоном в конце его жизни.

Вот малое из многого, что я смог написать твоей любви. Я и не желал этого и желал. Не желал, чтобы не быть утомительным для мудрого моего знакомца, который лучше меня разбирается во всем этом, и желал из послушания твоему приказанию. Теперь и я прошу тебя исполнить обещание твоего письма — постоянно возносить Богу молитвы за меня грешного. Потому что с тех пор, как я узнал твое желание, стало моей заботой — записать и послать тебе, мой отец, если я останусь еще в живых, и то, что случится в грядущее время, достойное памяти. Мы помолимся здесь, а ты, мой отец, там, и все люди во всяком месте, чтобы была рассказана история великого изменения, случившегося в мире. И как мы не в состоянии были рассказать о тяжелом времени, каким оно действительно было из-за множества несчастий, так и о грядущем не сможем повествовать из-за многих благ. Но наше слово будет недостаточно, чтобы сказать о благополучной жизни наших горожан, о мире, о великом довольстве, которое настало, о большом изобилии урожая по благословению Бога, который сказал: «Забыты будут прежние скорби и будут скрыты от меня» (Ис. 65:16). Ему слава во веки веков. Аминь.

ИЗ ХРОНИКИ МИХАИЛА СИРИЙЦА

Перевод выполнен по изданию: Chronique de Michel le Syrien / Editée par J. B. Chabot. Paris, 1910. T. 4.

КНИГА 10

Глава 19

Взволновался Нааман, сын Мундара, что взяли его отца, собрал свое войско, вступил в ромейские земли и начал грабить и забирать золото, серебро и прочее. Но он не брал в полон людей, не учинял убийств и не жег. Император приказал Магну подчинить арабов и взять сыновей Мундара. И начал Магн вынуждать Наамана, говоря ему: «Если ты прибудешь ко мне, вместо твоего отца я поставлю тебя». [Нааман] взял одного юношу, одел его в свои одежды и послал его с немногими. Когда Магн увидел его, он сказал ему: «Ты Нааман?». Тот сказал: «Это я, и прибыл я по твоему приказанию». [Магн] приказал: «Вот восставший против императора, наденьте на него желез[ные оковы]». Тот посмеялся и сказал: «Как ты желал обмануть, так ты обманут. Вот Христос! Я не Нааман». Магн хотел его убить, но он сказал: «Я должен был быть убитым моим царем, если бы я не пришел, или же тобою, если я прибыл. Смерть поэтому для меня слава». Поэтому после пыток его отпустили.

После этого Магн, убийца и злой человек, умер. Тогда Нааман решил про себя и отправился к Маврикианосу, кесарю. Тот принял его и поклялся ему, что, если он будет сражаться с персами, отец его будет освобожден из ссылки.

Нааману было сказано, чтобы он причастился с синодитами, но он воздержался, говоря: «Все племена арабов православные (монофизиты), если я присоединюсь к синодитам, они убьют меня». По этой причине увеличилась ненависть, и когда удалялся Нааман, он поклялся, что не увидит больше лиц ромеев добровольно. Потому, когда он был в дороге, его захватили и послали с Мундаром, его отцом, в ссылку. Царство арабов было разделено между 15 шейхами. Многие из них присоединились к персам. И прекратилось царство арабов-христиан по причине лукавства ромеев и кончилось. Ереси распространились среди арабов.

ИЗ ХРОНИКИ ДИОНИСИЯ ТЕЛЬМАХРСКОГО

Перевод выполнен по изданию: Chronicon pseudo-Dionysianum vulgo dictum / Ed. J. B. Chabot. Parisiis, 1927 (CSCO. SS. Ser. 3. T. 12).

Год 846. О царстве индусов и как они по причине войны стали христианами. В то время случилось, что была война царей индийских друг с другом; царя индусов, имя которого было Аксундон, с другим царем внутренней Индии по имени Индуг, который был язычником. После того как они прекратили войну друг с другом, была у него война с царем химьяритов, которого звали Димнон. Они (химьяриты) также индусы. Причина, по которой возникла между ними война, была следующая. Царство кушитов расположено гораздо дальше, чем (царство) химьяритов, от областей Египта и Фиваиды, находящихся вне Индии. Ромейские торговцы прибывали во внутренние области химьяритов, а затем в области, расположенные дальше них, индусов и кушитов, называемые Аузелис (Адулис) в Индии. Царств индийских и кушитских 7, 3 индийских и 4 кушитских. Они находятся вне и внутри (на прибрежных материковых землях) земель южных и по берегам большого моря, что окружает всю вселенную, которое называется Великим океаном. Когда же торговцы ромейские, о которых сказано выше, проезжали области химьяритов, чтобы направиться в области индусские и торговать в них, как обычно, царь химьяритов Димнон узнал об этом, захватил их, убил их и ограбил все их товары, сказав: «Так как в землях ромейских христиане злодейски преследуют иудеев, находящихся в их землях, и убили многих из них, поэтому и я убил этих». Многие были убиты, так что многих объял ужас, и они перестали ездить, и прекратилась торговля внутренних царств индийских и кушитских.

О том, что послал (сказать) царь кушитов к царю химьяритов, и о войне между ними.

Тогда послал царь кушитов к царю химьяритов (сказать): «Ты плохо сделал, что убил торговцев-христиан ромейских, прекратил торговлю и задержал пошлины моего царства и других царств. Особенно же ты повредил моему царству». По этой причине они пришли к великой вражде и войне друг с другом. Когда они сходились, чтобы сразиться друг с другом, Индуг,

царь кушитов, сказал: «Если мне будет дано победить этого жалобщика царя химьяритов, я стану христианином. Ибо христианскую кровь я постараюсь выжать из тебя». После того они сразились, и победил царь кушитов царя химьяритов, полонил его, убил и ограбил его царство. Он покорил его земли и вырезал все его войско. Затем после победы он не преминул исполнить то, что обещал. Он послал двух своих знатных к царю Юстиниану, чтобы он прислал ему епископа и клириков. Тот обрадовался радостью великой и приказал дать им в епископы, кого они попросят. Когда послы дошли (до столицы), они нашли одного парамонария из обители Мар Иоханана по имени Иоханан. Он был муж девственный, целомудренный и ревнитель. Они просили его в епископы, и дали его им. Они взяли его, отправились вместе с многочисленными клириками и возвратились, радуясь, в свою землю.

Когда они прибыли к своему царю Индугу, тот с великой радостью принял их, епископа и священников, прибывших с ними. Он был научен, крестился и стал христианином, сам и все его знатные. Он заботился, чтобы все области стали христианскими и в них были основаны церкви во славу истинного Бога христиан. По этим причинам дал Бог спасение этим заблуждающимся народам.

Еще о том же царстве химьяритов и о злодействах и убийствах, которые в нем творили иудеи.

Через некоторое время усилились химьяритские иудеи, и когда умер царь-христианин, которого поставил там царь кушитов, поставили из них царя над химьяритским народом. В жестоком гневе они убивали и губили весь тамошний христианский народ: мужчин и женщин, детей и младенцев, бедных и богатых. О мученичестве многих тамошних мучеников стало известно благодаря ревности блаженного Шемона, ученого. Это (повествование) полно волнений для каждого слушающего его, поэтому мы и помещаем его в этом томе, оно следующее.

Послание, которое отправил святой Шемон, епископ Бетаршама и глава верующих земли персов, мар Шемону, архимандриту Габулы.

Относительно мученичества, бывшего у химьяритов, мы сообщаем твоей любви, что 20 кануна второго этого 835 г.[1] мы вышли из Хирты Нааманової со священником Авраамом бар Еупоросом, который был послан от царя Юстиниана[2] к Мундару, арабскому царю, заключить мир. О нем мы писали в нашем первом (предыдущем) письме. Мы и все верующие выражали ему благодарность за то, что он поддерживает нашу сторону, и это мы сообщили в тех предыдущих (письмах), что мы писали, и в этом письме, которое пишем теперь. Мы проехали путь 10 дней по пустыне на юг и восток, путешествуя к Мундару, против гор, называемых Дахла, а на арабском языке Рамлах. Когда мы вступили в лагерь Мундара, встретили нас арабы-язычники и маадеи. Они сказали нам: «Что вы можете сделать? Вот ваш Христос изгнан от ромеев, персов и химьяритов». Мы были обижены арабами, нам было грустно, и мы тогда с горестью совершали путь. К нам приблизился посол, который был послан от царя химьяритов к царю Мундару. Ему было дано полное гордости письмо. В нем было написано следующее: «Да будет тебе известно, брат мой, царь Мундар, что умер царь, которого поставили кушиты в нашей земле. Пришло зимнее время, и не смогли кушиты прийти в нашу землю и поставить царя христианина, как обычно, но я воцарился над всей землей химьяритов и перед тем предложил всем христианам, исповедующим Христа, чтобы они стали иудеями подобно нам. Я убил 280 священников, которых нашел, а с ними кушитов, которые оберегали церковь, и я сделал их церковь нашей синагогой. Затем с 120 тысячами войска я отправился в Неджран, город в их государстве. Я осаждал его в течение нескольких дней и не взял. Тогда я дал им клятвенное обещание, считая, что не следует быть верным христианам, моим врагам. Я схватил их с тем, чтобы они принесли свое золото, серебро и имущество. И они доставили это мне, и я взял это. Я спросил относительно их епископа Павла; они сказали мне, что он умер, но я им не поверил, пока мне не показали его гроб. Смердели его останки, и я сжег их, а также церковь, священников и всех, кого нашел укрывшимися в ней. А прочих я принуждал, чтобы они отреклись от Христа и от креста, но они не захотели, ибо они исповедовали, что он Бог и Сын благословенного, и они избрали для себя смерть ради него. Их глава много говорил против меня, оскорблял меня, и я приказал убить всех их знатных. Привели к нам их жен, и мы сказали им, чтобы они отреклись, видя смерть своих мужей за Христа, пожалели бы своих сыновей и дочерей, но они не захотели. Дочери завета (монахини) стремились, чтобы сначала убили их, но жены знатных разгневались на них и сказали: нам следует умереть после наших мужей. И все они были убиты по нашему приказу, кроме Румы, жены того, кто собирался быть там царем. Мы не допустили ее смерти, но убеждали ее, чтобы она отреклась от Христа и (осталась) жить, жалея своих дочерей, и что она со-

[1] Т. е. 20 января 524 г. н. э.
[2] Юстин I, 518—527 гг.

хранит все, что имеет, если станет иудейкой. Мы приказали ей, чтобы она пошла и подумала об этом, приставив к ней стражу из нашего войска. Она вышла и, обходя улицы и площади города, открыла свое лицо, ведь когда девочка станет девушкой, никто не видит ее лица на улице. Рума кричала и говорила: „Женщины-неджранитянки, мои подруги, христианки, иудейки и язычницы, слушайте! По роду моему, семье и тому, чья я дочь, я христианка, вы это знаете. У меня есть золото и серебро, рабы и рабыни, много селений и доходов. И вот убит мой муж за Христа, и если бы я пожелала иметь (другого) мужа, есть у меня 40 тысяч динариев, много украшений из золота и серебра, жемчуга, красивые и дорогие одежды, помимо сокровищницы моего мужа. И это говорится без лжи мною и вами, и вам это известно. Нет для женщины таких дней радости, как дни брака, но дальше страдания и слезы при рождении детей, когда я теряла их и хоронила. Отныне же и в дальнейшем я свободна от всего этого. В первый день моего брака я была в радости, а теперь в ликовании моя душа из-за 5 дочерей-девушек. Вот я украшена для Христа, смотрите на меня, подруги мои, вот вы второй раз видите меня: при браке моем впервые, а теперь вторично. Когда я открыла лицо перед всеми, я шла к своему первому жениху, а теперь, когда я открыла свое лицо, я иду ко Христу, Господу моему, Богу моему и моих дочерей, так как он снизошел в своей любви, пришел к нам и пострадал за нас. Сравнитесь со мной, красота моя не меньше вашей, вот я блещу красотой и иду ко Христу, так как я не погублена отречением иудейским. Будет мне моя красота свидетельством перед моим Господом, который не допустил, чтобы я была введена в заблуждение грехом отречения. Мое золото, и мое серебро, и все, что есть у меня, я не так люблю, как моего Бога. И убеждал меня этот царь-отступник, чтобы я отреклась и (осталась) жить. Пожалейте, подруги мои, пожалейте, если я отрекусь от Христа Бога, в которого верую я и мои дочери. Я была крещена во имя Троицы, я почитаю его крест и за него умираю с радостью, я сама и мои дочери, как и он пострадал плотью ради нас. Вот оставлено все, что прельщало глаза и тело на земле. Я отправляюсь и буду принята моим Господом там, где ничто не преходит. Блаженны вы, подруги мои, если вы меня послушаете, внемлите правде и возлюбите Христа Бога, за которого я и мои дочери умираем. Итак, мир и покой будет с народом Божиим, кровь моих братьев и сестер, которые были убиты зы Христа, будет стеной для этого города. Если я надеюсь пребывать у Христа, моего Господа, то с открытым лицом выйду я из этого города, в котором была как во временном жилище, потому что отправляюсь с моими дочерьми в вечный город, чтобы посватать их там. Молитесь обо мне, подруги мои, чтобы принял меня Христос, мой Господь, и помиловал меня. Вот я оставалась 3 дня после (смерти) моего мужа".

Когда мы услыхали глас сокрушения из города и пришли те, что были посланы (нами, чтобы узнать), и когда мы их спросили, они рассказали нам все, что мы выше написали.

Обходя город, Рума говорила женщинам, своим подругам, укрепляя их. Вопль был в городе. Мы разгневались на сторожей, чтобы они их погубили, но они не послушались и предоставили ей (все) это сделать. Наконец, оставив город со своими дочерьми, она пришла и встала передо мною с непокрытой головой, без стыда, держа своих дочерей за руки, украшенных, как для свадьбы. Она сняла повязки, которые повязала им, повела их за руки, расправила свой воротник и склонила голову, воскликнув: „Христианка я и мои дочери, мы умираем за Христа. Отсеки нам головы, чтобы мы отправились к нашим братьям и сестрам и к отцу моих дочерей". После этого я всяческими хитростями убеждал ее отречься от Христа, чтобы она только сказала, что он человек, но она не захотела. Одна же из дочерей выбранила нас за то, что мы это говорили, чтобы показать мне, что невозможно, чтобы она отреклась от Христа. Я же приказал для устрашения прочих христиан, чтобы распростерли их на земле, и ее дочери были избиты так, что кровь у них пошла изо рта. После этого была отсечена у нее голова. Я же клялся (именем) Адонай, что огорчился из-за (гибели) ее красоты и ее дочерей. Мои первосвященники должным образом указали мне, что несправедливо, чтобы дети умирали за родителей, по закону, и я отделил живыми мальчиков и девочек, чтобы их вырастили, а когда они вырастут, те, что будут иудеями, останутся жить, а если исповедуют Христа — умрут. Все это я написал и сообщил твоему величеству, чтобы убедить тебя, чтобы ты не остался со своим народом христианином, но отрекся и был со мною. К иудеям же, моим братьям, которые находятся в твоей власти, будь к ним дружествен, мой брат. Напиши и пришли мне (весть) относительно этого, и, кого ты пожелаешь, я пришлю к тебе».

Все это было написано Мундару нечистым иудейским царем. Когда мы прибыли туда, Мундар собрал свое войско и прочел перед ним послание, а после рассказал, как убивали христиан и как они были гонимы у химьяритов. Мундар сказал христианам, бывшим в его войске: «Вот все слышали, что случилось. Отрекайтесь теперь от Христа, потому что я не лучше,

чем цари, преследующие христиан». Возревновал один муж из его войска, христианин, и смело сказал царю: «Мы не в твое время стали христианами, чтобы отречься от Христа». Мундар разгневался и сказал: «Из страха Божия я не боюсь говорить, и меня никто не удержит, ибо мой меч не короче, чем (мечи) других, и я не боюсь биться до смерти». Из-за его рода и потому, что он был муж знатный, известный и храбрый в бою, оставил его Мундар.

Когда мы вернулись в Хирту Нааманову,[3] в первую субботу поста, мы встретили посла, посланного царем химьяритов до того, как он умер. Услыхав о тех, которые были убиты этим тираном-иудеем, посол спешно подрядил человека из Хирты Нааамановой и послал в Неджран, чтобы привезти ему ответ. Когда тот увидел и узнал, что там случилось, и вернулся, то и он рассказал в нашем присутствии, этот посол христианин, о том, что мы написали выше и что были убиты 340 знатных, которые вышли к нему (тирану) из города.

О Харите бар Ка'б,[4] их главе, муже Румы.[5]

Поносил его этот иудей и сказал ему: «Ты полагаешься на Христа, чтобы восстать на меня, но пожалей свою старость и отрекись от него, не то умрешь сам со своими товарищами». Тот ответил: «Воистину, я огорчен за всех моих товарищей, что они не слышат меня, когда я им говорю, что ты лжец. Я не обращусь к тебе и не поверю твоим словам, но буду сражаться с тобой и положусь на Христа, который будет твоим победителем. Город не будет взят, потому что (находящиеся) в нем ни в чем не нуждаются. Ты же не царь, но лжец. Я-то повидал много царей, у них была правда, и они не лгали. Христом Богом, я не лгу, что не буду иудеем, подобно тебе, и отступником. Теперь ты знаешь, как мне дорога моя жизнь! Я много пожил на свете, и есть у меня сыновья, и сыновья моих сыновей, есть у меня дочери, и многочислен мой род. С силой Христовой я побеждал, и я уверен, что, как удобренный виноградник дает много плодов, так будет многочислен наш народ христианский в этом городе, и есть большая построенная церковь, которую ты сжег у нас, есть начальство и власть царей. И воцарится христианство, и угаснет иудейство, минует твое

[3] Исправляю текст по посланию Симеона Бетаршамского: La lettera di Simeone vescovo di Beth-Aršam / Ed. I. Guidi. Roma, 1881.

[4] Текст: br klb (sic!), читай k'b (p. 63_4).

[5] Ср.: Книга химьяритов: The Book of the Himyarites / Ed. A. Moberg. Lund, 1924. P. I, 11. Харит не был мужем Румы.

царство, и будет уничтожена твоя власть. Не гордись ничем, сделанным тобою; претендуя, ты лжешь».

Так сказал великий Харит, почтенный старец, и тотчас, повернувшись, сказал громким голосом своим верующим товарищам, которые были вокруг него: «Вы слышали, братья, что я сказал этому иудею?». Они сказали: «Мы слышали все, что ты сказал, наш отец». Он снова сказал: «Правы мы или нет?». Они закричали: «Мы правы». Он сказал: «Если кто-нибудь боится меча и отрекается от Христа, пусть отделится от нас». Они закричали: «Далек от нас страх, отец наш, все мы умрем с тобой за Христа, и никто из нас не оставит тебя». Он воскликнул и сказал: «Племена, окружающие меня, христиане, иудеи и язычники, слушайте! Если кто-нибудь из моего рода и близких мне и из моего племени отречется от Христа и присоединится к этому иудею, не будет у него со мной товарищества и ничего от меня не наследует, но то, что имеется у меня, пойдет на расходы церкви, которую я построил. Если же кто-нибудь из моих не отречется, но останется жить, то наследует после меня мои сокровища. Три селения из принадлежащих мне, которые выберет церковь, пусть будут ей на расходы». Сказав это, он обернулся к царю и молвил: «Я отречен тобою и всяким, кто отрекся от Христа. Вот мы стоим перед тобою». Укрепились его товарищи и сказали: «Вот, Авраам, глава отцов, взирает на тебя и нас с тобою. Всякий, кто отречется от Христа и не останется с тобой, будет отречен им». Он приказал, чтобы их свели к реке, называемой Вадиа,[6] отрубили им головы и бросили в реку трупы. Он (Харит) простер свои руки к небу и сказал: «Христос Бог, гряди нам на помощь, дай нам силу, прими наши души, да будет благоуханна тебе кровь твоих рабов, проливаемая ради тебя. Удостой нас своим взором и признай нас перед твоим Отцом, для того чтобы он обратился к нам, и была построена церковь, и епископ был бы в этом городе, вместо раба твоего Павла, останки которого они сожгли». Попрощались они друг с другом, и перекрестил их старец Харит. Он склонил свою голову и принял (удар) меча. Подбежали его товарищи, прижались, очистились его кровью, и все приняли мученичество.

Вышла мать одного трехлетнего дитяти, держа его за руку, чтобы быть убитой. Когда (ребенок) увидел сидящего царя, одетого в царские одежды, он оставил свою мать и побежал, поцеловал колени царю. Царь взял его, начал ласкать и сказал ему: «Чего тебе хочется — пойти умереть с матерью или

[6] Араб — долина или река.

остаться у меня?». Ответил ему мальчик: «Господин наш, хочется мне умереть с матерью, поэтому я и иду со своей матерью, которая мне сказала: „Иди, сын мой, идем умирать за Христа“. Пусти меня, чтобы я пошел к своей матери, чтобы она не умерла без меня. Потому что она сказала мне, что приказал царь иудеев, чтобы всякий, кто не отречется от Христа, был убит. И я, я не отрекусь от него». Царь спросил его: «Откуда ты знаешь Христа?». Ответил ему мальчик: «Каждый день видел я его в церкви, когда я ходил со своей матерью в церковь». Он сказал ему: «Ты меня любишь или свою мать?». Мальчик ответил ему: «Господа нашего и Господа моей матери». Снова сказал ему царь: «Меня ты любишь или Христа?». Он ответил ему: «Я люблю Христа более, чем тебя». Царь сказал ему: «Зачем ты пришел поцеловать мои колени?». Он ответил: «Мне показалось, что ты царь христианский, которого я видел в церкви, и я не знал, что ты иудей». Он сказал: «Я дам тебе орехи, миндаль, фиги». Мальчик сказал: «Я не могу есть орехи иудеев, но отпусти меня, я пойду к своей матери». Тогда сказал царь: «Оставайся со мной, ты станешь моим сыном». Он сказал: «Я не могу остаться у тебя, потому что твой запах вонючий, зловонный и не ароматен, как моей матери». Царь сказал приближенным: «Смотрите на этот злой отпрыск, с малолетства испортил его Христос, чтобы он любил его». Один из знатных сказал мальчику: «Пойдем со мною, и я отдам тебя, чтобы ты стал сыном царицы». Сказал ему мальчик: «Пусть тебя ударят в лицо! Моя мать, приносившая меня в церковь, мне милее, чем царица». Увидев, что ее (его мать) взяли, он укусил царя в бок и сказал: «Отпусти меня, злой иудей, я пойду к своей матери и умру с ней». (Царь) отдал его одному из знатных и сказал: «Позаботься о нем, пока он вырастет. Если он отречется от Христа, будет жить, нет, так умрет». Когда его понес раб этого человека, он стал бить его ногами и звать свою мать. «Мать моя, приди, возьми меня, я пойду с тобой в церковь». Она закричала ему: «Иди, мой сын, я предалась Христу, не плачь, оставайся себе в церкви, у Христа, пока я не приду». После того как она это сказала, ей отрубили голову.

В этих писаниях и в молве, которую мы слыхали, горе для всех христиан, которым это расскажут, чтобы знали почтенные епископы и верующие то, что случилось у химьяритов, чтобы они совершали память святым мученикам, о которых мы написали.

Вашу любовь, которую мы знаем поспешной, архимандритов и епископов, особенно же архипастыря Александрии, мы убеждаем написать царю химьяритов, чтобы он написал царю

кушитов, чтобы он в скорости приготовился помочь химьяритам. Чтобы они также взяли первосвященников иудейских в Тивериаде, помучили их и послали к этому царю-иудею, чтобы он видел и прекратил борьбу и гонения в области химьяритов. С прочим же, я прошу прощения, которое есть удел архипастырей нынешнего времени и архимандритов верующих.

Еще об этом маленьком мальчике, о котором написано в этой истории мучеников выше.

Нам показалось правильным не обойти молчанием маленького мальчика, о котором написано выше в этой истории, который укусил царя в бок, говоря: «Оставь меня, я пойду умереть со своей матерью». Он взял его и смущал его, но не послушался он его. Царь предоставил его одному из своих знатных, чтобы он вырастил его. А если он вырастет и не отречется от Христа, то умрет. Когда этот иудей был убит кушитами, были казнены все иудеи (в области) химьяритов, этот же мальчик остался живым и вырос. Когда это стало известно царю-христианину, который там был, он взял к себе мальчика. Он получил средства для воспитания и достиг совершеннолетнего возраста. И держал его царь в большой чести, как мученика Христова. Он сделал его главой своих патрикиев, и он был его секретарем и членом его совета. Имя его было Бисар. Он-то и был наконец послан в посольстве к царю Юстиниану. Он долгое время пребывал в пении песен, так что удивлялись его добродетели, кротости, смирению мужа и благородству, которое было разлито по его лицу, постоянному страданию, непрестанной молитве, которая была у него в уме, когда он с утра до вечера обходил церкви столицы. Он молился и раздавал милостыню из того, что ему давалось от царя. Он постоянно постился до вечера, целые дни. Все видевшие это поражались и с удивлением говорили о нем. Затем стало о нем известно, что он тот маленький мальчик, который отрекся от того иудея, поносил его в лицо и затем укусил его в бок. Он не хотел, чтобы это о нем знали и рассказывали, что он мученик Божий.

О царе кушитов, его походе и убийстве тирана и бывших с ним иудеев.

После того как царь кушитов, который убил первого царя химьяритов и по этой причине стал христианином, узнал о гибели христиан и тирании иудеев, он распалился гневом, взял свои войска и выступил против тирана. Он захватил его, убил его, уничтожил его войска и всех иудеев в земле химьяритов.

Он также поставил там царем ревностного христианина по имени Авраам. Таким образом, там были собраны все христиане, рассеянные гонением и страхом перед иудеями, и землю эту он восстановил в христианстве. Он послал в Александрию и принял епископа до введения (там) исповедания Халкидонского собора. Этот (епископ), краткое время пробыв в этой земле (химьяритов), умер. А когда царь химьяритов узнал, что введение (исповедания) Халкидонского собора осуществилось в Александрии, что был гоним и умер патриарх Феодосий из-за веры, так как он не пожелал принять собора, то и он (царь химьяритов) разгневался и не пожелал принять епископа из Александрии.

В это самое время было великое бедствие в этих государствах из-за недостатка священников у кушитов, химьяритов и индусов. Каждый год посылались послы с большой честью к царю Юстиниану просить его, чтобы он дал им епископа, который не принимает Халкидонского собора. Они многократно просили его, а император боролся за собор, советовал и уговаривал их, чтобы они приняли епископа из тех, кто принят собором и сидит в Александрии. Они же возражали, что не принимают собора, но что (желают епископа) из тех, которые не принимают собора. (Император) же приказал, чтобы это их желание не было удовлетворено. Но это обратилось в ничто. Так каждый год послы отправлялись и шли от этих трех государств в течение около 25 лет, пока не кончились и не прекратились священники из числа этих народов. После того как они длительно старались и не нашли себе такого епископа, который бы не подчинялся этому собору, то они дошли до того, что взяли и преступили правила канонические, они собрали священников и возложили Евангелие на голову одного из них и сделали его епископом. Таким образом, как они полагали, они выполнили епископское правило, в то время как они не остались и в правиле для мирян. Многие из них были возмущены, и не посчитались с этой хиротонией, и не приняли его, но произошла между ними распря великая. Из-за недостатка епископов была там и другая ересь, заблуждение, взятое у мельхиседекитов, которые нагло говорили, что Мельхиседек был Мессией. Так что от одного этого народа не только церковь раздиралась, но и государство. По этой причине они разделились надвое, и битвы, распри и драки велись в этих землях в течение долгого времени. Наконец во все эти земли пришли люди фантазиасты, от Юлиана и Гайана, и они погубили эти земли.

СКАЗАНИЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Перевод выполнен по изданию: *Budge E. A. W.* The history of Alexander the Great being the syriac version of the Pseudo-Callisthenes. Cambridge. 1889. P. 255—275.

Еще сказание из писаний, что в архиве царей Александрии, о том же Александре, сыне Филиппа Македонского, как он вышел к пределам мира, устроил железные ворота и заключил их перед северным ветром, чтобы не вышли гунны и не полонили землю.

Во 2-й или 7-й год царствования Александра он возложил венец на свою голову, оделся в царские одежды и послал призвать увенчанных венцами его царства: стратилатов, Перикиоса и Перагила, и все свои войска. Он спросил их и сказал им: «Слушайте все, мои дворцовые люди». Они сказали ему: «Говори, мудрый царь, царь греков, и все, что ты прикажешь нам, будет [исполнено]». Он сказал им: «Этот ответ подходит мне, но мне любопытно: каково пространство земли, какова высота неба, сколько земель моих товарищей-царей и на чем стоит небо. Туманы и ветры оно выносит, как и столбы огня, вырывающиеся из середины земли, и их выносит небо, и нисколько не сдвигается. Или по указанию Божию оно поддерживается и не падает? Поэтому я желаю отправиться и увидеть, на чем держится небо и что окружает все творение». Свободные отвечали и сказали царю: «Прикажи нам сказать». Он приказал им, и они заговорили и сказали ему: «Господин, что твое царство или твое величество желает отправиться и увидеть, на чем держится небо и что окружает землю, то страшные моря, окружающие мир, не дадут [тебе] дороги. Есть 11 светлых морей, по которым плавают людские корабли. За ними есть земля сухая, около 10 миль. А за этими 10 милями есть море грязное — океан, который окружает все творение. Люди не могут приблизиться к этому грязному морю, корабли не ходят по нему, и птицы не летают над ним. И если птица полетит над ним, она отравляется, падает и гибнет в нем. Его воды похожи на гной (μοῦχλα), а люди, если выкупаются в нем, тотчас умирают. Листья деревьев, что около него, высыхают, как будто слизывает их огонь от ветра этих вод».

И сказали это знатные Александру. Он ответил им: «Вы своими ногами ходили и видели, что море таково?». Сказали ему: «Нет, мудрый царь. То самое, о чем думало твое величество, думалось и нам. Мы отправились, чтобы посмотреть, на чем покоится небо, но не дало нам прохода грязное море».

Сказал им Александр: «Я не считаю вас лжецами, но если вы пошли, а море не дало вам прохода, чтобы пройти, то и я отправлюсь и посмотрю все края неба. И если есть царь, земли которого больше моих, то я захвачу его земли и убью его, даже если они с той стороны, откуда выходят хищники».

И послушали все дворцовые люди, что им сказал Александр. Тотчас зазвучали рога в Александрии, и было подсчитано войско — 320 тысяч мужей, чтобы выступить с ним. Царь Александр склонился и поклонился, говоря: «Бог, Господь царей и судей, ты, который ставишь царей и расторгаешь их власть, я постиг своим разумом, что ты возвеличил меня среди всех царей, дал мне рога на моей голове, чтобы я сломил ими государства мира. Дал мне помощь с неба, чтобы я прославил тебя, получил силу большую, чем царства мира, и я унизил бы их. Я возвеличу имя твое, господин, навеки, и да будет память твоя вовеки. Я напишу имя твое, Боже, в хартии моего царства, дабы была память о тебе во всякое время. Если придет в мои дни Христос, который есть Сын Божий, то почту его я и мои войска. Если же он придет не в мои дни, то когда я пойду и подчиню царей, захвачу их земли, этот трон-седалище из серебра, на котором я сижу, я возьму и поставлю его в Иерусалиме. Когда Христос придет с небес, он сядет на престол моего царства, так как его царство пребывает вовеки. 700 литр[1] золота будет даром Христу, когда он придет. Если я умру в какой-нибудь другой стороне мира или здесь в Александрии, пусть будет взята моя царская диадема и повешена на троне, что я подарил Христу. Каждый царь, который умрет в Александрии, его диадема пусть будет взята и повешена на трон из серебра, что я подарил Христу».

Они выступили и отправились на гору Синай, расположились на ней и отдохнули. Они пустили суда в море и прибыли в Мицраим, который есть Египет. Спустились наблюдатели и смотрели, прозрачны или непрозрачны[2] моря и их волны. Ответили и сказали военачальники: «Царь Александр, не может следовать дальше лагерь без кузнецов. Прикажи, чтобы они отправились с нами из Египта, потому что таких кузнецов, как

[1] Литра — мера веса, равна около 300 г.

[2] Буквально: «видимы или невидимы».

египетские, нет на земле». Призвал Александр Сарнака, царя египетского, и сказал ему: «Дай мне 7 тысяч мужей, работающих по меди и железу, чтобы они отправились со мной. Если я приду из земель, в которые я уведу их, куда они попросят, я их пошлю, а если они попросят [остаться] в одной из земель, подвластных моему государству, я им это предоставлю. Они не будут давать [подать][3] царю, но они будут давать нам». И избрал Сарнак, царь Египта, 7 тысяч мужей, работающих по меди и железу, и дал их Александру, и они ели хлеб друг с другом.

Суда отправились в море и плавали по морю 4 месяца и 12 дней и достигли земли твердой, внутри 11 светлых морей. Расположился Александр и его войско и послал призвать эгемона, бывшего в лагере, и сказал ему: «Есть у нас 37 семь мужей, схваченных и осужденных на смерть». Сказал царь эгемону: «Приведите их сюда, этих злодеев». Их привели, и царь приказал им и сказал: «Идите к морю грязному, вколотите столбы, чтобы привязать корабли, и приготовьте все необходимое для того, чтобы войско перешло море». Вышли мужи и отправились к берегам моря. Александр же раздумывал: «Если правда то, что говорят, что всякий, кто приблизится к грязному морю, умрет, то лучше, чтобы умерли те, что осуждены на смерть». Когда они отправились и достигли берегов моря, они тотчас умерли. Александр и его лагерь увидели, что они умерли, потому что он и его знатные поехали, чтобы посмотреть, что с ними будет, и увидели они, что те умерли тотчас, как достигли моря.

Царь Александр испугался и вернулся, он узнал, что им не пройти к краям неба. Весь его лагерь поднялся, и поехал Александр и его войска от грязного моря к морю светлому, где выходит солнце из окошка неба. Так как солнце — раб Господень, то ни ночью, ни днем оно не прекращает своего движения. Там, где солнце восходит, оно восходит над морем. Люди, живущие там, когда солнце приходит, чтобы взойти, бегут и прячутся в море, чтобы не быть спаленными его лучами. Идет оно по середине неба до того места, где входит в окно неба. Где оно проходит, там находятся те страшные скалы. У тех, что живут там, имеются пещеры, выдолбленные в скалах. Когда они видят, что солнце заходит, то бегут от него люди и птицы и скрываются в пещерах, потому что от его жара трескаются камни и падают. И людей ли, зверей ли камни насти-

[3] Chiliarchae, centuriones: *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. Oxonii, 1879. T. 1. Col. 1464. Мы приняли перевод — «подать»: *Brockelmann C.* Lexicon syriacum. Halis, 1928. P. 290.

гают, тотчас их сжигают. Когда солнце входит в окошко неба, оно склоняется и преклоняется пред Богом, своим Творцом. Оно движется и спускается всю ночь в небе, пока не окажется там, где восходит.

Александр посмотрел на запад неба и нашел гору одну, по которой он спустился, ее имя — «Мусаса большая»,[4] и с ним спустились [его войска], пошли и достигли горы Калодии[5] и там ели хлеб. Они спустились к истоку Евфрата и нашли, что он вытекает из пещеры. Они пришли к Халурасу, туда, где вытекает Деклат как поток, вращающий мельницу. Они ели хлеб в Халурасе. Они вышли оттуда и отправились к реке Калат и поднялись на гору, называемую Рамат, там было сторожевое место. Александр и его войска стали на вершине горы и видели 4 края неба, и сказал Александр: «Пойдем по северной дороге». Они пошли в северный край, вышли в Армению, Адорбайган и во внутреннюю Армению. Они прошли землю Торнагиос, землю Бет-Пардайа, землю Бет-Текиль, землю Бет-Дерубиль, землю Бет-Катармин, Бет-Габуль и Бет-Замрат. Эти земли прошел Александр, отправился и прошел у горы Мусаса и вышел в проход, называемый Бахи-Лебта. Он двинулся и достиг ворот великой горы, в которой есть дорога, по которой возят товары во внутренние земли. Александр остановился на ней и послал вестников мира, всадников мира, верховых, объезжавших и провозглашавших во всякой земле: «Царь греков пришел в эту землю, не убивает, не сжигает, не уничтожает, но пусть всякий живет в мире. Изберите 300 человек старцев, и пусть они придут ко мне, говорит царь Александр, и я узнаю от них все, что я желаю, а все остальные пусть живут в мире».

Когда услыхали жители земли вестников, возвещавших мир, они не испугались, избрали 300 старцев. Те отправились к Александру, как только он остановился на [их] земле. Он сам приказал, чтобы не бежал народ от него.

Когда пред ним предстали местные старцы, он спросил этих мужей: «Кто вы, кому даете подать и какой царь правит в этой земле?». Отвечали старцы и сказали царю: «Эта земля Тубарлака, царя персидского, что из рода Ахшурах, и ему мы даем золото». Он сказал им: «Эта гора, куда она так спускается?». Ответили ему: «Эта гора тянется без перерыва и доходит до моря Бет-Катрайе, тянется и кончается у внешнего Парса, близ Индии. По этой дороге и вверх доходит гора до одной большой реки, а с этой стороны — до моря. Есть там узкие дороги, по

[4] Мусаса — Масис, Арарат.

[5] Калодия — Колхида, ошибка в сирийском: «вав», вероятно, вместо «хе».

которым человек не может пройти, а только проехать верхом на лошади. Люди, там проезжающие, не могут проехать без звенящих колокольчиков, потому что звери выходят из моря, из рек, [сходят] с горы и сваливают их на тропах. Если проходящие люди едут без звенящих колокольчиков, они тотчас бывают умерщвлены».

Александр сказал: «Эта гора больше и страшнее всех гор, которые я видел». Сказали царю местные старцы: «Ни твое величество, господин царь, ни мы, ни отцы наши не могли пройти по этому проходу, и не могут пройти люди ни с той, ни с этой стороны, потому что эту границу поставил Бог между нами и народами, что находятся за ней». Сказал Александр: «Какие это народы находятся за этой горой, на которую мы смотрим, и как они живут?». Сказали ему местные люди: «Это — гунны». Он сказал им: «Кто их цари?». Сказали старцы: «Гог, Магог и Наваль — цари, сыны Иафета; царь Гиг, Тимрон, Тиамрон, Бет Гамли, Иафоабар, Шумардак, Глусика, Акшафар, Салгадо, Нислик, Амарфиль, Каоза, это — цари гуннов».

Сказал Александр: «Какова их внешность, одежда и язык?». Ответили старцы и сказали царю: «Среди них есть с голубыми глазами, а у их женщин только одна грудь, и женщины гораздо более воинственны, чем мужчины, так как они режут мужчин ножами. Ножи повешены у них на боках, на руках, на шее, для того чтобы если кто-нибудь из них вступает в бой, то, куда бы ни протянула руку, нашла бы нож. Они одеваются в шкуры, которые выделывают, едят сырое мясо всякого [животного], которое встретится, пьют кровь людей и зверей. Они не осаждают и не воюют против городов и крепостей, но они рыщут по дорогам и у ворот крепостей и городов, окружают мужей выходящих, чтобы встретиться с ними.[6] Они быстрее ветра, который дует. Они опережают слух во вселенной, что они выступили войной, потому что они волшебники. Они движутся между небом и землей, их повозки, мечи, дротики летят, как страшные молнии, и вожжи они держат в руках, по 2, по 3 пары лошадей у каждого из них. У одного 50, а у другого 60 человек следуют за ним и предшествуют ему.[7] Звук улюлюканья каждого из них страшнее рева льва, так как это воля Божия предавать им народы в руки друг друга. Страх перед гуннами нападает на всех живых, видящих их, потому что они лишены человеколюбия.

[6] Текст неясен (см.: *Budge E. A. W.* The history of Alexander the Great... P. 264).

[7] Текст неясен, исправляю эти слова по тексту «Слова о последнем конце», приписываемому Ефрему Сирину (*St. Ephraem Syrus.* Hymni et sermones / Ed. T. J. Lamy. Mechliniae, 1889. T. 3. Col. 199).

Когда они выходят на войну, они приводят беременную женщину, разжигают огонь и привязывают ее к огню, в ней сваривается ее ребенок, ее чрево раскрывается и из него выходит ребенок сваренным, его кладут в сосуд, наливают на его тело воды и растворяют его тело в этой воде. Они спускают в эту воду свои мечи, луки, стрелы, копья и смачивают их. Всякому, кто касается этой воды, кажется, что с ним 100 тысяч всадников, а каждой сотне мужей кажется, что с их стороны стоит 100 тысяч полчищ демонов, потому что их волшебники сильнее всех [волшебников] других царств».

«И это еще мы должны добавить твоему величеству, — сказали старцы Александру, — если не ниспослан гнев Божий, чтобы убить отцов и детей, и если не наказывает Господь землю в своем гневе, гунны не выходят для нашествия, потому что они более жестоки в войне, чем все цари». Александр сказал местным людям: «Выходили ли они для опустошений в ваши дни?». Отвечали и сказали старцы царю: «Да укрепит Бог твое царство, господин царь, и твою корону! Эти крепости, которые разрушены в наших областях и в областях ромеев, разрушили они и вывернули эти башни, когда вышли, чтобы грабить землю ромеев и землю персов, и затем пришли в свою землю».

Сказал им Александр: «Что за народы находятся за ними [дальше них]?». Старцы сказали: «Это Бет-Амардат и людипсы, за людьми-псами — народ Менине, а за народом Менине нет людей, но страшные горы, высоты, долины, пропасти и страшные пещеры, в которых есть змеи, драконы и ехидны. Люди не могут там пройти, так как тотчас их поедают змеи, места там просторные и ничего нет, кроме пустыни. За всеми этими горами виден рай Божий, вдалеке. Рай не близок ни к небу, ни к земле, как град прекрасный и мощный, таким виден он между небом и землей. Облака и туманы, окружающие его, видны издалека, и рог северного ветра почиет над ним».

Сказал им Александр: «Куда впадают 4 реки?». Сказали старцы: «Господин, мы осведомим твое величество, вывел Бог 4 реки из рая эдемского, потому что знал Бог, что люди возмутятся, захватят реки, поедут по ним, чтобы войти в рай, и провел Бог реки по земле и повел их по долинам, горам и ущельям. Он провел их по многим горам, провел и вывел из гор. И есть (река), вытекающая из пещеры. Он окружил рай морями, долинами и океаном. морем грязным, и люди не могут приблизиться к раю. Они не видят, куда текут реки, но видят, что текут они с гор или из долин». Когда Александр услыхал то, что говорили старцы, он весьма удивился великому морю, окружающему все сотворенное.

Сказал Александр своему войску: «Желаете ли вы сделать что-либо удивительное на этой земле?». Они ответили ему: «Как прикажет твое величество?». Сказал царь: «Сделаем железные ворота и запрем ущелье». Его войска сказали: «Мы сделаем так, как прикажет твое величество». Александр приказал, и пришло 3 тысячи кузнецов, работников по железу, и 3 тысячи мужей, работников по меди, они расплавили медь и железо и приготовили их, как муж, изготовляющий глину, доставили и сделали ворота длиной в 12 локтей, а шириной в 8 локтей. Был устроен нижний порог от горы до горы протяжением в 12 локтей, вделан в скалы горы и выкован из меди и железа. Высота нижнего порога — 3 локтя. Он устроил верхнюю скобу от горы в 12 локтей, вделал ее в скалы горы и выковал к ней 2 железных болта, каждый болт — в 12 локтей.[8] Болты входили в скалу [на протяжении] по 2 локтя. Были сделаны 2 железных болта от края до края ворот, и были вделаны головки затворов в скалы. Были утверждены ворота и затворы, вколочены железные гвозди и забиты один за другим, так что если и придут гунны, прорубят скалу под железным порогом, то пройдут пешие мужи, а лошадь с всадником не сможет пройти, пока ворота, закрытые затворами, будут стоять. Был доставлен и скован нижний порог и петли с воротами и привешены железные болты, которые вращались в сторону, как ворота Шушан Бармедайской.[9] Мужи доставили и смесили железо с медью, покрыли ворота и устои один за другим, подобно человеку, который формует глину. Был сделан железный замок в скале, и был выкован железный ключ в 12 локтей, и повернули [=заперли] им медный замок, так он и остался висеть.

Царь Александ привел [гравера] и написал на тех воротах: «Выйдут гунны и полонят земли ромеев и персов, они будут метать стрелы в Армагест,[10] возвратятся и пройдут в свою землю. Еще я написал, что по прошествии 826 лет выйдут гунны по малой дороге, которая выходит против Халураса, откуда вытекает Деклат [Тигр], подобно доске, вращающей жернов. Они полонят народы, прервут дороги, сотрясут землю своим передвижением. И еще я пишу, возвещаю и пророчествую, что по прошествии 940 сорока лет... другой царь, когда кончится мир по повелению Бога, правителя твари. Разгневает сотворенная тварь Бога, умножится грех, воцарится гнев, людские грехи

[8] В тексте ошибочно šynt' вместо 'myn.

[9] Издатель предлагает читать крепость, т. е. «крепости Шушан».

[10] Значение этого слова неясно (*Budge E. A. W.* The history of Alexander the Great... P. 206).

вздыбятся, будут угрожать небесам, и уничтожит Господь в гневе своем государства, находящиеся за этими воротами. Когда Господь желает уничтожить людей, он посылает людей на людей, и они вырезают друг друга. Соберет Господь царей и их войска, что находятся за этой горой. И по знаку его все соберутся и придут сами, со своими копьями и мечами, станут перед воротами, уставятся в небо и призовут имя Господне: „Господи, открой нам эти ворота". И пошлет Господь знак свой с неба и позовет гласом у этих ворот, повернутся эти ворота и упадут по знаку Господню, а не откроет их ключ, который я сделал. И выйдет войско из этих ворот, которые я сделал, и целая часть нижнего железного порога будет изношена копытами всадников и верховых, которые пройдут для того, чтобы опустошить землю по повелению Господню. А верхняя скоба будет изношена[11] зубцами копий тех, что будут проходить под ней и выходить. Когда выйдут гунны, как приказал Бог, с края неба придут царства гуннов, персов, арабов, 24 царства, которые записаны в этой книге. Нападут царства одно на другое, и запачкана будет земля кровью и испражнениями людей. Двинется и пойдет царство греков, возьмет железный молот в правую руку и медный молот в левую руку, и ударит царство греков молотки друг о друга, и как железо расплавляется от огня, как медь кипит на пламени, так растает сила государств пред государством греков, т. е. ромеев. Государство гуннов и персов будет уничтожено одно другим, немногие из них избегут этого, чтобы бежать в свои земли, а оставшиеся из них будут уничтожены государством ромеев. Мое царство, называемое домом Александра, сына Филиппа Македонского, выйдет и вырежет землю до края неба, и не найдется среди народов и племен,[12] находящихся в мире, которые бы устояли перед ромейским государством. Это написал и возвестил я, Александр, собственной рукой, и я не солгал в моем писании. Если не поверят мне народы и сотворенные, что случится то, что я написал, и не примут этих моих слов, то пусть поверят пророку Иеремии, который в своем пророчестве еще прежде указал относительно этого царства и так сказал в своей книге: „С севера появится зло для всех жителей земли". Есть у меня знак, соделанный Богом. На скале за воротами есть одна вершина, а если спуститься с вершины [покатой], есть там другая вершина, где находится губка, напоенная кровью, и течет кровь по этой скале. Гунны приходят и омывают головы в этой

[11] Буквально: «съедена».
[12] Буквально: «языков».

крови, пьют ее и возвращаются. Это свидетельство, установленное там Богом для того, чтобы видели его люди и боялись. Как вытекает кровь из этой губки, так будет пролита кровь людей на горах и на холмах». И удивились Александр и его войска воротам, которые они сделали.

Тогда спустились люди той земли и сказали Тубарлаку, царю персов: «Пришел сюда греческий царь Александр, сын Филиппа Македонского, и сделал железные ворота перед гуннами, но ты восстань, возьми свое войско, приди, убей его и возьми все, что у него есть».

Восстал Тубарлак и послал к Мешазбари, царю внутренней Индии, к Бар Зидаку, царю Кадеша, к Хураздану, царю Явана, послал в Армению и во все земли, послушные ему. Он нанял и привел 82 царя и их войска — 1 млн 113 тысяч. Они советовались перед Тубарлаком и перед всеми царями, и порешили идти цари и их войска. Было летнее время, и весь лагерь Александра отдыхал и покоился, и сам царь отдыхал. И вот Господь пришел к Александру и нашел его спящим. Он позвал его и сказал ему: «Восстань отсюда». Царь встал, благословил и почтил Господа. Сказал ему Господь: «Вот я возвеличил тебя над всеми царями и вырастил железные рога на твоей голове, чтобы ты пронзил ими царства земли. На меня ты надеялся, когда ты вышел на войну и чтобы видеть земли. Но вот многие цари и их войска вышли против тебя, чтобы тебя убить. Призови меня, чтобы я пришел помочь тебе, потому что я — Господь, и я помогаю всем, которые призывают меня». И Господь удалился от Александра. Царь пробудил свои войска и сказал им: «Вот пленные вышли на нас, но пусть дозорные взойдут на вершину горы, проследят и посмотрят, потому что Господь явился в этот час». Дозорные взошли и увидали войска и их царей, бесчисленное [количество]. Они прибежали и сказали царю: «Царь, мы умираем, но Бог, который знает их число, убьет их».

Тотчас приказал царь Александр пересчитать войско его лагеря с тем, чтобы, умрут ли, будут ли жить, был пересчитан лагерь. Оказалось в нем 360 тысяч, 4 тысячи умерло, потому что, когда они уходили из Александрии, их было 320 тысяч мужей.[13]

Александр приказал своему войску, каждому мужу, подвластному ему: «На черепке или на камне всякий муж, который здесь есть, пусть принесет сожжение ароматов Господу, для то-

[13] В тексте ошибка, 360 тысяч выступили из Александрии, осталось 320 тысяч.

го чтобы Господь пришел нам на помощь, чтобы он, придя, нашел лагерь благоуханным от дыма ароматов». Александр взял диадему и пурпур, положил их пред Господом и сказал: «Ты, Господи, имеешь власть над моей жизнью и над моим царством, и твое, Господи, это царство, ты освободишь раба твоего и его лагерь от его врагов». Когда Александр молился, цари и их войска окружили их. Отвечал Александр и сказал: «Эта победа Господня». Лагерь воскликнул и сказал: «Боже, приди нам на помощь». Александр сказал: «Боже, показавшийся мне в этой земле, помоги нам». Тогда показался Господь грядущим на колеснице серафимов, а стражи и ангелы, славя, предшествовали ему. И он поставил свой сонм над лагерем Александра, и явился Господь стоящим на западе. Весь лагерь Александра воззрел на Господа, и был Господь помощью лагерю, и укрепился народ потому, что пришел Господь им на помощь. Настала страшная битва, и народ в этой битве кричал, что это Господь нисшел и стоит в ней. Вновь явился Господь Александру и сказал ему: «Не бойся царей и их войск, вот я с тобой». И глас Божий раздался между ними, пока не задрожали цари и их войска пред лагерем Божиим. Убил Александр и его войска 60 царей и их войска, а бежавшие бежали, рассеянные рассеялись. Тубарлак, царь Парса, был взят, но Александр его не убил.

Встал Александр и его войско и Тубарлак, царь Парса, связанный, и знатные всего Парса, и вынес Тубарлак золото, серебро, бериллы, жемчуга и драгоценные камни сапфиры и дал царю Александру. Александр покорил весь Парс до грязного моря. Александр хотел убить Тубарлака. Тубарлак сказал ему: «Чего ты достигнешь, если ты убьешь меня? Возьми себе золото, которое принадлежит мне, я предоставлю тебе Парс, и он будет давать тебе золото 15 лет. Через 15 лет будут Вавилон и Ассирия твоими». Сидели Тубарлак и Александр, советовались и говорили, что к этим железным и медным воротам на севере они отправят 600 мужей из ромеев и 600 мужей из персов [гарнизон], и они будут их стеречь; есть и пить каждый будет [за счет] пославшего его царя. Тубарлак, царь Парса, привел волшебников, магов и гадал по знакам зодиака, огню, воде и всем своим богам. Они сообщили ему, что позднее, при конце мира, выйдет царство ромеев, и оно покорит царей всей земли, будет убит царь Парса, который в нем находится, будут опустошены Вавилон и Ассирия по повелению Божию.

Таково было гадание царя Тубарлака, и он дал собственноручную рукопись царю Александру. В писании он изложил [совместно] с Александром то, что случится с Парсом, что царь

и знатные пророчествуют, что будет опустошен Парс руками ромеев, что будут уничтожены все царства, но [они] останутся и будут царствовать до конца времен и предоставят земное царство грядущему Христу.

Поднялись Александр и его войска и вышли из Парса и двинулись по пустыне, отправились и расположились на горе ромеев. Он привел тех кузнецов, которые были из Египта, и дал им Бет-Дама и Бет-Душар, чтобы они там работали и жили, но царю они не платили [подать]. Он отправился, поклонился Иерусалиму; спустил корабли в море и отправился в Александрию. Когда он умер, он отдал свой серебряный царский престол в Иерусалим.

Окончена история побед и войн Александра, царя греческого, сына Филиппа.

ИЗ АНОНИМНОЙ СИРИЙСКОЙ ХРОНИКИ 1234 г.

Перевод выполнен по изданию: Anonymi auctoris Chronicon ad annum Christi 1234 pertinens / Ed. J. B. Chabot. Parisiis, 1916—1920. T. 1—2 (Lovanii, 1927) (CSCO. SS. Ser. 3. T. 14, 15).

76. О ЦАРСТВОВАНИИ МАВРИКИЯ

После кончины кесаря Тиверия, императора ромеев, которая случилась в 894 г. (582 г. н. э.), воцарился Маврикий из города Арабиссуса, так как он был зять императора. Тиверий воцарил его при своей жизни, когда дал ему в жены свою дочь Августу. Он послал привести своих родителей, братьев, сестер в столицу и обогатил их. Своему отцу, старому мужу, по имени Павел, своему брату, по имени Петр, и двум сестрам он подарил богатые дворы, роскошные одежды, золото и серебро. И весь свой род он постепенно обогащал и возвеличивал их, утверждал их в чинах больших и известных. Он назначил своего отца над всем синклитом (сенатом), главою всех патрикиев. Своего брата он сделал главой всего войска на востоке, а Домициана, своего родственника, он сделал митрополитом Мелитены.

Маврикий нашел дворец как бы совсем выметенным, а сокровищницу государства опустошенной Тиверием: собранные бесчисленные богатства со времени Анастасия и трех Юстинианов — всех их расстроил Тиверий, потому что рука его была расточительна в деяниях. Поэтому Маврикий был вынужден скупиться[1] и стать умеренным. Он стал бережливым, и поэтому его стали называть скупым.

77. ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ВОЕНАЧАЛЬНИКА ПРИСКА В ПЕРСИЮ

В 6-м году Маврикия военачальник ромеев Приск с многочисленным войском отправился в Персию. Он был муж строгий, и не потерпели его суровости знатные и оклеветали его перед императором, и он назначил на его место одного мужа, по имени Герман. После того как окончилась война с персами, войска пришли и зимовали у [вокруг] Антиохии и восстали

[1] Буквально: «сжать руку».

против императора. В то время была суровая зима. И случилось сильное землетрясение, и содрогнулась земля утром, во вторник, 29 кануна первого, и пала большая часть Антиохии.

Император послал своего зятя Филиппика и назначил его начальником войск, а патриарх Антиохии примирил воинов с императором. Этот военачальник Филиппик побеждал в боях своих.

Итак, когда царствовал Маврикий, он послал в ссылку Мундара. Сын его Нааман отправился к императору. И поклялся ему Маврикий, что если он победит в войне с персами, то отец его будет возвращен. Нааман был приглашен участвовать в таинствах в столице, но он уклонился и сказал: «Все роды арабов яковиты». По этой причине он был отослан и не принял таинства от халкидонитов.

78. О ТОМ, КАК ПЕРСЫ ВЗЯЛИ ГОРОД МАЙФЕРКАТ

Человек, также ромей, по имени Ситта, был стражем города. Его привлекли персы, находившиеся в Низибии, множеством богатства с тем, чтобы он сдал им город. Отсюда постоянно выходил Ситта с ромейской конницей, которая находилась в Майферкате, он доходил до [окрестностей] Низибии, связывал пленных из персов, тех, которые выходили из Низибии, чтобы запастись, мужей сильных. Таким образом, много пленных из персов были введены в Майферкат, которых было достаточно для хитрости, которую они готовились сделать. Когда узнал об этом персидский военачальник в Низибии, он отправился с войском и засел у Майферката. Ситта же отпустил пленных и дал им оружие, они же бросились в город, многих убили, открыли ворота города, и вошли те персы, что были вне; они убивали, грабили, хватали в плен и засели в городе. Когда услыхал об этом Филиппик, главнокомандующий ромеев, отправился поспешно из Антиохии в Майферкат и расположился лагерем у города и повел против него жестокие бои, пока он не будет взят. Он убивал всех, кого находил из персов, поставил войска для охраны и удалился.

79. О ГОНЕНИИ, УЧИНЕННОМ МАВРИКИЕМ НА ЯЗЫЧНИКОВ ХАРРАНА

В это время приказал Маврикий Стефану, епископу Харрана, поднять гонение против тамошних язычников. Когда получил этот приказ тот епископ, он поднял против них гонение, и многие стали христианами; те же, которые сопротивлялись,

были изрублены мечом, а части их [тела] развесили на площадях Харрана. Правителем Харрана в то время был муж, по имени Акиндин; он был христианином по имени, а тайно был язычником. И донес на него епископу его писец, человек молодой, по имени Гонорий. Его распяли на холме, который есть в Харране. А Гонорий стал править вместо него городом.

80. О ХОСРОВЕ, СЫНЕ ПЕРСИДСКОГО ЦАРЯ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЗЯТЕМ МАВРИКИЯ

В 8-м году Маврикия восстали персы против Хормизда, своего царя. Они схватили его и ослепили ему глаза. Спустя немного времени, как был ослеплен Хормизд, их царь, предложили персы его сыну Хосрову воцариться над ними вместо (его) отца. И был назван Хосров Беруз (Парвез). У него был главнокомандующий, который был на востоке с персидским войском. Когда он возвращался с великой победой, в дороге ему стало известно о том, что сделали с Хормиздом и что они воцарили его сына после него. И потому, что он был возбужден своим великолепием, он подстрекал против юноши Хосрова, он презрел его [объявил глупым], восстал против него, взял войско [лагерь], бывшее с ним, и выступил против Хосрова. Имя восставшего Бахрам. Когда Хосров услыхал о приближении Бахрама и его восстании против него, он испугался и не знал, что делать, потому что множество персов соглашалось с Бахрамом. Хосрову показалось, что он может получить убежище у ромейского императора, и он послал призвать военачальника арабов, который жил в Русафе и был подчинен ромеям, мужа араба-христианина, имя которого Абугуфна Нааман, сын Мундара. Когда тот пришел к нему, он [Хосров] дал ему письмо и послал к императору Маврикию. Тотчас как он прибыл к Маврикию, он представил ему письмо Хосрова. Он сообщил ему все дело (ὑπόθεσις) точно, а также, что Хосров готов приехать к императору, если он ему разрешит. Маврикий же, когда прочитал писание Хосрова и усвоил то, что в нем было, склонился к его просьбе и послал ему [сказать], чтобы он ехал к нему.

Когда вернулся Абугуфна к Хосрову, он сообщил ему обещание Маврикия. Никем не замеченный, он [Хосров] вышел из дворца и верхом стремительно миновал персидскую границу и достиг Эдессы, города Месопотамии. Он оставался там, пока не пришел приказ Маврикия. Его принял и поселил в своем доме и оказывал ему великие почести Иоанн Росфайа, старшина Эдессы. В словесном обращении ему оказывали царские почести. Эти расходы [тяготы] возместил Хосров Иоаннису, после того мы скажем, как он был унижен Господом.

81. О ПРИГЛАШЕНИИ ХОСРОВА ЦАРЕМ РОМЕЙСКИМ

Хосров находился в Эдессе, когда пришло ему письмо от Маврикия, чтобы он отправился в Маббог и оставался там, пока не получит ответа. Хосров написал императору просительное письмо, называя его отцом и господином, и сообщил ему все дело (обстоятельства). «Лучше мне, — говорил он, — если меня постигнет смерть и через тебя наступит для меня конец, но не через моих сородичей». Он просил прийти ему на помощь, обещая быть ему сыном и рабом и подчинить ему всех жителей своего государства. Когда Маврикий получил писание Хосрова, он послал собрать всех знатных ромеев и приказал прочесть письмо Хосрова. Он послал полководца Иоаннниса, родом фракийца, с 20 тысячами войска и главнокомандующего Анастасия, а с ним из Армениака 20 тысяч букелариев. Он послал ему 40 кентенариев золотых дариков, чтобы было у него на расходы. Когда они достигли Хосрова, он взял путь к своей стране.

Восставший Бахрам, после того как уехал Хосров, отправился в Ктесифон. Он захватил царскую власть и сокровищницу царскую, поджег царский дворец и ограбил все, что там нашел. Услыхав, что Хосров возвращается, он приготовился к войне с ним. Когда достиг персидской земли Хосров, Ромизан военачальник и с ним 10 тысяч персов пришли и присоединились к лагерю ромеев и были с Хосровом.

Когда он приготовился к бою с Бахрамом, произошла между ними жестокая битва; восставшие бежали, многие были убиты, а прочие подчинились Хосрову, и его царство возвратилось ему. Укрепившись, он отдал ромеям все, что ограбил и забрал у персидского войска в бою, он прибавил к этому, дав каждому всаднику 400 зузе, и отпустил их в Византию.[2] Маврикию он послал множество подарков, драгоценные камни, различные одежды. Он вернул ему город Дару, который был захвачен у ромеев, и просил Маврикия, чтобы он дал свою дочь Марию ему в жены. Маврикий радостно принял его просьбу, отдал ему свою дочь и послал ее с честью и торжеством великим. С ней он послал епископа и клириков. Хосров приказал построить два храма для своей жены: один святому Саргису, другой Богородице. Был послан Анастасий, патриарх Антиохии, и он

[2] *Сир.:* Ibet romaie.

освятил их. Между персами и ромеями был длительный мир, и почитал Хосров Маврикия, как отца.

82. О ГОНЕНИИ, УЧИНЕННОМ МАВРИКИЕМ, ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНЫХ[3]

В 17-м году царствования Маврикия, который был годом 910-м греков, пожелал Маврикий подражать императорам прежним. Он послал призвать Домициана, митрополита Мелитены, который был сыном его брата Петра. Он дал ему власть преследовать [гнать] последователей Севера и выгонять их из их церквей. Когда он прибыл в Месопотамию, он воздвиг гонение на верующих; он достиг Эдессы, учинил в ней великое гонение на православных. Он послал призвать монахов из монастыря восточных и многих смущал, чтобы они отвратились от православия, но они не отреклись [от своей веры]. После того как он им еще угрожал, и они не испугались, он приказал начальнику солдат, посланному с ним императором, называемому сакелляриусом (σακελλάριος). Этот взял и вывел их ко рву за южные ворота, которые назывались [воротами] храма солнца, и всех их умертвил одинаково. Было же их числом 400 мужей.

В это время была в столице великая чума, и вымерло в ней 3 080 000.

В этом году было великое землетрясение в Сирии, во 2-й день [понедельник], 19 кануна второго, и опустели многие города.

В то время умер православный патриарх Петр, и был поставлен Юлиан.

83. ОБ УМЕРЩВЛЕНИИ ИМПЕРАТОРА МАВРИКИЯ

В 20-м году Маврикия восстало против него его войско, потому что он не дал им продуктов (ὀφώνιον) и подарков, по обычаю императоров, надеясь этим не создавать себе врагов. Собрались многие из них и послали ему [сказать] следующее: «Бог дал мир в твои дни, но мир не приносит пользы всадникам, или если они не получают подарков. Поэтому, если ты дашь нам подарки, по обычаю, мы твои рабы, а если нет, то мы будем тебе врагами».

[3] Автор монофизит и называет православными монофизитов.

Император Маврикий, уподобляясь Ровоаму, сыну Соломона, не испугался их угроз, но пренебрег ими. Их военачальником был Петр, брат императора, они пришли к нему и просили его воцариться над ними вместо своего брата. Но он не согласился и отправился к императору, сообщил ему о волнениях войска и о том, что они просили, чтобы он воцарился над ними. Когда Маврикий услыхал об этом от брата, он испугался и бежал в город Халкидон. Ромейские войска пришли в столицу, и, когда не нашли Маврикия, потому что он бежал в Халкидон, они отправились на поиски его, нашли его, привезли в столицу, убили перед ним его детей, а затем и его самого лишили жизни. Возвратился из ссылки и Мундар, царь арабов, и отправился в свою землю.

84. ЦАРСТВОВАНИЕ ФОКИ

Войска привели презренного ромейского мужа, по имени Фока, и он воцарился над ними в год 914-й греков и в год 13-й царствования Хосрова.

О Филиппике, зяте Маврикия.

Филиппик, зять Маврикия, после того как воцарился Фока, явился к нему и говорил злые слова против Маврикия, желая этим смягчить Фоку и приблизить к себе его сердце. Он говорил, что падение Маврикия было [делом] его рук, убеждал императора поэтому дать ему место и почет. На это ответил ему Фока: «Итак, ты приготовился стать нам другом, о, Филиппик?». Ответил Филиппик и сказал: «Конечно, господин». Сказал ему император: «Как же, если ты не был хорошим зятем, можешь ты быть другом без лукавства? Иди себе. Тот, кто не соблюл доверия зятя, не соблюдет и дружбы друга». И обманута была надежда Филиппика, он пошел, постригся и вступил в монастырь.

85. О ВОССТАНИИ НАРСАЯ, ВОЕНАЧАЛЬНИКА, ПРОТИВ ФОКИ И ОБ УБИЙСТВЕ ЕПИСКОПА ЭДЕССЫ СЕВЕРА ХАЛКИДОНИТА

Когда Фока воцарился, был патрикий в Сирии, муж по имени Нарсай, который не подчинился императору. Фока вооружил ромейские войска и послал их против него, чтобы взять его. Когда Нарсай это услыхал, он выступил из Антиохии с частью своего войска и отправился в Эдессу из-за крепости ее стены, чтобы поднять ее [против Фоки]. Был же у халкидонитов Эдессы епископ, по имени Север, который построил дворец

в Эдессе, у реки, и площадь, названную новым портиком. Когда Нарсай прибыл в Эдессу, обвиняли его [Севера] мужи из Эдессы, что он друг Фоки. И приказал военачальник Нарсай, и привели его к нему на двор Марина, где он сам жил. После того как он спросил его о чем хотел, он приказал его вывести малыми воротами города и ввести его воротами арок (могил), чтобы не было волнений в городе по поводу его убийства. И побили его камнями в месте, называемом цирком, близ истока источника, в то время как все эдесские жители окружали двор Марина, стояли и не знали ничего, пока он не был побит.

Отправился и прибыл военачальник, посланный императором Фокой, имя которого было Иоанн, он расположился лагерем у Эдессы. Хитростью и лукавством он смог захватить Нарсая без войны. Он дал слово прощения всем жителям Эдессы, которые с ним восставали, за исключением Фомы Баридаие, который поносил его со стены; он (Иоанн) приказал его убить.

86. О ТОМ, ЧТО СДЕЛАЛ ХОСРОВ, КОГДА УСЛЫХАЛ О СМЕРТИ МАВРИКИЯ

Хосров, царь персидский, когда ему было сообщено о незаконном убийстве Маврикия, был охвачен великим огорчением и мучением; он исполнился гневом и страстью, оделся в черное и горевал о нем, как об отце. Он собрал войска и говорил с ними о многих благодеяниях, которые оказал ему Маврикий, и что с его помощью возвращено ему царство. Он приказал всем войскам одеться в черное, и когда прошли дни траура, он вновь собрал войска, роздал им подарки и сказал: «Я готовлюсь подняться против ромеев, кто из вас, о, военачальники и славные знатные персидские, готов послужить моему желанию?». Тогда Ромизан, муж сильный, способный и исполнительный в боях, ответил и сказал: «Я готов исполнить твое желание и могу повести войну с ромеями, ничто меня не заставит повернуть, я не склонюсь к жалости и не буду жалеть человека, я не постыжусь старости и не посочувствую молодости».

Когда Хосров услыхал эти слова, он очень обрадовался и сказал: «Ты теперь не будешь зваться Ромизаном, а Шахрбаразом, то есть кабаном». И он, взяв войска, направился в ромейскую землю, а Хосров следовал за ним, пошел и расположился у города Дары. Через 9 месяцев он получил перевес и взял его.

87. ОБ ИОАННЕ РОСФАЙА И ОБ ОТПРАВКЕ ЕГО ЖЕНЫ В ПЕРСИЮ В 919 г.

В 5-м году Фоки и 17-м году Хосрова захватили персы крепость сильную Марду, после того как они оставались около нее 2 года и 6 месяцев. И захватили персы Месопотамию и ее города и обложили их податью. С этим овладел Хосров Эдессой и приказал послать жену Иоанна Росфайа в Персию. Мы скажем о причине ее отправки. Когда в свое время Хосров прибыл в Эдессу, при переходе его к Маврикию, как мы это показали выше, он оставался в Эдессе некоторое время, живя в домах Марина халкидонита, близ двора Иоанна Росфайа. Оба, Иоанн и Марин, состояли на государственной службе ромейской державы, и постоянно завидовал Марин Иоанну, потому что ему было больше чести у императора, а также из-за его большего богатства и изобилия, чем у Марина. Однажды, когда Хосров жил в Эдессе, он смотрел из опочивальни во дворе Марина, рассматривал и удивлялся красоте строений дворца Росфайа. Он пожелал войти в его двор, чтобы осмотреть их внутри. Когда Иоанн услыхал, что Хосров желает побывать в его доме, он устроил большое пиршество и созвал всех глав и старейшин города и почтил его такой удивительной честью, чтобы Хосров сказал, что и в царстве своего отца ничего подобного не видал. Охваченный страстью гордости Иоанн пожелал показать Хосрову, что он много более Марина изобилует богатством, вынес утварь из золота и серебра для всякого употребления на пиршестве, так что блюда, подносы, сосуды, блюдца, чаши для напитков и всякие сосуды для вина, урны, горшки, кастрюли, посуда — все были из серебра и золота. После того, как Хосров поел и попил, ублаготворился, он позвал Росфайа и сказал ему: «Ты весьма почтил нас, как подобает такому знатному, как ты, но только есть обычай у царей персидских, если они снисходят войти в дом одного из своих знатных, то обязательно выходит жена этого знатного, смешивает царю одну чашу и протягивает ему, чтобы он выпил. Если ты желаешь сделать мне совершенную [особенную честь], таким образом выкажи мне это». Иоанн устыдился того, что услыхал, но не захотел отвечать царю Хосрову и разгневать его. Он предоставил это дело жене, чтобы от нее он получил решение [ответ], ибо он был уверен в мудрости своей жены. Он позвал одну из служанок и послал к ней, сказав, чего желает Хосров. Она приняла это послание, она презрела его в своем доме, отвергла его и дала ответ: «Ты велик между нами, о, царь, и великая радость посещение и приход твой к нам. Но

по порядку, который действует и существует в царстве ромейском, жена из благородных не смешивает мужчинам вина». Хосров, получив этот ответ, смолчал. Когда кончилась трапеза и ушел Хосров в свое помещение, то стали осуждать жену Росфайа перед Хосровом, что она говорила: «Откуда появление этой вши, вырванной из своей земли?». Когда услыхал это Хосров, он разгневался и порешил сам с собою, с клятвами своим богам: «Если у меня будет власть над этой землей, не прощу ей, пока не станет она отторгнутой от родины, а тело ее не поедят вши». Поэтому, когда он завладел Эдессой, он послал взять эту женщину и отправил ее в Персию, а также ее сына Сарги, единственного оставшегося наследника Росфайа. Что касается женщины, то ее посадили в темницу, и он приказал не давать ей воды и омовения, не стирать ее одежд, не общаться с другими и давать ей хлеба и воды, только чтобы поддерживать себя. Так поступили с ней по приказанию царя, пока не напали на нее вши, которые мучили ее долгое время. В этом страдании она кончила свою жизнь в темнице. Сарги же, ее сын, был в чести у царя, который сделал его своим сотрапезником, памятуя дружбу его отца. Через некоторое время просил Сарги царя Хосрова, чтобы он разрешил ему отправиться посмотреть и позаботиться о своем имуществе. Царь разрешил ему с условием, чтобы он вернулся. Когда Сарги прибыл в Эдессу, он не нашел в своем доме ни золота, ни серебра, ни вещей, ни имущества; не осталось у него ни деревень, ни жилищ, ни лавок. Золото и вещи из серебра были зарыты в землю его матерью, а Сарги не знал места, где они были положены. Они не найдены и до года 1113-го, через 200 лет, в котором мы живем, и скажем об этом деле, что будет найдено это [сокровище], кем и когда пожелает Господь. Сарги же не вернулся вновь к Хосрову, но взял жену и детей, которые у него были, и имел поддержку своих родственников.

88. О ТОМ, КАК БЫЛА ПОДЧИНЕНА МЕСОПОТАМИЯ И ВСЯ СИРИЯ ПЕРСАМ В 922 г.

В 8-м году царствования Фоки и 20-й год[4] Хосрова персы перешли Евфрат, подчинили всю Сирию и изгнали из нее ромеев. Шахрбараз преследовал их по следам и тех, кого настигал, вырезал, убивал и брал в плен. Пленных он посылал к Хосрову. Он прошел по всем областям Каппадокии и Галатии,

[4] Ошибочно считать 20-й год Хосрова: очевидно, должна быть другая цифра.

даже близ Константинополя. Какую землю он, настигнув, не измучил, не разрушил, не перебил мужей и не взял в плен население! Персы причиняли это зло в ромейских пределах, Фока же больше них (причинял зло) внутри. Он многое делал, чтобы не было крепости (в государстве), ибо он убивал ромейских знатных, пока не опустело его царство от могущественных людей.

89. О ТОМ, КАК ХАЛКИДОНИТСКИЕ ЕПИСКОПЫ БЫЛИ ИЗГНАНЫ ИЗ ЦЕРКВЕЙ ГЕЗИРТЫ

Когда Хосров овладел Месопотамией, он изгнал из нее ромеев, а также приказал, чтобы халкидонитские епископы, имевшие церкви, были изгнаны из них и чтобы церкви были отданы яковитам, которые господствовали над ними во времена Маврикия и были изгнаны Домицианом Мелитенским лет за 20. И совершенно была уничтожена память о халкидонском соборе от Евфрата на восток. Хосров послал привести с востока епископов, и они сели в городах. Один из них был Исаия Эдесский, а другой Самуил Амидский, который был вместо Кириака, мужа очень ученого и известного делами и знаниями, от них-то и направляли на кафедры.

90. ОБ УБИЙСТВЕ ИМПЕРАТОРА ФОКИ

Когда много зла было причинено ромеям и не только персами, но еще более императором Фокой, два мужа-патрикия, бывшие в Африке, услыхав о его презренном нраве и жестокости, с которой он поступал относительно войска, решили восстать на него. Имя одного из них Григорий, другого Ираклий; своими годами они были стары и мудры в своей хитрости, во всем сенате никого не было почтеннее их. У Григория был сын, по имени Никита, а у Ираклия был сын, по имени Ираклий, по имени отца. Эти мужи, движимые ревностью, дали каждый своему сыну достаточное войско и послали их воевать с Фокой, со следующим условием. Если опередит Никита Ираклия и придет в Константинополь, он и воцарится над ромеями. Если же Ираклий опередит Никиту, то его будет царство. Между ними было решено, что Никита отправится землей, а Ираклий поплывет морем. Когда они отправились, подул ветер, удобный для плавания Ираклия. С полным спокойствием и без препятствия они достигли одной из гаваней столицы, намного опередив Никиту. Вышел ему навстречу весь город в ожидании его, сенат и народ, и ввели его с большим торжеством. Они

умертвили Фоку и воцарили Ираклия. Фока был убит после того, как он процарствовал 8 лет.

91. ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ИРАКЛИЯ

В 922 году греков, который есть 21-й год царствования Хосрова, в начале [месяца] илула воцарился Ираклий. Сидя на царском престоле, он направил послов к Хосрову, чтобы просить у него мира. Хосров же не только не согласился заключить мир, но грозил и угрожал ромеям.

92. О ТОМ, КАК ПЕРСЫ ПОКОРИЛИ СИРИЮ

При смене (повороте) года, 8-го [числа] тешрина первого покорили персы Антиохию, 15-го того же месяца они подчинили Апамею и пришли в Эмесу Финикийскую. Они (персы) дали ей слово, и они [ее жители] подчинились персам. В этот год выступило ромейское войско в Сирию, и встретилось с ним войско персидское. Произошла битва, и было уничтожено много ромеев. В этом году Бахрам, военачальник персидский, осадил Кесарию, город Каппадокии, убил в ней (жителей), взял много пленных и ушел.

В 4-м году Ираклия подчинил Шахрбараз Дамаск персам, и дали дамаскинцы слово платить им подать.

93. О ВЗЯТИИ ИЕРУСАЛИМА ПЕРСАМИ

В 6-м году Ираклия и 27-м Хосрова осадил Шахрбараз Иерусалим город и покорил его мечом. Он убил в нем 90 тысяч христиан. Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их дешево, и они убивали их. Шахрбараз взял в плен епископа Захарию, халкидонита, в Иерусалиме. Он послал его в Персию к Хосрову с честнейшим древом распятия и с сокровищем золота и серебра. Иудеи были уведены из Иерусалима.

В следующем году вошел Шахрбараз в Египет, и покорили персы и Александрию и убили в ней многих.

94. О НАЧАЛЕ АРАБСКОГО ЦАРСТВА И О МУХАММЕДЕ, ИХ ПРЕДВОДИТЕЛЕ, КОТОРЫЙ ИМИ НАЗЫВАЕТСЯ ПРОРОКОМ И ПОСЛАННИКОМ БОЖИИМ

В год 933-й греков, 12-й (год) Ираклия и 33-й (год) Хосрова человек, по имени Мухаммед, из племени Куреиш, вошел в землю Ятриб и говорил о самом себе, что он пророк.

Следует сообщить, что имя, общее для всех арабов, — арабайе. От этого общего имени — Счастливая Аравия, земля, в которой они живут, расположенная с севера на юг (от реки Евфрат до южного моря)[5] и с запада на восток от моря Красного до залива моря Персидского. Многими именами называют их, по именам их первоначальных племен.

Этот Мухаммед, следовательно, о котором мы говорили, в юности и когда вырос из юношеского (возраста), начал уходить и возвращаться из Ятриба, своего города, в Палестину, для торговли, для купли и продажи. Когда он привык к этой земле, он познал исповедание Единого Бога, которое ему понравилось. Когда он отправился к своим единоплеменникам, он изложил это исповедание перед ними. Этим он прославил перед ними прелесть Палестинской земли, говоря: «За исповедание Единого Бога была им дана эта земля хорошая и счастливая, — и прибавлял, — если вы послушаете меня, и вам даст Бог землю хорошую, текущую молоком и медом».

Когда он пожелал утвердить свое слово, он взял отряд и тех, которые последовали за ним, и направился в землю Палестинскую, чтобы хватать, брать в плен и грабить. Он вернулся нагруженный, без урона, и не нарушил своего обещания им.

Таким образом, любостяжание стало обычным побуждением, и они стали вновь уходить, хватать и возвращаться. Увидели те, что до этого не присоединялись к нему, что те, кто подчинились ему, в изобилии имеют множество имущества, и потому без сопротивления были привлечены и подчинились ему. Когда после этого умножилось у него [число] мужей и стало много войска, он не поддерживал их более в том, чтобы они грабили, но с честью сидел в городе Ятрибе. Когда они были вновь посланы, то им не было уже достаточно оставаться только в одной Палестине, но они отправились дальше, открыто убивая, забирая в плен, вырезая и грабя. И этого им было недостаточно, и они сделали платящими подать дамаскинцев и подчинили их.

И так понемногу они усилились и распространились, умножились так, что подчинили почти что всю ромейскую землю и царство персидское [взяли в] свои руки.

И стало, таким образом, их господство государством постоянным и переходило из рук в руки, от мужа к мужу, которые стали в нем правителями. Они стали весьма сильными, по угод-

[5] В скобках слова, дополненные из Хроники Михаила Сирийца (р. 227).

ному Богу решению, который пожелал наказать нас за наши грехи.

95. ОБ ИХ ИСПОВЕДАНИЯХ И ЗАКОНАХ

Как мы сказали относительно причины и о начале движения Мухаммеда, первого царя арабов, то скажем и о законах и заповедях, о которых он говорил, что получил их от Бога, чтобы их установить.

Он учил следующему: знать Единого Бога, творца всего, не называя его ни отцом, ни сыном, ни духом, но божеством единого лица и одной ипостаси, которое не порождено и не рождает, у которого нет товарищей. Он принял Моисея и его писание, что принял и Евангелие, за исключением того, что он не считал, что Христос был распят. Он признавал, что Христос был человек праведный, честнейший среди пророков, рожденный девой без брака, как Адам, сотворенный словом Божиим из земли. Он не принимал, что он был распят, но что он совершал чудеса и воскрешал мертвых. А когда подняли на него руки иудеи, представился им другой муж, подобный ему, и был распят, а он, Христос, живым был поднят на 4-е небо, где он находится до сих пор, ожидая времени спуститься вторично, судить людей в последний день, по повелению Божию. Они [мусульмане] признают также и воскресение и воздаяние по делам. Представление о рае чувственное и очень грубое — ядение, питье и брак с женщинами красивого вида, возлежание на ложах из золота, украшенных кораллами и топазами, реки молока и меда.

Они признают также мучительную смерть, чтобы каждый соответственно своим грехам пострадал и отправился затем в рай. Он [Мухаммед] также позволял, чтобы мужчина женился на скольких желает свободных женщинах, законно, и позволял иметь наложниц сколько может; если отпускает мужчина женщину, то чтобы он давал ей разводное письмо, по закону Моисея.

Он учил также молиться 5 раз в день, омываясь перед молитвой начисто по необходимости. Пост длится 30 дней, известный месяц, называемый рамадан. Они постятся днем, а ночью им разрешается есть. Они соблюдают обрезание своих мужчин и женщин. Они поклоняются во время молитвы в сторону юга. Упорядочена также книга, которая, как сказал Мухаммед, излилась от Бога в его душу через ангела и изложена им языком для слушания людям и называемая книгой божественной.

96. О ТОМ, ЧТО БЫЛО В МИРЕ В ТОТ ГОД, КОГДА ПОЯВИЛСЯ МУХАММЕД

В этом году покорил Шахрбараз Анкору Галатии и много островов в море и многих убил. Хосров ожесточился, превознесся и разбогател от побед. И кто может достаточно сопоставить [все] страдания, которые перенесли люди в то время от притеснений и убийств? Какой плачевный полон! Какой грабеж! Какой захват! Какое горькое преследование! Какие тяжкие подати! Сколько отправлено в персидские пределы камней, плит, мраморных колонн из церквей, тюков золота и серебра! В то время было взято все серебро, которым была украшена большая церковь в Эдессе, и было послано в Персию к царю Хосрову, по причине вражды, случившейся между Киром, архонтом Эдессы, и жителями города.

Поэтому, завидуя, злые люди из Эдессы, по своему злому обычаю, обвинили его перед Хосровом. Он взял все сокровища великой церкви, снял серебро, которое было на апсиде над алтарем и на его четырех колоннах, на всех колоннах перед алтарем и на салье среди церкви. Нашли, что вес серебра 112 тысяч литр, и послали его Хосрову.

97. О ПРИКАЗЕ, ИСШЕДШЕМ ОТ ХОСРОВА, ЧТОБЫ ЭДЕССА БЫЛА ПОДВЕРГНУТА ПЛЕНЕНИЮ

В 18-м году царствования Ираклия приказал Хосров, чтобы жители Эдессы шли в плен в персидские пределы, и написал марзбану, правившему Эдессой, чтобы он это быстро выполнил. Этот марзбан был тихий, мягкий и милосердный. Он считал, что не в одно время и [всех] вместе [следует] отправлять в плен, но понемногу, что это [может] кончиться и придет отмена от царя. Он стал их посылать по (числу жителей) одной улицы. Когда распространился слух, что Ираклий вступил в персидские пределы, то по этой причине перестали из Эдессы отправлять в плен, за исключением (жителей) этих двух улиц. [Пленные] перешли Евфрат и достигли Секарта. Отправлены были и из числа глав города, один из них был Сарги, сын Иоанна Росфайа, о котором мы выше упоминали, он был взят в плен в одно время со своей матерью.

В этом году было солнечное затмение. Исходила лишь половина света сферы, от месяца тешри первого до хазирана, пока не начали говорить люди, что не восстановится вновь его сфера.

98. О ЛАГЕРЕ ПЕРСОВ У КОНСТАНТИНОПОЛЯ

В 936-м году, 14-м году Ираклия, 35-м году Хосрова и 3-м году Мухаммеда послал Хосров Шахрбараза и Кардаригана, военачальников персидских, с большими войсками и запасом военного оружия, которые прибыли, чтобы осадить Константинополь, с западной стороны города. Они теснили его в течение 9 месяцев, в то время как Ираклий находился в городе, а он был в затруднении от персов. После того, как восстали персы на своего царя, они заключили мир с Ираклием по следующему поводу. Когда был обвинен Шахрбараз, военачальник, что он-де оскорблял царя, называл его высокомерным и дурных обычаев, прославляющимся чужими победами, Хосров же написал Кардаригану, военачальнику, бывшему с Шахрбаразом, чтобы он схватил Шахрбараза и снял ему голову. Посол, везший письмо, когда достиг Галатии, был схвачен ромеями, которые поверили тому, что было с ним, перевезли его связанным и отослали императору Ираклию. Так он прибыл в столицу, что не заметил этого никто из осаждавших персов. Когда Ираклий точно узнал от посланного относительно причины, по которой он был послан, он тайно послал к Шахрбаразу и клятвенно уверил его, что призывает его по причине, касающейся его. Он пришел к нему, и Ираклий показал Шахрбаразу писание Хосрова к Кардаригану, привел вновь посланца и поставил его перед ним, а когда Шахрбараз увидал его, он узнал его. После того, как он прочел писание и узнал от посланца подробности, он вышел от Ираклия и отправился в лагерь и стал думать, что ему следует делать. Он придумал ловкую хитрость, которая ему хорошо удалась. Он изменил письмо Хосрова и написал вместо него другое и прибавил в нем, чтобы вместе с Шахрбаразом были казнены 300 персидских начальников, славные, известные и именитые, такой-то и такой-то. Он приложил печать к письму и запечатал его. Он послал собрать персидских начальников и с ними Кардаригана. После того, как письмо было прочитано начальникам, сказал Шахрбараз Кардаригану: «Хорошо, ты это сделаешь? Что ты скажешь? А вы, о, начальники, что вы скажете?». Начальники же исполнились гнева и начали бесчестить Хосрова и поносить его. Было решено между ними, что они заключат мир с Ираклием и дадут ему то, что он у них просит, и что он будет им союзником в уничтожении Хосрова. Они послали к Ираклию, и заключили с ним соглашение и мир, и дали ему заложников для укрепления договора, который был [заключен] между ними, которых сам царь избрал из сыновей и братьев персов. Среди них был сын Шахрбараза. И был договор, что персы уйдут от города, оставят его. Ираклий взял ромейские войска и отправился, чтобы воевать с Хосровом. И персы направились из Европы в сторону Азии. Ираклий же послал к царю хазарскому, и тот прислал 40 тысяч войска из Каспийской земли ему в помощь. И послал ему [сказать] царь хаган: «Вот я посылаю тебе их, которые встретятся с тобою, где ты пожелаешь». И обещал Ираклий хагану дать ему в жены свою дочь Евдокию. В то время охвачен был Ираклий плотской страстью желания, вызвал и раздражил Бога и [поступил] против церковного закона и против закона природы и взял Мартину, дочь своего брата, в жены, и родился от нее Ираклион, сын незаконный, кроме тех, которые родились у него от первой жены.

99. О ПОХОДЕ ИРАКЛИЯ В ПЕРСИЮ

Ираклий выступил из столицы с большим войском и совершил путь через Армению, и всюду, куда он достигал, изгонял персов из городов и подчинял их власти ромеев. Хосров же, когда услыхал, что восстали против него Шахрбараз и персидские войска и что выступил Ираклий и движется по его земле, он взволновался и испугался, потому что множество персидских войск было разбросано на западе — в Сирии, Палестине и Египте. Тем не менее он собрал войско, какое мог, и поставил ему начальника, человека, по имени Рузбихан. Он приказал ему отправиться навстречу Ираклию и сразиться с ним. Рузбихан отправился, достиг Ассирии, где [должен был] сразиться с Ираклием. За Ираклием же следовало множество армянских войск, персы и хазары, посланные хаганом действовать в области Мидии и в землю Адорбайган.

Когда услыхал Рузбихан, что Ираклий прибыл, он поторопился встретить его у реки в земле Ассирии, называемой Заб. Произошла жестокая битва, персы повернули спины, и были убиты многие из них. Был убит военачальник Рузбихан, и овладели ромеи его лагерем. Когда услыхал царь Хосров, что разбиты его войска, он бежал из столицы и оставил кладовые и все сокровища. Он находился в крепости или защите, которую он построил на восток от Ктесифона в двух парасангах. За ним следовал Ираклий и вошел в его крепости, хватал и грабил все, что мог в царских дворцах, а крепости жег огнем. Он грабил и опустошил всю (область) Бет-Арамайе.

100. ОБ УБИЙСТВЕ ХОСРОВА И ЦАРСТВОВАНИИ ЕГО СЫНА

Широе, сын Хосрова, был заключен в тюрьму своим отцом. Узнав о бегстве своего отца от Ираклия, он вышел из тюрьмы, стал преследовать своего отца Хосрова и убил его 9-го [числа месяца] шаббата и воцарился после него. Царствовал же Хосров 38 лет.

Император Ираклий, после победы и ограбления государства Хосрова, вернулся зимовать между Ассирией и Арменией для того, чтобы вернуться преследовать Хосрова, так как он до этого не слыхал, что он был убит сыном.

Широе, приняв царство, послал весть Ираклию об убийстве своего отца и заключил с ним мир и соглашение, по которому Ираклий получил все области, бывшие в свое время ромейскими. Персы остались в пределах своих первоначальных границ, и те из них, что были в западных областях, прибыли в Персию. Широе воцарился над персами в 19-м году Ираклия и в 7-м году Мухаммеда. Тогда Ираклий двинулся с востока, чтобы войти в Сирию, и послал вперед своего брата Теодориха, чтобы он выгнал тех персов, которые сидели в городах, соответственно тому, как был заключен договор сначала между ним и Шахрбаразом, а потом между ним и Широе.

101. О ПРИБЫТИИ ТЕОДОРИХА В ЭДЕССУ

Теодорих, брат императора, прибыл в города Междуречья и дал знать персам, находившимся в них, чтобы они выходили и отправлялись в свою землю. Они были предупреждены и осведомлены писаниями Шахрбараза и Широе относительно мира, заключенного между ромеями и персами. И когда император вслед за своим братом последовал и прибыл, то он назначил правителей и защитников ромейских в городах.

Когда Теодорих достиг Эдессы, персы, находившиеся в ней, знали о том, что произошло, и о прибытии императора. Эти же персы пренебрегли им и не подчинились его словам. Они ответили ему: «Мы не знаем Широе и не отдадим города ромеям». На стене вместе с персами стояли и иудеи, которые жили в Эдессе. Из-за своей ненависти к христианам и своего расположения к персам они поносили ромеев, насмехались над Теодорихом и [заставили] его слушать скверную брань. Теодорих же поднял против города тяжелую борьбу и досаждал метанием камней из баллист. Персы, бывшие в городе, испугались, подчинились условиям соглашения, [требовавшего] чтобы они вышли и ушли в свою землю.

Еврей, человек по имени Иосиф, опасаясь гибели бывших с ним сограждан, спустился со стены и был доставлен к Ираклию. Он нашел его в Телле Маузелат, вошел к нему и просил его, убеждая простить его соотечественникам оскорбление, нанесенное Теодориху, его брату, и послать ему (сказать), чтобы он не мстил им. Теодорих же, войдя в город и овладев им, выслал персов, и они отправились в свою землю. Он послал собрать всех иудеев, тех, что поносили его, и начал убивать их и грабить их дома. Внезапно прибыл иудей Иосиф и привез императорский декрет, приказывавший не причинять вреда его соотечественникам.

102. О ПРИБЫТИИ ИРАКЛИЯ В ЭДЕССУ

После этого выехал Теодорих из Эдессы, перешел Евфрат и отправился в Маббог для того, чтобы изгнать персов из Сирии и Финикии.

В эти дни император Ираклий прибыл в Эдессу и поселился во дворце, что стоит у начала источника. В один из дней он отправился в великий храм, чтобы принять таинства; встретил его там Исаия, митрополит того города. По великой ревности и усердию или, говоря по правде, по простоте и неучености он отказал ему в принятии причастия, говоря: «Пока ты не осудишь хартий Халкидонского собора и томоса Льва, я не дам тебе причастия». С того времени возгорелся гневом император, изгнал этого епископа из церкви и предоставил ее халкидонитам, своим единоверцам.

В то время были в Эдессе уважаемые начальники из рода Бет-Росфайе, и рода Бет-Тельмахрайе, и Бет-Кузьмы, сына араба, рода Бет-Налар. Некоторые из них и их отцы подарили великой церкви драгоценности, все золото, серебро, сады, мельницы, скот и бани. Но они не могли в то время воспротивиться приказанию императора и надеялись, когда отправится император и уйдет в ромейские пределы, они вернутся со своим епископом в церковь и овладеют ею. Но Бог, возмездие которого имеет силу над государством человеческим на земле и дарует ему то, что пожелает, и поднимает против него людей смиренных, видя, что переполнилась мера преступлений ромеев и всякого рода запретов, употребляемых ими против нашего народа и нашей церкви, так что близка была ее гибель, поднял и вывел [Бог] из южной земли сынов Исмаила. Эти презренные, пренебрегаемые, неизвестные народам земли, а их-то руками было устроено наше спасение. Таким образом, мы немало попользовались от них и были освобождены от тиранического

государства ромеев и избежали этой кафолической церкви, которая была принята нашим народом под давлением Ираклия, и наши единоверцы были отданы халкидонитам и остались, пребывали в их руках до сего дня. Поэтому, когда в то время получали города известия, они тотчас открывали [ворота] и подчинялись арабам. Они отдали каждому исповеданию, в их руки, те храмы, что они просили. Таким образом избавилась от православных великая церковь в Эдессе, а также [церковь] Харрана, и так постепенно весь запад до Иерусалима. Церкви же всей Месопотамии были спасены, потому что гонение началось с Эдессы, как мы это показали.

103. О СМЕРТИ ШИРОЕ, УБИЕНИИ ЕГО СЫНА И ЦАРСТВОВАНИИ ШАХРБАРАЗА. О ЧЕСТНЕЙШЕМ ДРЕВЕ РАСПЯТИЯ

Когда Ираклий удалился из Эдессы и перешел Евфрат, он достиг Иерусалима, из него перешел в Антиохию и оттуда вернулся в Маббог. В то время умер Широе, царь персидский, и воцарили его сына, по имени Ардашир. Он процарствовал малое время, его убил Шахрбараз и воцарился на его место. Он подтвердил договор и клятвы, бывшие между ним и ромеями, и написал послания персам в Египет и Палестину; они вышли и отправились в персидские пределы.

В 941-м году, 19-м году Ираклия и 8-м году Мухаммеда не осталось ни одного человека из персов, который бы не перешел Евфрат. Началась война между персами, одни из них склонялись к Шахрбаразу, другие из них к Кардариган. Шахрбараз послал к Ираклию, тот дал ему ромейское войско. Он повел войну с Кардариганом и убил его, и осталось персидское государство за Шахрбаразом. Тогда император Ираклий стал просить Шахрбараза вернуть ему древо распятия, взятое им из Иерусалима, когда он пленил его в 6-м году Ираклия. И вернул Шахрбараз древо распятия радостно, с великими почестями. Когда Ираклий был в Маббоге, доехали до него те, что везли крест, он вышел ему навстречу и принял его с торжеством.

В то время был призван к Ираклию, когда он был в Маббоге, патриарх Анастасий, который прибыл к нему с 12 епископами. Об этом деле мы писали в книге о церковных делах.

104. ОБ УБИЙСТВЕ ШАХРБАРАЗА И О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЭТО ВРЕМЯ

В год 942-й, 20-й Ираклия и 9-й Мухаммеда был убит Шахрбараз одним из близких Хосрову, и воцарилась над персами Барам, дочь Хосрова, на малое время и умерла. После нее воцарилась Заримндокт, ее сестра.

В этом году скончался патриарх Анастасий. Через 2 года началась смута в персидском народе, часть из них желала воцарения Ездегерда, сына Хосрова, другие взирали на мужа, по имени Хормизд. Воцарился Ездегерд, мальчик, со своей сестрой Заримндокт.

105. О СМЕРТИ МУХАММЕДА, ВОЕВОДЫ И ПЕРВОГО ЦАРЯ АГАРЯН[6]

В 943-м году, 21-м Ираклия умер Мухаммед, царь арабов, после того как он правил государством лет 10. Перед смертью он приказал, чтобы над арабами царствовал Абу Бекр, который был отцом его жены Айши. Мухаммед происходил по своему роду от Исмаила, сына Авраама, которого родила ему Агарь. У Исмаила были следующие сыновья: его первенец Набиот, Кедар, Арбел, Мабсан, Машма, Рума, Масса, Хадар, Тима, Нетур, Нафиш, Кедма, Акид [Окаидус]. Этот Акид родил Хамаля, Хамаль Салмана, Салман Набета, Набет родил Хамиса, Хамис Дада, Дад родил Ада [Ода], Ад родил Адина, Адин родил Маада, Маад родил Назара, Назар родил Рабиаха, Рабиах родил Морада, Морад родил Алиса, Алис родил Мудрекаха, Мудреках родил Козимаха, Козимах родил Анана, Анан родил Надара, Надар родил Малека, Малек родил Фура, Фур родил Галеба, Галеб родил Лави, Лави родил Кааба, Кааб родил Калеба, Калеб родил Куша, Куш родил Абдкалифа, Абдкалиф родил Хашима, Хашим родил Абдалмоталеба, Абдалмоталеб родил Абдалаха и 12 братьев его других, Абдалах родил Мухаммеда, который был главой и первым царем, как мы упоминали.

106. О ЦАРСТВОВАНИИ АБУ БЕКРА

После смерти Мухаммеда воцарился Абу Бекр. В первый год своего царствования он послал арабские войска в землю Сирии, чтобы покорить ее. Войско состояло из 30 тысяч, и он

[6] В латинском переводе (P. 187) Ж. Шабо указывает, что после библейских имен в списке следуют имена арабской традиции, известные из Абульфреда.

поставил четырех военачальников: первого — Аби Обейда бар Гарраха, имя которого Амр бар Абдалах, бар Гаррах; второго начальника — Амр бар Саир, бар Ас; третьего начальника — Шархабаша (Шарахбель), бар Хасанах; четвертого начальника — Язида бар Абу Суфьяна. Он послал с ними йеменцев, войско около 12 тысяч. Начальником йеменцев был Абу Алькулаб. Вышли арабские войска из своего города, и вышел с ними Абу Бекр, чтобы вести их. Он приказал им, говоря: «Когда вы войдете в эту землю, не убивайте ни старого, ни малого, ни женщины, не сводите столпника с его места, не обижайте отшельников, потому что они предали себя Богу, чтобы работать ему. Не срезайте деревьев, не повреждайте растений, не растерзывайте скота, ни быков, ни овец. Всякий город и народ, который примет вас, заключайте с ним договор, будьте верны в обещаниях им, пусть они живут по своим законам и по установлениям, бывшим у них до нашего времени. Установите подать, как границу, которая есть между вами, чтобы они оставались в своей религии и в своей земле. Те, что не примут вас, ведите с ними войну и обязательно следуйте всем указаниям и истинным законам, которые даны вам от Бога через нашего пророка, чтобы вы не прогневили Бога».

107. О ТОМ, ЧТО СДЕЛАЛИ АРАБЫ, КОГДА ВЫСТУПАЛИ, И О ПРИХОДЕ ИРАКЛИЯ В АНТИОХИЮ

Выступили и отправились войска, посланные Абу Бекром, по пустынной дороге, что на юг от Дамаска и идет по земле Моаб. Услыхавл [об этом], Ираклий послал собрать войска ромейские и арабов-христиан к себе, будучи в Дамаске. Он приказал и предназначил их для охраны городов и послал их навстречу арабам, чтобы изгнать их из земли [своей]. Сам же Ираклий отправился с большим войском в Антиохию.

Из четырех военачальников, посланных Абу Бекром, один следовал, как мы сказали, в землю Моаб, к Палестине; другой — к Египту и Александрии; третий — против персов, а последний — против арабов-христиан, что были под властью ромеев.

108. О ПОРАЖЕНИИ РОМЕЕВ [ПОНЕСЕННОМ] ОТ АРАБОВ В ПАЛЕСТИНЕ

Начальник, пришедший с арабским войском в Палестину, повел войну против патрикия Саргиса, который был в Кесарии Палестинской. Ему был поручен город и область Ираклием.

Обеспокоенный приближением арабских войск, он собрал к себе какие мог войска и послал привести 5 тысяч пехоты из самарийского народа, чтобы выступить с ними в бой против арабов. Арабы же, услыхав об этом ухищрении Саргиса, собрались сразу и сделали ромеям засаду с тем, чтобы хитростью, когда они не будут знать, напасть на них и уничтожить их.

Когда ромеи пошли и достигли места, в котором была засада арабов, о чем им было до того времени неизвестно, они просили патрикия Саргиса, чтобы он их остановил и дал немного отдохнуть от тягости и трудности, потому что было среди них много пехоты. Но патрикий не позволил, а когда узнал, что враги близки, приказал трубить в рога, бить в барабан, чтобы они приготовились броситься на [врагов]. Арабы же, хорошо вооруженные, вышли из засады, пошли на них с криком и гневом великим и напали на них. Они столкнулись с самарянами, которые шли первыми. Те испугались арабов, и были все самаряне уничтожены и погибли. Увидав это, патрикий повернул, чтобы обратиться в бегство и спастись от уничтожения. Арабы преследовали их и, как жнецы колосья, срезали их. Патрикий Саргис упал с лошади; те, что его сопровождали, приблизились к нему и посадили его на лошадь. Немного [времени] он оставался на лошади и упал во второй раз, тогда взяли его бывшие с ним и посадили его. Он немного [времени] ехал вперед и упал в третий раз на землю, а когда они стали готовиться вновь его посадить, он стал убеждать их, говоря: «Оставьте меня, спасайтесь сами, чтобы я и вы чашу смерти не вместе пили». Когда они оставили его и немного отошли от него, настигли его стремительно те, что преследовали его на этом месте. И так они преследовали и убивали ромеев, пока не настал вечер. И не спасся из них никто, кроме тех немногих, что спрятались в деревьях, оградах и виноградниках, и вошли в Кесарию.

110.[7] О ПОХОДЕ ТЕОДОРИХА, БРАТА ИМПЕРАТОРА, ПРОТИВ АРАБОВ

Ираклий, услыхав об убиении патрикия Саргиса и о совместном поражении ромеев и самарян, приказал Теодориху, своему брату, собрать всех ромеев, бывших с ним в Месопотамии, и тех, что были на запад от Евфрата. Когда вместе все сошлись у него, то стал мощным его лагерь. Они выступили и

[7] § 109 в сирийском тексте отсутствует.

отправились с огромной гордостью и высокомерием великим, надеясь на многочисленность мужей и великолепие оружия. В каждом пристанище, где они останавливались, они устраивали пляски, празднества, питье, пение; раскрывая губы и кивая головой, они говорили: «Что полагают о нас арабы? Они, как мертвые псы...». Когда они достигли в области Эмеса селения Гусит, один муж, столпник-халкидонит, стоял на столпе. Теодорих приблизился к нему, начал с ним беседу, и после того как они много говорили друг с другом, сказал столпник Теодориху: «Не пообещаешь ли ты, если ты вернешься с войны с миром и с победой, что ты истребишь севериан и поразишь их тяжкими наказаниями». Патрикий же Теодорих ответил ему, говоря: «Помимо того, что тобою приказано, я положил себе гонениями и многочисленными бедствиями действовать против севериан». Один православный воин,[8] который там находился, услыхав это, загорелся гневом, но не мог ничего сказать от страха перед властями.

Ромеи выступили оттуда и с великим высокомерием и великолепием достигли пристанища, где находились арабы, и расположили свой лагерь вблизи лагеря арабов. Они оставались так, находясь друг против друга, угрожая и грозя от времени месяца ияра до тешри первого. Затем внезапно столкнулись стороны друг с другом, и в первое время преобладали ромеи над арабами, но обошли их арабы, они дрогнули и устрашились, и надломилось сердце ромеев, опустились их руки, и они обратились в бегство. Но и бегством они не смогли спастись, но попечением Божиим остались и были потоптаны ногами врагов и прикончены мечом. И не осталось из них никого, кроме Теодориха, который спасся с немногими.

Тот верующий муж-воин, о котором мы упоминали, увидав Теодориха, что он охвачен головокружением, и стало темно у него в глазах, осмелел и сказал ему: «Что ты сказал, о, Теодорих, где же обещания твои этому столпнику? Хорошо ты возвращаешься с добрым именем, и молва о победе еще до тебя достигнет императора». Патрикий же слушал и не ответил ни слова. Так было уничтожено все войско ромейское, а Теодорих бежал к императору. Арабы вернулись в лагерь, во все палатки и укрепления ромеев; они получили золото, серебро, роскошные одежды, рабов и рабынь без числа. Они получили много имущества, и у них была в изобилии собственность.

[8] «Православный» в представлении автора — монофизит.

ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ДРУГОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА, БААНИСА, ПРОТИВ АРАБОВ[9]

Вновь послал Ираклий Бааниса, военачальника, и сына Шахрбараза, который воевал вместе с императором ромейским после убийства его отца, и Склира, патрикия Эдессы. Они собрали много войск, выступили, чтобы отправиться к Дамаску охранять города, чтобы не вошли в них арабы. Когда они достигли Эмесы, встретил их Калид бар Валид, эмир арабов. И были побеждены ромеи арабами, и множество их было уничтожено. Число убитых достигало 40 тысяч, и были убиты Баанис и Склир, сын же Шахрбараза спасся живым. Он примирился с арабами, они дали ему слово, и он жил в городе Эмесе.

111. О ЛАГЕРЕ У ДАМАСКА И О ЕГО ОСАДЕ, О СМЕРТИ АБУ БЕКРА И ЦАРСТВОВАНИИ ОМАРА ПОСЛЕ НЕГО

Арабы, одержав большую победу над ромеями, отправились в землю Баальбек, и Калид бар Валид, эмир, с ними. Они уничтожили и полонили все, что могли, перед собою. Выступил один ромейский военачальник, по имени Киклаос, с 20 тысячами войска и вступил в бой с арабами у Генадина.

У арабов пали многие метатели,[10] и многие из всадников умерли, но, когда усилилась битва, ромеи были побеждены, а военачальник убит.

Калид бар Валид взял войско арабов и отправился осаждать Дамаск. Он засел в монастыре у восточных ворот, Абу Обайдиа засел у ворот, называемых Габита, а Язид засел у ворот апостола Фомы. Заперли перед ними ворота города, арабы окружили стену извне и повели сияьный бой с жителями города. Жители города были теснимы арабами и боялись, к ним подошли 50 тысяч ромейского войска и повели бой с арабами. Они вели битву, пока не вошли ромеи в город, в то время как арабы жестоко сражались у города.

112. О СМЕРТИ АБУ БЕКРА И ЦАРСТВОВАНИИ ОМАРА БАР КАТТАБА

Когда арабские войска осаждали Дамаск, дошла до них молва, что умер их царь Абу Бекр, процарствовав два с поло-

[9] Этот параграф не имеет нумерации, но думаю, что так как § 109 нет, то предшествующий должен получить № 109, а этот — № 110.

[10] Метатели, копье- или стрелометатели, метатели огня: Lexion syriacum auctore Hassano Bar Bahlule / Ed. R. Duval. Parisiis, 1888. T. 1. Col. 444.

виной года. Воцарился Омар бар Каттаб. Он послал в Аравию отряд, называемый Белка,[11] и покорил Босру, опустошил прочие селения и города. Он послал также Саада бар Ваказа против персов. И шли арабы своей дорогой и дошли до горы Марда, убили там много монахов и почтенных аскетов, особенно в большом и славном монастыре, что на горе Решайне, так называемом Бената, т. е. [монастыре] яиц.

В это время сын Шахрбараза, о котором мы говорили, поселился в Эмесе и примкнул к арабам. Услыхав, что воцарился Омар, он написал ему послание, говоря: «Если ты дашь мне главенство и народ арабский, я поведу их в области персов и стану воевать с моими врагами. Я покорю тебе всю эту землю и сделаю их [платящими] подать».

Когда послания дошли до Омара и стало известно то, что в них [было написано], дочери Хосрова и его сын (бывшие дружественными Омару), высказали ему свое мнение, говоря: «Не заблуждайся, о, царь, словами лживыми сына Шахрбараза, хитростью он хочет сделать противоположное тому, о чем он писал тебе. Если он не пожалел своих соотечественников и господ, не сохранил верности тем, которые являются его соплеменниками, но как чужих убивал их, как он сохранит верность тебе? Он просит для того, чтобы получить возможность, а когда воцарится, восстанет против тебя и будет против тебя». Услыхав это, Омар рассудил, что их совет правилен. Он отправил посла в Эмесу, чтобы распяли его [сына Шахрбараза] на дереве. И тотчас как пришел приказ Омара, распяли его у ворот Эмесы.

113. О КОНЦЕ ПЕРСИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Саар, сын Ваказа, о котором мы говорили, достиг селения Кадеш, называемого арабами в наши дни Кадесках; оно находится на краю пустыни Кадеш, отдаленной от Акола, т. е. Куфы, на парасангов 5. Когда арабы расположили там свой лагерь, Ездегерд собрал войска и послал их против арабов. Персы пришли, остановились у Евфрата, вблизи Куфы, и послали человека из хиртских [Хирта], чтобы разузнать о лагере арабов. Этот хиртей, так как он был родом араб и был сведущ в их языке, хотя он был подчинен персам, храбро достиг лагеря арабов. Когда он приблизился к лагерю, то увидал одного из них, маадея, который сидел вне лагеря, ел хлеб и вычищал вшей из одежды. Хиртей, увидев маадея, заговорил с ним на

[11] Отряд назван по названию области Палестины Белка, см. ниже, § 115.

арабском языке и сказал ему: «Что ты делаешь?». Тот же ответил ему: «Вот, как ты видишь, я ввожу новое и вывожу старое и убиваю врагов». Хиртей же, так как он был осторожный и хитрый, весьма огорчился тем, что услышал от маадея. Он сказал самому себе: «Новый народ входит, а старый выходит, а персов убивают». Он повернул и тотчас пошел к персам и рассказал им: «Я видел народ безобразный, босой, нагой, голодный, но весьма храбрый, остальное вам известно». Тайно он открыл военачальнику то, что он видел и слышал и что сам полагал.

Персы вместе единодушно достигли Кадеша и вступили в бой с арабами. Персы обратились в бегство, а арабы не перестали преследовать их до ворот Ктесифона. Персы собрали вновь второй сбор и срезали мосты через Тигр, чтобы арабы не могли их перейти. Затем приехали арабы на своих конях. Они восхищались и говорили друг другу: «Бог, который помог нам на земле, он спасет нас и на водах», и они въехали верхом в Тигр, перебрались и переехали, и ни один из них, ни из их животных не погиб. Они напали на лагерь персов, преследовали и убивали их, забрали добычу их лагеря. Они захватили Ктесифон, захватили его сокровища и хранилища вместе с царскими людьми и людьми богатых. Вновь собрал Ездегерд третий сбор в месте, называемом Гаула,[12] но и там настигли их арабы, преследовали их и убивали их. Вновь собрали персы четвертый сбор на горе Мидии у города, называемого Нехавенд, и вновь пришли арабы и прикончили их мечом. Овладели арабы царством персидским в один год. Ездегерд бежал в землю Сегистан. О том, что с ним случилось, мы сообщим после, с помощью Господа.

114. О ВЗЯТИИ ДАМАСКА

Вернемся и покажем с Богом также, как был взят Дамаск и прочие города у ромеев. Итак, арабы не отдыхали от борьбы с ними, как мы это показали выше, и увидели жители города, что нет ничего, что бы их спасло, они опустили руки в бою, они просили клятвы у Калида бар Валида, установлений и соглашений по их законам. Калид приказал, и им была написана грамота соглашения обо всем, о чем они просили и чего желали. И так они открыли город арабам. Но с западной стороны он был открыт мечом: один из арабских эмиров усилился, открыл одни из ворот и вошел в него. Однако грамоту, соглаше-

[12] В арабских источниках Галула.

ния и клятвы им подтвердил Калид бар Валид и назвал их дающими подать [подданными]. Посредником между ними был Иоханан дьякон бар Саргис, из самого Дамаска, приятный и известный арабам. Таково было взятие Дамаска в 13-м году арабов.

115. ПОХОД АРАБОВ В ЗЕМЛИ ФИНИКИИ, ВЗЯТИЕ ЭМЕСЫ И ПРОЧИХ МЕСТ

Выступив из Дамаска, Калид бар Валид и арабское войско пришли в области, окружающие Иордан, Белку и землю Ауран. Арабы хотели их полонить и ограбить, но запретил им это Абу Обейда по приказу царя Омара и сделали их [население] платящими подать. Они отправились оттуда и пришли в Баальбек и Тедмур,[13] достигли Эмесы и расположились у ворот Ресан. Жители Эмесы заперли перед ними ворота, поднялись на стену и беседовали с арабами, говоря: «Вы идете против императора ромейского и, когда победите его, будем вам подчинены. Но мы вам ворот не откроем». Арабы начали борьбу с городом, а жители Эмесы ожидали, что им придет на помощь войско и освободит их, но оно не пришло. Тогда у них опустились руки, и они просили у арабов слова соглашения и клятв. Они приняли грамоту относительно самих себя и своего имущества, как сделали жители Дамаска, и [обещали] что они будут вносить подать от города так называемых динаров 110 тысяч. Они открыли город. Воцарились в нем арабы, поставили им правителя, эмира, мужа по имени Хабиб бар Маслама, и он брал с них подать. Жители Палестины, всего побережья собрались и вошли в Иерусалим.

116. О ВОЙСКЕ, КОТОРОЕ БЫЛО ПОСЛАНО ИРАКЛИЕМ ИМПЕРАТОРОМ ПРОТИВ АРАБОВ, И ЕГО ПОРАЖЕНИИ ПРИ РЕКЕ ЯРМУКЕ

Император Ираклий, услышав эту молву, собрал войска из Армении, Сирии и Бет-Ромайе, более 30 тысяч, распределил их между тремя военачальниками: Григорием Армянином, Кентарисом и Кардариганом. С ними было множество войск, как мы сказали. Они вышли из Антиохии, чтобы отправиться к Эмесе навстречу арабам. Услышав молву о них, арабы испугались их, подумали оставить города, которые они взяли, и возвратиться в свою землю. Затем они стали советоваться между собою и

[13] Тедмур — Пальмира.

говорили друг другу: «Как мы оставим эту цветущую землю и если мы выйдем из нее, мы никогда вновь не вернемся в нее, будем же сражаться с ромеями». Приказал Абу Обадиа, глава, поставленный над арабами Омаром, Хабибу бар Маслама, чтобы он вернул жителям Эмесы подать, которую собрали с них, и сказал им: «Между нами есть клятвы, мы идем навстречу ромеям. Если мы вернемся — наша подать, если будем сражены и не вернемся, то мы свободны от клятв». Арабы выступили из Эмесы и пришли в Дамаск. Эмир Абу Обадиа приказал Сувайду бар Калтому, который правил Дамаском, чтобы и он вернул подать, которую собрал с жителей Дамаска, и сказал им: «Если мы победим и вернемся, мы возьмем ее у вас, а если будем разбиты и не сможем спасти вас от ромеев, вот ваша подать у вас. А мы свободны от клятв, которыми мы вам клялись». Арабы выступили из Дамаска, пришли и расположились у реки Ярмука. Ромеи пришли туда, где расположились арабы. Каждому городу или селению, которые проходили ромеи, из тех, что имели соглашение с арабами, они угрожали. Язык не может сообщить о зле, причиненном ромеями при их прохождении, и безобразиях, которые не следует иметь в памяти.

Через несколько дней после того как [войска] расположились друг против друга у реки, они стали переговариваться друг с другом относительно мира и о прекращении войны. Но у них не было согласия относительно [уступок], которые они просили друг у друга, и они приготовились к битве. Когда они приготовлялись, прибыл в лагерь арабов Абу Суфьян и вдохнул силу в арабов для боя. Они били в барабаны, трубили в трубы и бились весь день, пока не застала их темная ночь. И были побеждены ромеи, обратились в бегство и бежали от арабов, которые начали уничтожать их мечами. Смешались ромеи и не знали, куда бегут. Многие из них направились на свет огня пастухов. Так как они бежали поспешно, они падали с высоких утесов, разбивались, и умерло их много тысяч, больше тех, что были убиты в бою. Вернулись арабы с большой победой и радостью в Дамаск. Вышли жители Дамаска им навстречу и встретили их с удовольствием, приняли радостно и выполнили свои договоры и обещания.

117. ОБ УХОДЕ ИРАКЛИЯ ИЗ СИРИИ

Пришел муж, из христианских арабов, в Антиохию и рассказал Ираклию о гибели ромейских войск и что не смог спастись из них даже вестник. Выступил император Ираклий из Антиохии в полной темноте и отправился в Константинополь.

Как говорят, он послал Сирии привет [при] отбытии и сказал: «Сазо, Сирия», что значит: «Оставайся с миром, Сирия», как некто, лишенный надежды на нее. Он также поднял жезл, который держал в своей руке, и разрешил все, что могут, брать и грабить, как будто для него Сирия уже принадлежала врагам. Он написал и послал в Месопотамию, Армению, Египет и прочие земли, в которых оставались ромеи, чтобы они не воевали с арабами и не восставали против приказа Господня, но чтобы каждый сохранял свой город и свою землю, пока не пройдут эти [тяжелые] обстоятельства для его войска.

118. О ТОМ, КАК БЫЛ ЗАХВАЧЕН ЕГИПЕТ И КАК ОН БЫЛ ПРЕДАН АРАБАМ ПАТРИАРХОМ ВЕНИАМИНОМ

В то время, когда усилились арабы, взял войско Омар бар Аз и пошел против земли египетской. Мы нашли в рассказах и историях египетских, что Вениамин, который был тогда патриархом православных в Египте, предал Египет Омару бар Азу, военачальнику персов, из-за антипатии, т. е. из-за вражды с Киром, патриархом халкидонитским, в том же Египте. Ибо говорят, что этот Кир с патриаршеством главенство и власть над всем Египтом принял от Ираклия и что воины и вооруженные служили ему. Желая, чтобы было известно, что с епископством ему достался чин военачальника, на одну ногу он надел красный башмак, а на другую ногу сандалию, что носят монахи. Поэтому он тиранически действовал во всем, и он весьма вредил православным властью, которую он имел от императора. Он выгнал Вениамина из его церквей и сам господствовал в них.

Услыхав о прибытии Омара бар Аза, Кир вышел и отправился к нему и обещал, что будет давать ему каждый год 200 тысяч динаров, и не вошли арабы в Египет. Пришли люди и оклеветали Кира перед императором Ираклием, что он берет золото Египта и дает его арабам. Он написал Киру, что он устранен от управления Египтом, и послал полководца в Египет, мужа по имени Мануил, родом армянина. Когда кончился год, пришли послы арабов в Египет, по обычаю, чтобы взять подать. Они нашли Мануила расположившимся в Вавилоне, который в наши дни называется Фустатом. Вошли в него послы, требуя золота, а он ответил им: «Я не Кир, который давал вам золото, потому что он носил не оружие, а тунику из шерсти, я же ношу оружие, как вы видите. Идите, удалитесь и не приходите вновь сюда». Вернулись послы, сообщили своему

эмиру то, что было им сказано, и сообщили, что не Кир является правителем Египта. Побоялся Омар бар Аз идти в Египет. Вениамин же, патриарх православных, вышел и отправился к Омару бар Азу, ободрил его и обещал ему предать всю землю египетскую. Он заключил с ним договор, что тот даст и отдаст в его руки все церкви Египта и изгонит халкидонитов. Вернулся Вениамин в Египет и сообщил своим единоверцам о том, что им было сделано, убеждал их обрезываться, чтобы это было их знаком и чтобы они не были уничтожены с халкидонитами. Он возбуждал их к тому, чтобы они восстали против ромеев, предали бы землю арабам, освободились от горького рабства ромеям, потому что им не остается ничего, кроме гонения за их веру. До того доходила свирепость халкидонитов, что во время совершения таинств они входили к православным, выбрасывали святые дары и попирали их. Поэтому существует до наших дней обычай в Мисрине и Египте, чтобы дьякон становился с востока, чтобы служить во время таинства, для того чтобы, когда войдут гонители, он увидел и дал знать священнику, и он потребил причастие прежде, чем войдут гонители. Когда узнали главы Александрии и Египта, они сговорились с патриархом Вениамином, а когда прибыл Омар в Египет, они предали ему город. Арабы вошли, напали на ромеев и уничтожили их. Кир и Мануил, увидев, что арабы усилились, взяли, что могли, и бежали в Константинополь. Патриарх Вениамин стал господствовать над церквами Александрии и всего Египта. С того времени не могли поднять головы халкидониты во всем Египте, кроме немногих людей, пребывавших в селениях и крепостях на морских островах.

119. О ВЗЯТИИ ХАЛЕБА И ПРОЧИХ ОБЛАСТЕЙ АРАБАМИ

Прибыл Калид бар Валид к Халебу и расположился у его ворот. Ворота перед ним закрыли, а когда получили клятвы и соглашение обо всем, чего просили, предали город. Так же точно Киннешрин и прочие области. Абу Обадиа, военачальник арабов, послал Хабиба, эмира Эмесы, в землю Киннешрин для того, чтобы [его жители] вместе с Эмесой платили подать. Так было до того (времени), пока она не была отделена от управления Эмесы, во времена Язида бар Моавия. Эмиром Дамаска был поставлен Саид бар Заид.

120. ОБ ОСАДЕ ИЕРУСАЛИМА И ЕГО ВЗЯТИИ ОМАРОМ БАР КАТТАБОМ

Абу Обадиа бар Гаррах взял арабский лагерь и отправился расположиться у Иерусалима. Народ вышел из города и вступил в бой с арабами. Они сразились с ними, вернулись, вошли в город, а арабы вступили в бой с городом и подняли против него жестокую борьбу. Когда [находящиеся] внутри [города] увидели, что им нет помощи, они послали к Абу Обадии, военачальнику арабов, чтобы он послал за Омаром бар Каттабом, царем, чтобы он пришел и заключил с ними договор и что они сдадут ему город. Арабы написали Омару, чтобы он прибыл. Он выехал, чтобы прибыть в Иерусалим в 946 году, 26-м Ираклия,[14] 15-м арабов. С ним пришло множество войск, мужи знатные и известные из корейшитов и Аббас бар Абдалмоталеби, который был дядей по отцу Мухаммеда, пророка арабов. На место него в Медине стал у власти Али бар Абуталиб, зять Мухаммеда по его дочери Фатиме. Омар прибыл в Иерусалим, сидя на верблюде, под ним было положено покрывало, с одной стороны была положена мука ячменная, а с другой стороны финики, сосуд с водой и отводок. Вышли ему навстречу войска арабов и приняли его. Позднее прибыл Абу Обадиа, военачальник, и сошли оба друг другу навстречу и приняли друг друга с миром. Когда он достиг города, вышли к нему главы города, один из них Абу Гуайдад, называемый арабом, другой епископ Софроний. Они установили договор и клятвы, а он написал им диплом, как они просили по их обычаям и законам. Во всей Палестине они дали слово и клятвы, чтобы евреи не жили в Иерусалиме. Когда договор был написан и подтвержден, вступил царь Омар в Иерусалим. Он приказал построить на месте храма Соломона святилище или дом молитвы арабов. Увидел епископ Софроний, что царь Омар надевал грязные одежды, он принес ему одежду и плащ и просил его, чтобы он принял их от него, и весьма настаивал. Но Омар не пожелал их принять, говоря: «Мне не должно принимать от кого-либо что-либо». Потому что Омар постоянно делал из листьев пальм опахала и отдавал их, чтобы их продавали, и за счет этого одевался. И трудом рук своих он питался. Когда епископ очень упрашивал его, он сказал: «По твоей просьбе и потому, что я люблю твое достоинство [=титул почитания], сделай мне милость, разреши мне надеть их, пока ты возьмешь эти мои одежды и отдашь их выстирать. Затем ты вернешь их, когда ты возьмешь свои». Он сделал так. Когда выстирали одежды царя, он вновь надел их и вернул епископу его. Немного времени пожив в Иерусалиме, Омар вернулся в Ятриб, свой город.

[14] 946 год соответствует у хрониста 24-му году Ираклия; сравнить данные § 105, где 943 год соответствует 21-му году Ираклия.

В 18-м году арабов, после того как отправился Омар в свой город, напала чума бубонная на всю область Палестины. Абу Обадиа, эмир и военачальник арабов, был настигнут этой болезнью и умер в Эммаусе, городе Палестины. Место его занял Моад бар Габала.

121. О ПОКОРЕНИИ МЕСОПОТАМИИ И АНТИОХИИ

Через год прибыл Ияд бар Ганим с войском арабов, прошел по городам Сирии и дал им слово, и покорилась Сирия арабам. Вышел Иоанн, который был оставлен Ираклием, чтобы оберегать Месопотамию, и отправился к Ияду бар Ганиму в Кинешрин. Он заключил с ним договор, что будет давать ему каждый год 100 тысяч дариков за всю Месопотамию, а арабы не перейдут Евфрата на восток. Когда между ними была подтверждена эта граница, Иоанн вернулся, собрал и послал ему подать этого года.

Услыхав это, Ираклий разгневался на Иоанна, послал уволить Иоанна и выдвинул вместо него мужа, по имени Птолемей, потому что оставил рукой [своей] Бог государство ромеев.

Через год послал царь Омар и выдвинул над всей Сирией Моавию бар Абу Сафьяна. Он отправился, расположился у Антиохии и покорил ее, а селения вокруг нее полонил и разорил. Арабы послали и потребовали подать с Месопотамии у Птолемея. А когда он не дал ее им, в 951 году они перешли Евфрат, отправились и приблизились к Эдессе. Жители Эдессы вышли и взяли с них обещание и договор, как и жители Харрана. Первым из арабов воцарился в Эдессе Абу Бадар. Относительно Птолемея и бывших с ним ромеев жители Эдессы взяли слово, и они отправились в свою землю.

Прибыл Ияд в город Теллу Маузелат, и не согласились ромеи гордые, бывшие в Телле, взять слово, а сразились с арабами. Выступил против них Ияд, в жестокой битве покорил их и убил 300 ромеев, найденных в [Телле]. Он двинулся и отправился в город Дару, так же осадил ее и покорил ее и убил всех ромеев, которых нашел в ней. Решайну же и Марду и Амид взял он с помощью слова, постановлений и клятв. И там, в Амиде, был убит Ияд бар Ганим, и был он похоронен в нем.

122. ПОХОД ДАВИДА-АРМЯНИНА И БЫВШИХ С НИМ В МЕСОПОТАМИЮ

В то время выступил Давид-армянин, военачальник ромеев, из своей земли и другой муж, по имени Валентин, с запада. Они направили послов друг другу, что один пойдет с востока, другой с запада, и потеряют в битве арабы все, что есть в Сирии. Узнав, арабы приготовились и отправились первые на Валентина и вступили с ним в битву, побеждено и уничтожено было все его войско. Давид же отправился и достиг Месопотамии и услышал, что нет арабов в области, так как они отправились грабить ромеев, бывших с Валентином.

Когда прибыл Давид-армянин, он расположился лагерем у селения, называемого Бет-Маада. К увеличению многих зол выступили войска с Давидом и начали грабить людей, и они ничего не оставляли; причиняли жестокие страдания мужчинам и женщинам, чтобы сделать известными дела, сокрытые среди земли. И ничего не было слышно, кроме крика и плача, слез и жалоб, особенно же от женщин благородных и дочерей знатных, которых они осквернили сожительством и бесстыдством, и это открыто, без стыда, перед глазами их мужей и перед всеми.

Был с ними муж из воинов, по имени Тит, военачальник одного из городов; он вышел и отправился с ними, сириец родом. Когда он увидел зло, которое причиняли товарищи Давида-армянина, он приблизился к нему и сказал ему: «Неправильно, что ты, будучи христианином и служа христианскому царю, против христиан обращаешь опустошение и допускаешь твоих воинов губить христиан, согрешая ромейскому государству, и царь не похвалит тебя, когда услышит это». Тогда приказал Давид-армянин, чтобы никто не причинял зла местным жителям.

123. О ПРИХОДЕ АРАБОВ И О ПОРАЖЕНИИ И ГИБЕЛИ ДАВИДА-АРМЯНИНА

Когда Ияд услышал о прибытии Давида и его войска, он выступил из области Дамаска. Как говорят те, что слышали это от них, не были посланы вьючные животные войска, пока они не достигли Эдессы. Когда узнали бедные армяне о прибытии арабов, они были в страхе и в расстройстве. Они же имели с собой всю добычу, пленных и вьючный скот, награбленные ими в Месопотамии, и в ту же ночь, как они получили известие, они оставили все и обратились в бегство. Когда арабы пришли, они нашли лагерь армян и стали задерживаться у добычи. Эмир же закричал на них, говоря: «Проклятие Божие на вас, если вы будете [оставаться] у добычи; будем преследовать врага, а затем пошлет Господь в наши руки, и мы возьмем золото, серебро, одежды дорогие и драгоценные, что с ними, лошадей и вьючный скот, потом мы вернемся к этому». Затем они стали быстро следовать за ними, а когда настигли их, резали, как овец: по 50 и по 100, пронзали их мечами и копьями, без сожаления.

Тит разделил все войско Сирии, которое за ним следовало, и одна часть устояла. Арабы хотели поднять на нее руку, но увидели, что войско храбрых мужей с ним, оставили их и напали на Давида. Давид же, бессильный, призвал Тита и сказал: «Вот время, чтобы ты проявил себя в бою и показал свою любовь к ромейскому государству». Тит же ответил ему: «Если я помогу тебе, не поможет Бог». Так отделился Тит от Давида и спасся. А Давид и все его войско погибли в битве и в сече, так что не осталось из них никого.

124. О ВЗЯТИИ И ГИБЕЛИ КЕСАРИИ И ЕВХАИТЫ

В 950 году греков прибыл Моавия сражаться против города Кесарии, и поднялось у него сильное и горячее сражение, была опустошена и пленена вся земля вокруг него. Много времени прошло в борьбе днем и ночью около города. В нем было 7 тысяч войска ромеев, которое было послано для его охраны. Когда его взяли мечом, вырезали и уничтожили всех, что нашли в нем. Они взяли в плен и грабили золото и серебро без конца, оставили его в горе и стенании, а тех, что поселились в нем после, их сделали арабы платящими подать.

Оттуда решил Моавия напасть на ромейские земли, и так, опустошая, забирая в плен и уничтожая, он достиг Евхаиты, т. е. Палестины, не трогая тех, что в ней. Жители города рассыпались по полям и по виноградникам, когда они увидели войско; они предположили, что это арабы-христиане, из тех, что служили ромеям, и поэтому никто не бежал и не удалился. Арабы достигли несчастного города с открытыми воротами и населением, находившимся в нем без страха. Они вошли, полонили город и ограбили его, собрали груды добычи, увели и забрали женщин, мальчиков и девочек. Они взяли также в плен архонта города. Так они оставили за собою опустошение и разрушение и с радостью ушли в свою землю.

125. О СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА ИРАКЛИЯ

В год 952-й греков, 19-й год арабов и в 7-й год Омара бар Каттаба, царя арабов, умер император Ираклий, процарствовав 30 лет и 5 месяцев. Процарствовал после него над ромеями Константин, его старший сын, 4 месяца. Ослепила его Мартина, незаконная жена его отца, и он умер. Воцарился после него Ираклеон, сын Ираклия, который родился от Мартины, но он не понравился сенаторам, прогнали его, и воцарили Констанса, сына Константина, сына Ираклия.

ИСТОРИЯ МАР ЯБАЛАХИ III И РАББАН САУМЫ

Перевод выполнен по изданию: Histoire de Mar Jabalaha, de trois autres patriarches, d'un prêtre et de deux laïque nestoriens / Ed. P. Bedjan. Paris, 1895.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бог Вседержитель, милостивый и милосердный, по изобилию своей благости привел все это к существованию. Чтобы совершенствовать род человеческий в познании истины и в делах добрых, вести блаженных и направить порядки, он ниспослал Сына своего единственного, который одел плоть и сокрыл свою славу. Но сквозь покров человеческий блистали лучи его света. Он уничтожил законы плотские и грубые и установил заповеди духовные, совершенные и чистые. Ибо он уничтожил жертвоприношения животных, принеся в жертву свою плоть и кровь, он обогатил весь мир мудростью своего ведения. Он распространил сеть своего животворящего благовестия через своих святых апостолов во все области и стороны, бросил благое семя своей проповеди во всей вселенной. После того через их учеников были просвещены 4 конца мира, и исповеданием правой веры в царственную Троицу они были просвещены и были освящены добродетельными нравами и совершенными делами.

Ибо нельзя ни уничтожить, ни не доверять этому слову, ибо им был установлен верный закон и запечатлен: «Вот Я с вами во все дни, до конца мира» (Мф. 28:20). За началом последовало вознаграждение, за словом — дело, одно за другим, пока те, у кого не было закона, стали детьми Божьими. Ибо хиндавайе (индийцы), и синайе (китайцы), и прочие восточные народы из различных земель приняли узду страха Божия, и духом были помазаны их чувства и помыслы. Происхождение доброе не способствует ничему, если мысли и дела не приводят к благу, и не лишаются дара те, у кого с происхождением предосудительным сочетаются добрые нравы и здоровые помыслы. Какая польза иудеям, что они семя Авраамово, раз они стали чужды делу Божию? И что народам [языческим], если они это приняли и были введены в дом? Ныне туркайе (тюрки) склонили свои выи под иго владычества Божия, уверовали и утвер-

дили всем сердцем слова Господни, что всякий, кто не оставит отца, мать, жену, детей, братьев и сестер, не возьмет свой крест и не пойдет за мной, такой ученик не достоин меня.

Услыхав эту совершенную заповедь, два мужа-воителя, о которых будет идти последующая речь, отбросили свои страсти, оставили родителей и детей, короче, отказались от всего преимущества своего воспитания. Как быстрые орлы, они обновили юность своих помыслов в тяжких работах и трудовой жизни, пока их надежды праведные не исполнились, и из посаженного ими с тягостью плоды желанные и прекрасные они получили как пищу совершенную. Теперь мы скажем отдельно о роде каждого из них, их земле и различном их воспитании, как они жили вместе и об их общем обитании. Мы напишем об их деяниях, о том, что случилось в их времена с ними, через их посредство, из-за них, и расскажем одно за другим то, что было.

С помощью Господа нашего Иисуса Христа я начинаю писать историю отца отцов, господина и главы пастырей мар Ябалахи, кафолического патриарха Востока, и раббан Саумы, главного периодевта восточных тюрок. Господь наш, помоги мне и к завершению приведи твоею милостью. Аминь.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ РАББАН САУМЫ

Был некий человек верующий, знатный (hira) и богобоязненный, богатый в мирском отношении и одаренный природой, из известной семьи и рода по имени Шебан-периодевт. Он жил в городе, называемом Ханбалык,[1] то есть в столице земли восточной. Он был законно женат на женщине по имени Киамта. Когда прошло долгое время и не было у них наследника, они усердствовали в молитвах и в молениях к Богу, чтобы он не лишил их продолжателя рода и утешителя. Он же, в своей благости и милосердии, принял их прошение и смилостивился над ними. Ибо он имеет обыкновение принимать мольбы сокрушенных сердцем и выслушивать вопли просящих и молящихся. «Всякий просящий получает, ищущий находит, а тому, кто стучит, откроется», — сказано с уверенностью об истинной надежде. Это осуществляется в отношении обоих полов, как

[1] Ханбалык (Джун-ду) — Пекин, столица Хубилай-хана в Китае, где он проводил зимние месяцы (*Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 2. С. 170; Книга Марко Поло / Пер. И. П. Минаева. М., 1955. Гл. 84. С. 105).

мужчин, так и женщин, когда просьбы обращены с правой мыслью. Так Анна, жена Елканы, не была отвергнута, когда просила истинным образом, и жена Маноха не была отвергнута, но тотчас приняла ангела среди своей горницы. Повеял Бог ветром зачатия на женщину (Киамту), и она родила сына, и они дали ему имя Саума. Они радовались радостью великой, и радовались его рождению близкие и родственники.

Когда похвальным воспитанием Саума достиг возраста, доступного учению, его поручили достойному учителю и побуждали его усердно обучаться церковным наукам; затем они обручили его и радовались ему. Он удостоился принять священнический чин, был причислен к клиросным звонарям и стал смотрителем церкви упомянутого города. Саума вел себя целомудренно и смиренно во всем, усердно стремился к превосходству и подготовлял себя к будущей жизни. Когда ему исполнилось 20 лет, засветился в его сердце божественный огонь, пожег тернии греховные, очистил его прекрасную душу от грязи и всякой нечистоты. Ибо он возлюбил больше, чем что-либо, любовь к своему Господу и не желал, взявшись за сошник плуга, смотреть назад. Он тотчас отбросил тень мира и от своих желаний совсем отрекся, ароматную пищу он считал как бы несуществующей, а от опьяняющих напитков совершенно отказался.

Когда его родители заметили это, их охватила великая скорбь, и сильное страдание сопутствовало им, потому что их единственный отделился от них. С огорченным сердцем они не переставали упрашивать его, предлагая и обещая ему мирские дела. «Почему, сын наш дорогой, тебе приятна разлука? Разве тебе желанно наше несчастье? Почему тебе сладка наша горечь? Подумай, как бы не осталось наше имущество другим? Рассуди, кто наш наследник? Пойми, кто получит [плоды] нашего труда? Почему тебя радует, что пропадет наша семья и наше имя? Как появилась у тебя мысль, что чужие наследуют нам?».

Они убеждали его так со слезами и огорчали его подобными криками, так что внешним образом он покорился им, но жил он с ними лишь телесно, а не по своей воле. Своим телесным родителям он служил 3 года, но от своих духовных трудов не отступал и постоянно боролся на своем тяжелом пути.

Когда [его родители] увидели, что их увещания неприятны и ни за что считаются их слова по сравнению с любовью Христовой, они предоставили ему возможность выполнить его желание. Он же все свое имущество, то есть одежду и утварь, разделил бедным, надел монашескую схиму и был пострижен

святым отцом, честным мар Гиваргисом, митрополитом. Он начал работать в винограднике Господнем в надежде на будущее царство, в уверенности приобрести блаженство небесное и получить в награду полный динарий. Он отделил себе келью и заключил себя в ней на 7 лет. Затем он задумал удалиться от людей и потрудиться на горе, в каком-нибудь отдаленном месте, чтобы быть в тишине — в затворе. Он вышел и прошел путь одного дня от их города, чтобы избрать место и жить там. Он нашел одно место, где была пещера, а рядом с ней был источник воды на той горе. Здесь он жил покойно и получил милость Господа, так что был удостоен того, что слух о нем распространился в той земле. К нему стали собираться люди, чтобы послушать его слово, и он был почитаем всеми.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЯ МАР ЯБАЛАХИ, КАФОЛИЧЕСКОГО ПАТРИАРХА ВОСТОКА

Все известно предвидению Божию, и помыслы людей, все, хорошие и дурные, еще до того, как они сложились, открыты ему. Потому-то в зависимости от [характера помыслов] он избирает и оправдывает одних и в соответствии с ними мучает и наказывает других. Моисею было сказано: «Вот я дал тебя как бога фараону». Он был избран, так как была известна его добрая воля и жестокосердие фараона. Когда его (фараона) еще и не было, Богу было известно, что он жесток, и он отверг его. Ибо Иеремии он сказал: «Не бросил Бог свой народ, который от начала был ему известен» его доброй волей и чистотой помыслов.

В лице избранного известным образом проявляется его особенность, как бы светятся ее лучи, которые указывают, что он достоин благодати. Замечает их тот, кто просвещен, и не знает их тот, кто не просвещен. Лицо, о котором идет речь, было избрано для высшей жизни, и мы должны сказать о том, как произошло его избрание и была утверждена его совершенная воля.

В городе Кошанге[2] восточной земли жил верующий человек, праведный, чистый, без порока, который служил Богу по-

[2] Кошанг, «город... восточной земли» — в представлении автора находился на пути между Пекином и Тангутом. Возможно, что речь идет о городе, который носит наименование Пучжоу-фу, центре провинции Шаньси, носившей в то время название Хочжан-фу (Книга Марко Поло. Гл. 107. С. 295, примеч. 4; [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III, patriarche des Nestoriens (1281—1317) et du moine rabban Çauma ambassadeur du roi Argoun en Occident (1287) / Traduit et annotée par J. B. Chabot. Paris, 1895. P. 15).

стоянно в церкви и вел себя соответственно его законам, имя его было Байниэль-архидиакон. У него было 4 сына, самый младший из них[3] назывался Маркос. Церковной науке он обучился больше всех своих братьев...[4] Его уговаривали встречавшие его подобым образом, но им казалось, что они говорят со статуей, а не со способным ответить. Несмотря на то что его притесняли, он не свернул с дороги, не отказался от своей цели и был верен своему замыслу и через 15 дней с большим трудом прибыл к раббан Сауме.

Он приветствовал раббан Сауму, который обрадовался ему и принял его приветливо.

После того как он отдохнул, тот спросил его: «Сын мой, откуда ты пришел? Как случилось, что ты пришел на эту гору? Из какого, собственно, города твой род? Кто твой отец? Чей ты сын?». Он ответил ему: «Я сын Байниэля-архидиакона из города Кошанга и называюсь Маркос». Тот (Саума) сказал ему: «По какой причине с таким трудом и утомлением ты пришел ко мне?». Он (Маркос) ответил ему: «Я хочу стать монахом. Так как я слышал о тебе, я все оставил, чтобы отыскать тебя. Не отказывай мне в моем желании».

Сказал ему раббан Саума: «Брат наш, труден этот путь. Старцы едва выдерживают его тягость, как же юношам и детям пройти его!». После того как он долго убеждал его вернуться к своим родителям, а тот не соглашался, Саума пустил его к себе, стал учить, облек во власяницу и заставил трудиться.

Через 3 года он был пострижен, то есть получил схиму от чтимого митрополита мар Несториоса в воскресенье, когда поют песнопение «Дух утешитель». Он продолжал всячески трудиться и соблюдал посты, которые длились до вечера. Так они трудились на горе в чистоте и святости и получали утешение от Бога, которому они предали себя.

[3] Из двух рукописей следует добавить: «он родился в 1245 г. нашего Господа» (см.: Taš'îṯâ dĕ-Mar I(h)aḇalâhâ // Histoire de Mar Jabalaha, de trois autres patriarches, d'un prêtre et de deux laïque nestoriens / Ed. P. Bedjan. Paris, 1895. P. 10, note 1 (далее: Taš'îṯâ)).

[4] Текст дефектный, здесь пропуск.

ГЛАВА 3

РАББАН САУМА И РАББАН МАРКОС ПОЖЕЛАЛИ ОТПРАВИТЬСЯ В ИЕРУСАЛИМ

Одажды они стали раздумывать: «Большая польза была бы нам, если б мы покинули этот край и отправились на запад, чтобы получить благословение у гробниц святых мучеников и кафолических отцов; а если Христот Вседержитель продлит нашу жизнь и поддержит нас своей благодатью, мы пойдем в Иерусалим, чтобы получить полное прощение наших прегрешений и отпущение наших грехов».

Раббан Саума весьма препятствовал раббан Маркосу и пугал его тягостями пути, утомлением от передвижения, опасностями на дорогах, страхом быть на чужбине. Но раббан Маркос возгорелся идти. Казалось, его разум открыл ему, что как бы сокровища сберегаются для него на западе. Он докучал своими словами раббан Сауме и призывал его к отъезду. Затем они обоюдно условились, что каждый из них не покинет своего товарища, хотя бы и пришлось из-за него испытывать бедствия. Они поднялись, поделили бедным бывший у них в употреблении скарб и утварь и отправились в город тот (Ханбалык), чтобы иметь спутников в дорогу и запастись провизией.

Тамошние христиане заволновались, узнав их замысел, собрались к ним, чтобы удержать их от намерения. Они говорили им: «Может быть, вы не знаете, как далека страна, в которую вы идете? Или вы заблуждаетесь относительно трудности пути? И далека от вас мысль, что вы туда не дойдете? Оставайтесь себе здесь! Ведите тот образ жизни, к которому вы призваны, ибо сказано: „Царство небесное внутри вас есть“. [Раббан Саума и раббан Маркос] отвечали: „Мы давно уже надели хитон, отказались от мира и считали себя мертвыми для него, не страшат нас трудности, и боязнь не смущает нас. Мы просим вас об одном: ради любви Христовой молитесь о нас. Воздержитесь от слов, способствующих сомнениям, и просите, чтобы наше желание было исполнено богом“. [Христиане того города] сказали: „Идите с миром“».

Они облобызали друг друга и расстались с жалобным плачем и рыданиями, и говорили [христиане]: «Идите с миром. Господь наш, которого вы ищите, да будет с вами и располагает вами по своему благоволению и вам в помощь. Аминь».

Раббан Саума и раббан Маркос отправились в город Кошанг. Когда услыхали горожане и родители раббан Маркоса о приходе этих двух отшельников, они вышли им навстречу с радостью, приняли их с ликованием и восторгом. С великой

честью они ввели их в церковь, спрашивали их, зачем они пришли, потому что они думали, что они останутся с ними и что раббан Маркос сделал это, чтобы быть вблизи родственников. Когда же они узнали, что те идут в Иерусалим и что у них намерение направиться на запад, они сильно опечалились и весьма огорчились.

Молва о них достигла владык города, Конбогхи и Ифогхи,[5] которые были зятьями царя царей [Кубилай]-хана. Услышав о [Сауме и Маркосе], они направили гонцов, которые привели обоих отшельников в лагерь, и они приняли их с восторгом и загорелись к ним огнем любви. Узнав же, что те удаляются от них, начали им говорить так: «Для чего вы покидаете нашу сторону и отправляетесь на запад? Ведь мы стремимся привлечь с запада монахов и отцов в эту сторону, как же мы допустим, чтобы вы ушли?». Ответил им раббан Саума: «Мы отказались от мира, но, пока мы будем находиться с людьми, нам не будет покоя. Итак, нам следует удалиться ради любви ко Христу, который отдал себя смерти ради нашего спасения. Все, что есть в мире, мы оставляем позади. Хотя ваша любовь и побуждает нас не уходить, а доброта ваша удерживает нас, и милости ваши обильно изливаются на нас, и нам приятно жить с вами, но мы помним слово Господне, которое говорит: „Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а себе повредит? Что даст человек в обмен на свою душу?“. Но мы очень желаем разлуки, и, где бы мы ни были, в меру нашей слабости мы будем вспоминать в молитвах ваше царство, ночью и днем».

Когда те увидели, что нет пользы от их слов и что они не склоняются к просьбам, они наделили их подарками — верховыми животными, золотом, серебром, одеждой. Но [монахи] ответили: «Нам ничего не нужно. Что мы будем делать с имуществом? Как можем мы везти такую тяжесть?». Упомянутые цари ответили: «Вы не знаете длины этого пути и расходов, которых он требует. А мы знаем и советуем вам не ехать с пустыми [руками], потому что вы не сможете прибыть туда, куда решили. Возьмите от нас эти подарки как бы в долг. Если будет необходимость, расходуйте из них, если же не будет у вас нужды и вы доедете туда с миром, то раздайте их там монастырям, обителям монахов и отцам [епископам] западным, чтобы была у нас дружба с отцами западными, ибо сказано: „Чтобы ваше изобилие [послужило] их недостатку“».

[5] Конбогха и Ифогха — «почитатель солнца» и «почитатель луны». Их «ставка» (или «лагерь» — mašrita) была за городом.

Когда увидели монахи, что они дают от чистого сердца, они приняли то, что им давали эти цари. Они расстались друг с другом с грустью, и радость, смешанная со слезами, сопровождала их.

Оттуда они направились в город Тангута.[6] Услышали жители этого города, что раббан Саума и раббан Маркос пришли, чтобы отправиться дальше в Иерусалим, и они все поспешно вышли им навстречу — мужчины и женщины, молодые и отроки, юноши и дети, ибо весьма горяча вера тангутов и чист их помысел. Они почтили их всякими подарками и получили благословения. Их сопровождала толпа, плача и говоря: «Господь наш, который избрал вас для чести служения ему, да будет с вами. Аминь».

Оттуда они отправились в Лутан,[7] землю [отдаленную на расстояние] двух месяцев [пути], с утомлением и тягостью, потому что это голая пустыня и она лишена обитателей, потому что воды ее горькие и ничего на ней не произрастает. И трудно на всем этом пути и через 8 дней найти в ней воды пресной, чтобы взять в дорогу.

В дни, когда они достигли Лутана, случилось быть распре между царем царей [Кубилай]-ханом и царем Охо,[8] который бежал от него и вторгся в эту страну. Он уничтожил тысячи людей в этой стране, перерезал дороги и пути, и вот оказался недостаток в зерне, которого нельзя было найти, так что многие умерли и погибли от голода.

Через шесть месяцев вышли оттуда монахи и отправились в страну Кашгар.[9] Они нашли город опустевшим, так как он был уже разграблен врагами. Так как их намерение было правым и они от всего их сердца были приятны Богу, он уберег их от всякой беды, с ними не случилось несчастья, он спас их от плена и разбойников.

[6] Тангут — главный город области или государства Тангутского, которое было покорено Чингисханом в 1227 г.

[7] Лутан (Лотан) находился на расстоянии двух месяцев пути от Тангута. Наиболее вероятно, что речь идет о Хотане, расположенном в Кашгарии (Книга Марко Поло. Гл. 54. С. 78; *Marco Polo.* The Description of the world / Ed. by A. C. Moule and P. Pelliot. London, 1938. T. 1. P. 146).

[8] Охо, о-хо, названный в жизнеописании «царем», был военачальником армии Миена — области, примыкавшей к Бенгальскому заливу. В результате произведенных им опустошений создалось тяжелое положение с продовольствием вследствие опасностей на дорогах. На это и указывают сообщения «Истории».

[9] Область Кашгар упоминается у Марко Поло (Книга Марко Поло. Гл. 51. С. 77); это южная часть современной китайской провинции Синьцзян, в бассейне озера Лобнор (Там же. С. 269—270; *Marco Polo.* The Description of the world. T. 1. P. 143).

Они прибыли к царю Кайду в Талас,[10] вошли к нему, помолились о продлении его жизни и благословили его государство. Они попросили у него приказа, чтобы в его стране никто им не вредил. Они едва-едва в утомлении и страхе достигли Хорасана. Так как большая часть того, что было с ними, пропала в дороге, они вступили в святой монастырь мар Сехиона, что близ города Туса,[11] и получили благословение епископа, что живет там, и монахов. Тогда они подумали, что они заново родились в мир, и поблагодарили Бога, на которого они положились и надеялись, и были освобождены, потому что всякому, кто его просит, он опора и помощь.

После того как они насладились общением с этими братьями, они направились в Адорбайган,[12] чтобы пойти оттуда в Багдад, к католикосу мар Денха. Случилось, что прибыл мар католикос в Марагу,[13] и они встретили его там. При виде его их радость увеличилась, возросло их восхищение, умиротворились их помыслы, и успокоились их мысли. Они упали на землю перед ним, кланяясь и плача, как будто они увидали самого Господа нашего Иисуса Христа в лице католикоса мар Денхи. Да будет память его благословенна!

Они сказали ему: «Умножается его (Бога) милость к нам и его благодать изливается на нас, потому что мы видим лучезарное и духовное лицо нашего всеобщего Отца». Когда он спросил их: «Откуда вы?» — они ответили: «Из земель восточных, из Ханбалыка — города царя царей, [Кубилай]-хана; мы пришли, чтобы получить благословение от вас, епископов и монахов и святых этой стороны. Если будет у нас возможность и будет милостив к нам Бог, мы отправимся в Иерусалим». Когда увидел католикос их слезы и волнение радости от встречи с ним, он изъявил свою милость к ним, утешил их и сказал им: «Воистину, дети мои, ангел-хранитель сохранит вас на этом тяжком пути, и да будет он путеводителем вам до завершения ваших поисков. Пусть не сокрушают вас ваши труды, ибо сказано у пророка: „Те, которые сеют в слезах, пожинают в радости“. Вы достигнете вашей надежды и вместо горести и при-

[10] Кайдухан (ум. в 1301 г.), внук великого хана Угедея, правил Туркестаном. Граница его владений простиралась до области Кашгара: Город Талас, где с ним встретились монахи, был его резиденцией (Книга Марко Поло. Гл. 198. С. 211; *Marco Polo.* The Description of the world. T. 1. P. 447). Город Талас расположен на реке Талас, на территории Киргизии. В долине реки Талас учеными ведутся археологические изыскания.

[11] Хорасан — северо-восточная область Ирана. Город Тус в Хорасане был родиной творца «Шахнаме» Фирдоуси (935—1020).

[12] Адорбайган — сирийское наименование Азербайджана.

[13] Город Марага находится на юго-востоке от озера Урмия.

теснений, которые вы перенесете, вы получите в этом мире воздаяние, двойную и совершенную награду, а в будущем [мире] блага непреходящие и радости нескончаемые».

Они почтили его и поблагодарили его.

После того как они насладились общением с ним в течение нескольких дней, они обратились к нему с просьбой: «Если мы нашли благоволение в глазах мар отца нашего, пусть он разрешит нам пойти в Багдад, для того чтобы получить благословение у святой гробницы мар Мари, апостола, просветителя Востока, и гробницы епископов, что там; а оттуда мы пойдем в монастыри области Бет-Гармай и Низибии,[14] чтобы там получить благословение и просить помощи».

Когда увидел католикос красоту их намерений, чистоту помыслов и прямоту мыслей, он сказал им: «Идите, дети мои; Христос, Господь всех, воздаст вам по вашей просьбе из сокровищницы своей богатой и изобильной и проявит к вам свою милость, и благость его да сопутствует вам повсюду, куда вы пойдете». Он написал им пропускную грамоту для этих земель, чтобы, куда они ни придут, их бы почитали. Он послал с ними мужа, чтобы он показывал им дорогу и направил в пути. Они достигли Багдада, а затем великой церкви Коке. Они отправились в обитель апостола мар Мари и получили благословение у гробниц той области. Они вернулись оттуда и пришли в область Бет-Гармай, где получили благословение у исполненной помощи и исцеления гробницы мар Езекииля. Оттуда они пошли в Арбелу, а оттуда — в Мосул и посетили Шигар, Низибию и Марду.[15] Они получили благословение у гробницы останков мар Аугена (Евгения), второго мессии. Оттуда они направились в Газарту, в Бет-Забдай,[16] и от всех гробниц, обителей, монахов, отшельников и епископов этих епархий они получили благословение.

Они раздали дары, как обещали, и разделили подарки, раздавали всякую милостыню всюду, куда приходили. Вернувшись, они пришли в обитель святого мар Михаила в Тариэле[17] и купили келью, и были оба приняты тамошними монахами.

[14] Бет-Гармай — область между Тигром и его притоком Малым Забом, на юг от последнего. Город Низибия расположен в северном Междуречье; древний город, известный центр сирийской образованности.

[15] Арбела, Мосул, Шигар (Синджар), Марду (Мардин) — города северного Междуречья и прилегающих областей.

[16] Газарта — Джезирех, город на Тигре между Мосулом и Диарбекиром (Амидом), в 170 км на юг от последнего, в области, расположенной на левом берегу Тигра в его верхнем течении и называемой сирийцами Бет-Забдай, или Забдиценой.

[17] Монастырь мар Михаила Тариэльского расположен близ Амида.

Они позабыли трудности, которые встретились им в пути, хотя они не достигли еще намеченной цели.

Когда услыхал католикос мар Денха относительно их образа жизни, он послал за ними, прося их прийти к нему. Они тотчас пришли к нему и поклонились ему по обычаю. Он же сказал им: «Мы слышали, что вы приняты в монастырь, и это нам не нравится, потому что, если вы поселитесь в обители, вы достигнете мира для самих себя, и все. Если же вы будете с нами, вы послужите на пользу и общему миру. Итак, останьтесь у нас и помогите при царском дворе чего-нибудь достигнуть через вас». Они сказали ему: «Что бы ты ни приказал нам, отец наш, мы сделаем». «Пойдите к царю Абаге[18] и возьмите для нас приказы (puqdane)».[19] Они сказали ему: «Пусть будет так, мар отец наш, но пошли с нами человека, чтобы он взял приказ и привез его [вам], а мы оттуда отправимся в Иерусалим». Он согласился на это и благословил их в дорогу.

Когда они прибыли в лагерь благословенный, эмиры привели их к царю, и он спросил их о причине их прихода и где их родина. Они ответили ему, каково было их намерение. Он же приказал знатным своего государства исполнить их просьбу и дать им приказы, о которых они просили. Приказ, что просил мар католикос, ему послали с посланцем, а они с товарищами отправились в Иерусалим.

Они достигли города Ани, прибыли и увидели монастыри и церкви в нем, изумлялись множеству их строений и их красоте.[20] Оттуда они направились в Гургайе, чтобы следовать верной дорогой. Но когда они прибыли туда, они узнали от местных жителей, что та дорога перерезана и что там происходили убийства и грабежи.

[18] Абаган-хан (1234—1282), сын Хулагу-хана, наследовал отцу в 1265 г.

[19] В тексте puqdana — царский приказ, который утверждал католикоса в его должности и правах.

[20] В городе Ани в Армении велись раскопки археологами, открывшими замечательные по красоте средневековые здания и древние надписи на армянском языке. Через Ани пролегали торговые пути в разных направлениях, в том числе в Грузию, называемую сирийцами Гургайе (*Марр Н. Я.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л., 1934; *Орбели И. А.* 1) Краткий путеводитель по городищу Ани. СПб., 1910: 2) Развалины Ани. СПб., 1911).

ГЛАВА 4

РАББАН МАРКОС БЫЛ ПОСВЯЩЕН В МИТРОПОЛИТЫ И НАРЕЧЕН МАР ЯБАЛАХА, А РАББАН САУМА СТАЛ ВСЕОБЩИМ ПЕРИОДЕВТОМ

[Маркос и Саума] вернулись и пришли к мар католикосу, он же обрадовался им и сказал: «Не время теперь идти в Иерусалим, ибо дороги нарушены и пути отрезаны. Вы получили благословение во всех домах Божиих и у гробниц здешних; по моему мнению, когда человек с чистым сердцем их посещает, то его труд не меньший, чем паломничество в Иерусалим. Я даю вам подобающий совет, и вам следует его выслушать. Я полагал, что поставлю митрополитом раббан Маркоса и дарую ему апостольские дары. Тебя же, раббан Саума, я назначу всеобщим периодевтом, и обоих вас я отправлю обратно в наши области».

Монахи отвечали ему: «Слово мар отца нашего есть приказ Христов, а кто не выполняет его, совершает нарушение приказа. Но мы также откроем наши помыслы и выскажем тайну нашего сердца. Мы не пришли оттуда, чтоб вновь туда отправиться обратно. И мы не думаем, что после тех тягостей, которые мы претерпели, нам следует их повторно претерпеть. Ибо глупец тот, кто спотыкается о тот же камень дважды. Мы также скажем, что мы не достойны этих даров и для слабых тяжел подобный дар. Мы просим только одного, чтобы нам остаться жить в монастыре и служить Христу до самой смерти». Но католикос сказал им: «Вам подобает этот дар, и ваше смирение украсит это дарование». Когда они увидели, что их извинение неудачно, они сказали: «Да будет воля нашего отца». Он же сказал: «До сих пор мар Маркосом никто не назывался. Я хочу, чтобы так называли раббан Маркоса. Но я думаю, что хорошо сделать и так: написать имена и положить их на жертвенник и назвать его [тем именем], которое выйдет по жребию». Он так и сделал — и вышло имя Ябалаха. [Мар Денха] сказал: «Это от благословенного Господа, да будет он благословен».

Они были удостоены званий, и принял раббан Маркос 35 лет (в 1280 г.) чин митрополита от мар Денхи католикоса для пастырства Катаи и Уанг.[21] И раббан Саума получил от него благословение и был назначен всеобщим периодевтом. Оба они

[21] Катаи — Северный Китай; Уанг, как можно предполагать, — область, орошаемая Хуанхэ.

получили грамоты, каждый в соответствии с родом его службы.

Спустя немного дней распространился слух, что дорога, по которой они прибыли, совершенно отрезана и по ней невозможно пройти, потому что поссорились два пограничных царя, по ту и по другую сторону Джихуна.[22] Итак, вернулись эти светильники в обитель мар Михаила в Тариэле и жили в своих собственных кельях около двух лет.

Однажды ночью, когда спал мар Ябалаха, он увидел сон, будто он вошел в большую церковь, и в этой церкви иконы святых и между ними крест. Он протянул свою правую руку, чтобы получить его благословение. Но сколько он ни протягивал свою руку, вытягивая ее, крест поднимался вверх, пока не достиг высоты большого храма, там он взял и поцеловал его. Затем он вышел из церкви и увидел деревья высокие, отягченные разными фруктами и различными плодами. Он начал брать плоды и есть и многочисленному собравшемуся народу давал их и раздавал.

Когда он проснулся, он сообщил раббан Сауме: «Сон я видел, и он испугал меня». Сказал же ему раббан Саума: «Расскажи его мне». Когда он рассказал его, растолковал его раббан Саума, говоря: «То, что ты протягивал твою руку и она вытянулась, чтобы получить благословение креста и святых икон, — это значит, что ты достигнешь высокого звания патриархов. То, что ты ел плоды деревьев и давал их есть народу, это небесные плоды, которых ты достигнешь, о них ты возрадуешься и обрадуешь ими много народа». И снова, другой ночью, увидел мар Ябалаха другой сон, будто он сидит на высоком троне, и собралось вокруг него множество народа, и он поучает его. Когда он говорил, вытянулся его язык, так что вышел совсем изо рта и разделился на три части и на каждом конце было видно нечто, подобное огню. А народ, что там был, удивлялся и прославлял Бога.

Когда он проснулся, он вновь рассказал сон раббан Сауме, тот же сказал ему: «Это не сон, ибо это откровение, и оно подобно откровению. Ведь оно ни в чем не отличается от откровения Духа, который, подобно огненным языкам, покоился на апостолах. Так и ты: Дух Святой на тебе воистину почил, и он даст в твои руки патриарший престол, чтобы ты служил ему и служил его делу».

[22] Джихун — Амударья.

ГЛАВА 5

МАР ЯБАЛАХА ИЗБРАН ПАТРИАРХОМ

Когда это случилось, еще был жив мар Денха, католикос, но он был болен в Багдаде. Многие монахи и епископы видели сны, похожие на [описанный]. Через несколько дней возникла мысль у мар Ябалахи отправиться в Багдад к католикосу, чтобы получить в дар одеяние и палицу и идти с ними в свою землю.

Когда он находился близ Багдада, встретился ему человек из знавших его и сказал ему: «Умер католикос, но, может быть, если ты поторопишь свое животное, ты достигнешь [города] до его похорон». [Мар Ябалаха] с великой скорбью и огорченным сердцем двигался поспешно, пока не достиг дверей церкви. Когда он вошел, он увидел многочисленные группы [людей], которые плакали, другие же молились. Он поднялся к гробу, сбросил свою камилавку и разорвал свои одежды, заплакал жалобно и горько, пока не упал на землю как мертвый. Через некоторое время его подняли, надели на него его камилавку и утешили его. С окончанием молитвы похоронили его (католикоса), да будет благословенна его память, и возвратились отцы в кельи.

На следующий день собрались отцы, чтобы избрать лицо, которое было бы достойным, чтобы воссесть на престол [католикоса]. Среди них были прежде всего Маранаммех, митрополит Элама, другой — [митрополит] Тангута, третий — Тирхана,[23] четвертый — гор[24] вместе со знатными, главами, писцами, юристами и врачами Багдада.[25]

Один говорил: пусть будет этот патриархом, другой: пусть будет тот, пока все не сошлись на том, чтобы мар Ябалаха был главой и руководителем престола Селевкии и Ктесифона.

Причиной его избрания было то, что цари, державшие бразды правления вселенной, были монголы, и не было никого, кто бы так знал их обычаи, обхождение с ними и язык их, как он. Когда они сказали ему это, он отказывался, извинялся и приводил доводы: «Мне недостает образования и знаний церковных, я не способен к красноречию, как я могу стать [патриархом]? Я не знаю также вашего сирийского языка, который совершенно необходим». Но после настойчивых уговоров он подчинился и принял [эти обязанности]. И все дали ему свое согласие — епископы, священники, знатные, писцы, врачи Багдада.

[23] По другой версии — Шуштера.

[24] Т. е. епископ горных областей.

[25] Названные митрополии указывают на области распространения несторианства. Элам — древнее название Сузианы, или Хузистана, области по левому берегу Тигра, в среднем его течении. Тангут — государство, о котором была речь выше, расположенное на западной границе Китая. Тирхан, или Тиран, — город в центральной части Ирака.

Мар Ябалаха поднялся и отправился в святой монастырь мар Михаила Тариэльского к раббан Сауме. Монахи уже слышали о кончине святого отца мар Денхи и, когда прибыл мар Ябалаха, с радостью приняли его, утешили и выразили согласие, чтобы он был католикосом. Побуждение было Божие, как и действие, и вся тварь способствовала по необходимости его выполнению.

Когда он беседовал с раббан Саумой, тот сказал ему: «Это дело Божие, ты не можешь отказываться от него. Теперь пойдем к царю Абаге и, если он согласится, примем посвящение».

Они отправились и пошли в Адорбайган с благочестивыми отцами и монахами, которые следовали с ними, так как в то время цари проводили там лето. Они прибыли к царю на Черную гору, называемую по-персидски Сиакух.[26] Эмиры ввели их и представили их просьбу. Они сказали [царю]: «Да живет царь вовеки! Католикос умер, и все христиане пожелали и согласились, чтобы на его место вступил этот митрополит, который прибыл из стран восточных, чтобы отправиться в Иерусалим. Что прикажет царь?». И он ответил: «Заслуживает удивления эта чистота намерений и мысли. Бог с теми, кто просит его и исполняет его волю. Этот человек и его товарищ пришли с Востока, чтобы отправиться в Иерусалим, это случилось с ними по воле Божией. И мы послужим воле Божией и просьбе христиан — пусть он будет поставлен им главой и сядет на [епископский] престол». Он взял за руку мар Ябалаху и сказал ему: «Будь силен и правь, Бог будет с тобой и поможет тебе». Он покрыл его голову плащом, ибо его плащ был наброшен на его плечи, дал ему свое седалище (sandali), которое было небольшим троном. Он дал ему также зонтик, по-монгольски называемый «сукор», который открывали и держали над головой царей, цариц и их детей, чтобы ослабить силу солнца и дождя, чаще же их осеняют им, чтобы оказать им честь.[27] Он дал ему

[26] Гора Сиакух (Сиахкух) находится на правом берегу Аракса, севернее Тебриза.

[27] Хан выразил свое согласие на то, чтобы католикосом был Ябалаха, и одарил его предметами, которые указывали на его высокое положение. Sandali — стул, седалище, которое должно было стать троном католикоса. Зонтик — sungor, sugor, по-монгольски называемый сукор, далее дается объяснение этого слова, из которого следует, что речь действительно идет о зонтике. Зонтик как

золотую пайдзу,[28] которая является символом у этих царей, и обычные приказы (грамоты), что он властвует над всем, также большую печать, которая принадлежала предшествующим патриархам. Он подарил ему денег на большие расходы, обязательные при посвящении.

Затем раббан Саума и мар Ябалаха отправились и пошли в Багдад и пришли в великую церковь [мар] Коке. Мар Ябалаха принял хиротонию, то есть рукоположение, чтобы держать бразды правления восточной церкви. И он воссел на престол Селевкии и Ктесифона при посредстве отца святого мар Аммеха, митрополита Элама, блюстителя и стража престола апостольского, и прибывших епископов. Среди них были мар Ишозеха, митрополит Суба и Армении, и мар Моше, митрополит Арбелы; мар Габриэль, митрополит Мосула и Ниневии; мар Илия, митрополит Дакока и Бет-Гармай; мар Абрахам, митрополит Триполиса и Иерусалима; мар Иакоб, митрополит Самарканда, и мар Иоханан, митрополит Адорбайгана, с прочими епископами, которых было 24.

Это его рукоположение в возрасте 37 лет было совершено в месяце тешри втором, в первое воскресенье освящения церкви в год 1593 греков (1281 г.).[29]

Случилось, что зимой этого года спустился царь Абага в Багдад, и отправился мар Ябалаха, католикос, к нему в субботу, перед Господним постом, и рассказал о положении христиан, и нашел благоволение в его очах. Царь подарил ему богатые подарки и дал ему приказ, чтобы он получал ежегодно для церквей, монастырей, монахов, священников и дьяконов 300 динариев, то есть 180 тысяч белых зузе.[30] Католикос посылал собирать это количество денег с различных областей. Когда этот царь покинул эту жизнь, прекратилось получение этих денег.

знак власти и почета, наряду с печатью (тамга), отличал ильханов (*Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955. S. 272).

[28] Пайдза, или пайза — продолговатая табличка с надписью на монгольском языке; давалась в знак благоволения царей и облекала получавшего ее известной властью. Золотая пайдза была особенно ценным знаком. До настоящего времени дошло несколько пайдз, в том числе найденные на территории СССР. Формула, выбитая на пайдзе, мало варьирует, обычно она содержит лишь несколько слов. Кроме того, католикос получил «большую печать». Печати патриархов и католикосов сохранились на грамотах более позднего времени (XV и XVI вв.). Пайдзу сопровождал эдикт, или декрет, хана, в буквальном переводе с сирийского «приказ» — грамота, которая определяла его власть конкретно. Сирийское выражение puqdana — «приказ» — и в дальнейшем употребляется неоднократно в значении царской грамоты, царского приказа. Пайдза — «джица» — описана у Марко Поло (гл. 81), где лицу, имеющему пайдзу, полагается зонтик или покров над головой и серебряный стул. Сообщая о том, что хан Гейхату был в Мараге у католикоса, «История» указывает (см. гл. 9), что он подарил ему «пайдзу золотую, то есть таблетку, называемую сункор, и семь тысяч динаров». Здесь, очевидно, пропущено слово «зонтик», так как дано истолкование слову пайдза (таблетка, или «дшица»). В другом месте зонтик назван сукур.

[29] Летосчисление сирийцев велось «по счету греков», с октября 311 г. до н. э. Эта эра носит также название селевкидской.

ГЛАВА 6

КЛЕВЕТА, КОТОРУЮ ПРЕТЕРПЕЛ МАР ЯБАЛАХА В ДНИ ЦАРЯ АХМЕДА

Чтобы не вдаваться в слишком длинный рассказ о том, что последовало, скажем, что наследовал после этого царя его брат, называвшийся Ахмед, сын царя Хулагу. Ему не хватало воспитания и знаний. Он очень преследовал христиан, так как был близок с агарянами и склонился к ним, и также из-за двух завистливых епископов, которые нашли случай удовлетворить свою страсть.

Они явились к царю Ахмеду через посредство заблуждавшихся людей — один звался Шамс ад-Дин, начальник дивана, то есть глава писцов демосиона,[31] другой — шейх (saba) Абд ар-Рахман. Они оклеветали мар Ябалаху католикоса и раббан Сауму и обвинили их в том, что «они душой с Аргуном, сыном царя Абаги, они писали и обвиняли тебя, царь, перед царем царей, ханом; и присоединился к их обвинению эмир Шамут». Этот последний был правителем (huparka) Мосула, города и области, и был монахом и аскетом.

Эти два упомянутые [лица] сделали Ахмеда орудием своих желаний через посредство указанных епископов: Ишосабрана, митрополита Тангута, и Шемона, епископа Арни. Оба сговорились, что один будет католикосом, а другой — митрополи-

[30] Зузе (zuza) — 1) мелкая медная монета — греч. δράχμη, лат. drachma; 2) мера веса — 10 зузе по весу составляют одну унцию.

[31] Шамс ад-Дин был начальником дивана, в данном случае дивана податного обложения, так как автор считает его «главой писцов демосиона». Демосион (греч.) — государственная казна, выражение, известное сирийцам во всяком случае с V в.; оно засвидетельствовано в сирийской литературе. Бар Эбрей называет его «Шамес ад Дин сахиб диван» (*Gregorius Barhebraeus.* Chronicon ecclesiasticum / Ed. L. B. Abbelos et Th. J. Lamy. Parisiis; Lovanii, 1877. T. 3. Col. 554) и рассказывает о его деятельности и казни, которую относит к 683 г. арабов и 1596 г. Селевкидов, т. е. к 1285 г. Есть все основания считать, что здесь назван Шамс ад-Дин Мухаммед Джувейни, сахиб-диван, известный и Рашид ад-Дину, сообщающему сведения о его денежных операциях (*Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 288, 114—115).

том и всеобщим периодевтом. Когда по совету дьявола[32] пришла им эта мысль, они совершили то, о чем мы помянули. Царь по недостатку ума и потому, что он оставил Бога, не подумал, что эти люди в данном деле неоткровенны и зачем они пришли с обвинениями, но поверил их лживым словам. По его приказанию привели мар Ябалаху, католикоса, с раббан Саумой и эмиром Шамутом в большой дом (Ibet raba). Данный ему приказ у мар католикоса был отнят, а также его дом и пайдза. Когда они вошли в судилище, они не знали, чего от них хотят. Они оставались в удивлении: «Что же мы сделали?», а посланный, который вводил их в дом суда, сказал им: «Ваши епископы, писцы и единоверцы обвинили вас перед царем». Большие эмиры, то есть судьи, спросили католикоса: «Что плохого видел ты от царя, что ты наклеветал на него и послал к царю царей, хану, чтобы обвинить его, что он оставил путь своих предков отцов и стал мусульманином?». Он ответил: «Я не понимаю». Они сказали ему: «Твои писцы обвиняют тебя в этом». Их привели, и, когда спросили каждого из них в отдельности, ответил каждый из них то, что он знал. Сказал мар католикос: «О эмиры, для чего вы затрудняетесь? Верните того посланного, который повез с собой письма, и рассмотрите их. Если справедливо это обвинение против меня, без милосердия я умру в собственной крови, если же нет, то вам судить и наказывать». Эмиры приняли эти слова и сообщили их царю. Царь послал за посланным, и близ Хорасана взяли от него все письма. Когда открыли и прочитали письма, не нашли в них совершенно ничего похожего на обвинения. Но судьи не сказали ничего обвинителям, поэтому мы знаем, что это было лишь предлогом.[33]

Католикос оставался в тюрьме около 40 дней в большом горе, горьком страдании и ежедневном беспокойстве, пока Бог не посетил его в своем милосердии, и он был спасен от смерти. Ибо гневался царь Ахмед на него, и как жаждущий желает холодного питья, так он жаждал пролить его кровь. Он сделал бы это, если бы не ангел Провидения, правящий этим святым престолом, который побудил его мать и эмиров заставить его отказаться от намерения, которое он имел. И вновь через тех лиц, что были упомянуты, нашел католикос благоволение в очах царя, он дал ему грамоту и пайдзу, успокоил и вернул его.

[32] Буквально: «врага».

[33] Ж. Шабо ([*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... P. 94, note 1) переводит: «Они получили взятку».

Мар Ябалаха расстался с ним и отправился в город Урмию.[34] В церкви госпожи Мариам он увидел сон и узнал, что он никогда больше не увидит царя. Через несколько дней он достиг города Мараги, он и епископы, обвинившие его. Царь же Ахмед со своим войском отправился в Хорасан, чтобы захватить царя Аргуна, сына царя Абаги. Было условлено между Ахмедом, двумя упомянутыми лицами и арабскими шейхами, что, когда он его (Аргуна) захватит, он умертвит и прочих царских родственников и станет халифом в Багдаде. Также он лишит жизни католикоса.

Но обернулось его намерение впустую, и соображение было напрасным. Господь уничтожил замыслы людские и проявил свою волю. Бог возводит царей, и он низводит царей, а его царство стоит вовек.

Войска [Ахмеда] были рассеяны, и многие из них присоединились к цаю Аргуну, а сам [Ахмед] был схвачен и убит.[35]

Однажды ночью, до того как он услыхал молву о том, что случилось с царем Ахмедом, видел католикос мар Ябалаха сон, будто юноша, красивый видом, вошел к нему, держа в руках поднос, покрытый полотенцем. Он сказал ему: «Встань, съешь то, что положено на поднос». Когда он снял покрывало, оказалась на [подносе] вареная голова, и он съел ее полностью, оставив лишь кости челюсти. Сказал ему этот юноша: «Знаешь ли ты, что ты съел?». Он сказал ему: «Нет». Сказал ему юноша: «Это была голова царя Ахмеда». Тотчас проснулся католикос, испуганный. Через немного дней достиг до него слух о гибели упомянутого и о том, что воцарился царь Аргун. Велика была его радость, не по поводу смерти Ахмеда, но по поводу воцарения Аргуна.

Он отправился в те дни с епископами и монахами, чтобы поздравить царя Аргуна и чтобы выполнить обязательства, которыми обязаны христиане царям по приказу апостолов: каждый должен подчиняться высшим властям, ибо нет власти, которая не от Бога. Когда он увидел царя Аргуна и поздравил его, он помолился об утверждении его царства. Аргун выказал ему еще большее почтение и уважение, когда услыхал о том, что случилось с ним при предыдущем царе, и о тех упомянутых епископах, которые действовали против него. Он приказал их

[34] Город Урмия, или Урми, расположен на западном берегу озера Урмия, в Азербайджане, на юго-восток от Тебриза.

[35] Борьба между ханом Аргуном, сыном хана Абаги, и ханом Ахмедом, сыном Хулагу, который был убит в 1284 г., подробно описана у Марко Поло (Книга Марко Поло. Гл. 201—212. С. 215—223; *Marco Polo.* The Description of the world. T. 1. P. 456—467).

убить. Но мар Ябалаха католикос сказал: «Царь, живи вовеки! У нас, христиан, есть закон; всякий, кто его не соблюдает, называется преступником. Не требует наш закон убиения человека, но осуждения, и различным образом применяются наказания сведущими людьми. Эти епископы по нашему закону смерти не подлежат, но должны быть лишены звания и служения, которое им было доверено».

Это предложение было прекрасным в глазах царя, и он отпустил католикоса с великою честью. С радостью и восхищением вернулся мар Ябалаха в свою келью.

Когда собрались отцы-епископы к католикосу, чтобы приветствовать и утешить его, было рассмотрено дело двух упомянутых епископов. После длительного рассмотрения и признания ими их проступка дело прекратили и этих двух епископов лишили их звания и отставили от всякого церковного служения.

ГЛАВА 7

ОБ ОТЪЕЗДЕ В ЗЕМЛЮ РОМЕЕВ РАББАН САУМЫ, ПОСЛАННОГО ОТ ИМЕНИ ЦАРЯ АРГУНА И КАТОЛИКОСА МАР ЯБАЛАХИ[36]

Католикос мар Ябалаха весьма усилился, и изо дня в день увеличивалось его значение в глазах царей и цариц. Он разрушил [старую] церковь мар Шалитты в Мараге и восстановил ее с большими расходами. Вместо старого деревянного он построил два нефа, а рядом устроил келью своего пребывания.

Его любовь к Аргуну была весьма горяча, потому что тот от всего сердца любил христиан. Аргун принял решение вторгнуться, покорить и захватить земли Палестины и Сирии. [Он говорил:] «Если мне не помогут цари западные — христиане, я не выполню своего желания». Он просил католикоса, чтобы тот дал ему человека мудрого, способного и подходящего для посольства, чтобы направить его к эти царям. Когда мар католикос увидел, что не было никого, кто бы знал язык, кроме раббан Саумы, и что он был способен выполнить это дело, он приказал ему отправиться.

[36] С главы 7 начинается, по-видимому, использование источника, о котором автор сам упоминает, — составленных на персидском языке записей раббан Саумы о его миссии на запад. Об этом свидетельствуют и краткие заглавия в пределах этой главы, чего нет в остальной части текста.

ОБ ОТПРАВЛЕНИИ РАББАН САУМЫ В ЗЕМЛЮ РОМЕЕВ

Раббан Саума сказал: «Я желаю и хочу этого сам». Тотчас написал ему царь Аргун приказы к царю греческому и французскому (frogie), то есть ромейским царям, дал ему ярлыки (iarliqe),[37] письма и подарки для каждого царя. Раббан Сауме он дал 2 тысячи миткалей золота, 30 хороших верховых животных и пайдзу. Затем он (Саума) пришел в патриаршую келью также взять письмо от католикоса мар Ябалахи и расстаться с ним. Он отпускал его, но, когда пришло время расставания, мар Ябалаха не соглашался, говоря: «Как же это будет? Ты был правителем патриаршей кельи, ты знаешь, что с твоим отъездом мои дела запутаются!». После этих слов они со слезами расстались друг с другом. Он послал с ним письма, подобающие дары к мар папе и посильные подарки.

РАББАН САУМА В ВИЗАНТИИ

Отправился раббан Саума, и с ним отправились почтенные люди из священников и дьяконов патриархата. Он достиг ромейской [земли] у берегов моря Мека[38] и осмотрел церковь, что стоит там. Он спустился в корабль, и его спутники с ним. На корабле было более 300 человек. И ежедневно он утешал их словом о вере. Большинство бывших на корабле были ромеями (греками), и за мудрость его слова они немало уважали его. Через несколько дней он достиг великого города Константинополя.

Прежде чем войти в него, он послал двух отроков в царский дворец сообщить, что прибыл посол царя Аргуна. Царь приказал, чтобы им навстречу вышли люди и ввели их с торжеством и с честью. Когда раббан Саума вступил [в город], ему отвели дом, или двор, для жительства. После того как он отдохнул, он отправился к царю, басилевсу.[39] После того как он приветствовал его, царь спросил его: «Как ты себя чувствуешь после утомления на море и трудностей в пути?». Он ответил: «Когда я увидел царя-христианина, утомление исчезло и труд-

[37] Грамоты царя Аргуна, выданные им раббан Сауме, названы здесь ярлыками. В предшествующей части они называются обычно приказами — puqdana. Это также подтверждает, что здесь имеется другой письменный источник, в котором был принят термин «ярлык».

[38] Море Мека. Ж. Шабо ([*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... P. 54, note 2) предлагает читать как транскрипцию слова μέγα — мека, обозначающего «великое море», т. е. Понт Эвксинский, Черное море.

[39] Византийским императором — басилевсом (βασιλεύς), при котором раббан Саума посетил в 1287 г. Константинополь, был Андроник II (1282—1328).

ность прошла, ибо я очень желал видеть ваше царство, да укрепит его наш Господь!».

После того как они насладились едой и питьем, он просил разрешения у царя посмотреть церкви, гробницы отцов и останки святых, имеющиеся там. Царь поручил раббан Сауму знатным своего государства, и они показали ему все, что там есть. Прежде всего он вошел в великую церковь Софии, в ней 360 колонн, все сделанные из мрамора. Неф алтаря не может себе представить человек, который его не видел, такова его высота и величина. Есть в этой церкви икона госпожи Марии, которую написал евангелист Лука. Он видел руку мар Иоханана Крестителя, а также останки Лазаря и Марии Магдалины, камень, что был положен на гробнице нашего Господа, когда его снял с креста Иосиф-советник. И плакала Мария над этим камнем, и до сих пор место ее слез влажно, и если стирают эту влагу, оно вновь становится влажным. Он видел также каменный сосуд, в котором Господь наш обратил воду в вино в Кане Галилейской; и ковчежец одной из святых, который ежегодно выносят, и всякий больной, которого подложат под него, выздоравливает; и ковчежец мар Иоанниса Златоуста. Он видел камень, на котором сидел Симон Кифа (Петр), когда возгласил петух; и гробницу Константина, царя победоносного, сделанную из красного камня; и гробницу Юстиниана, сделанную из камня зеленого, а также усыпальницу 318 отцов, всех положенных в одну большую церковь, и тела их не истлели, потому что они утвердили веру; они видели также многочисленные усыпальницы святых отцов и многие талисманы и статуи, изваянные из меди и камня.

Когда вернулся раббан Саума к царю, басилевсу, он сказал: «Здравствуй, царь, вовеки! Благодарю Господа нашего, что он удостоил меня видеть эти святые усыпальницы, теперь же, если царь позволит, я отправлюсь исполнить приказание царя Аргуна, приказание проникнуть к франкам». Тогда царь облагодетельствовал его и дал ему подарки из золота и серебра.

РАББАН САУМА В ИТАЛИИ И В ВЕЛИКОМ РИМЕ

Оттуда он направился к морю и увидел на берегу моря монастырь ромейский, в сокровищнице которого находилось два серебряных ковчежца, в одном из них была глава мар Иоанниса Златоуста, а в другом — мар папы, крестившего царя Константина. Он отправился [на корабле] в море, достиг его середины и видел в нем одну скалу, из которой весь день выходил дым, а ночью был виден огонь. Никто не может находиться вблизи нее из-за запаха серы. Люди говорят, что там есть большой дракон.[40] Море это называется Италийским, опасно это море, корабли со многими людьми погибли в нем.

Через два месяца он достиг берега моря после многих тягостей, утомления и беспокойств и вышел в городе по имени Наполи, имя же царя Ирид Шардалу. Саума вошел к царю и сообщил, зачем прибыл; тот принял его радостно и почтил его. Случилось, что было неудовольствие между [названным царем] и другим царем, по имени Ирид Аркон.[41]

Войска одного прибыли на многих кораблях, войска другого были приготовлены, и между ними произошло столкновение. Победил Ирид Аркон царя Ирида Шардалу и убил 12 тысяч его человек и потопил его корабли в море. В то время раббан Саума со своими товарищами сидели на крыше дома и поражались обычаю франков, не вредивших никому, кроме воюющих.

Оттуда они отправились верхами по суше, встречая много городов и селений, удивляясь, что нет пустых пространств, без жилищ. В дороге он услыхал, что мар папа скончался.

Через несколько дней они достигли великого Рима и вступили в церковь Петра и Павла, так как там находится резиденция престола их мар папы. После кончины мар папы его престолом правят 12 человек, называемые кардиналами (kaltonare). Они совещались об избрании папы. Раббан Саума послал к ним сообщить: «Мы послы от царя Аргуна и католикоса Востока».

Эти кардиналы приказали их ввести. Франки, которые ехали с раббан Саумой, учили его, что у входа в келью мар папы есть алтарь; они должны преклониться пред ним, а затем пойти и приветствовать кардиналов. Они сделали так, и это понравилось кардиналам. Когда раббан Саума вошел, никто не встал ему навстречу, ибо это не в обычае этих 12, благодаря высокому положению их престола. Они посадили раббан Сауму с собою, и один из них спросил его: «Каково тебе после тягостей пути?». Он ответил: «По молитвам вашим, мне хорошо, и я

---

[40] Вулкан, о котором упоминает Саума, вероятно, Этна: возможно, однако, что это указание относится к Стромболи (Taš'iṯâ. P. 53, note 6; [*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... P. 60, note 1).

[41] «Irid Sardalu» и «Irid Arkun» (Taš'iṯâ. P. 54). Королем Неаполя (Наполи) «История» считает «Irid Sardalu» — искаженное имя, которое следует читать «Il re Charl du», т. е. король Карл II. Но этот король был в 1287 г. в плену в Испании; по всей видимости, речь идет о другом Карле — младшем сыне короля Карла II, правившем под руководством регента Роберта, графа д'Артуа. «Irid Arkun» — король Арагонии, которым тогда был Иаков II.

отдохнул». [Тот] сказал ему: «Для чего ты прибыл сюда?» — «Монголы и католикос Востока послали меня к мар папе по поводу Иерусалима, и письма прислали со мной». Они сказали ему: «Теперь ты отдохни, а затем мы поговорим друг с другом». Они выделили ему жилище и поселили его там.

Через 3 дня кардиналы послали его пригласить и, когда он прибыл, начали его спрашивать: «Из какой ты страны? Для чего ты пришел?». Он же ответил им теми же словами. Они сказали ему: «Где живет католикос и который из апостолов проповедовал в его стране?». Он ответил им: «Мар Фома, мар Аддай и мар Мари проповедовали в нашей стране, и правил, которые они установили, мы до сих пор держимся». Они сказали ему: «Где престол католикоса?». Он ответил им: «В Багдаде». Они продолжали: «А ты, кто ты там?» Он ответил: «Служитель патриархии, учитель учеников и главный периодевт». Они сказали: «Удивительно то, что ты, будучи христианином, служителем патриархии восточной, прибыл в посольстве царя монголов». Он сказал: «Узнайте, отцы, что многие наши отцы шли в земли монголов, тюрок и китайцев и проповедовали. Теперь многие монголы христиане; из числа царских детей, цариц есть крещеные и исповедующие Христа. И с ними в их лагере есть церковь. Они очень уважают христиан, и многие из них верующие. У царя же, так как он состоит в дружбе с мар католикосом, есть желание взять Палестину и области Сирии, и он просит у вас помощи для взятия Иерусалима. Поэтому он избрал и послал меня, потому что я христианин и у вас будет доверие к моим словам».

Они сказали ему: «Каково твое исповедание? Каким путем ты следуешь? Придерживаешься ли ты ныне мар папы или кого-нибудь другого?». Он же ответил: «К нам, восточным, никто не приходил от папы. Ибо святые апостолы, которых я упомянул, учили нас, и до сих пор то, что они передали нам, мы соблюдаем». Они сказали ему: «Как ты веруешь? Скажи свой символ веры».

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ РАББАН САУМЫ, КОТОРОЕ ПОТРЕБОВАЛИ У НЕГО КАРДИНАЛЫ

Он ответил им: «Верую в единого Бога сокровенного, вечного, без начала и без конца, Отца, Сына и Святого Духа, три лица равных и нераздельных, среди них нет предшествующего и последующего, нет молодого и старого, они едины в существе и в трех лицах, Отец рождающий, Сын рожденный и Дух исходящий. В последние времена одно из лиц царственной Троицы, Сын, облекся в совершенного человека Иисуса Христа от Марии Святой Девы и объединился с ним телесно и в нем спас мир. По божеству он рожден извечно от Отца, по человечеству временно от Марии. Единство неразделимо и неразлучно вовеки, единство без смешения, без слияния и составления. Этот Сын единства есть Бог совершенный и человек совершенный, две природы, два лица, одна личность».

Они (кардиналы) сказали ему: «Дух Святой исходит от Отца, или от Сына, или раздельно?». Он ответил: «А Отец, Сын и Дух — соединены они в существе или разделены?». Они ответили: «Они соединены в существе и разделены в особенностях». Он сказал: «Какие их особенности?». Они ответили: «Отец порождением, Сын рождением, Дух исхождением». Он сказал: «Который из них является причиной другого?». Они сказали: «Отец есть причина Сына, Сын есть причина Духа». Он сказал: «Если они равны по существу, по действию, по силе, по власти и суть три лица и едины, как может быть, чтобы один был причиной другого? Необходимо, чтобы и Дух был причиной чего-либо другого; спор словесный находится вне исповедания мудрых. Также мы не находим образов, подобных этим вашим словам, ибо вот душа есть причина разумения и жизни. Сфера солнца — причина лучей и жара, а не жар — причина лучей. Поэтому мы думаем, что правильно, что Отец есть причина Сына и Духа, и оба являются его следствием. Адам породил Сифа и вывел Еву, их трое в этом порождении и исхождении, и не отличается в этом человечество ни в чем».

Они же (кардиналы) сказали: «Мы исповедуем, что Дух исходит от Отца и Сына, но не так, как мы сказали, стремясь испытать словом твою скромность». Он же ответил: «Неверно, чтобы что-либо одно имело причин две, или три, или четыре. Я думаю, что это не соответствует нашему исповеданию». Они прекратили его слово многими доводами, но все же уважали его за его доводы.

Он же сказал им: «Я пришел из дальних стран не для того, чтобы спорить, и не для того, чтобы сообщать о делах веры, но я пришел получить благословение мар папы и гробниц святых и сообщить слово царя и католикоса. Если это хорошо в ваших глазах, оставим спор, осмотритесь и прикажите кому-нибудь, чтобы мне показали церкви здешние и гробницы святых. Великую милость вы окажете вашему рабу и ученику».

Они (кардиналы) позвали эмира города и людей из числа монахов и приказали им показать ему церкви и места святые, которые есть там. Они тотчас вышли и показали места, которые мы теперь упомянем.

Прежде всего они вошли в церковь Петра и Павла. Под троном есть гробница, в ней лежит тело святого Петра, а над троном — алтарь. У большого алтаря, что посреди храма, есть четыре входа, у каждого створчатые двери, выделанные из железа. На престоле совершает таинство мар папа, и, кроме него, никто не становится на возвышенность этого алтаря. После того они увидели престол мар Петра, на который сажают мар папу, когда его посвящают. Они видели также часть чистого полотна, на котором запечатлел наш Господь свой образ и послал его царю Урхи Абгару. Нельзя описать величину этого храма и его великолепие. Он стоит на 108 колоннах; в нем есть другой алтарь, у которого их царь царей получает посвящение от папы и нарекается «император», царь царей. Говорят, что после молитв мар папа берет ногами венец и надевает на него, то есть полагает ему на голову, для того чтобы, говорят они, священство господствовало над царством.

После того как они осмотрели все церкви и монастыри, находящиеся в великом Риме, они вышли за город, в церковь мар Павла, апостола. И его гробница находится под алтарем. Там и цепи, которыми был связан Павел, когда его влекли туда. В том алтаре находится некий золотой ларец, в котором находится глава мар Стефана-мученика и рука мар Анании, который окрестил Павла. Там находится и посох апостола Павла. Оттуда они пошли на место, где был увенчан [мученичеством] апостол Павел. Говорят, что, когда была отрублена его голова, она трижды подпрыгнула вверх и всякий раз восклицала: «Христос, Христос». И из трех мест, куда она падала, истекла в тех местах вода, дающая исцеление и помощь всем страждущим. В том месте есть большая гробница, в ней останки мучеников и славных отцов, где они приняли благословение.

Они вошли также в церковь госпожи Мариам и мар Иоханана Крестителя и видели в ней Господа нашего хитон, что был без шва. В этой церкви есть стол, на котором освятил Господь дары и дал своим ученикам. Каждый год мар папа на этом столе совершает таинство Пасхи. В этой церкви есть 4 колонны из бронзы, толщина каждой из них 6 футов. Говорят, что цари доставили их из Иерусалима. Они видели там сосуд, в котором был крещен Константин, царь победоносный. Он сделан из полированного черного камня. Колонн в этом храме 140, каменных, из белого мрамора, так как эта церковь большая и обширная.

Они осмотрели место, в котором спорили Симон Петр с Симоном, который упал там и сломал себе кости. Оттуда они пошли в церковь госпожи Мариам, где им вынесли ковчежец

из берилла, в котором была одежда госпожи Мариам, и кусочек дерева, на котором лежал наш Господь, когда был младенцем. Они видели также главу апостола Матфея в серебряном ковчежце. Они также видели ногу апостола Филиппа, руку Иакова, сына Зеведея, в церкви апостолов, что там. После того они видели здания, которые нельзя описать словами, и рассказы об этих зданиях так длинны для рассказывания, что они пропущены.

После того вернулись раббан Саума и его товарищи к кардиналам и поблагодарили их за то, что они были удостоены лицезрения этих останков и их благословения. Раббан Саума просил у них позволения отправиться к царям, которые находятся далее Рима. Они разрешили ему ехать и сказали: «Мы не можем дать вам ответ, пока не будет поставлен папа».

Оттуда они отправились в землю Тосзакан (Тоскана), где их приняли с почетом, а оттуда отправились в Генох (Геную). В этой земле нет царя, но народ ставит главой большого человека (raba enaš), кого пожелает над собою, чтобы он правил им. Когда они услышали, что прибыл посол царя Аргуна, вышел их глава (rabbon) с большой толпой, и с честью его ввели в город. Там есть большая церковь во имя Сан Лорниа святого (Сан Лоренцо), в ней есть святое тело мар Иоханана Крестителя в ковчежце из чистого серебра. Они видели также сосуд из смарагда, восьмиугольный, а те люди сказали им, что из него вкушал наш Господь Пасху со своими учениками, а когда был покорен Иерусалим, его привезли.

Оттуда они отправились в землю Унбар (daunbar — Умбрию, или Ломбардию) и увидели, что тамошние люди не постились первую неделю Великого поста. Когда они спросили их: «Почему вы это делаете? Отличаете себя от всех остальных христиан?» — они ответили: «Это наш обычай. В начале нашего обращения наши отцы были слабы в вере и не могли поститься, и приказали им обучавшие их, чтобы они постились 40 дней».

РАББАН САУМА ВО ФРАНСЕ, ИЛИ ФРАНГЕСТАНЕ

После того они прибыли в землю Париж, к королю французскому.[42] Этот король послал много людей им навстречу, и их привезли с большой честью и почестями. Ибо его земля имеет протяжение [пути] больше месяца. Им предоставили место, а через 3 дня послал король французский к раббан

[42] Имеется в виду король Филипп IV Красивый.

Сауме одного из эмиров и пригласил его. Когда он вошел, он (король) встал ему навстречу, приветствовал его и сказал: «Зачем ты пришел? Кто тебя послал?». Он ответил: «Царь Аргун и католикос Востока послали меня по поводу Иерусалима». Он объяснил ему все, что знал об этих делах, и отдал письма, которые были с ним, и приношения, или подарки, которые он привез.

Король французский ответил: «Если монголы, которые вовсе не христиане, чтобы взять Иерусалим, сражаются с арабами, тем более должно сражаться и нам и выступить с войском, если пожелает наш Господь». Сказал ему раббан Саума: «Теперь, когда мы видели славу вашего государства и великолепие вашего могущества освидетельствовали плотскими глазами, мы просили бы вас, чтобы вы приказали, чтобы жители города нам показали церкви, гробницы и останки святых — все, что находится у вас и чего нет в другой стране, чтобы, когда мы вернемся, мы сообщили и рассказали в своей земле то, что мы видели у вас». Король приказал своим эмирам: «Подите, покажите им все замечательное, что есть у нас, а потом я покажу то, что есть у меня».

Эмиры вышли с ними.

Они оставались месяц и несколько дней в этом городе великом, в Париже, и посмотрели все, что в нем есть. А в нем есть 13 000 школяров, которые учатся наукам церковным, то есть просветительным, а также светским, толкованию и объяснению всех Святых Писаний, мудрости, то есть философии, и риторике с медициной, геометрии, арифметике, учению о сфере и звездах, и усердно заняты писанием. Все они получают от короля опсонию (снабжение).

В одной большой церкви они также видели гробницы умерших королей и их изображения из золота и серебра на их гробницах. Для служения у гробниц царей имеется 500 монахов, которые получают еду и питье от королей. Венцы этих королей, их оружие и одежда находятся на этих гробницах. Словом, все славное и замечательное они видели.

Затем послал король пригласить их, и они прибыли к нему в церковь. Они увидели его стоящим со стороны алтаря и приветствовали его.

Он спросил раббан Сауму: «Все ли видели вы, что у нас есть, не остается ли еще чего-нибудь?». Он же поблагодарил его. Тотчас он поднялся с королем к одному алтарю из золота, король открыл его и вынул из него ларец из берилла, в котором был положен венец из терний, который иудеи надели на голову нашего Господа, когда распинали его. Венец был виден

в ларце, когда он не был открыт, благодаря прозрачности этого берилла. Там была также частица древа распятия.

Король сказал им: «Когда наши предки взяли Константинополь, они ограбили Иерусалим и привезли это благословение оттуда». Они поблагодарили короля и просили его дать им разрешение вернуться. Он сказал им: «Одного из великих эмиров, который есть у меня, я пошлю с вами, чтобы передать царю Аргуну ответ». Он дал раббан Сауме подарки и дорогие одежды.

РАББАН САУМА ОТПРАВИЛСЯ К КОРОЛЮ АНГЛИИ

Они выехали оттуда, то есть из Парижа, к царю Англии, в Ксониа (Гасконию). Когда они прибыли через 20 дней в их город (Бордо), горожане вышли к ним навстречу и спросили их, кто они. Они ответили им: «Мы послы, прибывшие с восточных морей, мы посланные царя, патриарха и князей монгольских». Эти люди поспешно отправились к королю[43] и сообщили ему о них, и он принял их с радостью, и их привели к нему.

Бывшие с раббан Саумой тотчас отдали ему грамоту царя Аргуна, дары, которые он послал ему с посланием мар католикоса. [Король] очень обрадовался, особенно, когда зашла речь об Иерусалиме, возросла его радость, и он сказал: «Мы, короли этих городов, приняли знак креста на наше тело, и нет у нас [другой] мысли, кроме этого дела. И освободилась моя воля, так как я услыхал, что то, что я думаю, думает и царь Аргун». Он приказал раббан Сауме совершить литургию. Он совершил славное таинство в присутствии короля и придворных. Король принял причастие и устроил большое празднество в этот день.

После того сказал раббан Саума: «Мы просим, о король, прикажи, чтобы нам показали, какие есть в этой земле церкви и гробницы, чтобы, когда мы прибудем к сынам Востока, мы им рассказали о них». Он ответил: «Вот что скажите королю Аргуну и всем сынам Востока: мы видели нечто, удивительнее чего нет, а именно: нет в странах франкских двух исповеданий, но одно исповедание Иисуса Христа, вера всех христиан». Он дал нам много подарков и денег на расходы.

---

[43] Английский король Эдуард I.

РАББАН САУМА ВОЗВРАТИЛСЯ В РИМ

Оттуда они отправились в город Генох (Геную) зимовать. Достигнув ее, они увидели сад, подобный райскому, без холодной зимы, без знойного лета. Листва там держится круглый год, деревья не лишаются своих листьев и не пустуют без плодов. Там есть один сорт виноградной лозы, которая приносит плоды 7 раз в год, однако вина из нее не давят. В конце зимы прибыл из земли Алмадан (Алмании) важный человек, который был периодевтом мар папы и следовал в Рим. Услыхав, что там раббан Саума, он отправился к нему, чтобы приветствовать его. Когда он вошел, они приветствовали друг друга и обняли друг друга в любви Христовой. Сказал он раббан Сауме: «Я пришел тебя повидать, ибо я слышал о тебе, что ты муж благой и мудрый и что у тебя есть желание отправиться в Рим». Раббан Саума сказал ему: «Что мне сказать тебе, возлюбленный и почтенный? Я пришел с посольством от царя Аргуна и католикоса Востока к мар папе из-за Иерусалима. Прошел целый год, а папа не посажен. Что же мне сказать и ответить монголам? Те, сердца которых тверже, чем скала, хотят захватить святой город. А тем, кому это принадлежит, не приходит в голову, и они не думают об этом деле совершенно. Что мы, вернувшись, скажем, мы не знаем». Периодевт сказал ему: «Твои слова истинны. Я же поеду, и все слова, которые ты сказал, я точно передам кардиналам. Я заставлю их поставить папу».

Расстался с ними этот периодевт и поехал в Рим и сообщил [все] царю, то есть мар папе, и он в тот же день послал к ним посла, чтобы бывшие с раббан Саумой [и он сам] приехали. Эти же по прибытии посла поспешно направились в Рим и достигли его в 15 дней. Они спросили, кто этот папа, которого избрали. Они сказали ему: «Епископ, который говорил с вами, когда вы прибыли в первый раз, имя которого Николай».[44] И они очень обрадовались. Когда они прибыли, мар папа послал им навстречу людей — митрополита и многих дугих. И тотчас вошел раббан Саума к мар папе, который сидел на своем престоле. Он с почтением приблизился к нему и облобызал его ноги и руки и отступил назад, сложив свои руки. Он сказал мар папе: «Пусть стоит твой трон, о отец наш, вовеки! Да будет он благословен выше всех царей и народов! Да воцарится мир в твои дни во всей церкви до краев земли! Теперь, когда я увидел твое лицо, просветлели мои глаза, я не вернусь в свою зем-

[44] Папа Николай IV был избран 20 февраля 1288 г.

лю с печальным сердцем. Я воздаю благодарность Богу, что он удостоил меня видеть тебя». И поднес ему подарки царя Аргуна с его письмами, а также подарки мар Ябалахи католикоса, то есть его подношения и письма. Обрадовался мар папа, пришел в восхищение и оказал необыкновенную честь раббан Сауме и сказал ему: «Хорошо будет, если ты отпразднуешь у нас и увидишь наши обычаи». Ибо это был день середины поста Господнего (Великого поста). Он ответил: «Ваше приказание большое и высокое». Мар папа выделил ему двор, чтобы он поселился, и поставил ему служителей, чтобы они выполнили все, что ему нужно.

Через несколько дней сказал раббан Саума мар папе: «Я желаю совершить евхаристию, чтобы и вы посмотрели наш обычай». И он дал ему разрешение служить, как он просил. В этот день собралось много народа, чтобы видеть, как совершает евхаристию посол монголов. Когда они посмотрели, то обрадовались и говорили: «Язык различный, но порядок один». День, в который он служил, был воскресеньем, в которое поется песнопение «Тот врач». После того как он совершил евхаристию, он был у мар папы, чтобы его приветствовать. Тот же сказал раббан Сауме: «Пусть примет твое приношение [Бог] и да благословит тебя, и простит твои грехи и прегрешения». Раббан Саума сказал: «С отпущением грехов и прегрешений, которое я получил от тебя, о отец наш, я прошу у твоего святейшества, о святой отец, получить причастие из твоих рук, чтобы отпущение [моих грехов] было полным». Он ответил: «Пусть так будет». Следующее воскресенье было праздником Осанны (Вербное воскресенье). С утра этого дня собрались бесчисленные тысячи и сотни тысяч перед [папским] престолом и принесли пальмовые ветви, и он их благословил и дал кардиналам, митрополитам, епископам, затем эмирам, знатным, а потом раздал всему народу. [Папа] встал с престола, и торжественно его провели в церковь. Он вошел в алтарь, сменил свою одежду и надел ризы служения пурпуровые, затканные золотом, украшениями, гиацинтами и жемчугами до обуви его ног, то есть туфель. Он подошел к жертвеннику и потом вышел на амвон и стал объяснять и поучать народ. Он благословил дары и дал раббан Сауме причастие первому, после того как он исповедал свои грехи, и он отпустил прегрешения и проступки ему и его отцам. Саума весьма радовался принятию даров из рук мар папы. Он принял причастие со слезами и плачем, призывая милость Божию и помышляя о благостях, излитых на него.

После того, в день святой Пасхи (Великий четверг), мар папа отправился в церковь мар Иоханана Крестителя. Когда со-

бралось множество народа, он взошел там на большое возвышение, которое было соответствующим образом украшено. Перед возвышением было большое пространство. С ним взошли кардиналы, митрополиты и епископы и начали молитву. Когда она окончилась, мар папа толковал и поучал народ по обычаю. Из-за множества народа не было слышно голоса, только [слово] «аминь». Но когда говорилось «аминь», содрогалась земля от грохота. Оттуда мар папа спустился к жертвеннику и благословил масло мирра, то есть масло для помазания, а затем благословил святые дары и роздал народу. Он вышел оттуда и вошел в великий храм; он разделил и дал святым отцам каждому по 2 листка золота и по 2 перпера серебра и удалился. Мар папа собрал своих келейников, умыл им ноги, а затем вытер их полотенцем, которым были обвязаны его чресла. Когда вся служба Пасхи (Великого четверга) была окончена, в середине дня была устроена трапеза, и поставили слуги перед каждым его долю пищи. Участвующих было около 2 тысяч. Когда сняли хлеб с трапезы, времени от дня осталось только 3 часа. Следующий день был день страстей нашего Спасителя. Мар папа надел черную рясу, также и все епископы, они вышли босыми и отправились в церковь честнейшего креста; мар папа поклонился и поцеловал его и подал его каждому из епископов. Когда в толпе увидели крест, то обнажили головы, преклонили колена и поклонились ему.

Мар папа объяснял и поучал народ. После того как крестом были осенены 4 стороны и были кончены молитвы, он принес дары Пасхи и присоединил к ним вино; принял мар папа один от этого таинства, потому что у христиан нет обычая принимать причастие в день страстей нашего Господа, и он возвратился в свою келью.

В день субботы света (Светлая суббота) отправился мар папа в церковь, и читали книги пророков, пророчества о Христе. Он поставил купель и расположил вокруг нее миртовые ветви, и благословил купель мар папа сам и окрестил троих младенцев, осеняя крестным знамением. Он вошел в алтарь и сменил эту одежду страстей, надел ризы служения, превосходящие всякое слово своей ценой, и благословил дары.

В день воскресенья вошел мар папа в святую церковь госпожи Мариам. И приветствовали друг друга папа, кардиналы, митрополиты, епископы и толпа, и целовали друг друга в уста. Мар папа совершил таинство, принял причастие и вернулся в келью. Он устроил большое пиршество, и была радость бесконечная. В Новое воскресенье (Фомино воскресенье) мар папа совершил рукоположение и поставил 3 епископов. Бывшие с раббан Саумой видели их обычаи и приняли совместно участие в благословенных праздниках.

После этого раббан Саума просил у мар папы разрешения вернуться. Тот сказал ему: «Мы желаем, чтобы ты остался с нами; ты будешь с нами, и мы будем беречь тебя, как зеницу нашего ока». Он же, раббан Саума, ответил: «Я, о отец наш, в посольстве прибыл для вашего служения; если бы по моей воле был мой приход, то у наружных дверей этой вашей келии я прожил бы дни суетной жизни в служении вам.

Но если я возвращусь и покажу тамошним царям милости, которые вы оказали мне, недостойному, я надеюсь, что для христиан наступит большой покой. Поэтому я прошу у вашей святости, чтобы вы пожертвовали мне что-нибудь из мощей, которые у вас». Мар папа сказал: «Если бы был у нас обычай давать кому-нибудь от этих мощей, то если бы и с гору было их количество, они были бы исчерпаны. Но, так как ты прибыл из дальней земли, мы немного дадим тебе». И он дал ему от одежды Господа нашего Христа одну малую частицу, и от плата, то есть покрывала, госпожи Мариам, и малые частицы от частей святых, которые имеются там. Он послал католикосу мар Ябалахе венец со своей головы из чистого золота, украшенный драгоценными камнями, ризы пурпуровые, затканные золотом, носки и обувь, унизанную мелким жемчугом, а также перстень со своего пальца и разрешение (ptiha), которое ему давало патриаршую власть над всеми сынами Востока. Раббан Сауме он дал разрешение, грамоту на посещение [в качестве периодевта] всех христиан и благословил его. Он приказал дать ему на дорожные расходы 1500 миткалей красного золота. Царю Аргуну он также послал некоторые подарки. Он обнял и поцеловал раббан Сауму и отпустил его. Раббан же Саума поблагодарил Господа, что он удостоил его таких милостей.

О ВОЗВРАЩЕНИИ РАББАН САУМЫ ОТ МАР ПАПЫ, КАФОЛИЧЕСКОГО ПАТРИАРХА РОМАНИИ И ВСЕГО ЗАПАДА

Раббан Саума возвратился, проехав вновь моря, по которым он прибыл. Он вернулся в мире к царю Аргуну, здравый телом и сохранный душой. Он отдал ему письма с благословениями и дары от мар папы и всех королей франков. Он рассказал, с какой любовью его приняли, как благосклонно выслушали грамоты (puqdane), доставленные им. Он рассказал о чудесах, которые видел, и о мощи их государства.

Царь Аргун обрадовался и возликовал. Он поблагодарил его и сказал: «Мы весьма утомили тебя, так как ты старец; больше мы не будем отпускать тебя, чтобы не расставаться с тобой, но мы поставим церковь при нашем царском дворе (btar' malkutan), и ты будешь в ней служить и молиться». Мар Саума сказал: «Если прикажет мар царь, то пусть прибудет католикос мар Ябалаха, чтобы принять подарки, которые посланы ему от мар папы, и одежды служения, которыми он пожаловал его. Он будет строителем церкви при царском дворе, которую желает поставить царь, и освятит ее».

Так и было.

Так как мы не предполагали сообщить все дела, которые совершил раббан Саума, и рассказать обо всем, что он видел, мы многое пропустили из того, что он лично написал по-персидски. А то, о чем мы здесь упоминали, соответственно необходимости было распространено или сокращено.

ГЛАВА 8

О БЛАГОДЕЯНИЯХ ЦАРЯ АРГУНА И ЕГО СМЕРТИ

В год 1598 греков (1287 г.)[45] вновь приказал царь Аргун, чтобы посетил мар Ябалаха его лагерь, как просил раббан Саума. Ради уважения к католикосу и чтобы поддержать всех христиан, исповедующих Христа, и увеличить их любовь к себе, он воздвиг церковь близ престольных ворот (царской палатки), так что были свиты веревки, подвязывавшие церковную [палатку], с веревками его жилища, и задал большой пир на 3 дня. Царь Аргун лично подносил еду католикосу и подавал чашу ему и всему его причту. Много епископов, святых отцов, священников, дьяконов, монахов участвовали в бдениях и службах, потому что царь заботился о том, чтобы не останавливалось било этой церкви. И так возросло уважение к христианам восточным и западным, что в один голос восклицали: «Благословен Господь, который ущедрил нас! Посетил Господь свой народ и сотворил ему спасение!». Когда лагерь переносили, также переносили священники церковь и все, что в ней было.[46]

[45] Эта дата дана ошибочно, на что обратили внимание П. Беджан (Taš'îtâ. P. 86, note 4) и Ж. Шабо ([*Chabot J. B.*] Histoire de mar Jabalaha III... P. 94, note 1). Раббан Саума покинул Рим после Пасхи 1228 г. Эта ошибка повторяется, но затем следуют верные даты.

[46] Симпатии хана Аргуна к христианам объясняются его политикой, которая была направлена на известное сближение с городским оседлым населением.

Раббан Саума был настоятелем этой церкви, ее основателем и распределителем жалования священникам, дьяконам, работникам и надсмотрщикам этой церкви. Ибо царь Аргун приказал по своей большой любви к нему (Сауме), чтобы не прекращались обедни за него (Аргуна) и молитвы за него.

В следующем году, то есть в 1599 году греков,[47] в месяце илуле, посетил царь Аргун келью города Мараги, чтобы повидать мар католикоса. В месяц абе он окрестил своего сына[48] и приказал ему принять святые тайны. Так увеличилась проповедь жизни и умножилось благовестие Царства Небесного во всей вселенной, что со всех сторон собирались люди к патриаршей келье, чтобы получить помощь. И не только одни христиане по вере посещали ее, чтобы выпросить себе у мар католикоса исполнение того, что они желали.

Когда прошло немного времени после события этого, о котором мы вспомнили, Бог, Господь всех, Господь смерти и удаления, увел царя Аргуна на ложе радости в лоно Авраамово.[49] Его уход поверг в печаль и траур всю церковь под небом, потому что до его времени положение ее было плохо, а в его время церковь была значительно укреплена. Кто не пожалеет о перемене царства? Разве не тяжело было это событие каждому и затруднительно для слов? Особенно если человек знает знатных царя и всех царских домашних, чтобы не сказать — лично самого царя этого времени.

ГЛАВА 9

ЦАРЬ КАЙКАТУ И МАР ЯБАЛАХА

В таком положении церковь оставалась несколько дней, а затем внезапно выдвинулся младший брат царя, который назывался Ирнаджин Тунджин и был назван царем Кайкату. Он взял жезл царства и сел на престол своего брата. Он воцарился в году 1602 греков, в месяце абе этого года (август

У Марко Поло Аргун, выступая против Акомата (Ахмеда), также говорит, что Ахмед «отступился от нашего закона», т. е. исконной веры «татар», и «стал сарацином и Мухаммеду молится» (гл. 204). Из текста «Истории» следует, что в ставке Аргуна была походная христианская церковь.

[47] Ошибочно дан 1288 г., фактически это 1289 г.

[48] Имеется в виду сын Аргуна, Харванде, родившийся в 1281 г.

[49] Хан Аргун воцарился 11 августа 1284 г., умер 9 марта 1291 г., по-видимому, отравленный ламаистским врачом (бакчи); в этом была замешана одна из его жен, Тутшак (*Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 126—127; *D'Ohsson.* Histoire des Mongols depuis Tchingiuz-khan jusqu'a Timour-bey. La Haye, 1835. P. 53—58; *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 81, 85).

1391 г.).[50] Вселенная была умиротворена, смятение бежало и притаилось, воссиял свет правосудия и обнаружился, потому что благословенный царь Кайкату не уклонился от пути своих отцов. Он дал каждому из представителей религий официальное положение и почтил глав всех учений (догм) — христиан, арабов, евреев и язычников. Он был нелицеприятен к людям и не колебался и не уклонялся от правосудия, так как золото в его глазах считалось за навоз. Не было предела его раздачам и не прекращались его подарки. Ибо каждый, кто у него просил, получал, как сказано, и искавший — находил, и опыт показал, что это было действительно так.

Он начал царствовать в названный месяц упомянутого года. В день праздника памяти святой госпожи Мариам, — да будут ее молитвы с миром! — который бывает в середине месяца аба, он вошел в церковь, поставленную Докуз-хатун[51] в благословенном лагере. Тогда они находились на горе, называемой Алатаг. Когда отец наш католикос совершил таинство, царь весьма порадовался и веселился; он дал католикосу подарок — 20 000 динаров и 9 богатых дебаге.[52] Собрались в тот день царевичи и царевны, эмиры, знатные и войска. И достигла святая кафолическая церковь прежней, даже больше прежней славы.

Осмелели сердцем христиане и укрепились, когда они узнали помыслы победоносного царя, услыхали его слова, а блага и милости его могли быть ощупаны руками. Изо дня в день увеличивалась их слава и возрастало величие их церкви. И это благодаря заботам великим и управлению мар католикоса и его умению прославлять сыновей царства (царскую семью). Так как раббан Саума постарел и устал от сурового образа жизни монголов и пребывания в пустынях, то он просил разрешения у победоносного царя Кайкату построить церковь в городе Мараге и туда перенести служебную утварь той церкви, которую покойный

[50] Кайкату — Гейхату-хан, брат Аргуна, наследовал ему 22 июля 1291 г., убит 24 марта 1295 г. (*Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 130: *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 87, 89). «История» относит воцарение Гейхату-хана к августу 1291 г.

[51] Докуз-хатун, «Докуз Таубос» происходила из рода кераитов, была женой хана Тулуя, а затем первой женой его сына Хулагу. Она умерла 17 июня 1265 г. Будучи несторианкой, она поддерживала христиан; оказывала большое влияние на государственные дела (*Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 208; *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 63 и др.). Ср.: *Gregorius Barhebraeus.* Chronicon ecclesiasticum. Col. 521: «При наступлении поста покинул этот мир царь царей Хулагу, его мудрость, великодушие, его деяния несравнимы. Летом же умерла и Тогуз-хатун, царица верующая (т. е. христианка). Христианам всего мира кончина обоих была великим горем».

[52] Дебаге — парчовые одежды (арабское дибадж).

царь Аргун поставил в лагере. На его просьбу ему было дано согласие царя. Когда он получил этот ответ, он тотчас отправился со служебной утварью мар католикоса в город Марагу. Он основал и построил прекрасную церковь во имя мар Мари и мар Гиваргиса, победоносного мученика. Он положил в ней останки 40 мучеников, мар Стефана, мар Иакоба, разрезанного на куски, и Дмитрия-мученика и украсил ее всякой утварью, дарованной для служения. Он также приобрел для нее имущество [вероятно, имение], чтобы иметь доходы с него на необходимое, и с помощью славного мар Ябалахи католикоса.

Летом следующего года приезжал царь победоносный Кайкату в [патриаршее] помещение в Марагу два раза. Он пребывал у мар католикоса 3 дня и радовался благой и великой радостью.

Он поднес в дар большие подарки мар католикосу: пайдзу золотую, то есть таблетку, называемую «сункор» (sunqor), и 7 тысяч[53] динаров.

ГЛАВА 10

СМЕРТЬ РАББАН САУМЫ И ЦАРЕЙ КАЙКАТУ И БАЙДАРА

Раббан Саума днем и ночью трудился над церковью, которую он строил, и выполнил это дело. Количество расходов и дарений, которые были затрачены на эту церковь, или вакф, положенный ей, составляли около 105 тысяч зузе. Раббан Саума был постоянен в своем служении и молитве и настаивал, чтобы установленное им принесение даров в церкви совершалось постоянно. Он чувствовал полный покой в келье около церкви, которую он поставил и украшением которой он сам является теперь и где постоянны молитвы и литургии. Да вознаградит его Господь наш наградой за труд блаженством Царства Небесного и долей со святыми на высоте!

Когда раббан Саума закончил церковь, о которой мы упоминали, он отправился на службу к мар католикосу в Багдад в год 1605 греков.

В месяце тешри первом того же года (октябрь 1293 г.) царь Байдар (Байду),[54] сын брата царя Абаги, устроил великое пир-

[53] В тексте — «тысяч» (alafin), но одна рукопись дает сотни (alafe).

[54] Хан Байдар (Байду) воцарился после Гейхату. По сведениям Марко Поло, он был христианином и «овладел царством в 1294 г.» (гл. 215). Но «История» упоминает о нем в октябре 1293 г., когда он устроил пиршество в Сиарзуре в честь католикоса мар Ябалахи.

шество в месте, называемом Сиарзур,[55] в честь католикоса и собрал на этот пир всех своих родственников. С этого пиршества раббан Саума встал, испытывая страдания, и он заболел. На следующий день он расстался с царем Байдаром и достиг города Арбелы по необходимым делам, и ласковы были с ним клирики. Но болезнь раббан Саумы ухудшилась, и он ослабел и оставался так до того, как прибыл католикос в город Багдад. Его болезнь стала тяжелее, здоровье его уходило, и не было надежды на его жизнь. Он удалился из этого мира страданий и мучений в мир святости, в град святых, Иерусалим небесный в ночь воскресенья после богоявления, [когда поется] унита «Церкви твоей» 10-го [числа месяца] кануна того же года (январь 1294 г.).

Его святое тело было похоронено в [монастыре] Дарат Ромайе (монастырь ромеев), в северной стороне алтаря, вне его, во внутреннем дворе, в южной части той молельни. Да будет ему удел вместе с католикосами, среди которых он положен! Да успокоит его наш Господь и да поставит его одесную в великий день воздаяния, когда он отмерит по трудам каждому на весах праведных и верных!

Мар Ябалаха католикос испытал великое горе при его кончине, и плач его достиг небес. Траур его был с народом, чтобы не говорили, что он в одиночестве оплакивает его. Знатные, власть имущие и все отцы города Багдада приходили, чтобы утешить его, и он согласился принять выражение сочувствия и на 3-й день вернулся на свой престол. Он имел основания горевать, как это приказывает закон природы. Покойный был мужественным, был поддержкой, помощью патриаршему двору, не только мар католикосу, но и всякому христианину, который приходил к нему.

Зимой католикос оставался в Багдаде. В день великого праздника (Пасха 18 апреля 1294 г.) он отправился в лагерь, и победоносного царя Кайкату он встретил на Алатаге, в царской ставке. Тот почтил его многочисленными подарками, дал ему дорогую шубу, двух прекрасных мулов, поднес ему сункор, то есть зонтик, и 6000 зузе, чтобы почтить его. Одним словом, ни в чем, что бы мар католикос ни попросил, открыв уста, он не отказывал ему.

Так он вернулся от победоносного царя и положил основание святого монастыря мар Иоханана Крестителя на стороне северной города Мараги, на расстоянии около трети парасанга[56] от него, в том же упомянутом году, в конце месяца хазирана (июнь 1294 г.). Стена была поставлена почти целиком, а самый храм — до начала сводов.

[55] Сиарзур — ныне Шахрзур, или Шахрзул.

Внезапно поднялись бури, и волнения усилились в царстве; эмиры действовали лукаво в отношении царей, бури скорби обрушились на мир, и волнение охватило тварь. Были несправедливо убиты люди, многие селения были полонены насильно войсками.

Зимой 1606 г. греков (1294/95 г.), когда дороги из Адорбайгана в Багдад и Диарбекир были отрезаны, не прекратили противники своих возмущений, которые они устраивали, пока царя Кайкату не погубили насильно и не передали царства царю Байдару. Да и этот несчастный принял его из страха за свою жинь. Он оставался на престоле с 24 нисана до 25 илула того же года или около этого. И он правил и царствовал в волнении и проводил дни в страхе.

Хитрости, лукавство и обманы, которые чинили враги между ним и царем победоносным Казаном, сыном царя покойного Аргуна, в течение этих 5 месяцев, невозможно выразить словами так, чтобы не удлинить рассказа и не удалиться от повествования, которое было предпринято ради другой [цели].

Короче говоря, убийцы благословенного царя Кайкату стремились к убийству и того другого царя, Байдара; произошло разделение, возмутилась вселенная. Возмутился народ арабов, чтобы отомстить церкви и ее чадам за гибель своих детей от отца этих царей. Затем, внезапно, в воскресенье, [когда поется унита] «Не могут уста», которое пало в тот упомянутый год на 25 месяца илула (сентябрь 1295 г.), дошел слух о бегстве царя Байдара и его гибели,[57] а с ним пришли испытания, которые были воистину таковы, точно [церковь] была оставлена Богом.

[56] Парасанг (фарсанг) — мера длины, равная 5—7 км.

[57] «В сентябре 1295 г. дошел слух о бегстве хана Байду и его гибели». Марко Поло относит победу хана Казана (Газан-хана) над Байду к 1294 г. В действительности Байду был ханом в 1295 г., и в этом же году вступил на престол Газан (Книга Марко Поло. Гл. 215. С. 224). Газан-хан (Махмуд Газан, сын хана Аргуна) воцарился в октябре 1295 г., умер в 1304 г. Рашид ад-Дин посвятил описанию его царствования большой раздел своей книги, в котором подробно описал реформы внутреннего управления государства Газан-хана (*Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 138—139).

ГЛАВА 11

ГОНЕНИЕ НА МАР ЯБАЛАХУ И НА ХРИСТИАН МАРАГИ

Один из эмиров, по имени Науруз,[58] который не боялся Бога, осмелился и послал письма через посланцев, которые полетели в 4 стороны, подвластные этому государству, с тем, чтобы церкви были разрушены, чтобы алтари были разбиты, таинства прекратились, песнопения и перезвоны замолкли, а главы христиан с главами иудейских синагог и их знатные были убиты.

Мар католикоса взяли в ту же ночь из его кельи в Мараге, и вне ее никто не спохватился, пока не рассвело. А наутро, в понедельник, вошли в его келью и ограбили в ней все, что было старого и нового, и не оставили гвоздя в стене.

Ночью следующего дня, вторника, который был 27 илула (сентября), мар католикос всю ночь был избиваем теми, кто его взял. Из епископов, которые были с ним, одних связали нагими, другие, оставив одежду, бежали, третьи выбросились с высоких мест. Католикоса повесили головой вниз, взяли ткань, то есть платок, положили в нее золы и привязали ее к его рту. Один бил его в грудь вертелом, говоря: «Оставь эту твою религию, чтобы не погибнуть, стань мусульманином (ethagar)[59] и спасешься». Он же, плача, не отвечал ни слова. Его били палкой по бедрам и по спине. Снова привели его на крышу кельи, говоря: «Отдай нам золото, и мы оставим тебя, и твое серебро выложи нам; покажи нам утаенное тобой и открой спрятанное тобой, и мы тебя спасем». Мар католикос, облеченный в тело слабое и болезненное, побоялся смерти и начал кричать на крыше: «Где ученики? Как бежали воспитанники? Какая нам польза в имуществе? Идите, выкупите вашего отца у безжалостных торговцев, спасите вашего учителя».

Народ же — мужчины, женщины, юноши и дети в полночной тьме взывали с горьким плачем; но от страха никто не мог приблизиться. Они искали помощи в плаче и убежища в мольбах, говоря: «О горы, падите на нас; о долины, скройте нас». И исполнилось пророчество пророка сирийцев: «Так как мы пренебрегли путем и дали место великой зависти, сделал нас [Господь] предметом зависти таври (т. е. других людей), чтобы

[58] Эмир Науруз неоднократно упоминается в труде Рашид ад-Дина. О его «злых умыслах» и восстании против Газан-хана сообщается особенно подробно. Он был казнен 14 августа 1297 г. (*Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 170—177).

[59] Буквально: «стань агарянином».

нам испить от их насмешек. Уничтожили нечестивые наши церкви, в которых мы не молились усердно, осквернили алтарь, перед которым мы не служили должным образом».[60]

Короче говоря, чтобы не удлинять рассказ, один из учеников [патриаршей] кельи пошел и взял в долг 15 000 зузе и понемногу-понемногу давал их в надежде на спасение [католикоса]. Когда те, что взяли католикоса, получили количество 5000 динаров, чаши, фиалы — все, что было в келье вместе с взятыми в долг [деньгами], они ушли из кельи в полдень во вторник.

Произошло великое смятение. Насильно пришел арабский народ, чтобы уничтожить великую церковь мар Шалитты, святого мученика. Они опустошили ее и взяли все, что в ней было, покрывала и сосуды евхаристии. Волнение их рева и буря их криков чуть не содрогнули землю и ее обитателей.

Может быть, читатель этой истории, потому что он не был среди этой бури, подумает, что рассказчик рассказывает сказку. Но это сказана правда, так как тот, кто это говорит, призывает в свидетели Бога, что никаким словом нельзя сказать и описать случившееся.

До церкви, построенной раббан Саумой, дошел царь армян Хетам Такфор[61] и множеством подарков и своим войском спас ее от разорения. Католикос, вырвавшись из рук взявших его, бежал к нему и эту ночь прятался [у него]. На следующее же утро, которое было четвергом, прибыл один эмир из посланных упомянутого Науруза и привез некие грамоты относительно того, чтобы убить католикоса. Он захватил многих людей, среди которых были люди царя Такфора, [и сказал им]: «Покажите мне католикоса, мне нужно с ним переговорить».

Когда об этом услыхал мар католикос, дрогнуло его сердце, он бежал оттуда и оставил Такфора. Царь же Такфор умиротворил эмира, кое-что подарив ему, и отправился в Марагу.

Немного дней спустя царь Такфор прибыл в Тебриз. Мар католикос, сменив все свое одеяние, один, в качестве одного из слуг, сопровождал Такфора до города Тебриза, потому что туда прибыл царь Казан. Около недели католикос прятался,

[60] Подразумевается мар Афрем, т. е. Ефрем Сирин, и приведены слова «среди прошений» чтение первое, «сидение» второе (Taš'îṯâ. P. 102, note 4).

[61] Армянский царь Хетум II (Хатум, Хайтон), сын армянского царя Левона III, наследовал отцу в 1289 г. Дважды терял престол и дважды возвращался. В 1295 г. был в Тебризе (История армянского народа. Ереван, 1951. С. 202; *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 84, 101, 106, 220, 221). Такавор значит по-армянски царь, Хетам — собственное имя царя; сирийский источник ошибочно считает «Такфор» собственным именем армянского царя.

пока Такфор не попал к царю Казану и не сообщил его дела и не уговорил его пойти повидать царя. Так как прислужники патриархата были рассеяны, то с ним оставались лишь бедные юноши, они присоединились к мар католикосу и вошли с ним к царю Казану.

Царь не знал его и, поздоровавшись, задал ему два вопроса: «Откуда ты? Как твое имя?» — и только.

Католикос ответил на вопросы и благословил его. Он вышел, дрожа членами, и не по той причине, что грозила ему смерть, но из-за крещеных, что они пришли к такому концу!

Однако ангел-утешитель и мысль трезвая увещали его: «Искушение настигает нас лишь человеческое» (1 Кор. 10:13), так что он стал мужественным, говоря со слезами и плачем: «Кто даст голове моей воду и глазам моим фонтан слез, и я буду плакать день и ночь над несчастьем дочери моего народа» (Иер. 9:1).

Так было это.

В те дни было холодно, а лагерь был перенесен в зимнюю стоянку, в Муган.[62] Науруз проклятый был в Тебризе. Католикос же без средств, без верховых животных, без вьючных животных вернулся в Марагу. Он немного времени оставался в своей келье, и вновь пришли другие преследователи. Он спасся из их рук бегством и изо дня в день путем многочисленных расходов избегал их. Ибо известно, что, в конце концов, всякая слава земная приводит к божественному смирению и что смирение, переносимое ради Бога, обращается к славе.

Когда католикос послал этой зимой в лагерь одного из учеников, чтобы обменять приказы и узнать, как обстоят дела, тот вернулся, словно бежавший, потому что никто не хотел сказать слово о христианах или пожалеть обиженных. Ученик этот с трудом вырвался из рук ренегата, оставившего свою религию и принявшего ислам.

После праздника Рождества года 1607 греков (1295 г.) в воскресенье, [когда поется песнопение] «Господь всех, когда подобно», вновь пришли к католикосу посланные проклятого Науруза, держа в руках приказ: «Дай нам, о католикос, 10 000 динаров, которые ты получил во времена царя Кайкату, вот

[62] Муган (Мукан, Мокан, или Мугхан), где находилась зимняя ставка хана, был главным городом одноименной области, расположенной к юго-востоку от места слияния Куры и Аракса. Муган часто упоминается в дальнейшем. По словам А. Ремюза, монголы «revinrent ensuite passer l'hiver dans la plaine de Moughan, lieu oú ils avoient coutume de prendre leurs quartiers» (*Remusat A.* Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens... avec les empereurs mongols. Premiére mémoire. Paris, 1822. P. 406).

тамга, или грамота с печатью, составленная по приказу эмира, чтобы они были возвращены».

Келья (патриарший двор) уже прежде была пустой и обобранной. Прислужники кельи, когда услыхали это, тотчас рассеялись и спаслись бегством. Католикос же остался в руках этих монголов-мусульман и тех, которые заставили их идти. Страх напал на сынов церкви. Да и как сказать? Что? Если и епископы, бывшие при келье, и те бежали.

И остался один католикос в руках этих бесстыдных проклятых. В ту ночь он пообещал дать им селение [деревню], но их можно было удовлетворить только золотом. Тотчас, как они стали угрожать ему избиением, он начал брать в долг и отдавать им. В этот день, воскресенье, до вечера они получили 2000 динаров.

Некоторые из учеников посоветовались с католикосом, чтобы устроить его бегство и вырвать его из их рук, но он этого боялся. Но когда они стали настаивать, он согласился. При пении петуха [ранним утром] они вытащили его через малое окошко дома, где он был заключен, такое по величине, что никто бы не подумал, что ребенок может пройти через него. Они свели его вниз, и он отправился в другое место и спрятался.

Эти же [монголы], когда рассвело, устыдились и не знали, что им делать. Они боялись также, чтобы кто-нибудь не отомстил им и не сказал: «Вы его погубили». Тотчас они покинули город и отправились дорогой в Багдад.

Только они ушли, прибыл от проклятого Науруза посланный, еще более злой, с которым был христианин, принявший ислам. Посланный привез с собой другой приказ, чтобы ему были даны 36 000 динаров. Так как мар католикос был спрятан, то эти неверные посланные схватили некоторых из учеников кельи. Они изранили их тела многочисленными ударами и мучениями. Они повесили их вниз головой, а в эти дни были холода и снег, сильнее которых здесь не видели. После того как весь город собрался, чтобы их спасти, с трудом их освободили из рук этих нечестивых [ценой 16 000] динаров.

Католикос остался со всеми теми, кто последовал за ним из епископов, монахов и мирян; преследуемые всеми, они прятались в домах мирян. Когда узнавали, что они в одном доме, они тотчас уходили в другой, до времени великого праздника Воскресения [Пасхи 1296 г.].

ГЛАВА 12

ЦАРЬ КАЗАН ПОЧТИЛ МАР ЯБАЛАХУ

Когда солнце спустилось в [созвездие] Тельца и мир несколько согрелся, послал католикос одного из монахов кельи к победоносному царю Казану в место, называемое Муган, зимовье монгольских царей, чтобы благословить его [Казана] и сообщить ему о том, что с ним случилось. Когда этот монах достиг лагеря, он старательно повидал всех эмиров и затем явился к победоносному царю. Он точно повторил ему те слова, которые сказал ему католикос: «Да будет благословен твой престол, царь, да утвердится он навеки и да будет верен твоему роду вечно». Казан спросил: «Почему не пришел к нам католикос?». Ответил тот монах: «Потому что он находится в смятении, его вешали головой к земле и много били, от острой боли, которую он испытал от этого, он не смог прибыть, чтобы почтить тебя, владыка царь. Когда же с миром достигнет царь победоносный Тебриза, больной или здоровый [католикос] прибудет, чтобы приветствовать и почтить тебя».

По воле Божией в глазах царя эти слова были ему приятны, и он дал католикосу согласно обычаю указ о том, чтобы гезита[63] не взималась с христиан и чтобы никто из них не оставлял своей религии, а также чтобы католикос жил согласно обычаю, с ним обращались согласно его рангу, дабы он правил своим престолом и держал власть над своим имуществом. [Царь также дал] указ по всем областям, на имя всех эмиров и войск, чтобы все взятое насильно у католикоса или у епископов было им возвращено и чтобы все, что взяли багдадцы и их посланные, о которых мы выше упоминали, было возвращено. Он предназначил и выдал 5000 динаров на его расходы, говоря: «Они послужат католикосу поддержкой до того, как он прибудет к нам». Так как Христос не оставляет своей церкви, он — целитель сокрушенных сердцем и спасает смиренных духом, он — прибежище бедных и их помощник во времена притеснений. Бог в своей любви наказует и огорчает, чтобы приобрести. Его взыскание не для того, чтобы отдалить или изгнать, но чтобы научить, что он не оставляет его, наказывая его наказанием не свыше его сил. И вновь призывает его в своей любви, поддерживает и приводит его к закату жизни, после того как он испытал его.

[63] Гезита — джизья, подушная подать.

Повернул [Господь] сердце царя — да будет почитаема его слава! — к своему народу. «Как источник воды, так находится в [Господних] руках сердце [царя], и, куда он пожелает, он его направляет» (Притч. 21:1).

С того дня начали лучи спасения озарять всю церковь.

В областях Арбелы[64] церкви были разрушены, в Тебризе и Хамадане они были разрушены совершенно, и их фундаменты выкорчеваны из земли. В Мосуле и в Багдаде [церкви], а также имения были выкуплены по дорогой цене и множеством дариков.[65] Но церковь, которую построил католикос Макика в Багдаде по приказу Хулагу, победоносного царя, и Докуз-хатун, царицы верующей, была взята вместе с кельей и дворцом, которые принадлежали арабским царям. Когда Багдад был взят Хулагу, отцом этих царей, и покорен, он отдал эти дома католикосу мар Макике, чтобы он молился за него и за его род вовеки.

Им не было достаточно того, что они взяли эту церковь и келью, которую он поставил, но заставили христиан останки двух отцов католикосов, которые были похоронены там с епископами, монахами и верующими, увезти оттуда. Все это по приказу сына погибели, проклятого, заклятого Науруза, ненавистника всякой справедливости, врага правды, друга лжи.

Когда возвратился этот монах к мар католикосу и привез указ (puqdana), сообщил о любви эмиров и о большом благоволении победоносного цая к нему, то были открыты ворота его кельи и воссел католикос на свой престол. Он собрал своих правителей и приблизил домашних, которые были удалены. В тот день в диване были прочитаны указы, и всякий, кто взял что-нибудь [у католикоса], должен был вернуть. Отсюда католикос взял сумму (mlvaa), необходимую, чтобы отправиться к царю Казану. Он выехал из Мараги в место, называемое Уган, в месяце таммузе того же года греков, года 1607 (1296 г.), который совпал с месяцем рамаданом.

Через два дня после своего прибытия он явился к царю с должной честью. Царь положил благовония по обычаю и по-

[64] Арбела, или Ирбиль — древний город, расположенный между Большим и Малым Забом, левыми притоками Тигра; центр области Адиабены. С первых веков новой эры здесь упрочилось христианство. Арбела была хорошо укрепленным городом с мощными стенами и цитаделью, поэтому его часто называли «крепостью Арбела». «Крепость Ирбиль... заложена на крепкой земляной насыпи и не имеет себе равной на обитаемой четверти земного круга» (*Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 47).

[65] Дарик — darik (греч. δαρεικός, лат. daricus, moneta regalis) соответствует номисме или солиду — золотой монете в Византии, содержавшей 12 милиарисиев (см. также: *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. T. 1. Col. 948).

садил его справа. Принесли вина, и подал чашу царь католикосу и всем епископам, которые были с ним. Он удалился оттуда в любви. Насколько увеличилось его значение у царя, настолько это усугубило ненависть к нему в сердце врагов, которые придумывали злое и обо всем, что происходило, послали сообщить сыну погибели, проклятому Наурузу.

ГЛАВА 13

НОВЫЕ ГРАБЕЖИ И УБИЙСТВА В МАРАГЕ

В год 1608 греков (1296/97 г.) спустился победоносный царь в город Багдад зимовать. Мар католикос оставался в Мараге.

Случилось же прибыть в Марагу некоему человеку по имени Шенак Эттамур, как рассказывают. Он распространял слухи, что с ним имеется указ, что всякий, кто не оставит христианства и не откажется от своей религии, будет убит. Он преувеличивал это сообщение, добавляя новое, такое, о чем не было никогда слышно в мире. Когда об этом услыхали арабы, они словно одичали и ожесточились, сердце их стало грозным и тяжким. В порыве своей силы весь народ бросился к келье и ограбил все, что нашел. Это случилось в среду, после воскресенья, когда поется «Пойдем, узнаем и прославим», в Господнем посте.

Когда стало известно, что этот бесстыдный учинил это без царского приказа, но по своей злой воле и по силе своего злодейства, собрались эмиры и знатные, которые были в Мараге. Они решили устроить суд в воскресенье, чтобы было возвращено все имущество, которое было ограблено из кельи этим бесстыдным.

Среди взятого были сосуды большой ценности, а также золотая печать, которую царь царей Мангу-хан — да упокоит наш Господь его душу и даст ему удел со святыми — выдал патриаршей келье; тиара, которую мар папа прислал келье; другая печать, серебряная, которую подарил покойный царь Аргун католикосу.[66]

[66] Мангу-хан — Менгу-хан, старший брат Хубилай-хана, умер в 1259 г. (*Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 56). Упоминается Марко Поло (Книга Марко Поло. Гл. 69). То, что Менгу-хан выдал золотую печать несторианским католикосам, указывает на его благоволение к ним. Печать прикладывали к документам и письмам, исходившим из «патриаршей кельи», т. е. от патриаршего двора. Эти печати и были похищены. Газан-хан приказал выдать Ябалахе «большую печать», и на ней была повторена та же надпись, что и на предыдущей.

Когда собрался арабский народ перед эмирами и судьями и принесли палки, чтобы наказать виновных и побить их, они (арабы) в один голос закричали, схватили камни в свои руки, заткнули уши и стали преследовать эмиров и знатных, каждого из них до его дома. Каждого христианина, который попадал им в руки, они били и избивали без жалости.

В своем гневе они достигли кельи, разрушили все здания до дерева крыши включительно. Монахам кельи и юношам, которые поднялись на крышу, чтобы бежать, они камнями пробили головы. Один из учеников кельи, увидав это, повернулся к ним и ударил некоторых из них. Они рассердились еще больше, один из них поднялся, прячась, и ударил его мечом, срезал ему голову и бросил ее вниз. Монахи, бывшие там, бросились вниз, и некоторые из них поломали себе кости. Один из нечестивых, жаждая крови христиан, видя, что монахи бросаются, чтобы спастись, положил свою руку на нож, ударил одного монаха и убил его. Других же захватили верующие люди и увели их в свои дома.

Сокровищница церкви святого мар Гиваргиса, которую построил раббан Саума, была открыта, и все, что было в келье: сосуды из меди и железа, ковры, ящики для продуктов, которые избежали первого захвата, — были все захвачены и разграблены. При этом грабеже была оставлена и спасена церковь от разрушения и уничтожения; хотя это и было целью этих нечестивых, но Бог в своей любви к этой церкви воспрепятствовал им в том, чтобы они все ограбили.

Коротко говоря, это бедствие было еще более злым, чем в начале первого преследования, так что язык не может сказать о нем, ни трость ученого писца написать.

Если бы не милость Божия и не царица Бургзин Арги, верующая женщина, которая в своем доме спрятала католикоса и епископов и позаботилась о них с помощью заступника Бога, то не осталось бы церкви ничего, как только склонить голову и спрятать лицо, потому что восставшие искали случая начать убийства.

Через 5 дней они отправились в некое место, называемое Шакату, а оттуда удалились на гору, называемую Сиакух, до возвращения царя из Багдада в Хамадан. Вблизи этого города явился к нему католикос. Когда он увидал его, он сжалился над ним и над его бедственным положением. Царь дал указ и направил посланного, приказав схватить всех жителей Мараги, связать их и избить, пока они не отдадут того, что они ограбили в келье, и пока не отстроят церквей, как они были. После

многих мучений, битья и пыток, которые они претерпели, они отдали немногое, все остальное осталось у них.

ГЛАВА 14

ВОЛНЕНИЯ И БОРЬБА В КРЕПОСТИ АРБЕЛЕ

Не было достаточно того зла, которое случилось в келье; верующие, жившие в крепости Арбеле, испытали еще большие, чем эти, несчастья. Жители этого города — арабы решили приказать курдам (Ikartavaie), чтобы они разрушили церковь. Случилось здесь быть христианам из царского войска, называемым [племенем] каягийе, то есть «спустившиеся с гор», они стали метать в них стрелы и убили одного известного мужа. Началась борьба и ненависть, поднялось восстание, умножилось зло. Гнев и злоба возросли с обеих сторон, со стороны христиан и арабов. Они повели осаду друг против друга, регулярную войну и перерезали мост крепости. Это не было случайным, но произошло потому, что сын погибели, Науруз проклятый, прибыл в Хорасан и желал восстать против царской власти и захватить ее. Он получал помощь повсюду и имел сторонников во всех сторонах, пока не открыл Бог его замыслы и не раскрыл его хитрости.

В то время как арабы осаждали эту крепость, был захвачен брат этого злодея, его жены и дети, и уничтожил их победоносный царь Казан — да сбережется его жизнь — в воскресенье, когда поется песнопение «Кто врач», в посте Спасителя, в год 1608 греков (1297 г.). Вследствие этого вновь поднялось волнение. Были перерезаны дороги и пути, так как были установлены сторожевые посты над ними, потому что этот сын погибели бежал, а царские войска вышли его разыскивать и стремились его захватить.

В то время как они его преследовали, христиане крепости Арбела были преследуемы жившими вне ее. Последние построили вал, поставили баллисты, стенобитные машины и повели тяжелую войну с крепостью. Они захватили митрополита Арбелы по имени мар Авраам, мужа древнего и аскета, вместе со многими священниками церкви, клиром и верующими. Одних они убили, других продали за большую цену. Крепость оставалась в руках войск, среди которых были монголы того эмира, который это сделал (Науруза), и были курды из разных городов. Короче говоря, со всех сторон собрались, чтобы грабить христиан. Поэтому было много убийств и несказанное число было уведено в плен. Также и многие арабы погибли от меча.

Это продолжалось с понедельника недели «молений ниневитян» до праздника честнейшего креста Господня упомянутого года.

Это было так. Войска победоносного царя вместе с великим эмиром, который был с ним, окружили в одной из крепостей Хорасана этого сына погибели (Науруза). Жители крепости его обманули, связали и предали связанным этим войскам. Сейчас же ему отрубили голову и послали ее победоносному царю. Посол, который вез ее, прибыл 25-го числа месяца аба того же года к победоносному царю к месту, называемому Шарбканех, находящемуся вблизи Алатага.[67] Наступил отдых от множества его злодейств, от бури его замыслов и хитрости. Да будет его доля с сатаной, его советником и сообщником!

Против крепости Арбела с верующими, что были в ней, увеличились обвинения, и в царской ставке недовольство против них возросло, что, мол, они убили много арабов и восстали против государств, что всякого измаильтянина, который им встречается, они без жалости уничтожают. Увеличилась ненависть, умножились угрозы, так что слова эти дошли до ушей царя, и дело разбирали перед престолом.

На основании того, что мы говорили раньше, дал Бог милость в очах царя к христианам. Когда он узнал, что оклеветаны христиане, то, хотя он и уклонился от пути отцов и склонился к учению, делающему душу горькой, он сохранил к ним все же благоволение. На слова, которые он услыхал относительно крепости, он ответил следующим образом.

Когда мар католикос достиг Алатага вместе с лагерем (царским двором), — из-за того, что с ним случилось, и потому, что ему негде было преклонить голову, — послал к нему победоносный царь двух знатных из своего окружения, одного из них звали Коджа Рашид ад-Дин,[68] и другой был эмир Тармадад. Они сказали: «Царь приказал, чтобы мар католикос выслушал его указ». Он ответил: «Кто же не слушается приказов царя, да живет он вечно?!». Они же ответили: «Царь приказал: „Если царь выпустит христиан из этой крепости и даст им землю, воду, дома, будет оберегать их от всего, что может им повредить, приведет их сюда и удалит от них всякую тяготу подати,

[67] Алатаг (Аладаг) — горный хребет севернее озера Ван. Хулагу-хан «устремился в Сирийский край. Когда он прибыл в Аладаг, он одобрил те пастбища и назвал их Лабнасагут» (*Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 49). Аладаг упоминается на страницах «Сборника летописей» неоднократно.

[68] Коджа (т. е. ходжа) Рашид ад-Дин — это Рашид ад-Дин, автор «Сборника летописей», врач, визирь ильханов, казненный в 1318 г. Рашид ад-Дин был известен Ябалахе лично, как видно из приведенного в тексте рассказа.

как сделать это дело? Как это тебе представляется? Так как возросла вражда между этими двумя религиями арабов и сирийцев, то, если это положение так и останется, будет большой ущерб государству. Другие могут поднять восстания, если этих оставить как есть". Что скажет католикос об этом деле и относительно того, как его выполнить?».

Он ответил им. Когда он услыхал это, глаза его наполнились слезами, уста испустили крик боли, и он сказал с горестным огорчением: «Я услышал приказание моего господина царя, и никто не может уклониться от него или изменить его решение, но когда я вспоминаю или сообщаю о том, что случилось со мной, небо и земля вынуждены плакать. Если вы желаете и спрашиваете у меня ответа, чтобы передать его победоносному царю, то я скажу следующее. У меня была келья (патриарший двор) в Багдаде, церковь и мульки[69] (mulkane), данные мне, и их отняли. Церковь и келья (патриарший двор) в Мараге были разрушены до основания, и все, что было в них, было захвачено, так как вы это позволили. Я спасся от опасности быть убитым, как ясно из моего положения. Церковь же и келья в Тебризе остались лишь пустым пространством, без строений, и все, что было в них, разграблено. А в городе Хамадане нельзя даже найти того места, где были кельи и церкви. Остается только келья и церковь в крепости Арбеле с сотней душ, и их вы хотите рассеять и ограбить? Для чего мне продолжать жить? Пусть прикажет мой господин царь, чтобы я возвратился на Восток, откуда я пришел, или я отправлюсь в землю франков и кончу там мою жизнь».

Когда услыхали это посланные, они огорчились, глаза их наполнились слезами, они тотчас поспешно встали и отправились к победоносному царю и точно передали его ответ. Сейчас же царь, да живет он вовеки, приказал, чтобы христиан из крепости не выводили и, если им не хватает пищи, дать им из давана, до того как спустятся войска, при наступлении зимнего времени.

Один ненавистный эмир воспрепятствовал этому, он написал и действовал иначе. То, что было наиболее желательно, — это освобождение несчастных, заключенных в крепости. После многих трудов и постоянных изменений вышел указ и был дан посланным, чтобы они отправились с ним в Арбелу и освободили жителей крепости. Католикос послал с ними в крепость одного из епископов, чтобы создать возможность посредничества, чтобы ворота крепости были открыты и чтобы привести их всех к полному примирению.

[69] Мульк (мюльк, мильк) — форма безусловного земельного владения, т. е. земельная собственность (*Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. Л., 1949. С. 228—229, 230—232; *Ализ-Заде А. К.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956. С. 62, 154).

Католикос расстался с послами и с епископом, бывшим с ними. Они достигли Арбелы 14 илула названного года (сентябрь 1297 г.). Они восстановили мост крепости, вошли и освободили жителей крепости и примирили их с арабами после многих трудов, мучений духа и огорчений сердца.

Расходы католикоса и тамошних христиан были немалыми: была дана сумма в 10 тысяч [динаров], помимо того, что было дано эмиру, который содействовал им в этом, из кельи в сумме 1500 других динаров.

Грамоту соглашения подтвердил эгемон (hgemona) арабов, а грамоту соглашения христиан с арабами подтвердил их митрополит. Обе грамоты взял один из эмиров и представил их победоносному царю.

Затем вышел другой указ, чтобы крепость принадлежала христианам и они имели право потребовать все, что у них было взято.

Зло кончилось, примирение укрепилось с помощью Божией, и изливались его благодеяния на его творение.

Между тем арабы не прекращали зла и досаждали христианам, как они это делали во все времена. Один из них, по имени Насреддин, стал господином дивана; он получил приказ царя, чтобы христиане платили гезиту и, когда они ходят по улицам, носили бы кушаки. И это зло было тяжелее всех других зол. Многие были убиты в городе мира (Багдаде). С них требовали безжалостно гезиту, то есть подушную подать, и заставили перепоясываться поясами. Если говорить правду, это была не подать, но полное ограбление.

Когда они (христиане) ходили по улицам и у домов, их оскорбляли, над ними смеялись и издевались, говоря: «Смотрите, на что вы похожи с этими кушаками, о несчастные?!». И не было ни одного оскорбления, которого они не нанесли бы им,[70] пока Бог не сжалился над ними, не облегчил им всякую тяготу и не удалил от них испытания, которые постигли их и окружали их со всех сторон.

[70] Бар Эбрей сообщает о преследованиях христиан в своей хронике (*Gregorius Barhebraeus*. Chronicon ecclesiasticum. Col. 595—596), но приписывает их не Насреддину, а Наурузу. В хронике, как и в «Истории», приводятся насмешки, с которыми обращались к христианам. «Где ваш бог, чтобы [можно было] видеть, есть ли у вас помощник, или кто-нибудь, кто спасет или освободит [вас]?». Бар Эбрей позаимствовал некоторые сведения из нашего памятника.

ГЛАВА 15

МАР ЯБАЛАХА ПРЕУСПЕВАЕТ И ЗАКАНЧИВАЕТ [ПОСТРОЙКУ] МОНАСТЫРЯ МАРАГИ

Католикос отправился зимой с победоносным царем в Муган, в зимнюю ставку. Оттуда он отправился в Тебриз с ними (монголами) и провел лето в лагере, чтобы мудро увеличить выполнение того, что было необходимо для церкви и для него, а также чтобы отвратить стремительность и силу сопротивления врагов и утишить их гнев. Между тем по приказу победоносного царя получил [мар Ябалаха] печать, подобную большой печати, которая была у него украдена, с теми же надписями, как на той, и ему был дан «сункор», то есть зонтик, и лучи любви начали светить от него.

Зимой 1610 года греков (1299 г.) он зимовал в крепости Арбеле, так как с упомянутого нами года, то есть 1605 года, он жителей ее не видел. Он обрадовался свиданию и хорошо провел с ними эту зиму. Велика была радость отца в его детях и детей в их отце, так как они вышли из тягостей или испытаний и избегли великого зла и тяжких страданий.

Когда прошла зима, в месяце нисане он отправился в ставку и прибыл к царю в Уган, его летнее местопребывание.[71] Тот очень обрадовался ему, и почтил его, и приказал ему, чтобы он вновь отправился в Марагу. По этому приказу он въехал в этот город в воскресенье, когда поется песнопение «Тот, кто в своем существовании», и провел лето это в Мараге в полном покое в своей келье.

В [месяце] тешри [первом, октябре] года 1611 греков (1299 г.) он вновь спустился с царем Казаном в области Арбелы и Мосула. В намерение победоносного царя входило покорить области Палестины и Сирии. Он (мар Ябалаха) зимовал в крепости Арбела, и в течение всей этой зимы у него была одна забота: подготовить средства на монастырь, который он основал. Когда возвратился победоносный царь из Палестины, [после того как] он покорил и разбил их войска, ограбил их, рассеял, убил и полонил и выполнил то, что положил в своих мыслях, то снова отправился с ним католикос в Адорбайган.

[71] Уган (Уджан) — место летнего пребывания Газан-хана. У Рашид ад-Дина имеется описание Уджана, когда туда в июне 1302 г. переехал Газан-хан (*Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 189—190). В другом случае тот же автор называет Уджан городом (Там же. С. 187). Уджан расположен на восток от озера Урмия, юго-восточнее Тебриза.

Он начал постройку того монастыря, заботился о ней всеми силами, пока не закончил ее.

В [месяце] илуле того же года прибыл царь победоносный Казан к мар католикосу в Марагу и оставался у него 3 дня. Увеличилась радость христиан и возросла любовь царя к ним, потому что он хорошо знал, что они невинны, незлонамеренны и чисты от зла. Казан с радостным сердцем уехал от католикоса, так как он хорошо служил ему. Он (Казан) вновь вернулся и отправился в области Арбелы и Мосула зимой года 1612 грков (1300/01 г.),[72] и католикос спустился с ним и сопровождал его до местности близ земли Шигар (Синджар). Он вернулся и зимовал в крепости Арбела до возвращения победоносного царя и вновь отправился с ним. В путешествии картавайе (курды) сделали засаду против мар католикоса и, когда он проезжал по дороге, стали метать в него стрелы, и попала стрела ему в палец и слегка ранила его. Победоносный же царь разгневался на это и поклялся всяческими клятвами, что он отомстит этим курдам.

Когда он (мар Ябалаха) прибыл в Марагу, он отправился в монастырь мар Иоханана Крестителя, который он основал, и привел с собой монахов, которых он собрал. Его намерением было закончить эту постройку, и он говорил: «Если Бог помилует меня, я закончу его и освящу его, это будет его великой милостью мне». Бог, да будет почитаема его честь, помог ему, и его намерение, как он желал, исполнилось. Во всей красоте было закончено это строение и со всяческими украшениями, совершенство которых не может выразить слово. Красиво было строение, замечательны были двери, тесаными камнями возвышались его постройки, и был устроен его фундамент из тесаных камней. Было так, что двери его были сделаны из гравированного камня, также и ступени. Чье слово может описать его великолепие! Место, на котором оно было построено, было весьма утешительно и полно красоты. Завесы у дверей алтаря, гробниц и ризницы были весьма замечательны и удивительны, различного тканья, пронизанного нитями тонкого золота. Стена его была настолько высока, что препятствовала переходить, и переступать через нее было невозможно. Вода же в нем проходила во всех кельях монахов и уносила через канавы (silone — трубы) все отбросы, которые были в них. Недавно в нем (монастыре) была устроена патриаршая келья, и

[72] «История», следовательно, относит возвращение Газан-хана из похода на Палестину к 1300 г., что соответствует данным Рашид ад-Дина, который описывает этот поход, начатый зимой 1299 г. и законченный в следующему году. В июле 1300 г. в Уджане состоялся курултай (*Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 182—186).

трон его там до сего дня, так как патриарх из него не выходит. Большинство рукоположений выполняется там, и постановления, то есть церковные каноны, устанавливаются там. Останки святых, имена которых мы в дальнейшем упомянем, находятся там и источают исцеления всем прибегающим к ним.

[Монастырь] построен главным образом во имя мар Иоханана Крестителя, однако останки и других святых с большим усердием и заботой, которые выше слов, собраны и положены в помощь верующим и как убежище скорбящим, покой притесняемым, утешение огорченным. Гробницы святых расположены по порядку, одна близ другой. Длина монастырского храма вместе с алтарем, как говорят те, кто измерял его, 60 локтей,[73] а ширина храма посередине — 12 локтей. Салья, алтарь и сокровищница сделаны просторными. Весь купол алтаря с внешней стороны был покрыт изразцами кашанскими,[74] зелеными,[75] а на верху его установлен крест.

Имена святых, останки которых находятся там, следующие: благословенной матери госпожи Мариам, малая частица ее головного покрова, которую покойный раббан Саума привез из франкских земель, останки Иоханана Крестителя, святых апостолов Петра и Павла, да будут молитвы их с общиной (gava), мар Фомы апостола, мар Гиваргиса, мар Аддая и мар Мари апостолов, учителей восточной стороны, мар Стефана, мар Кириакоса святого мученика с 40 мучениками, мар Шемона бар Сабае, мар Иоханана Дайломского, мар Саргиса и мар Бакоса, мар Шалитты, мар Сабхы мученика, мар Хнанишо, мар Шамуэля, мар Иакоба, разрезанного (на куски), мар Слибы, мар Ишосабрана, мар Элиши мученика испытанного, дочери Маниу святой, Шемоны и ее сыновей. Молитвы их да помогут миру и да сберегут население его от всякого вреда!

[Католикос] освятил [церковь эту] и положил камень алтаря в день праздника святого мар досточтимого креста, 13 илула 1612 года греков (сентябрь 1301 г.). Собрались в день праздника освящения все благословенные верующие Адорбайгана; они пришли, принося дары по обету и десятинную подать, каждый по своей возможности (силе), каждый по своему положению (akmeh, греч. ἀκμή) и рангу, и радовались большой радостью.

[73] Локоть (сирийск. ама, или амта, греч. ὄπηχυς, лат. ilna, cubitus) — мера длины (*Pape W.* Griechisch-Deutsches Wörterbuch. Braunschweig, 1857. Bd 2. S. 600; *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. T. 1. Col. 222).

[74] Кашанские изразцы — изразцы, которые изготовлялись в городе Кашане (Иран).

[75] Iorka — бледно-зеленый, вероятно, знаменитый голубой цвет восточных изразцов.

Мар католикос устроил большой пир и собрал [людей] всяких положений и исповеданий. Он всем поднес чашу, обрадовал их и благословил их, как царь Соломон, когда окончил тот великий дом Божий и благословил народ Господа.

Весь расход на постройку до ее окончания составил 420 тысяч зузе. Епископов и монахов, строителей, то есть плотников (nagare) и ремесленников (umane), и всех, кто трудился на ней, он оделил одеждой, каждому соответственно его положению и его труду.

И теперь молитвы и совершение евхаристии там постоянны, место это является замечательным для всех восточных [христиан] и прибежищем, оказывающим помощь.

Ибо он [католикос] дал святому монастырю селение, называемое Дхабай, на восток от Мараги, которое он купил за 11 тысяч динаров. Он сделал его вакфом[76] для него, то есть доходом для святого монастыря.

И другие мульки, как сады, виноградники, насаждения (bustane), поля и прочее, он определил святому монастырю с тем, чтобы поступления с них или плоды с них были доходом для поддержки жизни и пропитания монахов и для [расходов на] лампады, свечи, на исправление и обновление этого святого места.[77] Он назвал этот святой монастырь «царем монастырей».

Да примет Господь наш его взнос и вознаградит оплатой его труд — блаженством в Царствии Небесном и пребыванием со святыми, любящими Господа нашего Иисуса Христа, и да поставит он одесную всякого, кто трудился и присоединился к нему (католикосу) в этом великом труде.

ГЛАВА 16

ЛЮБОВЬ К МАР ЯБАЛАХЕ ЦАРЯ КАЗАНА И ЕГО СМЕРТЬ

После окончания строительства этого монастыря и его освящения отправился мар католикос в Тебриз к победоносному царю Казану, который принял его весело и радостно взирал на него. Он почтил его больше обычного и возвеличил его выше установленного. Он спросил его относительно его построй-

[76] Вакф — церковные земли.

[77] Католикос дал построенному им монастырю в качестве вакфа купленное им селение, а ряд других имений — в качестве мульков. Доходы шли на содержание монастыря. Феодальное землевладение, характерное для мусульманских организаций, было принято и для христианских церквей и монастырей. При хане Олджейту были сделаны попытки захватить и «сделать мечетью» церковь города Тебриза, а «вакфы и мульки» ее стали бы в этом случае «принадлежать мечети».

ки и труда, а когда [католикос] сказал, что она успешно закончена, победоносный царь развеселился и обрадовался. Мар католикос благословил его в присутствии находившихся там. Царь собрался в Муган зимовать, а мар католикосу приказал жить в его монастыре и зимовать в нем, говоря: «Приятна новая постройка и полезна ее господину, так как [на нее положено] много его труда».

При смене года, когда прибыл царь из Мугана, снова отправился католикос, чтобы повидаться с ним и благословить его. Более чем все остальные, эта встреча была радостной, и из всех свиданий это было наиболее дружественным. Он почтил его (католикоса), посадив справа [от себя], и дал ему много подарков, как пайдзу, дорогие царские одежды, и выказал ему искреннюю любовь от совершенно чистого сердца. Также и мар католикос его поблагодарил и вернулся в Арбелу в год 1614 греков (1302 г.) и оттуда отправился в Багдад. Долгое время прошло, длительностью 9 лет, как не посещал он этот великий престол. Его приезд был главным образом из-за того, что победоносный царь предполагал приехать туда.

Он выехал из Арбелы в пятницу после праздника Рождества того года (1303 г.) и вступил в Багдад в ночь святого богоявления. Он отпраздновал этот праздник в Дарат-Ромайе, и радовалась вся община (kenša — собрание), а его радость была еще больше. После 20 дней он выехал из Багдада и, чтобы повидаться с царем Казаном, отправился в город Хелах, что находится в стороне Вавилона, который был построен Навуходоносором, царем халдейским. Прибыв, он вошел к нему (Казану), в день «белого праздника» (который был в воскресенье и является началом года монголов, когда мужчины и женщины надевают белые платья);[78] и празднуют его монголы.[79]

[78] В скобках добавлено из другой рукописи. См.: Taš'îtâ. P. 142, note 4.

[79] «Белый праздник» монголов — это встреча нового года, которую праздновали, надев белые одежды. О нем подробно сообщает Марко Поло (Книга Марко Поло. Гл. 89. С. 113; *Marco Polo.* The Description of the world. T. 1. P. 222—225): «Год у них начинается в феврале; великий хан и все его подданные празднуют вот как: по обычаю все одеваются в белое, и мужчины, и женщины, всякий как может. Белая одежда почитается у них счастливою, поэтому они и делают это, одеваются в белое, чтобы во весь год было счастье и благополучие. В этот день весь народ, все страны, области и царства и все, у кого от великого хана земли в управлении, приносят ему большие дары, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, множество дорогих белых тканей; и все это делают, чтобы во весь год у великого хана богатства было много и было ему радостно и весело. Скажу вам еще, князья и рыцари, да и весь народ друг другу дарят белые вещи, обнимаются, веселятся, пируют, и делается это для того, чтобы счастливо и по добру прожить весь год»

Царь принял его радостнее, чем может выразить слово, и спросил его о его делах и зачем он потрудился и прибыл к нему, на что мар католикос ответил подобающим образом.

Царь предполагал вновь отправиться в Палестину, чтобы эти земли опять подчинить и покорить. Когда через несколько дней увидал мар католикос царя, с тем чтобы затем вернуться в Багдад, царь подарил ему 5 прекрасных одежд, надеваемых царем, и завершил все его дела, как он просил. Царь отправился в эти земли, а католикос — в Багдад и остановился в Дарат-Ромайе. Он жил там до конца этой зимы, надеясь в конце поста вновь подняться в Адорбайган и пожить в монастыре, который он построил.

10-го числа месяца нисана того же года (апрель 1303 г.) он выехал из Багдада, престольного города, и 13-го числа месяца ияра достиг города Мараги и в монастыре, который он основал, в мире расположился. А затем 10-го числа месяца хазирана (июня) победоносный царь сам прибыл в этот монастырь, и мар католикос торжественно встретил и принял его. Он устроил великий пир, как полагается царю, эмирам и знатным его царства. Сам царь весьма почтил мар католикоса, выше всех поставил его ранг, благие и высокие обещания дал ему и, сняв со своего тела одежду, надел на него, и это было великой радостью всем верующим.

Ночевал царь в монастыре. Ночью той, когда он спал, он увидел во сне 3 ангелов, стоящих над ним. У одного из них были прекрасные одежды, 2 же других были в блестящей зеленой одежде. Они утешили его, обнадежив относительно исцеления болевшей у него лодыжки. Наутро он вынес крест прекрасный, из чистого золота с вделанными в него драгоценными камнями поразительной цены. В нем была частица древа честного креста, оживотворившего нас, она была от мар папы римского, который послал ее с честью самому царю, а царь уделил в подарок мар католикосу. Он рассказал свой сон перед всеми присутствующими и заявил, что «благословение этого святого дарует исцеление». Он остался весь этот день, славя и почитая мар католикоса.

Затем он отправился в область, где он проводил лето, то есть в Уган. 20-го [числа месяца] хазирана (июня) того же года послал царь, да живет он победоносно, мар католикосу коня прекрасного, на котором ездил сам, и одежду дорогую со своим нарочным, спрашивая о здоровье мар католкоса и обещая ему все хорошее.

После того, в том же году в месяце абе (августе), послал царь победоносный мар католикосу сосуды хрустальные и ка-

шанские,[80] называемые по-персидски гини, раскрашенные золотом, так как он (царь) привел из города Дармесука (Дамаска) и Кашана ремесленников. Он выказал большую любовь [к католикосу] посылкой этих сосудов.

Когда царь пребывал в городе Тебризе, католикос спустился, по своему обыкновению, чтобы провести лето в крепости Арбеле. В месяце тешри втором года 1615 греков (ноябрь 1303 г.) к нему собрались все отцы, которые там были, и знатные христиане. После великого праздника воскресения нашего Господа прибыл великий эмир, которому было доверено управление государственными делами Диарбекира. Он отправился с ним мирно и с великой честью в Марагу, в монастырь, что он построил, и провел там ночь праздника Пятидесятницы. Через 5 дней дошла до него горькая весть, ужасная и воистину злая, — о кончине победоносного царя Казана. Ибо он скончался в день воскресенья, Пятидесятницы, в конце дня, в окрестностях города Саханда.[81] Надело траур о нем все население земель его великой державы. Гроб с его телом был привезен в город Тебриз в воскресный день, [когда поется песнопение] «Он все совершил», и положили его в большой склеп, который построил там сам покойный.

ГЛАВА 17

ЦАРЬ УЛГАИТУ[82] И МАР ЯБАЛАХА

Так как великие эмиры крепко держали весло правления государства, не произошло восстания и не было беспорядков совершенно нигде. Они послали тотчас за братом по отцу покойного царя, которого звали Улгаиту-царь, который был в областях Хорасана. Они привезли и воцарили его в 12-й день таммуза того же самого года (июль 1304 г.). Так как он был крещен, когда был маленьким, во времена его отца царя Аргуна, он приезжал и наезжал к мар католикосу со своей матерью Аргау-хатун, которая была христианкой. Он приобрел большое доверие к нему и любовь без меры. Весьма обрадовался католикос его приезду, думая и говоря, что «этот, более чем его отец и брат, будет чтить общину (церковную), когда

[80] Кашанские (kašani) — облицованные эмалью сосуды «кашанского типа»; сирийская транскрипция их персидского названия — gini, или kini (Taš'ītā. P. 145, note 4). Сосуды, украшенные золотым рисунком, назывались гини.

[81] Газан-хан умер 17 мая 1304 г. (*Spuler B.* Die Mongolen in Iran. S. 104). Город Саханд находился в Азербайджане.

[82] Улгаиту — хан Олджейту (Ульдзэйту).

он увидит и узнает, как они почитали ее и их любовь к ней». Но он не представлял, что изменения по своей воле превосходят и являются более сильными, чем привычки и естественные склонности, особенно когда они укореняются и получают простор. Царь стал в тех землях агарянином (мусульманином). Он получил другое воспитание, которое привело его к забвению первоначального воспитания. Множество речей, которые он слышал, возбудили в нем некую ненависть к христианам. Когда прибыл мар католикос к нему, он дважды встретился с ним, тот почтил его, но не от сердца, а в силу приличия он был только любезен. Ибо он сильной рукой и мощным плечом во всем поддерживал агарян (мусульман): подарками, приказами, почестями, постройкой мечетей. От этого они попирали церковников. Их злоба шла дальше и усиливалась, так что они нашептали в уши царя Улгаиту, что они захватят монастырь, который построил католикос, и церковь города Тебриза сделают мечетью, а вакф или мульки ее станут принадлежать мечети. Это было почти что осуществлено, если бы не помощь Божия и божественная милость не пробудила бдительности высокого эмира Ириндина, да будет обережена его жизнь, дяди царя, который удержал их бесстыдство и запретил их наглость. Если бы не это, и монастырь, что построил [католикос], они бы захватили.

Зимой 1616 года греков (1304/5 г.) католикос зимовал в городе Эшнуке (в Адорбайгане). И оттуда силой вырвался из рук восставших и прибыл в монастырь, который он построил, откуда он снарядился в ставку Уган и вместе с царем вступил в Тебриз. Он старался о процветании церковных дел и получил приказ и вернулся в монастырь. Оттуда он отбыл зимовать в крепость Арбелу. С прибытием в начале 1617 года греков (октябрь 1305 г.) он заложил большую келью в той крепости и построил ее из камня с известкой; он закончил ее и украсил ее всяческими украшениями. В начале месяца ияра того же года он отправился в монастырь, что он построил, и провел в нем лето. Когда он услыхал, что царь начал взимать гезиту с христиан, он вновь поехал в Уган, он встретился с царем, но безуспешно. Царь же начал строить город близ границ Казвана (Казвина), который он закончил и назвал Султание. Он собрал туда ремесленников из всех областей своего государства и украсил его прекрасными строениями, так что нельзя описать.[83]

[83] Город Султание был основан ханом Олджейту в 1305 г. (705 г. хиджры) в центральной части Ирана. Сюда были переселены ремесленники и купцы из Тебриза; позднее они в большинстве своем вернулись в Тебриз (*D'Ohsson.* Histoire des Mongols... T. 4. P. 485—487).

Вследствие того, что мар католикос был лишен поступлений из различных мест, а расходы его были велики, он вновь отправился в крепость Арбелу, в келью, которую он построил, и зимовал там в 1618 году греков (1306/7 г.), провел лето и вновь зимовал в 1619 году греков. В начале ияра (май 1308 г.) он поднялся в Адорбайган и отправился в город Уган к царю, который почтил его соответственно порядку и обычаю. Царь уехал на охоту и прибыл в святой монастырь, который построил мар католикос. Монахи вышли к нему навстречу и торжественно ввели его. Когда он вошел в келью настоятеля этого монастыря, то нашел настоятель благоволение в его глазах. Он спросил его относительно таинств христиан, и тот держал ему ответ прекрасно и очень красиво. Царь весьма обрадовался, вошел в келью католикоса и сел на его престол, велел привести к нему монахов и порадовался с ними. Он подарил им 5 штук дорогой материи. Там сказал ему настоятель относительно подушной подати, и он обещал, что не будет больше взимать ее. Он ничем не отяготил монастырь.

Когда царь выехал на следующий день, услыхал мар католикос и прибыл в монастырь и очень сожалел, что не случилось ему быть в монастыре. Он последовал вместе с епископами и настоятелем монастыря за царем и встретился с ним у вод реки, называемой по-монгольски Гакту, а по-персидски Вакайрод. [Царь] оказал мар католикосу большую честь. Он разрешил написать ему большой приказ относительно него и относительно христиан, что во всей державе его царства никто не будет требовать гезиты с епископов, монахов, священников и дьяконов. Когда он вернулся в монастырь, он вновь послал за ним (католикосом) в Тебриз и подарил ему верхового мула и прекрасную одежду. Развязался узел на сердце царя с того времени, как он вступил в монастырь, и в сердце его Бог заронил милосердие. Он приказал католикосу провести зиму в монастыре, а сам царь отправился на место зимовки в Уган, которое монголы называют Муган. Католикос же зимовал и провел лето 1620 года греков (1308/9 г.) в монастыре.

Царь оказывал ему милость благосклонными приказами и присвоил католикосу всю гезиту с Арбелы и приказал, чтобы впредь не взималась с христиан гезита. Тотчас отправился католикос в крепость Арбелу в месяце тешри втором 1621 года греков (ноябрь 1309 г.) и заболел дорогой смертельно, но исцелил его наш Господь. Он торжественно вступил в крепость Арбелу, весь город вышел к нему навстречу и ввели его с большим торжеством.

ГЛАВА 18

УБИЙСТВО ХРИСТИАН В АРБЕЛЕ

Так как божественные постановления не могут не выполняться и необходимостью замечательного водительства Божия выполняются его постановления, то он сотворил некогда в горах людей, называемых каягийе, что значит «поднявшиеся на вершины гор»; они ссорились между собой, и некоторые из них направились к царю и обвинили своего эмира Зайн ад-Дина Балу, в руках которого было распоряжение о вознаграждении 3 тысяч мужей. Царь разгневался на него и посадил его на один год в тюрьму. По этой причине послал победоносный царь в крепость Арбелу араба, очень злого и склонного к озлоблению, по имени Насир.[84] Он был причиной того, что было выполнено намерение арабов, которое они имели с 1608 года греков (1297 г.). Тайный заговор составили все сыновья Агари (мусульмане), знатные и малые, высокие и низкие, эмиры и воины, писцы и законоведы, эгемоны и советники, чтобы отнять у христиан крепость Арбелу, а жителей ее погубить.

Следует сказать полную правду, что ожесточились сердца жителей крепости и других с ними; они совершенно оставили путь христианства, полностью пренебрегли законами божественными, издевались над монахами и священниками, обманывали друг друга, пределы [закона] Господнего они совершенно нарушили, так что не осталось у них возможности ни для предостережений, ни для поучений. Велика была в них ненависть, и сердца их захватила обида, они обвиняли друг друга, притесняли, били, преследовали, гневались и обманывали. Они собирались бандами и захватывали дома их глав (начальников), короче говоря, они имели возможность делать всяческое зло. И никому не приходило на сердце и не боялся никто гнева тяжелого и наказующего, так как обстоятельства, подобные этим, от Бога, и Провидение их осуществляет, когда имеются на то причины. Когда Бог установил смерть для Адама, причиной было нарушение заповеди. И если «он ожесточил сердце фараона, чтобы осуществить наказание», и другое, подобное этому, мы говорим, что это образно. Но цель Провидения в том, что сказано фараону: «Я поставил тебя для того, чтобы показать в тебе свою силу и чтобы было проповедано имя мое

[84] Насир, военачальник, и его брат Хаджи Дальканди (он же Карканди) были посланы в Арбелу для усмирения возникшего там восстания и действовали там в 1310 и следующих годах.

на всей земле», и в другом месте сказано: «Господь ожесточил свою силу и мощь на земле» (Исх. 10:1; 14:4, 17).

То же случилось и с сердцем горцев, называемых каягийе. Ожесточили их жители Арбелы и были лишены помощи Божией, чтобы они узнали ужас Провидения и научились тайнам его славной природы. Но Бог, да будет весьма почитаема его честь, прежде чем привел человека к бытию, знал, какой цели достигнет его намерение, установил ему наказание, как известно его предвидению и предначертанию.

Тот Насир, о котором мы выше упоминали, как только вступил в крепость, засел в одной башне у ворот и не выходил из нее. Он тайно привез амуницию, оружие военное и людей, а в лагерь послал сказать, что они восставшие (iaqie — враги), то есть враги царя, потому, что их эмир находится в тюрьме. Жители же крепости, когда он так действовал, делали еще больше зла, но ему не причинили никакого вреда. С ним был почти что весь народ и золото всего мусульманства, а у них ни один не имел возможности помочь своему товарищу и одной шамоной.[85] У него были советы Ахитофила (1 Цар. 27:33), всех писцов и глав, у этих же никого. Так как они напивались вином, выходили из своего разума и особенно так как они были покинуты Богом из-за злых дел, которые они делали, то они не боялись справедливого и верного суда Господня. Что же из этого вышло?

Послы царя приходили и уходили, [говоря]: «Вставайте, спускайтесь из крепости, о христиане!». Они же не слушались, приняв решение восстать. В то же время, как они это делали, народ арабов радовался и торжествовал, зная, что их намерение будет выполнено и исполнится.

Когда усилились эти злые обстоятельства, был направлен царский приказ к некоему эмиру, звавшемуся Сути,[86] который был в областях Диарбекира, и к человеку, звавшемуся Хаджи Дальканди, брату упомянутого Насира, который находился в крепости. [Приказ гласил]: «Если каягийе не выйдут из крепости, то следует принудить их и покорить силой. Против них следует собрать царские войска для того, чтобы повести настоящую войну».

[85] Шамона (šamona, греч. κοδράντης, лат. quadrans) — четвертая часть монеты, вес ее бывает различным; в арамейском шамона считается восьмой частью монеты (*Brockelmann C.* Lexicon syriacum. Halis Saxonum, 1928. S. 786; *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. Oxonii, 1901. T. 2. Col. 4212).

[86] Эмир Сути, или Сутай, неоднократно упоминается Рашид ад-Дином (*Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 168, 175).

Католикос, преданный государству, не верил, что, пока он пребывал в крепости, может что-нибудь случиться в крепости и что с христианами, пока с ними католикос, могут так [плохо] поступить. Все они пренебрегли должным, не поехали в ставку, не объяснили того, что случилось, а были охвачены сном небрежения, пока не произошли события, о которых они не предполагали, что они могли произойти.

В среду 9 адара того же года (март 1310 г.), в пост Спасителя, сын эмира того, о котором мы упоминали, и с ним 3 эмира тысяч[87] пришли к католикосу, чтобы вывести его, а если он с ними так и не выйдет, то было приказано его заточить. На следующий день он принужден был выйти. С того времени напали страх и горе на крепость, появились дурные предзнаменования.

Католикоса повезли в монастырь мар Михаила Тариэльского, и расположился у него эмир Сути и бывшие с ним войска, эмиры тысяч и прочие. И выказывал ему этот эмир большую любовь, он прежде много раз бывал в его келье и был ему дружествен, и также был весьма почитаем мар католикосом во времена покойного царя Казана. Он сказал католикосу: «Есть приказ, чтобы горцы (каягийе) спустились из крепости, а прочие остались там. Они не выйдут иначе, как по твоему слову; пошли к ним кого-нибудь из твоих, чтобы они вышли». На другое утро, в пятницу, католикос привел быков, баранов и [принес] вина к домам упомянутого эмира, подал чашу ему в руки, по обычаю монголов, посадил его на прекрасного коня, чтобы успокоить его.[88] Арабы, что были там, Хаджи Дальканди, Шейх Махаммад, который царствовал в Арбеле, и брат его, который звался Ахмедом, очень ворчали на христиан и на католикоса: «Никто не выведет их из крепости, кроме тебя». Эмир же, полагаясь на подарки, которые были ему поднесены католикосом, пренебрегал этим. Наконец уговорились направить посланных к ним и посоветовать им спуститься. Католикос послал одного из епископов, которые были с ним, звавшегося мар Абдишо, епископа Ханиты;[89] эмир послал одного из эмиров тысяч, звавшегося Сати Баг, переговорить с ними, чтобы они спустились. Они отправились, говорили с ними совершенно мирно, с благими обещаниями, но те не приняли их и не

[87] Эмиры тысяч — военачальники, командовавшие отрядами в 1000 человек, «тысяцкие».

[88] Глагол šuš, nšiš — имеет два значения: «привести в порядок», «обеспокоить» и «их успокоить».

[89] Ханита (Hnaita) — селение. *Hoffman G.* Auszüge aus syrischen Akten persischer Martyrer // AbhKM. 1880. Bd 7, No 3. S. 216 u. a.

послушались. Они возвратились и прибыли от них в субботу 14 адара. Как только услыхал об этом эмир Сути, он отправился к католикосу и сказал ему: «Эти действительно восставшие, то есть враги. Пошли к ним, о католикос, повторно». Написал им мар католикос некое наставление, чтобы они спустились, и послал его через руки епископов: митрополита мар Ишосабрана, упомянутого Абдишо и монахов раббан Давида-затворника и раббан Денху, настоятеля монастыря мар Михаила Тариэльского. Они отправились ночью воскресенья, [когда поется песнопение] «Если пожелаешь войти», а к закату они вошли в крепость. С ними беседовали жители крепости и согласились выйти [из нее]. Когда это услыхал Насир, он тотчас поднял сигнал, как это было установлено между ним и жителями города, что, когда он поднимет его на крыше башни, в которой они жили, они поднимутся к нему и установятся для битвы. И после того как эти несчастные, которых в церкви уговаривали спуститься, увидели, что мечи блестят и острые стрелы снижаются, они с трудом поспешили к воротам крепости и тоже вступили в бой с 4 часов дня и до вечера, в течение всей ночи. Были убиты из арабов 3 мужа, из христиан 12 мужей. Если бы они не метали огонь под башню всю ночь, они бы все были беспрепятственно убиты.

Когда услышали об этом эмир Сути и войско, бывшее с ним, они поспешили, пришли и окружили крепость и насильно увели с собой католикоса, который плакал. В тот же день они пришли под крепость, говоря ему: «Не допускай их становиться в бой». Спустились ночью этого понедельника люди из крепости, спас их Бог; католикос же с ними и с бывшими с ним епископами был взят под стражу. В понедельник с утра принуждал эмир Сути и бывшие с ним мар католикоса, чтобы он послал к ним, чтобы они предоставили возможность спуститься Насиру со всем, что у него было. Он послал епископа Ишосабрана и раббан Давида-затворника. Когда арабы увидели их, они без сожаления убили Давида-затворника, Ишосабрана избили мечами и палками. Но спас его Бог из их рук, он бежал и пришел обратно.

Усилились дурные обстоятельства, так как пришло наказание. Уже начали арабы и войска монголов приготовлять оплоты (qlqome) и разного рода машины (makhnas dznin znin) для ведения систематической войны. Христиан же, которые были в городе, с того времени, когда поднял Насир этот злой знак, убивали на улицах и площадях города. Многие бежали, входили в дома мусульман, но их выводили через глашатаев, и в понедельник без сожаления жестоко избитые они умерли. Некоторые, которые были в тюрьме, у судей (кади), были подвергнуты жестоким мучениям, пока не приняли смерти. Молодых девушек раздели и водили кругом по улицам города. У беременных исторгли и убили младенцев и бросили их трупы перед воротами крепости. А к эмиру Сути они пришли и сказали: «О эмир, пришли к нам, пусть увидят, как убивают мусульман и бросают у ворот крепости». И он по своей простоте поверил им и приказал разрушить 4 церкви, что были внизу, 2 из них наши: ту, что во имя Ишосабрана, славного мученика, и ту, что во имя Маниу построена, также церковь яковитов, построенную во имя госпожи Мариам, и церковь армян. Их сравняли с землей, как и все дома, дворы христиан и келию престола митрополита. Эмир послал по всей области собрать мужей, чтобы вести войну и свести с гор курдов. Христиане со всех селений, так как они не могли отправиться и спрятаться в городе, вместо этого дали немало денег на железо (оружие) и пищу для войск. Усилилась борьба против крепости, [осаждаемой] с четырех сторон днем и ночью. Многие были убиты из тех, что были под ней, и из тех, что были в ней, из курдов и из арабов, но не из монголов, так как они не приближались, но издали метали стрелы — и только.

Отрезаны были пути для христиан в той области и повсюду. Где бы ни увидали, их убивали безжалостно, говоря: «Вы из крепости» или «Это беглецы», и каждого охватил ужас смерти.

Что касается католикоса, то от захвативших его не осталось у него помощников на деле, даже на словах очень немного! Ночью они стерегли его вблизи, а днем издали. Он не знал, что с ним будет. Помыслы его были смущены от страха за себя и за крепость. С трудом явилась у него возможность написать письмо к митрополиту Арбелы, который бежал в селение Бет-Сайаде. Он разгневался, что жители крепости его не послушались, и он отправился в Бет-Сайаде сам, со всем, что у него было, и остался там. [Католикос] написал ему следующее: «Какая польза будет тебе от твоего бегства, если ты не отправишься в отставку?». А через 2 дня послал эмир Сути католикоса со стражей, и они привели его в Бет-Сайаде.

В ту же ночь, когда письмо [католикоса] дошло до митрополита, он выехал и через 4 дня достиг Багдада вместе с юношей, что был с ним. Он отправился в ставку и сообщил то, что случилось с католикосом и с христианами. Эмиры, бывшие в ставке, и до этого знали обо всем, что случилось, доподлинно, потому что эмир Сути посылал письма, чтобы сообщать туда то, что было им сделано. Католикос также написал письмо и [прислал] с посланцем к одному из служащих келий о том, что

случилось. Этот пошел сообщить эмирам и советникам, разъяснил и объяснил относительно совершаемых убийств. Те из эмиров, которым не было известно это дело, были очень поражены, те же, которые этому событию послужили, молчали. И вскоре после того прибыл митрополит, и он держал слово перед всеми эмирами. И был написан приказ царский к эмиру Сути и послан с посланным. [В нем говорилось]: «Ты разъясняешь дело так, а католикос иначе, которому из вас верить и что верно?». И зло несколько было сдержано.

Сути же, когда услыхал это слово, был очень раздражен и рассердился. Он послал за католикосом, его привели, [и он сказал ему]: «Ты написал так и так?». И весь народ арабов кричал на католикоса, и каждый из них выкрикивал то, что хотел. Католикос же: «Я ничего не написал, — говорит, — но некий митрополит этой области отправился и говорил относительно своего дома и своей паствы». Они сказали: «Теперь заставь сойти этих мятежников соответственно приказу царскому, если же нет, то напиши в письме, что они восставшие (iagie — враги)».

Католикос послал к ним митрополита Мосула и юношей, своих келейников, чтобы убедить их, но они боялись спуститься, так как среди них были действительно восставшие; эти боялись быть убитыми и других возбуждали, чтобы они не спускались. Таким образом, у бывших с эмиром Сути оказалась возможность притеснять католикоса: «Напиши нам, что они восставшие, и мы пошлем сообщить царю». Они схватили и отняли все, что было с ним, а из тех людей, что спустились с ним, они одних убили, а других продали. Насильно они взяли написанное им и епископов, бывших с ним, как хотели.

В этот же день эмир послал Хаджи Дальканди, который был придворным, к царю. С прибытием своим он разъяснил дело. Один из эмиров, называемый Асан Кутлук, очень осудил его и упрекал в дерзости, так как он знал правду и понимал, что силой была доставлена эта грамота. Он хотел ударить его, но тот ускользнул. Упомянутый эмир и все советники вошли, чтобы объяснить все, к царю, который приказал, чтоб примирились те, что в крепости, с арабами, чтобы никто не был наказан ни с той, ни с другой стороны и чтобы никто больше не воевал.

Этот приказ после многих трудов, утомлений и бедствий достиг митрополита и его товарищей и был передан неким царским людям, чтобы перевезти в Арбелу.

Хаджи Дальканди впал в немилость и был пристыжен.

С эдиктом отправились также 2 ученика из кельи, они достигли Арбелы в пятницу исповедников. Тотчас они перекинули[90] мост, который был сожжен, заключили мир, и многие спустились из крепости в область.

Как нами было сказано прежде, мусульмане давали Насиру и его брату золота, сколько они хотели, на подарки. Они насытили тех посланцев, которые привезли приказ, и научили их подняться в крепость. Но когда они поднялись, никто не бросил им ковра, чтобы сесть, не накормил их и коркой хлеба и не дал им ни одной шамоны. Эти же послы пожалели, что водворили мир, и вновь вернулись к злому горькому расположению. Они пожелали причинить зло юношам-келейникам, которые были с ними. Один из них бежал тайно от ворот крепости в селение Бет-Сайаде, они преследовали его, но не нашли и схватили его товарища под стражу. Посланцы продолжали преследовать другого и пришли в селение Бет-Сайаде, увели католикоса и сказали ему слово: «Эти [люди] спустятся только по твоему слову, иди, послушайся приказа».

Когда католикос достиг Арбелы, собрался весь народ арабов к Сути, и начали грубо говорить с католикосом. Он же, по большому доверию, которое у него было к государству, дал им резкий ответ. Католикос послал вместе с эмиром Сути приказ [жителям крепости] спуститься. Они должны поклясться на Евангелии, что не причинят вреда Насиру, а он поклянется им, и они примирятся.

Тогда многие спустились и поклялись не причинять ему вреда, но подчиниться ему, как он пожелает. Но убедившись, что он поднялся с 300 мужей, вновь закрыли ворота, потому что сердца их были полны обмана. Сути, увидав это, схватил тех, что спустились, и убил их. Товарища бежавшего, юношу-келейника, с тяжелыми ударами они допросили о его товарище. С трудом сам католикос спас его. Они захватили лошадей и мулов кельи, все, что было у юношей и епископов, пришедших с ним (католикосом), даже одежду. А затем они с лукавством сказали ему: «Мы приведем тебя на улицу под крепость, а захвативших город — наверх, чтобы никто больше не ссорился и не вызывал войны, пока это не будет сообщено победоносному царю». Он в простоте своей принял это и поднялся к крепости, не зная о западне, которую подстроили ему мусульмане, чтобы убить его.

В тот день пришел к эмиру Сути посланный из его дома [с известием]: «Войска палестинцев вторглись в область. Если ты

[90] Буквально: «связали».

пренебрежешь приходом, то имущество и дом твой они захватят в плен». Тотчас он взял все войска, которые были с ним, и отправился, хотя он был болен тяжелой болезнью. И остались под крепостью только курды и жители города.

А на следующий день вновь начались война и убийства с обеих сторон, дороги были перерезаны, никто не мог ни войти, ни выйти, принести вести или что-нибудь. В крепости усилился голод. Всякий, кто выходил, чтобы сбежать или принести в свой дом пищу, убивался без сожаления. Католикос же и 3 епископа, бывшие с ним, юноши, что оставались с ним, были в заключении в крепости без покрывала, без подстилки, без поддержки, без пищи. Умножилось волнение, усилился ужас; не осталось ни помощи, ни убежища, не было никого, кто бы даже словом одним мог помочь.

Те же посланные с Хаджи Дальканди вернулись в ставку и объяснили царю, что это восставшие (iagie — враги) и что католикос их возбуждает, что он дал взятку, поднялся в крепость, открыл им сокровищницы, роздал золото, предоставил амбары пшеницы, орудия и оружие войны, веревки, машины и побуждал их вести войну. Утвердилось зло в сердце царя и его знатных, повторно были изданы приказы, числом 13, всем эмирам курдов, каждому поименно, поименно 4 эмирам царя монголов и один во всей области Арбелы. В приказе говорилось, что если кто-нибудь поднимется в крепость или доставит туда пищу, то будет ограблено и перебито его селение, а если есть у него имущество в области, оно будет отобрано и станет царской собственностью. Требовалось, чтобы война велась сильным оружием с тем, чтобы победить ради религии измаильтян.

Отдельный приказ на имя католикоса гласил: «Мы и наши отцы почитали тебя, потому что ты молился за нас и благословлял нас; теперь же ты поступаешь иначе, и то, что случилось с тобой, знай, от тебя, а не от нас».

Приказы были отданы одному из тех, что при царском дворе, по имени Тоган, и Хаджи Дальканди, обоим действительно врагам всего христианства, чтобы они отправились в Арбелу и выполнили его (царя) волю.

Митрополит же Арбелы, после того как были отправлены посланные с двумя юношами-келейниками водворить мир, остался после них на 3 дня в ставке. Он думал, что «если примирятся жители крепости и арабы, нет пользы оставаться мне в ставке. А если будут продолжать враждовать, я не смогу ничего сказать без совета католикоса». Тотчас он встал и отправился в селение Бет-Сайаде поспешно. Но, когда он прибыл, оказалось, что католикос был в тот же день уведен вместе с

епископами, которые были с ним, как об этом было сообщено выше, и был заключен в этой крепости.

Все христиане находились в скорби, испытывая горесть и беспокойство, печаль от сердца, а не только бровями и веками, как некоторые люди, но так, что худела плоть и таяли кости, так как они не знали, что случится с ними в руках арабов и будут ли они спасены от этого наказания или нет. Подобно тем, которые в море испытывают крушение среди волн и бурь, и они боялись утонуть в гибельном наказании.

Упомянутый митрополит не мог ничего придумать, так как он полагал вернуться в ставку, но усомнился, во-первых, потому что дороги были перерезаны, у него совершенно не было товарищей и он не имел возможности посоветоваться с католикосом. Оставаясь же в келье, в то время как католикос и епископы притесняемы и измучены и христиане отягчены, он нарушит каноны правды и закона Христова, так как «пастырь и любящий должен себя положить, отдать смерти, пренебречь жизнью и претерпеть все мучения за любовь Христову». Он укрепился, взял с собой юношей-келейников, которые бежали и спрятались, и вышел из селения Бет-Сайаде вечером 6 ияра того же года (май 1310 г.). Они шли ночью и днем горами, долинами, высотами, низинами, содрогаясь и боясь предательства врагов, без палатки, без достаточной пищи. С помощью Божией они достигли через 10 дней города Хамадана, так как они слышали, что там находится царь. Когда они вошли в этот город, победоносный царь в этот самый день выехал и отправился в город столичный. Митрополит и юноши на следующий день вышли и отправились в Султание. Они услыхали там о приказах, которые приготовлялись, чтобы выступить и отправиться в Арбелу.

С этим слухом у них ослабели руки, задрожали их колени, глаза их пролили слезы об ударе, постигшем церковь, и обо всем, что случилось с ее чадами. Они посоветовались с друзьями католикоса и церковными людьми, что им делать. Они ответили им: «Если вы не побережете ваше собственное имущество и кельи, пропадет католикос, как и вы, церкви будут разграблены и вакф христиан пропадет из-за католикоса».

Митрополит же тотчас взял с собой некоторую сумму и отправился к одному из эмиров, который был весьма близок к царю. Тот принял его с честью и выслушал его слова относительно католикоса и также о христианах. Эмир взял собственноручную запись митрополита обо всем том, что он говорил, и показал ее эмирам и победоносному царю, как будет объяснено ниже. Он познакомил его с 3 известными мужами, ему

близкими, с тем, чтобы к каждому из эмиров и визирей, что [стоят] перед царем, они его привели для того, чтобы он устами сказал то, что написал. Эти люди привели его к эмиру, звавшемуся Асан Кутлук, также к Кодже Саид ад-Дину, главе писцов, и к Кодже Рашид ад-Дину, визирю. Митрополит доверчиво произнес следующую речь: «Мар католикос приветствует вас и говорит: „Вы знаете, о эмиры, что ныне исполняется 35 лет, как я пришел с Востока и на этот престол восточный волей Божией был водворен. 7 царям я служил и благословлял их во всяческом терпении и страхе Божием, особенно же отца этого победоносного царя покойного Аргуна и его верующую Урдо-хатун.[91] Я никого не обманывал, я ничего не желал из собственности государства, и если мне давалась какая-нибудь милостыня от них, опять на них же я ее выдавал. Тогда я был совсем молодым, а теперь старец. Нет у меня ни жены, ни детей, ни свойственников, ни родственников. Из любви к мирскому разве восстану я на царя? Или может казаться, что я захвачу что-нибудь ему принадлежащее? Почему же тогда верят сказанному моими врагами против меня? И зла от этого Богом победоносного царя я не видел, Боже упаси! И даже если бы случилось, что он причинил бы мне зло, Боже упаси! Добром воздать за зло приказано мне святым Евангелием, книгой, в которую я верую; оно гласит: «Молитесь за врагов ваших, благословляйте тех, что проклинают вас, благотворите тем, что ненавидят вас». Я не могу ни в чем отдалиться от Бога, которым я спасен через Христа; преступающий заповедь отдаляется от установившего заповедь. Прошу вас, если царь уверен в своем сердце, что я совершил зло, пусть приведут меня ко двору царскому и осведомят меня точно о том, что я сделал, что достоин смерти, и после этого он будет неповинен в моей крови. Не оставляйте меня в руках моих врагов“. Таково слово католикоса.

Христиане, которые в крепости, все говорят: „Мы не восставали против победоносного царя, но мы очень боимся наших врагов, курдов и арабов, они убивают нас без милосердия, и нет никого, кто бы пожалел нас, нет у нас того, кто бы сообщил царю о беде, в которой мы находимся. Мы его рабы и подданные, подать и налоги, что на нас лежат, мы постоянно отдаем. Если он прикажет, чтобы мы заставили спуститься этих каягийе (восставших), на которых разгневался царь, то это

[91] Урдо-хатун (Урук-хатун) — жена хана Аргуна, впоследствии жена Гейхату; происходила из племени кераитов и была дочерью Саручи, брата Докуз-хатун (*Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 112—113, 130).

не в наших силах. Если же он прикажет нам спуститься из крепости, пусть он пришлет нам кого-нибудь, кто бы спас нас из рук этих тиранов, и всюду, куда он пожелает, пусть прикажет нам отправиться. Не из-за приятности местности остаемся мы здесь, но из страха великого перед палестинцами и курдами. Вот захвачены в плен наши сыновья и дочери, а множество мужей убито“. Всем вам, эмиры, это известно, а я ваш раб (abda), митрополит, утверждаю то, что я сказал, как то, что я собственноручно написал и вам отдал».

Те эмиры приняли его слово и доложили победоносному и милостивому царю, который приказал, чтобы эмир эмиров Джопан ознакомился с этим делом и привели к нему митрополита, чтобы он переговорил с ним. Когда его привели, он сказал все то, что говорил, и прибавил: «Из-за тебя случилось все это с нами». Ибо была связь между ним и эмиром каягийе (восставших), называвшемся Балу. [Джопан] принял его речь спокойно, он отставил Хаджи Дальканди от поездки в Арбелу и обещал хорошее в будущем; он выбрал других посланных, чтобы они отправились вместо тех первых.

Между тем, чтобы не растягивать наше слово, скажем, что Хаджи Дальканди не дремал, не спал, не давал сна своим глазам, а с ним и весь народ арабов. Он роздал немалые подарки эмирам, знатным, малым и войскам. И исполнилась пословица: «Подарок ослепляет глаза мудрых в суждении»; они изменили то, что было установлено и условлено.

Тайно был схвачен митрополит и был предан Тогану с тем, чтобы он отправился вывести католикоса и христиан из крепости или был убит без жалости. Ночью они вывели его из города на близлежащую гору, тогда как никто ничего о нем не знал. Увеличилась скорбь христиан всяких исповеданий, собравшихся в городе. Все юноши-келейники бежали и рассеялись. И не осталось им ни помощи, ни поддержки, кроме почитаемого милосердия Божия, которое действует по благости его и располагает по его милости.

У митрополита был младший брат, который бежал и пришел к эмиру Джопану — да сохранится его жизнь! — и сообщил обо всем, что случилось, говоря: «Раб эмира эмиров, митрополит, который приходил к нему беседовать относительно крепости Арбелы, хитростью и силой уведен в Арбелу».

Эмир страшно рассердился, он направил посланного, вернул митрополита от этих проклятых и ввел его к победоносному царю. Он снова держал слово о католикосе и христианах. Царь приказал, чтобы привести католикоса в ставку, а христиане спустились из крепости, и им не причинят вреда. При-

звал царь Тогана, предупредил его об этом и приказал ехать в Арбелу. Великий эмир эмиров и глава дивана Джопан ввел митрополита в его дома. Он написал многочисленные [письма] ко всем эмирам монгольским, которые отправились полонить крепость, и эмиру Гайджаку, зятю покойного царя Хулагу, отца всех этих царей, чтобы с честью свели католикоса по приказу царя, чтобы также спустились христиане и им не причинили вреда.

Он указал посланному: «Если кто-нибудь поднимет свою руку на христиан, ты их не сведешь вниз из крепости».

Он с честью отпустил митрополита и указал царскому посланному: «Если не послушаются этого арабы и курды, останься с католикосом и христианами и сообщи мне».

Митрополит с посланными пошел сначала к эмиру Гайджаку и показал ему грамоту с печатью (sigila) эмира эмиров Джопана. Обрадовались Гайджак и его жена освобождению католикоса и христиан. Сам эмир Гайджак послал других своих 100 всадников монгольских, помимо тех, что были отправлены в крепость, чтобы помочь в этом деле. Он также написал к 800 курдам-пехотинцам, которые были под его началом, чтобы они свели вниз католикоса. Между тем за 3 дня до прибытия митрополита и посланного с ним прибыл Тоган и послал к католикосу, чтобы показать ему приказ спуститься [из крепости]. Он послушался приказа, спустился без тревоги, вместе с епископами и священниками, что были с ним в пятницу 26 хазирана (июнь 1310 г.). Тоган убедил католикоса вновь подняться в крепость и [уговорить] христиан спуститься. В простоте сердца он поднялся и приказал им спуститься.

Послушались эти несчастные, по невинности, приказа царского и отеческого и спустились в субботу утром со своими сыновьями, дочерьми и женами, около 150 мужей, не считая женщин и детей, без меча и ножа.

Когда злой народ арабов увидал, что они спускаются, они озлобились и разгневались, вытащили мечи и перебили их от мала до велика, без жалости и без страха, а жен и детей полонили. Они указали в качестве предлога: «На нас метали стрелы из крепости». И все это было лишь для того, чтобы испугать католикоса и чтобы он не спустился, тогда оправдается то, что возводили на него перед царем, который, наверное, рассердится и прикажет убить его и всех христиан.

Католикос же, в надежде на Христа, плача и воздыхая, огорченный душой, намеревался спуститься. Он презрел мечи, раздумывая: «Если останусь в крепости — умру с голода, и пойдет слух обо мне, что я мятежник, а это великое зло. Лучше

мне быть послушным даже до смерти, и я спущусь. Если спасет меня мой Господь, это будет мне победой, если нет, то я готов принять венец мученичества за имя Христово». Христиане же упали к ногам его, плача и говоря: «Мы не допустим тебя спуститься», так же [говорили] и епископы, бывшие с ним. Он же ответил: «Ничто не может воспрепятствовать мне спуститься, но я совершенно не принуждаю никого спуститься со мной. Желающему же быть соучастником моих горестей я не препятствую». Он отделился от них и вышел вместе с 3 епископами, келейниками, монахами и священниками. Они спустились вдоль стены, наступая на убитых и уничтоженных, невинно схваченных. Видел католикос детей своих с разверстыми утробами, с их внутренностями, рассеянными по земле, и не было никого, кто бы их похоронил и покрыл. Сам он полагался на слово Тогана, надеясь, что он является другом, тогда как на самом деле он был лживым другом.

Тогда вместе с пророком он говорит в сердце своем: «Я звал друзей моих, а они предали меня. Священники и старцы пришли к концу у меня, они нуждались в пище, чтобы спасти себя, и не находили. Воззри, Господи, что я весьма скорблю, отягчено нутро мое. Повернулось сердце мое во мне, так как я глубоко огорчен. Вне губил меч, в доме — смерть. Слышно, как я вздыхаю, и нет никого утешить меня. Все враги мои слышали о моем несчастии и радовались, что ты причинил это мне. Придет день, который ты назвал, и они будут подобно мне. Пусть будет пред тобой вся злоба агарян. Ударь их, как ты ударил меня за все мои грехи, как ты показал на мне в детях моих и дорогих мне, так как многочисленны мои воздыхания и сердце мое скорбно».

И что же? Тоган пошел ему навстречу смеясь, как будто ничего не сделал. Он ввел католикоса в шатер с честью и подал ему чашу, преклонив свои колени. Католикос же сказал ему: «Таковы твои обещания? Так выполняется относительно нас царский приказ, который ты читал, и то, что приказано тебе, чтобы каждому, кто спустится, не будет причинено зла, чтобы даже из носа не вытекла его кровь?».

Тот ответил: «Из крепости метали стрелы, сразили 2 людей, и они умерли».

Католикос же ответил: «Тех, что метали стрелы, возможно было убить, а не тех, что послушались царского приказа и спустились».

Тоган замолчал и не ответил ни слова.

Проклятые народы составили совет, как погубить католикоса. Тоган и Насир, брат Дальканди, делали вид, что им ни-

чего не известно, чтобы они могли иметь извинение. Но Господь благоволит к избранным своим и посылает им спасение, когда они этого не знают и не предполагают.

Митрополит поразмыслил и сказал эмиру Гайджаку: «Эмир, ты знаешь, что за человек Тоган, он пришел раньше нас в Арбелу, боюсь, как бы он не причинил зла до того, как мы приедем. Было бы хорошо, если бы эмир послал вперед одного своего мужа и одного из товарищей посланного, что со мной». Тот без промедления сделал это и послал одного человека вместе с одним из людей, бывших с посланным. Они пришли в упомянутую субботу к вечеру, после того, как были убиты эти несчастные. Они пришли и приветствовали католикоса и Тогана, последнему показали список приказа царя, написанного эмиром эмиров Джопаном по делу католикоса. Когда он услыхал его, изменилось выражение лица его и Насира, и он побледнел. Они начали шептаться друг с другом. Им не осталось уловки, так как пришедшие люди видели католикоса. Когда повечерело, Насир и Тоган проехали [верхом] с ним (посланным) милю. Он поехал в селение Амкабу.

Митрополит и посланный с ним прибыли в воскресенье утром, 27 хазирана, и увидели то, что случилось; им было больно, и их скорбь была велика. Они несколько утешились спасением католикоса и епископов, бывших с ним. Они тотчас отправились к католикосу и показали ему распоряжение великого эмира и характер царского приказа относительного него. Католикос обрадовался, благословил их и эмира.

Посланный на следующее же утро отправился к Тогану и просил позволения подняться в крепость. Но тот не позволил ему: «Они же убьют тебя, они ягийе (восставшие)». Но посланный сказал: «Убьют ли они меня или оставят [в живых], я поднимусь к ним». Когда он поднимался, не допустил Тоган отправить с ним никакой еды и никакого питья, [говоря]: «Ты пришел, чтобы спасти христиан, ненавидящих нашу веру и врагов нашего народа. А так как эти христиане не послушались царских приказов, так и мы не послушаемся приказа твоего эмира». Тот же не поддался их застращиваниям, отправился в крепость, показал им решение эмира и посоветовал спуститься, и все они послушались.

Посланный спустился к вечеру и с ним 3 человека. Одного из них схватили из его рук и убили; других взяли в плен. Он принес с собой ключи от крепости и отдал их Тогану. Огорченный, он направился к католикосу, чтобы посоветоваться с ним, что делать. Он сказал: «Те, что внизу, многочисленны и сильны, а в крепости нет пищи и на один день. Они запрещают

мне доставить что-нибудь, а тех, что я привел, они схватили и убили. Здесь у меня нет помощи. Я не знаю, что делать; разве только собрать мужей, что пришли со мной, и тех 100 всадников эмира Гайджака, сначала спустить вниз женщин и детей и свести их в деревни. Боеспособные мужи, я и мужи, что со мной, мы выйдем ночью и убежим. Если кто-нибудь поднимет на нас руку, поднимем и мы». Католикос сказал: «Ты знаешь, [что делать], поступай, как даст тебе Бог».

Во вторник к ним поднялся [посланный], он собрал их к себе, переговорил с ними, и большинство послушалось его совета. Однако, как говорит пословица: «Из бедра вышел червь». Некоторые из жителей крепости к тому времени стали предателями, они стали товарищами Насир ад-Дина и ежедневно посылали и осведомляли его обо всем, что случилось в крепости. Когда они увидели, что [большинство] решается спуститься, они дали ему знать. Насир тотчас написал: «Жители крепости, за исключением горцев, не должны никому ничего давать и не должны спускаться из крепости, но пусть они успокоят свое сердце. Горцы оплатят дорогу посланных и, если пожелают, могут спуститься». Эти слова привели к расколу между жителями крепости. Одни спустились к нему (Насиру) сами и их домашние, им не причинили вреда, их оставили, и они отправились в селение Амкабу. Но через день пришли, взяли их оттуда и убили их.

С того времени не осталось в крепости главы, ни правителя, ни советчика, ни осведомленного. Оставался только один посланный в келье католикоса. Потом и он ушел и оставил их без помощи, в горьких слезах, со стонами нестройными.

О час, полный лишений! О время, горестное и приносящее скорбь! Если они останутся, то нет ни у кого силы и воды почерпнуть! Кто упорядочит битву? Совершенно ими овладел голод! Пшеница пришла к концу и продавалась по 8 зузе за литру.[92] А где найти соль? Ослы, собаки и хорьки были уничтожены, не оставалось старых кож. Люди поглощали шелуху или семена хлопка. Вдовы протягивали свои руки и плакали, но никто не перевязывал их ран. Не было совершенно никого, чтобы хоронить умерших. У кого была сила, чтобы копать [могилу]? Кто пожалеет и кто помилосердствует? Кто подаст милостыню? Сироты умирали на нечистотах, другие падали в сво-

[92] Литра (греч. λίτρα, лат. libra) — мера веса, около 300 г. Литра содержит 120 зузе, 1 сирийская литра содержит 6 литр багдадских (см.: *Payne-Smith R.* Thesaurus syriacus. T. 2. Col. 1939).

их домах и высыхали. Иные бросались со стены, но те, кто были под ней, принимали их на мечи и разрубали их.

О почтенные, которыми пренебрег Господь! О возвеличенные, которых низвел Бог! О народ, у которого не осталось милосердствующего, у которого не сохранилось помощника! Воззрите, слушающие, как тяжко наказание нашего Господа тем, кто не кается! Как тяжел твой жезл, Бог наш! Как болезненны твои удары, наш хранитель! Как горько твое сечение, наш врач! Ты отвратил лицо твое, и упали венцы с их головы, обернулась радость их в горе! Они плакали днем и ночью, их слезы текли по их щекам, и из всех друзей их не было никого, кто бы утешил. Все они вздыхают и просят хлеба. От слез потемнились их глаза; их внутренности в смятении. Честь их повержена на землю из-за падения крепости. Дети и младенцы говорят своим матерям: «Где хлеб? Где масло?». Они сражены перед ними, как убитые, прося хлеба, и нет его, чтобы отломить и дать им. Те, что ели роскошно, валяются на улицах, те, что выросли в багрянице, почивают на нечистотах. Лица их чернее угля, они неузнаваемы. Их кожа пристала к членам их, высохла и стала, как дерево. Убитым мечом лучше, чем убитым голодом. Женщины ели свои плоды, милосердные руки варили своих детей, и это было им пищей. Легли на землю молодые и старые. Были опозорены девушки и юноши, были сражены мужи, и не пожалел их Господь. Стрелы пронзили их чресла. Они стали посмешищем для всех народов, так как Господь осуществил свой гнев и излил жар своего негодования, напрасно поэтому наблюдали их наблюдающие. С того времени они взывают, говоря с пророком: «Восстали на нас наши грехи, ослабела наша сила, отдал нас Господь в руку, против силы которой мы ничего не можем. Праведен Господь, против которого мы восстали. Слушайте все народы и зрите наше несчастье: наши девушки и юноши ушли в плен, молодые люди и мужи убиты. Что сказать? Что наши священники обманули нас и не открыли перед нами наших грехов? Боже упаси! Они наставляли нас, а мы не слушали. Они упрекали нас, а мы не послушались. Мы пренебрегли ими и не уважали. Мы не жалели своих старцев, притесняли вдов, преследовали своих бедных. Многочисленнее наши беззакония тех, что были в Иерусалиме. Превзошла наша злоба ту, что была в дни Ноя. Поэтому совершил Господь то, что задумал, исполнилось его слово, как было приказано в давние времена. Он сбросил нас и не пожалел, окружил нас врагами, восстановил род наших притеснителей. Открыли рты свои на нас наши враги, они свистели и скрежетали своими зубами. Они продали детей наших в далекие места, они бесчестили наших девушек перед нами, они оскорбляли наших жен перед нашими глазами, говоря: „Мы пожираем вас!". Вот день, который мы ждали; мы искали и увидели его!».

Поднялся народ арабов с Тоганом и Насиром в крепость, в среду первого таммуза того же года, который есть 1621 год греков (июль 1310 г.), и захватили ее.

Они убивали всех, кого находили, без пощады, полонили всех, кого видели; они грабили казну и захватили положенное там. Тех, что оставались из числа горцев каягийе, они бросали с высоты стены, а те, что были внизу, принимали их на мечи и приканчивали их. Они продали большинство женщин и девушек, раздавали их каждому, кто приходил к ним, и дарили в качестве подарка. Одним словом, стала ясна вся злоба, которая таилась в их сердцах.

И мы с тем же самым пророком скажем: «Дрожите, жители Арбелы, и до вас дошла чаша, вы будете огорчены и сражены, и нет никого, кто бы спас вас».

Но вспомнит Господь, что было причинено его народу, как было разграблено его наследство. Благ Господь для того, кто ожидает его, и душе, которая ищет его. Он вернет вам вашу месть, как дело ваших рук. Он даст вам тревогу сердечную, и вас будут преследовать его удары. В своем гневе он погубит вас, он сотрет вас из-под небес за то, что вы разрушили его церкви, разорвали на клочки овец его стада. Все проходящие по дороге будут махать на вас своими руками, свистать, отворачивать свои головы и говорить: «Вот она, Арбела, которая проклята Господом!».

ГЛАВА 19

СМЕРТЬ МАР ЯБАЛАХИ

Католикос вместе с монголами и епископами, которые были с ним и пришли от эмира Гайджака, чтобы привести его, отправились в селение Бет-Сайаде в очень большом страхе и трепете, сильно страдая и ужасаясь. Они остались там на несколько дней, пока не собрали золота и отдали его посланному эмира Джопана и тем 100 мужам, которые пришли от эмира Гайджака, и курдам, которые были с ними. После этого они вышли 8 таммуза того же года и отправились в ставку (июль 1310 г.).

Католикос посетил царицу, жену эмира Гайджака, она приняла его с честью и послала мужей с ним в ставку. Когда он прибыл, он тотчас отправился к великому эмиру Джопану, ко-

торый принял его с подобающей честью. Оттуда он прибыл в город, и всем эмирам было известно относительно него. Он был у победоносного царя и по обыкновению благословил его и дал ему в руки чашу, но не сказал ни один из них слова другому. Он вышел оттуда опечаленным. Он предполагал, если царь спросит его, сообщить ему все, что случилось с ним и с его паствой. Сердце его было разбито этим. Он оставался там целый месяц, надеясь, что, может быть, что-нибудь изменится или кто-либо спросит его о том, что случилось.

Когда были закончены некоторые необходимые дела его кельи и христиан, он вернулся в монастырь, который он построил около Мараги. Он решил про себя никогда более не возвращаться в ставку: «Опротивела мне служба у монголов».

Зиму 1622 года греков (1310/11 г.) он провел в этом монастыре, а летом отправился в город Тебриз, так как он слышал, что эмир Ирнаджин — да сохранит наш Господь его жизнь! — находится в Тебризе. Когда он (Ябалаха) прибыл, он тотчас встретился с ним. Ирнаджин принял католикоса с большой честью, поднес ему дары и подарки, он сам и его жена,[93] дочь царя Ахмеда, сына покойного царя Хулагу. Ее очень почитали в государстве, так как ее дочь взял в жены сам победоносный царь [Улгаиту], и она была тогда главной среди его жен. Эмир Ирнаджин и его жена дали католикосу сумму в 10 тысяч [динаров], что составляет 60 тысяч зузе, и верховых лошадей. Также большое селение дал эмир церкви святого мученика мар Шалитты, так как в ней был положен его покойный отец и там были также похоронены его мать и его жены.

Зиму 1623 года греков (1311/12 г.) католикос провел в монастыре, также и лето. Когда через советников сообщили о его положении царю, он установил ему [пенсию в] 5 тысяч динаров, которые доставлялись ему ежегодно на пропитание, и дал ему селение вблизи города Багдада.

Число отцов митрополитов и епископов, которых он поставил рукоположением для своей паствы, составляет до этого года 75.

Он прожил в монастыре, который он построил, до 1629 года греков. Он скончался в ночь воскресенья, когда поется песнопение «Как славно твое обиталище», 15-го числа месяца тешри второго (ноябрь 1317 г.) и положен в монастыре, который он построил. Да будет благословенна его память! Молитвы их — мар Ябалахи католикоса и раббан Саумы — да будут с

[93] Другие источники называют ее имя — Кекшек.

нами, со всей вселенной до ее предела со святой церковью и ее детьми!

Богу слава, честь, хвала и поклонение во веки веков, аминь и аминь.

Окончена эта история мар Ябалахи — кафолического патриарха Востока и раббан Саумы — всеобщего периодевта.

Богу слава, честь, хвала и поклонение во веки веков, да будут отпущены грехи и прощены прегрешения на Страшном суде. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ РАБОТ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в Российской Публичной библиотеке // ВсбГПБ. 1926. № 1. С. 115—122.

Эдесская хроника // ПС. 1959. Вып. 4 (67). С. 79—96.

Месопотамия на рубеже V—VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.; Л., 1940. С. 1—176 (ТИВАН СССР. Т. 31).

Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 1—172 (ТИВАН СССР. Т. 41).

Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946 (ТИВАН СССР. Т. 46).

Первоисточники истории кушито-химьяритских войн. К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке // ВВ. 1949. Т. 2 (27). С. 74—93.

Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э. // Акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1958. С. 42—48.

История мар Ябалахи III и раббан Саумы. М., 1958. С. 1—162.

Сирийская легенда об Александре Македонском // ПС. 1958. Вып. 3 (66). С. 75—97.

К вопросу о «письменных» народах древности // Древний мир: Сб. статей акад. В. В. Струве. М.; Л., 1962. С. 336—339.

Законы химьяритов // ВВ. 1950. Т. 3. С. 51—61.

Живая речь в сирийских средневековых хрониках // Сб. в честь акад. Н. И. Конрада. М., 1967. С. 321—324.

Сирийская хроника пс. Дионисия Телльмахрского и византийская историография // ПС. 1969. Вып. 19 (82). С. 118—126.

Из хроники Дионисия Телльмахрского // Ближний Восток. Византия. Славяне: Сб. Л., 1976. С. 117—130.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ	— Византийский временник. СПб.; М.
ВсбГПБ	— Восточный сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗКВ	— Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Л.
ПС	— Палестинский сборник. М.; Л.
СВ	— Советское востоковедение. М.; Л.
ТИВАН СССР	— Труды Института востоковедения АН СССР. М.; Л.
AAWB	— Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin.
AbhKM	— Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Leipzig.
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
BZ	— Byzantinische Zeitschrift. Wien.
CSCO	— Corpus scriptorum christianorum orientalium. Paris; Louvain.
FHG	— Fragmenta Historicum Graecorum / Ed. C. G. Muellerus. Parisiis, 1874—1884. Vol. 1—5.
GSAI	— Giornal della Societa Asiatica Italiana. Roma.
JA	— Journal asiatique. Paris.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society. London.
MVAG	— Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft. Leipzig.
OCh	— Oriens Christianus. Roma; Leipzig.
PE	— Pauly's Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus; Hrsg. von V. K. Ziegler. Stuttgart.
PG	— *Migne J.* Patrologiae cursus completus. Series graeca.
PO	— Patrologia orientalis. Paris.
REJ	— Revue des études juives. Paris.
ROCh	— Revue d'Orient chrétien. Paris.
SbPAW	— Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschafter. Berlin.
SS	— Scriptores syri.
TU	— Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Leipzig.
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Geselschaft. Leipzig; Wiesbaden.
ZfK	— Zeitschrift für Kirchengeschichte. Gotha.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*Е. Н. Мещерская*) 3

ИССЛЕДОВАНИЯ

О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в Российской Публичной библиотеке 15

Эдесская хроника 21

Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.
Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник 32

Часть I. Введение 33
Хроника Иешу Стилита и ее автор 36
Источники хроники 43
Часть II. Исторический очерк Месопотамии V—VI вв.
Общественно-экономические отношения 63
Город Эдесса и провинция Осроэна 63
Социальное расслоение деревни и города 68
Подати и повинности 83
Подати и повинности деревенского населения . 83
Подати и повинности городского населения . . 91
Управление города и области 99
Местная торговля хлебом и цены 103
Часть III. Борьба между Ираном и Византией на рубеже V и VI вв. 121
Поход Кавада 136
Взятие Амида персами 142
Продвижение и походы Келера 163
Амид 170
Заключение мира 172

Сирийские источники по истории народов СССР 180
Введение 180
Историко-литературная характеристика сирийских источников 185
Захария Ритор 185
Иоанн Эфесский 192
Среднеазиатские и прикаспийские области в V—VI вв. . . . 212
Эфталиты 237
Борьба Ирана с эфталитами во второй половине V в. 243
Иран и эфталиты в VI в. 256

Завоевания тюрок 269
Кавказ между Ираном и Византией 282
Гунны на северном Кавказе 282
Армения в восстании 570-х годов 293
Авары и склавены 296
Свидетельства позднейших сирийских историков о славянах 310

Сирийские источники. Глава из книги «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков» 322
Анонимная сирийская хроника времени Сасанидов 322
Михаил Сириец и его хроника 324
Фома Маргский 333
Хроника псевдо-Дионисия 334
Анонимная хроника 1234 г. 338

Первоисточники истории кушито-химьяритских войн (К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке) 340
Послание Симеона Бетаршамского 349
Книга химьяритов 353
Жизнеописание Арефы 357
Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э. 361

История мар Ябалахи III и раббан Саумы 370
Введение в изучение памятника 370
Краткое содержание «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» 371
Рукописная традиция, издания, переводы 377
Язык памятника 380
«История мар Ябалахи III и раббан Саумы» как литературный памятник 381
Автор «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» и ее источники 383
«История мар Ябалахи III и раббан Саумы» как исторический источник 387
Сношения монгольских ханов с западноевропейскими государствами и роль сирийцев 397

Сирийская легенда об Александре Македонском 416

К вопросу о «письменных» народах древности 431

Законы химьяритов 436

Живая речь в сирийских средневековых хрониках. Историко-филологические исследования 451

Сирийская хроника псевдо-Дионисия Телльмахрского и византийская историография 456

ПЕРЕВОДЫ

Эдесская хроника 468
Главы из «Церковной истории» Иоанна Эфесского 477
Хроника Захарии Ритора 544
Хроника Иешу Стилита 571
Из Хроники Михаила Сирийца 620
Из Хроники Дионисия Телльмахрского 621
Сказание об Александре Македонском 631
Из анонимной сирийской хроники 1234 г. 642
История мар Ябалахи III и раббан Саумы 677
Приложение. Список первоначальных публикаций работ Н. В. Пигулевской 756
Список сокращений 757

НИНА ВИКТОРОВНА ПИГУЛЕВСКАЯ

СИРИЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Исследования и переводы

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской Академии наук

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *К. Д. Буланина*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано в печать 22.03.2000. Формат 60 × 84 1/16.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 47,5. Уч.-изд. л. 42.
Тираж 400. Заказ № 3714

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, д. 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net